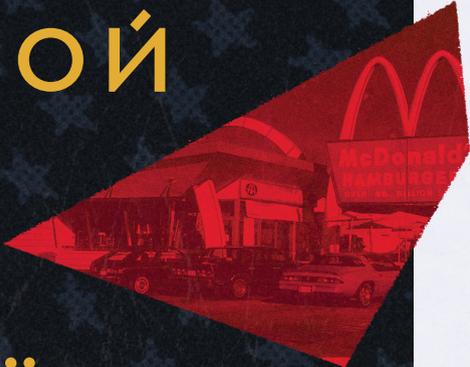

We the People

I

ОТКРОЙ

СОЕДИНЁННЫЕ

STORMS EXPOSING
A NATION PRIMED
FOR CATASTROPHE

CLIMATE CHANGE WRATH

Unprepared for Threats
Facing Power Grids,
Water and Roads

ШТАТЫ

The New York Times

АМЕРИКИ

NEW YORK CITY

SHOWING HOW EASILY THE WEARY TRAVELER
REACH THE HERALD SQUARE HOTEL, HE
WILL FIND THE BEST-COMFORT & HOSPITALITY IN
HE IS ENTITLED, EVEN IN THIS DAY
AND AGE

Эта книга представляет собой глубокое и увлекательное повествование об американском феномене: о рождении и эволюции американской «нации наций», о том, как 13 североамериканских колоний Великобритании, добившись своей независимости, создали принципиально новое государство – Соединенные Штаты Америки, превратившиеся за короткий исторический период из провинциальной страны в доминирующую глобальную супердержаву. Авторы показали причины стремительного возвышения США, исключительность их исторического пути, раскрыв при этом универсализм тех ценностей, которые стали актуальными для многих стран и народов. В основе исследования лежит объективный научный анализ этой неформальной империи современного мира, этого супергосударства, анализ, проведенный в лучших традициях отечественной школы исторической американистики, достойными продолжателями которой являются его научный редактор и авторы.

Валерий Николаевич Гарбузов,
д-р ист. наук, член-корреспондент РАН,
директор Института Соединенных Штатов Америки и Канады
им. академика Г.А. Арбатова Российской академии наук

Будучи автором университетских учебников по истории США я прекрасно знаю о том, как сложно обобщить огромное количество материала и новейшие исследования в единый текст, сделав его одновременно понятным широкой аудитории и привлекательным для нее. Лучшими из созданных учебных пособий стали те, которые позволяют читателю составить собственное представление о различных аспектах прошлого Америки, не навязывая авторского политического видения. В то же время нарративы американской истории и культуры необходимо вписать в некий объяснительный каркас при соблюдении баланса между обобщающими сюжетами и фактологией. Книга «Открой Соединенные Штаты Америки» под редакцией признанного российского американиста, профессора Виктории Журавлевой отвечает всем перечисленным мной требованиям, будучи всеобъемлющим и притягательным текстом.

Дэвид Голдфилд,
профессор американской истории
Университета Северной Каролины в Шарлотте, США

Новаторством и преимуществом предложенных курсов лекций на русском и английском языках является то, что в них уделено внимание не только традиционно освещаемым в разного рода учебниках по истории США сюжетам, но и тому, что составляет суть стили жизни американцев, их пониманию прошлого и настоящего, их видению себя и своего места в мире. Авторы сознательно отказываются от систематического изложения исторических событий (они уже много раз изложены в других учебных пособиях). Авторский коллектив выбирает проблемный подход, стремясь показать историю США в ее различных позитивных и негативных преломлениях. Это не дихотомическая картина, а стереоскопическая, это честный профессиональный разговор о том, как американское общество, преодолевая кризисы, двигалось по пути самосовершенствования, который далек от своего завершения.

Александр Иванович Кубышкин,
д-р ист. наук, профессор факультета свободных искусств
Санкт-Петербургского государственного университета

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования

«Российский государственный
гуманитарный университет»

Discover
the United States of America

Lecture Courses

In two books

Book 1

Moscow
2023

Открой
Соединенные Штаты Америки

Курсы лекций

В двух книгах

Книга 1

Москва
2023

УДК 94(73)(075)
ББК 63.3(7Сое)я73
О-83

Под редакцией *В.И. Журавлевой*

Рецензенты

А.И. Кубышкин, доктор исторических наук,
профессор факультета свободных искусств СПбГУ (Россия)

Д. Голдфилд, Ph.D., профессор истории Университета
Северной Каролины в Шарлотте (США)

Рекомендовано к публикации
Редакционно-издательским советом РГГУ

ISBN 978-5-7281-3096-3
ISBN 978-5-7281-3097-0 (Кн. 1)

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2023

Содержание

В.И. Журавлева

Многоликая страна: путеводитель по курсам лекций «Открой Соединенные Штаты Америки» <i>Вместо введения</i>	7
--	---

Курс 1

США как нация наций, этническая и культурная мозаика <i>В.И. Журавлева, А.Б. Окунь</i>	11
--	----

Курс 2

Человек – общество – власть в США <i>И.А. Цветков, Н.А. Цветкова</i>	223
---	-----

Курс 3

Бизнес и технологии в США <i>А.С. Панов, И.А. Цветков</i>	385
--	-----

Об авторах	1006
------------------	------

Contents

<i>V.I. Zhuravleva</i>	
A Country with Many Faces: A Guide to <i>Discover the United States of America</i> (<i>In Lieu of an Introduction</i>)	535
<i>Course 1</i>	
The U.S. as a Nation of Nations and Mosaic of Cultures <i>V.I. Zhuravleva, A.B. Okun</i>	539
<i>Course 2</i>	
Man – Society – Power in the U.S. <i>I.A. Tsvetkov, N.A. Tsvetkova</i>	733
<i>Course 3</i>	
Business and Technology in the U.S. <i>A.S. Panov, I.A. Tsvetkov</i>	873
About the authors	1007

Многоликая страна:
путеводитель по курсам лекций
«Открой Соединенные Штаты Америки»

Вместо введения

Учебный текст, посвященный историческому развитию другой страны, не должен быть сухим и дидактичным. Его задача – возбудить интерес читателя, предложив ему путеводную аналитическую схему и стимулируя стремление к получению нового знания и формированию собственного мнения об инациональном опыте во всем его многообразии. При этом, однако, неизбежно возникает вопрос: как вписать нарративы прошлого и настоящего в объяснительный каркас при соблюдении баланса между обобщающими сюжетами и фактами, как «упаковать» сложные проблемы в привлекательную форму?

Американисты из РГГУ, СПбГУ, Самарского университета, ставшие авторами семи курсов, входящих в книгу «Открой Соединенные Штаты Америки», решали эти непростые задачи по-своему, подготовив тексты лекций, написанные в популярной форме и сопровождающиеся списком литературы для дальнейшего изучения, видеороликами и подкастами. Вниманию читателя предлагаются профессиональные рассуждения о «светлых» и «темных» страницах развития США с позиций историзма, а не дихотомическое видение страны, которая на протяжении всей своей истории привлекала неизменный интерес жителей России (будь то Российская империя, СССР или постсоветская Россия), была удобным объектом для сравнения, вызывала сильные эмоции и чувства, желание догнать и перегнать ее, быть не хуже, а в чем-то и лучше, чем она.

Эта притягательность американского «Другого» соседствовала с отсутствием систематического знания о нем на бытовом

уровне, в среде политиков и общественных деятелей, журналистов и публицистов. И в итоге становилась основой для упрощенных объяснительных схем, возникновения долгосрочных мифов и стереотипов. И пусть русские всегда знали Америку лучше, чем американцы Россию, с течением времени данная тенденция не исчезала.

Авторы сознательно отказываются от систематического изложения событий (так уже не раз делали до них другие в учебных текстах и «кратких историях США») и выстраивают свои курсы на основе сквозного темпорального принципа и междисциплинарного подхода, нацеливая читателя на понимание основных трендов политического, социально-экономического, культурного развития США в их логике и динамике. Они наполняют тексты идеями и объяснительными схемами, портретами индивидуальными и коллективными, сюжетами известными и не очень, фактами центральными и периферийными, предлагают взглянуть на современные тенденции в исторической ретроспективе, что делает их более понятными для сегодняшнего восприятия и формирует стереоскопическую картину прошлого и настоящего другой страны и другого народа.

Красной нитью через все курсы проходит мысль о многообразии Соединенных Штатов Америки, о том, что они находятся в процессе постоянного изменения, были и остаются нацией за работой. И, переживая кризисы идентичности, американцы ищут пути их преодоления, возвращения своего общества к состоянию баланса, на время им утерянному.

В этом смысле *первый курс* о США как нации наций задает тон всей книге. Он нацелен на формирование представлений о расовом, этническом и культурном многообразии американского общества, приравнявшего трудом иммигрантов со всего мира и решавшего, порой, в трагической форме проблему взаимоотношений «белых» и «цветных» американцев, рожденных в стране и натурализованных граждан. В итоге все они принимали участие в создании мозаики культур и делали страну многоликой, преуспевающей, привлекательной для многих за ее пределами. В первом курсе много тех самых «темных» страниц, которые самим американцам хотелось бы удалить из своей «книги прошлого». Однако их движение по пути достижения гражданского равенства вне зависимости от цвета кожи и происхождения свидетельствует об осознании того, как легко старые разграничительные линии могут восстанавливаться в новых условиях, о стремлении к реформаторству и продолжению работы по самосовершенствованию.

Второй курс посвящен описанию достоинств и несовершенств американской демократии как механизма реализации власти. Внимание авторов сфокусировано на различных аспектах политической системы США, формах взаимодействия граждан и правительства, позволяющих им верить в то, что это власть зависит от них, а не они от нее. Особое место в лекциях занимает обсуждение роли религии и СМИ в социокультурной и политической жизни Америки в условиях свободы совести и слова.

Третий курс предлагает читателям совершить увлекательное путешествие сквозь века вместе с американцами как нацией экспериментаторов, создававшей мир, где вещи были поставлены на службу человеку, меняя его жизнь к лучшему, но в то же время бросая ему новые вызовы и создавая для него новые угрозы. Через историю коммерческого успеха страны, сотканную из судеб одиночек-изобретателей и создателей промышленных империй, ученых и простых энтузиастов, дается ответ на вопрос, почему США превратились в лидера мирового технологического прогресса, были и остаются страной инноваций.

Третий курс пересекается с первыми двумя через рассуждение о том, что американское технологическое превосходство, со всей очевидностью проявившееся после Второй мировой войны, создавалось трудом иммигрантов.

В свою очередь, процветание, ставшее результатом этого технологического успеха, способствовало созданию и распространению массовой потребительской культуры, о чем идет речь в *четвертом курсе*.

Он о том, как общество потребления в США сформировало повседневную культуру американцев, по сей день определяющую их образ жизни и стиль мышления. Автор курса нашел свой особенный стиль изложения материала, лаконичный и метафористичный, позволяющий ему высказывать ценные замечания и проводить интересные параллели. Он сознательно избегает всякой дидактики, со вкусом и знанием дела рассказывая об американской массовой потребительской культуре со всеми ее достоинствами и недостатками.

Внимание читателя непременно привлекут и два последующих курса, посвященные массовой культуре (пятый курс) и литературе США (шестой курс). В то время как политика и экономика, технологии и бизнес, иммиграция и межрасовые отношения, массовый рынок и массовое потребление остаются принципиально значимыми сюжетами данной книги, культурные аспекты развития США и их разнообразного населения в интерпретации авторов не менее важны для понимания того, кто такие американцы и что такое Америка.

Так, *пятый курс* позволит читателю познакомиться с основными жанрами американского кино, побывать на телевидении и в социальных сетях, погрузиться в мир комиксов и музыкальной культуры, двигаясь вместе с авторами от ее этнических корней до современного смешения жанров и стилей, понять, как спорт стал национальной идеей и почему столь широкое распространение в американском обществе получили молодежные субкультуры с их способами самовыражения.

В свою очередь, *шестой курс* смещает фокус в сторону понятия «американская мечта», помещенного в литературный контекст. Автор рассказывает о произведениях литературы США, в которых тема американской мечты проступает наиболее рельефно и проявляется ее расовая и этническая, гендерная и региональная многоликость.

Заключительный, *седьмой, курс* наглядно демонстрирует, что культурные тренды имеют свое социальное, экономическое и политическое измерения. В нем на основе характеристики различных проектов говорится о том пути, который прошла американская культурная дипломатия от обмена книгами в XIX в. до использования социальных сетей в целях установления прямого диалога между народами и странами, как она превратилась в публичную, а затем в цифровую и дипломатию данных, став одной из ключевых составляющих внешней политики США.

Курсы лекций издаются в двух книгах параллельно на русском и английском языках. Сопровождающие их видеоролики и подкасты будут размещены на сайте Американского культурного центра в Москве.

Книга написана в жанре «педагогика для всех» и адресована преподавателям университетов, бакалаврам, обучающимся по направлениям подготовки «Зарубежное регионоведение», «История», «Международные отношения», иностранным студентам, приезжающим по межуниверситетским обменов, а также всем тем, кто хотел бы составить объективное представление об американцах, столь же многоликих, как и их страна под названием Соединенные Штаты Америки.

Авторы надеются, что публикация курсов лекций в условиях, когда Россия и США переживают глубочайший с момента окончания холодной войны кризис в своих взаимоотношениях, что профессиональный, а не дилетантский и пропагандистский разговор об инациональном опыте развития будет одинаково полезен как русским, так и американцам, способствуя их лучшему взаимному познанию и взаимопониманию.

Курс 1

США как нация наций,
этническая и культурная мозаика

В.И. Журавлева

А.Б. Окунь

США – это нация наций. Но что стоит за этой фразой? Почему вот уже более четырехсот лет иммигранты из разных стран и с разных континентов устремляются в Америку? Насколько их американская мечта оказывается реалистичной? Как темнокожие американцы и коренные американцы боролись за свои гражданские права и обретали собственную идентичность? Каким образом происходил социокультурный синтез? Ответ на эти и многие другие вопросы представлен в данном курсе лекций.

В нем пойдет речь о том, как развивалось американское общество под воздействием различных волн иммиграции, как формировалось его представление о том, что значит быть и становиться американцем, и как происходила эволюция иммиграционной политики США.

Этот курс позволит понять эволюцию отношений между представителями различных рас и народов, которые встретились на территории США и вступили в непростое и зачастую трагическое взаимодействие, оказывая друг на друга влияние и формируя мозаику культур.

Тематический план курса

1. «Из многих единое»: почему иммигранты поехали в Америку	13
2. Иммиграция в США в эпоху глобальных перемен	31
3. Что значит быть и становиться американцем	49
4. Американская мечта и действительность: иммигранты в «стране грез»	70
5. Вклад иммигрантов в развитие США: история в лицах	93
6. Коренные американцы в условиях колонизации и континентальной экспансии: столкновение культур	114
7. Индейцы в поисках идентичности и гражданского равноправия	138
8. «Разделенный дом»: рабство и проблема национального единства в США	155
9. Афроамериканцы в поисках идентичности и гражданского равноправия	177
10. США как нация наций и мозаика культур от века XX к веку XXI	200

Тема 1. «Из многих единое»: почему иммигранты поехали в Америку

Взгляните на герб США. На нем изображен раскинувший крылья белоголовый орлан, который держит в клюве развевающуюся ленту с латинским девизом «Из многих единое» (“E pluribus unum”). С одной стороны, это означает из многих штатов единое государство. Вот почему на гербе все время повторяется число 13. Ведь столько колоний вступило в Войну за независимость (1775–1783) и превратилось в независимые штаты. Герб символизирует создание нового государства, граждане которого стремятся жить со всеми в мире (поэтому голова орла повернута в сторону оливковой ветви), но, если придется, готовы защищать себя и свои ценности с оружием в руках. С другой стороны, девиз «Из многих единое» выражает идею об американцах как о нации наций, возникшей вследствие иммиграции, взаимодействия и смешения представителей различных национальных сообществ, этнических групп, рас и культур.

Будете в Нью-Йорке, зайдите в Музей иммиграции на острове Эллис в устье реки Гудзон. С 1892 по 1954 г. он был основным центром по приему иммигрантов, которые приплывали со всего мира в Соединенные Штаты в поисках лучшей доли, социальных и экономических возможностей, религиозной и политической свободы, в конце концов, ради будущего своих детей. Вы услышите голоса людей, говорящих на разных языках, столь непохожих друг на друга, но объединенных одной американской мечтой. Не случайно станцию открыли рядом с островом Свободы, на котором с 1886 г. возвышалась Статуя Свободы французского скульптора Фредерика Огюста Бартольди. Она стала символом Соединенных Штатов и именно ее первой увидели иммигранты с борта своего корабля. То была «Свобода, озаряющая мир».

Мечта иммигрантов зачастую разбивалась вдребезги об американскую реальность, кто-то уезжал обратно, а кто-то прозябал в нищете. Однако большинство обустроивалось на новом

месте и находило здесь то, что полностью отсутствовало на старой Родине. Новые группы иммигрантов продолжали устремляться к берегам американской «земли обетованной» в поисках счастья. И неиссякаемый поток страждущих лишь укреплял уверенность американцев в их исключительности.

История эта началась задолго до открытия иммиграционной станции на острове Эллис.

Еще в то время, когда на месте Соединенных Штатов Америки существовали колонии английской короны, протянувшиеся вдоль Атлантического побережья Северной Америки. Виргиния, первая из них, возникла в 1607 г., а Джорджия, последняя из 13 колоний, вступивших в Войну за независимость, – в 1732 г.

Колонизационный проект Англии изначально осуществлялся как переселенческий по своему характеру. Он был ориентирован на заселение территорий в Новом Свете выходцами с Британских островов и из европейских стран.

На колониальный период истории США приходится и *первый этап иммиграции (начало XVII в. – конец XVIII в.)*.

Статистика иммиграции этого времени достаточно условна. Но, тем не менее, можно с уверенностью сказать, что выходцы с британских островов (англичане, ирландцы, валлийцы, шотландцы) составляли больше половины переселявшихся европейцев. И это не удивительно. Ведь земли принадлежали английской короне. Например, в XVIII в. из 800 тыс. европейских эмигрантов 432 тыс. были британцами.

Их иммиграция приняла устойчивый характер в первые десятилетия XVII в. В 1607 г. началось заселение колонии Виргиния на Юге, а в 1620 г. англичане основали колонию Новый Плимут, ставшую первой в регионе Новая Англия (в 1691 г. она войдет в состав колонии Массачусетс), который возник в результате религиозной иммиграции.

Английские купеческие компании (Лондонская, Плимутская, Массачусетского залива, Новоанглийская) получали специальные хартии от короля и занимались переселением за океан. В Англии в это время в результате «огораживаний» земель для развития животноводства разорялись фермеры и арендаторы, масса городской бедноты создавала напряженность в обществе, работы и пропитания не хватало для всех. Почему бы не попытать свое счастье за океаном? Тем более что агенты компаний направо и налево расхваливают жизнь в Америке, где много свободной земли. Так будут заселяться территории южнее Новой Англии. В 1625–1626 гг. благодаря усилиям голландской «Вест-Индской компании» была основана колония Новые Нидерланды в устье

реки Гудзон, названной в честь открывшего ее голландского мореплавателя (в настоящее время это штат Нью-Йорк и восточная часть штата Нью-Джерси). С 1638 г. «Компания Новая Швеция» начала заселять шведами и финнами колонию Новая Швеция на территории нынешних штатов Делавэр и Нью-Джерси. Голландцы в 1655 г. завоевали Новую Швецию и включили ее в состав Новых Нидерландов, а в 1664 г., были завоеваны англичанами. Английский король Карл II подарил эту землю своему брату, герцогу Йоркскому, командовавшему британским флотом. Так возникла колония Нью-Йорк. В свою очередь, герцог Йоркский, став королем Яковом II, отдал часть земли английскому квакеру Уильяму Пенну в счет покрытия королевского долга его отцу. В итоге в 1682 г. началась история колонии Пенсильвания, куда вскоре устремились немцы, шотландцы и ирландцы. В юго-западных районах Северной Америки обосновались испанцы. Можно сказать, что 13 колоний, вступивших в Войну за независимость в 1775 г., заселялись выходцами из Западной Европы.

подавляющее большинство европейских иммигрантов составляли арендаторы и фермеры, отправлявшиеся в Новый Свет в поисках земли, городские ремесленники и работники, мечтавшие найти заработок за океаном, или городская беднота. В XVII–XVIII вв. парусные суда тратили от 30 до 60 дней на плавание от Ливерпуля до Бостона или Нью-Йорка. Европейские переселенцы прибывали также из портов Нидерландов, в частности из Роттердама.

Те, кому хватало средств переехать и обосноваться на новом месте, быстрее вставали на ноги. Но большинство были вынуждены подписывать кабальный договор и на время превращаться в законтрактованных работников-сервентов белых кабальных слуг. Сервитуд становился одним из основных способов рекрутирования рабочей силы в колониальной Америке. До конца XVII в. труд сервентов даже использовался на табачных плантациях Виргинии. Контракт заключался с компанией или капитаном корабля еще до отъезда из Европы в среднем сроком от трех до семи лет и обеспечивал путешествие через океан и проживание на новом месте. Можно было подписать кабальный договор в Америке, когда выяснялось, что все средства ушли на переезд и жить не на что. Однако в любом случае сервенты должны были отработать свой выкуп или уплатить его. Именно таким образом переселялась в Британскую Америку основная масса городской бедноты и безземельных арендаторов из Европы (в XVII в. до 90% белых колонистов). Среди них временно могли оказаться ремесленники

и фермеры. Но вот что важно: статус сервента не мешал по окончании срока контракта стать свободным колонистом (freemen). И таковых было большинство среди жителей колоний.

Кроме того, существовала особая форма принудительного кабального контракта для осужденных на каторжные работы, уголовников и бродяг (за бродяжничество в Англии преследовали). Но не верьте тем, кто говорит, будто колонии, затем ставшие Соединенными Штатами, основали отбросы европейского общества. Это неправда. Во-первых, всего в колониальный период в британскую колониальную Америку ввезли около 350 тыс. сервентов (преимущественно молодых мужчин). Из них каторжники, бродяги и уголовники составляли 50 тыс. чел. Во-вторых, существовали целые регионы, которые заселялись свободными семейными иммигрантами, что было связано с религиозным переселенческим движением.

С первых лет существования британская колониальная Америка оказалась тем местом, куда переселялись группы религиозных диссидентов из Англии. Там в результате реформации в 1534 г. возникла Англиканская церковь, которую возглавлял король и в которой, в отличие от других протестантских церквей, сохранился пышный культ и институт епископата. Уже во второй половине XVI в. оформилось религиозное течение пуритан, добивавшихся «очищения» церкви от остатков католицизма. Именно от английского слова «pure» (чистый) и появилось само название. Пуритане были английскими кальвинистами, не признававшими никаких посредников между Богом и человеком и свято верившими в то, что они являются избранными.

В начале XVII в. группа английских радикальных пуритан, спасаясь от преследований, переселилась в Голландию, а затем, арендовав через подставных лиц корабль «Майский цветок» (Mayflower), отправилась в опасное путешествие к далеким берегам Америки. Это были «отцы-пилигримы», которые в 1620 г. основали колонию Новый Плимут и намеревались создать на американской земле конгрегации по образцу первых христианских общин. Перед посадкой на берег пассажиры подписали «Соглашение на Мэйфлауэре». В нем говорилось об их стремлении распространять христианство в Новом Свете, жить сообща на основе договора, освещенного Богом, вырабатывать законы и подчиняться им.

В 1629–1630 гг. многочисленные группы пуритан из Англии основали поселения, вокруг которых начнет складываться колония Массачусетс. Ее губернатором стал проповедник Джон

Уинтроп. Религиозные иммигранты хотели явить миру образец идеального религиозного устройства, созданного в Америке. Эту мессианскую идею Джон Уинтроп озвучил на борту корабля «Арабелла» в 1630 г.:

Помните, да уподобимся мы Граду на Холме и глаза всех будут устремлены на нас: поэтому, если мы будем кривить душой перед Богом в деле, которое мы начали, и, таким образом, вынудим Его лишить нас помощи, которую Он нам сейчас оказывает, мы ославим себя и станем притчей во языцех для всего мира, мы откроем уста врагов для хулы путей Господних и всех деяний во имя Бога¹.

В свою очередь, религиозные переселенцы, несогласные с теократическими порядками в Массачусетсе, основали колонии Коннектикут (1636) и Род-Айленд (1636). Так вследствие религиозной иммиграции начал формироваться регион Новая Англия, куда только в 1630–1642 гг. прибыла большая группа переселенцев – от 20 до 25 тыс. человек. Из них 70% были свободными семейными людьми с собственностью, а не молодыми холостыми сервентами. Благодаря семейной религиозной иммиграции в Нью-Джерси и Пенсильвании возникли многочисленные общины квакеров, бежавших от религиозных преследований из Англии. Колония Пенсильвания, как уже говорилось, была основана английским квакером Ульямом Пенном. Будучи представителями протестантской секты, квакеры бросали вызов традиционным ценностям английского общества и учению англиканской церкви. Они пытались постичь Бога не посредством слова, а посредством света, который мог воссиять в их душе во время молчаливого ожидания. Для этого не нужны были ни стены церковные, ни священники, ни культ. Квакеры начали переселяться большими группами за океан, тем более что там существовало много свободной или открытой для аренды земли. Без этого сложно было создавать семью как «домохозяйство Бога» в реальной жизни и воспитать достойных детей-квакеров.

В поисках веротерпимости в британские колонии отправлялись протестанты различных течений, включая сектантов: лютеране из Германии и Скандинавских стран, моравские братья из Чехии, английские методисты и баптисты. Мэриленд вообще стал убежищем для католиков. Таким образом, в колониях устанавливалась религиозная терпимость и церковное разнообразие.

¹ *Winthrop J. A Model of Christian Charity // Voices of the American Nation. Vol. 1. N.Y., 2006. P. 31.*

И англиканской церкви приходилось сосуществовать с другими церквями.

Кроме того, до 1760 г. в британскую Северную Америку завезли более 175 тыс. африканских невольников. Их труд был необходим на южных плантациях, где выращивали сахарный тростник, табак, рис, индиго (растение, которое использовалось для окраски тканей в синий цвет), а также на рабовладельческих фермах. На Севере рабов использовали в ремесленном производстве и в качестве домашней прислуги. Так что темнокожие американцы – тоже иммигранты, но подневольные.

Уже с XVI в. Англия принимала участие в прибыльной атлантической торговле африканскими рабами, основав в 1631 г. постоянные поселения на западном побережье Африки. Первый корабль с грузом из 20 невольников прибыл в Виргинию в 1619 г. В 1660 г. английское правительство выдало хартию Африканской компании королевских предпринимателей. Когда ее дела пришли в упадок, работоторговлей в 1672 г. занялась Королевская африканская компания. Именно она обладала монопольным правом на ввоз рабов в британскую колониальную Америку. Компанию возглавил уже знакомый нам герцог Йоркский. Поэтому порой в колонии Нью-Йорк африканские невольники составляли до 20% населения. Их ввозили через эту колонию, а затем распродавали по всей территории британской Северной Америки. С 1672 по 1713 г. компания отправила в Африку за невольниками более 500 кораблей. Кроме того, контрабандной работоторговлей занимались и сами колонисты, посылая корабли за рабами и выменивая их на ром и черную патоку (мелассу), которая производилась на плантациях. В работоторговом бизнесе особенно преуспели колонисты Новой Англии, бросая вызов монополии Королевской африканской компании.

Справедливости ради необходимо заметить, что в Африке существовала система рабства. Но там рабы имели статус, схожий со статусом «европейских крепостных», и обладали набором прав, которых не было у тех, кого отправляли в Америку. Темнокожих невольников захватывали во внутренних районах (зачастую при участии африканских работоторговцев) и свозили на берег, где держали в клетках до момента осмотра и распродажи. Это были представители разных племенных культур, говорившие на разных языках и верившие в разных богов. Двое из пяти погибали по дороге к побережью во время жуткого пешего «марша смерти». Остальных клеймили и отправляли группами через океан в темных осклизлых трюмах кораблей, в ручных и ножных кандалах, оставляя задыхаться в зловонии собственных экскрементов.

В среднем каждый третий умирал во время этого путешествия, кто-то сходил с ума, кто-то прыгал за борт, предпочитая утонуть. В 1780-е гг. британский парламент определил смертность рабов во время среднего по длительности плавания в 27,33%.

Так начиналась «черная история» Соединенных Штатов длиною в несколько веков. «Белое кабальное рабство» (сервитуд) практически изжило себя к началу Войны за независимость (1775–1783). Черное рабство пережило и войну, и Американскую революцию (1775–1789). Оно было отменено на Севере, но сохранилось как особый институт на Юге, став основой социально-экономического развития своеобразной «южной цивилизации» и формируя культурную региональную идентичность южан. Официально ввоз рабов по Конституции США был запрещен в 1808 г. (статья 1, раздел 9), правда, оставалась возможность для контрабандной торговли. В общей сложности в британскую колониальную Америку, а затем в США было насильственно ввезено от 500 до 600 тыс. африканских невольников.

Образование США благоприятствовало развитию иммиграции. *Ее второй этап приходится на конец XVIII в. – начало 1880-х гг.* Европу сотрясали войны и революции, не хватало земли, рабочих мест и еды. А Соединенные Штаты в это время, находясь в счастливой изоляции от европейских катаклизмов, вступили в эпоху бурной промышленной и транспортной революции. Американцы осваивали континент, присоединяя на основе договоров и насильственно новые земли, а также занимались их обживанием. Страна нуждалась в рабочих руках, которых катастрофически не хватало. Соединенные Штаты манили иммигрантов дешевой землей на Западе и высокими заработками на промышленных предприятиях, на строительстве железных дорог и каналов, наконец существовавшими здесь возможностями найти достойное применение своим техническим изобретениям, капиталам, новаторским идеям.

За океан из Европы устремились изобретатели и техники, ремесленники и мастеровые люди, фермеры разного достатка и безземельная беднота. Наиболее состоятельные и квалифицированные английские и шотландские иммигранты направлялись в города Атлантического побережья и Северо-Востока США. Первая масштабная «утечка технических мозгов» из Европы за океан состоялась именно тогда, в эпоху промышленных революций, происходивших по обе стороны Атлантики. Английские, шотландские, немецкие изобретатели увозили с собой технические секреты и технологические новации в США, где бурно развивались производство и рынок, а заодно и патентная служба.

Шведских фермеров влекли дешевые плодородные земли на Среднем (а потом и Дальнем) Западе и низкие по сравнению с Европой налоги. К концу XIX в. Швецию покинуло около миллиона человек. Те, кто не хотел заниматься сельским хозяйством, могли попытать счастья на заводах и фабриках Чикаго, Миннеаполиса и других городов, получая достойную оплату за свой труд. Одинокие девушки шли в горничные. И все вместе писали на покинутую родину о том, как хорошо им жилось за океаном, а также отправляли деньги на билеты родным и знакомым. Почему было не попытать удачу в Америке, если в Швеции наблюдался рост населения, случались неурожаи, цены росли, а заработная плата неуклонно снижалась?

На 1840–1850-е гг. пришелся всплеск немецкой иммиграции, которая также объяснялась экономическими причинами. Среди выходцев из германских земель было много фермеров, а также торговцев и мастеровых людей, которые, будучи состоятельными людьми, быстро вливались в ряды американского среднего класса. Немцы составляли вторую по численности этническую группу в составе иммиграции после ирландцев.

С 1814 по 1844 г. в США въехали около 1 млн ирландских иммигрантов, среди которых к 1830 г. стали преобладать католики. Они спасались от религиозных и социально-экономических притеснений со стороны английских властей. Последующий резкий всплеск ирландской иммиграции был вызван Великим голодом 1845–1849 гг. в Ирландии, причиной которого стала болезнь картофеля – основного продукта питания бедных ирландских крестьян. С 1845 до 1855 г. 2 100 000 ирландцев покинули свои дома. Из них 90% устремились в США, оседая в крупных городах, где требовались рабочие руки на фабриках и заводах, но прежде всего нанимаясь чернорабочими на строительство железных дорог и каналов в эпоху транспортного бума.

В то время, когда Ирландия переживала Великий голод, на Западе США, где возник американский фольклор, один из его персонажей, повар Пышка-Худышка, мечтательно рассуждал: «Где бы найти достаточно людей, чтобы они могли съесть все то, что произрастает на плодородной американской земле?» Этот образ США как страны изобилия будет неизменно привлекать новых и новых иммигрантов со всех уголков мира.

Очередная революционная волна в Европе выплескивала за океан небольшие группы политических иммигрантов из Франции, Германии, Австро-Венгрии, Италии. В Америку ехали русские революционеры-народники, решившие основать коммуны и жить своим трудом на земле, чтобы лучше понять чаяния народа. Соеди-

ненные Штаты оставались для политических беглецов из Европы страной свободы и демократии. Хотя американский опыт зачастую действовал отвращающе, разрушая прекраснотушные планы.

В первой половине XIX в. эмигранты из континентальной Европы отплывали в Америку преимущественно из французского Гавра. Именно здесь после окончания Наполеоновских войн в 1815 г. сосредотачивалась основная масса переселенцев в Новый Свет. Затем в списке шли Бремен и Гамбург. Строительство в середине XIX в. системы железнодорожного сообщения в Германии лишило Гавр пальмы первенства, однако он оставался крупнейшим эмиграционным центром во Франции.

Власти Гамбурга и Бремена превратили отправку континентальных эмигрантов в прибыльный бизнес, регулируя пассажиропотоки и создавая выгодные тарифы для судовладельцев. Гамбургские и бременские пароходные компании следовали определенным санитарным стандартам размещения малообеспеченных пассажиров, предоставляли им горячую пищу (оставим в стороне вопрос о ее качестве) и даже создавали недалеко от гавани целые поселки для европейских эмигрантов, где располагались бараки, магазины, бани. Здесь переселенцы оставляли часть своих сбережений (к выгоде пароходных компаний), а заодно находились в изоляции от городских жителей, дабы не создавать ненужную социальную напряженность. Этот принцип сегрегации стал частью политики немецких компаний. Он действовал для пассажиров третьего класса во всем: отдельный зал ожидания, отдельная пристань, отдельная палуба. Негоже, чтобы уважаемые пассажиры первого и второго класса лицезрели толпу галдящих нищих эмигрантов с баулами, мешками и котомками. В итоге цены на билеты гамбургских и бременских пароходных линий для пассажиров всех классов были дороже, чем у их английских коллег по бизнесу.

До середины XIX в. значительная часть эмигрантов из континентальной Европы (до 1/3) предпочитала отправляться в Америку не напрямую из Гамбурга, а через Англию. Британские пароходные компании подвергались менее строгим ограничениям, что позволяло снижать цены на билет. Однако в связи с начавшейся массовой ирландской иммиграцией более уважаемые немецкие и шведские иммигранты предпочитали избегать британских портов, где сосредотачивались толпы оборванных, голодных и шумных ирландских переселенцев. В Англии основным эмиграционным центром был Ливерпуль.

В 1840–1850-е гг. в США прибыло 4 200 000 иммигрантов, преимущественно из Европы. Начиная с 1842 г. население США в среднем ежегодно увеличивалось на 100 тыс. человек. Даже во

время Гражданской войны в США (1861–1865) сюда переехали 5 млн человек. До 1883 г. около 85% иммигрантов приезжали из стран Северной и Западной Европы. Это были прежде всего ирландцы, немцы, шведы, а также выходцы из Англии, Шотландии и Уэльса, которые составили так называемые тевтонские или нордические потоки иммиграции.

Состав иммиграции кардинально меняется в период *«новой иммиграции»* (New Immigration), которая начиналась в 1880-е гг. и продолжалась до конца Первой мировой войны (условно до 1920 г.).

Эта иммиграционная волна называлась «новой» по двум причинам.

Во-первых, она была иной по своему составу и характеру. В нее, наряду с выходцами из Германии, Ирландии, Англии и Швеции, влились многочисленные переселенцы из стран Восточной и Южной Европы. К началу XX в. они составляли 80% европейских иммигрантов. Это были итальянцы, греки, а также представители национальных и религиозных меньшинств из Российской империи, Австро-Венгрии, Османской империи. Например, в массовой эмиграции из Российской империи в США, которая приходится именно на этот период, этнические русские до 1909 г. составляли 4,4%. К 1913 г. эта цифра выросла до 12% за счет трудовой крестьянской эмиграции. Преобладали евреи, поляки, финны, российские немцы, литовцы. Они искали в США социально-экономического равноправия и религиозной терпимости.

Самой крупной этнической группой в составе «новой иммиграции» стали итальянцы. С 1880 по 1920 г. 4 200 000 итальянцев отправились за океан. Это были в основном мужчины-чернорабочие, приезжавшие из Южной Италии, где господствовала бедность и неграмотность. До 40% итальянских иммигрантов ехали на время, чтобы заработать деньги, а затем вернуться на родину к своим семьям и новой жизни.

В это время началась массовая эмиграция восточноевропейских евреев (русских, галицийских, румынских, литовских, польских). Они увеличили еврейское население Соединенных Штатов с 250 тыс. до 3 млн человек. При этом в общем потоке еврейского переселенческого движения в Америку с 1881 по 1914 г. выходцы из России занимали первое место (71,6%), дав название всему этапу формирования еврейской общности в США. Импульс этому массовому исходу придавали еврейские погромы начала 1880-х гг. и периода революции 1905–1907 гг., а также дискриминационные законы начала 1890-х гг. Как и их восточноевропейские единовверцы, русские евреи бежали от плачевных социально-экономических условий в поисках гарантий

заработков, возможностей заниматься профессиональной деятельностью, поступить в университеты и дать образование детям. Кроме того, в период Первой мировой войны и революций евреи в разных странах превращались во внутренних врагов и «козлов отпущения», что лишь стимулировало их бегство за океан. Это не были респектабельные немецкоговорящие евреи, приехавшие в США в предшествующий период. В США хлынула волна ортодоксального, говорящего на идиш восточноевропейского еврейства, стремившегося поселиться в этнических кварталах Нью-Йорка, Филадельфии, Чикаго, Бостона, Балтимора. Они создавали внутри американского города «еврейский город», так же как итальянцы создавали «город итальянский».

Во-вторых, «новая иммиграция» имела совсем иные масштабы. Она стала массовой по сравнению с предыдущей волной. Население США в 1900 г. составляло 76 млн человек, из которых 10,5 млн родились в Европе, а 26 млн имели родителей-европейцев. В 1900–1910 гг. в США въехали 8 795 386 иммигрантов, а в 1910–1920 гг. еще 5 735 811 человек.

«Американская лихорадка», охватившая европейские страны, была вызвана социально-экономической напряженностью в эпоху индустриализации и урбанизации. В свою очередь, Соединенные Штаты в это время переживали очередной промышленный бум и очередную транспортную революцию. Здесь по-прежнему нужны были рабочие руки на заводах и фабриках, на прокладке железных дорог и строительстве туннелей. Здесь распродавались очень дешево земли индейцев на Западе, и можно было попытаться свое счастье в этом еще малообжитом краю. Никогда прежде в умах тех, кто взирал на Соединенные Штаты Америки из-за океана, эта страна, находившаяся на пике индустриальной волны и вступавшая в мировую политику, не казалась столь многообещающей, манящей социальными и экономическими возможностями и свободой выбора.

Один словенский иммигрант, который в 1913 г. мальчиком эмигрировал в США, вспоминал:

Мое юношеское воображение воспламенялось от мысли об Америке. В то время я твердо верил практически во все, что я слышал о ней. Я верил в то, что один скотовод в Техасе имеет больше крупного рогатого скота, чем можно найти на всей территории Балкан. И мое доверие не ослабевало, когда я узнавал о золотых рудниках в Калифорнии и деревьях, возраст которых насчитывал более 1000 лет... В Америке все было возможным².

² Цит. по: *Hillstrom K. The Dream of America: Immigration: 1870–1920. Detroit, 2009. P. 22.*

Иммиграция облегчалась за счет развития средств транспорта и связи между Старым и Новым Светом. Железные дороги в Европе позволяли быстро и относительно дешево достигать основных портовых городов, через которые выезжали европейские иммигранты: Неаполя в Италии, Ливерпуля в Англии, Бремена и Гамбурга в Германии. Пароходная линия «Гамбург–Америка» была крупнейшей из тех, которые осуществляли перевозку эмигрантов из Германии, Скандинавских стран и Восточной Европы в США, Канаду и Латинскую Америку. Билет для пассажиров третьего класса стоил в среднем 20 долл. С 1906 г. из Либавы в Нью-Йорк через Роттердам начали регулярно плавать пароходы «Русского Восточно-Азиатского общества», которое открыло «Русско-американскую линию». Билет до Нью-Йорка в эмигрантском классе стоил 85 рублей (более 40 долл.), что было дорого. На линии Либава–Нью-Йорк общество перевозило до 60 тыс. пассажиров в год. Технические усовершенствования значительно сокращали путешествие через океан, которое длилось теперь от 7–8 до 10–11 суток в зависимости от того порта, из которого стартовал эмигрант.

Важным фактором, стимулировавшим эмиграцию, становились письма друзей и родственников, обосновавшихся в Соединенных Штатах. Их сохранилось огромное количество в национальных и семейных архивах.

Я хочу, чтобы вы приехали в Америку, мне здесь очень хорошо, и у меня нет ни малейшего желания вернуться в нашу страну, потому что [в Польше] я чувствовал только унижение и нищету, а сейчас я живу лучше, чем господин (*Из письма польского иммигранта родственникам, 1906 г.*)³.

Тео, я никогда не говорил, ехать тебе или нет. Я очень горжусь тем, что ты сам решил ехать в Америку. Я знаю, у тебя будет лучшая жизнь в Америке, чем у нас здесь (*Из письма отца к сыну, эмигрировавшему из Греции в США, 1911 г.*)⁴.

Дорогой мой Яша, ты не можешь себе представить, как здесь хорошо. Ведь чего стоит одно сознание того, что ты человек, человек свободный, равный всем остальным, еврей ли ты, грек ли, или англичанин. Как приятно сознание, что если работаешь, тожитое тяжелым трудом имущество не растащат хулиганы полчища

³ Цит. по: *Hillstrom K. Op. cit. P. 31.*

⁴ *Ibid. P. 32.*

Николаева. Что стоит то сознание, что дети твои растут в здоровой и разумной обстановке государства, а не в стране палачей и разврата... Стремись, стремись сюда, Яша. Тащи, кого только сможешь. И помни, что потерпеть год-полтора, это не то, чтобы страдать всю жизнь! (*Из письма русского еврея другу, 1913 г.*)⁵

Уехавшие раньше присылали деньги на билеты тем, кто только собирался в дальнее и рискованное путешествие, или покупали для них шифскарты (проездные документы). Потенциальные эмигранты распродавали свое имущество и становились пассажирами третьего класса. Агенты пароходных компаний и эмиграционных агентств разъезжали по всей Европе, привлекая эмигрантов рекламными брошюрами и рассказами о сказочной жизни за океаном. В порту производился медицинский осмотр пассажиров, им предоставлялась возможность принять ванну и пройти дезинфекцию багажа и одежды. Это делалось не из благих побуждений, а с целью сохранить доход. В том случае, если по прибытии в США иммиграционная служба отказывала эмигранту в праве на въезд по состоянию здоровья, доставившая его пароходная компания была обязана вернуть переселенца на родину за свой счет (а это составляло в среднем 100 долл.).

После погрузки на борт парохода для тех, кто ехал третьим классом (т. е. между палубами), начинался ад путешествия через океан: в холоде зимой, в дикой жаре летом, в зловонии, в муках от морской болезни, при дефиците свежей воды и качественной еды, в тесноте и невероятной духоте. Многие иммигранты затем писали, что их везли, как возят скот. Во время рейсов некоторые заболели, страдали от насилия со стороны матросов и других пассажиров, а женщины становились объектом сексуальных домогательств. Постепенно условия перевозки пассажиров третьего класса улучшались. Но, в конечном итоге, многое зависело от доброй воли пароходной компании, конструкции судна, а также добросовестности и честности команды и капитана. Даже на таких фешенебельных кораблях экстра-класса, каким был печально знаменитый «Титаник», большую часть пассажиров составляли именно эмигранты, отправлявшиеся в США третьим классом.

И вот, наконец, она, долгожданная Америка. Взор измученных пассажиров жадно ловит выплывающую из-за горизонта Статую Свободы рядом с новым иммиграционным центром на острове Эллис. Центр был открыт в 1892 г., поскольку старая им-

⁵ Цит. по: *Журавлева В.И.* Понимание России в США: образы и мифы (1881–1914). М., 2012. С. 839.

миграционная станция Кастль-Гарден, действовавшая с 1855 г., не справлялась с натиском иммиграционной волны. С 1892 по 1924 г. остров Эллис принимал 3/4 всех иммигрантов, прибывавших в США. Здесь начиналась новая, американская, страница их биографии. И хотя были такие, для кого «остров надежды» превращался в «остров слез» (в среднем 3%), подавляющее большинство устремлялось к новой жизни.

Во второй половине XIX в. обозначилось азиатское направление иммиграционного потока, поскольку в Америку поехали китайцы и японцы.

После выхода США к тихоокеанскому побережью и присоединения Калифорнии в 1850 г. началась иммиграция из Китая. Мотивы были схожие с европейскими: нищета, голод, политические репрессии, разорительная гражданская война, продолжавшаяся пятнадцать лет. Все это заставляло искать счастья в далекой стране за океаном, которая, по рассказам, была Золотой Горой, где богатство валялось буквально под ногами и можно было в одночасье сказочно разбогатеть. В результате более 20 тыс. китайских иммигрантов прибыли в Калифорнию во время «золотой лихорадки» в 1850–1852 гг. 14-летний китайский иммигрант так объяснял свое решение покинуть дом:

Однажды мой двоюродный брат вернулся из Золотой Горы и рассказал нам удивительные истории о людях, нашедших золото в реке и мгновенно невероятно разбогатевших. Мы знали, что такое бедность. Трудиться в поте лица год за годом, как делали наши родители и ничего не иметь; болеть и не получать медицинской помощи; ходить босиком даже холодными зимними днями; не иметь книг или времени, чтобы научиться их читать – все это, как я хорошо знал, было обычным для жизни в деревне⁶.

Рабочие руки китайцев были востребованы на строительстве трансконтинентальной железной дороги, соединившей восточное и западное побережье США. Уже первая волна китайских иммигрантов принесла с собой особый образ жизни и уникальную культуру, включавшую в себя не только экзотическую кухню и верования, но и навыки коллективного труда и невероятное трудолюбие. Из Калифорнии китайцы постепенно перемещались на восток, и к концу XIX в. «китайские кварталы» (чайнатауны) появились во всех крупных городах страны.

⁶ Цит. по: *Teitelbaum M.* Immigration to the United States: Chinese Immigrants. N.Y., 2003. P. 22.

Путешествие из Китая в США было для простых китайцев дорогим и опасным. Далеко не все могли себе позволить заплатить от 40 до 60 долл. за билет из Гуанчжоу до Сан-Франциско. Большинство китайцев, прибывших в США, оплачивало свое переселение двумя путями: они либо заключали рабочий контракт, по которому обязывались в течение нескольких лет работать на хозяина, купившего им билет; либо покупали билет в кредит и должны были несколько лет выплачивать долг с процентами. Плавание длилось от четырех до восьми недель и проходило в тяжелейших условиях: теснота, антисанитария, плохое питание и нехватка питьевой воды. По статистике в ходе такого плавания умирали около 20% китайцев, отправившихся в путь в поисках счастья.

28 августа 1888 г. газета «Сан-Франциско Экземинер» опубликовала статью, описывавшую ужасные условия, в которых китайские иммигранты прибывали в Калифорнию:

Было странным зрелищем для неподготовленного человека увидеть полки, расположенные на расстоянии менее восемнадцати дюймов друг от друга и заполненные китайцами. Если бы несколько бочек масла было вылито в трюм, его обитатели могли превратиться в иллюстрацию выражения «упакованы как сардины в банке»⁷.

Поскольку среди китайских иммигрантов было много контрактных рабочих, именно против них был принят первый «исключительный» закон в 1882 г. Он запретил китайцам въезд в страну сначала сроком на 10 лет (а затем бессрочно) и стал результатом совместных усилий властей Калифорнии и рабочих организаций США. Этот закон будет отменен только в 1943 г.

Чуть позднее китайской началась японская иммиграция. До середины XIX в. Япония находилась в полной изоляции. В 1854 г. ее открыл Западному миру американский адмирал Мэтью Перри. Япония начала развивать отношения с другими странами и, в первую очередь, с Соединенными Штатами. Впоследствии политическая революция и начавшиеся реформы стали разрушать традиционный уклад японцев, что сопровождалось драматическими потрясениями: восстаниями и гражданской войной. Спасение от этих угроз многие японцы нашли в эмиграции в США. Первоначально они переселялись на Гавайи, которые до 1900 г. были независимым государством. Здесь японские

⁷ Цит. по: *Teitelbaum M.* Op. cit. P. 25.

иммигранты работали на сахарных плантациях. Только в одном 1885 г. на Гавайи приехали более 30 тыс. японцев. Одни из них затем вернулись на родину, а другие отправились дальше, достигнув берегов Америки. В 1900 г. Гавайи перешли под управление США, что значительно облегчило японцам процедуру переселения в Калифорнию и в штат Вашингтон. К этому времени японское население Гавайев превышало уже 60 тыс., и его численность в дальнейшем только увеличивалась. Переезжавшие в Калифорнию японцы занимали место китайских рабочих, приток которых в страну прекратился после принятия «исключительного закона» 1882 г.

В связи с ростом иммиграции на Тихоокеанское побережье США возникла необходимость упорядочить и контролировать данный процесс. Для этого по аналогии с иммиграционным центром на острове Эллис были открыты западные ворота в США: иммиграционный пункт на Острове Ангела в бухте Сан-Франциско. Он функционировал с 1910 по 1940 г., и за это время через него прошло около 1 млн иммигрантов из 84 стран мира. Большую часть составляли выходцы из Китая и Японии, 175 тыс. и 117 тыс. соответственно. Кроме того, через этот пункт в США прибывали иммигранты из Индии, России, Италии, Ирландии, Армении и других стран. Процент отказов на острове Ангела был значительно выше, чем на острове Эллис: 18% против 3%.

Наконец, в середине XIX в. появляется еще одно направление иммиграционных потоков – южное. В результате присоединения Техаса в 1845 г., а затем американо-мексиканской войны 1846–1848 гг. территория США значительно увеличилась. В ее состав кроме Техаса вошли еще Калифорния и Нью-Мексико. Следствием этого стало превращение примерно 80 тыс. мексиканцев в американских граждан. «Золотая лихорадка» в Калифорнии привлекла в этот штат еще 25 тыс. мексиканских иммигрантов. И это было только начало.

В течение первых десятилетий XX в. в США из Мексики переселились более 1,5 млн человек. Революция и гражданская война, нищета большинства крестьян-пеонов в Мексике контрастировали с относительным благополучием, стабильностью, возможностью получить работу и землю у северного соседа. И для этого не надо было пересекать океан, подвергая себя лишениям и опасностям. Достаточно было перейти плохо охраняемую границу. В результате население целых деревень уходило на север в поисках более счастливой жизни на новой родине. Так, в октябре 1913 г. около 8 тыс. мексиканцев в один день покинули свои дома и переселились в городок Игл Пасс в Техасе. Этот по-

ток мексиканских иммигрантов стимулировался американскими компаниями, которые отправляли рекрутеров в Мексику для вербовки рабочих на фабрики и заводы в США. К 1916 г. еженедельно из Лоредо в Лос-Анджелес отправлялось 5–6 поездов, переполненных мексиканскими рабочими. По словам очевидца, спрос на рабочую силу был таким высоким, что агентства по подбору персонала разместили своих сотрудников на мосту в Санта-Фе, где они буквально набрасывались на иммигрантов, когда те пересекали границу.

Начало XX в. стало периодом наиболее интенсивной иммиграции в США. С 1900 по 1915 г. в страну въехало более 15 млн иммигрантов из различных регионов мира. В это время помимо традиционных форм иммиграции (экономической, трудовой, религиозной, политической) начинает развиваться принципиально новая, которая получит свое развитие уже после Первой мировой войны. Ее можно назвать интеллектуальной. В условиях университетских реформ и бурного развития высшего образования и науки в США туда переезжали большие группы европейских ученых и университетских профессоров. Их привлекали лучшие условия труда, более высокая зарплата, возможность реализовать свои исследовательские проекты. Так начиналось превращение США в мировой центр академической науки и образования.

Первая мировая война оказала противоречивое влияние на иммиграцию в Соединенные Штаты Америки. С одной стороны, прерывались сложившиеся в предыдущие десятилетия потоки переселенцев, сокращалось количество иммигрантов, усиливались негативные тенденции в отношении отдельных этнических групп (немцев, мексиканцев), усложнялся сам процесс въезда в страну. С другой стороны, Первая мировая война разрушила старую Европу и превратила США в мощную державу, что стало дополнительным стимулом для иммигрантов. После резкого сокращения их притока в годы войны по ее окончании наметился новый подъем. Уже в 1920 г. в страну въехали более 430 тыс. человек.

Начиналась новая эпоха в истории иммиграции в США, которая продолжала оказывать огромное влияние на развитие всех сторон жизни американского общества. Менялся статус самих Соединенных Штатов в мире. Впереди маячил «американский век».

На протяжении всего предшествующего периода иммигранты помогали Соединенным Штатам богатеть и решать социально-экономические проблемы. Они несли сюда свой труд, капиталы, секреты мастерства, свою культуру и таланты. В итоге американ-

ское общество становилось многоликим и еще более привлекательным для новых страждущих. А США пока открывали двери для большинства из них. При въезде иммигрантов по-прежнему встречала Статуя Свободы словами Эммы Лазарус, начертанными на пьедестале:

Отправьте мне усталый ваш народ,
Всех жаждущих вздохнуть свободно, брошенных в нужде,
Из тесных берегов гонимых, бедных и сирот.
Так шлите их, бездомных и измотанных, ко мне,
Я поднимаю факел мой у золотых ворот!⁸

Для дальнейшего изучения

- Журавлева В.И.* Общее прошлое русских и американцев. М., 2021.
- Нитобург Э.Л.* Русские в США. История и судьбы: 1870–1970. М., 2005.
- Тен В.А.* Иммиграционная политика США в XVII–XX вв.: Краткий исторический очерк. М., 1998.
- American Immigration: Ed. by Ciment J., Radzilowski J. An Encyclopedia of Political, Social, and Cultural Changes. Vol. 1–4. N.Y., 2015.
- Bergquist J.M.* Daily Life in Immigrant America: 1820–1870. Westport, Connecticut, 2008.
- Coan P.M.* Ellis Island Interviews. Immigrants Tell Their Stories in Their Own Words. N.Y., 1997.
- Gerber D.* American Immigration: A Very Short Introduction. N.Y., 2011.
- Hillstrom K.* The Dream of America: Immigration: 1870–1920. Detroit, 2009.
- Immigration to the United States. 11 Books. N.Y.: Facts On File, 2004.

Электронные ресурсы

- Видеоролик к данной лекции см.: <https://edu.amc.ru/courses>
- Ellis Island – History of Immigration to the United States: 1890–1920 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=8X4CypTaOQs> (дата обращения 18.02.2021).
- The Immigration History of the United States of America [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=1BJcqxI7kas> (дата обращения 18.02.2021).
- Immigration (1946) [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=UaEdOiC_aWw (дата обращения 18.02.2021).

⁸ The Poems of Emma Lazarus: In 2 vols. Vol. 1. Boston and N.Y., 1889. P. 203.

Тема 2. Иммиграция в США в эпоху глобальных перемен

В 2011 г. сотрудники пограничного контроля лондонского аэропорта «Хитроу», разбирая архив иммиграционных документов, сделали неожиданное открытие. В их руках оказалась миграционная карта выдающегося физика Альберта Эйнштейна, бежавшего из нацистской Германии через Англию в США, где в 1940 г. он получил гражданство и до самой смерти жил и работал в Принстоне. Миграционная карта заняла почетное место среди других экспонатов Морского музея Ливерпуля.

Эйнштейн стал одним из десятков тысяч немецких и австрийских граждан, спасавшихся бегством от нацистского режима, так же как до них от большевистского режима спасались бегством русские. Эти волны политических беженцев от идеологически чуждых им режимов, которые угрожали их жизни и собственности, покатались к берегам Соединенных Штатов Америки.

Европейские социально-экономические и политические катаклизмы поствоенной эпохи – революции, инфляция и безработица, приход к власти фашистов в Италии в 1922 г. и национал-социалистов в Германии в 1933 г. – оказали непосредственное влияние на состав и характер иммиграции в США. А Вторая мировая война внесла дальнейшие коррективы.

В самих Соединенных Штатах начиналась эпоха ограничений иммиграции, продолжавшаяся до 1965 г. Статуя Свободы по-прежнему встречала иммигрантов при въезде в страну. Однако выбитые на внутренней стороне ее пьедестала возвышенные слова поэтессы Эммы Лазарус о «золотых воротах» Америки, открытых для всех гонимых и страждущих, все более расходились с действительностью, оставаясь красивой метафорой.

Во время Первой мировой войны в США вводился визовый режим, в 1917 г. – тест на грамотность, а в 1921 и 1924 гг. – квоты на въезд иммигрантов. Более высокие для выходцев из Западной Европы и более низкие для тех, кто приезжал из Южной и Восточной Европы. Азиатская иммиграция вообще запрещалась. Ограничительные законы и Великая депрессия (1929–1933) резко снизили уровень иммиграции в США. В 1933 г. в страну въехали всего лишь 23 068 чел., а в 1935 г. – 34 956 чел.

С образованием Советской России, которую США до 1933 г. не признавали, и ростом левых идеологий в европейских странах американское общество пережило первую «красную панику» по поводу возможной экспансии социализма и коммунизма за океан. Ведь в России большевики рассуждали о мировой революции и именно оттуда устремились толпы политических эмигрантов.

События в странах-донорах определили тот *этап иммиграции* в США, который начался с *1917 г. и захватил Вторую мировую войну*, став одним из двух внутри большого периода ограничительных законов 1917–1965 гг.

Беженцы от большевизма

С 1914 по 1922 г. Россия пережила Первую мировую и Гражданскую войны, две революции и распад Российской империи. Не удивительно, что эти события вызвали невиданную ранее «русскую волну» политической иммиграции, в которой была крайне высока доля образованных людей и интеллектуалов. По идеологическим соображениям бежали ученые и профессура, художники и артисты, недоучившиеся студенты и представители либеральных профессий, дворяне и мещане, политические деятели от кадетов и эсеров до анархистов, офицеры и солдаты Белой армии, среди которых преобладали молодые крестьяне и казаки. Помните пьесу Михаила Булгакова «Бег», написанную в 1926–1927 гг.? Если нет, почитайте или посмотрите постановку в театре. А можете найти в интернете известный одноименный советский фильм режиссеров Александра Алова и Владимира Наумова. Оно того стоит!

Эмиграция за 4–5 лет охватила огромные массы людей (более 1,5 млн человек), зачастую к ней совсем не подготовленных. По сравнению с предыдущим периодом в этой волне получили преобладание этнические русские. Они бежали в Европу, в Турцию, через Дальний Восток в Японию и Китай, а уж затем часть из них добиралась до берегов Америки. Путь этот был небыстрым и нелегким.

В 1917–1918 гг. тысячи политических беженцев нелегально проникали в Финляндию. В 1919–1920 гг. «белые» эмигранты уходили с частями генерала Н.Н. Юденича в Прибалтику, отплывали из Архангельска с англичанами или на французских кораблях из Одессы и Крыма в Константинополь. После советско-польской войны отряды «белых» и десятки тысяч гражданских лиц бежали в Польшу, а затем переехали в Германию, где к

1920 г. сосредоточилось до 560 тыс. человек. В 1924–1926 гг. тысячи русских двинулись дальше на Запад – в Англию, во Францию и в Америку. Как писал один из участников этого бегства:

Надо ехать туда, где мы будем нужны, а здесь нас только терпят из милости, а скоро, может, и вовсе терпеть перестанут. Такое рассуждение слышишь от всех людей... Но легко сказать: «надо ехать», а как это осуществить? Однако осуществляют. С огромным усилием воли копят заработанные гроши, отказывая себе во всем, и с маленькими сбережениями своими и со всем домашним и семейным скарбом трогаются в дальнюю дорогу, в неизвестное и часто трагически печальное будущее⁹.

В начале 1920-х гг. волна русских военных и гражданских лиц (около 250 тыс. человек) хлынула в Сибирь, а затем на Дальний Восток. После падения Владивостока десятки тысяч бежали в Маньчжурию, Китай, Корею и Японию. Многие из них временно обосновались в Харбине, покинув его после оккупации японцами Маньчжурии. Большие группы «белых» эмигрантов в 1920–1930-е гг. переехали с Дальнего Востока в Соединенные Штаты.

Только в 1917–1923 гг. туда из различных стран въехали 18 848 русских. Например, в 1922–1923 гг. при поддержке Американского Красного Креста и Американской ассоциации помощи Лиге Наций из Константинополя прибыло 2040 «белых» эмигрантов. С Филиппин в Сан-Франциско приехали 800 беженцев, покинувших до этого Владивосток, а в Лос-Анджелес – не менее 1000 чел. из Харбина. В 1918–1919 гг. и на протяжении 1920-х гг. на Западное и Восточное побережье США продолжали прибывать семьями и в одиночку русские эмигранты из Европы и с Дальнего Востока. Это были и представители старых аристократических родов, таких как Оболенские, Голицыны, Гагарины, и цвет российской интеллигенции, такие как физик и будущий «отец телевидения» В.К. Зворыкин, родоначальник теоретической и прикладной механики С.П. Тимошенко, авиаконструктор И.И. Сикорский, ихтиолог и экономист Н.А. Бородин, социолог П.А. Сорокин, историк Г.В. Вернадский, композитор С.В. Рахманинов, артисты балета М.М. Фокин и М.М. Мордкин, художник Н.К. Рерих и скульптор С.Т. Коненков. Кроме того, к началу 1918 г. в США находились несколько сотен русских дипломатов,

⁹ Цит. по: *Нитобург Э.Л.* Русские в США: История и судьбы: 1870–1970. М., 2005. С. 100–101.

включая посла Б.А. Бахметева, гражданских и военных членов и сотрудников Чрезвычайной миссии, а также комиссий по военным закупкам царского и Временного правительств.

В общей сложности в 1921–1930 гг. в США прибыли 61 742 эмигранта из России и СССР. Из них в 1920–1921 гг. в Советскую Россию через Либаву вернулось 16 тыс. реэмигрантов, а в 1922–1925 гг. советское правительство в условиях начавшейся модернизации экономики инициировало возвращение около 6 тыс. промышленных рабочих, техников и фермеров из США. Однако вскоре реэмиграция в Советский Союз иссякла.

В США русские эмигранты попадали под действие квотных законов. В 1921 г. «русская квота» составляла 24405 чел., в 1924 г. – 2 248 чел., в 1929 г. – 2748 чел. В 1930-е гг. подавляющее большинство русских эмигрантов прибывало в США из Европы и стран Дальнего Востока, как, например, экономист и будущий Нобелевский лауреат В.В. Леонтьев, судостроитель В.И. Юркевич, физик и химик Г.Б. Кистяковский, будущий главный советник президента Д. Эйзенхауэра по науке, социолог Н.С. Тимашев, хореограф Г.М. Баланчин. В первой половине 1930-х гг. «русская квота» оказалась незаполненной, а во второй половине, наоборот, перегруженной, что объяснялось приходом к власти нацистов в Германии и международным кризисом в Европе. С 1931 по 1941 г. количество иммигрантов, прибывших из СССР и других стран и зарегистрированных как «русские», составило 6594 чел. В реальности их было больше. Не все ехали как «квотные» иммигранты, кто-то получал специальные визы, а кто-то въезжал нелегально через Канаду и Мексику.

В отличие от дореволюционной эмиграции из Российской империи в послереволюционной политической волне преобладала интеллигенция, бегущая от большевиков и советского режима. Подавляющему большинству этих людей с образованием, «белым» офицерам, представителям либеральных профессий, выпускницам петербургского Института благородных девиц приходилось зарабатывать себе на жизнь в США неквалифицированным трудом. И далеко не всем удалось вернуть себе прежний социальный статус.

Поскольку в этой эмиграционной волне оказалось немало известных ученых и инженеров, художников и артистов, писателей и философов, она стала заметным явлением в американском обществе. Однако не стоит забывать, что к тому времени сотни тысяч русских трудовых переселенцев уже более полувека вносили свой посильный вклад в создание благополучия Соединенных Штатов Америки.

Беженцы от нацизма

Между 1919 и 1933 г., т. е. до прихода Адольфа Гитлера к власти, Германию покинули 430 тыс. человек, устремившихся в США. Среди них было немало трудовых иммигрантов. Однако в этом потоке постоянно нарастала еврейская составляющая. Открытое политическое, экономическое и религиозное преследование евреев в Германии началось после 1933 г. 9–10 ноября 1938 г. мощный еврейский погром прокатился по территории страны, захватил часть Австрии и Судетскую область. Он вошел в историю под названием «Хрустальная ночь» или «Ночь разбитых витрин». Отряды штурмовиков СА и гражданских лиц при попустительстве полиции безнаказанно громили еврейские магазины, здания и синагоги. Затем последовала депортация еврейского населения в концентрационные лагеря. Начинаясь холокост (массовое уничтожение евреев) стал сигналом для их бегства из Германии и Австрии за океан.

Президент Франклин Делано Рузвельт открыто осудил действия нацистов в Германии. Он вообще был известен тем, что открыл двери правительства США для талантливых американцев еврейского происхождения. Например, Феликс Франкфуртер, профессор и юрист, служил в Верховном суде, а Генри Моргентау-мл. с 1934 по 1945 г. занимал пост министра финансов и выполнял роль политического и экономического советника президента. Однако это не повысило квоты для немецких беженцев от нацизма. В США существовали миллионы своих безработных. Кроме того, получила распространение теория о том, что евреи являются носителями чуждой американцам коммунистической идеологии и совершили Русскую революцию. Это создавало почву для антисемитских настроений внутри общества и в государственном департаменте, которые распространялись в США начиная с эпохи массовой эмиграции восточноевропейских евреев на рубеже XIX–XX вв., а в 1920-е гг. широко тиражировались организацией Ку-клукс-клан.

Тем не менее по указанию президента Рузвельта американские консулы шли на максимально возможные исключения из правил, чтобы облегчить доступ в США еврейским беженцам, спасавшимся от нацистского режима. В своем подавляющем большинстве эти эмигранты были людьми высокообразованными и легко интегрировались в американское общество. Среди наиболее известных беженцев от нацистского режима оказались уже упоминавшийся основатель современной физики Альберт Эйнштейн, всемирно известный писатель Томас Манн, оперный и симфонический дирижер Бруно Вальтер.

Ярким примером тех исключений, которые правительство США делало для известных мыслителей, ученых, писателей и деятелей искусства еврейского происхождения, бежавших от нацистского режима, стала история переезда в США «отца психоанализа» австрийца Зигмунда Фрейда и членов его семьи после аншлюса Австрии в 1938 г.

В Вене начались аресты и депортации евреев в концентрационные лагеря. Но оставалась возможность выкупить себя, свою семью и имущество за определенную сумму денег у нацистских властей, получив право на эмиграцию. Фрейд не был особо богатым человеком, но его друзья, покровители и бывшие пациенты предлагали ему деньги и помощь. Среди них оказался и Уильям Буллит, близкий друг Фрейда, первый посол США в Советской России (1933–1936), а на тот момент посол во Франции. Он также дружил с американским консулом в Вене Джоном Вайли, который после аншлюса Австрии телеграфировал в Париж, что опасается за жизнь Фрейда. Буллит сразу же позвонил президенту Рузвельту, с которым был близко знаком, а тот через государственного секретаря дал указание Вайли начать переговоры с властями Вены об эмиграции Фрейда. Он долго не хотел ехать и в итоге согласился только тогда, когда его дочь Анна попала на одну ночь в гестапо. Реализация плана по выезду Фрейда из нацистской Вены требовала серьезных дипломатических усилий, немалых финансовых средств и координации. Буллит осуществил эту операцию блестяще благодаря своим связям в Вашингтоне, поддержке Рузвельта и финансовой помощи принцессы Мари Бонапарт, правнучки брата Наполеона Бонапарта, ученицы и друга Фрейда, а также переводчицы его работ на французский. 4 июня 1938 г. 82-летний ученый и ближайшие члены его семьи покинули Вену на поезде. А остальные родственники – сестры, кузины, тетушки – погибли в концентрационных лагерях.

В Германии с 1933 по 1945 г. евреи и другие группы населения, не отвечавшие теории о создании нации истинных арийцев (будь то люди так называемого нетевтонского происхождения, нетрадиционной сексуальной ориентации или инвалиды), становились объектом преследований и уничтожения. В результате этого геноцида в концентрационных лагерях (преимущественно Восточной Европы) погибли 6 млн человек, среди которых преобладали евреи. 130 тыс. немцев сумели бежать из Германии в это время и найти убежище в Соединенных Штатах Америки.

В 1939 г. выдающийся англо-американский поэт Уистен Хью Оден, которого Иосиф Бродский назвал «трансатлантическим Горацием», написал пронзительный «Блюз беженца» (Refugee Blues), где были такие строки:

Показалось, в ясном небе начал гром греметь,
Это Гитлер твердит Европе: «Они должны умереть»;
Он имел в виду нас с тобой, моя дорогая, он имел
в виду нас с тобой.

Видел пуделя в куртке с блестящей застежкой,
Дверь открывали лакеи для кошки;
Но не для немецких евреев, моя дорогая, не для
немецких евреев.

...

Лесом шел, на деревьях там птицы сидят,
Им политик не нужен, поют, как хотят;
У людей все не так, моя дорогая, у людей все не так.

Стоял на широкой равнине под снегопадом,
Десять тысяч солдат строем шли, ряд за рядом:
Они искали нас с тобой, моя дорогая, они искали нас с тобой¹⁰.

Оден был женат на дочери немецкого писателя Томаса Манна и уехал из Англии в США в январе 1939 г., чтобы вернуться на родину лишь в середине 1950-х гг. в качестве профессора Оксфордского университета. Он, в отличие от своего тестя, бежал не от нацизма, а от начинавшейся Второй мировой войны.

Накануне и в первые ее годы в США разными путями сумело переехать значительное число послереволюционных российских эмигрантов русского, украинского и еврейского происхождения, которые до этого обосновались в Европе. Спасаясь от нацизма, эмигрировали люди самых разных политических взглядов и достатка, деятели науки и культуры. Среди них оказались А.Ф. Керенский, В.В. Набоков, М.А. Алданов, И.Ф. Стравинский, М.А. Чехов, Б.Ф. Нежинская, Р. Якобсон и многие другие. Эти русские эмигранты, как и те, кто прибыл до них, внесли важный вклад в интеллектуальное и культурное развитие американского общества, став достоянием не только России, но и США.

Политическая эмиграция из Италии за океан в период существования там режима Б. Муссолини (1922–1943) не шла ни в какое сравнение с той, что была следствием деятельности нацистов. Муссолини уделял большое внимание миллионам ита-

¹⁰ Auden W.H. Selected Poems. N.Y., 1979. P. 83–84 (перевод А.Б. Окуня).

льянских иммигрантов в США. Он, к примеру, учреждал школы в различных американских городах, в которых преподавался итальянский язык для второго поколения иммигрантов из Италии. Американский ученый итальянского происхождения Макс Асколи в 1942 г. писал, что иммигранты в США испытывали чувство гордости за то, что Муссолини вернул Италии величие, а также были «горды тем, как самые известные американцы – банкиры, президенты университетов, писатели – воздавали должное Муссолини»¹¹.

Тем не менее постепенно антифашистские настроения получили распространение и в иммигрантской среде благодаря тем, кто бежал из Италии от режима Муссолини, не желая терпеть его диктатуру, политическое и гражданское бесправие. Среди этих эмигрантов были политические и общественные деятели, ученые, артисты и писатели, режиссеры и священники, например, физик Энрико Ферми, который прославился благодаря созданию первого в мире ядерного реактора и стал одним из «отцов атомной бомбы».

Трудовые и экономические иммигранты

После окончания Первой мировой войны в Европе царил экономическая разруха, в то время как США вступили в десятилетнюю эпоху процветания. За океан, как и прежде, отправлялись трудовые иммигранты в поисках лучшей доли – итальянцы (преимущественно из Сицилии), греки, ирландцы. Однако даже до введения квотных законов, которые перекрыли кислород для большинства потенциальных иммигрантов, не всем удавалось попасть в вожделенную Америку, поскольку действовал тест на грамотность. Численность этих трудовых европейских иммигрантов резко сократилась вследствие введенных ограничений. Особенно пострадали итальянцы и греки, будучи выходцами из Южной Европы. В 1920 г. въехало более 175 тыс. греческих иммигрантов, к 1940 г. их число упало до нескольких тысяч. Из Италии в США в 1920 г. прибыло около 1 млн иммигрантов, к 1940 г. – 5 тыс. Даже ирландская иммиграция, державшаяся в 1920-е гг. на отметке 150–160 тыс., к началу Второй мировой войны сократилась до 30 тыс.

¹¹ Цит. по: *Burgan M. Immigration to the United States: Italian Immigrants. N.Y., 2005. P. 63.*

Однако квотные законы не распространялись на Западное полушарие. Поэтому эмиграция из Мексики, Карибского бассейна и вообще Латинской Америки пополняла ряды американцев не европейского происхождения.

Поскольку Филиппины были зависимой, а с 1935 г. автономной территорией США, филиппинцам вообще не требовалось разрешение на въезд. Именно они заменили азиатских иммигрантов на сахарных и ананасовых плантациях Гавайских островов и фермах Калифорнии.

Начавшийся с 1910 г. рост мексиканской иммиграции достиг своего пика в 1930 г., когда в США въехали 450 тыс. чел. Однако эта цифра упала ниже отметки в 50 тыс. к 1940 г., что стало прямым следствием Великой депрессии. В 1933 г. число безработных в США составляло 12 млн чел. В таких условиях никто не хотел видеть конкурентов в лице мексиканцев. Те же, кто въехал ранее, в условиях массовой безработицы и отсутствия социальных дотаций предпочитали возвращаться к своим родственникам в Мексику. Начиная с 1931 г. США покинули более 400 000 мексиканских иммигрантов, ставших реэмигрантами.

Новый шанс у них появился в период Второй мировой войны, когда в США не будет хватать рабочих рук. В 1942 г. президент США Рузвельт подписал с президентом Мексики Мануэлем Камачо договор, на основе которого создавалась Программа Брасеро. В Мексике открывались центры по рекрутированию рабочей силы на крупных фермах США. Американцам нужно было кормить своих солдат и отправлять продовольствие союзникам по антигитлеровской коалиции. За 22 года существования программы в США приехали 5 млн мексиканцев. Они прибывали на короткий период от трех до шести месяцев, собирали урожай и уезжали обратно. Брасерос (мексиканские рабочие) жили в плохих условиях, но это было лучше, чем не иметь куска хлеба и работы, чтобы накормить и содержать свою семью.

Один американский журналист так описывал жизнь брасерос в Сан Антонио (штат Техас):

Некрашенные лачуги... на сваях опасно кренятся во все стороны; лают собаки, кричат дети, из каждой лачуги доносятся звуки радио. Но окна украшены растениями, в грязных дворах прорастают чахлые кусты, и ипомея [высокие цветы] обвивает столбы забора. На каждом углу есть продуктовый магазин и пивной зал¹².

¹² Цит. по: *Worth R. Immigration to the United States: Mexican Immigrants.* N.Y., 2005. P. 53.

Многие из брасерос нелегально оставались в Соединенных Штатах после истечения срока действия визы, мигрировали в города и находили работу на заводах и фабриках.

Беженцы от коммунизма

Окончание Второй мировой войны создало принципиально новую и противоречивую иммиграционную ситуацию в США. С одной стороны, имидж Америки как защитницы свободы и демократии, страны возможностей, убежища для гонимых и обездоленных получил новый импульс. С другой, поток новых иммигрантов сдерживался существовавшими законодательными ограничениями для выходцев из Азии, Юго-Восточной и Центральной Европы. Наиболее очевидным это противоречие становилось в случае с политическими беженцами, для которых въезд в США был вопросом жизни и смерти.

Это обстоятельство во многом определяло *особенности иммиграционных процессов в 1945–1964 гг.* Возникший в межвоенный период поток беженцев после 1945 г. только усилился и приобрел новую географию. Драматизм ситуации усугублялся тем, что в это время в Европе находилось около 8 млн перемещенных лиц, не имевших возможности или не желавших возвращаться в свои страны. Из них 1 млн проживал в лагерях беженцев. В таких условиях в США в обход ограничений был подписан президентский указ, а затем принят Закон о перемещенных лицах. В итоге 150 тыс. человек, большинство из которых составляли евреи, смогли въехать в США. Кроме того, в соответствии с этими решениями в страну прибыли 260 тыс. поляков, а также большое количество украинцев, латышей, литовцев, эстонцев, венгров и румын, не желавших жить при коммунистических режимах. Так началось постепенное смягчение американского иммиграционного законодательства. Особой категорией иммигрантов стали жены солдат армии США, не имевшие американского гражданства, браки с которыми были заключены в разных странах в годы войны. В общей сложности их численность составила 120 тыс. человек.

После прихода к власти в Китае Коммунистической партии во главе с Мао Цзедунем китайцы, находившиеся в США (студенты, бизнесмены, дипломаты), лишились возможности вернуться на родину. Кроме того, в Соединенные Штаты устремились политические беженцы, спасавшиеся от репрессий нового режима. «Бамбуковый занавес», опустившийся после 1949 г. между Ки-

таем и внешним миром, был не менее прочным, чем «железный занавес», разделивший Европу. В результате прервались все связи между родственниками, остававшимися в Китае, и иммигрантами. Один из них вспоминал:

В Китае я владел двумя домами. И если у вас были деньги в Китае, это было преступлением. Если вы были интеллектуалом [образованным человеком], это было преступлением. По-настоящему бедные, у которых ничего не было, они были обычными людьми, поэтому никакого вреда им не было. Но если у вас был хотя бы цент, они отнимали его у вас. Если вы владели землей, они отнимали ее у вас. Они забрали все – мои деньги, мою мебель¹³.

В условиях нарастания холодной войны проблема политических беженцев использовалась как средство борьбы с мировым коммунизмом. В 1953 г. был принят Закон об оказании помощи беженцам, открывший дорогу в США 200 тыс. политических эмигрантов из социалистических стран Европы. По мере развития событий в мире происходил рост числа стран, политические эмигранты из которых получали право на убежище в Соединенных Штатах Америки. В 1956 г. после подавления антикоммунистической революции в Венгрии такое право обрели 38 тыс. венгерских «борцов за свободу». По указам президентов Дуайта Эйзенхауэра, а затем Джона Кеннеди в 1959–1962 гг. в США прибыли 250 тыс. кубинцев, бежавших от режима Фиделя Кастро. Прекращение прямого воздушного сообщения между США и Кубой во время Карибского кризиса 1962 г. приостановило этот процесс. Можно сказать, что в первые два десятилетия после окончания Второй мировой войны политическая иммиграция стала одним из доминирующих видов иммиграционного движения в США.

Однако холодная война породила и противоположную тенденцию, вызвав новую «красную панику» в США, кульминацией которой стал маккартизм. Подобно тому, как после Первой мировой войны и революции в России американское общество опасалось распространения большевистской угрозы, после Второй мировой войны и расширения сферы влияния коммунистической идеологии в мире оно почувствовало себя под ударом коммунистов. В итоге Конгрессом в обход президентского вето были приняты законы, запрещающие въезд в страну членам коммунистических партий и предоставлявшие право генеральному прокурору осуществлять депортацию иностранцев без судебного решения.

¹³ Цит. по: *Teitelbaum M.* Op. cit. P. 68.

В первой половине 1950-х гг. начался пересмотр политики привлечения рабочих рук из Мексики для обеспечения американского сельского хозяйства дешевой рабочей силой. Программа Брасеро, о которой уже шла речь, прекратила свое существование в 1964 г. Параллельно в период 1950–1955 гг. происходило усиление пограничного контроля на американо-мексиканской границе и борьбы с нелегальными иммигрантами. В результате из США были высланы около 4 млн мексиканцев с просроченными визами.

Качественно новый этап в истории иммиграции в США начался в 1965 г. в связи с принятием Закона «Об иммиграции и национальности», результатом чего стала либерализация иммиграционной политики, расширение масштабов и изменение качественных характеристик миграционных потоков. Стремление покончить с расовой и этнической дискриминацией в иммиграционной политике вписывалось в общее движение за гражданские права в США в 1960-е гг. В период 1925–1965 гг., когда действовала система иммиграционных запретов и квот, в среднем в год прибывало 123 тыс. человек, а в общей сложности численность иммигрантов составила 5 млн. В 1965–2000 гг. среднегодовой приток иммигрантов превысил 650 тыс. человек, составив в целом 22,8 млн. Одной из причин такого роста стало положение закона 1965 г. о воссоединении семей. В результате чем больше людей въезжало в США, тем больше новых иммигрантов получало право присоединиться к ним в качестве членов семьи. Все это неизбежно вело к росту численности населения, родившегося за пределами страны. Если в 1920 г. таких насчитывалось 13,9 млн человек, что составляло 13,2% населения США; в 1960 г. – 9,7 млн или 5,4% населения (эффект рестрикционистской иммиграционной политики); то в 1980 г. их было уже 14,1 млн (6,2%), а в 2000 г. – 28,4 млн (10,4%). Эти данные не учитывают нелегальных иммигрантов, которые по понятным причинам старательно избегали участия в переписи населения. Их число возросло от полу-миллиона в начале 1960-х гг. до 8–10 млн к 2000 г.

Еще более радикальные изменения произошли в этническом составе иммиграции. В период с 1951 по 1960 г. легально в США въехало около 2,5 млн человек. Из них примерно 1,3 млн (52,7%) составили переселенцы из Европы; 619 тыс. (24,6%) прибыли из Латинской Америки и стран Карибского бассейна; 378 тыс. (15%) из Канады; 153 тыс. (6,1%) из Азии и около 27 тыс. (1,1%) из всех остальных стран мира. По данным переписи населения 2000 г. из 24,8 млн иностранцев, проживавших в США на законных основаниях, 16,1 млн (56,7%) приходилось на выходцев из Латинской

Америки и стран Карибского бассейна. На второе место переместились иммигранты из стран Азии – 8,2 млн (29%), за ними следовали европейцы – 4,9 млн (17,3%). По странам происхождения иммигранты распределялись следующим образом: первое место уверенно занимали мексиканцы (32,3%), за ними китайцы (5,3%), филиппинцы (4,8%), индийцы (3,6%) и вьетнамцы (3,5%). Эти цифры демонстрируют радикальное изменение состава иммиграционных потоков, что оказывало влияние на этнические, расовые и культурные характеристики американского общества.

Новые беженцы

Помимо новой иммиграционной политики в США значительное влияние на иммиграцию оказывали международные конфликты и кризисы, а также экономические и демографические процессы, происходившие в различных регионах мира.

Окончание войны в Индокитае в 1975 г. привело к реализации крупнейшей по своим масштабам в истории США программы переселения беженцев из Вьетнама, Камбоджи и Лаоса. В общей сложности эти страны покинули от 2 до 3 млн человек, примерно половина из которых прибыла в США, составив новую большую группу азиатских иммигрантов. Этот исход из Индокитая был обусловлен падением там проамериканских режимов и необходимостью эвакуации связанного с ними населения. Телеэкраны мира обошли драматичные кадры массового бегства населения Южного Вьетнама во время наступления северовьетнамских войск на Сайгон. Последний вертолет с беженцами взлетел с крыши американского посольства в Сайгоне 29 апреля 1975 г.

Помимо тех, кого эвакуировали Соединенные Штаты, большое количество вьетнамцев спасались самостоятельно. Кто успел, улетел на коммерческих авиарейсах, кто не имел такой возможности, пытался уплыть на всевозможных плавсредствах: катерах, лодках, плотках. Эта флотилия направилась в открытый океан, где была подобрана кораблями ВМС США. Эвакуированных первоначально отправляли в лагеря для беженцев, оборудованных на островах Тихого океана (в основном на Гуаме и Филиппинах). Оттуда их переправляли в лагеря на территории Соединенных Штатов во Флориде, Калифорнии, Пенсильвании и Арканзасе. К концу 1975 г. завершилось перемещение в США 130 тыс. вьетнамцев. Переселять их из лагерей и обеспечивать нормальными условиями жизни активно помогали благотворительные органи-

зации и многочисленные волонтеры, что имело огромное значение в условиях отсутствия до этого в США значительной общины выходцев из Индокитая. В результате, в отличие, например, от кубинских иммигрантов, сконцентрированных в Майами, вьетнамцы были рассредоточены по территории страны.

К 1978 г. крупнейшая программа переселения беженцев из Индокитая была завершена, но тут подоспел новый кризис в Юго-Восточной Азии, сопровождавшийся очередным потоком беженцев. Вьетнамо-китайский конфликт, авторитарная политика лаосских властей, падение режима «красных кхмеров» в Камбодже спровоцировали массовое бегство из этих стран. Основным транспортным средством стали лодки, на которых люди отправлялись в рискованное плавание в открытый океан. Те, кому повезло, сумели добраться до Малайзии, Индонезии, Гонконга и Филиппин. Количество этих «лодочников» к концу 1979 г. превысило 290 тыс. человек. В связи с тем, что страны, принявшие их, не имели возможности, да и желания, оставлять беженцев на своей территории, была разработана международная программа их расселения под эгидой ООН. В итоге значительная часть оказалась в США.

Таким образом, в период 1975–2000 гг. в соответствии с различными программами Соединенные Штаты приняли в общей сложности около 1,5 млн беженцев из Юго-Восточной Азии.

Другим источником беженцев в этот период были страны Карибского бассейна и Центральной Америки. Первую волну кубинских беженцев 1959–1962 гг. в значительной степени составляли люди обеспеченные и представители среднего класса, спасавшиеся от революции. В 1965 г. Ф. Кастро открыл границы Кубы для свободного выезда, чем не преминули воспользоваться примерно 300 тыс. человек из различных слоев кубинского общества. Большая их часть поселилась в южной части Флориды, значительно увеличив там численность кубинской общины. Третья волна кубинской иммиграции пришлось на 1980 г., когда за несколько месяцев в США перебравшись 125 тыс. человек. Эти беженцы встретили гораздо более прохладный прием, так как считалось, что таким образом Ф. Кастро избавляется от нежелательных элементов. Летопись бегства кубинцев в США изобилует драматичными и даже трагическими эпизодами, многочисленными жертвами, а также историями чудесных спасений и воссоединений семей. Одна из них – история семьи Гонсалес. Первым членом этой семьи стала Каридад Гонсалес, прилетевшая в 1966 г. в США, где с 1961 г. находился ее бывший муж. По словам Каридад, побудительным мотивом к эмиграции стал арест в Гаване ее брата

Делфина в 1962 г. по обвинению в контрреволюционной деятельности. Сам Делфин получил разрешение покинуть Кубу лишь в 1979 г. Затем Каридад помогла перебраться в США своей сестре с мужем и тремя детьми в 1983 г., после чего в течение нескольких лет эмигрировали еще 11 членов ее семьи. Наконец, в 1999 г. произошел наиболее трагичный эпизод этой семейной саги. Племянница Каридад Элизабет со своим 5-летним сыном Элианом Гонсалесом и еще 12 беглецами отправились в путь на небольшой лодке. В пути их застиг шторм, лодка перевернулась, 11 человек, включая Элизабет, погибли. Выжили лишь трое, среди них был Элиан. Его отец и кубинские власти потребовали возвращения мальчика на родину. В итоге после долгих разбирательств американский суд решил, что Элиан должен быть возвращен к отцу на Кубу. Родственники, приютившие его в Майами, пытались добиться пересмотра этого решения, но получили отказ. В результате в июне 2000 г. Элиан Гонсалес вернулся на Кубу, где проживает до сих пор. Эта история вызвала огромный общественный резонанс и привлекла внимание к проблеме нелегальных беженцев с Кубы, рисковавших жизнью в своем стремлении добраться до возделенного берега Флориды.

Иной характер имела проблема беженцев из Гаити, которые начали массово покидать страну в 1972 г., спасаясь от диктатуры сначала Франсуа Дювалье (Папа Док), а затем его сына (Бэби Док). Они прибывали в США как легально, оставаясь затем по истечении срока действия визы, так и в лодках на побережье Флориды. К 1980 г. в США находились уже более 80 тыс. гаитян, сконцентрированных в основном в Нью-Йорке. В течение долгого времени правительство США отказывалось предоставить им статус беженцев, так как они не могли предоставить доказательства того, что подвергались преследованиям и опасности на родине. В результате значительная часть гаитян оказалась нелегальными иммигрантами, не получая, в отличие от кубинцев, какой-либо помощи.

В условиях политической нестабильности в странах Центральной Америки 1980-х гг. в США устремились также десятки тысяч никарагуанцев, сальвадорцев и гватемальцев. В целом количество иммигрировавших в США по разным причинам представителей стран Карибского бассейна и Центральной Америки в 1970–1980-е гг. превысило 1 млн человек.

Однако по своим масштабам этот поток беженцев не шел ни в какое сравнение с ростом числа азиатских иммигрантов, преимущественно из Китая и Индии. Если в период 1955–1964 гг. азиатские иммигранты составляли всего 7,7% от общего количества

въехавших в США, то в 1975–1984 гг. их доля достигла рекордных 43,3%. Это объяснялось политическими, социальными и экономическими условиями, существовавшими в странах-донорах.

После восстановления отношений Китая с США и начала политики реформ открылись новые возможности для иммиграции китайцев за океан. До конца 1970-х гг. основную их массу составляли жители Тайваня. Однако затем начал нарастать поток китайцев из материкового Китая. Ежегодно в США прибывало до 45 тыс. китайских иммигрантов, не считая тех, кто ехал по студенческим и туристическим визам. После событий на площади Тяньаньмэнь в 1989 г., когда была жестоко подавлена студенческая демонстрация, около 32 тыс. китайских студентов, учившихся в США, решили не возвращаться на родину. В 1992 г. еще 50 тыс. студентов из Китая получили убежище в США. В целом за период 1980–1990-х гг. китайское население страны удвоилось и превысило 1,6 млн человек, к началу 2000-х гг. оно достигло 2,5 млн.

«Утечка мозгов» из Китая и Индии

Столь же быстрыми темпами росла численность иммигрантов из Индии. Особенностью волны китайских и индийских иммигрантов в конце XX– начале XXI вв. стало то, что значительную ее часть составляли образованные, квалифицированные представители молодого поколения, стремящиеся найти возможность реализовать свои знания и способности в условиях высокотехнологичной экономики США. По данным исследования, проведенного американскими учеными, за период 1995–2005 гг. индийские иммигранты основали больше инженерных и технологических компаний, чем иммигранты из Великобритании, Китая, Тайваня и Японии вместе взятые. Процент стартапов в Кремниевой долине, основанных индийскими иммигрантами, вырос с 7% в 1999 г. до 15,5% в 2006 г. Индийцы занимают ведущие позиции практически во всех американских высокотехнологичных компаниях.

Развитие Интернета в 1990-х гг. (the “dot-com boom”) привело к волне китайских иммигрантов, обладавших высокой квалификацией в сфере информационных технологий. Как и первые китайские иммигранты, прибывавшие в Калифорнию во время «золотой лихорадки», они ехали с мечтой добиться успеха и разбогатеть в Америке. Многие из них нашли себе применение в Кремниевой долине. Одним из них стал Джерри Янг, основатель

компании “Yahoo!”. Он родился в 1967 г. на Тайване, подростком иммигрировал вместе с родителями в США. В возрасте 26 лет, учась в аспирантуре Стэнфордского университета, создал первый интернет-поисковик, что положило начало деятельности одной из самых успешных интернет-компаний.

В результате индийцы, китайцы и представители других стран Азии заняли доминирующее место в процессе так называемой утечки мозгов в США, в начале XXI в. они уже составляли более половины всех высококвалифицированных специалистов, иммигрировавших в Соединенные Штаты. Таким образом, постепенно изменяется облик трудовой иммиграции из Азии в США.

Окончание холодной войны, распад Советского Союза и социалистической системы, падение «железного» и «бамбукового» занавесов открыли новую страницу в истории иммиграции в США. Началась новая эра со своими достижениями и проблемами и с характерными для нее вызовами мультикультурализма.

За четырехсотлетнюю историю иммиграции в США менялся ее характер и состав, отношение к ней внутри американского общества, возникали и разрушались мифы и стереотипы восприятия. Одно оставалось неизменным. Соединенные Штаты, начиная с колониального периода своей истории, влекли к себе иммигрантов со всех уголков земного шара как убежище от страха и притеснений, нужды и бедности, как страна открытых горизонтов, где каждый может реализовать себя, найти свое место в жизни, работу и достаток, религиозную свободу и культурное разнообразие.

Этот образ «земли обетованной» привлекал и продолжает привлекать в страну трудолюбивых, энергичных, амбициозных, творческих представителей различных этносов, культур, цивилизаций. Он является важнейшим символическим капиталом Соединенных Штатов Америки, которые стали домом для нации наций, уникального соединения опыта, знаний, традиций народов мира, сплотив их в единую и одновременно многообразную общность.

Для дальнейшего изучения

- Нитобург Э.Л.* Русские в США: История и судьбы: 1870–1970. М., 2005.
- Тен В.А.* Иммиграционная политика США в XVII–XX вв.: Краткий исторический очерк. М., 1998.
- American Immigration: An Encyclopedia of Political, Social, and Cultural Changes. Vol. 1–4. Ed. by Ciment J., Radzilowski J. N.Y., 2015.

Daniels R. American Immigration. A Student Companion. Oxford University Press, 2001.

Immigration to the United States. 11 Books. N.Y., 2004.

Loucky J., Armstrong J., Estrada L.J. Immigration in America Today: An Encyclopedia. Westport, Conn., 2006.

Электронные ресурсы

Видеоролик к данной лекции см.: <https://edu.amc.ru/courses>

America and the Holocaust: Facing History and Ourselves [Электронный ресурс]. URL: <https://www.facinghistory.org/defying-nazis/america-and-holocaust> (дата обращения 18.02.2021).

The Bracero Program [Электронный ресурс]. URL: https://www.unco.edu/colorado-oral-history-migratory-labor-project/pdf/Bracero_Program_PowerPoint.pdf (дата обращения 18.02.2021).

The Braceros: An Oregon Experience [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pbs.org/video/oregon-experience-the-braceros/> (дата обращения 18.02.2021).

German Jewish Refugees: 1933–1939: The Holocaust Encyclopedia [Электронный ресурс]. URL: <https://encyclopedia.ushmm.org/content/en/article/refugees> (дата обращения 18.02.2021).

Russian immigration history – Russian Heritage Museum [Электронный ресурс]. URL: http://russianheritagemuseum.com/en/history_of_Russian_immigration/ (дата обращения 18.02.2021).

Vietnam. “The Boat People Crisis”. 1979 [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?vE_i_HkeqN5E (дата обращения 18.02.2021).

Тема 3. Что значит быть и становиться американцем

Американцы не случайно постоянно задаются вопросом: «Кто они?». Ведь с самого начала своей истории Соединенные Штаты были нацией наций, находящейся в непрерывном процессе формирования, поскольку новые и новые волны иммиграции постоянно меняли и продолжают менять этнический состав населения.

В 1776 г., когда 13 колоний, вступивших в Войну за независимость, превратились в Соединенные Штаты Америки, Томас Пейн, недавно прибывший из Англии и ставший одним из идеологов Американской революции, писал в памфлете «Здравый смысл»:

Европа, а не Англия является прародительницей Америки. Этот новый мир стал убежищем для гонимых искателей гражданской и религиозной свободы со всех уголков Европы¹⁴.

В 1782 г. о том же рассуждал в «Письмах американского фермера» французский эмигрант Мишель Гийом Жан де Креверкер, спрятавшийся под маской простодушного фермера из Пенсильвании Джеймса Сент Джона:

Кто же тогда есть американец, сей новый человек? Это или европеец или потомок европейцев, и посему ни в одной другой стране мира Вы не обнаружите столь странного смещения кровей. Я мог бы указать Вам главу семейства, у которого дед был англичанином, жена голландка, старший сын женат на француженке, а четверо других – на женщинах четырех разных национальностей. Если некто, отбросив свои старые привычки и нравы, взамен приобретает новые под воздействием нового образа жизни, им усвоенного, нового правительства, которому он подчиняется, и нового положения, которое он занимает, сей человек и есть американец.

¹⁴ *Paine Th. Common Sense // Paine Th. Rights of Man, Common Sense and Other Political Writings. Oxford University Press, 1998. P. 22.*

Он сделался американцем, когда наша великая *Alma Mater* приняла его в свое обширное лоно. В Америке из представителей разных наций выплавляется новый народ, чьи труды и потомки когда-нибудь произведут в мире величайшие перемены¹⁵.

По своему рождению Кревекер вовсе не был фермером. Он вырос в дворянской семье в Нормандии и получил образование в иезуитском колледже. После ссоры с отцом отправился в Англию, а в 1755 г. уехал в Канаду, где принял участие в англо-французской войне. После разгрома французов Кревекер остался жить в колонии Нью-Йорк под именем Джеймса Гектора Сент Джона. Работал землемером и торговцем вразнос, вел бродячую жизнь и в малонаселенных районах часто общался с индейцами. В 1769 г. он женился на дочери состоятельного землевладельца, купил надел земли, выстроил дом, вырастил сад и занялся фермерским трудом. В 1779 г., уже после начала Войны за независимость (1775–1783), Кревекер решил восстановить родственные связи во Франции. После множества злоключений он таки добрался до Лондона, где и опубликовал «Письма американского фермера». Это принесло ему известность и должность французского консула в США, поскольку в 1778 г. Франция первой признала независимость восставших колоний в пику Англии, своей основной сопернице в международных делах. По прибытии в Нью-Йорк Кревекер с ужасом обнаружил, что в ходе военных действий его дом сожгли, любимая жена умерла, а детей взяли под свою опеку родственники. Кревекер попытался заново восстановить свою американскую жизнь, при этом деятельно исполняя обязанности консула. Однако так и не смог вновь стать американцем и навсегда покинул страну в 1790 г.

В «Письмах американского фермера», которые в 1780-е гг. выдержали два французских издания, а также были опубликованы в Германии и в Голландии, Кревекер подводил итог процесса формирования этнического состава колониального общества и подчеркивал, что американец – это сплав европейцев, это человек смешанного происхождения. Так зарождалась будущая теория «плавильного котла» (*melting pot*). Она наполнится содержанием и получит название как одна из основных ассимиляционных теорий, связанных с формированием американской

¹⁵ *Кревекер С.Дж., де. Письма американского фермера // Брэдфорд У., Франклин Б., Кревекер С.Дж., де. История поселения в Плимуте. Автобиография. Памфлеты. Письма американского фермера. М., 1987. С. 560.*

нации, в начале XX в. Но также, как и слова Кревекера, будет ориентирована на понимание того, что американцы – это представители разных наций, которые сплавляются в новый тип личности в новых условиях.

Кревекер заложил основу мифа американизации, рассказывая о том, как иммигранты из Старого Света хотели непременно расстаться со своим европейским прошлым и пройти легкий путь превращения в американца, как они «сплавлялись» в единое американское сообщество и посредством этого обретали свободу и достаток. Кстати, к началу Войны за независимость американцами уже называли не индейцев-аборигенов, а европейских переселенцев и их потомков.

«Письма американского фермера» появились в то время, когда правительство США продолжило поощрительную иммиграционную политику, начатую в колониальный период. Тогда Великобритания и местные органы власти в колониях всячески стимулировали переселение как белых европейцев, так и темнокожих рабов, насильственно ввозившихся с западного побережья Африки и становившихся подневольными иммигрантами.

Иммиграционная политика «открытых дверей»

С 1776 по 1861 г. Соединенные Штаты проводили иммиграционную политику «открытых дверей», всячески поощряя эмигрантов из Европы переселяться в страну в условиях промышленной революции и континентальной экспансии, в ходе которой присоединялись новые земли на Западе и возникали новые штаты. Уже во время заседаний Конституционного конвента в Филадельфии в 1787 г. отцы-основатели обсуждали вопрос о стимулировании иммиграции, жизненно необходимой США для заселения территорий и развития экономики. В том же году был принят Северо-Западный Ордонанс и создан федеральный фонд земель на Северо-Западной территории за Аппалачскими горами, куда был открыт путь всем желающим. А с начала XIX в. в Европе начали действовать специальные агенты, которые занимались вербовкой иммигрантов.

В 1790 г. был принят первый иммиграционный закон. Им стал «Закон о натурализации», согласно которому любой «свободный белый человек», проживший на территории страны два года, мог стать гражданином США. Рабы и свободные темнокожие жители таким правом не наделялись. На протяжении первой

половины XIX в. интерес федерального правительства к проблемам иммиграции сводился к тому, что государственный департамент с 1820 г. начал вести учет иммигрантов, а Таможенная служба, позднее Министерство финансов, составляла отчеты об иммиграции.

Однако уже в первые годы существования США иммиграция сделалась предметом острой партийно-политической борьбы. Произошло это под влиянием радикальных событий в революционной Франции, где якобинцы заставили гильотину работать в полную силу, сделав объектом революционного террора своих политических оппонентов. В этих условиях в 1795 г. администрация президента Джорджа Вашингтона увеличила срок натурализации (получения гражданства) до пяти лет. В свою очередь, в 1798 г. федералисты инициировали «Закон о враждебных иностранцах». Параллельно срок натурализации был увеличен до 14 лет. Это произошло в президентство Джона Адамса, стоявшего у истоков англосаксонской теории формирования американской нации. Еще в бытность вице-президентом в администрации Джорджа Вашингтона он заявлял, что для иммигрантов, не приспособившихся к ценностям и политической культуре США, всегда открыта обратная дорога через океан.

Закон 1798 г. вызвал бурную реакцию со стороны республикацев в Конгрессе. В 1800 г. их кандидат на должность президента Томас Джефферсон включил в свою победную избирательную кампанию защиту принципа свободы иммиграции, формирующей смешанный этнический состав американского общества. В итоге закон отменили, а позже восстановили 5-летний ценз проживания для получения гражданства.

Так в США, несмотря на политику «открытых дверей», зарождались споры об иммиграции и о том, кто такой американец по своему происхождению, а также наблюдался первый всплеск нейтивистских настроений. В широком смысле нейтивизм – это стремление ограничить права иммигрантов, которые могли стать угрозой (в данном случае идеологической) для американского образа жизни, сформированного переселенцами из Западной Европы, которые основали колонии и отстаивали их независимость.

В самостоятельное движение нейтивизм превратился в 1830–1840-е гг. под влиянием двух факторов. Во-первых, к этому времени получили преобладание англосаксонские правовые нормы и протестантская мораль, а «истинным американцем» стал считаться белый англосакс-протестант. Во-вторых, в США в большом количестве устремились эмигранты-католики из Ирландии и южнонемецких земель. В 1830 г. в Нью-Йорке начала

выходить газета «Протестант», нацеленная на антикатолическую пропаганду, а основанное в 1844 г. «Американское протестантское общество» добивалось того, чтобы во время богослужений читались антикатолические молитвы. Среди известных нейтивистов был, например, американский изобретатель телеграфа Самюэль Морзе, который в 1835 г. написал книгу о заговоре католиков-иностранцев против США. В это же время Лайман Бичер, известный пресвитерианский священник, предупреждал о том, что экспансия иммигрантов в долину реки Миссисипи подорвет основы республиканского правления.

Политически активные нейтивисты в 1849 г. создали в Нью-Йорке «Партию ничего-не-знающих», или «Американскую партию». Она возникла как тайный орден, а в первой половине 1850-х гг. выросла в общенациональную третью партию. Ее члены отвечали посторонним на любые вопросы: «Я ничего не знаю». Они голосовали за уроженцев США на всех выборах, добивались увеличения срока натурализации до 21 года и боролись против католической церкви. Нейтивисты даже выдвинули своего кандидата в президенты Милларда Филмора на выборах 1856 г., однако раскололись по вопросу о рабстве и распались.

Несмотря на всплеск нейтивизма в первой половине XIX в., он не оказал никакого влияния на иммиграционное законодательство и масштабы иммиграции. Пока время для этого не пришло. Только за период 1845–1860 гг. в США переселились почти 4 млн человек. И среди них масса католиков из Ирландии и Южной Германии. К 1850 г. их насчитывалось в США уже 1,6 млн человек, что заставило правительства штатов приступить к отмене запретов на занятие должностей католиками (последний отменили в 1877 г.).

Регулирование иммиграции через выборочные ограничения

С 1862 г. уже в ходе Гражданской войны (1861–1865) начался новый период в истории иммиграционной политики – «регулирования через выборочные ограничения». Он продлился до 1917 г. Эта политика была призвана ограничить приток «нежелательных иммигрантов», оставив двери США открытыми для тех, кто мог максимально быстро стать американцем. И первыми в категорию «нежелательных иммигрантов» попали китайцы, активно переселявшиеся в Калифорнию в период

«золотой лихорадки». Это привело к обострению межэтнических отношений. В Калифорнии начались антикитайские погромы, а местные политические и общественные деятели, представители рабочих организаций, священники и журналисты принялись рассуждать о «желтой угрозе». В итоге в 1882 г. был принят закон, запрещающий въезд китайских иммигрантов в течение 10 лет. Затем этот запрет стал бессрочным и просуществовал до 1943 г., когда Конгресс США одобрил Акт об аннулировании закона 1882 года.

С 1875 г. все вопросы, связанные с иммиграцией, выводились из сферы компетенции штатов и передавались федеральным властям. С 1891 г. появилась должность суперинтенданта иммиграции, а внутри министерства финансов создавалась соответствующая служба. С 1906 г. управление над иммиграцией передавалось в Министерство торговли и труда. Это объяснялось наплывом иммигрантов, которым было теперь легче и дешевле отправляться за океан, а также изменением их состава: преобладали выходцы из Восточной и Южной Европы (а не западноевропейцы) и люди малообеспеченные. Они предпочитали селиться в крупных городах атлантического побережья, создавая этнические кварталы, а не рассредоточиваться по стране. За период с 1890 по 1910 г. иммиграция в США достигла 12 500 000 чел.

Регулирование этого мощного переселенческого потока осуществлялось за счет ограничений в отношении различных категорий иммигрантов. Так, въезд в страну запрещался преступникам, людям с психическими и инфекционными заболеваниями, законтрактованным рабочим, девушкам, приезжающим без сопровождения родственников, поскольку они могли пополнить ряды проституток, анархистам. Именно это превращало остров Эллис, где в 1892 г. открылась новая иммиграционная станция, в «Остров слез», поскольку некоторым переселенцам (в среднем 2–3%) приходилось расставаться со своей американской мечтой и отправляться обратно. В 1903 г. Конгресс разрешил депортировать лиц, которые, прожив в США два года, утратили способность обеспечивать себя и превратились в обузу для общества.

Постоянное расширение и ужесточение списка ограничений стало следствием деятельности нейтивистов, отстаивавших англосаксонскую теорию формирования американской нации. Они активизировались в США в конце XIX в. и на этот раз сумели оказать непосредственное влияние на иммиграционное законодательство.

Это произошло потому, что американское общество переживало бурный период индустриализации, урбанизации, социальных и расовых конфликтов, сегрегации и политической коррупции. Одни разорялись, другие – богатели. Владельцы небольших предприятий не выдерживали конкуренции с корпорациями, фермеры страдали от низких цен на сельскохозяйственную продукцию и земельных спекуляций на Западе, в городах распространялась преступность, проституция, инфекционные заболевания. Это было сложное для американцев время перемен и переоценки ценностей. Не случайно впервые в истории США возникают социалистические партии, формируется рабочее и профсоюзное движение, а либералы обновляют свою программу с учетом вызовов «снизу» и «слева». В такие смутные времена людям всегда хочется получить простой и понятный ответ на вопрос: «Кто виноват в их бедах?»

И нейтивисты подсказали простой ответ. Виноваты толпы «новых иммигрантов», столь непохожих на белых англосаксов протестантов (WASP), создавших США и формировавших американскую нацию. Нужно было спасти «истинных американцев» от нашествия итальянцев, греков, славян, восточноевропейских евреев, поляков, которые могли превратить Америку в «выгребную яму Европы».

Проводником программы нейтивизма стала «Лига по ограничению иммиграции». Она была создана в 1894 г. в Бостоне группой выпускников Гарвардского университета – юристами и правоведами Чарльзом Уорреном и Прескотом Холлом, писателем и первым ученым в области изучения климата Робертом Уордом, одним из лидеров Республиканской партии и историком Генри Кэботом Лоджем. Лига видела свою цель в том, чтобы ужесточить иммиграционное законодательство и, в частности, ввести тест на грамотность для иммигрантов.

С ограничительными требованиями выступали в тот период лидеры рабочих организаций, социальные реформаторы, представители благотворительных обществ, чиновники иммиграционной службы и известные интеллектуалы. Подобные настроения распространились в среде конгрессменов, прежде всего из рядов Республиканской партии. Интеллектуалы-аристократы Новой Англии обеспечивали идейную программу движения, пугая американское общество угрозой «расового самоубийства» вследствие смешения с иммигрантами; тред-юнионы (американские профсоюзы) противостояли действиям промышленников, стремившихся привлечь дешевую рабочую силу из других стран; рядовые американцы с Юга и Дальнего Запада ощущали себя жителями

своеобразной «ментальной» границы, защитниками белой англосаксонской культуры от нашествия извне.

Иммигрантов обвиняли в снижении заработной платы и жизненных стандартов рабочих, в том, что они крадут рабочие места американцев, в росте преступности, пауперизма, проституции, инфекционных заболеваний, в падении нравов, в перенаселенности городов с их трущобами, в снижении уровня грамотности в обществе, в неумении пользоваться свободой и демократией.

В 1907 г. под влиянием нейтивистских настроений Конгресс создал Иммиграционную комиссию США во главе с сенатором от штата Вермонт Уильямом Диллингхэмом. Она закончила свою работу в 1911 г. и пришла к выводу о существовании угрозы со стороны «новой иммиграции» для американского общества, его традиций и культуры.

Безусловно, «новые иммигранты», прибывавшие к берегам Америки на рубеже XIX–XX вв. давали повод для подобных утверждений. Они были бедными, малообразованными, селились обособленно, приезжали из стран, где существовали монархические режимы, а в их среде были распространены радикальные идеи. Например, одним из лидеров анархистов в США стала Эмма Голдман, эмигрировавшая из Российской империи, а убийство президента Уильяма Маккинли в 1901 г. совершил сын польских иммигрантов Леон Чолгош. Но все это еще не делало «новых иммигрантов» основными виновниками тех социально-экономических и политических проблем, которые переживало американское общество.

В свою очередь, защитники иммиграционной политики «открытых дверей» выражали уверенность в его ассимиляционных способностях, в исправной работе плавильного «котла повседневной жизни», превращавшего иммигрантов из различных стран в американцев. В своих выступлениях на страницах прессы и в стенах Конгресса адвокаты «новой иммиграции» подчеркивали вклад переселенцев в экономическое процветание страны. Они напоминали о том, что «циркуляция крови» укрепляет здоровье нации и способствует ее прогрессивному развитию, а Соединенные Штаты, не страдая от избытка населения и недостатка продуктов питания, в состоянии обеспечить работой и куском хлеба всех желающих. В 1890-е гг. была создана «Лига по защите иммиграции».

Она развернула деятельность по разрушению ложных представлений об иммигрантах: они вовсе не крадут у американцев рабочие места, так как труд первых востребован там, где не желают работать последние; образованные и коррумпированные по-

литиканы угрожают политическим традициям страны в большей степени, чем неграмотные избиратели; проблема ассимиляции существует для первого поколения иммигрантов, а их дети легко впишутся в жизнь американского общества, над чем поработают школы, церкви, пресса и политические институты США; иммигранты, не зная английского языка, читают этнические газеты и журналы, получая полную информацию о происходящем в стране; и, наконец, достаточно обратиться к богатому культурному прошлому итальянцев, прогрессивному настоящему венгров, успехам в Америке русских евреев, чтобы избавиться от отношения к ним как к представителям низшей расы и оценить преимущества их ассимиляции для самих американцев.

Критики нейтивистов и ограничителей напоминали согражданам, что формирование нации происходило через свободное слияние, сплав представителей европейских народов, в результате чего возникала национальная общность нового типа. Поэтому «истинным американцем» является не белый англосакс протестант, а человек смешанного происхождения, что позволяет иммигрантам вносить свой вклад в формирование национальных традиций при условии интеграции в единое американское сообщество.

Нужно было просто им помочь в этом. Например, через создание социальных центров в бедных кварталах, куда могли приходиться иммигранты, чтобы получить медицинскую помощь, послушать лекции, поучаствовать в мероприятиях; посредством модернизации перенаселенных городских трущоб, открытия там новых вечерних и дневных школ и развертывания социальных программ. В этом движении помощи жителям городских трущоб, среди которых преобладали иммигранты, принимало участие много американских женщин из верхних средних слоев общества. Среди них самыми известными стали Джейн Аддамс – «святая Джейн», как называли ее иммигранты, создавшая первый социальный центр в Чикаго, и Лиллиан Уолд, американская медсестра, врачевавшая души и сердца нью-йоркской городской бедноты в доме на Генри-стрит.

Защита «новой иммиграции» выстраивалась на основе теории «плавильного котла», которая противопоставлялась теории аглоконформизма с ее приверженностью идее о белом англосаксе протестанте как «истинном американце».

Термин «плавильный котел» обязан своим происхождением названию пьесы британского журналиста и драматурга еврейского происхождения Израила Зангуилла, который приехал в США, чтобы посетить этнические кварталы Нью-Йорка и прежде

всего еврейский квартал. Главный герой пьесы молодой эмигрант из России (а Зангуилл и сам был сыном эмигрантов из Царства Польского Российской империи), глядя на корабли из Европы, входящие в порт Нью-Йорка, восклицает:

Америка – это созданный Богом тигель, величайший плавильный котел, в котором сплавляются и преобразуются все народы Европы... Немцы и французы, ирландцы и англичане, евреи и русские – все в этот тигель. Так господь создает американскую нацию¹⁶.

Пьеса «Плавильный котел» была поставлена на сцене Колумбийского театра в Вашингтоне в 1908 г., с большим успехом шла в различных городах США, а с 1914 г. – в Лондоне. Она отражала мысль о том, что великими были и грек, и славянин, и тевтонец, и итальянец, и русский, но американец – самый великий из всех, поскольку, будучи человеком смешанного происхождения, он сочетает в себе достоинства каждого из них.

Еще в 1845 г. известный американский философ и писатель Ральф Уолдо Эмерсон расширил расово-этническое наполнение американского «плавильного котла», включив туда африканцев и полинезийцев.

Однако в 1890–1920-е гг. именно англоконформизм стал господствующей моделью этнического развития США, что привело к наступлению эпохи рестрикционизма или ограничения иммиграции (1917–1965).

Иммиграционная политика «почти закрытых дверей»

Рестрикционисты сумели преодолеть вето президента Вудро Вильсона и добиться принятия Иммиграционного закона 1917 г. в конце Первой мировой войны. Согласно этому закону, ужесточался список «нежелательных иммигрантов» и вводилась «азиатская закрытая зона», в результате чего помимо китайцев был запрещен въезд в США выходцам из Афганистана, Аравии, стран Южной и Юго-Восточной Азии. Кроме того, устанавливался тест на грамотность для подростков старше 16 лет. Они должны были прочитать 30–40 слов на родном языке. Этот закон просуществовал до 1952 г.

¹⁶ *Zangwill I. The Melting-Pot: Drama in Four Acts. N.Y., 1916. P. 33.*

В период Первой мировой войны в США развернулось движение американизации иммигрантов через программы по изучению английского языка посредством натурализации, приобщения к американской культуре и призыва в армию. В итоге иммигранты должны были отказаться от своих традиций и своей идентичности и полностью ассимилироваться в американское общество. Президент Вудро Вильсон, выступая против теста на грамотность, тем не менее предпочитал иметь в тылу «единую нацию», а не сообщество групп различного этнического происхождения. Именно он ввел термин «ирландские американцы». Вильсон, имевший ирландские корни, пытался подчеркнуть различие между ирландцами-протестантами, которые иммигрировали в начале XIX в. и успели ассимилироваться (как его семья, например), и католической ирландской беднотой, которая хлынула в США в 1840–1850-е гг. и нуждалась в американизации.

Иммигранты вообще оказались под подозрением в неблагонадежности. Это касалось прежде всего немецких иммигрантов, поскольку Германия воевала против стран Антанты (Англии, Франции, России, Италии). Именно их поддерживали Соединенные Штаты и до и после вступления в войну в апреле 1917 г. В 1915 г. был создан Национальный комитет по американизации. Он нацелил свою работу на насильственную ассимиляцию иммигрантов. Кроме организации курсов по изучению английского языка и гражданства комитет занимался распределением иммигрантов по различным отраслям промышленности. В то время быть стопроцентным американцем означало быть англоамериканцем.

Антимиграционные настроения тиражировались Ку-клукс-кланом, возродившим свою деятельность в 1915 г. на основе идей расизма, антисемитизма, истинного американизма, что способствовало возвеличиванию белых англосаксов протестантов. Проповедник Уильям Симмонс воссоздал Ку-клукс-клан под влиянием фильма Дэвида Гриффита «Рождение нации». И совсем не случайно он сделал это в День благодарения – праздника, который своими корнями уходит в глубь истории, к «отцам-пилигримам», к самым первым переселенцам из Англии. Вот они-то точно были белыми англосаксами протестантами. В годы Первой мировой войны к Ку-клукс-клану примкнуло 5 млн человек. Его активность пошла на убыль лишь в период Великой депрессии (1929–1933).

В итоге в 1921 и 1924 гг. в США принимаются квотные иммиграционные законы. Согласно первому из них число ежегодно допускаемых иммигрантов из любой страны не должно было превышать 3% от числа уроженцев этой страны, проживавших

в США в 1910 г. Согласно второму – ежегодная этническая квота снизилась до 2% по состоянию на 1890 г., а также был подтвержден визовый режим, возникший еще в период войны. К 1929 г. система квот начала действовать в полном объеме.

Таким образом, в 1920-е гг. возник один из основных принципов регулирования иммиграционных потоков в США – принцип квотирования, т. е. установления количественных ограничений для прибывающих из отдельных стран и регионов. Тогда же был заложен принцип «иммиграции вне квоты» для квалифицированных специалистов, а также система преференций для членов семьи. Первая мировая война, квотные законы и начавшаяся в 1929 г. Великая депрессия радикально снизили число иммигрантов.

Параллельно в условиях «Красной паники» 1917–1920 гг., которая стала следствием прихода к власти большевиков в России и роста анархизма в Европе и внутри самих США, принимается Иммиграционный закон 1918 г. Он дополнил закон «Об исключении анархистов» 1903 г. и предусматривал запрет на въезд, а также возможность депортации тех иммигрантов, которые «не верят или противодействуют любому организованному правительству»¹⁷. Подписанный в этом же году Вудро Вильсоном закон «О подстрекательстве к мятежу» также предусматривал депортацию иммигрантов за оскорбление правительства или армии США. Во многих штатах запрещалось использование красного флага, принимались собственные законы «О подстрекательстве к мятежу», а агенты генерального прокурора Александра Палмера внедрялись в радикальные организации, чтобы раскрыть заговоры против правительства и народа США. Так, в новых условиях получил свое продолжение «Закон о враждебных иностранцах» 1798 г.

Тем не менее внутри самого американского общества, несмотря на усилия американизаторов, не удалось осуществить 100% ассимиляцию иммигрантов. К концу 1920-х гг. англоконформистская (англосаксонская) теория этнического развития продемонстрировала свою несостоятельность, поскольку она не учитывала живучесть этнических традиций и культур иммигрантов и их право вносить свой вклад в формирование американской идентичности.

С критикой американизаторов выступали ученые, писатели и публицисты того времени, например философ польского

¹⁷ *Ciment J., Radzilowski J.* American Immigration. An Encyclopedia of Political, Social, and Cultural Change. Vol. 4. London; N.Y., 2015. P. 924–925.

происхождения Гораций Каллен, молодой писатель и литературный критик Рэндольф Боурне, философ и реформатор Джон Дьюи. Они подчеркивали, что ирландский американец, еврейский американец, итальянский американец, афроамериканец – это и есть американская нация. Ведь типичный, истинный американец является дефисным (ирландец-американец, итальянец-американец и т. д.). Так зарождался будущий этнический плюрализм, до которого американскому обществу еще нужно было дожить.

А пока на первое место выходила иная теория этнического развития – «плавильный котел». Хотя в 1917 г. в США началась эпоха ограничений в сфере иммиграционной политики, которая продлилась до 1965 г., англоконформизм дискредитировал себя в условиях кризиса политики американизации. Да, он способствовал адаптации к американской жизни посредством образовательных программ, но отрицал значение вклада в развитие США культурных традиций и национальных характеристик иммигрантов различных стран, которые в американских условиях сплавлялись в нацию наций нового типа. Именно так считали сторонники теории «плавильного котла», отрицавшие одновременно и господство белого англосакса протестанта, и право иммигрантов на дефисную идентичность.

Известный историк начала XX в. Фредерик Тернер размещал «плавильный котел» американской нации на фронтире, т. е. границе белых поселений, неустанно продвигавшейся на Запад в ходе освоения американцами континента. Именно здесь в условиях грубой демократии иммигранты, по его мнению, проходили школу американизации. А социолог из Чикагского университета Роберт Парк рассуждал о «городском плавильном котле». Представители Чикагской социологической школы заложили традицию либеральной ассимиляции.

В американских условиях это означало постепенное смешение различных народов в единое целое. Ведущая роль в стимулировании ассимиляционных процессов отводилась образовательной системе. Ведь именно в школе закладывались основы американской гражданственности и политической культуры, происходило знакомство с историческими и культурными традициями США. И именно это должно было объединить людей, приехавших из различных стран и не связанных общей историей, единством крови и веры. У них не было общего прошлого, зато появлялось общее будущее – американское.

Вторым важнейшим механизмом ассимиляции, по мнению сторонников теории «плавильного котла», становились смешан-

ные браки. Однако отношение к межэтническим, а в особенности к межрасовым, союзам у них было различным. Не стоит забывать, что накануне Второй мировой войны в тридцати одном штате межрасовые браки вообще находились под запретом. Число межэтнических браков в США начало резко нарастать после Второй мировой войны, хотя межрасовые по-прежнему были крайне редким явлением.

В целом «плавильный котел» оказался достаточно эффективным механизмом интеграции белых иммигрантов из различных стран в американское общество. Уменьшалось число этнических организаций, которые на первых порах помогали им адаптироваться на новом месте. Да, и сами эти организации постепенно меняли характер своей деятельности. Они по-прежнему помогали сохранять культурную автономию иммигрантов, но в то же время активно содействовали их сближению с американским окружением. Английский язык вытеснял национальные языки, что проявлялось не только в сокращении этнических изданий к концу 1950-х гг., но и в отказе от родного языка при проведении богослужений. Переходу к лингвистическому единству страны способствовало развитие англоязычных средств массовой коммуникации и система этнических квот, которая, сдерживая натиск иммиграции, позволяла тем, кто прибыл ранее, постепенно и достаточно успешно ассимилироваться в американское общество.

Однако за границами «плавильного котла» оставались афроамериканцы и индейцы, что было связано с политикой сегрегации, существовавшей до середины 1960-х гг. Процесс ассимиляции слабо затрагивал латиноамериканцев и азиатских иммигрантов в силу существовавших культурно-цивилизационных различий.

Вторая мировая война и начавшаяся после нее холодная война оказали существенное влияние на иммиграционные процессы и иммиграционную политику.

С одной стороны, сохранялось квотирование и политика ограничений, что подтвердил Закон об иммиграции и гражданстве 1952 г. Он был нацелен на то, чтобы обширной британской квотой не могли воспользоваться жители британских колоний, устанавливая годовую численность иммигрантов для каждой национальности и расы. Президент Гарри Трумэн наложил вето на закон, аргументировав это следующим образом:

Идея, на которой была основана эта дискриминационная политика, заключается в том, что американцы с английскими или ирландскими именами являлись лучшими людьми и лучшими гражданами.

данами, чем американцы с итальянскими или греческими, или польскими именами... Такая концепция полностью противоречит нашим традициям и идеалам¹⁸.

Однако президентское вето было преодолено.

Давая преференции высококвалифицированным специалистам и родственникам американских граждан, а также запрещая иммиграцию всех членов коммунистических и социалистических партий, закон 1952 г. установил критерии получения американского гражданства, которые актуальны и в настоящее время: возраст – не менее 18 лет; постоянное место жительства, приобретенное не ранее чем за пять лет до обращения за гражданством; законное постоянное пребывание в штате, где подано заявление, не менее трех месяцев; высокие моральные качества; «преданность Конституции США, лояльное отношение к существующему строю и желание процветания США»; владение английским языком; знание истории США, понимание принципов государственного устройства страны¹⁹.

С другой стороны, получило свое дальнейшее развитие представление об Америке как убежище для всех гонимых и обездоленных, о чем неоднократно заявлял еще Джордж Вашингтон:

Объятия Америки открыты не только для состоятельного и уважаемого Незнакомца, но и для угнетаемых и преследуемых представителей всех Наций и Религий, которым мы гостеприимно предложим все наши права и привилегии²⁰.

Ярким свидетельством приверженности данному принципу стала политика по отношению к беженцам, спасавшимся от политических, религиозных, расово-этнических преследований, от войн и гражданских конфликтов. В конце 1940-х – начале 1960-х гг. была принята целая серия законодательных актов, разрешавших беженцам въезд в США в обход системы квот: «Закон о перемещенных лицах» 1948 г., «Закон об оказании помощи беженцам» 1953 г., «Закон о миграции и помощи беженцам» 1962 г. Они позволили найти убежище в США 1 млн беженцев из раз-

¹⁸ Public Papers of the Presidents of the United States: Harry S. Truman (1952–1953). Washington: US Government Printing Office, 1966. P. 182.

¹⁹ *Ciment J., Radzilowski J.* Op. cit. P. 940–941.

²⁰ The Writings of George Washington. Vol. 27. Washington, 1938. P. 253–254.

личных стран мира. Однако это были полумеры, не изменявшие в целом дискриминационную модель иммиграционного законодательства, просуществовавшую до 1965 г.

Радикальному сдвигу в иммиграционной политике США предшествовала напряженная общественно-политическая дискуссия. Одним из ее наиболее ярких эпизодов стала публикация в 1958 г. книги «Нация иммигрантов». Ее автором был молодой сенатор от штата Массачусетс Джон Кеннеди. Обращаясь к соотечественникам, он цитировал президента Франклина Делано Рузвельта:

Помните, помните всегда, что все мы, вы и особенно я, являемся потомками иммигрантов и революционеров²¹.

Подвергнув критике иммиграционное законодательство, сенатор призвал к его радикальному пересмотру:

Иммиграционная политика должна быть щедрой; она должна быть справедливой; она должна быть гибкой. С такой политикой мы можем обратиться к миру и к своему прошлому с чистыми руками и чистой совестью. Такая политика была бы лишь подтверждением старых принципов²².

Заняв пост президента США, Джон Кеннеди сохранил приверженность провозглашенным в книге идеям, олицетворением которых стал он сам – потомок ирландских иммигрантов, первый президент США – католик, выступивший в поддержку движения за гражданские права и предложивший программу радикальной реформы иммиграционной политики страны. Эта реформа была проведена уже после выстрелов в Далласе в 1963 г., приведших к его смерти. Однако ее основные положения разрабатывались при президенте Кеннеди. Именно он инициировал замену этнических квот преференциями для квалифицированных работников в интересах американской экономики и программой воссоединения семей.

²¹ *Kennedy J.F.* A Nation of Immigrants. N.Y., 2017. P. 20.

²² *Ibid.* P. 98.

Новая эра в иммиграционной политике США

Закон «Об иммиграции и национальности» 1965 г. ознаменовал начало новой эпохи не только в истории иммиграционной политики, но и в представлениях американцев о путях дальнейшего развития нации. Закон отменял существовавшую систему квот по странам происхождения, а национальность переставала быть основным критерием при решении о допуске иностранца в США. Закон 1965 г. определил общий объем иммиграции в 290 тыс. человек в год – около 40% от этого числа предназначалось для Западного полушария без разбивки по странам, остальное – для Восточного полушария. В последнем случае каждая страна не могла использовать больше 20 тыс. виз. При этом сохранялась система преференций для членов семей американских граждан, иммиграция вне квоты для лиц с особыми талантами, право въезда для беженцев²³. Торжественная церемония утверждения этого закона президентом Линдоном Джонсоном была проведена 3 октября 1965 г. у подножья Статуи Свободы, что символизировало возвращение к истокам и традициям иммиграционной политики США. В 1978 г. Конгресс отменил квоты по полушариям, сохранив общий годовой лимит в 290 тыс. человек. Дальнейшее развитие иммиграционного законодательства шло по пути расширения лимита (в 1990 г. он достиг 700 тыс. иммиграционных виз), квоты для беженцев (в 1980 г. она составила 50 тыс.), преференций для высококвалифицированных работников.

Закон 1965 г. открыл дорогу для потока иммигрантов из Азии, Африки, Океании, Латинской Америки, которые ранее были лишены такой возможности. Приток иммигрантов увеличился с двух с половиной миллионов в 1950-х гг. до четырех с половиной миллионов в 1970-х гг. При этом иммиграция из Европы снизилась с 1,5 млн до 800 тыс. человек, в то время как иммиграция из стран Азии возросла со 130 тыс. до 1,5 млн человек, а из стран Латинской Америки – с 900 тыс. до 2 млн человек. Эта тенденция сохранилась и в дальнейшем. В 1980-е гг. в страну въехали 7 млн иммигрантов, в 1990-е гг. – 10,6 млн, с 2000 по 2010 г. – 13,9 млн. Причем эти очередные «новые иммигранты» не спешили погрузиться в американский «плавильный котел», сохраняли свою этническую и культурную самобытность, проживали в этнических или расовых общинах и говорили на национальных язы-

²³ *Ciment J., Radzilowski J.* Op. cit. P. 950–952.

ках. В итоге теории ассимиляции, которые казались неопровержимыми в 1920–1930-е гг., отвергались самой жизнью. Их место заняла теория этнического плюрализма.

Происходившие перемены были связаны с массовым движением за гражданские права, развернувшимся в США в 1960-х гг. Именно тогда на первый план выходят те, кто изначально оставался за границами «плавильного котла»: афроамериканцы и индейцы. Борьба против всех видов дискриминации, включая дискриминацию по отношению к иммигрантам, сопровождалась критикой теорий ассимиляции, будь то англоконформизм или «плавильный котел». В противовес им выдвигалась иная интерпретация знаменитого девиза «Из многих единое» (*E pluribus unum*), начертанного на американском гербе. Он трактовался теперь как непротиворечивое сосуществование в едином обществе различных этносов, культур и традиций, взаимодействие между которыми осуществляется на основе принципов равенства, взаимоуважения и взаимообогащения. Двойная идентичность превращалась из недостатка в достоинство, а дефисный американизм – в норму.

Метафорой этнического плюрализма стала «миска салата». Ведь в ней каждый ингредиент сохраняет свой особый вкус, но вместе они формируют единое блюдо, заправленное общим соусом. Под салатной заправкой в данном случае понимается государственная политика, основанная на признании и защите равных прав и возможностей для всех и каждого вне зависимости от этнического происхождения, цвета кожи, религиозных и культурных различий. Автором этой метафоры не случайно считается Ширли Чисхолм, первая афроамериканка, ставшая членом Конгресса, активистка движения за равные права против любых форм дискриминации, выдвигавшая свою кандидатуру в президенты от Демократической партии в 1972 г.

Одной из проблем, которая оставалась нерешенной, была нелегальная иммиграция. По различным подсчетам в стране находилось от трех до двенадцати миллионов нелегальных иммигрантов. Итогом многолетних дебатов стал «Закон об иммиграционной реформе и контроле» 1986 г. Он ввел санкции (от административных штрафов до уголовного наказания) за прием на работу нелегальных иммигрантов или лиц, не имеющих разрешения на работу в США, и обязывал работодателей проверять документы всех потенциальных претендентов на какую-либо должность. В законе содержался раздел, определявший порядок легализации нелегальных иммигрантов, уже находившихся в США и прибывших туда до 31 декабря 1981 г. Статус временно

проживающих иностранцев могли получить те, кто не совершал преступлений, был готов уплатить штраф и сдать экзамен по английскому языку и истории США. Через два года при условии наличия постоянного места работы, уплаты налогов и отсутствия правонарушений они могли стать постоянными жителями и подать документы на гражданство²⁴. В итоге легальный статус обрели три миллиона иммигрантов (из них 70% мексиканцы, 68% мужчины, 59% до 30 лет). Но, пользуясь принципом воссоединения семей, в страну направились родственники тех, кто смог легализоваться, в 3 раза увеличив иммиграционный поток. Закон 1986 г. заложил принцип амнистии нелегалов, который неоднократно использовался впоследствии, хотя проблему нелегальной иммиграции решить не смог.

Согласно данным Службы иммиграции и натурализации, к октябрю 1996 г. на территории США находились более 5 млн нелегальных иммигрантов, число которых возрастало на 275 тыс. человек в год. Их значительная часть незаконно пересекала границу США с Мексикой и оседала в пограничных штатах. Эти данные доказывали неэффективность политики противодействия незаконному въезду в страну. Поэтому в 1996 г. был принят «Закон о борьбе с нелегальной иммиграцией и ответственности иммигрантов». Он предусматривал меры, препятствующие проникновению в США нелегалов: усиление охраны границ и пунктов въезда в страну, ужесточение уголовной ответственности для лиц, занимающихся нелегальной доставкой людей и изготовлением фальшивых документов, увеличение сроков тюремного заключения за эти преступления, упрощение процедуры депортации (без судебного разбирательства и без права на апелляцию). Закон серьезно усложнил процедуру получения статуса беженца и расширил перечень оснований для отказа на въезд в США. Ужесточалась ответственность за нарушение сроков пребывания в стране. На 10 лет запрещался въезд тем, кто был депортирован²⁵.

Тем не менее, несмотря на ужесточение иммиграционной политики в целом, не произошло возвращения к рестрикционизму. Предпринятые меры не были направлены против каких-либо определенных этнических или социальных групп, а масштабы иммиграции не ограничивались. Президент Билл Клинтон, утвердивший этот закон, особо подчеркивал, что он ни в коем случае не направлен на запрещение иммиграции:

²⁴ *Ciment J., Radziłowski J.* Op. cit. P. 978–981.

²⁵ *Ibid.* P. 1019–1023.

Америка больше, чем любая другая нация на Земле, постоянно черпала силы и вдохновение в каждой волне иммигрантов. Среди представителей своего поколения они становились самыми активными, самыми предприимчивыми, самыми инновационными, самыми трудолюбивыми людьми. Являясь носителями различного опыта и наследия, они укрепляли нашу экономику, обогащали нашу культуру, обновляли наше обещание свободы и возможностей для всех...²⁶

В конце XX в. мультикультурное общество в США стало реальностью. По мнению сторонников этнического плюрализма, сохранение расовыми и этническими группами своих традиций, религии, языка, будучи преимуществом Соединенных Штатов, укрепляет их имидж мирового лидера свободы и демократии. Американская нация на протяжении всей своей истории находилась в процессе постоянной трансформации. Каждая волна иммиграции вносила свои особенности в ее этнический состав и культуру. Современная культурная мозаика постепенно превращает ее в нацию меньшинств, в которой ни одна из групп не будет преобладать, ни одна из культур не будет доминировать. Но этот процесс не изменяет ее главной особенности, которую великий американский поэт Уолт Уитмен еще в 1855 г. выразил следующими словами: «Это не просто нация, а Нация наций»²⁷.

Для дальнейшего изучения

- Кревекер С. Дж., де.* Письма американского фермера (Письмо третье). М., 1987.
- Никольская Г.К.* Государственная иммиграционная политика США. М., 2015.
- Тен В.А.* Иммиграционная политика США в XVII–XX вв.: Краткий исторический очерк. М., 1998.
- Чертина З.С.* Плавильный котел. Парадигмы этнического развития США. М.: ИВИ РАН, 2000.
- Alba R., Nee V.* Remaking the American Mainstream. Assimilation and Contemporary Immigration. Cambridge, 2003.
- Higham J.* Strangers in the Land. Patterns of American Nativism: 1860–1925. New Brunswick, 2002.

²⁶ Public Papers of the President of the United States: W.J. Clinton. Vol. 1. Washington, 1998. P. 956.

²⁷ *Whitman Walt.* Leaves of Grass. The First (1855) Edition. N.Y., 2005. P. 5.

Handlin O. The Uprooted. Little, Brown & Company, 1973.

Kennedy J.F. A Nation of Immigrants. N.Y., 2008.

LeMay M. Illegal Immigration: A Reference Handbook. Santa Barbara, 2007.

Orchowski M.S. The Law that Changed the Face of America: The Immigration and Nationality Act of 1965. Rowman & Littlefield, 2015.

Zangwill I. The Melting Pot. N.Y., 1916.

Электронные ресурсы

Видеоролик к данной лекции см.: <https://edu.amc.ru/courses>

Gjelten T. A Nation of Nations: A Great American Immigration Story [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=y7CSE9vxGKU> (дата обращения 18.02.2021).

Kennedy J.F. ADL Address: “We Are a Nation of Immigrants” [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=ewk_9wQVVz4 (дата обращения 18.02.2021).

We Are a Nation of Nations [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=hTFCI9h4CkU> (дата обращения 18.02.2021).

Тема 4. Американская мечта и действительность: иммигранты в «стране грез»

На протяжении всей своей истории Соединенные Штаты представлялись иммигрантам страной открытых горизонтов, где они смогут реализовать собственные планы, где им будет жить лучше и сытнее, чем на старой родине, где их не будут притеснять по религиозным и политическим мотивам, где у них и их детей будет будущее. Так иммигранты, волны которых постоянно накатывали на берега США, укрепляли веру самих американцев в исключительность их страны, в то, что все мечтают туда переселиться. За этой уверенностью стоит многовековая история, наглядно демонстрирующая, что раз не иссякает поток страждущих, значит, это лучшее место на Земле.

Реальность оказывалась куда как более прозаической и зачастую разочаровывающей. В отдельные периоды увеличивалось число тех, кто должен был вернуться, иногда по причине несоответствия требованиям иммиграционных законов США, иногда в силу того, что не мог адаптироваться на новом месте или вообще к этому не стремился, отправляясь на временные заработки. Но, с одной стороны, подавляющее большинство иммигрантов оставалось и смогло обустроиться, а с другой – их число не уменьшалось.

На процесс адаптации представителей разных волн к условиям жизни в США оказывали влияние иммиграционная политика и отношение к иммигрантам в обществе, а также их мотивация. Об этом уже говорилось в предыдущих лекциях. Сейчас речь пойдет о том, как иммигрантам жилось на новом месте, как вследствие массового переселения представителей различных этнических групп начиналось формирование их диаспор, как эти иммигранты интегрировались в американское общество и привносили свои культуры и традиции в социокультурное развитие Соединенных Штатов Америки.

«Старая» европейская иммиграция

Начиная с колониального периода формируется постоянный поток европейских переселенцев из Западной Европы, который неуклонно нарастает после Войны за независимость (1775–1783) и достигает своего пика к середине XIX в. В 1803 г. США купили у Франции огромную территорию Луизианы (так называлась вся западная часть р. Миссисипи от истоков до устья), что открыло новые земли для заселения. На Северо-Востоке набирала темпы промышленная революция, сопровождавшаяся строительством железных дорог и каналов. Американцы начали обживать долину реки Огайо – Новый Запад. Стране нужны были рабочие руки. Перенаселенная, переживавшая демографический подъем, социально-экономические кризисы, войны и революции Европа выталкивала население, а Соединенные Штаты с благодарностью его принимали. В свою очередь, развивавшееся трансатлантическое сообщение способствовало пассажирообороту и снижению стоимости билетов, а открытие месторождений золота в Калифорнии стало дополнительным аргументом в пользу переселения.

Это была так называемая старая европейская иммиграция, среди которой самыми многочисленными этническими группами стали ирландцы, немцы, англичане и скандинавы. К началу массовой «новой иммиграции» 1880-х гг. переселенцы этой волны достаточно успешно интегрировались в американское общество.

Англичане вместе с шотландцами и уэльсцами формировали третью по численности группу (первые две – ирландцы и немцы) и разделяли ценности господствовавшей англо-американской культуры. Среди этих иммигрантов были люди различных профессий: от фермеров, квалифицированных рабочих, ремесленников, техников и инженеров до владельцев магазинов, банкиров и священников. Все они искали работу, высокий заработок, возможности для приложения своих талантов. Богатые и бедные англичане, шотландцы и уэльсцы достаточно легко интегрировались в привычное социокультурное окружение, а их ассимиляция была достаточно полной. А вот другим этническим группам приходилось пройти более сложный путь превращения в американца через сохранение дефисной идентичности – ирландские, немецкие, шведские американцы.

Как только переселенец ступал на землю США, он превращался из эмигранта в иммигранта. Тех, кто прибывал в Нью-Йорк в первой половине XIX в., встречали различные гавани Нижнего Манхэттена, пролива Ист-Ривер и реки Гудзон. Под влиянием растущей иммиграции в 1855 г. была открыта иммиграционная

станция Каствль Гарден. На берегу измученных долгим путешествием эмигрантов ожидали родные и знакомые, а также представители этнических эмиграционных обществ. Они помогали вновь прибывшим найти временное жилье и давали советы по поиску работы. Немцы начали создавать такие общества еще в XVIII в., а ирландцы – в начале XIX в. В порту нужно было остерегаться всевозможных агентов, которые хотели нажиться на неопытности иммигрантов и навязать втридорога билеты на поезда и пароходы вглубь страны. Тут же представители агентств по найму рекрутировали рабочих на строительство дорог и каналов с условием их доставки к месту назначения, где у человека уже не было выбора.

Основная масса иммигрантов не оставалась в Нью-Йорке, так же, как и в других портовых городах, а ехала на Запад, где хватало земли, строились дороги, а города росли как грибы после дождя. Мобильности вновь прибывших способствовало открытие в 1825 г. в штате Нью-Йорк канала Эри, который был построен руками английских, ирландских и немецких иммигрантов и связал систему Великих озер с Атлантическим океаном через реку Гудзон. Благодаря этому такие города, как Кливленд, Чикаго, Детройт и Милуоки превратились в центры жизни переселенцев из Западной Европы.

Иммигранты также въезжали через Филадельфию (немцы, шотландцы, ирландцы), Балтимор (немцы), Бостон (англичане, ирландцы). Эти города успешно создавали свою транспортную систему, ведущую вглубь страны, хотя и не могли соперничать с Нью-Йорком как основным принимающим иммиграционным портом Соединенных Штатов. В 1840–1850-е гг. немцы и ирландцы активно въезжали на территорию США через Новый Орлеан (Луизиана), чтобы двигаться по реке Миссисипи в долину реки Огайо и осесть в таких городах, как Цинциннати (Огайо), Сент-Луис (Миссури), Луисвилл (Кентукки), Питтсбург (Пенсильвания), способствуя их созданию и процветанию. После строительства железных дорог, соединявших восточное побережье с долиной реки Миссисипи в 1850-х гг., Новый Орлеан потерял свое значение как входные ворота для иммигрантов из Европы.

Наиболее крупной этнической группой в составе «старой» европейской иммиграции стали *ирландцы*. Пик ирландской иммиграции приходится на XIX в., когда за океан, спасаясь от безземелья, голода, высоких налогов и притеснений английских лендлордов, переехали более 4 млн человек. К началу 1830-х гг. в этом переселенческом движении получили преобладание католики (до этого, включая колониальный период, ехали в ос-

новном протестанты из Северной Ирландии). Если до середины 1840-х гг. эмигрировали преимущественно представители средних классов, имевшие деньги на переезд, то затем под влиянием голода в Ирландии в США хлынула ирландская беднота. У этих крестьян-католиков едва хватало средств, чтобы добраться до крупных городов Атлантического побережья и осесть там в этнических кварталах, или сразу же в порту завербоваться на строительство дорог и каналов.

Ирландцы превратились в одно из наиболее заметных этнических меньшинств в США благодаря завораживающей музыкальной культуре. Даже стереотипизированный образ ирландца связан с музыкой – человек, танцующий джигу, с бутылкой виски или кружкой пива в руках и глиняной трубкой в зубах. Ирландские иммигранты буквально выпевали историю своей жизни в Ирландии и вынужденного бегства в Америку от угнетения британцев, бедности и голода, свою мечту о свободной Ирландии, куда бы они хотели когда-нибудь вернуться. Прочитайте слова баллады «Тысячи уплывают в Америку», и вам станет ясно, о чем идет речь. Эмоциональные и мелодичные ирландские песни и баллады быстро превратились в ирландско-американские, поскольку стали популярны в США. Их исполняли на улицах городов и продавали тексты за один цент в многолюдных местах по всей стране.

Ирландцы ехали с мечтой об Америке. Но здесь их ожидала суровая действительность. Нейтивисты считали ирландских иммигрантов чужеродным элементом для англо-американской протестантской культуры и устраивали антиирландские погромы в Нью-Йорке и Филадельфии. Их дискриминировали при приеме на работу, о чем поется в балладе “No Irish Need Apply” («Просьба ирландцам не обращаться»). Им приходилось по 12–14 часов заниматься изнурительным физическим трудом (80% ирландских иммигрантов были неквалифицированными рабочими). Тем не менее они жили в условиях большей, чем на Родине, свободы и могли заработать реальные деньги.

В США ирландские крестьяне становились городскими жителями. После строительства железных дорог и каналов они оседали в новых городах на Западе. Но большинство малообеспеченных иммигрантов сосредоточивались в ирландских этнических кварталах («Маленьких Ирландиях») в Нью-Йорке, Бостоне, Филадельфии, Чикаго. В это время в Нью-Йорке, где оставался каждый 12-й ирландец, они составляли 28% населения.

«Маленькая Ирландия» располагалась на берегах Ист-Ривера и Гудзона в нижней части Манхэттена. Это были городские трущобы (slum), где в 1850-е гг. началось строительство четырех-

пятиэтажных кирпичных многоквартирных домов (tenements), которые печально прославились своей перенаселенностью, антисанитарией, крохотными комнатами без окон и темными, вонючими лестницами. Так выглядело первое прибежище на американской земле для десятков тысяч бедных иммигрантов из Европы и этой, и следующей волны.

Ирландский квартал жил своей повседневной жизнью. Здесь было где помолиться католическим святым и поесть простую ирландскую еду. В тавернах и салунах мужчины могли выпить пива и виски, узнать новости с Родины, пообщаться с друзьями, найти новую работу и обсудить политические события. А еще поиграть в азартные игры, пошуметь и подраться. Кстати, многие ирландские политические деятели начинали свою жизнь в США как владельцы таверн. В «Маленькой Ирландии» по любому случаю звучала музыка, которая позволяла переживать тоску по Родине и выпевать свою идентичность, а из спортивных состязаний предпочитали призовые кулачные бои. Не случайно американцы ирландского происхождения господствовали в американском боксе и до, и после Первой мировой войны. Достаточно вспомнить имена Джона Салливана, Падди Райана, Джеймса Корбетта, Джека Демпси и Джина Танни.

Переселившись в США, ирландцы продолжали мечтать о свободе Ирландии и были готовы поддерживать борьбу за нее материально. В их среде вообще был силен ирландский национализм, который теперь должен был уживаться с американским патриотизмом.

Немцы составляли вторую по численности этническую группу переселенцев в составе «старой» европейской иммиграции. В 1880 г. их проживало в США 1,9 млн человек.

Немецкое иммигрантское сообщество было диверсифицировано по религиозному принципу – протестанты (лютеране и кальвинисты) из Северной Германии и католики из южнонемецких земель, по географическому признаку – выходцы из различных немецких земель, а также по социальному статусу. В последнем случае преобладали обеспеченные фермеры, представители городского среднего класса, квалифицированные рабочие. У этих иммигрантов были средства, чтобы начинать свою жизнь на новом месте, обрабатывая землю или открывая собственное дело в городах. После революции 1848–1849 гг. в немецкой иммиграции стала заметной интеллектуальная составляющая. Тогда, спасаясь от реакции, в США поехали адвокаты и профессора, журналисты и ученые, которые активно интегрировались в американскую политическую жизнь.

Немецкие переселенцы внесли весомый вклад в освоение Запада, покупая здесь землю или временно нанимаясь к соотечественникам, чтобы в перспективе ее купить. Они создавали высокоотоварные фермы и немецкие поселения в таких растущих штатах, как Огайо, Индиана, Иллинойс, Висконсин и Миссури, вдоль транспортных магистралей, а после Гражданской войны (1861–1865) двинулись на Великие равнины вслед за строящимися железными дорогами и начали создавать общины внутри городов и в пригородах на Дальнем Западе. Немецкие иммигранты среднего класса, среди которых было немало евреев, предпочитали селиться в городах на Западе, где открывали свои ювелирные, обувные и швейные мастерские и торговые конторы. Одиноким женщины шли прислугой в дома немецких иммигрантов с достатком.

Выходцы из Германии обосновались и в городах Атлантического побережья. Причем Балтимор, через который преимущественно въезжали иммигранты из Германии, стал самым «немецким городом». В Нью-Йорке «Маленькая Германия» располагалась к востоку от улицы Боуэри в Нижнем Манхэттене. Здесь преобладали те, кто искал заработок на заводах, фабриках и верфях. Труд малообеспеченных немецких иммигрантов использовался и на строительстве каналов и дорог.

Немцы интересовались политикой, в чем им помогали десятки газет на родном языке. Они любили создавать различные этнические организации и участвовать в их деятельности. Параллельно важной частью социальной жизни иммигрантского сообщества становились пивные таверны или пивные садики. Сюда приходили целыми семьями по воскресеньям, чтобы потанцевать, послушать музыку и пообщаться. Здесь не обсуждали политических вопросов, здесь пили пиво и веселились. Присутствие женщин и детей на таких пивных пирушках шокировало американцев, но их реакция не меняла привычек немцев.

Среди *скандинавов*, которые значительно уступали первым двум группам по численности и начали активно переселяться лишь с середины 1850-х гг., преобладали фермеры. Большая часть шведских иммигрантов устремлялась на Верхний и Средний Запад. Эта территория как раз была открыта для заселения перед Гражданской войной. Норвежцы создавали общины в таких штатах, как Иллинойс, Висконсин и Миннесота, а датчане отправлялись на территорию будущего штата Юта, куда их привлекали американские проповедники-мормоны, сделавшие Данию первым объектом своей миссионерской деятельности. В штатах Висконсин, Миннесота, Айова, Дакота было немало чисто скандинавских городков и поселений, а центром их социальной и

культурной жизни становились протестантские церкви (лютеранская и кальвинистская).

Процесс ассимиляции европейских иммигрантов происходил постепенно и не прямолинейно, гораздо быстрее в городах и поселках, чем в сельской местности. Этнические социальные организации и благотворительные общества, церкви, культурные институты и политические клубы становились не только способом поддержания старой этнической идентичности, но и обретения новой, в особенности, когда иммигрант не владел английским языком. Его изучение на курсах для взрослых или в школах, когда речь шла о детях иммигрантов, позволяло интегрироваться в американскую жизнь. Важнейшим механизмом на этом пути становилось участие в выборах после получения гражданства, приобщение к политической жизни на местном и национальном уровнях, а также к празднованию Дня независимости 4 июля.

Гражданская война в США (1861–1865) стала испытанием для «новых» американцев. Она их разделила так же, как и «старожилов», а в армии северян и южан были созданы этнические полки, хотя большинство иммигрантов воевали вместе с американскими солдатами и на стороне Союза. В целом в армии северян сражались 500 тыс. иммигрантов, что составляло 1/4 ее часть, а среди этнических генералов преобладали немцы. В армии южан иностранцы составляли 5–10% солдат.

Наиболее глубокий региональный раскол наблюдался в среде ирландских иммигрантов. Причем и в том, и в другом случае их действия отличались героизмом, воспевались в балладах и сравнивались с борьбой Ирландии за независимость. Будь то доблестный 69-й полк ирландцев из Нью-Йорка, воевавший на стороне Севера, или «Ирландские тигры» из Луизианы, сражавшиеся за южан. Между прочим, любимая маршевая песня южан “The Bonnie Blue Flag” была написана ирландским артистом Гарри Маккарти с использованием известной ирландской мелодии.

Гражданская война способствовала не только окончательному формированию американской нации, но и интеграции в нее иммигрантов, переживших раскол и воссоединение в составе единой национальной общности. В послевоенный период второе поколение иммигрантов оказалось в новой реальности, когда размывались бывшие этнические границы. В США в 1870 г. проживали 5,5 млн иностранцев по рождению, иммигранты составляли 14,4% населения, а их сообщества были особо заметными в Чикаго (48,4%), в Нью-Йорке (44,5%), в Сан-Франциско (49,3%), в Баффало (39,5%). В новых штатах Запада процент иммигрантского населения составлял от 35% до 50%.

Представители «старой» европейской иммиграции продемонстрировали реальные успехи в политике. Ирландцы уже в период Гражданской войны играли заметную роль в политической жизни крупных городов и выбирались в законодательные собрания штатов. А после войны этот процесс стал еще более масштабным. В 1886 г. Ирландец Хью О'Брайан стал первым американским мэром-католиком в Бостоне. За ним последовали другие мэры ирландского происхождения, среди которых был и Джон Фицджеральд, дедушка будущего президента США Джона Кеннеди. А другой его дедушка, Патрик Кеннеди, избирался в палату представителей и сенат законодательного собрания штата Массачусетс. Начиная с 1895 г. мэром Чикаго один за другим становились американцы ирландского происхождения Майкл Кенна и Джон Кофлин. Немцы преуспели в политике на национальном уровне. Например, еще до Гражданской войны эмигрировавший в США после подавления революции 1848–1849 гг. в Германии Карл Шурц стал заметной фигурой в Республиканской партии Авраама Линкольна.

Постепенно элементы этнических культур интегрировались в доминировавшую англо-американскую протестантскую культуру. Так, благодаря массовой иммиграции католиков из Ирландии и Южной Германии происходило распространение католицизма в США и было создано нью-йоркское архиепископство. В конце 1850-х гг. в Нью-Йорке началось строительство готического собора Святого Патрика.

Немецкие иммигранты подарили американцам радость сезона Рождественских праздников, а ирландцы научили праздновать День Святого Патрика, покровителя Ирландии, принесшего в эту некогда языческую страну христианство. Особенно масштабно его отмечали парадами, банкетами и церковными службами в Нью-Йорке, Бостоне, Филадельфии, Чикаго и Атланте, где проживало большинство ирландцев. Сами американцы 17 марта – были не прочь надеть все зеленое и заскочить в ирландский паб выпить хорошего пива за здоровье святого.

А еще ирландцы пристрастили американцев к красивым балладам и внесли реальный вклад в развитие спорта. Причем не только бокса, но и бейсбола – любимой национальной игры в США. Чарльз Комиски, известный бейсболист, основатель и владелец клуба «Чикаго Уайт Сокс», родился в семье ирландских иммигрантов.

Немецкие и скандинавские переселенцы способствовали созданию и развитию хлебопекарного производства и появлению разнообразной выпечки в городах США. Американцы по-

любили пить немецкое пиво, вытеснившее английский эль, и покупать мясо, фарш, сардельки и сосиски в немецких мясных лавках. Кстати, франкфуртские сосиски, которые продавались на улицах, стали предшественницами американских хот-догов. А кетчуп к ним начал производить представитель второго поколения немецких иммигрантов Генри Джон Хайнц.

Так переселенцы из Западной Европы, представители «тевтонских» иммиграционных потоков и их дети становились американцами, интегрируясь в американскую среду и внося туда элементы своей культуры, будь то музыка, религия, спорт или кулинария.

«Новая» европейская иммиграция

В конце XIX в. из Южной и Восточной Европы в США поехали так называемые новые иммигранты, которые вскоре превзошли западноевропейских предшественников по своей численности. Наиболее крупные этнические группы среди них составляли итальянцы, славяне и восточноевропейские евреи. За океан, кроме того, устремились греки, поляки, венгры, румыны. Всем им пришлось столкнуться с ростом антииммиграционных настроений в американском обществе, поскольку они не вписывались в понятие белого англосаксонского протестантизма.

Большинство «новых иммигрантов» въезжало через Нью-Йорк, где их встречала открытая в 1892 г. эмиграционная станция на Острове Элис, или через Бостон, Балтимор, Сан-Франциско и Новый Орлеан.

В основной своей массе это были бедняки, неквалифицированные рабочие, которые нанимались на заводы, в шахты и рудники, на всевозможные строительные работы – от городского строительства и рытья туннелей для метрополитена до прокладки железных дорог на Западе и строительства мостов. Среди них преобладали мужчины в возрасте от 18 до 45 лет и был высок процент тех, кого называли «перелетные птицы», т. е. иммигранты, которые приезжали в США на время, чтобы заработать денег и вернуться обратно. Например, в 1908–1923 гг. в Европу уехали около 89% болгар, сербов и черногорцев, 69% – румын и венгров, 60% – южных итальянцев, более 50% – греков. Именно поэтому в среде «новых иммигрантов» была так велика роль этнических «боссов» (как у итальянцев) или патронов (как у греков). Обосновавшиеся в США и хорошо говорившие по-английски, они помогали найти жилье в перенаселенных этнических кварталах и

устроиться на работу. Эти временные иммигранты зарабатывали деньги каторжным неквалифицированным трудом.

Но большая часть представителей «новой» иммиграционной волны все-таки оставалась в США. Они стремились поселиться рядом со «своими», пополняя ряды бедных жителей городских трущоб в Нью-Йорке, Чикаго, Балтиморе, Бостоне. Поляки из Российской империи и Австро-Венгрии, бежавшие от политических и религиозных преследований и социально-экономической дискриминации, создавали многочисленные сообщества в Буффало (здесь к 1900 г. проживали 70 тыс. польских иммигрантов), в Чикаго, который называли «американской Варшавой», а также в таких индустриальных центрах, как Питтсбург, Кливленд и Толедо.

Однако настоящим иммигрантским Вавилоном оставался Нью-Йорк. Здесь возникли крупнейшие этнические кварталы «новых» европейских иммигрантов – «Маленькая Италия», «Еврейский город», «Маленькая Греция». В этом смысле они повторяли путь ирландской бедноты, соседствуя с ней на Нижнем Манхэттене, вступая в ссоры, а иногда и уличные бои. Здесь жили все в тех же многоквартирных домах, нищенствовали и болели, изнурительно работали до глубокой ночи в потогонных швейных мастерских, где подрядчик платил не за часы, а за готовую вещь. Но продолжали надеяться на лучшую жизнь. Не для себя, так для своих детей.

«Маленькая Италия»

С 1880 по 1920 г. в США въехали более 4 млн итальянских иммигрантов, больше всех других этнических групп. За океан хлынули бедные и неграмотные жители Южной Италии. Среди них 40% составляли «перелетные птицы». Они несли сюда свой труд и увозили заработанные деньги. Ни о какой интеграции в американское общество речь не шла. Итальянские иммигрантские «боссы», действуя нелегально, вербовали агентов среди возвращавшихся домой, чтобы те рекрутировали новых иммигрантов. «Босс» оплачивал им переезд, помогал с трудоустройством и жильем, а за это брал процент с их заработка. Поэтому итальянцы ассоциировались с ростом преступности в США.

А еще потому, что вследствие иммиграции из Сицилии в Нью-Йорке возникает итало-американское криминальное сообщество, которое получает название мафия по аналогии с сицилийским. Отделения мафии появились и в других городах

США, где сосредотачивались итальянские иммигранты, а сама мафия выходила за границы «Маленькой Италии» и становилась международной организацией. Ее расцвет приходится на 1920-е гг., на эпоху сухого закона в США, когда мафиозные группировки делили американские города на сферы влияния. Именно тогда возшла звезда Аль Капоне, чикагского гангстера из семьи итальянских иммигрантов, переехавших в США в 1894 г. Он занимался игорным бизнесом, бутлегерством (контрабандой спиртного), сутенерством. А параллельно в период Великой депрессии (1929–1933) пустил часть денег на благотворительность, открывая столовые для безработных. Разборки между мафиозными группировками выливались в настоящие «гангстерские войны».

Несмотря на высокий процент «перелетных птиц», большинство итальянских иммигрантов ехали сюда не просто работать, но и жить. Крупнейший итальянский квартал возник в Нью-Йорке на Нижнем Ист-Сайде вокруг улицы Малберри, где на рубеже XIX–XX вв. итальянцы соседствовали с ирландцами и восточноевропейскими евреями. Перепись 1920 г. продемонстрировала, что 85% итальянских иммигрантов сосредоточилась в городах Северо-Востока, но большинство – 700 тыс. человек – в Нью-Йорке.

Жители «Маленькой Италии» говорили по-итальянски, свято хранили традиции, устраивали застолья с пастой и пиццей. Здесь работали театры и давались кукольные представления, которые итальянские иммигранты любили посещать семьями. Воскресная месса собирала толпы итальянцев-католиков, а Рождество и Пасха отмечались с особым размахом, так же как и дни различных святых. Итальянские иммигранты постепенно обжились, перевозили или заводили в Америке большие шумные семьи, тяжело работали и откладывали деньги. Родители стремились следовать традициям, а дети, посещавшие американскую школу и учившие английский язык, тянулись к новому американскому миру, зачастую вступая с ними в конфликт.

Если позволяли условия, итальянские иммигранты переселялись в более благоустроенные кварталы Нью-Йорка, Бостона или Чикаго, уезжали в угледобывающие города среднего Запада, где был выше заработок. Итальянские рыбаки создали свои общины в Сан-Франциско и в Гальвестоне, а в Калифорнии возникли многочисленные фермерские сообщества итальянцев, которые занимались виноделием.

Итальянские иммигранты, так же как и представители предыдущей волны, поначалу воспринимали американскую

культуру частично, формируя дефисную идентичность. Они создавали различные этнические организации помощи локального и общенационального уровня, социальные и спортивные клубы, принимали участие в профсоюзном движении, обучаясь защищать свои интересы, а также в политической жизни США. В 1886 г. Фрэнсис Спинола стал первым американцем итальянского происхождения, избранным в Конгресс США. В предвоенные годы из среды итальянских иммигрантов избирались уже мэры и губернаторы, а после Первой мировой войны выходец из итальянской иммигрантской семьи Фьорелло Ла Гуардия занял пост мэра Нью-Йорка и прославился своей борьбой с мафией и социальными программами для малоимущих городских жителей.

Итальянские иммигранты вносили свой вклад в развитие американского общества, делая его мультикультурным. Родившийся в 1870 г. в итальянской иммигрантской семье в Калифорнии Амадео Джиганини в 1904 г. открыл Итальянский банк в Сан-Франциско. На его основе затем возник Банк Америки, который и по сей день остается топовым и имеет отделения во всех городах США. Из среды итальянских иммигрантов выросли звезды американской эстрады и кино – Рудольфо Валентино, Джимми Дюранте, Фрэнк Синатра.

Благодаря массовой итальянской иммиграции в магазинах США появились и вошли в меню американцев всевозможные сорта пасты и пицца (первая итальянская пиццерия была открыта в Нью-Йорке в 1905 г.), сыры пармезан, моцарелла и рикота, салями и особый сорт ветчины. Итальянская иммиграция принесла с собой много искусных цирюльников (большинство американских парикмахерских перед Первой мировой войной были итальянскими) и портных. Из Северной Италии приехали резчики по камню, труд которых очень ценился, например, в Новой Англии. В 1887 г. из Венеции в Пенсильванию перебрался итальянский мальчик по имени Амадео Обичи, который, повзрослев и создав свою орехово-шоколадную компанию, приучил американцев покупать жареный арахис в небольших расфасовках. Кстати, это он придумал один из самых успешных образов американской рекламы – Мистера Арахиса, который стал лицом компании. Пакетики орехов с его изображением вы можете до сих пор найти на полках американских магазинов.

В конце XIX – начале XX в. в США поехали многочисленные *славянские иммигранты* из Российской империи (в 1913 г. русские, белорусы и украинцы составляли 13%), из Австро-Венгрии и Османской империи. В начале XX в. из Киевской

губернии эмигрировали в США несколько тысяч русских и украинских крестьян-штундистов, которые обосновались в западной части Северной Дакоты. Вскоре русские фермеры появились в Южной Дакоте, Небраске, Нью-Джерси, Канзасе, Калифорнии, Орегоне и других штатах. Постепенно они обустроивались, осваивали американскую систему земледелия, обзаводились сельскохозяйственными машинами, а некоторые еще и землю прикупали.

Однако самой многочисленной группой в составе эмиграции из Российской империи были не русские, а евреи.

«Еврейский город»

Восточноевропейские евреи – русские, польские, галицийские, румынские, литовские – стали еще одной многочисленной этнической группой, определявшей облик «новой» европейской иммиграции. С 1881 по 1914 г. еврейское население США выросло с 250 тыс. до 3 млн. Среди еврейских эмигрантов преобладали выходцы из Российской империи, бежавшие от погромов и дискриминации, от плохих социально-экономических условий в «черте оседлости» и неуверенности в будущем. В отличие от других этнических групп, среди еврейских иммигрантов был крайне низок процент реэмигрировавших (5%). Они ехали в США становиться американцами.

Еврейские переселенцы из Восточной Европы изменили господствовавшее в американском обществе представление о евреях как об обеспеченных городских жителях среднего класса, сформированное немецким еврейством в предшествующий период. Они ехали из небольших городков и местечек, были бедны и придерживались ортодоксального иудаизма. Представители «старой» еврейской общины в США, помогавшие вновь прибывшим через свои организации, забили тревогу. Они опасались, что массовый приток шумных и бедных единоверцев, которые оседали в портовых городах и не торопились отказываться от старых привычек, мог создать «еврейский вопрос» на американской почве. Эти опасения не были безосновательными, поскольку антисемитизм к тому времени стал важной составляющей антииммиграционных настроений в США.

В результате массового переселенческого движения восточноевропейских евреев Нью-Йорк к 1913 г. имел крупнейшее в мире еврейское население, которое составляло 1,6 млн чел. Нью-йоркский «еврейский город» встречал вас гулом голосов и

вывесками на идиш, магазинами кошерной пищи, уличной торговлей и обилием синагог. Достаточно замкнутые, но не изолированные от внешнего мира еврейские кварталы возникли также в Филадельфии, Чикаго, Балтиморе, Бостоне, Детройте, Кливленде. Восточноевропейские евреи в США тяжело жили и тяжело трудились, откладывая по центу на билет родственникам, свадьбу дочери, обучение сына, собственное образование. И мечтали открыть в будущем свое дело. Многим из обитателей «еврейского города» впоследствии удавалось достичь цели и подняться по ступенькам социальной лестницы.

Среди преобладавших в еврейских кварталах профессий кроме портных и педлеров (торговцев вразнос) были распространены часовщики, клерки, работники прачечных, сигареточники, шляпники, маляры, плотники, жестянщики. Сильные и здоровые шли на фабрики, создавая массовый еврейский рабочий класс. Начиная зачастую со штрейкбрехерства (замена бастовавших рабочих), эти иммигранты затем сами участвовали в забастовках и стачках, вступали в профсоюзы, становились приверженцами социалистического учения. По вечерам жители еврейского квартала посещали вечерние школы, где можно было встретить и 14–15-летних подростков, и убеленных сединами еврейских патриархов, старательно выговаривавших английские слова после дня тяжелой работы в швейной мастерской.

Еврейский квартал жил в достаточно напряженном интеллектуальном ритме. Языком общения был идиш. Он широко использовался на улице и дома, на его основе возникли различные литературные жанры, велось преподавание в еврейских школах. Газеты на идише сообщали о важнейших событиях американской жизни и проблемах еврейской общины, работали еврейские театры и концертные залы, открывались публичные библиотеки, которые патронировались состоятельными русскими евреями. Своеобразной формой организации интеллектуальной жизни стали маленькие кафе, где играли в шахматы и обсуждали все на свете: от злободневных проблем еврейского квартала до вопросов развития философии, литературы, искусства и судеб еврейства. Кроме того, общественным центром оставались синагоги.

По своему социальному составу еврейская эмиграция не была однородной. В иммигрантской среде существовал свой средний класс и экономическая элита, пополнявшиеся за счет состоятельных переселенцев и высокого уровня социальной мобильности. В Нью-Йорке эти люди жили в Бруклине или Бронксе, вытеснили американских евреев немецкого происхождения из муниципальных органов власти, монополизировали произ-

водство и продажу одежды, сигар и сигарет. Многие поднялись из низов общества, другие привезли с собой стартовый капитал. Чтобы оценить их успехи, достаточно было пройти по Бродвею и прочитать вывески владельцев театров, банков, крупных магазинов.

Восточноевропейские евреи приобщались к массовой потребительской культуре и воспринимали ценности среднего класса американского общества. Они подарили американцам Голливуд и таких композиторов, как Джордж Гершвин и Ирвинг Берлин, которые не просто заняли выдающееся место в музыкальной культуре США, они стали самой американской музыкой.

Первая мировая война (1914–1918) принесла серьезные испытания не только «новым», но и «старым» европейским иммигрантам. Ирландцы, итальянцы, евреи отправлялись воевать в Европу, когда в апреле 1917 г. США вступили в войну на стороне стран Антанты, воевавших против Германии, Австро-Венгрии и Османской империи. Однако часть иммигрантов реэмигрировала, чтобы, как 70 тыс. итальянцев, сражаться за свою родную страну с оружием в руках. Тем самым они добавляли аргументов в рассуждения американизаторов. Во время Первой мировой войны все немецкое оказалось в США под запретом: не исполнялись произведения немецких композиторов – Бетховена и Баха, в школах не преподавался больше немецкий язык, изменялись немецкие названия городов и товаров, сносились статуи немецких национальных героев, закрывались немецкоязычные газеты, а те, которые сохранялись, начали издаваться на английском языке. Быть немцем в США в это время становилось опасно, поскольку немецкие иммигранты превратились во внутренних врагов, в объект преследований, обвинений в шпионаже и подрывной деятельности в пользу Германии. Еще более печальная участь будет уготована японцам в период Второй мировой войны.

Азиатская иммиграция в США

Китайцы и японцы были этническими группами, представлявшими азиатскую иммиграцию. Она началась в середине XIX в. в разгар золотой лихорадки в Калифорнии с переселенческого движения китайцев, которые бежали от голода, нужды, гражданской войны и политики правительства. Они отправлялись в США в поисках заработка, в надежде обрести достаток и вернуться домой к родным и близким. Однако боль-

шинство китайских иммигрантов обрели в Америке новую Родину, правда, не всегда гостеприимную к слишком экзотическим пришельцам.

Чайнатаун

К 1854 г. в Калифорнию прибыли около 25 тыс. китайцев, привлеченных слухами о возможности быстро разбогатеть на золотых приисках. Часть из них осела в Сан-Франциско, где поселилась компактно в одном из районов города. Уж слишком они отличались от других жителей одеждой (деревянные башмаки, широкополые шляпы, синие хлопковые блузы, широкие штаны), прической (выбритые лбы и длинная коса у мужчин), образом жизни и привычками. Большинство из них не говорили на английском языке, поэтому проще было жить среди соотечественников. Эта часть города стала называться «Маленьким Китаем», маленьким Кантоном или Китайским кварталом. Позже за ней закрепилось ныне известное во всем мире название, не нуждающееся в переводе, – Чайнатаун.

Поселившиеся там китайцы очень быстро нашли свою нишу, обслуживая как жителей города, так и золотоискателей. В китайских бакалейных лавках продавались привычные для китайцев товары, которые быстро обрели популярность у жителей Сан-Франциско: чай, вяленое мясо, рыба, птица и свежие овощи. Торговцы поставляли из Китая фарфор и шелк. Рыбаки-китайцы обеспечивали население свежей рыбой, выловленной в заливе. По мере роста китайского населения стали открываться китайские рестораны, в которых готовили традиционную еду, что скрашивало иммигрантам пребывание вдали от родины. Слухи об экзотических блюдах, доступных в Чайнатауне, быстро распространялись по городу, разжигая любопытство и аппетит. Китайские рестораны стали входить в моду и постепенно превращались из маленьких подвальчиков, в которых кормили голодных золотоискателей, в роскошные, богато декорированные заведения, обслуживающие состоятельных клиентов.

Слишком специфические китайские блюда адаптировались применительно ко вкусам американцев. Так появилось знаменитое и очень популярное в Америке китайское рагу (chop suey). По легенде своим происхождением оно обязано временам золотой лихорадки. Группа белых нетрезвых золотоискателей, наслышанных о чудесах китайской кухни, явилась в один из китайских ресторанов уже после закрытия и потребовала ужин. Хозяин,

опасаясь гнева агрессивных посетителей, попросил повара приготовить хоть что-нибудь из остатков продуктов. Тот, собрав кусочки мяса и овощей, обжарил их в густом кисло-сладком соусе и подал на стол. Блюдо имело успех, а на вопрос, как оно называется, хозяин ответил «*chop suey*», что в переводе с китайского означает «обрезки и остатки». С этого момента посетители стали требовать китайское рагу во всех ресторанах Сан-Франциско.

Другим видом деятельности китайских иммигрантов стали прачечные. В те времена стирка и глажка белья считались чисто женской работой. И ее в лагерях золотоискателей, где преобладали мужчины, делать было некому. Предприимчивые китайцы, свободные от этих предубеждений, стали открывать прачечные, что оказалось весьма прибыльным бизнесом. К 1900 г. каждый четвертый китаец в Калифорнии работал в прачечной. Причем в самом Китае такого рода общественных прачечных не существовало. Основными развлечениями китайских иммигрантов после изнурительного многочасового рабочего дня были азартные игры и национальная музыка.

Важную роль в жизни Чайнатауна играли китайские ассоциации. Они создавались преуспевающими китайскими торговцами и помогали вновь прибывшим с поиском работы и жилья, а также оказывали медицинскую помощь, давали денежные ссуды и даже организовывали похороны. Одним из направлений деятельности ассоциаций стало поддержание традиций и национальной культуры в среде иммигрантов. В Чайнатауне были построены святилища, посвященные китайским божествам, а празднование китайского Нового года превращалось в красочную церемонию с участием практически всей общины. Большой популярностью пользовался китайский национальный театр, дававший еженедельные представления, которые могли продолжаться несколько часов. В 1900 г. в Сан-Франциско началось издание первой в Америке газеты на китайском языке.

Шесть наиболее влиятельных ассоциаций Сан-Франциско, объединившись, создали Китайскую объединенную благотворительную ассоциацию, фактически управлявшую Чайнатауном. Они разрешали споры, урегулировали конфликты, обеспечивали защиту своим членам и поддерживали порядок в китайской общине. Когда новые иммигранты прибывали в порт, их встречали представители Ассоциации и отводили в Чайнатаун, где они оказывались в привычной обстановке. Один из китайских иммигрантов так описывал свои первые впечатления от пребывания в США:

Наши люди были все в национальной одежде с косами, свисавшими за спиной, они содержали свои магазины так же, как делали это в Китае, вдоль всей улицы стояли прилавки, а бакалея и овощи громоздились на тротуарах²⁸.

Другой формой организации китайских иммигрантов стали Братства. В них входили все те, кто не желал подчиняться контролю Ассоциации, и был связан преимущественно с криминальным бизнесом – контрабандой, торговлей наркотиками, содержанием опиумокурилен, проституцией. Организованные по принципу китайских триад, они быстро распространились в китайских общинах различных городов США, сформировав еще одну ветвь этнических криминальных группировок наряду с итальянской мафией. К 1880-м гг. в стране действовало уже более 3 тыс. Братств, которые боролись между собой за контроль над прибыльным бизнесом. Жизнь Сан-Франциско вплоть до страшного землетрясения 1906 г., унесшего 3 тыс. человек, сотрясали кровавые войны Братств. Когда значительная часть города, включая Чайнатаун, оказалась разрушенной, члены Братств переместились из Сан-Франциско в Чикаго, Нью-Йорк, Сиэтл, Портленд, Лос-Анджелес. В итоге именно Нью-Йорк стал центром деятельности китайских криминальных структур, где гангстерские войны в Чайнатауне носили особенно ожесточенный характер и продолжались до 1924 г.

«Золотая лихорадка» в Калифорнии продолжалась недолго, и по ее окончании китайские рабочие оказались востребованы как на предприятиях Сан-Франциско (сигарных, текстильных, обувных фабриках), так и на строительстве трансконтинентальной железной дороги. Их ценили за редкую выносливость и высокую эффективность труда, готовность работать за низкую зарплату и неприхотливость в быту. Губернатор Калифорнии Лиланд Стэнфорд так описал вклад 12 тыс. китайских рабочих в сооружении трансконтинентальной железной дороги:

Без них было бы невозможно завершить западную часть этого великого национального предприятия²⁹.

К 1880 г. в США находилось уже около 100 тыс. китайских иммигрантов, большая часть которых была сосредоточена на тихоокеанском побережье. Их приток совпал с экономическим кризисом и безработицей. В этих условиях китайцы стали идеаль-

²⁸ Цит. по: *Teitelbaum M.* Op. cit. P. 31.

²⁹ *Ibid.* P. 37.

ным объектом для массового недовольства. Их обвиняли в том, что они отнимают рабочие места у американцев. В Калифорнии начались антикитайские погромы под лозунгами «Китайцы, уберите прочь». Особую активность проявляла Рабочая партия штата, требовавшая изгнания китайцев из страны. Под влиянием этих событий часть китайских иммигрантов отправилась в Чикаго, Бостон, Нью-Йорк.

Обеспокоенность жителей Калифорнии разделяли американцы в других регионах страны, которых пугал приток представителей неанглосаксонских культур. Сенатский комитет законодательного собрания Калифорнии принял «Обращение к народу Америки о вреде китайской иммиграции», в котором утверждалось, что китайцы не способны к ассимиляции, а само их присутствие в стране угрожает христианским ценностям. Этот сигнал был воспринят на самом высоком уровне. В 1879 г. президент Ратерфорд Хэйс заявил: «Происходящее китайское вторжение является пагубным и не должно поощряться»³⁰.

В итоге в 1882 г. принимается Исключительный закон, запрещающий китайскую иммиграцию в США. Это право сохраняли лишь учителя, студенты, купцы и дипломаты. В первый раз в истории США иммиграционное законодательство было направлено против конкретной этнической группы. Закон действовал до 1943 г. и был отменен в условиях союзничества США и Китая в период Второй мировой войны.

Японские иммигранты в США

Японцы начали иммигрировать в Америку позже китайцев, транзитом через Гавайские острова. Первая волна японской иммиграции пришлась на начало XX в., когда в страну въехало более 40 тыс. человек. Они довольно быстро обосновались на новом месте, часть из них нашла работу на фабриках и в строительстве, другие занялись фермерством. Японцы проявили себя с самой лучшей стороны, демонстрируя трудолюбие, неприхотливость, готовность тяжело трудиться за меньшую плату. Они достигли больших успехов в сельском хозяйстве. К 1919 г. японские фермы в Калифорнии производили продукции более, чем на 67 млн долл. (в современных ценах – 700 млн долл.). Используя опыт, накопленный веками, японцы добивались высокой урожайности даже на непло-

³⁰ Цит. по: *Williams L.F. The Constraint of Race: Legacies of White Skin Privilege in America. Pennsylvania State University Press, 2003. P. 71.*

дородных землях. Например, на полупустынных песчаных землях Флорина в Калифорнии они начали выращивать виноград и клубнику, которую сажали между рядами виноградников. В результате в течение первых десятилетий XX в. японские фермеры превратились в ведущих производителей данных культур в США, а Флорин приобрел славу «клубничной столицы» Америки.

Джордж Шима из Калифорнии стал одним из наиболее успешных японских иммигрантов этого периода. Его настоящее имя – Киндзи Усима. Он родился в 1863 г. в Японии и приехал в Америку в 1889 г. лишь с несколькими долларами в кармане. Найдя работу на ферме в Северной Калифорнии, тяжким трудом и бережливостью он смог скопить деньги на покупку собственной фермы. В начале 1890-х гг. он первым начал выращивать картофель в Калифорнии и к 1910 г. уже контролировал производство на 20 тыс. акров земли, превратившись в настоящего «картофельного короля» штата. К моменту своей смерти в 1926 г. Шима был одним из самых богатых калифорнийцев. Такого рода историй успеха было немало.

Качества, позволившие японцам стать одной из преуспевающих групп иммигрантов, вызывали негативную реакцию со стороны американских рабочих, не выдерживавших конкуренцию с ними на рынке труда. В западных штатах начался подъем антияпонских настроений, в Сан-Франциско произошли антияпонские погромы, а главным требованием их участников было прекращение японской иммиграции. История повторялась. Но только теперь внутренними «чужими» становились не китайцы, а японцы. Однако, в отличие от Китая, Япония являлась важным партнером США на Дальнем Востоке. Поэтому вопрос был решен путем межгосударственных переговоров и подписания в 1907 г. так называемого джентльменского соглашения. Согласно его условиям, иммиграция японских рабочих в США прекращалась. Однако те из них, кто уже находился в стране, получили возможность привезти родителей, жен и детей.

Это соглашение позволяло решить проблему почти полного отсутствия женщин в японской общине. По переписи 1900 г. в стране находилось 24 326 японцев, из них лишь 410 были женщинами. Ситуация начала меняться после 1907 г. К 1920 г. соотношение мужчин и женщин среди американских японцев стало два к одному. Часть прибывших в это время японок являлись женами, воссоединившимися со своими мужьями. Но большинство из них были так называемыми невестами по фотографии, т. е. женщинами, приезжавшими в США в надежде обрести семейное счастье и достаток с человеком, которого они видели только на фотогра-

фии. Далеко не всегда их мечты сбывались. В общей сложности с 1910 по 1920 г. в США прибыли около 19 тыс. таких невест. Они впервые встречались со своим будущим мужем на Острове Ангела, где в 1910 г. была открыта иммиграционная станция, служившая входными воротами для иммигрантов на Западном побережье США.

Другой проблемой, с которой столкнулось первое поколение японских иммигрантов (иссэи), была недоступность для них американского гражданства. В 1922 г. японский иммигрант Такао Озава пытался оспорить это в суде. В итоге слушаний Верховный суд США постановил, что по Конституции правом получения американского гражданства наделены только «свободные белые люди» и те, «кто имеет африканское происхождение». Японцы не являлись ни теми, ни другими, поэтому такого права не получали, в отличие от своих детей (нисэев), родившихся на территории США.

Японские кварталы получили распространение лишь в городах Калифорнии, где в основном и концентрировались японские иммигранты. Эти районы стали центрами развития деловой активности японцев, которая поражала воображение. По данным Иммиграционной комиссии, уже к 1909 г. на территории японских кварталов действовали 97 прачечных, 365 магазинов, 187 парикмахерских, 337 гостиниц, 381 ресторан. Так же, как в чайнатаунах, здесь возникли ассоциации, занимавшиеся социализацией вновь прибывших и выполнявшие функции органов самоуправления. Крупнейший японский квартал, получивший название «Маленький Токио», возник в Лос-Анджелесе. К 1941 г. в нем проживали около 30 тыс. человек.

Рост японской общины был прерван законом 1924 г., запретившим иммиграцию из стран Азии. А после нападения Японии на Перл-Харбор и вступления США во Вторую мировую войну в декабре 1941 г. японцы стали восприниматься как внутренние враги. По указу президента Франклина Делано Рузвельта от 19 февраля 1942 г. все жители японского происхождения были интернированы в лагеря, расположенные на территории семи штатов, как правило, в отдаленных пустынных районах. В общей сложности интернировали около 120 тыс. человек, из которых две трети составляли американские граждане. При этом многие американцы японского происхождения воевали в составе вооруженных сил США. Например, военный летчик Бен Куроки или пехотинец Дэниел Иноуэ, впоследствии ставший первым сенатором США японского происхождения.

Лишь в 1983 г. специальная комиссия Конгресса признала, что интернирование было незаконным и обуславливалось не во-

енной необходимостью, а расизмом. В 1988 г. президент Рональд Рейган подписал указ, по которому всем американцам японского происхождения, содержавшимся под стражей во время войны, выплачивалась компенсация в размере 20 тыс. долл.

В состав азиатской иммиграции также входили филиппинцы, корейцы (в основном после Корейской войны 1950–1953 гг.), вьетнамцы (после окончания войны во Вьетнаме), вносящие неповторимый колорит в культурную мозаику США и способствовавшие формированию современного американского общества.

Иммигранты из различных уголков мира не просто ехали в страну своей мечты, но и творили эту страну, преодолевая препятствия и используя новые возможности, которые она им предлагала. Джеймс Траслоу Адамс, американский писатель и историк, а также сын иммигранта из Венесуэлы, так написал об этом в 1931 г.:

Американская мечта, которая в прошлом веке привлекла десятки миллионов представителей всех наций к нашим берегам, не была просто мечтой о материальном изобилии, хотя оно, несомненно, имело большое значение. Это было нечто гораздо большее. Это была мечта о том, чтобы человек, будь то мужчина или женщина, мог полностью реализоваться, не испытывая затруднений из-за барьеров, которые возводились старыми цивилизациями, и не подвергаясь давлению социальных порядков, действовавших в интересах классов, а не простых людей³¹.

На основе этого сочетания мечтаний и возможностей создавалась история США как история иммигрантов.

Для дальнейшего изучения

- Alba R., Nee V.* Remaking the American Mainstream. Assimilation and Contemporary Immigration. Cambridge, 2003.
- American Immigration. An Encyclopedia of Political, Social, and Cultural Changes. Ed. by Ciment J., Radzilowski J. Vol. 1–4. N.Y., 2015.
- Avakian M.* Atlas of Asian-American History. N.Y., 2002.
- Bergquist J.M.* Immigrant America: 1820–1870. Westport, Conn., 2008.
- Greene V.* A Singing Ambivalence: American Immigrants between Old World and New: 1830–1930. Kent, 2004.
- Immigration to the United States. 11 Books. N.Y., 2004.

³¹ *Adams J.T.* The Epic of America. Boston, 1931. P. 374–375.

Riis J. How the Other Half Leaves. N.Y., 1890.

Williams L.F. The Constraint of Race: Legacies of White Skin Privilege in America. Pennsylvania State University Press, 2003.

Электронные ресурсы

Видеоролик к данной лекции см.: <https://edu.amc.ru/courses>

China town guarded as rival Tongs hold annual convention in New York [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=e9p2bTUN1Q8> (дата обращения 18.02.2021).

Chinatown: Immigrants in America [Электронный ресурс]. URL: https://www.snagfilms.com/films/title/chinatown_immigrants_in_america (дата обращения 18.02.2021).

Chinese Identity in America – Chinatown Documentary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=jtGVDOoUaRs> (дата обращения 18.02.2021).

Japanese Picture Brides [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=Djl3-HkyQ_U (дата обращения 18.02.2021).

Little Italy – New York [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=6MZyJlJZBrU> (дата обращения 18.02.2021).

Little Italy Mott Street Historical Exploration – Then and Now [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=zqTKOPLol0U> (дата обращения 18.02.2021).

Little Tokyo [Электронный ресурс]. URL: <https://vimeo.com/177600197> (дата обращения 18.02.2021).

Trenton Jewish Project – First Look [Электронный ресурс]. URL: <https://vimeo.com/33300676> (дата обращения 18.02.2021).

Тема 5. Вклад иммигрантов в развитие США: история в лицах

Во всех сферах нашей национальной жизни виден вклад иммигрантов. Будь то религия, политика, бизнес, искусство, образование и даже спорт и развлечения. Нет ни одной составляющей нашей нации, которая не формировалась бы на основе иммигрантского фундамента³².

Так писал в своей книге «Нация иммигрантов» Джон Кеннеди, 35-й президент США и первый президент-католик, предки которого прибыли из Ирландии.

Действительно, о какой бы стороне жизни США мы ни говорили, вклад иммигрантов разных судеб и разных национальностей, приезжавших в различные эпохи и встречавших не всегда одинаково теплый прием, очевиден. И всех вместе, и каждого в отдельности. Из истории персональных успехов и достижений этих людей складывалась история успеха американской нации в целом. Их трудами и талантами она прирастала, развивалась и процветала, открывая новые горизонты для очередных иммигрантов.

Давайте бросим взгляд на эту мозаику судеб, из которой формировался в прошлом и продолжает формироваться в настоящем облик американской нации, обратившись к опыту первого поколения иммигрантов, т. е. тех, кто переехал в США сам или в составе семьи, а не родился там.

Как иммигранты творили политику и обновляли общество

На протяжении всей истории США иммигранты, получив гражданство, начинали принимать участие в выборах и сами избираться на должности в местные и федеральные органы власти, что становилось одним из важнейших механизмов интеграции в общество «старожилов». Тот, кто достигал высот политического олимпа США, подтверждал сразу два национальных мифа.

³² *Kennedy J.F.* A Nation of Immigrants. N.Y., 2017. P. 69.

Во-первых, об Америке как о стране возможностей для всех, кто по независящим от них причинам не смог реализовать себя на старой родине, во-вторых, миф «о бревенчатой хижине», т. е. о том, что самый простой американец может стать президентом, вице-президентом страны и занять другие высокие должности, если у него есть на то способности и таланты.

Начнем с революционного периода, когда рождались Соединенные Штаты Америки. Не по воле Бога или милости монарха, а вследствие восстания против тирании Великобритании. А обоснование необходимости отделения от *Alma Mater* предложил восставшим колонистам *Томас Пейн* (1737–1809), родившийся в Англии в семье бедного ремесленника. Он сменил множество профессий, занимался самообразованием, был представлен Бенджамину Франклину и в 1774 г. прибыл в Северную Америку с его рекомендательным письмом. Став редактором Пенсильванской газеты и единомышленником Джона Адамса и Бенджамина Раша, Пейн примкнул к радикальному крылу патриотического движения.

В январе 1776 г., когда уже шла Война за независимость, но еще оставались иллюзии по поводу примирения с метрополией, он опубликовал анонимный памфлет «Здравый смысл», который разошелся тиражом в 500 тыс. экземпляров. Английский иммигрант сумел убедить восставших в том, что только создание независимого государства в форме республики, где народ будет выполнять роль верховного судьи, позволит гарантировать свободу. Эти идеи оказали непосредственное влияние на содержание «Декларации независимости», утвержденной на Втором Континентальном конгрессе 4 июля 1776 г. На протяжении всей Войны за независимость Пейн продолжал морально поддерживать дух солдат Континентальной армии своими эссе «Американский кризис», рассуждая об общечеловеческом значении борьбы американцев за свободу.

После окончания Американской революции он отправился в Европу и примкнул к Французской революции, начавшейся в 1789 г. В своем памфлете «Права человека» Пейн защищал принципы республиканского правления теперь уже во Франции, за что заслужил почетное место в рядах жирондистов. Однако после их падения лишился французского гражданства и попал в тюрьму как английский агент, где провел целый год и был отпущен в ноябре 1794 г. по просьбе американского посланника.

Пейн вернулся в США в 1802 г. Но стал объектом преследований из-за своего памфлета «Век разума», который окрестили «библией атеистов», а также из-за критики президентства Джорд-

жа Вашингтона как недостаточно демократического. Вплоть до самой смерти Пейн оставался верен своим идеалам, что не добавило ему славы и денег, но увековечило его память в пантеоне тех, кто творил историю Соединенных Штатов Америки. Хотя и с большим опозданием, но американцы в итоге признали, что ни один другой иммигрант не оказал столь мощного влияния на создание США в форме независимой республики, как Томас Пейн.

В 1789 г., после ратификации Конституции и инаугурации Джорджа Вашингтона, начался национальный период истории Соединенных Штатов, когда формировались органы власти, внутренняя и внешняя политика страны, обретала очертания ее партийно-политическая система, набирала темпы промышленная революция, разворачивалось масштабное освоение земель Запада, а либерализм превращался из теории в практику политического и экономического действия.

Среди тех, кто стоял у истоков этих процессов и способствовал их развитию, был швейцарский иммигрант *Альберт Галлатин* (1761–1849). Шесть десятилетий он оказывал непосредственное влияние на политическую и экономическую жизнь США, действуя на основе усвоенных им идей Просвещения и принципов кальвинистской веры.

Галлатин родился в богатой аристократической семье в Женеве, получил блестящее образование и в разгар Войны за независимость переехал в США, поступив в 1780 г. на службу в Континентальную армию. С 1782 г. он преподавал французский язык в Гарвардском колледже, а затем обосновался на западных землях, позже вошедших в состав Пенсильвании. Именно в этом штате Галлатин начал свою политическую карьеру на стороне джефферсоновских республиканцев, которые требовали расширения принципов демократии. С 1795 по 1801 г., когда у власти находились гамильтоновские федералисты, он входил в республиканскую фракцию в палате представителей Конгресса США, а когда победили республиканцы, занял пост министра финансов.

С 1801 по 1814 г. Галлатин находился в гуще финансово-экономической жизни американцев и примирял в своей деятельности позиции Джефферсона и Гамильтона. С Джефферсоном он расходился во взглядах на преимущества аграрного развития страны, но был солидарен в вере в народ и в недоверии к усилению исполнительной власти, а Гамильтона поддерживал в том, что касалось создания централизованной финансовой системы и приоритетов торгово-промышленного развития, но не одобрял в стремлении возвысить президента. Тем самым Галлатин вносил

важный вклад в напряженные споры о выборе путей развития страны, которые происходили в это время в США.

В 1814 г. он был направлен в Европу для участия в мирных переговорах по итогам Англо-американской войны (1812–1814) и для подготовки Гентского договора. Так началась дипломатическая карьера Галлатина. В период формирования внешнеполитического курса страны он занимал ключевые посты посланника в Париже (1816–1823) и в Лондоне (1826–1827). После отставки Галлатин начал писать труды об индейцах Северной Америки, войдя в историю США как «отец американской этнологии» и основатель Американского этнологического общества в то время, когда происходило массовое переселение индейцев и создавались резервации. Его последняя публикация 1846 г. стала публичным протестом против войны с Мексикой и аннексии Техаса.

Континентальная экспансия и включение новых штатов в состав США постоянно обостряли вопрос о рабстве. Он вышел на первый план в 1850-е гг. В 1856 г. возникла Республиканская партия, которая объединяла в своих рядах умеренных и радикальных участников антирабовладельческого движения, но выстраивала программу не на основе аболиционизма (немедленная отмена рабства), а на основе идей фрисойлеров (от free soil – свободная земля) – тех, кто требовал запретить распространение рабства на новые территории. Авраам Линкольн победил на президентских выборах 1860 г., будучи кандидатом именно этой партии.

А мобилизацию голосов иммигрантов, что способствовало его избранию, обеспечил немец *Карл Шурц* (1829–1906). Он родился в Пруссии, учился в Боннском университете и принял участие в революции 1848–1849 гг. в Германии на стороне республиканцев. После ее подавления бежал в Швейцарию и в 1852 г. окончательно переехал в США, где поселился в Филадельфии. Затем он перебрался в Висконсин, влившись в многочисленную немецкую иммигрантскую общину. Здесь его жена открыла первый в стране детский сад, тем самым поделившись с американцами немецким опытом.

Шурц встал на сторону только что созданной Республиканской партии и как руководитель делегации штата Висконсин способствовал выдвижению Линкольна кандидатом в президенты на ее съезде в 1860 г. После его победы был назначен посланником в Испанию, но вернулся в США в 1862 г., когда началась Гражданская война (1861–1865), чтобы принять участие в ключевых сражениях с конфедератами в чине генерал-майора союзной армии.

С 1865 г. началась активная журналистская деятельность Шурца. Параллельно, будучи сенатором от штата Миссури, он

выступал против коррупции в республиканской администрации Улисса Гранта и способствовал созданию первой Комиссии по гражданской службе. С 1877 по 1881 г., занимая пост министра внутренних дел, он ввел в своем ведомстве систему квалификационных экзаменов, предпринял меры по пресечению коррупции в Бюро по делам индейцев и способствовал либерализации индейской политики США в целом. Он также предложил программу по сохранению лесных ресурсов, предвосхищая деятельность президента Теодора Рузвельта в этой области, и содействовал созданию Геологической исследовательской службы США. После отставки Шурц вернулся в журналистику и погрузился в литературную деятельность, что не мешало ему занимать активную гражданскую позицию. Он выступал против Испано-американской войны 1898 г. и колониальной политики США, а также ратовал за проведение масштабной реформы гражданской службы.

Реформаторские усилия Карла Шурца вписывались в общее движение за прогрессивные реформы, охватившее американское общество на рубеже XIX–XX вв. Они были направлены на борьбу с коррупцией в органах власти, с монополизацией в экономике, нацелены на введение справедливой системы налогообложения и расширение принципов прямой демократии, на гармонизацию отношений в обществе, где обострялись конфликты между бедными и богатыми, иммигрантами и «старожилами». Пресса, которая превратилась в «четвертую власть» в США и переживала свой расцвет вследствие революции в журналистике, оказалась на передовых рубежах. Журналисты вскрывали злободневные социальные проблемы развития американского общества и публиковали разоблачительные статьи против коррумпированных политиков и «капитанов индустрии», заслужив от Теодора Рузвельта прозвище «макрейкеров» («разгребателей грязи»).

Среди прогрессивных журналистов того времени особое место занимал датский иммигрант *Джэкоб Рис* (1849–1914). Никто не внес более весомый вклад в изучение и улучшение жизни бедняков городских трущоб, среди которых преобладали иммигранты, как этот человек. Он родился в бедной многодетной семье в Дании и в 1870 г. эмигрировал в США, имея за плечами профессию плотника. Три года колесил по востоку страны, перебиваясь случайными заработками, зачастую голодая и не имея возможности платить за кров над головой. Затем решил попробовать себя на поприще репортера, отправляя статьи в нью-йоркские газеты. Ярко и реалистично написанные репортажи обеспечили ему работу в разделе полицейской хроники газеты “New York Tribune” (1887–1888) и “New York Evening Sun”

(1888–1899) и позволили найти дело всей его жизни. Офис Риса находился на улице Малберри в Нижнем Ист-Сайде Нью-Йорка в сердце иммигрантских этнических кварталов, а талант репортера сделал его выдающимся журналистом-исследователем и пионером фотожурналистики.

На протяжении двух десятилетий Рис писал статьи и публицистические книги, а также читал лекции, напоминая представителям американского среднего класса, что жизнь в городских трущобах противоречит их представлениям о прогрессе, процветании и справедливости. Он делал фотографии, используя вспышку, чтобы показать, в каких жутких условиях существовали бедняки в темных, грязных, перенаселенных многоквартирных домах в «Маленькой Италии», «Маленькой Ирландии», «Еврейском городе». Свою первую книгу, опубликованную в 1890 г., он назвал «О том, как живет другая половина» (*How the Other Half Lives*). Она сделала Риса фигурой национального масштаба.

За этой книгой последовали другие иллюстрированные публицистические работы, а также дружба с Теодором Рузвельтом, будущим президентом США, который в середине 1890-х гг. занимал пост шефа полиции города Нью-Йорк, а с 1899 по 1900 г. – губернатора штата. Рузвельт предлагал Рису различные должности. Но тот предпочел свое перо и камеру для борьбы за улучшение жизни той (другой) части общества, которая в этом нуждалась. Его деятельность оказала непосредственное влияние на реконструкцию городских трущоб, где сносились многоквартирные дома и строились новые улучшенной планировки, создавались детские игровые площадки, разбивались парки и открывались школы. Рис получил гражданство США в 1895 г., хотя на протяжении всей жизни поддерживал связь со старой родиной. Он помнил о своих датских корнях, что не мешало распространению представлений о нем как об «идеальном американце». В 1914 г., когда Рис ушел из жизни, пресса США писала, что это был «лучший иммигрант, которого мы когда-либо знали».

Первая мировая война (1914–1918) стала важным рубежом в жизни американцев и прологом «Американского века». Из нее США выйдут страной-кредитором и промышленным лидером и переживут в 1920-е гг. эпоху процветания, которая, правда, в одночасье прервется Великой депрессией 1929–1933 гг.

Одним из героев тех лет стал *Феликс Франкфуртер* (1882–1965), родившийся в Вене в еврейской семье, которая переехала в Нью-Йорк, когда ему было 12 лет. Закончив Городской колледж Нью-Йорка, он поступил на юридический факультет Гарвардского университета, став одним из лучших его выпускников.

Блистательная юридическая карьера Франкфуртера стартовала в 1906 г., когда он занял пост помощника прокурора южного округа Нью-Йорка Генри Стимсона, который вскоре стал военным министром и забрал его в свой департамент.

Франкфуртер активно поддержал Теодора Рузвельта, создавшего Прогрессивную партию из реформаторского крыла республиканцев и выдвинувшего свою кандидатуру на пост президента США в 1912 г. Рузвельт проиграл те выборы демократу Вудро Вильсону, и Франкфуртер, испытав горькое разочарование, с головой погрузился в преподавательскую деятельность в Гарвардском университете.

В 1917 г., когда США вступили в Первую мировую войну, он стал специальным юридическим помощником военного министра Ньютона Бейкера. Занимаясь расследованием рабочих забастовок, угрожавших военному производству, Франкфуртер проникся симпатиями к социалистам, защищавшим требования рабочих, и прослыл радикалом. После окончания войны он не отказался от своего увлечения социализмом, а в 1920 г. был среди тех, кто призывал пересмотреть несправедливый смертный приговор двух итальянских иммигрантов-анархистов Сакко и Ванцетти, ставший символом беззакония и произвола. Все это отдалило Франкфуртера от коллег по Гарварду и сделало объектом преследований в период «Красной паники» (1917–1920 гг.). Тогда Эдгар Гувер, будущий директор Федерального бюро расследований, назвал его самым опасным человеком в США и проводником большевистской пропаганды.

Звезда Феликса Франкфуртера взошла в период «Нового курса» Франклина Делано Рузвельта, советником которого он стал в 1933 г. По его рекомендации президент ввел в состав администрации целую плеяду молодых блистательных юристов, что способствовало ее продуктивной работе. Их стали называть “Felix’s Happy Hot Dogs”. В 1938 г. Рузвельт выдвинул кандидатуру своего друга и сподвижника на должность Верховного судьи, которую Франкфуртер занимал до 1962 г., став самым известным сторонником судебной сдержанности в деятельности Верховного суда как органа Конституционного надзора.

После окончания Второй мировой войны наступили времена холодной войны, американской сверхдержавности и глобальной ответственности США. Важнейший вклад в формирование внешнеполитических доктрин и стратегий в эту эпоху противостояния с СССР и лагерем социализма также вносили иммигранты первого поколения. Среди них особое место занимали немецкий еврей Генри Киссинджер и поляк Збигнев Бжезинский.

Генри Киссинджер родился в Баварском городе Фюрт (в то время это была Веймарская республика) в 1923 г. в религиозной еврейской семье, которая, спасаясь от преследований нацистов, в 1938 г. переехала в США. Он работал на фабрике и параллельно учился в Городском колледже Нью-Йорка, а в 1943 г. был призван в армию, не закончив учебу. Шла Вторая мировая война. В том же году Киссинджер получил гражданство США и вскоре был переведен в военную разведку, выполняя ответственные и рискованные задания.

После войны он с отличием закончил Гарвардский университет и, будучи еще студентом, в 1951 г. организовал Гарвардский международный семинар с целью объединить молодых лидеров всего мира в борьбе против коммунизма. Киссинджер возглавлял его 20 лет. В 1958 г., когда в Гарварде был создан Центр международных отношений, он стал помощником директора и сыграл важную роль в налаживании контактов между академическим и политическим сообществами США. К концу 1960-х гг. Киссинджер считался одним из самых уважаемых мировых экспертов в сфере международной безопасности. К тому времени он опубликовал несколько книг по международным отношениям в духе политического реализма и успел поработать консультантом не только в экспертно-аналитических центрах, но и в Совете национальной безопасности США и в Государственном департаменте.

Политическая карьера Киссинджера стала продолжением его экспертно-академической деятельности. В 1969–1975 гг. он занимал пост советника по национальной безопасности президента Ричарда Никсона, а в 1973–1977 гг. – государственного секретаря США. В этот период Киссинджер играл доминирующую роль во внешней политике: был основным участником переговоров об окончании войны во Вьетнаме, за что получил Нобелевскую премию мира; осуществлял «челночную дипломатию», участвуя в переговорном процессе между Израилем и арабскими странами; способствовал восстановлению дипломатических отношений США с КНР; будучи идеологом политики разрядки международной напряженности, принимал активное участие в советско-американских переговорах по вопросам разоружения и контроля над вооружением.

После ухода в отставку он стал одним из наиболее видных внешнеполитических экспертов Республиканской партии и одним из активных сторонников проведения жесткого курса в отношении СССР. В конце XX в., когда были рассекречены материалы администраций Ричарда Никсона и Джеральда Форда, Киссинджер оказался объектом критики как со стороны левых, либера-

лов и пацифистов, так и со стороны «ястребов» холодной войны. В отношении постсоветской России он стал постепенно придерживаться более прагматической позиции, поскольку американцы ее изменить не могли, а Россия оставалась великой державой с ядерным оружием и мощными геополитическими позициями. Потому следовало с ней сотрудничать там, где это возможно.

В Демократической партии был свой признанный внешнеполитический эксперт – *Збигнев Бжезинский*, профессор, известный политолог и один из ведущих аналитиков по национальной безопасности периода холодной войны. Он родился в Варшаве в семье известного дипломата, который в 1938 г. получил назначение консулом в Монреаль, а после прихода к власти в Польше коммунистов в 1945 г. подал в отставку и поселился с женой и сыном в Канаде. Бжезинский защитил диссертацию в Гарвардском университете и там же начал свою преподавательскую деятельность, получив в 1958 г. гражданство США. С 1961 г. он продолжил ее в должности профессора Колумбийского университета, с 1969 по 1977 г. возглавляя Институт по проблемам коммунизма.

К середине 1960-х гг. Бжезинский приобрел известность среди истеблишмента Демократической партии как авторитетный эксперт по проблемам «советского блока», который следовало, по его мнению, «разрыхлять» изнутри, проводя дифференцированную политику в отношении социалистических стран Восточной Европы. В 1966–1968 гг. он пытался реализовать эту концепцию, работая сотрудником Отдела планирования Государственного департамента. Включив в сферу своих интересов Азиатско-Тихоокеанский регион, Бжезинский принял участие в создании Трехсторонней комиссии, объединявшей интернационалистские элиты США, Западной Европы и Японии, и занимал пост ее директора с 1973 по 1976 гг.

Тогда-то он и познакомился с будущим президентом-демократом Джимми Картером и стал в 1977 г. его советником по национальной безопасности. На этом посту, который он занимал до 1981 г., Бжезинский выступил главным инициатором кампании по правам человека во внешней политике США, сближения с Китаем на антисоветской основе и ужесточения курса в отношении СССР в ответ на вторжение в Афганистан. Именно его позиция, а не более сдержанная госсекретаря, стала преобладающей во внешнеполитическом курсе администрации Картера, за что он наградил Бжезинского Президентской медалью Свободы, одной из двух высших наград США для гражданских лиц.

С 1981 г. Бжезинский стал советником Центра стратегических и международных исследований в Вашингтоне и начал пре-

подавать в Университете Джонса Хопкинса. После окончания холодной войны этот один из самых известных и влиятельных ветеранов внешней политики США продолжал публиковать свои многочисленные книги, в том числе «Великую шахматную доску», и ратовать за расширение НАТО на Восток.

Бжезинский не терял связь с американцами польского происхождения, будучи вице-президентом Польского института искусств и наук в США и периодически выступая на Польско-американском Конгрессе.

Он был тем человеком, который в 1978 г. пригласил в Совет по национальной безопасности эмигрантку из Чехии *Мадлен Олбрайт*. Она родилась в 1937 г. в семье чехословацкого дипломата. Ее родители были вынуждены эмигрировать, спасаясь сначала от нацистской оккупации, а затем от коммунистического правительства. В результате семья перебралась в США, получив там политическое убежище. Отец Мадлен Йозеф Корбел преподавал в Денверском университете. Одной из его студенток была Кондолиза Райс, впоследствии ставшая первой афроамериканкой, занимавшей посты помощника президента по национальной безопасности и госсекретаря США.

Получив образование, Мадлен Олбрайт начала политическую карьеру в качестве активиста Демократической партии. Широкий кругозор и блестящие аналитические способности способствовали ее стремительному продвижению. В 1978 г. она была назначена членом Совета национальной безопасности при президенте Джимми Картере, где отвечала за связи с общественностью. Эти же качества помогли ей добиться успеха и в академической сфере. В период 1982–1993 гг. Олбрайт являлась профессором Джорджтаунского университета, вела семинар по политике СССР и стран Восточной Европы, руководила программой «Женщины во внешней политике». Однако ее по-прежнему влекла политическая деятельность. В результате Олбрайт вошла в предвыборный штаб Билла Клинтона, и тот после своей победы на президентских выборах предложил ей пост постоянного представителя США при ООН. Вершиной ее политической и дипломатической карьеры стало назначение на пост Государственного секретаря США в 1997 г. Олбрайт навсегда вошла в историю как первая женщина-госсекретарь и своей блистательной дипломатической карьерой лишний раз подтвердила тот факт, что неамериканское происхождение в этой стране иммигрантов не закрывает движения к высотам политического Олимпа. В 2012 г. в ознаменование заслуг перед страной, предоставившей ей и ее семье убежище, президент Барак Обама наградил Мадлен Олбрайт Президент-

ской медалью Свободы, одной из высших наград США, вручаемых за «существенный вклад в безопасность и защиту национальных интересов США, в поддержание мира во всем мире, а также в общественную и культурную жизнь».

Как иммигранты способствовали экономическому процветанию Америки

На протяжении всей своей истории США привлекали наиболее амбициозных, творческих личностей, стремившихся создавать, творить новое, невиданное ранее. Именно Америка становилась для них местом, где можно было реализовать свои мечты и планы.

В период промышленной революции конца XVIII – первой половины XIX в. экономика США предоставляла невероятные возможности для реализации самых смелых проектов, чем пытались воспользоваться активные молодые люди из всех уголков Европы. Среди тех, кто создавал промышленную и торговую Америку, был француз *Элютер Эрине Дюпон де Немур* (1771–1834), ученик великого Лавуазье, основавший одну из самых крупных и успешных американских корпораций. Прибывший из Германии *Джон Джейкоб Астор* (1763–1848) стал первым мультимиллионером США, сделав состояние на торговле мехом и недвижимостью. Другой немец, *Генри Стейнвей* (Хайнрих Стайвег) (1797–1871), основал всемирно известную компанию по производству музыкальных инструментов. Шотландец *Александр Торни Стюарт* (1803–1876) создал торговую империю и вошел в историю как «отец универмагов» и принц торговли.

Но, несомненно, одной из наиболее заметных фигур в истории промышленной революции стал *Сэмюэл Слэйтер* (1768–1835). Он родился в Англии в семье многодетного фермера и уже в 10 лет начал работать на хлопкопрядильной фабрике. Это позволило ему досконально изучить технологию производства тканей, поскольку Великобритания первой совершила революцию в текстильной промышленности. Но Слэйтер понимал, что, не имея капитала, добиться успеха в Англии не сможет. Поэтому в 21 год он отправился попытать счастья в Новый Свет. Стремясь защитить себя от конкуренции, Великобритания запретила вывоз из страны промышленных чертежей, но молодой текстильщик обладал феноменальной памятью. В 1789 г. он прибыл в Нью-Йорк и предложил свои услуги предпринимателю из Род-Айленда Мозесу Брауну, который закупил оборудование для текстильной фа-

брики, но не знал, как его использовать. Таким образом произошла историческая встреча капитала и технологии, которая стала судьбоносной не только для Слейтера, но и для всей американской промышленности.

В историю вошла клятва, которую Сэмюэл дал своему компаньону:

Если я не смогу делать такую же хорошую пряжу, как в Англии, я ничего не возьму за свою работу и сброшу с моста все, что сделаю³³.

Эта готовность рисковать и уверенность в успехе была характерна для всех, кто создавал новую американскую экономику. В итоге контракт был подписан, и в 1793 г. начала работать первая американская механизированная текстильная фабрика в Потакете (штат Род-Айленд). Слейтер по памяти воспроизвел чертежи и лично руководил производством всех необходимых механизмов, внося усовершенствования в английские оригиналы. Бизнес оказался успешным, сбрасывать в реку ничего не пришлось.

Уже через пять лет Слейтер основал собственную компанию, затем расширил дело, построив фабрики в различных штатах. Кроме того, компания Слейтера начала производить оборудование для текстильного производства, открыв собственный металлургический завод. Сэмюэл Слейтер разработал фирменный стиль менеджмента, предпочитая нанимать рабочих семьями, включая детей. Для того времени детский труд, начиная с 8–10 лет, был общепринятой нормой. Особенностью компании Слейтера было то, что в ней не применялись телесные наказания (применение которых было нормой, например, в Англии). Возможно, помня о своем детском опыте работы на Родине, он предпочитал стимулировать хорошую работу системой премий. Помимо этого для рабочих были построены дома и магазины. Слейтер финансировал работу воскресных школ, в которых специально нанятые студенты учили детей-рабочих читать и писать.

В итоге Сэмюэл Слейтер стал одним из крупнейших предпринимателей США первой четверти XIX в., пользовался известностью и огромным уважением в стране. Среди его друзей были политики, сенаторы и губернаторы. Слейтер умер в 1835 г. в основанном им городе Уэбстер (названного в честь его друга – знаме-

³³ Memoir of Samuel Slater, the farther of American Manufactures. Philadelphia, 1836. P. 74.

нитого сенатора Дэниела Уэбстера). К этому времени он владел 13 фабриками с общим капиталом в 1,3 млн долл. (35 млн долл. в современных ценах). Незадолго до смерти его посетил президент Эндрю Джексон. Именно он, говоря о заслугах Сэмюэла Слейтера перед США, назвал его «отцом американской промышленной революции»³⁴.

Она превратила США в одну из наиболее динамично развивавшихся стран мира и заложила основы для последующей индустриализации. Этот процесс был прерван Гражданской войной (1861–1865), но после ее окончания вновь набрал темпы. Быстрое освоение новых территорий на Западе, формирование трансконтинентальной транспортной системы, рост городов, новая волна массовой иммиграции создали уникальные условия для индустриального рывка. Значимую роль в этом сыграло новое поколение иммигрантов, устремившихся в погоню за своей американской мечтой.

Среди них оказались шотландец *Эндрю Карнеги* (1835–1919), которому суждено было стать Стальным королем Америки, богатейшим человеком в мире и крупнейшим филантропом, немец *Макс Кейд* (1882–1967) – один из основателей американской фармацевтической промышленности, швед *Оскар Хедстрем* (1871–1960), начавший производство мотоциклов в США.

Весомый вклад иммигранты новой волны внесли и в развитие автомобильной промышленности, ставшей символом американского образа жизни. Наряду с *Г. Фордом*, *У. Крайслером*, *Р. Олдсом*, *У. Дюрантом* среди тех, кто создавал автомобильную Америку, были швейцарец *Луи Шевроле* (1878–1941), шотландец *Дэвид Данбар Бьюик* (1854–1929), немец *Фредерик Дюзенберг* (1876–1932), датчанин *Уильям Кнудсен* (1879–1948).

Луи Шевроле приехал в Нью-Йорк в 1901 г. в возрасте 24 лет, прожив до этого несколько лет сначала во Франции, а затем в Канаде. Там он успеха не добился, но получил технические навыки, позволившие ему найти работу механика. Увлечшись автомобилями, «Шевроле» начал карьеру автогонщика и познакомился с основателем компании “General Motors” Уильямом Дюрантом. Результатом их дружбы стало создание новой модели машины и новой компании для ее производства. И машина, и компания получили название «Шевроле». Существует две версии появления эмблемы нового автомобиля. По одной из них ее прототипом был модифицированный крест из символики Швейцарии (Родины

³⁴ Hillstrom K., Hillstrom L.C. Industrial Revolution in America. Santa Barbara, 2006. P. 172.

«Шевроле»), по другой – рисунок на обоях французской гостиницы, в которой он когда-то останавливался. В любом случае эта эмблема стала одной из самых узнаваемых в мире. Компания «Шевроле» просуществовала недолго, он оказался менее талантливым бизнесменом, чем инженером-механиком и автогонщиком. Уже в 1916 г. она была поглощена “General Motors”, а Луи Шевроле вместе со своими братьями сосредоточился на производстве гоночных автомобилей, и сам не без успеха участвовал в гонках. Несмотря на то, что Шевроле не достиг больших результатов на ниве предпринимательства, он навсегда вошел в историю американской автомобильной промышленности, а его имя носит одна из самых популярных в США и во всем мире марок автомобилей.

Нечто похожее произошло и с Дэвидом Данбаром Бьюиком. Он родился в Шотландии в 1854 г. Уже через два года его родители в поисках лучшей жизни перебрались в Детройт, будущую столицу американской автомобильной промышленности. Отец Бьюика умер, когда ему было пять лет, семья жила трудно, в 15 лет Дэвид был вынужден бросить школу и начать работать в компании, производившей сантехническое оборудование. Там Бьюик проявил свой талант изобретателя, внес целый ряд усовершенствований, позволивших повысить доходность компании. Затем он увлекся новыми технологиями, бурно развивавшимися в то время, и, продав свою долю, вложил деньги в разработку и производство двигателя внутреннего сгорания.

Так в 1899 г. началась короткая история компании «Бьюик», ставшая, тем не менее, важнейшей страницей истории автомобилестроения в целом. Усовершенствованный им двигатель обеспечивал большую мощность, чем у конкурентов. Принцип его работы используется большинством производителей до сих пор, почему можно считать современные автомобильные двигатели производными от двигателя «Бьюика». Это позволило Дэвиду начать выпуск собственного автомобиля и основать “Buick Motor Company”, ставшую впоследствии основой для “General Motors”. Несмотря на то, что уже в 1906 г. он отошел от дел, и дальнейшая его карьера в бизнесе не имела успеха, Дэвид Данбар Бьюик навсегда вошел в историю автомобильного транспорта. Носящая его имя марка машин является одной из самых востребованных в США, к 2000 г. было продано более 35 млн бьюиков. Один из журналистов, подводя итоги его жизни и карьеры, написал: «Слава поманила Дэвида Бьюика. Он отпил из чаши величия, но затем расплескал ее содержимое»³⁵.

³⁵ *Hambleton R.* The Branding of America: From Levi Strauss to Chrysler, from Westinghouse to Gillette, the Forgotten Fathers of America's Best-known Brand Names. Dublin, N.H., 1987. P. 164.

Джон Кеннеди в своей книге «Нация иммигрантов» приводит очень красноречивую статистику, характеризующую роль иммигрантов первого поколения в развитии США: в XVIII–XIX вв. 20% бизнесменов, 20% ученых, 23% художников, 24% инженеров, 28% архитекторов, 29% священников, 46% музыкантов и 61% актеров родились за пределами Америки³⁶. И эта тенденция сохранялась на протяжении всего XX в.

Как иммигранты развивали науку и технологии в США

Индустриализация Америки была бы невозможна без развития науки и образования. В этом отношении вплоть до второй половины XIX в. США отставали от ведущих стран Европы. Покончить с этим отставанием помогли иммигранты, которые несли с собой знания и опыт, накопленные столетиями развития европейской науки. История иммиграции ученых в США началась еще в конце XVIII в. Первым среди них считается *Джозеф Пристли*, выдающийся британский естествоиспытатель, химик, философ и общественный деятель. Получив теологическое образование, он обладал поистине энциклопедическими знаниями для своего времени, владея девятью языками. Пристли занимался изучением электричества (под влиянием Б. Франклина), но самым главным его достижением стало открытие кислорода. Фактически Пристли является одним из основоположников современной химии. Однако его религиозно-философские взгляды и общественная деятельность вызвали гонения со стороны властей, поэтому в 1794 г. Пристли был вынужден эмигрировать в США, где получил возможность свободно высказывать свои взгляды и жить в соответствии со своими убеждениями.

Иммиграция европейских ученых за океан становится массовой в последней трети XIX в., когда после Гражданской войны в стране начался индустриальный подъем, сопровождавшийся значительными инвестициями в науку и образование. В 1872 г. в США приехал шотландец *Александр Белл* (1847–1922), ученый, изобретатель и бизнесмен. Именно здесь он добился успеха, создал телефон и основал Американскую телефонную и телеграфную компанию (AT&T), фактически определившую все дальнейшее развитие телекоммуникационной отрасли США.

³⁶ *Kennedy J.F.* Op. cit. P. 70.

А началась его американская карьера с должности преподавателя Бостонского университета. Белл стал олицетворением бескорыстия и солидарности, характерной для выдающихся ученых. Финансовый успех интересовал его прежде всего как возможность продолжать исследования и помогать молодым ученым. Для этого он основал в Вашингтоне Институт имени А. Вольта, где занимался многочисленными проектами в самых разных областях от авиации до овцеводства. Среди тех, кто получал от него финансовую поддержку, были знаменитый американский физик, будущий лауреат Нобелевской премии Альберт Майкельсон и один из пионеров американской авиации Гленн Кертис. Помимо этого, Белл уделял большое внимание проблемам людей с нарушениями зрения и слуха. Он содержал в Вашингтоне экспериментальную школу, где проводилась практическая работа по выявлению наилучших методов обучения глухих детей. По его настоянию была основана Американская ассоциация содействия обучению глухих устной речи. Получив премию Вольта за изобретение телефона, он создал на эти деньги Бюро по распространению информации по проблемам глухих.

В 1884 г. в США иммигрировал серб *Никола Тесла* (1856–1943), гениальный ученый и изобретатель, во многом определивший развитие современной электротехники. С 1889 г. начался американский период жизни немца *Чарлза Штейнмеца* (1865–1923), выдающегося физика и инженера, сыгравшего огромную роль в развитии электротехники и получившего за свои изобретения более 200 патентов.

Еще одним иммигрантом этого периода, стоявшим у истоков американского радио- и телевидения, стал *Давид Абрамович Сарнов* (1891–1971). Он родился на территории современной Белоруссии в еврейской семье, которая в 1900 г. эмигрировала в США. Америка, наверное, была в тот момент единственным местом в мире, где имел шансы преуспеть мальчик из еврейского местечка. С 1906 г. он начал работать в «Компании беспроводного телеграфа Маркони». 14 апреля 1912 г. именно Сарнов принял радиотелеграмму о крушении «Титаника» и трое суток поддерживал связь со спасателями.

В 1919 г. он основал корпорацию по производству радиоэлектронной аппаратуры, став ее руководителем на 50 лет, а в 1926 г. – «Национальную радиовещательную компанию» (NBC). Сарнов организовал регулярное телевидение в США (с 1939 г.) и способствовал распространению цветного телевидения (1949), занимался записью телепередач с помощью видеоманитофона (1956),

созданием систем космической связи и компьютеризацией США. В качестве признания заслуг Сарнова Международный институт инженеров-электриков учредил премию его имени за достижения в области электроники (1959). Начиная с 1920-х гг. Давид Сарнов был советником десяти президентов США.

Не только точные и естественные науки стали полем деятельности иммигрантов в США. Невозможно представить себе американскую философию без испанца *Джорджа Сантаяны* (1863–1952). Он родился в Мадриде и оказался в США в возрасте 8 лет. Получив образование и прожив значительную часть своей жизни в Америке, он тем не менее сохранял испанское гражданство. Сантаяна стал представителем «Золотого века» философского факультета Гарвардского университета наряду с Уильямом Джеймсом и Джосайей Ройсом. Среди его студентов были поэты Томас Стернс Элиот и Роберт Фрост, писательница Гертруда Стайн, писатель и журналист Уолтер Липпман, афроамериканский общественный деятель, социолог, историк и писатель Уильям Дюбуа, Феликс Франкфуртер и множество других выдающихся американцев. Далеко не все, произносящие знаменитый афоризм: «Те, кто не помнит прошлого, обречены его повторить», – знают, что он принадлежит Джорджу Сантаяне.

XX век с его мировыми войнами, революциями, гражданскими конфликтами, тоталитарными режимами многократно увеличил поток тех, кто стремился найти убежище и возможность работать в США. Среди этих беженцев были всемирно известные ученые *Альберт Эйнштейн* и *Зигмунд Фрейд*. Огромную роль в превращении США в мировой центр развития ядерной физики сыграли эмигрировавшие в разные годы итальянец *Энрико Ферми* (1901–1954), венгры *Лео Силард* (1898–1964) и *Эдвард Теллер* (1908–2003), русский *Георгий Гамов* (1904–1968). Все они участвовали в работах, приведших к созданию атомной и водородной бомб в США, так же, как и украинец *Георгий Кистяковский* (1900–1982), чья биография может стать основой для увлекательного сериала.

Особое место в истории различных областей американской науки и техники сыграли тысячи русских эмигрантов, покинувших Россию после 1917 г. Среди них были выдающиеся авиаконструкторы *Игорь Сикорский* (1889–1972) и *Александр Прокофьев-Северский* (1894–1974); инженер-судостроитель *Владимир Юркевич* (1885–1964), конструктор крупнейших океанских лайнеров, профессор Массачусетского технологического института, сыгравший важную роль в развитии американского судостроения; «отец

телевидения» *Владимир Зворыкин* (1888–1982), который изобрел также и электронный микроскоп и прибор ночного видения.

Не менее значителен вклад русских ученых-иммигрантов в сферу общественных и гуманитарных наук. *Питирим Сорокин* (1889–1968) основал социологический факультет в Гарвардском университете, которым руководил больше 10 лет. Среди его студентов были будущие президент Джон Кеннеди и госсекретарь Дин Раск. Лингвист *Роман Якобсон* (1896–1982) и экономист, лауреат Нобелевской премии *Василий Леонтьев* (1905–1999) получили мировое признание как крупнейшие специалисты в своих областях знаний.

Этот список можно продолжать бесконечно, ведь, по словам Георгия Знаменского (1890–1975), профессора Массачусетского технологического института:

Нет в Америке сейчас такой области человеческого духа, в которой русский гений и русский талант не играли бы выдающейся роли³⁷.

Эти слова, сказанные почти 100 лет назад, сохраняют свою актуальность и сейчас. Примером тому может служить Кремниевая долина, где работают тысячи программистов, выходцев из бывших республик СССР. Имена основателя “Google” Сергея Брина или создателя платежной системы “Pay Pal” Макса Левчина говорят сами за себя.

По данным недавнего исследования, около 17% существующих в настоящее время американских компаний было основано иммигрантами первого поколения. Значительная их часть приходится на высокотехнологические отрасли производства.

В целом вклад иммигрантов в развитие американской науки и технологий невозможно переоценить. Показателем этого вклада является то, что 50 американских лауреатов Нобелевской премии родились за пределами США.

³⁷ Цит. по: *Нитобург Э.Л.* Русские в США: История и судьбы: 1870–1970. М., 2005. С. 363.

Как иммигранты создавали американскую культуру и искусство

Иммигранты несли с собой не только научные знания, не только учили думать и обогащали американскую интеллектуальную жизнь, но и расцветивали палитру культуры США яркими красками национальных традиций и стилей.

Сферой культуры, в которой этот синтез проявился особенно ярко, стала музыка. Музыкальная культура страны сложилась из взаимодействия музыкальных традиций переселенцев из европейских стран (в первую очередь, Великобритании, Ирландии, Испании, Германии и Франции), испаноязычного населения Мексики и Центральной Америки, афроамериканцев и индейцев. Каждая волна иммигрантов вносила новые элементы в музыкальный плавильный котел, в котором формировались разнообразные стили.

Классическая музыкальная традиция пришла в Америку из Европы вместе с иммигрировавшими в США музыкантами и композиторами. В XIX в. в больших городах страны создаются симфонические оркестры и открываются оперные театры. Первым из них стал Метрополитен-опера в Нью-Йорке в 1883 г., за ним последовали оперные театры в Чикаго, Бостоне, Новом Орлеане. Росту популярности классической музыки в США способствовали гастроли знаменитых европейских музыкантов и певцов. Наибольший успех выпал на долю *Энрико Карузо*, который основную часть своей карьеры (1902–1921 гг.) был солистом Метрополитен-опера и первым из певцов записал граммофонную пластинку.

Бурные события XX в. вынудили многих выдающихся композиторов и музыкантов искать убежища и возможности творить в Америке. Среди них были русские *Сергей Рахманинов* (1873–1943) и *Игорь Стравинский* (1882–1971), венгр *Бела Барток* (1881–1945), австриец *Фриц Крейслер* (1875–1962).

Сферой американской культуры, в которую иммигранты внесли наибольший вклад, стал кинематограф. Становление Голливуда совпало по времени с волной массовой иммиграции, и новая, быстро растущая сфера деятельности привлекла активных, предприимчивых и талантливых людей, прибывавших в страну. Можно сказать, что у истоков американской киноиндустрии стояли иммигранты из разных стран мира. Крупнейшие киностудии страны создали венгр *Адольф Цукор*, немец *Карл Леммле*, немецкий еврей Вильгельм Фукс, который сменил имя на *Уильяма Фокса* по приезде в США. *Луис Мейер*, *Сэмюэл Голдвин*, братья *Уорнеры* перебрались в США из Российской империи. Среди ак-

теров, создававших славу американскому кино, были англичанин Чарльз Чаплин, канадка Мэри Пикфорд, итальянец Рудольф Валентино, шведка Грета Гарбо, немка Марлен Дитрих.

Американская актерская школа также создавалась при непосредственном участии иммигрантов. Важнейшую роль в ее становлении сыграл Ли Страсберг (1901–1982), семья которого иммигрировала из Австро-Венгрии в 1908 г. Основываясь на методе Станиславского, он создал знаменитую школу актерского мастерства в Нью-Йорке, через которую прошли такие звезды американского кино, как Джеймс Дин, Пол Ньюмен, Аль Пачино, Джейн Фонда, Дастин Хоффман, Роберт де Ниро.

Свою методику подготовки актеров разработал русский иммигрант Михаил Чехов (1891–1955), племянник писателя, переселившийся в США в 1939 г. В созданной им школе обучались Мэрилин Монро, Клинт Иствуд, Энтони Куинн, Юл Бриннер и другие.

В становлении американского балета большую роль сыграл выходец из Грузии Джордж Баланчин (1904–1983) или Георгий Баланчивадзе (его настоящее имя). Он иммигрировал в США в 1933 г. и открыл в Нью-Йорке балетную школу, положив начало американскому балету и современному балетному искусству в целом.

Иммиграция на протяжении всей истории США являлась важнейшим ресурсом развития всех сторон жизни американского общества: от политики, экономики и науки до спорта и кулинарии. Каждая волна иммиграции оставила свой след в истории США, внесла свой вклад в формирование богатства и процветания нации, ее культурных традиций и образа жизни. Персональные истории людей со всех уголков Земного шара становились частью истории страны, которая предоставила им возможности для развития их талантов и способностей.

По словам президента Линдона Джонсона, произнесенным у подножья Статуи Свободы на церемонии подписания закона в 1965 г., снимавшего иммиграционные барьеры:

Страна процветала, потому что питалась из многих источников, потому что впитывала в себя так много культур, традиций и народов³⁸.

³⁸ Public Papers of the Presidents of the United States: Lyndon B. Johnson. 1965. Book 2 / US Government Printing Office. Washington, 1966. P. 546.

Для дальнейшего изучения

- Нитобург Э.Л.* Русские в США. История и судьбы: 1870–1970. М., 2005.
- Сизиди С.Ю.* Музыкальная культура США конца XVIII – первой половины XX в. М., 2012.
- Andrianopolous G.* Kissinger and Brzezinski: The NSC and the Struggle for Control of U.S. National Security Policy. N.Y., 1991.
- Doing Business in America: A Jewish History. Purdue University Press, 2018.
- Herman R.T., Smith R.L.* Immigrant, Inc. Why Immigrant Entrepreneurs Are Driving the New Economy (and how they will save the American worker). Hoboken, 2010.
- Making It in America: A Sourcebook on Eminent Ethnic Americans / Ed. by E.R. Barkan. Santa Barbara, Oxford, 2001.
- Puffer Sh. M., McCarthy D.J., Satinsky D.M.* Hammer & Silicon: The Soviet Diaspora in the U.S. Innovation Economy: Immigration, Innovation, Institutions, Imprinting, and Identity. Cambridge, 2018.
- Tucker B.M., Tucker K.H., Jr.* Industrializing Antebellum America: The Rise of Manufacturing Entrepreneurs in the Early Republic. Palgrave Macmillan, 2008.

Электронные ресурсы

- Видеоролик к данной лекции см.: <https://edu.amc.ru/courses>
- Andrew Carnegie and His Early Rise from Poverty [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=f5ayVoY2qcY> (дата обращения 18.02.2021).
- Immigrants Fuel Silicon Valley Startups [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=fGa-zTyX8Jg> (дата обращения 18.02.2021).
- The Life of Andrew Carnegie [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=-_GQuhOK_lc (дата обращения 18.02.2021).
- Legend of Buick. Part 1 (1998) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=rj3zqqAS5tw> (дата обращения 18.02.2021).
- Louis Chevrolet [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Lv6kHSjimH8> (дата обращения 18.02.2021).
- Samuel Slater: The Father of the American Industrial Revolution [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=FGqKXVoqsd8> (дата обращения 18.02.2021).

Тема 6. Коренные американцы
в условиях колонизации
и континентальной экспансии:
столкновение культур

Введение в мир аборигенов
Северной Америки

Наиболее существенный и своеобразный вклад Америки в историю человеческого духа связан с уникальным опытом нашей страны по продвижению фронта особого типа в новые районы и последовательного создания мирных сообществ с новыми идеалами в появлявшихся одна за другой обширных и разнообразных географических провинциях, которые все вместе образуют Соединенные Штаты... Этот опыт лег в основу экономических, политических и социальных особенностей американского народа и его представлений о собственной судьбе³⁹.

Этими словами известный американский историк Фредерик Джексон Тернер предварил свои размышления о значении фронта в истории США. Согласно теории Тернера, фронт – это место контакта дикости и цивилизации, приграничная полоса, область свободных земель во внутренних районах североамериканского континента, которая осваивалась белыми поселенцами вплоть до конца XIX в. и постепенно перемещалась на Запад, в конечном итоге достигнув Тихоокеанского побережья. Именно здесь, в этом пограничье, по мнению историка, сформировались уникальные черты американского характера и происходила наиболее быстрая американизация.

Но фронт – это и пространство взаимодействия аборигенной культуры и переселенческой, неоднозначное и зачастую трагическое по своим результатам для коренных американцев.

Индейцы пришли в Северную Америку из Азии за 20–15 тыс. лет до н. э. по перешейку, существовавшему на месте Берингова пролива. На момент появления европейцев в Северной Америке здесь проживало более 600 племен коренных американцев, говоривших не менее, чем на 300 языках. В силу отсутствия

³⁹ Turner F.J. The Frontier in American History. Dover Publications, Inc., 1996. P. II.

точной статистики оценки их общей численности очень разнятся: от 1 млн до 18 млн человек.

Эти племена неравномерно распределялись по всей территории современных Соединенных Штатов, сосредотачиваясь в районе Великих озер и Новой Англии, на юго-восточном побережье Атлантики, а также в примыкавших к нему районах. К западу от р. Миссисипи плотность индейского населения в целом была невысока. Но и здесь существовали два густонаселенных центра: долина реки Колорадо и прибрежные территории современных штатов Орегон и Вашингтон.

Расхожие представления об отсталости культуры и примитивности образа жизни индейских племен Северной Америки далеки от реальности. Наиболее высокой ступени развития достигли индейцы, проживавшие в бассейне рек Литл-Колорадо и Рио-Гранде (нынешние штаты Аризона и Нью-Мексико). Племена пуэбло и пима создали здесь самобытную культуру, основанную на поливном земледелии. Вплоть до настоящего времени сохранились остатки грандиозных оросительных систем, двух- и трехэтажных домов, построенных из сырцового кирпича.

Второй центр высокоразвитой индейской культуры располагался на обширной территории от реки Миссисипи до Атлантического океана.

В момент начала английской колонизации побережье было заселено индейцами алгонкинской языковой семьи – полуоседлыми, достаточно искусными земледельцами, охотниками и рыбаками, занимавшими территорию от острова Ньюфаундленд до Скалистых гор. Это были пекоты, паухэтаны, арапахи, оджибвеи, вампаноаги, наррагансеты, могикане, делавары, шауни. Англичане и французы при заселении Северной Америки контактировали прежде всего с алгонкинами, а также с представителями ирокезской и мускогской языковых семей. Поэтому, когда говорят об алгонкинах, ирокезах или мускогах имеются в виду не отдельные племена, а конгломерация различных племен, говорящих на близких языковых наречиях и имеющих сходные религиозно-культурные традиции.

Поселения ирокезов были разбросаны по территории будущего штата Нью-Йорк до реки Святого Лаврентия. Наиболее консолидированные ирокезские племена смогли объединиться в Конфедерацию. Она возникла приблизительно в 1575–1600 гг. по инициативе вождя Гайаваты. В середине XIX в. знаменитый американский поэт Генри Лонгфелло написал эпическую поэму «Песня о Гайавате», основанную на легендах индейцев, воспевавшую этого индейского вождя и ставшую классическим памятни-

ком американской литературы. Ирокезы занимались подсечно-огневым земледелием, засевая тысячи гектаров земли маисом (кукурузой), а также выращивая бобы и тыкву. Земледелие было преимущественно уделом женщин. А мужчины практиковали сезонную охоту, дававшую шкуры и мясо, а также рыбную ловлю.

В XVI в. на территории Джорджии и Алабамы проживали воинственные индейцы конфедерации криков (мускогская языковая семья). Они занимались земледелием и охотой и жили кланами в отдельных деревнях, которыми управлял вождь. Крики считались сильнейшими из южных племен и могли отправить на войну до 3500 воинов, выбирая на это время военного лидера. Первыми европейцами, которых они встретили, стали торговцы английской колонии Виргиния (или Вирджиния).

Наконец, особым своеобразием отличалось аборигенное население Великих равнин – обширной области прерий, которая простиралась с севера на юг от зоны тайги в современной Канаде до реки Ред-Ривер и с востока на запад – от Великих озер до предгорий Скалистых гор. Это был ареал проживания племен дакота, айова, омаха, черноногих, шайенов, команчей. Заимствовав у европейцев огнестрельное оружие и лошадь, индейцы этого региона занимались охотой на бизонов и жили за счет нее. Население Калифорнии в большинстве своем не знало земледелия и скотоводства и вело кочевой образ жизни. В прибрежной зоне индейцы занимались рыболовством, охотой на морского зверя и добычей моллюсков.

Индейские племена имели различные культурные традиции, особую мифологию, представления об устройстве окружающего мира, свои святилища и ритуалы, множество праздников и способов их отмечать. Как правило, это своеобразие определялось условиями жизни племен и основными видами деятельности. Главным ритуалом земледельческих племен была Пляска кукурузы, у охотников Великих равнин – Пляска солнца в сочетании с Пляской бизона. Танец сопровождал все значимые события в жизни коренных американцев. Многие ритуалы с точки зрения христианской морали отличались жестокостью, а некоторые сопровождались жертвоприношениями.

Индейцы жили в гармонии с природой, одушевляя ее и обращаясь к духам и силам, ее олицетворявшим. Поэтому неудивительно, что в искусстве индеец пытался выразить свои личные чувства и ощущения, связанные с окружающим миром и скрытые в глубинах его души. Индейское искусство было нацелено не на объективное отражение внешнего мира, а на передачу его таинственного и мистического смысла. Даже изображения на одежде

и домашней утвари предназначались для того, чтобы оберегать и врачевать, поддерживать связь со священным духом-хранителем, обеспечивать удачу и процветание.

Вторжение в этот многообразный и сложно устроенный аборигенный мир переселенцев из далекой Европы, которые имели другую систему ценностей, иные представления о добре и зле, иное понимание целей и смысла жизни, привело к трагическим последствиям. Равноправный межкультурный диалог не состоялся, поскольку более слабые в техническом отношении индейцы не могли мечтать о партнерстве. Им пришлось отступить под натиском «белой» цивилизации и отдать пришельцам свою землю, накопленные богатства и знания. Европейские переселенцы, заселявшие территорию будущих Соединенных Штатов, разрушали систему взаимосвязей между аборигенными культурами и противопоставляли представителей различных рас.

Так начинала формироваться американская нация как сообщество фронтиров, в котором белые отграничивали себя от «краснокожих», также как и от «темнокожих».

Индейцы и европейские переселенцы: опыт колониального периода (XVII–XVIII вв.)

Постоянные контакты европейцев с индейцами в Северной Америке начались в первой половине XVI в. В 1534 г. французская экспедиция во главе с Жаком Картье исследовала район реки Святого Лаврентия; в 1539 г. Эрнандо де Сото провозгласил власть испанской короны во Флориде. После этого проникновение европейцев значительно ускорилося. Первое английское колониальное поселение было создано на реке Роанок на территории будущего штата Северная Каролина в 1585 г. Правда, вскоре колония опустела, а судьба первых английских колонистов в Америке так и осталась неизвестной. Рисунки, на которых губернатор колонии Роанок Джон Уайт запечатлел индейцев, их жилища и сцены бытовой жизни, считаются одними из самых ранних визуальных документов, посвященных коренным американцам Нового Света. В настоящее время они хранятся в Британском музее и доступны для просмотра в Интернете.

Первым постоянным британским поселением стал Джеймстаун (Виргиния), основанный в 1607 г. и названный в честь короля Якова I. Малочисленные колонисты наладили дружественные отношения с окружающими их индейцами конфедерации паухэтанов, в которую входило до 30 восточно-алгонкинских племен

(около 8 тыс. индейцев). Вождем конфедерации был Паухэтан, прозванный так виргинцами. В 1608 г. он был коронован как вассал британской короны по приказу Якова I. Капитан Джон Смит, один из основателей Джеймстауна, насчитал у паухэтанов около 160 селений, обнесенных тройным частоколом, которые размещались на территории нынешних штатов Виргиния и Мэриленд.

В Джеймстауне случилась наиболее романтическая и самая известная история первых контактов представителей разных культур, которая стала частью исторической мифологии и вошла в популярную культуру США. Это история индейской принцессы Покахонтас и ее отношений с Джоном Смитом и колонистом Джоном Рольфом, ставшая основой для многочисленных художественных произведений, включая мультфильмы студии Уолта Диснея и художественный фильм лауреата премии Оскар Теренса Малика «Новый Свет».

В соответствии с рассказом Джона Смита юная Покахонтас спасла его от смерти, когда он, отправившись на поиски еды для колонистов, был захвачен индейцами в плен. В результате Смит установил доверительные отношения с отцом Покахонтас, вождем Паухэтаном, благодаря чему колонисты получили помощь от индейцев и смогли выжить. Сам Джон Смит сыграл важную роль в истории Виргинии, издав ее первую историю и карту Новой Англии. Именно с его легкой руки за этой территорией закрепилось такое название.

Через несколько лет, когда Джона Смита уже не было среди колонистов, Покахонтас попала в плен к англичанам, выучила английский язык и приняла христианство под именем Ребекка. Через год, выйдя по большой любви замуж за поселенца Джона Рольфа, она гарантировала этим браком мирное сосуществование конфедерации паухэтанов и колонистов. В 1616 г. Покахонтас вместе с мужем, сыном Томасом и братом отправилась в Англию, где стала знаменитостью, была принята королем Яковом I и епископом Лондона. Закончилась эта история, увы, печально. Покахонтас заболела оспой и в 1617 г. умерла в возрасте 22 лет.

Томас Рольф, сын Джона Рольфа и Покахонтас, стал первым ребенком, родившимся от брака белого человека и индеанки на территории Северной Америки. Среди его потомков оказалось множество известных людей, в том числе две первых леди США: Эдит Вильсон, жена 28-го президента США Вудро Вильсона, и Нэнси Рейган, супруга 40-го президента США Рональда Рейгана; выдающийся астроном и математик Персиваль Лоуэлл и другие.

Однако этот пример стал скорее исключением из правил, поскольку на территории Виргинии было заключено лишь два

смешанных брака, а в 1691 г. они были запрещены законом. К этому времени отношения поселенцев с индейцами претерпели существенные изменения. Джон Рольф, сам того не желая, оказал определенное влияние на эти перемены. Он стал одним из основателей производства табака, который превратился в важнейшую статью экспорта колонии и основу ее процветания. Расширение табачных плантаций сопровождалось быстрым ростом населения и требовало расчистки новых земель, что затрагивало интересы проживавших на них индейских племен и способствовало нарастанию конфликта между ними и колонистами.

После смерти вождя Паухэтана в 1622 г. индейцы поднялись на первую в истории Северной Америки войну, напав по призыву нового верховного вождя Опечанкано на Джеймстаун и убив 345 человек (четверть всего населения города). По словам одного из колонистов, они сделали это из-за «постоянного опасения, что со временем мы, достигнув численного преобладания, лишим их страны»⁴⁰.

«Джеймстаунская резня» 1622 г. положила начало первой индейской войне, которая продолжалась 14 лет и сопровождалась кровавыми эксцессами с обеих сторон. После нескольких лет перемирия в 1642 г. Опечанкано вновь организовал нападение на город, в результате которого погибли около 500 англичан. Однако в итоге индейцы потерпели поражение, их престарелый вождь (ему было около 100 лет) был взят в плен и убит. Несколько десятков человек нашли убежище у западных соседей. В соответствии с заключенным договором индейцы (около 2 тыс. человек) были вынуждены переселиться в резервации, им запрещалось самовольно пересекать границу колонии, а их земли захватывались поселенцами. Так в Виргинии появились первые индейские резервации, а в Америке стала применяться практика, использованная британцами в Ирландии. Некоторые из этих резерваций, созданных в XVII в., существуют и поныне.

В Новой Англии отношения между аборигенами и переселенцами развивались по похожему сценарию. В 1620 г. пуритане, прибывшие на корабле «Майский цветок», основали Плимутскую колонию в районе мыса Кейп-Код на территории современного штата Массачусетс. Поселение возникло на месте индейской деревни, покинутой жителями из-за эпидемии. Колонисты не имели достаточного запаса продовольствия. В результате половина из них не смогла пережить зиму.

⁴⁰ *Williams R.A., Jr. The American Indian in Western Legal Thought: The Discourses of Conquest. N.Y., 1992. P. 217.*

Трагическая судьба неизбежно ждала и остальных, но спасение пришло неожиданно в лице индейца по имени Скуанто, который говорил по-английски. Это чудо объяснялось просто: Скуанто вместе с группой своих соплеменников был похищен английским капитаном Томасом Хантом с целью продажи в рабство в Испании. Ему удалось бежать, добраться до Англии, где он выучил английский язык, а затем на британском корабле вернуться на родину. Скуанто помог установить контакты с местными племенами, выступая в роли переводчика, научил колонистов выращивать маис, показал места для рыбалки и охоты.

Наиболее важным результатом его посредничества стало заключение с индейским вождём Массасойтом союзного договора. Его содержание приводит в своей «Истории поселения в Плимуте» губернатор и хронист колонии Уильям Брэдфорд:

1. Ни он (*вождь Массасойт*), ни люди его не станут чинить поселению вреда.
2. Если же вред будет кем-либо из них причинен, виновного обяжут выдать для примерного наказания.
3. Если будет что похищено, вождь заставит похищенное вернуть; то же обяжутся делать и поселенцы.
4. Если кто начнет с ним несправедливую войну, поселенцы окажут ему помощь; если кто пойдет войной на них, он им поможет.
5. О договоре обяжется он известить союзные племена. Дабы и они не чинили поселенцам вреда и также к договору присоединились.
6. Приходя к поселенцам, они не станут брать с собой лука и стрел⁴¹.

Закреплению дружественных отношений между Плимутской колонией и коренными американцами способствовало совместное празднование Дня Благодарения осенью 1621 г., на которое был приглашен вождь и еще 90 индейцев. После этого стало традицией отмечать праздник урожая совместной трапезой. После образования Соединенных Штатов Америки президент Джордж Вашингтон объявил 26 ноября 1789 г. первым общенациональным праздником благодарения в Америке, «днем общественного благодарения и молитвы, который следует отмечать, признавая с благодарными сердцами многочисленные и знаменательные милости Всемогущего Бога»⁴². С 1941 г. в соответствии с федеральным законом День благодарения отмечается в четвер-

⁴¹ Брэдфорд У. История поселения в Плимуте // Брэдфорд У., Франклин Б., Кревекер С.Дж., де. История поселения в Плимуте. Автобиография. Pamфлеты. Письма американского фермера. М., 1987. С. 90.

⁴² Hillstrom L.C. The Thanksgiving Book. Detroit, MI, 2008. P. 95.

тый четверг ноября и является наряду с Рождеством любимым семейным праздником американцев. В этот день они едят ту же еду, которую ели их предки вместе с индейцами в 1621 г.: фаршированную индейку с клюквенным сиропом, сладкий тыквенный пирог и, конечно, кукурузу.

Однако эта идиллия в отношениях белых поселенцев Новой Англии и коренных американцев продолжалась недолго. В 1636–1638 гг. произошла Пекотская война, которая сопровождала создание новоанглийской колонии Коннектикут. Поводом к ней стало убийство индейцами торговца мехом Джона Олдема, которое спровоцировало вооруженные столкновения между колонистами и племенем пекотов, в результате чего они перестали существовать как отдельное племенное сообщество. Эти события стимулировали создание Конфедерации Новой Англии в 1643 г. для совместного противостояния угрозе со стороны индейских племен. В нее вошли все новоанглийские колонии, кроме Род-Айленда.

Губернатор этой колонии Роджер Уильямс, протестантский священник и сторонник отделения церкви от государства, ратовал за партнерские отношения с индейцами Новой Англии. Он был изгнан из колонии Новый Плимут за свои проповеди свободы совести и борьбу с теократией и в 1636 г. основал на земле, подаренной ему наррагансетами, поселение Провиденс, ставшее столицей новой колонии Род-Айленд. В 1640 г. первые ее жители подписали соглашение о принципах управления, в котором запрещалось занимать земли, не выкупленные у индейцев. Так возникла первая модель взаимоотношений колонистов и коренных американцев, альтернативная насильственной. Но это не смогло изменить ситуацию в новоанглийском регионе в целом.

В 1675–1676 гг. Конфедерация Новой Англии вела кровопролитную Войну короля Филипа. Королем Филипом англичане называли вождя племени вампаноагов Метакомета, который заключил союз с другими алгонкинскими племенами. Быстрота расселения англичан на территории современной Новой Англии вызывала недовольство и противодействие со стороны индейцев и их вождей, видевших в пришельцах прямую угрозу своим земельным владениям, свободе и традиционной культуре. Особое возмущение вызывали попытки переселенцев-пуритан вести миссионерскую деятельность среди индейцев. Военные действия продолжались более года и закончились только после гибели короля Филипа и других вождей. Эта война отличалась особой жесточечностью с обеих сторон. В результате погибло более 600 колонистов (каждый пятый мужчина-поселенец, годный

к военной службе) и 3500 индейцев. Эти трагические события описаны Джеймсом Фенимором Купером в романе «Долина Виш-Тон-Виш». В итоге на территории Новой Англии остались два племени – ниантики и могиране, союзники колонистов.

Вместе с тем эти конфликты имели локальный характер, и в течение столетия с момента появления белого человека в Северной Америке индейские племена, разбросанные на обширных территориях, не видели непосредственной угрозы со стороны европейских переселенцев. С ними велась активная взаимовыгодная торговля: в обмен на продовольствие, меха и другие товары индейцы получали изделия из металла (мотыги, серпы, капканы, рыболовные снасти, крючки, иголки, ножи), ружья, ткани, которые значительно облегчали и изменяли их жизнь. Даже пресловутые стеклянные бусы и зеркала (символ неравноценного обмена) находили применение в религиозных ритуалах и в повседневной жизни коренных американцев. В ответ белые поселенцы перенимали у аборигенов приемы охоты и рыболовства, учились пользоваться каноэ, ориентироваться в новом для себя пространстве, возделывать табак, кукурузу, тыкву, бобы, кабачки. Индейцы поделились с колонистами знаниями о местных лекарственных травах и растениях. В фармакологии и по сей день используются кокаин, хинин, крушина, арника.

На Юго-Востоке изначально выстраивались именно торговые отношения с местными племенами криков, чокто, чикасо, принадлежавших к мускогской языковой семье, или чероки (ирокезская языковая семья). Англичане не рисковали осложнять отношения с крупными индейскими конфедерациями, развивая с ними торговый обмен, который постепенно приобрел широкий размах. Оленьи шкуры и рабы долгое время оставались главным предметом этой торговли. Еще до прихода европейцев оленьи шкуры занимали важное место в системе ценностей аборигенов. Поэтому переход к промысловой охоте на оленей осуществился довольно быстро. С 1699 по 1715 г. Южная Каролина вывозила в метрополию ежегодно в среднем 54 тыс. оленьих шкур. Колонисты выменивали их у индейцев на оружие, металлические изделия, дешевые украшения и спиртные напитки.

Отношения между колонистами и индейцами закреплялись договорами. При этом в связи с отсутствием у последних письменности применялись вампумы – нанизанные на шнуры цилиндрические раковины. Они использовались для самых разных целей: служили украшением одежды, валютой, способом передачи информации. Сохранился записанный таким образом договор между английским квакером Уильямом Пенном, основавшим

в 1681 г. колонию Пенсильвания, и племенем делаваров, которые уступали довольно обширную часть территории своего племени. На этом вампуме изображен индеец и белый. Они символически держатся за руки. Благодаря деятельности квакеров в британских колониях получила дальнейшее развитие договорная модель отношений с индейцами.

Таким образом формировалось общество фронта с характерным для него межцивилизационным взаимодействием, культурным обменом и одновременно стремлением разрешать возникавшие разногласия с коренными американцами посредством насилия. При этом самыми страшными врагами индейцев и в XVII в., и в XVIII в. были не колонисты, а привезенные ими инфекционные заболевания, истребившие большую часть коренного населения Северной Америки. Эпидемии оспы, кори, тифа, гриппа косили аборигенов тысячами.

Развернутая европейцами работоторговля привела к активизации межплеменных конфликтов. Вооруженные англичанами крики и чикасо стали основными поставщиками индейцев-невольников, которые стоили в два раза дешевле темнокожих рабов, поскольку были не приспособлены к тяжелому аграрному труду и плохо адаптировались к неволе. Тем не менее в 1708 г. среди 9580 обитателей Южной Каролины насчитывалось 1400 рабов-индейцев. Потребовалось два мощных восстания индейцев в начале XVIII в., чтобы колонисты прекратили свою практику обращения коренных американцев в рабство. В условиях нараставшего ввоза рабов из Африки, которые обеспечивали плантаторов рабочей силой, колонисты перешли к тактике разжигания межплеменных конфликтов, чтобы контролировать мир аборигенов.

Ирокезы, занимавшиеся масштабным промыслом бобровых шкур, начали захват охотничьих угодьев у соседних племен. Так начались Бобровые войны, продолжавшиеся с перерывами с 1630 по 1700 г., в ходе которых подверглись истреблению или были вынуждены покинуть свои земли могикане, гуроны и другие племена. В этих войнах активную роль играли европейские страны: Англия и Нидерланды поддерживали и вооружали ирокезов, а Франция и Швеция – их противников.

Индейцы были вынуждены следовать в фарватере политики европейцев, прежде всего англичан и французов, воевавших между собой в Европе и в колониях. Они щедро платили за поддержку. Племена получали часть военных трофеев, индейским вождям присваивали воинские звания, давали награды, назначали пенсии, приглашали в Лондон и Париж, где представляли королевным особам.

Самым крупным военным конфликтом XVIII в., в котором Англия и Франция использовали союзные племена индейцев, стала Война с французами и индейцами (1754–1763 гг.) как часть общеевропейской Семилетней войны (1757–1763). Ее участником был молодой майор британской армии Джордж Вашингтон, будущий первый президент США. Ирокезы выступили на стороне Англии, а гуроны, делавары и другие племена – на стороне Франции. Знание местности и охотничьи навыки делали индейцев прекрасными организаторами партизанской войны, непревзойденными проводниками, следопытами, разведчиками. Действие известного романа Джеймса Фенимора Купера «Последний из могикан» происходит именно во время этих событий. В конечном счете Англия победила. По условиям Парижского мирного договора Франция потеряла Канаду, Новую Шотландию, острова залива Святого Лаврентия, уступила долину реки Огайо и всю свою территорию на восточном берегу Миссисипи, за исключением Нового Орлеана.

В свою очередь индейцы поднялись на одно из самых успешных восстаний против англичан – восстание Понтиака (1763–1766 гг.). Оно было спровоцировано действиями британского генерала Джеффри Амхерста, который запретил продажу индейцам огнестрельного оружия и боеприпасов и прекратил выдачу им подарков (ножей, одежды, табака, виски). Это было воспринято как нарушение союзнических отношений. Вождю племени оттава Понтиаку удалось объединить вокруг себя более десятка племен, проживавших в районе Великих озер, а также современных штатов Иллинойс и Огайо, что обеспечило ему численный перевес над англичанами.

Выступая на совете вождей, он заявил:

Братья, для нас важно полностью уничтожить на нашей земле этот народ, который пришел, чтобы уничтожить нас. Вы, как и я, видите, что мы более не можем рассчитывать на поддержку, которую нам оказывали наши братья французы... Поэтому мы должны поклясться уничтожить их и более не медлить. Ничто не препятствует нам: их мало, и мы справимся с ними⁴³.

В ходе восстания индейцы одержали несколько побед, сожгли восемь английских фортов, нанесли английским войскам

⁴³ Цит. по: *Dixon D. Never Come to Peace Again: Pontiac's Uprising and the Fate of the British Empire in North America. University of Oklahoma Press, 2005. P. 109.*

и колонистам большие потери (около 2,5 тыс. человек). В 1766 г. был заключен мирный договор, по которому Понтиак признал власть английской короны, но впоследствии погиб при невыясненных обстоятельствах. Понтиак считается одним из наиболее выдающихся индейских вождей за всю историю противостояния индейцев и колонистов в Северной Америке. В его честь названы города в штатах Мичиган, Иллинойс, Индиана, а также в канадском Квебеке. Его имя носила знаменитая марка автомобиля, выпускавшаяся «Дженерал Моторс» с 1926 по 2010 г.

Главным результатом самого восстания Понтиака стала приостановка британской колониальной экспансии вглубь американского континента. Королевская прокламация 1763 г., изданная королем Георгом III в разгар восстания и вошедшая в историю как «Билль о правах индейцев», запрещала жителям колоний селиться и покупать землю на всей территории между Аппалачами и Миссисипи, включая плодородную долину реки Огайо. Прокламация гарантировала права индейцев и вынуждала американских колонистов покинуть земли индейцев на указанной территории.

Это вызвало недовольство колонистов, обострив, с одной стороны, их отношения с метрополией, а с другой – с индейцами. Вот почему во время Войны за независимость (1775–1783 гг.) многие индейские племена поддерживали Великобританию. Ирокезы атаковали американские поселения на фронтире от Каролины до Нью-Йорка, а чероки напали на южные форты. Возглавил индейские отряды выдающийся индейский вождь Джозеф Брант. В ознаменование военных заслуг он получил офицерское звание, а под его началом вместе с индейцами сражались солдаты британской армии и ополченцы-лоялисты. Брант сохранял верность британской короне даже после окончания войны. Он дважды посетил Англию, встречался с королем Георгом III, совершил дипломатическую поездку в Париж, вел переговоры с президентом Дж. Вашингтоном, оставаясь при этом противником США. Остаток жизни этот легендарный индейский вождь провел в Канаде, где и умер в 1807 г. в своем поместье, подаренном ему за заслуги перед британской короной. В Канаде в провинции Онтарио в честь Джозефа Бранта названы графство и город Брантфорд, где ему установлен памятник. В США в штате Нью-Йорк есть город его имени.

Наследие британской колониальной политики в отношении аборигенного населения получило дальнейшее развитие в новом государстве – Соединенных Штатах Америки.

Индейцы и американцы:
приобщение к благам «белой» цивилизации,
переселение или сопротивление?

Одним из первых решений Континентального Конгресса, собравшегося в 1775 г. в начале Войны за независимость, стало создание трех департаментов по индейским делам: северного, центрального и южного. В их задачи входили переговоры с индейскими племенами и обеспечение их нейтралитета во время войны, а среди руководителей были Бенджамин Франклин и Патрик Генри.

В марте 1824 г. военный министр Джон Кэлхун внутри своего ведомства организовал Бюро по делам индейцев, которое возглавил Томас МакКинни. Оно стало основным государственным органом, занимавшимся координацией всей индейской политики в стране.

В первые десятилетия после Войны за независимость произошел пересмотр традиционного курса Великобритании и других колониальных держав в индейском вопросе. До этого коренные жители признавались подданными европейских монархов. В 1787 г. первый военный министр США Генри Нокс предложил рассматривать индейские племена как суверенные нации, по праву владеющие землями, на которых они проживают, и подчиняющиеся исключительно федеральному правительству. Эта точка зрения нашла отражение в Северо-Западном ордонансе 1787 г. и Конституции США, в которых декларировался независимый статус коренных американцев. Они сохраняли суверенитет и не получали американского гражданства, будучи признаны «иностранными нациями», проживавшими на территории США.

Основной формой регулирования взаимоотношений между индейскими племенами и государством стали договоры. В общей сложности за период с 1778 по 1868 г. было заключено 374 договора с отдельными племенами и группами племен, касавшихся вопросов их земельных владений, границ и платежей. Первый договор был подписан 7 сентября 1778 г. с делаварами, последний – в 1868 г. с племенем не-персе. Договоры вступали в силу после их ратификации Сенатом.

Была разработана программа аккультурации, т. е. культурной ассимиляции индейцев. Ее действие распространялось прежде всего на так называемые цивилизованные племена юго-востока США: сначала на чероки, криков, чокто и чикасо, которые жили на территории Джорджии и будущих штатов Теннесси (1796), Алабама (1819), Миссисипи (1817), а после присоединения Флориды

в 1821 г. – на семинолов. Поскольку эти индейские анклавные территории находились на территориях, которые активно осваивали американцы, вставал вопрос: как выстраивать взаимоотношения с аборигенным населением, сохранявшим земли и племенное самоуправление. В такой ситуации культурная ассимиляция представлялась альтернативой переселения индейцев.

Инициатором этой политики выступил первый президент США Джордж Вашингтон. Он полагал, что индейцы имеют равные права с белыми, но более примитивную общественную организацию. Поэтому, как только коренные американцы усвоят практику частной собственности, строительства домов, фермерского труда, вкусят плоды образования, обратятся в христианство, они гармонично вольются в американское сообщество, состоящее из представителей разных народов.

Эта политика предусматривала шесть основных направлений: беспристрастное правосудие в отношении индейцев; покупку индейских земель на основании четко сформулированных правовых актов; продвижение торговли; продвижение экспериментов, направленных на цивилизацию или «улучшение» индейского общества; право президента на предоставление индейцам «подарков»; наказания в отношении тех, кто нарушал права индейцев.

Для реализации данной программы в 1793 г. Конгресс принял решение ежегодно выделять 20 тыс. долл. на приобретение домашних животных, сельскохозяйственных орудий труда и материалов для индейцев. В 1819 г. было утверждено дополнительное финансирование. Правительство назначило специальных агентов, которые должны были проживать среди индейцев и помогать им приобщиться к благам «белой» цивилизации. Самых впечатляющих успехов на этом пути достигли чероки. На рубеже XVIII–XIX вв. они приняли христианство, перешли к оседлому образу жизни, занялись фермерским трудом, скотоводством и ремеслами. В 1825–1826 гг. вождь племени чероки Секвойя утвердил на совете племени слоговую азбуку чероки, состоящую из 85 знаков. Созданная им в 1821 г., она до сих пор используется для записи языка чероки. В результате к 1830 г. грамотными были уже 90% индейцев этого племени. Богатые индейцы-чероки вели аристократический образ жизни, обзаведясь плантациями и чернокожими рабами.

В 1827 г. Конвент черокской нации принял письменную Конституцию, провозгласив чероки суверенной и независимой христианской нацией, обладающей полной юрисдикцией над своей территорией. Был закреплен принцип выборности вождя, и по образцу Конгресса создан Совет племени, состоящий из двух

палат. Конституция была опубликована в 1828 г. в первом номере газеты «Чероки Феникс», которая начала издаваться на двух языках усилиями Элиаса Будино, ученика Секвойи и миссионеров, единственного чероки-журналиста. Казалось, что чероки смогут образовать в составе американской федерации самостоятельный и жизнеспособный штат с индейско-метисным самоуправлением.

Другой путь борьбы за самоопределение избрал знаменитый вождь племени шауни Текумсе. Прирожденный воин, он в возрасте 14 лет принял участие в Войне за независимость США на стороне британских войск, отказался признать договоры о продаже индейских земель и пытался создать единое независимое индейское государство-буфер между Канадой на севере и Соединенными Штатами на юге. Текумсе провел серию переговоров с США и Канадой, а с 1808 по 1811 г. сумел заручиться поддержкой оттавов, делаваров, криков и других племен. Однако созданный им Индейский союз потерпел поражение. После этого Текумсе и его сторонники присоединились к британским войскам во время Англо-американской войны 1812–1814 гг. Он получил звание бригадного генерала, сыграл главную роль во взятии британскими войсками Детройта и погиб в бою в 1813 г.

Перед этим сражением Текумсе заявил:

Наши жизни в руках Великого Духа. Мы полны решимости защищать свои земли, и если будет на то Его воля, мы хотим, чтобы наши кости покоились в этой земле⁴⁴.

В свой последний бой Текумсе пошел не в парадной форме генерала британской армии, а в одеянии индейского воина – в рубахе из оленьей шкуры. Этот человек несгибаемой воли и потрясающей силы духа считается одним из самых талантливых и знаменитых индейских лидеров в истории. В его честь получили имена знаменитые генералы американской армии, участники Гражданской войны 1861–1865 гг. Уильям Текумсе Шерман и Наполеон Джексон Текумсе Дана, его именем названы города в штатах Канзас, Мичиган, Миссури, Небраска, Оклахома, его имя носят десятки школ в разных городах США. Так с течением времени американцы начинали переосмысливать свое отношение к тем, кто жил до них на территории США и кто стал жертвой их стремления обживать новые пространства и использовать природные ресурсы.

⁴⁴ *Waters F. Brave are My People: Indian Heroes Not Forgotten. Ohio University Press, 1998. P. 67.*

Однако уже в первой половине XIX в. в США началось серьезное изучение аборигенов Северной Америки. Историк Френсис Паркман, проживший некоторое время среди индейцев сиу, описал свои приключения в книге «Орегонская тропа». Знаменитый американский антрополог Льюис Генри Морган посвятил свои работы Лиге ирокезов, а также индейским племенам Запада и Северо-Запада.

Благодаря их исследованиям и в еще большей степени романам Фенимора Купера и других писателей в американском общественном сознании стал формироваться образ индейца как «благородного дикаря», носителя самобытной и яркой культуры, следовавшего строгому кодексу чести. Он всего лишь нуждался в благотворном воздействии цивилизации.

В 1837 г. художник Джордж Кэтлин организовал в восточных штатах выставку своих картин, посвященных жизни и быту индейцев. На выставке экспонировалось около 500 работ, многие из них представляли собой портреты и зарисовки, сделанные с натуры во время его путешествий и жизни среди индейцев. Для большинства американцев эта выставка была открытием неизвестного им мира. Кэтлин стал активным пропагандистом индейской культуры, стремясь донести до американского общества мысль о том, что коренные американцы отнюдь не являются примитивными дикарями.

Однако благие пожелания и усилия отдельных представителей интеллектуальной элиты США не смогли перевесить стремление использовать в интересах бурно развивавшейся экономики природные ресурсы, находившиеся под контролем индейцев. Уже в период президентства Томаса Джефферсона (1801–1809) позиция американского правительства сводилась к тому, чтобы разрешить индейским племенам остаться на землях восточнее Миссисипи лишь в том случае, если они будут согласны «цивилизиться».

Однако с покупкой у Франции огромной территории Луизианы в 1803 г. (приблизительно 530 млн акров) за 15 млн долл. сам Джефферсон стал все больше склоняться к мысли, что консолидация индейских племен на Великих Равнинах к Западу от реки Миссисипи убережет их от разрушительного контакта с европейской цивилизацией.

Так начиналась история Индейской территории, первоначально значительно превышавшей размеры будущего штата Оклахома, после создания которого в 1907 г. она перестанет существовать. В ней, как в капле воды, отразилась основная модель взаимоотношений белого населения с коренными обитателями

США. Прологом можно считать период с 1803 г. (покупка Луизианы) до 1828 г., после чего в «Эру Джексона» (1829–1841) началось массовое переселение юго-восточных индейских племен на запад от реки Миссисипи, и Индейская территория с характерным для нее этническим составом стала реальностью.

Но прежде предстояло обманом и силой заставить племена оседлей, проживавших в Оклахоме, заключить соглашения на обмен их земель, ратифицировать договоры в Сенате и переселить оседлей в резервацию в Южном Канзасе. Этого удалось добиться при поддержке американской армии к 1824 г.

В первой половине 1820-х гг. правительство США заключило ряд договоров с чероки, чокто и криками, обменявшими часть своих земель на территории в Арканзасе, Южной Оклахоме и восточной части Нью-Мексико. В ход шел подкуп вождей, военное и финансовое давление, создание условий для приобщения к системе образования, например, через создание «Академии чокто».

Однако к концу 1820-х гг. захват земель юго-восточных индейцев затормозился. Они сплотились для противодействия переселенческой политике федерального правительства, не желая уступать свои земли и переселяться на запад от реки Миссисипи.

Между тем белые американцы перевалили гряду Аллеганских гор, давний рубеж, защищавший Индейскую страну, и начали осваивать Новый Запад, все дальше продвигая фронт.

«Дорога слез»:

массовое переселение индейских племен

Ставший в 1829 г. президентом США Эндрю Джексон и его сторонники выступали за переселение индейцев с богатого Юго-Востока США на дикие земли Великих равнин.

В декабре 1829 г. легислатура Джорджии аннулировала законы чероки, подчинив племя законодательству штата, разделила племенные владения на округа и объявила залежи золота и серебра на индейской территории собственностью штата. Обращение чероки в Верховный суд с жалобой на действия властей (дело «Чероки против штата Джорджия») закончилось тем, что Верховный судья Джон Маршалл вернул дело в суды штата. Тем самым был создан прецедент, лишавший чероки статуса «иностранный нации», т. е. суверенитета.

Уже в первом президентском послании к Конгрессу Джексон подчеркнул:

Я хочу поставить в известность индейцев, проживающих в Джорджии и Алабаме, что их попытки создать независимое государство не встретят поддержки со стороны исполнительной власти США. Я советую им или иммигрировать за Миссисипи, или подчиниться законам этих штатов⁴⁵.

Итогом стало принятие в 1830 г. Закона о переселении индейцев. Формально переселению подлежали только индейцы, желавшие сохранить племенное самоуправление. Те, кто был согласен принять гражданство США, могли остаться. Президент получал исключительное право на заключение договоров с индейцами о земельном обмене и использование военной силы для их выселения. Новые договоры существенно отличались от соглашений более раннего периода. Прежде всего ужесточались условия земельных уступок индейцев. Власти страны стали требовать не передачи части владений белым гражданам, а ухода из этих владений навсегда: переселения в отдаленные западные районы Соединенных Штатов, где создавалась специальная Индейская территория. Конгресс выделил 500 тыс. долл. на переселение. В результате на запад по «дороге слез» отправились более 100 тыс. индейцев.

Объектом массового переселения становились прежде всего пять «цивилизованных» племен. Многие индейцы не имели средств на продовольствие и транспорт и были вынуждены идти пешком. Из-за антисанитарных условий, суровой зимы и недоедания начинались болезни, что приводило к смерти.

Вместе с индейцами на Индейскую территорию отправилось множество как свободных темнокожих американцев, так и рабов (либо сопровождавших своих хозяев-индейцев, либо беглецов, тем или иным способом присоединившихся к индейским племенам). После прибытия на Индейскую территорию чикасо основали крупные фермы, на которых они использовали труд черных невольников. Нация чикасо признала отмену рабства лишь в 1866 г., а бывшие рабы нации чокто получили статус «освобожденных людей чокто». Около 6 тыс. чокто остались в Миссисипи, они стали первыми индейцами, получившими американское гражданство.

После депортации чероки и другие «цивилизованные племена» создали первую в США сеть бесплатных школ. На «Терри-

⁴⁵ Цит. по: *Kittrie N.N., Wedlock E.D. The Tree of Liberty: A Documentary History of Rebellion and Crime in America. Vol. 1. Johns Hopkins University Press, 1998. P. 115.*

тории чероки» к середине XIX в. действовали около 30 бесплатных школ, где учителя-чероки обучали детей, из 22 тыс. человек правом голоса обладали 4 тыс. граждан-мужчин. Женщины, белые американцы (около 1 тыс. человек) и темнокожие рабы (около 4 тыс. человек) права голоса не имели.

К середине 1830-х гг. администрация Джексона добилась формального согласия пяти «цивилизованных племен» на переселение. Однако выселять индейцев пришлось силой, поскольку большинство не собиралось покидать свои дома, несмотря на договоры. Например, потребовался многотысячный армейский корпус, чтобы насильственно выселить криков и чероки. В двух войнах с семинолами погибли 3 тыс. американских солдат и было потрачено 40 млн долл.

Особенностью Второй семинольской войны (1835–1842 гг.) стало участие в ней так называемых черных семинолов. Ими были беглые рабы, свободные потомки африканцев, мулаты и самбо, переселившиеся во Флориду и жившие вместе с индейцами. Черным семинолам было за что сражаться. Американский офицер в 1826 г. так описывал увиденное во Флориде:

Мы обнаружили, что у негров в собственности находятся огромные площади первоклассной земли, приносящие богатые урожаи кукурузы, бобов, дынь, тыквы и прочих овощей. ...Дома у них больше и удобнее, чем у индейцев⁴⁶.

Возглавил борьбу семинолов молодой индейский вождь Оцеола, вошедший в историю как один из самых непримиримых борцов за свободу. В течение двух лет он успешно противостоял превосходящим силам противника, но в 1837 г. был вероломно захвачен в плен во время мирных переговоров и умер в тюрьме. После его смерти сопротивление продолжалось до 1842 г. И даже после окончания войны небольшая группа семинолов укрылась в болотах южной Флориды и продолжала партизанские действия. Их потомки заключили соглашение с правительством США только в 1936 г. Однако от имени всего племени договор так и не был подписан. Поэтому современные семинолы гордятся тем, что они являются единственным индейским племенем в Америке, не заключившим мирное соглашение с правительством США. В честь самого Оцеолы названы многочисленные населенные пункты и округа в штатах Флорида, Айова и Мичиган. Романтизирован-

⁴⁶ Цит. по: *Mulroy K. The Seminole Freedmen: A History. University of Oklahoma Press, 2016. P. 28.*

ный образ Оцеолы растиражирован во многих художественных произведениях, в том числе в романе английского писателя Томаса Майн Рида «Оцеола – вождь семинолов».

К началу 1840-х гг. в основном завершилось массовое переселение индейцев на запад от р. Миссисипи. Они потеряли около 100 млн акров земель, взамен получив 32 млн акров и 68 млн долл. компенсации. Этническую основу Индейской территории сформировали пять «цивилизованных племен», ирокезы Огайо, делавары, шауни и кикапу из Техаса. А на Востоке в крошечных резервациях проживало не более 9 тыс. аборигенов.

Битва на Великих Равнинах и исчезновение Индейской территории

Гарантии неприкосновенности Индейской территории действовали лишь до тех пор, пока к ее границам не подошли белые американцы, непрерывно сдвигавшие фронт в южном и западном направлении по Великим равнинам.

Здесь жили обитатели степей и прерий чейены, сиу, арапахи, команчи, кайова, шошоны, навахи. Они были искусными наездниками и охотниками, прекрасно владевшими огнестрельным оружием. Поскольку эти племена представляли серьезную силу, правительство США подписало с ними соглашение, обозначив границы их владений и добившись разрешения строить на их территориях дороги, форты, торговые посты за соответствующую компенсацию.

Однако предотвратить вооруженные конфликты между правительственными войсками и племенами Великих равнин не удалось. Первый из них произошел в 1854 г., после чего с небольшими перерывами в различных районах шли вооруженные действия, индейцы нападали на переселенцев, войска совершали ответные рейды.

Не случайно во время Гражданской войны в США (1861–1865) коренные американцы сотрудничали с южанами. В армии Конфедерации служили 7860 индейцев (в основном представители пяти «цивилизованных племен»). К 1865 г. большинство западных индейцев находились на «тропе войны», что стало также следствием действий фронтисменов, нападавших на незащищенные индейские селения. В ноябре 1864 г. в результате такого рейда произошла бойня у ручья Сэнд-Крик, в ходе которой были убиты 105 индейских женщин и детей и 28 стариков. В итоге началось общее восстание индейцев степных племен против американцев.

После окончания Гражданской войны Конгресс США предпринял реальные попытки урегулировать отношения с индейцами Великих равнин на основе договоров. В обмен на обеспечение резерваций всем необходимым индейцы обещали не покидать их пределы и не нападать на переселенцев.

Однако мир постоянно нарушался. Военная активность индейцев была вызвана прежде всего голодом и жестокими действиями американской армии. Недостаточное снабжение резерваций продуктами питания, отказ выдавать порох и оружие для охоты на бизонов, их массовое истребление белыми американцами, нападения на индейские селения, наконец, неспособность правительства США предложить реальную мирную альтернативу царящему на Великих равнинах насилию и произволу привели к массовому восстанию индейцев.

Индейские войны этого периода изобиловали трагическими эпизодами, кровавыми битвами, героями и злодеями. В 1876 г. объединенные войска индейцев сиу и шайеннов под предводительством легендарного вождя по имени Сидящий Бык в битве при Литгл-Бигхорн разбили кавалерию подполковника Джорджа Кастера, который погиб вместе с 267 солдатами. Это была одна из самых значительных побед индейцев в истории США.

Однако самым знаменитым индейским воином, символом борьбы за права коренных американцев по праву считается вождь апачей Джеронимо, в течение 25 лет возглавлявший борьбу против вторжения армии США на территорию своего племени. Он прославился силой духа, нестигаемой волей, отвагой и неуловимостью, которые демонстрировал с 1858 по 1886 г. В конце концов под его командованием остался крошечный отряд, состоявший из 38 мужчин, женщин и детей. Целый год за ним охотились 5 тысяч солдат армии США (четверть всего ее состава на тот момент) и несколько вооруженных мексиканских отрядов. Индейцы прекратили сопротивление лишь 4 сентября 1886 г., когда Джеронимо был вынужден сдаться американскому генералу Нельсону Майлзу в Аризоне.

Но на том история Джеронимо не закончилась. Будучи известным на всю страну, он появлялся на выставках, включая Всемирную выставку 1904 г. в Сент-Луисе (штат Миссури), где продавал сувениры и собственные фотографии. В 1905 г. Джеронимо принял участие в параде по случаю инаугурации президента США Теодора Рузвельта. В 1906 г. была издана его автобиография, мгновенно ставшая бестселлером. О его жизни снято несколько фильмов, легендарная храбрость и воинское везение

Джеронимо превратили его в национального героя Америки, даже несмотря на то что он всю жизнь боролся против правительства США. Американские десантники используют его имя в качестве боевого клича.

Последним эпизодом индейских войн, продолжавшихся более 250 лет, стала Бойня у ручья Вундед-Ни в Южной Дакоте 29 декабря 1890 г. После того, как было подавлено вооруженное сопротивление индейских племен, им оставалось лишь уповать на чудо, которое могло освободить их и вернуть потерянные земли. Среди индейцев сиу распространилась вера в то, что массовое исполнение ритуальной Пляски духов ускорит пришествие Мессии, который спасет всех индейцев. Белые люди исчезнут, уничтоженные бизоны возродятся, духи предков вернуться на землю, чтобы жить в мире. Индейцы были убеждены, что исполнение пляски дарует им особую рубашку духов, которая сделает их неуязвимыми для пуль.

Распространение подобных верований вызвало обеспокоенность правительства США. Оно опасалось, что массовые пляски перерастут в вооруженное выступление. Именно в это время был убит самый популярный вождь сиу Сидящий Бык, что спровоцировало бегство большой группы индейцев из резервации. За ними были посланы войска, которые настигли и окружили их у ручья Вундед-Ни. Во время попытки изъять у индейцев оружие и арестовать вождя они начали исполнение Пляски духов. Случайный выстрел спровоцировал беспорядочный огонь, в результате чего были убиты около 300 индейцев, а также погибли 25 солдат, по большей части ставших жертвой хаотичной стрельбы.

Так завершилась эпоха индейских войн в истории США. По самым приблизительным подсчетам за период с 1775 по 1890 г. они унесли жизни 45 тыс. индейцев и 19 тыс. белых. Одновременно с окончанием вооруженного противостояния с индейцами произошло «закрытие» американского фронта как подвижной границы белых поселений, поскольку вся территория США от Атлантического до Тихого океана стала единым экономическим и политическим пространством.

Индейская территория доживала свои последние годы. В 1870-е гг. железные дороги пересекли Оклахому во всех направлениях, а станционные города превратились в оживленные торговые центры. На Западных Равнинах начался быстрый рост животноводства. Ориентируясь на выгодные восточные рынки, техасские ковбои перегоняли свой скот к городам на берегах р. Миссури и к железнодорожным станциям Канзаса, пересекая

земли чероки, чикасо, криков. Равнины западной Оклахомы стали использоваться как постоянные пастбища, что было закреплено арендными договорами с племенами. 1880-е гг. стали «золотым веком» ковбоев, обосновавшихся на Индейской территории и романтизированных в американских вестернах. Однако вскоре им пришлось отступить под натиском переселенцев-фермеров.

В 1889 г. президент Гровер Кливленд подписал закон об уплате племенам, проживавшим на Индейской территории, компенсации в расчете 1 доллар 25 центов за акр в обмен на признание Оклахомы Национальным доменом. Земли пяти «цивилизованных» племен выставлялись на торги, в 1906 г. они лишились самоуправления, а в 1907 г. штат Оклахома вошел в состав США.

Так коренные американцы потеряли свой суверенитет и землю, но не приобрели гражданских прав. Они оказались в резервациях, а политика сегрегации поддерживала расовые границы внутри общества. В наступавшем XX в. индейцам, наряду с афроамериканцами, предстояло пройти сложный путь борьбы за свое равноправие и обретение идентичности, сопровождавшийся не только конфликтами, но и культурной интеграцией, обогащавшей наследие американской нации наций.

Для дальнейшего изучения

Braun D. Схороните мое сердце в Вундед-Ни. М., 1984.

Уайт Д.М. Индейцы Северной Америки. М., 2006.

Bragdon K.J. The Columbia Guide to American Indians of the Northeast. N.Y., 2001.

Fowler L. The Columbia Guide to American Indians of the Great Plains. N.Y., 2003.

Griffin-Pierce T. The Columbia Guide to American Indians of the Southwest. N.Y., 2010.

Perdue Th., Green M.D. The Columbia Guide to American Indians of the Southeast. N.Y., 2001.

Treaties with American Indians: an encyclopedia of rights, conflicts, and sovereignty. Ed. by Fixico D. Vol. 3. Santa Barbara, 2008.

Waters F. Brave are My People: Indian Heroes Not Forgotten. Ohio University Press, 1998.

Электронные ресурсы

Видеоролик к данной лекции см.: <https://edu.amc.ru/courses>

Cherokee History as You've Never Heard It [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=k3xYAI4kYN4> (дата обращения 18.02.2021).

Great Native American Warriors [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=-OXXqxcE fzI> (дата обращения 18.02.2021).

History of the Indian wars [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=qO_IkNfT3Iw (дата обращения 18.02.2021).

King Philip's War [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=qE3gmIehl3U> (дата обращения 18.02.2021).

Native Americans History and Culture [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=XS8DEjd2QBg> (дата обращения 18.02.2021).

Oldest Native American footage ever [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=-stkMRVkcIU> (дата обращения 18.02.2021).

10 Greatest Native American Chiefs And Leaders [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=lpbe-36r46Q> (дата обращения 18.02.2021).

Тема 7. Индейцы в поисках идентичности и гражданского равноправия

Красная Нация (*индейцы*) возродится вновь, и это будет благословением для больного мира; мира, полного нарушенных обещаний, эгоизма и разделения; мира, снова жаждущего света⁴⁷.

Эти слова произнес индейский вождь племени лакота-сиу Бешеный Конь в разговоре с Сидящим Быком в 1877 г. Через несколько дней он был убит, оказав сопротивление при попытке ареста. В 1890 г. та же участь постигла и Сидящего Быка. Но идея национального возрождения коренных американцев как сообщества племен, живущих в соответствии со своими традициями и занимающих достойное место в американском обществе, не умерла вместе с ними. Она фактически стала программой действий для индейского движения за гражданские права на весь XX век.

Жизнь в резервациях

По результатам переписи 1900 г. на территории США насчитывалось около 240 тыс. индейцев, из которых более 90% находились в 162 резервациях, расположенных в основном в штатах Оклахома, Аризона, Нью-Мексико, Южная Дакота, Калифорния, Вашингтон, Монтана и Висконсин. Резервации представляли собой зоны компактного проживания индейских племен, находящиеся под племенной юрисдикцией. Границы резерваций закреплялись законодательно или договорами между индейцами и правительством США, но могли неоднократно изменяться под влиянием различных факторов: эволюции государственной политики, продажи земель, судебных решений и т. д. Примером тому служит самая большая резервация в США, принадлежащая народу навахо, территория которой с момента ее образования в 1868 г. изменялась 14 раз.

⁴⁷ Цит. по: *Grayshield L., Del Castillo R. (eds.) Indigenous Ways of Knowing in Counseling: Theory, Research, and Practice. Cham, 2020. P. 12.*

Термин «резервация» возник в рамках концепции, определявшей племена коренных американцев «суверенными нациями», проживавшими на территории Соединенных Штатов, что нашло отражение в Северо-Западном ордонансе 1787 г. и в Конституции США. Поэтому в договорах, на основе которых племена передавали часть своих земель правительству, фиксировались территории, сохранявшиеся (резервировавшиеся) в племенной собственности. Они-то и получили название резервации, использовавшееся даже после того, как федеральное правительство начало насильственное переселение племен на земли к западу от р. Миссисипи, с которыми у них не было никаких исторических связей.

В 1871 г. Конгресс принял закон, лишивший коренных американцев суверенитета. Отныне они переходили под опеку Конгресса. А это означало, что резервация попадала под двойную юрисдикцию: на нее распространялись федеральные законы (а в ряде случаев и законы штатов), а также племенные законы. В итоге с практикой договоров, требовавших ратификации в Сенате, было покончено, а федеральное правительство получило право вмешиваться в дела резерваций.

Во все резервации направлялись агенты Бюро по делам индейцев, существовавшего внутри Министерства внутренних дел США, которые обладали в них реальной административной властью. Среди сотрудников Бюро встречались люди, искренне пытавшиеся содействовать улучшению положения коренных американцев. Например, в 1869–1871 гг. его возглавлял бригадный генерал Эли Паркер, индеец племени сенека. Во время Гражданской войны в США (1861–1865) он служил адъютантом и секретарем знаменитого полководца северян Улисса Гранта, который в 1869 г. стал президентом США.

Но большинство агентов использовали свое положение для личного обогащения, мало интересовались делами индейцев и плохо разбирались в их культурных традициях. Примером такой некомпетентности стала деятельность агента Дэниела Ф. Ройера, которого его подопечные прозвали «Юношей, боящимся индейцев»⁴⁸. Во многом именно она спровоцировала Бойню у ручья Вундед-Ни в 1890 г.

Ограничение самоуправления индейских племен происходило постепенно. В 1887 г. был принят закон Дауэса, призванный ликвидировать племенную собственность на землю путем передачи земельных наделов (элотов) в частную собственность индей-

⁴⁸ *Iverson P., Davis W. "We Are Still Here": American Indians since 1890. Wiley Blackwell, 2015. P. 12.*

ским семьям при условии ведения ими фермерского хозяйства. Размер такого надела составлял 160 акров (65 га) и определялся в соответствии с Гомстед-актом 1862 г., разрешившим передачу незанятых земель на западе во владение гражданам США. Соответственно, все индейские территории, превышавшие размер этого надела, подлежали продаже белым фермерам⁴⁹. Как заявлялось, закон должен был способствовать интеграции коренных американцев в цивилизованную экономическую систему. По словам автора законопроекта сенатора Генри Дауэса, быть цивилизованным означало

...носить цивилизованную одежду, обрабатывать землю, жить в домах, ездить в повозках Студебеккера, отправлять детей в школу, пить виски и владеть собственностью⁵⁰.

В результате за время действия закона Дауэса (до 1934 г.) индейцы потеряли около 2/3 своих земель.

Помимо этого, в резервациях запрещалось проведение традиционных религиозных ритуалов и культурных практик, включая ритуальные пляски и праздники. Нарушение данного запрета грозило тюремным заключением и лишением правительственной помощи. Особое значение в рамках политики культурной ассимиляции придавалось системе образования и воспитания детей. Для индейских детей создавались специальные школы-интернаты, находившиеся за пределами резерваций. В соответствии с законом об «обязательном посещении», изданном в 1891 г., федеральные чиновники получили право принудительно забирать их из семей и направлять в эти школы. В 1902 г. существовало 25 финансируемых федеральным бюджетом школ-интернатов в 15 штатах и территориях, в которых обучалось более 6 тыс. детей. Лишившись семьи, они лишались и всего того, что связывало их с традиционной культурой: их обращали в христианство, одевали в униформу, стригли волосы (для многих племен это считалось позором), заменяли индейские имена на английские, запрещали разговаривать на родных языках.

Так правительство США в русле общей политики американизации пыталось решить индейский вопрос путем быстрого включения коренных жителей в экономическую и политическую

⁴⁹ *Ruppel K.T.* Unearthing Indian Land: Living with the Legacies of Allotment. Tucson, 2008. P. 26–27.

⁵⁰ Цит. по: *Dziebel G.V.* Playing and Nothing: European Appropriations of Native American Cultures in the Late 20th Century. Stanford University Press, 2005. P. 354.

жизнь общества с тем, чтобы они в перспективе стали его неотъемлемой частью не как американские индейцы, а как американцы индейского происхождения. В своей деятельности федеральные власти опирались на поддержку общественных организаций, таких как Национальная индейская ассоциация, возникшая в 1879 г. и на пике своего развития имевшая 98 отделений в 28 штатах и 56 миссий в резервациях. Другой организацией такого рода была Ассоциация прав индейцев, созданная в 1882 г. в Филадельфии. В их состав входили белые социальные работники, проводившие большую работу по улучшению положения индейцев и привлечению общественного внимания к проблемам коренных американцев. Одной из наиболее известных и влиятельных фигур в этом движении ассимиляции был журналист и религиозный деятель Джонатан Бакстер Харрисон, много писавший о положении дел в резервациях и о необходимости доступа индейцев к образованию. Вместе с тем он, как и другие активисты, разделял популярный в американском обществе культуртрегерский подход к решению индейской проблемы, предусматривавший их христианизацию и растворение в американском обществе.

Лидеры и идеологи индейских движений воспринимали такую политику как угрозу идентичности коренных американцев, неохотно сотрудничали с этими организациями и стремились к созданию собственных. В результате в начале XX в. на смену воинственным индейским вождям пришли новые герои борьбы за право индейцев на сохранение своей самобытности, своих традиций и верований. Их оружием были не лук со стрелами и винчестер, а образование, просветительство, апелляция к общественному мнению, бережное сохранение индейского фольклора и использование американских правовых механизмов.

У истоков движения
за гражданские права коренных американцев:
новая эпоха – новые герои

В 1911 г. возникло «Общество американских индейцев» – первая национальная ассоциация, созданная самими коренными американцами, которые ее возглавляли. Среди его основателей были представители нового поколения лидеров индейского движения за самоопределение, олицетворявшие собой синтез двух культур: Артур Паркер, Чарльз Истмен, Карлос Монтесума.

Артур Паркер (1881–1955), археолог, историк, фольклорист, родился в резервации племени сенека. Он был внучатым

племянником Эли Паркера (первого коренного американца, возглавлявшего Бюро по делам индейцев) и автором его биографии. Паркер проводил большую работу по сохранению наследия коренных американцев, включая индейский фольклор. Им были собраны и опубликованы мифы и легенды индейцев-сенека, а также материалы по истории ирокезов. В знак признания его заслуг перед американской наукой в 1935 г. Паркер был избран первым президентом Американского археологического общества.

Чарльз Истмен (1858–1939), дакота-сиу, дипломированный врач, выпускник Бостонского университета, писатель, общественный деятель и реформатор. Успешную медицинскую и писательскую карьеру (стал первым индейским писателем, получившим широкое признание, чьи книги были переведены на немецкий, французский, чешский и другие языки) Истмен сочетал с активной общественно-политической деятельностью. Он представлял американских индейцев на Всемирном конгрессе рас в Лондоне в 1911 г., лоббировал интересы коренных американцев на уровне национальной политики, сотрудничал с администрациями президентов Теодора Рузвельта и Калвина Кулиджа, участвовал в разработке реформ индейской политики правительства США. Среди его наиболее значимых работ были «Душа индейца» (1911), «Современный Индеец: прошлое и будущее краснокожих американцев» (1915), «Индейские герои и великие вожди» (1918). В них Истмен впервые представляет американскую историю с позиции коренных американцев.

Карлос Монтесума (1866–1923), апач, ребенком был похищен и продан за 30 долл. итальянскому фотографу Карло Джентиле, который его усыновил и дал это имя (его индейское имя Вассайя). Монтесума стал первым индейским студентом Университета Иллинойса и вторым коренным американцем, получившим степень по медицине (первой была Сьюзан ла Флеш Пикот, индеанка из племени омаха). Работа в резервациях способствовала формированию его политических взглядов и твердого убеждения в необходимости реформирования всей индейской политики. С 1905 г. он активно выступал с критикой деятельности Бюро по делам индейцев, издавал журнал «Вассайя», в котором пропагандировал идеи развития образования среди индейцев и предоставления им гражданских прав.

Само «Общество американских индейцев», в которое входили представители различных племен, пропагандировало идеи *паниндеанизма*, т. е. объединения коренных американцев вне зависимости от их племенной принадлежности. Работа Общества

была нацелена на получение всеми индейцами американского гражданства и права предъявить государству свои имущественные претензии по поводу компенсации за изъятые земли племен. Кроме того, оно занималось сохранением индейской культуры и способствовало проведению исследований в области индейской истории и антропологии. Общество издавало ежеквартальный «Журнал американских индейцев», пост редактора которого занял Артур Паркер.

Одним из направлений деятельности организации стала борьба за празднование «Дня американских индейцев» в США, в ознаменование вклада коренных американцев в создание и развитие Соединенных Штатов. Для этого была развернута масштабная пропагандистская кампания. В итоге 24 штата поддержали данную инициативу, а член Общества Красный Лис Джеймс из племени черноногих доставил петицию в Белый дом. Однако добиться признания этого праздника на национальном уровне не удалось. Тем не менее в 1916 г. губернатор штата Нью-Йорк объявил вторую субботу мая официальным «Днем американских индейцев» в своем штате. В 1919 г. этому примеру последовал Иллинойс, а затем и ряд других штатов.

А вот добиться получения всеми индейцами, родившимися на территории США, американского гражданства удалось только после Первой мировой войны, оказавшей большое влияние на изменение отношения американского общества к индейцам.

Коренные американцы на военной службе (1914–1918 гг.)

В резолюции Конгресса США 2008 г., объявившей четвертую пятницу ноября Днем наследия коренных американцев, это обосновывалось в том числе и тем, что они

...добровольно служили в вооруженных силах Соединенных Штатов и принимали доблестное участие во всех военных действиях страны, начиная от Войны за Независимость до настоящего времени, и в большинстве этих случаев коренных американцев служило больше, чем представителей любой другой группы американцев в пересчете на душу населения⁵¹.

⁵¹ Journal of the House of Representatives of the United States. One Hundred Tenth Congress. Second Session. Part 2. Washington, 2018. P. 2516.

Однако вплоть до Первой мировой войны (1914–1918) отношение к военной службе индейцев в вооруженных силах США было негативным. В армейских кругах доминировали сомнения в лояльности коренных американцев государству, которое не предоставляло им полного объема гражданских прав. Принципиально изменить ситуацию не помогло и то, что индейские добровольцы хорошо зарекомендовали себя во время Испано-американской войны (1898).

Все эти сомнения были развеяны сразу же после вступления США в Первую мировую войну. Индейцы толпами шли на службу в армию и флот, а племенные вожди и советы заявляли о своей поддержке военных усилий федерального правительства. Племя онондага, сохранявшее статус независимой нации, объявило Германии войну. Так же поступила Конфедерация ирокезов. В общей сложности к концу войны в рядах вооруженных сил США находилось около 12 тыс. коренных американцев, что составляло треть мужского населения американских индейцев призывного возраста. Они служили разведчиками, снайперами, шифровальщиками. В годы Первой мировой войны было впервые использовано для передачи секретных приказов шесть индейских языков. Индейцы племен чокто и команчи отличились во время Мез-Аргонского наступления осенью 1918 г., обеспечивая секретность операции, за что были награждены французским Военным крестом. Некоторые коренные американцы получили индивидуальные награды высшего ранга. Крестом «За выдающиеся заслуги» были награждены 15 индейцев; медалью «Пурпурное сердце» – 32; Серебряной звездой – 7. Командующий американским экспедиционным корпусом в Европе генерал Джон Першинг (John Pershing) писал:

Североамериканский индеец занял свое место наряду с другими американцами, жертвуя жизнью ради великого дела, он проявил себя прекрасным солдатом, сражаясь с храбростью и доблестью своих предков⁵².

⁵² Цит. по: *Britten Th.A. American Indians in World War I: At Home and at War. Albuquerque, 1999. P. 183.*

Закон о гражданстве 1924 г. и «Новый курс для индейцев»

Лояльность и героизм, проявленные коренными американцами на полях сражений Первой мировой войны, способствовали изменению представлений о них в массовом сознании белых американцев. Индейские войны уже казались далеким прошлым, индейцы перестали восприниматься как угроза, образ кровожадного краснокожего на тропе войны, потрясавшего томагавком, перекочевал в приключенческие романы и киновестерны. В этих условиях актуализировался и обрел особое звучание вопрос об отсутствии права на получение американского гражданства теми, кто воевал за свою страну.

В результате в 1920–1930-е гг. происходит коренной пересмотр всей индейской политики государства. Точкой отсчета стал Закон о гражданстве индейцев, принятый в 1924 г. по инициативе Гомера Снайдера, возглавлявшего *Комитет Сената* по делам индейцев. Закон, наконец, предоставил полное право на гражданство США коренным американцам без каких-либо ограничений и условий. В итоге завершилась история о признании индейцев полноправной частью национального сообщества США, но начиналась новая, связанная с их положением внутри американского социума.

Исполнительная власть также включилась в процесс пересмотра индейской политики. В 1923 г. был создан специальный совещательный орган для разработки рекомендаций по ее модернизации, получивший название «Комитет ста» по количеству вошедших в него членов. Среди них были видные политические и общественные деятели страны, а также активисты индейских организаций. Важную роль в лоббировании реформ играла Ассоциация защиты американских индейцев во главе с Джоном Кольером, сторонником культурного плюрализма и отмены религиозных ограничений для коренных американцев. Результатом деятельности «Комитета ста» стало проведение масштабного исследования реального положения индейского населения в Соединенных Штатах.

В 1928 г. по итогам двухлетней работы министру внутренних дел США был представлен 847-страничный отчет под названием «Проблема управления индейцами» или Отчет Мериама по имени руководителя исследовательской группы. Он стал фактически первым за сто лет всесторонним анализом условий существования коренных американцев. Отчет констатировал провал

федеральной индейской политики, ни одна из целей которой не была достигнута. Важнейший вывод гласил:

Любая политика по отношению к индейцам, основанная на представлении о том, что они могут или должны быть изолированы от остальных американцев, обречена на провал⁵³.

Документ содержал подробные рекомендации по реформированию всех направлений федеральной индейской политики, а его прямым следствием стало увеличение государственных ассигнований на развитие образования и здравоохранения для индейцев.

Именно этот отчет стал прологом «Нового курса для индейцев», проводившегося администрацией президента Франклина Делано Рузвельта в 1930-е гг. Ключевой фигурой в его реализации был Джон Кольер, возглавлявший Бюро по делам индейцев в 1933–1945 гг., важнейшим результатом деятельности которого стало принятие «Закона о реорганизации индейцев». Он отменял приватизацию племенных земель, проводившуюся в течение предыдущих 50 лет, и восстанавливал племенное самоуправление, разрешал племенам принимать собственные конституции, восстанавливал их право распоряжаться своей собственностью (прежде всего землями и минеральными ресурсами), тем самым улучшая экономические условия развития резерваций. Помимо этого, принятие закона означало прекращение политики культурной ассимиляции и стимулирование развития традиционной индейской культуры⁵⁴.

В 1935 г. было создано Управление индейского искусства и ремесел, в задачи которого входило «повышение уровня экономического развития американских индейцев и коренных жителей Аляски посредством расширения рынка индейского искусства и ремесел»⁵⁵. Деятельность Управления способствовала росту интереса к культурным традициям коренных американцев в обществе и обеспечивала финансовую поддержку индейским художникам и ремесленникам.

В целом «Новый курс для индейцев» существенно смягчил влияние Великой депрессии на социально-экономическую и культурную жизнь коренных американцев.

⁵³ The Problem of Indian Administration. Johns Hopkins Press, 1928. P. 415.

⁵⁴ Documents of United States Indian Policy / Prucha F.P. (ed.). Lincoln and London, 2000. P. 223–225.

⁵⁵ Ibid. P. 229.

Американские индейцы на фронтах Второй мировой войны

США вступили во Вторую мировую войну в декабре 1941 г. после внезапного нападения Японии на Перл-Харбор, став союзниками по оружию стран Антигитлеровской коалиции наряду с Великобританией и СССР. Так для американцев началась их история войны на Тихом океане, а затем и в Европе.

Никогда ранее роль коренных американцев в жизни страны не была столь велика. На службе в вооруженных силах США находились 44 тыс. индейцев, еще около 50 тыс. работали на военных предприятиях. И это при общей численности в 350 тыс. человек по результатам переписи 1940 г.! Многие из них впервые покинули резервации, чтобы больше уже туда никогда не вернуться, переселились в города, приобрели новые профессии.

Начало войны вызвало небывалый энтузиазм среди индейцев. По свидетельствам очевидцев они буквально штурмовали призывные участки. Конфедерация ирокезов объявила войну Германии, Италии и Японии, племена навахо, апачей, хопи и др. отказались от использования свастики в дизайне своих ремесленных изделий. Многие племена в знак символического выражения лояльности приняли в свои члены и провозгласили вождями президента Рузвельта, генерала Дугласа Макартура и даже Иосифа Сталина. Индейцы приобрели военные бонды на 50 млн долл., осуществляли крупные пожертвования Красному Кресту и другим организациям.

Коренные американцы участвовали во всех крупных операциях армии США с первого до последнего дня войны. Более двухсот из них были отмечены боевыми орденами и медалями, а семеро – высшей военной наградой страны – Медалью Почета, которая вручается за «выдающиеся храбрость и отвагу, проявленные с риском для жизни и превышающие долг службы, при участии в военных действиях против врагов Соединенных Штатов»⁵⁶.

Первое крупное сражение Второй мировой войны с участием индейцев состоялось на Филиппинах в 1941 г. В этом бою приняли участие более 300 коренных американцев, включая потомка знаменитого вождя апачей Джеронимо. Эдвард МакКлиш, индеец-чокто из Оклахомы, служивший на Филиппинах и раненый в начале боевых действий с японскими войсками, избежал плена и начал организовывать партизанское движение. Он сумел

⁵⁶ Medal of Honor Recipients, 1863–1978. Washington: US Government Printing Office, 1979. P. III.

собрать более трех полков. В результате действий партизан за три года японцы потеряли только убитыми около 4000 солдат. Позже партизанские отряды МакКлиша присоединились к наступавшей американской армии. За проявленный героизм МакКлиш был произведен в подполковники.

В одном из решающих сражений на Тихоокеанском театре военных действий битве за Мидуэй погиб генерал-майор Кларенс Тинкер, индеец из племени осаге. Он командовал авиационным корпусом, расположенным на Гавайях, и принимал непосредственное участие в боевых действиях, став первым американским генералом, погибшим во Второй мировой войне, и первым коренным американцем, достигшим столь высокого военного ранга.

Айра Хэйес из племени пима превратился в национально-го героя страны после того, как вместе с пятью однополчанами водрузил американский флаг на острове Иводзима. Знаменитая фотография, запечатлевшая это событие, является одним из важнейших визуальных документов войны и символом победы США в ней.

Адмирал Джозеф Кларк, индеец-чероки, участник предыдущей мировой войны, стал первым коренным американцем – выпускником Военно-морской академии США в Аннаполисе. Во время войны на Тихом океане он командовал авианосными соединениями и закончил военную карьеру в должности командующего 7-м Тихоокеанским флотом США.

Список индейцев-героев Второй мировой войны можно продолжать и дальше, но, безусловно, самыми известными из них были шифровальщики племени навахо. Идею использовать язык навахо предложил ветеран Первой мировой войны Филип Джонстон, сын миссионера, работавшего в этом племени. В результате успешный опыт предыдущей войны приобрел иные масштабы. В общей сложности было подготовлено около 400 радистов-навахо, которые принимали участие во всех основных операциях морской пехоты США на Тихом океане в 1942–1945 гг. Они разработали сложную систему шифровки и дешифровки сообщений на основе языка племени навахо, который практически не использовался никем за пределами племени, не имевшего письменности. Это позволило обеспечить полную секретность радиопереговоров. Ни японцы, ни немцы вплоть до конца войны так и не смогли разгадать шифр, придуманный коренными американцами.

Подвиг радистов-шифровальщиков навахо оценили по достоинству спустя много лет после окончания войны: с 1982 г. 14 августа отмечается «Национальный день радистов-навахо», а в 2000 г. они были награждены Золотой медалью Конгресса. Аме-

риканский исторический фильм 2002 г. «Говорящие с ветром» (так называли себя навахо) сделал эту историю достоянием широкой аудитории во всем мире.

Справедливости ради следует сказать, что навахо были только одной (самой известной) группой радистов-шифровальщиков в период Второй мировой войны. С той же целью использовались языки команчей (во время высадки войск в Нормандии), мескваков (в Северной Африке), семинолов, криков, тлинкитов и других племен в различных военных операциях.

Вторая мировая война завершила длительный период фактической изоляции индейцев в американском обществе. Коренные американцы вышли за пределы своих резерваций, чтобы больше туда не возвращаться. Если в 1940 г. вне резерваций проживало 5% индейцев, то в 1950 г. их количество превысило 20%. В последующие годы эта тенденция продолжала нарастать. Кроме того, война способствовала преодолению межплеменных противоречий, изменениям в самосознании индейцев, которые все больше воспринимали себя как единый народ. Вернувшиеся с фронтов ветераны стали реальной силой в борьбе за предоставление коренным американцам всей полноты гражданских прав. По словам активистки движения за равноправие индейцев Хелен Петерсон: «Вторая мировая война возродила способность индейцев действовать в своих собственных интересах»⁵⁷.

Коренные американцы в борьбе за гражданское равноправие: от мирных протестов к радикальным акциям

В 1944 г. для противодействия попыткам правительства США ограничить самоуправление индейских племен и принудительно прекратить деятельность племенных правительств был создан Национальный конгресс американских индейцев – НКАИ. Кроме того, в его задачи входило формирование позитивного общественного мнения в отношении традиционной индейской культуры.

Первым президентом организации стал судья-чероки из Оклахомы Наполеон Бонапарт Джонсон. Программа Конгресса включала следующие требования: гарантировать индейцам все права согласно Конституции и соблюдать в отношении них

⁵⁷ *Bernstein A.R.* American Indians and World War II: Toward a New Era in Indian Affairs. Norman, 1991. P. 158.

все законы США; расширять и улучшать образовательные возможности, предоставляемые индейцам; способствовать увеличению занятости индейцев и развитию их племенных и индивидуальных возможностей; повышать доступность и качество медицинского обслуживания; обеспечивать справедливое рассмотрение требований индейцев; сохранять индейские культурные ценности.

Эта программа выражала солидарные требования всего индейского движения, поскольку в состав Конгресса входили представители более 300 племен. Пик деятельности организации пришелся на 1950-е гг., когда НКАИ в 1954 г. выиграл борьбу против законодательства, которое передавало штатам гражданскую и уголовную юрисдикцию над индейцами. Так коренные американцы ответили на проводившуюся правительством США политику «терминации», т. е., ликвидации племенного самоуправления, прекращения государственной поддержки племен, распространения на них законодательства штатов, а в перспективе полную ликвидацию их особого статуса. Объектами политики «терминации» стали 109 индейских племен, что фактически означало возвращение к политике ассимиляции.

При этом НКАИ отказывался от организации массовых протестных акций, выдвинув лозунг «Индейцы не участвуют в демонстрациях»⁵⁸. Организация стремилась достичь своих целей с помощью юридических процедур, лоббирования, соглашений с властями. Однако такие формы борьбы не устраивали новое поколение индейских активистов. Разделяя в целом программу движения, они выступали за применение более активных методов для достижения поставленных целей. В результате в 1960-х гг. были созданы две радикальных организации: Национальный совет индейской молодежи и Движение американских индейцев. Их деятельность стала важной частью общенациональной кампании борьбы за гражданские права наряду с движением афроамериканцев и массовыми студенческими волнениями.

Вместе с тем борьба коренных американцев за равноправие имела свою специфику, будучи нацелена на защиту самоуправления индейцев и сохранение их традиционной культуры, в том числе и свободы традиционных промыслов, включая охоту и рыбалку. Основным тактическим приемом стала организация массовых ненасильственных выступлений по образцу сит-ин, которые использовала афроамериканская молодежь в борьбе против сегрега-

⁵⁸ *Shreve B.G. Red Power Rising: The National Indian Youth Council and the Origins of Native Activism. Norman, 2011. P. 126.*

ции, занимая места в кафе для белых. В свою очередь, Национальный совет индейской молодежи начал организовывать фиш-ин в защиту исконных прав коренных американцев на рыболовство. В знак протеста индейцы демонстративно ловили рыбу без разрешения властей штата в запретной зоне. Первая такая крупная акция была проведена в 1964 г. в штате Вашингтон. Она привлекла к себе особое внимание в связи с участием в ней знаменитого актера Марлона Брандо, который был арестован вместе с другими ее организаторами. Подобные акции проводились в течение всех 1960-х гг. и сопровождались массовыми манифестациями в защиту прав коренных американцев.

Однако индейское движение не ограничивалось исключительно ненасильственными действиями. По мере нарастания протеста выступления коренных американцев приобретали все более радикальный характер. По аналогии с лозунгом «Черной власти», выдвинутого афроамериканскими радикалами, их индейские единомышленники провозгласили «Красную власть».

20 ноября 1969 г. 89 индейцев захватили остров Алькатрас в бухте Сан-Франциско, где до 1963 г. находилась знаменитая тюрьма, и продержались там 19 месяцев. Протестующие во главе с Ричардом Оуксом провозгласили своей целью «улучшение жизни всего индейского народа», пытаясь «заявить всему миру, что мы имеем право использовать свою землю для собственной пользы»⁵⁹.

Эта акция вызвала огромный резонанс внутри США и за их пределами, что вынудило федеральные власти пойти на переговоры с индейцами, отказавшись от применения силы. Акция закончилась в июне 1971 г., когда полиция выдворила оставшихся на острове 15 активистов. Прямым следствием оккупации Алькатраса стало прекращение политики «терминации» и признание самоуправления индейцев в 1970 г. в президентство Ричарда Никсона.

Вдохновленные этим успехом индейские организации провели еще несколько масштабных акций. Одной из них стала «Тропа нарушенных договоров» в 1972 г. С целью привлечь внимание общества к своему положению коренные американцы прошли мощным маршем от Тихоокеанского побережья до столицы США. Протестующие захватили здание Бюро по делам индейцев и в течение недели удерживали его, предъявив правительству свои требования, направленные на укрепление суверенитета индейских племен.

⁵⁹ *Johansen B.E.* Encyclopedia of the American Indian Movement. Santa Barbara, 2013. P. 312.

Наиболее драматические события сопровождали акцию в городке Вундед-Ни в 1973 г. Его захватили и удерживали в течение 71 дня около 200 вооруженных индейцев-сиу. Это место имело символическое значение для индейского движения, поскольку именно здесь в 1890 г. состоялась печально знаменитая бойня. Активисты выступили с критикой политики правительства США, обвинив его в нарушении договоров с индейцами и потребовали начать новый переговорный процесс. Они заявили, что в городе устанавливается традиционное племенное правление, объявили его независимым индейским государством и территорией, свободной от бледнолицых. Вундед-Ни был блокирован силами ФБР и полиции. Длительное противостояние сопровождалось перестрелками, в результате которых погибли два индейца, были ранены 13 активистов и 2 полицейских. В итоге после проведенных переговоров акция прекратилась, вызвав огромный резонанс в обществе. Свою поддержку коренным американцам выразили многочисленные общественные организации, известные политические и общественные деятели, журналисты и артисты.

Важнейшим результатом движения коренных американцев 1960-х гг. стало принятие Закона о гражданских правах индейцев в 1968 г., распространившего Билль о правах на индейское население страны⁶⁰.

В последующие годы Конгресс принял целый ряд законодательных актов в соответствии с программой развития племенного самоуправления и защиты прав индейцев. Для самих индейцев принципиальное значение имел Закон о религиозной свободе индейцев, принятый в 1978 г. В соответствии с ним провозглашалась защита традиционных религий американских индейцев, эскимосов, алеутов и коренных жителей Гавайских островов, включая неограниченный доступ к местам проведения обрядов, право на хранение и использование священных предметов и свободу молений посредством традиционных церемоний⁶¹.

В частности, этот закон завершил длительную борьбу вокруг использования североамериканского кактуса пейота, обладавшего галлюциногенным свойством, в индейских религиозных церемониях. Президент Джимми Картер заявил:

В прошлом правительственные агентства и управления отказывали коренным американцам в доступе к отдельным местам и вмешивались в религиозные практики и обычаи, противоречившие федеральному законодательству. Во многих случаях федеральные

⁶⁰ Documents of United States Indian Policy... P. 250–253.

⁶¹ Ibid. P. 289.

чиновники, ответственные за применение этого законодательства, были незнакомы с традиционными религиозными практиками и, следовательно, не понимали допустимой степени вмешательства в них. Этот закон нацелен на исправление данной ситуации⁶².

Закон о религиозной свободе индейцев позволил начать борьбу за возвращение племенам их священных реликвий, хранившихся в музеях и исследовательских центрах страны. Это право было закреплено в 1990 г. Законом о защите и репатриации захоронений коренных американцев. В итоге все федеральные учреждения начали возвращать останки индейцев и произведения их культуры соответствующим племенам⁶³. Из-под действия данного закона был выведен лишь Национальный музей американских индейцев, основанный в 1989 г. как часть Смитсоновского института.

Другим важным направлением борьбы за восстановление справедливости по отношению к коренным американцам является движение за возврат потерянных земель или получение за них компенсаций. Еще в 1946 г. была создана Комиссия по жалобам индейцев⁶⁴. За 32 года своей работы она рассмотрела 546 жалоб, выплатив в качестве компенсации индейцам более 818 млн долл. Наиболее крупные выплаты получили сиу, которые требовали возвращения священных для них Черных холмов в Южной Дакоте, отобранных в 1877 г.

Именно здесь в 1927–1941 гг. в гранитной породе горы Рашмор был высечен 18-метровый барельеф, содержащий скульптурные изображения четырех выдающихся президентов США: Джорджа Вашингтона, Томаса Джефферсона, Авраама Линкольна и Теодора Рузвельта. Символично, что именно в этом месте вот уже в течение 70 лет, преимущественно на частные пожертвования, идет сооружение еще более грандиозного мемориала (по проекту законченная фигура составит 195 метров в ширину и 172 метра в высоту). Это будет фигура знаменитого индейского вождя по имени Бешеный Конь. Сооружение памятника началось в 1948 г. по инициативе индейцев-сиу как дань уважения своему вождю. Однако с течением времени сооружающийся рядом с горой Рашмор мемориал превратился в символ постепенной интеграции коренных американцев в общественную, политическую и культурную жизнь страны. Они стали неотъемлемой частью нации наций, заняли свое уникальное место в американской мозаике культур, а их вожди вошли в пантеон национальных героев.

⁶² Public Papers of the Presidents of the United States: Jimmy Carter. 1978. Book 2. Washington, 1979. P. 1418.

⁶³ Documents of United States Indian Policy... P. 332–334.

⁶⁴ Ibid. P. 231–233.

Для дальнейшего изучения

- Уайт Д.М. Индейцы Северной Америки. М., 2006.
- Bernstein A.R. American Indians and World War II: Toward a New Era in Indian Affairs. Norman, 1991.
- Iverson P., Davies W. "We Are Still Here": American Indians since 1890. Wiley Blackwell, 2015.
- Holm T. Code Talkers and Warriors: Native Americans and World War II. Infobase Publishing, 2007.
- Johnson T. Red Power: The Native American Civil Rights Movement. Infobase Publishing, 2007.
- Krouse S.A. North American Indians in the Great War. University of Nebraska Press, 2007.
- Wilkins D.E. American Indian Politics and the American Political System. Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2007.

Электронные ресурсы

- Видеоролик к данной лекции см.: <https://edu.amc.ru/courses>
- Carlos Montezuma, "A Boy Named Beckoning" [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=SrT5lI_RH4s (дата обращения 18.02.2021).
- Crazy Horse Memorial Documentary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=5T9zWoNBnWE> (дата обращения 18.02.2021).
- Ghost Dance Wounded Knee [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=7PQj-NHr83A> (дата обращения 18.02.2021).
- National Navajo Code Talkers Day [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=yFLu73qKA8k> (дата обращения 18.02.2021).
- Occupation of Alcatraz 1969 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=UbwxeQNYPVg> (дата обращения 18.02.2021).
- The Patton of the Pacific: Admiral Jocko Clark [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?reload=9&v=IAAOl0cae_o (дата обращения 18.02.2021).
- Richard Oakes delivering the Alcatraz Proclamation (1969) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=7QNfUE7hBUc> (дата обращения 18.02.2021). 20th November 1969: Native Americans begin their occupation of Alcatraz Island [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=Mej6i_NhJ00 (дата обращения 18.02.2021).
- True Whispers: The Story of the Navajo Code Talkers [Электронный ресурс]. URL: <https://vimeo.com/188198031> (дата обращения 18.02.2021).
- WW1 Choctaw Code Talkers [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=7V63dl9Puso> (дата обращения 18.02.2021).
- Wounded Knee 1973 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=TBZ6PgrIIjc> (дата обращения 18.02.2021).

*Тема 8. «Разделенный дом»:
рабство и проблема
национального единства в США*

История о том, как африканские рабы становились афроамериканцами, как темнокожие жители США боролись за свою свободу и права с помощью белых и без их помощи, как афроамериканская культура превращалась в общеамериканское культурное наследие, сохраняя при этом свою самобытность, это тоже рассказ о Соединенных Штатах Америки как о нации наций и мозаике культур, это история восхождения из глубин неволи к вершинам свободы и равноправия, история, полная боли и слез.

Именно такой путь проходит любой посетитель Национального музея афроамериканской истории и культуры, который открылся в Вашингтоне в сентябре 2016 г. Будете в столице США, не пожалейте времени и сходите в этот музей, чтобы взглянуть на историю страны глазами тех, для кого она долгое время была не матерью, а жестокой мачехой.

Юг, опиравшийся в своем развитии на институт рабства, который оказывал влияние на все стороны жизни южного общества, в начале XIX в. превратился в «другую» Америку. Белое общество создавало расовые границы, искусственно отграничивало «белую» и «черную» культуры, препятствуя их синтезу, который впервые масштабно развернулся в период Гарлемского Ренессанса в 1920-е гг. Но до этого темнокожим американцам нужно было еще дожить, также как им нужно было дожить до отмены рабства в ходе Гражданской войны (1861–1865) и до принятия 14-й и 15-й поправок к Конституции США, провозглашавших их равенство с белыми. И только тогда стало возможным говорить о возникновении единой современной американской нации. Ведь, как сказал президент Авраама Линкольн накануне Гражданской войны, «дому, разделенному надвое, не выстоять».

Афроамериканцы в условиях рабства

Африканцы, оказавшиеся на территории будущих США еще в колониальный период не по собственной воле, а будучи насильно вывезены с западного побережья Африки и обращены в рабство, говорили на разных языках и придерживались разных традиций. К 1725 г. на территории британских колоний в Северной Америке находилось 75 тыс. рабов, к 1790 г. уже после провозглашения независимости, их численность составляла 700 тыс., к 1820 г. – 1,5 млн, 1850 г. – 3 млн, к 1860 г. – 4 млн, что стало следствием торговли рабами, присоединения французских, испанских и мексиканских территорий в Северной Америке и естественного прироста негритянского населения.

По итогам Американской революции (1775–1789) рабство было отменено в северных штатах, но сохранилось как особый институт на Юге. И это несмотря на то, что многие рабы воевали на стороне американских колонистов в период Войны за независимость (1775–1783), надеясь получить свободу в новом демократическом государстве. Промышленная революция, начавшаяся в США в конце XVIII в., и хлопкоочистительная машина, изобретенная в 1793 г. Эли Уитни, вдохнули новую жизнь в институт рабства, поскольку основным сырьем для текстильных фабрик на Северо-Востоке и в Европе являлся хлопок. К середине XIX в. Юг, превратившийся благодаря использованию труда рабов в «царство хлопка», обеспечивал три четверти его мирового производства.

В 1807 г. США отказались от участия в международной работорговле, а в 1808 г., согласно Конституции США, ввоз рабов на территорию страны был запрещен. Но рабство географически распространялось на Юге и на Западе вследствие присоединения новых рабовладельческих штатов.

Тысячи рабов были привезены из Африки и с Карибских островов, чтобы удовлетворить потребность в рабочей силе на южных плантациях. После запрета нелегальный ввоз африканских рабов на территорию США составлял от 10 тыс. до 20 тыс. человек в год.

Юг пополнял рабскую рабочую силу и за счет внутренней работорговли. Рабов продавали и перепродавали на невольничьих рынках, в портах или на рыночных площадях по всему Верхнему и Глубокому Югу. Сплошь и рядом семьи разлучались, поскольку чувства темнокожих рабов не волновали белых рабовладельцев. Случалось так, что бывший собственник выдвигал условие не разлучать семьи. Но это было исключение, а не правило.

Для рабов, которых первоначально привозили с побережья Африки, ужас путешествия в трюмах переполненных кораблей сменялся тяготами рабского существования в колониальной британской Америке, где они не понимали языка окружавших их людей, а те с трудом понимали их, где владельцы и торговцы относились к ним как к существам низшего рода. Те рабы, которые рождались в США (а таких со временем становилось подавляющее большинство), оказывались в более привычном окружении. Семья давала им какую-то защиту от голода, холода и изоляции, но не спасала от жестокости и всевластия белых, чьей собственностью они являлись. Именно поэтому бессмысленно говорить о том, что институт рабства в Северной Америке был более щадящим по сравнению с латиноамериканским вариантом.

95% рабов проживало в сельской местности, занимаясь выращиванием сахара, хлопка, риса и табака на плантациях или работая на рабовладельческих фермах. В 1850-х гг. 400 тыс. рабовладельцев Юга владели 10 или менее рабами. Они-то как раз и являлись фермерами-рабовладельцами. Однако типичной была жизнь рабов именно на плантациях, где они находились в сообществе 20–40 других рабов. Собственники крупных плантаций составляли меньшинство среди рабовладельцев Юга, но сосредотачивали в своих руках наибольшее число рабов, которые наряду с землей были основным богатством южан.

На небольших рабовладельческих фермах, где собственник имел 1–2 раба, им приходилось трудиться не только в поле, но и выполнять всю работу по дому. Чем больше была ферма или плантация, тем более специализированную работу выполняли рабы. На плантациях существовало четкое разделение на домашних рабов и полевых. Домашние – кормилицы, мамушки, кухарки, кучера, домашняя прислуга – занимали более привилегированное положение. Они лучше одевались и выглядели, питались с хозяйского стола и зачастую жили в хозяйском доме, а не в хижинах. Именно их романтические образы были воспеты в художественной литературе Юга.

Но подавляющее большинство рабов работало на полях от восхода до заката, что не мотивировало их трудиться быстрее и лучше. На Глубоком Юге (в Южной Каролине и Джорджии), где климатические условия были более тяжелыми, а сельскохозяйственные культуры более трудоемкими, чем на Верхнем Юге, практиковалась поурочная система организации труда. Каждый день раб получал определенное задание, выполнив которое он мог идти отдыхать, что стимулировало его работать быстрее. Как свидетельствуют источники, наиболее жестоким наказанием рабов

подвергали надсмотрщики, в особенности когда хозяева не жили постоянно на плантации, передоверив их контроль управляющим. У белых надсмотрщиков были помощники из числа рабов, которые должны были присматривать за работой в разных частях поля и несли за нее ответственность. Дети начинали работать в поле с 10–12 лет, до этого с шести лет собирая хворост и приглядывая за младшими, а кормящие матери и женщины на последних месяцах беременности занимались более легким трудом. Ведь рабовладельцы были крайне заинтересованы в естественном приросте рабов.

Хозяин мог отпускать своих рабов на заработки в город или «сдавать в аренду» другим людям, если рабы были ему временно не нужны. За это раб должен был сам себя обеспечивать и отдавать часть заработанных средств рабовладельцу, сохраняя что-то и для себя. Богатые плантаторы часто отправляли раба учиться какому-то ремеслу, чтобы затем эти плотники, бондари, кузнецы, сапожники приносили дополнительный доход. Те, кто управлял кораблями своих хозяев, превращались в опытных лоцманов. Женщины-рабыни могли стать искусными портнихами, парикмахерами, акушерками и поварихами. С помощью рабов плантация обеспечивала себя всем необходимым в повседневной жизни.

Городские рабы, которые составляли не более 6%, жили в значительно лучших условиях по сравнению с теми, которые находились на плантациях, и пользовались привилегиями и свободой, которые и не снились последним. Мужчины нанимались на судоверфи, на прессовку хлопка, на производство кирпичей, грузчиками. Труд рабов активно использовался на заводах и фабриках, прокладке железных дорог и рытье каналов, прежде всего на Верхнем Юге. Женщины-рабыни становились прислугой, прачками, кормилицами. Большинство городских рабов имели статус временно отпущенных хозяевами с плантаций и ферм. Некоторым удавалось даже открыть свое собственное дело. На страницах южных газет и журналов не раз появлялись статьи о пагубном влиянии городской жизни на умонастроения рабов, которые в городе становились более свободолобивыми и мыслящими людьми. Но эта система была слишком экономически выгодной, чтобы Юг от нее отказался.

Белый Юг жил и развивался за счет труда рабов, достигнув в 1840-е гг. пика своего экономического процветания на волне «хлопкового бума». Южане преобладали в Верховном суде и в Конгрессе, занимали влиятельные посты в правительстве США.

Хозяин обеспечивал раба кровом, пищей и одеждой, а уровень жизни раба зависел от дохода рабовладельца, его великоду-

шия и понимания экономических интересов. Рацион рабов был скудным (рис, сало, кукуруза, яйца, солонина), что наряду с тяжелым трудом и плохими условиями существования в грязных хижинах (как правило, по две семьи в каждой) приводило к различным заболеваниям от лихорадки и ревматизма до туберкулеза и пневмонии и резко сокращало продолжительность жизни. Хозяева предпочитали не вызывать докторов к своим заболевшим рабам, тем более что белые медики не были расположены врачевать невольников. Рабов лечили подручными средствами по общеизвестным схемам, а когда начинались эпидемии холеры или желтой лихорадки, изолировали и поручали заботам пожилых негритянок-знахарок. С возрастом рабы теряли ценность для хозяев. Тех, кто был слишком стар для продажи, но владел ремеслом, отпускали на заработки к другим людям с тем, чтобы они приносили доход. Те, кто не мог этого делать, просто доживали свой век, уповая на милость темнокожих собратьев.

Рабов регулярно подвергали телесным наказаниям, как за различные провинности, так и для устрашения. Система наказаний (от порки до жесточайших пыток) была способом контроля «белого» Юга над «черным», тем более что на Глубоком Юге темнокожее население в разы превосходило белое. Это стимулировало ужесточение законов, запрещая обучать рабов грамотности, лишая их свободы передвижения, права свидетельствовать против белых в суде, покупать и продавать товары без разрешения хозяина, посещать церковь и креститься, а также носить оружие (исключение делалось для рабов приграничных областей).

Рабы не могли легально вступать в брак, но могли это делать перед лицом Бога. Правда, не было никакой гарантии, что брак будет продолжаться до тех пор, пока смерть не разлучит мужа и жену, поскольку разлучить их в любой момент мог хозяин. Баптистские священники, освещавшие эти браки, зная ситуацию, не произносили традиционные слова во время церемонии. Хозяин, управляющий, которому было доверено следить за плантацией, надсмотрщик за рабами могли женить и разводить пары по собственному усмотрению, а также принуждать рабынь к сексу, включая тех, кто уже был замужем. Несмотря на то что межрасовые сексуальные отношения осуждались государством и церковью, они были широко распространены во время рабства, особенно между белыми мужчинами и темнокожими рабынями.

Многие рабовладельцы не возражали против приобщения рабов к христианству, полагая, что это поможет держать их в узде. Однако последние привезли с собой свои верования и представления о божественном. Африканские жрецы и целители стано-

вились афроамериканскими священниками. На основе африканской религии на новом месте возникла «черная» Американская церковь, которая опиралась на принципы колдовства и магии в своем культе. В течение XVII–XVIII вв. эта религия видоизменилась под влиянием белой культуры и работы христианских миссионеров, превратившись в кальвинистскую христианскую деноминацию (церковь), которая распространялась от плантации к плантации. Но африканские корни этой церкви сохранились, проявляясь не только в теологии, но и в использовании песен и танцев во время службы. Рабы тайно молились в своих хижинах, надевая на головы горшки, чтобы приглушить звук, или устраивали богослужения в лесу.

Неотъемлемой частью жизни «черного» Юга США до Гражданской войны стало хоровое пение церковных гимнов, которые сопровождалось хлопаньем в ладоши и притопыванием ногами. Для уха южан это было также привычно, как и коллективное пение рабов на плантациях. Духовные песни афроамериканцев Юга (спиричуэлс) оформились в отдельный жанр в конце XIX в. (в те годы употреблялся термин «джубилиз») и легли затем в основу джаза.

Афроамериканцы оставались людьми суеверными, использовавшими различные магические обряды и свято верившими в них. Пережитки этих африканских верований в форме взывания к духам и черной магии, в свою очередь, интегрировались в белое христианство.

Еще одним источником вдохновения для рабов становился фольклор, передающиеся из уст в уста различные варианты историй о том, как рабам удавалось перехитрить своих хозяев, зачастую рассказанные в аллегорической форме.

Тяжелый труд отбирал силы рабов, но у них были и выходные дни. Как правило, все хозяева разрешали не работать в воскресенье, а некоторые и в субботу. Однако это зависело от работодателя. Были и такие, кто лишал рабов всяких выходных или заставлял трудиться по 12–14 часов. В выходные можно было отправиться на охоту, порыбачить, заняться сбором ягод, огородничеством. Или устроить спортивные состязания (борьба и бег), поиграть на банджо, попеть и потанцевать, потравить байки и поиграть в азартные игры. А еще появлялась возможность посетить родных и близких, живущих по соседству. Если, конечно, хозяин позволял. Самым счастливым временем в году для рабов становились дни перед сбором урожая и Рождеством. Иногда хозяева позволяли им отдыхать, есть и пить виски за их счет несколько дней. Маленькие радости рабского существования! Суть от этого не менялась.

Вот почему рабы периодически демонстрировали открытое неповиновение и поднимались на восстания. Подавляющее большинство рабовладельцев было склонно объяснять это не условиями рабства, а агитацией янки-северян, аболиционистов (сторонники отмены рабства, от латинского *to abolish* – отменять, упразднить), деятельностью квакеров и методистов, проповедовавших идею равенства людей перед богом и веру в добрую природу человеческой натуры, миссионеров и филантропов.

Антирабовладельческое движение получило новый импульс в 1831 г., когда в Бостоне аболиционист Уильям Ллойд Гаррисон начал издавать газету «Либерейтор» и агитировать за ненасильственные способы отмены рабства и равноправие афроамериканцев. В 1833 г. вместе с Артуром Таппаном он создал Американское антирабовладельческое общество в Филадельфии, которое начало быстро расширять свои ряды и к 1838 г. имело 1350 местных отделений, объединив 250 тыс. человек. Однако белые и темнокожие аболиционисты очень редко призывали рабов к восстанию и мятежу. Как правило, коллективные выступления рабов были спонтанными, обусловленными условиями их существования и без всякой надежды на успех.

Например, в 1739 г. в Южной Каролине восстали 20 рабов. Они захватили оружие и амуницию, разграбили продуктовую лавку, убив владельца, и двинулись в сторону испанского форта во Флориде, освобождая по пути невольников. Несмотря на то что численность восставших возросла в несколько раз, они потерпели поражение от белых плантаторов в 10 милях от Стоно. В 1831 г. произошло самое масштабное в истории Юга восстание в Виргинии, когда группа рабов, которых организовал Нат Тернер, плантационный рабочий и проповедник, видевший себя пророком, захватила оружие и начала убивать плантаторов и надсмотрщиков, известных своей жестокостью. Восстание было подавлено милицией штата, а самого Тернера и 20 его сподвижников повесили.

Следствием восстания Ната Тернера стало искоренение аболиционизма на Верхнем Юге. Все дебаты по вопросу о рабстве, которые там происходили, были прекращены. Последние из них прошли в законодательном собрании Виргинии как раз в 1832 г., продемонстрировав готовность дать консолидированный ответ Северу. Аболиционисты перешли от идей переселения бывших рабов в Либерию, чем занималось Американское колонизационное общество, созданное в 1816 г., к программе борьбы за отмену рабства (как Уильям Гаррисон и его сторонники) или его нерапространения на новые территории, чего начнут добиваться фри-сойлеры (от *free soil* – свободная земля).

Восстания и мятежи рабов подавлялись с неизменной жестокостью и приводили к ужесточению законодательства. Но это не истребило тягу рабов к свободе. Была ли у них хоть какая-то возможность ее обрести?

Первый путь – это выкупить себя, скопив деньги. По закону у рабов не должно было быть собственности, но практически плантаторы часто разрешали им создавать свое маленькое хозяйство, заниматься ремесленным производством и продавать на рынке корзины, метлы и всякие безделушки. Посредством теневой торговли рабы сбывали самогон и ворованные вещи. Кроме того, иногда хозяева отпускали рабов на заработки в город, о чем уже шла речь выше. На сэкономленные средства рабы могли выкупить себя, хотя всегда существовал риск, что заранее оговоренные условия сделки будут изменены. Среди свободных афроамериканцев были и такие, которые использовали свои средства и энергию, чтобы освободить рабов, выкупая их у хозяев.

Кроме того, свободу можно было получить благодаря доброй воле хозяина, который давал ее своим рабам либо в силу политических убеждений, либо по зову религиозной совести, либо за честную службу, либо потому, что они были его детьми, рожденными рабынями (рабский статус в США определялся по материнской линии). Освобожденных рабов ждал крайне враждебный мир белых, не признававший их прав. Именно поэтому на Юге существовало немало рабов, обладавших квази-свободой, т. е. хозяева разрешали им жить полностью независимо, но сохраняли их рабский статус, чтобы дать хоть какую-то правовую защиту.

В 1860 г., когда численность рабов в США составляла 4 млн человек, 3 тыс. были отпущенными рабами. В целом же в рабовладельческих штатах накануне Гражданской войны проживали 261 918 свободных темнокожих, в основном на Верхнем Юге.

Третьим путем обретения свободы становилось бегство на Север, где в различных штатах рабство было отменено с 1789 по 1804 г. Информация о маршрутах передавалась из уст в уста, а помощниками беглых рабов становились белые аболиционисты и свободные темнокожие, а также все те, кто помогал беглецам из гуманных побуждений. В 1830-е гг. в США уже существовала общенациональная разветвленная сеть так называемой подпольной железной дороги, ведущая с Юга в свободные штаты. По известным адресам можно было получить кров, одежду и еду на пути к свободе. Но бегство оказывалось делом крайне сложным. Как правило, побег удавался не с первого раза.

Хорошо, когда у раба были средства, полученные во время заработков на стороне. Именно так спасся от рабства Фредерик Дуглас, известный темнокожий писатель, просветитель и аболи-

ционист, который родился рабом от белого мужчины и женщины-рабыни и, заработав денег на судовой верфи, в 1838 г. бежал в Массачусетс. В 1845 г. он опубликовал свою автобиографию «Рассказ о жизни Фредерика Дугласа, американского раба», которая остается одним из важнейших документов эпохи, и основал газету «Северная Звезда» для рабов. Дуглас стал одной из самых заметных фигур в антирабовладельческом движении, выступая с лекциями за равноправие не только афроамериканцев, но и женщин.

Беглянкой была и Гарриет Табман, та самая, портрет которой вскоре сменил изображение седьмого президента США и рабовладельца Эндрю Джексона на двадцатидолларовой купюре. Родившись рабыней в штате Мэриленд, она в 1849 г. бежала в Филадельфию и через год начала заниматься транспортировкой рабов на свободную территорию. Первой стала ее сестра с детьми. До начала Гражданской войны эта женщина совершила 19 тайных рейдов в Мэриленд, переправив на Север 300 рабов, ни один из которых не был схвачен и возвращен в рабство. Иногда она работала одна, а иногда объединялась с активистами «подпольной железной дороги». За ее голову была назначена баснословная сумма в 40 тыс. долл. Но никто ее не выдал. Во время Гражданской войны она стала разведчицей, воюя на стороне армии Севера и добывая ценные сведения о войсках Конфедерации.

Если бежавших рабов ловили, их ожидало жестокое наказание, а иногда и смерть. По их следу пускали специально обученных собак, которые могли, настигнув, разорвать в клочья. По дорогам не только Юга, но и Севера рыскали «охотники за неграми». Но все это не останавливало новых и новых невольников устремляться к свободе. Никто не может сказать точно, скольким рабам удалось бежать. Исследователи называют цифры от 30 тыс. до 100 тыс. Когда в 1850 г. южанам удалось провести через Конгресс закон о беглых рабах, распространявший свое действие на свободные штаты и предписывавший их властям арестовывать и возвращать законным владельцам беглецов, многие из них устремились в Канаду.

Накануне Гражданской войны журналист Джеймс Редпат писал:

В канадских провинциях находятся тысячи рабов, бежавших из южных штатов. Многие умны и богаты, и все они – смертельные враги Юга. Пять сотен из них ежегодно посещают рабовладельческие штаты, проходя от Флориды до Харперс-Ферри... Благодаря им действие «подпольной железной дороги» и «подпольного телеграфа» распространилось по всем южным штатам⁶⁵.

⁶⁵ Цит. по: *Schneider D., Schneider C.J. Slavery in America. N.Y., 2007. P. 140.*

У этого движения становилось все больше сторонников среди белых американцев, которые приходили к выводу, что беглецам нужно помогать, поскольку люди созданы равными. И эти слова значатся в преамбуле к Декларации независимости.

В 1852 г. был издан роман писательницы Гарриет Бичер Стоу «Хижина дяди Тома», а в 1853 г. она опубликовала документы, использованные для его написания и свидетельствующие об ужасах рабства. В художественном плане роман был невысокого уровня, акцентировал внимание на самых негативных проявлениях рабства, абсолютизируя их, и отличался религиозным примитивизмом. Но книга появилась в нужное время и вышла тысячными тиражами, став манифестом аболиционизма и оказав масштабное влияние на общественное мнение на Севере.

Южные писатели ответили на публикацию романа Стоу целой серией контрхижин. Все предвоенное десятилетие художественная литература Юга была подчинена идее его идеализации, воспеванию патриархального единения белых хозяев и темнокожих рабов, гармоничных социальных отношений в южном обществе благородства и чести, созданию романтических образов кавалеров-южан и образованных, утонченных южанок, которые противопоставлялись беспринципным янки Севера. Именно из таких романов не только для взрослых, но и для детей вырастал «южный миф», прочно вошедший в сознание южан и сохранившийся после отмены рабства. На этих романах была воспитана американская писательница Маргарет Митчелл, в 1936 г. опубликовавшая свой ставший бестселлером роман «Унесенные ветром». Она не помнила Юг до Гражданской войны, но она читала о нем в романах. Так на основе старого «южного мифа» создавался новый.

В 1850-е гг. Север и Юг шли к Гражданской войне. Но она началась не во имя отмены рабства, а во имя воссоединения союза.

Проблема рабства и война между Севером и Югом (1861–1865)

Конфликт между Севером и Югом имел не только свое социально-экономическое измерение, но культурное и ценностное. Для развития Юга была характерна двойственность. С одной стороны, южане, будучи американцами, переживали те же социально-экономические (промышленная и транспортная революции) и политические (либеральные реформы) процессы, что и северяне. С другой стороны, южане выстраивали свою региональную идентичность

с опорой на институт рабства и связанные с ним особенности экономического и социокультурного развития. Именно южная составляющая в итоге вышла на первый план, что привело к созданию де-факто независимого государства Конфедеративных Штатов Америки или Конфедерации, которые вступили в войну с Соединенными Штатами Америки или Союзом.

Эта двойственность нашла отражение в идеологии Юга. Джон Кэлхун, его ведущий политик и идеолог, апеллировал к традиции Томаса Джефферсона, защищавшего права штатов. Однако, отстаивая доктрину суверенитета штатов, он пытался защитить южан от отмены рабства посредством федерального закона. Кэлхун предложил новую интерпретацию Конституции, оставляя за штатами право неподчинения решению федерального правительства и свободного выхода из Союза (сецессии). В свою очередь, Джордж Фитцхью, ставший идейным лидером южан в 1850-е гг. после смерти Кэлхуна, воспевал рабовладение Юга как магистральный путь развития человечества, который ведет свой отсчет от рабовладельческих цивилизаций Древнего Востока и античности, писал о моральном и культурном превосходстве рабовладельцев над капиталистами. В своей критике капитализма с использованием работ европейских социалистов-утопистов он дошел до того, что объявил южную рабовладельческую плантацию готовой ячейкой социалистического общества, где все работники (хозяева, надсмотрщики, рабы) получают «по достоинству» и живут по справедливости.

Не все защитники рабства были примитивными расистами, хотя расистские аргументы в 1840–1850-е гг. находили немало сторонников в рядах религиозных и общественных деятелей, медиков, экономистов. Южане считали, что рабы в США жили лучше, чем свободные в Африке, и нуждались в опеке и наставлениях белых. Но самое главное, на институте рабства зиждился весь мир Юга как экономической и социокультурной общности. А следовательно, было бессмысленно рассуждать о его отмене.

На протяжении первой половины XIX в. спор между Севером и Югом по вопросу о рабстве постоянно обострялся в ходе континентальной экспансии, приводившей к возникновению новых штатов. В 1820 г. был достигнут Миссурийский компромисс, условием которого стало включение в состав США Миссури в качестве рабовладельческого штата, а Мэна – в качестве свободного, и проведение условной границы между Севером и Югом по 36° 30' с.ш. При этом включение новых штатов должно было осуществляться попарно (один свободный – севернее границы, один рабовладельческий – южнее) для сохранения баланса.

Достигнутый компромисс стабилизировал ситуацию до конца 1840-х гг., когда по итогам американо-мексиканской войны (1846–1848) США присоединили огромную территорию, на которой сейчас находятся американские штаты Калифорния, Нью-Мексико, Аризона, Невада, Юта, Колорадо и часть Вайоминга (Техас, аннексированный ранее, в 1845 г. стал 28 штатом США – рабовладельческим). В Калифорнии было обнаружено золото, и туда устремились в большом количестве переселенцы. В итоге встал вопрос о включении Калифорнии в состав США в качестве нового штата.

Северу и Югу потребовался очередной политический компромисс. Он был достигнут в 1850 г. Калифорния вошла в состав США в качестве свободного штата, рабство запрещалось в федеральном округе Колумбия, где находилась столица США Вашингтон, но жителям территорий Юта и Нью-Мексико предоставлялось право самим решать вопрос о рабстве. Кроме того, действие закона о беглых рабах распространялось на всю территорию США.

Однако эта договоренность просуществовала лишь до 1854 г., когда в состав США потребовалось включить территории Канзаса и Небраски. Обе находились севернее линии Миссурийского компромисса. Сенатор-демократ Стивен Дуглас предложил решить этот вопрос по образцу Калифорнийского. Согласно закону Канзас–Небраска 1854 г., вопрос о рабстве в новых штатах передавался на усмотрение самих жителей. В Небраске рабство было запрещено фактически сразу, а в Канзасе началась гражданская война между его сторонниками и противниками, которая закончилась победой последних и стала прообразом будущей Гражданской войны.

Юг встретил закон Канзас–Небраска фейерверками и факельными шествиями, а Север – траурным звоном и созданием республиканской партии. Она объявила в качестве своего основополагающего принципа фрисойлерство, но объединила под своими знаменами участников антирабовладельческого движения различных взглядов. В республиканской партии было энергичное радикальное крыло, нацеленное на немедленную отмену рабства на основе акта федеральной власти и наделение темнокожих равными правами с белыми. Худощавый адвокат Авраам Линкольн, который не являлся сторонником радикального аболиционизма, в 1856 г. баллотировался на пост президента именно от этой партии. Тогда он проиграл, чтобы победить в следующий раз.

Линкольн родился в Кентукки в семье плотника и в 1830 г. переехал с родителями в южный Иллинойс, где в Нью-Сайлеме

работал клерком в магазине, затем по найму у торговца, помощником землемера и почтмейстером. Изучив право, Линкольн с 1836 г. начал заниматься юридической практикой, в 1834–1842 гг. избирался в легислатуру Иллинойса от партии вигов (тогда существовала двухпартийная система виги-демократы, которую в середине 1850-х гг. сменили республиканцы и демократы), а в 1847–1849 гг. заседал в палате представителей Конгресса США. Своей карьерой этот человек наглядно подтверждал «миф о бревенчатой хижине», т. е. о том, что самый простой американец может стать президентом США.

В 1858 г. между Авраамом Линкольном и Стивеном Дугласом, которые были кандидатами в Сенат от штата Иллинойс (первый – от республиканской партии, а второй – от демократической), состоялись знаменитые дебаты, проходившие в семи избирательных округах. Они выстраивались вокруг проблемы рабства и продемонстрировали разное понимание того, что такое американская нация и национальное государство.

Стивен Дуглас заявил:

Это правительство было создано нашими отцами на «белой» основе. Оно было навечно создано белыми людьми для блага белых людей и их потомков⁶⁶.

Авраам Линкольн парировал:

Я уверен, что во всех записях, начиная с момента дебатов о принятии Декларации независимости до последних трех лет, вы не найдете подтверждения того, чтобы какой-либо человек заявлял, будто на негра не распространяется действие Декларации независимости. Полагаю, я могу поручиться, что судья Дуглас никогда этого и сам не говорил, что Вашингтон никогда этого не говорил, что ни одни из президентов и ни один из членов Конгресса этого не говорили, что ни один из живущих ныне людей этого не говорил до тех пор, пока в угоду современной политике демократическая партия не озвучила это мнение о рабстве⁶⁷.

В итоге на выборах в Сенат победил Дуглас, но Линкольн благодаря дебатам получил общенациональную известность, а его речь «Дом разделенный», произнесенная 16 июня 1858 г. в Спрингфильде, стала пророческой. Тогда он сказал:

⁶⁶ Debates of Lincoln and Douglas. Columbus, 1860. P. 176.

⁶⁷ Ibid. P. 178.

Дом, разделенный надвое, не выстоит. Я верю, что это правительство не может постоянно оставаться наполовину рабовладельческим, наполовину свободным. Я не жду, что союз будет расторгнут, что дом падет, но я жду, что он перестанет быть разделенным⁶⁸.

Северяне обвиняли южан в секционализме и отсутствии национального патриотизма. Но южане тоже были национальными патриотами, просто они выстраивали американизм на этнической основе – только для белых.

Три события стали ключевыми на пути к Гражданской войне (1861–1865). Во-первых, дело Дреда Скотта, раба из Миссисипи, который, прожив 4 года вместе со своим хозяином на свободных территориях, подал в Верховный суд прошение о получении статуса свободного человека, но в 1857 г. был признан 100% рабом. Параллельно Миссурийский и Калифорнийский компромиссы признавались неконституционными (а в США Верховный суд был органом конституционного надзора). Все это демонстрировало стремление южан распространить рабство на всю территорию страны. Во-вторых, рейд Джона Брауна, ставший одной из наиболее смелых вооруженных акций аболиционистов, предпринятых с целью вызвать массовое восстание рабов на Юге США и уничтожить рабство. 16 октября 1859 г. отряд во главе с Джоном Брауном захватил арсенал в Харперс-Ферри, штат Виргиния. Восстание было подавлено силами отряда морской пехоты под командованием полковника Роберта Ли, будущего знаменитого полководца армии южан. Сам Браун и шесть его сподвижников попали в плен и были повешены. Перед смертью он написал письмо, в котором пророчествовал о грядущей братоубийственной войне. Сигналом к ее началу для южан стало избрание Авраама Линкольна президентом США от Республиканской партии в 1860 г. И это – в-третьих.

В декабре Южная Каролина вышла из состава Союза, а вслед за ней еще шесть штатов Глубокого Юга. В феврале 1861 г. в Монтгомери, штат Алабама, было провозглашено создание Конфедерации, а 12 апреля артиллерия южан обстреляла форт Самтер (Южная Каролина), где находились войска Союза. Линкольн объявил семь южных штатов в состоянии мятежа. Вскоре к ним примкнули еще четыре. Так началась Гражданская война, названная южанами войной за независимость и объявленная Линкольном войной за воссоединение Союза при сохранении института рабства или без него. Она продолжалась четыре года и оставила неизгладимый след в коллективной памяти американцев.

⁶⁸ Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 4. Ann Arbor, 2001. P. 147.

Южане создали свое государство, приняли свою Конституцию, избрали своего президента Джефферсона Дэвиса. У них был свой гимн и свой флаг. Александр Стеффенс, вице-президент Конфедерации, противопоставляя ее Союзу, заявил в 1861 г.:

Наше новое правление основано на прямо противоположных идеях. В его основании лежит, являясь его краеугольным камнем, великая истина, что негр не равен белому человеку, что рабство под контролем высшей расы есть естественное состояние негра и необходимая ему этическая норма⁶⁹.

Гражданская война шла уже почти два года, прежде чем 1 января 1863 г. появилась Прокламация об освобождении рабов. До этого, в мае 1862 г., был принят Гомстед-акт, ставший воплощением политики фрисойлерства, поскольку любой гражданин США, достигший 21 года и являющийся главой семьи, мог получить на Западе земельный участок площадью в 160 акров (или 65 га) в собственность, если он проживал на нем не менее пяти лет и мог оплатить регистрационный сбор от 24 до 36 долл. И вот, наконец, в 1863 г. рабство отменялось без выкупа в мятежных штатах. Однако на приграничные штаты, сохранившие лояльность Союзу, эти условия не распространялись, а равные права бывших рабов с белыми не упоминались вообще. Тем не менее оба документа способствовали коренному перелому в ходе Гражданской войны.

Когда она началась, свободные темнокожие стремились воевать на стороне Союза и даже создавать негритянские полки. Но все эти усилия не нашли поддержки, поскольку расовые предрассудки были распространены не только на Юге, но и среди белых северян. До декабря 1861 г. федеральные войска должны были возвращать беглых рабов их хозяевам. Лишь 17 июля 1862 г. Линкольн издал приказ о том, что все рабы, вступившие в армию на стороне Союза, становились свободными, а их собственникам при условии сохранения лояльности выплачивалась компенсация.

Тысячи рабов – мужчин, женщин и детей, рискуя жизнью, бежали через линию фронта сами или с помощью солдат-аболиционистов федеральной армии. На территории Союза появились толпы беглых рабов, которых на Севере называли контрабандными. Они селились в разрушенных домах, в полях, в оставленных военных лагерях, не имея ни одежды, ни средств к существованию.

⁶⁹ Fifty Basic Civil War Documents / Commager H.S. (ed.). R.E. Krieger Publishing Company, 1982. P. 16.

Многие оказались в условиях худших, чем при жизни на Юге, и были вынуждены отказаться от наивной веры в то, что свобода идет в комплекте с деньгами и легкой жизнью.

Помощь бывшим рабам приходилось оказывать армии Союза. Кроме того, это делали добровольцы-северяне. Они создали более 50 различных организаций, которые снабжали темнокожих южан одеждой и деньгами, помогали им адаптироваться к новым условиям жизни, учили грамотности. К концу войны для них было создано 120 федеральных школ, которые посещали 13 тыс. учеников.

Летом 1864 г. министр финансов Уильям Фисенден назначил агентов, которые отвечали за освободившихся рабов и создание для них поселений-колоний, где их обеспечивали жильем, рабочим скотом, орудиями труда и всем необходимым. За свою работу поселенцы получали от 10 до 25 долл. в месяц.

Беглые рабы, ставшие 1 января 1863 г. свободными, были готовы работать и вносить свою лепту в победу Союза. Их труд использовался на строительстве укреплений, на кухне, в госпиталях. Они работали лодчанами, кузнецами и плотниками. Они начинали обрабатывать землю и собирать урожай, когда федеральная армия захватывала территории южных штатов. Сотни беглых рабов выполняли роль шпионов и разведчиков, собирая ценную информацию для федеральной армии. Война из сражения за Союз неизбежно превращалась в войну за отмену рабства. Хотели этого белые американцы или нет.

А темнокожие американцы этого определенно хотели и доказывали свою способность обеспечивать себя при наличии работы, учиться грамоте и тому, как жить свободным человеком. Они были готовы воевать за эту свободу с оружием в руках и присоединиться к армии Союза при ее приближении. Именно это, например, произошло, когда армия генерала Уильяма Шермана совершала знаменитый «поход к морю» по территории штата Джорджия в ноябре–декабре 1864 г., обещая каждому бывшему рабу 40 акров земли и мула.

В условиях дефицита людских ресурсов многие командующие армии Севера, не дожидаясь приказа Линкольна, приступили к рекрутированию темнокожих солдат и использованию беглых рабов для решения военных задач. Однако полномасштабный призыв афроамериканцев в армию Союза начался в 1863 г. после отмены рабства. Собственно, этим во многом она и была обусловлена. А также деятельностью радикальных республиканцев, которые становились наиболее многочисленной и влиятельной группой внутри партии.

1 января 1863 г. военный министр Союза уполномочил губернаторов штатов начать создание воинских соединений, состоявших из темнокожих солдат. А в мае 1863 г. Военное министерство учредило специальное бюро для контроля за рекрутированием и обучением афроамериканцев. К концу войны в федеральной армии воевало 178 975 афроамериканцев, которые составляли 1/8 ее часть. Полками темнокожих, которые обычно были хуже экипированы, хуже снабжались и получали худшую медицинскую помощь, командовали преимущественно белые офицеры. В этом смысле темнокожие матросы оказались в лучшей ситуации. 29 тыс. афроамериканцев служили на флоте Союза, что составляло 1/4 часть всего состава моряков. К концу войны 25 афроамериканцев, воевавших на стороне Союза, были награждены Медалью за отвагу Конгресса США.

В тех областях, которые контролировала Конфедерация, наблюдалось массовое бегство рабов или их нежелание работать на старых условиях, тем более что в домах остались одни женщины. Они не могли продать хлопок, поскольку Север установил морскую блокаду Юга, они были непривычны к тяжелому физическому труду, которым им приходилось теперь заниматься, они опасались стать объектом насилия со стороны рабов. Ситуация настолько накалилась, что в ноябре 1864 г. президент Конфедерации Джефферсон Дэвис предложил на рассмотрение Конгресса вопрос об освобождении рабов.

При этом не стоит забывать, что рабы воевали и на стороне Конфедерации, их труд использовался на строительных работах, многие сопровождали хозяев в качестве слуг на войне. Однако реальная численность рабов в армии Конфедерации остается предметом спора среди историков. Конгресс Конфедерации принял закон о приеме рабов на службу в армию лишь в марте 1865 г., когда война уже была проиграна Северу.

Она закончилась в апреле 1865 г., а 13-я поправка к Конституции США, принятая в том же году, зафиксировала отмену рабства на всей территории США окончательно и безвозмездно.

Достижения и провалы Реконструкции (1865–1877)

Период с 1865 по 1877 г. вошел в историю США под названием Реконструкции. Для него характерны две тенденции: с одной стороны, бывшие рабы стремились обустроить свою новую жизнь и боролись за право быть гражданами США, а с другой – большинство белых южан пытались восстановить свое господство.

Юг лежал в развалинах, его промышленность и транспортная сеть были разрушены, поля заброшены, толпы бывших невольников не понимали, как и на что им жить дальше. Главная задача, которая стояла перед администрацией Линкольна, избранного в 1864 г. президентом США на второй срок, заключалась в воссоединении союза, в обеспечении земель белых и темнокожих бедняков Юга и в наделении правами бывших невольников. Линкольну не пришлось осуществлять Реконструкцию, поскольку он был смертельно ранен актером и сторонником Конфедерации Джоном Уилксом Бутом 14 апреля 1865 г. во время представления в театре Форда в Вашингтоне.

Приступил к реализации программы Реконструкции Эндрю Джонсон. Он вступил в открытый конфликт с радикальными республиканцами, которые преобладали в Конгрессе и добивались максимального ослабления старой южной элиты, а также наделения бывших рабов равными правами с белыми и землей. Этот конфликт чуть не привел к импичменту президента, поскольку он способствовал передаче власти на Юге старой элите, возвращению бывшим плантаторам их земель, а также полной амнистии конфедератов, за исключением ключевых фигур.

На Юге бесчинствовали различные расистские организации, такие как «Белое братство», «Рыцари белой камелии», «Красные рубашки». Но самой известной из них стала тайная организация Ку-клукс-клан, созданная в декабре 1865 г. в г. Пуласки (Теннесси) и объединявшая южан-ветеранов Гражданской войны. Ку-клукс-клановцы, носившие белые балахоны и остроконечные колпаки с прорезями для глаз, мстили за разрушенный мир Юга и пытались посредством масштабного террора запугать афроамериканцев, организовав «крестовый поход» за восстановление «превосходства белой расы». К 1867 г., когда численность Ку-клукс-клана достигла 550 тыс. человек, возникла «Невидимая империя Юга», которая практиковала запугивание и жестокие убийства бывших рабов и помогавших им белых республиканцев.

В ответ в марте 1867 г. был введен в действие утвержденный Конгрессом план Радикальной реконструкции, разделивший Юг на 5 военных округов, вся власть в которых передавалась генерал-майорам. Здесь действовали правительства Реконструкции, состоявшие из северян. Условием восстановления гражданского правления в южных штатах становилась не просто ратификация 13-й поправки к Конституции, как раньше, а избрание новых правительств и принятие 14-й поправки, превращавшей бывших рабов в граждан США, а затем и 15-й, наделявшей американцев

избирательными правами вне зависимости от расы, цвета кожи и бывшего рабского состояния.

Еще в 1866 г., преодолев вето президента, Конгресс продлил действие Бюро освобожденных, которое было создано в марте 1865 г. при Военном министерстве и должно было оказывать помощь 4 млн бывших рабов. Бюро освобожденных возглавил генерал-майор Оливер Говард, аболиционист и гуманист, прозванный «христианским генералом».

Бюро просуществовало до 1872 г. и проделало удивительную по своим масштабам работу, потратив на нее 17 млн долл. Его агенты, не имевшие специальной подготовки и действовавшие зачастую во враждебном окружении, пытались накормить голодных, дать кров бездомным, оказать им правовую поддержку и наладить систему обучения грамотности. Бюро раздало участками по 40 акров 800 тыс. акров конфискованной и бесхозной земли. И распределило бы ее еще больше, если бы президент Джонсон не начал возвращать земельную собственность конфедератам. Бюро обеспечило работой 50 тыс. человек и занималось транспортировкой освобожденных рабов к месту нового проживания. Оно выплатило 6 млн долл. 5 тыс. темнокожих ветеранов армии Союза, оказало медицинскую помощь 1 млн бывших рабов в специально созданных 60 больницах.

При участии благотворительных организаций Бюро организовало и обеспечивало работу 4300 школ для детей и подростков. В целом на развитие образования темнокожих американцев, включая школы различного профиля, колледжи и университеты, было потрачено 5 млн долл. Именно тогда открылись Университет Атланты в Джорджии (1865), Университет Фиска в Теннесси (1866), Университет Говарда в Вашингтоне (1867). В сфере создания системы образования различного уровня для темнокожих американцев Бюро достигло наиболее заметных успехов. В свою очередь, белые и темнокожие деятели Американской миссионерской ассоциации в 1868 г. открыли для афроамериканцев Хэмптонский сельскохозяйственный институт в Виргинии.

Уильям Аллен, аболиционист-литератор из Массачусетса, выпустил в 1867 г. первую коллекцию негритянских спиричуэлс под названием «Песни рабов Соединенных Штатов». Через четыре года из темнокожих студентов Университета Фиска был создан ансамбль, исполнявший спиричуэлс – “Fisk Jubilee Singers”, который существует и до сих пор. Так музыка бывших рабов начала интегрироваться в американскую культуру, потрясая слушателей своей глубиной и искренней религиозностью и прокладывая дорогу джазу.

В результате осуществления программы радикальной Реконструкции была сломлена власть южной элиты, утверждены поправки к Конституции, Конгресс принял акты о защите афроамериканцев от террора и роспуске Ку-клукс-клана (перестал существовать в 1871 г.).

В 1867 г. темнокожие американцы впервые в истории США смогли принять участие в выборах, хотя основная их масса пока не умела ни читать, ни писать. У бывших рабов на Юге появились лидеры из числа свободных афроамериканцев, прибывавших с Севера, а также ветеранов Гражданской войны. 600 бывших рабов занимали посты членов законодательных собраний штатов, мэров, шерифов, членов городских советов. Крупнейшей религиозной деноминацией темнокожих американцев стала Африканская методистская епископальная церковь, а на местах открывались Афроамериканские баптистские церкви. Так бывшие невольники, пережившие века рабства, учились быть гражданами США, создавая свои организации, школы и церкви.

К 1877 г. все южные штаты вернулись в Союз. Он вновь стал единым. Рабство было отменено, но достичь гражданского равноправия свободным темнокожим не удалось. Они не были уверены в защите своей жизни и собственности. Закон о гражданских правах 1875 г. так и не стал реально действующим и позже был отменен Верховным судом как неконституционный. В 1874 г. закрылся Банк освобожденных, ограбив своих вкладчиков и поглотив 40% их маленьких сбережений. Обещанных 40 акров земли для большинства не хватило. Проведение реформ правительствами Реконструкции сопровождалось коррупцией, политическими и финансовыми аферами.

Север победил Юг на боях сражений, но южане не отказались от своей региональной идентичности, выстраивая ее теперь на основе мифа «о проигранном деле» и «мифа о Старом Юге». Благодаря достигнутому в конце Реконструкции компромиссу южанам было позволено увековечить память о Конфедерации в памятниках, песнях, общественных мероприятиях, в деятельности обществ и организаций. В общественное сознание «белой» Америки интегрировался миф о том, что это была война штатов против государства, а не война против рабства.

Южане не отказались от дискриминации темнокожих американцев. Впереди их ожидала эпоха расовой сегрегации. Дискриминация охватывала всех небелых в США, будь то афроамериканцы, азиаты или латиноамериканцы. В 1869 г. в связи с дебатами по вопросу о принятии 15-й поправки к Конституции и обсуждением проблемы китайской иммиграции Фредерик

Дуглас в своей речи «Многосоставная нация» произнес знаковые слова:

Я хочу, чтобы здесь был дом не только для негра, мулата и представителей латинских народностей, но чтобы и азиат нашел свой дом в Соединенных Штатах, и чувствовал себя здесь как дома, и для его удобства, и для нашего... Индеец и кельт, негр и сакс, латинянин и тевтонец, монгол и кавказец, еврей и нееврей – все они будут подчиняться здесь единому закону, говорить на понятном друг другу языке, поддерживать одно и то же правительство, пользоваться одинаковой свободой, испытывать общий национальный энтузиазм и стремиться к общим национальным целям⁷⁰.

Так бывший раб очертил контуры нового американизма, который рождался в США в результате Гражданской войны и Реконструкции и который до сих пор остается еще не до конца реализованной мечтой. Самим афроамериканцам предстояло пройти долгий путь борьбы за свою идентичность и гражданское равноправие, прежде чем Барак Обама станет первым темнокожим президентом США.

Для дальнейшего изучения

- Зинн Г.* Народная история США: С 1492 года до наших дней. М., 2006.
- Куропятник Г.П.* Гражданская война в Северной Америке: 1861–1865. М., 2009.
- Нитобург Э.Л.* Церковь афроамериканцев в США. М., 1995.
- Супоницкая И.М.* Антиномия американского Юга: свобода и рабство. М., 1998.
- Douglass F.* Narrative of the Life of Frederick Douglass, an American Slave. Boston, 1845.
- Foner E.* The Fiery Trial: Abraham Lincoln and American Slavery. N.Y., 2010.
- Goldfield D.* America Aflame: How the Civil War Created a Nation. Bloomsbury Publishing, 2011.
- Schneider D., Schneider C.J.* Slavery in America. N.Y., 2007.

⁷⁰ *Gottheimer J.* Ripples of Hope: Great American Civil Right Speeches. N.Y., 2003. P. 132.

Электронные ресурсы

Видеоролик к данной лекции см.: <https://edu.amc.ru/courses>

Black Slave Owner and Breeder in South Carolina [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Ab93DYcqP8> (дата обращения 18.02.2021).

Black Slaves, Red Masters [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=-a11blNzkXc> (дата обращения 18.02.2021).

Ex Slaves talk about Slavery in the USA [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=fZfcc21c6Uo> (дата обращения 18.02.2021).

Hear Former Slaves Speak [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=3VTFkyDrH3M> (дата обращения 18.02.2021).

Historical photos 1800s African American Slave Families [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=q4TIQdNOoB0> (дата обращения 18.02.2021).

The History of Slavery in America [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=pDukq8npXBk> (дата обращения 18.02.2021).

Life of a Colonial Slave [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ji5zk2HlVXM> (дата обращения 18.02.2021).

Plantation Life [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=UYqllZ3kdrc> (дата обращения 18.02.2021).

Тема 9. Афроамериканцы в поисках идентичности и гражданского равноправия

У меня все же есть мечта. Эта мечта глубоко укоренена в американской мечте. Я мечтаю, что однажды эта нация распрямится и начнет жить в соответствии с истинным смыслом своего кредо: «Мы считаем самоочевидной истину, что все люди сотворены равными». Я мечтаю, что однажды на красных холмах Джорджии сыновья бывших рабов и рабовладельцев смогут сидеть вместе за братским столом. Я мечтаю о том, что наступит день, и даже штат Миссисипи, изнемогающий от зноя несправедливости и гнета, превратится в оазис свободы и справедливости. Я мечтаю, что придет день, когда мои четыре ребенка будут жить в стране, где о них станут судить не по цвету их кожи, а в соответствии с их личностными качествами⁷¹.

Так говорил Мартин Лютер Кинг-мл., темнокожий баптистский священник, 28 августа 1963 г., обращаясь к многотысячной толпе со ступеней Мемориала Линкольна в Вашингтоне в переломный момент движения за гражданские права 1955–1968 гг. Его итогом стало превращение афроамериканцев в полноправных граждан США. Для этого потребовалось пройти путь длиною в целый век.

Гражданская война (1861–1865) разрушила институт рабства в США, но, несмотря на принятие 13, 14 и 15-й поправок к Конституции, темнокожие американцы не смогли добиться равноправия с белыми, поскольку Юг ввел систему расовой сегрегации.

Начиналась долгая эпоха борьбы афроамериканцев за свою идентичность и гражданские права в новых условиях. Она продолжалась до конца 1960-х гг. и сопровождалась не только противостоянием «белой» и «черной» Америки, но и их масштабным социокультурным синтезом, который обогатил общеамерикан-

⁷¹ Words That Make America Great / Agel G. (ed.). N.Y., 2000. P. 166.

ское культурное наследие и способствовал формированию США как подлинной нации наций и мозаики культур. Только тогда в национальном общественно-политическом словаре появился термин «афроамериканцы».

«Равные, но разделные»

В 1877 г. закончился период Реконструкции. Мятежные южные штаты вернулись в состав США, но для бывших рабов началась эпоха сегрегации, «законов Джима Кроу». Джим Кроу – собирательный образ нищего неграмотного темнокожего, заимствованный из блэкфейсовых менестрель-шоу, которые получили распространение на Юге в 1830–1840-е гг. В этих представлениях белые актеры вымазывали лицо жженой пробкой, создавая галерею стереотипизированных образов – Джима Кроу, «ловкого негра» Зип Куна, темнокожих мамушек и сексапильных мулаток, Самбо – туповатого раба-шутника. С 1880-х гг. в менестрель-шоу начал активно эксплуатироваться уничижительный образ афроамериканца.

Расовая сегрегация действовала на Юге повсюду, кроме улиц и магазинов. Школы, кафе и рестораны, места в транспорте, питьевые фонтанчики и туалеты, входы в здание и залы ожидания были для «белых» и «черных» (или «цветных»). Смешанные браки запрещались.

Первый закон о расовой сегрегации принял штат Теннесси в 1881 г., а в 1896 г. Верховный суд США подтвердил принцип «равные, но разделные» как не противоречащий Конституции США в деле «Плесси против Фергюсона». Гомер Плесси, на одну восьмую афроамериканец, сел в вагон для белых и был арестован по законам Луизианы. Он подал в суд жалобу на действия властей штатов, которую Верховный суд США отклонил, тем самым юридически закрепив расовую сегрегацию. К 1907 г. она распространилась во всех южных штатах.

Объектом сегрегации становились не только афроамериканцы, но и китайские иммигранты, испаноязычные жители, американские индейцы. Так в США «белая» Америка отграничивала себя от «цветной», создавала внутри общества так называемую цветную границу.

«Белый» Юг брал реванш и проводил масштабную ревизию достижений Реконструкции, сделав основным объектом мести афроамериканцев. На долгие годы именно расизм стал механизмом мобилизации белого электората южными политиками.

Постепенно Демократическая партия поставила под контроль органы власти на Юге, меняя границы избирательных окру-

гов с целью блокировать возможность темнокожих южан избирать и быть избранными. Во всех южных штатах были приняты законы, ограничивающие право голоса афроамериканцев, несмотря на 15-ю поправку к Конституции. Это достигалось за счет введения избирательного налога, теста на грамотность и на понимание конституции штата. Кроме того, шесть штатов ввели так называемые дедушкины поправки. Они предусматривали предоставление избирательного права всем, чьи «дедушки» пользовались им до Гражданской войны. Поправки действовали до 1915 г., когда Верховный суд признал их неконституционными.

Все эти ограничения резко сократили число темнокожих избирателей на Юге. К 1940 г. они составляли лишь 3%. Это происходило не без одобрения Севера. В 1891 г. Сенат отклонил предложение о введении федерального закона, защищавшего права афроамериканцев-южан. В свою очередь, правительства южных штатов перестали выделять деньги на систему общественных школ, что привело к резкому сокращению темнокожих учеников, а также на больницы и приюты.

На Юге обычным делом стал самосуд над афроамериканцами («суд Линча»). С 1877 г., т. е. с момента окончания Реконструкции, до начала Второй мировой войны было официально зафиксировано 3500 случаев расправы белой толпы над темнокожими без суда и следствия. По числу линчеваний с 1889 по 1918 г. лидировали штаты Джорджия, Миссисипи, Техас, Луизиана, Алабама и Арканзас. «Суд Линча» стал чисто американским явлением, неизвестным в других странах.

Периодически афроамериканцы становились жертвами расовых погромов, причем не только на Юге. В 1906 г. в г. Атланта (Джорджия) несколько дней продолжался погром в ответ на публикацию в местной газете информации о нападении темнокожих на белых женщин (самый распространенный повод для расправы без суда и следствия). По тому же поводу белые громили «черные» кварталы в 1908 г. в г. Спрингфильде (Иллинойс) на родине Авраама Линкольна.

Ситуация для афроамериканцев усугублялась тем, что экономика Юга, разрушенная войной, находилась в состоянии стагнации. На Верхнем Юге дела обстояли лучше. Здесь можно было найти работу на шахтах, сталелитейных заводах, табачных фабриках, а также заняться фермерским трудом. А вот на аграрном Глубоком Юге, где преобладали плантации, разрушенные войной и продававшиеся теперь частями, темнокожие американцы оказались в бедственном положении.

В городах Юга существовала сеть институтов, созданная после Гражданской войны, – школы и колледжи, церкви и клу-

бы, филантропические и профессиональные организации. Именно здесь начал формироваться средний профессиональный класс афроамериканцев, состоявший из учителей и врачей, мелких предпринимателей и владельцев магазинов. Но рынок рабочей силы был жестко сегрегирован. Темнокожие мужчины не могли получить хорошо оплачиваемую работу, занять руководящие должности на предприятиях, стать клерками, а женщинам была уготована в основном работа прислуги.

В то же время последние десятилетия XIX в. и начало XX в. стали для афроамериканцев временем поиска идентичности и создания первых общенациональных организаций, боровшихся за расовое равноправие. Для амбициозных и талантливых темнокожих американцев не политика, а сфера бизнеса, правовая и церковная деятельность, журналистика открывали возможности для реализации их способностей и служения «черной» Америке. При этом в среде интеллектуальной элиты не было единства по вопросу о том, каким образом афроамериканцы должны интегрироваться в «белое» общество.

Первый подход олицетворял Букер Вашингтон, общественный деятель, оратор и просветитель. Он родился в 1856 г. на плантации в штате Виргиния от рабыни и белого человека, а после отмены рабства в 1863 г. вместе с матерью перебрался в город, где самостоятельно выучился чтению, а затем окончил воскресную школу для темнокожих детей. В 17 лет Букер поступил в Хэмптонский сельскохозяйственный институт, взяв фамилию первого президента США. Он продолжил образование в столице и, получив диплом учителя, стал преподавать в своей *Alma Mater*.

Вашингтон призывал к расовому и классовому миру и тесному сотрудничеству между белым и цветным населением США, требуя равноправия в сфере найма на работу и предпринимательстве. В 1881 г. по решению законодательного собрания Алабамы он стал директором Института в Таскиги, который позволял афроамериканцам получать среднее профессионально-техническое образование. Именно такое, а не высшее образование, а также приобретение собственности должно было, по мнению Вашингтона, способствовать их интеграции в американское общество.

Институт дал название «движению Таскиги», а идеи Вашингтона получили поддержку со стороны «белой» Америки на уровне крупного бизнеса, властей штатов и федеральной администрации во главе с президентом Теодором Рузвельтом. Именно это позволило Вашингтону к концу его жизни в 1915 г. превратить Институт Таскиги в высококласное и процветающее учебное заведение, обучавшее 1600 человек. И именно это привело его

к конфликту с темнокожими лидерами, которые требовали социального и гражданского равноправия и свободного доступа в высшие учебные заведения страны.

Знамя гражданской активности перехватили афроамериканки. В 1892 г. бывшая рабыня, журналистка и суфражистка Ида Уэллс-Барнетт начала кампанию против линчеваний на страницах своей газеты “Memphis Free Press”. Она документировала случаи расправы белой толпы над темнокожими южанами и издала затем две книги о линчеваниях, привлекая внимание американского общества к этому безобразному явлению. В 1896 г. была создана Национальная ассоциация цветных женщин для борьбы за равноправие вне зависимости от пола и расы путем печатного и устного слова.

Но основным оппонентом Букера Вашингтона стал историк и один из теоретиков будущего Гарлемского Ренессанса Уильям Дюбуа. Он родился в Массачусетсе свободным человеком в 1868 г., закончил Университет Фиска, а затем в 1895 г. получил докторскую степень по истории в Гарвардском университете, став первым афроамериканцем, достигнувшем таких высот. Дюбуа считал самым надежным способом обеспечения расового равенства создание интеллигенции из «одаренной десятой части» темнокожих американцев. Именно они, по его мнению, должны были возглавить борьбу «черной» Америки против сегрегации.

В 1903 г. Дюбуа опубликовал свою знаменитую книгу «Души черного народа», которая стала классикой афроамериканской литературы. В ней он выдвинул идею «двойственности сознания» афроамериканца:

...две воюющие друг с другом души, два образа мыслей, два непримиримых противоречия, два враждующих идеала в одном темном теле, которое лишь благодаря упорному сопротивлению умудряется сберечь себя от разрыва на две части... Он не желает африканизировать Америку, потому что у Америки есть чему поучить мир и Африку. Но он не станет отбеливать свою негритянскую кровь в потоке белого американизма, так как считает, что в его черной крови содержится послание миру. Он просто хочет получить возможность быть одновременно негром и американцем, не будучи при этом проклят своими темнокожими товарищами и не оставшись перед закрытыми дверями возможности саморазвития⁷².

⁷² *Du Bois W.E.B.* The Souls of Black Folk. New Haven; London, 2015. P. 5.

В 1905 г. Дюбуа и Уильям Троттер, гражданский активист, бизнесмен и редактор газеты, выступили основателями «Движения Ниагара», поскольку участники учредительной конференции были вынуждены собраться на канадской стороне Ниагарского водопада. А в 1909 г. Дюбуа вместе с другими активистами основал в Нью-Йорке Национальную ассоциацию содействия прогрессу цветного населения, которая существует и до сих пор, что стало ответом на антинегритянский погром в Спрингфильде. В 1910 г., когда начал выходить журнал организации «Кризис», Дюбуа на долгие годы вошел в число его ведущих редакторов.

Он стал бесспорным лидером панафриканского движения и в конце жизни, разочаровавшись в США, переехал в Гану, где умер в 1963 г. К тому времени Дюбуа опубликовал множество книг, включая три автобиографии, видя, как сбывается его пророчество о том, что «основная проблема XX в. – это вопрос о цветной границе, т. е. об отношениях между белыми и небелыми расами в Азии и Африке, в Америке и на островах»⁷³.

Темнокожие американцы пытались разрушить эту «цветную границу», в том числе и посредством приобщения к коллективной памяти о Гражданской войне. Но белые южане формировали свое видение прошлого, опираясь на мифы о «проигранном деле» и «Старом Юге». Они устраивали ежегодные чествования конфедератов, создавали различные организации, проводили ревизию истории Гражданской войны на страницах школьных учебников. Там она представлялась как война за самоуправление, а не за сохранение рабства, а подрастающему поколению рассказывались истории о счастливых рабах на старом Юге и ужасах периода Реконструкции.

На улицах южных городов и центральных площадях началось сооружение монументов героям Юга – от политических деятелей и известных генералов до солдат и матросов. В 1890 г. в бывшей столице Конфедерации г. Ричмонде был открыт памятник генералу Роберту Ли, заложивший начало Проспекту монументов, где в 1907 г. южане воздвигли памятники президенту Конфедерации Джефферсону Дэвису и прославленному генералу Юга Томасу Джексону по прозвищу «Каменная стена».

В 1880–1890-е гг. Север и Юг шли навстречу друг другу. Во время совместных встреч ветеранов-южан и северян, в ходе публичных мероприятий, а затем и в популярной культуре Гражданская война стала осмысливаться как трагическая ссора белых американцев, как война «брата против брата», в которой обе стороны

⁷³ Ibid. P. 12.

храбро воевали за свою правду: Юг – за права штатов, а Север – за Союз.

Проблема рабства отодвигалась на задний план, а Реконструкция характеризовалась как период «негритянского правления», которое нельзя было больше допустить. Так Юг оправдывал расовую сегрегацию и дискриминацию, престав быть «другой» Америкой внутри США. Теперь это место заняла «черная» Америка.

Влияние Первой мировой войны на положение афроамериканцев

Первая мировая война, в которую США вступили в апреле 1917 г., открывала для темнокожих американцев новые возможности.

Свободолюбивая риторика президента Вудро Вильсона об участии США в «крестовом походе» по демократизации мира вселяла надежду на радикальные изменения межрасовых отношений внутри страны. Поэтому Дюбуа и другие лидеры призывали афроамериканцев сплотить ряды и вступать в армию. Но нашлись и те, кто, как Уильям Троттер, обвиняли правительство США в лицемерии. Ведь вместо того, чтобы спасти мир от «немецкого варварства», ему следовало заняться демократизацией Юга.

В целом в сегрегированной армии служили 400 тыс. темнокожих американцев, в основном во вспомогательных войсках. Служба на флоте пока вообще была для них закрыта. Администрация Вудро Вильсона не позволила солдатам-афроамериканцам принять участие в параде победы в Париже, в то время как африканские солдаты из французских и английских колониальных войск прошли победным маршем со своими белыми сослуживцами.

Тем не менее война оказала непосредственное влияние на положение темнокожих американцев и перспективы их борьбы за свои права. Расширение производства в Соединенных Штатах, которые превратились в поставщика продукции для воюющих стран Антанты, а также резкое сокращение иммиграции из Европы открыли для них тысячи рабочих мест. Это случилось впервые в истории США. Накануне войны 90% темнокожих проживали на Юге. В 1915 г. началась Великая миграция. На Север и Запад до 1920 г. переселились почти 0,5 млн афроамериканцев, удвоив темнокожее население Чикаго и небольших индустриальных городков и на 66% увеличив его в Нью-Йорке. В 1920-е гг. еще 1 млн покинул Юг.

Этот «исход», как его называли сами мигранты, апеллируя к библейским сюжетам, мотивировался стремлением найти высокие заработки на фабриках и заводах городов, расширить возможности для получения образования, избежать угрозы линчевания и вернуть себе избирательные права. И хотя на Севере их ожидало разочарование, поскольку и здесь они сталкивались с расовой дискриминацией, Великое переселение в перспективе оказало важное влияние на становление самосознания афроамериканцев и развитие их культуры.

Одновременно рост темнокожего населения в городах Севера и Запада привел к распространению расовых погромов по всей стране. Их пик пришелся на так называемое Красное лето 1919 г. На Юге в том же году 76 человек стали жертвами линчеваний, включая нескольких ветеранов Первой мировой войны. Однако самый мощный антинегритяцкий погром случился в Талсе (штат Оклахома) в 1921 г., когда более 300 темнокожих были убиты, а 10 тыс. остались без крова. Поводом к его началу стала попытка группы ветеранов защитить от линчевания молодого афроамериканца.

В 1915 г. на Юге возродился Ку-клукс-клан, чему способствовал вышедший в том же году художественный немой фильм Дэвида Гриффита «Рождение нации» по произведениям Томаса Диксона «Член клана» и «Пятна на шкуре леопарда». Воссозданная организация насчитывала несколько сотен тысяч членов. Ее новым «отцом» стал Уильямс Симмонс, блестящий оратор и участник Испано-американской войны 1898 г. В 1920-е гг., на которые приходится расцвет деятельности ку-клукс-клановцев, в их идеологии расизм совмещался с антисемитизмом и антииммигранционными настроениями. В августе 1925 г. и сентябре 1926 г. тысячи ку-клукс-клановцев прошли парадным маршем по авеню Пеннсильвания к Белому дому.

Первая мировая война и послевоенный всплеск расизма способствовали консолидации воинственного духа афроамериканцев и распространению «черного» национализма. Выразителем его идей стал Маркус Гарви, недавний иммигрант с Ямайки, а проводником – «Всеобщая ассоциация по улучшению положения негров». Свобода для Гарви означала национальное самоопределение темнокожих, возвращение им чувства уверенности в себе и создание возможности для их полной самореализации. Все это, по его мнению, было невозможно нигде, кроме Африканского континента. Поэтому Гарви выступил с призывом «Назад – в Африку». В основе его противоречивой и неоднозначной идеологии лежала идея расовой солидарности, которая была услышана неграмотны-

ми и обездоленными жителями в негритянских городских «гетто» Севера, а также на Юге США.

Дюбуа и другие афроамериканские лидеры считали Гарви опасным демагогом, отвлекающим от борьбы за расовое равенство внутри страны. Однако и они были вынуждены признать его бесспорные лидерские способности и роль в пробуждении расового самосознания и расовой гордости темнокожих американцев. В полной мере это проявилось в период Гарлемского ренессанса.

Гарлемский ренессанс как американский социокультурный феномен

Великая миграция афроамериканцев с Юга на Север привела к превращению нью-йоркского Гарлема в своеобразную столицу «черной» Америки. Подавляющее большинство его обитателей жило крайне бедно. В одном огромном квартале-гетто их собрала политика расовой сегрегации, вынуждая платить высокую цену за жилье. Весь гарлемский бизнес принадлежал преимущественно белым.

Однако сюда ехали не только темнокожие южане, но и иммигранты из Вест-Индии, т. е. с островов Карибского моря. 150 тыс. человек иммигрировали оттуда с 1900 по 1930 г. В отличие от южан-аграриев они в своем подавляющем большинстве были хорошо образованными профессионалами и «белыми воротничками». Кроме того, в 1920-е гг. в Нью-Йорк переезжали темнокожие интеллектуалы, писатели и поэты, которые способствовали расцвету афроамериканской культуры, вошедшему в историю США под названием Гарлемского ренессанса. Именно на эти годы приходится его пик, хотя у данного явления был свой общеамериканский пролог и эпилог, и оно выходило далеко за границы Гарлема. Просто здесь оно проявилось наиболее рельефно и зримо.

В Нью-Йорке издавались афроамериканские журналы, ставшие рупором движения, – «Кризис», «Возможность: Журнал негритянской жизни», «Курьер». Многие поэты и писатели, редакторы и просветители, такие как Каунти Каллен, Джесси Фосет, Лэнгстон Хьюз, Хелен Джонсон, Дороти Уэст, переселялись в Гарлем, чтобы быть в гуще общественной и культурной жизни. Но некоторые, такие как афроамериканки Зора Ниэл Хёрстон, писательница, фольклористка и антрополог, или Энн Спенсер, поэт, педагог, библиотекарь, гражданская активистка,

жили и творили в других местах, публикуя свои произведения в афроамериканских журналах и поддерживая тесные контакты с Гарлемом.

Ренессансом это явление называлось потому, что было связано с возрождением афроамериканской культуры в ее различных проявлениях, с обращением к чувству гордости темнокожего американца за свое наследие, с реабилитацией его как личности, в которой все прекрасно – и душа, и тело. Это нашло свое отражение в поэзии, литературе, живописи, музыке, фотографии.

Многие ключевые фигуры Гарлемского ренессанса были разносторонними личностями, которые соединяли карьеру в области образования, политики, медицины с литературной и публицистической деятельностью, что придавало всему движению не только художественное, но и социально-политическое звучание.

Идейным «отцом» Гарлемского ренессанса по праву считается Ален ЛеРой Локк, афроамериканский писатель, философ и просветитель. Он родился в Филадельфии, в 1907 г. закончил Гарвардский университет и, получив степень по английской литературе и философии, отправился в Европу. Вернувшись, Локк преподавал в Университете Говарда в Вашингтоне. В 1925 г. он издал свою самую известную книгу – сборник афроамериканских писателей и поэтов, давший название культурному движению «Нового негра».

Локк писал:

Новый Негр чутко реагирует на обещание новой демократии в американской культуре. Он вносит свой вклад в новое понимание общества. Но никогда прежде стремление быть понятым не было столь мощным, чтобы разрушить преграды, сковывающие сознание и мышление Негра⁷⁴.

В политике движение «Нового негра» ассоциировалось с панафриканизмом и именем Маркуса Гарви, а в искусстве означало продвижение идеи неизбежного равенства рас, развитие расового самосознания, обращение к истокам «черного» наследия – африканским и фольклорным южным.

Примером нового прочтения этого наследия «белой» Америкой стало начало «эпохи блюза» в США. К 1920 г. классический блюз сложился как самостоятельный жанр, зародившись намного

⁷⁴ *Locke A. The New Negro. An Interpretation. N.Y., 2021. P. 9–10.*

раньше в дельте реки Миссисипи. Блюзовая традиция вобрала в себя ритмичные «рабочие песни» полевых рабов Юга, звуковое сопровождение африканских религиозных культов, спиричуэлс (духовные песнопения) и баллады. В 1920 г. Мэми Смит выпустила грампластинку «Безумный блюз», в одночасье проснувшись знаменитой и сделавшей знаменитым сам блюз.

Представители фирм звукозаписи бросились на Юг искать поющих афроамериканок, объявляя всех подряд блюзовыми исполнительницами. Однако безусловными звездами того времени стали Ма Рэйни, которую называют «матерью блюза», и Бесси Смит, одна из самых влиятельных и известных исполнительниц блюза 1920–1930-х гг.

В годы сухого закона в США Гарлем, где бурлила ночная жизнь и существовало немало подпольных питейных заведений, превратился в место паломничества белых американцев. В эпоху стандартизации и индустриализации возникала тяга к естественному и в то же время экзотическому. Культура темнокожих американцев с ее африканскими корнями прекрасно отвечала на этот запрос. Гарлем манил не только танцевальными залами, известными своей раскованностью и страстностью телодвижений, но и джаз-клубами. Самым знаменитым местом общения и встреч для светского нью-йоркского общества стал «Хлопковый клуб», открытый в 1920 г. под названием «Клуб Делюкс» и переименованный в 1923 г., куда пускали только белых посетителей.

Здесь выступали темнокожие музыканты и танцовщицы и исполнялся джаз. Благодаря Гарлемскому ренессансу вообще и этому клубу в частности он переставал быть музыкой для «черных». В 1920-е гг. здесь играл джаз-бэнд Флетчера Хендерсона, в котором выступал молодой Луи Армстронг, впоследствии ставший легендой американского джаза, давали концерты «Миссурийцы», а с 1927 по 1931 г. господствовал Дюк Эллингтон со своими музыкантами. Благодаря радиотрансляциям джаз находил поклонников не только по всей стране, но и за ее пределами.

В бродвейских мюзиклах «Дикси» и «Черные дрозды» блистали Флоренс Миллс, певица и танцовщица, пленявшая зрителей вне зависимости от цвета кожи, Этель Уоттерс, ведущая джазовая певица и актриса, впервые появившаяся в постановке «Плантационный клуб» в 1924 г., Билл Робинсон, прославившийся на всю страну чечеточник. Процветавший в Гарлеме театр освободил темнокожих авторов от диктата белых продюсеров, по-

звонил им экспериментировать со стилем и жанром. Впервые в истории США афроамериканские артисты играли серьезные драматические роли.

Идея Уильяма Дюбуа о «двойственности сознания» афроамериканца стала центральной для поэтов, писателей и общественных деятелей Гарлемского ренессанса. И сам он как социокультурное явление демонстрировал, чему «черная» Америка может научить «белую», в то же время восприняв лучшие достижения последней. Впервые в истории США темнокожие американцы не заимствовали идентичность белых, а пытались выстраивать свою собственную.

Тесные контакты и дружественные отношения многих представителей Гарлемского ренессанса с белыми интеллектуалами Нью-Йорка закладывали основу для расширения масштабов влияния афроамериканской культуры. Каунти Каллен, Лэнгстон Хьюз, Клод Маккей, классик вест-индской литературы, спонсировались белыми интеллектуалами и публиковались в «белой» прессе.

Все больше и больше писателей Юга и Севера создавали образы темнокожих американцев и описывали их жизнь и культуру с использованием новых красок и интонаций. Белая публика способствовала популяризации афроамериканских поэтов и писателей, джазовых и блюзовых исполнителей. В 1920–1930-е гг. блюз и джаз стали общеамериканским явлением. Имя Чарльза Сидни Гилпина, одного из самых уважаемых сценических актеров 1920-х гг., было на слуху у американских театралов вне зависимости от цвета кожи. Живописцы и графики в лице Аарона Дугласа и Хейла Вудруфа или скульпторы в лице Ричмонда Барте экспериментировали со стилем, цветом и формой и заражали новаторством своих белых собратьев по цеху.

Джеймс Ван Дер Зи, ведущий фотограф Гарлемского ренессанса, запечатлел его на своих фотографиях в лицах и ликах, создал о нем архив фотодокументов, одновременно способствуя превращению в подлинный социокультурный феномен.

Гарлемский ренессанс дал афроамериканцам «голос», который прозвучал на всю страну, став важнейшим этапом синтеза культур и вехой в процессе их поиска идентичности и в борьбе за равноправие. В последнем случае особую роль сыграла Вторая мировая война.

Вторая мировая война (1939–1945): афроамериканцы в тылу и на фронте

6 января 1941 г. президент США Франклин Делано Рузвельт в ежегодном обращении к Конгрессу, известном как «Речь о четырех свободах», заявил:

В будущем, которое мы стремимся сделать безопасным, мы надеемся создать мир, основанный на четырех основополагающих человеческих свободах. Первая – это свобода слова и высказываний – повсюду в мире. Вторая – это свобода каждого человека поклоняться Богу тем способом, который он сам избирает – повсюду в мире. Третья – это свобода от нужды, что в переводе на понятный всем язык означает экономические договоренности, которые обеспечат нациям здоровую мирную жизнь, – повсюду в мире. Четвертая – это свобода от страха, что в переводе на понятный всем язык означает такое всеобъемлющее сокращение вооружений, чтобы ни одно государство не было способно совершить акт физической агрессии против кого-либо из своих соседей, – повсюду в мире⁷⁵.

Риторика свободы стала преобладающей в США в военное время, что в очередной раз вселяло надежды на изменение положения афроамериканцев к лучшему. США вступили во Вторую мировую войну в декабре 1941 г. после нападения Японии на Перл-Харбор. Однако и до этого в условиях начавшейся реализации программы ленд-лиза экономика страны окончательно вышла из кризиса и стала набирать обороты.

Около 700 тыс. афроамериканцев поехали на «поездах свободы» с Юга в индустриальное сердце США, чтобы помочь стране оказывать помощь свободным народам Европы. Десятки тысяч были готовы воевать за нее с оружием в руках.

Но это автоматически не привело к отказу от сегрегации, прекращению линчеваний и погромов. 1 млн афроамериканцев служили в вооруженных силах в сегрегированных соединениях. Но им был закрыт доступ в авиацию, а на флоте они выполняли обязанности поваров и официантов. Когда темнокожие призывники оказывались в тренировочных лагерях на Юге, они становились объектом расовой дискриминации в кинотеатрах, в клубах, на во-

⁷⁵ The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. Vol. IV: War – and Aid to Democracies. N.Y., 1941. P. 672.

енных базах. А когда они возвращались домой, местные власти могли их лишить ветеранских льгот на здравоохранение, образование, получение кредитов для организации собственного бизнеса и покупки земли.

Однако экономика военного времени создавала новые рабочие места для афроамериканцев и способствовала их консолидации. Численность Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения увеличилась с 50 тыс. до 500 тыс., а отношение к войне нашло отражение в идее «двойной победы» – над Германией и Японией за границей и сегрегацией внутри США. Как писал журнал «Кризис», «сегрегированная армия не может сражаться за свободный мир».

В июле 1941 г. лидер рабочего движения афроамериканцев Филипп Рэндольф призвал к многотысячному маршу на Вашингтон, объявив расовую дискриминацию «недемократической, антиамериканской и прогитлеровской». Президент Рузвельт, не желая обострять ситуацию, издал указ № 8802, который запрещал расовую дискриминацию в оборонной промышленности и учреждал первое с времен Реконструкции федеральное агентство для реализации справедливых правил приема на работу.

Эти действия стали важным поворотным моментом в политике федеральных властей и привели к тому, что 1 млн темнокожих американцев, среди которых было 300 тыс. женщин, получили рабочие места в промышленном секторе. В 1944 г. Верховный суд объявил неконституционными первичные выборы для белых, посредством которых южные штаты лишали афроамериканцев политических прав. А в конце войны в армии США появились первые смешанные воинские соединения.

В ответ «белый» Юг, не желавший разрушения системы сегрегации, консолидировал свои усилия по защите «цветной границы». Это затормозило начало революции в области гражданских прав на 10 лет.

«У меня есть мечта»:
движение за гражданские права

Президент-демократ Гарри Трумэн, занявший Белый дом после смерти Рузвельта, в 1947 г. создал Комиссию по гражданским правам, а в феврале 1948 г. представил Конгрессу амбициозную программу в этой сфере. Она не была одобрена, что не помешало президенту, как главнокомандующему, в том же году издать приказ о полной десеграции вооруженных сил США. Война в

Корее 1950–1953 гг. стала первым международным конфликтом с момента Войны за независимость (1775–1783), в котором белые и темнокожие американцы воевали вместе и на равных.

Во время президентской кампании 1948 г. проблема гражданских прав вошла в избирательную платформу Демократической партии. Тогда победил Гарри Трумэн, в расовой политике которого внешнеполитические соображения играли важную роль. В условиях холодной войны с СССР существование расовой дискриминации в США превращалось в один из главных аргументов советской пропаганды в идеологической борьбе за умы и сердца людей по всему миру.

На Юге к 1947 г. число афроамериканцев, принимавших участие в выборах, увеличилось до 12%, а к середине 1950-х гг. – до 20%. Это происходило прежде всего в городах, поскольку в результате внутрирегиональной миграции в 1930–1940-е гг. сюда переехало около 750 тыс. человек. Они стали голосовать за представителей новой политической элиты из рядов демократической партии, которые стремились облегчить доступ к образованию и системе здравоохранения для всех американцев вне зависимости от цвета кожи.

Однако последовавший экономический бум конца 1940-х – начала 1950-х гг. со всей очевидностью продемонстрировал, что плодами социального и экономического процветания страны по-прежнему пользуются только белые американцы, в то время как темнокожие продолжают прозябать в аграрных районах Юга и гетто Севера. Между 1950 г. и 1970 г. 7 млн белых американцев переселились из городов в пригороды, чему способствовали правительственные жилищные программы, в то время как 3 млн афроамериканцев переехали с Юга на Север, расширяя уже существующие гетто и создавая новые. Теперь «цветная граница» отделяла города от пригородов.

Система сегрегации на Юге сохранялась в полном объеме. На Севере и Западе не существовало законов «Джима Кроу», но и здесь сегрегация практиковалась в колледжах, гостиницах, ресторанах, при заселении пригородов. Например, Лина Хорн, американская джаз-вокалистка и одна из первых звезд киномузиков, или Луи Армстронг, известный на всю страну джазовый трубач и певец, могли выступать в отелях-казино Невады, но не имели права проживать там как постояльцы. И так было повсюду. Если вы не видели великолепный фильм «Зеленая книга» Питера Фаррели, завоевавший «Оскара» в 2019 г., посмотрите. Это вам поможет понять, как в США работала система сегрегации.

Движение афроамериканцев за гражданские права объяснялось целым комплексом внутренних и внешних причин: дестабилизацией расистской системы во время Второй мировой войны, массовой миграцией афроамериканцев с Юга на Север и превращением темнокожих избирателей во влиятельную часть электората Демократической партии, идеологическим противостоянием времен холодной войны с СССР, начавшимся процессом деколонизации в Азии и Африке.

Первым заметным проявлением зарождавшегося массового протеста стали действия Оливера Брауна, жителя г. Топика (Канзас). Поскольку администрация близлежащей школы не согласилась принять его дочь в ряды своих учеников на том основании, что она темнокожая, Браун решил добиваться справедливости через суд. В 1954 г. Верховный суд США в деле «Оливер Браун против Совета по образованию Топики» признал неконституционной сегрегацию общественных школ, сославшись на нарушение 14-й поправки к Конституции. Это было лишь начало.

1 декабря 1955 г. Роза Паркс, скромная швея из города Монтгомери штата Алабама, отказалась уступить по требованию водителя свое место белому пассажиру, за что была арестована. Индивидуальный акт гражданского мужества всколыхнул сотни афроамериканцев, которые собрались в местной баптистской церкви и приняли решение начать бойкот общественного транспорта.

Несмотря на запугивания и давление, он продолжался 381 день, в течение которых темнокожие жители и примкнувшие к ним белые ходили на работу пешком или пользовались бесплатными услугами поддержавших их шоферов такси и водителей машин. Автобусные компании несли колоссальные убытки. События в Монтгомери получили общенациональный резонанс, и в ноябре 1956 г. Верховный суд США признал сегрегацию общественного транспорта неконституционной.

Именно в то время на политической сцене США впервые появился молодой пастор баптистской церкви, афроамериканец Мартин Лютер Кинг-мл. 5 декабря 1955 г., обращаясь к темнокожим жителям Монтгомери, он сказал:

Мы не можем быть неправы в том, что мы делаем. Если мы неправы, то и Верховный суд этой нации неправ. Если мы неправы, значит, и Конституция США ошибочна. Если мы неправы, то Всемогущий Бог тоже неправ. Если мы неправы, то правосудие – это ложь⁷⁶.

⁷⁶ “We Want Our Freedom”: Rhetorics of the Civil Rights Movement / Towns W.S. (ed.). Westport, 2002. P. 91.

Кинг родился в 1929 г. в Атланте (штат Джорджия) в семье пастора. Закончив колледж, молодой человек поступил в духовную семинарию в Честере (Пенсильвания), рассудив, что своими проповедями сможет послужить социальному прогрессу. В 25 лет он стал пастором баптистской церкви в Монтгомери, выстраивая свою философию ненасильственного протеста на основе идей мирного гражданского неповиновения Генри Торо, американского философа и писателя, и теории непротивления Махатма Ганди, философа и идеолога движения за независимость Индии. Подобно Фредерику Дугласу, Кинг обращался к «белой» Америке, апеллируя к ее протестному прошлому и общечеловеческим ценностям, подобно Уильяму Дюбуа, Кинг сопрягал борьбу против «цветной границы» внутри США с борьбой цветных людей по всему миру. Этот человек был блистательным оратором, умевшим своим словом зажигать сердца людей и вдохновлять их на борьбу.

«Белый» Юг не собирался мириться с начавшейся десеграцией, подрывавшей его многовековое господство. В 1956 г. 82 из 106 конгрессменов и все сенаторы, представлявшие Юг, за исключением трех, среди которых был будущий президент США Линдон Джонсон, подписали «Южный манифест». Они обвиняли Верховный суд в откровенном злоупотреблении своей властью. Южные штаты один за другим начали принимать законы, препятствующие десеграции школ, белые ученики выходили на марши протеста в поддержку сохранения расовой дискриминации, а транспортные кампании не торопились отказываться от сегрегации.

В 1960 г. на президентских выборах победил 43-летний ветеран Второй мировой войны, ирландец по своим корням и католик по своей вере Джон Кеннеди. Он стал не только самым молодым президентом в истории страны, но и открыл новую страницу в движении за гражданские права.

Решительным действиям федеральных властей предшествовал мощный подъем протестного движения темнокожих американцев. Его влиятельной силой стали студенты и вообще молодежь, а одной из форм ненасильственного протеста – сидячие забастовки (the sit-ins), которые проходили в кафе или на пляжах для белых.

В 1961 г. по всему Глубокому Югу начались автобусные рейды свободы с целью проверить, насколько в автобусах, поездах и вокзальных терминалах соблюдается решение Верховного суда о десеграции транспорта. Участники рейдов, темнокожие и белые, становились жертвами многочисленных нападений со стороны разъяренной толпы и ку-клукс-клановцев, зачастую при

попустительстве полиции. «Белый» Юг сопротивлялся. Но борьба продолжалась.

В сентябре 1962 г. на основе судебного предписания Университет штата Миссисипи был вынужден принять первого студента-афроамериканца Джеймса Мередита. Полиция штата сдерживала толпу, которая при поощрении губернатора Росса Барнета неистовствовала на улицах Оксфорда, прилегавших к Университету. Президент Кеннеди, следуя своему решению реализовать программу по десегрегации в полном объеме, направил в город войска. Так под охраной солдат и полицейских темнокожие школьники и студенты, совершая акты гражданского мужества, участвовали в борьбе за расовое равноправие. Осуществить десегрегацию Юга оказалось возможным лишь при поддержке со стороны федеральной власти.

Пик движения протеста афроамериканцев пришелся на 1963 г. Весной по всему Югу начались массовые демонстрации против сегрегации. Переломным стало движение за гражданские права в Бирмингеме (Алабама), проходившее под руководством Мартина Лютера Кинга-мл. В мае по его призыву на улицы города вышли не только темнокожие студенты, но и школьники. Телевизионные кадры о том, как детей и подростков били дубинками, топтали лошадьми и травили собаками облетели весь мир и всколыхнули страну. Белые американцы оказались перед выбором: встать на сторону сограждан, которые борются за свои законные права, или поддержать оголтелых южных расистов.

И Америка вне зависимости от цвета кожи свой выбор сделала. Это стало очевидно, когда 28 августа 1963 г. 250 тыс. человек приняли участие в мирной акции протеста в центре столицы, вошедшей в историю США под названием «Марш на Вашингтон». Он был организован коалицией гражданско-правовых, рабочих и церковных организаций. Именно тогда на ступенях Мемориала Линкольна перед людьми, державшими плакаты со словами «Обрети в 1963 свободу, обещанную в 1863», Мартин Лютер Кинг-мл. произнес свою знаменитую речь «У меня есть мечта». Найдите ее полную запись в интернете, чтобы вместе с тысячами темнокожих и белых американцев ощутить вдохновляющее воздействие слов этого харизматичного человека, удостоенного Нобелевской премии мира за борьбу с расовым неравенством.

В июне 1963 г. Джон Кеннеди во время телеобращения заявил, что пришло время покончить с позорящей страну расовой дискриминацией в любых ее проявлениях. Вот только дожить до этого момента ему не удалось, поскольку 22 ноября 1963 г. во вре-

мя визита в Даллас (Техас) президент был смертельно ранен Ли Харви Освальдом.

А в 1964 г. Конгресс принял Закон о гражданских правах, запрещавший дискриминацию на основе не только расы, но и пола в любых формах. Демократ Линдон Джонсон, подписавший этот закон, прекрасно понимал, что отныне белые южане станут частью электората Республиканской партии.

В январе 1965 г. Мартин Лютер Кинг-мл. инициировал кампанию за избирательные права в Сельме (штат Алабама), который был цитаделью сегрегации. Участники акции протеста были атакованы полицией штата, пустившей в ход слезоточивый газ, дубинки и штыки на глазах у десятков тысяч телезрителей и в очередной раз использовавшей неоправданное насилие против мирных демонстрантов. Федеральные власти отреагировали очень быстро. Конгресс принял, а Линдон Джонсон подписал «Закон об избирательных правах 1965 г.». Он, наконец, обеспечил защиту права афроамериканцев избирать и быть избранными. Так закончилась первая фаза движения за гражданские права. Но не оно само. Теперь нужно было окончательно сломать систему дискриминации при приеме на работу, при получении кредитов, в рамках действия правительственных социальных программ. Причем не только на Юге, но и на Севере.

В это время в среде молодых афроамериканцев получила распространение концепция «Черной власти», что стало реакцией на неспособность правительства и гражданских активистов решить экономические проблемы «черных» гетто. «Черная власть» означала свободу темнокожих, в том числе и от диктата белых, увеличение представительства в различных органах власти внутри США и право колонизируемых народов по всему миру на самоопределение. Эти идеи вписывались в процесс начавшейся деколонизации Африканского континента.

Концепция «Черной власти» подразумевала, что «Черное – прекрасно» и должно стать предметом гордости. Будь то культурное наследие, одежда или прическа. Отсюда проистекало требование навсегда отказаться от слова «негр» и заменить его на «афроамериканец». Так впервые не на элитарном, как в период Гарлемского ренессанса, а на массовом уровне формировалось чувство расовой гордости.

Вдохновителем этих веяний в афроамериканской среде по праву считается Малкольм Х. Его настоящее имя Малкольм Литтл. Он родился в 1925 г. и воспитывался в приемной семье, поскольку его отец был убит расистами, а мать попала в психиатрическую клинику. Оказавшись в двадцатилетнем возрасте в

тюрьме за кражу со взломом, Малкольм присоединился к религиозной националистической организации «Нация ислама» («Черные мусульмане»), проповедовавшей черный расизм и борьбу с «белым злом», став одним из ее лидеров после освобождения из тюрьмы.

Малкольм отказался от «рабского имени» в пользу литеры «Х», поскольку своей истинной африканской фамилии не знал. Он начал проповедовать черный расизм, критикуя и высмеивая Мартина Лютера Кинга-мл. за его ненасильственные методы и апелляцию к общеамериканским ценностям.

Путешествие в Мекку (Саудовская Аравия), духовный дом ислама, в 1964 г. обратило Малкольма Х к идее межрасовой гармонии в мусульманстве и заставило отречься от «Нации ислама» и ее учения. Вернувшись в США, он создал «Организацию афроамериканского единства», сохранив приверженность панафриканским взглядам, но призывая к межрасовому взаимодействию. Белые американцы, считавшие Малкольма апостолом расового насилия, с удовлетворением восприняли известие о его убийстве членами «Нации ислама» в 1965 г. Однако призывы Малкольма Х к самоопределению и самообороне нашли отклик в сердцах тысяч жителей «черных» городских гетто и молодых гражданских активистов.

Среди новых организаций наиболее заметной стала лево-радикальная Партия черных пантер, во многом благодаря своей символике и черной форме. Возникнув в 1966 г. в Окленде (штат Калифорния), она призывала к вооруженной самообороне в ответ на насилие со стороны белых. Члены партии требовали освободить темнокожих заключенных, патрулировали «черные» кварталы, патронировали больницы и школы, раздавали бесплатные завтраки темнокожим детям из бедных семей. Своим внешним военизированным видом и воинственной риторикой «черные пантеры» вызывали беспокойство власти, что стало причиной их систематического преследования с использованием агентов ФБР. Это происходило в то время, когда американское общество переживало раскол и кризис идентичности.

Движение против Войны во Вьетнаме, требования гражданского равноправия со стороны афроамериканцев и коренных американцев, женщин и гендерных меньшинств, вызовы молодежных субкультур создавали климат «ревущих шестидесятых». Их кульминацией стал 1968 год, когда простые американцы и представители истеблишмента, наблюдавшие события во Вьетнаме по телевизору в режиме реального времени, потребовали у правительства вывода американских войск.

Параллельно Мартин Лютер Кинг-мл. консолидировал движение американцев за расширение социальной справедливости. Он планировал организовать многотысячный марш бедных на Вашингтон. Но 4 апреля 1968 г. погиб от рук белого убийцы в Мемфисе, немного не дожив до своего 40-летия. В ответ по «черным» гетто городов прокатилась самая мощная в истории США волна бунтов и мятежей. Это был гнев, смешанный со скорбью.

Через 7 дней после убийства Кинга Конгресс, наконец, принял еще один значимый Закон о гражданских правах. Статьи по второй по седьмую были посвящены правам коренных американцев, а статья 8 защищала от расовой дискриминации в жилищной сфере, что стало данью памяти деятельности Мартина Лютера Кинга-мл. Его день рождения как национальный праздник начал отмечаться в США в большинстве штатов с 1986 г.

Вместо заключения: афроамериканцы на пути в XXI в.

Наиболее важным отличием в положении афроамериканцев в США на рубеже XX–XXI вв. по сравнению с началом или серединой прошлого века стало полное отсутствие сегрегации. Благодаря прекращению расовой дискриминации и правительственным программам поддержки темнокожие американцы трудятся в правлениях корпораций, в офисах и на предприятиях, имеют возможность получать образование в университетах и колледжах. Никого уже не шокируют смешанные браки и романтические межрасовые отношения, показанные на экране. С 1970 по 2000 г. число темнокожих полицейских увеличилось с 24 тыс. до 65 тыс. человек, а в период экономического бума 1990-х гг. доходы темнокожих семей росли быстрее, чем белых.

При этом афроамериканцы в целом живут значительно хуже белого населения (в особенности с учетом массового наплыва иммигрантов африканского происхождения), периодически становятся объектом неоправданно жестокого отношения со стороны полиции или скрытой дискриминации. А это значит, что расовая проблема еще не до конца решена в США. Однако теперь афроамериканцы не стыдятся своего цвета кожи и гордятся своим культурным наследием, которое стало частью американской мозаики культур.

Можно вместе с авторами энциклопедии, где собраны биографии известных афроамериканцев, совершить путешествие по

их достижениям в различных сферах. Вспомнить, например, что «королева джаза» Элла Фицджеральд в 1992 г. была награждена президентской медалью Свободы, что темнокожие актеры не раз получали за свои роли «Оскара», а спортсмены выигрывали медали на зимних и летних Олимпиадах в составе сборной США. Наконец, можно взглянуть на состав Конгресса или вашингтонских администраций, не говоря уже о правительствах штатов и муниципальных органов власти, чтобы оценить успехи тех, чьи предки были когда-то рабами.

Все это стало возможным благодаря борьбе десятков тысяч темнокожих и белых американцев, а также деятельности таких людей, как Мартин Лютер Кинг-мл. В 2011 г. в центре Вашингтона в музейно-парковой зоне был открыт Мемориал его имени. Вы не пройдете мимо, двигаясь от Мемориала Линкольна в сторону Мемориалов Франклина Делано Рузвельта и Томаса Джефферсона. Так граждане США отдали дань уважения афроамериканцу, включив его в пантеон национальных героев, способствовавших величию страны. В это время хозяином Белого дома был Барак Обама, первый темнокожий президент Соединенных Штатов Америки.

Для дальнейшего изучения

- Hutoburg Э.Л.* Афроамериканцы США: XX в.: Этноисторический очерк. М., 2009.
- Black American Biographies. The Journey of Achievement / Ed. by J. Wallenfeldt. N.Y., 2011.
- Brown L.* Encyclopedia of the Harlem Literary Renaissance. N.Y., 2006.
- Encyclopedia of African American Popular Culture. In 4 vols. / Ed. by J.C. Smith. Greenwood, 2011.
- Goldfield D.* Black, White, and Southern. Race Relations and Southern Culture 1940 to the Present. Baton Rouge, 1990.
- Goldfield D.* Still Fighting the Civil War. The American South and Southern History. Baton Rouge, 2002.
- Jim Crow America. A Documentary History / Ed. by C.M. Lewis, J.R. Lewis. Fayetteville, 2009.
- Martinez M.J.* A Long Dark Night. Race in America from Jim Crow to World War II. Lanham, 2016.
- Voices from the Harlem Renaissance / Ed. by N.I. Huggins. N.Y., 1995.

Электронные ресурсы

Видеоролик к данной лекции см.: <https://edu.amc.ru/courses>

The Harlem Renaissance [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=m0YgKfIn4E> (дата обращения 18.02.2021).

Martin Luther King – I Have A Dream Speech. August 28, 1963 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=smEqnklfYs> (дата обращения 18.02.2021).

Martin Luther King, Jr. – Minister & Civil Rights Activist | Mini Bio | BIO [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=3ank52Zi_S0 (дата обращения 18.02.2021).

Martin Luther King Memorial – Washington DC [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=m5BqLwb0TBs> (дата обращения 18.02.2021).

Segregation and Jim Crow [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=2yJA7LdJNwU> (дата обращения 18.02.2021).

WEB Du Bois Mini Biography [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=j_bW2LNq0-s (дата обращения 18.02.2021).

Тема 10 США как нация наций
и мозаика культур
от века XX к веку XXI

Наше разнообразное наследие – это преимущество, а не недостаток. Мы нация христиан и мусульман, иудеев и индуистов, а также атеистов. Наша нация сформирована всеми языками и всеми культурами, пришедшими к нам со всех концов Земли⁷⁷.

Эти слова 44-го президента США Барака Обамы (Barack Hussein Obama), произнесенные им во время церемонии инаугурации 20 января 2009 г., демонстрируют приверженность современных Соединенных Штатов традиции рассматривать иммиграцию как важнейший источник формирования и развития американской нации.

Поиск путей решения
иммиграционных проблем

Однако в начале XXI в. в американском обществе разгорелись серьезные дискуссии по поводу иммиграционной политики, адекватной новым вызовам и проблемам. В новом тысячелетии стало понятно, что действующее иммиграционное законодательство США, формировавшееся во второй половине прошлого века, устарело и нуждается в реформировании. Но обсуждение направлений и методов этой модернизации выявило наличие принципиально разных подходов. Они были обусловлены, с одной стороны, неоднозначностью результатов иммиграционных процессов рубежа XX–XXI вв., а с другой – последствиями политики мультикультурализма, ориентированной на сохранение и развитие культурных различий, а не на их слияние в одну (теория «плавильного котла»).

Начнем с того, что произошел беспрецедентный рост численности иммигрантов в США. Так, по данным на 2018 г. на тер-

⁷⁷ Public Papers of the Presidents of the United States: Barack Obama. 2009 (In 2 books). Book 1. Washington, 2010. P. 2–3.

ритории страны уже проживали около 44,5 млн иммигрантов первого поколения. Это означает, что примерно каждый седьмой американец (13,7%) родился за пределами Соединенных Штатов. В этих иммиграционных потоках преобладание получили выходцы из Латинской Америки и Азии (57%). Примерно четверть всех прибывающих в США составляют мексиканцы, вслед за ними идут индийцы и китайцы. Еще одной новой тенденцией стало нарастание потока африканской иммиграции. По данным на 2017 г., примерно 48% иммигрантов не знали или плохо знали английский язык.

Кроме того, неравномерное распределение иммигрантского населения по территории страны создает угрозу социальных конфликтов в западных и южных штатах США, которые имеют общую границу с Мексикой или находятся сравнительно недалеко от нее. Проявлением нарастающей напряженности стали события 4 августа 2019 г., когда в Эль-Пасо (Техас) в результате стрельбы на почве ксенофобии и антииммиграционных настроений погибли 22 человека.

Другим важным отличием иммиграционных потоков последнего времени стало то обстоятельство, что они резко увеличили нагрузку на социальную инфраструктуру американского общества. Лишь небольшая часть приезжающих в страну имеет на руках контракт с какой-либо американской компанией, большинство же въезжает по программе воссоединения семей или в качестве беженцев.

Самой острой проблемой, вызывающей наибольшие дискуссии в американском обществе в настоящее время, стала нелегальная иммиграция, которая продолжает нарастать. Статистика Pew Research Center и Migration Policy Institute на 2016 г. свидетельствует о том, что на территории США находилось около 11 млн нелегалов. Ежегодно в страну незаконно попадает от 300 до 400 тыс. человек, преимущественно выходцев из стран Латинской Америки. Причем основные маршруты въезда нелегальных иммигрантов проходят через американо-мексиканскую границу.

Новые реалии жизни американцев как нации наций сделали чрезвычайно актуальным вопрос об очередных реформах иммиграционной системы США и путях решения возникших проблем. Реформу, направленную на легализацию незаконно проживающих в стране, впервые анонсировала республиканская администрация Джорджа Буша-мл. Однако после террористических актов 11 сентября 2001 г. в условиях начавшейся глобальной войны с терроризмом выбор был сделан в пользу ужесточения пограничного контроля и правил въезда в США. Это дало опре-

деленный эффект, поскольку началось постепенное сокращение количества людей, незаконно пересекающих границу. По данным Таможенной и пограничной службы США, в 2005 г. было задержано более 1,7 млн нарушителей границы, после чего численность нелегальных иммигрантов в США стабилизировалась на уровне 11 млн. В 2018 г. на границе было задержано около 400 тыс. человек (примерно столько же нелегалов прибывало в страну ежегодно). Пограничный контроль действует, но он не может решить проблемы нелегальных иммигрантов, уже находящихся в стране.

В связи с этим демократическая администрация Барака Обамы объявила проведение иммиграционной реформы своей приоритетной задачей. Ее проект был принят Сенатом 27 июня 2013 г., но так и не стал предметом обсуждения в палате представителей. Поэтому в ноябре 2014 г. Обама решил начать реформу посредством серии президентских указов, нацеленных на «создание справедливой и честной иммиграционной системы, которая будет верна нашим традициям, как нации законности и нации иммигрантов»⁷⁸.

Для достижения поставленной цели предполагалось: усилить борьбу с нелегальной иммиграцией; ужесточить пограничный контроль; повысить ответственность федерального правительства за безопасность границ; усовершенствовать систему сбора данных об иммигрантах и предоставления им убежища; ограничить въезд лиц, представляющих угрозу национальной безопасности; привлекать в страну квалифицированных специалистов; обеспечить защиту внутреннего рынка труда; препятствовать сегрегации общества по этническому, религиозному, культурному, языковому признакам.

Реформа вызвала ожесточенные дебаты, прежде всего по вопросу статуса нелегальных иммигрантов. Она предоставляла возможность для 5 млн из них легализоваться при условии, что они выплатят налоги и штрафы за их неуплату и пройдут проверку на законопослушность. Кроме того, была приостановлена депортация нелегалов за исключением преступников и террористов, признанных таковыми на основе решения суда. Именно это решение стало объектом особенно жесткой критики. Власти 27 штатов обратились с коллективным иском в Техасский федеральный суд, требуя признать незаконными программы «Отложенная депортация для въехавших детей» и «Отложенная депор-

⁷⁸ Public Papers of the Presidents of the United States: Barack Obama. 2014 (In 2 Books). Book 2. Washington, 2019. P. 1509.

тация для родителей граждан США и лиц, находящихся в США на законном основании».

Другим важным элементом реформы стало расширение притока в страну высококвалифицированных специалистов. К группам иммигрантов, имевших преференции, относились ученые, деятели культуры и искусства, спортсмены, менеджеры, компьютерные специалисты, инженеры и технологи, медицинский персонал. Эти шаги, предпринятые администрацией Обамы, стали результатом проведенных исследований, которые продемонстрировали, что существует прямая зависимость между количеством виз, выданных высококвалифицированным специалистам, и патентными заявками, поданными в США. В начале XXI в. инженеры китайского и индийского происхождения возглавляли четверть высокотехнологичных проектов в Кремниевой долине с доходом в 17,8 млрд долл. Иммигранты или их дети стали основателями порядка 40% компаний списка “Fortune 500” по данным на 2010 г.

Сальса против кетчупа: мультикультурализм как образ жизни

В начале XXI в. четыре американских штата (Калифорния, Техас, Гавайи и Нью-Мехико), а также федеральный округ Колумбия превратились в регионы с преобладающим небелым населением. Это означает, что ни одна расовая или этническая группа не насчитывает более половины жителей штата. Демографы предполагают, что к 2050 г. в США неиспаноязычные белые американцы будут лишь в незначительном большинстве, выходцы из Латинской Америки составят 25% населения, афроамериканцы, диаспора которых активно расширяется за счет иммигрантов из Африки и с Карибских островов, а также латиноамериканцев и европейцев, имеющих африканские корни, составят 14%, а американцы азиатского происхождения – 8%.

Но статистика сама по себе еще не объясняет того растущего влияния, которое испытывает со стороны иммигрантов и их потомков современная американская культура и повседневная жизнь. О нем скорее свидетельствуют списки бестселлеров, включающие произведения азиатско-американских и латиноамериканских авторов. Среди лауреатов и номинантов самой престижной в США Пулитцеровской премии по литературе последних двух десятилетий можно встретить имена писателя китайского происхождения Ха Цзиня, индианки Джумпы Лахири, доминиканца Джуно Диаса, вьетнамца Вьет Нгуен Тана, марокканки Лайлы Лалами и других.

В американских хит-парадах ведущие места занимают латиноамериканские поп-звезды и популярные хип-хоп группы, такие как “Cypress Hill” или “Black-Eyed Peas”, созданные представителями различных этносов. Еще более важное место иммигранты занимают в мире американской классической музыки. Достаточно напомнить, что практически все лучшие оркестры и оперные театры США возглавляют выходцы из разных стран.

Эта тенденция в полной мере проявляется и в современном американском киноискусстве. Режиссеры Роберт Родригес, Мира Наир, Грегг Араки, Альфонсо Куарон, Алехандро Гонсалес Иньярриту, Гильермо дель Торо и многие другие продолжают творить легенду Голливуда как центра мирового киноискусства. Проблемы жизни иммигрантов в США стали темой знаковых фильмов различных жанров. Драма «Лучшая жизнь» (2011), повествующая о жизни нелегального иммигранта из Мексики, который изо всех сил пытается обеспечить нормальную жизнь своему сыну, получила много кинонаград, включая номинацию на премию «Оскар».

Феноменальный кассовый успех имела серия фильмов о похождениях двух американцев азиатского происхождения Гарольда и Кумара (2004–2011), снятая в популярном жанре молодежной комедии. В 2009 г. исполнитель одной из главных ролей в этих фильмах Кэл Пэнн занял пост помощника директора Управления по связям с общественностью Белого дома в администрации президента Барака Обамы.

Растущие масштабы и распространение иммигрантских общин в пригородах и штатах, которые обычно не сталкивались с массовым притоком иммигрантов, привели к более тесному их общению с американцами, прежде всего с молодежью. Следствием этого стал культурный синтез в повседневной жизни общества, одним из самых показательных проявлений которого по праву считается американская кухня. Она вряд ли существовала бы в том виде, в каком мы ее знаем сегодня, без иммигрантов. Все знаковые американские продукты – от гамбургеров до пиццы и тако – являются результатом синтеза продовольственных традиций иммигрантов и американских ингредиентов и вкусов. Итало-американский предприниматель Джено Паулуччи, основавший бизнес по продаже готовых итальянских и китайских продуктов под торговыми марками “Jeno’s” и “Chun King” в Миннесоте, как-то сказал:

Только в Америке было возможно разбогатеть сыну бедных итальянских иммигрантов, продавая китайскую еду в скандинавском районе⁷⁹.

⁷⁹ Цит. по: American Immigration. An Encyclopedia. P. 365.

Свидетельством дальнейшего углубления культурного синтеза стало распространение фьюжн-кухонь, таких как корейско-мексиканская кухня в Лос-Анджелесе или китайско-латино-американские рестораны в Нью-Йорке. А подлинным триумфом мультикультурализма в повседневной жизни американцев можно считать победу сальсы над кетчупом в борьбе за звание соуса № 1 в США. При этом не стоит забывать, что и сам кетчуп как типичный представитель американской кухни также был подан жителям США в XIX в. немецкими иммигрантами (вспомните кетчуп Хайнц).

Рост численности иммигрантских сообществ и их активная интеграция в различные сферы жизни США при сохранении своей самобытности дают основания предполагать, что мультикультурализм американского общества в ближайшие десятилетия будет только нарастать. А это значит, что параллельно будут нарастать и страхи белой традиционной Америки, подпитывающие рост белого национализма.

Согласно результатам опросов Института Гэллапа в 2016 г. 60% американцев назвали иммиграционные проблемы центральными для современной повестки развития США. По мнению аналитиков, это связано с тем, что иммиграция затрагивает все аспекты общественной жизни американского общества одновременно – от политики до образования, от создания новых рабочих мест до национальной безопасности, от здравоохранения до национального единства.

При оценке последствий иммиграции для США сталкиваются два принципиально разных подхода: либеральный, исходящий из представления о США как открытом, мультикультурном обществе, нуждающемся в постоянной подпитке извне, и консервативный, основанный на жестком регулировании иммиграционных потоков, применении рестрикционистских мер по отношению к отдельным этническим и религиозным группам. Фактически в эпоху глобализации в новых исторических условиях американское общество вновь обращается к, казалось бы, уже решенным вопросам: иммиграция – это угроза американским институтам или возможность их дальнейшего развития и совершенствования; является ли американская нация многоцветной мозаикой культур или в ее основе лежит доминирование одной расовой и культурной общности; возможно ли существование подлинной нации наций, объединенной общими принципами, целями, взаимным уважением и при этом состоящей из очень разных культурных, религиозных, этнических и расовых сообществ.

Положение коренных американцев в современном американском обществе остается одним из аспектов этой дискуссии о мультикультурализме и о национальной идентичности в США, важной составляющей тех споров, которые напрямую связаны с историческим прошлым страны.

Коренные американцы в США в XXI веке

В настоящее время в США проживает около 5 млн индейцев, что составляет 1,6% населения страны. За последние 40 лет численность коренного населения США выросла в 3,5 раза. Такой рост объясняется существующими законами, согласно которым индейцем может считаться человек, доказавший, что один из его дедушек или одна из бабушек были коренными обитателями Америки, чье племя проживало на современной территории США. Если ранее потомки индейцев старались скрыть свое происхождение дабы ускорить процесс ассимиляции, то под влиянием движения за гражданские права и возможности получения разнообразных льгот и компенсаций все большее число американцев вспоминает о своих индейских корнях. Более того, иметь предков-индейцев становится сегодня модным. Так, о своем индейском происхождении с гордостью заявляли, например, многие известные актеры: Джонни Депп, Чак Норрис, Томми Ли Джонс, Кэмерон Диаз, а также Квентин Тарантино.

Самые многочисленные сообщества коренных американцев проживают в Калифорнии (Лос-Анджелес – город с самым большим индейским населением в США), Оклахоме и Аризоне. В настоящее время существует 565 племен, официально признанных федеральными властями. Это дает им право на собственную территорию (резервацию), формирование правительства, выработку законов (законы штатов в резервациях не действуют), введение налогов, лицензирование и регулирование практически всех видов деятельности на своей территории. В большинстве резерваций активно действуют племенные суды и правоохранительные органы. Юридически индейские резервации имеют почти те же права, что и штаты США. Кроме того, племена, доказавшие, что собственность их предков была реквизирована, получают федеральные дотации и гранты.

В резервациях проживает около трети индейского населения страны, а их площадь составляет 2% ее территории. Крупнейшей резервацией обладает народ навахо. Ее размеры сопоставимы с территорией штата Западная Виргиния, а численность племени

составляет примерно 300 тыс. человек (из них в резервации постоянно проживает 108 тыс.). Основными источниками доходов навахо являются горнодобывающая промышленность, налоги, туризм, что приносит 96 млн долл. в год. При этом среднемесячные доходы семьи превышают 3200 долл.

В 1980-е гг. федеральное правительство стало сокращать дотации индейским племенам. Стремясь компенсировать потери, некоторые из них начали проводить лотереи с большими призовыми фондами. Попытки властей штатов запретить лотереи натолкнулись на сопротивление индейских племен, главным аргументом которых было то, что азартные игры существовали у индейцев на протяжении веков. В результате племена выиграли несколько судебных процессов, и в 1987 г. по решению Верховного суда США получили право на ведение игорного бизнеса. В 1988 г. президент Рональд Рейган подписал закон о деятельности индейских казино, доходы от которых не облагались налогами, но могли расходоваться только на социальные и благотворительные цели.

По данным National Indian Gaming Commission на 2018 г., в различных штатах США работали 494 казино, принадлежавшие 242 племенам. Их общий доход составил 33,7 млрд долл. Одним из самых предприимчивых в этой сфере оказалось племя семинолов, которое создало настоящую бизнес-империю во Флориде, где владеет сетью казино и отелей. В 2019 г. завершилось строительство “Seminole Hard Rock Hotel & Casino Hollywood” стоимостью 1,5 млрд долл. Комплекс включает в себя концертный зал “Hard Rock Live” на 7000 мест и 20 новых ресторанов и ночных клубов. В казино площадью около 3 тыс. м² находится 200 игровых столов и 3100 игровых автоматов. В настоящее время в трех отелях комплекса доступно 1275 номеров. Учитывая, что численность зарегистрированных членов племени во Флориде составляет 4100 человек и оно владеет шестью маленькими резервациями, масштабы его предпринимательской деятельности поражают воображение.

Кроме того, значительные доходы индейским резервациям приносит безакцизная торговля алкоголем и табачными изделиями.

Однако это не означает, что все проблемы коренных американцев решены и их положение в обществе не отличается от положения других этнических или расовых групп. По-прежнему значительная часть индейцев (около 23%) живет за чертой бедности; лишь 16% коренных американцев получают высшее образование, несмотря на имеющиеся льготы при поступлении и бес-

платное обучение; безработица и алкоголизм среди них выше, чем в среднем по стране.

Одним из способов решения этих проблем стала программа развития образования для коренных народов страны. Практически во всех резервациях открыты школы и колледжи, которые поддерживаются государством. Активную роль в их развитии играют и сами племена. Еще в 1972 г. для всестороннего содействия деятельности индейских учебных заведений президенты первых шести племенных колледжей в стране учредили Консорциум высшего образования американских индейцев. Сегодня в его ведении находится уже 36 колледжей в США и один – в Канаде. Консорциум преследует четыре основных цели: поддерживать общепринятые стандарты качества в образовании американских индейцев; содействовать созданию новых колледжей, контролируемых племенами; способствовать развитию законодательной базы высшего образования американских индейцев; стимулировать их вовлеченность в образовательную политику.

Кроме того, разработаны федеральные программы при Бюро по делам индейцев, нацеленные на повышение уровня образования коренных американцев и применение в обучении индивидуального подхода в зависимости от племенной принадлежности, способностей и развития каждого индивида. Реализация программ позволит индейцам получить полноценное образование, необходимое для дальнейшего профессионального роста.

Другим важнейшим направлением современной индейской политики в США является сохранение культурного наследия племен, в первую очередь за счет поддержания языков коренных американцев. Ныне в США насчитывается 139 индейских языков. Однако более половины из них находятся под угрозой исчезновения. По данным на 2008 г., 72% американских индейцев не владеют никаким языком кроме английского, и лишь 21% индейцев говорят дома не только на английском языке.

К концу XX в. в США появился целый ряд лингвистических программ: специальные языковые курсы в племенах, языковые лагеря, преподавание языков в университетах и колледжах и даже преподавание в некоторых вузах отдельных предметов для аборигенного населения на родном для него языке. В 1978 г. был образован Институт развития языков американских индейцев для защиты аборигенных языков и поддержания лингвистического и культурного разнообразия. 30 октября 1990 г. Конгресс принял закон о языках коренных американцев. В нем говорилось о необходимости сохранения традиционных языков индейцев как важнейшей части их культурного наследия, без

чего невозможно понимание их истории, религии, ценностей и мировосприятия.

Наравне с обучением индейцев родному языку и включением последнего в университетские программы предпринимаются и другие шаги. Например, американская Ассоциация современных языков весной 2005 г. приняла решение о необходимости глубокого и разностороннего изучения индейских языков профессиональными лингвистами с последующим составлением словарей, грамматик и других учебных материалов, помогающих в их преподавании.

Параллельно с развитием образования индейцев в университетских программах начали появляться курсы по индейской проблематике. В 1972 г. был принят закон об изучении исторического наследия страны. Уже спустя 10 лет в высших учебных заведениях Соединенных Штатов студенты могли посещать более 250 специальных курсов по истории и культуре этнических меньшинств, в том числе и американских индейцев. В дальнейшем проблематика этих курсов углублялась и становилась более предметной, охватывая все многообразие индейской культуры, прошлое и настоящее коренных американцев в США, а также перспективы их жизни в полиэтническом обществе.

Индейское возрождение

Реальное влияние на изменение отношения к проблемам коренных американцев в США оказало так называемое Индейское возрождение, начавшееся с конца 1960-х гг. Традиционно его связывают с расцветом индейской литературы, началом которого стал роман Навара Скотта Момадея из племени кайова «Дом, из рассвета сотворенный» (1968), получивший Пулитцеровскую премию. Именно тогда индейская литературная традиция привлекла внимание общества, которое признало, что коренные жители страны могут и должны говорить сами за себя. По мнению исследователей, Индейский ренессанс содержал три основных элемента: возрождение культурного наследия посредством литературы; открытие и переоценка текстов коренных американцев; восстановление интереса к традиционному племенному художественному творчеству – мифологии, церемониалам, ритуалам и устной традиции.

Инициированный литературой процесс охватил и другие сферы, превратившись в возрождение этнической идентичности американских индейцев и племенных культур. Проявлением

этого стало возвращение к традиционным видам деятельности и образу жизни, регулярное проведение индейских праздников пау-вау, обрядов, церемоний, изучение коренных языков и своей истории. Более того, в этих обрядах и церемониях начали принимать участие не только сами индейцы, но и представители других этнических групп, стремящиеся приобщиться к культурному наследию коренных американцев. Современные пау-вау, которые могут продолжаться от одного дня до недели, представляют собой массовое действо, на котором американцы и индейцы собираются, чтобы танцевать, петь, общаться, обсуждать взаимовлияние культур. На пау-вау проходят танцевальные соревнования, зачастую с денежными призами.

Современное изобразительное искусство коренных американцев также тесно связано с Индейским возрождением. Одним из наиболее ярких его представителей является Джимми Дарем, чероки, активный участник движения в защиту прав индейцев в 1970-х гг. Его скульптуры сочетают в себе традиционные мотивы с современными тенденциями и формами. В 2019 г. он был удостоен почетного «Золотого льва» на Венецианском биеннале за вклад в искусство.

Популярность индейской культуры нашла неожиданное воплощение в фэшн-индустрии. Начиная с 1980-х гг. дома мод наперебой стали эксплуатировать индейскую тематику в своих коллекциях одежды. Это вызвало крайне противоречивые последствия. С одной стороны, усилился интерес ко всему, что было связано с культурой коренных американцев, с другой – стало причиной обвинений в ее профанации и привело к целому ряду скандалов и судебных процессов, инициированных индейскими племенами. Особенно громким был скандал, связанный с коллекцией дома Шанель в 2014 г. из-за использования этнической символики и злоупотребления уборами из перьев. В свою очередь, племя навахо подавало судебные иски против “Urban Outfitters”, популярной сети магазинов готовой одежды, в связи с серией нижнего белья с индейским орнаментом под названием «Навахо», а также фляжек для алкоголя («фляжка навахо»).

Коренные американцы внесли и продолжают вносить свой вклад в развитие различных сторон жизни американского общества. Среди них есть астронавт Джон Херрингтон, индеец-чикасо, совершивший в 2002 г. полет на корабле “Endeavour” с 13-дневной миссией на МКС. С собой Херрингтон взял флаг нации чикасо, чтобы отдать дань уважения своему народу. Уильям Мервин Миллс из племени оглала стал олимпийским чемпионом по легкой атлетике. Мария Толчиф из племени оседжей, прима-балери-

на в труппе Джорджа Баланчина, оказалась первой американкой, выступавшей на сцене Большого театра в Москве. Фред Бигей из племени навахо, ставший известным физиком, оказал реальное влияние на развитие американской атомной энергетики.

В нижнюю палату Конгресса США в результате выборов 2018 г. вошли четыре представителя различных индейских племен (сиу, чероки, пуэбло, чикасо).

В 2021 г. впервые в истории страны коренная американка Дебора Холланд заняла пост министра внутренних дел в администрации президента Джозефа Байдена. Этот список достижений можно продолжать бесконечно, они стали возможны только благодаря осознанию того простого факта, что коренные американцы являются неотъемлемой частью американской нации наций.

Важным вкладом в дело сохранения и изучения культурного наследия коренных американцев можно считать открытие в 2004 г. в центре столицы США Национального музея американских индейцев. Над его проектом и сооружением работала целая группа специалистов, представлявших различные индейские племена. Он стал первым музеем США, полностью посвященным коренным американцам.

В 2009 г. по предложению Конгресса в закон о расходах на оборону были включены официальные извинения от имени американского народа за «множество случаев насилия, плохого обращения и пренебрежения, которым подвергались коренные народы со стороны граждан Соединенных Штатов»⁸⁰.

Эти слова, как и политика государства в целом, символизировали интеграцию коренных американцев в американскую мозаику культур.

«Черная» и «белая» Америка:

наследие прошлого и вызовы мультикультурализма

В XXI в. афроамериканцы в США достигли реальных успехов в различных сферах. Они значительно расширили ряды американского среднего класса. Для них открылся доступ к позициям в частных корпорациях и к государственным должностям, о которых ранее оставалось только мечтать. Они широко представлены в общественной и религиозной жизни страны, в политике на федеральном и местном уровнях. Наконец, Бараку Обаме удалось подняться на самый верх политического Олимпа.

⁸⁰ Department of Defense Appropriations Act, 2010. January. P. 46.

Афроамериканцы стали заметными фигурами в медийном пространстве. Кто не знает, например, американскую телеведущую, продюсера и общественного деятеля Опру Уинфри, которую в 2009 г. журнал “Forbes” назвал самым влиятельным человеком в шоу-бизнесе, а в 2010 г. и 2013 г. – самой влиятельной знаменитостью в США. В кинематографе целая плеяда темнокожих актеров получила признание публики не только внутри страны, но и далеко за ее пределами. Среди них Дензел Вашингтон, Морган Фримен, Уилл Смит, Дэнни Гловер, Сэмюэл Л. Джексон, Уэсли Снайпс. Во всем мире известна актриса-афроамериканка Вупи Голдберг, обладательница «Оскара» за роль второго плана, а также «Грэмми», «Эмми» и «Тони». В свою очередь, Хэлли Бэрри завоевала «Оскара» за главную женскую роль, воплотив на экране образ Дороти Дэндридж, первой темнокожей актрисы, претендовавшей на эту награду. Список имен афроамериканцев, прославившихся в популярной музыке, вообще займет не одну страницу. Вспомним хотя бы Уитни Хьюстон, американскую поп-, соул-, ритм-энд-блюзовую певицу. По версии Американской ассоциации индустрии звукозаписи, она стала четвертой в списке самых коммерчески успешных исполнителей в США. В дополнение обратим внимание на тот факт, что к 2005 г. 65% игроков Национальной лиги американского футбола и 80% Национальной баскетбольной ассоциации были афроамериканцами.

Все вышесказанное свидетельствует о впечатляющих достижениях афроамериканцев. Однако в своей основной массе они живут хуже не только белых американцев, но и испаноязычных и азиатских иммигрантов, их социально-экономический статус все еще оставляет желать лучшего, а их гражданские права могут в отдельных случаях ущемляться. Эксперты обращают внимание на то, что иммигранты из стран Латинской Америки и Азии, и в особенности их дети, более заинтересованы в повышении своего социального и культурного статуса, чем иммигранты из Африки и даже некоторые представители афроамериканского сообщества. Однако это не отменяет того факта, что расовый вопрос по-прежнему занимает ведущие позиции в списке актуальных социальных тем в США.

Дискуссии о межрасовых отношениях возобновились с новой силой в связи с участившимися случаями гибели безоружных афроамериканцев при их задержании белыми полицейскими. Знаковым в этом смысле стал 2014 г. 9 августа 2014 г. в Фергюсоне, пригороде Сент-Луиса (штат Миссури), был застрелен 18-летний афроамериканец Майкл Браун, 17 июля того же года 43-летний

темнокожий американец Эрик Гарнер, отец шестерых детей, вступил в конфликт с нарядом полиции в Томпкинсвилле (район на северо-востоке Стейтен-Айленда в Нью-Йорке). Вследствие удушающего приема, использованного при задержании, Гарнер, страдавший бронхиальной астмой и болезнью сердца, скончался через час. 22 ноября 2014 г. в Кливленде двое белых полицейских застрелили в парке 12-летнего темнокожего подростка Тамара Райса, державшего в руках пневматический пистолет, который они приняли за боевое оружие. Во всех трех случаях полицейские, находившиеся под следствием, были уволены из полиции, но оправданы, а их действия квалифицировались как самооборона.

Эти трагические события и последовавшие оправдательные приговоры в буквальном смысле взорвали американское общество. Люди всех национальностей, но прежде всего афроамериканцы, вышли на улицы в знак осуждения действий полиции, обвиняя ее в расизме. Журналисты различных изданий подключились к расследованию. Барак Обама неоднократно обращался к американцам, высказывая соболезнования семьям погибших, призывая участников протестов сохранять спокойствие и уважать решение суда, а полицейских – не превышать своих полномочий.

В Фергюсоне, где преобладало афроамериканское население, несколько дней бушевали массовые акции протеста, а полиция использовала резиновые пули и слезоточивый газ против демонстрантов. Чтобы вернуть город к мирной жизни, пришлось объявить чрезвычайное положение и ввести Национальную гвардию. В Нью-Йорке прошли демонстрации под лозунгом «Не могу дышать» (именно эти слова выкрикивал Гарнер, когда его душил полицейский). Эти же слова произносил перед смертью 25 мая 2020 г. другой афроамериканец – Джордж Флойд, когда задержавшие его полицейские применили удушающий прием. Его трагическая гибель от рук полицейских спровоцировала массовые акции протеста против полицейского насилия в различных странах. В самих США протесты охватили все 50 штатов, выступления проходили более чем в 400 городах и во многих случаях сопровождались столкновениями и погромами. В этих случаях резонанс усилился благодаря тому, что момент задержания был заснят на видео, зафиксировав неоправданную жестокость полиции.

Активную роль в организации акций протеста сыграло движение Black Lives Matter («жизни темнокожих имеют значение»), организованное еще в 2013 г. для борьбы с проявлением расизма со стороны белых полицейских и нарушением гражданских прав афроамериканцев в сфере правосудия. Поводом стал

оправдательный приговор Джорджу Циммерману, который был общественным патрульным в криминогенном городском районе во Флориде и 26 февраля 2012 г. застрелил безоружного 17-летнего афроамериканца Трейвона Мартина. Темнокожие активисты запустили в социальных медиа хэштег #BlackLivesMatter, что и дало начало движению.

В ответ на гибель Брауна и Гарнера радикально настроенные афроамериканцы начали в знак мести убивать белых полицейских, не имевших никакого отношения к этим случаям. В итоге в социальных сетях появился хэштег #BlueLivesMatter (цвет формы полицейских), а также активизировались защитники действий сотрудников полиции.

Согласно мониторингу американских СМИ в 2014 г., случаи насилия белых полицейских в отношении безоружных афроамериканцев занимали лидирующие позиции в новостной медийной повестке. В результате началось активное обсуждение причин нарастающего расового противостояния, которое приводило к поляризации общества и усилению правого и левого радикализма.

Проведенные расследования привлекли внимание политиков и общества к проблемам, сохранявшимся в области межрасовых отношений.

Во-первых, белые полицейские преобладали даже в тех местах, где, как в Фергюсоне, жили преимущественно темнокожие американцы, что могло стать причиной ущемления гражданских прав на расовой почве.

Во-вторых, сотрудники полиции прибегали к неоправданной жестокости при задержаниях афроамериканцев, подтверждением чему был не только случай с Гарнером, но и с Фредди Греем в Балтиморе (Мэриленд) 12 апреля 2015 г. В результате полученной травмы шеи 25-летний афроамериканец впал в кому и умер, что вызвало очередную волну массовых протестов и использование сил Национальной гвардии.

В-третьих, в городах, ставших символом обострения межрасовых отношений, сохраняется расовая и этническая обособленность. Добровольная сегрегация составляет от 50 до 70% и сохраняется как характерная черта жизни многих урбанистических сообществ, будучи напрямую связана с наследством прошлой жилищной политики, согласно которой афроамериканцам запрещалось проживать в некоторых кварталах. Эти районы остаются неблагоприятными. Здесь по-прежнему сосредотачивается бедная часть городского населения. И в ней в значительном количестве представлены афроамериканцы, пополняющие свои ряды за счет

малообеспеченных эмигрантов из Африки, и латиноамериканцы, в том числе и нелегальные иммигранты.

Наконец, представленные на страницах прессы статистические материалы не только подтвердили тот факт, что от рук полицейских погибает в 2,5 раза меньше белых, чем афроамериканцев, но и продемонстрировали существование в их среде криминальной напряженности, поскольку подавляющее число убийств темнокожих американцев совершается представителями их расово-этнического сообщества.

На фоне обсуждения вопроса о нарушении полицейскими гражданских прав афроамериканцев был вынесен обвинительный приговор Майклу Слэйгеру. Он убил 50-летнего безоружного афроамериканца Уолтера Скотта 4 апреля 2015 г. в Северном Чарльстоне (Южная Каролина). Видеоролик, снятый случайным прохожим на камеру, подтвердил, что полицейский просто-напросто расстрелял убежавшего от него темнокожего мужчину, машину которого он перед этим остановил для проверки из-за разбитой фары. Слэйгера обвинили в убийстве и приговорили к двадцатилетнему тюремному заключению.

Среди тех, кто способствовал справедливому расследованию его действий, был Клемент Карлос «Клем» Пинкни – американский политик и пастор, член Сената Южной Каролины от Демократической партии США с 2000 по 2015 г. (а до этого член Палаты представителей Южной Каролины в 1997–2000 гг.). Он оказался в числе девяти человек, которые погибли через два с половиной месяца во время стрельбы в африканской методистской епископальной церкви в историческом центре Чарльстона. Эта церковь, созданная более двух веков назад, играла важную роль в борьбе за расовое равноправие и в движении Black Lives Matter.

Вечером 17 июня 2015 г. сюда зашел молодой мужчина Дилан Руф и через час открыл стрельбу со словами: «Я должен сделать это. Вы насилуете наших женщин и хотите захватить нашу страну. От вас надо избавиться»⁸¹.

Многие американские обозреватели усмотрели аналогии между расстрелом в Чарльстоне и организованным Ку-клукс-кланом взрывом бомбы в афроамериканской Баптистской церкви на 16-й улице в Бирмингеме (Алабама) в сентябре 1963 г. Тогда погибло четыре темнокожих девочки. В ходе расследования выяснилось, что Руф употреблял наркотики и выступал за возвращение расовой сегрегации. На его сайте был размещен расистский

⁸¹ Цит. по: *Florini S. Beyond Hashtags: Racial Politics and Black Digital Networks*. N.Y., 2019. P. 10.

манифест, а сам он позировал на фоне восковых фигур рабов и флага Конфедерации. Руф получил пожизненный срок без права на досрочное освобождение.

Трагические события в Чарльстоне свидетельствовали о всплеске расизма в среде белых американцев и привели к кампании против использования флага и символики Конфедерации в публичном пространстве. В поддержку этого решения выступил демократический президент Барак Обама, а также его политические оппоненты от Республиканской партии Митт Ромни и Джеб Буш. Онлайн-петиция MoveOn.org собрала более 270 тыс. подписей. В итоге Сенат Южной Каролины после 13-часовых дебатов принял решение снять флаг Конфедерации со здания законодательного собрания штата. Он был перенесен в музей.

В июне 2015 г. известные ритейлеры “Wal-Mart”, “Amazon.com”, “Sears Holding Corporation” и “eBay” заявили о том, что они прекращают продажу товаров с изображением флага Конфедерации. Их примеру последовали другие компании. Параллельно во многих городах развернулось движение за переименование школ, колледжей и улиц, в названиях которых значились имена лидеров Конфедерации.

Социологический опрос, проведенный в 2015 г., свидетельствовал о том, что 57% американцев воспринимают флаг Конфедерации как символ гордости южан (вспомните «миф о проигранном деле» и представление о Гражданской войне как о войне между белыми американцами). Причем на Юге так считали 75% белых, в то время как для 75% темнокожих флаг Конфедерации оставался символом расизма. И на их стороне также была память о Гражданской войне, но как о войне за отмену рабства, каковой она стала по своим итогам.

Так нарастание расовой напряженности в США способствовало началу боев за историю в американском обществе, а настоящее переосмысливало прошлое с учетом вызовов современности. Движение за демонтаж памятников героям Конфедерации, которые украшали площади, парки и скверы по всему Югу, напомнило американцам об их историческом прошлом. Оно никуда не исчезло из коллективной памяти, так же как никуда не исчез разный взгляд на это прошлое в зависимости от расовой принадлежности. В спор о символическом значении памятников конфедератам включились политические и общественные деятели, журналисты и профессиональные историки, а также простые американцы из различных штатов, отправлявшие свои мнения на сайты ведущих СМИ.

Этот спор разгорелся с новой силой после избрания Дональда Трампа в 2016 г. президентом США на фоне активизации

националистических настроений в обществе и разрушения табу политкорректности, чему в немалой степени способствовала предвыборная кампания самого Трампа. За него проголосовали белые жители американской глубинки, консервативное белое население штатов, граничащих с Мексикой, рабочие ржавого пояса (территории на Среднем Западе и восточном побережье США: часть штата Нью-Йорк, районы в штатах Пенсильвания, Огайо, Индиана, Мичиган и Иллинойс до западного берега озера Мичиган), где в 1970-е гг. происходило бурное развитие промышленности, а в постиндустриальную эру наступил упадок. Социально-экономический статус данных слоев населения не улучшился в президентство Обамы. Расизм и антииммиграционные настроения получили распространение в этой среде, поскольку предлагали простые и привычные ответы на сложные вопросы. Однако это не значит, что все белые избиратели, голосовавшие за Трампа, были расистами. В конце концов, 10% из них в свое время отдали свои голоса Бараку Обаме. Это означает, что в условиях кризиса и ухудшения социально-экономических условий людям свойственно обращаться к привычным образам внутренних «чужих», чему способствовали популистские лозунги кандидата в президенты.

Общественно-политическая дискуссия о символах Конфедерации (будь то флаг или монументы) перешла на новую стадию после событий в Шарлотсвилле в Виргинии, где 11–12 августа 2017 г. прошла акция «Объединенных правых» против сноса памятника знаменитому полководцу южан Роберту Ли. В ней приняли участие белые националисты и супрематисты, неоконфедераты, неонацисты, альтернативные правые. Они выкрикивали расистские и антисемитские лозунги: «Кровь и почва», «Они нас не заменят», «Жизнь белых имеет значение», несли флаги Конфедерации, свастику и исламофобские плакаты. В ответ выступили левые различных взглядов, антифашисты, представители межконфессиональных организаций, а также жители города, возмущенные столь явным проявлением расизма. Представитель ультраправой организации «Авангард Америка» Джеймс Филдс врвался в толпу на машине, в результате чего погибла Хизер Д. Хейер и были ранены 19 человек.

В Шарлотсвилле крайне правые использовали символику Конфедерации для выражения идеи превосходства белой Америки. Многие из них не были южанами по своим корням. Они выплеснули злость и раздражение против иммигрантов, мусульман, афроамериканцев, против всех тех, кто, по их мнению, бросал вызов господству белых, которые почувствовали себя в меньшинстве в мультикультурном обществе с его правилами политкорректности.

Заключение

Означает ли сохранение расизма и всплеск антииммиграционных настроений, что США как проект нации наций и мозаики культур потерпел крах. Вовсе нет. Это свидетельствует о том, что новый американизм, о котором мечтал Фредерик Дуглас в конце XIX в., все еще до конца не стал реальностью, что проблема межрасовых отношений пока остается в повестке дня американского общества, что оно переживает кризис идентичности, обусловленный социально-экономическими и демографическими причинами, новым натиском иммиграции и последствиями политики мультикультурализма. Из этого кризиса американцам предстоит найти выход, используя существующие политико-правовые механизмы и совершенствуя их. Это уже не раз случалось в прошлом. Произойдет и в не столь отдаленном будущем.

В 2018 г. всей стране стало известно имя Стейси Абрамс, политика, адвоката, члена Палаты представителей штата Джорджия. Она была номинирована демократами на должность губернатора данного штата, став первой в истории женщиной-афроамериканкой, претендовавшей на этот пост. Выборы она проиграла, но в феврале 2019 г. удостоилась особой чести выступить с ответной речью демократов на обращение президента Дональда Трампа к Конгрессу США. Тоже впервые в истории.

Стейси Абрамс произнесла тогда знаковые слова:

Наша мощь и сила как американцев заключается в нашей готовности работать и нашей вере в лучшее. Моя семья на собственном примере убедилась в том, что, хотя успех не гарантирован, мы живем в стране, где у людей есть возможности. Но мы не можем преуспеть в одиночку. Сегодня, когда США переживают тяжелые времена, мы можем добиваться своего, потому что наши друзья и соседи приходят к нам на помощь. Всегда найдутся те, кто придет на помощь. Именно эта мантра, это необычайное милосердие сообщества подтолкнули меня к тому, чтобы стать юристом, владелицей небольшого бизнеса, писательницей, а недавно и кандидатом в губернаторы Джорджии от Демократической партии. Причины, по которым я решила принять участие в выборах, просты. Я люблю мою страну и ее обещание предоставить возможность любому человеку. И я стою сегодня здесь, потому что я продолжаю следовать кредо моего отца. Вместе мы отстоим Америку. Мы сделаем ее лучше⁸².

⁸² New York Times. 2019. February 5.

Состав Конгресса США по итогам промежуточных выборов 2018 г. стал наглядным свидетельством достижений американцев в национальной и гендерной политике. 22% членов обеих палат Конгресса представляли расовые и этнические меньшинства, 116 законодателей не принадлежали к белому большинству, будучи темнокожими, испаноговорящими, выходцами с азиатско-тихоокеанских островов, коренными американцами. В Палате представителей Конгресса США численность афроамериканцев и коренных американцев в процентном соотношении совпала с их долей в общем составе населения страны – соответственно 12% и 1%, в то время как представительство американцев азиатского происхождения и испаноязычных было в два раза ниже. Впервые в Палату представителей попали женщины-мусульманки – Рашида Тлаиб от Мичигана и Ильхан Омар от Миннесоты, а также две коренные американки – Дебра Хааланд от Нью-Мексико и Шарис Дэвидс от Канзаса. В штате Нью-Йорк победила 29-летняя латиноамериканка Александрия Окасио-Кортес. По итогам выборов 2018 г. в нижней палате Конгресса США женщины составляли четверть. В целом в 116-м Конгрессе 90% членов, представлявших расовые и этнические меньшинства, были демократами, а 10% – республиканцами. Так возник самый плюралистический в истории США Конгресс, что вселяло надежду на дальнейшую реализацию политики этнического плюрализма. Ее продолжением и подтверждением является и политическая карьера Камалы Деви Харрис, чье происхождение олицетворяет торжество мультикультурализма в американском обществе. Родившаяся в семье иммигрантов из Индии и Ямайки, она стала первой женщиной, избранной в 2020 г. на должность вице-президента США, а также первым чернокожим политиком и политиком азиатского происхождения на этом посту.

В XXI в. власти на всех уровнях, пресса и система правосудия, а также сами американцы, использующие свои гражданские права и свободы, продолжают неустанно работать для того, чтобы воплотить в жизнь основополагающие принципы, провозглашенные в Декларации независимости в 1776 г.

В своей второй инаугурационной речи 21 января 2013 г. Барак Обама сказал об этом так:

Мы помним о том, что нашу нацию делает единой ни цвет нашей кожи, ни наше вероисповедание, ни происхождение наших имен. То, что делает нас особенными, делает нас Америкой, это наша преданность идее, которая была выражена в Декларации, принятой более 200 лет назад:

«Для нас является самоочевидной истина, что все люди сотворены равными и наделены Творцом определенными неотчуждаемым правами, среди которых право на жизнь, свободу и стремление к счастью». Сегодня мы продолжаем непрекращающийся путь, пытаясь соотнести смысл этих слов с современными реалиями развития, поскольку история свидетельствует о том, что, хотя эти истины и являются самоочевидными, они никогда не были самовыполняемыми... Мы всегда понимали, что когда меняются времена, и мы должны меняться, что преданность нашим основополагающим принципам требует новых ответов на новые вызовы, что защита наших индивидуальных свобод в конечном итоге требует совместных действий... Мы должны действовать, понимая, что наша работа не идеальна. Мы должны действовать, осознавая, что наши сегодняшние победы не окончательны, но наши потомки, те, кто будет жить здесь через 40 лет, через 400 лет, продолжат воплощать в жизнь непреходящее по своему значению филладельфийское наследие⁸³.

Так первый в истории США темнокожий президент говорил о непрекращающемся американском эксперименте по воплощению в жизнь принципа равенства, будь то равенство мужчин и женщин, бедных и богатых, людей разных национальностей и разных рас, различной гендерной и религиозной идентичности, тех, кто родился в стране, и тех, кто приехал сюда в поисках счастья. Без этого девиз «Из многих единое» останется простым лозунгом, без этого невозможно существование Соединенных Штатов как подлинной нации наций и мозаики культур.

Для дальнейшего изучения

American Immigration. An Encyclopedia of Political, Social, and Cultural Changes. Vol. 1–4. Ed. by Ciment J., Radzilowski J. N.Y., 2015.

Black American Biographies. The Journey of Achievement / Ed. by J. Wal-lenfeldt. N.Y., 2011.

Encyclopedia of African American Popular Culture. In 4 vols. / Ed. by J.C. Smith. Greenwood, 2011.

⁸³ Public Papers of the Presidents of the United States: Barack Obama. 2013 (In Two Books). Book 1. Washington, 2018. P. 45–47.

Iverson P., Davies W. We Are Still Here. American Indians since 1890. Wiley Blackwell, 2015.

Johansen B. Encyclopedia of the American Indian Movement. ABC-CLIO, 2013.

Электронные ресурсы

Видеоролик к данной лекции см.: <https://edu.amc.ru/courses>

Пау-вау – фестиваль коренных американцев в Вирджинии [Электронный ресурс]. URL: <https://www.golos-ameriki.ru/a/pow-wow-native-americans/3918192.html> (дата обращения 18.02.2021).

America's Biggest Issues: Immigration [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=tZHuzUQ0atA> (дата обращения 18.02.2021).

Between Borders: American Migrant Crisis | Times Documentaries | The New York Times [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=rxF0t-SMEXA> (дата обращения 18.02.2021).

Black Lives Matter [Электронный ресурс]. URL: <https://blacklivesmatter.com/> (дата обращения 18.02.2021).

The Dancing Rabbit Gallery | American Indian Art [Электронный ресурс]. URL: https://www.thedancingrabbitgallery.com/?gclid=CjwKCAjwq4fsBRBnEiwANTahcBZ59OofL1mgf_T6rq84-_iCZg64wI6vpsFf36firGBH7f8NW88CRoC5LkQAvD_BwE (дата обращения 18.02.2021).

Grand Entry – 2019 Gathering of Nations Pow Wow [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=mGAThB2D2T0> (дата обращения 18.02.2021).

The Heat: U.S. Immigration Crisis [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=IfcMnNzsLGI> (дата обращения 18.02.2021).

Inside life on the Lakota Sioux reservation | Hidden America: Children of the Plains [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=IJarHc7B8Xs> (дата обращения 18.02.2021).

The Modern American – America's Immigration History. Part 6 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=fxl8qb0klyY> (дата обращения 18.02.2021).

Pow-wow dancing styles and meanings [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=MONGmqIpaW8> (дата обращения 18.02.2021).

Remarks by President Trump on Modernizing Our Immigration System for a Stronger America [Электронный ресурс]. URL: <https://>

www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-modernizing-immigration-system-stronger-america/ (дата обращения 18.02.2021).

Songs of Black Lives Matter: 22 New Protest Anthems [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rollingstone.com/music/music-lists/songs-of-black-lives-matter-22-new-protest-anthems-15256/beyonce-feat-kendrick-lamar-freedom-33813/> (дата обращения 18.02.2021).

Talks to help you understand racism in America [Электронный ресурс]. URL: https://www.ted.com/playlists/250/talks_to_help_you_understand_r (дата обращения 18.02.2021).

Курс 2

Человек–общество–власть в США

И.А. Цветков

Н.А. Цветкова

В курсе лекций идет речь о том, как сформировалась политическая культура США, почему в Америке сложилась уникальная система сдержек и противовесов, а конгресс или президент не могут получить больше полномочий, чем имеют, как работает гражданское общество, и происходят выборы. Авторы стремятся продемонстрировать уникальные черты взаимодействия между гражданами и политической властью, религией и средствами массовой информации.

Темы, посвященные Американской революции и Биллю о правах, высвечивают своеобразие политической системы США, акцентируя внимание на том, как происходило становление американской демократии в ходе борьбы за гражданские права. Разговор об исполнительной, законодательной и судебной власти выстраивается с учетом их влияния на жизнь простых американцев, выбирающих кандидатов на правительственные посты и взаимодействующих с институтами власти.

Роль СМИ как основного механизма для донесения позиций различных групп интересов и простых граждан, а также место религии в жизни американцев станут темами в завершающих лекциях.

Тематический план курса

1. Наследие Американской революции, или Что завещали отцы-основатели американцам	225
2. Билль о правах: десять поправок, которые защищают американцев	239
3. Как американцы боролись за расширение гражданских прав?	256
4. Зачем нужны политические партии?	272
5. Выборы в США как социокультурный феномен	287
6. Президент и первая леди в США	304
7. Гражданское общество в действии: от низовых групп интересов до Конгресса	320
8. Как функционирует правовое государство в США	337
9. СМИ как четвертая власть	353
10. Религия в жизни американцев	369

Тема 1. Наследие Американской революции, или Что завещали отцы-основатели американцам

Многие современные государства на том или ином этапе своего исторического развития пережили революции: народные восстания, приведшие к смене власти и глубокой трансформации общественных институтов. Революции развивались по-разному в зависимости от местных условий (хотя общая последовательность стадий революционного процесса часто совпадала) и оказали огромное влияние на дальнейшее развитие Англии, Франции, России, Китая и других стран. В большинстве случаев революционные события шли по жестокому сценарию, сопровождались большим количеством жертв, ломали судьбы людей и оставляли глубокие шрамы в национальной исторической памяти.

Одной из наиболее успешных и благоприятно повлиявших на последующее развитие страны оказалась Американская революция. Она началась в 1775 г. как восстание британских колоний в Северной Америке против метрополии и завершилась в конце 1780-х гг. принятием конституции и образованием органов власти нового независимого государства – Соединенных Штатов Америки.

Чем уникальна Американская революция?

Американская революция не просто победила (победой восставших заканчивались и многие другие революции) – она привела к созданию устойчивых политических институтов, базирующихся на совершенно новой системе либеральных и демократических ценностей. Эти институты и ценности сохраняются в США и сегодня, через два с половиной столетия после принятия Декларации независимости – основополагающего документа, в котором американские патриоты в 1776 г. сформулировали свои претензии к метрополии и обосновали отказ подчинения

правительству, нарушившему их естественные права. 4 июля – день принятия этой Декларации – до сих пор основной и искренне любимый многими американцами национальный праздник. Преамбула этого документа содержит фразу:

Все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью¹.

Это короткое предложение, написанное Томасом Джефферсоном, можно считать одним из самых емких и жизнеутверждающих политических манифестов в истории.

Если же мы посмотрим, какое место революции занимают в исторической памяти других народов, то в большинстве случаев увидим совершенно иную картину. В тех странах, где революций было несколько, память о них сохраняется чаще всего в формате «дней поминовения жертв» или «дней национального единства» – с акцентом на идею о недопустимости повторения подобных трагических событий. Иногда последняя по времени революция абсолютно заслоняет в памяти предшествующую. А бывает, что даже последняя по времени революция не воспринимается как однозначное благо.

Американская революция за 250 лет не была отеснена в США на задний план каким-то новым историческим катаклизмом, и особенных трагических эмоций у современных американцев она тоже не вызывает (из более поздних внутренних потрясений можно вспомнить разве что Гражданскую войну 1861–1865 гг., которую иногда называют «второй американской революцией», но она не привела к изменению основ государственного строя Соединенных Штатов).

Война за независимость с Великобританией, продолжавшаяся с 1775 по 1783 г., стоила жизни 25 тысячам американцев, что составило около 1% населения британских колоний. Для сравнения, Гражданская война унесла 650 тыс. жизней (2,1% населения), во Второй мировой войне погибли 400 тыс. американцев (0,39% населения). Помимо прочего, устранению элемента трагизма из памяти об Американской революции способствует и ее значительная отдаленность во времени. Конечно же, для со-

¹ Декларация независимости США [Электронный ресурс]. URL: <https://ushistory.ru/istochniki/teksty-k-seminaram/779-declaration-of-independence-na-anglijskom-i-na-russkom-jazykah> (дата обращения 20.02.2021).

временных жителей США потери в войнах во Вьетнаме (58 тыс. человек), Афганистане (2216 чел.) и Ираке (4497 чел.) дают гораздо больше оснований для негативных эмоций, чем кровь, пролитая в сражениях солдатами Континентальной армии во главе с Дж. Вашингтоном.

Американская революция, в отличие от многих подобных событий в других странах, не превратилась в мрачный и трагический эпизод национальной истории еще и потому, что ее развитие не сопровождалось ожесточенной и кровавой борьбой между разными фракциями революционеров. Американская революция не «пожирала собственных детей», как французская и русская революции: сторонники радикальных взглядов из числа отцов-основателей американского государства, такие как Томас Джефферсон, после получения высших постов не начинали преследовать и физически истреблять своих политических оппонентов.

Почему память об Американской революции жива и по сей день?

Конечно, одной устойчивости возникших в XVIII в. политических институтов и политической умеренности лидеров Американской революции было бы недостаточно для такого длительного сохранения ее в памяти американцев в качестве ключевого события национальной истории. На образ Американской революции в глазах последующих поколений ключевое влияние оказала поразительная эффективность созданной отцами-основателями модели государственного устройства. Хотя развитие Соединенных Штатов и не было свободно от кризисов, по сравнению с другими странами Америка часто выглядела настоящим бастионом политической стабильности, и властям удавалось на протяжении большей части истории обеспечивать устойчивый рост благосостояния населения. Уровень доходов жителей США стал предметом зависти для остального мира уже к началу второй половины XIX в. и остается таковым в наши дни. Неудивительно, что Американская революция, запустившая 250 лет назад этот чрезвычайно успешный национальный экономический проект, продолжает и сегодня привлекать к себе такое пристальное внимание.

Помимо поддержания материального благополучия своих граждан, Соединенные Штаты Америки сумели добиться за время существования поразительных успехов на международной арене. Из тринадцати британских колоний выросла могущественная сверхдержава, превзошедшая по многим параметрам нацио-

нальной мощи собственную прародительницу Великобританию. А все началось именно в годы Американской революции, когда первому поколению американских дипломатов, несмотря на полное отсутствие опыта, удалось убедить европейские государства в серьезности своих намерений и создать международную коалицию. Эта коалиция и стала в итоге решающим фактором победы США в Войне за независимость.

Эффективность Американской революции проявилась и в долгосрочном позитивном влиянии предпринятых тогда социальных реформ. Хотя приобретение независимости и создание новых политических институтов может показаться самым важным достижением американских патриотов, не меньшее, а может быть и большее значение имели такие решения революционной эпохи, как начало освобождения рабов, разделение церкви и государства, окончательная ликвидация феодальных пережитков в землевладении и т. п. Конечно, далеко не все удалось сделать непосредственно в революционные годы, но порожденная революцией идеология освобождения, избавления от пережитков прошлого, до сих пор сохраняет свою актуальность, причем не только для американцев, но и для жителей других стран.

Успех Американской революции сразу же стал служить вдохновляющим примером для борцов за свободу во всем мире. Без Американской революции, скорее всего, не было бы Великой Французской революции, не было бы восстаний в испанских колониях в Южной и Центральной Америке, да и все другие революционные движения вплоть до наших дней развивались бы совсем иначе. Американская Декларация независимости 1776 г. до сих пор сохраняет свою актуальность и служит чем-то вроде политического евангелия для сторонников идей национального самоопределения.

Что предопределило успех Американской революции?

Многообразное, и по большей части позитивное, влияние Американской революции на развитие США и остального мира заставляет историков задаваться вопросом: а почему же именно эта революция оказалась такой успешной, что помешало многим другим революциям сыграть по-настоящему позитивную роль в истории своих стран? Может быть, дело вовсе не в революции как таковой, а просто в серии благоприятных обстоятельств, которые позволили Соединенным Штатам довольно быстро по историче-

ским меркам превратиться в лидера мировой экономики, а затем приобрести и огромное международное политическое влияние? Изобилие ресурсов, энергичное население, изолированность от бесконечных конфликтов между государствами Старого Света благодаря выгодному географическому расположению – возможно, успехи США лучше объясняются именно этими факторами, а не гениальностью отцов-основателей и героизмом рядовых участников революционных событий.

Такой подход к объяснению выдающихся достижений США как нации в целом выглядит вполне убедительным. Действительно, отцы-основатели американского государства не были полубогами, обладающими сверхъестественными способностями или сокровенным знанием об идеальном политическом устройстве. Более того, в области политической теории они скорее следовали за своими выдающимися европейскими современниками, а не изобретали что-то новое. И в роли полководцев американские генералы, начиная с Джорджа Вашингтона, не могли продемонстрировать каких-то уникальных способностей, отсутствующих у их европейских коллег. В решающих сражениях Войны за независимость ключевую роль сыграла организационная и материальная поддержка со стороны Франции, Испании и других европейских союзников США, которые пытались таким образом насолить своему давнему врагу, Великобритании.

Американская конституция 1787 г., которая наряду с Декларацией независимости в настоящее время превратилась практически в сакральный текст и считается одним из величайших политических документов всех времен и народов – конечно же, составляет предмет особой гордости американцев. Эта конституция была порождена логикой развития революционных событий, стала кульминацией усилий американских патриотов в деле утверждения национальной независимости. Сейчас американская конституция имеет статус самого старого основополагающего закона в мире, в который за все время существования было внесено всего 27 поправок.

Тем не менее выясняется, что и этот продукт Американской революции не может быть рассмотрен сам по себе, без привязки к дальнейшей истории США. Если бы американская конституция была абсолютно безупречным и универсальным документом, содержала рецепт решения политических проблем всех стран и народов – ее, конечно же, ожидала бы еще более славная судьба. Однако развитие событий показало, что во многих государствах, которые попытались просто скопировать американскую конституцию и воспроизвести у себя тот же набор политических инсти-

тутов, что и в США, действующих на тех же принципах и по тем же правилам – не получилось ничего хорошего. Оказалось, что Американская конституция – это просто текст, это просто набор правил политической игры, которые помогли США превратиться в могущественное процветающее государство, но вряд способны обеспечить тот же результат в иных исторических условиях и в других странах.

И все же, несмотря на все сомнения в универсальной значимости американского революционного опыта для других стран, необходимо признать, что события 1770–1780-х гг. в США действительно дали миру очень многое. Американский опыт вряд ли можно использовать напрямую, как набор готовых рецептов благополучия и успеха. Его значимость в том, что он показал возможность практического воплощения разнообразных идей, которые до Американской революции существовали только лишь в воображении политических мыслителей. Похожий набор идей привел к совершенно иным, менее вдохновляющим результатам в ходе Великой Французской революции, а во многом противоречащий американским ценностям марксизм оказался и вовсе настоящей дорогой в ад для многих революционеров XX в. Отцы-основатели США не только показали, что революция может быть успешной в решении основного «вопроса о власти», но и сумели избежать множества ловушек, в которые попали лидеры других стран в процессе революционных преобразований.

Одним из наиболее важных и удачных политических решений, принятых в революционную эпоху, оказалось решение Дж. Вашингтона отказаться от каких-либо политических постов сразу после победы возглавляемой им Континентальной армии над англичанами в 1783 г. В декабре этого года Вашингтон обратился к вверившим ему командование конгрессменам:

Закончив порученную мне работу, я оставляю это великое поприще. С глубоким волнением, я прощаюсь с благородным собранием, приказы которого я так долго выполнял, складываю свои полномочия, ухожу на покой и освобождаю себя от всех обязательств общественной жизни².

Возможно, именно в момент произнесения этих слов течение Американской революции пошло по особому руслу, отличному от революций в других странах: ее вождь не захотел занимать

² Washington's Address to Congress Resigning his Commission. 23 December 1783 [Электронный ресурс]. URL: <https://founders.archives.gov/documents/Jefferson/01-06-02-0319-0004> (дата обращения 20.02.2021).

место свергнутого тирана и тем самым уберег едва родившуюся республиканскую традицию от неминуемой гибели под пятой авторитаризма. Когда через пять лет Вашингтон все же согласился баллотироваться в президенты, в стране уже существовала конституция с прописанной в ней системой сдержек и противовесов, которая должна была предотвратить появление в США любой формы единоличной власти. Но и эта система существовала до поры до времени лишь на бумаге, и при желании эти конституционные ограничения очень легко было обойти. И тут Вашингтон в очередной раз подтвердил отсутствие у него каких-либо монархических намерений, отказавшись в 1796 г. баллотироваться на третий президентский срок (хотя тогда никаких формальных препятствий для этого в виде конституционного запрета не существовало).

Важно, что и преемник Вашингтона на президентском посту, Джон Адамс, не стал в 1800–1801 гг. цепляться за кресло и использовать имеющиеся ресурсы для предотвращения перехода власти в руки своего политического оппонента, представителя партии демократических республиканцев Томаса Джефферсона, победившего на выборах. Сам Томас Джефферсон также демонстративно отказался от преследований лидеров проигравшей партии федералистов, тем самым утвердив важнейший и принципиальный для дальнейшего успешного развития страны принцип сменяемости власти. В своей инаугурационной речи он заявил:

Любые разногласия в мнениях не означают разногласий в принципах. Все мы республиканцы, все мы федералисты (Every difference of opinion is not a difference of principle. We are all Republicans, we are all Federalists)³.

Роль республиканской идеологии

Трудно сказать, что именно подвигло отцов-основателей США действовать вопреки мощному властному инстинкту, который почти неизменно заставлял лидеров других революций идти по пути уничтожения конкурентов и установления абсолютного единовластия. Возможно, мы имеем дело со счастливым стечением обстоятельств, и первые президенты США просто случайно

³ Thomas Jefferson's First Inaugural Address. 1801 [Электронный ресурс]. URL: <https://firstamendmentwatch.org/thomas-jeffersons-first-inaugural-address/> (дата обращения 20.02.2021).

оказались приличными людьми. Тем более если посмотреть на более широкий круг лидеров Американской революции, в нем можно обнаружить и тех, кто был совсем не прочь примерить на себя мантию пожизненного президента или даже императора. К примеру, первый министр финансов США Александр Гамильтон, пользующийся, кстати, особым покровительством Дж. Вашингтона, строил в конце 1790-х гг. планы создания Американской империи за счет присоединения к США территорий французских и испанских колоний – естественно, с собою в качестве военного и политического лидера.

Но все-таки, скорее всего, ответственное поведение Вашингтона, Адамса, Джефферсона и других лидеров США определялось не столько особенностями их характера, сколько крайне популярной в революционную эпоху республиканской идеологией. Только стройная, рациональная и обладающая силой религиозной веры система идей могла заставить отцов-основателей США действовать вопреки человеческой природе, подчиняться правилам, многие из которых даже не были зафиксированы на бумаге.

Кстати говоря, сами американские отцы-основатели как раз исходили из предположения о неисправимой порочности человеческой природы. Они считали стремление к власти одним из базовых инстинктов, побороть который не сможет никакая, даже самая совершенная система моральных норм. Единственный способ нейтрализации этого инстинкта виделся им в противопоставлении нескольких конкурирующих ветвей власти. Каждая из них будет стремиться подавить другую, что в итоге приведет к ситуации стабильного равновесия.

Однако представители первого поколения руководителей американского государства все же считали себя людьми особой породы. Созданная ими система сдержек и противовесов, три ветви власти – исполнительная, законодательная и судебная – еще не начали работать так, как работают сегодня. Реальный политический баланс устанавливался не из-за конкуренции институтов, а благодаря способности отцов-основателей преодолеть этот самый пресловутый «властный инстинкт» и прийти к разумным компромиссам ради блага Республики. То, что лидеры революций в других странах часто превращались в тиранов и автократов – также не было следствием лишь неудачного подбора «человеческого материала». Это происходило потому, что в этих странах, в отличие от США, не существовало такой мощной и признаваемой всеми политической идеологии «общего блага», каким был американский республиканизм конца XVIII в.

Вопрос о том, почему именно в Америке революционной эпохи республиканская идеология достигла такого расцвета, невиданного со времен Древнего Рима, не имеет однозначного ответа. Тут действовало множество факторов: воспитание нескольких поколений колониальной элиты в неоклассических традициях (в домашних библиотеках южных плантаторов были собраны отличные коллекции древнегреческих и древнеримских авторов), отдаленность Северной Америки от центра метрополии (это воспитывало дух независимости задолго до ее формального обретения), отсутствие жесткого сословного деления в обществе (что способствовало единению американцев перед лицом общих угроз), общий идейный климат эпохи Просвещения XVIII в. и т. д. Так или иначе, но нигде и никогда во время европейских революций нация не была так консолидирована, как в США после 1776 г. Американская республика революционной эпохи была действительно республикой всех жителей страны (за исключением чернокожих рабов и коренных американцев), а не отдельных социальных классов, как это обычно случалось в Европе. Идея независимости предсказуемо оказалась гораздо более универсальной и объединяющей, чем идея классовой борьбы.

Все это позволило Американской революции стать уникальным в своем роде событием, в котором сплелись глубочайший идеализм и самоотрешенность его участников, с их же исключительно трезвым и рациональным прагматизмом. Отцы-основатели не обладали политической гениальностью, но оказались во власти мощной идеологической волны, которая как бы приподняла их над землей, изменила их природу и заставила сделать то, на что обычный человек в обычных обстоятельствах вряд ли способен. Важно и то, что этот удивительный опыт не исчез во мраке истории, как многие другие подобные эпизоды. Успех США как государства поддерживает наш интерес к Американской революции, а ее изучение снова и снова напоминает нам, что человеческая природа не так уж безнадежно порочна.

Современные споры о значении Американской революции

В последние годы получила довольно широкое распространение теория о том, что Американская революция не была таким уж важным и прогрессивным событием. Многие исследователи обращают внимание, что результатом восстания в британских колониях и создания США, помимо прочего, стало резкое усиление

давления на коренных американцев и значительное укрепление института рабовладения. Либертарианец Брайан Каплан (Bryan Caplan) задается вопросом:

Может кто-нибудь сказать мне, почему за независимость США стоило сражаться? Когда задаешься вопросом, какие конкретные политические изменения, связанные с расширением свобод, произошли в результате революции – найти достойный ответ очень трудно (Can anyone tell me why American independence was worth fighting for? When you ask about specific libertarian policy changes that came about because of the Revolution, it's hard to get a decent answer)⁴.

На первый взгляд, это действительно так. Когда после победы Великобритании в Семилетней войне Франция утратила свои колониальные владения в Северной Америке, на ранее почти пустовавшие и контролируемые лишь местными племенами земли Среднего Запада хлынул поток переселенцев из британских колоний. Отношения колонистов и коренных американцев резко обострились. Британскому парламенту пришлось в 1763 г. наложить запрет на переселение за Аппалачские горы – чтобы не провоцировать конфликт. Дело в том, что лондонским властям совсем не хотелось тратить средства, которых после войны катастрофически не хватало, на поддержание безопасности на огромных, ранее принадлежащих Франции, территориях. Таким образом, не от большой любви к коренным американцам, но из корыстного интереса британские власти объективно действовали в интересах местных племен и пытались обуздать экспансионистские замыслы колонистов.

Считается, что эта крайне непопулярная в колониях мера стала одним из первых поводов для возмущения американцев политикой Лондона, что впоследствии привело к революции и войне за независимость. После создания США ни о каком запрете на переселение за Аппалачские горы, естественно, не могло идти и речи, и в течение 50 лет практически все земли коренных американцев на Среднем Западе оказались захваченными, а сами они отправлены в резервации по «тропе слез».

Проблема рабовладения также не нашла прямого разрешения в результате революции. Несмотря на попытки отдельных его

⁴ Caplan B. Independence Day: Any Reason to Celebrate? [Электронный ресурс]. URL: https://www.econlib.org/archives/2007/07/independence_da.html (дата обращения 20.02.2021).

противников внести положения о запрете рабства в конституцию и другие основополагающие документы, вопрос был оставлен на суд следующих поколений. Многие отцы-основатели сами были рабовладельцами, и никому не хотелось вносить раскол в ряды новой правящей элиты, продавливая то или иное решение. Многие участники революционных событий рассчитывали, что рабовладение скоро отомрет само собой из-за своей экономической неэффективности.

Однако вскоре была изобретена хлопкоочистительная машина, весь юг США покрыли хлопковые плантации, и рабовладение получило «второе дыхание». Британский парламент официально запретил рабовладение в английских колониях в 1833 г., а в США в это время политики боялись даже поднимать данный вопрос в ходе официальных заседаний. В 1836 г. конгрессмены проголосовали за специальную резолюцию (gag resolution), налагающую запрет на обсуждение рабовладения. И только в 1865 г., после кровопролитной Гражданской войны, запрет рабства наконец-то стал частью конституции США в виде 13-й поправки.

Получается, что при всей своей нацеленности на «общее благо» Американская революция лишь замедлила наделение естественными правами значительной части жителей Северной Америки. И если бы колонии остались частью Британской империи, блага свободы распространились на этих землях гораздо быстрее и без огромного числа ненужных жертв. Сторонники этой теории часто приводят в качестве наглядного примера Канаду, которая сегодня ни в чем не отстает от США в плане гражданских свобод, а по отдельным параметрам даже их превосходит. А ведь Канада в 1776 г. не объявляла о своей независимости, а осталась в составе Британской империи!

Несмотря на довольно убедительные доводы в пользу версии о противоречивых последствиях Американской революции, их можно парировать не менее основательными аргументами. Предположение, что коренным американцам жилось бы спокойнее под властью британского короля и парламента, не выдерживает критики, так как опирается всего лишь на один факт: на решение 1763 г. о запрете переселения на индейские территории Среднего Запада. Вместе с тем известно множество других решений английских властей, ущемляющих права и коренных американцев, и ирландцев, и жителей Индии, и других британских колоний. Если британское правительство когда-то и выступало в защиту тех или иных коренных народов, то лишь из соображений собственной выгоды. Нет никаких оснований полагать, что после преодоления финансового кризиса середины 1760-х гг.

британский парламент продолжил бы искусственно удерживать североамериканских колонистов от экспансии на Запад, особенно если на этой экспансии можно было неплохо заработать. Таким образом, судьба коренных американцев выглядела незавидной в любом случае, независимо от исхода Американской революции.

Похожая ситуация складывается и с рабовладением. Известно, что решение английского парламента 1833 г. об освобождении рабов было принято после длительных и довольно горячих споров с рабовладельцами принадлежащих Великобритании островов Вест-Индии, чей бизнес был поставлен этим решением на грань полного коллапса. А теперь представим, что переговоры пришлось бы вести не с несколькими десятками, а с несколькими тысячами представителей британской колониальной рабовладельческой элиты – в случае если бы хлопковые плантации юга США все еще были частью Британской империи. Было бы тогда запрещено рабство в 1833 г. или нет? Скорее всего нет, особенно если вспомнить, что к этому времени хлопок с рабовладельческих плантаций США уже активно использовался английской текстильной промышленностью, и никаких моральных терзаний по этому поводу владельцы английских мануфактур не испытывали.

Конечно же, любые споры об истории в сослагательном наклонении – это вещь неблагоприятная. Но постановка подобных вопросов помогает лишний раз убедиться, насколько масштабным было влияние Американской революции на историческое развитие. Даже бывшая метрополия, Великобритания, была вынуждена иногда совершать демонстративные шаги в своей политике для того, чтобы не выглядеть проигрышно на фоне США. Например, есть серьезные основания полагать, что превращение Канады из колонии в полноправное независимое государство, распространение политических свобод в Австралии и Новой Зеландии и других бывших английских колониях было, по крайней мере, простимулировано успехами Соединенных Штатов Америки. Белое англоговорящее население этих стран испытывало в XIX в. по отношению к метрополии чувства, схожие с чувствами английских колонистов XVIII в. – и Лондон решил не наступать на одни и те же грабли дважды, не доводить дело до Канадской, Австралийской или Новозеландской революций. Так что и этот аргумент о процветании бывших частей Британской империи, не прошедших через горнило народных восстаний за независимость, – также оказывается весьма слабым для подтверждения тезиса о бессмысленности Американской революции.

Удивительной особенностью Американской революции оказалось то, что возникшее в ее горниле государство практически никогда не вызывало у американцев чувства глубокого отторжения и неприятия. Конфликты, которые неизбежно возникали в американском обществе, не подвергали сомнению базовые государственные институты, конституцию, избирательную систему, принципы билля о правах. Представители разных партий спорили о рабовладении, об иммиграции, о том, как поделить бюджетные средства, но ни одно влиятельное политическое движение в истории США не призывало к кардинальному пересмотру государственного строя. На это обстоятельство еще в середине XX в. обратили внимание историки «школы консенсуса», и с тех пор появилось немало новых подтверждений этого нехарактерного для многих других стран модуса взаимодействия общества и государства.

Например, сегодня в США так называемые борцы с истеблишментом выступают лишь против существующего политического класса или против «большого государства», сформировавшегося во второй половине XX в. под влиянием исторических обстоятельств, но не против американского государства как такового. Они хотят избрать в органы власти новых политиков, но не реформировать сами эти органы, им не приходит в голову, например, заменить президента на императора, а конгресс – на совет старейшин. Более того, во многих случаях идеалы Американской революции служат для них источником вдохновения, они призывают вернуться к их первоначальной чистоте, как в свое время английские пуритане призывали вернуться к чистоте евангельских истин.

Даже если Конституция США 1787 г. кажется многим современным либертарианцам слишком консервативным документом, они обращаются к другим революционным текстам, например к Статьям Конфедерации 1777 г. (так называемой первой американской конституции) или к уже неоднократно упоминавшейся Декларации Независимости. Тот уровень демократии и та тяга к политической свободе, которые нашли отражение в этих документах, и в XXI в. остаются настоящим образцом силы человеческого духа и идеалом, к которому хочется стремиться. Американская революция продолжает жить в умах и сердцах, и США остаются в современном мире одним из немногих крупных государств с «революционным культурным кодом».

Для дальнейшего изучения

- Американская история. Возвращение мятежников (03 Return of the Rebels) [Электронный ресурс]. URL: <https://youtu.be/-RE-uO2i-zE> (дата обращения 20.02.2021).
- Американская революция. Восстание патриотов (01 Rise of the Patriots) [Электронный ресурс]. URL: <https://youtu.be/NXjbxFaND48> (дата обращения 20.02.2021).
- Американская революция. Империя наносит ответный удар (02 The Empire Fights Back) [Электронный ресурс]. URL: <https://youtu.be/heQI6zJKk3Q> (дата обращения 20.02.2021).
- Конституция США [Электронный ресурс]. URL: <https://ushistory.ru/istochniki/teksty-k-seminaram/1240-konstitutsiya-ssha> (дата обращения 20.02.2021).
- Согрин В.В.* Политическая история США. М., 2001.
- Харц Л.* Либеральная традиция в Америке. М., 1993.
- Breen T.H.* The Will of the People: The Revolutionary Birth of America. N.Y., 2019.
- Declaration of Independence (на англ. и на рус. яз.) [Электронный ресурс]. URL: <https://ushistory.ru/istochniki/teksty-k-seminaram/779-declaration-of-independence-na-anglijskom-i-na-russkom-jazykah> (дата обращения 20.02.2021).
- Hummel J.R.* Benefits of the American Revolution: An Exploration of Positive Externalities: The Library of Economics and Liberty [Электронный ресурс]. URL: <https://www.econlib.org/library/Columns/y2018/HummelAmericanrevolution.html> (дата обращения 20.02.2021).
- Kerber L.* Women of the Republic: Intellect and Ideology in Revolutionary America. N.Y., 1980.

Тема 2. Билль о правах: десять поправок, которые защищают американцев

«Биллем о правах» американцы называют первые десять поправок к конституции США. В этих поправках идет речь об индивидуальных правах и свободах. Смысл письменной фиксации этих прав и свобод заключается в том, чтобы очертить границы полномочий государства, определить сферы жизни, в которые правительство не может вмешиваться ни при каких обстоятельствах, поскольку речь идет о так называемых естественных правах, т. е. тех, которые даны человеку от рождения.

До приобретения независимости жители североамериканских колоний формально находились под защитой английского Билля о правах, принятого в 1689 г. На протяжении первой половины XVIII в. отношения колоний и метрополии ограничивались в основном взаимовыгодной торговлей, серьезных претензий к политике Лондона американцы не предъявляли. Однако в 1760-е гг. начался затяжной конфликт, приведший в итоге к революции и созданию в 1776 г. независимых Соединенных Штатов. Постоянные посягательства Великобритании на индивидуальные права и свободы американцев стали одной из основных причин произошедшего.

Первый в Северной Америке Билль о правах был разработан еще до провозглашения независимости, его автором стал один из богатейших виргинских плантаторов Джордж Мэйсон. «Декларация о правах» штата Виргиния была принята 12 июня 1776 г., состояла из 16 разделов и включала широкий перечень всевозможных ограничений деятельности правительства. Некоторые из них выглядят сегодня довольно экзотично. Например, в разделе 13 шла речь о том, что постоянно действующая армия представляет угрозу для свободы и должна распускаться в мирное время.

Самая важная идея была сформулирована в разделе 2:

Вся власть сосредоточена в руках народа и может осуществляться только от его имени; все правительственные чиновники – это лишь доверенные лица и слуги народа, и должны во всем ему подчиняться⁵.

Во время Войны за независимость (1775–1783) в каждом из 13 штатов были разработаны собственные конституции. В десяти из них содержались разделы, посвященные индивидуальным правам и свободам. Но в первой общеамериканской конституции, Статьях конфедерации (принята в 1777 г., ратифицирована в 1781 г.) специально о правах и свободах ничего не говорилось.

Через несколько лет после окончания Войны за независимость стало понятно, что конституционная система страны требует реформирования. Статьи конфедерации составлялись в других исторических условиях, когда главной проблемой казалась монополизация деспотической власти сильным правительством. Теперь же почти полное отсутствие полномочий у центральной власти, зафиксированное в Статьях конфедерации их авторами, вело к обострению конфликтов между штатами, народным волнениям и другим проблемам, которые просто некому было решать. В 1787 г. на конституционный конвент в Филадельфии собрались 55 делегатов от разных штатов и сразу же приняли решение не исправлять Статьи конфедерации, а разрабатывать новую конституцию с чистого листа.

Основные усилия участников конституционного конвента были направлены на решение сложнейшей задачи: как создать такие новые институты центральной власти, чтобы они сумели разрешить внутренние проблемы страны, но не получили при этом чрезмерных полномочий, ведущих к установлению деспотического контроля над жизнью людей. Итогом стало возникновение системы сдержек и противовесов: три независимые ветви власти – законодательная, исполнительная и судебная – взаимно уравновешивали друг друга и получали в руки инструменты, необходимые для предотвращения любых злоупотреблений. Предложенная отцами-основателями модель государственного устройства оказалась чрезвычайно успешной, принятая в 1787 г. конституция действует в США и по сей день, никакому ти-

⁵ Virginia Declaration of Rights [Электронный ресурс]. URL: <https://constitutioncenter.org/learn/educational-resources/historical-documents/the-virginia-declaration-of-rights> (дата обращения 20.02.2021).

рану или деспоту не удалось эту конституцию отменить или переписать.

Однако в проекте конституции, обсуждаемом на конвенте 1787 г., ничего не говорилось об индивидуальных правах и свободах. Когда конституция была направлена в штаты для ратификации, на это обстоятельство тут же обратили внимание, по всей стране возникло широкое движение так называемых антифедералистов – противников принятия нового основного закона. Интересно, что среди антифедералистов вскоре оказался и один из участников конвента, автор многих основных положений конституции Джеймс Мэдисон – будущий четвертый президент США. Именно Мэдисон в июне 1789 г. на первой сессии конгресса сформулировал первые поправки к конституции, содержащие положения о защите ключевых индивидуальных прав и свобод. В 1791 г. первые 10 поправок были ратифицированы штатами и приобрели силу закона. Так в США появился свой Билль о правах, которому довелось сыграть в истории весьма значительную роль.

Десять поправок: права и свободы в США

Итак, давайте посмотрим, о чем идет речь в первых десяти поправках к американской Конституции и как эти поправки влияли и продолжают влиять на жизнь людей в США.

Первая поправка

Конгресс не должен издавать ни одного закона, относящегося к установлению религии либо запрещающего свободное ее исповедание, либо ограничивающего свободу слова или печати, или право народа мирно собираться и обращаться к правительству с петициями об удовлетворении жалоб⁶.

В небольшой абзац Первой поправки Джеймс Мэдисон сумел вместить сразу пять базовых свобод: свободу слова, свободу печати, свободу религии, свободу собраний и свободу обращения к правительству с петициями. Иногда все эти пять свобод вместе именуют «правом на самовыражение» (freedom of expression).

⁶ Конституция США [Электронный ресурс]. URL: <https://ushistory.ru/istochniki/teksty-k-seminaram/1240-konstitutsiya-ssha> (дата обращения 20.02.2021).

Первая поправка широко использовалась в судебной практике, особенно начиная с XX в., и продолжает активно использоваться сегодня. В частности, без Первой поправки было бы совершенно немыслимым Движение за гражданские права – с 1920 по 1973 г. Десятки судебных решений, расширяющих возможности самовыражения разных групп населения США, были приняты именно на основании этого раздела конституции.

Свобода слова и печати

Может показаться, что Первая поправка уже настолько хорошо усвоена многими поколениями американцев, что защита свободы слова или свободы печати теперь не требует каких-то особых усилий. И что сегодня никому и в голову не придет вводить какие-то странные запреты и ограничения. Однако реальность часто оказывается совсем иной. Например, в 2003 г. в одной из школ штата Арканзас решили запретить ученикам читать книги о Гарри Поттере. Школьная администрация посчитала, что в этих книгах пропагандируется непослушание, неуважение к старшим, а также содержится слишком много мистики и оккультизма. Расстроенные школьники и их родители обратились в местный суд, который быстро отменил решение, напомнив руководству школы о Первой поправке и принципе свободы слова. Арканзасским ненавистникам Джоан Роулинг пришлось смириться с неизбежным.

Совсем недавно в США разгорелась дискуссия, касающаяся такого интригующего сюжета, как права ботов в социальных сетях. Имеет ли право администрация социальной сети блокировать таких ботов? Не нарушает ли это принципов свободы слова и свободы СМИ? Ведь мало того, что у каждого бота есть «хозяин», который использует его для реализации каких-то своих проектов (например, в сфере политики или маркетинга), так ведь существует еще и искусственный интеллект, помогающий ботам демонстрировать некую самостоятельность поведения. Деятельность интернет-ботов в виртуальном мире влияет на реальную жизнь, причем это влияние нельзя однозначно назвать негативным или позитивным. Следовательно, руководствуясь принципом свободы слова, боты не могут быть запрещены – их функционирование можно разве что как-то регулировать.

Одна из первых попыток такого рода была предпринята в Калифорнии. Летом 2019 г. в этом штате вступает в силу закон, согласно которому боты обязаны сначала идентифицировать себя в качестве бота и лишь после этого доносить до пользователей Сети какую-то информацию. По мнению большинства юристов, подоб-

ная мера удачно снимает целый комплекс проблем, связанных с функционированием ботов, не нарушая при этом Первой поправки.

Помимо прав ботов, дискуссии вокруг применения Первой поправки затрагивают сегодня такие вопросы, как права корпораций (имеют ли они такие же права на свободу слова, как отдельные люди), право говорить неправду, право говорить и сохранять при этом анонимность, право не говорить то, что тебя говорить заставляют и т. п. Вряд ли Джеймс Мэдисон предвидел, что сформулированные им принципы окажутся настолько актуальными через 200 с лишним лет!

Принцип свободы печати предусматривает право на публикацию любых новостей, мнений и оценок, но судебная практика устанавливает некоторые границы. В частности, под защиту первой поправки не попадают публикации, признанные клеветническими.

На протяжении истории в американских судах сформировалась традиция применения и неприменения Первой поправки к различным типичным ситуациям, связанным с реализацией права на свободу слова. Например, угрозы и непристойности обычно под защиту поправки не попадают, но, будучи включенными в состав политических высказываний, уже считаются допустимыми на основании принципа свободы слова.

Считается, что первое судебное разбирательство, связанное с попыткой государственной цензуры, состоялось еще в колониальный период, в 1734 г. Британский губернатор Уильям Косби (Cosby) подал в суд на издателя *The New York Weekly Journal*, Джона Питера Зенгера (John Peter Zenger), обвинив его в клевете на правительство. Однако нью-йоркский суд отказался удовлетворять иск, признав обнародованные данные правдивыми и подтвердив право Зенгера на публикацию критических материалов.

Один из самых известных в американской истории эпизодов, связанных с борьбой за свободу прессы, случился в 1971 г., когда сотрудник министерства обороны США Дэниел Эллсберг (Daniel Ellsberg) передал журналистам газеты "*New York Times*" серию секретных документов, связанных с войной во Вьетнаме. Эти документы начали публиковаться под заголовком "*The Pentagon Papers*". Данные о том, что американские власти на протяжении десятилетий скрывали истинные масштабы человеческих и финансовых потерь, связанных с войной, впервые стали достоянием широкой публики.

Правительство подало на "*The New York Times*" в суд и потребовало прекращения дальнейших публикаций под предлогом того, что они могут навредить национальной безопасности. Иск

дошел до Верховного суда, который в рамках дела *The New York Times Co. v. United States* постановил, что публикации могут быть продолжены.

Это решение стало важным этапом борьбы за свободу прессы в США, но оно не означало автоматического разрешения на публикацию любых секретных правительственных документов. История с Эдвардом Сноуденом, который в 2013 г. попытался повторить поступок Дэниела Эллсберга, пока что далека от благополучного завершения.

Свобода религии

Содержащийся в Первой поправке принцип свободы религии запрещает правительству устанавливать какую-либо государственную религию и предоставлять привилегии отдельным конфессиям. Подобное юридическое разделение церкви и государства совсем не означает исключения религии из общественно-политической жизни. Как раз наоборот, на протяжении всей истории США религия была мощнейшим фактором политической борьбы. И свобода религии, гарантированная Первой поправкой, далеко не всегда обеспечивалась в должной мере.

В XIX в. от религиозных преследований страдали мормоны, католики, сторонники традиционных культов коренных народов и представители других непротестантских деноминаций. В некоторых штатах долгое время существовал религиозный ценз для занятия государственных должностей. Например, в Мэриленде вплоть до 1961 г. от кандидатов на занятие чиновничьих постов требовалось устное или письменное подтверждение их веры в бога.

Даже в XXI в. ситуация с религиозной свободой в США далека от идеала. В 2005 г. Верховный суд рассматривал два дела. Оба были связаны с публичной демонстрацией религиозных текстов, в частности Десяти заповедей из Ветхого завета. В одном из случаев (*Van Orden v. Perry*) было вынесено постановление, что двухметровый монумент с Десятью заповедями в здании техасского конгресса соответствует Конституции и может быть сохранен. В другом деле, о барельефах с Десятью заповедями в здании суда в Кентукки (*McCreary County v. ACLU*), решение оказалось противоположным, Верховный суд посчитал, что их размещение в правительственном учреждении противоречит Первой поправке.

В 2017 г. запреты на въезд в США из нескольких мусульманских стран, введенные администрацией Д. Трампа, также были отменены судами по причине нарушения положений Первой поправки.

Свобода собраний и петиций

Еще два основополагающих права американцев – на мирные собрания и обращения к правительству (включая право на судебные иски против властей) – также неоднократно становились поводом для судебных разбирательств.

В 1958 г. власти штата Алабама попытались наложить запрет на деятельность Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения (НААСР) – ведущей организации, борющейся за права темнокожих американцев. Более того, от НААСР потребовали предоставить список всех участников местного отделения организации – явно с целью их дальнейшего полицейского преследования. Дело дошло до Верховного суда, который отменил запрет, руководствуясь Первой поправкой, а также указал на недопустимость какого-либо давления на «мирные ассоциации граждан».

Вторая поправка

Поскольку надлежащим образом организованная милиция необходима для безопасности свободного государства, право народа хранить и носить оружие не должно ограничиваться⁷.

Вторая поправка защищает право американцев на владение оружием. С этим правом все обстоит не так просто, как со свободой слова. Современное американское общество практически расколото по данному вопросу. Удручающая статистика массовых расстрелов в школах и других публичных местах заставляет задуматься, так ли уж важно и необходимо это право для обеспечения безопасности людей в XXI в.

Во времена отцов-основателей право на ношение оружия имело совершенно иной смысл, нежели сейчас. На это указывает даже сама формулировка Второй поправки. Право хранить и носить оружие постулируется в ней не само по себе, а в связи с необходимостью организации милиции. В конце XVIII в. в США не было постоянной армии, поэтому Вторая поправка, по сути, закрепила право народа на самооборону от внешних угроз. Сегодня владение оружием понимается как средство обеспечения личной безопасности, а вместо милиции существуют профессиональные Вооруженные силы. Таким образом, вопрос о том, что на самом деле гарантирует Вторая поправка, остается дискуссионным.

⁷ Ibid.

Интересно, что защитники широкой интерпретации Второй поправки используют в качестве аргумента грамматику: якобы в ее английском тексте фразы о милиции и владении оружием идут через запятую: «...хорошо организованная милиция, право народа хранить и носить оружие – не должны ограничиваться». То есть одно с другим не связано, это два отдельных, самостоятельных права: право на милицию и право на оружие. И если милиция сегодня не так важна, право владеть оружием по-прежнему актуально. Жалко, что Джеймс Мэдисон не предвидел такого поворота событий и не выразил свою мысль более четко, с меньшим количеством запятых!

В XXI в., после 70-летней паузы, несколько решений Верховного суда были приняты на основании Второй поправки. В частности, в 2008 г., пятью голосами против четырех, Верховный суд постановил, что граждане США имеют право хранить дома заряженное оружие. Это решение зафиксировало «широкое толкование» Второй поправки, что реально обескуражило тех, кто рассчитывал на ее отмену из-за «естественного устаревания».

Третья поправка

Ни один солдат не должен в мирное время размещаться на постой в каком-либо доме без согласия его владельца; в военное время это возможно, но лишь в порядке, установленном законом⁸.

С этой поправкой отцы-основатели совершенно точно перестраховались. Тот факт, что она была принята в 1791 г., через восемь лет после окончания Войны за независимость, свидетельствует о глубоком возмущении американцев подобной практикой британских колониальных властей. К размещению солдат на постой обязывал колонистов Квартирный акт 1765 г. Конечно же, после революции ни о чем подобном не могло идти и речи. Не удивительно, что за всю историю существования Третья поправка ни разу не была использована для обоснования решений Верховного суда.

Четвертая поправка

Право народа на гарантии неприкосновенности личности, жилища, бумаг и имущества от необоснованных обысков и арестов не должно нарушаться, и никакие ордера не должны выдаваться

⁸ Ibid.

иначе как при достаточных к тому основаниях, подтвержденных присягой либо заявлением, и с подробным описанием места, подлежащего обыску, и лиц или предметов, подлежащих аресту⁹.

Как и многие другие положения Билля о правах, право на неприкосновенность личности и жилища впервые было сформулировано в Англии. Еще в 1603 г. сэр Эдвард Коук (Coke) выступил со знаменитым заявлением:

Наш дом – это наша крепость, в которой можно укрыться от угроз и нападений, а также предаться отдыху¹⁰.

Впрочем, подобные высказывания членов парламента не мешали британским властям в XVIII в. открыто пренебрегать правами американских колонистов. В частности, широкое распространение приобрела практика выдачи ордеров на обыск с самыми общими основаниями (чаще всего речь шла о поиске и изъятии контрабандных товаров), которые широко использовались как орудие давления на активистов из числа американских патриотов.

Все это побудило отцов-основателей США специально зафиксировать в конституции право на неприкосновенность личности, жилища, бумаг и имущества. Однако по-настоящему эффективной Четвертая поправка стала только в XX в., в частности после решения Верховного суда по делу *Weeks v. United States* (1914). Согласно этому решению, доказательства, добытые в ходе уголовного расследования с нарушением предусмотренной законом процедуры, не могли приниматься судом, даже если они явно изобличали преступника (решение вошло в историю как «правило Вика», а неправильно собранные доказательства стали именовать «плодом с отравленного дерева»).

Поначалу правило Вика действовало только на федеральном уровне, но в 1920-е гг. стало активно внедряться и в отдельных штатах. Этому немало способствовал принятый тогда Сухой закон – запрет на производство, транспортировку и продажу алкогольных напитков. К нарушителям этого закона в обществе относились вполне снисходительно, что находило отражение и в судебной практике. Для предания суду контрабандистов-бутлегеров полиции приходилось безукоризненно соблюдать все правила при сборе доказательств. В 1933 г. Сухой закон отменили, а

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid.

правило «плода с отравленного дерева» – осталось и по сей день обеспечивает в США высокий уровень неприкосновенности личности.

Вместе с тем множество судебных решений принималось и для смягчения положений Четвертой поправки. Судебный ордер не нужен сегодня в США для обыска по личному согласию обыскиваемого; для обыска автомобиля; в ситуациях, когда преступление совершено у всех на виду; при осмотре на границе; для обыска при особых обстоятельствах и в некоторых других случаях.

Пятая поправка

Ни одно лицо не должно привлекаться к ответственности за преступление, караемое смертью, либо за иное позорящее преступление иначе как по представлению или обвинительному заключению большого жюри, за исключением дел, возбуждаемых в сухопутных или морских частях либо в милиции, призванной на действительную службу во время войны или опасности, угрожающей обществу; ни одно лицо не должно за одно и то же правонарушение дважды подвергаться угрозе лишения жизни или телесного наказания, не должно принуждаться в каком-либо уголовном деле свидетельствовать против себя, не должно лишаться жизни, свободы либо собственности без должной правовой процедуры; частная собственность не должна изыматься для общественных нужд без справедливого вознаграждения¹¹.

Пятая поправка, подобно Первой поправке, включает в себя пять отдельных положений: право на рассмотрение дела большим жюри; право не подвергаться наказанию дважды за одно и то же преступление; право не свидетельствовать против себя; право на должную процедуру при лишении жизни, свободы или собственности; право на справедливое вознаграждение при изъятии собственности.

Считается, что история борьбы за право не свидетельствовать против себя восходит к практике британских судов XV–XVII вв. Эти суды использовали пытки для получения показаний, и подобные показания считались достаточным основанием для признания людей виновными. Только после революции 1640–1650-х гг. старая английская судебная система была ликвидирована и для доказательства вины стали использоваться более весомые аргументы.

¹¹ Ibid.

В США с Пятой поправкой чаще всего ассоциируется право не свидетельствовать против себя. В многочисленных американских кинофильмах герои отказывались отвечать на вопросы следователей, заявляя, что они “Pleading the Fifth” – «используют Пятую поправку». Еще один хорошо известный по кинематографу пример использования Пятой поправки – «правило Миранды». В 1966 г. по итогам разбирательства дела *Miranda v. Arizona* Верховный суд постановил, что перед началом допроса подозреваемому должны быть разъяснены его права, в частности право не свидетельствовать против себя. Любые показания, данные без соблюдения этого условия, не могут приниматься судами в качестве доказательств.

Шестая поправка

При всех уголовных преследованиях обвиняемый имеет право на безотлагательное и публичное разбирательство дела беспристрастным судом присяжных того штата и округа, в котором преступление совершено; причем территория такого округа должна быть определена законом заранее; при этом обвиняемый имеет право на информирование о сущности и основаниях обвинения, на очную ставку со свидетелями, показывающими против него, на принудительный вызов свидетелей, показывающих в его пользу, и на помощь адвоката для своей защиты¹².

Среди нескольких положений Шестой поправки о защите прав обвиняемых в ходе уголовного процесса наибольшее внимание на протяжении истории привлекал пункт о праве на помощь адвоката. В начале XX в. несколько постановлений Верховного суда гарантировали предоставление бесплатного адвоката обвиняемым в тяжких преступлениях. Однако в менее серьезных случаях все было оставлено на усмотрение местных судов.

В начале 1960-х гг. в штате Флорида суд приговорил к пяти годам заключения за кражу со взломом некоего Кларенса Гедеона – бедного, мало кому известного человека, вину которого присяжные признали на основании показаний одного единственного свидетеля. Гедеон не мог оплатить услуги адвоката, просил суд его ему предоставить, но судья счел рассматриваемое дело недостаточно важным для этого.

Гедеон отправился за решетку, записался в тюремную библиотеку и после двух лет изучения юридической литературы су-

¹² Ibid.

мел составить прошение о пересмотре своего дела в Верховный суд. В 1963 г. Верховный суд рассмотрел дело Гедеона и единогласно признал, что права, гарантированные ему Шестой поправкой, были нарушены. Гедеона отпустили, вскоре состоялся новый процесс по его делу – теперь уже с назначенным судом бесплатным адвокатом. Адвокат добился приглашения нескольких новых свидетелей, которые легко убедили присяжных в невинности Гедеона.

Эта совершенно «голивудская» история, конечно же, не могла пройти мимо внимания кинематографистов. В 1980 г. был снят телефильм “Gideon’s Trumpet”, главную роль в котором сыграл Генри Фонда. Право на бесплатного адвоката, гарантированное Шестой поправкой, с тех пор распространяется на всех обвиняемых в уголовных преступлениях, независимо от их тяжести.

Седьмая поправка

По всем искам, основанным на общем праве, в которых цена оспариваемого иска превышает двадцать долларов, сохраняется право на суд присяжных, и ни один факт, рассмотренный судом присяжных, не может быть пересмотрен каким-либо судом Соединенных Штатов иначе как в соответствии с нормами общего права¹³.

Суд присяжных – это один из наиболее устойчивых и традиционных американских институтов, действующих с самых первых лет английской колонизации. В самой Англии его существование прослеживается по меньшей мере с XII в. Упоминание права на суд присяжных в Билле о правах можно объяснить жесткой практикой британских властей, создавших накануне революции специальные суды без присяжных для преследований американских патриотов. Этот факт был специально отмечен Томасом Джефферсоном в Декларации независимости среди других причин, побудивших американцев к разрыву с метрополией.

Суды присяжных в колониях были так нелюбимы англичанами из-за того, что практически всегда выносили решения в пользу колонистов. Это превращало их в важный инструмент борьбы с тиранической политикой метрополии в Северной Америке. Упоминание суда присяжных в Билле о правах было свидетельством признания его значимости в качестве средства борьбы

¹³ Ibid.

с посягательствами государства на права его отдельных граждан. В данном случае речь шла не просто о специфике организации уголовного процесса, но и о более принципиальных политических вопросах.

Суд присяжных для обвиняемых в рамках уголовных процессов был гарантирован уже в основном тексте конституции 1787 г., а в Седьмой поправке эту гарантию распространили на гражданские иски с суммой более 20 долл. На практике это означало, что перед судом присяжных теперь могли представлять истцы и ответчики по коммерческим спорам. Возникла угроза, что присяжные будут решать эти коммерческие споры, руководствуясь не законом, а своими симпатиями и антипатиями. В частности, незавидной становилась участь иностранных инвесторов, которые могли лишиться своих вложений лишь потому, что их оппонентом в суде выступал какой-нибудь известный и уважаемый присяжными американец. Чтобы избежать таких злоупотреблений, в Седьмую поправку была включена оговорка о возможности пересмотра вердикта присяжных судами на основании норм общего права. Таким образом, право на суд присяжных гарантировалось Седьмой поправкой, но этот суд не ставился выше закона.

Восьмая поправка

Чрезмерные залоги не должны требоваться, чрезмерные штрафы не должны налагаться, и жестокие и необычные наказания не должны назначаться¹⁴.

Восьмая поправка почти слово в слово повторяет формулировку из английского Билля о правах 1689 г. А тот, в свою очередь, восходит к Великой хартии вольностей 1215 г., когда английский король впервые был ограничен в своем праве наказывать подданных (после 1215 г. это наказание должно было соответствовать тяжести содеянного).

Верховный суд США приступил к подробному толкованию Восьмой поправки лишь в конце XIX века. В 1878 г. был определен точный перечень наказаний, которые следует считать жестокими и необычными (туда попали все известные средневековые формы казни, вроде сожжения, четвертования и т. п.).

В 1910 г. вне закона были объявлены каторжные работы, заковывание в цепи на весь период заключения и поражение

¹⁴ Ibid.

в гражданских правах. Впоследствии под действие Восьмой поправки попали лишение гражданства (1958), а также смертная казнь для тех, кто совершил преступление в возрасте младше 18 лет (2005).

Суды в разные годы отказывались признавать жестокими и необычными наказаниями смертельную инъекцию, казнь на электрическом стуле, расстрел и повешение. При этом они в основном руководствовались общественным мнением. Согласно опросам, большинство американцев до сих пор выступают против отмены смертной казни.

Горячие споры о том, следует ли считать жестоким и необычным наказанием смертную казнь как таковую, стали предметом многочисленных судебных разбирательств. В настоящее время смертная казнь используется в 30 штатах из 50. Кроме того, смертная казнь предусмотрена для ряда «федеральных» преступлений.

Ограничение практики смертных приговоров началось после решения Верховного суда 1972 г. (*Furman v. Georgia*), в котором отмечалось, что к смертной казни нельзя приговаривать на основании эмоций (“in an arbitrary or capricious manner”). Тем штатам, которые хотели сохранить смертную казнь, пришлось разрабатывать новые законы с подробным изложением условий назначения этого наказания.

В 1977 г. Верховный суд постановил (*Coker v. Georgia*) не считать изнасилование достаточным основанием для назначения смертной казни (в обосновании говорилось, что лишать жизни можно только того, кто сам лишил кого-то жизни). С тех пор смертная казнь в США назначается только за убийство.

Еще одно решение Верховного суда, принятое на основании Восьмой поправки в 2002 г., запрещало назначать наказание в виде смертной казни для умственно отсталых. В эту категорию были отнесены все люди с показателями теста IQ ниже 70.

В настоящее время исполнение смертных приговоров в США чаще всего происходит с помощью смертельной инъекции. В 2010 г. состоялись также казни на электрическом стуле и путем расстрела. Последнее повешение по решению суда произошло в США в 1996 г.

На протяжении истории США Верховный суд крайне редко принимал решения по вопросам избыточных штрафов и залогов. Первый раз штраф был назван избыточным и отменен в 1998 г., когда некоего г-на Баджакаджана (*Bajakajian*) приговорили к штрафу в \$357 тыс. за попытку вывоза из США валюты в сумме больше \$10 тыс. без декларации.

Девятая поправка

Перечисление в Конституции определенных прав не должно толковаться как отрицание или умаление других прав, сохраняемых за народом¹⁵.

Хотя некоторые американские юристы склонны рассматривать Девятую поправку как исторический курьез, не имеющий сегодня никакого практического смысла, эта поправка использовалась для обоснования множества судебных решений, в том числе на уровне Верховного суда. Например, в 1965 г. Верховный суд объявил не соответствующим Конституции закон штата Коннектикут, запрещающий использование противозачаточных средств. В решении суда говорилось, что Первая, Третья, Четвертая и Девятая поправки, взятые в их совокупности, создают право на приватность в семейных отношениях.

Действительно, авторы Билля о правах явно не могли предусмотреть все возможные ситуации, в которых люди будут нуждаться в защите от давления со стороны государства. Право на свободу перемещения, презумпция невиновности, право на приватность отношений между полами и прочее – все это не сформулированные явно, но защищаемые Девятой поправкой права.

Десятая поправка

Полномочия, не делегированные Соединенным Штатам настоящей Конституцией и не запрещенные для отдельных штатов, сохраняются соответственно за штатами либо за народом¹⁶.

В период борьбы за ратификацию конституции на рубеже 1780–1790-х гг. Десятая поправка выглядела важнейшим дополнением к ее тексту, гарантирующим сохранение штатами всех полномочий, не делегированных напрямую федеральному центру. Для штатов, которые привыкли ощущать себя суверенными и независимыми государствами, это было одним из важнейших вопросов.

Однако со временем после череды кризисов и Гражданской войны, начавшейся из-за нежелания штатов подчиняться федеральным властям, острота проблемы, как казалось, спала. В 1931 г. Верховный суд США назвал Десятую поправку трюизмом и ука-

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Ibid.

зал, что она не добавляет ничего существенного к основному тексту конституции. В последние десятилетия Десятая поправка вновь активно используется для обоснования судебных решений. Например, в 1992 г. не соответствующим конституции было объявлено требование федеральных властей к штатам брать на себя расходы по утилизации ядерных отходов. В 1997 г. еще одно указание федеральных властей штатам – проводить проверки покупателей оружия – было объявлено не соответствующим Десятой поправке. И во многих других случаях, когда возникают споры между федеральными и местными властями, критики «навязываемых» штатам политических подходов апеллируют к Десятой поправке как мощному юридическому аргументу.

На протяжении первых десятилетий американской истории Билль о правах понимался как система федеральных норм, не имеющих прямого действия на уровне штатов. Эта трактовка основывалась на первой фразе Первой поправки «Конгресс не должен издавать ни одного закона...». Речь в ней идет именно о федеральном конгрессе, а не о конгрессах штатов.

Когда в 1833 г. Джон Бэррон из Мэриленда попытался на основании Пятой поправки отсудить у своего штата компенсацию за разрушенный причал, Верховный суд отказал ему, объяснив, что Бэррон пострадал от действий местных, а не федеральных властей, и должен отстаивать свои права, руководствуясь местным законодательством.

После Гражданской войны в США была принята 14-я поправка к Конституции, в которой помимо прочего говорилось, что «ни один штат не может лишать какое-либо лицо жизни, свободы или собственности без надлежащей правовой процедуры». Считается, что с помощью этой юридической формулы Билль о правах был «инкорпорирован» в законодательство штатов и стал защищать американцев не только на федеральном, но и на местном уровне.

Дальнейшая практика Верховного суда уточнила применение 14-й поправки, в результате чего «инкорпорированным» оказался не весь Билль о правах, а только отдельные его положения. В частности, на всех уровнях в США гарантированы право на свободу слова, прессы, религии, запрет необоснованных обысков, задержаний, право не свидетельствовать против себя, право на защиту в суде, на скорое публичное разбирательство и суд присяжных.

Итак, как мы убедились, Билль о правах – это не просто памятник юридической мысли, а вполне актуальный инструмент разрешения споров и отстаивания прав личности в современных

США. В сформулированных когда-то Джеймсом Мэдисоном предложениях важным оказалось каждое слово, а иногда даже знаки пунктуации. Конечно же, Билль о правах был бы бессмыслен сам по себе, без всей системы государственных институтов и политической традиции, сложившейся в США. Тем не менее воплощенный в его истории американский опыт отстаивания прав человека перед лицом постоянно посягающего на эти права государства крайне важен и достоин самого пристального изучения.

Для дальнейшего изучения

- Английский Билль о правах 1689 г. [Электронный ресурс]. URL: http://drevlit.ru/docs/england/XVII/1680-1700/Akty_parlament/bill_o_pravach_16894397.php (дата обращения 20.02.2021).
- Билль о правах США: народ против государства, штаты против центра [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/2357456.html> (дата обращения 20.02.2021).
- Конституция США [Электронный ресурс]. URL: <https://ushistory.ru/istochniki/teksty-k-seminaram/1240-konstitutsiya-ssha> (дата обращения 20.02.2021).
- Палант Б.* Билль о правах [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Q4Jldd418OQ> (дата обращения 20.02.2021).
- Согрин В.В.* Политическая история США. М., 2001.
- Berkin С.* The Bill of Rights: The Fight to Secure America's Liberties. N.Y., 2015.
- Bill of Rights [Электронный ресурс]. URL: <https://www.history.com/topics/united-states-constitution/bill-of-rights> (дата обращения 20.02.2021).
- Constitution of the United States: Primary Documents in American History [Электронный ресурс]. URL: <https://guides.loc.gov/constitution/introduction> (дата обращения 20.02.2021).
- Labunski R.* James Madison and the Struggle for the Bill of Rights. N.Y., 2006.
- Lewis A.* Freedom for the Thought That We Hate: A Biography of the First Amendment. N.Y., 2008.
- The Virginia Declaration of Rights [Электронный ресурс]. URL: <https://www.archives.gov/founding-docs/virginia-declaration-of-rights> (дата обращения 20.02.2021).

Тема 3. Современный гражданский активизм в США

Правозащитное движение в США включает в себя различные направления. Сегодня это не только борьба за расовое равноправие или права женщин. Это еще и защита окружающей среды, прав населения с ограниченными возможностями и многое другое. Уникальность американского движения за расширение прав заключается в том, что оно вот уже много десятилетий не прекращается ни на минуту, не является какой-то мимолетной революцией, которая ушла в историю. Наоборот, с приходом новых поколений появляются новые задачи, которые приводят к изменению политической культуры в США, а общество становится все более и более инклюзивным, т. е. интегрирует в свое правовое пространство представителей различных групп и заботится о сохранении природного мира.

Чтобы понять масштабы и особенности того, как в США ведется работа по защите прав различных групп общества и сохранению окружающей среды, остановимся на следующих четырех современных измерениях этого движения. Первое – это защита прав граждан с ограниченными возможностями, которых совсем недавно еще называли инвалидами. Второе – тенденции в расширении прав женщин и особенности современного феминизма в США. Третье – движение за гендерное равноправие. Четвертое – защита прав животных, включая представителей дикой природы и домашних питомцев.

Защита прав людей с ограниченными возможностями

Сегодня никого не удивляет, что наряду с Олимпийскими играми существуют и Параолимпийские игры, организованные для людей с ограниченными физическими возможностями. Отдельные Олимпийские игры проводятся и для людей с ментальными особенностями, т. е. для людей с такими заболеваниями,

как синдром Дауна или аутизм. Буквально более, чем пятьдесят лет назад, когда такие «специальные олимпийские игры» впервые были проведены, они потрясли не только Америку, но и весь мир. В 1968 г., всего через шесть недель после убийства своего брата Роберта Кеннеди и через несколько лет после убийства другого своего брата – президента Джона Кеннеди, Юнис Кеннеди Шрайвер (Eunice Kennedy Shriver) открыла в Чикаго первые Особые Олимпийские игры (Special Olympics Games) для людей с интеллектуальными отклонениями. Юнис тогда предположила, что в будущем подобные игры будут собирать не менее миллиона участников. Но она ошиблась. Уже через несколько лет более пяти млн человек с ограниченными умственными способностями из 170 стран включились в новое олимпийское движение.

Почему Юнис Кеннеди, отпрыск одной из влиятельнейших и богатейших семей США, решила стать основателем таких игр, которые поначалу вызвали в США и во всем мире удивление и непонимание? Ее основной мотивацией для привлечения внимания общества к вопросу прав инвалидов стала судьба ее старшей сестры по имени Розмари (Rosemary), которая после проведения лоботомии в возрасте 24 лет почти всю жизнь провела в медицинской палате. Эта трагедия и постоянное общение с сестрой натолкнули Юнис на мысль, что ни ее сестра, ни еще миллион граждан США с подобными судьбами не могут получить образование, работу и воспользоваться всеми благами современного общества. Такие люди почему-то дискриминированы, хотя не являются социально опасными. Юнис, наряду с некоторыми другими представителями американской политической элиты, начала лоббировать принятие законов о расширении доступа для людей с ограниченными возможностями к образованию, занятиям спортом, различным профессиям и, наконец, простому доступу в общественные здания. Долгое время Юнис обсуждала данный вопрос в своей семье, искала финансирование и, как только ее брат стал президентом США, вопрос о проведении специальных олимпийских игр перешел на обсуждение в Белый Дом. В то же самое время Юнис вместе с мужем открыли летний лагерь для детей с ментальными отклонениями у себя в летней резиденции. Это позволило Юнис привлечь внимание общества к повседневным проблемам инвалидов. Первые игры в 1968 г. стали исторической точкой отсчета для изменения отношения общества к людям с ограниченными возможностями.

В течение следующего десятилетия наследие Юнис привело к существенному повороту общества и правовой системы США в сторону людей, которые когда-то считались ущербными или не-

доразвитыми. Многие американцы теперь подавали в суд после получения отказа от школьных администраций в приеме особых детей в образовательные учреждения или отказа работодателей в приеме инвалидов на работу. Представители судебной власти отмечали, что американцы с особыми физическими и интеллектуальными возможностями оказались ведущей группой населения, которая подвергается ежедневной дискриминации. Действительно, многие другие группы населения, такие как женщины или различные этнические сообщества, существенно расширили свои гражданские права. А вот люди с ограниченными возможностями еще не получили право быть защищенными перед лицом дискриминации, возможного насилия и пр. Существовали реальные проблемы, например для детей-инвалидов, которые не могли учиться в американских государственных школах. По данным статистики, в начале 1970-х гг. около одного миллиона школьников с различной степенью отклонения в развитии были полностью исключены из системы государственного образования, а еще три миллиона – посещали школы США, но не получали необходимых знаний и умений из-за отсутствия специальных программ. Более того, система общественного транспорта, а также различные правительственные здания не имели особых приспособлений для доступа инвалидов. В 1970-е гг. наличие пандусов (flat или ramped entrances) было скорее исключением, чем правилом.

Усилия гражданских активистов привели к созданию в 1984 г. нового федерального ведомства под названием «Национальный совет по нетрудоспособности» (National Council on Disability). Этот совет занимался проверкой федеральных законов и программ, затрагивающих интересы людей с ограниченными возможностями. Были определены масштабы дискриминации всех социальных и возрастных групп американцев, которых не принимали в школу, колледж или на работу. Эксперты данного ведомства рекомендовали принять всеобъемлющий закон о запрете дискриминации на основании признаков ограниченных возможностей.

В течение последующих шести лет в США развернулась дискуссия, а точнее сказать, поднялась волна в поддержку закона. Тогда американское общество существенно продвинулось по вопросу формирования инклюзивного общества, в котором люди с ограниченными возможностями могли бы передвигаться по улицам, использовать общественный транспорт, свободно посещать музеи и концертные залы, рестораны и торговые центры. Исторический закон об американских гражданах с ограниченными возможностями (Americans With Disabilities Act of 1990) был подписан президентом Джорджем Бушем-старшим. Интрига состояла

в том, что в тот год республиканский президент оказался один на один с демократическим конгрессом. Если все другие инициативы согласовывались между ветвями власти с огромным трудом, то в ходе обсуждения и принятия данного закона представители обеих партий в конгрессе продемонстрировали редкое единодушие.

Слава данного закона быстро распространилась за пределы США. Многие страны последовали примеру американцев. Закон стал важной вехой движения за гражданские права. Считается, что он обеспечил защиту прав одной пятой населения США. Люди с ограниченными возможностями получили право на образование, работу, доступ ко всем благам современного общества. Закон изменил правила доступа в общественные здания. Пандусы, платформы и срезанные бордюры (*curb cuts*) появились во всех зданиях и на улицах США. Особые парковочные места, зарезервированные для инвалидов, стали стандартом в Америке. Эти первые улучшения привели к тому, что люди с физическими недостатками стали активно выходить из дома и использовать электрическую или механическую коляски на колесах (*wheelchairs*), особые поддерживающие костыли (*crutches*), особые трости для слепых (*white canes*) или собак-проводников (*service animals*). Закон также разработал детальную инструкцию для общественного транспорта по перечню необходимого оборудования. Очень быстро вся транспортная система США, от электричек до Боингов, обзавелась разнообразной инфраструктурой для инвалидов. Телекоммуникационные компании создали национальную систему, которая позволяла использовать телефоны плохо видящим или плохо слышащим американцам (*relay services*). Важная новация, введенная данным законом, касалась запрета на дискриминацию инвалидов при приеме на работу в государственные и частные организации. Теперь не принять на работу человека с инвалидностью стало почти невозможно. Закон запрещал задавать вопросы во время интервью относительно инвалидности, а также поощрял создание рабочих мест для людей с ограниченными возможностями, что стало сегодня в США повсеместной практикой.

Появление такого исторически значимого закона стало результатом долгой борьбы американцев за права как на улицах, так и в судах. Все последующие президентские администрации работали над дальнейшим расширением прав людей с ограниченными возможностями. Существенный вклад внесли бывший президент Билл Клинтон и его супруга Хиллари Клинтон. Именно в 1990-е гг., когда семья Клинтонов находилась в Белом доме, началась полномасштабная практическая реализация За-

кона о гражданах с ограниченными возможностями. Хиллари Клинтон всегда повторяла, что данная категория людей должна получить больше прав и финансовых льгот. Именно она, будучи первой леди, участвовала в разработке законопроекта о медицинском страховании (тогда добиться его принятия не удалось). Законопроект предусматривал существенное расширение финансовой помощи государства для различных категорий граждан с инвалидностью. Много лет спустя, во время своей избирательной кампании 2016 г., Клинтон отдельно обращалась к американцам с ограниченными возможностями, а ее поклонники создали специальный сайт, на котором известный знак, обозначающий людей с ограниченными возможностями, был помещен вместе с лозунгами кампании Хиллари Клинтон.

Защита прав женщин

Проблема прав женщин привлекает сегодня огромное внимание. В современных Соединенных Штатах данная проблема многогранна – это и движение за уравнивание зарплаты женщин и мужчин, и движение феминисток, и движение против расизма, и движение против сексуального насилия, и движение за права ЛГБТ и пр. Движение за права женщин, зародившееся в США еще в XIX в., превратилось сегодня в широкое, разноцветное, разножанровое и часто разнонаправленное движение за права самых разнообразных групп населения США, которые ощущают себя ущемленными со стороны правительства и общества.

Широко распространен миф, что право на участие в выборах американская женщина получила лишь в 1920 г., когда была принята 19-я поправка к конституции. И что до этого момента женщина не могла голосовать. Однако известно, что еще в XVIII в. Конституции некоторых штатов содержали положения об избирательном праве для женщин, а на территории Юты женщины активно принимали участие в выборах с 1870-х гг. То есть на уровне штатов женщины приобрели политические права задолго до 19-й поправки. Тем не менее именно 19-я поправка к Конституции обеспечила всеобщий доступ к урнам для голосования, и это была серьезная победа суфражистского движения.

Первоначальная фаза борьбы женщин за свои права включала в себя несколько отдельных движений и групп, которые делились по географическому, расовому и социальному признаку. Очень долго женщины не могли договориться между собой о том, какие права они защищают. Например, известная феминистка

Элизабет К. Сэнтон (Elizabeth Cady Stanton), которая боролась за равные права между женщинами и мужчинами в XIX в., отрицала равные права для американок африканского происхождения. В начале XX в., когда была создана Американская ассоциация равных прав (American Equal Rights Association), продвижение прав женщин стало происходить под новым лозунгом: «невзирая на расу, цвет кожи или пол» (irrespective of race, color, or sex). Но и этот лозунг поддерживался не всеми борцами за права женщин, и иногда непримиримые противницы того, что американки африканского происхождения могут иметь такие же права, как и белые женщины, требовали от руководства движения поместить женщин африканского происхождения в конец колонны во время протестных акций.

Пожалуй, только в 1960-е гг. движение за права женщин приняло четкие очертания. Книга Бетти Фридан «Загадка женственности» (“Feminine Mystique”, Betty Friedan) и создание самой известной женской ассоциации – *Национальной организации женщин* (National Organization for Women) оформили идеи движения феминисток. Бетти Фридан взяла несколько десятков интервью у женщин и показала их природу не только как женщин-домохозяек, но и женщин-бизнесменов и политиков. Национальная организация женщин сформировала знаменитый лозунг о равенстве для всех женщин (true equality for all women), и движение получило знаменитый гимн в виде хита, а точнее припева к песне под названием «Уважай меня» (“Respect”). Его исполнительницей была Арета Франклин (Aretha Franklin), дочь одного из близких друзей Мартина Лютера Кинга. Арета исполнила песню, в которой содержался призыв к мужчинам уважать права женщин. Мелодичность и драматизм куплета сделали песню хитом, а Арету – обладательницей премии «Грэмми». Певица внесла важный вклад в движение за гражданские права в США, отправившись с М.Л. Кингом в турне по всей стране, а когда его убили, она исполнила эту песню на похоронах в 1968 г.

Особенность движения за права женщин в США состоит в том, что на каждом новом повороте истории женское движение сталкивалось с различными вызовами, которые снова и снова меняли суть движения. Если к 1960-м гг. удалось договориться по расовым вопросам и движение включило в себя борьбу за права темнокожего населения, то в 1970-х гг. появилась проблема «сексуальных меньшинств». И снова, как в XIX–XX вв., лидеры движения не хотели сотрудничать с представительницами меньшинств, которые, по их мнению, могли привести движение к тупику. Однако позже права за расширение прав меньшинств стали

частью феминизма. Закон о гражданских правах 1964 г. включал в себя седьмой раздел, который защищал работников от дискриминации по признаку расы, религии, национального происхождения и пола. Однако не так быстро этот закон стал выполняться на практике. Закон учредил Федеральную комиссию по равным возможностям при найме на работу, но и она в течение долгого времени не защищала права женщин при устройстве на работу. Только в начале 1970-х гг., после постановления Верховного суда по делу «Филипс против Мартина Мариетта» в 1971 г., закон о гражданских права заработал. Суть данного дела состояла в том, что работодатель не хотел принимать на работу женщин с детьми дошкольного возраста, что нарушало раздел VII закона. Решение судьи имело решающее значение для феминистского движения.

Движение превратилось в поистине национальное и широкоформатное, когда в 1974 г. чернокожая американка Джоан Литтл (Joan Little), отбывающая тюремное заключение, была обвинена в убийстве офицера. На суде она сказала, что защищалась от его нападков сексуального характера. Гражданское движение встало на защиту подсудимой, были найдены адвокаты среди сторонников движения, и в итоге суд ее оправдал. С этого момента лидеры женского движения осознали, что путь к расширению прав лежит не через уличные демонстрации, а через судебную систему США. Прецедентное право этому способствовало, поскольку адвокаты основывали свои решения на прошлых делах, в которых побеждали лидеры гражданского движения. Суды все чаще и чаще защищали права женщин по вопросам дискриминации и насилия. В итоге в обществе сформировалось новое отношение к защите прав ранее дискриминируемых слоев населения.

Повестка защиты прав женщин существенно расширилась в 1980-е гг. и в 1990-х гг. Кроме права на работу и зарплату женщины потребовали и получили право на аборт и право на заботу о детях (free child care). Сегодня уже никого не удивит в США тем, что женщина может быть губернатором или представителем США в ООН, как Никки Хейли (N. Haley), или советником президента по национальной безопасности, как Кондолиза Райс или Сьюзен Райс, госсекретарем, как Хилари Клинтон или Мадлен Олбрайт, руководителем огромной корпорации, как Маргарет Уитман (M. Whitman).

Однако до сих пор в американском обществе нет единства по вопросам места и роли женщины в обществе. Наблюдается даже некоторый тренд популярности консервативных взглядов. Например, если в 1994 г. 42% молодежи были уверены, что жен-

щина должна заботиться о доме, а мужчина должен быть основным источником дохода в семье, то в 2004 г. уже 58% считали такой вариант развития семейной жизни и положения женщины правильным.

Сегодня движение за права женщин или движение феминисток включает в себя огромное число самых различных направлений, которые только частично касаются статуса женщины в обществе.

Существует несколько волн феминизма. Как правило, определяют три волны. Однако сегодня уже есть сторонники так называемой четвертой волны феминизма. Первая волна – это классическая борьба женщин в конце XIX – первой половине XX в. за избирательные права, за доступ к системе образования и получение равных экономических прав, таких как право наследования собственности. Второе направление – это период 1960–1980-х гг., когда женщины боролись за равенство зарплат, доступ к должностям в политике и большом бизнесе. Третья волна феминизма – это 1990-е гг., когда на смену прагматичным целям приходят общественные дискуссии, и они оказывают существенное влияние на отношение общества к женщине и мужчине, а также на определение таких понятий, как «гендер» и «пол» (gender и sex), или как женственность и мужественность. В обществе размываются границы между женщинами и мужчинами, а идея об общих интересах женщин и отдельных интересах мужчин, их противопоставлении, а также идея о различии в представлениях о мире становится моветоном. Популярным и признанным становится тезис об индивидуальных характеристиках каждой личности в обществе и ее праве на определение своей гендерной атрибуции. Сторонники этой идеи стали говорить, что многие различия в поведении мужчины и женщины приобретаются во время воспитания. Разные игрушки, одежда и пр. формируют матрицу поведения для мужчин и женщин, и она является сдерживающим звеном. Именно отсюда поднялась волна дискуссий о трансгендерах и однополых браках в США, о чем мы поговорим ниже. Наконец, четвертая и самая радикальная волна феминизма, сторонники которой утверждают, что женщины составляют 50 процентов населения всего мира, а это значит, что их чувства, мысли, подходы к решению всех задач должны быть учтены. Более того, феминистки четвертой волны считают, что женственность биологически преобладает над мужественностью, а женщина, материнство, ее свобода и прочие ролевые атрибуты должны находиться под полной защитой государства. Наконец, сторонники феминизма стали выступать за отмену навязанных моделей поведения женщины. Культ красоты,

фигуры, бюста и пр. женщины являются, по мнению ряда радикальных феминисток, искусственно созданными и навязанными со стороны потребительского общества и мужчин, что требует радикального изменения.

В итоге феминизм как общественная мысль или научное направление существенно повлиял на представление о гражданских правах в США. Феминизм подразумевает реализацию прав всех групп общества, которые когда-то не учитывались в решениях, принимаемых политической элитой. Такие группы обычно называют *маргинализированными* или находящимися вне центра общественного развития. Поэтому феминизм – это борьба за интересы всех тех, чьи права сегодня по тем или иным причинам ущемляются.

Посмотрите, например, на марши женщин, которые прошли в США в 2017 и 2018 гг. На улицу вышли не только женщины, которые выступали против сексуального насилия и домогательств, но и различные этнические группы, сексуальные меньшинства, иммигранты, люди разных поколений, включая подростков, а также представители разных профессий, зарплата которых оставляет желать лучшего. И все эти группы входят в широкое понятие гражданского движения США.

Движение за гражданские права в США, в отличие от обществ других стран, не опирается на радикализм и мимолетность краткосрочных акций и не прекращается со сменой поколений или достижением каких-то промежуточных целей. Движение постоянно меняется, вбирая в себя новые и новые установки, например такие, как современное движение #metoo против насилия или легализация однополых браков.

Движение против сексуального насилия и за права ЛГБТ

Включение проблемы защиты прав ЛГБТ и легализации однополых браков в широкую общественную повестку стало заметным в 2000-е гг. Во многом вопрос о легализации в США однополых браков был вопросом юридическим и касался урегулирования вопросов передачи частной собственности по наследству, а также дискриминацией представителей ЛГБТ на рабочем месте. Еще в 1989 г. Верховный суд США постановил, что в США запрещена дискриминация на рабочем месте по гендерным признакам. Однако долгое время представители сексуальных меньшинств испытывали дискриминационное давление. Достаточно вспом-

нить проблему нахождения представителей ЛГБТ на армейской службе. Была разработана политика под названием «не говори – не спрашивай» (“Don’t tell, don’t ask”), которая позволяла обойти вопрос о гендерной принадлежности во время приема на контрактную службу. Однако проблемы остаются до сих пор.

В 2012 г. расширилось число штатов, которые легализовали однополые браки. Тогда штатов стало 11, а в 2015 г. Верховный суд постановил, что запрет однополых браков противоречит конституции США. Но и по этому вопросу американское общество разделилось, и граждане США имеют весьма полярное мнение относительно нужности или ненужности легализации однополых браков.

По статистике, около 46% населения поддерживают однополые браки, а 46% – категорически против. Однако данная статистика не является единственной, и самые разные статистические данные показывают разные тренды в разные периоды. Например, по опросам корпорации Пью (The Pew Center) в 2004 г. 61% опрошенных выступали против однополых браков, а уже в 2018 г. ситуация изменилась кардинально и с точностью наоборот: 61% опрошенных выступают за однополые браки¹⁷. В США, как и многих странах, заявления гомофобов или той части общества, которая выступает против расширения прав ЛГБТ, значительно усилились. Огромную роль играет церковь, а евангелисты и мормоны являются лидерами в распространении негативной позиции в отношении ЛГБТ.

Но более значимая проблема касается сексуального насилия, психологического давления и домогательств в отношении ЛГБТ, а также в отношении обычного населения и, в особенности, в отношении школьников и студентов. Кульминацией правозащитного движения по защите в этой области считалось время президентства Барака Обамы. В качестве отдельной категории таких людей в этот период стали рассматривать несовершеннолетних. Важнейшим, но малоизвестным достижением в этой области можно считать защиту прав школьников и студентов от возможного насилия (violence) и домогательств (harassment) в образовательных учреждениях. Защита гражданских прав повернулась в сторону защиты молодежи от сексуального насилия. Статистика в области домогательств и насилия тревожила экспертов и правительство США. Одна из пяти женщин оказывалась в ситуации

¹⁷ Attitudes on Same-Sex Marriage [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pewforum.org/fact-sheet/changing-attitudes-on-gay-marriage/> (дата обращения 20.02.2021).

сексуального домогательства во время обучения в колледже. Более того, 6,1% мужчин также оказывались жертвами сексуальных домогательств во время учебы. Только по официальным данным 2009 г., колледжи сообщили соответствующим органам о 3 300 случаях сексуального домогательства, а школы – о 3 800 таких случаев. Именно эта статистика стала причиной создания системы защиты от насилия в школах и колледжах. В 2011 г. появилось известное письмо Министерства образования, в котором домогательства, психологическое давление и пр. увязывались с дискриминацией. Студенты и школьники, ставшие жертвами разного рода давления и домогательств, получили право подать в суд на дискриминацию в отношении получаемого образования. Это письмо произвело тихую революцию в системе образования США, поскольку различные формы открытых или скрытых атак, угрозы, подавления и пр. также стали считаться сексуальным насилием и дискриминацией.

В своем письме администрация Барака Обамы указывала, что

...образование является великим уравнителем в Америке... все студенты должны находиться в обстановке, свободной от дискриминации. Сексуальное насилие – это нарушение права студентов на получение образования без дискриминации и считается преступлением¹⁸.

До этого момента сексуальные домогательства не считались дискриминацией и рассматривались по соответствующим статьям. Теперь же все формы давления, в том числе сексуального характера, могли быть рассмотрены по статьям о дискриминации, и самые разные формы правонарушений, которые раньше никак не фиксировались и не наказывались, могли быть зафиксированы в суде. С точки зрения законов в области образования и формирования корпоративной культуры, администрация Барака Обамы внесла значительные изменения. Существенно расширилась трактовка понятий «защита прав человека в школах и колледжах США» и «защита прав людей с ограниченными способностями»¹⁹. Теперь многие подобные дела рассматриваются с точки зрения дискриминации в образовательных и общественных учреждениях. В настоящее время около 200 подобных дел рассматриваются различными инстанциями и только 21 дело завершено.

¹⁸ U.S. Department of Education [Электронный ресурс]. URL: <https://www2.ed.gov/about/offices/list/ocr/letters/colleague-201104.html> (дата обращения 20.02.2021).

¹⁹ Ibid.

На волне самых различных разбирательств в образовательных учреждениях такая группа населения, как трансгендеры, также стала частью общественной дискуссии. Возник вопрос, могут ли люди, изменившие пол, пользоваться туалетами, относящимися к вновь приобретенному полу. Дело дошло до Верховного суда, который в 2016 г. постановил, что да, могут. Люди с консервативными и традиционными взглядами полагают, что данное правило нарушает права студентов и разрушает традиционные ценности общества. Более либеральные участники дискуссии говорят о том, что данное правило защищает права людей, которые сделали свой выбор относительно смены своего пола. Однако до сих пор этот спор в США далек от окончательного разрешения.

Защита прав животных

Проблема защиты прав животных вытекает из традиционной проблемы климатических изменений и влияния человека на живой мир. Макропроблемы окружающей среды создают микропроблемы, связанные с защитой диких животных от вымирания, а взаимодействие человека и домашних питомцев, а также взаимодействие человека с животными, которые используются в разных шоу и аттракционах, сформировали еще одно уникальное направление гражданского активизма – защиту животных от насилия со стороны человека.

Многие президенты США держали домашних питомцев в Белом доме. Для поддержания позитивного имиджа современные американские политики стараются всячески демонстрировать заботу о животных и приверженность принципам охраны окружающей среды. Например, Джо Байден, нынешний президент от Демократической партии, Берни Сандерс (Bernie Sanders), Элизабетт Уоррен (Elizabeth Warren) и многие другие часто декларируют в своих программных документах и выступлениях проблему защиты прав животных. Их лозунги содержат в себе положения, например, о создании дополнительного медицинского оснащения в приютах для кошек и собак, о введении дополнительной уголовной ответственности за жестокое обращение с животными.

Сегодня является хорошим тоном демонстрировать своих домашних питомцев избирателям. Многие из американских политиков выкладывают их фотографии в социальные сети, которые, как правило, пользуются огромной популярностью. Достаточно вспомнить фотографию Элизабет Уоррен, бывшего кандидата на

пост президента от Демократической партии, вместе с ее ретривером. Фотография Джо Байдена с его внушительной овчаркой получила более 220 тыс. лайков и около 4 тыс. комментариев. Фотография оказалась самым популярным селфи американских политиков со своими питомцами.

В США Демократическая партия и ее избиратели являются активными сторонниками защиты окружающей среды и такого относительно нового общественного движения, как защита прав животных. Многие политики выступают за принятие законов, которые ограничивали бы жестокость человека в отношении домашних животных и дикой природы. Надо сказать, что Соединенные Штаты серьезно продвинулись в этом направлении, как ни одна другая страна в мире. По опросам общественного мнения в 2015 г., около трети американцев высказали мнение, что животные должны иметь такие же права, как и люди, хотя еще в 2008 г. такое мнение высказывали только 25% респондентов. Более того, 62% респондентов заявили, что животные нуждаются в защите от насилия или уничтожения в дикой природе²⁰.

Общественная озабоченность привела к самым различным поворотам в политике по защите животных в США. Только за последние несколько лет многие компании отказались от шоу с животными. Известный цирк “Ringling Brothers” объявил о прекращении выступлений слонов в своих шоу. Бренд Armani отказался от использования натурального меха в своих коллекциях. За ним последовали такие бренды, как “Michael Kors”, “Versace” и “Furla”, а Сан-Франциско – исторический центр торговли мехом со времен золотой лихорадки – отказался от проведения меховых аукционов в 2018 г. После показа документального фильма “Black Fish” акции известного аттракциона с морскими животными “Sea World” значительно упали, а многие конгрессмены и общественные деятели стали говорить о том, что пришло время запретить использование касаток и дельфинов в различных шоу.

Что же заставило американских граждан так активно взяться за поддержку животного мира? Во-первых, широкая повестка движения за гражданские права включала в себя проблемы защиты окружающей среды, которые стали предметом пристального внимания администрации Б. Клинтона в 1990-е гг. Проблемы глобального потепления, нехватки воды, загрязнения океанов и

²⁰ In U.S., More Say Animals Should Have Same Rights as People [Электронный ресурс]. URL: <https://news.gallup.com/poll/183275/say-animals-rights-people.aspx> (дата обращения 20.02.2021).

избытка мусора создали новую политическую культуру в США. В этой культуре, наравне с макропроблемами или глобальными проблемами, существовали микропроблемы, которые касались бездомных животных, заботы о них и защиты от насилия. Американское общество, приобретя существенный опыт в продвижении прав различных групп общества и добившись успеха, обратилось к новой проблеме – защите жизни и права на нее для представителей животного мира. Другими словами, глобальная экологическая повестка получила четкий локальный фокус, понятный миллионам граждан.

Во-вторых, начиная с конца 1960-х гг. правозащитники и экологи озвучивали проблемы исчезновения некоторых видов диких животных, которые в США ассоциировались с историей Америки. Уже в начале 1970-х гг. оказалось, что знаменитый белоголовый орлан, символ американской революции и ранней истории США, исчезает, медведь гризли и волк (grey wolf) – источники американского эпоса и фильмов в жанре хоррора – насчитывают не более 2000 особей. Это вызвало серьезный общественный резонанс, приведший к принятию ряда законов о защите животных, и повернуло простых американцев к концепции эко-жизни, в которой домашние животные стали признаваться полноценными членами семьи, а природа – частью общества, нуждающейся в защите.

В итоге в 1973 г. был принят знаменитый закон о сохранении исчезающих видов животных (Endangered Species Act), который создавал систему надзора и расширения популяций отдельных видов. Закон запрещал охоту на таких животных, как орлан, кит и медведь (bald eagle, the humpback whale и the grizzly bear), и выделял финансирование на создание новых заповедников. Однако со дня принятия этот закон постоянно находится под ударом со стороны лоббистов строительных компаний, фермеров и охотников, которые говорят, что он всего лишь уловка для приобретения контроля над земельными угодьями. Президент Трамп, например, выступал за ослабление закона, мотивируя это тезисом о необходимости сокращать расходы федерального правительства на такие проекты. Надо сказать, что действующий президент США имеет двоякую позицию в отношении защиты животных. Еще в 1993 г., будучи бизнесменом, Д. Трамп следовал за новой волной эко-движения и запретил проведение лошадиных скачек в Атлантик сити. Но, заняв пост президента, он заговорил о том, что необходимо расширить права охотников, тем самым поддержав позицию большинства своих избирателей.

Если представители дикой природы как-то попали под защиту, то домашние питомцы и бездомные животные оставались за пределами общественного внимания. Защитой интересов домашних животных, попавших в руки жестоких хозяев, вплоть до начала XXI в. занимались лишь небольшие региональные организации. Новый поворот пришелся на 2000-е гг., когда в результате широкого общественного движения за права беззащитных животных в США сформировалась новая политическая повестка. Более тридцати штатов приняли законы против жестокого обращения с животными в приютах и домашних условиях. Многие шоу с собаками, крокодилами и лошадьми были запрещены. На федеральном уровне стала проводиться особая политика по снижению популяции бездомных животных. Появилась практика их бережного отлова, лечения, кастрации и, если не найдутся хозяева, обустройства в приютах, а в некоторых случаях возвращения в природную среду обитания. Это позволило зоозащитникам сохранять жизни найденным и не позволять им замерзнуть и умереть от голода на улицах.

Самой значимой победой зоозащитников стало принятие закона о защите животных от жестокого обращения (РАСТ Act или Preventing Animal Cruelty and Torture Act). Закон был принят в 2019 г. и ввел уголовную ответственность за жестокое обращение с животными на федеральном уровне. Расширилось финансирование приютов, которые обслуживают домашних животных, попавших в руки жестоких владельцев. Теперь запрещены различные шоу с животными, включая бои собак. И надо сказать, что это не окончательный итог движения по защите прав животных. Сегодня в обществе обсуждаются новые законопроекты, например Welfare of Our Friends Act of 2019, который запрещает перевозку домашних питомцев в багажном отделении самолетов и поездов и усиливает контроль за работой сотрудников зоопарков.

Американское общество находится в состоянии постоянной борьбы за права, сохранение и улучшение окружающего мира. Гражданский активизм – это настоящий вечный двигатель, а в США не иссякает число активистов, общественных организаций и партий, выступающих в защиту тех, кто оказался под угрозой и чьи законные права нарушаются. В этом постоянном гражданском движении по защите прав состоит одна из наиболее характерных черт современной американской цивилизации.

Для дальнейшего изучения

- Carmon I., Knizhnik S.* Notorious RBG: The Life and Times of Ruth Bader Ginsburg. Dey Street Books, 2015.
- Fleischer D.* The Disability Rights Movement. Temple University Press, 2001.
- Giardina C.* The Making of a Modern Feminist Vanguard: 1964–1973: Southern Women Whose Leadership Shaped the Movement and the Nation: A Synthetic Analysis // Journal of Southern History. 2019. Vol. 85. No 3. P. 611–665.
- Hayden M.* The Self-Advocacy Movement: The Unacknowledged Civil Rights Movement. Washington, 2004.
- Lewis T.* Mapping Social Movements and Leveraging the U.S. West: The Rhetoric of the Woman Suffrage Map // Women's Studies in Communication. 2019. Vol. 42. No. 4. P. 490–510.

Электронные ресурсы

- История принятия закона ADA [Электронный ресурс]. URL: <https://www.law.udc.edu/page/ADAAnniversary> (дата обращения 20.02.2021).
- BLM [Электронный ресурс]. URL: <https://blacklivesmatter.com> (дата обращения 20.02.2021).
- The Museum of disABILITY History [Электронный ресурс]. URL: <https://www.museumofdisability.org> (дата обращения 20.02.2021).
- National Association for the Advancement of Colored People [Электронный ресурс]. URL: <https://naacp.org> (дата обращения 20.02.2021).
- Special Olympics [Электронный ресурс]. URL: <https://www.specialolympics.org/our-work/world-games> (дата обращения 20.02.2021).

Тема 4. Зачем американцам нужны политические партии

Современные США трудно представить без политических партий. В стране существует двухпартийная система, и республиканцы противостоят демократам буквально во всем: от судьбоносных вопросов выбора стратегии национального развития до выбора между Кока-Колой и Пепси.

Предпочтение того или иного прохладительного напитка может показаться далекой от политики проблемой, но американцы умеют видеть политику во всем. Социологи уже много десятилетий проводят опросы общественного мнения, пытаясь выяснить, какой лимонад дороже сердцу избирателей от разных партий. Среди республиканцев лидирует Кока-Кола, среди демократов – Пепси. Однако многие известные политики шли наперекор этим народным предпочтениям. Президент-республиканец Ричард Никсон (1969–1974) в 1950-е гг. занимал пост советника в компании Пепси (и способствовал началу ее поставок в СССР), а президент-демократ Джимми Картер (1977–1981) всячески продвигал Кока-Колу и даже установил в Белом доме аппараты, торгующие этим напитком. Его выбор объяснялся просто: штаб-квартира Кока-Колы располагалась в Атланте, штат Джорджия, а Картер до президентства был губернатором этого штата.

В серьезных политических вопросах различия между республиканцами и демократами обнаруживаются гораздо проще, чем в «лимонадном» споре. Современная Республиканская партия собирает под свои знамена сторонников консервативных ценностей, рыночных подходов в экономике, жесткого продвижения национальных интересов во внешней политике. Демократическая партия привлекает людей более либеральных взглядов, убежденных в необходимости расширения участия американского государства в решении внутренних и глобальных проблем. Также демократы в целом гораздо позитивнее смотрят на перспективы сотрудничества с другими государствами и особенно международными организациями.

Считается, что партии необходимы американской политической системе для эффективной работы демократического механизма. Партии значительно облегчают задачу поиска и выдвижения кандидатов на занятие политических постов, активно участвуют в организации избирательных кампаний, разрабатывают политические стратегии и способствуют их реализации в случае победы на выборах.

На протяжении истории США часто возникали ситуации, когда способность политических партий выполнять все перечисленные функции ставилась под серьезное сомнение. Обычно подобные кризисы завершались возникновением новых партий либо реформированием старых. Во второй половине XX в. большую популярность приобрел полный отказ от партийной самоидентификации, численность избирателей, называвших себя «независимыми», достигала порой 40%. Однако все разговоры о скором крахе партийной системы и замене ее чем-то совершенно иным пока так ни к чему и не привели. Даже распространение интернета и начало цифровой эпохи не смогли нанести серьезный урон многовековой традиции американской партийной политики.

История двухпартийной системы в США

Федералисты и демократические республиканцы

Политические партии не были упомянуты ни в одном из основополагающих документов периода Американской революции. Многие отцы-основатели, включая первого президента США Джорджа Вашингтона, считали партии (или «фракции», как их тогда было принято называть) явлением вредным и нежелательным. В своем политическом завещании (1796) Вашингтон призывал американцев сохранять единство, верность республиканским принципам и остерегаться «губительного влияния духа партийного разделения» (baneful effects of the spirit of party).

Однако на практике избежать раскола по идеологическим линиям не удалось. Еще не успели просохнуть чернила на американской Конституции 1787 г., как в стране разгорелся спор федералистов и антифедералистов – сторонников и противников ратификации нового основного закона. Лидеры этих двух течений Александр Гамильтон и Томас Джефферсон впоследствии стали лидерами двух первых партий: партии федералистов и пар-

тии демократических республиканцев (или «джефферсоновских республиканцев»).

В основу двух первых партийных идеологий легли взгляды Гамильтона и Джефферсона. Гамильтон был сторонником сильной центральной власти, опирающейся, прежде всего на наиболее успешных и состоятельных жителей страны. Он считал, что правительство должно распоряжаться значительными финансовыми ресурсами, получаемыми от сбора налогов и пошлин, определять стратегию развития национальной экономики и промышленности. Во внешней политике, по мнению Гамильтона и федералистов, необходимо было делать ставку на восстановление отношений с Великобританией как с самой богатой и могущественной страной Старого Света.

Джефферсон и его однопартийцы видели в сильной центральной власти большую угрозу, опасались укрепления авторитаризма и возрождения монархии (отсюда и слово «республиканцы» в названии). Вместо опоры на богатых и успешных джефферсоновцы предлагали делать ставку на простых фермеров, составлявших тогда абсолютное большинство населения США (поэтому в названии партии специально подчеркивался ее «демократический» характер). В этой «республике фермеров» правительство должно было выполнять лишь самые базовые функции обеспечения безопасности – ни о каких больших налогах и пошлинах, ни о каком государственном управлении экономикой не могло быть и речи. Во внешней политике джефферсоновские республиканцы делали ставку на развитие отношений с Францией – носительницей либеральных и даже революционных идей.

Современные Республиканская и Демократическая партии могут считать себя идеологическими наследницами и федералистов, и демократических республиканцев, так как в их партийных платформах обнаруживается удивительный микс из идей Гамильтона и Джефферсона. Так, демократы, которые часто называют своим главным вдохновителем Томаса Джефферсона, в то же самое время отстаивают совершенно гамильтоновскую идеологию сильного государства, активно вмешивающегося в экономику и решение социальных проблем. А республиканцы, которые ведут родословную лишь с 1854 г. и называют себя «партией Линкольна», поддерживают джефферсоновские идеи об угрозах, исходящих от «большого правительства». При этом демократы сохраняют приверженность джефферсоновскому классическому либерализму, а республиканцы совершенно по-гамильтоновски делают ставку на богатых и состоятельных.

Еще при жизни Вашингтона его мечта о беспартийной Америке рассыпалась в прах. На выборах 1796 г. первое место занял федералист Джон Адамс, а второе – лидер демократических республиканцев Томас Джефферсон. Согласно действующим тогда правилам, Джефферсону пришлось занять пост вице-президента в новой администрации, а в 1801 г. он одержал победу над Адамсом и стал первым представителем оппозиции, выигравшим выборы у действующего президента.

Первая двухпартийная система США прекратила свое существование в 1814 г., после Второй американо-британской войны («Второй войны за независимость», 1812–1814), когда федералисты, с их проанглийской позицией, оказались совершенно дискредитированы в общественном мнении. Никакой организационной структуры у партий тогда еще не было, поэтому, когда партийные лидеры федералистов отошли от дел, не стало и партии.

В США наступила так называемая Эра доброго согласия, продлившаяся 10 лет до 1824 г. В это время демократические республиканцы не сталкивались с серьезной оппозицией ни на выборах президента, ни на выборах в конгресс. Большая часть периода пришлась на два срока президентства Джеймса Монро (1817–1825), с именем которого связывают провозглашение знаменитой одноименной внешнеполитической доктрины США.

Демократы и виги

Очередной раскол общества по партийной линии произошел в середине 1820-х гг. Историки связывают его с изменениями в расстановке политических сил из-за присоединения новых территорий и создания многочисленных новых штатов на Среднем Западе США. В новых штатах практически все мужское население имело возможность принимать участие в выборах – имущественный ценз, распространенный в штатах Атлантического побережья, отсутствовал. Интересы жителей «старой» и «новой» Америки все чаще не совпадали. Выборы 1824 г. оказались последними однопартийными выборами в истории США, но даже на них партию демократических республиканцев представляли сразу пять кандидатов. Президентом стал Джон Куинси Адамс, но лишь благодаря «коррупционной сделке» со спикером Палаты представителей Генри Клеем, которая лишила заслуженной победы набравшего большинство народных голосов генерала Эндрю Джексона.

Народное негодование из-за исхода президентских выборов способствовало консолидации вокруг Джексона огромного чис-

ла его сторонников и формированию новой, Демократической партии. Через четыре года Джексон добился триумфальной победы на очередных президентских выборах и в США началась «демократическая эпоха», продолжавшаяся до середины 1850-х. Демократической партии, или как ее называли «партии простых людей», противостояла партия Национальных республиканцев, с 1833 г. именуемая Партией вигов. Это название было заимствовано из Великобритании: там вигами еще в XVII в. называли либеральную оппозицию династии Стюартов. Американские виги считали, что президент Джексон, пользуясь своей огромной популярностью в народе, хочет узурпировать власть и стать «королем Эндрю». В социальном плане Партия вигов в основном опиралась на состоятельных и образованных жителей северо-востока США, а также всех недовольных новыми «демократическими» порядками.

Партия «простых людей» доминировала в американской политике больше двух десятилетий: в это время вигам только дважды удалось одержать победу на президентских выборах, да и то лишь ценой выдвижения популярных генералов вместо реальных партийных лидеров. Демократы привлекали под свои знамена огромные массы людей, которым импонировало стремление руководства партии во всем угождать их чаяниям, даже если эти чаяния вступали в противоречие с логикой и здравым смыслом. Например, всеобщее одобрение вызвало решение президента Джексона ликвидировать Национальный банк США: в народе считали, что там заседают финансовые магнаты, желающие лишить людей дешевых кредитов, а то и вовсе захватить власть в государстве. В результате страна на много десятилетий осталась без важнейшего инструмента финансового регулирования.

Другим популярным нововведением демократов стала система «дележа добычи». Теперь после каждых выборов, выигранных Демократической партией, политические посты на всех уровнях заново распределялись между партийными активистами и спонсорами, без какого бы то ни было учета их профессионализма и способностей к управлению.

Всеобщий ажиотаж вызвала активно продвигаемая Демократической партией идея «Предопределения судьбы» (Manifest Destiny), согласно которой вся Северная Америка от Атлантического до Тихого океана должна была быть заселена и освоена жителями Соединенных Штатов. Это их судьба, уготованная самим Богом. То, что большая часть территории фактически принадлежала Мексике и коренным американцам, сторонни-

ков «Предопределения судьбы» ничуть не смущало. Поддержка начавшейся в 1840-е гг. новой волны переселения на Запад помогла Демократической партии восстановить свою репутацию, несколько пошатнувшуюся после финансового кризиса 1837 г. (в значительной степени спровоцированного ликвидацией Национального банка).

Легенда гласит, что, когда виги попытались высмеять простоту нравов сторонников Демократической партии и начали изображать их на карикатурах в образе осла, демократы, вместо того, чтобы обидеться, избрали осла своей партийной эмблемой. Они не поняли, что обидного может быть в сравнении с ослом – трудолюбивым и терпеливым животным.

Республиканцы и демократы

Возможно, популизм позволил бы Демократической партии еще очень долго находиться в центре американской политики и одерживать верх над вигами и любыми другими оппонентами, но в результате стремительной территориальной экспансии в США резко обострились споры вокруг проблемы рабовладения. Именно неспособность прийти к какому-либо устойчивому компромиссу в этом вопросе стоила демократам их политического влияния. Изначально отвергая любые попытки отмены или ограничения рабовладения, Демократическая партия со временем оказалась в проигрышной позиции. Быстро развивающийся промышленный Север не нуждался в труде рабов и в процессе экспансии на Запад стремился к запрету рабовладения на новых территориях. Это считалось верным с моральной точки зрения, но самое главное – должно было предотвратить чрезмерное политическое усиление южных рабовладельцев.

Север еще до Гражданской войны выиграл экономическое и демографическое соревнование у южных штатов. Промышленность была более надежным источником доходов по сравнению с хлопковыми плантациями. Иммигранты из Европы стремились попасть именно в быстрорастущие города и на свободные от рабовладения земли Севера. Общеамериканская партия, не способная порвать с рабовладельческим прошлым, была в такой ситуации обречена на проигрыш в конкурентной борьбе.

Виги в силу своей традиционной элитарности также не могли претендовать на успех в американской политике, основанной на борьбе за симпатии демократического большинства. В 1850-е гг. эти симпатии удалось завоевать новой Республиканской партии, соединившей в своей программе лозунги вигов о развитии про-

мышленности с идеей гомстедов (раздаваемых за символическую плату западных земель) и нераспространения рабовладения на новые территории. Кандидат от Республиканской партии Авраам Линкольн победил на выборах 1860 г., что привело к отделению южных рабовладельческих штатов и Гражданской войне. Демократическая партия уцелела, но крайне ослабла, раскололась на несколько фракций. После победы Севера в войне демократы долгое время ассоциировались с Югом и презрительно именовались политическими противниками «партией бывших рабовладельцев».

Эпоха «партийных машин»

Однако прошло десять лет, и Демократическая партия «восстала из пепла». США вступили в последней четверти XIX в. в период индустриальной революции и стремительной урбанизации, старые споры, связанные с рабовладением, были забыты. Республиканцы по-прежнему считали себя главной партией индустриальной Америки, но демократам удалось найти для себя политическую нишу в отстаивании интересов фермеров, новых иммигрантов, а также белых южан, так и не пожелавших смириться с поражением в Гражданской войне от «северных янки».

В это время партии приобрели новые, ранее не характерные для них социальные функции. Стремительный рост населения за счет иммиграции, неустроенность жизни в городских трущобах, разорение фермеров, не вписавшихся в новый экономический уклад – все эти проблемы требовали решения. Американское государство, верное заветам Джефферсона, занимало пассивную позицию. Считалось, что любые меры социальной поддержки, исходящие от правительства, лишь развращают людей, нарушают естественный ход вещей.

Однако естественный традиционный уклад экономики, основанный на сельскохозяйственном производстве, и так был разрушен индустриализацией. Сотни тысяч людей не могли справиться со своими проблемами самостоятельно. Им на выручку пришли так называемые партийные машины. Они помогали искать работу и жилье, устраивали детей в школы и университеты, помогали оплачивать счета из больниц и делали многое другое, что сегодня реализуется в рамках государственной политики социальной поддержки. Естественно, «партийные машины» занимались всем этим не бескорыстно. От тех, кто получил помощь, взамен требовалось участие в выборах и голосование за «правильных кандидатов».

Неудивительно, что такая система привела к быстрому нивелированию идеологических различий между республиканцами и демократами. Важнее любых политических теорий и лозунгов оказались протекция, деньги и помощь в решении повседневных вопросов. Население страны активнейшим образом участвовало в выборах, но эти выборы были лишь формой выяснения отношений между партийными боссами и финансовыми магнатами: кто сможет купить себе больше голосов.

Великая депрессия и коалиция «Нового курса»

Могущество «партийных машин» стало серьезно ослабевать с начала XX в., в результате серии так называемых прогрессивных реформ. Общественное возмущение чудовищными масштабами коррупции на всех уровнях власти привело на протяжении первых двух десятилетий XX в. к внедрению таких новаций, как праймериз (внутрипартийные выборы по отбору лучших кандидатов на политические посты), тайное голосование, прямые выборы сенаторов, введение подоходного налога и избирательного права для женщин. Все это лишило «партийные машины» возможности функционировать в прежнем режиме, привело к снижению уровня коррупции, но и оставило американцев даже без того базового уровня социальной защиты, который предоставляли партийные боссы.

Это стало особенно хорошо заметно, когда на США в конце 1920-х гг. обрушилась «Великая депрессия». Кризис в экономике привел к росту безработицы до катастрофических 25%, миллионы людей лишились жилья и средств к существованию. Многие винили в произошедшем Республиканскую партию и выдвинутого ею президента Герберта Гувера (1929–1933). У Демократической партии появился шанс решительно расквитаться с республиканцами, которые со времен Гражданской войны считались в целом более успешной и эффективной политической силой. Демократы в полной мере воспользовались этим шансом, во многом благодаря президенту Ф. Рузвельту, который после победы на выборах 1932 г. заявил о начале проведения политики «Нового курса».

Именно «Новый курс» Рузвельта обеспечил глубокую идейную трансформацию Демократической партии – она отошла от джефферсонских идеалов и стала активно продвигать концепцию сильного государства и «большого правительства». Только с помощью огромных государственных социальных расходов,

отстаиваемых демократами, удалось справиться с бедствиями «Великой депрессии». Начавшаяся вскоре Вторая мировая война окончательно закрепила этот тренд на повышение роли государства в общественной жизни.

Благодаря программам социальной поддержки, инициированным Рузвельтом, за Демократическую партию, некогда «партию рабовладельцев», впервые в истории стали голосовать чернокожие американцы. По сей день они остаются самыми верными приверженцами демократов (до 90% голосов чернокожих достаются демократическим кандидатам). Наряду с фермерами, рабочими и либеральной интеллигенцией они составили «коалицию Нового курса», которая помогала Демократической партии побеждать на выборах вплоть до начала 1970-х гг.

Либералы и консерваторы

В 1960-е гг. двухпартийная система США пережила очередную трансформацию: ее основной причиной стали впечатляющие успехи движения за гражданские права. После того как президент-демократ Линдон Джонсон в 1965 г. подписал закон, гарантирующий чернокожим американцам их избирательные права, ряды Демократической партии покинуло множество консервативно настроенных белых южан. Их приняла в свои объятия Республиканская партия, постепенно ставшая настоящим оплотом социального консерватизма. Этот процесс достиг кульминации в период президентства Рональда Рейгана (1981–1989), который по сей день остается настоящим кумиром американских консерваторов.

Именно в 1980-е гг. окончательно сформировался «социальный портрет» приверженцев Демократической и Республиканской партий, характерный и для нашего времени. За демократов чаще голосуют женщины, чернокожие, люди со средним и низким доходом, молодые и пожилые, приверженцы либеральных ценностей. Образ среднестатистического республиканца – это хорошо зарабатывающий или просто очень богатый белый мужчина средних лет, придерживающийся консервативных взглядов. Некоторой новацией последних лет, обеспечившей в 2016 г. победу республиканца Д. Трампа, можно считать голоса, отданные за него избирателями с низкими доходами и невысоким уровнем образования. Впрочем, для многих представителей Республиканской партии Д. Трамп так и не смог стать по-настоящему «своим» президентом.

Почему в США сформировалась двухпартийная система? Роль третьих партий

Существование в США только двух основных партий – это не дань традиции и не следствие естественного деления американцев на два больших идейно-политических лагеря. Идеологий и политических течений в США гораздо больше, причем многие из них весьма популярны и имеют мало общего с партийными платформами демократов и республиканцев. Однако те, кто решился идти на выборы в качестве независимого кандидата или баллотироваться от малых партий, не имеют больших шансов на победу в силу особенностей американской избирательной системы.

Во-первых, на выборах всех уровней в США действует принцип, согласно которому победа в избирательных округах достается кандидату, набравшему наибольшее число голосов. Победителей не может быть несколько. Это требует от независимых и выступающих против традиционных партий политиков экстраординарных усилий для получения мест в органах законодательной власти.

Во-вторых, на уровне штатов действует множество правил, крайне усложняющих процедуру регистрации для кандидатов, не поддержанных двумя ведущими партиями. Независимые и кандидаты от малых партий, как правило, должны собирать подписи, которые затем тщательно проверяются избирательными комиссиями. Эту утомительную и дорогостоящую процедуру необходимо проходить перед каждым новыми выборами.

В-третьих, система выборов президента, при которой избиратели разных штатов формально голосуют не за партийных кандидатов, а за подобранных партиями выборщиков, фактически лишает шансов на избрание тех, кто не представляет одну из ведущих партий. В большинстве штатов действует принцип «победитель получает все», т. е. *все* выборщики от штата солидарно голосуют за того кандидата, который в этом штате одержал победу, даже если это победа с перевесом в долю процента. Самый популярный кандидат от третьей партии за всю историю США, Теодор Рузвельт, представлявший созданную им Прогрессивную партию, смог в 1912 г. получить лишь 88 голосов выборщиков из 531 – при том, что за него проголосовали 28% избирателей.

Помимо сложностей с получением голосов выборщиков, на пути не принадлежащих к двум основным партиям кандидатов в президенты, стоят и другие препятствия. Например, им обычно

не удастся принять участие в предвыборных дебатах, так как для допуска туда необходим рейтинг не менее 15%. Также им не достается денег из бюджета, которые распределяются между кандидатами от партий, получивших не менее 5% голосов на предыдущих выборах.

Несмотря на отсутствие серьезных перспектив, независимые кандидаты и представители малых партий принимают довольно активное участие в избирательных кампаниях всех уровней. За последние 30 лет в США несколько раз выбирали независимых губернаторов (Ангуса Кинга в Мэне в 1994 и 1998 гг., Линкольна Чаффи в Род-Айленде в 2010 г., Билла Уолкера в Аляске в 2014 г.). В 1998 г. в Миннесоте губернатором избрали представителя Партии реформ Джесси Вентуру.

Исход нескольких последних президентских кампаний в США был решен именно из-за участия популярных третьих кандидатов. Независимый кандидат Росс Перо в 1992 г. набрал 19%, отнял голоса у Дж. Буша-старшего и помог победить Биллу Клинтону. Представитель Партии Зеленых Ральф Нейдер в 2000 г. получил поддержку лишь 2,7% избирателей, но и этого оказалось достаточно, чтобы лишить победы демократа Альберта Гора.

Распространение интернета и социальных сетей создало новую информационную среду, в которой у независимых кандидатов и представителей малых партий появилось больше возможностей доносить свои идеи до избирателей. Однако это пока не привело к каким-то серьезным изменениям. В избирательных бюллетенях на президентских выборах 2016 г. помимо кандидатов от двух ведущих партий значилось несколько других фамилий. В частности, на пост президента претендовали представитель Либертарианской партии Гари Джонсон и кандидат от Партии зеленых Джил Стейн. В итоге они получили соответственно 3,3% и 1% голосов избирателей. Несмотря на незначительность этих цифр, результаты Джонсона и Стейн можно рассматривать как их большой персональный успех: в 2012 г. за них проголосовали лишь 0,99 и 0,36%.

Изначально третьи партии в США возникали в качестве реакции на некую общественную проблему, которую ведущие партии не замечали либо сознательно игнорировали. В XIX в. существовало несколько довольно экзотических партий – например антимасонская или Партия «ничего-не-знающих» (Know Nothing Party). Первая из них, как следует из названия, видела основную угрозу для американской демократии в масонских ложах. Предполагалось, что тайные масонские ложи формируют «теневое правительство», неподотчетное простому народу. В начале 1830-х гг. под

лозунгом противостояния этой «тайной власти» масонов партии удалось избрать нескольких губернаторов.

Партия «ничего-не-знающих» образовалась в середине 1850-х, официально именовалась Американской партией и собирала под свои знамена всех недовольных растущим числом иммигрантов, прежде всего католиков-ирландцев. Свое неофициальное прозвище партия получила из-за секретного характера первых собраний ее сторонников, которым велено было отвечать на вопросы любопытствующих «я ничего не знаю». Партии удалось провести в палату представителей и сенат нескольких своих представителей, но затем она быстро распалась.

Более успешными и влиятельными третьими партиями в истории США были популисты, социалисты и прогрессисты. Однако ни одной из них никогда не удавалось даже приблизиться по политической эффективности к двум ведущим партиям. Как показывают результаты последних избирательных кампаний, подобная ситуация сохраняется и в XXI в. Чтобы сделать в США успешную политическую карьеру, по-прежнему надо становиться либо демократом, либо республиканцем.

Организационная структура современных американских партий

Чтобы побеждать на выборах, любая партия в США должна иметь разветвленную структуру подразделений на всех уровнях. В стране существует около 200 тыс. избирательных округов, в каждом действуют, по крайней мере, партийные организации демократов и республиканцев. Где-то свои низовые структуры имеют и малые партии. Особые партийные подразделения существуют и на всех промежуточных уровнях: в городах, графствах, штатах. Венчают эту пирамидальную структуру национальные комитеты.

Естественно, все это требует значительных управленческих ресурсов. Только Демократическая и Республиканская партии вместе обеспечивают работой не менее 500 тысяч партийных бюрократов. Во время избирательных кампаний к ним присоединяется еще и значительное число волонтеров.

Современные партийные организации в США заняты, в первую очередь, технологическим обеспечением избирательных кампаний. Еще в середине XX в. считалось, что активный кандидат, обладающий достаточными финансовыми ресурсами, может самостоятельно организовать свою кампанию, провести встречи с

избирателями, разослать агитационные материалы по почте, дать интервью журналистам. Современные же избирательные кампании все больше напоминают грандиозное политическое шоу, у которого должен быть не только главный режиссер, но и множество профессиональных организаторов и технических консультантов. Особое значение придается работе по сбору средств. В ходе президентской кампании 2016 г. штабы двух ведущих кандидатов получили и потратили в общей сложности 2,35 млрд долл.

Конечно же, ни у самих кандидатов, ни у локальных «партийных машин» нет необходимых для всего этого возможностей и ресурсов. Неспособность обеспечить полноценную техническую и организационную поддержку своим кандидатам – это еще один фактор слабости малых партий в современной американской политической системе.

Одна из важнейших функций национальных партийных комитетов – проведение конвентов, на которых избирается кандидат от партии на президентских выборах и утверждается партийная платформа. Национальные конвенты Республиканской и Демократической партий в последние десятилетия проходят с большой помпой, организуются в формате политических шоу и привлекают внимание широкой аудитории.

Принадлежность простых американцев к той или иной партии не оформляется в виде членских взносов, посещения партийных мероприятий или каких-то других специальных обязательств. В некоторых штатах можно зарегистрироваться в качестве избирателя от определенной партии на первичных выборах партийных кандидатов, но в других даже на партийные праймериз допускают всех желающих. Американец считается демократом, республиканцем, либертарианцем или кем-то еще только лишь на основании его предпочтений в качестве избирателя, и ничто не мешает менять партийную принадлежность неограниченное количество раз (или одновременно участвовать в мероприятиях разных партий).

Более жесткие правила начинают действовать, когда житель США принимает решение выдвинуть свою кандидатуру на какой-либо политический пост. В этом случае ему необходимо заручиться поддержкой партийной организации, которая обеспечит его включение в избирательные бюллетени (или идти на выборы в качестве независимого кандидата). Интересно, что для этого не требуется даже верности партийным идеологическим принципам – достаточно убедить участников партийных праймериз или тех, кто поставит подпись в вашу поддержку, что именно вы имеете лучшие шансы на победу над всеми другими кандидатами.

Смена партийной принадлежности политиками в США не редкость, но подобный шаг обычно не вполне одобряется избирателями. Однако такое непостоянство может и не мешать успешной политической карьере: известно, например, что президент Дональд Трамп на протяжении жизни многократно менял свои партийные предпочтения и в 2001–2009 гг. голосовал за демократов.

Участие политических партий США в государственном управлении

Влияние политических партий на госуправление особо заметно в США в органах законодательной власти. В федеральном Конгрессе партия, получившая большинство в Палате представителей или Сенате, осуществляет руководство всеми комитетами соответствующей палаты. Руководители фракций («кокусов») могут требовать от конгрессменов и сенаторов соблюдения партийной дисциплины, голосования в соответствии с партийной линией. Впрочем, ничто не мешает эту дисциплину нарушать, если на то имеются веские основания. Автоматических санкций и наказаний, а тем более исключения из партии, это обычно не влечет.

Партийные организаторы проводят большую работу по отбору кандидатов на посты в различных структурах исполнительной власти. Конечно, президенты имеют значительную свободу в назначении на должности, но кандидатов на основные посты необходимо утвердить в Сенате, а для этого необходимо договариваться и с однопартийцами, и с представителями оппозиционной партии. Это особенно актуально в ситуации «разделенного правления», когда президент принадлежит к одной партии, а большинство в одной или обеих палатах конгресса – к другой. В судебной системе партийное разделение формально отсутствует, но в процессе назначения новых судей борьба также разгорается между кандидатами, неформально поддерживаемыми разными партиями.

Успех той или иной администрации США зависит от того, в какой степени президенту удастся провести через Конгресс и воплотить в законах ключевые пункты своей предвыборной программы. Без партийного большинства хотя бы в одной, а лучше в двух палатах Конгресса сделать это представляется весьма затруднительным. Зато когда такое большинство имеется, 80 и более процентов президентских инициатив превращаются в законы.

Таким образом, партии являются в США важнейшим инструментом политической борьбы и обеспечивают функционирование основных механизмов государственного управления. Хотя в адрес ведущих политических партий звучит много критики, и их часто именуют устаревшими институтами, не отвечающими вызовам времени, – без них современная американская демократия совершенно немыслима. Партийный дух разделения, по поводу которого так сокрушался Дж. Вашингтон, пронизывает сегодня все уровни американской власти, но не столько разделяет американцев, сколько помогает поддерживать устойчивое равновесие в политической системе.

Для дальнейшего изучения

- Молчанов С.М.* Политические партии США в новейшее время: идеология, роль, сходства, различия [Электронный ресурс]. URL: http://samlib.ru/m/molchanow_s_m/uspoliticalpartiesatpresent.shtml (дата обращения 20.02.2021).
- Печатнов В.О.* Гамильтон и Джефферсон. М., 1984.
- Роголев Ю.* Почему Джордж Вашингтон был противником политических партий? [Электронный ресурс]. URL: <https://postnauka.ru/video/59199> (дата обращения 20.02.2021).
- Саломатин А.Ю.* Формирование двухпартийной системы США в XIX в. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-dvuhpartiynoy-sistemy-ssha-v-xix-v-sravnitelnyy-analiz-partiynyh-peregrupirovok> (дата обращения 20.02.2021).
- Согрин В.В.* Политическая история США. М., 2001.
- Aldrich J.* Why Parties? The Origin and Transformation of Political Parties in America. N.Y., 1995.
- Blake A.* Why are there only Two Political Parties in American Politics? // Washington Post. 2016. April 27.
- Goldfield D.* America Aflame: How the Civil War Created a Nation. N.Y., 2011.
- Maisel L.S.* American Political Parties and Elections. A Very Short Introduction. Oxford University Press, 2007 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.amazon.com/American-Political-Parties-Elections-Introductions/dp/1536664987> (дата обращения 20.02.2021).
- Pierson P.* The Transformation of American Politics: Activist Government and the Rise of Conservatism. N.Y., 1994.

Тема 5. Выборы в США как социокультурный феномен

Выборы политиков самых разных уровней – от президента до депутата городского законодательного собрания – являются важнейшим компонентом политической жизни в США. Через выборы формируются новые политические элиты, а самые различные социальные группы имеют возможность отстаивать свою повестку и интересы. Американская система выборов самая децентрализованная в мире, т. е. федеральное правительство в Вашингтоне контролирует только малую часть вопросов. Но в то же время в США самая запутанная система выборов, избирательных кампаний и их финансирования.

Всем известно, что раз в четыре года американцы избирают президента и вице-президента, раз в два года избираются все 435 членов Конгресса и одна треть из 100 сенаторов. Это так называемые федеральные выборы. Но существует еще огромное количество выборов на уровне штатов и местных выборов, которые проводятся в разное время и могут совпадать с выборами в Белый дом или Конгресс. В среднем каждые четыре года – в период так называемого одного избирательного цикла – граждане США выбирают из 500 тысяч человек кандидатов на 85 тыс. самых разных постов. Поэтому, когда простые американцы приходят на избирательный участок, в печатной или электронной форме бюллетеня они видят длинный список фамилий кандидатов на федеральные и местные посты. Причем список фамилий кандидатов в президенты – это самая малая часть списка.

Чтобы прояснить вопрос о том, что такое выборы в США, нам надо раскрыть два больших вопроса – уникальность избирательного процесса в США и политические технологии, которые используются во время выборов.

Выборы: от запутанного избирательного бюллетеня до финансирования политических кампаний

Избирательный бюллетень в США: что в нем указано?

В отличие от многих стран, в США не существует общенационального стандарта избирательного бюллетеня. Местные избирательные комиссии самостоятельно разрабатывают его форму и делают все возможное, чтобы содержание было понятным для избирателей, которые могут говорить на разных языках. Поэтому очень часто информация в бюллетене указывается на испанском, французском, русском и многих других языках в зависимости от округа и проживающего на его территории населения.

Самое интересное из того, что отличает США от других стран, – это объем информации, который содержится в печатном или электронном бюллетене (*election ballot*). В разное время и в разных штатах бюллетень представлял собой довольно широкий бумажный лист с объемным списком самых различных кандидатов. Например, во время выборов 2008 г. в Чикаго (штат Иллинойс) на одном из участков бюллетень содержал более 240 фамилий кандидатов на пост президента, кандидатов в Конгресс, в местные законодательные органы, на пост прокурора Чикаго, в местные суды и пр. (*official general election ballot. Chicago, Ill.*)

Чтобы отметить своих кандидатов, гражданину США необходимо не только разбираться в политической жизни страны и не запутаться среди многочисленных кандидатур, но и обладать терпением, чтобы выстоять длинную очередь в день голосования. В отличие от многих стран, день голосования в США не является выходным днем. Гражданам США приходится голосовать либо перед работой, либо после рабочего дня. В последнее время развивается система заочного голосования через интернет или по почте, что особенно стало заметно во многих штатах во время пандемии.

Другая интересная особенность американского избирательного бюллетеня – это наличие пустых строчек, в которые избиратели могут вписать имена совсем других кандидатов, не выдвинутых партиями, включая себя. Такой подход создает условия для осуществления права голоса всеми гражданами и способствует гражданской активности тех из них, которые, например, недовольны работой местной власти.

Наконец, выборы в США – это не только выбор кандидатов на определенные политические посты, это еще и своеобразный

референдум относительно политики местных властей. Очень часто в бюллетени вносятся вопросы, по которым избиратели могут высказаться «за» или «против». Например, о повышении местных налогов для решения транспортных проблем или о благотворительности. Такие вопросы, появляющиеся в бюллетене благодаря активности местных общественных групп, оказывают существенное влияние на формирование бюджета города и политики местных властей.

Существует ли ЦИК в Америке?

Та организация, которую мы знаем как Центральная избирательная комиссия, в США называется Федеральной избирательной комиссией. Она, в отличие от России и многих других стран, занимается только контролем финансирования кандидатов. Вопросы регистрации кандидатов и проведения выборов решаются местными избирательными комиссиями. Сотни тысяч административных работников по всей стране сами устанавливают дату выборов, предоставляют право кандидатам быть избранными, регистрируют избирателей, составляют их списки, подбирают оборудование для голосования, разрабатывают бланки бюллетеней, проводят подсчет голосов и пр.

Самое главное в работе избирательных комиссий – это регистрация избирателей. В каждом штате действует своя система регистрации всех тех граждан, которые придут на избирательные участки. Местные избирательные комиссии должны гарантировать, что каждый гражданин, имеющий право голоса, будет включен в списки, но ни один человек, не имеющий право голоса, туда не попадет. Однако мобильность американцев привела к тому, что очень часто на участок приходят люди, которые не зарегистрировались как избиратели данного штата, и им выдают временные бюллетени для голосования.

Местные комиссии также должны обеспечить избирательные участки считывающими устройствами для голосования, которые могут быть механическими или электронными. Более того, только местные власти отвечают за их хранение и техническое обслуживание, что стало одной из проблем после выборов 2016 г., когда многие критики говорили о том, что машины никак не защищены против возможных хакерских атак. Последние выборы показали, что 48% всех используемых устройств являются устаревшими, поскольку только богатые штаты могут позволить себе закупить дорогие устройства, и очень часто во многих штатах использовалось остаточное финансирование для закупки таких

машин. Чтобы внести единообразие и повысить защиту информации при использовании избирательных машин, в США в настоящее время развернулось общественное движение, которое требует увеличить федеральное финансирование штатам на покупку современных устройств для подсчета голосов.

Но кроме этих специфических вопросов существует другая и более существенная проблема для избирательных комиссий: как быть с феноменом цифровизации, который охватывает все стороны американской жизни и требует внедрения электронного голосования и Интернет-голосования?

Механическое голосование,
электронное голосование
или интернет-голосование?

Механическое голосование подразумевает под собой использование механических машин для голосования, а электронное голосование – это использование электронных терминалов, которые могут обрабатывать бумажные бюллетени или предоставлять избирателю электронный бюллетень на экране. Интернет-голосование или онлайн-голосование подразумевает удаленное голосование посредством различных гаджетов. Последний вид голосования привлекает внимание экспертов своей демократичностью и возможностью использования такими категориями избирателей, как престарелые, люди с особыми возможностями / ограниченными возможностями и пр. Такой вид голосования снижает издержки избирательной комиссии и делает голосование самым экологичным способом политического взаимодействия. Более того, онлайн-голосование могло бы побудить ленивых избирателей проголосовать. Американский избиратель – один из наиболее малоподвижных в мире, несмотря на непрерывающийся политический процесс, бурные политические шоу и масштабную рекламу. Например, в 2016 г. лишь 55,7% тех американцев, которые зарегистрировались как избиратели, пришли на выборы президента США. Около 30% американцев являются так называемыми неопределившимися избирателями и не имеют стабильного мнения относительно голосования за кандидатов той или иной партии. Во многом все избирательные кампании в США – это борьба за привлечение на свою сторону той категории американцев, которую сложно поднять с дивана. Но именно они очень часто определяют исход выборов.

В США более чем 94% американцев имеют доступ в сеть Интернет, и Америка могла уже давно ввести онлайн-голосова-

ние и показать пример так называемой электронной демократии (e-democracy). Молодежь активно выступает в пользу онлайн-голосования. По результатам опросов общественного мнения 56% молодых людей в возрасте от 18 до 34 лет утверждали, что они бы чаще голосовали, если бы существовало онлайн-голосование. Однако некоторый отрицательный опыт других стран (Индия, Канада, Эстония и др.), которые использовали интернет-голосование на общенациональных выборах, пока останавливает США и другие страны от этого технологического рывка. Возможные хакерские атаки, проблемы в обеспечении безопасности результатов голосования, неуверенность в анонимности голосования – являются основными факторами, препятствующими внедрению этого нового вида голосования на общенациональных выборах. Онлайн-голосование все еще представляет собой рискованное предприятие.

Как избирают президента?

Раз в четыре года, во вторник, который следует за первым понедельником ноября, граждане США избирают президента. Все просто, но не совсем. Только в 1951 г. 22-я поправка к Конституции запретила избрание президента США на более чем два срока, по четыре года каждый. Другими словами, долгое время с момента создания США американцы могли выбирать президента на несколько сроков. Например, известный президент Ф. Рузвельт избирался четыре раза, что стало стимулом для республиканцев предложить принятие указанной выше поправки.

Откуда берутся президенты? По статистике, до 1970-х гг. президентами чаще всего становились конгрессмены. Исключением был, например, президент Д. Эйзенхауэр, занимавший до Белого дома ряд высших постов в Вооруженных силах США. В 1970–1980-е гг. президентами становились бывшие или действующие губернаторы. Президент Джимми Картер – это пример того, как бывший губернатор и малоизвестный в общенациональном масштабе человек стал президентом, и он открыл новую эпоху в избирательных кампаниях США. Очень редко президентами становились бизнесмены или американцы, которые никогда не занимались политикой. Пример Дональда Трампа, бизнесмена и шоумена – это либо исключение из общего правила, либо начало новой эпохи. Президент Рональд Рейган тоже был шоуменом и бизнесменом, но он долгое время был губернатором штата Калифорния и занимал различные посты в Республиканской партии. Поэтому бывший президент Дональд Трамп – действительно не-

обычное явление в истории президентских избирательных кампаний в США.

До проведения общего дня голосования в штатах проводятся предварительные партийные выборы и партийные собрания. Первичные выборы или так называемые праймериз проводятся для отбора кандидатов от партии на выборах президента. Первичные выборы в каждом штате проходят по своим правилам. Праймериз различаются по тому, кто из избирателей может участвовать в голосовании: в закрытых праймериз голосуют только члены партии; в открытых праймериз участвуют любые избиратели, независимо от партийной регистрации. Существует еще так называемые модифицированные праймериз, когда голосуют зарегистрированные члены партии на выборах своей партии, а независимые избиратели могут голосовать на выборах любой партии. Наконец, еще одним видом первичных выборов является кокус или закрытое собрание партийных лидеров на местах, где происходит выбор кандидата. В кокусе могут также участвовать самые активные члены партии. Кроме того, на выборах могут появиться независимые кандидаты, которые выставляют свои кандидатуры не через партии, а через подачу петиций с определенным количеством подписей в свою поддержку. В период между окончанием праймериз и всеобщим голосованием за президента происходит еще одно значимое событие – это национальные партийные конвенты.

Национальный партийный конвент – важная часть избирания кандидата в президенты от партии демократов или республиканцев. Здесь происходит не только выдвижение кандидатов, но в свет софитов попадают новые политические лидеры, которые выходят на федеральный политический олимп. Например, будущий президент Барак Обама открывал конвент Демократической партии в 2004 г., который тогда выдвигал Джона Керри. Речь Обамы вдохновила многих делегатов на поддержку молодого и еще малоизвестного политика. И уже через несколько лет он стал президентом США. До недавнего времени национальный конвент был в значительной степени предсказуемым и хорошо срежиссированным шоу, которое всегда собирает огромное число телезрителей. Однако конвент Республиканской партии 2016 г., который выдвигал кандидата в президенты Д. Трампа, привнес новые повороты в избирательный процесс США. На сцену стали подниматься делегаты, которые выступали против кандидатуры Трампа. И, тем не менее, конвент общим голосованием поддержал будущего президента США. Делегаты на конвенте могут провести открытое поименное голосование в поддержку или против

выдвигаемого кандидата, что формирует уверенность в учете мнения низовых партийных организаций, от решения которых зависит судьба кандидата от партии.

Кроме того, конвент – это место, где происходит согласование платформы кандидата. Иногда делегаты вносят решение изменить пункты программы, с которой выходит их кандидат на выборах. Например, на республиканском конвенте 1980 г. делегаты не поддержали поправку о равных правах (Equal Right Amendments), что сократило число сторонников партии и повлияло на проигрыши партии в 1990-е гг. Ранее, в 1968 г., на конвенте Демократической партии делегаты установили новые квоты для представителей женского населения, чернокожих, меньшинств и молодежи, которые должны были присутствовать на конвенте. Этим действием Демократическая партия резко увеличила свою популярность среди населения страны.

Самый сложный для понимания компонент избирательной стратегии США – это *коллегия выборщиков*. Гражданин США, который приходит на избирательный участок и получает бюллетень для голосования, в итоге избирает не президента и вице-президента, а неких выборщиков, которые представляют того или иного кандидата в президенты. И число этих выборщиков от каждого штата соответствует числу депутатов от штата в Конгрессе США. Чтобы стать президентом, необходимо набрать большинство голосов выборщиков, представляющих все 50 штатов США. Поэтому победа в день голосования еще не означает, что кандидат в президенты станет президентом. Только через несколько недель, когда в столице США соберутся выборщики и проголосуют за кандидата, президент по-настоящему становится президентом. Бывает и так, что кандидат не набрал большинство голосов избирателей, которые пришли на избирательные участки в ноябре, но набрал большинство голосов выборщиков в декабре и стал президентом. Так было, например, во время избрания президента Дж. Буша-мл. в 2000 г. или президента Д. Трампа в 2016 г.

Из-за существования коллегии выборщиков основной целью кандидатов становится не общая победа по числу голосов избирателей, а успех в ключевых штатах, дающих много выборщиков. Сегодня исход выборов определяют, в наибольшей степени, семь или восемь штатов-свингеров, перечень которых меняется каждые выборы. Тот, кто одержит победу в них, может стать президентом.

Как правило, выборщики исполняют обещание голосовать за того или иного кандидата. Однако несколько раз в истории США появлялись так называемые неверные выборщики. Ни в од-

ном законе США не написано о том, что выборщик обязан голосовать именно за выдвиженца своей партии – это только обычай. Десять раз в истории США выборщики нарушали традицию и голосовали за других кандидатов.

Как избирают конгрессменов и почему лица конгрессменов не меняются долгое время?

В отличие от президента, конгрессмены, т. е. члены нижней палаты Конгресса (палаты представителей) и верхней палаты (Сената) (обычно конгрессменами называют членов нижней палаты, а сенаторами – верхней, хотя формально они все члены Конгресса), могут избираться сколько угодно раз. Главное – побеждать на выборах. Конкуренция крайне жесткая, кандидаты применяют самые различные политические технологии для своей победы, и сюрпризов во время выборов сенаторов и конгрессменов случается очень много. Члены палаты представителей, избираемые каждые два года, крепко связаны со своим округом и избирателями и, в отличие от сенаторов, появляются у себя в штате очень часто, чтобы иметь шансы избраться на следующие два года. Это обстоятельство заставляет конгрессменов чаще инициировать различные законопроекты по местным вопросам и даже во время слушаний по вопросам, далеким от их штатов, задавать вопросы только по проблемам, которые интересуют их штат или округ. Каждый штат имеет разное число жителей, и, соответственно, в палате представителей вы обнаружите только одного конгрессмена от малонаселенного штата Аляска или более 50 человек от такого густонаселенного штата, как Калифорния. Члены Сената представляют весь штат, что дает возможность сенатору от Аляски иметь такое же влияние на политические процессы, как и сенатору от Калифорнии. Более того, каждый штат направляет в Сенат по два депутата, которые избираются на весьма длительный срок – 6 лет, но каждые два года треть состава переизбирается. Это способствует тому, что лица сенаторов меняются реже и многие из них находятся в Вашингтоне в течение долгого времени.

Финансирование избирательных кампаний

Для граждан США во время избирательных кампаний главным вопросом остается прозрачность финансирования кандидатов. Прозрачность сбора пожертвований и контроль за расходами

являются несомненными достижениями гражданского общества в США.

Сегодня законы четко устанавливают для кандидатов на федеральные посты правила сбора средств на их кампании. Кандидаты собирают огромные средства – это сотни тысяч, а порой и сотни миллионов долларов, что требует особого контроля со стороны избирателей. Кандидат в президенты имеет возможность получать финансирование через особые организации – Комитеты политического действия, которые собирают деньги и проходят регистрацию в Федеральной избирательной комиссии. Эта комиссия занимается только надзором за соблюдением законов о финансировании избирательных кампаний, что существенно отличает США от других стран. Вопросами регистрации избирателей, проведения выборов и подсчетом голосов, как мы указали выше, ведают избирательные комиссии на местах. Комитеты политического действия занимаются фандрейзингом в самых разных формах, от создания сайтов, где продается продукция кандидата, до сбора богатейших американцев на различные мероприятия.

Но важно другое: отчеты о собранных суммах и их расходовании ежеквартально или даже ежемесячно сдаются в федеральную избирательную комиссию. Отчеты обнародуются, и общество знает, кто финансирует данного кандидата и какие организации стоят за ним. С 1976 г. кандидаты в президенты получили право на использование государственного финансирования. До начала XXI в. почти все кандидаты пользовались поддержкой в обмен на обещание не тратить больше, чем было предоставлено государством. Однако затем стало ясно, что избирательные кампании оказались гораздо дороже предоставленной поддержки, и в США начался период повального отказа от государственной помощи в пользу получения частных пожертвований, которые в сотни раз превышали установленные лимиты. Данная тенденция привела к другому феномену, который очень часто обсуждается в США, – «политические организации по разделу 527». В США стали появляться различные организации, действующие на основании соответствующего раздела в налоговом кодексе США, которые осуществляют сбор средств для кандидата и не подчиняются федеральной избирательной комиссии, и, соответственно, на них не распространяются лимиты сбора пожертвований. Они могут собирать многомиллионные дотации и оказывать влияние на подбор, выдвижение и избрание кандидата на государственную должность. Критики таких организаций утверждают, что огромные расходы в ходе выборов в сочетании с зависимостью

кандидатов от частных источников финансирования расширяют влияние богатых доноров на публичную политику. Защитники же говорят о том, что выборы, пожертвования и их стоимость – это цена, которую платит демократия за предвыборное соперничество, а большие и мизерные пожертвования самых разных групп интересов – это иллюстрация американского плюрализма. Многие богатые избиратели сами платят за свои кампании, что разрешено законом. Иногда это приносит победу, как, например, избрание бизнесмена Д. Трампа, или поражение, как, например, избирательная кампания М. Ромни, соперника Б. Обамы в 2012 г. Создание и распространение рекламы, фильмов в поддержку отдельных кандидатов бизнесом, профсоюзами и другими организациями было существенно расширено после судебного процесса под названием «Объединенные граждане против федеральной избирательной комиссии» (*Citizens United vs Federal Elections Commission*) в 2010 г. Процесс начался после того, как «Объединенные граждане» – консервативная организация – стала распространять фильмы и рекламу против кандидатов от Демократической партии, нарушая ранее установленные нормы и законы, ссылаясь при этом на первую поправку к Конституции США о свободе слова. Верховный суд решил в итоге, что действия организации являются законными, и в итоге это расширило возможности для различных организаций в США независимо поддерживать кандидатов.

Выборы и политические технологии

Повествование о выборах в США было бы неполным, если бы мы оставили в стороне такой важный компонент, как политические или избирательные технологии. США, которые имеют самую богатую историю самых различных выборов, стали основоположником самых различных технологий, которые используются во время избирательных кампаний и служат инструментом для получения заветной победы на выборах. К таким избирательным технологиям можно отнести опросы общественного мнения, дебаты, политическую рекламу и др.

Опросы общественного мнения и выборы

Опросы общественного мнения стали ключевым компонентом избирательного процесса. Кандидаты на политические посты нанимают специалистов по опросам и регулярно зондируют общественное мнение. Многие критики говорят, что опросы стали

методом манипуляции избирателями посредством навязывания определенной информации. Например, опросы показывают, сколько денег привлек один из кандидатов на свою кампанию и какое место он занимает среди конкурентов. В октябре 2019 г. газета “Washington Post” опубликовала список 19 кандидатов Демократической партии, которые будут бороться за выдвижение на президентские выборы в 2020 г., их доходы от фандрайзинга и популярность среди американцев. Статистика показывает, что чем больше средств, привлеченных на кампанию, тем популярнее кандидат. Несомненно, это создает впечатление, что деньги способны работать на повышение положительного имиджа кандидата, и, соответственно, опросы общественного мнения будут работать на него. Однако сегодня существует огромное разнообразие политических опросов, и самые различные компании – от социологических агентств до крупнейших новостных телеканалов – получают свои независимые результаты, что, в конечном счете, приводит к получению более-менее объективной оценки кандидата.

Самые известные опросы, которые проводят, как правило, телекомпании на выходе из избирательных участков (так называемые экзит-поллы или exist polls) стали частью выборов в США только в 1970-е гг. Именно тогда телевидение оказалось эффективным инструментом выборных технологий. Однако объективность экзит-поллов далеко не бесспорна и может провоцировать общественные скандалы и политические кризисы. Например, многие экзит-поллы телекомпаний в штате Флорида показывали победу кандидата от Демократической партии А. Гора на выборах в 2000 г., а экзит-поллы самих партий показывали иную картину. Споры привели к пересчету голосов, победе Дж. Буша-мл. и поставили перед обществом очередной вопрос о манипуляции информацией и избирателями. Более того, никакие опросы общественного мнения, даже самые дорогие, не в состоянии ответить на самый нужный вопрос для любой избирательной кампании в США: кто из избирателей действительно пойдет на выборы, а кто проявит пассивность.

Политические дебаты

Политические дебаты или теледебаты являются диалоговой формой общения между кандидатами, цель которых – выявить позиции, программы и ценности кандидатов. Известно, что политические дебаты помогают проявить себя, показать свои сильные стороны и высветить, при удачном ходе дискуссии, слабые стороны противника.

Сегодня политические технологии развиваются таким образом, что эмоции, умелые шутки, правильное обращение к зрителям приносит больше очков кандидату, чем его компетенции, знания и опыт. Давайте вспомним теледебаты между Х. Клинтон и Д. Трампом в 2016 г. Будущий президент проиграл дебаты по содержанию, но нанес сокрушительное поражение своей сопернице по форме проведения дискуссии: простые предложения, отсутствие сложных цифр, многочисленные шутки и пр. привлекли больше внимание зрителей, чем монологи Х. Клинтон о развитии экономики.

Теледебаты помогают скорректировать имидж и обрести новую популярность, а формат ток-шоу создает условия для демонстрации своих способностей и критики соперника. Например, кандидат от Демократической партии Дж. Керри на дебатах в 2004 г. подверг сомнению образ Дж. Буша как лидера нации. И в этом вопросе ему, казалось бы, могла поспособствовать военная кампания в Ираке. Дж. Керри несколько раз повторял одну и ту же фразу, что президент обманул нацию: “he misled us, misled us... and he chose the wrong way”. Керри использовал огромное число цифр, которые, казалось, полностью дискредитировали политику Дж. Буша-мл. Но действующий президент умело парировал выпады своего соперника при помощи тактики прямого обращения к избирателю. Он почти не смотрел на соперника, а обращался к нации напрямую, используя умелые жесты, мимику и слова: скупая слеза президента, его эмоциональный рассказ о визите к матери погибшего солдата в Ираке продемонстрировали искреннее обращение к американцам. В итоге хорошо спланированная риторика Дж. Керри не смогла переиграть убедительной мимики Дж. Буша-мл.

Стратегия дискредитации имиджа соперника становится популярной, но не гарантирует успеха. Например, во время президентской избирательной кампании 2008 г. проходили теледебаты между Б. Обамой и Дж. Маккейном. Маккейн выбрал тактику нападения. Он несколько раз называл Б. Обаму наивным, опасным и неоднократно повторял, что Б. Обама ничего не понимает. Но, несмотря на жесткие выражения, теледебаты привели к победе Б. Обамы, который сумел доказать зрителям, что Дж. Маккейн совсем не думает об американцах и, как позже будет сказано в одном из рекламных роликов Б. Обамы, что Джон Маккейн «сказал много слов обо мне, но не сказал о вас. Он даже не произнес такие слова, как средний класс или рабочий класс».

В современной политической системе выборов в США побеждает уже не тот политик, который владеет информацией, а тот

политик, который выглядит наиболее убедительно. Имидж, мимика, жесты играют важнейшую роль в теледебатах. С момента проведения первых президентских теледебатов между Дж. Кеннеди и Р. Никсоном 1960 г. политтехнологи осознали, что имидж кандидата стал важнейшим компонентом победы. Как тогда многие говорили, молодой Кеннеди излучал здоровье по сравнению с бледным Никсоном. Американцы, которые смотрели дебаты между кандидатами по телевизору, отдавали предпочтение Джону Кеннеди, но те, кто слушал дебаты по радио – Никсону, считая, что он был убедительнее. Один из американских политиков вспоминал, что

...слушая Никсона по радио, с уверенностью можно было сказать, что он делает свою работу хорошо, но утром, после просмотра выдержек из теледебатов, приходишь к убеждению, что Никсон как-то не очень хорошо выглядит, а Кеннеди – молод и отчетливо произносит слова, и он реально Никсона уничтожил²¹.

Политическая реклама

Политическая реклама – это материалы, оплачиваемые кандидатом, которые побуждают избирателей к выполнению различных действий. Рекламные ролики, лозунги кампании, фильмы, шоу и т. д. являются частью политической рекламы. Однако самым важным компонентом политической рекламы становятся рекламные ролики, которые создаются для телевидения или социальных сетей. Считается, что избиратели получают больше всего информации о кандидате и его программе после просмотра тематической рекламы.

Политическая реклама менялась в избирательной кампании вместе с технологиями: появление радио с 1921 г., телевидения с 1952 г., домашних компьютеров с 1980 г., кабельного телевидения с 1984 г., видеокассет с 1988 г., компьютерных сетей и Интернет с 1992 г. – стали датами, которые резко меняли политическую форму и содержание политической рекламы кандидатов. Реклама превратилась из длинных выступлений кандидатов в короткие видеоролики, чаще отрицательные, чем позитивные по содержанию, и направленные на различные группы общества, а не на нацию в целом.

²¹ 50th Anniversary: Kennedy/Nixon Debates [Электронный ресурс]. URL: <https://www.jfklibrary.org/events-and-awards/forums/past-forums/transcripts/50th-anniversary-kennedynixon-debates> (дата обращения 20.02.2021).

Франклин Рузвельт преуспел в политической рекламе больше других. Его выступления были яркими, он обращался к американцам как к друзьям. Один из современников вспоминал, что особым эффектом обладали его предвыборные речи, в которых он говорил о семье и личной жизни. Президент Д. Эйзенхауэр также остался в памяти американцев как президент с уникальным подходом к политической рекламе. Он впервые привлек рекламную фирму для разработки своей политической рекламы, которая создала серию передач под названием «Ответы президента Эйзенхауэра Америке». Эти ролики демонстрировали яркие ответы на вопросы простых американцев. Сейчас такие ролики считаются крайне простыми, а тогда они были очень эффективны, поскольку апеллировали ко всей нации и к каждому конкретному американцу. Несмотря на долгую историю использования телевидения как средства политической рекламы в США, первым телевизионным кандидатом в президенты США стал Росс Перо, уже забытый многими независимый кандидат. В 1992 г. Росс Перо выдвинул свою кандидатуру на пост президента. Он не участвовал в первичных выборах и почти не объезжал штаты, а только целенаправленно появлялся на телеэкране и сумел получить большое количество голосов избирателей.

Кроме всего этого, эмоции и символы играют значительную роль в передаче политической позиции кандидата. Такие эмоции, как страх, очень часто становятся одним из ключевых моментов продвижения кандидата. Например, в 1984 г. Рональд Рейган в своей рекламе использовал страх как средство мобилизации избирателей вокруг своей кандидатуры. В его рекламном ролике голос за кадром предупреждал зрителей о том, что «в лесах бродит медведь». Медведь – это образ коммунизма. У зрителей складывалось впечатление, что лучшей защиты от коммунизма, чем политика Рональда Рейгана, не найти. Или, например, Х. Клинтон пыталась подорвать имидж Б. Обамы как политика, который будет способен разрешить кризисы. В ее ролике 2008 г. показан возможный внешнеполитический кризис, который сваливается на Белый дом и президента, и кандидат в президенты обращается к зрителям с вопросом: «А сможет ли Б. Обама правильно среагировать? Есть ли у него опыт?».

Политическая реклама бывает позитивной и негативной. Как правило, негативная реклама направлена против оппонента и появляется на экранах телевидения чаще, чем позитивная. Например, Джон Маккейн в одном из своих рекламных роликов 2008 г. против кандидата Барака Обамы ставил под сомнение его лидерские качества. В ролике на фоне толпы, выкрикивающей

«Обама, Обама», голос за кадром сначала утверждал, что Обама – «самая большая знаменитость в мире», а потом задавал непростой вопрос: «Готов ли он вести страну?» (“He is the biggest celebrity in the world. But is he ready to lead?”). На это Барак Обама был вынужден отвечать негативной рекламой, в которой критиковалась позиция Маккейна по социальным вопросам и войне в Ираке.

Кроме рекламных роликов важным компонентом в привлечении избирателей становится лозунг кампании. Как выяснили эксперты, они реально воздействуют на избирателя на ее завершающей стадии. Лозунг вбирает в себя настроение страны, политическую повестку и идею лидера, который заслуживает доверия. Франклин Рузвельт призывал к «новому курсу», Гарри Трумэн – к «справедливому курсу», Джон Кеннеди – к «новым рубежам», Рональд Рейган говорил о «новом начале», Джордж Буш-мл. – о «лидерстве США в мире», Б. Обама – о «надежде на перемены», а Дональд Трамп призывал «сделать Америку вновь великой».

Но эти лозунги, рекламные сюжеты, мимика, жесты и речи кандидатов создаются, естественно, не президентами и их соперниками. Над ними работают специалисты, имена которых не всегда остаются в истории, и мы их знаем только по общему названию их профессии – политические технологи или политические консультанты.

Политтехнологи и политический консалтинг в США

Истоки политического консалтинга в США можно найти в XVIII в. Первым политическим консультантом, возможно, был человек, который в 1758 г. посоветовал одному из кандидатов в законодательное собрание (ассамблею) Вирджинии приобрести прохладительные напитки для своих избирателей. Кандидат выполнил рекомендации консультанта, избиратели были довольны, и кандидат выиграл выборы. Звали кандидата Джордж Вашингтон, который позже стал первым президентом США. Но имя его первого политического консультанта США мы никогда не узнаем. История современных выборов в США знает немало политических консультантов, работа которых внесла вклад в проведение успешных избирательных кампаний.

Джозеф Наполитан (Jozef Napolitan) привел к власти Дж. Кеннеди посредством разработки первой и детальной стратегии избирательной кампании, основанной не на делении изби-

рателей по социальному, профессиональному признаку, а посредством реализации стратегии отбора голосов у соперников (get-out-voices), что предполагает использование идей соперника, из-за чего многие избиратели переходят на другую сторону. Он считается отцом политических технологий, и его перу принадлежат книги, которые используются как настольное пособие для осуществления избирательных кампаний в разных странах.

Дик Моррис (Dick Morris) много лет работал с таким клиентом, как Билл Клинтон, и привел молодого генерального прокурора штата Арканзас к победе на губернаторских выборах, а позже и в Белый дом. Он прославился тем, что стал использовать опросы общественного мнения для подготовки выступлений кандидата и рекламных роликов. Для каждой целевой аудитории были созданы свои ролики, и в каждом выступлении Б. Клинтон обращался к различным аудиториям.

Дэвид Аксельрод (David Axelrod) стал политическим технологом Б. Обамы и привел его сначала в кресло сенатора от штата Иллинойс, а потом и в Белый дом, активно используя социальные сети.

Наконец, Стив Бэннон (Steve Bannon), политтехнолог Д. Трампа, построил избирательную кампанию на распространении эпатажной и альтернативной информации и высвечивании позиции маргинализированных групп общества.

Многие из политтехнологов использовали самые разные способы для победы своих клиентов на выборах. Но они прославились тем, что привели к победе своих кандидатов и обогатили политическое консультирование новыми неординарными подходами, необычным содержанием рекламы и запоминающимися лозунгами кампании.

Выборы в США – сложный, но прозрачный политический процесс. Выборы способствуют тому, что самые жгучие вопросы развития общества обсуждаются на самых разных политических уровнях. Конкуренция и политическая борьба заставляют кандидатов объезжать штаты, знакомиться с местными проблемами и решать их. Выборы также способствуют развитию гражданского общества, побуждая самых активных американцев бороться за свои права, продвигать интересы своей группы, округа или небольшой деревушки вплоть до федерального уровня.

Для дальнейшего изучения

- Наполитан Дж.* Электоральная игра. М., 2002.
- Crockett D.* Running Against the Grain: How Opposition Presidents Win the White House. N.Y., 2008.
- Evans C.L.* Leadership in Committee: A Comparative Analysis of Leadership Behavior in the U.S. Senate. N.Y., 2001.
- Foley E.* Ballot Battles: The History of Disputed Elections in the United States. N.Y., 2016.
- Gareth D.* America at the Ballot Box: Elections and Political History. PA, 2015.
- Jamieson K.* Packing the Presidency. A History and Criticism of Presidential Campaign Advertising. N.Y., 1992.
- Jamieson K.* Presidential Debates. N.Y., 1988.
- Kathleen H.* Packaging the Presidency: A History and Criticism of Presidential Campaign Advertising. N.Y., 1996.
- Maisel L.* American Political Parties and Elections: A Very Short Introduction. N.Y., 2007.
- Schroeder A.* Presidential Debates: Risky Business on the Campaign Trail. N.Y., 2016.

Тема 6. Президент и первая леди в США

Президент США является одной из самых значимых политических фигур в нашем мире. От его решений зависит политическая обстановка, финансовая ситуация и даже качество повседневной жизни во многих странах. Полномочия и обязанности президента США определены Конституцией. Президент обладает большим объемом полномочий. Он и глава исполнительной власти, и глава государства, и главнокомандующий, и партийный лидер, и главный дипломат страны, и ее основная публичная фигура. Не случайно республика в США не парламентская, а президентская. Президентом США может стать любой гражданин, который родился на территории США, достиг 35-летнего возраста и прожил в стране не менее 14 лет.

Давайте рассмотрим некоторые факты, связанные с институтом президентства в США, которые могут пролить свет на особенности развития американского общества и институтов власти. Перед кем отчитывается президент? Что укрепляет и ослабляет его власть? Как президенты принимают политические решения? И, наконец, какова роль первой леди и Белого дома в жизни президентов США?

Еще раз о формальных функциях президента США

За всю историю США было избрано (а в отдельных случаях назначено на должность) несколько десятков президентов и вице-президентов. Сегодня действует 46-й президент США (Джозеф Байден) и 49-й вице-президент (Камала Харрис). Разница в количестве президентов и вице-президентов связана с тем, что несколько вице-президентов стали президентами США после неожиданной смерти своих напарников.

Обязанности президента прописаны во второй статье Конституции США. Однако положения об обязанностях президента

до сих пор имеют разные толкования. Конституция говорит, что «исполнительная власть реализуется президентом США» (The executive Power shall be vested in a President of the United States of America). Другие статьи Конституции говорят еще пару фраз о президентских полномочиях: президент командует вооруженными силами, может назначать на различные посты государственных служащих, подписывать соглашения, встречать зарубежных послов и созывать Конгресс США на особые заседания. Эти весьма пространственные конституционные полномочия дают возможность различных трактовок, что становилось особенно актуальным во время кризисных отношений между Конгрессом и президентом. Как правило, Конгресс США пытается ограничить власть президента, заставить президента чаще советоваться с конгрессменами и сенаторами. В США, как ни в одной другой стране, наблюдается постоянное противостояние между Капитолием (так принято именовать Конгресс, по названию занимаемого им здания) и президентом США. Это противостояние часто осложняет принятие политических решений, но зато позволяет обществу быть уверенным, что ни одна из ветвей власти не сможет получить преобладание над другой и установить в стране авторитарное правление. Как правило, партия большинства в Конгрессе и президент от той же партии создают особый политический баланс. Когда складывается ситуация, что президент и большинство Конгресса представляют одну партию, то президент может получить довольно широкие полномочия, как это было в 1930-е гг., когда Конгресс США, где партия демократов получила большинство мест, наделила широкими полномочиями президента Ф. Рузвельта, представителя Демократической партии, для борьбы с экономическим кризисом; как только большинство конгрессменов и президент представляют разные партии, начинается политическое противостояние, торг за принятие тех или иных законов и пр.

В 1947 г. был принят закон (Presidential Succession Act) о транзите президентской власти на случай возможной недееспособности главы Белого дома. Если с президентом что-то случится, то его власть может перейти к 18 официальным лицам в последовательном порядке (который корректировался по мере создания новых министерств): вице-президент, спикер палаты представителей, глава сената, госсекретарь, министр финансов, министр обороны, главный прокурор, министр внутренних дел, министр сельского хозяйства, министр торговли, министр труда, министр здравоохранения, министр жилищного строительства и градостроительства, министр транспорта, министр по энергетике-

ке, министр по делам ветеранов и, наконец, министр внутренней безопасности.

Президент отчитывается перед Конгрессом и американским народом каждый год посредством своего выступления и подготовки письменного доклада под названием “State of the Union Address”. Обычно это событие происходит в конце января и является значимым в политической жизни страны. Президенты обозначают видение внутренней и внешней политики, часто артикулируют новые стратегии и начинания.

Как известно, у президента есть заместитель – вице-президент, который исполняет функции президента в случае смерти президента, его отставки или недееспособности, а также в том случае, если сам вице-президент и большинство членов кабинета министров оценивают президента как неспособного к исполнению обязанностей. Однако критерии этой «неспособности» не изложены ни в одном из официальных документов.

Первая леди США – это супруга президента или его родственница. Первая леди – это хозяйка Белого дома, что требует от нее, помимо прочего, серьезных усилий и вкуса в области проведения реновации и ремонтов в Белом доме. Она же и главный советник президента, особенно по вопросам социальной жизни в США. На протяжении всей истории функции и обязанности первой леди постоянно менялись, а в связи с повышением роли женщины в американском обществе значительно расширились. Однако все зависит от самой первой леди. Кто-то из них занимал очень активную политическую позицию, а кто-то всегда оставался в тени супруга. Например, супруга президента Билла Клинтона, Хиллари Клинтон, известна своей активностью в работе с Конгрессом и в принятии различных законодательных актов в 1990-е гг. Супруга президента Трампа, Мелания Трамп, не принимала такого активного участия в политической жизни. А вот супруга Джо Байде-на принимает самое активное участие в общественной жизни.

Кто укреплял и ослаблял президентскую власть?

Многие президенты были очень активными и проявляли яркие лидерские качества, что позволило им значительно укрепить президентскую власть и влияние президента на американское общество и политику. Такие периоды в политической истории США стали называться президентскими. Президент Вашингтон стал первым партийным президентом, поскольку он избрался от

партии, а, например, президент Линкольн стал первым «кризисным» президентом, поскольку США – тогда Америка – пережила Гражданскую войну. Не вдаваясь глубоко в историю, скажем пару слов о других президентах, которые также сумели значительно повысить престиж поста главы Белого дома. Например, президент Теодор Рузвельт (1901–1909) ввел в практику издание так называемых президентских исполнительных указов. Они представляли собой решения президента, которые становились обязательными для исполнения без одобрения законодателей. Такое «самоуправство» президента сразу вызвало серьезную оппозицию. Верховный суд постановил, что исполнительные указы имеют силу закона только в случае, если они не противоречат конституции и одобрены Конгрессом. Однако в реальности сложилась ситуация, когда исполнительные указы имеют силу закона для исполнительных органов и без одобрения законодателей – до тех пор, пока кто-то не сможет оспорить их в суде.

Очень часто президенты используют такие указы, чтобы показать американцам свои намерения, а также дать сигнал министерствам и ведомствам о своих решениях. Более того, Теодор Рузвельт придумал систему так называемых исполнительных соглашений. Это были международные соглашения с различными государствами или главами государств, которые выступали в качестве альтернативы договорам. Международные договоры необходимо было одобрять в сенате, а исполнительные соглашения не требовали ратификации. Это позволило Рузвельту обходить Конгресс и проводить активную внешнюю политику. Тем не менее несколько десятилетий исполнительные соглашения не признавались наравне с договорами, пока Верховный суд не постановил в 1942 г., что они эквивалентны при условии, что соглашения не противоречат существующему законодательству США. Это привело к тому, что возможности президента в реализации его замыслов на международной арене значительно расширились, а президентов стали даже называть королями внешней политики, поскольку все чаще и чаще они не согласовывали свои действия с Конгрессом США.

Франклин Рузвельт (президент в 1933–1945 гг.) еще больше усилил президентскую власть. Великая депрессия и Вторая мировая война способствовали тому, что президент занимал Белый дом три срока, около 12 лет (Рузвельт умер вскоре после своей четвертой инаугурации). Это позволило ему укрепить аппарат президентской власти, расширить число министерств и назначенцев, а также укрепить популярность Демократической партии.

Конгрессмены были очень недовольны таким развитием ситуации. Они утверждали, что США движутся к авторитарному правлению. Именно поэтому они сумели принять поправку к конституции, которая запрещала президентам избираться больше чем на два срока. Это случилось в 1951 г., когда к власти в Конгрессе пришли республиканцы.

Были в истории США президенты, чьи действия позволяли Конгрессу США, наоборот, ограничивать власть президента. Например, Вьетнамская война, которая совпала с президентством Л. Джонсона и Р. Никсона, стала причиной для принятия законов об ограничении власти президента в вопросах военных интервенций и финансирования внешней политики. Сначала Конгресс принял закон о контроле за бюджетом (the Budget and Impoundment Control Act), который не позволял президенту тратить деньги на проекты во внешней политике без согласования с Конгрессом. Несколько позже, в 1973 г., было установлено правило, по которому президенты должны были отчитываться перед Конгрессом о начале той или иной зарубежной интервенции. В соответствии с законом о военных полномочиях (War Powers Act) на действия без одобрения Конгресса президенту-главнокомандующему отводилось не более 60 дней.

Окончание холодной войны еще больше ослабило президентскую власть США. Стало ясно, что президенту и исполнительной власти в общем уже не требуются дополнительные полномочия для быстрого реагирования на возможные внешнеполитические кризисы. Это понимание, однако, изменилось после терактов 2001 г., когда президент Джордж Буш-мл. начал длительную войну против терроризма в Афганистане и Ираке. Исполнительные органы власти и президент получили тогда дополнительные полномочия для ведения секретных операций на территории других стран и внутри США.

Как президент может лишиться своего поста: импичмент

Нижняя палата Конгресса США может выступить в качестве дознавателя в отношении действий президента и начать процедуру его отстранения от должности, а Сенат – выступить в качестве судьи и путем голосования объявить отставку главы Белого дома. Эта процедура названа в Конституции США импичментом президента. Она была введена для поддержания баланса политических сил, групп интересов и полюсов власти, которые

в виде Белого дома, Конгресса, СМИ, лоббистов, бизнеса, судебной системы и партий могли бы наблюдать друг за другом и не давать кому-либо усиливаться и возвышаться над обществом.

Как и любая институциональная конструкция, она имеет свою силу и слабости. Слабость данной системы сдержек и противовесов заключается в человеческом факторе, а точнее, в тех политиках, которые расследуют, защищают или голосуют по процедуре импичмента президента. Институты наполнены людьми, а их поведение трудно предсказать, несмотря на обещания, деньги, политическую принадлежность и пр.

Еще ни разу в истории США ни один президент не получал свою черную метку – импичмент от Конгресса. Три раза «недружественный Конгресс», в котором набиралось большинство депутатов от противоположной президенту партии, пытался прогнать президента из Овального кабинета.

Первый раз это случилось в период Реконструкции в США (1865–1877). И это был один из самых значительных кризисов системы сдержек и противовесов в истории США. После убийства Линкольна и окончания кровопролитной войны между Севером и Югом президентом стал Эндрю Джонсон. Америка тогда находилась в ситуации, когда требовались экстраординарные усилия для воссоединения страны, измотанной годами жестокой Гражданской войны. Джонсон ратовал за «мягкий» сценарий возвращения южных штатов в союз, проведение политики прощения южан и за сохранение власти южной элиты. Однако в Конгресс пришли радикально настроенные республиканцы, которые требовали наказания для непокорных южан, арестов и репрессий. Более того, военный министр в администрации Джонсона требовал того же. И когда президент решил отправить этого министра в отставку, Конгресс взбунтовался, открыл Конституцию, нашел статью про импичмент и решил показать президенту его место. После промежуточных выборов 1866 г. радикальные республиканцы получили квалифицированное большинство в обеих палатах, что давало им возможность принимать почти любые решения в обход Белого дома.

Палата представителей очень быстро провела расследование о возможности/невозможности отставки министра без одобрения Сената, президента обвинили в посягательстве на власть Конгресса и превышении должностных полномочий. Однако, когда уже дело было доведено до логического конца, и по всем расчетам республиканский Сенат должен был проголосовать за импичмент, человеческий фактор вышел наружу: два радикальных республиканца перешли на сторону президента, и голосование провалилось. Джонсон сохранил свою власть. Самое главное,

что было извлечено политиками и юристами из данной ситуации: Конгрессу не удалось получить абсолютную власть, система сдержек и противовесов доказала свою эффективность. Если бы тогда импичмент состоялся, то сегодня, возможно, мы видели бы в Вашингтоне формального президента, имени которого никто не знал бы, а страной управлял лидер партии большинства в Палате представителей или Сенате.

Часто можно слышать, что Ричард Никсон покинул свой пост в начале 1970-х гг. после импичмента. Нет, республиканский президент Никсон ушел сам: он подал в отставку, не дожидаясь голосования в Конгрессе. Поскольку в Конгрессе большинство принадлежало демократам, Никсон осознал, что конгрессмены могут проголосовать против него. Но в период его администрации, как указано выше, законодателям удалось значительно ограничить власть президента в сфере внешнеполитических операций и интервенций.

Еще один импичмент, вероятно, более известен читателям и был инициирован в отношении президента Билла Клинтона в середине 1990-х гг. Президент был обвинен во лжи под присягой. Его пытались подвергнуть импичменту именно за эту ложь, а не за сексуальную связь с практиканткой Белого дома Моникой Левински. Но дело не двинулось дальше одобрения импичмента в нижней палате. Благодаря имеющемуся у его сторонников большинству в Сенате Клинтону удалось сохранить свою власть.

И до сих пор американские президенты, которые, как мы знаем, являются главнокомандующими и могут объявить войну или начать военную операцию в любой точке мира, вынуждены через некоторое время пойти в Капитолий и доложить об этом конгрессменам. А последние могут заставить президента прекратить операцию или начать расследование действий президента, как это было в случае с президентом Дж. Бушем-мл. после начала операции в Ираке в 2003 г. Это существенное ограничение внешнеполитической деятельности Белого дома, и никакой лояльный Конгресс никогда не отменит данный закон, поскольку в нем заключена власть над президентом, будь он даже самым верным другом законодателей.

Тем не менее президенты пока еще побеждают в этом суровом противостоянии между двумя ветвями власти в США. Однако появление такого экстравагантного президента, как Д. Трамп, открыло для Конгресса новые возможности усиления позиций законодательной ветви власти. Третий и неудачный импичмент президента, под ударом которого оказался Дональд Трамп в 2019 г., также был организован Палатой представителей и членами Демократической партии.

Как президенты принимают решения

Каждый президент обладает своим стилем управления и, как говорят специалисты в области процесса принятия политических решений, своим *operational code*. От этого «кода» зависит, как президенты принимают решения и каким будет это решение. Например, два президента – Дуайт Эйзенхауэр и Линдон Джонсон – столкнулись с необходимостью принять решение по Вьетнаму: вводить войска или не водить? В 1954 г. Вьетнам еще был французской колонией, но жители страны боролись за свое освобождение. Шла война между французами и вьетнамцами, причем французы терпели поражение. Париж умолял президента Эйзенхауэра помочь и ввести в страну ограниченный контингент американских войск. Президент, в прошлом занимавший высокие посты в вооруженных силах США, был готов это сделать. Однако он не спешил, несмотря на кризисную ситуацию. Он попросил своих советников представить возможные варианты решений, а конгрессменов – подумать над этим вопросом. Когда его советники и Конгресс выступили против военной операции, президент не ввел войска во Вьетнам, что сегодня считается дальновидным и правильным решением. В свою очередь, президент Джонсон поступил по-другому. К 1964 г. Вьетнам уже был разделен на две части, французы ушли, но Джонсона и его советников очень сильно тревожил вопрос о роли США в мире и о влиянии коммунизма. Кроме того, нужно было показать себя решительным лидером для победы на выборах. Желание США сохранить Вьетнам как союзника оказалось весомым фактором для начала войны. В отличие от президента Эйзенхауэра, президент Джонсон принял решение очень быстро. Его советники не выдвигали различных вариантов внешнеполитического поведения. Все сошлись на одном – интервенция необходима, и никто не просчитал возможных последствий ведения войны в джунглях.

Подбор президентами своих советников существенно влияет на принимаемые решения. Например, у демократа Джимми Картера был госсекретарь С. Вэнс, выступающий за расширение сотрудничества с Советским Союзом, и советник по национальной безопасности З. Бжезинский, занимавший противоположную позицию. Бжезинский сумел повлиять на «ухо» президента, отстранив Вэнса от консультаций с Картером. Это привело к тому, что президент принимал в отношении Москвы самые жесткие решения.

Очень часто на президента оказывает влияние его прошлая жизнь, опыт и даже исторические аналогии. Например, республиканец Джордж Буш-ст., когда принимал решение об интервенции в Ирак в 1991 г., постоянно сравнивал захват Кувейта Ираком с событиями начала Второй мировой войны. Тогда, как мы помним, Германия во главе с Гитлером осуществила аннексию Судетской области Чехословакии, а позже и вооруженный захват территорий других европейских стран. Франция и Великобритания не хотели войны и проводили политику умиротворения Гитлера, полагая, что это будет сдерживать его экспансионистские амбиции. Джордж Буш-ст. говорил, что если мир не остановит С. Хусейна и закроет глаза на его захват Кувейта, то это приведет к новой мировой войне, как это уже случилось в 1930–1940-е гг. Опыт Второй мировой войны, пережитый Бушем-ст., память о жертвах и трагедиях, а также политика умиротворения европейских держав в отношении Гитлера стали основными мотивами для принятия решения по первой Иракской войне в 1991 г. Другими словами, мышление президента, его опыт и его советники являются основными факторами для принятия решений.

Есть еще один уникальный президент, который продемонстрировал особый способ принятия решений. Обычно президенты стремятся расширить круг советников и экспертов для принятия взвешенного решения. Однако Джордж Буш-мл. поступил по-другому. Он окружил себя советниками, которые имели полное единство мнений относительно Ирака. Вице-президент Дик Чейни, министр обороны Дональд Рамсфелд, советник по национальной безопасности Кондолиза Райс и другие являлись яркими политиками, имели большой опыт внешнеполитической деятельности и были надежными друзьями президента. Столкнувшись с новым вызовом после террористических атак 2001 г., они сомкнулись вокруг президента в особую группу близких советников, нивелировав всякую экспертизу относительно того, как надо решать вопрос. Опираясь своим опытом и знаниями, советники президента совершенно упустили из виду другие варианты решений по Ираку. А имея единый взгляд на место США в глобальной политике, руководствуясь принципом о лидирующей роли США в мире, группа была полностью уверена, что интервенция в Ирак в 2003 г. необходима. Общее единое мнение создавало иллюзию правоты, а отказ от новой информации и экспертизы стал предпосылкой для отсутствия других вариантов. В итоге было принято поспешное решение о начале военной интервенции в Ирак. Сегодня такой подход президента по созданию закрытой группы советников, которые не

стремятся получить мнение экспертов со стороны, называется *groupthink*. Эта модель принятия решений считается самой слабой, поскольку она часто приводит к масштабным политическим просчетам.

В отличие от Джорджа Буша-мл., такие президенты, как Джон Кеннеди, Билл Клинтон или Франклин Рузвельт, собирали вокруг себя огромное количество советников. Одновременно в заседании могли участвовать более 30 советников. Это другая крайность, которая также часто приводит к принятию слабых решений. Например, в 1961 г. президент Джон Кеннеди задумал операцию против Фиделя Кастро. В обсуждении этого решения принимало участие огромное число советников, которые, надеясь на других советников, не занимались тщательным анализом. Это привело к тому, что операция была слабо подготовлена и, в итоге, провалилась.

Президент Ричард Никсон также использовал своеобразный подход к процессу принятия политических решений. Он не любил совещаний с большим количеством советников, но и не следовал тенденции окружать себя самыми близкими пятью или шестью советниками. Он создал систему адхократии (*adhocracy*) – принятия решений «от случая к случаю» – и обычно имел дело только с одним советником, Генри Киссинджером, с которым обсуждал все ключевые вопросы. Эта система, которая оказалось весьма эффективным, дала сбой во время президентской избирательной кампании, когда Никсон согласился на прослушку своих конкурентов из Демократической партии. Если бы он был окружен большим числом советников, то, может быть, нашлись люди, которые указали бы президенту на возможные негативные последствия подобных шагов.

Президент Рональд Рейган, и в какой-то мере президент Дональд Трамп, обладали таким характером и умом, которые позволили им создавать видимые конкуренцию, торг и конфликт между советниками. Такие президенты очень часто меняют советников, подбирают их под определенную проблему. Например, у президента Рональда Рейгана было шесть советников по национальной безопасности во время двух сроков его президентства. Это рекордное число сменяемости советников. У Дональда Трампа с 2017 по 2019 г. сменились три советника по национальной безопасности. Стимулирование конфликта и даже хаоса приводит к тому, что советники вынуждены конкурировать между собой за доступ к президенту, а значит, готовить качественные аналитические бумаги и предлагать набор самых разных опций для принятия политических решений. Однако не каждый президент

способен поддерживать такую конкурирующую модель процесса принятия решений. Это зависит от характера президента, его опыта и лидерских качеств. С точки зрения процесса принятия внешнеполитических решений, действия президента Дональда Трампа в отношении его окружения не являются необдуманными: он может подбирать советников под определенную проблему и создавать между ними конкуренцию, чтобы получать самые разные варианты решения проблем.

Но есть президенты, которые считаются формалистами в своем подходе к принятию решений. Они четко следуют формальной иерархии, процедуре, проводят многочисленные заседания и тщательно обдумывают принятое решение. Они не допускают никаких конфликтных ситуаций в своем окружении. Такие президенты, как правило, принимают оптимальные решения. К их числу можно отнести президента Г. Трумэна и, например, Б. Обаму. Президент Трумэн, о котором очень часто говорят, что он не имел опыта во внешней политике, создал, тем не менее, современный механизм принятия решений, включая Совет национальной безопасности, Центральное разведывательное управление, Министерство обороны и пр. Вокруг Трумэна разгорелась серьезная борьба по поводу создания этого механизма. Президент сумел преодолеть серьезные конфликты и разногласия посредством создания формальных каналов обсуждения и принятия решений. Таким же образом поступил и Барак Обама, когда в 2009 г. принимал решение о вводе дополнительного контингента войск в Афганистан. Он скрупулезно взвешивал каждую альтернативу, постоянно расширял круг советников и создал систему передачи экспертизы и меморандумов по иерархической цепочке. Однако он не сумел сохранить эту систему в период принятия решения по Ливии. Его команда советников сократилось, альтернативная экспертиза не поступала, а те немногочисленные советники, которые обсуждали вопрос о военной интервенции в Ливии в 2013 г., выступали только за интервенцию и не предоставили президенту других вариантов. Президент не нашел дополнительной воли и ресурсов, чтобы сделать решение обдуманным, привлечь экспертизу и новых советников.

В итоге в истории остались те советники президента, которые оказали влияние на принятие верных или неверных решений. Несомненно, такие советники, как Мадлен Олбрайт, Генри Киссинджер, Кондолисса Райс, Хиллари Клинтон, Энтони Лейк и другие, были важнейшими соавторами исторических решений, которые принимали президенты США.

Белый дом – место, где живут и работают президенты

Белый дом – это аппарат президента, в котором находятся его ближайшие советники и сотрудники. Его возглавляет глава администрации, который, как правило, выбирается президентом из членов его избирательной команды. Аппарат появился сравнительно недавно. Его основы заложил президент Ф. Рузвельт в 1939 г. Три должности аппарата президента должны проходить утверждение Сенатом США, и все эти три должности связаны с финансами. Глава бюджетного управления, старейшего офиса в Белом доме, который просчитывает финансовые вопросы инициатив президента, торговый представитель США и члены Экономического совета при президенте. Все другие советники президента и те, которые входят в Совет национальной безопасности США, назначаются президентом и не проходят утверждения в Конгрессе США.

Белый дом – это не только место официальных встреч и принятия политических решений, но и место проживания президента. Каждый президент меняет цвет стен, набор картин и даже набор статуэток и книг в Овальном кабинете. Белый дом неоднократно перестраивался и ремонтировался, из-за чего президенту и его семье, а также сотрудникам, приходилось жить в соседних отелях. Например, президент Г. Трумэн жил и проводил различные заседания в близлежащем здании во время ремонта в конце 1940-х гг.

У каждого президента есть свои пристрастия к помещениям, которые они занимают в западном крыле Белого дома. Например, особую роль во внешней политике США сыграла комната, которая находится на самом верхнем этаже и носит название «Соляриум». Эта комната хорошо освещается солнцем, здесь можно расслабиться и отдохнуть. Многие президенты использовали эту комнату для обсуждения важнейших политических решений. Впервые она была задействована президентом Д. Эйзенхауэром для выработки новой стратегии в отношении СССР. В 1953 г. президент собрал советников в этой комнате и предложил идею о необходимости отойти от стратегии сдерживания Москвы и перейти к переговорам и более тесному сотрудничеству. Советники президента провели в этой комнате огромное количество часов. Солнечные ванны помогали им расслабиться после многочасовых обсуждений и, вероятно, способствовали выработке новой дипломатии в отношении СССР. В итоге появился документ Совета национальной безопасности под названием «Соляриум» (Solarium Project, NSC-162/2), а данное помещение вошло в исто-

рию как место, в котором родилась идея о возможном сотрудничестве с Восточным блоком посредством новых экономических, торговых и культурных связей. В дальнейшем комната неоднократно реконструировалась и изменяла свой внешний вид. Многие президенты проводили в ней заседания СНБ, решая политические вопросы. Но был в истории США президент, который решил изменить назначение Соляриума и использовать это солнечное и светлое помещение для проведения детских праздников. Президент Барак Обама, который известен своим трепетным отношением к детям, использовал Соляриум для встречи с маленькими американцами, совместного поедания пиццы и развлечений.

Влияние первой леди

Многие первые леди занимали активную политическую позицию, становясь помощниками президента. Одной из наиболее заметных фигур была Элеонора Рузвельт, супруга президента Франклина Рузвельта. Она принимала активное участие в жизни страны, встречалась с зарубежными лидерами и продвигала женское движение. Хиллари Клинтон, будучи первой леди в период администраций Клинтона с 1992 по 2000 г., прославилась продвижением законопроекта об обязательном медицинском страховании. Но не только супруги президентов становились их надежными советниками. Многие члены семьи – дети, племянники и т. д. – также могут выступать советниками президента. Например, дочь Вудро Вильсона управляла Белым домом; дочь Франклина Рузвельта была своеобразным *gatekeeper*, и через нее проходили все важные бумаги; сын Дуайта Эйзенхауэра был его самым надежным советником, а Роберт Кеннеди, брат президента, оказался в роли «адвоката дьявола», стал особым советником, который специально критиковал предлагаемые другими участниками обсуждений опции, чтобы найти самое лучшее и подходящее решение. Наконец, дочь Д. Трампа – Иванка Трамп и ее супруг Дж. Кушнер – занимали особую позицию в Белом доме и оказывали влияние на принятие решений.

Несмотря на все перипетии политической жизни, Хиллари Клинтон остается одной из популярных фигур среди первых леди США из-за своей политической деятельности. За ней следует Элеонора Рузвельт, супруга президента Франклина Рузвельта и Лора Буш – супруга президента Буша-мл. А за ними следуют такие первые леди, как Мишель Обама, Жаклин Кеннеди и Барбара Буш, супруга президента Джорджа Буша-ст., а также мать президента

Джорджа Буша-мл. и губернатора штата Флорида Джеба Буша. Ее считают матриархом (matriarch) политической династии Бушей.

Барбара Буш – самая удивительная первая леди США. Она познакомилась с Джорджем еще в школьные годы: ей было 16 лет, а ему – 17. Они очень быстро поженились, и Барбара оставила свое обучение в колледже ради семьи, став свидетелем нескольких эпох в истории развития президентской власти в США. Со своим супругом, будущим президентом США, она пережила Вторую мировую войну, поскольку Джордж Буш воевал на фронте. Она видела изнутри политическую власть в 1960-е, 1970-е и 1980-е гг., когда ее супруг был избран в Сенат, а потом стал послом в ООН и затем вице-президентом при Рональде Рейгане. Барбара стала первой леди в начале 1990-х гг. и была свидетелем окончания холодной войны. Она увидела смену эпох в глобальной политике, когда ее сын стал президентом США в 2000-е гг. Очень часто Барбару называли старомодной, злые языки осуждали ее манеру одеваться слишком консервативно, когда мир уже существенно изменился в 1990-е гг. и на смену платьям пришли деловые костюмы. Она не обращала внимания на эти выпады и всегда говорила, что одевается так, как нравится ее мужу.

Лора Буш, супруга президента Джорджа Буша-мл., редко упоминается в числе знаменитых первых леди. Однако она сыграла значительную роль в карьере своего мужа. Лора Буш была библиотекарем, что не остановило Джорджа, выходца из богатой семьи, предложить ей руку и сердце. Ее забота и влияние помогли будущему президенту отказаться от злоупотребления спиртными напитками. Мишель Обама привнесла в Белый дом живую струю. Она не только постоянно устраивала самые различные вечеринки и праздники, но и охотно пела и танцевала на публике. Вспомним, например, танец Мишель Обамы с Джимми Фэллоном (Jimmy Fallon) в апреле 2015 г. Это видео набрало миллионы просмотров на портале YouTube. Многие критики осуждали Мишель, но она тогда сказала, что

...я не боюсь быть немного глупой, ведь это помогает налаживать отношения с людьми. Сначала ты заставляешь их смеяться, а потом слушать.

What I've never been afraid of is to be a little silly, and you can engage people that way... You get them to laugh, then you get them to listen²².

²² How Michelle Obama Became the First Lady of Pop Culture [Электронный ресурс]. URL: <https://www.harpersbazaar.com/celebrity/latest/news/a17308/michelle-obama-interview-pop-culture/> (дата обращения 20.02.2021).

Каждая из первых леди оставила свой след в политике и жизни американского общества. Например, первая супруга Вудро Вильсона стала основоположницей сада роз (rose garden) около Белого дома. Именно она вместе с главным садовником Белого дома разработала ландшафтный дизайн с дорожками, клумбами и альпийскими горками. Однако она не дожидая до того момента, когда сад был полностью готов. Во время родов, в 1914 г., она умерла. До сих пор сад часто используется президентами для заявлений прессе или американскому обществу.

Не все президенты, заселившись в Белый дом, имели семью. Многие из них были холостяками. Самыми известными холостяками являлись президент Бьюкенен, президент Кливленд (который женился после того, как стал президентом) и Вильсон, который был женат, овдовел и женился второй раз. Настоящим холостяком, который так и не женился, был только президент Бьюкенен.

Сегодня в США осталось четыре живущих бывших президента США: Дж. Картер, Б. Клинтон, Дж. Буш-мл., Д. Трамп и Б. Обама. Они часто выступают с заявлениями, если видят, что, по их мнению, политические шаги существующего президента разрушают основы американской жизни или внешней политики. Американцы в массе своей с уважением относятся к данному институту: существует День президентов, а каждое событие, связанное с прошлыми главами Белого дома, особо вспоминается в обществе и в СМИ. После истечения срока полномочий президентов США, как правило, создаются президентские библиотеки. В них собираются архивы документов, связанных с президентством, а также организуются впечатляющие музейные экспозиции. Очень часто президенты возвращаются к частной жизни, пишут мемуары и выступают с лекциями. Кто-то создает благотворительные фонды. Но президентам не удается окончательно покинуть политическую арену. Партия, вопросы фандрейзинга, а также поддержка лидеров своей партии во время избирательной кампании требуют участия бывших президентов. Очень часто американское общество ждет реакции бывших президентов на происходящие события, и в таком случае президенты выступают как патриархи политической жизни в стране, на что ориентируются американцы.

Для дальнейшего изучения

- Brower K.* First Women: The Grace and Power of America's Modern First Ladies. Harper Paperbacks, 2017.
- Clinton H.* Hard Choices. N.Y., 2014.
- Cummings K.* Partner to Power: The Secret World of Presidents and their Most Trusted Advisers. Prometheus, 2018.
- Gates R.* Duty. N.Y., 2013.
- George A.* Presidential decision-making in foreign policy: The effective use of information and advice. Boulder, 1980.
- Historical U.S. Presidential Elections 1789–2016 [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/away.php?to=https%3A%2F%2Fwww.270towin.com%2Fhistorical-presidential-elections%2F&post=-161694151_494&el=snippet (дата обращения 20.02.2021).
- Woodward B.* Obama's Wars. N.Y., 2010.

Электронные ресурсы

- Первые леди США (виртуальный тур) [Электронный ресурс]. URL: <https://americanhistory.si.edu/firstladies-interactive/> (дата обращения 20.02.2021).
- Президентские библиотеки (виртуальные туры по каждому президенту) [Электронный ресурс]. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.archives.gov/presidential-libraries> (дата обращения 20.02.2021).
- Президенты США [Электронный ресурс]. URL: <https://www.britannica.com/topic/presidency-of-the-United-States-of-America/Changes-in-the-20th-century> (дата обращения 20.02.2021).

Тема 7. Гражданское общество в действии: от низовых групп интересов до Конгресса

Конгресс США является одним из наиболее влиятельных правительственных институтов. Он позволяет различным группам интересов добиваться решения их проблем на самом высоком уровне. Конгресс США способен оказывать влияние на президентов, их внутреннюю и внешнюю политику, а также понуждать исполнительную власть к реализации принятых законов. В руках Конгресса есть несколько очень важных механизмов влияния. Во-первых, он отвечает за принятие финансовых законов, что означает увеличение или уменьшение финансирования на проекты, которые реализует исполнительная власть. Во-вторых, он имеет возможность откладывать принятие различных законопроектов, которые предлагает президент. Если законодателям не нравится предложение президента, то законопроект может быть положен «под сукно», т. е. заморожен на неопределенное время. В-третьих, Конгресс США может провести аудит или расследование деятельности, как президента США, так и любого государственного служащего, что позволяет оказывать существенное влияние на исполнительную власть.

Работа такого ведомства, как Конгресс США, является довольно сложной для понимания. Однако, если присмотреться к деятельности конгрессменов (так, как правило, называют членов палаты представителей) и сенаторов, то можно разобраться в этом непростом механизме и понять логику их заявлений и действий, которые очень часто намного жестче, чем заявления президента.

Самые важные функции Конгресса США

Статья первая Конституции США гласит: «...все законодательные полномочия, предоставляемые данным документом, принадлежат конгрессу США, состоящему из сената и палаты представителей».

Сенат состоит из 100 членов, по два сенатора от каждого штата США. Срок полномочий сенаторов составляет шесть лет, но одна треть общего состава Сената выбирается каждые два года. Понятно, что случаются смерти и отставки сенаторов до истечения срока их полномочий. В этом случае губернатор штата, от которого был избран данный сенатор, объявляет о проведении специальных выборов. Такая ситуация создает условия для изменения расстановки политических сил в Конгрессе. Очень часто на дополнительных выборах побеждает представитель другой партии. Например, после смерти сенатора Джона Маккейна (John McCain) в 2018 г., который представлял штат Аризона и был членом Республиканской партии, на его место был избран преемник от Демократической партии, что оказало влияние на усиление демократов в Сенате.

Палата представителей состоит из 435 членов, избираемых каждые два года от всех 50 штатов пропорционально общей численности населения каждого штата. Полномочия Конгресса очередного созыва длятся два года и вступают в силу в январе года, следующего за выборами его членов. Каждый созыв Конгресса имеет две сессии и определенный номер. За всю историю США Конгресс собирался 117 раз. Номер созыва Конгресса указывается на многих документах, законах, законодательных актах и слушаниях Конгресса. В случае закона это выглядит так: Public Law 116–43, т. е. закон был принят во время заседания 116 конгресса под номером 43.

Конгресс, как уже говорилось, оказывает существенное влияние на президентскую власть. Палата представителей может возбудить процедуру импичмента против президента. И именно палата представителей выдвигает обвинения против президента. Сенат же выступает в роли судьи и окончательно подтверждает или отвергает импичмент.

Кроме этого, именно в Палате представителей проводится заседание для подсчета голосов выборщиков после выборов президента. Если никто из кандидатов не набрал большинства голосов, то Палата представителей выбирает президента из трех кандидатов, набравших наибольшее число голосов, а Сенат выбирает вице-президента.

После выборов в Конгресс партия, которая получила большинство мест, выдвигает своего лидера, лидера победившей партии, который становится спикером Палаты представителей и лидером большинства в Сенате (постоянным председателем Сената является вице-президент США). Политик, который возглавляет партию большинства, является знаковой фигурой.

Именно он может повлиять на прохождение или непрохождение законопроектов, которые предлагаются президентом или другими представителями исполнительной власти. Для президентов чрезвычайно важно, чтобы его партия получила большинство хотя бы в одной из палат Конгресса. Например, во время первого срока администрации Б. Обамы Демократическая партия имела большинство в палате представителей, а спикер – Нэнси Пелоси – помогла президенту провести через Конгресс исторический закон об обязательном медицинском страховании. Но очень часто весь Конгресс или одну из его палат получает партия, которая является соперником действующего президента. Это ситуация «разделенного правления», которая накладывает существенный отпечаток на законотворчество исполнительной власти и на внутреннюю и внешнюю политику президента. В таком случае Конгресс США становится важнейшим инструментом контроля политики президента, корректируя либо отвергая законы, предлагаемые президентом, и меняя планируемые объемы финансирования. Но и президент, со своей стороны, тоже влияет на инициативы Конгресса. Если президент недоволен предлагаемым законопроектом, который приходит из Конгресса, он может наложить на него вето. Однако Конгресс США может преодолеть запрет президента, снова проголосовав за законопроект большинством в 2/3 голосов каждой палаты. В таком случае законопроект становится законом, который обязаны исполнять все, включая президента.

Более того, во время обсуждения различных законопроектов конгрессмены продвигают интересы своих штатов, входят в систему сделок и торга. Известный фильм «Карточный домик» дает критическое, но, тем не менее, относительно адекватное представление о процессах, связанных с разработкой нескольких вариантов законопроектов, о торге и обменах между конгрессменами, о получении дополнительных голосов и т. д. Вспомним начало фильма (1 сезон, 1 серия), когда герой – конгрессмен Ф. Андервуд – работает над законопроектом по образованию, нанимает команду, которая создает новый вариант законопроекта за несколько дней и собирает голоса своих коллег. Нечто подобное разворачивается в Конгрессе США, да и в парламентах всех других стран.

Почему и как конгрессмены предлагают законы?

Большинство законов предлагаются конгрессом. Вспомним, например, закон о санкциях в отношении России, который был подписан президентом Д. Трампом в августе 2017 г. Этот закон был инициирован именно конгрессменами и очень быстро прошел все инстанции, несмотря на летние каникулы законодателей. Очень часто конгрессмены, оценивая внутреннюю и внешнюю политику действующего президента, предлагают ему необходимые нововведения. Таким способом, например, была открыта новая радиостанция международного вещания США «Голос свободной Азии» в 1994 г. или были приняты новые программы по развитию стран Ближнего Востока в начале 2000-х гг.

Обычно конгрессмены и сенаторы обещают избирателям у себя в штате, что в случае своего избрания они выступят с законодательными предложениями по определенной теме. Как правило, эти темы связаны с нуждами и заботами жителей определенного избирательного округа. Кроме того, сами избиратели объединяются в группы или ассоциации граждан, профессиональные союзы и другие организации гражданского общества, подают петиции или направляют предложения своему представителю в Конгрессе.

Граждане США являются важным источником законотворчества и имеют возможность оказывать прямое влияние на судьбу законопроектов. В случае согласия с предложениями группы интересов конгрессмен выдвигает предложение о новом законопроекте, проходит слушания в одном из профильных комитетов Палаты представителей или Сената, затем голосование в двух палатах, а в случае положительного исхода президент подписывает закон. В США существует колоссальное, даже не поддающееся подсчету, число групп интересов, которые продвигают отдельные законопроекты, что, в свою очередь, может изменить внутреннюю жизнь и внешнюю политику США. Женские организации, бизнес-ассоциации, организации за или против ношения оружия и пр. Все они занимаются лоббизмом – продвижением определенных мер и законопроектов. У нас на слуху «израильское лобби», которое продвигает помощь США Израилю или «армянское лобби», которое стремится продвинуть законопроекты или резолюции о геноциде армян и уже добилось значительного успеха; наконец, «китайское лобби», «оружейное лобби» и многие другие. Лоббисты охватывают маленькие и большие организации, публикуют

статьи и выстраивают отношения с законодателями, а финансирование избирательных кампаний своих избранников становится фактором лояльности конгрессмена интересам определенной группы интересов. Лоббизм, казалось бы, балансирует на грани коррупции и законопослушания. В США существуют очень жесткие законы по лоббизму, и они действуют с 1870-х гг. В 1876 г. был принят знаменитый закон о регистрации лоббистов. Их финансовая составляющая находится под контролем, что позволяет отслеживать движение капитала от лоббистов к конгрессменам. В 1995 г. был принят самый жесткий закон (Lobbying Disclosure Act), который потребовал от лоббистов обнародования расходов и своих фамилий. И это является оправданным, поскольку политическая система, политика и работа Конгресса имеют высокий процент капитализации, т. е. вложенные деньги приносят хороший доход. В лоббизме крутится порядка 2,6 млрд долл., а зарегистрированных организаций по лоббизму более 11 400 по состоянию на 2019 г. Лоббисты оказывают существенное влияние на принятие тех или иных законов США. Например, только благодаря давлению академических групп удалось остановить падение финансирования программы Фулбрайта в 2017–2018 гг., а лоббисты оружейных интересов не дают Конгрессу принять законы об ограничении ношения оружия.

Кроме этого, существует еще масса финансовых и других законов, которые необходимо принимать ежегодно. Например, ежегодный закон о финансировании внешнеполитических ведомств или закон о финансировании грантовых программ для студентов, поддержке ветеранов и т. д., принимаются на каждой сессии Конгресса. Более того, бывает и так, что какие-то кризисные ситуации требуют дополнительного финансирования или расширения федерального бюджета США. В этом случае конгрессмены принимают дополнительные резолюции или, чаще, новые законы о финансировании дополнительного проекта. Например, активная информационная деятельность России послужила толчком для пересмотра бюджета на международное вещание США, и летом 2017 г. конгрессмены пересмотрели бюджет для внешнеполитических ведомств и увеличили его на несколько процентов.

Во многих случаях очень сложно разобраться в том, какие законы необходимо просмотреть, чтобы узнать, скажем, окончательный объем финансирования международной финансовой помощи или помощи ветеранам США. Часто требуется найти несколько последовательно принятых законов, чтобы прояснить общую картину.

Какие документы рассматривает Конгресс? Законопроекты, простые, параллельные и совместные резолюции

Конгресс США рассматривает разные типы законодательных актов. Самая важная функция Конгресса – рассматривать и принимать законы в области бюджетного финансирования и налогов (the most important power of Congress is the power of the purse – appropriations and tax policies). Законопроекты – это предложения исполнительной или законодательной ветвей власти о принятии нового закона. Существует два вида законопроектов – публичные и частные. Публичный законопроект затрагивает интересы всего общества США. Частный законопроект касается отдельных лиц или отдельных проектов. Каждому законопроекту, который внесен в Палату представителей, присваивается буквенное обозначение “HR”, что является аббревиатурой английского варианта названия нижней палаты – House of Representatives. За буквенным обозначением следует регистрационный номер, который сохраняется на всех этапах прохождения законопроекта в конгрессе. Каждому законопроекту, который начал свою жизнь в Сенате, присваивается буквенное обозначение “S” (Senate) и регистрационный номер.

Кроме законопроектов существует несколько типов резолюций. Как правило, резолюции затрагивают острые или важные проблемы, по которым требуется голосование. Простые резолюции касаются вопросов, которые рассматриваются одной из палат конгресса. Если члены палаты представителей решили привлечь внимание общества и президента к наиболее важному вопросу, то резолюция будет иметь буквенное обозначение “H.Res.”, за которым следует номер. Если же Сенат решил инициировать обсуждение важного вопроса, то такая резолюция будет иметь обозначение “S.Res.” и также иметь определенный номер. Резолюций принимается много и по самым разным вопросам политики, медицины, экономики. Например, летом 2019 г. Сенатом была принята резолюция о том, чтобы сентябрь 2019 г. стал месяцем школьного автобуса в США. Были проведены мероприятия в честь 30-ой годовщины появления школьных автобусов, которые, по состоянию на 2019 г., перевозят 26 млн детей и проезжают 5 млрд миль ежегодно, обеспечивая сохранность здоровья школьников в США (S.Res.285 – A resolution designating September 2019) as “School Bus Safety

Month”²³. После одобрения резолюция заверяется клерком Палаты представителей или секретарем Сената и публикуется в журнале под названием «Протоколы Конгресса» (*Congressional Records*). Этот журнал является настоящей легендой Конгресса. В нем публикуются протоколы всех заседаний Палаты представителей и Сената. Журнал начал издаваться во время работы первой сессии первого Конгресса США в 1789 г. и некоторое время выходил под такими названиями, как «Анналы Конгресса» (*Annals of Congress*) и «Регистр дискуссий и мир Конгресса» (*Register of Debates and Congressional Globe*). Сегодня журнал существует как в традиционной печатной форме, так и в цифровом формате, с его помощью можно отследить судьбу каждого закона и увидеть реакцию конгрессменов и сенаторов, а также выступления представителей исполнительной власти относительно законопроектов.

Кроме законопроектов и простых резолюций конгрессмены выпускают в жизнь так называемые совместные резолюции, которые принимаются и в Палате представителей, и в Сенате. Они имеют отдельное буквенное обозначение в виде “H.R.J.Res.” или “S.J.Res.”. Совместные резолюции быстро принимаются в палатах Конгресса и имеют такую же силу закона, как законопроекты, в случае их одобрения. Принимая совместные резолюции, Конгресс США стремится выразить свое мнение по актуальным вопросам общественной жизни.

Наконец существуют параллельные резолюции. Они принимаются по вопросам, которые затрагивают деятельность сразу обеих палат. Сегодня такие резолюции не носят юридически обязывающего характера и призваны констатировать мнения обеих палат. Параллельная резолюция не является эквивалентом законопроекта, это только мнение конгресса. Такие резолюции также имеют особое буквенное обозначение “H.R.Con.Res.” или “S.Con.Res.”. После принятия параллельных резолюций обеими палатами они подписываются клерком Палаты представителей или секретарем Сената и публикуются в специальном разделе тома «Свод законов США», который посвящен определенной сессии Конгресса. Такие резолюции не представляются на утверждение президенту США.

²³ S.Res.285 – A resolution designating September 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-resolution/285/text?q=%7B%22search%22%3A%5B%22sres%22%5D%7D&r=95&s=3> (дата обращения 20.02.2021).

Как принимаются законы в США? Прохождение законопроектов в профильных комитетах, слушания и эксперты

Любой член Конгресса может внести законопроект на рассмотрение в любое время и на любом заседании. Как правило, для этого достаточно опустить свои предложения в специальную урну, установленную возле стола клерка в зале заседаний. Клерк комитета или палаты представителей периодически оглашает список законопроектов, подлежащих обсуждению в период данной сессии Конгресса. Все предложенные законопроекты передаются в профильные комитеты, и здесь начинается самое интересное. Рассмотрение законопроекта, выслушивание мнений экспертов и обсуждение самых разных связанных с ним проблем происходит во время так называемых слушаний в комитете (*hearings*).

Общественность имеет право участвовать в этом обсуждении. На данном этапе члены Палаты представителей и сенаторы выполняют огромный объем работы, пытаясь выслушать все стороны, а также найти независимых экспертов, которые сумеют обосновать необходимость принятия или непринятия законопроекта. Во время слушаний (а они могут длиться часами) конгрессмены задают вопросы приглашенным экспертам. Приглашенные эксперты могут быть как независимыми, т. е. представлять аналитические и академические центры, так и являться членами исполнительной ветви власти. В слушаниях имеют право принимать участие и граждане других стран. Приглашенные эксперты готовят письменные отчеты (*testimony*), произносят вступительную речь, а затем последовательно отвечают на вопросы всех членов профильного комитета. Как правило, в комитетах разворачиваются жаркие дискуссии относительно предлагаемых законопроектов, и очень часто многие вопросы выходят за рамки законопроекта. Однако все эти дискуссии помогают принять оптимальное решение. Большинство слушаний комитетов Конгресса транслируются на сайтах комитетов, а также публикуются в сети Интернет.

Часто профильные комитеты устраивают слушания не по принятию законопроектов, а по расследованию или изучению разнообразных проблем. Таким примером выступают слушания в Комитете по внешней политике Сената и Палаты представителей в октябре 2017 г. относительно роли социальных сетей в политической жизни общества. Тогда конгрессмены не собирались принимать законопроекты, но слушания способствовали обсуждению

вопроса о свободе и несвободе публикаций политически значимых постов в социальных сетях. Члены Палаты представителей и сенаторы пригласили на слушания представителей компаний “Facebook”, “Google”, “Twitter” и “YouTube” и задавали им вопросы о контроле над политической рекламой и о влиянии зарубежных государств на политические позиции американцев. Подобные обсуждения проблем могут стать основой для создания новых законопроектов или просто способствовать расширению знаний конгрессменов, необходимых для принятия решений.

В конгрессе США действует 36 постоянных комитетов, которые имеют стабильный состав членов (*standing committees*). Также создаются различные временные комитеты и объединенные комитеты, которые включают самых разных членов других комитетов. В итоге в Конгрессе США постоянно бурлит деятельность, даже в перерывах между сессиями. Это и есть реальный Конгресс США за работой.

В состав комитетов входят члены двух ведущих политических партий, а соотношение представителей партий в комитетах определяется по итогам выборов. Исключение составляет только Комитет по нормам поведения должностных лиц, в котором половина мест всегда принадлежит партии большинства, а вторая половина мест – партии меньшинства. Такое соотношение позволяет конгрессменам принимать решения относительно расследования поведения официальных лиц, включая президента США. Как правило, все комитеты возглавляются представителем от партии большинства. Эти люди весьма влиятельны: именно они инициируют большинство законопроектов, а во время обсуждения законопроектов задают направления и даже тон трактовки различных проблем.

Почти все законопроекты так или иначе связаны с вопросами финансирования, и поэтому каждый из них проходит через центральное финансово-контрольное управление, которое представляет отчет о целесообразности принятия данного законопроекта. Во многих случаях законопроект заслушивается в нескольких комитетах. Например, законопроекты о финансировании внешней политики США рассматриваются в Комитете по внешней политике, в Комитете по военному делу и в Комитете по ассигнованиям.

Слушания в комитетах бывают открытые и закрытые. Как правило, закрытые слушания относятся к чувствительным вопросам внешней политики, национальной безопасности или разведки. Например, вопрос о расследовании политики бывшего президента Д. Трампа рассматривался на закрытых заседаниях

трех комитетов палаты представителей. Но информация о них также публикуется на сайте конгресса США. Самые важные общественные вопросы рассматриваются на открытых слушаниях, которые посещают различные представители гражданского общества США. Они пытаются изменить мнение Конгресса, ускорить или отменить принятие законопроекта. Например, законопроект о так называемых *dreamers*, который был инициирован президентом Б. Обамой и касался расширения прав и возможностей для детей мигрантов, получил неодобрение со стороны профильных комитетов конгресса США в 2012 г. Во время обсуждения законопроекта происходили уличные демонстрации в поддержку законопроекта, а на публичных слушаниях выступали защитники законопроекта и прав иммигрантов, представлявшие самые разные общественные организации. В итоге Конгресс США принял данный законопроект.

Любой комитет имеет право предложить поправки для законопроектов после проведения слушаний. Поправки могут быть приняты либо отклонены Палатой представителей или Сенатом. Среди членов комитета проводится голосование, чтобы определить, будет ли комитет поддерживать этот законопроект или нет. Во втором случае законопроект может ждать судьба множества законопроектов, которые были «положены под сукно» до конца сессии Конгресса. Это означает, что инициаторам законопроекта, если они по-прежнему хотят добиться его принятия, придется повторять всю процедуру после очередных выборов и начала новой сессии. Именно поэтому существует огромное количество законопроектов, которые имеют одинаковые названия, но разные регистрационные номера. И только один из них может стать законом. Более того, самые важные законопроекты, которые вызывают бурные дискуссии в обществе, проходят процедуру поименного голосования. Это одно из самых существенных завоеваний американской демократии. Конгрессмены голосуют разными способами: от простого произнесения слов «да» или «нет» (при проведении такого голосования председательствующий обычно произносит: «Все те, кто выступает в поддержку, скажут “да”. Все те, кто выступает против, скажут нет») до нажатия кнопки электронного голосования или, в особо важных случаях, опускания бюллетеня для голосования в урну.

Один из случаев использования поименного голосования относится к событиям начала 2017 г., когда президент Д. Трамп внес на рассмотрение Конгресса предложение об отмене закона об обязательном медицинском страховании, подписанного его предшественником – Б. Обамой. Закон вводит в США обязательное

медицинское страхование для всех и позволяет самым бедным слоям общества также воспользоваться преимуществом покупки недорогой страховки и получить бесплатную медицинскую помощь. Американское общество разделилось относительно инициативы нового президента: многие американцы ратовали за закон, принятый в период работы прошлой администрации, а многие утверждали, что закон Б. Обамы – это недопустимое вмешательство в их частную жизнь. В Сенате разгорелись серьезные споры, и вопрос об отмене закона был поставлен на поименное голосование. Республиканцам, которые выступали за отмену закона, был нужен всего один дополнительный голос сенатора, чтобы отменить решения предшествующей администрации от партии демократов. Демократы также нуждались в одном голосе поддержки и надеялись, что кто-то из республиканцев проголосует против отмены закона. Судьба закона оказалась в руках республиканца и сенатора Джона Маккейна, который в то время отсутствовал в Конгрессе из-за болезни. Джон Маккейн всегда выступал против инициатив демократа Обамы, был его противником на выборах 2008 г. Однако сенатор получил огромное число положительных откликов о законе от избирателей своего штата. В результате Маккейн, несмотря на свой серьезный недуг, пришел в день голосования в Сенат и открыто проголосовал против воли своей партии. Его голос оказался решающим, и администрация Д. Трампа не сумела отменить закон об обязательном медицинском страховании. Такое поведение Маккейна и многих других сенаторов и конгрессменов показывает, что зачастую законодатели «предают» узкопартийные интересы своей партии, но защищают интересы всех американцев. Члены Конгресса в этом случае оказываются в сложнейшей ситуации – сохранить лояльность партии или лояльность избирателей? Как правило, только самые популярные члены Конгресса позволяют себе пойти против интересов партии. Сенатор Джон Маккейн относился именно к их числу.

После прохождения законопроекта в комитете он выносится на пленарное заседание палат Конгресса. Один из членов комитета делает доклад о результатах обсуждения и предлагаемых поправках. Доклад комитета обычно публикуется, в нем указываются особые мнения конгрессменов, а также выводы и рекомендации комитета. В докладе особое внимание уделяется бюджету, который предлагается увеличить или уменьшить. Как правило, основная проблема принятия большинства законопроектов лежит в их финансировании: исполнительная власть требует увеличения финансирования, а законодательная – уменьшения. Однако это правило было несколько нарушено в период администрации

Д. Трампа. Впервые в истории США исполнительная власть стала требовать от Конгресса снижения финансирования на различные проекты, включая внешнюю политику и финансирование Госдепартамента США. Известное появление первого госсекретаря Р. Тиллерсона в 2017 г. на слушаниях в Конгрессе США, когда он предложил сократить финансирование на Госдепартамент, повергло многих в настоящий шок. В итоге члены Конгресса не только не сократили, но даже увеличили бюджет на проведение внешней политики.

После утверждения законопроекта в одной из палат он попадает в другую, секретарь которой передает законопроект в профильные комитеты. Здесь происходит такая же процедура рассмотрения законопроекта. Как правило, Сенат имеет такие же комитеты, как и Палата представителей. Однако между ними существует разница в процедуре рассмотрения законопроектов. Практика работы Сената построена на необходимости получения единогласной поддержки принимаемых решений. Например, во время представления законопроекта докладчик может обратиться к своим коллегам с просьбой поддержать требование о немедленном рассмотрении данного законопроекта. И если законопроект не носит спорного характера, Сенат может принять такой законопроект очень быстро после кратких обсуждений или даже вообще без обсуждения. Так, например, было с июльским законопроектом о санкциях в отношении России. Поступивший законопроект не вызывал сомнений со стороны членов Сената, и даже те из них, которые находились в отпуске и были вне Вашингтона, проголосовали заочно без всяких обсуждений.

После прохождения законопроекта во второй палате он с поправками возвращается туда, где он был инициирован. Если поправки незначительные и нет спорных моментов, то основной докладчик по законопроекту просит утвердить все внесенные поправки. Как только палата подтверждает согласие, законопроект объявляется согласованным и регистрируется для представления президенту. Если члены палаты не согласны с внесенными поправками, то начинается их незамедлительное обсуждение. В самых напряженных моментах создается согласительная комиссия между сенатом и палатой представителей. Когда поправки носят спорный характер, члены обеих палат собираются для проведения совещания для снятия разногласий, существующих между обеими палатами. Согласительную комиссию или комитет называют часто «третьей палатой Конгресса».

Сенат, как и Палата представителей, имеет право инициировать различные законопроекты (кроме тех, которые посвящены

вопросам сбора налогов и некоторых других финансовых вопросов). Эта процедура принимает обратную направленность. После принятия законопроекта сенатом он передается на обсуждение в палату представителей. Палата представителей передает его на рассмотрение в один из своих комитетов. Если законопроект утверждается комитетом и принимается Палатой представителей без каких-либо поправок, то он передается на подпись президенту США.

Президент и представленные конгрессом законопроекты

После согласования того или иного законопроекта он готовится для представления президенту. Окончательная подготовка законопроекта – очень кропотливая и ответственная работа, поскольку требуется учесть все поправки. Окончательно подготовленный законопроект печатается на пергаментной бумаге. Президент обладает правом подписывать или не подписывать представленный законопроект. Раздел седьмой статьи первой Конституции США гласит, что «каждый законопроект, утвержденный палатой представителей и сенатом, прежде чем он станет законом, должен быть представлен президенту США».

На практике это выглядит следующим образом: клерк комитета по управлению делами палаты представителей (или пресс-секретарь Сената) вручает оригинал окончательного варианта законопроекта одному из служащих Белого дома и берет с него расписку в получении. Дата на этой расписке считается датой подачи законопроекта президенту и началом десятидневного периода, отведенного для вынесения президентского решения по законопроекту. Белый дом рассылает копии законопроекта различным министерствам, чтобы они могли проконсультировать президента.

Если президент в течение 10 дней не подпишет законопроект и не возвратит его Конгрессу со своими возражениями, то законопроект вступает в силу точно так же, как если бы он был подписан президентом. Президент обладает правом вето – правом вернуть законопроект в Конгресс с отрицательной резолюцией. До времени администрации А. Джонсона (1865–1869) право вето редко использовалось президентом. Однако уже президент Г. Кливленд использовал это право 414 раз, а позже президент Ф. Рузвельт – 635 раз. Затем начиная с 1960-х гг. началась эпоха затишья. Президенты стремились не использовать это право,

чтобы не портить отношения с Конгрессом. Но и Конгресс обладает правом преодоления вето президента, если соберет 2/3 депутатов и проголосует большинством голосов. Обычно президенты подписывают законопроекты, если понимают, что Конгресс соберет нужное количество голосов, чтобы показать президенту свою силу. Если же президент решает не подписывать законопроект, то он возвращает его вместе со своими возражениями той палате Конгресса, из которой законопроект исходит. И там происходит голосование по преодолению президентского вето.

Но широкое толкование Конституции позволило найти лазейку для президентов, которая позволяет им избежать вступления в силу нежелательных законов. В случае начала каникул и прекращения заседаний Конгресса президенту некому вернуть неподписанный законопроект, и он не вступает в силу. Такая ситуация носит название «карманное вето» (*pocket veto*). Очень часто конгрессмены стараются отдать на подпись президенту солидное число законопроектов перед каникулами, что открывает для президентов возможность использовать карманное вето.

Конгресс как контролирующий орган

Конгресс США не только принимает законы, в которых сформулированы некие правила и определено финансирование ведомств исполнительной власти, но и на постоянной основе контролирует и анализирует исполнение этих законов. Более того, конгрессмены оценивают эффективность проектов, осуществляя аудит действий и политики исполнительной власти. Счетная палата (*Government Accountability Office*) и Федеральный инспектор (*General Inspector*) проводят самые различные оценки проектов исполнительной власти, на которые были выданы средства.

Эти проверки бывают самыми разнообразными. Например, Конгресс может проводить оценку деятельности США в различных странах посредством отправки туда своих аудиторов или заказать независимую экспертизу деятельности исполнительной власти по любому из законов. Сами конгрессмены имеют право участвовать в проверке работы исполнительной власти, посещая ее ведомства, а также страны, в которых реализуются проекты правительства США. Например, конгрессмены неоднократно посещали Афганистан или Сирию, чтобы на деле увидеть исполнение принятых законов. Очень часто конгрессмены негативно оценивают ситуацию, что сказывается на дальнейшем финансировании различных проектов.

Подобный аудит заставляет органы исполнительной власти эффективно работать, привлекая нужные ресурсы и квалифицированных экспертов. Каждое ведомство знает, что аудит Конгресса может привести к прекращению проекта, сокращению финансирования и, наконец, к ликвидации ведомств, отделов или должностей.

Известные конгрессмены

Многие члены Конгресса оставили яркий след в истории США. Они были инициаторами и авторами законов, которые изменили внутреннюю и внешнюю политику США. Поэтому законопроекты носят их имена. Закон Фулбрайта, поправка Джексона – Вэника, закон Тафта – Хартли и многие другие существенно изменили политику США в разные исторические эпохи. Сенатор Фулбрайт придумал программу академических обменов и очень долгое время был главой Комитета по международным делам. Сенаторы Джексон и Вэник выдвинули поправку к торговому закону США, которая вводила запрет на торговлю с СССР, если Москва не будет разрешать выезд еврейского населения. После окончания Второй мировой войны конгрессмены Тафт и Хартли предложили закон о запрете профсоюзов, которые выдвигали прокоммунистические лозунги. Как мы видим, законопроекты и законы могут быть самыми разными и вызывать самые разные эмоции, но пока законы не отменяют, общество США живет в соответствии с этими законами, поправками и резолюциями.

Известный конгрессмен, бывший глава Комитета по международным делам палаты представителей Э. Ройс (Edward Royce) в 1994 г. предложил законопроект о создании радиостанции «Голос свободной Азии». Этот канал международного вещания является одним из важнейших механизмов распространения информации о США в АТР. Сенатор Ричард Лугар не только участвовал в переговорах между США и Россией по сокращению ядерного потенциала, но также известен как филантроп и автор различных инициатив в области социальной защиты многодетных семей и детей с ограниченными возможностями.

Многие американские законодатели становились президентами США. Например, Джон Кеннеди до своего избрания в Белый дом был самым молодым членом Палаты представителей (1947–1953) и сенатором (1953–1960). Пост члена в особом комитете сената по расследованию коррупции в делах профсоюзов (Senate Select Committee on Improper Activities in the Labor and

Management Field) позволил Кеннеди приобрести широкую известность, которая помогла ему стать президентом.

Американские женщины лишь относительно недавно получили возможность заниматься законодательной деятельностью. Конституционная поправка 1920 г. об избирательном праве для женщин, помимо прочего, предоставила им право быть избранными в состав Конгресса. Однако ситуация развивалась крайне медленно. Реально только в 1970-е гг. число женщин в составе федеральных законодателей стало исчисляться не единицами, а десятками. С 1977 г. по настоящее время в Конгресс было избрано порядка 225 женщин, что составляет более 70% от всех congresswomen с 1920 г. А 1992 год даже называли «годом женщины-конгрессмена» в США, поскольку тогда в состав обеих палат было избрано сразу 27 женщин. В истории также остались женщины-конгрессмены, которые проводили политику активного противостояния с исполнительной властью. В эту категорию совершенно точно попадет и нынешний спикер Палаты представителей Н. Пелоси – первая женщина США, которая получила этот пост. Именно Пелоси объявила о начале процедуры импичмента против президента Д. Трампа. Самой заметной фигурой, несомненно, является спикер палаты представителей Конгресса Н. Пелоси. Несмотря на свой возраст, а ей уже больше 80 лет, она занимает активную позицию, хотя и обещала передать свой пост более молодым из партии демократов. Пелоси – дочь мэра города Балтимора и старейший член Демократической партии. Свою политическую карьеру она сделала в Калифорнии и в округе штата, где республиканцы не имели большинства сторонников уже более 30 лет. Это позволило ей успешно двигаться вперед, и она стала первой женщиной, которая заняла пост сначала лидера меньшинства в Конгрессе в период администрации Дж. Буша-мл., а потом и лидера большинства, а также спикера Палаты представителей.

Но сегодня в Конгрессе США много молодых и подающих надежды политиков. Среди них выделяется уже ставшая звездой Алесандрия Окасия-Кортес (Alexandria Ocasio-Cortez), Марк Рубио (Marco Rubio), который уже успел поучаствовать в президентских праймериз на выборах 2016 г., представительницы коренного населения – Ш. Дэвидс (Sharice Davids) и Деб Хааланд (Deb Haaland), а также известные за пределами США представительницы мусульманской общины – Рашида Тлаиб (Rashida Tlaib) и Ильхан Омар (Ilhan Omar). Эти люди представляют новое поколение в американской политике, их решения будут оказывать влияние на жизнь простых американцев на протяжении ближайших десятилетий.

Конгресс занимает огромное место в модели американской демократии. Этот орган способен ограничить власть президента, предоставить различным группам лоббировать свои интересы, является подвижной и активной системой, несмотря на повторение одних и тех же лиц в сенате на протяжении долгого времени. Конгресс контролирует и принимает законы о финансировании, ратифицирует международные договоры и выносит жесткие резолюции по конкретным вопросам. Конгрессмены всегда в центре внимания американского общественного мнения, они доступны для остального американского общества, поскольку выборы являются точкой проверки доверия к конгрессмену со стороны его избирателей в округе.

Для дальнейшего изучения

- Журавлева В.Ю.* Перетягивание каната власти: взаимодействие президента и Конгресса США. М., 2011.
- Согрин В.В.* Демократия в США: от колониальной эпохи до XXI века. М., 2011.
- Barron D.* Waging War: The Clash between Presidents and Congress, 1776 to ISIS. N.Y., 2016.

Электронные ресурсы

- Важные термины по работе конгресса США [Электронный ресурс]. URL: <https://www.senate.gov/history/powers.htm> (дата обращения 20.02.2021).
- Конгресс США. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.congress.gov/> (дата обращения 20.02.2021).
- Конгресс США. История и современные процессы, комитеты и законопроекты. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.congress.gov> (дата обращения 20.02.2021).
- Палата представителей. История и факты. [Электронный ресурс]. URL: <https://history.house.gov> (дата обращения 20.02.2021).
- Протоколы заседаний конгресса США. [Электронный ресурс]. URL: <http://lcweb2.loc.gov/ammem/amlaw/> (дата обращения 20.02.2021).
- Протоколы заседаний конгресса США. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.congress.gov/congressional-record> (дата обращения 20.02.2021).
- Самые известные сенаторы. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.senate.gov/senators/featured-biographies.htm> (дата обращения 20.02.2021).

Тема 8. Как функционирует правовое государство в США

В США эффективно работает система защиты прав граждан, частная собственность неприкосновенна, созданы благоприятные условия для ведения бизнеса, а правительство является только одним из участников правового процесса и наряду со всеми подотчетно суду и общественному контролю. Как удалось этого достичь? Самый простой и краткий ответ будет звучать следующим образом: в стране сформировалась система независимых судов, которые сумели утвердить принцип верховенства закона и обеспечить защиту прав американских граждан, даже перед лицом государства и других влиятельных сил, на эти права посягающих.

Однако, чтобы получить более развернутое представление о правовом государстве в США, одного предложения, конечно, недостаточно. Необходимо изучить, как устроена судебная система, включая Верховный суд, а также то, как функционирует суд присяжных и система наказаний, связанные с обеспечением прав граждан.

Уникальность правовой системы США

Уникальной особенностью правовой системы США является возможность граждан судиться с правительством благодаря особому устройству политической системы. Истоки американской системы права следует искать в английской истории (Habeas corpus и Петиция о праве). Федеральные органы власти США, которые образовались после принятия Конституции 1787 г., были только одним из игроков в сложном политическом механизме, в котором граждане США играли важнейшую роль. Американский народ воспринимался как подлинный источник власти, создающий правительственные учреждения в рамках общественного договора. Кроме того, сохранение значительной доли суверенитета

за отдельными штатами обеспечило создание независимых местных судов, которые защищали и защищают до сих пор интересы населения и отдельных граждан, а также интересы самого штата против возможного произвола правительства США, крупного бизнеса и т. д.

Каждый округ штата также имеет свою судебную систему и право выступать истцом против действий федерального правительства. Граждане США могут подавать иски против действий властей во всех областях общественной жизни, включая международную деятельность, торговлю, внешнюю политику, если действия правительства нарушают их интересы. Когда избранный президент Дональд Трамп издал исполнительный указ об ограничении легальной иммиграции в США в январе 2017 г., многие американские граждане и различные неправительственные организации по защите прав иммигрантов начали обращаться в суды различных инстанций. В итоге девятый окружной суд Нью-Йорка вынес решение о незаконности исполнительного указа президента, что позволило многим иммигрантам пересечь границу США в аэропорту города. Подобные действия почти невозможно предсказать в других странах.

А вот пример из истории. Во время Войны в Корее (1950–1953) заводы США по производству стали остановились из-за забастовок. Сократилось производство оружия и оборудования, необходимого армии США. Президент Гарри Трумэн (Harry Truman) решил национализировать сталелитейные заводы. Но ему это сделать не удалось, поскольку суды различных штатов объявили решение президента неконституционным.

Характерный случай, который показывает особое отношение американцев к частной собственности и подтверждает тезис о едином законе для всех, произошел с сенатором Р. Полом (Rand Paul), известным республиканцем, членом Комитета по международным делам Сената и идейным либертарианцем: сенатор был избит соседом, которому показалось, что Пол скидывает листья на его участок. Словесная перепалка перешла в потасовку, в которой сенатору сломали ребра. Суд приговорил соседа к месячному лишению свободы и штрафу в 10 тыс. долл., хотя в обычных случаях нападение на конгрессмена карается наказанием до 27 месяцев заключения. Однако суд учел обстоятельства покушения, т. е. посягательство на чужую частную собственность со стороны сенатора. Причем это был суд штата Кентукки, а не федеральный или Верховный.

Выше было отмечено, что федерализм стал основой для развития правовой системы США. Как связаны эти вещи?

Что такое федерализм в правовой системе США?

США имеют чрезвычайно разветвленную сеть различных судов. Федерализм – разграничение компетенции между федеральным правительством и правительствами штатов – является крепким фундаментом правовой системы и современной федеральной судебной системы. Несмотря на все исторические перипетии, штаты сохранили за собой право независимого отправления правосудия. Существуют федеральные суды, суды штатов, окружные суды, а также суды разных уровней по банкротству, апелляциям, торговле и пр. (U.S. courts of appeals, U.S. Court of Appeals for the Federal Circuit, U.S. District Courts-Civil, U.S. District Courts-Criminal, U.S. Bankruptcy Courts, U.S. District Courts-Combined Civil and Criminal, U.S. Federal courts).

Фундаментом независимости американской судебной системы стало то, что федеральные суды не являются вышестоящими по отношению к судам штатов. Федеральные суды рассматривают иски правительства против граждан или правительств штатов, или иски граждан и местных органов власти штатов против правительства США. В федеральную судебную систему входят все мировые и окружные суды, а над ними еще находятся 12 апелляционных судов и особый суд, который рассматривает иски по патентам и вопросам международной торговли.

Среди должностей в федеральных судах есть особая должность под названием *генеральный солиситор правительства США*. Генеральный солиситор осуществляет контроль за расследованием и вынесением решений во всех апелляционных судах от имени правительства. Когда одной из сторон выступает правительство США, то от его имени выступает генеральный солиситор. Очень часто американцы подают иски или апелляции против собственного правительства: кто-то требует обоснования конституционности закона, принятого Конгрессом; кто-то – доказательства законности решений органов исполнительной власти; кто-то – обоснования приговора, вынесенного по уголовному делу.

Если правительство США не является ответчиком, то суд может пригласить генерального солиситора в качестве эксперта или так называемого друга суда. Солиситор предоставляет суду информацию о возможном влиянии уголовного дела на интересы США. Другими словами, солиситор является адвокатом правительства. Если суд принимает решение не в пользу правительства,

то генеральный солиситор определяет, будет ли правительство обжаловать это решение. Именно генеральный солиситор формулирует мнение правительства США, которое высказывается и защищается в суде.

Верховный суд: когда защита Конституции важнее политических интересов

Над всей правовой системой возвышается Верховный суд США. В течение своей истории он принимал очень важные решения, которые меняли жизнь общества и его традиции. Вопросы сегрегации, смертной казни, однополых браков проходили широкое общественное обсуждение через решения, принимаемые девятью судьями Верховного суда.

В 1803 г. Верховный суд приобрел право выносить решения о нарушении Конституции США. В этот исторический момент председатель Верховного суда Джон Маршалл, разбирая дело «Мэрбери против Мэдисона» (*Marbury v. Madison*) о том, как должны назначаться судьи и кто может отменить законы Конгресса, выдвинул три принципа, которые не только стали основой американского конституционного права, но и оказали влияние на правовую систему почти всех стран мира.

Именно тогда было установлено, что, во-первых, Конституция обладает большей силой, чем законы, которые принимает Конгресс и подписывает президент. Во-вторых, было решено, что Верховный суд становится органом конституционного надзора, т. е. имеет право толковать Конституцию США. Наконец, в-третьих, было доказано на практике, что Верховный суд имеет право отменять законы, которые противоречат Конституции. Другими словами, девять пожизненно назначаемых судей могут отменять все законы – федеральные, штатов и округов. И время показало, что такая простая система очень эффективна. Пожизненным судьям оказалось легче всего обеспечивать исполнение Конституции, быть вне политических конфликтов, а также не находиться под влиянием президента или конгрессменов, которых временно избирают граждане США. Судьи переживают многих президентов, и даже несмотря на то, что конкретный президент их номинировал в состав суда, надеясь на лояльный голос, и Сенат утвердил, по окончании срока президента эти судьи остаются в суде и принимают взвешенные решения.

Согласно Конституции Верховному суду отводится роль независимого судебного органа, его решения ограждены от обще-

ственного мнения и решений других ветвей власти. Верховный суд реализует принцип верности законам США, а это значит, что суд разрешает споры независимо от того, кем являются стороны. Надо признать, что независимость Верховного суда и всей судебной системы США снискала уважение среди американцев. По опросам общественного мнения в 2019 г., более 57% опрошенных высказались положительно в отношении Верховного суда и судебной системы США. Для сравнения: только 22% и 21% опрошенных положительно оценивают деятельность Конгресса и президента США соответственно.

Здание Верховного суда находится в столице США, в городе Вашингтоне. Свое отдельное здание Верховный суд получил только в 1935 г., а до этого он находился в одном здании с Конгрессом США. Переезд судей в новое здание случился в тот момент, когда администрация Франклина Делано Рузвельта (Franklin Roosevelt) попыталась реформировать Верховный суд. Президент предложил увеличить число судей, полагая, что в этом случае суд не сможет так легко отменять законы его «Нового курса». Большинство судей выступали против реформ Рузвельта и были консерваторами. Рузвельт хотел расширить число судей до 15 человек, причем сторонников партии демократов, но сделать этого ему не удалось. В итоге в Верховном суде по сей день заседают 9 человек, что позволяет избегать неопределенности при принятии решений (равное число голосов сторонников и противников невозможно). Надо отметить, что нет закона, который регулировал бы число членов Верховного суда. В период становления США, в годы администраций Джорджа Вашингтона и Авраама Линкольна число судей варьировалось от 6 до 10.

Итак, все девять судей попадают в Верховный суд в результате номинации со стороны президента. Они утверждаются Сенатом на пожизненное исполнение своих функций. Поэтому сегодня среди действующих судей Верховного суда можно обнаружить назначенцев и президента Рональда Рейгана, и президента Билла Клинтона, и президента Барака Обамы, и, соответственно, президента Дональда Трампа. Не существует правила, что судьи должны представлять интересы президента или партии. Но, как правило, действующий президент, если у него появляется шанс назначить нового судью, стремится отыскать политически близкого и лояльного назначенца, который мог бы занимать предсказуемо консервативную или либеральную позицию при решении животрепещущих проблем США. Например, президент Барак Обама назначил судьей Елену Каган (Elena Kagan). Родившись и прожив большую часть своей жизни в Нью-Йорке, Елена Каган

работала клерком в Верховном суде, была в составе администрации Била Клинтона в 1990-е гг. и преподавала право в Гарварде. Она долго проходила утверждение в Сенате, слушания постоянно затягивались, поскольку республиканский Сенат не хотел назначать Каган в силу ее связей с либеральным политическим истеблишментом США. Но голосование состоялось, Верховный суд пополнился новым судьей, что позволило, в частности, вынести в 2015 г. вердикт о правомерности однополых браков.

Все дела, которые попадают в Верховный суд, двигаются от локальных судов к федеральным и, наконец, добираются до высшей инстанции. Чтобы дело рассматривалось в Верховном суде, его необходимо сначала проиграть. Как правило, суд заслушивает апелляции только от лиц, которые проиграли свои дела в суде низшей инстанции. Однако, в отличие от многих стран, Верховный суд США и федеральные суды слушают только дела, предполагающие живой спор, а не консультативные заключения. Более того, дело должно представлять существенный вопрос. Как правило, основанием для рассмотрения дела является тот случай, когда апелляционные суды США имеют разные мнения по вопросу толкования федерального законодательства. Если один и тот же закон по-разному истолковывается в разных штатах, это еще не значит, что дело будет рассматриваться в Верховном суде. Для начала слушания необходимо, чтобы за рассмотрение проголосовало не менее четырех из девяти судей. Для окончательного решения дела требуются голоса пяти судей из девяти.

Почти ежегодно суд выносит решения по делам, которые связаны с противоречиями между федеральными законами и законами штатов. Многие граждане США используют данный пробел в законодательстве и обращаются в суды своих штатов с исками против федеральных органов. Например, в 2009 г. гражданка США подала в суд в штате Вермонт на одну из фармацевтических компаний. Она выиграла суд, однако адвокаты компании сумели подать апелляцию, в которой указали, что применение лекарства, от которого пострадал истец, утверждено федеральным агентством по контролю за продуктами питания и лекарствами. Компания надеялась, что это обстоятельство защитит фирму от судебных исков. Жертва применения лекарства подала встречный иск в Верховный суд, который согласился с ее доводами и постановил, что утверждение препаратов на федеральном уровне не отменяет законов штата о защите потребителей. В итоге фармацевтическая компания выплатила 7 млн долл. пострадавшей.

Члены Верховного суда – это юристы, политические предпочтения которых могут быть весьма разнообразны. Поскольку

после назначения судья работает пожизненно или до своей добровольной отставки, вакансии в Верховном суде появляются крайне непредсказуемо, и назначение нового судьи зависит от политической ситуации в стране, предпочтений президента и расстановки сил в Сенате. Однако это политическое многообразие судей и их спорадическое назначение гарантируют, что никакая политическая группа, в итоге, не будет обладать перевесом.

Если взглянуть на всех судей, которые работали в Верховном суде, то можно сделать вывод, что они различались по философским подходам к трактовке Конституции США, а также по своему подходу относительно нужности или ненужности независимости судов штатов. Кто-то из судей утверждал и утверждает, что Конституцию следует толковать дословно, без учета изменений во времени. Другие судьи считают, что смысл Конституции меняется со временем и нужны новые поправки. Многие судьи крайне неохотно идут на отмену законов, которые были приняты в штатах, а другие говорят, что надо ограничивать независимость местных судебных органов. Очень часто судья или судьи меняли свои взгляды в силу изменений, происходивших в самом американском обществе. Например, судья, который имел консервативные взгляды и был назначен консервативным президентом, вдруг начинал принимать либеральные решения. Например, президент Д. Эйзенхауэр назначил двух судей – Эрла Уоррена (Earl Warren) и Уильяма Бреннана (William Brennan). И эти судьи оказались самыми либеральными судьями XX в., поддержав решения о гражданских правах. В этом состоит особый смысл работы пожизненного судьи. Он назначается в одном политическом контексте, а участвует в принятии важнейших решений уже в совершенно других условиях. Президент Р. Рейган в 1981 г. номинировал в Верховный суд первую женщину, справедливо полагая, что его протеже Сандра О'Коннор (Sandra O'Connor) будет продвигать консервативные ценности и выступать против аборт. Поначалу все так и было. Но прошло время, Рональд Рейган уже давно покинул Белый дом, а назначенный им судья продолжала работать в Верховном суде. В 1992 г. верность консервативным идеям Рейгана не помешала ей подать решающий пятый голос о праве женщин на аборт. Последние исследования показывают, что судьи меняют свои взгляды 2–3 раза в течение работы в Верховном суде, а продолжительность работы в среднем составляет 18 лет.

В итоге работа в Верховном суде влияет на его членов сильнее, чем сами члены оказывают влияние на принципы данного института власти, т. е. институт власти переваривает политические пристрастия вновь прибывшего судьи. Номинирование судей и

обсуждение в Сенате является общественно значимым делом и привлекает внимание со стороны публики. Например, обсуждение кандидатуры судьи Б. Кавано (Brett Kavanaugh), которого выдвинул Дональд Трамп, вылилось в ожесточенную дискуссию, расколовшую американское общество. Одна часть общества полагала, что появление «жертв» Б. Кавано – это фабрикация данных противниками Трампа. Другая часть общества призывала прислушаться к ним и остановить процесс номинирования судьи, который подрывает доверие к власти. После расследований, обсуждения в прессе и социальных сетях республиканский Сенат все же проголосовал за судью, но до сих пор объявляются все новые и новые жертвы сексуальных домогательств Кавано, из-за чего даже возникает вопрос о вынесении импичмента судье. Это возможно в США по решению Конгресса. В истории был только один такой случай, в далеком XIX в.

На устойчивость института работает одно обязательство – судьи поддерживают целостность и непоколебимость Конституции США, что обеспечивает сохранение верховенства закона. Не секрет, что Верховный суд решает и разрешает политические вопросы и испытывает давление со стороны политической власти. Однако суд использует одинаковые правовые инструменты для рассмотрения любого дела, участниками которого могут быть и простой гражданин США, и могущественная корпорация. Использование одних и тех же правовых инструментов гарантирует равенство всех перед законом и обеспечивает высокий уровень общественного доверия к Верховному суду и всем другим судам в США, что отражено в статистике по одобрению работы судов в США, которая представлена выше.

Наверное, самой популярной судьей из современного состава Верховного суда является Рут Гинзбург (Ruth Ginsburg). Она настоящий старожил американской юриспруденции, была номинирована на свой пост президентом Билом Клинтонем в 1993 г. Являясь сторонницей либеральных взглядов, Гинзбург способствовала принятию самых либеральных решений в период демократических администраций Билла Клинтона и Барака Обамы по таким вопросам, как политика позитивного действия, что расширяло возможности для различных групп общества в карьерном росте или признания законности однополых браков. В 1970-е гг. она приобрела славу как адвокат по делам, связанным с дискриминацией женщин. Рут Гинзбург является живой легендой, выдающимся интеллектуалом и одним из лучших адвокатов страны. Она внесла исторический вклад в становление новых прецедентов в судебной системе США в области защиты

прав женщин. Внимание, которое приковано к ней сегодня, обусловлено ее возможным уходом из Верховного суда по возрасту, что может поменять соотношение сил в сторону консерваторов и сказаться на характере принимаемых решений.

Самыми громкими решениями Верховного суда за последние десятилетия стали запрет на смертную казнь для лиц в возрасте до 18 лет, совершивших убийства, легализация однополых браков, а также серия решений о разрешении абортот и их запретов. Сегодня Верховный суд рассматривает очередное дело о запрете абортов, а в обществе разворачивается новая дискуссия по данному вопросу. Сторонники абортов утверждают, что женщина имеет право на выбор и запрет на аборт – это нарушение прав женщин. Противники используют религиозные основы для запрета абортов в США. Возможные добровольные отставки уже стареющих судей и назначения новых создают и новую политическую интригу.

Согласно статистике, Верховный суд ежегодно получает около 10 тыс. ходатайств; около 100 дел отбираются судом для рассмотрения, и по 80–90 из них выносятся вердикты. Указанное выше число ходатайств – 10 тыс. – рассматривается не сразу 9 судьями, а сначала попадает в руки клерков или секретарей-судей. Клерки – это весьма влиятельные люди, и многие из них после работы в Верховном суде становятся видными судьями в различных штатах. Чтобы эффективно просмотреть все эти ходатайства, создается так называемый серт-пул (cert pool), в который входят клерки каждого судьи. Они распределяют между собой все ходатайства и внимательно анализируют содержание каждого прошения, чтобы кратко изложить их суть в служебной записке. Клерк оценивает, насколько конкретное ходатайство относится к компетенции Верховного суда. Именно клерк рекомендует судье или всем судьям, принимать ли ходатайство к рассмотрению. Нередко судья поручает своему клерку провести дополнительное изучение материалов. Но чтобы суд принял ходатайство к рассмотрению, за него должны проголосовать четверо судей из девяти. После принятия ходатайства суд устанавливает сроки, в течение которых все стороны представляют свои доводы в письменном виде. Также назначается дата, когда стороны должны явиться в суд и представить свои доводы в устной форме. После этого клерками Верховного суда готовятся пояснительные записки для заседания судей, на котором обсуждается дело и проходит голосование. Кроме запланированных ходатайств Верховный суд рассматривает внеочередные заявления. Они, как правило, представляют собой прошения заключенных об отмене вынесенных

приговоров о смертной казни. По статистике, такие заявления поступают один–два раза в неделю, иногда за несколько часов до казни. Это требует активных и ответственных действий всех судей, их помощников и не позволяет Верховному суду почивать на лаврах. Любое дело может стать общественно значимым и привлечь журналистов, что требует четкого правового обоснования по каждому случаю.

Решение по делу принимается, если за него проголосовало пять или более судей. Если председатель суда входит в большинство, он поручает подготовку заключения самому себе или одному из судей. Юридическое заключение суда – это решение с пояснениями, на основании которого суд пришел к тому или иному вердикту. В отличие от многих стран, в американской правовой системе судебные заключения становятся частью законодательства как обязательные *прецеденты*. К этим прецедентам судья обращается при рассмотрении следующего дела, если новый случай будет похожим на предыдущее дело.

Прецедентное право: укрепление традиций правового государства

В США сформировалась жесткая система общественного контроля и прозрачности вносимых судебных решений. Американский судья не может манипулировать законом по своему усмотрению, поскольку его карьера, благополучие и репутация зависят от качества и убедительности выносимых вердиктов. Прежде чем прийти к решению, судья читает показания, выслушивает адвокатов, беседует и советуется с другими судьями. После первоначального голосования судьи обмениваются проектами решения. В отличие от многих стран, американский судья втянут в долгий совещательный процесс со всеми сторонами, что позволяет быть открытым для убеждения. Нередко случается так, что судья меняет свое мнение о деле. И поскольку все стороны процесса представляют широкий спектр взглядов, судья ориентируется на правовые основы, заложенные предшествующими похожими случаями в судебной практике.

В США действует прецедентное право. Это значит, что суд, как правило, выносит решение по образцу тех дел (*прецедентов*), которые уже рассматривались раньше. И даже если судья не соглашается с решением по раннему прецеденту, он не может вынести другое решение. Конечно, суд может изменять свои под-

ходы и доктрины, но исходным пунктом все равно служат более ранние прецеденты. В этом кроется еще одна черта правовой системы США. Правовая и судебная система США основана на идее крепкой традиции и постепенности изменений. Это значит, что хорошо обоснованные решения редко отменяются. Устойчивость доктрин и понятий в судебном дискурсе создает стабильность и предсказуемость, а также укрепляет основы правового государства и уверенность общества в справедливом решении.

Правовая система США опирается еще на один важный инструмент, который повышает вероятность справедливого решения – суд присяжных (trial by jury).

Суд присяжных

Это еще одна особенность правосудия США. Практика формирования и использования суда присяжных пришла в США из Великобритании и зафиксирована в четвертой поправке к Конституции США, гласящей, что «при любом уголовном преследовании обвиняемый имеет право на публичный суд беспристрастных присяжных штата или округа, где было совершено преступление». Любой гражданин США, если он отрицает вину, имеет право запросить суд присяжных, который состоит из 6–23 человек, специально отобранных судьей, прокурором и адвокатами.

При этом любой осужденный может отказаться от приглашения присяжных посредством заключения так называемой сделки со следствием. Сделка со следствием предполагает признание вины без проведения суда в обмен на смягчение приговора. Статистика показывает, что за последние двадцать лет тактика «сделок со следствием» побеждает тактику приглашения суда присяжных: более 60% всех дел, рассмотренных в федеральных судах, заканчивались сделкой вместо суда присяжных.

Так происходит, потому что американцы не верят в справедливость суда присяжных? Верят, но последствия вердиктов, выносимых присяжными, оказываются гораздо более жесткими, чем итоги «сделки со следствием». Более 83% всех решений, выносимых судом присяжных, – это обвинительные акты. Разнообразие состава жюри, общественное порицание и протестантская этика являются основными факторами, которые обуславливают жесткий подход жюри к наказанию. Как правило, присяжные приглашаются из разных слоев общества, они имеют разный профес-

сиональный статус и образование. Большинство из них не особо разбираются в судебных документах и доказательной базе. Именно поэтому присяжные выносят свой вердикт «сердцем», а не на основании сложнейших систем доказательств.

После вердикта присяжных («виновен» или «не виновен») суд назначает наказание, о чем следующий раздел.

Система наказаний в США

Можно задать закономерный вопрос: почему в такой развитой правовой системе, где каждый простой житель страны может подать иск против правительства и больших корпораций и где защищены права граждан, существует такая архаичная форма наказания, как смертная казнь?

Действительно, США принадлежат к числу государств, в которых закреплена законом и приводится в исполнение смертная казнь при помощи самых разных методов. Кроме США такие страны, как Индия, Китай, многие страны Ближнего Востока и Африки, также являются сторонниками этого вида наказаний, и их называют *retenshionists* (страны, которые сопротивляются отмене законов в этой области). Из всех существующих в мире государств 56 не отменили смертную казнь, а 106 отказались от нее как от формы наказания. Развивать дискуссию «за» и «против» смертной казни, наверное, бессмысленно. Само американское общество не может прийти к внутреннему согласию относительно проблемы нужности или ненужности смертной казни, вынесения ошибочных решений и т. д. Каждый новый президент предлагает новые повороты в продолжение этой дискуссии. Если президент Билл Клинтон способствовал отмене смертной казни во многих штатах, то, например, администрация Дональда Трампа призвала к исполнению отложенных наказаний. Сегодня чаша весов между отменой смертной казни и ее сохранением склоняется в сторону сохранения данного инструмента правовой системы. Из 50 штатов 29 продолжают использовать данную систему наказаний, а 21 штат отменил смертную казнь. Традиции каждого штата оказывают влияние на сохранение или отмену данного вида наказаний, и решение данного вопроса остается задачей будущих поколений юристов США. Стоит привести наиболее распространенные аргументы «за» и «против».

Но кроме смертной казни система наказаний в США предусматривает широкий набор вариантов исправления поведения

осужденных лиц (или воздаяния), как говорят американцы. США остаются одним из лидеров по числу граждан, которые находятся в заключении. По статистике, это 698 человек на 100 тыс. граждан (ср.: В России, например, это число составляет 413). И в рамках системы наказаний сохраняется принцип федерализма. Большинство тюрем наполняется после решения судов штатов, а не федеральных судов. Соотношение примерно такое: 90% граждан попадает по решению судов штатов, а 10% – по решению федеральных судов.

Соответственно, существуют федеральные тюрьмы и тюрьмы штатов. В отличие от многих стран, в США действуют и частные тюрьмы. Разрешение на приватизацию тюрем было дано в 1980-е гг. Многие критики считают, что после процесса приватизации число заключенных увеличилось, поскольку на каждого заключенного компания получает солидную и гарантированную сумму денег из федерального бюджета США. Система наказаний предполагает наличие не только тюрем, но еще и исправительно-трудовых учреждений (тюремные мастерские, центры диагностики и центры для реабилитации правонарушителей). Каждое из них имеет разные режимы безопасности и лишения свободы. Если гражданина приговорили на срок до одного года, то он или она могут попасть в местную следственную тюрьму или местное исправительное учреждение. Интересно, что граждане, которые впервые совершили правонарушения и являются трудоспособными и психически здоровыми, могут выбрать между центром реституции и тюрьмой. В центрах реституции они проходят курс социализации и получают образование, а также бесплатно выполняют общественную работу. Существуют еще вспомогательные исправительные учреждения – это альтернатива тюрьмам. Более суровые правила работают в исправительных лагерях: осужденные вовлечены в тяжелые общественные работы (например, строительство дорог). Но срок пребывания в таком лагере значительно меньше, чем срок заключения в тюрьме. Все заключенные в любых типах исправительных учреждений обязаны трудиться. Тюремная индустрия США производит огромное количество мелкого снаряжения для военных (каска, ремни, бронежилеты, рубашки, брюки, палатки и так далее). Наконец, применение электронных браслетов также является нововведением, изобретенным в США. Государство платит за браслет и за связь со спутником для выявления места нахождения заключенного. Заключенные могут жить в своем доме, но не могут отойти от него более чем на 50 м. Однако заключенный имеет право ходить на работу и должен отмечаться в местном полицейском участке.

Профессия – юрист

Функционирование судебной системы США было бы невозможным без огромной армии юристов: судей, адвокатов, прокуроров и пр. Юридическое образование в США прошло долгий, тернистый и сложный путь в своем развитии. В XIX в. произошло становление колледжей и университетов права, в которых готовились профессиональные юристы. Именно тогда появились юридические факультеты в знаменитом колледже Уильяма и Мэри, а также в Гарвардском и Колумбийском университетах. Обучение длилось только один–два года, а лекции доминировали над практикой. Но очень скоро специфика прецедентной правовой системы оказала влияние на подготовку юристов-практиков, а не юристов-теоретиков. Многие предметы широкого профиля были сведены к минимуму, а узкоспециализированные юридические дисциплины серьезно расширены. Спрос на высококвалифицированных юристов (адвокатов) привел к появлению жестких требований к юридическому образованию. В 1878 г. была создана Ассоциация американских юристов (American Bar Association), которая внедрила новые образовательные стандарты. Эти стандарты сделали обязательным условием получение юридического образования только в колледже или в университетах. Гарвард стал образцом для подражания. Именно на юридическом факультете Гарварда (Law School) была увеличена продолжительность обучения, составившая три года, а студенты стали сдавать экзамены. Тогда же появились первые учебники по американскому праву, а вместо лекций – различные практические курсы. Анализ конкретных примеров судебных процессов стал частью юридического образования. Этот подход был позже назван Гарвардской моделью обучения юристов.

В XX в. получила распространение теория о юридической специализации, т. е. о том, что студент-юрист должен изучать разные типы права и специализироваться на чем-то конкретном (трудовое право, налоговое право, экологическое право). Юридическое образование США быстро отреагировало на запросы гражданского общества: в 1960-е гг. юридические факультеты стали, например, преподавать такие дисциплины, как права женщин и афроамериканцев. Сегодня американское юридическое образование является узкоспециализированным. Около 200 учебных заведений готовят юристов, причем большинство программ относится к магистратуре, а срок обучения составляет три года. Чтобы поступить в юридическую школу, необходимо

уже иметь высшее образование (диплом «Бакалавра искусств»). Почти все занятия связаны с изучением прецедентов, а преподаватели работают практикующими юристами. Преемственность является основным правилом юридического образования в США.

По состоянию на 2019 г. в США работает более 1 млн 350 тыс. юристов и адвокатов. Число юристов увеличивается каждый год. Например, за последние 10 лет число специалистов юридической сферы увеличилось на 14,5%, что подчеркивает важность этой профессии в жизни американского общества.

Наконец, глобализация оказывает серьезное влияние на суды США. Все чаще при рассмотрении дел нужны доказательства, находящиеся за границей, и очень часто американский суд запрашивает иностранные законы или международные договоры. Поэтому судьи США соприкасаются с мировыми юридическими практиками, а также принимают иностранных юристов или обращаются к ним за помощью. По статистике, ежегодно в США приезжают более 2000 юристов, адвокатов и судей из зарубежных стран.

В итоге правовое государство США держится на простых и понятных традициях. Федерализм, независимость судов, единство закона, уважение к суду, система наказаний и суд присяжных обеспечивают уверенность в получении справедливого решения. Американцам удалось создать уникальную систему защиты, в которой правительство, власть, бизнес и граждане находятся на одной линии, и каждая из сторон знает свои права и обязанности. И в этом знании им помогают юристы.

Для дальнейшего изучения

Collins P.M. Friends of the Supreme Court: Interest Groups and Judicial Decision Making. N.Y., 2008.

Collins P. Supreme Court Confirmation Hearings and Constitutional Change. N.Y., 2013.

Dichio M. U.S. Supreme Court and the Centralization of Federal Authority. N.Y., 2018.

Greenberg F. The Supreme Court: Justice Kennedy, Judge Kavanaugh and the Nomination Process. Government Procedures and Operations. N.Y., 2018.

Greenhouse L. The U.S. Supreme Court: A Very Short Introduction. N.Y., 2012.

Hall K. The Pursuit of Justice: Supreme Court Decisions That Shaped America. N.Y., 2006.

Hartmann T. The Hidden History of the Supreme Court and the Betrayal of America. N.Y., 2018.

Kirk A. Checking the Courts: Law, Ideology, and Contingent Discretion. N.Y., 2014.

Электронные ресурсы

Верховный суд США [Электронный ресурс]. URL: <http://www.supremecourtus.gov/> (дата обращения 20.02.2021).

Исторические дела Верховного суда [Электронный ресурс]. URL: <http://www.landmarkcases.org/> (дата обращения 20.02.2021).

Тема 9. СМИ как четвертая власть

На протяжении всей американской истории борьба за укрепление демократических институтов шла бок о бок с развитием периодической печати и других средств массовой информации, хотя далеко не всегда она была ведущим фактором развития СМИ. Гораздо чаще к расширению числа изданий, росту тиражей и изобретению новых форматов вели материальная заинтересованность издателей и технологический прогресс. Однако возникавшие как бизнес-проекты газеты, телерадиокомпании и интернет-сервисы постепенно начинали использоваться в качестве трибун для свободного распространения информации и превращались в мощный инструмент борьбы за политические права. С самых первых выпусков колониальных газет и до настоящего времени остро стоит вопрос о том, что можно и что нельзя публиковать в СМИ. Американский опыт противостояния политической цензуре можно считать одним из самых плодотворных в мире. На этом пути было немало громких побед и горьких поражений. В целом американским журналистам удалось отстаивать свое право на свободу печати, что, вне всякого сомнения, стало важнейшим конкурентным преимуществом США во внутреннем развитии и на международной арене.

Первые американские газеты

Первая многостраничная газета в английских колониях была выпущена в Бостоне 25 сентября 1690 г. – почти через сто лет после прибытия первых европейских переселенцев в Северную Америку. “Publick Occurrences Both Forreign and Domestick” вышла с пустой четвертой страницей: предполагалось, что читатели, прежде чем передать газету следующему любопытствующему, запишут туда известные им новости. Таким образом, эта газета оказалась, помимо прочего, и прототипом современных социаль-

ных сетей. Однако ее история исчерпалась первым выпуском, так как губернатор Массачусетской колонии счел содержание недостаточно политкорректным. Более известна “The Boston News-Letter”, издававшаяся с 1704 до 1776 г. До 1715 г. она оставалась единственной постоянной газетой в Северной Америке. Тираж составлял около 300 экземпляров. При этом газета считалась предметом роскоши, и даже ее старые номера преподносили в качестве подарка. Содержательно “The Boston News-Letter” представляла собой вырезки из английских газет. Так что европейские новости доходили до американцев с опозданием на несколько месяцев.

Первая оппозиционная газета “The New-England Courant” издавалась в Бостоне в 1721–1726 гг. старшим братом Бенджамина Франклина Джеймсом. Сам Бенджамин работал в этой газете типографским подмастерьем. Оппозиционность “The New-England Courant” была своеобразным маркетинговым ходом: критические тексты лучше продавались. Но издателю приходилось нелегко. В 1723 г. он провел месяц в тюрьме по обвинению в «нарушении общественного мира и спокойствия».

Первым успешным эпизодом борьбы с политической цензурой в Северной Америке принято считать историю, случившуюся в 1735 г. в Нью-Йорке. Издатель газеты “The New York Weekly Journal” Джон Питер Зенгер (John Peter Zenger) был обвинен в публикации клеветнических материалов, бросающих тень на губернатора колонии. Зенгера заключили в тюрьму, где ему пришлось провести 10 месяцев. Однако благодаря усилиям адвокатов Эндрю Гамильтона (Andrew Hamilton) и Уильяма Смита-старшего (William Smith, Sr.) удалось добиться пересмотра дела. Суд признал, что опубликованная Зенгером информация была достоверной. Зенгер вернулся на свой пост издателя “The New York Weekly Journal”, а через несколько лет даже стал официальным печатником колонии Нью-Йорк. «Дело Зенгера» считается важнейшей вехой в истории борьбы за свободу печати в США.

Уже на заре газетного дела издатели использовали все доступные способы для привлечения внимания читателей. Даже Бенджамин Франклин, ставший в 1729 г. владельцем “The Pennsylvania Gazette”, не отрицал, что часто отдавал предпочтение сюжетам, пробуждающим грубые эмоции, а когда новостей для наполнения очередного номера не хватало, он их просто придумывал (что, по его словам, доставляло ему немало удовольствия).

К моменту начала Войны за независимость (1775–1783) в Северной Америке издавалось около полусотни газет, но в неко-

торых колониях еще не было собственных средств массовой информации. Жители Делавэра, Южной Каролины, Джорджии и Нью-Джерси смогли в 1776 г. изучить текст Декларации независимости только тогда, когда до них довели газеты из более «продвинутых» колоний. В выпуске “The New York Weekly Journal”, содержащем текст Декларации, был помещен призыв к читателям поместить газету на наружную стену своего дома для донесения информации до максимально широкой аудитории.

Через полвека после приобретения независимости газеты уже издавались в США повсеместно. Не было буквально ни одной деревушки без собственной газеты. Правительственные учреждения не только не могли в достаточной степени контролировать, что пишут газетчики, но даже находились в определенной степени зависимости от «четвертой власти», которая реально формировала общественное мнение.

Финансовую независимость газетам обеспечивала реклама, которая порой занимала до 50% газетных площадей. К середине XIX в. тиражи крупнейших ежедневных газет достигали 50 тыс. экземпляров, а после Гражданской войны перевалили за рубеж в 100 тыс. экземпляров.

СМИ и политическая власть в истории США

Отношения политиков и газетчиков обычно складывались непросто. Первый президент США Джордж Вашингтон во время своего второго срока на президентском посту превратился в одну из излюбленных мишеней возникшей тогда оппозиционной прессы. Среди причин своего отказа баллотироваться на пост президента в третий раз Вашингтон в личной переписке особо отмечал нападки в печати со стороны «клики бесчестных бумагомарателей» (хотя в публичных заявлениях всегда последовательно отстаивал принцип свободы печати). Известно, что после ухода в отставку и возвращения в свое имение Маунт-Вернон Вашингтон немедленно отказался от всех газетных подписок.

Политические партии с первых дней существования старались обзаводиться «своими» газетами. Первая американская партия федералистов тесно сотрудничала с нью-йоркским издателем Джоном Фенно (John Fenno), выпускавшим “Gazette of the United States”. Интересно, что оппоненты федералистов, джефферсоновские республиканцы, продвигали свою повестку через “National Gazette”, издаваемую человеком с созвучной фамилией –

Филиппом Френо (Philip Freneau). Публикации в газетах Фенно и Френо в 1790-е гг. отличались резкими нападками на оппонентов и представляли собой первую «газетную войну» в американской истории. Именно «негодяй Френо» в первую очередь имел в виду Вашингтон, когда высказывал свои нелицеприятные суждения в адрес периодической печати.

Довольно скоро свобода прессы была поставлена в США под серьезный удар. В 1798 г. во время кризиса в отношениях США с Францией Конгресс США принял Закон о подстрекательстве к мятежу, согласно которому за публикацию критических по отношению к правительству США материалов предусматривался штраф в две тысячи долл. (огромная по тем временам сумма) и даже тюремное заключение. По этому закону за решетку угодили 24 редактора оппозиционных газет.

Третий президент США Томас Джефферсон (1801–1809) в начале пребывания на посту отменил Закон о подстрекательстве к мятежу и заявил, что скорее выбрал бы газеты без правительства, чем правительство без газет. Тем не менее, когда газеты начали афишировать некоторые нелицеприятные подробности его частной жизни, Джефферсон, подобно своим предшественникам, скорректировал свои представления о свободе печати. В частности, он инициировал несколько судебных процессов против наиболее ретивых газетчиков. Подобно Вашингтону, после ухода с президентского поста Джефферсон, по его собственным словам, «бросил читать газеты, заменив их Тацитом и Фукидидом».

В борьбе за внимание читателей американские журналисты постепенно осваивали новые жанры. Любопытная история связана с одним из первых президентских интервью, опубликованных в американских газетах. Президент Джон Куинси Адамс (1825–1829) имел привычку купаться по утрам нагишом на безлюдном пляже реки Потомак вблизи Белого дома. Во время одного из таких заплывов он был подкараулен журналисткой Энн Ройалл (Anne Royall), которая ранее долго и безуспешно пыталась выяснить позицию президента по ряду острых политических проблем. На этот раз Адамсу пришлось ответить на все вопросы – без этого коварная Энн отказывалась отдавать президенту его одежду, опрометчиво оставленную на берегу без присмотра.

Первым президентом, который начал активно раздавать политические посты журналистам в обмен на благоприятную оценку своей политики, был Эндрю Джексон (1829–1837). Это привело к значительному усилению политического влияния ведущих газет и их издателей. Журналисты Амос Кендалл (Amos Kendall) и Фрэнсис Блэр (Francis Preston Blair), издававшие

газету “Washington Globe”, были де-факто министрами в джексонской администрации, членами так называемого кухонного (т. е. неформального) кабинета президента. Поговаривали, что именно Кендалл является настоящим правителем Соединенных Штатов, а сменяющие друг друга президенты лишь исполняют его волю.

Однако, как и во времена Джорджа Вашингтона, в лагере политической оппозиции также нашлись талантливые журналисты и издатели, сумевшие составить достойную конкуренцию Кендаллу и Блэру. Главной вигской (а затем республиканской) газетой в середине XIX в. была “New York Daily Tribune”, основанная в 1841 г. Хорацио Грили (Horace Greeley). Уже в 1852 г. она имела рекордный тираж в 200 тыс. экземпляров. В 1872 г. Грили стал первым профессиональным журналистом, принимавшим участие в выборах президента США в качестве кандидата от либерального крыла Республиканской партии.

В тот же период (1835 г.) была основана газета “New York Herald”, которая считается одним из первых «надпартийных» изданий в истории США. Ее владелец и редактор Джеймс Беннетт (James Gordon Bennett Sr.) всячески подчеркивал свою независимость, сделал “New York Herald” самокупаемой за счет продажи рекламы и скоро стал одним из самых влиятельных журналистов в стране. Президенты США от Ван Бюрена до Линкольна стремились добиться его благосклонности. Но удавалось это далеко не всем. В частности, “New York Herald” занимала крайне критическую позицию по отношению к президенту Ф. Пирсу (1853–1857), а Авраама Линкольна (1861–1865) Беннет начал высоко оценивать лишь после его трагической гибели.

Новые технологии в СМИ в XIX веке

Рост тиражей газет в середине XIX в. был связан не только с ростом численности населения и интереса к политике накануне Гражданской войны, но и с технологическими новациями. С начала 1830-х гг. в США стремительно росла сеть железных дорог, что позволило издательствам постепенно отказаться от услуг ненадежной и медленной конной почты. В 1844 г. была успешно испытана первая телеграфная линия – это изобретение произвело настоящую революцию в газетном деле. Наконец-то в периодической печати начали публиковаться настоящие новости, а не отголоски событий недельной, а то и месячной давности.

Появление телеграфа заставило американских журналистов искать новые формы получения информации: в 1848 г. издатели шести нью-йоркских газет договорились с бостонскими коллегами, что те будут передавать им по телеграфу самые свежие европейские новости по таксе 100 долл. за три тысячи слов. Это существующее и поныне объединение получило название “Associated Press”.

В то же время распространение телеграфа породило волну информационных фальшивок – того, что сегодня называется *fake news*. Президент Джеймс Бьюкенен (1857–1861) сетовал, что «общественное внимание по всей стране находится в состоянии постоянного возбуждения под влиянием так называемых телеграмм, многие из которых являются чистейшими фальшивками». Если вспомнить, что в конце президентства Бьюкенена страна вплотную приблизилась к Гражданской войне, его опасения выглядят вполне обоснованными. *Fake news*, или, попросту говоря, ничем не подкрепленные слухи (например, о намерении президента Линкольна отменить рабовладение сразу после инаугурации), несомненно, были одним из факторов разгорающегося конфликта.

Так как телеграммы, особенно в первое время, были достаточно дорогим удовольствием, корреспонденты стремились передавать информацию максимально кратко и четко. Это очень сильно повлияло на стиль новостных газетных публикаций. Со временем этот стиль превратился в общепринятый стандарт, его отголоски хорошо заметны и сегодня в сообщениях новостных агентств, хотя передача текстов любого объема давно не является проблемой.

Помимо телеграфа, огромное влияние на периодическую печать США оказало изобретение Ричардом Хо (Richard March Hoe) в 1847 г. новой версии ротационной печатной машины. Тиражи газет сразу увеличились с десятков до сотен тысяч экземпляров. После изобретения в 1884 г. линотипа (*linotype machine*) вполне достижимой стала и планка в миллион экземпляров ежедневной газеты (линотип позволял отливать целые строки будущего газетного текста из специального типографского сплава – раньше тексты статей, прежде чем быть напечатанными, составлялись наборщиками буква за буквой).

Первые иллюстрации появились в газетах также в середине XIX в., в частности Дж. Беннетт в своей “*New York Herald*” использовал технологию ксилографии (печати с деревянных матриц-гравюр). В 1880 г. в газете “*New York Daily Graphic*” впервые была напечатана фотография с использованием полутонов. Однако

вплоть до начала XX в. штат художников (включая приобретших огромную популярность карикатуристов) в американских газетах значительно превышал штат фотографов.

Среди прочих газет, основанных в середине XIX в., стоит выделить “New York Times”, первый номер которой вышел в 1851 г. С тех пор издание газеты не прекращалось, она считается одним из наиболее авторитетных СМИ в США, да и во всем мире. Сегодня за небольшую плату любой желающий может в несколько кликов получить доступ ко всем статьям, опубликованным в “New York Times”, начиная с 1851 г. и до наших дней.

В 1860 г. в США был создан Government Printing Office – правительственное издательство. Ему передавались функции издания и распространения всех официальных документов. Для приближенных к президентским администрациям газет и журналов это стало серьезным ударом. Их значение как источника официальной информации резко сократилось.

Газетные магнаты и феномен «желтой прессы»

После Гражданской войны (1861–1865) в США наступила эпоха больших корпораций – они доминировали во многих сферах экономики, активно вмешивались в политический процесс и, конечно же, пытались установить контроль над периодической печатью. В издательском деле на передний план также постепенно выдвинулись крупные объединения, собирающие под своим крылом множество отдельных газет и журналов. Конец XIX в. запомнился состязанием двух газетных магнатов: У. Хёрста и Дж. Пулитцера (William Hearst and Joseph Pulitzer). Принято считать, что стремление обеспечить максимально широкое распространение принадлежащих им газет способствовало возникновению феномена «желтой прессы» – дешевых многотиражных газет, завоевывающих популярность читателей за счет дутых сенсаций и смакования подробностей частной жизни знаменитостей. В 1898 г. газеты Хёрста и Пулитцера занимались активным разжиганием антииспанских настроений, что стало важным фактором начала Испано-американской войны и перехода США к активной внешней политике вместо традиционного изоляционизма.

Вместе с тем вклад газетных магнатов, особенно Джозефа Пулитцера, в развитие американской периодической печати дале-

ко не исчерпывался созданием «желтой прессы». Помимо стремления к финансовому успеху, Пулитцером двигал и очевидный идеализм. В первом номере приобретенной им в 1883 г. газеты “The New York World” был опубликован издательский манифест, в котором читателям обещали неустанную

...борьбу за прогресс и реформы, нулевую терпимость к несправедливости и коррупции, отказ от поддержки демагогов из любых партий, оппозиционность в отношении привилегированных классов (...fight for progress and reform, never tolerate injustice or corruption, always fight demagogues of all parties, always oppose privileged classes).

“The New York World” быстро превратилась в самую массовую американскую газету (уже в 1887 г. тираж достиг 374 тыс. экземпляров), а используемые издателем приемы (цветные иллюстрации, карикатуры, вовлечение читателей в кампании сбора средств, критика корпораций, репортажи с мест событий и т. п.) стали основой для так называемой «новой журналистики».

Имя Пулитцера широко известно и сегодня благодаря знаменитым премиям, присуждающимся с 1917 г. за достижения в области литературы и журналистики. Пулитцер умер в 1911 г. и завещал свое 2-миллионное состояние Колумбийскому университету, который по сей день является распорядителем Пулитцеровского фонда.

Перевалившие во время Испано-американской войны за миллион ежедневные тиражи газет нуждались в современной системе распространения. Однако, как и прежде, издателям в основном приходилось полагаться на мальчишек-разносчиков. В 1899 г., когда интерес публики к периодической печати после окончания войны пошел на спад, Хёрст и Пулитцер решили повысить оптовую отпускную цену своих газет. Но вместо роста прибылей газетные магнаты получили забастовку разносчиков, вошедшую в историю под названием Newsboys Strike. Две недели Хёрст и Пулитцер сидели без доходов, а американцы – без новостей. Затем прежняя цена была восстановлена, мальчишки вернулись на улицы, а спустя годы на основе этой истории был снят фильм (1992) и поставлен бродвейский мюзикл («Newsies», 2012).

Американская журналистика эпохи прогрессизма

Новым и быстро набирающим популярность направлением в американской журналистике рубежа XIX–XX вв. стало проведение расследований с целью разоблачения коррупции и злоупотреблений монополий, привлечения внимания к ужасающим условиям жизни в городских трущобах, к антисанитарии, царящей на предприятиях, производящих продукты питания и т. п. Журналистов-расследователей с легкой руки президента Теодора Рузвельта стали называть «макрейкерами» (muckrakers) – «разгребателями грязи». Их статьи привлекали огромное внимание. Такие журналы, как “McClure’s”, “Munsey’s” и существующий по сей день (правда, совсем в другом формате) “Cosmopolitan”, считались ведущими «макрейкерскими» изданиями. Тираж ежемесячного “McClure’s” достигал в 1907 г. полумиллиона экземпляров; ежедневных газет, в которых тоже часто публиковались макрейкеры, в это время было в стране около 2,5 тысяч наименований (рост в пять раз по сравнению с 1870 г.)

Одной из самых известных журналисток-макрейкеров считалась Айда Тарбелл. В 1902 г. “McClure’s” начал публиковать серию ее разоблачительных статей о коррупции в недрах самой могущественной американской монополии – Standard Oil Co, принадлежащей Джону Рокфеллеру. Многие читатели стремились приобрести очередной номер журнала специально, чтобы узнать, в чем состояло продолжение этой по-настоящему детективной истории. Тарбелл стала не только самой популярной, но и самой высокооплачиваемой американской журналисткой (за статью ей платили по \$4000 – огромные по тем временам деньги). Несмотря на все свое могущество, Рокфеллер так и не нашел способа заставить Айду замолчать. Через несколько лет Standard Oil Co была ликвидирована по решению суда.

Еще одной вехой движения макрейкеров стала публикация в 1906 г. романа Аптона Синклера «Джунгли». Несмотря на свою художественную форму, роман был воспринят публикой как хорошо документированное разоблачение злоупотреблений мясоперерабатывающих предприятий в Чикаго: от нарушений прав рабочих до полного пренебрежения санитарными нормами при производстве продуктов питания. После выхода «Джунглей» потребление колбас и других мясопродуктов в США резко сократилось, и властям пришлось срочно реагировать на сложившуюся ситуацию (в частности, впервые в американской истории был принят федеральный закон о контроле над чистотой продуктов питания и лекарств (Pure Food and Drug Act 1906 г.)).

Начало эпохи радио и телевидения

Не успела Америка пережить последствия одной информационной революции, связанной с взрывоподобным ростом числа издаваемых газет и журналов, как возникла новая технология – радио. 2 ноября 1920 г. в США начала вещание первая коммерческая радиостанция. Инициатором выступила корпорация “Westinghouse”, производящая радиоприемники и стремящаяся превратить их в предмет массового потребления. Другой промышленный гигант – компания “General Electric” – создал в 1926 г. существующую по сей день “National Broadcasting Corporation” (NBC). В следующем году возник еще один будущий медийный гигант – The “Columbia Broadcasting System” (CBS), специализирующийся на новостных трансляциях.

Огромный потенциал воздействия радиотрансляций на общественное мнение стал очевиден в 1930-е гг. Президент Франклин Рузвельт в период Великой депрессии посредством знаменитых «Бесед у камина» вселял уверенность в души простых американцев. Сенсационные события переживались в режиме онлайн, благодаря радиотрансляциям (например, знаменитое крушение дирижабля «Гинденбург» в 1937 г.). Когда в 1938 г. на волне CBS начали передавать радиопостановку по роману Г. Уэллса «Война миров», многие неискушенные слушатели подумали, что речь идет о реальном вторжении пришельцев, и начали в панике покидать свои дома.

В это время на подходе уже была и технология телевещания. Первые регулярные трансляции были организованы в Нью-Йорке на базе NBC в 1940 г. В декабре 1941 г. немногочисленные нью-йоркские телезрители были вынуждены прервать просмотр кинофильма из-за первого в истории выпуска теленовостей в прямом эфире: речь шла о японской атаке на американскую военную базу в Перл-Харборе.

Вторая мировая война и американские СМИ

Эпоха Второй мировой войны оказалась очень важным этапом развития американской журналистики. В это время впервые проявили себя многие знаменитые в будущем корреспонденты, аналитики, иллюстраторы и фотографы. Были сформированы новые негласные стандарты качества в области сбора и проверки достоверности публикуемой информации. Одним из наиболее из-

вестных военных корреспондентов США тех лет стал Эрни Пайл (Ernie Pyle). Он отправлял свои репортажи непосредственно с места событий, посетил все основные театры боевых действий с участием американских войск. В 1944 г. ему была вручена Пулитцеровская премия, но весной 1945 г. его жизнь оборвалась из-за пули японского снайпера близ острова Окинава.

Для многих американцев Вторая мировая война осталась в памяти в виде комиксов, нарисованных Биллом Молдином (Bill Mauldin). Билл начал делать свои зарисовки, воюя в составе американских подразделений на Сицилии, но постепенно полностью переключился на журналистскую работу. Главными героями его комиксов были солдаты Вилли и Джо (Willie and Joe), постоянно попадавшие в разные затруднительные ситуации. Считается, что Молдину удалось очень хорошо донести до простых американцев весь ужас войны, одновременно показав ее реальность и «обыденность зла». В 1945 г. Молдин был удостоен Пулитцеровской премии.

Атомная бомбардировка Хиросимы 6 августа 1945 г., которая поначалу казалась многим американцам всего лишь одним из множества трагических эпизодов войны, приобрела черты одной из крупнейших катастроф в истории человечества после знаменитого репортажа Джона Хэрси (John Hersey), опубликованного в журнале "The New Yorker" 31 августа 1946 г. Репортаж занял весь номер целиком, и из него американцы впервые узнали о подлинном масштабе трагедии и страданиях, которые пришлось претерпеть гражданскому населению в результате ядерной атаки.

Телевидение как фактор американской политики

После Второй мировой войны телевидение стало постепенно превращаться в США не просто в основной источник новостей и способ развлечения, но и в важнейший инструмент политической борьбы. Первые подробные телерепортажи с предвыборных партийных съездов были организованы журналистами CBS Эдвардом Мюрроу, Куинси Хау и Дугласом Эдвардсом (Edward R. Murrow, Quincy Howe and Douglas Edwards) в 1948 г. Печально знаменитый «маккартизм» начала 1950-х гг. (быстро принявшая истеричные формы кампания «искоренения иностранного коммунистического влияния», инициированная сенатором Дж. Маккарти) был подвергнут критике и остановлен во

многим благодаря позиции популярных телеведущих, таких как Эдвард Мюрроу. В марте 1954 г. Мюрроу, несмотря на противодействие руководства CBS, целиком посвятил выпуск своей передачи “See It Now” разоблачению Маккарти, что привело к резкому изменению отношения американцев к своему недавнему кумиру.

Первые теледебаты кандидатов в президенты прошли в 1960 г. Согласно распространенному мнению, победа харизматичного и отлично выглядящего на телеэкране Джона Кеннеди над угрюмым и нетелегеничным Ричардом Никсоном была обеспечена именно благодаря впечатлению, произведенному на избирателей этими теледебатами. Кеннеди, и став президентом, активно использовал новые медиавозможности – в частности, именно он провел 25 января 1961 г. первую президентскую пресс-конференцию, транслируемую в прямом эфире по телевидению и радио. По злой иронии судьбы первой глобальной телевизионной сенсацией стало его убийство в 1963 г. – за развитием событий в этот трагический день половина американцев следила именно по выпускам теленовостей.

Принимая решение об эскалации американского участия в войне во Вьетнаме в 1964–1965 гг., президент Линдон Джонсон явно не учел новой информационной реальности. Эта война стала первой «телевизионной» войной, вошла через телеэкраны в дома простых американцев и задолго до своего бесславного окончания превратилась в настоящую репутационную катастрофу для внешней политики США. Первым отрезвляющим репортажем из зоны боевых действий стал сюжет “CBS News” от 5 августа 1965 г., когда журналист Морли Сэйфер (Morley Safer) заснял рейд морских пехотинцев США во вьетнамскую деревню Кан Не (Can Ne). Деревня была сожжена дотла, а ее жители брошены на произвол судьбы. Президент Джонсон публично высказал свое негодование, но не действиями солдат, а тем, что журналисты CBS представили американскую армию в невыгодном свете. Эта история расколола американское общество и в очередной раз продемонстрировала огромное влияние телевидения на умы и сердца людей.

В 1968 г. во Вьетнам отправился популярнейший телеведущий CBS Уолтер Кронкайт (Walter Cronkite). Его вывод о бессмысленности и бесперспективности этой войны, прозвучавший с миллионов телеэкранов, практически не оставил американским политикам других вариантов, кроме немедленного начала поиска путей выхода из затянувшегося конфликта.

Расследовательская журналистика 1970-х гг.

1970-е годы вошли в историю американской журналистики благодаря череде громких публикаций и расследований, оказавших огромное влияние на американское общество и имевших важные политические последствия. Пожалуй, именно это десятилетие в наибольшей степени подтвердило тезис о том, что средства массовой информации могут выступать настоящей «четвертой ветвью власти» в демократическом обществе. Первой историей такого рода стала публикация в 1971 г. так называемых Документов Пентагона (Pentagon Papers). Эти ранее секретные документы, содержавшие ряд неприглядных фактов о процессе вовлечения США в Войну во Вьетнаме, попали в распоряжение журналистов “New York Times” и “Washington Post” благодаря усилиям сотрудника Массачусетского технологического института Дэниэла Эллсберга (Daniel Ellsberg). Попытки властей остановить их публикацию не увенчались успехом. Верховный суд США вынес решение в пользу журналистов, что стало важной вехой в отстаивании принципа свободы печати. Политическим итогом обнародования «Документов Пентагона» можно считать введение Конгрессом США ограничений на военные полномочия президента (War Powers Resolution 1973 г.).

Начиная с 1972 г. стал раскрываться Уотергейтский скандал – дело о тайном проникновении в штаб-квартиру Демократической партии накануне выборов. Причастность к этой истории президента Никсона привела в 1974 г. к его отставке. Журналисты Боб Вудвард и Карл Бернштейн (Bob Woodward and Carl Bernstein) благодаря активному участию в расследовании приобрели широкую известность и на долгие годы стали одними из лидеров общественного мнения в США. Уже в 1976 г. по мотивам Уотергейтского скандала был снят художественный фильм «Вся президентская рать» с Дастином Хоффманом в роли Бернштейна и Робертом Редфордом в роли Вудворда, причем оба журналиста принимали участие в написании сценария.

Американские СМИ на рубеже XX–XXI вв.: начало интернет-эпохи

Громкие политические события завершающих десятилетий XX в., как никогда прежде, связывались в сознании американцев с популярными журналистами, принимавшими участие в их освещении, и новым медийными форматами, возникающими в это время. Так, например, в 1977 г. начало долгожданных мирных

переговоров между Израилем и Египтом было де-факто анонсировано в прямом эфире передачи популярного ведущего CBS Уолтера Кронкайта, которому удалось организовать эксклюзивное интервью с египетским президентом Анваром Садатом. Кризис с захватом американских заложников в Иране в 1979–1980 гг. также разрешался не только в тиши властных кабинетов, но и в прямом эфире регулярной передачи Теда Коппела (Ted Koppel) «Ночная линия» (Nightline), специально посвященной этой теме и транслируемой ABC News.

Основанный в 1980 г. круглосуточный новостной канал CNN приобрел общемировую известность после войны в Персидском заливе 1991 г. Не только в США, но и во многих других странах огромные зрительские аудитории, включая политических руководителей всех уровней, смотрели на происходящие события через объективы телекамер американских журналистов.

Наряду с развитием телевидения, на протяжении всего XX в. продолжала бурно расти и американская газетная индустрия. Пик тиражей ежедневных газет пришелся на 1984 г. – в это время ежедневно распространялось 63,3 млн экземпляров газетной продукции. В 1982 г. была основана первая общенациональная американская газета – “USA Today” (раньше все газеты были формально привязаны к городам либо штатам). Начиная с 1990-х гг. и у газет, и у телевидения появился новый мощный конкурент – Интернет. В настоящее время (2019 г.) звучат прогнозы о полном поглощении и телевидения, и газет разнообразными новыми медиа. Впрочем, хотя бумажная пресса серьезно сдала свои позиции, около 30 млн экземпляров газет ежедневно публикуются в США и по сей день.

Интернет вошел в повседневную жизнь американцев на несколько лет раньше, чем в других странах, уже с начала 1990-х гг. В XXI в. появились первые социальные сети: “LinkedIn” (2003), “Facebook” (2004), “Twitter” (2006), был изобретен и реализован на практике принцип wiki: создание интернет-страниц, открытых для редактирования всеми пользователями. С началом производства смартфонов (2007) численность интернет-аудитории стала стремительно расти. В начале XXI в. доступ в интернет имели лишь 6% населения Земли, в 2018 г. этот показатель увеличился до 53%.

Лидерство США в создании и освоении интернет-технологий позволило американским компаниям захватить лидирующие позиции на глобальном рынке. Наиболее заметную роль стали играть такие корпорации, как “Apple”, “Google”, “Facebook” и “Microsoft”.

В политическом смысле Соединенные Штаты стремятся представить распространение интернет-технологий как одну из

форм распространения идеи свободы в ее современном, высокотехнологичном выражении. Однако это толкование сталкивается с серьезными препятствиями, причем не только в авторитарных государствах, но и в союзных США либеральных демократиях.

Особенно болезненный удар по идее Интернета как не связанного ни с каким правительством пространства свободы нанесли разоблачения Эдварда Сноудена, бывшего сотрудника Агентства национальной безопасности США, который в 2013 г. раскрыл схему тотальной слежки за пользователями Сети, организованной американскими властями. Это стало поводом для ускорения процесса, который называют «балканизацией» Интернета – создания национальных Сетей, в той или иной степени обособленных от глобальной сетевой инфраструктуры.

Сегодня развитие технологий в очередной раз не только открывает перед гражданским обществом США новые возможности, но и выводит на первый план вопрос о политической цензуре. Осенью 2017 г. в Конгрессе США прошли слушания, на которые были приглашены владельцы крупнейших социальных медиа. Речь шла о мерах, которые необходимо принять для предотвращения использования информационного потенциала интернет-коммуникаций в интересах международных конкурентов Америки. Вывод, к которому пришли участники дискуссии, заключался в том, что абсолютная свобода выражения вряд ли возможна в современных реалиях.

Даже в таком свободном обществе, как американское, без определенных правил и ограничений, к сожалению, не обойтись. В настоящее время в США развернулась широкая общественная дискуссия о характере и масштабе таких ограничений.

Кроме того, в XXI в. сохраняет свою актуальность и проблема взаимодействия СМИ со структурами политической власти. В этой сфере вообще мало что поменялось со времен Джорджа Вашингтона: американские политики по-прежнему жалуются на предвзятую позицию прессы, а журналисты используют весь имеющийся у них потенциал для критики действий властей. Особенно обострились отношения исполнительной власти и прессы в период президентства Д. Трампа, который обвиняет журналистов в «либеральном уклоне» и производстве fake news с целью дискредитации действующей администрации. Чем закончится это противостояние – пока неясно, но можно с уверенностью утверждать, что СМИ в современных США играют роль важнейшего политического балансира, «четвертой власти», неотъемлемой части конституционной системы сдержек и противовесов.

Для дальнейшего изучения

- Иванян Э.А.* От Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша: Белый дом и пресса. М, 1991.
- Калягин Б.А.* Характерные черты современной прессы США // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2012. № 3 <https://vestnik.journ.msu.ru/upload/iblock/fa6/2012-3-59-66.pdf> (дата обращения 20.02.2021).
- Кошкин П.Г.* Американская журналистика и постправда. М., 2019.
- Михайлов С.А.* Журналистика Соединенных Штатов Америки. СПб.; М., 2004.
- A Brief History of the American Press [Электронный ресурс]. URL: <https://youtu.be/khuGA18ntDQ> (дата обращения 20.02.2021).
- Ali Ch.* Media Localism: The Policies of Place. Chicago, 2017.
- Fellow A.* American Media History. Cengage Learning [Электронный ресурс]. URL: <https://www.amazon.com/American-Media-History-Anthony-Fellow/dp/111134812X> (дата обращения 20.02.2021).
- Lemberg D.* Barriers Down: How American Power and Free-Flow Policies Shaped Global Media. N.Y., 2019.
- Murrow E.* A Report on Senator Joseph R. McCarthy [Электронный ресурс]. URL: <https://youtu.be/-YOIueFbG4g> (дата обращения 20.02.2021).

Электронные ресурсы

- Newspapers History Channel. [Электронный ресурс]. URL: https://youtu.be/_sO-Pti2p40 (дата обращения 20.02.2021).

Тема 10. Религия в жизни американцев

США – одна из наиболее религиозных наций

Соединенные Штаты Америки задумывались отцами-основателями как светское государство. Джордж Вашингтон, к примеру, был убежден, что религиозные противоречия – это самый верный путь к взаимной ненависти между людьми. Уже в первой поправке к американской Конституции было указано, что Конгресс не должен издавать ни одного закона, относящегося к установлению религии или запрещающего свободное исповедание оной. Однако на практике это привело к довольно неожиданным результатам: сегодня США являются самой религиозной нацией среди развитых стран. На вопрос «важна ли религия в вашей жизни?» положительный ответ дают девять из десяти американцев.

Впрочем, из этих социологических данных не следует делать скоропалительных выводов. Действительно, разнообразные внешние признаки религиозности встречаются в США на каждом шагу. В глаза бросается множество церковных зданий, вдоль дорог стоят рекламные постеры с призывами посетить церковные службы, газеты пестрят объявлениями с пространными цитатами из Библии. В Интернете и на телевидении легко найти каналы религиозной тематики, а многие «медийные» проповедники имеют миллионные армии почитателей.

Вместе с тем американская религиозность существенно отличается от религиозности жителей других стран. Главным образом это связано с тем, что религия в США – институт не государственный, а социальный. Церковная жизнь не управляется в США из единого центра, не поддерживается за счет бюджетных ассигнований, многочисленные церкви действуют в условиях де-факто рыночной конкуренции. Для того, чтобы привлечь в свои ряды как можно больше прихожан (и стать успешными не только с духовной, но и с экономической точки зрения), церквями используются многие методы из арсенала коммерческих организаций: рекламные кампании, организация массовых развлечений,

проведение лотерей, спортивных состязаний, предоставление разного рода услуг и т. п.

В итоге активность церквей становится хорошо заметной, и даже не религиозные по складу характера американцы признают влияние религии на их повседневную жизнь. Совершенно нормальным и естественным считается отождествление себя с той или иной религиозной традицией. Однако в более специфических проявлениях религиозности американцы уже не так сильно выделяются на общем фоне. Регулярно молятся 50%. Обсуждают религиозные вопросы с друзьями и коллегами 23%. Периодически читают Библию лишь 18%. Но зато каждый третий (32%) по меньшей мере раз в месяц участвует в разнообразных волонтерских проектах, организуемых церквями. Довольно высок и процент тех, кто регулярно, не менее раза в неделю, посещает церковные службы (29%).

Всего в США насчитывается 250–350 церквей (по разным подсчетам). Общая численность прихожан в начале XXI в. составляет 168 млн. В 2008 г., в разгар жесточайшего экономического кризиса, американцы внесли на счета религиозных организаций пожертвований более чем на 100 млрд долл. Большая часть этих денег пошла на благотворительность. В частности, ежегодный бюджет католической церкви в США, расходуемый на социальные программы, составляет \$3,4 млрд. Больше тратит только федеральное правительство.

Какие религии исповедуют американцы?

Огромное количество религиозных организаций в США превращает их классификацию в довольно непростую задачу. Прежде всего важно отметить, что в США сегодня не существует церкви (или, иначе говоря, «религиозной деноминации»), которая охватывала бы более 40% всего «воцерковленного» населения. Таким образом, все без исключения американцы могут считать себя принадлежащими к тому или иному религиозному меньшинству.

Соотношение между основными религиозными традициями в США в 2008 г. было следующим: 30% – протестанты-евангелисты, 20% – католики, 18% – «обычные» (mainstream) протестанты, 10% – чернокожие протестанты, 1% – иудеи, 0,8% – мусульмане, 21% – неопределившиеся, агностики и атеисты (из них четверть считают религию важным элементом своей жизни). Таким образом, если сложить всех протестантов, получится 58%. Не так уж много для «протестантской» нации.

Важно понимать, что принадлежность к тому или иному деноминационному течению протестантизма (баптизму, методизму, конгрегационализму, пресвитерианству и др.) вовсе не означает принадлежности к одной и той же церкви. Только баптистских церквей в США насчитывается более сорока, другие деноминационные течения также чрезвычайно раздроблены. Кроме того, начиная с 1960-х гг. все более активную роль играют «неденоминационные» или «независимые» церкви. В последнее время в рамках так называемой новой религиозности и вовсе стало модным исповедовать «религиозный индивидуализм», общаться с Богом напрямую, без каких-либо посредников в виде традиционных церквей. Четверть американцев (23% в 2015 г.) не относят себя к какой-либо определенной религиозной деноминации.

Два основных течения в современном американском протестантизме

Еще одно очень важное для понимания религиозных реалий в США различие – это различие между протестантами-евангелистами и «обычными» протестантами. Религиозное мировоззрение этих двух направлений протестантизма часто проецируется в сферу политики. Евангелисты на протяжении последних десятилетий выступают за консервативные подходы в политике и голосуют за Республиканскую партию. «Обычные» протестанты в целом гораздо более либеральны и чаще поддерживают демократов.

В религиозных вопросах евангелисты отличаются от обычных протестантов трактовкой трех основных проблем: 1) как следует воспринимать текст Библии; 2) какое поведение необходимо считать праведным и угодным Богу; 3) каким путем можно добиться спасения души.

Для евангелистов Библия – это непререкаемый авторитет, каждая запятая в ее тексте священна, продиктована Богом и несет глубокий смысл. Кроме того, все сказанное в Библии следует понимать буквально – в том числе ветхозаветную историю о сотворении мира и человека. Обычные же протестанты рассматривают Библию как древний текст со сложной историей, с множеством вставок и возможных искажений. По их мнению, в Библии, несомненно, скрыта божественная истина, но усвоить ее можно только с помощью глубокого и критического анализа.

Евангелисты считают, что основным смыслом христианской жизни является вера в Иисуса. Уже сам факт этой веры ведет человека к спасению, избавлению от грехов и Царству небесному.

Следовательно, добропорядочный христианин должен, в первую очередь, заниматься распространением евангельских истин (отсюда и название «евангелисты»). Для обычных протестантов важна не вера как таковая, а милосердие, помощь ближнему, отказ от эгоизма, добропорядочное поведение.

Из таких различий в понимании смысла христианской жизни происходит и разное отношение к идее спасения души. Для евангелистов все происходящее в земной жизни меркнет перед перспективой будущего Царства небесного. Поэтому они, в первую очередь, озабочены тем, как не нарушить установленный Богом порядок и не впасть в грех. С этим связан крайне консервативный подход евангелистов к вопросам семьи, отношений между полами, аборт, смертной казни и т. п.

Обычные протестанты склонны видеть в Христе не только Бога, но и морального учителя, реформатора, который хотел улучшить жизнь людей уже здесь, на земле, не дожидаясь наступления Царства небесного. Неудивительно, что представители этого религиозного течения часто выступают за социальные преобразования, разного рода прогрессивные реформы, придерживаются либеральных взглядов и голосуют за Демократическую партию.

Больше всего евангелистов можно обнаружить сегодня среди баптистов, южных методистов и пресвитериан. «Обычными» протестантами считаются конгрегационалисты, северные методисты и пресвитериане, а также прихожане лютеранской и епископальной церквей. Впрочем, это разделение нельзя считать абсолютным, речь идет просто о некотором перевесе сторонников разных позиций в указанных деноминациях.

Религии коренных американцев

До начала активного заселения Северной Америки европейцами местные религии, несмотря на их многообразие, характеризовались несколькими общими чертами.

Практически у всех племен имелась разработанная космология в форме креационных мифов (мифов о возникновении данного племени), устно передаваемых из поколения в поколение.

В большинстве индейских религиозных традиций наряду с поклонением сонму мелких божеств присутствовал образ «Главного Бога» («Создателя», «Высшего Духа»). Еще один почти неизменный участник всех религиозных систем – «Злой Бог», творец бед и несчастий. Очень часто наряду с богами коренные

американцы поклонялись мифическим предкам-героям, образцам для подражания в повседневной жизни.

Бессмертие души и загробную жизнь также можно считать «общим местом» всех традиционных систем верований Северной Америки. В целом жизнь после смерти мыслилась как нечто благое и исполненное всех удовольствий, столь редко достижимых в земной жизни.

Ключевым отличием местных религий от христианства была слитность материального и духовного начал. Материальный и духовный миры объединялись родственными связями. Согласно распространенному у многих племен мифу, Творец сначала населил Землю множеством людей, а потом часть из них превратилась в животных. Только собаки были сразу созданы собаками (известно, что собаки были единственным одомашненным животным в Северной Америке до прихода европейцев).

Некоторые из религиозных ритуалов коренных американцев обрели новую жизнь в современную эпоху. К этой категории можно отнести, например, знаменитый ритуал Sweet Lodge, чем-то напоминающий русскую парную баню. Для проведения Sweet Lodge строится шатер из шкур, внутрь заносятся разогретые на костре камни, и на них льется вода для получения пара. Одновременно парится до дюжины человек. У коренных американцев процедура имела не гигиенический, а мистический смысл, сопровождалась молитвами, пением, подчинялась строгому регламенту. Сегодня Sweet Lodge часто организуется американскими школьниками во время коллективных вылазок на природу, что вызывает крайнее неодобрение представителей некоторых индейских племен, считающих это профанацией древней священной традиции.

Другой распространенный индейский ритуал – Vision Quest. Его изначальный смысл заключался в инициации членов племени, вступающих во взрослую жизнь. Юноша, совершающий Vision Quest, на несколько дней удалялся от соплеменников и, находясь в одиночестве на лоне природы, ожидал «просветления», которое должно было указать смысл всей его будущей жизни. В современной Америке Vision Quest превратился в распространенный способ отдыха от повседневной суеты, практикуемый людьми всех возрастов.

У индейцев Юго-Запада США с глубокой древности существовали ритуалы, основанные на употреблении галлюциногенного кактуса-пейота. В 1918 г. была создана Церковь коренных американцев (ЦКА), последователи которой намеревались совместить христианство с религией Пейота. Традиционные христианские деноминации пытались заблокировать деятельность ЦКА,

но без особого успеха. Сегодня у ЦКА около 250 тыс. приверженцев, употребление пейота разрешено им «в ритуальных целях».

Считается, что религиозные представления коренных американцев оказывают и более глубокое влияние на современную общественную жизнь Соединенных Штатов, не ограничивающееся воспроизведением отдельных ритуалов. В частности, специалисты по традиционным религиям усматривают связь между бытовавшими в Северной Америке представлениями о природе и человеке и вниманием современных американцев к вопросам экологии и охраны окружающей среды.

Пуританская традиция

Мировоззрение религиозных диссидентов-пуритан, иммигрировавших в Северную Америку в XVII в., часто называют идейным фундаментом современной политической культуры США. Несколько базовых идей пуританизма о сути отношений между Богом и человеком постепенно приобрели не только религиозное, но и политическое, социальное, экономическое измерения. Они стали пониматься в широком смысле, в качестве универсальных правил организации социума.

Речь идет, в первую очередь, об идее договора между Богом и человеком, об идее первородного греха и испорченности человеческой природы, о концепции «избранного народа». Считается, что эти три идеи в значительной степени определяли внутреннюю и внешнюю политику американского государства (и продолжают делать это в XXI в.).

Согласно идее договора («ковенанта»), отношения между Богом и людьми всегда основывались на своеобразных «сделках», в рамках которых и люди, и Бог несли определенные обязательства по отношению друг к другу. Например, такая сделка была заключена между Богом и первым человеком – Адамом, который получил возможность жить в Раю в обмен на отказ от вкушения плодов с дерева познания добра и зла. Нарушение этой сделки повлекло весьма неприятные последствия для Адама и его потомков. Однако Бог продолжал заключать с людьми различные договоры, причем в некоторых случаях сам нарушал их условия, что давало возможность упомянутым в Библии пророкам и целым народам отказываться от своих обязательств перед Богом.

Такое толкование библейских событий неизбежно вело к восприятию любых социальных отношений как, в первую очередь, договорных. Идея «общественного договора» между прави-

телями и управляемыми легла в основу американской политической демократии. Нарушение фундаментальных «естественных прав» своих подданных монархами давало первым законное право не подчиняться деспотической воле, свергать утратившие легитимность правительства. Именно так была обоснована необходимость Американской революции XVIII в., приведшей к образованию США.

Идея первородного греха и связанной с этим испорченности человеческой природы была необходима пуританам для доказательства факта бесконечного милосердия Бога, который несмотря на порочность людей все же избирает некоторых из них для Спасения, для Царства небесного. Пуритане утверждали, что каждый человек достоин проклятия. Эта довольно безрадостная мысль, как ни странно, оказалась весьма плодотворной. Когда отцы-основатели американского государства размышляли над устройством его политических институтов, они исходили из факта неизбежного конфликта между претендентами на высшие политические посты. Они считали, что этот конфликт порождается испорченностью человеческой природы, подталкивающей людей к борьбе за власть и влияние над себе подобными. Чтобы не допустить победы самого хитрого и коварного участника этой борьбы и установления им деспотического контроля над правительством, отцы-основатели предложили систему сдержек и противовесов, в которой при любом исходе противостояния сохраняются, по меньшей мере, три центра, три ветви политической власти (законодательная, исполнительная и судебная), уравновешивающие друг друга. Как показало дальнейшее развитие американского государства, такое понимание природы политической борьбы оказалось вполне адекватным, а система сдержек и противовесов весьма эффективно предотвращала любые попытки узурпации власти.

Представления пуритан о своей религиозной общине как об избранном народе, которому самим Богом предназначена особая миссия в деле Спасения человечества и обретения Царства небесного, также очень легко трансформировались в политическую идеологию. Постепенно понимание «избранности» расширилось и стало включать не только пуритан, но и весь американский народ. Соединенные Штаты как государство постоянно сравнивались с «Градом на холме» – образцом для подражания, который должен служить ориентиром для всего человечества в разнообразных сферах жизни. Даже в XXI в. внешнеполитические дискуссии в США часто сводились к выбору между стратегиями распространения американской демократии: стоит ли

делать это с помощью активной внешней политики и военных интервенций, или достаточно лишь совершенствовать социальные институты внутри США, подавая пример остальным народам и полагаясь на естественное распространение американских идей и образа жизни.

Как религии меняли Америку

Многие ключевые эпизоды американской истории связаны с религией. Вторая постоянная английская колония на территории Северной Америки, Новый Плимут, была основана в 1620 г. членами религиозной общины «сепаратистов», прибывших из-за океана на корабле «Мэйфлауэр». В течение нескольких последующих десятилетий активное освоение северо-восточной части колоний английской короны («Новой Англии») шло благодаря массовой иммиграции пуритан, спасавшихся от религиозных преследований у себя на родине. Пуритане попытались установить в созданной ими «Колонии Массачусетского залива» строгие порядки, основанные на кальвинистских религиозных догматах (именно тогда слово «пуританин» приобрело свое нарицательное значение), однако не все члены общины были с этим согласны. Первым диссидентом, бросившим вызов пуританской ортодоксии, стал Роджер Уильямс, возмущенный тем, что гражданская община была подчинена религиозной власти «избранных Богом» кальвинистских проповедников. Прирожденный бунтарь по складу характера, он объявил, что собирается создать в Колонии Массачусетского залива независимую баптистскую церковь (баптисты, в отличие от остальных протестантов, выступали за проведение таинства крещения в зрелом возрасте, считали, что принятие христианской веры должно быть осознанным выбором каждого человека). Помимо этого, Уильямс обвинил руководство Колонии в незаконном захвате индейских земель. По его мнению, это было прямым нарушением библейских заповедей.

Итогом конфликта стало изгнание Уильямса из общины, однако в условиях Америки это оказалось не столько наказанием, сколько возможностью реализовать задуманное. Уильямс основал свою собственную колонию, Провиденс (впоследствии получившую название Род-Айленд), предварительно заключив формальный договор с индейцами о приобретении их земель. В 1636 г. в Род-Айленде был законодательно утвержден принцип свободы вероисповедания (для христиан), а церковь отделена от государства (что считается историческим прецедентом для Северной

Америки). В 1638 г. Уильямс создал первую в Америке конгрегацию баптистской церкви.

Возникновение еще одной английской колонии, Мэриленда, также тесно связано с религией. Ее основатель, Сесиль Кальверт, 2-й барон Балтимор, был католиком – представителем церкви, также подвергавшейся преследованиям в официально протестантской Англии в начале XVII в. На протяжении первых десятилетий существования Мэриленд считался местом, где католики могут чувствовать себя в безопасности. Однако из-за активной иммиграции протестантов католики и здесь оказались в меньшинстве, что стало поводом для принятия в 1649 г. закона о веротерпимости. С этого времени все жители колонии, верующие в Святую Троицу, могли не опасаться каких-либо притеснений со стороны властей.

Колония Пенсильвания, основанная Уильямом Пенном (сыном адмирала, получившего земли в Америке от короны в счет выплаты долга) в 1681 г., стала прибежищем для членов христианской общины квакеров («Общества друзей») – одной из самых необычных религиозных групп в колониальной Америке. Квакеры (к числу которых принадлежал и сам Пенн) считали, что Бог живет внутри каждого человека и этот «внутренний свет» делает всех людей равными друг другу и служит основанием для всеобщей «братской любви». Полное отрицание любой иерархии, пацифизм, отказ от принесения присяги на Библии и проведение церковных служб в форме коллективных медитаций часто воспринимались представителями традиционных деноминаций как вызов, и квакеры подвергались серьезным гонениям даже на территории колоний, славящихся веротерпимостью, не говоря уже о всех остальных. Самым непростым временем для квакеров обычно становились периоды разнообразных военных конфликтов, в которых они отказывались участвовать. В частности, серьезным ударом по квакерским общинам стала Американская революция: квакеры не поддержали ни одну из сторон противостояния и в итоге стали париями в новом независимом государстве, Соединенных Штатах. Тем не менее Общество друзей сумело выжить и в XX в. превратилось в одну из вполне уважаемых религиозных групп. Квакерами были даже два президента США, Герберт Гувер (1928–1933) и Ричард Никсон (1969–1974).

Несколько раз в истории США в стране случались религиозные «Великие пробуждения» (Great Awakening), когда и без того активно интересующиеся вопросами религии американцы вдруг начинали видеть в ней основной смысл своего существования. Первое религиозное пробуждение обычно датируется 1730–1750 гг. К этому времени граница колониальных поселений отодвинулась

далеко на запад, традиционные деноминации не успевали развивать систему приходов, и жители фронта оставались один на один с вызовами пограничной жизни, без привычных с детства религиозных ритуалов и психологической защищенности, которую давала церковная община. В старых приатлантических колониях кальвинистская теократическая идеология также пришла в упадок, церковные лидеры больше не рассматривались в качестве непререкаемых авторитетов не только в политической, но и в религиозной сферах.

Неудивительно, что когда несколько талантливых проповедников – Джордж Уайтфилд, Джон Уэсли, Джонатан Эдвардс (George Whitefield, John Wesley, Jonathan Edwards) – прибыли из Англии с намерением устроить тур по американским колониям, это произвело настоящий фурор, и на их выступления из самых отдаленных уголков страны стали собираться многотысячные толпы. Наибольшую известность приобрел «великий странник» Джордж Уайтфилд. Он обладал настолько мощным голосом, что безо всяких микрофонов, на открытом воздухе, мог несколько часов общаться с 20-тысячной толпой. Уайтфилд пел, рычал, танцевал, и это приводило аудиторию в неопишуемый восторг. Он утверждал, что на небе все равны – и англикане, и пресвитериане, и баптисты. И что для спасения и избавления от адских мук (которые он описывал в самых красочных подробностях) достаточно одной лишь веры в Христа. Понять, избрал ли его Бог для Царства небесного, может каждый – свидетельством служит величайшая радость и эмоциональный подъем, испытываемый человеком при мыслях о Христе. Неудивительно, что многие слушатели ощущали свою избранность прямо в ходе проповедей Уайтфилда и возвращались домой другими людьми. Посетивший одну из таких проповедей Б. Франклин, известный своим крайне скептическим отношением к религии, признавался в автобиографии, что не смог удержаться в тот день от пожертвования всех имеющихся у него с собой денег на благотворительность.

Великие религиозные пробуждения обычно длились несколько десятилетий и приводили к важным социально-политическим и культурным изменениям. Первое пробуждение способствовало объединению колоний, формированию американского национального сознания, которое в 1770-е гг. стало определяющим фактором в борьбе за независимость. Кроме того, оно привело к распространению грамотности, открытию колледжей, позже ставших известными американскими университетами (в частности, колледж Нью-Джерси, будущий Принстонский университет, был создан в 1746 г. именно для подготовки пресвитерианских проповедников «новой формации»).

Второе религиозное пробуждение случилось в США в первые десятилетия XIX в., было своеобразной эмоциональной реакцией на десятилетия религиозного скептицизма и рационализма эпохи Американской и Великой Французской революций. Снова популярность приобрели странствующие проповедники, в основном баптисты и методисты. Наиболее известный из них, Питер Картрайт, по рассказам очевидцев, умел привести грешников к раскаянию не только убедительной проповедью, но и крепким кулаком. Основным тезисом Второго пробуждения стала идея, что «вера проявляет себя в добрых делах». В 1820–1830-е гг. в штате Нью-Йорк, а затем и в других северных штатах огромную популярность приобрел пресвитерианский пастор Чарльз Грандсон Финни (Charles Grandison Finney). Именно тогда стали возникать первые антирабовладельческие общества, общества трезвости и борьбы за гражданские права, а американские женщины превратились в активных участниц борьбы за решение разнообразных социальных проблем.

Считается, что религиозные пробуждения несколько раз охватывали американское общество и в XX в. В самом его начале, в эпоху прогрессивных реформ, многие церкви оказались вовлечены в это общественное движение и стали активно продвигать идею, что Христос, в первую очередь, был социальным реформатором, а также принимать участие в обосновании внешнеполитической экспансии, формируя представление о том, что американизация мира – это его протестантизация. Похожих воззрений придерживались и последователи либерального иудаизма, которые в это время стали резко противопоставлять себя консервативному крылу церкви. Интересно, что другое религиозное пробуждение XX в., случившееся в 1970–1980-е гг., привело, наоборот, к резкому усилению консервативных религиозных групп, расширению влияния протестантов-евангелистов на внутреннюю и внешнюю политику США.

Уникальный религиозный ландшафт США

Развитие религий в Соединенных Штатах вело не только к переосмыслению европейского религиозного опыта, но и к созданию совершенно новых церквей и вероучений. Самый характерный пример – церковь мормонов (Церковь Иисуса Христа святых последних дней), которая была основана фермером Джозефом Смитом в 1830 г. в штате Нью-Йорк. Мормонизм может считаться самым американским из всех направлений христианства, так как, согласно мормонскому вероучению, Иисус Христос являлся на

Землю дважды – второй раз специально для того, чтобы принести благую весть об искуплении грехов жителям Северной Америки. Некоторые другие специфические черты мормонского вероучения, в частности признание многоженства, были встречены многими современниками Джозефа Смита с негодованием, и мормоны подверглись гонениям. Спасаясь от них, мормоны постепенно уходили все дальше на Запад, а после убийства Джозефа Смита в 1844 г. новое руководство церкви во главе с Бригамом Янгом приняло решение перебраться на неосвоенные земли территории Юта. Там, на берегах Большого Соленого озера, мормоны построили собственный город, Солт-Лэйк-сити, и по сей день составляют религиозное большинство в штате Юта (штат был принят в Союз только в 1896 г., после того, как лидеры мормонской церкви официально отказались от признания многоженства).

Вскоре после основания церкви мормонов Джозефом Смитом еще один нью-йоркский фермер, Уильям Миллер, также сумел собрать вокруг себя множество последователей, предложив им собственное оригинальное толкование Священного Писания. Путем сложных подсчетов Миллер установил, что конец света и Второе пришествие Христа наступят в 1843 г. Накануне определенного Миллером дня члены миллеритской общины продали все имущество, сшили себе белые одежды и переместились на один из высоких холмов в ожидании Страшного суда. Один из членов общины продал все, кроме повозки, которую также выкрасил в белый цвет. Предполагалось, что именно на этой повозке будет ездить Иисус, вновь спустившийся на землю.

Однако миллериты не дождались Иисуса ни в 1843, ни в следующем, 1844 г. Несмотря на всеобщее разочарование, Миллер сумел убедить часть наиболее верных поклонников в том, что пришествие состоялось, но в «незримой» форме. После смерти Миллера в 1849 г. его преемница, Эллен Уайт, нашла объяснение ошибки с вычислением даты наступления конца света. Причина заключалась в том, что христианская церковь нарушила древнее правило Субботы, по какому-то недоразумению превратив в день отдыха и молитв Воскресенье. Для исправления этого фатального просчета в 1860 г. была создана церковь Адвентистов Седьмого Дня, у которой сегодня во всем мире более 20 млн последователей.

Другим популярным религиозным направлением, возникшим в США в 70-е гг. XIX в., была так называемая Христианская наука (Christian Science), изобретенная Мэри Бейкер Эдди. Эта весьма харизматичная женщина опубликовала в 1875 г. книгу под названием «Наука и здоровье» (Science and Health with Key to the Scriptures), в которой выдвинула идею о том, что Иисус Христос

был, в первую очередь, гипнотизером, учившим людей с помощью мыслей управлять своим телом. Мэри Эдди утверждала, что определенная, «христианская» последовательность мыслей ведет к исцелению от любых болезней. Для развития этой христианской науки Эдди основала в 1879 г. в Бостоне Массачусетский колледж метафизики и вскоре стала широко известна и популярна во всем мире. Повсеместно сооружались сциентистские церкви, у последователей учения даже появилась собственная общеамериканская газета – “Christian Science Monitor” (в настоящее время – одна из самых уважаемых и популярных газет в США, сохраняющая лишь формальную связь с сциентистской церковью). Пик популярности «Христианской науки» пришелся на 1930-е гг., в это время церковь насчитывала только в США более 250 тыс. последователей. Самым известным советским почитателем учения Мэри Эдди считается композитор Сергей Прокофьев. В настоящее время в США к церкви «Христианской науки» принадлежат всего лишь около 50 тыс. человек, но во всем мире работают около 2000 так называемых читальных залов Христианской науки, посетители которых пытаются установить правильную последовательность мыслей с помощью изучения Священного Писания, трудов Мэри Эдди и других церковных авторитетов.

Довольно часто церковь «Христианской науки» путают с «саентологией» – другим религиозным течением, основанным в 1952 г. американцем Л. Роном Хаббардом. Саентологию можно считать типичным порождением американского духа индивидуализма, дающим возможность создавать любые религиозные системы, без оглядки на традиции и общепризнанные стандарты. Хаббард заимствовал основную идею саентологии – о переселении души – из восточных религий, но поместил ее в совершенно уникальный контекст научно-технической революции середины XX в. Бессмертные души Хаббард назвал «тэтанами», которые некогда существовали сами по себе, но затем обзавелись постоянно сменяемыми физическими телами. Смысл жизни, по Хаббарду, состоит в том, чтобы, во-первых, осознать свой тэтан и, во-вторых, избавиться от материального тела – «темницы души», обрести утраченную свободу. Программой-минимум при этом саентологи считают оздоровление организма, избавление от «шлаков», которые мешают тэтану духовно развиваться.

Хотя саентологические организации существуют сегодня в большинстве стран мира, представители традиционных религий обычно относятся к ним резко негативно. Саентология часто определяется как деструктивная тоталитарная секта. Однако внутри США учение Хаббарда выглядит на фоне других, куда бо-

лее экзотических культов, вполне респектабельно. Религиозная толерантность американцев удивительным образом уживается с религиозным фундаментализмом отдельных деноминаций. Терпимость к чужому мнению возникла в США не сразу, а стала плодом долгого развития, в ходе которого сформировалась традиция отношений религиозных общин, государства и общества.

Государство и религии в США

Зафиксированное в первой поправке к Конституции США разделение государства и церкви вовсе не означает их неискоренимой взаимной враждебности. Упоминания Бога можно найти на американском гербе, в национальном гимне, на национальной валюте, в тексте присяги, произносимой в американских судах. В настоящее время президенты США приносят инаугурационную клятву, положив руку на экземпляр Библии, некогда принадлежавший Аврааму Линкольну. В Конгрессе США заседания начинаются с общей молитвы. Большинство этих фактов формального нарушения первой поправки оспаривались в судах, но были признаны соответствующими Конституции.

Однако множество других проявлений смешения религии и политики были ликвидированы на протяжении истории американского государства. Так, к 1830-м гг. во всех штатах была отменена практика выделения бюджетных средств на поддержку одной или нескольких традиционных религиозных деноминаций (обычно в этой роли выступали епископальная и пресвитерианская церкви). Кроме того, из законов постепенно были убраны требования посещения церковных служб и веры в Святую Троицу как условия занятия государственных постов.

В итоге церкви превратились в США в частные организации, получающие государственную поддержку, главным образом, в форме освобождения от налогов, и защищенные от какого-либо вмешательства в свою деятельность со стороны государства. По словам одного из отцов-основателей США Томаса Джефферсона, ограничение религиозной свободы необходимо только в случаях, когда религиозные практики наносят вред окружающим:

Если мой сосед скажет, что существует двадцать богов или ни одного бога – это никак не сможет мне навредить. Это не ударит по моему кошельку и не ломает мне ногу.

(It does me no injury for my neighbor to say there are twenty Gods, or no God. It neither picks my pocket nor breaks my leg.)

Жизнь постоянно вносила коррективы в абстрактную идею разделения государства и церкви. В XX–XXI вв. Верховный суд США активно занимался юридическим толкованием различных спорных ситуаций. Считается, что в 1930–1970-е гг. судебные вердикты чаще следовали принципу «сепаратизма», максимально возможному разделению государственных и церковных интересов. Это создавало благоприятную среду для развития разнообразных новых культов и церквей, которые раз за разом выигрывали иски против местных властей о всевозможных притеснениях и препятствиях их деятельности. Например, в 1938 г. Свидетелям Иеговы разрешили продавать свои брошюры «от двери к двери» без получения специального разрешения муниципалитета, на основании принципа свободы печати. Однако публичные демонстрации религиозности в госучреждениях в сепаратистскую эпоху были под жестким запретом. Интересно, что более 60% американцев при этом выступали, например, за сохранение молитв в государственных школах. И на практике молитвы продолжались даже после введения судебных запретов, особенно на Юге – «по усмотрению учителей».

Начиная с 1980-х гг. в вердиктах Верховного суда наметилась другая, «аккомодационная» тенденция, в рамках которой решения все чаще принимались на основе компромисса между традиционными религиями и государством. Новым и радикальным религиозным течениям теперь было гораздо труднее обеспечить себе полную свободу действий, а вот вопросы выделения государственных денег частным религиозным школам, размещения религиозных символов в стенах госучреждений, использования принадлежащих государству помещений для деятельности религиозных организаций и т. п. часто решались в пользу последних. Дискуссии в ходе судебных заседаний нередко выглядели весьма курьезно: например, лучшие юристы страны решали вопрос, можно ли размещать накануне Рождества в здании муниципалитета изображение Санта-Клауса или младенца Христа в яслях. Судьи шутили, что теперь они смогут зарабатывать себе на жизнь еще и как дизайнеры интерьеров.

Постепенная эволюция судебной практики США по вопросам религий от сепаратизма к аккомодации в конце XX – начале XXI в. была отражением объективного усиления общественно-политических позиций протестантов-евангелистов. Этот правый поворот в общественном и религиозном сознании в 1980-е гг. привел в президентское кресло Р. Рейгана, делавшего упор на религиозную мораль во внутренней и внешней политике, а в 2000 г. способствовал победе на выборах Дж. Буша-мл. (который имел репутацию человека, «обретшего Христа» в зрелом возрасте). И в XXI в. консервативные протестантские церкви продолжают играть большую роль в американской политике, несоразмерную численному пре-

восходству протестантов-евангелистов над представителями других, более умеренных религиозных течений. Сказывается более активная жизненная позиция евангелистов, их готовность работать с людьми на персональном уровне, умелая апелляция к чувствам и моральным категориям, заложенным в сознание американцев с самого раннего детства.

Подводя итоги, отметим, что идея разделения церкви и государства, реализованная в США, стала основой для настоящего расцвета церковной жизни и религиозного сознания в Северной Америке. Опыт США показал, что отсутствие государственных привилегий не мешает, а способствует успеху церковных общин, так как они воспринимаются людьми именно в качестве религиозных организаций, в первую очередь заботящихся о спасении души, а не о материальном достатке. Как отмечал в 1830-е гг. проницательный исследователь американской демократии А. де Токвиль, религия не может разделять материального могущества правящего класса, не принимая на себя долю испытываемой к нему ненависти. В Соединенных Штатах уровень доверия к церковным организациям всегда был выше уровня доверия к правительству. В этом и состоит основная причина американской религиозности, вызывающей такое большое удивление у внешних наблюдателей.

Для дальнейшего изучения

- Нитобург Э.Л.* Церковь афроамериканцев в США. М., 1995.
- Покровский Н.Е.* Ранняя американская философия. Пуританизм [Электронный ресурс]. URL: <https://ushistory.ru/issledovaniya/869-pokrovskij-ne-rannjaja-amerikanskaja-filosofija-puritanizm> (дата обращения 20.02.2021).
- Lacorne D.* Religion in America: A Political History. N.Y., 2011.
- Noll M.* America's God: From Jonathan Edwards to Abraham Lincoln. N.Y., 2007.
- Noll M.* Religion and American Politics: From the Colonial Period to the Present. N.Y., 2007.
- Pinn A.* Varieties of African American Religious Experience. N.Y., 1998.
- Ragosta J.* Religious Freedom: Jefferson's Legacy, America's Creed. N.Y., 2013.
- Religion in America: A Very Short Introduction [Электронный ресурс]. URL: https://read.amazon.com/kp/embed?asin=B00JN66MLS&preview=newtab&linkCode=kpe&ref_cm_sw_r_kb_dp_zXeWDbRAGKXAK (дата обращения 20.02.2021).
- Wald K.* Religion and Politics in the United States [Электронный ресурс]. URL: https://www.amazon.com/dp/1538105136/ref=cm_sw_em_r_mt_dp_U_cReWDb261MM2C (дата обращения 20.02.2021).
- Wellman J.* High on God: How Megachurches Won the Heart of America. N.Y., 2020.

Курс 3

Бизнес и технологии в США

А.С. Панов
И.А. Цветков

Сегодня Соединенные Штаты Америки – лидеры мирового технологического прогресса. Но так было не всегда. Как нация эмигрантов смогла достичь столь невероятного успеха? Почему так много изобретений было придумано в США, и каким образом многие из них стали коммерчески успешными? Как новые технологии изменяли повседневную жизнь простых американцев? Ответы на эти и многие другие вопросы можно найти в курсе «Бизнес и технологии в США».

Читателя ждет путешествие через три века экспериментов, проб и ошибок, внезапных озарений и невероятных триумфов человеческого разума. Первая часть курса посвящена промышленной революции XIX века и рождению капитализма в США. Вторая половина – вызовам технологии в прошлом веке, а также индустриальным трендам на заре нового тысячелетия. Через истории изобретателей-одиночек и создателей промышленных империй, мечтателей и прагматиков, ученых и простых энтузиастов дается ответ на вопрос, почему США являются страной инноваций.

Тематический план курса

1. История технологического успеха США	387
2. Технологии управления пространством и временем: как в Америке решали проблему больших расстояний	398
3. Бум изобретательства в Америке XIX века: создание современного мира повседневных вещей	413
4. Как «большой бизнес» превратил США в индустриальную державу	426
5. Почему электричество и нефть поменяли образ жизни американцев	441
6. «Американский век»: технологии на службе человека и против него	457
7. США осваивают космос	479
8. Компьютерная революция в действии	494
9. Рождение Кремниевой долины и культура стартапов	515

Тема 1. История технологического успеха США

Мы живем в эпоху, когда успех в развитии технологий рассматривается как непрременное условие общего успеха национального развития. Не только великие державы, но и средние, и даже совсем небольшие страны стремятся повышать количество высокотехнологичных товаров в своем экспорте, открывают университеты, создают научные центры или, на худой конец, выделяют внушительные деньги на закупку иностранных технологий. Но даже в этой чрезвычайно конкурентной среде репутация Соединенных Штатов как одного из технологических лидеров остается исключительно высокой.

Большинство удивительных технических новинок по-прежнему рождается в лабораториях американских корпораций и небольших стартапов; не только специалисты, но и простые жители разных континентов с интересом ждут новостей об очередных творениях американских ученых и инженеров, миллионы студентов мечтают получить образование в американских университетах.

Вместе с тем в самих Соединенных Штатах ведутся жаркие дискуссии о том, не подошла ли к завершению эра американского технологического превосходства. В области развития высоких технологий буквально на пятки Соединенным Штатам наступает Китай. В этой стране средний ежегодный рост расходов на развитие науки и техники составил в 2000–2018 гг. 18%, тогда как в США – только 4%. Доля США в мировом производстве высокотехнологичной продукции в 2018 г. составляла 31%, а доля Китая – 24%, причем за десять лет американская доля несколько снизилась, а китайская выросла больше чем в два раза!

Однако, помимо абсолютных цифр инвестиций в науку и технологии, числа ученых, патентов и публикаций в академических журналах, есть и другие показатели, которые по-прежнему свидетельствуют об исключительном статусе США в высокотехнологичной сфере. И, в первую очередь, это данные о привлекательности американской системы образования. В глобальных рейтингах университеты США занимают большинство топовых

позиций. Они сохраняют лидерство в области подготовки молодых ученых. Ежегодно научные степени в области естественных и технических наук получают в США около 40 тыс. человек. В отличие от университетов всех прочих стран больше половины (57%) выпускников технических факультетов американских вузов – иностранные студенты, которые после получения диплома не торопятся возвращаться домой. Более 70% молодых докторов наук из числа иностранцев после защиты диссертации остаются в США и продолжают работу уже в качестве американских ученых. Еще один примечательный факт: численность учеников из Китая в американских средних школах в 2010–2015 гг. выросла на 290%, а приток китайских студентов в американские университеты остается столь же высоким. Не есть ли это важнейший критерий сравнения успешности двух моделей технологического развития?

Если некоторым странам за счет огромных финансовых вложений и удается сокращать отрыв от США по показателям научно-технического развития, Америка все равно продолжает восприниматься как наиболее комфортное место для получения образования и проведения научных исследований, для венчурного предпринимательства. Технологии и инновации остаются неизменным атрибутом жизни американцев.

Для того чтобы убедиться в справедливости утверждения о неразрывности понятий «американское» и «инновационное», «американское» и «выдающееся с технической точки зрения» можно не довольствоваться интуицией, а взглянуть на некоторые исторические факты.

Когда-то, в период существования европейских колоний в Северной Америке и в эпоху Американской революции и Войны за независимость в конце XVIII в., восприятие Америки в Европе было совершенно иным: эти земли считались задворками цивилизации, а нравы американцев оценивались как весьма примитивные, не дотягивающие до высоких европейских стандартов. Французский аббат Рейналь в 1774 г. утверждал:

Америка еще не дала миру ни одного хорошего поэта, ни одного способного математика, ни одного гения в каком-либо виде искусства, в какой-либо отрасли науки¹.

И в области технического развития американцам было похвастать особо нечем: когда в Англии уже всюю шла промыш-

¹ Kornfeld E. *Creating American Culture: 1775–1800: A Brief History with Documents*. N.Y., 2001. P. 235.

ленная революция, за Атлантическим океаном не существовало собственных производств. Даже в развитых колониях местные ремесленники изготавливали только самые простые вещи, а все сколько-нибудь сложные изделия доставлялись по морю из метрополии.

Известно, что плантаторы южных колоний были настолько беспомощны в технологическом плане, что не могли обеспечить себя даже повседневной одеждой. Весьма популярной была отправка в Лондон некогда купленных там рубашек – для перекраски, возвращения в Америку обратным рейсом и дальнейшего использования.

Выиграть войну и приобрести независимость американцы тоже смогли в значительной степени за счет поставок оружия из Европы, из дружественных Франции и Испании: своего «военно-промышленного комплекса» у США тогда не было и в помине. Российская императрица Екатерина II с интересом и некоторым злорадством наблюдала, как «нецивилизованные» американцы ведут успешную борьбу с могущественной Великобританией, но испытывала и некоторую обеспокоенность: а не превратятся ли независимые США в торгового конкурента России в поставках строевого леса, железа, других «сырьевых» товаров? У Екатерины не возникало даже мысли, что из Америки в Европу может прийти что-то «высокотехнологичное», более сложное, чем корабельные сосны.

Однако прошло всего полвека, и в отчетах европейских путешественников по Америке стали появляться удивленные и восторженные комментарии о повальном увлечении американцев техническими новинками собственного производства, об удивительных механизмах, которые встречались в Америке буквально на каждом шагу. Как писал французский исследователь Алексис де Токвиль в своем знаменитом труде «Демократия в Америке» (1835):

На земле нет народа, который добился бы столь же стремительно прогресса торговли и промышленности, как американцы².

В дальнейшем эти впечатления стали подтверждаться поставками американского оборудования на европейский рынок, а затем, во второй половине XIX в., репутация США как ведущей индустриальной и инновационной державы была окончательно

² *Tocqueville A. Democracy in America / Ed. and transl. by Harvey C. Mansfield and Delba Winthrop. N.Y., 2000. P. 567.*

утверждена и зафиксирована. Телефон, фонограф, электрическое освещение, пишущая машинка, не говоря уже о небоскребах из стекла и бетона – все это символизировало американское техническое доминирование. С тех пор, уже по крайней мере 150 лет, США воспринимаются в качестве «ведущего инноватора» и лидера в области технологического развития. Немецкие и японские инженеры, русские и советские ученые часто производили на свет нечто не менее удивительное, но только Америка воспринималась и продолжает восприниматься как «нация инноваторов», как единственная в своем роде *техническая цивилизация*.

В чем же состоит своеобразие Америки как центра технологий и инноваций? Каковы причины, способствовавшие быстрому превращению «дикой окраины» европейской цивилизации в лидера техногенного прогресса? Совершенно очевидно, что дело тут не в каких-то государственных программах и правительственных усилиях: в начале XIX в., когда в недрах американского общества совершалось это таинство превращения «дикости» в «цивилизацию», государственные институты в США были чрезвычайно слабыми, а правительственные бюджеты ограниченными.

Парадоксально, но технологическому рывку Соединенных Штатов на первом этапе чрезвычайно способствовала крайняя техническая отсталость и неразвитость североамериканских британских колоний. На протяжении многих десятилетий метрополия сознательно сдерживала развитие колониальных ремесел и местной промышленности, опасаясь конкуренции. Это создало эффект сжатой пружины: стоило колониям обрести независимость, все ранее запрещенные формы деятельности становились чрезвычайно популярными и востребованными. Среди прочего, американцы принялись наверстывать разрыв в области технологий.

Некоторые особенности организации американского общества того времени давали жителям США неоспоримые преимущества перед европейцами. Например, в США не было ремесленных гильдий, не было жесткого контроля и регламентации в области производства промышленных товаров. Техническое творчество не считалось занятием, подходящим лишь для каких-то определенных сословий и социальных классов. Это был именно тот случай, когда свобода, отсутствие ограничений и подавляющих инициативу традиций явно способствовали успеху и росту благосостояния людей. В отличие от стоящего перед многими народами выбора: «свобода или благополучие», американцы получили благополучие как бонус вместе со свободой. В общественном сознании начала формироваться установка, со временем ставшая

визитной карточкой США: *свобода – это не абстрактный принцип, это ключ к всеобщему успеху.*

Еще одним следствием технической отсталости Америки XVIII в. и недостатка промышленных товаров по сравнению с Европой было широкое распространение бытовых технических навыков. В отличие от тех же индейцев, веками живших в условиях традиционной культуры и не помышлявших о большем, белые американцы привезли с собой из Европы если не сами технические приспособления, то, по крайней мере, знания о том, что они существуют и могут применяться в быту. Европейская техническая цивилизация переехала в Северную Америку не столько в трюмах кораблей, сколько в головах их пассажиров.

В новых социальных и экономических условиях, возникших после приобретения политической независимости, эти знания позволили не просто воссоздать европейские образцы на американской почве, но и запустить процесс технического творчества, затронувший самые широкие слои общества. Жены американских фермеров из самых отдаленных уголков страны удивляли европейских путешественников своей технической сноровкой: они не хуже британских или французских профессиональных ремесленников знали, как соткать холст, сварить мыло или пошить одежду. Сами фермеры буквально «на коленке» изготавливали весьма замысловатые сельскохозяйственные орудия и приспособления – просто потому, что другого способа получить их в американской глуши не существовало.

Однако если бы американцы ограничились лишь возвращением к натуральному хозяйству, то на фоне европейской промышленной революции их технические успехи остались бы местной экзотикой, забавлявшей иностранцев. Но масштабы инновационной деятельности в США уже в конце XVIII в. были гораздо более значительными. Напряженная работа Конституционного конвента в Филадельфии в 1787 г. была приостановлена на день ради ознакомительной поездки его участников к реке Делавэр, где были организованы испытания нового чуда техники: парохода с механическими веслами, сконструированного Джоном Фитчем. Возможно, именно этот эпизод побудил отцов-основателей американского государства включить в конституцию положения о поддержке технических инноваций. Согласно 8-му параграфу 8-го раздела первой статьи Конституции США, американский Конгресс, помимо прочего, должен был «содействовать развитию науки и полезных ремесел, закрепляя на ограниченный срок за авторами и изобретателями исключительные права на принадлежащие им сочинения и открытия». Вскоре при правительстве

США был создан патентный офис, и в XIX в. в стране начался «патентный бум», с подъемами и спадами, продолжающийся до наших дней.

По вовлеченности простых людей – не профессиональных ученых и изобретателей, а самых обыкновенных фермеров, рабочих и городских обывателей в патентную деятельность, – Соединенные Штаты в XIX в. не знали себе равных. Как и многие другие государственные институты, созданные в США после приобретения независимости, патентный офис не был обременен сложной бюрократией и обеспечивал простую и прозрачную процедуру подачи патентных заявок. Любой американец, изложивший на паре страниц новый принцип сбивания масла или шитья рубашек, получал от государства легальную защиту своего изобретения и мог на протяжении 17-ти лет получать отчисления от продаж товаров, созданных с использованием его ноу-хау. Эффективная судебная система способствовала реализации этого принципа на практике. Таким образом, изобретательство и получение патентов быстро превратилось в весьма прибыльный бизнес, доступный каждому, имеющему хоть какую-то техническую жилку. А таких людей среди американцев было предостаточно.

Президент Линкольн, начинавший карьеру адвокатом и участвовавший в патентных спорах, считал, что патентная система была ключевым фактором технологического роста Соединенных Штатов. По его мнению, эта система «подбрасывала дрова материальной заинтересованности в костер гениальности». Получив новое ускорение после окончания Гражданской войны в 1865 г., «патентная лихорадка» достигла пика в период индустриализации на рубеже XIX–XX вв. Рекордным считается 1916 год, когда на миллион жителей США было выдано 410 патентов. Впечатляющие результаты были также достигнуты в 1885, 1915, 1932 гг. Во второй половине XX в. показатели стали снижаться, поскольку получение патентов начало восприниматься как удел профессионалов. Однако в XXI в. увлечение патентами довольно неожиданно снова сделалось актуальным: в 2011 г. на миллион американцев приходилось 387 человек, получивших патенты.

Конечно, наряду с положительными чертами, патентная система имела и множество недостатков. На ней пытались заработать многочисленные жулики и авантюристы. Выражение «патентованная медицина» до сих пор имеет отчетливо негативную коннотацию. Бесконечные судебные тяжбы за патентные права породили целую армию юристов, которые часто зарабатывали на процессах больше, чем сами изобретатели на патентах. Промышленные монополии нередко использовали патентные механизмы

для закрытия доступа к новым технологиям для конкурентов. Однако в совокупности вклад патентного офиса в формирование репутации США как государства с самым высоким процентом изобретателей на душу населения трудно переоценить. Авраам Линкольн, несомненно, был прав.

Технологический вакуум первых десятилетий существования США и создание государственной патентной системы запустили механизм производства инноваций.

Однако не менее важным фактором успеха были особенности политической культуры американцев и их национального сознания. Во-первых, это свобода слова, зафиксированная в первой поправке к конституции США: «Конгресс не должен издавать ни одного закона... ограничивающего свободу слова или печати»³. Казалось бы, какое отношение это имеет к развитию технологий? Оказывается, самое прямое. В обществах, более склонных к контролю над идейной сферой, своенравным техническим гениям часто приходилось несладко. Многие из них оказывались в США именно в поисках более комфортных условий для технического творчества. Но даже за пределами политических дискуссий атмосфера свободного высказывания и обсуждения самых парадоксальных идей, идущих вразрез с устоявшейся традицией, необходима для производства инноваций, являясь его неперенным условием.

Еще одна черта мировоззрения американцев, бросающаяся в глаза приезжающим в США иностранцам, – восприятие деятельности, предполагающей высокую долю риска (в частности, риска разорения и банкротства), не как аномалии, а как нормы. Биографии знаменитых американцев почти неизменно содержат строки о начале нового дела, разорении, переезде в другую часть страны, новом начале, новом разорении и так далее, до момента, когда очередное предприятие, наконец, приносит успех и общее признание. Путь к успеху большинства известных европейцев обычно выглядит гораздо более прямолинейным. Разорение в Европе в XIX в. почти всегда было приговором, а в США, благодаря весьма мягкой процедуре банкротства, прописанной в законах, – всего лишь завершением одного этапа жизни и началом другого. Понятно, что такая система создавала благоприятную среду для предпринимателей, вкладывающих средства в новые, неопробованные технологии. Современная культура стартапов, которой так славятся США, особенно места вроде Кремниевой долины

³ First Amendment // Library of Congress [Электронный ресурс]. URL: <https://constitution.congress.gov/browse/amendment-1/> (дата обращения 25.05.2021).

в Калифорнии, выросла из этой традиции «легких банкротств». Кстати говоря, так же, как и патентная система, она берет начало из американской Конституции, предписывавшей создать во всех штатах «унифицированную систему законов о банкротстве».

Готовность идти на риск связана с еще одной чертой, присущей мировоззрению многих американцев. Это – индивидуализм, восприятие отдельной личности как самоценной социальной единицы, ответственной перед коллективом, но свободной в решении ключевых экзистенциальных вопросов. Согласно японской поговорке «гвоздь с торчащей шляпкой надо забить». Американцам с детского сада дают прямо противоположную установку: «выделись из толпы и добьешься успеха». Проще всего это сделать, занявшись бизнесом. Однако научное творчество, изобретательство – это тоже один из наиболее очевидных путей к демонстрации собственной креативности и уникальности. К тому же бизнес и техническое творчество всегда были в Америке неразрывно связаны. И часто требовали огромной настойчивости и упорства.

Томас Эдисон, авторству которого принадлежало к концу жизни больше тысячи патентов, очень долго шел к одному из своих наиболее известных изобретений – «лампочке Эдисона». В созданной им лаборатории проводились многочисленные эксперименты в поисках подходящего материала для нитей накаливания, но работоспособного решения не находилось. Однако Эдисон не унывал: «Я не потерпел неудачу. Я просто открыл 10 тысяч способов создания лампочки, которые не работают»⁴. В итоге необходимый материал был найден, а также предложено несколько других усовершенствований, которые в 1879 г. превратили лампу накаливания (которая была известна и до Эдисона) в практичный и удобный в употреблении электрический прибор. В частности, Эдисон снабдил лампу винтовым патроном и вложил значительные средства в строительство электрических станций, без которых созданная в его лаборатории лампочка не имела бы никакого практического смысла. В этом проявилась еще одна характерная черта американского изобретательства: почти все американские технические гении были одновременно и успешными бизнесменами. Ученый, сидящий в кабинете и рождающий удивительные открытия, – это совсем не американский тип. Материальная выгода как важный, а часто и основной стимул технического творче-

⁴ Who said it // U.S. Department of Energy [Электронный ресурс]. URL: https://www.energy.gov/sites/prod/files/2013/11/f5/WhoSaidIt_TeslaVsEdison.pdf (дата обращения 25.05.2021).

ства – вот формула, которая во все времена была определяющей для инновационной активности американцев.

Материальные блага наряду с политической свободой были и остаются главными факторами, привлекающими в США потоки иммигрантов. К и без того высокому технологическому потенциалу американцев иммигранты добавляли «свежую кровь». Они открывали новые перспективы и привозили с собой знания и умения, накопленные в других странах. Значительный вклад иммигрантов в технологический прогресс США подтверждается не только именами великих инженеров, изобретателей, но и данными статистики: самые «инновационные» штаты в современной Америке одновременно обладают и самым высоким процентом населения, родившегося за пределами США.

На основе многочисленных исследований также установлена прямая зависимость между патентной активностью и развитием экономики: чем больше изобретателей живет в том или ином штате, тем этот штат богаче. Естественно, иммигранты охотнее переезжают именно в богатые штаты, тем самым повышая их инновационный потенциал, а с ним и показатели экономического роста. Дальше все идет по кругу, что постепенно создает заметный разрыв между уровнем технологического и экономического развития отдельных штатов. Именно поэтому в некоторых современных рейтингах Соединенные Штаты заметно отстают от других стран, что служит поводом для утверждений о завершении эпохи американского технологического превосходства. Например, по количеству патентов на душу населения США во втором десятилетии XXI в. находятся лишь в конце первой десятки, пропустив вперед Швецию, Финляндию, Израиль и другие государства. Однако отдельные штаты, такие как Калифорния или Нью-Йорк, по этому показателю выступают несомненными глобальными лидерами.

В современных Соединенных Штатах ведущим драйвером технологического роста является система образования, представленная известными на весь мир американскими университетами. Эпоха талантливых одиночек-изобретателей, «охотников за патентами», подошла к концу на рубеже XIX–XX вв. С этого времени флагманами фундаментальных научных исследований становятся университетские лаборатории, а экспериментальная и прикладная наука активно развивается в центрах, создаваемых при крупных и средних промышленных корпорациях. Их успеху способствует не только щедрое финансирование из частных и государственных фондов, но и установки общественного сознания, сформировавшиеся еще пару столетий назад: свобода слова, го-

товность идти наперекор традициям, отсутствие страха перед неудачами, открытость для притока идей со всего света. Все вместе это и создает ту среду, которая порождает инновации не в силу какого-то приказа свыше или правительственного замысла, а потому, что развитие, движение вперед, изобретение чего-то нового воспринимается в США как нечто естественное и в чем-то даже неизбежное.

Модель развития, основанная на постоянном производстве инноваций, появилась в США в XIX в., когда в других странах национальные приоритеты формулировались совсем по-другому. Интерес к новым технологиям в Европе и других регионах мира в XIX–XX вв. был часто связан с желанием добиться преимуществ в военной сфере. Государство обычно выступало инициатором и обеспечивало львиную долю финансирования подобных военно-технических проектов. Им нередко сопутствовал успех, но когда инициировавшие их правительства по той или иной причине впадали в кризис, вместе с ними в кризис впадала и финансируемая этими правительствами наука. Американская же инновационная модель реагировала на кризисы совершенно иначе: в самые тяжелые времена активность изобретателей не снижалась, а напротив, увеличивалась. Как уже говорилось, одним из самых щедрых на патенты был 1932 год – самый страшный год Великой депрессии в США. Оказавшись в сложном положении, простые американцы, предприниматели и бизнесмены, пытались выйти из него, зарабатывая на своем умении работать головой. Созданные предыдущими поколениями общественные институты (вроде патентной системы или культуры поощрения частного предпринимательства) давали возможность действовать даже в условиях, когда государственная власть теряла контроль над ситуацией.

В глобальной «научной гонке», развернувшейся в XXI в., Соединенные Штаты иногда выглядят как слишком самоуверенный лидер, отрыв которого от ближайших конкурентов, тем не менее, неумолимо сокращается. Однако приведенные выше аргументы позволяют, на наш взгляд, поставить этот тезис под сомнение. Технологическое лидерство США по сей день определяется не столько количественными, сколько качественными параметрами. Его трудно оспорить, если обращать внимание не на количество научных публикаций, а на качество среды, в которой эти публикации создаются; если брать в расчет не только объем производства наукоемких товаров, но и способность привлечь наиболее талантливых ученых и изобретателей в национальные лаборатории. Способность генерировать инновации остается важнейшей сущностной чертой американской цивилизации.

Для дальнейшего изучения

- Уилсон М.* Американские ученые и изобретатели. М., 1975.
- Хакинз С.* Тесла против Эдисона: Битва великих изобретателей. М., 2015.
- Шпотов Б.М.* Промышленный переворот в США. Ч. 1, 2. М., 1991.
- 2018 Patent Rankings and Trends [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ificlaims.com/rankings.htm> (дата обращения 02.05.2021).
- A Brief History of the Patent Law of the United States // Ladas & Parry. 2014. May 7 [Электронный ресурс]. URL: <https://ladas.com/education-center/a-brief-history-of-the-patent-law-of-the-united-states-2/> (дата обращения 02.05.2021).
- Cross G., Szostak R.* Technology and American Society: A History. N.Y., 2004.
- Florida R.* Innovation and the Wealth of Cities // Citylab. Feb 1, 2013. [Электронный ресурс] URL: <https://www.citylab.com/life/2013/02/innovation-and-wealth-cities/4554/> (дата обращения 02.05.2021).
- Hughes Th.* American Genesis: A Century of Invention and Technological Enthusiasm. N.Y., 1990.
- Jones J., Berndsen R.* From 1 to 10,000,000: A History of Patents // IP-Watchdog. 2018. June 27 [Электронный ресурс]. URL <https://www.ipwatchdog.com/2018/06/27/from-1-to-10000000-history-of-patents/id=98649/> (дата обращения 02.05.2021).
- National Science Board. Science & Engineering Indicators 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nsf.gov/statistics/2018/nsb20181/assets/nsb20181.pdf> (дата обращения: 02.05.2021).
- Smith M., Clancey G.* Major Problems in the History of American Technology. Boston, 1997.

Тема 2. Технологии управления пространством и временем: как в Америке решали проблему больших расстояний

Поместье автора Декларации независимости, первого госсекретаря и третьего президента США Томаса Джефферсона располагалось на территории колонии (а затем штата) Вирджиния, в предгорьях Аппалачей, среди живописных холмов. Это было просто идеальное место для ученых занятий, уединенных размышлений и ведения сельского хозяйства. Однако беспокойный нрав его владельца и тяга к активному участию в политике создавали повод для некоторых неудобств. Дело в том, что добираться от Монтичелло до таких центров политической жизни, как Филадельфия, Нью-Йорк или Бостон, было крайне затруднительно.

Даже в более позднее время, когда уже была построена новая столица Вашингтон на реке Потомак, путь до нее от Монтичелло занимал не менее 10 дней. Президент Джефферсон жаловался в 1801 г.: «Из восьми рек, которые приходится пересекать по пути из Монтичелло в Вашингтон, пять не имеют ни мостов, ни лодок»⁵.

Территория США, приобретенная в результате Войны за независимость, простиралась на две с лишним тысячи км с севера на юг, и более тысячи – с востока на запад. Западная часть была отгорожена от восточной Аппалачскими горами – не слишком высоким, но в то же время труднопроходимым препятствием. До появления в 1820-е годы первых транспортных артерий, соединяющих Восток и Запад, абсолютное большинство населения США жило в непосредственной близости от Атлантического океана. Несмотря на богатство зааппалачских земель, немногие решались переселяться в глубь материка из-за полного отсутствия дорог и какого-либо другого транспортного сообщения между Западом и Востоком. Единственным путем доставки грузов на Западе была река Миссисипи, неспешно текущая на юг к Новому Орлеану. Но долгий (не менее шести недель) круговой маршрут из долины

© Цветков И.А., 2023

⁵ History of the United States of America During the Administration of Thomas Jefferson. N.Y., 1986. P. 14.

реки Огайо, через Миссисипи и Мексиканский залив до городов атлантического побережья ставил западных фермеров в совершенно невыгодное положение по сравнению с конкурентами. Проще и дешевле было сбывать свою продукцию в карибском регионе, торговать с обитателями испанских или французских колоний, а не с американскими соотечественниками. Везти грузы на север, в систему Великих озер, было, во-первых, затруднительно, так как необходимо было двигаться против течения, и, во-вторых, бессмысленно, так как Великие озера не имели водной связи с приатлантической территорией США.

Чтобы как-то сбыть произведенную продукцию и не терпеть убытков, фермеры Среднего Запада приспособились изготавливать из зерна виски: алкоголь стоил дороже, и его было проще доставить до потребителей. Однако американские власти в 1790-е гг. решили, что с производителей виски надо брать специальный налог. Это привело к «восстанию из-за виски», после подавления которого ситуация для западных фермеров стала совсем безрадостной.

Таким образом, транспортная проблема превращалась в проблему социально-политическую. Едва возникнув, Соединенные Штаты стали распадаться на части в силу естественных географических причин. Жителям городов Новой Англии было выгодно торговать с Великобританией, зааппалачским фермерам – с Испанией и Францией. Чтобы победить сепаратизм, надо было придумать, как связать между собой разные части страны.

На рубеже XVIII и XIX вв. вариантов решения этой проблемы было немного. Основным транспортом оставались лошади. Как писал С. Амброз,

Ни один человек, ни одно произведенное им изделие, ни один мешок зерна или окорок, ни одно письмо, ни одна идея, приказ или инструкция не могли перемещаться по поверхности земли быстрее скорости лошади⁶.

Но даже лошади не могли перевозить грузы с достаточной скоростью при отсутствии дорог. Конечно, грунтовые дороги начали прокладываться с первых лет колонизации, а несколько полноводных рек, впадающих в Атлантический океан, давали возможность установить связь между колониями посредством морских перевозок вдоль побережья. Однако развитие экономики нового

⁶ *Ambrose S. Undaunted Courage: Meriwether Lewis, Thomas Jefferson, and the Opening of the American West. N.Y., 1997. P. 118.*

независимого государства было немыслимо без кардинального усовершенствования транспортной системы. Путешественники, надумавшие перебраться из одного американского города в другой, в межсезонье постоянно вязли в грязи, тонули в разлившихся ручьях, ломали колеса своих повозок и т. п.

Первые дороги нового, «улучшенного» типа начали сооружаться в приатлантических штатах уже в 1790-е гг. За несколько десятилетий все крупные города были связаны между собой такими дорогами, что можно считать настоящим трудовым подвигом жившего тогда поколения американцев, ведь стройку приходилось вести в условиях постоянного дефицита рабочих рук и полного отсутствия техники.

В 1808 г. началось строительство первой трансапалачской дороги из Мэриленда на запад. К 1817 г. строители добрались до реки Огайо, но дальше дело застопорилось. Сооружать булыжную насыпь в 25 метров шириной, через горы и непроходимые чащи оказалось делом очень дорогим и трудозатратным.

Этот проект, получивший название «Национальной дороги», был все-таки завершен к 1852 г., маршрут протянулся до городка Вандалия в штате Иллинойс. Но к этому времени экономическая целесообразность «улучшенных дорог» уже была под большим вопросом. Волна переселения на Запад докатилась до самого Тихого океана: через Великие равнины и ущелья Скалистых гор американцы добрались до Орегона и Калифорнии, и, конечно же, участникам орегонской или калифорнийской «золотой» лихорадки было просто некогда дожидаться сооружения дорог с улучшенным покрытием. Когда они обустроились на новом месте и начали размышлять о том, как им поддерживать связь друг с другом и штатами Атлантического побережья, развитие техники предложило им новую крайне привлекательную перспективу.

Две новых технологии изменили транспортную ситуацию в США за несколько десятилетий после 1820 г. Во-первых, это каналы. Во-вторых – железные дороги.

Строительство каналов активно шло в Великобритании во второй половине XVIII в., но до Соединенных Штатов эта технологическая мода докатилась только после обретения независимости. Как и во многих других областях, стремление американцев пользоваться «плодами прогресса» упиралось в полное отсутствие специалистов. Никто не знал, как надо строить канал, который должен был не просто соединять несколько водных путей, но и быть устойчивым к обрушению, иметь систему шлюзов, специальные механизмы перемещения грузов, специальный транспорт и т. п. Но вместо того, чтобы ждать появления грамотных инжене-

ров (например, посредством открытия специальных учебных заведений или обмена опытом с зарубежными странами), предприимчивые американцы стали действовать методом проб и ошибок. Один из первых каналов начали строить в 1793 г. в Массачусетсе и сразу же столкнулись с огромными трудностями. Из-за ошибки в расчетах уровень воды в канале, прорытом трудами местных фермеров, оказался ниже необходимого на 12 метров. Стройку приостановили, начали все планировать и переделывать заново. Только в 1808 г. первые суда на конной тяге прошли через канал из реки Чарльз в реку Мерримак. Однако и это было большим успехом, заставившим задуматься о других подобных проектах. Министр финансов Альберт Галлатин представил в Конгресс 10-летний план государственных инвестиций в строительство дорог и каналов стоимостью 20 млн долл. (около 600 млрд долл. в современных ценах). Конгресс не был готов к таким масштабным тратам, но вскоре отдельные штаты осознали экономическую выгоду от новых транспортных артерий и включились в соревнование друг с другом.

Пожалуй, самая известная история такого рода – соперничество штатов Нью-Йорк и Пенсильвания за роль главных морских ворот США. Чтобы одержать верх над конкурентом, надо было первым связать зааппалачские территории с атлантическим портом непрерывным водным маршрутом. Пенсильвания традиционно была важнейшим связующим звеном между двумя склонами Аппалач в силу своего географического положения. Однако в эпоху строительства каналов у Нью-Йорка возникло преимущество: для соединения реки Гудзон с системой Великих озер можно было прорыть канал, хотя и довольно длинный (около 600 км), но проходящий по относительно ровной местности (максимальная высота над уровнем моря – 174 м).

Мэр Нью-Йорка Девиитт Клинтон сумел добиться выделения необходимых средств, и в 1817 г. началась одна из самых грандиозных строек в истории США. Строили канал Эри в основном ирландские иммигранты. Поначалу казалось, что 7 млн долл. будут просто «зарыты в землю», оппоненты злорадствовали, называли проект «Большой сточной канавой Клинтона». Однако по мере продвижения стройки критические голоса стали стихать.

Канал не был широким и глубоким: всего 12 м в ширину у поверхности, 8,5 м у дна и 1,20 м в глубину. Но при этом в момент открытия в 1825 г. он стал самым длинным в мире (584 км) после Великого канала в Китае. Благодаря каналу Эри стоимость доставки грузов из долины реки Огайо к атлантическому побережью снизилась на 95%. Богатейшие черноземы Среднего Запада

наконец-то были экономически привязаны к крупнейшим городским центрам США.

Канал Эри превратил Нью-Йорк в главный транспортный хаб на восточном побережье и предопределил его судьбу как центра американской финансовой и деловой активности.

Пенсильванцы поняли, что экономическая почва уходит у них из-под ног и в 1826 г. приступили к форсированному строительству своей системы каналов, соединяющих два склона Аппалачских гор. К 1834 г. из Филадельфии в Питтсбург уже можно было добраться по воде через систему шлюзов, но это не сделало Пенсильванию снова великой: короткая эпоха каналов близилась к завершению. На их место в качестве современного, быстрого и эффективного средства сообщения пришли железные дороги.

Своеобразной промежуточной технологией, связавшей эпоху каналов с эпохой железных дорог, был паровой двигатель, а точнее говоря, первый использующий эти двигатели вид транспорта – пароходы. Наибольший вклад в создание и совершенствование пароходов в США внесли три человека: Джон Фитч, Оливер Эванс и Роберт Фултон.

Фитч еще в конце XVIII в. создал первые опытные образцы, но не сумел организовать их успешное коммерческое использование на американских реках.

Эванс, известный изобретатель, долгие годы после получения первого патента (1790) занимался усовершенствованием своей паровой машины. В 1805 г. он построил новый паровой двигатель высокого давления, более эффективный и компактный по сравнению с распространенными моделями низкого давления Уатта и Болтона. Машина Эванса имела 9 м в длину, 3,7 м в ширину и могла через систему шестеренок вращать колеса повозки или парохода. Считается, что эта машина стала первым механизмом, созданным в США, способным перемещаться, в том числе и по твердой поверхности, без лошадиной или человеческой тяги. И на воде ее преимущества были бесспорны. Именно благодаря машине Эванса американские пароходы вскоре начали ставить всемирные рекорды скорости, а в американской культуре возник такой феномен, как «пароходные гонки».

Роберту Фултону принадлежит приоритет в открытии первой постоянной коммерческой линии пароходного сообщения по реке Гудзон, между Нью-Йорком и Олбани. Помимо успехов в предпринимательстве, Фултон известен также как неутомимый изобретатель, автор множества патентов. Помимо прочего, он, находясь во Франции, сконструировал в 1800 г. первую в мире подводную лодку, а в 1813 г. получил от российского императора

Александра I монополию на организацию пароходного сообщения между Санкт-Петербургом и Кронштадтом. Впрочем, в отличие от пароходных линий на Гудзоне и Миссисипи, проекты сотрудничества Фултона с Францией и Россией успехом не увенчались.

Кроме неоспоримого преимущества в скорости, способности двигаться против течения, паровые машины высокого давления, придуманные Эвансом, таили в себе и огромную опасность. Стремление совершить как можно больше рейсов с наименьшими затратами вело к полнейшему пренебрежению техникой безопасности со стороны владельцев пароходных линий. Кочегарам давались команды повышать давление до предела – а даже в слабую по нынешним меркам паровой машине в 10 лошадиных сил производилась мощность, способная подбросить бойлер на высоту в сотни метров! Взрыв на переполненном пароходе мог иметь поистине катастрофические последствия. Одна из самых страшных трагедий произошла в 1838 г., когда в результате взрыва котла на пароходе “Огонько” волна раскаленного пара смела с палубы и мгновенно убила больше ста пассажиров. Происшествия меньшего масштаба случались регулярно: считается, что именно потребность в обеспечении безопасности пароходного сообщения стала поводом для введения первых в США государственных регулятивных мер. Когда в середине XIX в. ежегодная численность жертв взрывов паровых машин превысила 400 человек, Конгресс США создал Joint Regulatory Agency of the Federal Government. К 1860 г. печальную статистику удалось сократить на треть благодаря инспекциям, штрафам и другим мерам, побудившим владельцев пароходных компаний более ответственно относиться к безопасности клиентов.

Хотя первые паровозы были ввезены в США из Великобритании, железные дороги оказались первой транспортной технологией, в которой американцы быстро стали законодателями мод. Из европейских стран в США потянулись «технические туристы», привлеченные рассказами об удивительных успехах, достигнутых за Атлантическим океаном в области железнодорожного строительства. Локомотивы и железнодорожное оборудование стали одним из первых видов высокотехнологичного экспорта из США в Европу.

Первые опыты по использованию рельс для перевозки людей и грузов датируются еще колониальным периодом, но первая железнодорожная линия (“Baltimore and Ohio Railroad”) была открыта в США в Балтиморе (штат Мэриленд) в 1830 г., всего через пять лет после начала железнодорожной эпохи в самой продвинутой на тот момент в технологическом плане Великобритании.

Мотив, который побудил мэрилендцев к экспериментам, был тот же, что и у жителей Нью-Йорка с Пенсильванией – опередить соседей в установлении транспортного сообщения со Средним Западом. Однако в одном балтиморские строители просчитались: они решили использовать в качестве тягловой силы не паровозы, бывшие тогда в диковинку, а лошадей или даже паруса.

В результате мэрилендцев быстро опередили южные соседи. Первая железная дорога с регулярным сообщением на паровой тяге (“Charleston and Hamburg Railroad in South Carolina”) была запущена в Южной Каролине в 1831 г. И там с первых дней работал локомотив американского производства (“Best Friend of Charleston”), изготовленный в мастерских нью-йоркского Вест-Пойнта.

Свободные и равнинные пространства к западу от Аппалачских гор обеспечивали США объективное преимущество в железнодорожном строительстве по сравнению с густонаселенной Европой. В плане пригодности пространства для формирования железнодорожной сети с США за Атлантическим океаном могла соперничать, пожалуй, только Россия. Однако в России не было сопоставимого с США количества частных предпринимателей, а власти оказались гораздо менее расторопными в создании финансовых стимулов для деятельности частных железнодорожных компаний.

Уже через 10 лет после запуска первой линии США опережали все страны Европы вместе взятые по протяженности железных дорог (5300 против 3200 км). И это было только начало.

Считается, что стремительному развитию железнодорожной сети в Соединенных Штатах очень поспособствовала система земельных грантов, с помощью которых восполнялся недостаток оборотного капитала. Схема была удивительно простой и эффективной: так как огромные пространства земли в США в XIX в. были еще не освоены и принадлежали либо федеральным властям, либо правительствам штатов, их было решено использовать для финансирования железнодорожного строительства. Частная компания, обязавшаяся построить ветку железной дороги, получала в собственность полоску земли шириной в несколько миль вдоль железнодорожного полотна. Продав часть этих земель (или отдав их в залог), компания получала деньги, необходимые для строительства. Так как после сооружения железной дороги земля резко возрастала в цене, эти ранее никому не нужные и не подходящие для ведения сельского хозяйства участки превращались в самую прибыльную инвестицию. Правительство получало развитие инфраструктуры и введение новых территорий в экономиче-

ский оборот, не потратив из бюджета ни цента. На уровне штатов такая схема инвестиций применялась уже в 1830-е гг., первые федеральные земельные гранты стали выдаваться в 1850-х гг., а с 1860-х начался настоящий бум подобного строительства. В частности, четыре из пяти трансконтинентальных железнодорожных линий были построены именно благодаря федеральным земельным грантам.

Многие историки и экономисты сходятся во мнении, что строительство железных дорог не просто решило множество коммуникационных проблем, но и запустило стремительный экономический рост, через несколько десятилетий превративший США в лидера мировой экономики. В истории трудно отыскать примеры столь же эффективного превращения земельного фонда государства в инвестиционный капитал, стимулирующий развитие промышленности и сельского хозяйства. Государствам с огромной территорией определенно стоит внимательнее присмотреться к этому американскому опыту.

Помимо позитивного влияния на развитие США, железнодорожный бум имел и некоторые весьма негативные последствия. В частности, в том числе и из-за спора о том, где пройдет маршрут первой трансконтинентальной железнодорожной линии, в 1850-е гг. резко обострился конфликт между южными, рабовладельческими, и северными, свободными, штатами. Кризис вокруг территорий Канзас и Небраска в 1854 г. был спровоцирован желанием политиков из штата Иллинойс (в частности, С. Дугласа) как можно скорее заселить новые земли на западе и получить федеральный грант на железнодорожное строительство. Конечно, это было лишь поводом, а не подлинной причиной противостояния, приведшего к Гражданской войне 1861–1865 гг., но без ускорения экономического развития и транспортной революции шансы на мирное разрешение противоречий между Югом и Севером определенно были бы более высокими.

Развитие железных дорог также привело к стремительной трансформации американского общества, мечты отцов-основателей США о «республике свободных фермеров» окончательно рассеялись, Америка пошла по пути ускоренной индустриализации и урбанизации. Первые несколько десятилетий этой социально-экономической революции оказались крайне болезненными, эпоха «дикого капитализма» оставила глубокие шрамы в исторической памяти американцев. Социальные конфликты этой эпохи были в значительной степени завязаны именно на «железнодорожную» проблематику: рост цен из-за монополизации железнодорожных линий, коррупция при дорожном строительстве, сверх-

доходы «железнодорожных королей», стремительное социальное расслоение и т. п.

На рубеже XIX и XX вв. выяснилось, что Соединенные Штаты стоят на пороге очередной транспортной революции: железные дороги начали испытывать конкуренцию со стороны нового средства передвижения – автомобиля.

Интересно, что прологом к автомобильной революции в США послужило всеобщее увлечение велосипедами. В конце XIX в. на дороги Америки выехали миллионы велосипедистов – только лишь для того, чтобы убедиться, что дороги эти находятся в самом плачевном состоянии. Считается, что именно «велосипедное лобби» заставило американский Конгресс создать в 1893 г. «Бюро по улучшению дорог» при Министерстве сельского хозяйства. Вплоть до образования в 1967 г. отдельного Министерства транспорта это Бюро заведовало всем дорожным строительством в Соединенных Штатах.

Кроме удовлетворения запросов велосипедистов, ключевой целью выделения бюджетных денег на улучшение дорог считалось развитие «сельской Америки», в частности организация бесперебойного почтового сообщения с самыми отдаленными фермерскими хозяйствами.

Однако в первое время после начала сооружения новых дорог было не совсем понятно, кто и на чем будет по ним ездить. Несмотря на известную тягу к изобретательству, американцы в конце XIX в. заметно отставали от европейцев в плане разработки и производства автомобилей. Немцы Даймлер и Бенц в 1890-е гг. уже предлагали клиентам вполне пригодные для повседневного использования машины, а в США только-только начиналось проектирование собственных, часто весьма экзотических образцов. Бензиновые двигатели внутреннего сгорания поначалу казались американцам слишком непривычными, сложными и ненадежными: первые легковые автомобили с лейблом «сделано в США» ездили на энергии пара и электричестве (получается, что современная мода на велодорожки и электроавтомобили есть не что иное, как возрождение старой доброй американской традиции. Проектируя «Теслу», Илон Маск, видимо, внимательно изучал историю США).

Настоящий автомобильный бум охватил Америку в 1895 г. Поводом стал широко разрекламированный в газетах автопробег Париж–Бордо–Париж: Франция в то время обладала лучшей в мире сетью шоссе и считалась настоящей «автомобильной столицей». Вдохновленные французским примером, американцы начали организовывать собственные автопробеги,

патентное бюро было буквально засыпано заявками на разного рода автомобильные и околоавтомобильные изобретения. Производители велосипедов в срочном порядке перестраивали свои заводы для выпуска самодвижущихся трех-четырёхколесных машин (чаще всего снабженных электродвигателем). Именно в 1895 г. свой первый автомобиль предложил клиентам будущий «автомобильный король» Генри Форд.

В начале второго десятилетия XX в. от железнодорожных компаний начали поступать первые жалобы на конкуренцию со стороны автотранспорта. К середине 1920-х гг. многие железнодорожные линии оказались на грани разорения: пассажиров и грузы стало удобнее и дешевле перевозить на автомобилях. Однако, как и прежде, препятствием для дальнейшего развития автотранспорта служила малая протяженность и низкое качество шоссежных дорог.

Человека, который внес наибольший вклад в решение этой проблемы, знают немногие. Его звали Томас Макдональд, и он с 1919 по 1953 г. проработал бессменным руководителем федерального бюро дорожного строительства при Министерстве сельского хозяйства. За это время в США сменилось шесть президентов! Важнейшей заслугой Макдональда было формирование коллектива инженеров высочайшей квалификации, в руках которых постепенно были сосредоточены основные полномочия по проектированию общенациональной дорожной сети и созданию стандартов качества дорожного строительства. Многие привычные современным американцам вещи, вроде дорожной разметки, знаков, светоотражателей, системы съездов с автомагистралей и т. п., были предложены именно специалистами из бюро Макдональда.

С 1920-х гг. в дорожном строительстве в США стала активно использоваться техника: бульдозеры, экскаваторы, дорожные катки и асфальтоукладочные машины, многие из которых были впервые спроектированы американскими инженерами и произведены на американских заводах. Лидирующие позиции в данной сфере быстро заняла “Caterpillar Tractor Company” – бренд до сих пор хорошо известный во всем мире.

Так же, как и в случае с железными дорогами, быстрая автомобилизация Америки в эпоху «процветания» 1920-х гг. имела множество косвенных последствий, не связанных напрямую с транспортной функцией автомобилей. Например, поборники традиционной морали сразу же начали упрекать производителей авто в том, что их продукция разрушает вековые устои отношений внутри семьи, между полами, между родителями и детьми и т. п. Личный автомобиль не просто давал свободу передвиже-

ния, он стимулировал изменение образа жизни для тех социальных групп, кругозор которых раньше был по объективным причинам весьма ограничен. Самые серьезные перемены автомобиль привнес в жизнь молодых американцев, которые получили возможность уезжать из дома и проводить время среди сверстников без привычного родительского контроля. Американские женщины также почувствовали себя гораздо более свободно с наступлением автомобильной эпохи.

Сеть автомобильных дорог стала быстро обрастать специальной инфраструктурой, которая не была свойственна каналам или железнодорожным линиям. Вдоль шоссе начали строиться кемпинги, рестораны быстрого питания, шопинговые центры, мотели (само слово придумано в США в 1925 г.). Автомобильная промышленность в 1920-е гг. стала таким же драйвером развития американской экономики, как железные дороги в конце XIX в. Правда, в этот раз ускоренно развивались не металлургия и добывающая промышленность, а другие отрасли, прежде всего химическая, так как автомобили нуждались в топливе, резине для шин, разного рода синтетических материалах для моторов и отделки салона.

Широко известен факт привлечения американских безработных, пострадавших от последствий Великой депрессии 1930-х гг., к масштабному дорожному строительству. Вместе с тем американские власти, включая президента Франклина Делано Рузвельта, рассматривали расходование денег из федерального бюджета на строительство дорог как исключительную и временную меру. К моменту вступления США во Вторую мировую войну в 1941 г. Америка все еще значительно отставала от европейских стран по качеству своей дорожной сети.

После окончания войны проблема плохих дорог снова вышла на передний план. В 1950-е гг. автомобиль окончательно превратился в настоящий символ Америки. Выпускаемые в это время огромные и пожирающие немыслимое количество топлива модели американских авто отражали дух эпохи эйзенхауэровского процветания. Эти монстры с маленьким дорожным просветом нуждались в ровных и широких дорогах.

Нужно было срочно найти деньги на строительство новой общенациональной транспортной системы. С конца 1930-х шли эксперименты по строительству платных дорог, но прибыль от них не обеспечивала поступления инвестиционных средств в нужном объеме. К тому же необходимость платить за проезд вызывала широкое общественное недовольство. В 1956 г., после многолетних дискуссий, Конгресс США одобрил план финансирования,

который устроил всех: было решено тратить все косвенные налоги, собираемые с продаж бензина, шин и других автомобильных товаров, исключительно на строительство и ремонт дорог. В результате 90% стоимости строительства системы межштатных магистралей (всего около 800 млрд долл. в ценах 2019 г.), которое началось в 1950-е гг. и завершилось в 1990-е гг., было покрыто из федерального бюджета.

В XX в. в США возникла еще одна транспортная система, совершившая очередную революцию в области покорения людьми пространства и времени. Речь идет об авиации. Приоритет в создании и испытании самодвижущегося аппарата тяжелее воздуха принадлежит американцам, братьям Вилбуру и Орвиллу Райт. 17 декабря 1903 г. Орвилл Райт сумел поднять аэроплан над землей на ровном побережье у Китти Хоук в Северной Каролине и пролететь 40 м за 12 секунд. В тот же день Вилбур сумел совершить более продолжительный, 60-секундный полет. Интересно, что братья Райт до увлечения авиацией занимались производством и продажей велосипедов. Не будет преувеличением сказать, что велосипед лежит в основе всех американских транспортных инноваций XX века!

Несмотря на приоритет в строительстве первого аэроплана, после полетов братьев Райт США на несколько десятилетий уступили лидерство в этой сфере европейским конкурентам. Особенно большую роль здесь сыграла Первая мировая война, в ходе которой в Европе были созданы новые модели аэропланов и дирижаблей, специально приспособленные для решения боевых задач. После того, как США вступили в войну на стороне Антанты в 1917 г., тысячи американских летчиков отправились за океан, но воевали они на британских, французских и итальянских аэропланах.

Именно во время Первой мировой войны в США было создано правительственное агентство по аэронавтике (National Advisory Committee for Aeronautics – NASA, 1915 г.), которое в последующие годы сыграло ключевую роль в разработке новых авиатехнологий. В Лэнгли, штат Вирджиния, был построен исследовательский центр, где с помощью немецких специалистов соорудили огромную трубу для аэродинамических испытаний. В 1930-е гг. благодаря правительственным и частным усилиям авиапром США вышел на лидирующие позиции в мире. Наибольшую известность приобрели самолеты корпорации «Дуглас» (DC-2, DC-3) и «Боинг» (B-247). В 1930–1940-е гг. дугласовские самолеты выглядели привлекательнее: они могли взять на борт больше пассажиров (21 место в модели DC-3) и летали без посад-

ки на более далекие расстояния (до 2,4 тыс. км). К 1938 г. самолеты DC-3 осуществляли 95% всех воздушных перевозок в США и активно продавались за рубеж. В 1939 г. 90% всех транспортных самолетов в мире были произведены на конвейерах американской фирмы «Дуглас»! Во время Второй мировой войны это доминирование американской транспортной авиации только укрепилось, что создало благоприятную почву для послевоенной глобальной экспансии американского авиапрома.

Внутри США практически все ныне функционирующие авиакомпании, такие как “United Airlines”, “American Airlines”, “Delta Airlines” и др., возникли в середине 1920-х гг., когда правительство США передало в частные руки государственную почтовую авиаслужбу. Приблизительно в это же время (20–21 мая 1927 г.) состоялся знаменитый беспосадочный перелет американского пилота Чарльза Линдберга из Нью-Йорка в Париж. Фурор, произведенный этим событием в американском обществе, можно сравнить с эйфорией, охватившей граждан СССР после полета Юрия Гагарина в космос в 1961 г. Хотя перелеты через Атлантический океан осуществлялись и до Линдберга, он первым сумел это сделать в одиночку и без промежуточных посадок. Одномоторный моноплан, на котором Линдберг пересек Атлантику за 33 с половиной часа, был изготовлен в Сан-Диего (штат Калифорния). Таким образом, не только пилот, но и его самолет символизировали успех американского технического гения. В Париже, на аэродроме Ля Бурже, Линдберг был встречен 150-тысячной толпой. В свои всего лишь 25 лет Чарльз Линдберг стал самым известным в мире американцем.

Условной датой, когда дальние авиаперелеты перестали выглядеть опасной экзотикой в глазах простых жителей США, можно считать 1940 год: в это время рыночная стоимость страхования авиапассажиров сравнялась со стоимостью страхования жизни пассажиров железных дорог. Война замедлила развитие рынка коммерческих пассажирских перевозок, но после ее завершения авиатранспорт вступил в эпоху бурного развития: по железнодорожному сообщению в США был нанесен еще один мощный конкурентный удар. К 1957 г. самолеты перевозили больше американцев, чем железные дороги и автобусы вместе взятые. С тех пор приоритет авиатранспорта остается характерной чертой американской транспортной системы.

Корпорация «Боинг» после Второй мировой войны сумела опередить «Дуглас» и захватить лидерство в области авиастроения внутри США и в глобальном масштабе. Это произошло благодаря разработке новых моделей самолетов с реактивными

двигателями: сначала В-707, а в 1969 г. – В-747. Внешний вид и дизайн интерьера последнего до сих пор остается базовым для всего мирового авиатранспорта, в том числе произведенного за пределами Соединенных Штатов.

Налаживание в 1950-е гг. стабильного, безопасного и доступного по цене трансокеанского авиасообщения, которое стало возможным, в значительной степени, благодаря американским техническим разработкам и бизнес-моделям, совершило настоящий переворот в самовосприятии человечества. Земное пространство сжалось, преодоление расстояний между разными континентами стало на порядок более простым предприятием, чем путь из поместья Томаса Джефферсона в горах Вирджинии в столичный Вашингтон в конце XVIII в. Всего за 200 лет Соединенные Штаты пережили четыре транспортных революции: от строительства каналов и железных дорог к распространению автомобилей и авиасообщения. При этом новые технологии не вытесняли предыдущие, а лишь дополнительно расширяли горизонт американцев, создавали для них новую пространственно-временную систему координат.

Стоит ли нам в ближайшее время ждать появления какой-то новой технологии преодоления больших расстояний? Станут ли Соединенные Штаты флагманом в распространении этой новой гипотетической технологии? Ответов на эти вопросы пока нет. Мы видим, что страны – технологические конкуренты США – в большей степени заняты усовершенствованием известных транспортных систем, а не разработкой чего-то принципиально нового. Вместе с тем высокоскоростные поезда (в том числе на магнитной подушке), которыми так гордится сегодня Китай, пожалуй, только внешне похожи на привычные нам железнодорожные составы. В США строительство подобных транспортных линий практически не ведется, и турист, прибывший в Америку из Восточной Азии, может сегодня, подобно европейцам, посетившим британские колонии в XVIII в., начать сетовать на американскую отсталость. Однако для самих американцев отсутствие высокоскоростного наземного транспорта вполне компенсируется прекрасным развитием авиасообщения.

Американский опыт развития транспорта показывает: появление по-настоящему новой, революционной технологии в данной сфере всегда влечет за собой не просто ускорение сообщения между условными точками в пространстве, но и важные, часто кардинальные перемены в политике, экономике, социальной и повседневной жизни. Американцы на протяжении всей истории демонстрировали удивительную склонность и готовность к из-

менениям: это можно назвать одной из черт американского национального характера. Неутомимая борьба за контроль над пространством и временем внесла огромный вклад в формирование американской цивилизационной идентичности.

Для дальнейшего изучения

Шпотов Б.М. Генри Форд: жизнь и бизнес. М., 2003.

Ambrose S. Undaunted Courage: Meriwether Lewis, Thomas Jefferson, and the Opening of the American West. N.Y., 1997.

Bilstein R. Airplanes // A Companion to American Technology / Ed. by C. Pursell. Malden, 2008. P. 255–275.

History of the United States of America During the Administrations of Thomas Jefferson. N.Y., 1986.

Seely B. The Automotive Transportation System: Cars and Highways in Twentieth-Century America // A Companion to American Technology / Ed. by C. Pursell. Malden, 2008. P. 233–255.

Williams J. The American Industrial Revolution // A Companion to American Technology / Ed. by C. Pursell. Malden, 2008. P. 31–55.

Электронные ресурсы

История железных дорог США [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=5Fgkme0M5ek> (дата обращения 25.05.2021).

Машины, которые создали Америку. Серия 1. Ч. 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://dokonlin.ru/video/mashiny-kotorye-sozdali-ameriku-1-serija.html> (дата обращения: 25.05.2021).

Машины, которые создали Америку. Серия 1. Ч. 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://dokonlin.ru/video/mashiny-kotorye-sozdali-ameriku-1-serija-14-31.html> (дата обращения 25.05.2021).

Обнять весь мир: Гражданская авиация после 1945 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=RTN9pDiOr6A> (дата обращения 25.05.2021).

The Erie Canal. Строительство канала Эри [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=XEpRB8D5wo4> (дата обращения 25.05.2021).

Тема 3. Бум изобретательства в Америке XIX века: создание современного мира повседневных вещей

На протяжении всего XIX в. США, следуя заветам отцов-основателей, не принимали активного участия в политической жизни Европы, лишь изредка напоминая о себе в ходе наиболее острых кризисов. Репутация у Америки была двойственная: с одной стороны, европейцы признавали уникальность политической системы США, отдавали должное американской предприимчивости, но с другой – не считали Соединенные Штаты страной первого ранга, способной как-то существенно повлиять на судьбу западной цивилизации. Предполагалось, что настоящие изменения, реформы, новые идеи, течения в искусстве могут рождаться только в Старом Свете, а все, на что способны американцы – это придумывать, как с помощью этих европейских идей «делать деньги», достигать материального благополучия.

Однако оценивая ситуацию с позиции нашего времени, необходимо признать, что предприимчивые американцы XIX в. не просто сколачивали состояния и «продавали душу желтому дьяволу». Даже если это и было во многих случаях основным побуждающим мотивом их поведения, побочным продуктом такой активности стало создание мира вещей, инструментов, машин и материалов, которые по сей день составляют основу нашей повседневной жизни. Внимательное изучение окружающего материального мира позволяет заметить не только очевидные, связанные с Америкой вещи-символы, такие как джинсы, кока-кола или жевательная резинка, но и множество других предметов обихода, придуманных и пущенных в широкий оборот в Америке XIX столетия.

Происхождение самых обыкновенных вещей, которые, как может показаться, существовали всегда и не нуждались ни в каких изобретателях, можно в деталях проследить благодаря хорошо отлаженной американской патентной системе. Практически все, что приходило в голову предприимчивым янки, сохранилось в архивах патентного офиса США и сегодня легко доступно для

изучения всем желающим в электронном виде. XIX век стал свидетелем настоящего патентного бума. А многие окружающие нас предметы обихода были придуманы в Америке и в еще более ранние времена, начиная с середины XVIII в.!

Убедиться в этом можно, в буквальном смысле не вставая со стула. С вращающегося стула, на котором в XXI в. так удобно сидеть перед экраном компьютера. Весьма символично, что этот непреходящий атрибут интернет-эпохи был придуман в один год с Декларацией независимости США (т. е. в 1776 г.), и не кем-нибудь, а ее основным автором, Томасом Джефферсоном! Более того, по некоторым сведениям, именно сидя на таком стуле собственного изготовления, Джефферсон и составлял черновики будущего исторического документа.

Кстати говоря, если бы он занялся этим делом спустя сто лет, работать с бумагами отцу-основателю было бы гораздо удобнее. В 1867 г. Сэмьюэл Фэй запатентовал проволочную скрепку, которая изначально была не очень похожа на привычный нам товар из ассортимента канцелярских магазинов, но выполняла ту же функцию. Спустя три года одна из британских компаний начала выпускать скрепки с сохранившимся до наших дней дизайном, но приоритет изобретения все равно остается за США.

Писать и исправлять написанное Джефферсону было бы также легче с помощью изобретения 1858 г. – карандаша со стирательной резинкой на конце. И не стоит думать, что это сущий пустяк: автор патента, Хьюмен Липман, продал свои права на него в 1862 г. (в разгар Гражданской войны!) за 100 тыс. долл.

Впрочем, Джефферсон обычно писал не карандашом, а гусиным пером, которое трудно встретить сегодня среди наших канцелярских принадлежностей. Зато на современном письменном столе наверняка найдется одна или несколько шариковых ручек. Патент на использование стержня с чернилами и шариком на конце был получен американцем Джоном Лаудом в 1888 г.: первоначально новый инструмент предназначался для надписей на грубых поверхностях, таких как дерево, кожа или ткань. Лауду, в отличие от Липмана, не удалось разбогатеть благодаря своему изобретению: созданные им опытные образцы были слишком неуклюжими для письма на бумаге. Только в 1938 г., после создания формулы специальных загущенных чернил, появилась современная шариковая ручка – ее запатентовал в Великобритании венгерский журналист Ласло Биро.

Прежде чем все же отойти от письменного стола и продолжить изучение американской материальной цивилизации, обратим внимание на компьютерную клавиатуру. Что в этом не-

пременном атрибуте современной эпохи может вести свое происхождение из Америки XIX в.? Конечно же, расположение латинских клавиш. Пишущая машинка как таковая не может считаться американским изобретением, но первый коммерчески успешный ее образец, так называемый Remington No. 1, начал выпускаться в США в 1874 г. и имел клавиатуру, верхний ряд которой начинался с QWERTY. Такой порядок букв позволял сократить число заеданий механизма, так как часто используемые сочетания клавиш были разнесены на разные стороны клавиатуры. Как и все остальные инновации в Америке, эта комбинация клавиш была запатентована (1873). Имя человека, которому мы обязаны тем, что пользуемся сочетанием QWERTY, а не каким-либо иным – Кристофер Шоулз. В молодости он был довольно известным политиком в штате Висконсин, заседал в местном сенате, а после Гражданской войны стал владельцем одной из газет. Идея начать работу над усовершенствованием печатной машинки пришла ему в голову после забастовки типографских рабочих-наборщиков, чуть было не погубившей его издательский бизнес.

Следующим после письменного стола местом сосредоточения артефактов американской материальной цивилизации в наших домах является кухня. Начнем с самого простого – с пакетов, в которых мы приносим продукты из магазина (кстати, если это магазин самообслуживания, где покупатели сами берут продукты с полок и оплачивают их на кассе – это тоже американское изобретение, правда зарегистрированное в патентном бюро немного позже интересующего нас XIX в., в 1916 г.). Из соображений охраны окружающей среды, по всему миру сейчас идет борьба за отказ от полиэтиленовых пакетов в пользу более экологичных бумажных. Если вы думаете, что уж что-то, а бумажный пакет придумали, по крайней мере, сразу вместе с бумагой – вы глубоко ошибаетесь. Машина для изготовления бумажных пакетов современного дизайна была изобретена только в 1868 г. Маргарет Найт, которую часто называют самой известной женщиной-изобретателем США XIX в. В 1871 г., после нескольких лет судебных тяжб с Чарльзом Эннаном, который пытался присвоить себе права на машину Найт, ей удалось зарегистрировать патент (US109224). Это был первый патент за всю историю патентного бюро США, врученный женщине. Доходы с продажи бумажных пакетов позволили Маргарет Найт посвятить остаток жизни столь любимому ей техническому творчеству и изобретательству.

После 1868 г. предприимчивым американцам понадобилось еще около десяти лет для того, чтобы сделать следующий шаг, кажущийся нам теперь совершенно простым и естественным: со-

здать машину, складывающую и склеивающую не бумажные пакеты, а картонные коробки. Современная картонная коробка, изготовленная с помощью специального пресса, появилась на свет в 1879 г. в нью-йоркском районе Бруклин, на фабрике, принадлежавшей Роберту Гэйру. Как и идеи многих других изобретений, идея «коробочной машины» пришла в голову Гэйру благодаря случайному стечению обстоятельств: рабочий неправильно настроил станок, и тот вместо склеивания бумажных пакетов начал их надрезать. До этого инцидента, отправившего в брак 20 тысяч пакетов, надрезанием картона для изготовления коробок на фабриках Гэйра занимались десятки рабочих. Теперь все они были уволены, а Гейр стал счастливым обладателем крайне выгодного патента.

Американские изобретатели XVIII–XIX вв. изрядно поработали не только над формой пакета, но и над его содержимым. Печенье-крекер придумал аж в 1792 г. Джон Пирсон из Массачусетса, который первым начал торговать сухими хлебцами-галетами. Этот продукт моментально приобрел огромную популярность среди моряков, так как хорошо сохранялся во время долгих плаваний. Более современно выглядящая разновидность крекера появилась в 1829 г., когда пресвитерианский проповедник Сильвестр Грэм в поисках продукта, разнообразящего постное меню, начал выпекать в домашней пекарне «хлеб Грэма» в виде небольших квадратных пластинок с множеством дырочек.

Картофельные чипсы впервые предложил посетителям своего ресторана чернокожий повар с африкано-индейскими корнями из городка Саратога, штат Нью-Йорк, Джордж Крам в 1858 г. Слава «Чипсов из Саратоги» скоро стала греметь по всей Америке, а Крам превратился, как сказали бы сейчас, в «медийную фигуру».

Сгущенное молоко – еще один изобретенный в Америке продукт. В 1856 г. Гейл Борден получил патент на машину, превращающую молоко в продукт долгого хранения, что произвело настоящую революцию в сельском хозяйстве того времени. По словам биографов Бордена, идея производства сгущенного молока пришла ему в голову на борту корабля, на котором он возвращался из поездки в Европу. Коров, которых было принято тогда возить с собой для обеспечения пассажиров свежими молочными продуктами во время длительного плавания, прямо посреди Атлантического океана охватила эпидемия. Пытавшийся до этого случая разбогатеть на торговле вяленым мясом, Борден внезапно осознал, что потребность людей в сгущенном молоке является гораздо более очевидной. Так оно и вышло, изобретенная техноло-

гия пришлось как нельзя кстати, и во время Гражданской войны 1861–1865 гг. армии Севера закупали огромное количество сгущенного молока с фабрик Бордена, что сделало его весьма состоятельным человеком.

Список американских кулинарных изобретений можно было бы легко продолжить, но давайте лучше посмотрим на кухонную утварь и технику, где тоже обнаруживается много следов американского изобретательского бума. Пройдемся по самым обыденным вещам, например, таким, как солонки и перечницы. Да-да, на эти небольшие емкости с завинчивающимися крышками в США тоже был выдан патент: в 1858 г. его счастливым обладателем стал Джон Лэндис Мэйсон. «Банки Мэйсона» отличались от существовавших раньше стеклянной резьбой и металлической крышкой (уплотнительная резинка была добавлена и отдельно запатентована в 1870 г.). Солонки с перечницами были только одной из разновидностей применения такого универсального изделия, которое с конца 1870-х гг. породило в США настоящий бум домашнего консервирования. Однако это произошло только после истечения 17-летнего срока патента Мэйсона: изобретатель оказался не слишком предприимчивым человеком, и вместо того, чтобы широко развернуть производство своих банок, провел эти годы в судах, тщательно оберегая ноу-хау от недобросовестных конкурентов. В результате он так и не разбогател, проработав всю жизнь простым бухгалтером.

Еще одна простейшая вещь, трубочка для коктейлей, также является патентованным продуктом. Хотя, по утверждениям археологов, еще древние шумеры любили тянуть пиво через соломинку, только в период бума американского изобретательства трубочка превратилась в товар фабричного производства. Для этого понадобилось всего лишь найти способ, чтобы бумажная трубочка, опущенная в напиток, не размокала (пластмасса тогда еще не была изобретена). В 1888 г. владелец сигаретной фабрики Марвин Стоун получил патент на трубочки, сделанные из вощенной бумаги. И уже через два года большую часть доходов Стоун получал не от продажи сигарет, а от продажи своих «трубочек Стоуна».

Похожее происхождение имели также формочки для теста (1875), многоразовые пробки для бутылок (1892), консервный нож (1870), гибриды вилки и ложки (1874), вилки и ножа (1891 – для использования на фуршетах, когда одна рука занята тарелкой), салфетки и туалетная бумага в рулонах (1857) и даже ложки для сервировки мороженого в виде шариков (1897).

Стремление преобразовать привычные вещи и наделить их какой-то новой функцией, сделать повседневные операции более

простыми и эффективными выросло у американцев из осознания возможности быстрого превращения простых идей в товар, продукт массового спроса, способный сделать его изобретателя богатым и знаменитым. Американский изобретательский бум XIX в. был порождением экономического бума, возник в уникальной атмосфере неограниченных возможностей, отличавшей США от всех других стран.

Конечно же, огромный стимул американскому изобретательству придало начало использования в быту электроэнергии в 1870–1880-е гг., этой теме мы посвятим отдельную лекцию. Сейчас же, покидая кухню в рамках нашей экскурсии, отметим лишь два электрических прибора, изобретенных в США уже в XIX в. и изменивших жизнь американских домохозяек: посудомоечную машину и электрическую плиту.

Первая, еще деревянная, посудомоечная машина с ручным приводом была запатентована Джоэлом Хафтоном из штата Нью-Йорк в 1850 г., но всерьез о новой технологии заговорили только после патента 1886 г., выданного Джозефин Кокрэйи. Джозефин была состоятельной дамой, имевшей большую коллекцию дорогой посуды, и ей хотелось сократить ущерб, происходящий от постоянного битья тарелок и чашек в руках нерадивых слуг. С помощью механика Джорджа Баттерса она сконструировала агрегат, приводимый в движение электромотором, который спустя несколько лет получил главный приз на Всемирной выставке в Чикаго (1893). Впрочем, по-настоящему широкое распространение в домах простых американцев посудомоечные машины получили лишь много десятилетий спустя, в 1970-е гг.

Предприимчивый американец Джордж Симпсон умудрился запатентовать электрическую плиту за несколько десятилетий до того момента, когда электроэнергия стала доступна для простых потребителей. В 1859 г. он предложил использовать электроэнергию для «обогрева комнат, кипячения воды и приготовления пищи». Массивная металлическая пластина должна была, по замыслу Симпсона, нагреваться от платиновой проволоки, через которую пропускался ток от больших батарей (батареи были в то время единственным имеющимся источником электроэнергии). Естественно, никакого практического значения этот патент иметь не мог, и настоящим изобретателем электрической плиты сегодня принято считать канадца Томаса Эйхерна (1892). Тем не менее имя Симпсона также не забыто, а его изобретательский приоритет закреплен печатью американского патентного офиса.

Количество вещей, изобретенных американцами и обнаруженных нами на письменном столе и на кухне, уже превосходит

все мыслимые пределы, а ведь мы еще не заглядывали в другие уголки нашего дома. Давайте и здесь не будем обращать внимание на очевидные вещи вроде электрических утюга и вентилятора (оба этих прибора запатентованы в США в 1882 г.), центрального отопления (1877), а посмотрим на что-нибудь совсем не похожее на продукт утонченной технической мысли. Например, гладильную доску. Патент на нее получили в 1858 г. сразу два почтенных жителя Нью-Йорка: Уильям Ванденберг и Джеймс Харви. История не сохранила свидетельств об обстоятельствах внедрения этого замечательного изобретения: похоже, никаких заметных денег на продажах гладильной доски заработать не удалось.

А вот изобретатель мухобойки, Роберт Монтгомери, в самом начале XX в. сумел быстро найти покупателя на свой патент, зарегистрированный в январе 1900 г.: новым приспособлением заинтересовался Джон Беннет, промышленник и изобретатель. Мухобойки Беннета с «улучшенным дизайном» настолько понравились американцам, что даже были упомянуты в его некрологе в 1966 г. (вместе с изобретенными им жестяными пивными банками).

Особый интерес американские изобретатели XIX в. проявили к проблеме борьбы с грызунами. Судя по количеству патентов на различные типы мышеловок, ущерб, наносимый этими мелкими вредителями, был действительно серьезным. Мышеловку классического и до сих пор повсеместно используемого типа придумал и запатентовал в 1894 г. Уильям Хукер из Иллинойса. Англичанин Джеймс Аткинсон пять лет спустя слегка усовершенствовал принцип мышеловки Хукера (теперь она срабатывала не от давления на рычаг, а от дерганья за наживку), что создало повод для многолетних споров между англичанами и американцами – кто же все-таки первым изобрел современную мышеловку. К XXI в. страсти, похоже, немного улеглись и слава Хукера как первопроходца борьбы с грызунами ничто больше всерьез не угрожает.

Еще одно фундаментальное бытовое приспособление, бельевая прищепка с пружиной, было запатентовано жителем Вермонта Дэвидом Смитом в 1853 г. В небогатой событиями жизни изобретателя биографы отмечают одну трогательную деталь: в минуты размышлений о несовершенстве окружающего его быта Смит любил брать в руки скрипку и наигрывать разные простые мелодии. В один из таких сеансов, который, видимо, проходил на фоне сохнущего белья, на Смита и снизошло озарение. Впрочем, как и в случае с мышеловкой, дизайн прищепки еще долго оттачивался и усовершенствовался, пока в 1887 г. Солон Мур не произвел на свет изделие, в точности похожее на то, которое

можно обнаружить на прилавках современных хозяйственных магазинов.

Даже там, где придумывать, казалось бы, совсем уж нечего, американцы XIX в. продолжали усердно и творчески размышлять и не забывали приносить результаты своих размышлений в патентный офис. В богатом на изобретения 1858 г. среди прочих был зарегистрирован патент #20,811 – на совок для мусора. В документах сохранилось имя изобретателя: Томас Макнейл из Филадельфии. Ноу-хау состояло в особой форме совка, препятствующей скатыванию мусора при обратном движении метлы. Спустя несколько десятилетий, в 1897 г., чернокожий изобретатель Ллойд Рэй дополнил совок новым важным атрибутом: длинной ручкой. Теперь сметать мусор можно было не нагибаясь.

Но пора нам уже выйти из дома на улицу. Сняв одежду с привычных нам плечиков (патент США 1869 г.) и застегнув молнию (патент США 1893 г.) – также можно надеть джинсы (1873) и ковбойскую шляпу (1865) – прогуляемся по окружающей территории. Тут, конечно, трудно будет миновать классику американского изобретательства – громоотвод Бенджамина Франклина (1749), а также пожарный гидрант (1801). Примечательно, что оба этих приспособления не оставили следов в патентном офисе: Франклин принципиально отказывался регистрировать свои изобретения, считая их достоянием человечества, а патент изобретателя пожарного гидранта Фредерика Граффа был уничтожен... пожаром в 1836 г., вместе с тысячами других первых американских патентов.

Раз уж речь зашла о пожарах и прочих угрозах безопасности, надо отметить, что данная тема всегда была в центре внимания изобретательных американцев. Все мыслимые виды сигнализаций: от охранной до пожарной, включая разнообразные датчики дыма и протечек воды, автоматические пожаротушители – все это было запатентовано в США в XIX в. Даже противогаз, который стал зловещим символом Первой мировой войны после печально знаменитых газовых атак, был придуман задолго до этого, в 1847–1849 гг., американцем Льюисом Хаслетом, для совершенно мирных задач очистки вдыхаемого воздуха от пыли. Принципиальным отличием от изобретенного еще в XVIII в. во Франции респиратора было присутствие двух клапанов, для вдыхаемого и выдыхаемого воздуха (наружный воздух пропускался через фильтр).

Больше всего удивительных открытий о всепроникающем характере американской материальной цивилизации ждет нас, конечно же, в механической мастерской. Мастерская, как и кухня –

это настоящее средоточие американских артефактов XIX в. Просто перечислим некоторые инструменты, придуманные в США: циркулярная пила (1813), фрезерный станок (1816), отбойный молоток (1849), водопроводный ключ (1869), гаечный ключ со сменными насадками (1863), пескоструйная машина (1870), аэрограф (1876), сверло по металлу (1861), гибкая измерительная лента (она же рулетка – 1868). Особняком стоит швейная машинка (1833), которая сыграла совершенно исключительную роль в развитии Америки, да и всего мира. Кроме того, этот инструмент, наряду с печатной машинкой, с момента изобретения имел очень четкую гендерную принадлежность, предназначался для женщин, а не для мужчин (при этом среди многочисленных американских патентов XIX в., связанных с совершенствованием швейной машинки, женских имен нам найти не удалось).

Собранные вместе, запатентованные в США в XIX в. технические новинки составили бы достаточно полный ассортимент современного магазина инструментов. Даже странно, что никто не использует этот очевидный маркетинговый ход: открыть магазин, торгующий исключительно товарами, изобретенными в США. Причина, наверное, состоит в том, что покупателю пришлось бы уйти из него без молотка, гвоздей и отвертки: эти полезные приспособления появились все же несколько раньше начала американского изобретательского бума.

Продолжая наше путешествие по миру американских технических артефактов, выйдем на дорогу, и наверняка довольно скоро на нашем пути встретится мост – одно из древнейших используемых человеком искусственных сооружений. Американские изобретатели в XIX в. зарегистрировали несколько патентов на разнообразные виды мостов, в том числе собранных из металлических ферм. Один из таких патентов получил в 1840 г. инженер и архитектор Уильям Хау: его проект был использован, в частности, в России, при строительстве железной дороги Санкт-Петербург–Москва (открыта в 1851 г.). Эти мосты до сих пор соединяют берега Обводного канала в Петербурге и носят название «Американских».

Так как Соединенные Штаты в XIX в. опередили весь мир в области железнодорожного строительства, множество разработанных тогда в Америке технических решений используется до сих пор. В частности, спальный «Пульмановский» вагон (1867) стал первым в мире массово выпускаемым комфортабельным вагоном для железнодорожных перевозок. Вагон-рефрижератор, первоначально заправляемый для охлаждения глыбами льда, был придуман в Чикаго в 1877 г., что окончательно превратило

этот город в «мясную столицу» Соединенных Штатов. Огромные стада коров набирали вес на просторах Великих равнин, затем доставлялись в Чикаго на знаменитые мясобойни, а готовые мясные продукты развозились в вагонах-рефрижераторах во все уголки страны.

Другие важные американские железнодорожные изобретения: воздушный тормоз системы Джорджа Вестингауза (1872) и механизм сцепления вагонов (1873). Оба приспособления активно используются на железнодорожном транспорте по сей день.

Из знаковых изобретений, относящихся к другим видам транспорта, стоит упомянуть бензоколонку, придуманную в 1885 г. Сильванусом Боузером из Индианы. Интересно, что станции заправки бензином и керосином стали появляться в США лет за 10–15 до того, как автомобиль получил сколько-нибудь широкое распространение. В клиентах, тем не менее, не было недостатка: керосин и другие нефтепродукты тогда еще активно использовались для освещения, электрическая лампочка Эдисона (1879) только начинала свое триумфальное шествие по миру.

Среди многочисленных изобретений американцев, относящихся к сфере сельского хозяйства, назовем только два: зерноуборочный комбайн (1834) и трактор. Изобретателем комбайна (во всяком случае человеком, первым запатентовавшим эту идею) считается Хирам Мур, хотя на страницах учебников истории гораздо чаще встречается другое имя: Сайрус Маккормик, который в том же 1834 г. запатентовал механическую молотилку на конной тяге. Именно Маккормик сумел создать знаменитую на весь мир компанию по производству сельскохозяйственных машин – “McCormick Harvesting Machine Company”, с 1902 г. ставшую частью еще более знаменитой “International Harvester”.

Что касается трактора, первый такой агрегат с бензиновым двигателем внутреннего сгорания был изготовлен в 1892 г. в Айове американцем немецкого происхождения Джоном Фрелихом.

Перебравшись из сельской местности в город, мы сразу обнаружим такую классику американской архитектуры XIX в., как небоскребы. Первый «небоскреб» (10-этажное здание страховой компании) был построен в Чикаго в 1884 г. Строительство домов на металлическом каркасе стало возможным благодаря прогрессу в области сталелитейной промышленности, но кроме стен из новых материалов небоскребы нуждались и в множестве других оригинальных технических решений для того, чтобы быть пригодными для использования. В частности, нужны были быстрые и безопасные лифты. Лифт с электромотором был создан в Германии в 1880 г. Вернером фон Сименсом, но усовершенствовал и

превратил его в удобный для использования механизм американец Фрэнк Спрэйг в начале 1890-х гг. Тормоз же для лифта был придуман гораздо раньше, в 1852 г., американцем Элиша Отисом, основателем знаменитой компании, до сих пор производящей первоклассные лифты. Кстати говоря, первым способом зарабатывания денег для Отиса стала организация аттракциона: он поднимал любителей острых ощущений на специальной платформе, снабженной тормозом его конструкции, и отправлял их в захватывающее дух, но безопасное свободное падение.

Сфера развлечений и разнообразных хобби пользовалась особым вниманием американцев. Собственно, с этого и началась история американского изобретательства: еще в 1717 г. 11-летний Бенджамин Франклин, будущий отец-основатель США, несказанно удивил своих друзей, появившись на пляже в невиданных тогда ластах собственной конструкции.

В XIX в. американское патентное бюро зафиксировало такие инновации в области хобби и развлечений, как колесо обозрения (1891), решетка для барбекю (1836), санки с рулем (1889), игровой автомат «однорукий бандит» (1887), кинетоскоп (1888) и кинопроектор (1890-е), сухие фотопластинки (технология массового производства – 1879) и в качестве кульминации – фотокамеру Кодак с роликовой фотопленкой (1888), которую после съемки 100 кадров можно было по почте отправить в мастерскую и через короткое время получить назад напечатанные фотографии вместе с заново заправленной и готовой к съемке камерой.

Значительный вклад был внесен американцами XIX в. в разработку новых материалов (вулканизация резины, колючая проволока, клейкая лента), а также медицинских технологий (эфир для анестезии, одноразовые перчатки, растворимые пилюли, электрическая бормашина). Все эти инновации не были плодом длительных научных экспериментов, не требовали математических расчетов или сложных теорий. Самым распространенным методом работы американцев был метод проб и ошибок. Известно, например, что изобретатель вулканизации резины, Чарльз Гудьир, потратил несколько лет на то, чтобы найти вещество, при соединении с которым каучук приобретает способность не таять на жаре и не затвердевать на морозе. А в итоге открытие (патент 1844 г.) состоялось, только когда кусочек каучука, смешанного с серой, случайно попал на горячую поверхность плиты. Не формулы и теоретические размышления, а здравый смысл и удача были путеводными звездами изобретательных американцев XIX в.

Наверно, приведенных примеров будет достаточно для того, чтобы убедиться в справедливости утверждения: американская материальная цивилизация XIX в. привнесла очень многое в современную повседневную жизнь. Научные открытия и высокие технологии XX–XXI вв., в которых также активно участвовали американцы, несколько заслонили мир повседневных вещей, отодвинули его на второй план: никому сегодня не придет в голову рассматривать мухобойку или открывашку для консервов в качестве оригинального технического решения, требующего особой изобретательности и креативности. Однако это стало возможным только потому, что Соединенные Штаты в XIX в. первыми прошли путь, по которому в дальнейшем пошли все остальные страны мира. Образ «янки-изобретателя», который начал формироваться в Европе в 1820-е гг. после строительства канала Эри, постоянно подпитывался известиями о новых простых, но в то же время удивительных вещах, до которых, опередив консервативных европейцев, додумались американцы (или, по крайней мере, первыми додумались оформить свои изобретения в виде патента). Очевидно, что объяснение этого феномена нужно искать не в каких-то особенных индивидуальных качествах американских изобретателей: многие из них были иммигрантами в первом или втором поколении, т. е., по сути, теми же европейцами, а в социально-политической и социально-экономической среде, в которой они совершали свои поразительные открытия. В XIX в. в Северной Америке начал возникать новый мир, во многом не похожий на известные в истории образцы, и этому новому миру срочно нужна была соответствующая материальная оболочка в виде вещей, инструментов, механизмов и т. п. Американские изобретатели, движимые неудержимой жадностью успеха и процветания, создали эту оболочку, и она продолжает служить людям, хотя обстоятельства нашей жизни постепенно меняются и может быть скоро потребуют, в том числе, и изменения фундаментальных основ материальной повседневной культуры. Кое-что, вроде пишущей машинки или «плуга Джефферсона», уже переместилось на музейные стенды, а что-то претерпевает коренную модернизацию, лишь отдаленно напоминая ранние американские прототипы (например, посудомойка или пылесос). Рано или поздно человечество войдет в очередную эпоху быстрых изменений материальной культуры, но пока, в определенном смысле, все мы продолжаем жить в Америке XIX в.

Для дальнейшего изучения

Брайсон Б. Сделано в Америке. М., 2013.

Venson A.K. Inventors & Inventions (Great Lives from History). Hackensack, 2009.

Bunch B., Hellemans A. The History of Science and Technology. A Browser's Guide to the Great Discoveries, Inventions, and the People Who Made Them from the Dawn of Time to Today. Boston; N.Y., 2004.

Technology in America: a History of Individuals and Ideas / Ed. by C.W. Pursell, Jr. Cambridge; London, 1990.

Электронные ресурсы

Famous Inventions that Changed the World [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=v0NAiddXYh0> (дата обращения 25.05.2021).

Google Patents [Электронный ресурс]. URL: <https://patents.google.com/> (дата обращения 25.05.2021).

Тема 4. Как «большой бизнес» превратил США в индустриальную державу

Процесс индустриализации Америки – это история, полная драматизма, великих достижений и трагедий, побед и поражений. Это история формирования одного из символов американского общества – «большого бизнеса». История, в которой были свои герои и свои злодеи, оставшиеся в памяти американцев как «бароны-разбойники» или капитаны большого бизнеса, в зависимости от оценки их деятельности и ее последствий.

«Баронами-разбойниками» в средневековой Европе называли землевладельцев, которые перекрывали принадлежащие им дороги и реки, требуя оплаты за право проезда или даже прохода. Этот полузабытый типаж был возрожден из небытия в США в 1859 г. журналистами «Нью-Йорк Таймс», когда «бароном-разбойником» окрестили пароходного магната Корнелиуса Вандербильта. Он допускал конкурентов на маршруты, которые обслуживались его фирмой, только после уплаты солидных компенсаций. У Америки не было своего Средневековья, но оно до нее добралось. Хотя и в обличье индустриальной эпохи.

Так сложилось, что в период стремительного экономического роста и индустриализации США в последней трети XIX в. самые явные злоупотребления и коррупционные схемы были связаны именно со строительством и эксплуатацией новых транспортных артерий. В этой сфере не просто вращались огромные капиталы. Дороги превратились в кровеносную систему новой американской экономики. И централизацию контроля над ней ощутили все – и владельцы крупных компаний, и простые фермеры, которым надо было доставлять урожай потребителям, и горожане, столкнувшиеся с резким ростом цен на товары повседневного спроса.

Вместе с тем американское законодательство было совершенно не готово к новым вызовам. Того же Вандербильта было невозможно привлечь к ответственности, поскольку он не делал ничего противозаконного. Изучая биографии американских «баронов-разбойников», не устаешь удивляться тому, насколько

хитроумны и разнообразны были придуманные ими схемы личного обогащения. Под их напором давала сбой созданная отцами-основателями система государственного устройства. Но не меньшее удивление вызывает тот факт, что, несмотря на свою жадность, беспринципность, а иногда и жестокость, «бароны-разбойники» не растащили по карманам американское национальное богатство и не смогли взять под полный контроль государственную машину США. Более того, многие из них на склоне лет стали активными филантропами, раздали значительную часть накопленных миллионов на нужды благотворительности, на поддержку музеев, университетов и библиотек. В целом американское общество скорее выиграло, чем проиграло по итогам этой бурной эпохи 1870–1890-х гг., которую вслед за Марком Твеном часто называют «Позолоченным веком».

Истории о том, как зарабатывали свои первые деньги будущие американские мультимиллионеры, изобилуют примерами редкого упорства и трудолюбия. Например, можно обратиться к карьере Эндрю Карнеги. Его семья в 1848 г. переехала в западную Пенсильванию из Шотландии, спасаясь от нищеты, когда будущему «стальному королю» Америки не было и 13 лет. Эндрю пришлось устроиться на местную ткацкую фабрику и работать 6 дней в неделю по 12 часов, заправляя в станки катушки с нитками и получая зарплату меньше пяти долларов в месяц. Через некоторое время, по знакомству, Карнеги удалось получить работу телеграфиста. Тут он начал демонстрировать удивительные способности: запоминал наизусть имена клиентов и мог, в отличие от коллег, переводить сигналы азбуки Морзе в текст на слух, без предварительной записи на бумаге. Его карьера пошла вверх, и в 24 года Карнеги уже был начальником одной из веток пенсильванских железных дорог. Постепенно, благодаря грамотным инвестициям и связям в деловых кругах штата, Карнеги накопил капитал, позволивший ему начать собственный бизнес в области сталелитейного производства.

Однако биография Карнеги вряд ли может считаться наиболее типичным примером восхождения от бедности к богатству в Америке «Позолоченного века». Широко известны другие истории, когда состояния сколачивались иными методами. Один из наиболее известных деятелей такого рода – Дэниэл Дру. Рано оставшись без отца, он во время войны с Великобританией 1812–1815 гг. 15-летним подростком записался в армию вместо одного состоятельного земляка, получив за это свои первые сто долларов. Впоследствии Дэниэл подрабатывал, странствуя с бродячими цирками, а потом переключился на торговлю скотом, где

и провернул первую серьезную махинацию. Купив на полученные в кредит деньги небольшое стадо, он погнал коров на продажу, но накануне вечером насыпал им полные кормушки соли. Всю ночь коровы лизали соль и пили, и к моменту продажи каждая из них прибавила в весе по несколько десятков килограммов.

Когда много лет спустя Дру стал известным биржевым дельцом, он часто использовал похожий прием: выпускал ничем не обеспеченные акции принадлежавших ему компаний. Конкуренты, пытавшиеся завладеть контрольными пакетами акций фирм Дру, несли серьезные убытки, пытаясь скупать эти бесконечно умножающиеся «ценные бумаги», и в конце концов были вынуждены отказываться от своих планов. Эта манипуляция на бирже получила название “stock watering”: в буквальном переводе с английского – «разводнение акций», либо «напаивание скота». Навыки, приобретенные в общении с ковбоями и нью-йоркскими мясниками, помогли Дру на новом витке его биографии, позволив превратиться в одного из ведущих финансовых магнатов своей эпохи. Ну и, конечно, как и почти все прочие «бароны-разбойники», на пике своей карьеры он контролировал несколько крупных железнодорожных веток, включая сверхприбыльную железную дорогу Эри, проложенную вдоль знаменитого одноименного канала.

Два коллеги Дру по совету директоров железной дороги Эри, Джей Гульд и Джим Фиск, вошли в историю благодаря организованной ими в 1869 г. масштабной биржевой махинации. Подкупив людей из ближайшего окружения президента У. Гранта, Гульд и Фиск сначала добились приостановки регулярных продаж золота Казначейством США, а затем начали активно скупать этот драгоценный металл, взвинтив его цену на 60%. Средства, которыми оперировали спекулянты, были настолько велики, что рост стоимости унции золота на один доллар приносил им прибыль в 300 тыс. долл. (в ценах 2019 г.). За день Гульд и Фиск зарабатывали по несколько миллионов, в то время как простым американцам, вынужденным расплачиваться по счетам стремительно дешевеющими бумажными «гринбэками», оставалось лишь в ужасе наблюдать за происходящим. В конце концов, президент Грант опомнился и дал команду Казначейству продать существенную часть национального золотого запаса. Цена золота за день обвалилась на 30% (так называемая черная пятница 24 сентября 1869 г.). Гульд и Фиск лишились части заработанных миллионов, многие биржевые дельцы были полностью разорены, а страна на несколько месяцев погрузилась в экономическую рецессию.

Когда Гульда и Фиска попытались привлечь к ответственности за их аферу, выяснилось, что суды Нью-Йорка, подконтроль-

ные другому «барону-разбойнику», Уильяму Твиду, не настроены на честное непредвзятое разбирательство, тем более что мошенников защищали лучшие адвокаты страны. В итоге Гульд и Фиск избежали уголовного преследования, хотя Гульду пришлось уехать из Нью-Йорка, где его однажды чуть не линчевали прямо на улице. Впоследствии он стал владельцем нескольких железнодорожных веток на западе США. Фиск тоже продолжил бизнес-карьеру, но был убит в 1872 г.

Власть и влияние «баронов-разбойников» в 1870–1890-е гг. настолько возросли, что они стали оказывать реальное влияние на внутреннюю и внешнюю политику Соединенных Штатов. Под фактический контроль финансовых магнатов перешел американский Сенат: в то время сенаторы избирались не населением, а законодательными собраниями отдельных штатов. Ворочавшие миллионами «бароны-разбойники» легко подкупали местных законодателей и проводили в Сенат верных людей либо сами усаживались в кресла сенаторов. Конгресс США в это время находился на пике своего могущества: после убийства президента Линкольна в 1865 г. Белый дом на несколько десятилетий оказался под контролем череды слабых президентов, не обладавших большими политическими талантами. Прописанная отцами-основателями в Конституции система сдержек и противовесов не срабатывала. Это позволяло нарождающемуся классу американских мультимиллионеров проводить через Конгресс выгодные им законы почти без оглядки на общественное мнение.

Огромные капиталы, вращающиеся в бурно растущей американской экономике, создавали благодатную почву для коррупции. Правительственным чиновникам трудно было устоять перед соблазном личного обогащения в ситуации, когда «бароны-разбойники» настойчиво предлагали им различные проекты взаимовыгодного сотрудничества. Уже упоминавшаяся администрация президента У. Гранта в 1872 г. в очередной раз оказалась в центре коррупционного скандала: вице-президент Гранта Скайлер Колфакс был обвинен в приобретении по бросовой цене акций фиктивной строительной компании “Crédit Mobilier”, созданной для продвижения своих интересов владельцами трансконтинентальной железной дороги Union Pacific. Кроме Колфакса на дешевые и прибыльные акции польстились и другие высокопоставленные политики: спикер Палаты представителей Конгресса США Джеймс Блейн, кандидат в вице-президенты на выборах 1872 г. Генри Уилсон, конгрессмен Джеймс Гарфилд и многие другие. Примечательно, что, несмотря на разоблачительные публикации нью-йоркской газеты “Sun” и бурное обсужде-

ние в обществе, практически всем участникам скандала удалось выйти сухими из воды – их политические карьеры благополучно развивались, а Дж. Гарфилд даже был в 1880 г. избран президентом США.

Казалось бы, ни у современников, ни тем более у американцев, живущих в XXI в., не может быть никаких сложностей в оценке таких фигур, как Дру, Гульд или Фиск. Конечно же, они были нечистыми на руку дельцами, которые использовали открывавшиеся возможности в сугубо личных интересах. При этом они подвергали угрозе благополучие миллионов людей и наносили чувствительные удары, в том числе и по международной репутации США. В европейских газетах американские коррупционные скандалы освещались во всех подробностях, что способствовало укреплению и без того распространенного в Старом Свете мнения о полном подчинении американского политического класса интересам «баронов-разбойников». Все это создавало ощущение, что американский республиканский проект, опиравшийся на благородные идеи отцов-основателей о служении обществу и приоритете общих ценностей, потерпел провал, и за океаном формируется новое государство, базирующееся на идеологии социал-дарвинизма. Представители этого идейного течения (наиболее ярким представителем которого считается англичанин Герберт Спенсер) утверждали, что в человеческом обществе действует тот же самый принцип естественного отбора, «выживания сильнейших», который Чарльз Дарвин использовал для объяснения эволюции животного мира. Безусловно, поведение «баронов-разбойников» и подкупленных ими политиков очень хорошо объяснялось с помощью этой теории.

Вместе с тем, несмотря на очевидную для многих наблюдателей моральную деградацию, американское общество продолжало стремительно развиваться. Коррупция вызывала огромное возмущение и имела множество негативных последствий, но не останавливала строительство новых железных дорог, шахт и заводов. Одиозные фигуры, такие как Дру, Гульд и Фиск, привлекали всеобщее внимание, но не были настоящими творцами индустриальной Америки. Среди «баронов-разбойников» встречались и гораздо более сложные характеры, такие как уже упоминавшийся Эндрю Карнеги, которые, конечно, тоже не чурались разного рода «серых» схем и не считали морально недопустимым подкуп правительственных чиновников, но зарабатывали деньги далеко не только с помощью примитивных финансовых спекуляций. В складывающихся тогда в США экономических условиях заработать миллионы иногда было проще не играя на бирже, а зани-

маясь развитием новых отраслей промышленного производства, которое переживало небывалый в истории бум.

Среди самых ярких «баронов-разбойников» этой категории, заботящихся о личном обогащении, но попутно вносящих огромный вклад в национальное развитие, стоит особо выделить Джона Рокфеллера, создателя нефтяной индустрии Соединенных Штатов. Само имя Рокфеллера стало нарицательным, обозначающим огромное, ни с чем не сравнимое богатство. Рокфеллер, действительно, уверенно возглавляет все мыслимые рейтинги самых состоятельных людей в истории США. На пике карьеры в 1913 г. Рокфеллер владел активами, составляющими 2% всей экономики Соединенных Штатов (около 400 млрд долл. в современных ценах). Созданная им “Standard Oil Company” в 1891 г. контролировала 70% мировой нефтяной торговли.

С одной стороны, можно сказать, что Рокфеллеру просто повезло, он начал заниматься добычей и переработкой нефти в 1860-е гг., на заре новой, нефтяной эпохи. Компания “Standard Oil” была основана Рокфеллером и пятью партнерами в 1870 г., когда по всей Америке огромным спросом начал пользоваться керосин, используемый для освещения. В 1890-е гг. электрическая лампочка Эдисона несколько потеснила керосиновые лампы, но зато появились новые многочисленные потребители нефтепродуктов – владельцы автомобилей с бензиновыми двигателями.

Вместе с тем не вызывает ни малейшего сомнения, что только уникальные личные качества Рокфеллера, прежде всего жесткость его характера, иногда граничившая с жестокостью, позволили “Standard Oil” завоевать 90% американского рынка нефтепродуктов всего через десять лет после создания. Уже в 1880 г. компанию Рокфеллера характеризовали в американской прессе как «самую жестокую, дерзкую, безжалостную и цепкую монополию, когда-либо бравшую нашу страну в свою мертвую хватку».

Сомнительные методы, используемые Рокфеллером для поглощения более мелких, конкурирующих фирм, и создания собственной нефтяной империи, стали по-настоящему широко известны после публикации в 1904 г. сначала серии разоблачительных статей, а затем знаменитой книги Айды Тарбелл «История “Standard Oil Company”». Журналистское расследование, проведенное Тарбелл, создало своеобразный канон сочинений этого жанра. Вслед за разоблачением злоупотреблений Рокфеллера появилось множество других публикаций, проливающих свет на устройство бизнес-империй ведущих американских индустриальных и финансовых магнатов. Журналистов, работавших над подобными темами, с легкой руки президента Теодора Рузвельта

стали называть «макрейкерами» (muckrakers) – «разгребателями грязи». В значительной степени благодаря разоблачениям Тарбелл Верховный суд США в 1911 г. вынес вердикт о ликвидации “Standard Oil Company” за нарушение антимонопольного законодательства и разделении ее на несколько десятков более мелких компаний. Впоследствии эти компании превратились в существующие сегодня “Chevron”, “Mobil”, “ExxonMobil” и другие известные бренды.

Примечательно, что Рокфеллер, самый богатый человек в стране, некогда победивший и подчинивший себе всех конкурентов, не смог остановить Айду Тарбелл и предотвратить публикацию компрометирующих его статей и книг. Ему пришлось буквально прятаться от журналистов, на все вопросы он отвечал лишь одно: «Ни слова об этой заблуждающейся женщине»⁷. Рокфеллер даже окончательно облысел от переживаний. Впрочем, процесс ликвидации “Standard Oil Company” не сделал Рокфеллера беднее: рыночная стоимость 34-х образовавшихся на ее руинах компаний в совокупности лишь возросла, а Рокфеллер остался их крупнейшим акционером.

Даже Айда Тарбелл не отрицала того факта, что Рокфеллер внес огромный вклад в индустриальное развитие США, и во многом именно благодаря его усилиям Америка на рубеже XIX–XX вв. опередила всех конкурентов и вышла на лидирующие позиции в мировой экономике.

Интересно, что, несмотря на весь цинизм и жестокость мира, в котором приходилось действовать Рокфеллеру-бизнесмену, он с раннего детства и до конца своей долгой жизни (Рокфеллер умер в возрасте 97 лет в 1937 г.) оставался очень религиозным человеком. Он регулярно посещал молитвенные собрания и активно занимался благотворительностью.

Мать Рокфеллера часто водила сына в местную баптистскую церковь в небольшом городке в штате Нью-Йорк. Именно там маленький Джон услышал от проповедника фразу, которая, согласно его собственным воспоминаниям, определила жизненное кредо будущего мультимиллионера и филантропа: «Как можно больше зарабатывай и как можно больше раздавай»⁸. Предметом особого внимания Рокфеллера как благотворителя были церковные общины, университеты и медицинские учреждения.

⁷ *Tarbell I. American Experience* // PSB [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pbs.org/wgbh/americanexperience/features/rockefellers-tarbell/> (дата обращения 25.05.2021).

⁸ *J.D. Rockefeller Quotes* // Citatis [Электронный ресурс]. URL: <https://citatis.com/a8790/0788e/> (дата обращения 25.05.2021).

Так как в молодости Джон был аболиционистом – активным противником рабовладения, значительная часть его пожертвований в эпоху “Standard Oil Company” направлялась в пользу бывших рабов, на поддержку их образования и здравоохранения. В 1902 г. Рокфеллер пожертвовал 180 млн долл. на создание “General Education Board” – филантропической организации, которая вплоть до 1960-х гг. выделяла гранты на развитие университетов и медицинских школ. В 1913 г., вскоре после ликвидации “Standard Oil Company”, был создан «Фонд Рокфеллера», уставные цели которого включали, ни много ни мало, «улучшение благосостояния людей во всем мире». В общей сложности Рокфеллер при жизни выделил на нужды благотворительности около 550 млн долл., т. е. почти 50 млрд долл. в современных ценах.

Пример Рокфеллера, во второй половине жизни превратившегося в крупного благотворителя, – это не исключение, а скорее правило для большинства крупных магнатов США индустриальной эпохи. «Стальной король» Эндрю Карнеги потратил на благотворительность около 350 млн долл. и завещал потомкам придерживаться следующей жизненной стратегии: первую треть жизни потратить на образование, вторую – на зарабатывание денег, третью – на их расходование в интересах общества. Один из самых одиозных «баронов-разбойников», Джон П. Морган, известен не только как создатель финансовой империи, владелец множества банков, заводов, железных дорог и корпорации U.S. Steel, к которому за помощью иногда было вынуждено обращаться даже федеральное правительство США, но и как меценат, оказывавший существенную поддержку музеям и университетам. После внезапной смерти Моргана в 1913 г. в возрасте 75 лет выяснилось, что его личное состояние оценивается всего в 118 млн долл., из которых 50 млн составляла стоимость собранной им коллекции предметов искусства. Узнав об этом, Джон Рокфеллер философски заметил: «А ведь, в сущности, он даже не был богатым человеком...»⁹.

Еще одна поучительная история той эпохи – история семьи Гуггенхаймов. Глава семейства, Мейер Гуггенхайм, перебрался в США из Швейцарии в 1847 г. и сумел выгодно вложить деньги в добычу полезных ископаемых в штате Колорадо, где как раз начиналась так называемая серебряная лихорадка. Целью Мейера было не только заработать свой американский миллион, но и сделать миллионерами всех своих семерых сыновей. К концу 1880-х гг. цель была достигнута: каждый из братьев Гуггенхаймов

⁹ Cit. ex: New York Times. 1970. April 14. P. 45.

управлял частью отцовской бизнес-империи, состоявшей из многочисленных шахт и металлургических заводов, разбросанных по всему миру. При этом фамилию Гуггенхаймов редко можно встретить в списках американских «баронов-разбойников»: свидетельств нечестной игры с их стороны история практически не сохранила. Завистникам оставалось лишь ворчать: «То, что упустил из виду один Гуггенхайм, другой обязательно наверстает»¹⁰. В сфере филантропии больше других сыновей Мейера преуспел Соломон Гуггенхайм, создавший в 1937 г. благотворительный фонд и передавший под его управление богатейшую коллекцию живописи и предметов искусства, ставшую основой знаменитого музея Гуггенхайма в Нью-Йорке.

В американской исторической литературе не утихают споры о том, были ли капитаны большого бизнеса беспринципными и циничными «баронами-разбойниками», которые руководствовались в своей деятельности исключительно корыстными интересами, или лидерами нации, осуществлявшими в США индустриализацию экономики страны.

Очевидно, что описанный в трудах социал-дарвинистов мир «дикого капитализма», будь он предоставлен сам себе, вряд ли дорос бы до идей общественного служения и социальной ответственности. Закон максимизации прибыли заставлял «баронов-разбойников» держать зарплаты на своих заводах на минимально возможном уровне, не вкладывать средства в обеспечение безопасных условий труда, в улучшение жилищных условий рабочих. Миллионы иммигрантов, привлеченные в США рассказами об удивительных экономических перспективах и политических свободах, готовы были работать по американским понятиям за мизерные деньги, так как в европейских странах, откуда они прибывали, ситуация была еще хуже. Ни о каком единстве рабочего класса, готового противостоять капиталистической эксплуатации, не могло идти и речи. Хотя в последней четверти XIX в. в США и появились профсоюзные организации, объединявшие тысячи человек, такие как Рыцари труда и Американская федерация труда, в целом рабочее движение в США не представляло серьезной угрозы интересам большого бизнеса. Когда дело все-таки доходило до стачек, то даже регулярно посещающий церковь Джон Рокфеллер или любящий порассуждать об общем благе Эндрю Карнеги, не говоря уже о прочих «баронах-разбойниках», демонстрировали железную волю и решительность, отдавая приказы о применении силы против пытавшихся отстаивать

¹⁰ *Davis J.* The Guggenheims. An American Epic. N.Y., 1994. P. 75.

свои права рабочих. В 1892 г. несколько человек были убиты и сотни ранены при подавлении выступлений рабочих на сталелитейном заводе Карнеги в Гомстеде, штат Пенсильвания. В 1914 г. настоящая война с участием подразделений Национальной гвардии США развернулась в штате Колорадо, где забастовали шахтеры принадлежавших Рокфеллеру угольных копей.

Бурный экономический рост сопровождался беспрецедентным обогащением части американцев. Если в 1870 г. в стране было лишь около 100 миллионеров, то в 1892, по данным газеты «Нью-Йорк Трибюн», их было уже 4047. К 1916 г. количество миллионеров превышало 40 тысяч, а по крайней мере двое из них (Джон Д. Рокфеллер и Г. Форд) были миллиардерами. Причем для многих из них деньги и роскошь перестали быть самоцелью, а стали средством созидания, те же Рокфеллер и Форд вели достаточно скромный образ жизни, не употребляли алкоголь и табак, много работали и требовали того же от своих сотрудников. В 1914 г. Г. Форд ввел самую высокую в США минимальную заработную плату – 5 долл. в день (около 120 долл. в современных ценах), допустил рабочих к участию в прибылях компании, построил образцовый рабочий поселок с детскими садами и комфортабельными домами. В 1914 г. заводы корпорации начали работать круглосуточно в три смены по 8 часов, вместо двух смен по 9 часов, что позволило обеспечить работой дополнительно несколько тысяч человек. «Повышенная зарплата» в 5 долл. не была гарантирована каждому: рабочий должен был тратить свою зарплату разумно, на содержание семьи, за пьянство и азартные игры грозило увольнение. Разумеется, Форд делал это не из чистого альтруизма, он руководствовался прежде всего прагматичными соображениями: таким образом была практически ликвидирована текучка кадров, на заводы Форда привлекались наиболее квалифицированные рабочие (в том числе они переманивались у конкурентов). Кроме того, повышение уровня жизни рабочих превращало их в образцовых потребителей они получали возможность покупать и машины Форда. Так началось формирование капитализма благосостояния: вслед за Фордом повысить зарплату и сократить рабочий день были вынуждены и другие предприниматели, а впоследствии эти стандарты были закреплены законодательно.

Превращение «дикого капитализма» в США в капитализм, более упорядоченный и социально-ответственный, произошло под влиянием многих факторов. Одним из них стало широко развернувшееся по всей стране общественное движение, получившее название «прогрессивного» или «прогрессистского». Мы уже упоминали такие эпизоды, как расследование скандала “Credit

Mobilier” журналистами газеты “Sun”, или разоблачение злоупотреблений Рокфеллера журналисткой Айдой Тарбелл. Подобных примеров в американской истории конца XIX – начала XX в. можно найти огромное множество: это и раскрытие коррупционных схем «босса» Уильяма Твида журналистами нью-йоркских газет, и роман-расследование Эптона Синклера «Джунгли» о страшных реалиях чикагских мясобоен, и статьи Линкольна Стеффенса, позже собранные в книгу под общим названием «Позор городов». Эти и им подобные публикации создавали вокруг «баронов-разбойников» атмосферу постоянного общественного внимания и контроля, не давали им проворачивать сомнительные дела с полной уверенностью в собственной безнаказанности.

Интересно, что принцип свободы слова, зафиксированный в первой поправке к американской Конституции, был важным, но далеко не ключевым фактором, породившим бум расследовательской журналистики в США в конце XIX в. Действительно, государство не осуществляло преследований журналистов за высказываемые ими политические взгляды. Однако вроде бы ничто не мешало тем же Рокфеллеру или Твиду просто взять и выкупить газету, публикующую нелицеприятные статьи, и направить ее редакционную политику в нужное русло. Никакая поправка к Конституции не могла служить этому препятствием.

К несчастью «баронов-разбойников», время их восхождения к вершинам богатства и славы совпало в США с технической революцией в сфере печатного дела: усовершенствованные типографские машины теперь позволяли дешево и быстро выпускать огромные тиражи газет и журналов. Новые издания вырастали как грибы после дождя. Взять их все под контроль было так же затруднительно, как сегодня трудно обеспечить полный контроль над информацией, публикуемой в Интернете. Кроме того, даже у таких монополистов, как Рокфеллер, всегда оставалось некоторое число конкурентов, которые, возможно, не могли полноценно соперничать со “Standard Oil Company” в сфере продаж нефтепродуктов, но зато были в состоянии профинансировать работу нескольких журналистов-разоблачителей.

Еще одним ключевым фактором обуздания капиталистических хищников «Позолоченного века» стала судебная система США – несвободная от коррупции, но, совершенно точно, независимая от других ветвей власти. Американская публика, начитавшись разоблачений «макрейкеров», требовала судебных разбирательств и вердиктов – и во многих случаях эта общественная жажда справедливости в той или иной мере удовлетворялась.

Избирательные кампании всех уровней, которые регулярно проходили в США в эпоху «Позолоченного века», поначалу испытывали мощное влияние со стороны «баронов-разбойников», использующих имеющиеся в их распоряжении колоссальные средства для продвижения нужных кандидатов. Однако и тут постоянная критика со стороны представителей «прогрессивного движения» сделала свое дело: сначала в 1880-е гг. был внедрен принцип тайного голосования, затем стали проводиться партийные праймериз по выдвижению кандидатов, а в 1913 г. была ратифицирована 17-я поправка к Конституции, вводящая прямые выборы сенаторов населением штатов. Конечно, и после этого оставалось еще много лазеек для воздействия владельцев бизнес-империй на исход избирательных кампаний, но такого всеобъемлющего контроля бизнес-элиты над правительственными институтами, какой существовал в XIX в., больше не было.

Своеобразной кульминацией прогрессивной эпохи и одновременно периодом, когда внимание американского общества начало переключаться с проблем коррупции и всевластия монополий на другие сюжеты, включая международную политику, стало президентство Теодора Рузвельта (1901–1909).

Рузвельт оказался первым за долгие годы волевым и решительным президентом, нацеленным на проведение масштабных реформ. Американское правительство в его лице впервые попыталось бросить открытый вызов всевластию «баронов-разбойников», хотя в планы Рузвельта и близко не входило полное подчинение капиталистического класса государственному чиновничьему аппарату. Все, на что претендовал президент, это на устранение самых вопиющих перекосов, на исполнение давно принятых, но не работающих законов, таких как «антитрестовский» закон Шермана 1890 г., разработанный для обуздания монополий после первой волны журналистских разоблачений. Частный бизнес, сильный и независимый, был, по мнению президента, важнейшим двигателем американской экономики, источником ее феноменального роста. Поэтому, разрабатывая меры против монополий, Рузвельт всячески стремился не нанести вреда «хорошим» бизнесменам, честно зарабатывающим свои миллионы.

Рузвельт инициировал более четырех десятков судебных процессов против монополий, некоторые из них завершились ликвидацией наиболее одиозных компаний, а президент получил в народе прозвище «разрушитель трестов». Это привело к упорядочению бизнеса, усилению роли государства в регулировании экономического развития страны, развитию трудового законодательства и ограничению наиболее крайних форм эксплуатации.

Даже такое, весьма скромное, посягательство на власть капитала произвело в американском обществе настоящий фурор. Перекос в сторону законодательной власти, заметный в предшествующие десятилетия, начал исчезать, конституционная система сдержек и противовесов снова заработала в полную силу. Недовольный таким поворотом событий спикер палаты представителей Конгресса США Джозеф Кэннон констатировал: «Этот парень на другом конце Пенсильвания-авеню хочет всего, от рождения Христа, до смерти Дьявола»¹¹. Действительно, Рузвельт хотел изменить в жизни США очень многое и со временем превратился в настоящую икону прогрессивного движения. Уже после ухода из Белого дома он, окончательно поссорившись с руководством Республиканской партии, создал свою собственную, Прогрессивную партию, и попытался баллотироваться от нее в президенты на выборах 1912 г. Однако в американской двухпартийной системе третья партия, даже во главе с таким харизматичным лидером, была обречена. В итоге Рузвельт выборы проиграл. Но президентом стал другой политик-прогрессист, кандидат от Демократической партии Вудро Вильсон, который продолжил линию на создание системы правительственных регулятивных мер, требующих от бывших «баронов-разбойников» более ответственного поведения. Были приняты законы о восьмичасовом рабочем дне для сотрудников частных железных дорог (первый случай в истории, когда правительство США устанавливало лимиты рабочего дня для сотрудников частных компаний), запрете детского труда, облегчении деятельности профсоюзов. Созданное предшественником Вильсона У. Тафтом Министерство труда начало активно выступать посредником в разрешении споров между рабочими и предпринимателями. В это же время вступила в силу 16-я поправка к Конституции США, наделяющая Конгресс США правом устанавливать федеральный подоходный налог.

Во время Первой мировой войны резко ускорился процесс гармонизации отношений общества, власти и большого бизнеса. В период нейтралитета США американская экономика получила дополнительные стимулы роста за счет внешних инвестиций в виде военных заказов стран Антанты. После вступления США в войну в апреле 1917 г. главным инвестором стало государство, которое одновременно усилило свой контроль над социально-экономической жизнью страны: было фактически создано чрезвычайное правительство военного времени, принявшее беспрецедентные в истории страны меры регулирования экономики.

¹¹ *Leuchtenburg W.* The American President. From Teddy Roosevelt to Bill Clinton. N.Y., 2015. P. 48.

Были зафиксированы цены на сырье и основные товары, под государственное управление перешли целые отрасли, прежде всего транспорт и связь, были повышены налоги на сверхприбыли компаний. США за годы Первой мировой войны превратились в высокоразвитую индустриальную державу, мощнейшую страну в мировой экономике, национальное богатство которой возросло на 40%, где было сконцентрировано 1/2 золотого запаса мира, стоимость промышленной продукции увеличилась с 23,9 до 62 млрд дол. Ускорился процесс концентрации промышленности и банковской системы. Объемы внешней торговли выросли вдвое, стоимость экспорта – в три раза (с 2,4 до 7,9 млрд долл.). Изменился международный финансовый статус США. Страна ликвидировала почти половину задолженности, став кредитором многих государств на общую сумму 15 млрд долл. В итоге в 1920 г. США, население которых составляло 6% от мирового, производили более половины мировой промышленной продукции, 1/2 угля, 2/3 нефти, 3/5 чугуна и стали, 85% автомобилей.

К этому времени уже было ясно, что эпоха «баронов-разбойников» подошла к концу, американское общество справилось с вызовами «дикого капитализма», сумело «переварить» социалдарвинизм, отойти от крайностей цинизма и эгоизма «Позолоченного века». Все эти напасти удалось победить благодаря существовавшим в стране с давних пор социальным и политическим институтам, таким как свободная пресса, независимый суд, выборная система и т. п. Религиозные традиции, в частности протестантское восприятие богоугодности материального обогащения, а также особое отношение к благотворительности, несомненно играли важную роль. Известно, что даже один из самых одиозных «баронов-разбойников», Дэниэл Дру, завещал 250 тыс. долл. на создание методистской духовной семинарии (правда, незадолго до смерти он полностью разорился, и деньги до адресата так и не дошли – Дру и здесь не изменил своему фирменному стилю).

Всего за несколько десятилетий США превратились из далекой провинциальной страны, слабо связанной экономически с остальным миром, поглощенной решением внутренних проблем, проводившей политику изоляционизма, в лидера мировой экономики, передовую технологическую державу, законодателя мод в организации производства и управления. Огромную роль в этом чудесном превращении сыграл американский большой бизнес, жесткими, а порой и жестокими, методами трансформировавший жизнь общества. Поэтому среди имен тех, кто создавал современную Америку, наряду с политиками, учеными, деятелями культуры, заметное место занимают и капитаны большого бизнеса.

Для дальнейшего изучения

Гейст Ч. История Уолл-стрит. М., 2001.

Карнеги Э. История моей жизни: Автобиография стального короля. М., 2009.

Моррис Ч.Р. Финансовые гении Америки: Как Эндрю Карнеги, Джон Д. Рокфеллер, Джей Гульд и Дж. П. Морган создали американскую суперэкономку. Днепрпетровск, 2010.

Нэвинс А. Джон Д. Рокфеллер: промышленник и филантроп. М., 2017.

Рокфеллер Дж. Воспоминания. М., 2012.

Согрин В.В. Политическая история США. М., 2001.

Строус Д. Морган. М., 2002.

Яшуньский Г. Миллиардеры: История крупнейших финансовых династий. М., 2016.

Davis J.H. The Guggenheims: 1848–1988: An American Epic. N.Y., 1988.

Электронные ресурсы

Люди, построившие Америку: Документальный сериал [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=i_jiLfL54gs (дата обращения 25.05.2021).

Google Patents [Электронный ресурс]. URL: <https://patents.google.com/> (дата обращения 25.05.2021).

Ida Tarbell. American Experience // PSB [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pbs.org/wgbh/americanexperience/features/rockefellers-tarbell/> (дата обращения 25.05.2021).

J.D. Rockefeller Quotes // Citatis [Электронный ресурс]. URL: <https://citatis.com/a8790/0788e/> (дата обращения 25.05.2021).

Тема 5. Почему электричество и нефть поменяли образ жизни американцев

Современная история использования электричества начинается со знаменитой «Войны токов» – постоянного и переменного – в последней трети XIX в. Томас Эдисон выступал за внедрение постоянного тока – типа электричества, производимого вращением коммутатора в магнитном поле. Генераторы постоянного тока XIX в. производили низкое напряжение от 120 до 240 вольт, но эти стандарты не превращались в низкие цены по меркам начала XX столетия, и клиентам Эдисона в 1880-х гг. приходилось платить по 28 центов за киловатт/час. Несмотря на это, изобретатель и бизнесмен имел успех. Эдисон построил свою первую электростанцию в 1882 г., а через пять лет их было уже 120¹².

Однако недостатком постоянного тока был его ограниченный диапазон из-за низкого напряжения. Электричество рассеивалось, понижая напряжение, пока оно проходило по проводу, ограничивая использование постоянного тока в радиусе одной мили от электростанции. Альтернативой постоянному току был переменный ток – тип электричества, производимый вращением катушки провода в магнитном поле.

Переменный ток создавал более высокое напряжение, чем постоянный. Чтобы поддерживать высокое напряжение на значительных расстояниях, в 1885 г. инженер Уильям Стэнли изобрел трансформаторы: повышающий – компенсировал потери напряжения, которые происходили во время процесса прохождения электричества по проводу, и понижающий – устанавливался рядом с домом и адаптировал напряжение для использования электричества в бытовых целях.

Вскоре стало понятно, что «Война токов» складывается в пользу переменного тока. В 1885 г. Никола Тесла, молодой инженер сербского происхождения, работавший на Эдисона, поругался с ним из-за споров относительно перспективности постоянного тока и ушел из его компании. Спустя пару лет успешных опытов и

© Панов А.С., 2023

¹² *Cumo C.M.* Science and Technology in 20th-Century American Life. Westport, 2007. P. 70.

наглядных презентаций эффективности переменного тока работой Теслы заинтересовался миллионер Джордж Вестингауз, сделавший свое состояние на изобретении пневматического тормоза для железнодорожных составов. В 1888 г. Вестингауз выкупил патенты Теслы примерно за 200 тыс. долл. и пригласил его работать вместе в удобном для эксцентричного сербского гения режиме.

Спустя пять лет Вестингауз и Тесла выиграли контракт на поставку электроэнергии для Всемирной выставки в Чикаго. 8 тыс. дуговых ламп и 130 тыс. ламп накаливания, освещавших выставку, явно сигнализировали о том, что Соединенные Штаты вступили в эру электричества¹³. В 1895 г. гидроэлектростанция в Ниагара-Фолс начала поставлять электроэнергию в виде переменного тока в дома и на предприятия, которые находились на удалении 20 миль (чуть больше 32 км) от Баффало, демонстрируя способность переменного тока преодолевать расстояния. К 1900 году переменный ток почти вытеснил постоянный ток при подаче электричества в дом¹⁴.

Тем не менее поначалу дороговизна использования электричества перевешивала удобства, и его первым поистине массовым потребителем стал американский город. Улицы и площади засветились электрическими огнями.

Использование электроэнергии для обеспечения общественного освещения началось с того, что в 1865 г. ученик старшей школы Кливленда Чарльз Браш в домашних условиях успешно испытал угольную дуговую лампу. Спустя 11 лет он изобрел динамомашину, вырабатывающую постоянный ток высокого напряжения и способную работать с дуговыми лампами. Показав результаты своего труда в Институте Франклина в Филадельфии, Американском институте в Нью-Йорке и на Механической выставке в Бостоне, Браш смог заинтересовать инвесторов. В итоге он продал свои осветительные системы универсам, пообещав их владельцам, что они будут получать в два раза больше света, чем при использовании газовых ламп при существенно меньших затратах¹⁵.

При всех своих преимуществах перед другими осветительными устройствами дуговые лампы имели один серьезный недостаток: они светили слишком ярко, что делало их непригодными для использования в домашних условиях. Как вспоминал сам

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Pursell C.W. *The Machine in America: A Social History of Technology*. 2nd ed. Baltimore, 2007. P. 133.

Браш, осенью 1876 г. он испытывал свой фонарь на главной площади Кливленда:

Шел парад конных и пеших солдат, и свет был направлен прямо на их лица, когда они шли по улице. Я помню, что глаза лошадей выглядели как зеленые шары света. Я не знаю, как чувствовали себя сами лошади, но, кажется, он [свет] не доставлял им больших неудобств. Через некоторое время здоровяк-полицейский подошел ко мне и сказал: «Вырубайте эту чертову лампу!», и нам пришлось ее выключить¹⁶.

Удивительно, но Чарльз Браш разработал и установил свою осветительную систему без чьей-либо помощи. Его труд не оплачивался технологическими корпорациями вроде “General Electric” или “Westinghouse”. Как вспоминал инженер,

...у меня не было ассистентов, да и людей, подходящих на эту должность, тоже было не найти. Я делал все необходимые рабочие чертежи динамо-машин, ламп и специальных приборов для лаборатории. [Я] писал все заявки на патенты, тестировал и устанавливал динамо-машины и лампы¹⁷.

Следом за уличными фонарями электрифицировался городской общественный транспорт. Инженер Фрэнк Спрэйг в начале 1880-х гг. работавший на Эдисона, основал “Sprague Electric Railway & Motor Company” в 1884 г. Через четыре года он установил трамвайную линию в Ричмонде, Виргиния, а еще спустя 20 лет, наблюдая за расширением транспортных сетей в городах, Спрэйг с гордостью говорил, что «Линкольн освободил рабов, а он отпустил на волю выючных животных!»¹⁸

Спрэйг имел право собой гордиться: между 1890 и 1902 г. длина внутригородского рельсового полотна в городах США увеличилась с 5783 миль (ок. 9300 км) до 22 577 миль (ок. 36 335 км), а количество поездок – с 111 до 181 в год на одного горожанина. Спустя еще пять лет общая продолжительность рельсов составляла уже 34 404 мили (ок. 55 358 км), а средний житель использовал трамвай 250 раз в год¹⁹. Все это позволяло городам активно расти

¹⁶ *Brush C.F.* Development of Electric Street Lighting // Journal of the Cleveland Engineering Society. 1916. Vol. 6. P. 55.

¹⁷ Цит. по: *Pursell C.W.* Op. cit. P. 134.

¹⁸ *Sprague F.J.* The Electric Railway // Century. 1905. Vol. 70. P. 520.

¹⁹ *Tarr J.A.* The City and Technology // A Companion to American Technology / Ed. by C. Pursell. Malden, 2008. P. 102.

вширь, давая возможность жителям жилых окраин быстро добраться до центров, отданных почти целиком под офисные здания, банки и универсальные магазины.

Ту же самую проблему решали над- и подземные линии метро. Когда в 1904 г. подземка была открыта в Нью-Йорке, она уже не воспринималась как нечто удивительное. Глядя на этот новый вид транспорта, появившийся благодаря использованию электричества, один из современников предсказывал, что «через несколько лет метро несомненно будет столь же многолюдно, как и надземные [трамвайные] линии сейчас»²⁰. Его слова сбылись: только за первый год существования подземка в Нью-Йорке перевезла 106 млн пассажиров²¹.

Вскоре стало понятно, что поездка по подземному и эстакадному метрополитену – это не просто удобный способ добраться до работы и обратно. Метро способствовало демократизации американских городов, превратившись в место общения, способ осмотра городских достопримечательностей и даже концертную площадку для музыкантов. На метро проще было добраться до кинотеатров и парков развлечений. В 1920-х гг. более 1 млн жителей Нью-Йорка ежегодно ездили на подземке в Кони-Айленд покататься на американских горках²². Это было еще одно чудо, созданное американцами при помощи электричества.

Использование электричества привело к тому, что организация спортивных мероприятий, как в залах, так и на огромных открытых аренах стала намного проще. Новые осветительные технологии дали толчок развитию баскетбола и волейбола, которые были придуманы в 1892 и 1895 г. соответственно. Однако более всех других видов спорта развитие электричества на рубеже XIX–XX вв. способствовало популяризации бейсбола, ставшего спортом № 1 в США. Новые осветительные системы превращали ночь в день на таких нью-йоркских аренах, как «Янки-стадиум», «Эббетс-филд» и «Поло-граундс», к которым вели линии метро, привозившие как зрителей, так и самих игроков, таких как Пи Ви Риз, двухкратный чемпион Мировой серии²³.

С развитием общественного транспорта и электричества совпал и бум строительства небоскребов, который начался в Нью-Йорке и Чикаго строительством таких «низких» зданий, как десятиэтажные «Вестерн Юнион Билдинг» и «Хоум Инюшюранс Билдинг». На верхние этажи людей доставляли лифты сначала

²⁰ Pursell C.W. Op. cit. P. 137.

²¹ Cumo C.M. Op. cit. P. 57.

²² Ibid.

²³ Ibid.

на гидравлическом, а затем на электрическом приводе, впервые сконструированном в 1903 г., позволившем снять ограничения по высоте подъема, а следовательно, и высоте здания. В 1913 г. было построено «Вулворт Билдинг» высотой 792 фута (ок. 241 м), а в 1831 г. – «Эмпайр Стейт Билдинг» высотой 381 м. Небоскребы изменили облик больших городов, создав современный образ «даунтауна» – делового района из высотных зданий²⁴. Мегалополисы отныне будут расти не только вширь, но и вверх.

Несмотря на бесспорные достоинства, бурный рост общественного транспорта в американских мегалополисах обернулся потерей приватности. Путешествие на подземке или эстакадном метро зачастую ассоциировалось с грязью, духотой, толкотней и необходимостью выслушивать назойливые рекламные объявления коммивояжеров. Кроме того, следовало опасаться карманников и насильников. Видом транспорта, который решал эти проблемы, а также предоставлял необходимый комфорт, стал автомобиль.

Хотя распространение автотранспорта было более заметно в американской сельской местности, вскоре машины наводнили и города. Между 1910 и 1930 г. число зарегистрированных автомобилей выросло с 458 377 до 22 972 745. За этот же период население США выросло всего с 91 972 266 до 122 775 046 человек. Иными словами, если на исходе первого десятилетия XX в. одна машина приходилась на 201 человека, то спустя двадцать лет – уже один человек из пяти владел личным автотранспортом²⁵.

Что же стало причиной такого резкого роста? Во-первых, доступность. До выпущенной в 1907 г. на заводах Генри Форда знаменитой «Жестяной Лиззи» – *Ford Model T* – автомобили были не массовым продуктом, ориентированным на повседневные нужды, а способом продемонстрировать свой достаток и подчеркнуть высокий статус. Надежная и не слишком дорогая модель «Т», собранная из типовых деталей на знаменитом фордовском конвейере, ориентированном на максимизацию эффективности производства, стала первой действительно популярной машиной среди всех слоев американского общества – от гангстеров до фермеров²⁶.

Во-вторых, дешевое топливо и распространение сетей заправок, первая из которых появилась в 1905 г. Рост числа машин в следующем десятилетии побудил руководство компании

²⁴ Tarr J.A. Op. cit. P. 103.

²⁵ Ibid. P. 105.

²⁶ Cumo C.M. Op. cit. P. 22–23.

“Standart Oil” начать открывать заправочные станции по всей территории США. В 1920-е гг. были открыты богатые месторождения нефти в Луизиане, Оклахоме и Техасе, что позволило поддерживать низкий уровень цен на бензин. Вплоть до 1970-х гг. американцы наслаждались дешевым бензином и мощными автомобилями, пока экономический кризис не заставил их задуматься об экономии²⁷.

В-третьих, американцы не имели ничего против распространения одинаковых автомобилей, они не гнались за уникальностью, но с готовностью покупали совершенно идентичные машины. Модель «Т» была наглядным отражением национального характера американцев. С одной стороны, автомобиль подчеркивал их индивидуализм и независимость. А с другой – служил примером единства страны, отрицавшей сословные, классовые и пространственные границы.

Последнее было тем более важно, что для успешного распространения автотранспорта требовались тысячи километров хороших дорог. До автомобильной революции забота о большей части шоссе находилась под юрисдикцией местных властей, которые достаточно инертно реагировали на общественный запрос к их улучшению. Появление автомобилей, а также популяризация велосипедов в начале XX в. поставили вопрос о создании таких дорог, которые были бы ровными, чистыми и не размывались от осадков. Выход был найден в асфальте – смеси гравия, песка и битума, одного из нефтепродуктов. Начиная с середины XIX в. многие европейские и американские города проводили эксперименты по постройке асфальтовых дорог, но они так и не стали массовым явлением вплоть до начала эры машин.

Когда в 1915 г. федеральное Бюро общественных дорог выпустило свой первый официальный отчет об их состоянии, оказалось, что только двенадцатая часть дорог страны была покрыта асфальтом. В 1916 г. после принятия Закона о ремонте дорог шоссе перешли в ведомство государства, которое стало выделять реальные деньги для реконструкции старых и строительства новых автомагистралей. В одном только 1925 г. на эти цели было потрачено более миллиарда долларов.

Несмотря на увеличение контроля над строительством дорог, вплоть до середины XX столетия их состояние в целом по стране было неудовлетворительным. Только с приходом Дуайта Эйзенхауэра в Белый дом в 1953 г. федеральное правительство

²⁷ Ibid. P. 25.

запустило комплексную программу строительства скоростных шоссе, пересекавших страну с востока на запад²⁸.

В свою очередь, рост числа удобных асфальтовых дорог способствовал развитию туристической инфраструктуры в удаленных от цивилизации местечках на берегах озер, рек или на океанском побережье. Доступные автомобили и хорошие шоссе позволили американцам без особых забот отправляться на пикник после воскресной церковной службы.

Другим следствием распространения машин стала либерализация молодежной культуры. Молодые люди устраивали свидания на колесах, что для родителей зачастую служило поводом для ссор, а рекламщиков вдохновляло на создание «сексуального» образа авто.

Создание автомобилей было не единственным успешным бизнесом Генри Форда. В 1925 г. он купил “Stout Metal Airplane Company”, которая занималась производством самолетов. К середине 1920-х гг. гражданская авиация только начинала входить в моду и казалась весьма перспективной. Первый пассажирский самолет начал летать между Тампой и Санкт-Петербургом во Флориде в 1914 г. Вскоре рейсы соединили Ки-Уэст, также во Флориде, и кубинскую Гавану. Самая популярная авиакомпания начала 1920-х гг., «Аэромарин Уэст Индиз», ежегодно перевозила почти три четверти миллиона человек в год.

Тем не менее, популярность авиатранспорта была все еще невысокой из-за высоких цен и ненадежности техники. Самые распространенные моторы в начале 1930-х гг. требовали сервисного обслуживания каждые 250 часов.

Однако ни американцев, ни авиакомпании эти трудности не смущали. Пассажиры ради более быстрого вида транспорта жертвовали не только деньгами, но и комфортом. В пассажирском отсеке было настолько шумно, что люди были вынуждены общаться, передавая друг другу записки. Кроме того, температура нередко понижалась всего до 10 градусов Цельсия, а уровень тряски был настолько высок, что к каждому месту прилагался комплект мешочков на случай, если кого-то слишком замутит.

В 1933 г. вышел первый действительно комфортный пассажирский самолет – Boeing 247, оборудованный фордовским мотором. Он вмещал 10 пассажиров, имел туалет, отличался пониженным уровнем шума в отсеке и удобными кожаными креслами с подлокотниками. Кроме того, о комфорте пассажиров всегда могли позаботиться стюардессы. В дальнейшем самолеты увели-

²⁸ Ibid. P. 26.

чивали как свои размеры, так и число удобств. На борту пассажирам предлагались закуски и напитки, как алкогольные, так и безалкогольные, а курящим могли даже предложить сигареты на выбор. С 1929 г. авиакомпания предлагали на некоторых бортах просмотр фильмов²⁹.

Пассажирская авиация, так же, как и автомобили, изменили досуг американцев. К началу Второй мировой войны некоторые семьи уже могли себе позволить улететь в Европу на неделю. Очевидно, что это было дорогим удовольствием, но самолет позволял сэкономить время, что было крайне ценно для занятых бизнесменов, желающих попробовать что-то новенькое.

Развитие общественного транспорта и автомобильная революция привели к тому, что города в США постепенно переставали быть «пешеходными», их инфраструктура была перестроена для обеспечения удобств транспорта и развития индустрии. К 1930-м гг. сам город во многом напоминал устройство завода. Автоматизация производства, внедрение конвейеров, стандартизация и разделение труда сначала на фордовских заводах, а затем и повсюду привели к тому, что город стал восприниматься дегуманизованной машиной, пожирающей своих жителей. В знаменитом фильме «Новые времена» Чарли Чаплина главный герой пытается выжить в индустриальном мегаполисе, который сводит его с ума. В этой картине люди представлены шестеренками на огромном производстве, от которых требуется лишь выполнять определенные монотонные функции, такие как поддержание необходимой скорости работы конвейера на заводе³⁰. Главные герои фильма в конце бегут из города, чтобы начать новую жизнь.

Так же, как и персонаж Чаплина, многие американцы бежали от шума больших мегаполисов, суеты даунтаунов и индустриального дискомфорта. Они стали заселять пригороды, застроенные небольшими одно- и двухэтажными частными домами.

Обладание собственным домом всегда было символом успеха в американском обществе. Вплоть до начала XX в. владение частным домом свидетельствовало о стабильном доходе хозяина жилища, так как его строительство и содержание требовало серьезных финансовых вложений если не на проектировку дома «с нуля», то, по крайней мере, на проведение минимальных необходимых современных удобств вроде канализации. В 1922 г.

²⁹ Ibid. P. 29–30.

³⁰ Charlie Chaplin – Factory Scene – Modern Times (1936) // YouTube [Электронный ресурс]. URL: <https://youtu.be/6n9ESFJTnHs> (дата обращения 21.05.2021).

80% домов не были снабжены электричеством или даже светом. Установка проводки требовала как значительных средств, так и вынуждала перестраивать сам дом. Во-первых, он не был приспособлен к проведению кабелей между стенами. А во-вторых, для подключения к сети таких бытовых приборов, как плиты, стиральные машины, водонагреватели, пылесосы, а также холодильники и кондиционеры, которые только начинали входить в обиход, требовались розетки. Первым действительно массовым холодильником стал «Монитор-топ», выпущенный “General Electric” в 1927 г. Первые бытовые приборы покупались по подписке, часто выходили из строя и были дорогими: в 1929 г. средняя цена на холодильник равнялась приблизительно 268 долл., плита стоила 111 долл., а стиральная машина – 116 долл. Таким образом, стоимость всех трех устройств равнялась стоимости автомобиля³¹.

Однако, несмотря на технические сложности и высокие цены, американцы стали активно проводить электричество и покупать новомодные бытовые приборы в свои дома и квартиры. К 1927 г. более 17 млн домов уже имели свет, что изменило их внутренний облик и повседневный быт³². Так, на смену темным и тесным комнатам, еле освещенным керосиновыми лампами, пришла мода на большие гостиные, которые легко можно было осветить несколькими люстрами. Здесь было легко и удобно организовывать званые обеды и спонтанные вечеринки. А собрать друзей и знакомых в считанные часы позволял телефон.

Это изобретение Александра Белла было быстро взято на вооружение американцами по всей стране. К 1900 г. почти все телефонные сети в США были монополизированы Американской телефонной и телеграфной компанией (AT&T). Так же, как и автомобили, телефонные аппараты сначала создавались для обеспеченных людей. Хотя цена на них постепенно падала, к 1946 г. только половина американских семей пользовалась телефонной связью, причем более трех четвертей от этого числа приходилась на города. Тем не менее сельские жители тоже приобщались к высоким технологиям, заказывая по телефону одежду и бытовые товары из каталогов, которые можно было приобрести на почте³³.

Другая инновация начала XX в. – радио – обрела популярность намного быстрее. Коммерческие трансляции в США начались в 1920 г., и уже через пять лет существовало по меньшей мере

³¹ Cooper G. House and Home // A Companion to American Technology. P. 87–88.

³² Cumo C.M. Op. cit. P. 71.

³³ Ibid. P. 95.

10 производителей бытовых приемников. В 1925 г. американские семьи тратили на оплату радио почти такую же сумму, что и на все остальное электричество в доме. В 1929 г. американцы купили 4 438 000 приемников. Секрет успеха радио был прост: оно позволяло простым американцам узнавать новости, слушать развлекательные программы и музыку, не выходя из дома. Кроме того, в эпоху, когда развлечения были строго разделены по гендерному признаку (кружки кройки и шитья – для женщин, спортивные секции – для мужчин), радиоприемник со звучащим оттуда комедийным скетчем или политическим обзором притягивал людей обоих полов, всех возрастов и разных доходов. В итоге популярность радио стала одним из залогов развития массовой культуры³⁴.

Помимо сугубо развлекательной функции радио в США позволяло поддерживать контакт между большой политикой и обществом. Наиболее продуктивно эту возможность использовал Франклин Д. Рузвельт, начав вести свои «Беседы у камина», будучи на посту губернатора штата Нью-Йорк. В 1930 г. в одной из них он сказал:

Мы все знаем, что великая магия электричества сначала была использована только в целях освещения. Затем она стала использоваться на заводах для нужд индустрии. Сейчас же пришло время, когда электричество должно быть проведено в каждый дом, чтобы облегчить тяжесть ведения хозяйства³⁵.

В дальнейшем «Беседы у камина» превратились в мощный идеологический инструмент, обеспечивающий Рузвельту, уже как президенту, одобрение широких слоев населения в сложные для страны 1930-е гг. Переживающее Великую депрессию общество находило отдушину в радиопередачах. С одной стороны, они вселяли надежду на то, что у правительства есть план выхода из экономического кризиса, а с другой – отвлекали от насущных проблем.

Ту же функцию выполнял кинематограф. Кроме того, как и радиопередачи, фильмы способствовали демократизации общества. Одни и те же картины имели возможность смотреть горожане на Западе и Востоке страны, жители глубинки на Юге и Среднем Западе, богачи и бедняки, недавние иммигранты и потомки древних фамилий Новой Англии. Кинозвезды становились

³⁴ Ibid. P. 86–87.

³⁵ *Tobey R.C. Technology as Freedom: the New Deal and the Electrical Modernization of the American Home. Berkeley, 1996. P. 61.*

иконами стиля для зрителей, иногда совершенно неожиданным образом. Например, в годы Сухого закона герои фильмов часто изображались выпивающими алкоголь, причем положительные герои делали это даже чаще, чем злодеи. Это во многом задавало модель поведения для американцев, нейтрализуя государственную антиалкогольную кампанию.

Первые фильмы, вроде «Прибытия поезда» пионеров кино братьев Люмьер, были простыми, длились 50 секунд и демонстрировали бытовые сцены из жизни. Многие фильмы начала XX в. показывались в «никельодеонах» – дешевых кинотеатрах с билетами по 5 центов. Однако уже через 30 лет киноиндустрия стала высокобюджетной отраслью искусства, где создавались такие сложные с технической точки зрения картины, как «Рождение нации» Дэвида Гриффита или изначально снятый без сценария «Генерал» Бастера Китона. Показ первого полнометражного звукового фильма «Певец джаза» в 1927 г. начал новую эру в истории американского кино.

В 1931 г. в США работал 21 739 кинотеатр, а общее количество мест насчитывало 11 млн³⁶. В годы Великой депрессии такие легенды Голливуда, как Ф. Капра, У. Дисней и малютка Ширли Темпл исполняли важную терапевтическую миссию, создавая светлые и позитивные картины с «хэппи-эндом».

Электричество и нефть изменили облик городов на рубеже XIX–XX вв., а также повседневную жизнь горожан. Однако в это же время технологическая революция непосредственным образом коснулась и американской глубинки.

Первые робкие попытки использовать электрическую энергию в сельском хозяйстве в Соединенных Штатах наблюдались в конце XIX в. Фермеры оказались намного более консервативными, чем горожане, и вплоть до 1920-х гг. в целом использовали традиционные методы возделывания земли. Жителям глубинки было сложно оценить, каким образом электричество может помочь сэкономить силы, время и средства на ферме.

В течение всего XIX в. инноваторы по обе стороны Атлантики пытались применить электричество в работе с приводными ремнями, инструментами для вспашки, для освещения или даже для стимуляции лучшего роста разводимых культур. В результате к 1880-м гг. электрические плуги начали использоваться в Англии и Западной Европе. К концу Второй мировой войны в одной только Германии насчитывалось около 1600 подобных

³⁶ *Crafton D.* The Talkies: American Cinema's Transition to Sound: 1926–1931. History of the American Cinema. Vol. 4. N.Y., 1997. P. 155–156.

устройств³⁷. Однако в США, несмотря на то что работающая модель электропуга был представлена на Калифорнийской выставке в 1890 г., они так и не прижились.

По-иному обстояло дело с электрическими конвейерами, генераторами и освещением на полях. В 1892 г. в Алабамском политехническом институте был разработан электромотор для привода в действие машинных ремней. Его мощность равнялась 10 л. с. Предлагалось его использовать в молотилках, корморезках, хлопковых прессах, очистительных машинах (джинах) и дробилках. В том же году электричество было впервые использовано на молочной ферме Кристал Хилл в Пенсильвании³⁸.

Лидером по внедрению электричества в повседневную фермерскую работу оказалась Калифорния. Хозяйства в этом штате потребляли около 147 мВт энергии, что было больше, чем во всех остальных штатах вместе взятых. Тем не менее новые технологии распространялись довольно медленно, не в последнюю очередь из-за ограниченности применения и дороговизны устройств. Так, в 1892 г. мотор мощностью 25 л. с., паровой генератор, провода и инструменты для обслуживания совокупно обходились бы покупателю в 7800 долл. Этих денег хватило бы на покупку целой фермы³⁹.

Поворотным моментом в истории распространения новых технологий в американской глубинке стало массовое внедрение тракторов в 1920-х гг. Работающие на бензине, эти небольшие и удобные для многоцелевого использования машины стали неотъемлемым инструментом в большинстве фермерских хозяйств. В 1939 г. в США насчитывалось 1,6 млн тракторов, что было почти в два раза больше, чем десятилетием ранее. Наибольшее распространение трактор получил в так называемом кукурузном поясе, т. е. в штатах Среднего Запада, где ведущей сельскохозяйственной культурой была кукуруза. Перед Великой депрессией ежегодно в этом регионе продавалось около 10 тыс. тракторов, предназначенных для сбора кукурузы. Хотя эта цифра понизилась в начале экономического кризиса, уже в 1937 г. продажи выросли до 14 тыс. единиц. В 1938 г. в Айове 35% кукурузы собиралось машинной техникой, а в Иллинойсе эта цифра достигала 43%⁴⁰.

³⁷ Pursell C.W. Op. cit. P. 121.

³⁸ Ibid. P. 121–122.

³⁹ Ibid.

⁴⁰ Pursell C.W. Op. cit. P. 259–260.

Производство тракторов в США было настолько успешным, что американцы экспортировали их в Европу. Так, первые тракторы, которые появились в индустриализирующейся Советской России, были американскими.

Несмотря на очевидные преимущества использования тракторов в сельском хозяйстве, внедрение инноваций приводило и к негативным последствиям. Во многих штатах внедрение машинного труда было причиной потери работы для семей, арендующих части полей у крупных собственников. В отсутствие средств к существованию эти невольные жертвы прогресса были вынуждены покидать родные края и перебиваться временными подработками. Для таких людей технический прогресс не нес ничего, кроме разочарования и нищеты. К 1930-м гг. индустриальный город, представлявшийся многим американцам дегуманизированной машиной, сводящей с ума и подчиняющей волю, пришел в деревню в образе рычащего и грохочущего трактора. Именно таким образом описал машины Дж. Стейнбек в своем знаменитом романе «Гроздь гнева»:

Тракторы двигались по дорогам и сворачивали в поля – громадные гусеничные тракторы ползли, как насекомые, и они обладали невероятной силой насекомых. Тракторы ползли по полям, уминали гусеницами землю и взрывали большие ее пласты дисками. Дизельные тракторы останавливались, но мотор не переставал фыркать; они трогались с места и поднимали рев, который постепенно переходил в однотонный гул. <...> Человек на железном сиденье не был похож на человека: перчатки, очки, резиновая маска, защищающая от пыли рот и нос, – он казался придатком этой громадины, роботом. <...> Тракторист не был властен над своей машиной – она шла напрямик, шла по участкам, поворачивала и так же напрямик возвращалась обратно. Легкое движение рычага – и гусеничный трактор отклонился бы от своего пути, но рука тракториста не могла сделать это движение, потому что чудовище, создавшее трактор, чудовище, пославшее его сюда, владело руками тракториста, его мозгом, его мускулами; оно обрядило тракториста в наглазники, в намордник, затемнило наглазниками его разум, приглушило намордником его речь, затемнило его сознание, приглушило слова протеста⁴¹.

Внедрение тракторов в сельское хозяйство принесло и другую беду. Экстенсивное ведение сельского хозяйства и деградация

⁴¹ *Стейнбек Дж. Гроздь гнева // Стейнбек Дж. Собр. соч. в шести томах. Т. 3. М.: Правда, 1989. С. 38.*

почв на американском Среднем Западе вызвали в 1930–1936 гг. пыльный котел, серию катастрофических пыльных бурь, ставших причиной массового оттока населения из этого региона. Вышедшая в 1936 г. документальная картина «Плуг, нарушивший равнины», созданная по заказу правительства США режиссером Паре Лоренцом, проводила прямую параллель между внедрением машинного труда в сельском хозяйстве и возникновением пыльных бурь. Эта документальная лента призывала к более взвешенному, «научному» подходу при внедрении новых технологий⁴².

Примером государственной инициативы, которая иллюстрирует этот новый подход, может служить строительство Плотины Боулдер – или Гувера. Оно отвечало двум целям. С одной стороны, сооружение такого масштаба – 221 м в высоту и 379 м в длину – должно было стать символом технологического лидерства США. С другой стороны, плотина конструировалась с учетом того, что она будет выполнять целый комплекс задач: от контроля за уровнем воды в р. Колорадо до снабжения ею засушливых районов в Аризоне и Неваде и производства электроэнергии. Первый электрогенератор заработал в 1936 г., а уже через три года суммарная мощность станции равнялась 704 800 кВт, что делало Плотину Гувера на тот момент самой мощной гидроэлектростанцией в мире⁴³.

Создание столь мощной ГЭС на р. Колорадо, сооружение системы энергокаскадов на р. Теннесси в середине 1930-х гг., а также взятый правительством Ф. Рузвельта курс на более централизованную модернизацию стратегически важных для государства отраслей экономики и производства, привели к тому, что в 1935 г. создается Администрация сельской электрификации (REA). К 1935 г. менее 10% американских хозяйств были подключены к линиям электропередач, что не идет ни в какое сравнение с аналогичными показателями в Японии (90%), Франции (95%) и Нидерландах (почти 100%). Еще небольшая часть хозяйств использовали собственные генераторы на дизельном или бензиновом топливе. Целью REA становится централизованное проведение электричества в отдаленные аграрные районы на базе создания фермерских кооперативов, получающих государственные займы для постройки линий электропередач⁴⁴.

⁴² The Plow That Broke the Plains (1936) // YouTube [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=hzaV5FdZMUQ> (дата обращения 21.05.2021).

⁴³ Pursell C.W. Op. cit. P. 262–263.

⁴⁴ Ibid. P. 265–267.

Руководители REA, опасаясь, что эта инициатива правительства не найдет должного отклика со стороны фермеров, организовали целую пропагандистскую кампанию. Она была нацелена на объяснение того, что коллективные усилия ради всеобщего блага вполне отвечают независимому американскому духу, а не напоминают о наступлении коммунизма, как в бурно развивавшемся в то время Советском Союзе.

В итоге к началу 1940-х гг. фермеры стали использовать больше энергии из расчета на одного человека, чем жители городов. Почти половина получаемой электроэнергии расходовалась ими на орошение, треть – на обеспечение домашнего быта, а оставшаяся часть – на технические постройки и технику. Всего линии электропередач были проведены к 29% ферм по стране. Тем не менее электрификация сельских областей прошла неравномерно: если на тихоокеанском побережье электричеством было обеспечено почти 80% хозяйств, то на юго-западе – всего 10%⁴⁵.

За примерно 50 лет между началом электрификации и началом Второй мировой войны американское общество пережило настоящую революцию, которая затронула все сферы человеческой жизни. Проведение света на улицы населенных пунктов сделало их более комфортными и безопасными. Последовавший за этим прорыв в области транспорта позволил жителям городов перебираться в пригороды, быстро добираться от дома до работы или места общественного отдыха и развлечений. Автомобиль в начале XX в. удовлетворил желание американцев сохранить дух индивидуализма в мире, где все новые открытия и технологии, такие как радио, кино и бытовые приборы, были ориентированы скорее на коллективизм. Прорыв в области обработки нефти позволил проложить чистые и ровные асфальтовые дороги даже в самые отдаленные от городской цивилизации уголки страны. Автомобиль и улучшенные дороги дали американцам возможность проводить выходные и отпуск с семьей на природе, вдали от городской суеты, выезжая в пансионаты и на американские курорты.

В далеких от огней мегаполиса сельских районах страны новые технологии облегчили труд людей. Трактора и конвейеры помогли фермерам сэкономить силы и средства, которые раньше тратились на посадку культур и сбор урожая, а строительство потрясающих воображение гидроэлектростанций дало возможность автоматизировать ирригационные системы.

Технологическая революция имела и негативные последствия. Внедрение конвейерного производства заставило многих

⁴⁵ Ibid.

почувствовать себя лишь бессмысленными винтиками в огромной государственной машине. Механизация консервативного сельского хозяйства способствовала появлению пыльных бурь 1930-х гг. и увеличила уровень безработицы, заставляя низкоквалифицированных жителей американской глубинки перебираться в города в поисках хотя бы какой-нибудь работы.

В то же время именно благодаря технологиям произошла демократизация общества. Многие люди, не имевшие возможности приобщиться к благам высокой культуры, открыли для себя классическую музыку, услышав ее по радио. Другие, посетив кинотеатры, стремились подражать внешнему облику и поведению звезд, увиденных на экране. А третьи, находясь в разношерстной толпе людей, собравшихся на бейсбольный матч, чувствовали настоящее эмоциональное единство нации.

Для дальнейшего изучения

- Матонин Е.В.* Никола Тесла. М., 2014.
- Скоренко Т.* Изобретено в России: История русской изобретательской мысли от Петра I до Николая II. М., 2017.
- Шпотов Б.М.* Генри Форд: жизнь и бизнес. М., 2003 (2-е изд. стереотипное, 2005).
- A Companion to American Technology / Ed. by C. Pursell.* Malden, 2008.
- Cowan R.S.* A Social History of American Technology. N.Y., 1997.
- Crafton D.* The Talkies: American Cinema's Transition to Sound: 1926–1931. History of the American Cinema. Vol. 4. N.Y., 1997.
- Cumo C.M.* Science and Technology in 20th-Century American Life. Westport, 2007.
- Pursell C.W.* The Machine in America: a Social History of Technology. 2nd ed. Baltimore, 2007.
- Tobey R.C.* Technology as Freedom: the New Deal and the Electrical Modernization of the American Home. Berkeley, 1996.

Электронные ресурсы

- Видеоролик к данной лекции см.: URL: <https://edu.amc.ru/courses>
- The Plow That Broke the Plains (1936) // “YouTube” [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=hzaV5FdZMUQ> (дата обращения 21.05.2021).
- Charlie Chaplin – Factory Scene – Modern Times (1936) // “YouTube” [Электронный ресурс]. URL: <https://youtu.be/6n9ESFJTnHs> (дата обращения 21.05.2021).

Тема 6. «Американский век»:
технологии на службе человека
и против него

Введение в «американский век»

В 1941 г., в разгар Второй мировой войны, издатель Генри Робинсон Люс, основатель журналов “Time” и “Life”, предсказывал, что

...XX век, если миру предстоит возродиться во здравии и в полной силе, должен быть в значительной степени Американским веком. <...> Инженеры, ученые, доктора, кинематографисты, представители индустрии развлечений, создатели авиалиний, строители дорог, учителя, просветители – по всему миру ощущается необходимость в этих специальностях, этих знаниях, в этом лидерстве. И наших людей будут повсюду энергично приветствовать, если только у нас хватит разума признать это, а также достанет искренности и доброй воли для создания мира XX века⁴⁶.

Мир второй половины прошлого столетия действительно в значительной степени оказался американским. Это касалось как технологического прогресса, так и идеологии. В условиях, когда Европа лежала в руинах после Второй мировой войны, а с Востока, по мнению американцев, надвигалась угроза мирового коммунизма, именно США предстояло взять на себя бремя сверхдержавы-защитницы демократии и универсальных ценностей.

По сравнению со Старым Светом Америка оказалась почти не затронутой войной и смогла быстро восстановиться, превратившись в мирового технологического лидера. Именно американцы задавали инновационные тренды 1950–1990-х гг. во многих сферах. Однако новые технологии не только облегчали повседневную жизнь людей, повышали их благосостояние и способствовали развитию гражданского общества, но и порождали страхи по поводу возможных последствий.

© Панов А.С., 2023

⁴⁶ *Luce H.R.* The American Century. N.Y., 1941. P. 30, 37.

В 1964 г. группа ученых и журналистов опубликовала «Манифест о тройной революции», в котором связала воедино три общественно-технических тренда второй половины XX столетия: использование ядерной энергии, автоматизацию производства и борьбу за расширение прав человека. Инициатором издания манифеста выступил влиятельный Центр изучения демократических институтов, а под документом поставили подписи 34 человека, включая основателя квантовой химии Лайнуса Полинга, футуриста Роберта Теобальда и будущего обладателя Нобелевской премии по экономике Гуннара Мюрдаля⁴⁷.

Авторы манифеста выражали обеспокоенность стремительным и неконтролируемым техническим прогрессом и, признавая ценность достижений в области технологий, предупреждали о том, что при бездумном использовании они могут обратиться против человека и привести к катастрофическим последствиям для всего человечества.

Об инновациях второй половины XX столетия, а также дискуссиях вокруг них и пойдет речь в этой лекции.

Бесконечный фронт науки Вэнивар Буша

Человеком, который помог воплотить технологический «Американский век» в жизнь, стал великий инженер, изобретатель и научный администратор Вэнивар Буш.

Выпускник Университета Тафта Вэнивар Буш с самого начала своей научной карьеры показал себя экстраординарным ученым, ориентированным на практическое использование своих разработок. Во время Первой мировой войны Буш занимался проблемой обнаружения немецких подводных лодок, что было делом государственной важности. Он был обеспокоен административной неразберихой и отсутствием слаженной организации, которая мешала работе его и других таких же инженеров. По его мнению, в значительной степени низкая эффективность производящихся исследований объяснялась отсутствием доступа к влиятельным центрам власти, расположенным в Вашингтоне. Получалось, что ученые и политики не имели ни малейшего понятия о целях и методах работы друг друга.

После войны Буш устроился на работу на позицию профессора электротехники в Массачусетский технологический инсти-

⁴⁷ The Ad Hoc Committee for the Triple Revolution. The Triple Revolution. Santa Barbara, 1964. P. 5.

тут (MIT), где он ранее защищал докторскую работу. Его карьера бурно развивалась. Уже к середине 1930-х гг. он стал вице-президентом института, а также сблизился с его главой Карлом Тейлором Комптоном. После своего избрания в члены Национальной академии наук в 1934 г. и назначения в Научно-консультативный совет (который работал под руководством Комптона) Буш установил важные рабочие отношения со многими ведущими учеными и научными администраторами США.

После переезда в Вашингтон в 1939 г. и своего назначения на пост президента ведущей частной исследовательской организации страны, Института Вэнивар Буш становится влиятельным лоббистом прикладной науки, близким к правительственным кругам. Вскоре он также стал председателем Национального консультативного комитета по воздухоплаванию (НАСА), предшественника NASA. С этого момента можно отсчитывать начало «Американского века» в технологиях.

Буш действительно был выдающимся футурологом, причем и как инженер-изобретатель, и как научный администратор. С одной стороны, он понимал, что будущее человечества будет тесно связано с развитием цифровых технологий. Еще в 1930-е гг. он руководил разработкой дифференциального анализатора, аналогового компьютера, предшественника цифровых вычислительных машин. В 1945 г. в работе «Как мы можем мыслить» он писал об огромных возможностях, которые открывает компьютерный век: «Энциклопедия Britannica может быть уменьшена до размера спичечной коробки. Библиотека из миллиона томов может быть уместена на краю стола»⁴⁸.

С другой стороны, Вэнивар Буш осознавал, что технологический успех США во второй половине XX в. не может прийти без слаженной работы между университетскими учеными, правительством и частными инвестициями. В эпоху, когда прогресс движется столь быстро, необходимо было максимально сократить время между началом разработок технологий и запуском их на практике. Понимание этого оказывалось тем более своевременным, что в конце 1930-х гг. все больше и больше умов беспокоила угроза грядущей мировой войны.

По мнению Буша, Америка была недостаточно готова к технологическому противостоянию с Германией. Поэтому он предложил в 1940 г. создать организацию, целью которой станет центра-

⁴⁸ *Bush V. As We May Think // The Atlantic Monthly. 1945. July [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/1945/07/as-we-may-think/303881/> (дата обращения 21.05.2021).*

лизация усилий американских изобретателей и инженеров в применении новых технологий на благо страны. Президент Франклин Д. Рузвельт согласился с предложением. В том же году был создан НКОИ – Национальный исследовательский комитет по вопросам обороны (NDRC). НКОИ представлял собой замечательный пример сотрудничества между правительством, общественными организациями и частными лицами на благо всей страны.

В комитет, помимо самого Буша, вошли такие люди, как президент Национальной академии наук и вице-президент коммуникационной корпорации AT&T Фрэнк Джуэтт, президент Гарвардского университета Джеймс Конант и президент MIT Карл Комптон. Все эти люди были знакомы с самыми влиятельными фигурами американского эстеблишмента, а потому перед НКОИ открывались широкие перспективы.

В 1941 г. НКОИ вошел в состав созданного Управления научных исследований и развития, главой которого стал сам Вэнивар Буш. Обе организации тратили миллионы долларов на покупку прав на использование передовых технологий в военных целях у самых передовых американских исследовательских центров. Так, в 1944 г. Управление научных исследований и развития (УНИР) потратило 337 млн долл. Среди учебных заведений основные гранты получили MIT, Калифорнийский технологический университет, Гарвард и Колумбийский университет. В свою очередь “Western Electric” (производственное подразделение AT&T), “General Electric”, “Radio Corporation of America” и “Westinghouse” получили больше всего средств среди корпораций⁴⁹.

В распределении денег УНИР делало главную ставку на инновационные виды технологий. Усилия быстро дали свои плоды. В годы Второй мировой войны Управление помогло разработать новейшие точные радары, использовавшиеся для обнаружения субмарин, радиовзрыватели, машины-амфибии, ракеты и компьютеры. Также силами лабораторий, которым оказывало поддержку УНИР, было внедрено повсеместное использование антибиотиков, что помогло спасти множество жизней на фронте.

Признанием роли Вэнивара Буша в борьбе с нацизмом было то, что в 1942 г. журнал “Collier’s” назвал его «человеком, который, возможно, победит в войне», а в 1944 г. “Time” поместил его фотографию на свою обложку, назвав его «генералом физики»⁵⁰.

⁴⁹ Pursell C.W. Op. cit. P. 273.

⁵⁰ Dizikes P. The General of Physics // MIT Technology Review. 2011. April 19 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.technologyreview.com/2011/04/19/195631/the-general-of-physics/> (дата обращения 21.05.2021).

После завершения Второй мировой войны Буш создал дорожную карту будущего развития Америки в своем докладе «Наука: бесконечный фронтир», в котором говорилось о необходимости долгосрочного государственного финансирования научных исследований путем создания отраслевых агентств. Залогом прогресса должно было стать эффективное расходование средств на перспективные проекты, способные дать практические улучшения жизни. План Буша стал реальностью уже в 1950-е гг., когда во время президентства Эйзенхауэра были открыты Национальный научный фонд и Национальные институты здравоохранения. Как позднее признавался бывший президент MIT Джером Б. Виснер, «Ни один американец не имел большего влияния на развитие науки и техники, чем Вэнивар Буш»⁵¹. И надо признать, это абсолютная правда.

Ядерная энергия: военный и мирный атом

Самой важной среди разработок, которые находились под патронажем УНИР, была атомная бомба. Следует понимать, что ее изобретение рассматривалось в 1940-е гг. как дело первостепенной важности в связи с продолжающейся Второй мировой войной. Существовало понимание, что обладание ядерным оружием может изменить баланс сил и внести решающий вклад в победу над Германией и ее союзниками, а также повлиять на послевоенное устройство.

Работы над новым по своей разрушительности оружием велись во входящем в УНИР Урановом комитете, который затем, в 1943 г., будет превращен в Манхэттенский проект. За руководство над созданием атомной бомбы отвечали два человека – Роберт Опенгеймер и генерал Лесли Гровс. Опенгеймер был одним из самых известных американских физиков-теоретиков, и ему доверили научное руководство проектом. Гровс, ранее отличившийся при строительстве Пентагона, в свою очередь, отвечал за общую организацию работ, строительство и снабжение. В итоге к 1945 г. создали две плутониевые бомбы и одну урановую, истратив примерно 3 млрд долл. из государственного бюджета⁵². Результаты превзошли все ожидания. В июле 1945 г.

⁵¹ Ibid.

⁵² Pурселл C.W. Op. cit. P. 274.

состоялись тестовые испытания в Нью-Мексико, закончившиеся успехом⁵³.

Далеко не все ученые, которые участвовали в Манхэттенском проекте, выступали за использование разрабатываемого ими разрушительного оружия. Терзали сомнения и самого Оппенгеймера. Однако в июле 1945 г. Г. Трумэн, несмотря на предупреждения физиков-ядерщиков, принял решение о двойном атомном ударе по Японии⁵⁴.

Можно выделить три основные причины, которые побудили президента пойти на этот шаг. Во-первых, он стремился заставить Японию капитулировать и тем самым спасти жизни тысяч американских солдат. Битва за Окинаву, продолжавшаяся 82 дня (с 1 апреля по 23 июня 1945 г.) и ставшая самой кровопролитной для США на тихоокеанском театре военных действий, продемонстрировала, что японцы будут сражаться до последнего солдата. Во-вторых, Япония была врагом, вероломно напавшим на США, и она заслуживала мести за Перл-Харбор. И коль скоро у американцев в руках оказалась атомная бомба, воспринимавшаяся как самое мощное по разрушительной силе, но, тем не менее, обычное оружие, его применение против врага тогда казалось оправданным. В-третьих, Трумэн намеревался продемонстрировать Советскому Союзу, отношения с которым ухудшались на фоне решения вопросов о послевоенном устройстве мира, всю мощь Соединенных Штатов, ставших ядерной державой.

6 и 9 августа ВВС США скинули бомбы «Малыш» и «Толстяк» на японские города Хиросима и Нагасаки, где в результате взрыва и радиоактивного заражения погибло не менее 200 тысяч человек. Последовавшая гуманитарная катастрофа заставила человечество осознать, насколько опасным оружием является атомная бомба⁵⁵.

Хиросима и Нагасаки вывели отношения между технологией и вооружением на новый уровень. Наука первой половины XX в., во многом спонсировавшаяся правительствами и делавшая войны все более разрушительными по их последствиям, теперь могла стать причиной ядерного апокалипсиса. Технологии, вместо облегчения и спасения жизни людей, теперь угрожали им смертью. После того, как Советский Союз испытал свою бомбу

⁵³ *Silverman M.J.* Nuclear Technology // A Companion to American Technology. P. 307.

⁵⁴ *Мальков В.Л.* «Манхэттенский проект». Разведка и дипломатия. М., 1995. С. 116–129.

⁵⁵ *Silverman M.J.* Op. cit. P. 307–308.

в 1949 г. и атомное противостояние между СССР и США стало реальностью, многие эксперты и ученые выражали опасения, что следующая война перерастет в ядерную и сотрет с лица земли большую часть человечества.

Все это заставляло задуматься о том, можно ли использовать атомную энергию не во вред, но во благо? Реально ли ее применение в мирных целях?

В 1946 г. Конгресс США учредил Комиссию по атомной энергии (КАЭ) для поддержания и развития ядерного потенциала страны. Хотя влияние военных кругов на нее всегда было велико, все же это было гражданское учреждение, значительно повлиявшее на разработку методов применения ядерных технологий в мирных целях. Например, КАЭ уделяла большое внимание изучению и распространению методов ядерной медицины, особенно использованию радиоактивных изотопов для диагностики и лечения. Суть ее заключается в следующем.

Изотопы – это разные конфигурации одного и того же химического элемента, содержащие одинаковое количество протонов и электронов, но разное количество нейтронов. Многие изотопы нестабильны и поэтому выделяют энергию по мере распада. Изотопы элемента имеют одинаковые химические свойства, поэтому тела и аппараты не различают их, что позволяет врачам или исследователям использовать радиоактивный изотоп в качестве индикатора, измеряя выделяемую им энергию. Таким образом, врач может ввести радиоактивный изотоп кислорода в организм пациента, чтобы оценить качество функционирования его легочной и сердечно-сосудистой систем.

Другие изотопы используются для лечения заболеваний. Например, радиоактивный йод необходим при гипертиреозе, синдроме, обусловленном гиперфункцией щитовидной железы. В рамках этого случая излучение используется для разрушения опухоли или других нежелательных тканей. Во многом благодаря спонсорской поддержке со стороны правительственных учреждений ядерная медицина прочно вошла в сферу клинической медицины в развитых странах мира, причем в одних только Соединенных Штатах ежегодно проводится более десяти миллионов процедур с применением радионуклидов⁵⁶.

Другой амбициозной инициативой стал запущенный в 1951 г. Проект Шервуд, нацеленный на расширение возможностей по управлению термоядерным синтезом. «Если нынешние усилия окажутся успешными, – заявлял один из руководителей Комис-

⁵⁶ Ibid. P. 308–310.

сии по атомной энергии, – человек найдет окончательное решение одной из своих самых насущных проблем. Он получит новый практичный источник энергии, который будет отвечать его запросам не только следующую сотню или тысячу лет, но на такой срок в будущем, насколько это можно себе представить»⁵⁷. В 1957 г. КАЭ запустило Проект Плаушер, задачей которого стало использование ядерных зарядов для решения промышленных задач над и под землей, таких как создание котлованов под строительство.

Ядерная медицина получила значительный толчок к развитию после старта программы «Атом для мира». В своей речи в декабре 1953 г. на Генеральной Ассамблее ООН президент Дуайт Эйзенхауэр выразил готовность и стремление Соединенных Штатов применять атомную энергию на благо всего человечества. Программа «Атом для мира» включала значительные исследования и разработки и сопровождалась мощной рекламной кампанией.

Программа «Атом для мира» способствовала международному распространению ядерных технологий, предоставляя большое количество расщепляющихся материалов и изотопов в медицинских и исследовательских целях. Исследователи со всего мира участвовали в программе, что позволило использовать методы ядерной медицины, а затем и строить атомные электростанции в десятках стран⁵⁸.

Электрогенерирующие атомные электростанции являются, пожалуй, самым известным применением ядерной технологии. Тепловые электростанции производят электричество, используя источник энергии для кипячения воды и выработки пара. Пар используется для вращения турбин, которые вырабатывают электричество. В отличие от традиционных тепловых электростанций, которые сжигают ископаемое топливо, такое как уголь, атомные электростанции производят тепло, поддерживая контролируемую реакцию деления в ядерном реакторе.

Атомные электростанции обладают многими преимуществами по сравнению с другими формами производства электроэнергии. В основном они заключаются в том, что с технической точки зрения уран является более эффективным источником энергии, чем уголь, нефть или природный газ. Типичный урановый стержень, используемый в современном ядерном реакторе, может производить столько же энергии, сколько несколько тонн

⁵⁷ *Bishop A.S.* Project Sherwood: The U.S. Program in Controlled Fusion. Reading, 1958.

⁵⁸ *Silverman M.J.* Op. cit. P. 309–310.

угля. Реакция деления также имеет преимущества перед сжиганием ископаемого топлива в том, что реактор не выделяет парниковых газов. Поэтому с точки зрения экологии работа ядерного реактора чище, чем работа угольной электростанции.

Ученые давно мечтали, что ядерные технологии принесут пользу человечеству: они казались почти неограниченным источником энергии. Выступая перед группой научных журналистов в 1954 г., председатель КАЕ Льюис Стросс, как известно, полагал, что электроэнергия от ядерных реакторов будет «слишком дешевой, чтобы ее можно было измерить». Как и большинство вещей, которые звучат слишком хорошо, чтобы быть правдой, ядерная энергетика не вполне оправдала ожидания.

Несмотря на то что КАЕ при своем учреждении публично взяла на себя обязательства по выработке электроэнергии на основе ядерного деления, агентство столкнулось как с техническими, так и с экономическими трудностями в разработке безопасного, надежного и экономически эффективного реактора. Только в 1953 г., спустя несколько лет опытов и экспериментов, была достоверно доказана безопасность использования атомной энергии для получения электричества. А уже в следующем 1954 г. началось строительство первой коммерческой атомной электростанции в Шиппингпорте, Пенсильвания, заработавшей через четыре года.

Воодушевленные федеральными субсидиями, американские энергетические компании начали инвестировать в атомные электростанции в начале 1960-х гг. В целом отрасль пережила бум после введения арабскими странами нефтяного эмбарго в 1973 г. К концу 1970-х гг. в США действовало или находилось в процессе строительства около ста атомных станций. По состоянию на 2000 г. в Америке было 104 действующих атомных электростанций, больше, чем в любой другой стране мира. Совокупно они вырабатывают около 20% электроэнергии страны⁵⁹.

Глобализация и автоматизация

В условиях блокового противостояния с СССР, начавшегося во второй половине 1940-х гг., США были вынуждены взять на себя ответственность за восстановление Западной Европы после Второй мировой войны. По мнению президента Гарри Трумэна, помощь должна была быть разделена на две категории:

⁵⁹ Ibid. P. 311–313.

Первая категория – это технические, научные и управленческие знания, необходимые для экономического развития. Эта категория включает в себя не только медицинские и образовательные знания, помощь и консультации в таких фундаментальных областях, как санитария, связь, дорожное строительство и государственные услуги, но также и помощь в исследовании ресурсов и планировании долгосрочного экономического развития.

Вторая категория – это производственные товары (машины и оборудование) и финансовая помощь в создании производственных предприятий. Слаборазвитые регионы нуждаются в капитале для развития портов и гаваней, дорог и коммуникаций, ирригационных и дренажных проектов, а также для коммунальных услуг и всех видов добывающей и обрабатывающей промышленности⁶⁰.

Слова президента Трумэна нашли свое практическое воплощение в Плане Маршалла, который вступил в действие в 1948 г. и подразумевал комплексную экономическую помощь странам Западной Европы для восстановления от военных разрушений. Важно отметить, что одним из условий участия в этой программе было запрещение активной политической деятельности коммунистических партий. Другим условием была рыночная перестройка национальных экономик.

Победа во Второй мировой войне, экономическое, технологическое и военное превосходство и План Маршалла способствовали обретению США статуса сверхдержавы и дали начало «Американскому веку» в международных отношениях. Его итогом стало то, что за вторую половину XX в. экспорт американских технологий, а также социальных, экономических и политических институтов и практик создали глобализованный мир по американскому образцу.

Расширяя свое международное влияние, американцы в послевоенные годы не забывали и о модернизации собственной страны, которая должна была служить витриной демократического и свободного мира в противовес лагерю социализма, в котором господствовала плановая экономика.

Технологическая революция, связанная с развитием транспортных коммуникаций, произошедшая в первой половине XX в., а также повсеместное внедрение конвейерного производства из-

⁶⁰ *Truman H.S. Special Message to the Congress Recommending Point 4 Legislation. 1949. June 24 // The American Presidency Project [Электронный ресурс]. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/special-message-the-congress-recommending-point-4-legislation> (дата обращения 21.05.2021).*

менили облик американских городов и образ жизни американцев. Таким образом, были подготовлены все предпосылки второй составляющей «Тройной революции» – автоматизации.

К концу 1960-х гг. выяснилось, что значительная часть людей в США предпочитает работать в городах, а жить в пригороде. Перепись населения 1970 г. показала, что большинство людей живет за городом. Хотя процесс оттока населения из мегаполисов в уютные окраины начался еще в 1920-е гг., своего пика он достиг в 1950-е. Происходившее в послевоенное время широкомасштабное строительство типовых одно- или двухэтажных домов в пригородах стало символом американского образа жизни и простых семей, состоящих из мужа, жены и двух детей, беззаботно выполняющих свои общественные функции: отец должен работать, мать – воспитывать детей и заботиться о доме, дети же обязаны хорошо учиться в школе⁶¹. Жизнь в пригороде не была унылой, как ее часто описывают: люди семьями ходили в театры, кино и устраивали небольшие автопрогулки по воскресеньям. Вообще популярность машин только росла: их ежегодное производство достигло 7,6 млн в 1963 г. В начале 1970-х в США насчитывалось более 112 млн зарегистрированных транспортных средств, и как минимум один из семи американских рабочих был трудоустроен на автозаводе⁶².

Во второй половине XX в. (уже второй раз после введения конвейерного производства на заводах Форда) производственный процесс на фабриках сделал качественный рывок вперед. В 1946 г. на открытии одного из новых заводов было произнесено слово «автоматизация». В следующем году оно появилось в прессе на страницах “American Machinist”, а вскоре после этого разнеслось по всем Соединенным Штатам. Хотя изначально *автоматизация* подразумевала лишь соединение станков с передаточными механизмами на всех этапах производства, это слово в скором времени получило несколько иной смысл – создание заводов, которые вообще не требуют человеческого обслуживания.

Для того, чтобы автоматизация стала действительно всеобщей, не хватало самого главного элемента – компьютерного контроля, способного заменить человека. Первые автоматические контрольные панели были приобретены государственным Бюро переписи населения США в 1952 г., а пять лет спустя уже многие частные предприятия последовали его примеру. Первая контролируемая компьютером производственная линия была установлена на заводе “Western Electric” в Северной Каролине. В 1966 г. в

⁶¹ Pursell C.W. Op. cit. P. 282.

⁶² Ibid. P. 282–283.

США уже насчитывалось от 15 до 20 тысяч компьютеров, занятых в промышленности. Конечно, эти компьютеры совсем не походили на современные. Скорее это были огромные вычислительные машины, позволяющие автоматизировать производственные процессы, которые ныне проходили без участия людей. Их внедрение помогало ускорить работу предприятий и сделать ее как никогда эффективной⁶³.

Тем не менее образы замененных машинами людей не могли не беспокоить сотрудников фабрик и заводов в начале 1950-х гг. Так, в 1954 г. члены Объединенного профсоюза авторбочих начали забастовку с целью помешать бесконтрольному распространению автоматизации, справедливо рассматривая ее как угрозу своему трудоустройству.

Футурологи и писатели-фантасты также призывали к осторожности. В 1948 г. Норберт Винер опубликовал книгу «Кибернетика», в которой поставил вопрос о возможности соединения нервной системы человека и механических систем управления. Его следующая книга «Кибернетика и общество» предсказывала быстрое распространение автоматизации и предупреждала о возможных социальных последствиях этого процесса, включающих, помимо всего прочего, и массовую безработицу. В 1952 г. Курт Воннегут в своем дебютном романе «Механическое пианино» живописал картину недалекого будущего, где ручной труд заменен машинами, а человечество разделено на два класса – обеспеченную техническую элиту и проживающих в нищете низкоквалифицированных рабочих, вынужденных перебиваться случайными подработками. Другими прекрасными примерами выражения общественного беспокойства насчет автоматизации могут служить романы Слоана Уилсона «Человек в сером фланелевом костюме» и Уильяма Уайта «Организационный человек». Оба произведения стали бестселлерами, разошедшимися миллионными тиражами.

Несмотря, однако, на страхи насчет автоматизации, ее результаты никогда не были столь плачевными, как предсказывали ее критики. Противники внедрения компьютеров в производственный процесс во второй половине XX в. сегодня отчасти напоминают луддитов позапрошлого столетия, которые протестовали против использования машинного труда. Всегда тяжело примириться с тем, что труд человека более не ценится, а на его место приходят механизмы и автоматические программы. Исчезновение старых рабочих мест и появление новых профессий неразрывно связано с самой идеей технического прогресса.

⁶³ Ibid. P. 287–288.

Общественная забота и телевидение

После появления манифеста «Тройная революция» в 1964 г. многие люди обнаружили, что их беспокойство, вызванное бесконтрольным развитием технологии, должно быть компенсировано либерализацией и гуманизацией сферы общественных отношений.

Мартин Лютер Кинг, выступая незадолго до своего убийства в 1968 г., напрямую ссылался на манифест:

Нельзя не упомянуть тот факт, что сегодня в мире происходит великая революция. В некотором смысле это тройная революция: технологическая революция, а именно автоматизация и кибернетизация; также это революция в вооружении, [связанная] с появлением атомного и ядерного оружия; кроме того, это революция в области прав человека, с взрывом свободы, который происходит во всем мире. Да, мы живем в эпоху перемен!⁶⁴

Успехи борцов за права афроамериканцев находились в прямой зависимости от новых технологических устройств. Так, марши протеста 1965 г. из Сельмы в Монтгомери, возглавляемые М.Л. Кингом, в значительной степени состоялись из-за давления общественности на федеральное правительство США. Телезрители были шокированы кадрами жестокого разгона безоружной толпы солдатами и полицией штата Алабама.

В отличие от старых средств массовой информации, телевидение, как казалось, может быть намного более объективным и беспристрастным. В отличие от радио или газет, телевизионные записи предлагали своим зрителям эмпирический опыт, которым на первый взгляд было сложно манипулировать. Эта особенность и определила популярность телевидения во второй половине XX в., а также сделала его неотъемлемым символом наступившего «Американского века».

Первые прототипы современного телевидения появились в США еще перед Второй мировой войной. Так, в 1939 г. “Radio Corporation of America” транслировала речь президента Рузвельта на Всемирной выставке. К 1948 г. в США уже было 48 телестудий в 23 городах⁶⁵.

⁶⁴ King M.L., *Saw Jr.* Three Evils in the World // The Atlantic. 2018. Feb. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2018/02/martin-luther-king-hungry-club-forum/552533/> (дата обращения 21.05.2021).

⁶⁵ *Cumo C.M.* Op. cit. P. 88.

Бум популярности телевидения пришелся на послевоенные годы. Очень быстро оно стало конкурентом большого кино. Если в 1948 г. в США насчитывалось около 250 тыс. телевизоров, то спустя всего четыре года их число превысило 17 млн. В это время появились три крупнейшие телекомпании, которые существуют и сегодня, – “American Broadcasting Company” (ABC), “Columbia Broadcasting System” (CBS) и “National Broadcasting Company” (NBC). Они начинали свою деятельность как радиовещательные. Другим признаком ошеломительного успеха стало то, что кинокорпорации, ранее отказывавшиеся от сотрудничества с телевидением, стали создавать продукты специально для него. Для примера, в 1954 г. Дисней представил на ТВ программу «Диснейлэнд», а в следующем – «Клуб Микки Мауса»⁶⁶.

К середине 1970-х гг. в половине американских домов было как минимум два телевизора, что повлияло и на домашний быт. Именно вокруг них расставлялась мебель в гостиной и спальне, что делало телевизоры центральными элементами интерьера. Телевидение диктовало и определенный режим дня: люди выстраивали свой график, чтобы не пропустить любимое шоу. Семья, местом общего сбора которой ранее служил обеденный стол, теперь усаживалась вокруг телеэкрана для просмотра Супербоула или «мыльной оперы». Расширение репертуара телепередач и увеличение числа каналов могло вызвать долгие споры между членами семьи, которым хотелось посмотреть разные программы, идущие в одно и то же время. До появления записывающих устройств эта проблема могла быть решена только покупкой второго (или даже третьего) телевизора.

Роль телевидения в формировании современного общества сложно переоценить.

Во-первых, так же, как и кино, телевидение и его звезды формировали новые стандарты поведения, обозначали социальные роли и бросали вызов обыденности. Например, в популярном телешоу 1950-х гг. «Я люблю Люси» главная героиня, Люсиль Болл, предстает типичной домохозяйкой, мечтательной и недалекой. Ее муж в жизни и на экране, Дези Арназ, в сериале имел стабильную работу, позволявшую поддерживать достойный уровень жизни. У персонажей Болл и Арназ счастливая семейная жизнь, они никогда не задумывались о внебрачной связи или тем более разводе. Однако на самом деле образы героев «Я люблю Люси» не столь скучны и конвенциональны, как можно было бы подумать. Арназ был кубинцем, а изображение смешанных браков на

⁶⁶ Ibid.

американском ТВ в 1950-е гг. не одобрялось. Кроме того, глава семейства, вопреки стереотипам, был не невзрачным корпоративным клерком, а лидером музыкальной группы. Подобный образ заставил одного телепродюсера высказать опасение, что Арназ не придется по вкусам чувствительной белой аудитории, на которую нацеливался канал. Однако успех был ошеломительным: 10,6 млн семей посмотрели «Я люблю Люси» в 1952 г. и почти 50 млн в 1954 г. Эти зрители воочию наблюдали, как Люсиль Болл бросала вызов общепринятым нормам телевидения, которое обычно отказывалось снимать беременных женщин и исключало слово «беременность» из диалогов. Болл, тем не менее, пережила свою беременность на съемках, и когда у нее в январе 1953 г. родился ребенок в жизни и на экране, 44 млн человек посмотрели шоу, что оказалось вдвое больше, чем на следующий день у трансляции инаугурации президента Дуайта Д. Эйзенхауэра⁶⁷.

Во-вторых, телевидение с самых ранних дней своего существования показало себя независимым и авторитетным источником информации. Когда в 1950-е гг. США захлестнула волна антикоммунистической истерии, подогреваемой сенатором Джоозефом Маккарти, именно телевизионные политические обозреватели, такие как Эдвард Марроу, спустили его с пьедестала и вынудили Сенат начать расследование его деятельности.

Дело Маккарти наглядно продемонстрировало, какое влияние теперь имело телевидение не только на организацию повседневного досуга американцев, но и на выбор политического курса. Подтверждением этому стали трансляции дебатов кандидатов в президенты в 1960 г. между Дж.Ф. Кеннеди и Р. Никсоном. Их посмотрели 65 млн американцев. Та президентская гонка закончилась минимальной победой молодого, симпатичного и уверенного в себе кандидата от Демократической партии. Между тем многие современники всерьез считали, что виной поражения Никсона стали крупные капли пота, которые кандидат от республиканцев вытирал со своего лица во время дебатов, а также небрежная небритость, которая контрастировала с лощеным обликом молодого Кеннеди⁶⁸.

Другим примером той степени влияния, которое имело телевидение, является война во Вьетнаме. Начиная с 1965 г., когда США ввели в него войска, Вьетнам оставался одной из центральных тем на ТВ. И это неудивительно: за годы участия в кампании через нее прошли 2,7 млн американцев, а погибли

⁶⁷ Ibid. P. 89.

⁶⁸ Ibid. P. 89–90.

58 тысяч⁶⁹. В отсутствие серьезной цензуры журналистам удавалось демонстрировать все ужасы боевых действий. Показанная на телевидении война во Вьетнаме стала одной из главных причин широкого антивоенного движения, развернувшегося в США на рубеже 1960–1970-х гг., которое побудило американское правительство к принятию решения о выводе войск. Таким образом, телевидение в полной мере стало «Четвертой властью», активно влиявшей на принятие политических решений.

С другой стороны, телевидение привлекало и немало критики. Консервативная часть американского общества полагала, что на телевидении показывается слишком много непозволительного, особенно после 9 вечера, когда, как считалось, дети уходят спать и можно демонстрировать более «взрослый» контент. Более либерально настроенные граждане, наоборот, обвиняли боссов телекорпораций и даже правительство в цензуре. Они уличали его в намерении использовать ТВ для конструирования особого набора ценностей, которые должны разделять истинные американцы.

Появление кабельного телевидения в конце 1970-х гг. в некоторой степени решило эту проблему. Увеличение числа нишевых каналов, нацеленных на узкие аудитории, дало возможность выбора: если старшее поколение продолжало смотреть ABC или CBS, то молодежь выбирала MTV.

Экологический вызов

Несмотря на продолжающуюся холодную войну, вторая половина XX в. оказалась одним из самых благополучных периодов США за всю историю. Повышение продолжительности жизни, расширение прав и свобод людей, повышение заработной платы и разнообразие видов досуга – все это во многом следствие технологического прогресса страны.

Однако каждая революция в технологиях имеет свои негативные стороны. После Карибского ядерного кризиса 1962 г. нарастала паранойя об ядерном апокалипсисе. Так, в 1964 г. режиссер Сидни Люмет выпустил фильм «Система безопасности», в котором цепочка компьютерных ошибок приводит к ядерной войне. В тот же год Стэнли Кубрик показал «Доктора Стрейн-

⁶⁹ Vietnam War U.S. Military Fatal Casualty Statistics // National Archive [Электронный ресурс]. URL: <https://www.archives.gov/research/military/vietnam-war/casualty-statistics#hostile> (дата обращения 21.05.2021).

джава», в котором в гротескной и абсурдной форме изображено начало ядерного апокалипсиса. Многие американцы, наблюдая за положительными изменениями в быте, задавались вопросом: не приведет ли неконтролируемая автоматизация и механизация к экологическому коллапсу?

Оснований для столь пессимистичных размышлений было достаточно. За полтора века с начала Промышленной революции человеческое стремление взять верх над довлеющей над ним природой привело к возникновению так называемого парникового эффекта. Сжигание угля и других видов топлива выделяло в атмосферу такое количество углекислого газа, что она начинала нагреваться. В 1970-х гг. ученые обнаружили, что увеличение концентрации углекислого газа происходит настолько быстро, что может в дальнейшем стать причиной гибели человеческого общества и нанести непоправимый вред планете⁷⁰.

Другой проблемой стало истощение озонового слоя Земли. В 1973 г. Ф. Шерман Роуланд и Марио Молина из Университета Калифорнии сообщили, что фреон, газ, используемый для работы холодильных устройств, стал причиной повреждения озонового слоя. Попадая в атмосферу, фреон распадается под воздействием ультрафиолета, образуя хлор. Он, в свою очередь, взаимодействуя с озоном, разрушает его. По мнению исследователей, с течением времени фреон вызвал истощение озонового слоя Земли. Помимо этого, ученые выяснили, что фреон может оставаться в атмосфере в течение 150 лет. Уменьшение концентрации озона в атмосфере приводит к усилению потока ультрафиолетовой солнечной радиации, которая может оказать разрушительное влияние как на людей, так и на других живых существ на Земле⁷¹.

Общественное беспокойство по поводу экологии привело к тому, что в 1970 г. был проведен первый День Земли, в ходе которого 20 млн американцев вышли на улицы, призывая правительство и граждан более ответственно относиться к проблемам загрязнения нашей планеты. Одним из результатов этой массовой акции было объявление в том же году о создании Агентства по охране окружающей среды администрацией Р. Никсона.

Еще одним глобальным вызовом продолжала оставаться проблема контроля над ядерными технологиями. Если в военной сфере в 1970-х гг. с началом «разрядки» между США и СССР удалось добиться серьезного прорыва, поставив под контроль рост

⁷⁰ *Cumo C.M.* Op. cit. P. 149.

⁷¹ *Ibid.* P. 80–81.

вооружений, то в области использования мирного атома назрел серьезный кризис. В 1979 г. на АЭС Три-Майл-Айлэнд в Пенсильвании произошла утечка теплоносителя, что стало причиной крупнейшей аварии в истории коммерческой атомной энергетики США. Разрушение активной зоны реактора грозило ужасающими последствиями, однако, к счастью, вред для окружающей среды и людей оказался минимальным. Несмотря на это, авария на Три-Майл-Айлэнд активизировала протесты против использования ядерной энергии среди американцев, на что руководство страны ответило реорганизацией контрольных органов и усилением надзора за эксплуатацией других АЭС⁷².

В результате всего вышеперечисленного, как правительство США, так и частные корпорации под воздействием общественного мнения стали менять свое отношение к технологическому прогрессу, принимая большую ответственность за будущее человечества. Так, производители холодильных устройств заменили вредный фреон на иные газы, не содержащие хлора. В свою очередь, американская Национальная академия наук (NAS) приняла на себя ответственность за проведение исследований новых технологий и информирование общества о возможных рисках их использования. В 1969 г. в специальном докладе академия выразила мнение, что в современном мире

...выбор находится между техническим прогрессом, который происходит без должного учета его последствий, и технологическими изменениями, о которых следует лучше заботиться, так как они предполагают неразрывную связь между машинами и человеческим сообществом⁷³.

В связи с этим важным технологическим трендом, начиная с 1970-х гг., стал поиск экологически безопасного топлива и переход от использования бензина к солнечной энергии. В 1974 г. Конгресс США выделил 133 млн долл. на исследование возможностей ее использования в разных целях. Через три года дополнительные средства были направлены недавно созданному Институту исследований солнечной энергии, расположенному в г. Голден, Колорадо, и работающему под руководством Министерства энергетики (DOE). Несмотря на явный общественный интерес к безопасным видам топлива, работа по исследованию

⁷² *Silverman M.J.* Op. cit. P. 314.

⁷³ National Academy of Sciences. *Technology: Processes of Assessment and Choice.* Washington, D.C., 1969. P. 3.

потенциала солнечной энергии проходила крайне медленно и неэффективно. Часть вины в этом лежит на Министерстве энергетики, которое делало основную ставку на ядерную энергию, рассматривая использование солнечного света лишь в качестве отдаленной перспективы. Часть – на грантополучателях министерства, предлагавших нереалистичные проекты. Так, корпорация Боинг предлагала создать околоземный спутник с зеркальной поверхностью площадью 40 тыс. квадратных метров, который отражал бы солнечные лучи на специально подготовленные станции на поверхности Земли, перерабатывающие их в электроэнергию⁷⁴.

К 1990 г. Министерство энергетики тратило 12 млрд долл. в год, но очень малая доля из этой суммы шла на исследование возможностей использования солнечной энергии. Несмотря на аварию на Три-Майл-Айленд и возрастающее общественное беспокойство относительно безопасности других АЭС, 8,8 млрд продолжало выделяться на разработки в области ядерной энергии⁷⁵.

По мнению экспертов, серьезной проблемой проектов, выдвигаемых в 1980-е гг., становилось то, что они были нацелены на использование в масштабах всей страны. Утилитарность, поставленная во главу угла, делала инициативы по использованию солнечной энергии делом государства. В 1977 г. журнал “Science” предупреждал, что

...солнечная энергия демократична. Она доступна всем и может использоваться отдельными лицами и небольшими группами людей. <...> [В то же время] крупные инженерные проекты, разработанные аэрокосмическими компаниями, которые доминируют в основной части программы, по-видимому, рассчитаны на существующую коммунальную отрасль, а не отдельных лиц или общества как конечного потребителя оборудования для использования солнечной энергии⁷⁶.

Выходом могло стать уменьшение роли правительственных структур и переориентация создателей солнечных энергосистем с больших сообществ на локальный и индивидуальный уровень.

К настоящему времени ситуация серьезно изменилась. Внедрение и быстрое распространение недорогих бытовых солнеч-

⁷⁴ Pursell C.W. Op. cit. P. 305–307.

⁷⁵ Ibid. P. 307.

⁷⁶ Hammond A.L., Metz W.D. Solar Energy Research: Making Solar After the Nuclear Model? // Science. 1977. July 15. Vol. 197. P. 241.

ных панелей в начале 2000-х гг. сделало вновь актуальным вопрос об использовании солнца как источника энергии. Согласно данным на 2018 г., в США 11% потребляемой электроэнергии производится возобновляемыми источниками энергии, а в отдельных штатах этот показатель даже выше. Так, в Калифорнии на солнечных энергосистемах (СЭС) было произведено 19% энергии от общего ее количества⁷⁷. Фотоэлектрические элементы устанавливаются на крышах домов, автомобилях и самолетах. Крупнейшая американская компания, занимающаяся СЭС – “SolarCity”. Она входит в частный холдинг “Tesla”, принадлежащий Илону Маску, который занимается производством электромобилей. Суть идеи состоит в том, чтобы пересадить американцев с обычных автомобилей на двигателе внутреннего сгорания на машины, работающие на электричестве. Потребность в подзарядке будет удовлетворяться за счет сети «Суперзарядок». Согласно задумке Маска, электромобили будут перезаряжаться бесплатно, а время «заправки» на таких станциях будет занимать ровно столько времени, чтобы выпить чашку кофе (зарядка на 50% занимает 20 минут) или пообедать: чтобы получить 80% заряда, нужно подождать всего 40 минут⁷⁸.

Сеть «Суперзарядок» развернута уже сейчас почти на всей территории США на основных автотранспортных артериях, в большинстве стран Европы, Австралии и Китае. По данным на начало 2021 г., во всем мире было установлено 24,5 тысячи станций «Суперзарядок»⁷⁹.

Заключение

«Американский век», начавшийся после Второй мировой войны, обозначил лидерство США не только в сфере международных отношений, но и в технологическом прогрессе. Изобретения и инновации второй половины XX столетия несомненно способствовали улучшению жизни людей.

⁷⁷ Renewable Energy // Center for Climate and Energy Solutions [Электронный ресурс]. URL: <https://www.c2es.org/content/renewable-energy/> (дата обращения 21.05.2021).

⁷⁸ Supercharging // Tesla [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tesla.com/support/supercharging?redirect=no> (дата обращения 21.05.2021).

⁷⁹ Q1 2021 Update [Электронный ресурс]. URL: https://tesla-cdn.thron.com/static/R3GJMT_TSLA_Q1_2021_Update_5KJWZA.pdf (дата обращения 21.05.2021).

Пропагандировавшийся ведущим американским футурологом Вэниваром Бушем союз государства, коммерческих организаций и частных лиц – ученых и исследователей – показал свою эффективность при реализации сложнейших и масштабнейших проектов второй половины века. Так, например, постановка ядерной энергии на службу человека в сферах медицины и энергетики, покорение космоса не смогли бы состояться без этого партнерства.

Однако ускорение технологического прогресса не могло не вызывать обеспокоенности общества. Изобретение атомной бомбы, тотальная автоматизация и многое другое требовали усиленного контроля и серьезно беспокоили людей.

К счастью, эти страхи оказались преувеличенными во многом благодаря росту информированности самих граждан. Благодаря развитию таких технологий коммуникации, как радио и телевидение, в 1960–1970-е гг. американское общество могло следить как за гражданскими инициативами, так и за работой созданных комитетов и агентств. Благодаря этому были успешно переосмыслены место и роль человека в меняющемся мире.

Кроме того, вследствие внедрения сложных и потенциально опасных технологий вызывала опасение и экологическая ситуация на планете. Однако благодаря общественному надзору сегодня можно утверждать, что важный баланс между безудержным прогрессом и осторожностью найден. Сегодня Америка являет собой пример страны, где общественный контроль и технические инновации идут рука об руку.

Для дальнейшего изучения

- Мальков В.Л.* «Манхэттенский проект»: Разведка и дипломатия. М., 1995.
- Bishop A.S.* Project Sherwood: The U.S. Program in Controlled Fusion. Reading, 1958.
- Cumo C.M.* Science and Technology in 20th-Century American Life. Westport, 2007.
- Jones B.* Forcing the Factory of the Future: Cybernation and Societal Institutions. Cambridge, 1997.
- Luce H.R.* The American Century. N.Y., 1941.
- National Academy of Sciences. Technology: Processes of Assessment and Choice. Washington, D.C., 1969.
- Noble D.F.* Forces of Production: A Social History of Industrial Automation. New Brunswick (USA), London (UK), 2011.

Pursell C.W. The Machine in America: a Social History of Technology. 2nd ed. Baltimore, 2007.

The Ad Hoc Committee for the Triple Revolution. The Triple Revolution. Santa Barbara, 1964.

Zachary G.P. Endless Frontier: Vannevar Bush, Engineer of the American Century. N.Y., 1997.

Электронные ресурсы

Видеоролик к данной лекции см.: <https://edu.amc.ru/courses>

What Does a Nuclear Bomb Explosion Feel Like? [Электронный ресурс]. URL: <https://youtu.be/CL0mXg4249w> (дата обращения 07.09.2022).

Тема 7. США осваивают космос

Утром одного солнечного сентябрьского дня 1962 г. Университет Райса в Хьюстоне гудел и возбужденно перешептывался. Студенты, профессора, случайные зеваки ожидали прибытия президента на местный стадион, где он должен был произнести речь. 40 тысяч человек пришли, чтобы послушать, о чем будет говорить молодой, красивый и уверенный в себе Джон Ф. Кеннеди.

В начале выступления президент предложил представить, что вся история человечества вмещается в 50 лет. Люди вышли из пещер в прошлом десятилетии, христианство появилось меньше двух лет назад, автомобили и самолеты вошли в обиход на прошлой неделе, а ядерная энергия – лишь вчера. «...Если космический корабль Соединенных Штатов долетит до Венеры, – заключил Кеннеди, – мы успеем в буквальном смысле прикоснуться к звездам уже сегодня».

Американцы, продолжал президент, всегда отличались тягой к приключениям, исследованиям неизведанных пространств и новым знаниям:

История нашей страны состоит из побед: Америка была среди флагманов промышленной революции, лидеров в сфере изобретений и инноваций, мы первыми поставили ядерную энергию на службу человеку. И сегодня наш долг – вырваться вперед в освоении Вселенной. Мы принимаем этот вызов, мы участвуем в этой гонке – и выйдем из нее победителями. Все взгляды сейчас устремлены в космос, к Луне, к окружающим нас планетам. И мы хотим, чтобы там реял флаг Соединенных Штатов, символ свободы и мира, а не знамя наших врагов. В космосе нет места для оружия массового поражения! Вселенная должна стать источником новых знаний, двигателем прогресса.

Но для этого нам надо быть первыми, и мы справимся с этой задачей. Мы покорим космос, раскроем тайны Вселенной, поставим их на службу всего человечества – ведь мы лидеры в сфере науки и промышленности, гаранты мира и безопасности. <...>

Да, мы решили покорить Луну, причем именно в этом десятилетии. Это цель не из легких, но тем лучше: такое испытание позволит нам выложиться по максимуму, показать, на что мы способны, реализовать всю нашу мощь. Это вызов, который мы готовы принять здесь и сейчас. И мы рассчитываем только на победу!⁸⁰

Толпа ликовала! Покорение Луны – вот цель, которая достойна истинных героев. По словам Кеннеди, расходы на космическую программу возрастут до 5400 млн долл. в год, фантастическую сумму, часть которой американцы должны будут оплатить из своего кармана. Однако, несмотря на увеличение налогового гнета, это будет стоить того, ведь тогда именно США будут называть себя победителем в гонке за космос. Гонке, которую к 1962 г. американцы с треском проигрывали СССР.

4 октября 1957 г. Советский Союз отправил на земную орбиту «Спутник-1», ознаменовавший начало космической эры человечества. Для США запуск первого искусственного спутника Земли русскими стал неожиданным поражением, катастрофой, которую никто не мог предвидеть и на которую невозможно было адекватно ответить в короткий срок.

Влиятельный экономист Бернард Барух обеспокоенно писал по этому поводу в открытом письме, опубликованном в “New York Herald Tribune”:

Пока мы используем нашу промышленную и технологическую мощь для производства новых моделей автомобилей и большого количества гаджетов, Советский Союз завоевывает космос. Пока Америка ворчит из-за налогов и сокращает бюджеты на оборону, Россия запускает межконтинентальные ракеты. Неожиданно и жестко русские дали понять, что опередили нас в гонке, в которой мы, по нашему мнению, побеждали. Это у России, а не у Соединенных Штатов оказалось достаточно воображения для отправки своего корабля к звездам и достаточно способностей, чтобы достичь Луны и обосноваться на ней. Америка обеспокоена. Так и должно быть⁸¹.

На самом деле способностей и воображения у Америки было достаточно. Американцы к тому моменту уже почти век как гре-

⁸⁰ *Kennedy J.F.* Moon Speech – Rice Stadium, 1962. September 12 // NASA [Электронный ресурс]. URL: <https://er.jsc.nasa.gov/seh/ricetalk.htm> (дата обращения 22.05.2021).

⁸¹ *The Challenge of the Sputniks, in the Words of President Eisenhower and Others / Ed. by R.L. Witkin.* Garden City, 1958. P. 19.

зили полетами и пытались создавать аппараты, которые могли бы позволить человеку отправиться к звездам. Одним из таких мечтателей был Роберт Годдард из Массачусетса. Под впечатлением от «Войны миров» Герберта Уэллса он решил посвятить свою жизнь конструированию ракет. По собственному признанию Годдарда, он «заболел» космосом 19 октября 1899 г. в возрасте 17 лет:

В тот день я залез на высокое вишневое дерево, росшее позади амбара... и когда я посмотрел на поля на востоке, я представил, как было бы здорово сделать такое устройство, которое могло бы долететь до Марса, и как мог, хотя бы приблизительно, выглядеть запуск, произведенный с луга под моими ногами... Тогда мне казалось, что груз, вращающийся по горизонтальной оси и движущийся вверх быстрее, нежели вниз, может обеспечить подъем благодаря большей центробежной силе в верхней части. Когда я спустился с дерева, я уже не был тем мальчиком, который залез на него ранее. Я, наконец, обрел смысл жизни⁸².

Много лет спустя Годдард действительно начал создавать ракеты. В рабочее время он преподавал физику в Университете Кларка, где получил степень, а в свободные часы размышлял о полетах на Марс. Когда в 1919 г. Годдард издал брошюру «Метод достижения экстремальных высот» при поддержке Смитсоновского института, где рассказал о своих изысканиях, она вызвала бурную критику. Рецензенты критиковали автора за богатую фантазию, не имеющую никакой связи с реальностью. Годдард был расстроен, однако не бросил свое хобби, намереваясь доказать критикам, что его идеи все же можно воплотить в жизнь.

Спустя 10 лет Годдард познакомился с Чарльзом Линдбергом, известным американским летчиком, который первым совершил безостановочный полет из Нью-Йорка в Париж в 1927 г. Эта встреча стала знаковой для обоих. Как и Годдард, Линдберг был одержим полетами и мечтал о том, чтобы человек отправился в космос. Эти двое быстро нашли общий язык. Используя связи Линдберга, Годдард заручился поддержкой состоятельного семейства Гуггенхайм, сделавших свое состояние на добыче металлов, получил необходимое финансирование и переехал в Нью-Мексико в специально оборудованную для него лабораторию.

В следующие годы Годдард сконструировал и испытал десятки прототипов ракет. Одна из них достигла высоты 2,6 км и

⁸² *Lehman M.* This High Man: The Life of Robert H. Goddard. N.Y., 1963. P. 26.

смогла набрать скорость в 885 км/ч. Хотя не все запуски оказались успешными, он сумел доказать критикам, что полеты в космос – это не фантазии, а достижимая реальность⁸³.

Одним из почитателей таланта Годдарда был немецкий инженер Вернер фон Браун, который в годы Второй мировой войны создал «Фау-2», первую в истории человечества ракету, совершившую суборбитальный полет. Фон Браун во многом основывался на разработках Годдарда, поэтому, когда он увидел в 1945 г. «Фау-2», решил, что Браун попросту «украл» его идеи. Однако Годдард был несправедлив. Немецкая ракета оказалась технически более совершенна, чем все самые успешные прототипы самого Годдарда. После завершения Второй мировой войны фон Браун был перевезен в США в ходе секретной операции «Скрепка» вместе с тысячами других немецких специалистов.

При поддержке фон Брауна Соединенные Штаты в 1950-е гг. смогли сконструировать целый ряд баллистических ракет, таких как «Атлас», «Титан» и «Дельта». Их ключевые технологические решения будут использованы в дальнейшем для создания как военных ракет, так и для конструирования ракета-носителей для доставки грузов на орбиту Земли и за ее пределы.

В 1950 г. американский ученый Ллойд Беркнер предложил провести с 1 июля 1957 по 31 декабря 1958 г. Международный геофизический год – МГГ, в рамках которого исследователи со всего мира могли скоординировать свои усилия по изучению Земли. Инициатива довольно скоро стала популярной, и к МГГ присоединились 67 стран, в том числе США и СССР.

Именно в рамках МГГ Советский Союз и США должны были запустить первые искусственные спутники Земли. Однако в Соединенных Штатах работа над ними в рамках проекта «Авангард» происходила крайне медленно. Во-первых, считалось, что советские разработчики серьезно отстают в своей спутниковой программе, а во-вторых, США уделяли основное внимание созданию межконтинентальных баллистических ракет.

Запуск Спутника-1 Советским Союзом 4 октября 1957 г. стал неприятным сюрпризом. Спешно запущенная ракета со спутником «Авангард TV3» так и не смогла подняться, взорвавшись спустя пару секунд после старта. Этот провал определил дальнейшую мобилизацию всех сил США вокруг реализации космической программы.

Для того чтобы справиться с общественной паникой, вызванной «спутниковым кризисом», президент Дуайт Эйзенхауэр

⁸³ *Launius R.D.* Technology in Space // A Companion to American Technology. P. 275–276.

принял ряд мер, призванных стабилизировать обстановку и дать мощный толчок для развития отрасли. В числе них было создание в 1958 г. специального государственного ведомства с широкими полномочиями, которое должно было координировать действия разных команд, занимающихся разработкой летательных аппаратов и заниматься исследованием космоса. Таким ведомством стало Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства (NASA).

В начале своей деятельности в НАСА работали всего 8 тыс. сотрудников, а его бюджет равнялся 100 млн долл. Вскоре под юрисдикцию Управления перешло также несколько лабораторий и агентств, в том числе и то, которым руководил Вернер фон Браун. В 1958 г. он запустил первый американский искусственный спутник Земли «Эксплорер-1»⁸⁴.

Главной целью НАСА в краткосрочной перспективе была подготовка пилотируемого человеком корабля на околоземную орбиту. В октябре 1958 г. Управление начало отбор кандидатов в команду астронавтов. Критерии отбора оказались очень жесткими: кандидаты должны быть выпускниками училищ летчиков-испытателей, иметь дипломы о высшем образовании и общий налет – более 1,5 тыс. часов, быть не старше 40 лет, ростом не более 180 см.

Отбор продолжался полгода, и, наконец, 9 апреля 1959 г. НАСА представила прессе идеальных астронавтов. Их было семеро: Джон Гленн, Вирджил Гриссом, Скотт Карпентер, Гордон Купер, Дональд Слэйтон, Алан Шепард и Уолтер Ширра. Все они были не только опытными пилотами, но и бесстрашными людьми. Журналисты представляли их идеальными американцами, воплощавшими лучшие качества нации. Когда на пресс-конференции семерку первых астронавтов спросили о том, хотят ли они полететь в космос, все как один подняли правые руки. Уолтер Ширра и Джон Гленн подняли сразу обе руки⁸⁵.

К первому орбитальному полету астронавты готовились на базе НАСА во Флориде вдали от пристального внимания СМИ. Но астронавтам приходилось все равно нелегко: слишком велик был груз ответственности, и слишком много денег выделялось на космическую программу. Кроме того, дополнительное напряжение возникало оттого, что СССР продолжал побеждать в борьбе за космос. Когда Юрий Гагарин 12 апреля 1961 г. стал первым че-

⁸⁴ *Crompton S.W.* Sputnik/Explorer I: The Race to Conquer Space. N.Y., 2007. P. 23–26.

⁸⁵ *Ibid.* P. 27–29.

ловеком, побывавшим во внеземном пространстве, американцы могли ответить лишь суборбитальным полетом. Его совершил Алан Шепард 5 мая 1961 г. Уроженец Нью-Гемпшира, Шепард был сыном военного и считался настоящим трудоголиком и перфекционистом. Вспоминая свой полет на корабле «Фридом-7», Шепард писал:

Я примерно представлял себе, как может выглядеть вся огромная палитра цветов, многообразие земного и облачного покрова, которое я должен был увидеть с высоты 100 миль (182 км). Но было невозможно достаточно подготовиться к той удивительной панораме, которая мне открылась. Я не смог сдержать спонтанного возгласа восхищения, адресованного Дику [Слейтону, другому астронавту, поддерживающему дистанционную связь], о красоте увиденного. У меня захватило дух. На юге я мог видеть, что облачный покров остановился около Форт-Лодердейла и что погода была ясной вплоть до [архипелага] Флорида-Кис. На севере я мог видеть побережье Каролин, где облака только недавно скрыли мыс Хаттерас. На другой, западной, стороне Флориды я мог заметить озеро Окичоби, залив Тампа и даже Пенсаколу... Это было действительно потрясающе⁸⁶.

Шепард пробыл в космосе 15 минут и даже успел произвести одно успешное маневрирование.

Через 10 месяцев после полета Шепарда 20 февраля 1962 г. НАСА удалось произвести и первый полноценный орбитальный полет. Его совершил Джон Гленн, бывший военный летчик, участвовавший во Второй мировой войне и Войне в Корее. Он был самым старшим из «первой семерки» (Mercury-7) астронавтов. К моменту полета ему исполнилось 37 лет.

Полет сопровождался несколькими опасными внештатными ситуациями. Вначале Гленн потерял контакт с Мысом Канаверал, откуда производилось управление полетом. Хотя он был готов к подобным инцидентам, это оказалось крайне опасно. В конце концов Гленн смог наладить связь с дополнительным контрольным мостиком, размещенным в Нигерии.

По плану Гленн должен был произвести три витка вокруг Земли. В момент, когда астронавт уже шел на второй оборот на орбите, на панели в центре управления полетом зажглась кнопка, указывающая на неполадки с щитом высокотемпературной защиты и мешком мягкой посадки. Это вызвало невероятное вол-

⁸⁶ *Kranz G. Failure Is Not an Option. N.Y.: Simon & Schuster, 2000. P. 53.*

нение, так как при полном отказе системы Гленн мог буквально сгореть заживо при входе в атмосферу Земли. Центр спросил у астронавта, наблюдает ли он из капсулы какое-либо отклонение от нормы. Гленн не понял вопроса и забеспокоился. Тем временем температура внутри скафандра быстро росла, и Гленн был вынужден заниматься тремя вещами одновременно: сохранять контроль над кораблем, производить необходимые по плану измерения и регулировать температуру.

Когда астронавт был уже на третьем витке, он поинтересовался у Глена Шепарда, наблюдавшего за полетом из центра управления, сможет ли он вернуться назад. К тому моменту Гленн уже знал, что с кораблем что-то не в порядке. Оставалась надежда, что это ошибка системы. Так как астронавт все равно не мог оставаться на орбите, он решил испытать судьбу и попробовать спуститься. К счастью, температурный щит выдержал, Гленн совершил посадку без каких-либо серьезных проблем в Тихом океане⁸⁷.

После успешной миссии Гленна Америка «заболела» космосом. Гленн стал национальным героем, удостоился президентской награды и превратился в настоящую звезду, начав политическую карьеру. Правительство было уверено, что подходящий момент для активизации деятельности НАСА настал. Но для этого нужны были деньги и подходящая цель.

«Мы решили покорить Луну», – заявил Кеннеди на поле стадиона Университета Райса, и вся нация поверила, что новый фронт человечества теперь находится в космосе. В своей речи президент подчеркнул, что программа по высадке человека на Луне потребует значительных финансовых вложений, а также увеличения налогов. Однако это была достойная цель, и американцы продемонстрировали готовность ей следовать.

В октябре 1962 г. началась подготовка к американской миссии на Луну. Ее первым этапом должны были стать отработка космического маневрирования, методов сближения кораблей и стыковки, а также выходов в открытый космос. Эта программа получила название «Джемини». В рамках программы были отобраны девять астронавтов. На этот раз критерии отбора немного отличались: второе поколение пилотов космических кораблей должно было лучше разбираться в строении кораблей и быть готово к инженерным работам.

Подготовка к полету на Луну осложнялась тремя факторами.

Во-первых, общественное мнение склонялось к тому, что СССР опережает Америку в гонке за космос. 11 октября 1964 г.

⁸⁷ *Crompton S.W.* Op. cit. P. 36–39.

СССР запустил на орбиту совершенно новый корабль – «Восход», вмещавший троих космонавтов, в то время как американские корабли нового поколения «Джемини» могли взять на борт только двух астронавтов. Кроме того, американцы опоздали со своим выходом в открытый космос. 18 марта 1965 г. Алексей Леонов первым среди людей совершил космическую прогулку. Только спустя два месяца, 3 июня, это достижение повторил Эдвард Уайт, пилот «Джемини-4», пробыв вне корабля 20 минут. И хотя это было невероятное достижение, руководство НАСА понимало, что в глазах всего мира они вновь остались вторыми⁸⁸.

Давление прессы и правительства серьезно осложняло работу инженеров и астронавтов.

Во-вторых, НАСА находилось под постоянным огнем критики. На космос тратились огромные средства, в то время как в стране развивался бюджетный кризис. Война во Вьетнаме съедала государственные ресурсы. К концу 1960-х гг. внутри самих Соединенных Штатов она казалась бесконечной и бессмысленной, что порождало мощное антивоенное движение. Одновременно происходила радикализация борьбы за гражданские права. Ее духовный лидер, Мартин Лютер Кинг, был убит 5 апреля 1968 г., что вызвало сплочение всех общественных движений, требующих изменений в политической системе и правовой сфере. Все это оказывало влияние на правительство: президент Линдон Джонсон отказался баллотироваться еще на один срок, что сделало младшего брата Дж.Ф. Кеннеди, Роберта, фаворитом президентской гонки. Однако 6 июня 1968 г. он был убит, как и его брат Джон ранее. В итоге в ноябре главой страны стал республиканец Ричард Никсон. При этом ни у кого не было сомнений в том, что этот выбор оказался возможен во многом из-за протестов против голосования в целом. Многие молодые американцы просто отказались идти на выборы, не видя кандидатов, реально отражавших их чаяния.

Возникшая в США социальная и политическая напряженность непосредственным образом повлияла на НАСА, так как от выделяемых Конгрессом денег зависела скорость реализации космической программы. Так как значительная часть молодежи протестовала против выделения баснословных денег на покорение Луны, конгрессмены каждый раз колебались, подписывая бумаги. Они хотели, чтобы американские астронавты везде были первыми, обгоняя СССР. Таким образом, в деятельности НАСА зачастую политические факторы довели над научными.

⁸⁸ Ibid. P. 49–52.

В-третьих, ситуация усугублялась каждый раз, когда в работе Управления происходили сбои или аварии. Стоит упомянуть как минимум два инцидента, которые существенно осложняли деятельность космической программы. Первый произошел в 1966 г. во время миссии «Джемини-8», который должен был в ручном режиме состыковаться с мишенью «Аджена» на земной орбите. Это было сделано в штатном режиме. Однако затем «Аджена» стала выполнять команду разворота, которую ранее сохранили в ее памяти. В итоге и «Джемини-8», и состыкованная с ним мишень начали неконтролируемое вращение, которое достигало 1 оборота/сек. Экипаж «Джемини-8» – Нил Армстронг и Дэвид Скотт – испытывал перегрузку в 3,5 g. Однако ему удалось сохранять относительный контроль над ситуацией. После того, как была произведена отстыковка, Армстронг выключил все двигатели орбитальной ориентации и стабилизировал корабль. Но миссия оказалась провалена. В ходе расследования выяснилось, что неконтролируемое вращение было вызвано коротким замыканием. Армстронг действовал по инструкции, и только благодаря выдержке экипажа дело не закончилось фатально.

Другим серьезным инцидентом, который, к сожалению, закончился трагически, стала авария при последней проверке новейшего корабля «Аполлон-1» в 1967 г. Именно он открывал лунную программу. Еще на Земле из-за короткого замыкания внутри кабины, где размещались астронавты, произошел пожар. В огне погибли все трое членов экипажа – Вирджил Гриссом, Эдвард Уайт и Роджер. Расследование показало, что пожар и последующие события были вызваны совокупностью причин: кабина была целиком заполнена кислородом под высоким давлением, что ускорило распространение огня; часть скафандров астронавтов содержала пожароопасные элементы; конструкция люка не позволяла его быстро открыть изнутри. Комиссия установила, что у экипажа не было ни единого шанса спастись: они погибли, задохнувшись продуктами горения, всего за 14 секунд после начала пожара⁸⁹.

Трагедия на «Аполлоне-1» задержала всю космическую программу на полтора года. Следующий пилотируемый полет произошел только в октябре 1968 г. Командиром экипажа был Уолтер Ширра, для которого это было уже третье космическое путешествие. Он был последним остающимся в строю астронавтом из «первой семерки», набранной для программы «Меркурий». К счастью, Ширра и его экипаж выполнили все задачи, что давало зеленый свет непосредственно полету на Луну.

⁸⁹ Ibid. P. 58–60.

16 июля 1969 г. с мыса Канаверал в сторону спутника Земли отправился корабль «Аполлон-11», разгоняемый сверхмощным ракетой-носителем «Сатурн», созданным Вернером фон Брауном. Экипаж корабля состоял из трех человек. Капитан Нил Армстронг был известен как один из самых невозмутимых и грамотных астронавтов во всей программе. Его помощником стал Эдвин Олдрин, по прозвищу «Базз», известный своим неуживчивым нравом и излишней болтливостью. Однако с Армстронгом они отлично сработались. Пилотом корабля был Майкл Коллинз, на долю которого выпала, наверное, самая тяжелая задача всего полета: дожидаться в полнейшем одиночестве товарищей на лунной орбите. Все трое астронавтов на борту «Аполлона-11» являлись опытными пилотами, и миссия на Луну не была их первым полетом в космос. Армстронг служил капитаном «Джемини-8», Олдрин держал рекорд по продолжительности нахождения в открытом космосе, а Коллинз летал на «Джемини-10» и также имел опыт выхода «наружу»⁹⁰.

В течение полета на Луну, который продолжался три дня, астронавты постоянно находились на связи с центром управления полетом, а также несколько раз вели телетрансляцию, которая передавалась в прямом эфире на Землю. За полетом «Аполлона-11» следили миллионы людей.

На четвертый день ракета достигла Луны. Армстронг и Олдрин перешли в лунный модуль, названный «Орлом», и спустились на поверхность спутника Земли. Коллинз должен был их ждать на орбите в командном модуле. Первыми словами, которые сказал человек на Луне, оказался возглас Армстронга: «Хьюстон, говорит База Спокойствия. “Орёл” сел»⁹¹.

Прежде чем астронавты ступили на поверхность Луны, прошло еще три часа подготовки и последних проверок. Первым на спутник должен был высадиться Армстронг, но он находился дальше от выхода, чем Олдрин. Поэтому в условиях невозможной тесноты он должен был протиснуться мимо своего помощника. Когда наконец он ступил на Луну, последовали теперь уже знаменитые слова: «Это один маленький шаг для человека, но гигантский скачок для всего человечества».

С Земли на астронавтов были устремлены глаза миллионов людей. Прямая трансляция показывалась на всех континентах, а в США ее комментировали главное лицо телеканала CBS Уолтер Кронкайт и астронавт Уолтер Ширра. Зрелище поражало вообра-

⁹⁰ Ibid. P. 76.

⁹¹ Hansen J.R. First Man: The Life of Neil A. Armstrong. N.Y., 2005. P. 458.

жение и демонстрировало не только технологическое превосходство США, но и то, что у всего человечества в целом нет пределов для саморазвития.

После того, как Армстронг и Олдрин выполнили все запланированные задачи, они вновь забрались внутрь «Орла» и вернулись на лунную орбиту, где их дожидался Коллинз. Остальное было уже делом техники. 24 июля астронавты вернулись на Землю, где были встречены президентом Ричардом Никсоном на борту авианосца Хорнет.

Высадка на Луне американских астронавтов оказала огромное влияние на мировую культуру. Несколько часов люди на всей Земле наблюдали за Армстронгом и Олдрином, пораженные силой человеческого духа и технологий.

Вдохновляясь полетами в космос в целом и миссией «Аполлона-11» в частности, люди теперь мечтали о более далеких целях и масштабных задачах. Помогать в этих мечтах им будут телесериалы и фильмы, вышедшие в конце 1960-х гг. «Затерянные в космосе» рассказывал о семье космических колонистов. «Звездный путь» был посвящен научно-исследовательской миссии корабля «Энтерпрайз» во главе с капитаном Джеймсом Кирком и его помощником командером Споком. Но самым влиятельным фильмом десятилетия о космосе стал фильм «2001: Космическая одиссея», вышедший на экраны в 1968 г. В своем шедевре режиссер Стенли Кубрик размышлял о прогрессе, эволюции и столкновении инновационных технологий с примитивными человеческими эмоциями.

Освоение космоса повлияло не только на культуру, но и серьезным образом изменило быт людей. Некоторые технологии и устройства, которые изначально были разработаны для нужд НАСА, затем оказались востребованы и в повседневной жизни. Вот некоторые из них.

Пена с эффектом памяти была впервые разработана НАСА в 1966 г. Изначально перед ее создателями стояла задача сделать настраиваемые сидения для астронавтов, чтобы частично смягчить воздействие перегрузок при взлете и посадке. Вскоре инженеры поняли, что различия в телосложении астронавтов могут стать причиной затруднений в достижении поставленной цели. Кроме того, они также заметили, что формы тела людей меняются не только под воздействием сил g , но и просто под влиянием обычных физических нагрузок.

Возникла необходимость создать индивидуальное сидение для каждого астронавта, что было дорого и непрактично. Начали искать решение. Было предложено разработать материал, форма

которого могла подстраиваться под сидящего на нем человека, а затем возвращаться к изначальному состоянию. Отсюда и возник термин – пена с эффектом памяти.

В массовом производстве этот материал появился в начале 1980-х гг. Однако тогда он был слишком дорог. Со временем, когда стоимость упала, его стали применять повсеместно: в матрасах, обуви, подкладках спортивных шлемов и т. д. Сегодня существует множество разных видов пены с эффектом памяти. В целом она состоит из полиуретана с некоторыми другими добавками, которые варьируются в зависимости от цели применения. Некоторые производители предпочитают сохранять свои формулы пены в секрете, заявляя, что они превосходят аналоги у конкурентов.

А вот еще одна разработка НАСА, непосредственно повлиявшая на производство современных смесей для детского питания. Исследуя возможности использования микроводорослей как пищевого продукта, ученые, работавшие на космическую программу, обнаружили, что они содержат многие питательные ингредиенты. Разработанное впоследствии масло на основе водорослей стало распространенной пищевой добавкой под названием “Formulaid”. Считается, что она очень полезна для умственного развития ребенка и его зрения, поскольку включает в себя два необходимых для человеческого организма вещества – докозагексаеновой и арахидоновой кислот. Обе эти жирные кислоты содержатся в материнском молоке, однако их не было в растворимых смесях для маленьких детей до начала использования “Formulaid”.

Среди известных разработок НАСА были CMOS-сенсоры, которые сегодня повсеместно используются при создании фото- и видеокамер, в том числе и тех, которые встроены в мобильные телефоны и камеры GoPro. В начале 1990-х инженер Эрик в лаборатории реактивного движения НАСА обнаружил, что CMOS-сенсоры энергоэффективны, почти нечувствительны к радиации и удобны для использования в микросхемах. Помимо этого, они показали лучшие результаты при получении изображений по сравнению с ПЗС-матрицей (CCD), которая использовалась на тот момент. Все это в совокупности стало предпосылкой современной массовой эксплуатации CMOS-сенсоров.

Помимо вышеперечисленного инженеры НАСА в той или иной степени приложили свою руку к созданию таких вещей, как ручные пылесосы, спасательные одеяла, водоотталкивающие смазки, подгузники, слуховые импланты, ушные инфракрасные термометры, невидимые брекететы, водяные пистолеты

и гидрокостюмы “Speedo”. Этот список можно продолжать до бесконечности⁹².

Также очевидно, что без НАСА не существовало бы технологии GPS и других спутниковых систем навигации, а также встраиваемых веб-технологий (embedded web technology), на основе которых сегодня создается программное обеспечение для цифровых устройств. Таким образом, можно сказать, что современное информационное общество в значительной степени есть прямой результат освоения космоса во второй половине XX в.

Что же касается истории покорения человеком внеземного пространства, то после высадки Армстронга и Олдрина на Луне деятельность НАСА уже не привлекала так много внимания, как на протяжении 1960-х гг. С одной стороны, это было следствием выполнения государственного задания по опережению СССР в космической гонке. С другой, внимание американского общества сместилось на другие проблемы, такие как Война во Вьетнаме, Уотергейтский скандал и движение в защиту окружающей среды.

Снижение политического давления также способствовало повороту деятельности НАСА в более академическое и прагматическое русло. Другим фактором, который изменил политику Управления, стал экономический кризис, начавшийся в мире после 1973 г. и существенно поднявший цены на топливо. В результате произошло сокращение финансирования космической программы со стороны правительства США.

НАСА предприняло еще шесть успешных высадок на спутник Земли, а затем закрыло лунную программу в связи с несопоставимостью расходов и научных результатов.

Дальнейшие изыскания Управления во многом свелись к поиску более экономичных способов путешествий в космосе. В 1973 г. Америка вывела станцию «Скайлэб» на околоземную орбиту. Она позволяла астронавтам оставаться на орбите в течение длительного времени, производить более глубокие исследования в области биологии, астрофизики, а также подробно изучить реакцию человека на нахождение в невесомости. «Скайлэб» приняла три экспедиции, из которых последняя оставалась на станции в течение 84 дней. К 1979 г. дальнейшая эксплуатация станции стала невозможна, и она была затоплена.

К этому моменту НАСА разрабатывала другой проект, который получил название «Спейс-шаттл». Космические челноки

⁹² Об этих и других технологиях, которые были открыты благодаря космической программе см.: NASA spinoff technologies // Wikipedia [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/NASA_spinoff_technologies (дата обращения 22.05.2021).

должны были серьезно сэкономить средства, так как они предназначались для многократного пользования. Управление рассчитывало, что шаттлы будут летать между орбитальной станцией и Землей, пересылая грузы в обоих направлениях. НАСА обещало, что шаттлы смогут выполнять по 24 старта в год, однако реальность оказалась более суровой. С момента запуска проекта в 1981 г. до его закрытия в 2011 г. было произведено всего 135 пусков. К сожалению, не обошлось без трагедий: в 1986 г. на 73-й секунде полета разрушился шаттл «Челленджер», унеся жизни семи астронавтов⁹³.

С окончанием холодной войны изучение космоса вступило в новую стадию. На смену космической гонки пришла эра сотрудничества. С 1998 г. на орбите эксплуатируется Международная космическая станция, состоящая на 2018 г. из 15 модулей. В проекте участвуют 14 стран, в том числе Россия, США, Канада, Япония и некоторые государства, входящие в Европейское космическое агентство.

Сегодня космонавтика в США развивается и силами частных агентств. Основанная Илоном Маском в 2002 г. компания «SpaceX» разработала ряд ракет-носителей серии «Falcon», которые способны после вывода космического корабля на орбиту садиться на Землю, что создает возможность их многократного использования. В итоге в 2020 г. корабль «Dragon V2», также предназначенный для многократной эксплуатации, успешно выполнил свой полет с двумя пассажирами на борту.

За столетие, начавшееся с публикации брошюры Роберта Годдарда о возможности полета человека во внеземное пространство, человечество сделало огромный шаг в исследованиях космоса. И Соединенные Штаты внесли в этот процесс существенную лепту. Американская космическая программа, инициированная в конце 1940-х гг., оказалась успешной, несмотря на политическое и общественное давление и сложность поставленных задач. Ее ключевыми вехами являются запуск первого спутника «Эксплорер-1», создание НАСА, деятельность программ «Меркурий», «Джемини» и, наконец, «Аполлон». Космическая гонка с СССР, начавшись в конце 1950-х гг., завершилась с высадкой Нила Армстронга и Базза Олдрина на Луну в 1969 г. И это стало настоящим прорывом для всего человечества, как и первый полет в космос советского космонавта Юрия Гагарина.

Желание человека посмотреть на Землю из космоса привело и к изменениям в быту. Сегодня мы пользуемся множеством вещей и технологий, которые были изначально придуманы инже-

⁹³ *Launius R.D.* Op. cit. P. 288–290.

нерами НАСА. Несмотря на то что эйфория 1960-х гг. от успехов в космосе давно прошла, человечество продолжает мечтать о далеких космических мирах и внеземных формах жизни. Космос продолжает оставаться важной частью современной поп-культуры. О нем снимают фильмы, пишут книги и создают музыку.

Быть может, уже в следующее десятилетие человечество долетит до Марса, который всегда манил и профессионалов-исследователей, и амбициозных мечтателей вроде Илона Маска. История покорения космоса только начинается.

Для дальнейшего изучения

Вулф Т. Битва за космос. М., 2006.

Голованов Я. Правда о программе “Apollo”. М., 2000.

Караи Ю.Ю. Тайны лунной гонки. СССР и США: сотрудничество в космосе. М., 2005.

Клугер Дж. «Аполлон-8»: Захватывающая история первого полета к Луне. М., 2019.

Чертюк Б.Е. Ракеты и люди: В 4 т. М., 1999.

A Companion to American Technology / Ed. by C. Pursell. Malden, 2008.

Crompton S.W. Sputnik/Explorer I: The Race to Conquer Space. N.Y., 2007.

Hansen J.R. First Man: The Life of Neil A. Armstrong. N.Y., 2005.

Kranz G. Failure Is Not an Option. N.Y., 2000.

Lehman M. This High Man: The Life of Robert H. Goddard. N.Y., 1963.

Электронные ресурсы

Видеоролик к данной лекции см.: <https://edu.amc.ru/courses>

Restored Apollo 11 Moonwalk – Original NASA EVA Mission Video – Walking on the Moon [Электронный ресурс]. URL: <https://youtu.be/S9HdPi9Ikhk> (дата обращения 07.09.2022).

John F. Kennedy Moon Speech – Rice Stadium [Электронный ресурс]. URL: <https://er.jsc.nasa.gov/seh/ricetalk.htm> (дата обращения 22.05.2021).

President Kennedy’s Speech at Rice University [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=WZyRbnpGyzQ> (дата обращения 22.05.2021).

NASA spinoff technologies // Wikipedia [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/NASA_spinoff_technologies (дата обращения 22.05.2021).

Тема 8. Компьютерная революция в действии

Первые компьютеры

В 1888 г. в США началась подготовка к очередной общегосударственной переписи населения. Это была крайне трудоемкая работа. Во время предыдущей переписи, которая прошла в 1880 г., анкеты сортировались и пересчитывались силами 1495 человек, а результаты удалось окончательно подвести семь лет спустя. На этот раз организаторы переписи хотели изменить порядок подсчетов и попробовать доверить их машине. Был объявлен конкурс среди изобретателей. Победителем оказался молодой американский инженер Герман Холлерит, который сконструировал электрическую табулирующую систему. Эта машина автоматически обрабатывала данные, записанные на перфокартах, что позволило ускорить процесс подсчетов. Полные результаты были опубликованы через два с половиной года после начала переписи. Всего машина Холлерита обработала 26 408 страниц данных. Эффект от использования табулятора был поразительным: американцы увидели, что машина может выполнять сложную работу без участия человека. Кроме того, это оказалось экономически выгодно! Несмотря на то что перепись обошлась организаторам в совокупности в 11,5 млн долл., использование изобретения Холлерита сэкономило около пяти млн долл.⁹⁴

Сам Холлерит не остался в накладе. Изобретение табулятора принесло ему не только деньги, но и славу, а также дало толчок карьере бизнесмена. В дальнейшем автоматическая суммирующая машина была использована в переписи США 1890 и 1900 г., а также в России, Австрии, Англии и многих других странах. В 1896 г. Холлерит основал “The Tabulating Machine Company”, которая выпускала как машины, так и сами перфокарты. Спустя почти 30 лет, в 1924 г., компания Холлерита, пережив несколько

© Панов А.С., 2023

⁹⁴ *Campbell-Kelly M., Aspray W., Ensmenger N., Yost J.R.* Computer: A History of the Information Machine. 3rd ed. Boulder, 2014. P. 15–16.

слияний и изменений направлений деятельности, была переименована в корпорацию “International Business Machines” или попросту IBM⁹⁵.

Спустя 30 лет IBM превратилась в лидера вычислительных технологий. В годы Второй мировой войны инженеры компании сконструировали электронно-механический компьютер “Mark I”, который нашел применение у военных и использовался для баллистических расчетов. Затем, в 1948 г., IBM представила SSEC (“Selective Sequence Electronic Calculator”), который позволял не только делать расчеты, но и хранить программу в своей памяти.

Основными покупателями IBM были государственные ведомства и научные лаборатории, которым требовались серьезные вычислительные мощности. Компьютеры оказались слишком большими (“Mark I” весил 35 т и имел размеры в 17 м в длину и 2,5 м в ширину) и дорогими (SSEC стоил почти миллион долл.)⁹⁶. В конце 1940-х гг. еще мало кто мог предположить, что компьютеры могут понадобиться частному бизнесу и, тем более, обычным людям.

Все изменилось в 1950 г., когда конкуренты IBM, инженеры Джон Эkert и Джон Мокли (ранее собравшие первое настоящее электронное вычислительное устройство, ENIAC), представили UNIVAC, первый американский коммерческий компьютер. За следующие восемь лет было собрано 46 экземпляров, ничто по современным меркам⁹⁷. Однако все они были проданы различным корпорациям, университетам и государственным ведомствам. Минутой славы UNIVAC оказались президентские выборы в США в 1952 г. Телекомпания CBS использовала компьютер для прогнозирования их результатов. В итоге в день голосования UNIVAC, опираясь на данные опросов всего 1% населения, верно спрогнозировал убедительную победу Дуайта Эйзенхауэра⁹⁸.

Успех компьютера Экера и Мокли предопределил направление дальнейшего развития вычислительных технологий: компьютеры должны использоваться в сфере экономики, политики, науки.

К началу 1960-х гг. конкуренция между IBM, UNIVAC и другими компаниями дала толчок ускоренному прогрессу в компьютерной отрасли. Несмотря на все свои ресурсы и усилия, IBM

⁹⁵ Макаровский Д., Никонов А. История компьютерной эры. М., 2016. С. 38–39.

⁹⁶ Там же. С. 48–49.

⁹⁷ Там же. С. 71.

⁹⁸ Campbell-Kelly M., et al. Op. cit. P. 111–112.

доминировала на рынке, но не могла полностью монополизировать его. Причина крылась в том, что для каждой модели компьютера, которая выходила на продажу, требовалось заново писать весь программный код, а затем предоставлять поддержку. Учитывая, что в линейке ИВМ было семь компьютеров, а число программ увеличивалось с каждым месяцем, адаптация каждой из них под индивидуальные требования конкретной модели съедала бюджет и время⁹⁹.

В 1961 г. заместитель главы ИВМ Т. Винсент Лирсон приказал создать специальную комиссию для формирования дальнейшей стратегии развития всей корпорации. Итогом ее деятельности стал доклад, где рекомендовалось полностью отказаться от используемой на тот момент архитектуры компьютеров и разработать нечто принципиально новое. Кроме того, подразумевалось, что и программное обеспечение также должно быть обновлено и стандартизировано. Расходы обещали быть огромными. Сам Лирсон писал о реакции руководителей ИВМ на доклад:

Перед ними стояла проблема: они полагали, что все это слишком грандиозно... Работа выглядела слишком большой для маркетологов, финансовых специалистов и инженеров. Все понимали, что это гигантская задача, которая означала бы концентрацию всех наших ресурсов на одном проекте, и мы знали, что долгое время ничего не получим от этого¹⁰⁰.

Тем не менее решение о реформировании производства было принято. Расходы и впрямь потрясли воображение: в совокупности на создание принципиально новой модельной линейки компьютеров было потрачено около 5 млрд долл. Это был самый дорогой научный проект в США после космической программы «Аполлон». Руководители ИВМ реально рисковали существованием всей компании.

Результат работы инженеров был представлен в апреле 1964 г. на серии пресс-конференций, которые проходили в 63 городах США и в 14 других странах мира в один день. ИВМ представила компьютер нового поколения – “System/360”, состоящий из 6 моделей и 44 периферийных устройств.

Так как разработки ИВМ всегда окутывал туман секретности, никто не знал, чего ожидать. Презентация была подобна

⁹⁹ Ibid. P. 125–126.

¹⁰⁰ Ibid. P. 130.

взрыву ядерной бомбы. Как вспоминал журналист “Fortune” Том Уайз,

Новая “System/360” в действительности превращала в хлам практически все другие существующие компьютеры... Это было примерно то же самое, как если бы компания “General Motors” решила отказаться от своих существующих моделей и предложила вместо них одну новую линейку автомобилей с радикально переработанным двигателем и экзотическим топливом, покрывавшую весь спектр спроса.

Можно назвать три основных причины этого оглушительного успеха. Во-первых, IBM ввела стандартизацию команд программных команд и моделей, которые различались по производительности и цене. Это позволяло покупателю обновлять свой компьютер по мере роста требований к нему, не переписывая полностью программный код. Во-вторых, “System/360” была намного более компактной, чем предшественники. Вакуумные лампы заменили транзисторами и диодами, объединенными в интегральные микросхемы. Это позволяло серьезно уменьшить размеры всего устройства, увеличить его производительность и повысить надежность. В-третьих, она ввела новые стандарты для всей индустрии: например, в “System/360” использовались 8-битные символы, шестнадцатеричная система исчисления и 9-дорожечная магнитная лента для хранения информации¹⁰¹.

Руководство и инженеры IBM в действительности могли гордиться своим достижением. Как сказал в 1964 г. Фрэнк Кери, будущий глава корпорации: «Мы не продаем продукт... мы продаем решение проблем»¹⁰². Сразу же после презентации IBM получила тысячи заказов на “System/360”. За следующие два года было продано около 4,500 устройств. Компьютер, который создала IBM, определил основное направление развития компьютерной техники на десятилетия вперед.

Несмотря на серьезные недостатки в программном обеспечении и действия конкурентов, которые, не стесняясь, заимствовали отдельные части “System/360”, IBM к началу 1970-х гг. абсолютно доминировала на рынке компьютеров. На ее долю приходилось 3/4 всех продаж, в то время как остальные игроки имели не более 5%¹⁰². Как казалось, будущее корпорации было безоблачным. Если бы не одно обстоятельство.

¹⁰¹ Макаровский Д., Никонов А. Указ. соч. С. 96.

¹⁰² Campbell-Kelly M., et al. Op. cit. P. 138.

Появление персонального компьютера

В начале 1975 г. журнал “Popular Electronics” на своей обложке представил новый компьютер “Altair 8800”. Он продавался за 397 долл. (1900 долл. сегодня), и его можно было заказать по почте в разобранном виде, что делало его доступным почти для каждого любителя новых технологий. Кроме того, компьютер был действительно небольшим. На этом, по большому счету, его преимущества заканчивались. Производительность “Altair” была невысока, программирование осуществлялось только в формате двоичного кода, а объем памяти составлял всего 256 байт. Тем не менее в кратчайшие сроки “Altair” получил культовый статус. Внутри невзрачного корпуса находилась настоящая жемчужина – микропроцессор “Intel 8080”¹⁰⁴.

Основанная в 1968 г. Робертом Нойсом и Гордоном Муром компания “Intel” занималась разработкой процессоров. Нойс отвечал за общее руководство, а Мур – за инновации. Сформулированный им в 1965 г. закон Мура гласил, что количество транзисторов на микросхемах увеличивается вдвое каждый год. Спустя 9 лет закон был скорректирован: удвоение транзисторов должно происходить каждые два года¹⁰⁵. Следуя этой логике, “Intel” занялась созданием микропроцессоров, производительность которых росла с каждым годом в геометрической прогрессии. Через пять лет после основания “Intel” стоила 66 млн долл., и на нее работало более 2,5 тыс. сотрудников¹⁰⁶.

Рост числа компактных процессоров привел к расширению зоны их потенциального использования и постоянному снижению их стоимости. В 1971 г. появились первые карманные калькуляторы по цене 100 долл. Спустя пять лет они стоили уже пять долл.¹⁰⁷

Когда в 1971 г. была основана “Atari”, о видеоиграх почти никто не знал. В 1972 г. компания выпустила свою первую игру “Pong”, установленную в игровых автоматах, которые продавались за 1200 долл. Через три года появилась домашняя версия “Pong” за 350 долл. Ее можно было встроить в телевизор. Спустя еще пару лет игра подешевела до 50 долл. В то же самое время сто-

¹⁰³ Ibid. P. 132.

¹⁰⁴ World’s First Minicomputer Kit to Rival Commercial Models... “Altair 8800” // Popular Electronics. 1975. Jan.

¹⁰⁵ Макаровский Д., Никонов А. Указ. соч. С. 105–106.

¹⁰⁶ Campbell-Kelly M., et al. Op. cit. P. 222.

¹⁰⁷ Ibid. P. 223.

имость самой “Atari” взлетела до 40 млн долл., производя десятки игр ежегодно¹⁰⁸.

Учитывая тот факт, что модельный ряд процессоров пополнялся ежегодно, а цены на них падали, созданием своих полноценных компьютеров стали заниматься не только корпорации с миллиардными бюджетами, но и простые студенты-инженеры. При использовании интегральных микросхем «миникомпьютеры» в 1970 г. были столь же производительны, как и большие машины 1965 г., но стоили в 10 раз меньше них. В таких условиях вопрос появления полноценного персонального компьютера стал делом времени.

Появление “Altair 8800” стало началом новой фазы компьютерной революции. С одной стороны, оригинальный набор устройства, поставляемый его производителем, “Micro Instrumentation Telemetry Systems” (MITS), был очень скуден. Однако предусматривалось, что к компьютеру можно подключить множество сторонних компонентов (вроде кассетного диктофона, который мог использоваться для расширения памяти), а также менять комплектующие внутри, производя апгрейд. С другой стороны, “Altair 8800”, как и многие компьютеры того времени, страдал от недостатка программного обеспечения. Поэтому в MITS были заинтересованы в найме нескольких программистов, способных создать оболочку для их детища.

Зимой 1975 г. журнал “Popular Electronics” с “Altair” на обложке попал в руки 20-летнему очкарику-студенту Гарварда Биллу Гейтсу. Вместе со своим другом Полом Алленом они увлекались программированием и даже достигли некоторых успехов в этом деле. Узнав о том, что MITS требуется помощь, они обратились к ним под именем “Microsoft”, предложив создать программную оболочку для компьютера на основе удобного в использовании языка BASIC. Предложение было принято. Гейтс и Аллен начали работать на MITS, ради чего им пришлось уйти из университета, и превратились в героев для сотен таких же «повернутых» на компьютерах гиков¹⁰⁹.

Вслед за “Altair 8800” на американском рынке появилось множество похожих устройств, созданных в домашних условиях молодыми инженерами. Почти все выпускавшие их фирмы на деле не имели даже офисов, собирая компьютеры в гаражах и мечтая о большом успехе. Большая часть подобных компаний появлялась столь же быстро, как и исчезала. Тем не менее одна из

¹⁰⁸ Ibid. P. 224.

¹⁰⁹ Ibid. P. 236–237.

них – “Apple” – не только закрепились на рынке на долгий срок, но и до сих пор определяет главные тренды мира цифровых технологий.

“Apple” была создана двумя молодыми фанатами компьютеров – Стивеном Возняком и Стивом Джобсом. Возняк, или, как его называли друзья, Воз, родился в Купертино (Калифорния), центре развивающейся цифровой индустрии на западном побережье США. Как и многие местные дети, он буквально жил и дышал электроникой. Воз начал собирать собственные приборы с малых лет и к началу 1970-х гг. стал блестящим инженером. Несмотря на свои таланты, Возняк не был заинтересован в академической карьере: он мечтал произвести революцию в компьютеростроении.

Около 1971 г. Воз вместе со своими друзьями создал собственный мини-компьютер из деталей, не пригодившихся местным компаниям в Купертино. Примерно в это время он и встретил Джобса, который был младше его на пять лет. В отличие от Возняка, Джобс не был таким талантливым инженером, но зато он привнес в деятельность друзей определенную осмысленность и желание изменить мир. Существует множество историй о самоуверенности Джобса, что одновременно отталкивало, завораживало, оскорбляло и очаровывало людей. Вот одна из них.

Когда Джобсу было тринадцать, ему нужны были какие-то электронные компоненты для школьного проекта. Он, недолго думая, позвонил Уильяму Хьюлетту, мультимиллионеру и сооснователю компании “Hewlett-Packard”. Пораженный этим звонком, Хьюлетт не только дал ему необходимые детали, но и предложил подрабатывать у него.

Как и многие другие компьютерные гении своего поколения, Джобс не был заинтересован в учебе. Он то поступал, то отчислялся из колледжа в начале 1970-х гг., пока, наконец, не нашел хорошую работу в “Atari”. Однако создание игр не входило в его планы. Джобс увлекся индийской философией, подражая своим кумирам “The Beatles”, стал вегетарианцем и проводил время в медитациях¹¹⁰.

В общем, Возняк и Джобс были мало похожи. Впоследствии первый стал олицетворением гениального компьютерного гика, а второй – превратился в икону для мечтателей и футурологов. Однако вместе им таки удалось изменить мир.

История успеха “Apple” начинается в 1975 г., тогда же, когда “Altair 8800” попал на обложку журнала. Возняк и Джобс посе-

¹¹⁰ Ibid. P. 238–239.

щали так называемый Клуб самодельных компьютеров, где местные студенты-инженеры показывали свои поделки, собранные в гаражах. Именно там друзья и представили свою первую модель, которая была названа “Apple”. Изначально это был компьютер, который создал Возняк для личного пользования, но, видя ажиотаж среди гиков, Джобс предложил начать его продажу. В итоге было реализовано около двух сотен машин. Все они собирались вручную Возом и Джобсом в гараже у родителей последнего.

Относительный успех “Apple” показал Джобсу, что существует большой рынок, который никем пока не занят. Он состоит из молодых людей, не желающих связываться с большими компаниями отчасти из-за чувства бунтарства, отчасти из-за высоких цен. Кроме того, люди хотели покупать уже полностью собранные компьютеры в пластиковом корпусе, поставляемые вместе с клавиатурой, экраном и встроенной памятью. И, наконец, на этом компьютере уже должна стоять удобная в использовании операционная система.

Так и родилась идея следующего компьютера, который получил имя “Apple II”. Он был представлен в 1977 г., а его различные модификации выпускались “Apple” еще 15 лет, что свидетельствовало о невероятном успехе.

Распространение “Apple II” вызвало появление множества его клонов, некоторые из них оказались даже частично совместимы с оригиналом. Кроме того, большие компании, включая лидеров рынка IBM, были вынуждены задуматься о причинах успеха детища Джобса. Главная из них заключалась в том, что “Apple” принес компьютеры в дома обычных людей. Не компьютерных фанатов, ученых, бизнесменов или чиновников, а обыкновенных американцев, которые ничего не знали о строении цифровых устройств, не умели программировать и докупать необходимые компоненты. “Apple II” работал «из коробки», обладал несложным интерфейсом. И этого оказалось достаточно¹¹¹.

Глядя на растущую популярность персональных компьютеров, IBM не могла не испытывать беспокойство. В 1980 г. один из старших менеджеров компании Уильям Лоу предложил руководству не только начать массовое производство персональных компьютеров, но и попытаться перестроить работу всей корпорации. По словам Лоу, структура IBM была слишком неповоротливой, а продуктам требовалось три года, чтобы дойти до рынка после первичной разработки. Кроме того, в IBM не были готовы к действительно массовым продажам. Лоу предложил отказаться

¹¹¹ Ibid. P. 240–241.

от собственных магазинов, а вместо этого использовать обыкновенных ретейлеров. И, наконец, следовало передать производство компонентов компьютеров, включая программное обеспечение, внешним разработчикам.

Как ни странно, но руководство IBM, до этого момента считавшее своим основным клиентом корпоративный бизнес, научные центры, правительственные и военные ведомства, согласилось с предложениями Лоу. Казалось, что для такой опытной и богатой компании не составит труда в краткие сроки создать компьютер, способный вытеснить более молодых конкурентов. Однако не все было так просто.

Что касается «железа» – электронных компонентов и периферийных устройств, – то здесь IBM действительно не испытала затруднений. Лоу был верен своему плану, и почти все внутренние будущего IBM-PC закупили у сторонних производителей. Таким образом, удалось взять все лучшее, что было на тот момент на рынке, и избежать проблем с поставками. Однако программное обеспечение до определенного момента оставляло желать лучшего¹¹².

Попытки IBM самостоятельно разработать стабильный и удобный «софт» для своего первого массового персонального компьютера закончились неудачно. Летом 1980 г. менеджерам корпорации пришлось начать поиск внешних программистов. Это и привело их к “Microsoft”.

К тому моменту сотрудничество Гейтса и Аллена с производителем “Altair 8800” подошло к концу. Компания переживала не лучшие времена. Гейтс еще несколькими годами ранее был озабочен тем, что гики, создавая свои собственные компьютеры, используют чужие программы без разрешения. А это, по сути, было кражей интеллектуальной собственности. Своими соображениями он поделился в «Клубе самодельных компьютеров», чем вызвал гнев местной публики. Однако само по себе замечание было справедливым. “Microsoft” и другим относительно успешным фирмам нужно было каким-то образом защищать свои права.

Вполне может быть, что деловой подход Гейтса стал одной из причин того, почему IBM выбрали для разработки программного обеспечения именно “Microsoft”. И Гейтс, и Аллен, в отличие от многих других программистов-любителей, носили костюмы, учились в уважаемом Гарварде (хотя и не закончили его) и были выходцами из вполне обеспеченных семей. Таким образом, в IBM не видели репутационного риска в подписании

¹¹² Ibid. P. 245–246.

соглашения с “Microsoft”, хотя у Гейтса и Аллена на тот момент даже не было готового продукта.

В 1980 г. в офисе “Microsoft”, размещавшемся в арендованном помещении в Сиэтле, работали всего 38 человек. Купив за 30 тыс. долл. одну из программных разработок местных программистов, Гейтс вместе с Алленом доработали ее и представили как MS-DOS. IBM поставляла программу с каждым продававшимся компьютером и платила “Microsoft” процент с прибыли в размере от 10 до 50 долл. Как показала дальнейшая история, MS-DOS оказалась самой популярной, удобной и гибкой операционной системой из тех, что существовали на рынке до середины 1990-х гг.¹¹³ Итоговый продукт, “IBM Personal Computer” (или просто IBM-PC), произвел революцию в компьютерной индустрии. В чем же лежат причины его успеха?

Во-первых, консервативные корпоративные пользователи, убедившись в удобстве IBM-PC, остались верны испытанному бренду. “Apple” же им казалась сомнительной: Джобс и Возняк буквально собирали свои компьютеры в гараже, а сами выглядели как хиппи.

Во-вторых, обычные пользователи обнаружили, что все компоненты внутри IBM-PC являются заменяемыми. Это позволяло покупать недорогую версию компьютера, а затем «дорабатывать» ее до необходимой конфигурации.

В-третьих, удобство и стабильность MS-DOS, а также кровительство IBM позволили в кратчайшие сроки разработать множество программ, которые работали на компьютерах разной конфигурации. Все это давало возможность переносить данные без потерь из одного устройства на другое, меняться программами (включая игры) без опасения, что какие-то обстоятельства помешают их работе.

В итоге это приводит к тому, что клоны IBM-PC будут выпускать десятки компаний по всему миру по более низкой цене и с более мощными компонентами, но все с тем же MS-DOS и чипами “Intel” внутри. Именно таким образом, например, началась история компании “Dell”.

Революция, связанная с популяризацией персональных компьютеров, не могла не остаться незамеченной общественностью. В начале 1983 г. журнал “Time” отказался от традиционного выбора Человека года в пользу «машины года». Ею стал персональный компьютер!¹¹⁴

¹¹³ Ibid. P. 246–247.

¹¹⁴ The Computer, Machine of the Year // Time. 1983. Jan. 3. Vol. 121. No. 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://content.time.com/time/covers/0,16641,19830103,00.html> (дата обращения 22.05.2021).

Внедрение графического интерфейса

К середине 1980-х гг. находящиеся на рынке компьютеры во многом походили на те, какими мы пользуемся сегодня. Однако существовала и одна принципиальная разница: IBM-PC и “Apple II” не имели графического интерфейса.

Легенда гласит, что идею подключения мыши к компьютеру и принцип работы современного рабочего стола Стив Джобс подсмотрел в 1979 г. в лаборатории компании “Херох”. Их разработка, компьютер “Alto”, имел графический интерфейс, но руководство не оценило по достоинству изобретение собственных инженеров.

Вернувшись из “Херох” под впечатлением, Джобс уговаривает своих коллег и подчиненных создать компьютер, подобный “Alto”. Это заняло у “Apple” три года, и в 1983 г. была представлена модель “Lisa”. Первый блин получился комом: новое устройство оказалось слишком дорогим, медленным и сложным в эксплуатации для разработчиков программного обеспечения. Компания “Apple” потратила слишком много денег на разработку “Lisa”, а прибыли почти не получила, что ставило под вопрос будущее компании. Джобс решил предпринять еще одну попытку.

22 января 1984 г. 77 млн зрителей включили свои телевизоры, чтобы посмотреть на финальную игру футбольного сезона между Вашингтон Редскинс и Лос Анджелес Рейдерс. Матч почти с самого начала утерял интригу. Хотя Вашингтон считался безоговорочным фаворитом, команда из «Города Ангелов» повела с первой же четверти и далее лидерства не потеряла. Ко второй половине игры «Рейдерс» вели 21:3. Зрители заскучали. В середине третьей четверти одна из команд взяла таймаут, во время которого по телевизору включили рекламу.

...Изображение потемнело. На нем появились изможденные бритоголовые рабочие, одетые в лагерные робы, уставившиеся на огромный экран, на котором Большой Брат сурово возвещал о торжестве цифрового авторитаризма. Внезапно загорелая и красивая молодая женщина в ярко-красной спортивной одежде ворвалась в комнату и швырнула кувалду в экран. Затем появилось сообщение: «24 января “Apple Computer” представит “Macintosh”. И вы поймете, почему 1984 год не будет похож на “1984”»¹¹⁵.

¹¹⁵ 1984 Apple’s Macintosh Commercial // YouTube [Электронный ресурс]. URL: <https://youtu.be/VtvjbmDx-I> (дата обращения 22.05.2021).

Это было начало новой эры. Реклама не только произвела фурор, но и заинтриговала всех, так как сам продукт не показали. Впоследствии ролик прокручивался на телевидении десятки раз, повышая градус ожиданий. Реклама отсылала к антиутопическому роману Джорджа Оруэлла «1984», а «Большим братом» на рынке компьютеров был IBM.

Когда “Macintosh” наконец появился на прилавках магазинов, он стоил 2,5 тыс. долл. (6100 долл. в пересчете на сегодняшние цены), что было ниже стоимости “Lisa” на 85%¹¹⁶. Однако первые продажи разочаровывали. Хотя инновационность нового компьютера казалась очевидной, не было понятно, на какую аудиторию он ориентировался. Простые пользователи не хотели переплачивать за красивый графический интерфейс. Офисные работники предпочитали испытанный IBM-PC. Гики остались недовольны закрытой архитектурой, не позволявшей залезть внутрь устройства. “Macintosh” мог стать прекрасным компьютером для школ и университетов из-за своего наглядного и простого интерфейса, однако это явно был не тот рынок, на который рассчитывало руководство “Apple”. После относительного провала устройства Джобс выжили из компании, которую он сам же основал.

В разработке «софта» “Macintosh” принимала участие компания “Microsoft,” которая после выпуска MS-DOS казалась одним из лидеров рынка программного обеспечения. Однако на самом деле к 1984 г. кроме операционной системы для IBM-PC компания Гейтса не смогла разработать ни одного конкурентоспособного продукта.

Работа над “Macintosh” показала Гейтсу, в каком направлении следует двигаться далее. Необходимо было совместить удобство графического интерфейса и низкую стоимость IBM-PC.

Полученная операционная система, “Windows”, была представлена в октябре 1985 г. и почти полностью повторяла интерфейс “Macintosh”. Цена на новый продукт “Microsoft” составляла всего 99 долл. Она поставлялась вместе почти с каждым персональным компьютером IBM и его клонами, которые были изготовлены другими компаниями вроде “Dell” и “Compaq”. Это незамедлительно дало результат. К 1987 г. компьютеры на “Windows” занимали более 50% от общего объема продаж¹¹⁷.

Вплоть до этого момента в “Apple” считали, что Гейтс им не конкурент. Только в 1988 г., после релиза “Windows 2.0”, создатели

¹¹⁶ *Campbell-Kelly M. et al. Op. cit. P. 263.*

¹¹⁷ *Ibid. P. 265.*

“Macintosh” поняли, что «Большой брат» – это не IBM, а “Microsoft”. Однако было уже поздно.

Юристы “Apple” обратились в суд, затянувшийся на годы, указывая на кражу интеллектуальной собственности. Пока шел процесс, Гейтс стал самым молодым в истории миллиардером. К началу 1989 г. было продано около 2 млн копий “Windows”, а сама операционная система вытеснила всех конкурентов, включая собственную разработку IBM, с которой Гейтс не хотел больше сотрудничать. В 1990 г. “Windows” был установлен на 84% новых компьютеров¹¹⁸.

За “Windows 2.0” в начале 1990-х последовал “Windows 3.0”, а позднее и революционная “Windows 95”, которая ввела тот интерфейс, которым мы пользуемся и поныне. IBM к этому моменту уже давно перестала быть лидером продаж на рынке персональных компьютеров, а “Apple” в середине 1990-х гг. в судебном порядке было отказано в ее претензиях. XX век заканчивался при полном доминировании “Microsoft” и “Windows”.

Компьютер середины 1990-х почти во всех компонентах стал идентичен тому, которым мы пользуемся сегодня, 25 лет спустя. Конечно, он отличался в размерах и работал медленнее, однако все основные функции уже были реализованы. На ПК «из коробки» стоял пакет офисных программ, и он позволял смотреть фильмы, слушать музыку и играть. И, главное, уже 10 млн пользователей имели доступ к интернету.

Интернет-революция

Первым прототипом интернета стала сеть, которую к 1969 г. проложили между четырьмя учебными заведениями: отделениями Университета Калифорнии в Лос-Анджелесе и Санта-Барбаре, а также Университетом Юты и Стэнфордом. Она получила название “Agranet” и сохранила свой внутриуниверситетский характер. Однако некоторые наработки оказали широкое влияние на дальнейшее развитие интернет-сетей.

Одной из них стал прототип агрегаторов новостей, который появился в сети “Usenet”, отколовшейся в 1979 г. от “Agranet”. Изначально этот сервис задумывался для обмена известиями между двумя студентами, один из которых учился в Университете Дьюк, а другой – в Университете Северной Каролины. Однако впоследствии сервис разросся до такой степени, что к 1991 г. им пользовались миллионы подписчиков.

¹¹⁸ Ibid. P. 266–267.

Другим сервисом, которому дала начало “Aranet”, стала электронная почта, которая была запущена в 1971 г. и быстро обрела популярность. Спустя четыре года было зарегистрировано уже более тысячи электронных ящиков.

Однако, несмотря на локальные успехи, сети росли медленно. В 1980 г. интернет связывал меньше двух сотен устройств, а в 1984 г. – около тысячи. Настоящий прорыв случился только в начале 1990-х гг., когда была создана “World Wide Web”.

К этому моменту назрела серьезная необходимость как-то систематизировать все данные, которые хранились в интернете, а также обеспечить пользователям свободу доступа к ним. Разные проекты пытались решить эту задачу, создавая онлайн-каталоги документов, однако они были не очень удобными.

Выходом из ситуации оказались гипертекстуальные системы, позволявшие переходить из одного документа в другой напрямую, без необходимости возврата в главный каталог. Подобный принцип уже использовался в энциклопедиях, опубликованных на дисковых носителях. Однако его надо было применить к интернету, что и сделал Тим Бернерс-Ли.

Работая на Европейскую организацию по ядерным исследованиям (ЦЕРН), Тим Бернерс-Ли вместе со своим коллегой Робертом Кайо в 1989 г. приступили к разработке нового протокола. Он мог связать все хранящиеся в сети документы (позднее их стали называть веб-страницами) ссылками, что обеспечивало облегчение их поиска. Система из соединенных гипертекстом страниц, которые можно было открыть с помощью специальной программы – браузера – и получила название “World Wide Web” (WWW).

Когда в 1991 г. Бернерс-Ли и Кайо пытались представить свою разработку на конференции, посвященной гипертексту, в техасском Сан Антонио, организаторы отказали им дать время на доклад. По словам Бернерса-Ли, их сообщение в тот год было единственным, посвященным интернету. Когда он вернулся на конференцию в 1993 г., «каждая презентация была как-то связана с интернетом».

За эти два года произошло очень многое. С самого начала работы сети Бернерс-Ли вел статистику соединений (hits). В 1991 г. к сети подсоединялось около сотни пользователей ежедневно. Через год число выросло до тысячи, а в 1993 г. оно достигло 10 тыс. В 1994 г. к сети было подключено несколько сотен серверов по всему миру. И их число продолжало расти¹¹⁹.

¹¹⁹ Ibid. P. 287–289.

Новая сеть завоевывала поклонников, которым, в свою очередь, требовались браузеры. Их первое поколение поддерживало только текстовые документы без картинок. В дальнейшем браузеры стали поддерживать не только изображения, но и видео и аудиофайлы.

Первым действительно массовым браузером первой половины 1990-х гг. стал “Mosaic”, который разработал студент Университета Иллинойса Марк Андрессен. “Mosaic” распространялся бесплатно. Его популярность была обусловлена простотой, а также существованием версий для “Windows”, “Macintosh” и других специализированных операционных систем. Кроме того, “Mosaic” стал первым браузером, который поддерживал отображение внутритекстовых изображений. После релиза в ноябре 1993 г. браузер скачали сотни тысяч пользователей. В дальнейшем разработка браузеров была продолжена Андрессеном в рамках проекта “Netscape”.

Большие корпорации с возрастающим интересом наблюдали за развитием Всемирной паутины. Вскоре “Microsoft” приняла решение разработать свой браузер. Он тоже был сделан на основе программного кода “Mosaic”, получив название “Internet Explorer”. Версии этого браузера поставлялись вместе с операционной системой “Windows” начиная с 1995 г. Хотя сам по себе “Internet Explorer” буквально сразу же стал объектом насмешек за свою медлительность, в нем была крайне полезная особенность: он давал доступ как к Всемирной паутине, так и к старым интернет-протоколам, которые поддерживались компаниями вроде AOL и MSN. Таким образом, пользователи в середине 1990-х гг. могли пользоваться как новой, децентрализованной, но пока не очень развитой Сетью, так и другими протоколами, наполненными контентом, но зависимыми от провайдера и отличавшимися относительным неудобством.

Тем не менее вплоть до 1998 г. “Netscape Navigator”, которым в определенный момент пользовались более 70% пользователей, побеждал в «войне браузеров». Однако доступность “Internet Explorer” в итоге сделала свое дело: любой новый пользователь компьютера с предустановленной “Windows” был вынужден сначала открыть именно его, чтобы затем скачать “Netscape”. Многим это дополнительное действие казалось избыточным, и они оставались в “Internet Explorer”, который стал доминировать среди браузеров на рубеже веков¹²⁰.

Развитие интернета также повлияло и на цифровой бизнес. С середины 1990-х гг. стали появляться компании, которые раз-

¹²⁰ Ibid. P. 289–291.

рабатывали продукты, помогающие в навигации по Сети или использовавшие ее преимущества. Зачастую успех приходил совершенно случайно.

Поисковик сайтов “Yahoo!” – типичный тому пример. Его создатели, студенты Стэнфорда Дэвид Фило и Джерри Янг, начинали с публикации списка сайтов, которые можно найти в интернете. На странице “Yahoo!” к концу 1993 г. размещалось около двух сотен адресов, что составляло на тот момент значительную часть всего интернета. Когда в следующем году случился взрыв роста сайтов, Фило и Янг старательно индексировали их и добавляли в базу данных. Это предопределило успех проекта: к началу 1995 г. пользователи ежедневно заходили на “Yahoo!” по миллиону раз, т. е., иными словами, им пользовались примерно 100 тыс. человек. Весной того же года Фило и Янг нашли инвесторов, переехали в Кремниевую долину и наняли программистов для продолжения работы¹²¹.

Главный вызов для “Yahoo!” и других подобных сервисов 1990-х гг. состоял в том, что за сам поиск невозможно было брать деньги. Это заставляло придумывать какие-то иные способы получения дохода, в первую очередь обращаться к продаже прав на рекламу.

Совсем иной путь монетизации предложили двое других студентов, по совпадению тоже из Стэнфорда, Ларри Пейдж и Сергей Брин, которые разрабатывали модель обратного поиска веб-страниц. В рамках их алгоритма поисковая система оценивала, сколько раз на искомую страницу ссылались другие. Исходя из полученных результатов, система выводила рейтинг сайтов на основании степени их популярности. Место сайта в рейтинге влияло на то, какие страницы окажутся перед глазами пользователя при поиске по ключевому слову. Это принципиально отличалось от существовавших до сих пор поисковых алгоритмов, где наиболее релевантным параметром считалось число упоминаний ключевого слова на странице.

Пейдж и Брин назвали свое детище “Google”, сначала запустив одноименный сайт на домене Стэнфорда в 1997 г., а на следующий год переехав в Пало-Альто с намерением построить бизнес вокруг алгоритма. Задумка состояла в сохранении поисковой страницы сайта девственно пустой от рекламы. Такой подход не был свойственен для сайтов конкурентов, включая “Yahoo!”, которые были забиты ею сверху донизу, что замедляло скорость работы браузера. Страница “Google” была пустой, быстро загружа-

¹²¹ Ibid. P. 293–294.

лась и радовала глаз идеальной белизной. Бизнес-модель Пейджа и Брина заключалась в продаже сайтам специально выделенных мест на странице результатов поиска. Кроме того, если пользователь кликал по таким ссылкам, то “Google” тоже получал небольшую сумму денег. Подобный подход оказался крайне успешным: пользователи были рады, что они не видят рекламы, а спонсирующие “Google” компании – уверены в эффективности модели¹²².

Еще одна характерная история успеха конца 1990-х гг. принадлежит Джеффу Безосу, который после окончания Принстона решил заняться интернет-торговлей книгами. В 1995 г. он запустил сайт “Amazon.com”, который быстро стал лидером не только книжной торговли, но и превратился в крупнейшую ретейлерскую площадку, где можно купить все на свете.

Развитие цифровых технологий конца XX в. оказало значительное влияние на культуру. Рост количества компьютеров и расширение сфер их применения вкупе с появлением интернета не могли не беспокоить современников. Например, в киноиндустрии широкое распространение получил образ программиста, который способен взламывать компьютерные системы или создавать виртуальные реальности. Одним из первых он был использован в фильме «Трон» 1982 г., в котором главный герой, создатель видеоигр, «проваливается» внутрь одной из своих поделок и вынужден бороться за выживание. Другим знаковым фильмом стали «Хакеры» 1995 г., где был представлен образ цифрового пирата, взламывающего системы безопасности ради забавы и крадущего деньги у корпораций. Однако самой влиятельной кинокартиной, ставшей одновременно гимном кибернетизации и предупреждением о ее опасности, считается «Матрица». Ее герой, обычный программист Томас Андерсон, узнает о том, что вся реальность, в которой он живет, есть симуляция, транслируемая машинами в человеческий разум. В дальнейшем мистер Андерсон буквально «взламывает» эту киберреальность в попытке освободить людей от гнета искусственного интеллекта.

Сегодня, спустя более 25 лет после начала популяризации “World Wide Web”, многие интернет-пионеры перестали существовать, другие диверсифицировали бизнес. “Google” сейчас – это не только поисковик, но и огромная корпорация, разрабатывающая мобильные операционные системы и создающая цифровую экосистему, объединяющую десятки разных продуктов. “Amazon” развивает не только торговлю, но и владеет различными онлайн-сервисами. Его владелец, Джефф Безос, на

¹²² Ibid. P. 294–295.

2018 г. являлся самым богатым человеком на Земле с состоянием в 135,6 млрд долл.

Важной тенденцией последних 20 лет стала миниатюризация цифровых устройств. В 1990-е гг. “Apple” начала выпускать карманный персональный компьютер (КПК) под названием “Newton”. Хотя этот продукт и не обрел большой популярности, от идеи разработки действительно маленьких цифровых устройств, способных поместиться в любой карман, в корпорации не отказались.

После второго пришествия Джобса одним из первых же представленных продуктов “Apple” оказался миниатюрный музыкальный плеер “iPod”, который покориł покупателей своим дизайном. Хотя mp3-плееры существовали и до “iPod”, он изменил правила игры, так как одновременно с презентацией устройства Джобс открыл онлайн-магазин “iTunes”, откуда можно было скачивать треки. Понимание того, что в скором времени физический рынок музыкальных дисков будет схлопываться из-за конкуренции с онлайн-сервисами, которые, как “Napster”, зачастую были пиратскими, стало ключом к успеху.

Следующим революционным продуктом в 2007 г. стал “iPhone”. Это был первый поистине массовый наладонный компьютер с функциями телефона. Следует отметить, что подобные продукты и ранее появлялись на рынке (например, КПК фирмы “Palm”), однако они имели ограниченный спрос, так как позиционировались как устройства для бизнеса. “iPhone” предлагал покупателю большой сенсорный экран, а также доступ к тому же “iTunes”, где можно было найти все необходимые приложения. На момент выхода “iPhone” эксперты предрекали ему если не провал, то лишь умеренную популярность из-за цены и невысокой производительности. В действительности “iPhone” задал тренд, который уничтожил рынок традиционных КПК и привел к почти полному исчезновению прежнего лидера рынка мобильных телефонов “Nokia”¹²³.

Другим важным явлением в современном мире, опутанном сетью интернета, было появление социальных сетей в начале XXI в. Первыми из них стали “Friendster” и “MySpace”, однако самой популярной, в конце концов, оказалось детище Марка Цукерберга – “Facebook”. Легенда гласит, что она родилась из внутриуниверситетского онлайн-сервиса, позволяющего оценивать фотографии девушек по степени их привлекательности. Эта программа стала пользоваться локальным успехом среди учащихся

¹²³ Ibid. P. 297–299.

Гарварда, попутно вызвав скандал, что натолкнуло Цукерберга на мысль о создании платформы для знакомств, где можно было бы регистрировать профили, заполняя их информацией о себе и фотографиями. 4 февраля 2004 г. “thefacebook.com” был запущен. За первые три недели на новом сервисе зарегистрировались 6 тыс. пользователей, большая часть из которых была студентами Гарварда. Затем социальная сеть стала распространяться среди других вузов Лиги плюща, так что к концу весны на нем сидели более 100 тыс. человек.

В 2005 г. “Facebook” избавился от артикля *the* в названии и постепенно стал завоевывать популярность по стране. Первоначальный успех социальной сети обуславливался не только удобным интерфейсом, но и тем, что он обеспечивал отсутствие «фейковых» аккаунтов, с которых в других сервисах рассылали спам. “Facebook” разрешал регистрацию при помощи только тех адресов электронной почты, которые были аффилированы с учебными заведениями, т. е. оканчивались на .edu. В дальнейшем доступ к соцсети получили школьники, а затем и все желающие. К 2008 г. на “Facebook” были зарегистрированы 145 млн юзеров, из которых лишь 30% проживали в США¹²⁴.

Успех детища Цукерберга предопределил бум социальных сетей. В скором времени появились “Twitter”, “Instagram”, “Snapchat” и многие другие подобные сервисы.

Сегодня социальные сети – это не только способ завести новых друзей или поддерживать контакт со старыми, но и мощный инструмент для продвижения бизнеса и рычаг политического воздействия на людей. Учитывая тот факт, что с началом второго десятилетия XXI в. по всему миру стали развиваться беспроводные сети, обеспечивающие доступ в интернет практически из любого места, соцсети стали использоваться как для мобилизации протестных акций (например, движения “Occupy Wall Street” в 2011 г.), так и для организации политических кампаний, яркими примерами чему служит “Twitter”-дипломатия президентов США Барака Обамы и Дональда Трампа.

К сожалению, интернет-революция имеет и обратную, негативную, сторону. Расширение роли Всемирной паутины в жизни людей в значительной степени ставит под угрозу их приватность. В мире, охваченном социальными сетями, сложно удержать информацию вдали от чужих глаз. «Сливы» интимных фотографий и видео, киберсталкинг и онлайн-травля есть только самые очевидные примеры негативных эффектов, которые принес циф-

¹²⁴ Ibid. P. 302.

ровой мир внутри наших компьютеров. Другим результатом кибернетизации общества, по мнению многих исследователей, стала слишком большая зависимость человечества от электронных устройств в повседневной жизни. Что может случиться, если произойдет «отключение» интернета? Быть может, нас будет ждать крах технологической цивилизации, как это было показано в фильме «Превосходство» (2014)?

Компьютеризация последних 70-ти лет значительно изменила жизнь людей. Первые «умные» устройства появились в середине XX в. и использовались правительственными и военными структурами для произведения сложных подсчетов. Эти огромные компьютеры только частично были цифровыми. Значительная часть их компонентов оставалась механической.

К 1960-м гг. использованием компьютеров заинтересовались финансовые и коммерческие организации. Главным поставщиком цифровых устройств становится корпорация IBM, сделавшая себе имя во время Второй мировой войны.

С развитием полупроводников, появлением интегральных микросхем и микропроцессоров компьютеры смогли уменьшиться в размерах, не потеряв при этом в производительности, а также подешеветь. Это стало причиной разработки персональных компьютеров в 1970-х гг. Главными конкурентами за рынок ПК становятся «Apple» и IBM-PC.

Следующим этапом компьютерной революции являлось создание графического интерфейса и появление миниатюрного манипулятора, мыши, в 1980-х гг. С этого момента вплоть до нынешнего времени ПК ассоциируются с операционной системой «Windows», которая была разработана компанией «Microsoft». Несмотря на конкуренцию «Apple», а также других видов операционных систем, детище Билла Гейтса все еще является самым популярным в мире.

Последовавший за этим логический шаг связан с созданием Всемирной паутины, «World Wide Web», надежно связавшей компьютеры по всему миру. В начале XXI в. внутри Сети работают уже не только ПК, но и миниатюрные цифровые устройства – плееры, смартфоны и даже игровые приставки – образуя полноценное киберпространство, живущее по своей логике. Интернет вещей, опутывающий нас повсюду, дает возможность с помощью выхода в Сеть автоматизировать и контролировать все: от пополнения продуктов в холодильнике до проверки статуса доставляемой посылки. Быть может, следующая глава развития техники будет напоминать нам «Матрицу».

Для дальнейшего изучения

- Айзексон У.* Инноваторы. Как несколько гениев, хакеров и гиков совершили цифровую революцию. М., 2015.
- Айзексон У.* Стив Джобс. СПб., 2011.
- Джексон Т.* Intel: взгляд изнутри. М., 1998.
- Макарский Д., Никонов А.* История компьютерной эры. М., 2016.
- Aspray W.* John von Neumann and the Origins of Modern Computing. Cambridge, 1990.
- Campbell-Kelly M., Aspray W., Ensmenger N., Yost J.R.* Computer: A History of the Information Machine. 3rd ed. Boulder, 2014.
- Chandler Jr. A.D.* Inventing the Electronic Century: the Epic Story of the Consumer Electronics and Computer Industries: with a New Preface. Cambridge, 2005.
- Gertner J.* The Idea Factory: Bell Labs and the Great Age of American Innovation. N.Y., 2012.

Электронные ресурсы

- Видеоролик к данной лекции см.: <https://edu.amc.ru/courses>
- 1984 Apple's Macintosh Commercial // "YouTube" [Электронный ресурс]. URL: <https://youtu.be/VtvjbmDx-I> (дата обращения 22.05.2021).

Тема 9. Рождение Кремниевой долины и культура стартапов

14 февраля 1956 г. в зале гостиницы “St. Francis”, что в Сан-Франциско, начинался званый ужин, который был устроен известным предпринимателем и филантропом Арнольдом Бекманом. Он организовал этот вечер в честь создания лаборатории по производству полупроводников своего друга, ученого Уильяма Шокли. Среди присутствовавших на мероприятии – журналисты, инженеры и преподаватели из местных вузов. Все возбуждены и заинтригованы: зачем легендарный доктор Шокли, один из руководителей “Bell Labs”, решил сменить престижное место работы на Восточном побережье на глушь в области залива Сан-Франциско?

Открывая вечер, Бекман заявил:

Возглавляемая доктором Уильямом Шокли, изобретателем биполярного транзистора, быстроразвивающаяся исследовательская команда состоит из экспертов в области полупроводников, основного материала транзисторов, которым суждено произвести революцию в области электроники...¹²⁵

Бекман не лукавил. Технологии, которые разрабатывал Шокли, действительно имели невероятный потенциал.

Небольшой ликбез: полупроводниками называют материалы, которые не препятствуют прохождению электрического тока, но они не проводят его так же легко, как медь. Из-за этого полупроводники обладают всеми качествами, которые могут быть востребованы в производстве электрических схем. Транзистор помогает контролировать электрический ток по принципу водопроводного крана. Когда транзистор закрыт, через него не течет ток. В открытом состоянии он, наоборот, пропускает

© Панов А.С., 2023

¹²⁵ *Laws D. Beckman, Shockley and the 60th Anniversary of the Birth of Silicon Valley // СНМ Blog. 2016. Feb. 10 [Электронный ресурс]. URL: <https://computerhistory.org/blog/beckman-shockley-and-the-60th-anniversary-of-the-birth-of-silicon-valley/> (дата обращения 22.05.2021).*

электричество. Открытие транзистора могло позволить серьезно удешевить производство электроники, а также отказаться от механических элементов в вычислительных машинах, так как команды могли передаваться через транзистор. Короче говоря, изобретение Уильяма Шокли сулило перевернуть все представления о технике.

Лаборатория “Shockley Semiconductor”, о создании которой объявил Бекман, располагалась в Пало-Альто. В наше время это место – центр Кремниевой долины, области в США, которое ассоциируется с цифровыми технологиями и инновациями. Однако в 1956 г. это была сонная деревушка на берегу залива Сан-Франциско, где отсутствовал даже междугородний телефон. Есть ряд причин, почему Шокли решил создать производство именно здесь. Во-первых, отсюда было относительно недалеко до Университета Стэнфорда, одного из лидирующих технологических вузов в США. Во-вторых, спонсор всего предприятия, Бекман, проживал неподалеку. Ну а в-третьих, в Пало-Альто жила мать Шокли.

Поначалу дела у компании шли не очень. Опытные инженеры из “Bell Labs” и других научных центров не хотели переезжать в калифорнийское захолустье. В 1950-е гг. исследованиями высокотехнологичных процессов в основном занимались на Восточном побережье в таких учреждениях, как Массачусетский технологический институт, и корпорациях вроде IBM. Никто не хотел рисковать карьерой и репутацией, ввязываясь в рискованный проект Шокли.

Пришлось делать ставку на амбициозных молодых людей, которые хотели прославиться под руководством Шокли, получившего в том же 1956 г. Нобелевскую премию по физике.

Однако с самого начала работа лаборатории пошла наперекосяк. Выяснилось, что Уильям Шокли ужасный начальник и ментор. Некоторые из выбранных им сотрудников оказались некомпетентными, что тормозило производство. Сам он раз за разом показывал себя совершенно неуравновешенным боссом, то вспыхивая приступами немотивированной агрессии, то исчезая на некоторое время с приступами паранойи. В конце концов, Шокли объявил, что лаборатория должна прекратить производство транзисторов и переключиться на другие задачи, которые всем казались второстепенными и не имеющими отношения к бизнесу.

Терпение, наконец, лопнуло. В сентябре 1957 г. группа инженеров попросила Шокли об увольнении, указав, что они больше не могут терпеть такого начальника и желают создать свою компанию по производству полупроводников. По легенде, Шокли в ответ проскрежетал: «Предатели!» – и это прозвище закрепилось.

Так появилась «вероломная восьмерка» (“Traitorous Eight”)¹²⁶. Лаборатория, основанная ими вслед, называлась “Fairchild Semiconductor”. В ее недрах будут рождены почти все компании, которые создадут Кремниевую долину и сформируют культуру стартапов.

В течение следующих нескольких лет “Fairchild Semiconductor” станет лидером производства полупроводников в США. С ней будет сотрудничать даже NASA, заказывая транзисторы для ракет «Минитмэн». Тем не менее главным наследием “Fairchild” станут фирмы, отпочковавшиеся от нее. Сегодня около 70% всех компаний, которые работают в Кремниевой долине, ведут тем или иным образом свою историю от “Fairchild”. Вот примеры некоторых из них.

В 1962 г. двое из «вероломной восьмерки» – Джей Ласт и Жан Эрни – в результате конфликта с другими сотрудниками ушли из компании, чтобы создать “Amelco”, которая впоследствии разработает первый аналого-цифровой преобразователь. Ныне после ряда слияний и поглощений ядро “Amelco” является частью корпорации “Microchip Technology”, оборот которой на 2016 г. оценивался более чем в 2 млрд долл.

Другие сотрудники “Fairchild”, Боб Видлер и Дэвид Талберт, в 1965 г. создали “National Semiconductor”, ставшую известной в дальнейшем как крупнейший производитель преобразователей данных, усилителей и схем управления питанием. В 2011 г. компания стала частью мегакорпорации “Texas Instruments”.

Еще один член «восьмерки» – Юджин Кляйнер – в 1972 г. создал венчурную фирму “Kleiner Perkins”, которая в дальнейшем поможет “Amazon”, “Electronic Arts”, “Google”, “Sun Microsystems” и многим другим корпорациям в своем становлении.

Однако самое известное детище “Fairchild” – это, конечно, “Integrated Electronics”, или просто “Intel”. История этой компании как будто вместила в себя историю развития всей Кремниевой долины, а также стала образцом для подражания стартапов конца XX – начала XXI в.

Основатели “Intel” – Гордон Мур и Роберт Нойс – тоже из «вероломной восьмерки». Сложно было найти людей столь непохожих друг на друга.

Нойс был замечательным изобретателем. Так, ему принадлежит идея создания интегральной микросхемы, которая собрала несколько транзисторов вместе на одном кремниевом основании.

¹²⁶ Jackson T. Inside Intel. London, 1997. P. 20–21. Рос. издание: Джек-сон Т. Intel: взгляд изнутри. М., 1998.

Как человек Нойс отличался обаянием, общительностью и харизмой. Считается, что именно он был неформальным лидером «восьмерки». Мур, в свою очередь, имел спокойный, тихий характер. Он не любил большие вечеринки, предпочитая проводить свободное время на рыбалке. В число достоинств Мура как инженера следует включить его умение в короткий срок находить решение задач, которые не могли решить целые команды сотрудников. Вместе Нойс и Мур представляли собой прекрасную команду, способную достигать самых высоких целей.

К 1968 г. большая часть основателей “Fairchild” ушла из компании в другие проекты. Стало понятно, что пришла пора двигаться дальше и Нойсу с Муром. Вдвоем они решили создать новую компанию на основе собственного видения того, как сделать бизнес успешным. Не хватало только финансирования.

Для того, чтобы получить деньги, Нойс позвонил Артуру Року. Когда-то, еще начинающим банкиром из Нью-Йорка, он помогал искать инвесторов «вероломной восьмерке». Тогда никто не хотел вкладываться в группу юнцов, покинувших Нобелевского лауреата Шокли. Они не имели достаточного веса в научных и коммерческих кругах, чтобы получить финансирование без готового продукта. Вся затея казалась слишком рискованной, авантюрной, однако сулила большие выгоды – отсюда и пошел термин, обозначающий подобного рода инвестиции. Они стали называться венчурными. Тогда Рок нашел только одного банкира, готового дать начальный капитал. Его звали Шерман Фейрчайлд, и именно его именем будет называться вся компания.

В этот раз все было совсем иначе. Артур Рок к 1968 г. разбогател и понял, что он и сам справится с ролью главного инвестора. Он хорошо знал Нойса и Мура, так что даже не стал спрашивать, чем они собираются заняться после ухода из “Fairchild”. Рок вспоминал позднее:

Боб просто позвонил мне. Мы были старыми друзьями... Документы? Не было почти никаких. Достаточно было репутации Нойса. Мы составили небольшой проспект на полторы странички, но я получил деньги еще до того, как люди его увидели¹²⁷.

Рок не только вложил часть своих средств, но и предложил другим людям поучаствовать в затее. Он сделал около 15 звонков и за пару часов собрал 2,5 млн долл. В “Intel” вложились даже бывшие коллеги Нойса и Мура по «вероломной восьмерке», а теперь

¹²⁷ Ibid. P. 22.

их конкуренты, ушедшие в “National Semiconductor” – настолько все было уверены в их успехе. Так начиналась история венчурного капитализма в Кремниевой долине!

Артур Рок оказался пионером в области венчурного инвестирования. Сегодня же в Кремниевой долине помимо самих стартапов существует огромное количество фондов, которые готовы в них вложиться на самой ранней стадии, чтобы потом заработать большие деньги.

Спустя 10 лет Рок поможет другой фирме, изменившей наши представления о технологиях – “Apple”. Со Стивом Джобсом и Стивом Возняком его познакомит другой финансист, Майк Марккула, который тоже попадет под очарование будущего творца “Macintosh” и останется с ним в компании. Артур Рок на заре истории “Apple” вложил в него 57 тыс. долл. Это была рискованная сделка, но весьма успешная. Через три года доля Рока в компании Джобса стоила уже 14 млн долл.¹²⁸

Примеры “Intel” и “Apple” иллюстрируют первую важную черту культуры стартапов – индивидуализм. *Не следует развивать свои идеи в рамках уже существующей компании.* Существующие в их рамках корпоративные правила и принятые стратегии могут помешать полностью раскрыть потенциал новых продуктов. Начни свое дело!

Как только Нойс и Мур получили деньги на создание компании, перед ними встала проблема кадров. Набирая команду, они не полагались на помощь специальных рекрутеров, так как считали, что сами лучше знают, кто им нужен. Кроме того, основатели “Intel” не одобряли назначение кандидатов, если они не прошли через собеседование дома у Нойса или в каком-нибудь местном ресторанчике. В непринужденной атмосфере Нойс и Мур беседовали с кандидатами, оценивая не только профессиональные, но и личностные качества. Создатели “Intel” не обещали будущим сотрудникам компании увеличения зарплаты или более высокой должности по сравнению с их текущими работами. Зато они излучали уверенность в том, что люди, которые будут в их компании с самого начала, точно не проиграют в итоге.

Человека, который считается лучшим из нанятых Нойсом и Муром, звали Эндрю Гроув, и он практически до своей смерти в 2016 г. железной рукой руководил “Intel”. Настоящее имя Гроува – Андраш Гроф. Он родился в 1936 г. в Венгрии в еврейской

¹²⁸ Arthur Rock: Silicon Valley’s Unmoved Mover // The Generalist. 2021. March 28 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.readthegeneralist.com/briefing/arthur-rock> (дата обращения 22.05.2021).

семье, пережил холокост и Вторую мировую войну и затем бежал в 1956 г. из-за железного занавеса в США, чтобы начать карьеру инженера. Он был суровым, педантичным человеком, однако нельзя было сказать, что у него не было чувства юмора. Просто оно казалось окружающим столь же специфическим, как и его легкий венгерский акцент.

Назначив Гроува на должность директора по производству, Нойс и Мур попали в яблочко. Самое важное качество Гроува состояло в том, что он всегда знал, чего хочет. В отличие от основателей “Intel”, которые часто фонтанировали идеями и пускались в эксперименты, Гроув, наметив цель, двигался к ней с бычьим упорством. Кроме того, он любил порядок и дисциплину. Оттого его зачастую приводил в смятение стиль управления Нойса и Мура, которые были неконфликтными людьми и не любили раздавать подзатыльники. Впоследствии они втроем распределили начальственные роли: к Нойсу обращались за мотивацией, к Муру – за техническими разъяснениями, а к Гроуву ходить побаивались: он обычно появлялся сам и устраивал разнос за отставание по срокам¹²⁹.

Дисциплина и понимание своих целей и сильных сторон – это то, что отличает успешные стартапы от провальных. Например, успех корпорации “Microsoft” во многом зиждется на том, что еще в детстве ее основатели – Билл Гейтс и Том Аллен – осознали, что они не очень сильны в конструировании компьютеров, зато виртуозно программируют. В дальнейшем именно понимание, что свои таланты следует как-то защищать, приведет их к подписанию неэксклюзивных договоров с “Micro Instrumentation Telemetry Systems” (MITS), а позднее IBM. Это позволит программам “Microsoft” стать константой в мире цифровых технологий, где машины меняются каждые несколько лет.

Такое сочетание человеческих качеств стало залогом быстрого подъема и “Intel”.

Нойс и Мур верили, что *успех в деле приносят не идеи или технологии, а люди*. Это станет еще одной принципиально значимой чертой Кремниевой долины. Неважно, насколько гениальна технология или идея. Если в ее реализации участвуют неправильные люди, то скорее всего ее ждет провал.

Отсюда вытекает следующий вывод: для лучшей работы дисциплину следует сбалансировать правильной атмосферой.

Как-то раз в конце 1968 г. к Нойсу зашел один из новых сотрудников, потирая недоуменно голову. Он не мог понять, как

¹²⁹ Jackson T. Op. cit. P. 10, 31–34.

устроены структура и иерархия в этом предприятии. К нему подходили разные люди, просили сделать то или иное, и он не мог взять в толк, кого следует слушать. Нойс повернулся к доске, взял мел и написал букву 'X'. Затем он обвел букву большим кругом, по длине круга нарисовал еще несколько крестиков, соединив их линиями с центром. Затем он повернулся к недоумевающему сотруднику и сказал, что 'X' в середине – это он. А остальные крестики – это все люди, которые работают в компании.

Смысл организации "Intel" состоял в том, что каждый мог поговорить с каждым. Любой сотрудник мог обратиться за помощью или советом не только к непосредственному начальнику, но вообще к любому человеку в пределах видимости. В помещении, где располагалась компания, все были равны. Руководство, хотя и имело свои кабинеты, не чувствовало себя в привилегированном положении. У Нойса, Мура и других основателей "Intel" даже не было собственных мест на парковке. По мысли Мура и Нойса, такой демократизм позволял раскрепоститься и побуждал к творчеству¹³⁰.

Это сбивало с толку новичков, так как коренным образом отличалось от того, что было принято в корпоративной культуре Восточного побережья. В таких компаниях, как IBM или "Bell Labs", в 1960-е гг. был принят очень консервативный стиль работы. Все сотрудники должны были носить пиджаки и галстуки и карабкаться по командной лестнице. В "Intel" все было иначе. Том Вулф, известный журналист и писатель, позднее говорил, что это не было похоже на корпорацию: «Это была конгрегация». Он был совершенно прав: организация "Intel" и впрямь больше напоминала церковную общину единомышленников. Место духовного наставника занимал Нойс, который не указывал, что делать, но вдохновлял остальных на свершения¹³¹.

Как впоследствии вспоминала Энн Бауэрс, директор по кадрам "Intel",

Привилегий вообще не было. Мы положили начало стилю руководства компаний, во всем отличающемуся от того, что когда-либо было раньше¹³².

¹³⁰ Ibid. P. 36–37.

¹³¹ Wolfe T. Robert Noyce and His Congregation // Forbes. 1997. Aug, 25 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.com/asap/1997/0825/102.html> (дата обращения 22.05.2021).

¹³² Isaacson W. The Innovators: How a Group of Hackers, Geniuses, and Geeks Created the Digital Revolution. N.Y., 2014. P. 192–193. Рос. издание: Айзексон У. Инноваторы. Как несколько гениев, хакеров и гиков совершили цифровую революцию. М., 2015.

Впоследствии Бауэрс выйдет замуж за Нойса, и ей по этическим причинам придется уйти в другой стартап – “Apple”. Вместе с собой она принесет и демократическую корпоративную культуру, которую возьмет на вооружение Стив Джобс. Воссоздав ее сначала в “Apple”, затем он ее радикализировал в компании “NeXT”, основанной в 1985 г.

Джобс провозгласил, что различий в статусе между начальниками и служащими более нет. Есть «сообщество» людей, любящих свое дело. В “NeXT” некоторое время даже не было большой разницы между зарплатами руководства и обычных сотрудников. Все они получали или 75, или 60 тыс. долл. в зависимости от того, в какой год пришли в корпорацию. Офис отличался открытой планировкой. Двери имелись только у кабинета самого Джобса. Хотя “NeXT” так и не достигла больших успехов, однако в ее организации нельзя не признать влияние идей, которые когда-то были посеяны Нойсом, Муром и Гроувом в “Intel” в 1960-е гг.

Культурная революция в США, которая произошла в 1960-е гг., коренным образом повлияла на Кремниевую долину. В тот же 1968 г., когда была основана “Intel”, произошло много событий, изменивших миропонимание людей. Война во Вьетнаме вызвала массовые протесты в Америке, были убиты Мартин Лютер Кинг и Роберт Кеннеди, «Аполлон-8» впервые в истории облетел вокруг Луны, советские войска вошли в Прагу, а во Франции студенты с «коктейлями Молотова» в руках требовали отставки правительства.

Следующий год оказался столь же бурным. Под звуки рок-фестиваля Вудсток, ставшего символом культурной революции 1960-х гг., Нил Армстронг и Базз Олдрин ступили на Луну, а новый президент Ричард Никсон заявил о готовности вывести войска из Вьетнама. По Сан-Франциско и всей области Залива ходили хищники, политические активисты и молодые радиолюбители, грезившие создать успешный стартап. Именно они в итоге и окажут ключевое влияние на культуру будущей Кремниевой долины.

Хотя в “Intel” и установили внутри своего офиса достаточно демократичную атмосферу, это не означало, что руководство компании поддерживало взгляды радикально настроенных молодых людей, протестующих против всего на свете. Но некоторые инженеры, принятые на работу, вполне подходили под стереотипизированное представление о политических радикалах. Они носили расклешенные брюки, длинные волосы и даже иногда посещали антивоенные митинги.

Во второй половине 1960-х гг. многие молодые люди в Калифорнии, находившиеся под влиянием «новых левых», также были

заворожены развитием цифровых технологий. Они совмещали активизм и компьютерную грамотность, высказываясь за свободу размещения и обмена информацией, что часто выливалось в протесты против IBM, олицетворявшего «Большого брата».

Один из таких техно-хиппи, Стюарт Бранд, выпускник Стэнфорда, издал «Каталог всей Земли». Находясь одновременно под влиянием футурологических идей Норберта Винера, которые тот изложил в книге «Кибернетика», и «новых левых», Бранд призывал к созданию нового справедливого общества, где компьютеры станут достоянием не правительственных ведомств и корпораций, а всех людей. В 1966 г. Бранд добился того, что NASA сделало первую фотографию Земли из космоса, что символизировало единство всех людей и стало мощным символом антивоенного движения.

Прошло много лет Стив Джобс признавался:

«Каталог всей Земли»... почитался как Библия моим поколением. Это было что-то вроде “Google” на бумаге, но за 35 лет до появления “Google”. Издание было идеалистическим, полным замечательных идей¹³³.

Глава “Amazon” Джефф Безос тоже находился под влиянием идей Бранда. В знак своей признательности он выделил 42 млн долл. фонду “Long Now Foundation”, который Бранд основал в 1996 г. Один из главных его проектов – часы, способные автономно работать более 10 тысяч лет¹³⁴.

Другим крайне влиятельным техно-хиппи стал Ли Фельзенштейн, пацифист и один из первых хакеров. В отличие от многих друзей и того же Бранда, его не интересовали кислотные трипы, но он был более подкован технически, получив диплом инженера-электротехника, и политически, настаивая на том, что успех гражданского протеста зависит от того, насколько эффективно удастся наладить коммуникацию между людьми. Фельзенштейн призывал к созданию такого способа обмена информацией, при котором можно было бы избежать посредников в лице телекоммуникационных корпораций. В 1973 г. он вместе с друзьями создал подобие интернета под названием «Память сообщества» (Community Memory), которое представляло собой сетевую до-

¹³³ *Campbell-Kelly M. et al. Op. cit. P. 234.*

¹³⁴ About Long Now // The Long Now Foundation [Электронный ресурс]. URL: <https://longnow.org/about/> (дата обращения 22.05.2021).

ску объявлений. Доступ к ней был налажен через терминал, установленный в музыкальном магазине в Беркли¹³⁵.

Сегодня идеалы Бранда и Фельзенштейна выражают такие проекты, как Википедия – онлайн-энциклопедия, где каждый человек может не только написать статью, но и исправить чужие ошибки. Созданная на свободных началах, она представляет собой образец некоммерческого проекта, который существует ради единственной цели – распространение информации и просвещение.

Другой хороший пример – операционная система “GNU/Linux”, также существующая на некоммерческих началах. Ее создатель Линус Торвалдс, написав ее ядро на домашнем компьютере в начале 1990-х гг., а затем выложив в интернет, даже и не предполагал, что его детище станет символом борьбы против засилья корпораций. “Linux” сегодня представляет собой бесплатно распространяемую операционную систему, которая существует во множестве версий (так называемых дистрибутивах). Кроме того, она применяется на серверных системах и суперкомпьютерах. Почти каждый цифровой пользователь нашей планеты знаком с “Linux”: на ее ядре построены Android-смартфоны¹³⁶.

Вера в *свободу распространения информации* – вот что толкало молодых радиолюбителей и инженеров к экспериментам и прогрессу. Общась друг с другом, заимствуя и улучшая идеи, компьютерные гики рубежа 1960–1970-х гг. создавали новую культуру в области залива Сан-Франциско. Ее важной чертой был неуловимый *сплав конкуренции и кооперации*.

Образцом его стало устройство самой компании “Intel”. Все сотрудники были разбиты на три команды. Они разрабатывали запатентованные устройства, однако перед каждой из групп стояли разные задачи. Мур называл решение вести исследования в трех направлениях «Стратегией лютика». С одной стороны, в результате в “Intel” были уверены, что хотя бы одна из команд добьется прорыва и создаст инновационный продукт. С другой – группы подстегивала конкуренция, что мотивировало их больше экспериментировать. Конечно это, порой вело к конфликтам не только между командами, но и внутри них. Но и это было предусмотрено: сглаживание отношений и поддержание правильной атмосферы входило в задачи Мура, Нойса и Гроува. А демократическая ор-

¹³⁵ *Doub B.* Community Memory: Precedents in Social Media and Movements // CHM Blog. 2016. Feb 23 [Электронный ресурс]. URL: <https://computerhistory.org/blog/community-memory-precedents-in-social-media-and-movements/> (дата обращения 22.05.2021).

¹³⁶ *Campbell-Kelly M. et al.* Op. cit. P. 215, 298–399.

ганизация внутри компании вела к тому, что разработки внутри одной команды часто оказывались полезными другой. Все понимали, что работают ради общего блага.

Если в “Intel” конкуренция и кооперация были лишь частью производственного процесса, то в среде радиолюбителей и техно-хиппи Кремниевой долины эти принципы стали частью идеологии.

Ли Фельзенштейн показывал это собственным примером. Когда к середине 1970-х гг. стали появляться первые микрочипы “Intel”, то стало понятно, что вскоре рабочие компьютеры можно будет собирать даже дома или в гараже у родителей. Следуя своей жизненной философии, он придумал создать сообщество молодых инженеров, которые, обмениваясь опытом сборки любительских вычислительных машин, ускорили бы появление настоящего компьютера, способного дать бой IBM. Так и появился «Клуб самодельных компьютеров».

На встречи этого сообщества приходили очень разные люди: от кислотных революционеров и хиппи до гиков-очкариков и радиолюбителей. Они показывали свои модели микросхем, калькуляторов, кто-то даже приносил полуработающие машины. Однако в основном эта разношерстная компания спорила о будущем компьютерной индустрии и новейших публикациях в журнале “Popular Electronics”, который был для сообщества чем-то вроде “Rolling Stone” для любителей рок-музыки. На первое же собрание Клуба Фельзенштейн принес новое чудо-устройство, которое стало квинтэссенцией всей его философии – “Altair 8800”¹³⁷.

Этот компьютер стал отправной точкой в истории существования двух самых влиятельных цифровых корпораций современности – “Microsoft” и “Apple”, развитие которых неразрывно связано друг с другом. Долгое время они плодотворно сотрудничали, затем же их отношения превратились в жесткую конкуренцию, во многом подогревавшуюся разницей в бизнес-подходах.

Что лучше: делать персональные компьютеры доступными для замены деталей и апгрейда или следует поставлять готовый продукт, конфигурация которого не может быть изменена? Иначе говоря, какую архитектуру предпочесть: открытую или закрытую?

Эта проблема на самом деле намного более глубока, чем можно было бы себе представить. В первую очередь, она касается идеологии стартап-культуры. Ли Фельзенштейн вспоминал: в начале 1970-х гг. «Ефрем [Липкин, мой друг-программист] говорил,

¹³⁷ Ibid. P. 237–340.

что стоит подпустить людей к компьютеру, и они его сломают»¹³⁸. Самому Фельзенштейну казалось, что производители машин, наоборот, должны удовлетворять желание людей покопаться у них внутри. Свобода распространения информации касалась и технологий. Активисты Кремниевой долины были убеждены, что устройство компьютера не может быть секретом. Доступ к нему должен быть обеспечен, иначе терялся весь смысл цифровой революции!

Когда началась эра персональных компьютеров, то первый подход, то есть закрытую архитектуру, стал олицетворять Стив Джобс, который все свои устройства после “Apple II” создавал таким образом, чтобы без особого инструмента их даже открыть было невозможно. В этом была своя логика: по мысли Джобса, простому пользователю должно быть все равно, что находится внутри компьютера, если он работает быстро и без ошибок. Кроме того, он настаивал на том, чтобы “Macintosh” производил тот же эстетический эффект, что и автомобили “Porsche”. Иными словами, в “Apple” пытались продать людям определенный стиль жизни.

Совсем другой философии придерживались в IBM. Выход их персонального компьютера в 1981 г. возвестил о триумфе открытой архитектуры. IBM-PC можно было разобрать, почистить, обновить практически без усилий. Операционная система “Windows”, которая станет стандартом для компьютеров после 1985 г., хотя и не дарила такое же эстетическое удовольствие, как “Macintosh”, но была более гибкой. Люди, как выяснилось, все же любят головоломки и конструкторы. Стива Джобса уволили из собственной компании, а “Apple” со второй половины 1980-х все больше затягивал кризис.

Это вовсе не означало конца карьеры. Джобс в итоге станет основателем компании “NeXT”, приложит руку к созданию мультипликационной студии “Pixar”, а затем триумфально вернется в “Apple”. Важной чертой культуры стартапов является безграничный, неостановимый, *всепоглощающий энтузиазм и умение преодолевать трудности* на пути к успеху.

В этом смысле одним из самых выдающихся стартапщиков, которого не мог выбить из колеи никакой провал, можно считать Эда Робертса. Он не был выдающимся инженером, однако постоянно фонтанировал идеями. Именно такие люди в будущем определяют вектор развития IT-индустрии в области Залива. Робертс родился в 1941 г., и до того, как его фирма MITS выпустит

¹³⁸ Isaacson W. Op. cit. P. 302.

“Altair 8800”, он открыл и закрыл множество стартапов. К 35 годам он успел позаниматься обслуживанием электрического рождественского вертепного театра и создать пару фирм. Одна из них производила наборы «Сделай сам» для конструирования систем слежения за самодельными мини-ракетами. Другая продавала калькуляторы для гиков – они поставлялись в разобранном виде на радость любителям поковыряться в электронике. В конце концов “Altair 8800” стал успехом всей его жизни. В 1977 г. он продал свою компанию за 5 млн долл. на вершине славы и стал практикующим врачом¹³⁹.

Одни стартаперы довольствуются единичным успехом, другие же находят особое удовольствие в преодолении трудностей, вновь и вновь возвращаясь в игру.

К началу 1980-х гг. “Intel” стала мировым лидером по производству микрочипов памяти. Однако конкуренты не дремали. Приходилось выдерживать конкуренцию не только с американскими производителями, но и японскими, которые смогли добиться удешевления производства и буквально душили “Intel” демпингом. Приходилось продавать продукцию даже ниже себестоимости, чтобы поддерживать заводы в работающем состоянии и ждать, когда японцы сдадутся. К несчастью, дела шли все хуже. Нойс, Мур и Гроув к началу 1985 г. стали задумываться об уходе из компании, потому что не видели выхода из ситуации. Однако в середине года между ними произошел разговор, который изменил всю ситуацию на 180 градусов. Гроув вспоминает:

Мы с Гордоном Муром обсуждали наше затруднительное положение. Настроение было отвратительное. Я смотрел в окно на вращающееся в парке «чертовое колесо», затем повернулся к Гордону и спросил: «Если нас выкинут и совет директоров назначит нового президента, что, по-твоему, он будет делать?». Гордон ответил без колебаний: «Откажется от памяти». Я посмотрел на него ошеломленно и сказал: «Почему бы нам не выйти за дверь и, вернувшись, самим не сделать это?»¹⁴⁰

¹³⁹ Altair 8800 – Complete History of the MITS Altair 8800 // The History of Computing [Электронный ресурс]. URL: <https://history-computer.com/altair-8800-complete-history-of-the-mits-altair-8800/> (дата обращения 22.05.2021).

¹⁴⁰ Belludi N. Intel’s Andy Grove on Looking at Problems from an Outsider’s Perspective // Right Attitudes. 2017. March 28 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rightattitudes.com/2017/03/28/outsider-perspective/> (дата обращения 22.05.2021).

Этот эпизод вошел во все учебники по бизнесу. Момент, когда компания, столкнувшись с изменившимся контекстом, вынуждена принимать решение, влияющее на само ее существование, сам Гроув назвал «стратегической точкой изгиба». Если принять верное решение, то бизнес начнет новый виток успеха и процветания. Если принять неверное – вас ожидает крах¹⁴¹.

Летом 1985 г. Гроув и Мур приняли правильное решение: они просто отказались от производства микрочипов памяти, переключив все свое внимание на процессоры. Хотя в начале их выбор привел к массовому сокращению рабочих мест и критике, впоследствии история показала, что это был единственный возможный путь к сохранению успешной корпорации.

К сожалению, не все стартапы, добившись успеха, принимали правильные решения в «стратегической точке изгиба». Примерами тому могут быть социальная сеть “MySpace”, не выдержавшая конкуренции с “Facebook”, или видеосервис Vine, чьи функции забрали себе “Instagram” и “Twitter”. Потому судьба большей части проектов, разрабатываемых в Кремниевой долине, незавидна. Лишь единицы могут не только достичь первоначального успеха, но и развить его.

Сегодня Кремниевая долина объединяет тысячи компаний. Среди них как огромные корпорации, вроде “Intel”, “Google” или “Apple”, так и небольшие фирмы, которые, как и в эпоху рождения персонального компьютера, размещаются в небольших домах и гаражах.

Начало экосистеме стартапов в Заливе Сан-Франциско дал Уильям Шокли, который в 1956 г. открыл свою лабораторию по производству полупроводников в Пало-Альто. Близость Стэнфорда, одного из ведущих технических вузов в США, свободолюбивая культура Сан-Франциско и климат способствовали росту предприятий. Компанией, которая стала своего рода «матерью» всех стартапов в Кремниевой долине, была “Fairchild Semiconductor”, основанная бывшими инженерами из команды Шокли. Их прозвали «Вероломная восьмерка».

Сотрудники “Fairchild” в том или ином виде поспособствовали основанию подавляющего числа корпораций, которые сегодня располагаются в Кремниевой долине. Наиболее известная и влиятельная из них – “Intel”, чьи микропроцессоры сегодня являются сердцем компьютеров, смартфонов и других цифровых гаджетов.

¹⁴¹ Jackson T. Op. cit. P. 253–254.

Именно “Intel” заложила фундамент современной культуры стартапов. Ее создатели при основании компании использовали частные инвестиции, не обещая немедленного успеха. Это даст начало венчурным фондам, без которых сегодня невозможно представить Кремниевую долину. Они вкладывают деньги в перспективные стартапы на ранних этапах их развития, ожидая, что в дальнейшем окажутся в выигрыше, если проект «взлетит».

Успех предприятия во многом зависит от того, насколько четко руководители стартапа понимают свои задачи. Определение целей и поддержание дисциплины во имя ее достижения – вот залог эффективности проекта.

С другой стороны, создатели “Intel” – Роберт Нойс, Гордон Мур и Эндрю Гроув – огромную роль отводили человеческому капиталу. Они полагали, что нанимать нужно лучших специалистов, но также следует обращать внимание и на личностные качества. В свою очередь, демократичная атмосфера внутри компании позволит сотрудникам раскрепоститься и достичь большего. Подобный подход сильно отличался от старого, принятого на Восточном побережье, где отношения внутри компаний были очень консервативными и иерархизированными. В дальнейшем принципы “Intel” будут переняты всеми компаниями в Долине. Внутренний демократизм организации вместе с дисциплиной станут стандартом новой корпоративной культуры.

Рождение Кремниевой долины совпало с «бурными шестидесятыми», что не могло не отразиться на внутреннем духе стартаперов. Три компонента смешались в их идеологии: радикализм хиппи, свободолюбивость политических активистов и чудаковатость радиоловителей и начинающих программистов.

Жители области залива Сан-Франциско, принимавшие участие в цифровой революции, хотели освобождения от тех принципов, которое им навязывало общество. Они требовали установить свободу распространения информации, мечтали о будущем, где компьютеры сделают всех людей равными, но при этом не отказывались от выражения своей индивидуальности.

Этот сплав идей станет основой другой черты культуры стартапов – конкуренции и кооперации. Свобода информации и желание достичь успеха вели к тому, что начинающие программисты и инженеры заимствовали идеи друг у друга, улучшая и адаптируя их под свои нужды. С одной стороны, это привело к ускорению цифрового прогресса в целом. Однако с другой – не все стартапы стали успешными, а уже состоявшиеся компании смогли выдержать проверку временем. Статистика показывает, что примерно 75% проектов проваливаются.

Тем не менее Кремниевая долина продолжает привлекать молодых людей со всего мира. Сегодня она видится квинтэссенцией «американской мечты». Местом, где самые амбициозные проекты могут превратиться в реальность.

Как и в XIX столетии, Америка XXI в. будоражит умы и сердца людей. О ней грезят, о ней спорят, о ней не перестают говорить. В чем же секрет американского успеха? Быть может, в том, что американцы знают цену действительно перспективным идеям и не боятся воплощать их в жизнь. Бизнес и предпринимательство в Америке всегда шли рука об руку с изобретениями и открытиями.

Как и 150 лет назад, одиночки-инноваторы толкают технический прогресс в США. У всех на слуху имена Илона Маска, Джеффа Безоса, Сергея Брина и Ларри Пейджа. Как и у предпринимателей позапрошлого столетия, в основе их успеха лежат энтузиазм и желание преодолеть все трудности. Такой подход не может не подкупать.

Сегодня в области Залива существует не менее 6 тыс. стартапов. Каждую неделю создается 50 новых компаний. Быть может, твоя будет следующей?

Для дальнейшего изучения

Айзексон У. Инноваторы. Как несколько гениев, хакеров и гиков совершили цифровую революцию. М., 2015.

Джексон Т. Intel: взгляд изнутри. М., 1998.

Каррейру Д. Дурная кровь. Обман и тайны одного стартапа Силиконовой долины. М., 2020.

Ливингстон Дж. Как все начиналось. “Apple”, PayPal, “Yahoo!” и еще 20 историй известных стартапов глазами их основателей. М., 2012.

Berlin L. Troublemakers. Silicon Valley’s Coming of Age. N.Y., 2017.

Campbell-Kelly M., Aspray W., Ensmenger N., Yost J.R. Computer: A History of the Information Machine. 3rd ed. Boulder, 2014.

Fisher A. Valley of Genius: The Uncensored History of Silicon Valley (As Told by the Hackers, Founders, and Freaks Who Made It Boom). N.Y., 2018.

Электронные ресурсы

Видеоролик к данной лекции см.: <https://edu.amc.ru/courses>

Discover
the United States of America
Lecture Courses

In two books

Book 1

Moscow
2023

Edited by *Victoria I. Zhuravleva*
Translated from Russian by *Jean MacKenzie*

Reviewers

Aleksandr Kubyskin
Dr. of Sci. (History), Professor,
Saint Petersburg State University (Russia)

David Goldfield
Ph.D., Robert Lee Bailey Professor of History,
University of North Carolina, Charlotte (USA)

Contents

<i>V.I. Zhuravleva</i>	
A Country with Many Faces: A Guide to <i>Discover</i> <i>the United States of America</i> <i>(In Lieu of an Introduction)</i>	535
<i>Course 1</i>	
The U.S. as a Nation of Nations and Mosaic of Cultures <i>V.I. Zhuravleva, A.B. Okun</i>	541
<i>Course 2</i>	
Man-Society-Power in the U.S. <i>I.A. Tsvetkov, N.A. Tsvetkova</i>	733
<i>Course 3</i>	
Business and Technology in the U.S. <i>A.S. Panov, I.A. Tsvetkov</i>	875

A Country with Many Faces:
A Guide to *Discover the United States of America*

In Lieu of an Introduction

A student's book on the historical development of another country should be neither dry nor didactic. It is intended to pique readers' interest by offering them a guiding analytical framework and stimulating their desire to obtain new knowledge and form their own opinion of a foreign nation's experience in all of its rich diversity. A question that inevitably begs to be asked: How does one fit the narratives of the past and present into the explanatory framework while also maintaining a balance between generalizing subjects and facts? How does one create an attractive "packaging" for complicated problems?

American studies specialists from the Russian State University for the Humanities, St. Petersburg State University, and Samara University authored seven courses that form *Discover the United States of America*, and offered their own solution to these difficult tasks by writing easily accessible and engaging lectures supplemented with a bibliography for further independent study, videos, and podcasts. The readers are offered professional discussions of "bright" and "dark" pages in the US development described in a historicist perspective; the authors chose this approach over a dichotomic vision of a country that has invariably attracted the interest of Russian citizens (whether they lived in the Russian Empire, the USSR, or post-Soviet Russia), that has been a convenient object for comparison, that has prompted powerful emotions and feeling, desire, as Khrushchev famously said, to catch up and overtake America, to be no worse and in some ways better than America.

This appeal of the American "Other" went hand in hand with the lack of systematic knowledge of the US in everyday life, among

politicians and public figures, journalists and columnists. Ultimately, America served as basis for simplified explanatory frameworks, for long-subsisting myths and stereotypes. And even if Russians have always known the US better than Americans have known Russia, this trend has persisted.

The authors intentionally abandon a systemic exposition of events (as has been done several times in other textbooks and “brief histories of the U.S.”) and base their courses on the cross-cutting subject-based temporal and interdisciplinary approach thereby gearing their readers toward forming a general image of the main trends in the U.S. political, socioeconomic, cultural development and its logic and dynamics. The authors fill their texts with ideas and explanatory frameworks, individual and collective portraits, well-known and lesser-known subjects, core and peripheral facts, and suggest that their readers look at today’s trends in their historical perspective that makes these trends more comprehensible for today’s perception and creates a 3D picture of the past and present of another country and people.

The leitmotif of all the seven courses is the idea of the U.S. diversity, of a country being in a state of constant change, of a nation permanently at work. While going through identity crises, Americans seek for ways of overcoming them, bringing their society back to the equilibrium they have temporarily lost.

In this sense, the *first course* focused on the U.S. as a nation of nations sets the tone of the entire book. It is aimed at shaping the concepts of racial, ethnic, and cultural diversity in the U.S. society that grew through the work of immigrants from every corner of the world and resolved, sometimes in tragic ways, the problem of relations between “white” Americans and Americans “of color,” American-born and naturalized citizens. Ultimately, they all participated in creating a mosaic of cultures and made the U.S. a successful country with many faces, a country that was attractive to many beyond its borders. The first course covers many of those “dark” pages that Americans themselves would like to see removed from the “book of their past.” Yet, their very journey toward achieving civil equality regardless of the color of one’s skin and of one’s origins shows two things: first, Americans are acutely aware of how easily old dividing lines spring up under new circumstances, and second, they still are eager to implement reforms and to further self-improve.

The *second course* describes the merits and faults of American democracy as a mechanism of exercising power. The authors focus on various aspects of the U.S. political system, on the forms of interactions between citizens and the government that allow the former to believe

that the latter depends on them and not vice versa. Discussions of the role religion and media play in America's sociocultural and political life with the freedom of conscience and speech holds a special place in these lectures.

The *third course* takes readers on a thrilling journey through centuries, joining Americans as a nation of experiments that created a world of things serving people, changing their life for the better and also challenging them and producing new threats. A history of the commercial success of the country of lone inventors and founders of industrial empires, scientists and regular enthusiasts answers the question of why the U.S. has become the leader of the global technological progress, why it has been and remains a country of innovations.

The *third course* overlaps with the first two as it ponders the U.S. technological superiority (that became so clear after World War II) as a product of the work of immigrants.

In its turn, the prosperity that resulted from such technological success was conducive to the development and spread of mass consumer culture that is the focus of the *fourth course*.

This course discusses the U.S. consumer society and the way it has shaped Americans' everyday culture that still determines their way of life and thinking. The author of the course has found a unique writing style that is both laconic and metaphorical allowing him to present valuable insights and draw interesting parallels. The author intentionally avoid being didactic in describing American mass consumer culture with all its merits and faults, and these descriptions are done with great gusto and a true knowledge of the subject.

Two following courses are also bound to attract readers' attention. They focus on pop culture (*the fifth course*) and American literature (the sixth course). While politics and economics, technologies and business, immigration and race relations, mass market and mass consumption remain crucial for this study, the cultural aspects in the development of the U.S. and its diverse population are no less important for the authors if they wish their readers to understand what Americans and America are.

Therefore, the *fifth course* introduces its readers to different genres in the U.S. filmmaking, takes them on a journey around American television and social networks, immerses them in the world of comics; the US music culture holds a special place in this course as readers are follow its development from its ethnic origins to its modern mixture of genres and styles; the sports also feature prominently in this course as it helps readers understand how sports have become American national idea; and finally, readers will learn why youth subcultures with their modes of self-expression have become so widespread in society.

The *sixth course* moves toward the “American dream” placed in a literary context. The author talks about those works of American literature where the American dream is cast in a particularly stark relief and where it can be seen in its many racial, ethnic, gender, and regional faces.

The concluding *seventh course* clearly demonstrates that cultural trends have their own social, economic, and political dimensions. By describing various projects, this course discusses the path the U.S. cultural diplomacy has traveled from 19th-century book exchanges to using social networks in order to establish direct dialogue between peoples and countries; the course describes this diplomacy’s evolution from public to digital data diplomacy on its path to becoming one of the key components of the U.S. domestic and foreign policy.

The lecture courses comprise two books in Russian and English. The first book consists of three courses and the second book includes four courses.

The book’s genre is “pedagogy for all”, and it is intended for university faculty, Russian BA students majoring in “Area Studies,” “History,” “International Relations”, international students on exchange programs, and for everyone who would like to form an independent opinion on Americans who have as many faces as does their country called the United States of America.

These courses constitute a professional discussion of a foreign nation’s development experience, and the authors hope that at the time when Russia and the U.S. are going through the deepest relations crises since the end of the Cold War these lectures will, unlike amateur and propaganda discourses, be equally useful for both Russians and Americans helping them better understand themselves and each other.

Course 1

The U.S. as a Nation of Nations
and Mosaic of Cultures

V.I. Zhuravleva

A.B. Okun

The USA is a nation of nations. But what is behind this phrase? Why have immigrants from different countries and continents flocked to America for over four hundred years? How realistic was their American dream? How did Black Americans and Native Americans fight for their civil rights and find their own identity? How did the sociocultural synthesis take place? This lecture course suggests the answers to these and many other questions. It will talk about how American society developed under the influence of various waves of immigration, how the idea of what it means to be and become an American was formed. You will trace the evolution of U.S. immigration law and policy. This course will allow you to understand the evolution of relations between representatives of different races and peoples who met in the United States and entered into difficult and often tragic interactions, influencing each other and forming a mosaic of cultures.

Contents

1. “E Pluribus Unum”: Why Immigrants Came to America	541
2. “E Pluribus Unum”: Immigration to the U.S. at a Time of Global Changes	558
3. What Does It Mean to Be or Become an American?	575
4. The American Dream and Reality: Immigrants in the U.S.	593
5. Immigrants’ Contribution to the U.S. Development: A Story of Individual Destinies	613
6. Native Americans during Colonization and Continental Expansion: The Clash of Cultures . . .	632
7. Native Americans in Search of Identity and Civil Rights	654
8. “A House Divided:” Slavery and the Problem of National Unity in the U.S.	670
9. African Americans in Search of Identity and Civil Rights	691
10. The U.S.A. as a Nation of Nations and Mosaic of Cultures from the 20 th to the 21 st Century	712

*Lecture 1. “E Pluribus Unum”:
Why Immigrants Came to America*

Take a look at the Great Seal of the United States. It displays a bald eagle, wings spread, holding a billowing streamer with the Latin motto: “E Pluribus Unum” which means “Out of Many, One” in its beak. On the one hand, this means that many states make up a single country. That is why the number 13 figures so prominently in the Seal: There were 13 colonies at the time of the War of Independence (1775–1783) that later became independent states. The Seal symbolizes the creation of a new State, whose citizens strive to live in peace with all (this is why the eagle’s head is turned toward the olive branch), but which, if necessary, is ready to defend itself and its values with weapons in hand. On the other hand, “E Pluribus Unum” expresses the idea of Americans as a nation of nations, which arose as a result of immigration, coexistence, and cooperation of many different nationalities, ethnic groups, races, and cultures.

If you are ever in New York, visit the Ellis Island Immigration Museum at the mouth of the Hudson River. From 1892 to 1954, this was the main center for receiving immigrants from all over the world who came searching for a better life, social, and economic opportunity, religious and political freedom, and, finally, for their children’s better future. You will hear people speaking in a variety of languages, people who were very different from one another, but all united by the American Dream. It is no accident that the immigration center was placed next to Liberty Island, where the Statue of Liberty was built in 1886, designed by French sculptor Frédéric Auguste Bartholdi. She became the symbol of the United States and was the first thing that immigrants saw from the decks of their ships. She was “Liberty Enlightening the World”.

The dreams of immigrants were often smashed to smithereens by the American reality. As a result, some went back to their homelands, others lived in dire poverty. Most, however, made their way in this new place and found what they were missing in their countries of origin. New groups of immigrants continued to arrive to the shores of the American Promised Land in search of fortune. This

endless flow of seekers cemented Americans' conviction that they were exceptional.

This story had begun long before the immigration station on Ellis Island; was opened. At the time, the United States was still a group of colonies under the British Crown, stretching along the Atlantic coast of North America. Virginia, the first colony, was founded in 1607, and Georgia, the last of the 13 colonies to join the War of Independence, was established in 1732.

England's colonization project took the form of resettlement, sending British and European inhabitants to the New World. *The first phase of immigration coincided with America's colonial period (beginning of the 17th century – end of the 18th)*. Immigration statistics from this period are not very reliable, but we can state with certainty that the majority of those coming to America were from the British Isles (English, Irish, Welsh, and Scots). This is hardly surprising since the land belonged to the British Crown. In the 18th century, for example, out of 800,000 European immigrants, 432,000 were British.

Their immigration began in the first decades of the 17th century. In 1607, Virginia was settled in the South, and in 1620, Englishmen founded the colony of New Plymouth, the first settlement in New England, which was founded as a result of religious immigration (Plymouth would become a part of the Massachusetts Colony in 1691). English commercial trading companies – London, Plymouth, Massachusetts Bay, and New England – received special charters from the King and engaged in resettlement campaigns. In England, this was the time of “enclosure”, when the common lands were taken for animal breeding, and were no longer available for communal use. Many farmers and copyholders were going bankrupt. The masses of urban poor were creating tension within society; there was not enough work or sustenance for everyone. In those circumstances, trying one's luck across the ocean seemed only reasonable; especially since company agents were proclaiming the wonders of life in America. One of those wonders was a promise of a free land. That was how the lands south of New England were settled.

In 1625–1626, thanks to the efforts of the Dutch West India Company, the colony of New Netherlands was founded at the mouth of the Hudson River, named in honor of the Dutch seafarer who had discovered it (at present, this is New York State and eastern New Jersey). Starting in 1638, the New Sweden Company began to bring Swedes and Finns to the New Sweden colony, in what is now Delaware and New Jersey. In 1655, the Dutch captured New Sweden and included it in New Netherlands, and in 1664, New Netherlands was conquered by the English. This was the start of the colony of New York.

The English King Charles II gave this land to his brother, the Duke of York, the commander of the British fleet. He, in turn, became King James II, and gave a part of the land to an English Quaker, William Penn, to settle a royal debt owed to Penn's father. As a result, in 1682, the history of the state of Pennsylvania began, which soon drew Germans, Scots, and Irish. The Spanish settled the southwest regions of North America. Thus the 13 colonies that waged the War of Independence in 1775 were settled mostly by immigrants from Western Europe.

The overwhelming majority of European immigrants were farmers and sharecroppers who came to the New World searching for land, urban craftsmen, urban poor, and workers dreaming of earning some money overseas. In the 17th and 18th centuries, it took a ship from 30 to 60 days to sail from Liverpool to Boston or New York. Europeans also arrived from ports in the Netherlands, such as Rotterdam.

Those who had the resources to travel and settle in a new place were able to get on their feet more quickly. The majority, however, were forced to sign agreements that turned them into indentured servants for some time. These indentured servants were one of the main sources of labor in Colonial America. Until the end of the 17th century, they were even used on tobacco plantations in Virginia. They signed the agreement with a company or with the captain of the ship before they left Europe, for an average of 3 to 7 years, which paid for their travel and accommodation expenses. Those who paid by themselves could also sign a contract in America, if they discovered that they did not have enough money to live on once they got there. In any case, indentured servants had to either work off their debt or pay it off in cash. This is how the majority of urban poor and copyholders made their way from Europe to British America; in the 17th century they made up 90% of the white colonists. Farmers and craftsmen could also be indentured servants. The important thing is that, once the term of servitude was up, there was no impediment to becoming a free man. Most of the colonists had gone through that process.

There was also a special form of forced indentured servitude for those condemned to hard labor, such as criminals or vagrants (vagrancy was a prosecutable offense in England). Yet, it would be wrong to argue that the colonies that later became the United States were settled by the dregs of European society. First, in the colonial period, about 350,000 indentured servants were brought to the colonial America (mostly young men). Only 50,000 out of those were vagrants, criminals, or those condemned to hard labor. Second, there were entire regions settled by free men with families, who had connections with religious emigration movements.

From its very first years, British Colonial America was a place for religious dissidents from England. The Reformation in 1534 had established the Anglican Church, which was headed by the king and which, in contrast to other Protestant churches, had retained opulent rituals and the episcopacy. By the second half of the 16th century, the Puritans had formed. Their goal was to “purify” the church by getting rid of the remnants of Catholicism. This is how the Puritans got their name. The Puritans were English Calvinists who did not recognize any mediators between God and man, and who held the sacred belief that they were the Chosen.

At the beginning of the 17th century, a group of radical English Puritans moved to Holland to escape persecution, and then, by renting the Mayflower ship through intermediaries, set off on the dangerous journey to America’s distant shores. These were the Pilgrim Fathers, who founded the New Plymouth colony in 1620, and who intended to find a congregation in America that would resemble the first Christian communities. Before they disembarked from the ship, the passengers signed the “Mayflower Compact”, which talks about their desire to spread Christianity in the New World, to live together based on an agreement blessed by God, to develop laws, and to obey them.

In 1629–1630, many groups of Puritans from England founded settlements, around which the Massachusetts colony began to form. The governor was John Winthrop, a preacher. Religious immigrants wanted to set the world an example of the ideal religious community in America. John Winthrop expressed this messianic idea aboard the ship *Arabella* in 1630, while waiting to disembark with a group of Puritans:

For we must Consider that we shall be as a City upon a Hill, the eyes of all people are upon us; so that if we shall deal falsely with our God in this work we have undertaken and so cause Him to withdraw His present help from us, we shall be made a story and a byword through the world, we shall open the mouths of enemies to speak evil of the way of God and all professors for God’s sake...¹

In turn, the religious settlers who did not agree with the theocratic order in Massachusetts founded the colonies of Connecticut (1636) and Rhode Island (1636). Thus, New England began to form as a result of religious immigration; from 1630–1642 between 20,000

¹ *Winthrop J.* A Model of Christian Charity // *Voices of the American Nation*. Vol. 1. New York, 2006. P. 31.

and 25,000 people came to this region. Most of them were not single indentured servants, but free men with families and property.

This immigration of religious families fleeing persecution in England is also the reason for the formation of many Quaker communities in Pennsylvania, and New Jersey. Pennsylvania, as previously stated, was established by British Quaker William Penn. Being representatives of a Protestant sect, the Quakers challenged the traditional values of English society and the teachings of the Anglican Church. They tried to reach God, not through words but inner light, which could shine in their souls during silent meditation. Thus, they did not need to have mediators between God and themselves, be it a church, a priest, or religious ceremonies. Quakers began to emigrate in large groups, going overseas where there was a lot of land available for farming. Without the land, it was difficult to create a family of "God's household" in real life and bring up proper Quaker children.

Protestants of all movements came to the British colonies in search of religious tolerance: Lutherans from Germany and Scandinavia, Moravian Brethren from Bohemia, English Methodists, and Baptists. Maryland became a haven for Catholics. The colonies established religious tolerance and pluralism, and the Anglican Church had to live alongside other churches, mainly Protestant.

In addition, by 1760, more than 175,000 black slaves had been brought to British North America. Their labor was essential for the Southern plantations, where landowners were growing sugar cane, tobacco, rice, indigo (a plant used to make a blue dye for fabric), as well as on slave farms in other parts of the colonies. In the North, slaves were used in the handicraft industry and as house servants. Black Americans are also immigrants, just involuntary ones.

England had engaged in the lucrative African slave trade since the 16th century, and in 1631, it had founded permanent settlements on the western coast of Africa. The first ship with a load of 20 slaves arrived in Virginia in 1619. In 1660, the British government gave a charter to the Company of the Royal Adventurers into Africa, and when that company collapsed, the Royal African Company took over the slave trade in 1672.

This company had a monopoly on importing slaves to British colonial America, and it was headed by the Duke of York, who has been discussed previously in this lecture. At the time, African slaves made up 20% of the population of New York. They were brought in through this route, and then sold all over British colonial America. From 1672 to 1713, the company sent more than 500 slave ships to Africa. In addition, the colonists themselves engaged in contraband slave trade, sending ships to pick up slaves and trade them for rum and

molasses, which was manufactured on the plantations. The colonists of New England were especially successful in the slave trade and challenged the monopoly of the Royal African Company.

It must be noted that slavery had existed in Africa. Yet there slaves had a status roughly equivalent to that of European serfs, and had rights that those sent to America did not. The black slaves were captured in the continent hinterlands, often with the help of African slave traders, and brought to the coast, where they were held in cages until they were inspected and sold.

These were representatives of various tribes and cultures, who spoke different languages and believed in different Gods. Twenty percent died on the journey to the coast during horrific “death marches.” The rest were branded and sent in groups across the ocean in the dark, slimy holds of ships, with their feet and hands in shackles, left to suffocate in their own waste. On average, one in three died during the trip, some became insane, and others leapt overboard, preferring to drown. In the 1780s, the British Parliament determined that the mortality rate for slaves during an average ocean trip was 27,33%.

This was the beginning of America’s “dark history”, which lasted for several centuries. White servitude had almost ended by the beginning of the War of Independence (1775–1783). Black slavery continued through American revolutionary period (1775–1789). It was abolished in the North but was preserved in the South as a special institution that served as the basis for the socio-economic development of a unique “Southern Civilization” and formed the regional cultural identification of Southerners. The importation of slaves into the United States was prohibited by the U.S. Constitution in 1808 (Article 1, Section 9), although the illegal slave trade continued. Altogether between 500,000 and 600,000 African slaves were brought first to British Colonial America, then to the United States.

The formation of the United States was favorable to immigration. *The second phase began at the end of the 18th century and continued until the beginning of the 1880s.* While Europe was shaken by wars and revolutions, and suffered from a lack of land, food shortages, and unemployment, the United States was living in its blissful isolation from European cataclysms. At the same time, it entered a period of rapid industrialization and a revolution in transportation. Americans had settled the continent, taking new lands via contracts and by force and were busy developing them. The country needed workers, and there were far too few. The United States tempted immigrants with cheap land in the West, high wages in industrial centers where the construction of railroads and canals offered new opportunities, and

finally, the chance to find a worthy use for one's technical inventions, capital, or innovative ideas.

Inventors and technicians, craftsmen and factory workers, farmers with various levels of wealth and landless paupers – all streamed out of Europe across the ocean. The wealthiest and most highly qualified English and Scottish immigrants headed for the cities along the Atlantic Coast and the North East. The first major "technical brain drain" from Europe to the U.S. happened just then, during the industrial revolutions occurring on both sides of the Atlantic. English, Scottish, and German inventors brought their technical secrets and technological innovations to the U.S., where production and markets were developing rapidly, along with the Patent Office.

Swedish farmers were attracted by cheap, fertile land in the Mid-West (and later the Far West) and taxes that were much lower than Europe's. By the end of the 19th century, more than a million people had left Sweden. Those who did not want to farm could try their luck at the factories and industrial plants of Chicago, Minneapolis, and other cities, where they would receive a good wage for their labor. Single women became maids. All of them wrote home about how great things were on the other side of the ocean and sent money home for their families and friends so that they could buy tickets for themselves. Their rationale was: "Why not try America, when in Sweden the population was increasing, crops were failing, prices were rising, and wages were inexorably falling?"

In the 1840s and 1850s, there was a burst of German immigration, which is also explained by economic factors. Among the German settlers there were many farmers as well as tradesmen and craftsmen, who quickly joined the ranks of the American middle class because of their wealth. Germans made up the second largest ethnic group after the Irish among the immigrant population.

From 1814 to 1844, approximately 1 million Irish immigrants entered the United States. By 1830, most of them were Catholic. They were fleeing religious and socio-economic persecution by the English authorities. The next sharp surge in Irish immigration was caused by the Great Famine in Ireland in 1845–1849, when a potato blight spread across the country. Thus, farmers who had relied heavily on potatoes as a food source had to flee. From 1845 to 1855, 2.1 million Irish left their homes, out of which 90% went to the United States, settling in large cities where the demand for workers in factories and industrial enterprises was high. Unqualified immigrants could get work building railroads and channels during the transportation boom.

While Ireland was suffering through the Great Famine, in the American West, Hot Biscuit Slim, a character from American folk-

lore, was musing wistfully that there were not enough people on Earth to eat all the food that the fertile American soil could produce. This image of the U.S. as a land of plenty and prosperity would inevitably keep drawing more and more immigrants from all corners of the world.

Another round of revolutions in Europe led to small groups of political immigrants from France, Germany, Austria-Hungary, and Italy. The Russian Revolutionary Populists went to America to found their communes and live on the land, to better understand the concerns of their people. For political refugees from Europe the United States remained the country of freedom and democracy. The American experience, however, often threw cold water on some of their idealistic plans.

In the first half of the 19th century, those emigrating from continental Europe left for America from Le Havre, in France. After the Napoleonic Wars ended in 1815, this was the largest spot where the New World settlers gathered. After that, Bremen and Hamburg took over. The railroad construction in Germany in the mid-19th century deprived Le Havre of its status as the main point of departure, yet it remained the largest center for emigration in France.

The authorities in Hamburg and Bremen turned emigration into a lucrative business; by regulating the flow of passengers and creating advantageous tariffs for ship owners. Hamburg and Bremen steamship companies followed certain sanitary standards for transporting poor passengers; they gave them hot meals, although their quality was questionable. They even created whole settlements of European emigrants near the harbor with barracks, stores, and bath houses. The emigrants left a portion of their savings here (to the benefit of the steamship companies) and at the same time, lived separately from the urban population so as not to cause unnecessary social tensions. This principle of segregation turned into the policy at the Germany companies. It applied to all third-class passengers: they had to use a separate waiting room, a separate wharf, and a separate deck. It was unthinkable that the respectable passengers from the first and second classes could see the crowds of poor, noisy immigrants with their trunks, bags, and packs. As a result, the price of tickets for Bremen and Hamburg steamship lines was higher for passengers of all classes than it was on British lines.

Up until the middle of the 19th century, a significant portion (up to one-third) of emigrants from continental Europe preferred to go to America through England, rather than directly from Hamburg. British steamship companies were subject to fewer restrictions, which allowed them to charge lower prices. But once the mass Irish emigration

began, the more respectable German and Swedish emigrants preferred to avoid British ports, where there were crowds of ragged, hungry, and noisy Irish waiting to leave. In England, Liverpool was the main emigration center.

In the 1840s and 1850s, 4,2 million immigrants arrived in the United States, mostly from Europe. Starting from 1842, the population of the U.S. was increasing by an average of 100,000 people per year. Even during the Civil War (1861–1865), 5 million people moved to the U.S. Up until 1883 about 85% of immigrants came from Northern and Western Europe. These were mainly Irish, Germans, Swedes, English, Scots, and Welsh, who made up the so-called "Teutonic" or "Nordic" immigration flows.

The make-up of the immigrant pool changed drastically during the period of "*New Immigration*» that began in the 1880s and continued until the end of the First World War (until approximately 1920).

This wave of immigration was called "new" for two reasons.

First, it was different in its make-up and character. At that time, a lot of people from Southern and Eastern parts of Europe were coming alongside emigrants from German, Ireland, England, and Sweden. By the beginning of the 20th century, they made up 80% of European immigrants. These were Italians, Greeks, as well as religious and ethnic minorities from the Russian Empire, Austria-Hungary, and the Ottoman Empire. For example, up until 1909, ethnic Russians made up just 4,4% of the overall migration flow from the Russian Empire. By 1913, this number grew up to 12% due to the labor emigration of peasants. Among those, Jews, Poles, Finns, Russian Germans, and Lithuanians were the predominant ethnic groups. They went to the U.S. seeking socio-economic equality and religious tolerance.

The largest ethnic group in the New Immigration was the Italians. From 1880 to 1920, 4,2 million Italians crossed the ocean. These were mostly male unqualified workers from southern Italy, where poverty and illiteracy were rampant. Up to 40% of Italian immigrants came temporarily in order to earn some money and return to their homeland to their families and a new life.

At this time, a mass emigration of Eastern European Jews from Russia, Galicia, Romania, Lithuania, and Poland began. They contributed to the increase in the Jewish population of the U.S. from 250,000 to 3 million. Within this particular wave of Jewish emigration to America (1881–1914), Russia took the first place (71,6% of immigrants), giving its name to the formation of Jewish diaspora. The pogroms of the beginning of the 1880s as well as the revolutionary period of 1905–1907 were the impetus for this mass migration. Like their counterparts from Eastern Europe, Russian Jews were fleeing dire so-

cio-economic conditions, looking for a guaranteed wage and the possibilities to pursue a profession, going to universities, and educating their children. During the First World War and the revolutionary period, Jews in many countries were labeled as “internal enemies” and scapegoats, which caused even more of them to flee across the ocean. Those were not the respectable German-speaking Jews who had come to the United States in earlier years. This was a wave of Orthodox Jews, Yiddish-speaking, who settled in ethnic areas of New York, Philadelphia, Chicago, Boston, and Baltimore. They created their own Jewish communities within American cities, like the Italians had created theirs.

Second, in terms of its scale, the New Immigration can be considered massive compared to the earlier waves. The population of the U.S. in 1900 was 76 million, out of which 10,5 million had been born in Europe, and 26 million were second-generation immigrants. Between 1900–1910, 8,795,386 immigrants came to the United States, and additional 5,735,811 came in the next decade.

The “American fever” that seized Europe was caused by socio-economic tensions during the period of industrialization and urbanization. The United States was undergoing another industrial boom at this time, along with another revolution in transportation. As before, the U.S. needed workers to work in factories, build the railroads, and dig tunnels. The land that had previously belonged to the Native Americans in the West was being sold off very cheaply, and immigrants could try their luck out there, in a new and sparsely settled place. The country was at the peak of its industrialization and had entered into world politics. Never had the United States seemed so promising, so full of socio-economic possibilities and freedom of choice to all those who were gazing at it from across the ocean.

As one Slovenian immigrant, who had come to the United States as a young boy in 1913, recalled:

My boyish imagination was aflame with America. At that time, I accepted as truth nearly everything I heard about America. I believed that a single cattleman in Texas owned more cattle than there were in the entire Balkans. And my credulity was not strained when I heard that there were gold mines in California, and trees more than a thousand years old.... In America everything was possible².

² Cit. on: *Hillstrom K.* The Dream of America: Immigration: 1870–1920. Detroit, 2009. P. 22.

Immigration was easier now thanks to the development of transportation and links between the Old and New Worlds. Railroads in Europe allowed prospective immigrants to travel quickly and relatively cheaply to the main port cities: Naples in Italy, Liverpool in England, Bremen and Hamburg in Germany. The "Hamburg-America Line" was the largest of the steamship companies taking emigrants from Germany, Scandinavia and Eastern Europe to the U.S., Canada, and Latin America.

A ticket for passengers traveling steerage (third-class) cost an average of 20 dollars. In 1906, ships from the Russian-East Asian Society began regular trips from Libava (in Latvia, later Liepaja) to New York through Rotterdam; this became the "Russian-American Line". A ticket to New York in emigrant class cost 85 rubles, which was equivalent to over 40 dollars and considered to be quite expensive. The Libava-New York route carried up to 60,000 passengers a year. Technical progress had significantly cut down the time it took to cross the ocean; the trip now lasted from 7–11 days, depending on the port the traveler left from.

One important factor that stimulated immigration was letters those immigrants wrote back home from the United States. An enormous number of them have been preserved in national and family archives.

I wish you to come to America. Up to the present I am doing very well here, and I have no intention of going to our country, because [in Poland] I experienced only misery and poverty, and now I live better than a lord (*From a letter a Polish immigrant sent to his relatives, 1906*)³.

Theo, I never say to you go or not go. I'm very proud that you make up your own mind to go to America. I know you're going to have a better life in America than we have here (*A letter from a father to a son who had emigrated to the U.S., 1911*)⁴.

My dear Yasha, you cannot imagine how wonderful it is here. You know that you are a person, a free person, equal to anyone, whether you are a Jew or Greek or English. It is so pleasant to know that if you work, hooligans or Nikolai's hordes will not steal all that you have earned by the sweat of your brow. It is worth so much to know that your children will grow up in healthy and sensible state, not in a coun-

³ Cit. on: *Hillstrom K.* Op. cit. P. 31.

⁴ *Ibid.* P. 32.

try of murderers and sculduggery... Come here, Yasha, come here now! Take anyone you can with you! Remember that having a hard time for a year or two is not the same as suffering for your whole life! (*A letter from a Russian Jew to his friend, 1913*)⁵.

Those who had left earlier sent money to those who were only thinking about this risky journey to far places. Sometimes they bought travel documents for them. Emigrants sold their property and became steerage passengers. Agents from the steamship companies and emigration agencies traveled all over Europe, giving potential emigrants advertising brochures and telling them about the fairy tale life that awaited them beyond the sea. At the port, the passengers went through medical screening and had a chance to bathe and disinfect their clothing and baggage. This was not done for any charitable motives, but in order to preserve their income: If the immigration authorities in the United States refused entry to any immigrant for health reasons, the company that brought him/her had to take him/her back to his/her homeland at its own expense (which cost about 100 dollars).

Once everyone was loaded on board, those who were traveling steerage (between the decks) started their hellish journey across the ocean. It was freezing in winter and boiling hot in summer; the travelers had to endure horrible stench amid crowded stuffy spaces, and some of them suffered from seasickness. There was not enough clean water and decent food. Many immigrants later wrote that they were transported like cattle. During the trip some of them got sick, were subjected to violence from the sailors or other passengers; women faced sexual harassment. Conditions gradually improved for steerage passengers, but at the end of the day, a lot depended on the goodwill of the steamship company, the construction of the ship, and the good faith of the captain and his crew. Even in the fashionable super-luxe ships like the notorious “Titanic”, a large portion of the passengers were emigrants, traveling to the U.S. third-class.

Finally, there it was, long-awaited America. The gazes of the exhausted immigrants devour the Statue of Liberty, rising over the horizon, right next to the new immigration center on Ellis Island. It was opened in 1892, when the old immigration station at Castle Garden, which had been in operation since 1855, could not cope with the huge numbers of immigrants. From 1892 to 1924, Ellis Island received three-quarters of all the immigrants who came to the U.S. This is where the new chapter of their life stories began. Even though

⁵ Cit. on: *Zhuravleva V.I. Understanding Russia in the United States: Images and Myths (1881–1914)*. Moscow, 2012. P. 839. (In Russ.)

there were some for whom this island of hope became an island of tears (about 3%), the overwhelming majority welcomed their new life.

In the second half of the 19th century, immigrants from China and Japan started coming to the United States. After the U.S. had expanded to the Pacific; and California was incorporated in 1850, Chinese immigration began. Their motivation was the same as the one of Europeans, namely, poverty, hunger, political repression, and destructive civil war that lasted 15 years. All this forced people to seek their fortune in a country far across the ocean, where, according to legend, there were mountains of gold, riches lay just under your feet, and you could become fantastically rich overnight.

As a result, more than 20,000 Chinese immigrants came to California during the Gold Rush of 1850–1852. This is how one 14-year-old Chinese immigrant explained his decision to leave home:

Once a cousin returned from Gum Shan, the "Gold Mountain", and told us strange tales of men becoming tremendously rich overnight by finding gold in river beds. We knew what poverty meant. To toil and sweat year in and year out, as our parents did, and to get nowhere; to be sick without a doctor's care; going without shoes, even in cold winter days; without books or time to learn to read them – that was the common tale of rural life, as I knew it⁶.

Chinese workers were in demand for the construction of the Transcontinental Railroad, which linked the East and West Coasts of the U.S. The first wave of Chinese immigrants brought their own way of life and unique culture with them, from exotic food and strange beliefs to collective labor and an unfathomable work ethic. From California, the Chinese gradually made their way to the East, and by the end of the 19th century, every big city in the country had its "Chinatown".

Traveling from China to the U.S. was an expensive and dangerous endeavor for ordinary Chinese. Not everyone could afford to pay \$40–60 for a ticket from Guanzhou to San Francisco. The majority of Chinese immigrants paid for their passage in one of two ways: They either signed a contract that obliged them to work for several years for the person who bought their ticket, or they borrowed money and had to pay it back over several years with interest. The trip lasted from four to eight weeks and was extremely difficult for the ships were crowded and dirty; with bad food and little drinking water. Statistics

⁶ Cit. on: *Teitelbaum M. Chinese Immigrants. (Immigration to the United States). New York, 2003. P. 22.*

show that up to 20% of the Chinese who set out in search of happiness died on the way.

On August 28, 1888, the *San Francisco Examiner* published an article describing the terrible conditions in which Chinese immigrants arrived in California:

It would be a strange sight to one not accustomed to it to see a framework of shelves, not eighteen inches apart, filled with Chinese. If a few barrels of oil were poured into the steerage hold, its occupants would enjoy the distinction so often objected to, of being literally “packed like sardines”⁷.

The first U.S. “exclusion act” was passed in 1882 and specifically targeted Chinese contract workers, prohibiting them from entering the country. The act was the product of a joint effort between the California state government and the U.S. labor organizations. At first, the act lasted for 10 years, but was extended later up until 1943, when it was finally repealed.

Japanese immigration began just a bit later than the Chinese. Up until mid-19th century, Japan had been in complete isolation from the rest of the world. In 1854, American Commodore Matthew Perry opened Japan up to the West, and Japan started developing relations with other countries, primarily with the United States. As a result, Japan went through a political revolution, where reforms soon undermined the traditional ways of the Japanese life. This, in turn, led to a series of dramatic events, including uprisings and a civil war. Many Japanese sought to escape from these threats via emigration to the United States. At first, they settled in Hawaii, which until 1900, was an independent state. In 1885 alone, more than 30,000 Japanese came to Hawaii. A lot of them worked on the sugar plantations; some of them later returned to their homeland. Others went further and reached the shores of America. In 1900, Hawaii became a U.S. territory, which made it easier for the immigrants to go to California or Washington State. By that time, there were more than 60,000 Japanese in Hawaii, and their number continued to grow. The Japanese who went to California took replaced Chinese workers, who no longer came to the country after the exclusion act of 1882.

As immigration grew on the Pacific Coast, the need for measures of regulation and control was becoming critical. The Western gates of the U.S. were now opened. While in the East Ellis Island welcomed

⁷ Cit. on: Ibid. P. 25.

hundreds of immigrants, Angel Island at the mouth of San Francisco Bay opened its shores to more than 1 million people from 84 different countries between 1910 and 1940. A large portion of them were from China and Japan – 175,000 and 117,000 respectively, but there were also immigrants from India, Russia, Italy, Ireland, Armenia, and other countries. The percentage of refusals on Angel Island was higher than on Ellis Island: 18% vs. 3%.

Finally, in the mid-19th century another wave of immigration began – from the South. As a result of the incorporation of Texas in 1845 and the Mexican-American War of 1846–1848, the territory of the U.S. grew significantly. In addition to Texas, it now included California and New Mexico. Approximately 80,000 Mexicans were thus transformed into U.S. citizens. The Gold Rush in California attracted another 25,000 Mexican immigrants to that state, and that was just the beginning.

In the first decades of the 20th century, more than 1,5 million people came to the U.S. from Mexico. The revolution and civil war, the poverty of most Mexican peons contrasted with the relative prosperity and stability of their Northern neighbor, along with the possibility of getting work, finding land and refuge. There was no need to cross the ocean, while being subjected to danger and deprivation. All you had to do was cross a poorly guarded border. Whole villages went North in search of a better life in a new homeland. In October 1913, around 8,000 Mexicans left their homes in a single day and moved to the town of Eagle Pass, Texas. This wave of Mexican immigrants was encouraged by American companies that sent recruiters to Mexico to find workers for U.S. factories. By 1916, there were 5–6 trains going weekly from Laredo to Los Angeles, and each one was full of Mexican workers. According to one eyewitness, the demand for workers was so great that employment agencies placed their staff on the bridge at Santa Fe, where they literally threw themselves at immigrants as soon as they crossed the border.

The beginning of the 20th century was the most intense period of immigration into the U.S.: From 1900 to 1915, more than 15 million immigrants came to the country from all over the world. In addition to the traditional forms of migration (economic, labor, religious, political), there was a new and quite different wave forming, which would develop further after the First World War. This could be called the intellectual migration. With the higher education reform and the rapid development of science in the U.S., large groups of European scientists and university professors moved to the country. They were drawn by better working conditions, higher salaries, and the possibility of carrying out their research projects. This was the beginning of

the U.S. transformation into the world center of academic research and education.

World War I had a contradictory effect on immigration into the United States. On the one hand, the wave of migration that had been happening for decades was suspended; the number of immigrants decreased. At the same time, negative attitudes toward certain groups of immigrants (Mexicans, Germans) became stronger, which made it more difficult for them to get into the country. On the other hand, the First World War destroyed the “old” Europe and transformed the U.S. into a powerful nation, which served as an additional stimulus for immigrants.

After a sharp downturn during the war, immigration began to pick up again in the post-war years. In 1920, more than 430,000 people came to the U.S. This was a new era in the history of immigration into the USA, which continued to exert an enormous influence on the development of all aspects of American society. The United States’ own status in the world was changing as “the American Century” was lying ahead.

During the entire period leading up to this time, immigrants had been helping the United States to become rich and solve social and economic problems. They invested their labor, capital, trade insights, as well as their culture and talent. As a result, American society became multi-faceted, and even more attractive for newcomers, all the more so since the U.S. was still open for most of them. As they entered the country, immigrants were still greeted by the Statue of Liberty, with the words of Emma Lazarus engraved on the pedestal:

Give me your tired, your poor,
Your huddled masses yearning to breathe free,
The wretched refuse of your teeming shore.
Send these, the homeless, tempest-tossed to me,
I lift my lamp beside the golden door!⁸

Further Reading

American Immigration. An Encyclopedia of Political, Social, and Cultural Changes / Ed. by J. Ciment, J. Radzilowski. Vol. 1–4. New York, 2015.

⁸ The Poems of Emma Lazarus: In 2 vols. Vol. 1. Boston and New York, 1889. P. 203.

- Bergquist J.M.* Daily Life in Immigrant America: 1820–1870. Westport, Connecticut, 2008.
- Coan P.M.* Ellis Island Interviews. Immigrants Tell Their Stories in Their Own Words. New York, 1997.
- Gerber D.* American Immigration. A Very Short Introduction. New York, 2011.
- Immigration to the United States. 11 Books. New York: Facts on File, 2004.
- Hillstrom K.* The Dream of America: Immigration, 1870–1920. Detroit, 2009.
- Nitoburg E.L.* Russians in the USA: History and Fate: 1870–1970. Moscow, 2005. (In Russ.)
- Ten V.A.* US Immigration Politics in the 17th–20th Centuries: A Brief Historical Study. Moscow, 1998. (In Russ.)

Electronic Resources

See the videos at: <https://edu.amc.ru/courses>

Ellis Island – History of Immigration to the United States, 1890–1920 [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=8X4CypTaOQs> (accessed 18.02.2021).

The Immigration History of the United States of America [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=1BJcqX17kas> (accessed 18.02.2021).

Immigration (1946) [Electronic resource]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=UaEdOiC_aWw (accessed 18.02.2021).

Lecture 2. “E Pluribus Unum:”
Immigration to the U.S.
at a Time of Global Changes

In 2001, the border control staff at London’s Heathrow Airport made an unexpected discovery while going through their archive of immigration documents. They came across the immigration card of prominent physicist Albert Einstein, who had fled Nazi Germany and traveled through England to come to the U.S., he received citizenship in 1940 and lived until his death in Princeton, New Jersey. The immigration card was given a place of honor among other exhibits at the Merseyside Maritime Museum in Liverpool. Einstein was one of tens of thousands of German and Austrian citizens who fled the Nazi regime, as Russians before them had fled the Bolsheviks. These waves of political refugees, who ran from regimes that either threatened their lives and property or they found ideologically alien, washed up on the shores of the United States of America. Socio-economic and political cataclysms in Europe after the First World War – revolutions, inflation, and unemployment, the rise of fascists to power in Italy in 1922 and of National Socialists in Germany in 1933 – had a direct influence on the composition and character of immigration to the U.S. After these events, World War II further shaped the migrant influx.

At the time, the United States entered a period of immigration restrictions, which continued up until 1965. The Statue of Liberty greeted immigrants on their arrival just as before, but Emma Lazarus’ lofty words carved in the pedestal about America’s “golden door”, open to all the suffering and persecuted of this world, was diverging further away from reality, becoming nothing else but a pretty metaphor. During the First World War, the U.S. introduced a visa system; in 1917, it added a literacy test; in 1921 and 1924, it imposed immigration quotas. Notably, the quotas were higher for those from Western Europe and lower for those from Southern and Eastern Europe. Immigration from Asia was banned altogether. These restrictive laws and the Great Depression (1929–1933) sharply curtailed the level of immigration into the U.S. In 1933, just 23,068 people entered the country; while in 1935, it was 34,956.

With the formation of Soviet Russia, which the U.S. did not recognize until 1933, and the rise of leftist ideology in European coun-

tries, American society suffered its first “Red Scare” over the possible expansion of socialism and communism. In Russia, after all, the Bolsheviks were dreaming of world revolution, and masses of political refugees were rushing to the U.S. specifically from there.

Events in the donor countries determined the stage of *immigration to the U.S. that began in 1917 and lasted up through World War II*, which was one of two main stages within the period of restrictive immigration laws (1917–1965).

Refugees from Bolshevism

From 1914 through 1922, Russia endured World War I, a Civil War, two revolutions, and the collapse of the Russian empire. It is not surprising that these events caused an unprecedented “Russian wave” of political immigration which was mostly represented by educated people and intellectuals, namely scholars and professors, artists and actors, students who had not finished their degrees, and representatives of the liberal professions, nobles, and the bourgeoisie. Political activists ranging from constitutional democrats and social revolutionaries to anarchists; as well as officers and soldiers from the White Army, among whom the greatest share were young peasants and Cossacks also fled for ideological reasons. These events were depicted in the Mikhail Bulgakov’s play “Flight”, written between 1926 and 1927, which the authors of the course strongly recommend. There is also a film adaptation produced in the USSR and directed by Alexander Alov and Vladimir Naumov, which one can find online.

In just four or five years, more than 1,5 million people were forced into emigration while often being completely unprepared for it. In contrast to other periods, this wave was made up mainly of ethnic Russians. They fled to Europe and Turkey, across the Far East to China and Japan, and only after that some of them managed to make their ways to the shores of America. Their way was a long and difficult one.

In 1917–1918, thousands of refugees managed to enter Finland illegally. In 1919–1920, the “White” émigrés left with the units of General N.N. Yudenich to the Baltics, sailed from Archangelsk with the English or with French ships from Odessa and the Crimea to Constantinople. After the Soviet-Polish war, brigades of “White” soldiers and tens of thousands of civilians fled to Poland, then moved to Germany, where by 1920, there were up to 560,000 Russian refugees. In 1924–1926, thousands of Russians moved further West, to England, France, and America. As one of the participants of this exodus put it:

We must go where we are needed, here they only tolerate us out of kindness, but soon they may cease to tolerate us. You hear this from everyone. It's easy to say "we must go", but how? They do go, though. They put together the pittance they have earned through backbreaking work, scrimping and saving, and with their small capital and all their family and household goods they set out for an unknown and often tragic future⁹.

At the beginning of the 1920s, a wave of Russian military and civilians (around 250,000) escaped to Siberia; and from there to the Far East. After the fall of Vladivostok, tens of thousands fled to Manchuria, China, Korea, and Japan. Many of them stayed temporarily in Harbin and left after the Japanese had occupied Manchuria. In the 1920s and 1930s, large groups of "White" émigrés made their way from the Far East to the United States.

Between 1917 and 1923, 18,848 Russians came to the United States from various countries. For example, in 1922–1923, 2,040 "White" émigrés arrived from Constantinople with the support of the American Red Cross and the League of Nations Non-Partisan Association; 800 arrived in San Francisco from the Philippines, having fled Vladivostok; at least 1,000 arrived in Los Angeles from Harbin. In 1918–1919 and throughout the 1920s, Russian immigrants continued to arrive to the East and West Coasts of the United States, both alone and with their families.

These were representatives of the old aristocracy, the Obolenskys, the Golitsins, the Gagarins; the cream of the Russian intelligentsia, like the physicist and future "father of television" V.K. Zvorykin, the pioneer of theoretical and applied mechanics S.P. Timoshenko, the aviation engineer I.I. Sikorsky, ichthyologist and economist N.A. Borodin, sociologist P.A. Sorokin, historian G.V. Vernadsky, composer S.V. Rakhmaninov, ballet dancers M.M. Fokin and M.M. Mordkin, artist N.K. Rerikh and sculptor S.T. Kononov. In addition, by the beginning of 1918, there were hundreds of Russian diplomats in the U.S., including Ambassador B.A. Bakhmetev, civilian and military staff, and members of the Russian Extraordinary Mission to the U.S., as well as the commissions for military purchases of the Tsarist and Provisional governments.

In total, 61,742 émigrés from Russia and the USSR came to the United States between 1921 and 1930. Out of these, 16,000 later returned to Soviet Russia in 1920–1921 through Liepāja. Between 1922

⁹ Cit. on: *Nitoburg E.L.* Russians in the USA: History and Destinies: 1870–1970. Moscow, 2005. P. 100–101. (In Russ.)

and 1925, the Soviet government initiated the return of around 6,000 industrial workers, technicians, and farmers amid the ongoing economic modernization. However, soon after that, Soviet re-emigration flows dried out.

Russian immigration was dramatically affected by the quotas. In 1921, the "Russian quota" was 24,405; in 1924, it was just 2,248; in 1929 – 2,748. In the 1930s, the overwhelming majority of Russian émigrés came to the U.S. from Europe and the Far East. Among them were the economist and future Nobel Laureate V.V. Leontev, naval engineer V.I. Yurkevich, physicist and chemist G.B. Kistiakowsky, the future chief science advisor to President D. Eisenhower, sociologist N.S. Timashev, and choreographer G.M. Balanchine. In the first half of the 1930s, the "Russian quota" was left unfilled, while in the second half it was exceeded, which can be explained by the rise of the Nazis in Germany and the international crisis in Europe. From 1931 to 1941, the number of immigrants arriving from the USSR and other countries and registering as "Russians" was 6,594. There were more since not everyone traveled as "quota" immigrants; some immigrants had special visas, and some came illegally, through Canada or Mexico.

Unlike pre-revolutionary emigration from the Russian Empire, the post-revolutionary wave of political refugees was made up mainly of intellectuals fleeing the Bolsheviks and the Soviet regime. Most of those were educated people, "White" army officers, representatives of the liberal professions, and graduates of the St. Petersburg Institute of Noblewomen, yet in the U.S., they had to earn their living through unskilled labor. Few ever managed to regain their previous social status.

Since this wave of emigration was composed of quite a few famous scientists and engineers, artists and performers, writers and philosophers, all fleeing Bolshevik Russia, it was a noticeable phenomenon in American society. We should not forget, however, that by that time, there had been hundreds of thousands of Russian labor migrants who had been making a considerable contribution to America's prosperity for more than half a century.

Refugees from Nazism

Between 1919 and 1933, – up until the time that Adolf Hitler came to power – 430,000 people left Germany for the United States. Many of them were labor migrants, yet the percentage of Jewish émigrés was growing constantly. The open political, economic, and religious persecution of Jews in Germany started in 1933, and on

November 9–10, 1938, a devastating Jewish pogrom swept the country, reaching part of Austria and the Sudetenland. It has gone down in history as “Kristallnacht” or “The Night of Broken Glass”. Detachments of Stormtroopers and civilians, aided and abetted by the police, attacked Jewish stores, synagogues, and buildings. After this, the deportation of Jews to concentration camps began. The beginning of the Holocaust (the mass murder of Jews) was a signal for mass exodus of Jews from Germany and Austria across the ocean.

President Franklin Delano Roosevelt openly condemned the Nazis’ actions in Germany. He was known for having opened the doors of his administration to talented Americans of Jewish descent; for example, Felix Frankfurter, lawyer and professor, who later became a Supreme Court justice, and Henry Morgenthau, Jr., Secretary of the Treasury from 1934 through 1945, who also served as a political and economic advisor to the president. That circumstance, however, did not translate into the government decision to raise the quota for German refugees from Nazism. At the time, the U.S. suffered from rampant unemployment among its own citizens. Furthermore, the conspiracy theory that alleged that Jews were the originators of Russian revolution and the bearers of the Communist ideology was widely discussed.

This laid the groundwork for anti-Semitic sentiment among people and in the State Department. It had been common in the U.S. since the period of mass immigration of East European Jews at the end of the 19th – beginning of the 20th century, and in the 1920s, it was widely promoted by the Ku Klux Klan.

Nevertheless, based on orders from President Roosevelt, American consuls made as many exceptions to the rules as they could in order to ease access for Jewish refugees who were fleeing the Nazi regime. The overwhelming majority of these immigrants was highly educated and easily integrated into American society. Among the most famous of these refugees were the above-mentioned founder of modern physics Albert Einstein, the world famous writer Thomas Mann, and symphony conductor Bruno Walter.

A clear example of the exceptions the U.S. government made for prominent Jewish thinkers, scholars, writers, and artists fleeing the Nazi regime was the story of the “founding father of psychoanalysis”, Sigmund Freud, who migrated from Austria to the U.S. together with his family after the Anschluss in 1938.

By that time, arrests and deportations of Jews from Vienna to concentration camps had begun. There was, however, the possibility of buying one’s way out, along with one’s family and property, by paying a sum of money to the Nazi authorities for permission to emigrate.

Freud was not particularly rich, but his friends, protectors, and former patients offered money and assistance.

Among them was William Bullitt, Freud's close friend, the first U.S. ambassador to Soviet Russia (1933–1936), and at that time, the U.S. ambassador to France. Freud was also friends with the American consul in Vienna, John Wiley, who telegraphed Paris after the Anschluss that he feared for Freud's life. Bullitt immediately called President Roosevelt, whom he knew well, and the president gave an order through the Secretary of State to empower Wiley to begin negotiations with the authorities in Vienna about Freud's emigration.

Freud resisted for a long time as he did not want to leave, but he finally agreed when his daughter Anna was detained for a night by the Gestapo. Getting Freud out of Nazi Vienna required serious diplomatic efforts, as well as a lot of money and coordination. Bullitt carried it off brilliantly, thanks to his connections in Washington, Roosevelt's support, and financial assistance from princess Marie Bonaparte, great-granddaughter of Napoleon's brother, student and friend of Freud's, who also translated his works into French. On June 4, 1938, the 82-year-old scientist, along with his closest family members, left Vienna by train. The rest of his relatives – sisters, cousins, aunts – died in concentration camps.

From 1933 to 1945 in Germany, Jews and other population groups who did not measure up to the idea of a nation of "true Aryans" (whether they were people of so-called non-Teutonic origin, non-traditional sexual orientation, or disabled) were persecuted and killed. As a result of this genocide, 6 million people died, mostly Jews, in concentration camps located primarily in Eastern Europe. During that time, 130,000 Germans were able to flee Germany and find refuge in the United States.

In 1939, the Anglo-American poet Wystan Hugh Auden, whom Joseph Brodsky called "the transatlantic Horace", wrote the piercing "Refugee Blues", which contained these lines:

Thought I heard the thunder rumbling in the sky;
It was Hitler over Europe, saying, "They must die":
O we were in his mind, my dear, O we were in his mind.

Saw a poodle in a jacket fastened with a pin,
Saw a door opened and a cat let in:
But they weren't German Jews, my dear, but they weren't
German Jews.

...

Walked through a wood, saw the birds in the trees;
They had no politicians and sang at their ease:
They weren't the human race, my dear, they weren't
the human race.

Stood on a great plain in the falling snow;
Ten thousand soldiers marched to and fro:
Looking for you and me, my dear, looking for you and me¹⁰.

Auden was married to the daughter of the German writer Thomas Mann, and left England for the U.S. in January, 1939. He did not return to his homeland until the 1950s, as a professor at Oxford University. Unlike his father-in-law, who was not fleeing Nazism, he was escaping the beginning of World War II.

Shortly before the war and during its first few years, a significant number of post-revolutionary Russian émigrés of Russian, Ukrainian, and Jewish origins made their way from Europe to the U.S. by various means. People of widely divergent political views, with varying levels of affluence, prominent figures in science and culture – all were united in their flight from Nazism. Among them were A.F. Kerensky, V.V. Nabokov, M.A. Aldanov, I.F. Stravinsky, M.A. Chekhov, B.F. Nijinskaya, R. Jacobson, and many others. These Russian émigrés, like those who arrived before them, made an important contribution to the intellectual and cultural development of American society, becoming a part of the national heritage of the U.S. as well as Russia.

Political emigration from Italy to the U.S. during Mussolini's regime (1922–1943) was completely different from the one under the Nazi regime. Mussolini paid close attention to the lives of millions of Italian immigrants in the U.S. For example, he founded schools in various American cities which taught Italian to second-generation Italian immigrants. Max Ascoli, an American scholar of Italian descent, wrote that immigrants to the U.S. were proud that Mussolini had restored Italy to its greatness, and were also “proud to see how the most important Americans – bankers, university presidents, writers – were paying tribute to Mussolini”¹¹.

Nevertheless, anti-fascist sentiment gradually spread to immigrant circles, thanks to those who fled Mussolini's regime, unwilling to tolerate his dictatorship and the lack of civil and political rights.

¹⁰ Auden W.H. *Selected Poems*. New York, 1979. P. 83–84.

¹¹ Cit. on: *Burgan M.* *Italian Immigrants. (Immigration to the United States)*. New York, 2005. P. 63.

Among these immigrants were political and social activists, scientists, artists, writers, directors, and priests. The Italian physicist Enrico Fermi, famous as the creator of the world's first nuclear reactor, and one of the "fathers of the atomic bomb", was among them.

Labor and Economic Migrants

After World War I, European economy was devastated, while the U.S. entered a decade of prosperity. As before, labor migrants crossed the ocean in search of a better life – Italians (mainly from Sicily), Greeks, and Irish. However, even before the introduction of quotas which restricted access for the majority of potential immigrants, not everyone was able to get into the American Promised Land because they had to take a literacy test.

The number of European labor migrants dropped sharply after the restrictions were introduced. Being representatives of Southern Europe, Italians and Greeks suffered the most. In 1920, more than 175,000 Greeks immigrated to the U.S.; by 1940, that number was down to just a few thousand. More than 1 million Italians came to the U.S. in 1920; by 1940, it was just 5,000. Even Irish immigration, which had remained at 150,000 – 160,000 a year throughout the 1920s, was down to 30,000 by the beginning of World War II.

The quotas did not apply to the immigrants from the Western hemisphere, however. Immigrants from Mexico, the Caribbean and Latin America continued to join the ranks of non-European Americans. Because the Philippines were a U.S. territory (although it got the status of an autonomous territory after the establishment of the Commonwealth in 1935), its native citizens did not have to obtain a permit to enter the United States. They replaced Asian immigrants on the sugar and pineapple plantations in Hawaii and on California farms.

Beginning in 1910, Mexican immigration reached its peak in 1930, when 450,000 people entered the U.S. This number fell to below 50,000 by 1940 as a direct outcome of the Great Depression. In 1933, there were 12 million unemployed in the U.S., and no one wanted job market competition to get any higher. Those immigrants who had come earlier preferred to return to their families in Mexico, given the mass unemployment and the absence of any social benefits. Beginning in 1931, more than 400,000 Mexican immigrants left the U.S. thus becoming "re-immigrants".

They would get another chance during World War II, when the U.S. was facing labor shortage. In 1942, President Roosevelt signed an agreement with Mexican President Manuel Camacho, which served

as the basis for the Bracero Program. As a result, recruiting centers opened in Mexico in an attempt to find workers for American farms since the U.S. had to feed its soldiers and send food to its allies in the anti-Hitler coalition. Over the 22 years that the Bracero program existed, 5 million Mexicans entered the U.S. They came for short periods – from three to six months – gathered the harvest and went home. “Braceros” (Mexican workers) lived in poor conditions, but it was better than not having a crust of bread or a job to support one’s family.

One American journalist described the life of the braceros in San Antonio, Texas:

Unpainted shacks... rest on stilts and lean precariously in all directions; dogs bark, children yell, and radios blare in every hovel. But the windows are decorated with plants, feeble shrubs sprout in the dirt yards and morning-glories [tall flowers] climb the fence posts. Every corner has its grocery store and beer hall¹².

Many of the braceros stayed in the U.S. illegally after their visas expired. They moved to the cities and found work in factories.

Refugees from Communism

The end of World War II posed a new immigration policy dilemma. On one hand, the war created a new impetus for promoting the image of America as the defender of freedom and democracy, the country of possibility, refuge of the persecuted and dispossessed. On the other hand, the flow of new immigrants was curtailed by existing legal restrictions on Asians and people from Southeastern and Central Europe. The most obvious contradiction was the case of political refugees, for whom entry to the U.S. was a question of life and death.

This circumstance in large measure dictated the *peculiar features of immigration processes from 1945 to 1964*. The flow of refugees that had begun in the interwar period only intensified after 1945 and had new patterns of geographic mobility. The drama of the situation was exacerbated by the fact that there were around 8 million displaced persons in Europe at that time, who either could not or would not return to their countries of origin. Around 1 million of these lived in re-

¹² Cit. on: *Worth R.* Immigration to the United States: Mexican Immigrants. New York, 2005. P. 53.

fugee camps. In the U.S., an executive order was issued to get around the restrictions, and then the Displaced Persons Act was adopted.

As a result, 150,000 people, most of whom were Jewish, were able to enter the U.S. In addition, 260,000 Poles, as well as a large number of Ukrainians, Latvians, Lithuanians, Estonians, Hungarians, and Romanians who did not want to live under Communist regimes also came to the U.S. Thus, the gradual easing of U.S. immigration restrictions began. Furthermore, there was a special category for the wives of U.S. army soldiers who got married during the war in various countries and who did not have U.S. citizenship at the time. There were 120,000 of them in all.

After the Communist Party headed by Mao Zedong came to power in China, Chinese students, businessmen, and diplomats in the U.S. were no longer able to return to their homeland. Political refugees who had fled the repressions of the new regime were also coming to the U.S. The "Bamboo Curtain" that descended between China and the outside world after 1949 was no less endurable than the Iron Curtain that divided Europe. This resulted in cutting of all ties between the immigrants and their relatives in China. One of them recalled:

In China, I owned two houses. And if you had money in China, it was a crime. If you were an intellectual [educated person], it was a crime. The really poor, who didn't have anything, they were the average, so no harm came to them. But if you had a cent, they would purge [take it from] you. If you owned land, they would purge you. They took everything – my money, my furniture¹³.

As the Cold War progressed, the problem of political refugees was used as a means of fighting world Communism. In 1953, the Refugee Relief Act was adopted, which opened the way to the U.S. for 200,000 political émigrés from the socialist countries of Europe. The number of countries whose refugees had the right to claim asylum in the United States grew as time went on. In 1956, after an anti-Communist demonstration was suppressed in Hungary, 38,000 Hungarian "freedom fighters" were given asylum. As a result of executive orders by Dwight Eisenhower and, later, John Kennedy, 250,000 Cubans fleeing the Castro regime came to the U.S. The closing of direct air navigation between the U.S. and Cuba during the 1962 Cuban Missile Crisis stopped this process. One could say that in the two decades following the end of World War II, the soaring numbers of political asylum applicants was one of the main trends in U.S. immigration.

¹³ Cit. on: *Teitelbaum M.* Op. cit. P. 68.

The Cold War, however, also gave rise to an opposite tendency, causing a new “Red Scare” in the U.S., culminating in McCarthyism. Just as Americans had feared the spread of Bolshevism after World War I and the Russian Revolution, they now felt under attack from Communists following World War II and the expanding influence of the Communist ideology in the world. As a result, Congress defied a presidential veto and adopted laws prohibiting entry to members of Communist parties and giving the Attorney General extrajudicial power to get foreigners deported.

In the first half of the 1950s, the policy of recruiting Mexican workers to secure cheap labor for U.S. agriculture came under review. The Bracero Program, described above, ended in 1964. At the same time, between 1950 and 1955, the government tightened border control restrictions at the U.S.-Mexico border and continued its fight against illegal immigration. As a result, around 4 million Mexicans with expired visas were deported from the U.S.

A new period in the U.S history of immigration began in 1965, when the federal government passed the Immigration and Nationality Act of 1965 which the president later signed into law. The law allowed for liberalization of immigration policy, broadening its scale and introducing a change in the overall makeup of the immigration flow.

A push to end racial and ethnic discrimination in immigration policy was a part of the civil rights movement in the U.S. which took place during the 1960s. From 1925 to 1965, when immigration bans and quotas were still in effect, an average of 123,000 persons immigrated to the U.S. every year; with the total number of immigrants at 5 million. From 1965–2000, the more than 650,000 immigrants came to the country annually, adding up to a total of 22,8 million. One reason for such growth was an article in the 1965 law on family reunification. Immigrants who came to the U.S. could bring their families with them based on the U.S. family reunification program. This inevitably led to a rise in the size of the foreign-born population. In 1920, this number was 13,9 million, or 13,2% of the population; in 1960, it was 9,7 million, or 5,4%, as a result of restrictive immigration policies; in 1980, it was 14,1 million, or 6,2%; and in 2000, it was 28,4 million, or 10,4%. This data does not include illegal immigrants, who avoided participation in the census for obvious reasons. Their number rose from 500,000 at the beginning of the 1960s, and to 8–10 million by 2000.

Even more radical changes occurred in the ethnic make-up of immigration. From 1951 to 1960, around 2,5 million persons entered the U.S. legally. Out of these, approximately 1,3 million (52,7%) were from Europe; 619,000 (24,6%) came from Latin America and the Caribbean; 378,000 (15%) from Canada; 153,000 (6,1%) from Asia

and around 27,000 (1,1%) from all other countries. According to the 2000 census, out of 24,8 million foreigners living in the United States legally, 16.1 million (56,7%) came from Latin America and the Caribbean. Immigrants from Asia came second – at 8,2 million (29%), then Europeans – 4.8 million (17,3%).

As for immigrants' countries of origin, the breakdown was as follows: Mexicans came first (32,3%), followed by Chinese (5,3%), Filipinos (4,8%), Indians (3,6%), and Vietnamese (3,5%). These numbers demonstrate a radical shift in the composition of immigration, which influenced the ethnic, racial and cultural characteristics of American society.

The New Refugees

Alongside the U.S. immigration policy, international crises and conflicts have had a significant effect on immigration, as have economic and demographic processes in various regions of the world.

After the war in Indochina had ended in 1975, the U.S. government launched the largest refugee resettlement program in its history, allowing 2–3 million refugees from Vietnam, Cambodia, and Laos to leave their native countries. About half of them ended up in the United States and created a new cluster of Asian immigrants. This exodus from Indochina was tied to the fall of pro-American regimes in those countries, and the need to evacuate those who had connections to those regimes. Television screens around the world showed dramatic scenes of the mass flight of the South Vietnamese population as the North Vietnamese forces stormed Saigon. The last helicopter with refugees aboard left from the roof of the U.S. Embassy in Saigon on April 29, 1975.

In addition to those who were evacuated by the United States, a large number of Vietnamese left independently. Those who could, left on commercial flights; those who were not able to do that, tried to get out on all types of flotation devices – speedboats, rowboats, rafts. This flotilla headed out to the open ocean, where they were picked up by the U.S. Navy. The refugees were first sent to refugee camps that had been set up on islands in the Pacific (mainly on Guam and the Philippines). From there, they were sent to camps in the United States, in Florida, California, Pennsylvania, and Arkansas. By the end of 1975, 130,000 Vietnamese had been evacuated to the United States. Charities and numerous volunteers actively helped to get the refugees out of the camps and set up in normal conditions. This help was tremendously important since up until that point there was no Indochina

diaspora in the United States. As a result, the Vietnamese were spread out around the United States, unlike the Cubans, for example, who concentrated around Miami.

By 1978, the major program to resettle refugees from Indochina was finished, yet a new crisis in Southeast Asia gave rise to another outpouring of refugees. The Vietnam-China conflict, the authoritarian policies of the Laos government, the fall of the Khmer Rouge in Cambodia – all these events provoked mass exodus from those countries. The major means of transportation was by boat; people set out on risky journeys into the open ocean. The lucky ones reached Malaysia, Indonesia, Hong Kong, and the Philippines. By the end of 1979, the number of “boat people” had exceeded 290,000. Since the countries that had given them shelter had neither the resources nor the desire to keep the refugees on their territory, an international program was developed for their resettlement under the aegis of the UN. A significant number ended up in the United States. Between 1975 and 2000, the United States accepted around 1.5 million refugees from Southeast Asia through various programs.

Another source of refugees during this period was the countries of the Caribbean Basin and Central America. The first wave of Cuban refugees in 1959–1962 mainly included wealthy or middle-class people who were fleeing the Revolution. In 1965, Castro opened the Cuban borders and allowed free exit, and approximately 300,000 people representing various social classes rushed to take advantage of this. Many of them settled in southern Florida, significantly increasing the Cuban population there.

The third wave of Cuban immigration came in 1980, when 125,000 people arrived in the United States in just a few months, through what became known as the “Mariel boatlift”. These refugees were greeted much more coolly since it was thought that Castro was getting rid of undesirable elements through the boatlift. The history of Cuban flight to the U.S. is full of dramatic and even tragic episodes, numerous victims as well as stories of miraculous escapes and the reunification of families. One of them is the story of the González family.

The first member of this family was Caridad González, who flew to the U.S. in 1966, where her ex-husband had been living since 1961. According to Caridad, her reason for leaving was the arrest of her brother Delfín in Havana in 1962 for counter-revolutionary activity. Delfín himself did not receive permission to leave Cuba until 1979. Caridad then helped her sister to come to the United States with her husband and three children in 1983, after which an additional 11 members of the family emigrated over the next few years. Finally, in

1999 the family faced the most tragic episode in its history. Caridad's niece, Elizabeth, along with her five-year-old son Elián González and twelve more refugees set out in a small boat. They hit a storm on their way, causing the boat to capsize. Eleven people, including Elizabeth, drowned. Only three of them survived, including Elián. His father and the Cuban authorities demanded that the boy be returned to his homeland. After long deliberations, an American court ruled that Elián should go back to his father in Cuba. The Miami relatives who had taken him in tried to appeal, but it was rejected. In June 2000, Elián González returned to Cuba, where he is living to this day. This story caused quite a stir and attracted attention to the problem of illegal Cuban refugees, who were risking their lives to get to Florida's coveted shores.

Refugees from Haiti posed a different sort of problem; mass migration from that country began in 1972, when people began fleeing the dictatorship of François Duvalier (Papa Doc), and then of his son (Baby Doc). Some came to the U.S. legally and remained after their visas expired, while others reached Florida by boats. By 1980, there were more than 80,000 Haitians in the U.S., mostly concentrated in New York. For a long time, the U.S. government refused to grant them a refugee status, since they could not provide proof that they had been persecuted or were in danger in their homeland. As a result, a significant portion of the Haitians came illegally, as unlike the Cubans, they received no assistance.

With the political instability in Central America in the 1980s, tens of thousands of Nicaraguans, Salvadorans, and Guatemalans also came to the U.S. In total, more than 1 million people from the Caribbean and Central America immigrated to America in the 1970s and 1980s.

In scale, however, wave of refugees could not be compared to the increase in the number of immigrants coming from Asia, primarily China and India. Between 1955 and 1964, Asian immigrants made up just 7.7% of the total number of immigrants to the U.S.; in 1975–1984, they made up a record 43.3%. This can be explained by the political, social, and economic conditions in the donor countries.

After China re-established relations with the U.S. and began its reforms, new opportunities for Chinese citizens to emigrate across the ocean emerged. Up until the end of the 1970s, most Chinese immigrants came from Taiwan. After that, however, the flow of immigrants from mainland China began to increase. Up to 45,000 Chinese arrived in the U.S. every year, not counting those who came on student and tourist visas. After Tiananmen Square in 1989, when a student demonstration was brutally suppressed, around 32,000 Chinese stu-

dents studying in the U.S. decided not to go back to their homeland. In 1992, another 50,000 Chinese students received asylum in the U.S. In total, the Chinese population of the U.S. doubled between 1980 and 1990, reaching 1,6 million; by the beginning of the 2000s, it reached 2,5 million.

Labor Migration and the “Brain Drain” from China and India

The increase in the number of immigrants from India was just as sharp. One peculiarity of this wave of Chinese and Indian immigrants is that a significant number of them are educated, highly qualified representatives of a younger generation, seeking the opportunity to use their talent and skills in the U.S.’ hi-tech economy.

According to research conducted by American scholars, between 1995 and 2005, Indian immigrants founded more tech and engineering companies than all immigrants who came from Great Britain, China, Taiwan, and Japan combined. The percentage of start-ups in Silicon Valley founded by Indian immigrants grew from 7% in 1999 to 15,5% in 2006. Indians occupy the leading positions in almost all American hi-tech companies.

The dot-com boom of the 1990s led to a wave of Chinese immigrants who were highly qualified in information technology. As with the first Chinese immigrants who came to California during the Gold Rush, they left China with a dream of achieving wealth and success in America. Many of them found their niche in Silicon Valley and made their dream come true. One of them was Jerry Yang, the founder of Yahoo! He was born on Taiwan in 1967 and came to the U.S. with his parents as a teenager. At the age of 26, when he was a graduate student at Stanford, he created the first Internet search engine, which laid the groundwork for one of the most successful Internet companies.

Indians, Chinese and representatives of other Asian nations dominated in the “brain drain;” at the beginning of the 21st century, they made up more than half of all highly qualified specialists immigrating to the U.S. Consequently, the face of labor migration from Asia to the U.S. has been gradually changing.

The end of the Cold War, the collapse of the Soviet Union and the socialist system, the fall of the Iron and Bamboo Curtains, opened a new chapter in the U.S. history of immigration. A new era has begun, with its problems and achievements, and with its peculiar challenges of multiculturalism.

Over the 400 years of its history, immigration to the U.S. has changed its make-up and character. American society’s attitude towards it has also changed: myths and stereotypes have arisen and been debunked. One thing has remained constant: The United States, beginning with colonial times, has attracted immigrants from every corner of the globe as a refuge from fear and persecution, poverty, and deprivation, as a country of freedom and democracy, where everyone can achieve their dream, find their place in society, earn wealth, and position, and enjoy religious freedom and cultural diversity.

This image of the “Promised Land” attracts and will continue to attract industrious, energetic, ambitious, and creative representatives of various ethnicities, cultures, and civilizations. It is the most important symbolic capital the United States has to offer, the country that has become home to a nation of nations, a unique blend of the experience, knowledge, and traditions of the world’s peoples, forged into a single but simultaneously multi-faceted community.

Further Reading

- American Immigration. An Encyclopedia of Political, Social, and Cultural Changes / Ed. by J. Ciment, J. Radzilowski. Vol. 1–4. New York, 2015.
- Daniels R.* American Immigration. A Student Companion. Oxford University Press, 2001.
- Immigration to the United States. 11 Books. New York, 2004.
- Loucky J., Armstrong J., Estrada L.J.* Immigration in America Today: An Encyclopedia. Greenwood Press, 2006.
- Nitoburg Eh.L.* Russians in the USA: History and Destinies, 1870–1970. Moscow, 2005. (In Russ.)
- Ten V.A.* U.S. Immigration Policy from the 17th to the 20th Centuries: A Short Historical Sketch. Moscow, 1998. (In Russ.)

Electronic Resources

See the videos at: <https://edu.amc.ru/courses>

Russian immigration history – Russian Heritage Museum [Electronic resource].
URL: http://russianheritagemuseum.com/en/history_of_Russian_immigration/
(accessed 18.02.2021).

America and the Holocaust | Facing History and Ourselves [Electronic resource].
URL: <https://www.facinghistory.org/defying-nazis/america-and-holocaust>
(accessed 18.02.2021).

The Bracero Program [Electronic resource]. URL: https://www.unco.edu/colorado-oral-history-migratory-labor-project/pdf/BraceroProgram_PowerPoint.pdf (accessed 18.02.2021).

The Braceros, An Oregon Experience [Electronic resource]. URL: <https://www.pbs.org/video/oregon-experience-the-braceros/> (accessed 18.02.2021).

German Jewish Refugees, 1933–1939 | The Holocaust Encyclopedia [Electronic resource]. URL: <https://encyclopedia.ushmm.org/content/en/article/refugees> (accessed 18.02.2021).

Russian immigration history – Russian Heritage Museum [Electronic resource]. URL: http://russianheritagemuseum.com/en/history_of_Russian_immigration/ (accessed 18.02.2021).

Vietnam “The Boat People Crisis” 1979 [Electronic resource]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=E_i_HkeqN5E (accessed 18.02.2021).

Lecture 3. What Does It Mean to Be or Become an American?

“Who are we?” is a question Americans always ask themselves. This is no accident: From its very beginning, the United States was a nation of nations, in a constant state of formation since waves of immigration were changing – and continue to change – the ethnic make-up of the population. In 1776, when the 13 colonies that had participated in the War of Independence became the United States of America, Thomas Paine, who had recently arrived from England and had become one of the ideologists of the American Revolution, wrote in his pamphlet “Common Sense”:

Europe, and not England, is the parent country of America. This new world hath been the asylum for the persecuted lovers of civil and religious liberty from every part of Europe¹⁴.

In 1782, Michel Guillaume Jean de Crèvecoeur talked about the same phenomenon in his “Letters from an American Farmer,” hiding behind a mask of a simple-hearted farmer from Pennsylvania, James St. John:

What then is the American, this new man? He is either an European, or the descendant of an European, hence that strange mixture of blood, which you will find in no other country. I could point out to you a family whose grandfather was an Englishman, whose wife was Dutch, whose son married a French woman, and whose present four sons have now four wives of different nations. He is an American, who leaving behind him all his ancient prejudices and manners, receives new ones from the new mode of life he has embraced, the new government he obeys, and the new rank he holds. He becomes an American by being received in the broad lap of our great Alma Mater. Here individuals of all nations are melted into a new race of men, whose labours and posterity will one day cause great changes in the world¹⁵.

¹⁴ *Paine Th. Common Sense // Paine Th. Rights of Man, Common Sense and Other Political Writings.* Oxford University Press, 1998. P. 22.

¹⁵ *Crèvecoeur J.H. St.J. Letters from an American Farmer.* New York, 2007. P. 54–55.

Crèvecoeur was certainly no farmer by birth. He grew up in an aristocratic family in Normandy and studied at a Jesuit college. After a quarrel with his father he went to England, and in 1755, left for Canada, where he took part in the French and Indian War. After the French were defeated, Crèvecoeur stayed in the colony of New York under the name James Hector St. John. He worked as a land surveyor and an itinerant salesman, traveled widely and often dealt with Native Americans in sparsely populated areas. In 1769, he married the daughter of a wealthy landowner, bought a piece of land, built a house, grew a garden, and became a farmer. In 1779, after the start of the War of Independence, Crèvecoeur decided to re-establish his family ties to France.

After many misfortunes, he finally made it to London, where he published “Letters from an American Farmer”. This brought him fame and the position of French Consul to the U.S. since in 1778 France was the first country to recognize the independence of the rebellious colonies, to spite England, its main rival in international affairs.

Upon his arrival in New York, Crèvecoeur discovered to his horror that during the war his house had been burned to the ground, his beloved wife had died, and relatives had taken custody of his children. Crèvecoeur tried to re-establish his American life, while fulfilling his obligations as Consul. He was unable to resume his American life, however, and left the country for good in 1790.

In “Letters from an American Farmer”, which was published in Germany, the Netherlands, and twice in France Crèvecoeur summed up the process of forming the ethnic composition of colonial society and emphasized that an American was a fusion of Europeans, a person of mixed heritage. This is how the future theory of the “melting pot” arose.

This concept would develop further and become one of the chief assimilationist theories linked to the formation of the American nation at the beginning of the 20th century. As with Crèvecoeur’s words, it would be geared to the understanding that Americans are representatives of various nations, which fuse into a new type of personality under new conditions.

Crèvecoeur laid the foundations for the myth of Americanization, talking about how immigrants from the Old World absolutely wanted to divorce themselves from their European past and travel the easy road to becoming an American, how they “fused” into one American community and attained freedom and wealth. By the beginning of the War of Independence the word “American” was not used for the indigenous inhabitants (known as the American Indians or Native Americans) but applied only to the European settlers and their descendants.

“Letters from an American Farmer” appeared at a time when the U.S. government was expanding the immigration policies begun in the colonial period. At that time Great Britain and the local colonial authorities were trying to encourage the arrival of white settlers as well as of dark-skinned slaves who were forcibly transported from the western coast of Africa and became involuntary immigrants.

An “Open Door” Immigration Policy

From 1776 to 1861, the United States had an “open door” immigration policy, encouraging immigration from Europe during the industrial revolution and continental expansion as a consequence of which new lands were acquired in the West and new states were formed. During the Constitutional Convention in Philadelphia in 1787, the Founding Fathers discussed the question of how to stimulate immigration, which was vitally necessary for the U.S. to colonize the Western territories and develop the economy. That same year The Northwest Ordinance (formally An Ordinance for the Government of the Territory of the United States, North-West of the River Ohio) was adopted and a federal fund of lands was created within the Northwest Territory beyond the Appalachian Mountains, where anyone could settle. From the beginning of the 19th century, special agents began working in Europe to recruit immigrants.

In 1790, the first immigration law was adopted. This was the Naturalization Act of 1790, according to which any “free White persons” who lived in the country for two years could become a U.S. citizen. Slaves and free black persons were not given this right. During the first half of the 19th century, the federal government’s interest in the problems of immigration was limited to the State Department beginning to count immigrants in 1820, and the tax authorities, later the Treasury, compiling statistics on immigration.

In the first years of the U.S. existence, however, immigration was a hot topic in party and political struggles. This was influenced by the radical events of the French Revolution, where the Jacobins kept the guillotine working at full speed, subjecting their political opponents to revolutionary terror. In 1795, the government of President George Washington increased the naturalization period from two to five years. Then in 1798, the Federalists initiated the “Alien and Sedition Acts”, and, at the same time, the naturalization period increased from five to fourteen years. This was during the presidency of John Adams, who was one of the originators of the Anglo-Saxon theory of the formation of the American nation. Since he was vice

president to George Washington, Adams was arguing that immigrants who did not adopt the values and political culture of the U.S. could always go back across the ocean.

The 1798 law caused a furious reaction from Republicans in Congress. In 1800, the Republican candidate for president, Thomas Jefferson, included a statement to defend the principles of free immigration in his election campaign. He asserted that immigration would benefit the American society by providing it with a mixed ethnic composition. The law was eventually repealed, and the five-year residency requirement for citizenship was restored.

Despite the “open door” policy, people in the U.S. engaged in heated discussions about immigration and who had the right to claim citizenship by birth. The first signs of nativist sentiment also appeared. In the broadest sense, nativism is a desire to limit the rights of immigrants, who could become a threat (in this case ideological) to the “American way of life”, the one formed by the settlers from Western Europe who had established the colonies and fought for their independence.

Nativism became an independent movement in the 1830s and 1840s due to two factors. First, by that time, Anglo-Saxon legal norms and Protestant morality were predominant, and a “real American” was considered to be a White Anglo-Saxon Protestant, or WASP. Second, a large number of Catholics were immigrating to the U.S. from Ireland and southern Germany. In 1830, the “Protestant” newspaper was established. It was geared toward anti-Catholic propaganda, and the “American Protestant Association”, founded in 1844, tried to have anti-Catholic prayers read during church services.

Among famous Nativists was the American inventor of the telegraph, Samuel F. B. Morse, who in 1835, wrote a book about a conspiracy by foreign Catholics against the United States. At the same time, Lyman Beecher, a prominent Presbyterian minister, warned that the expansion of immigrants into the Mississippi River valley would undermine the basis of republican rule.

In 1849, politically active Nativists in New York, which was the center of immigration at the time, established the Know-Nothing Party (also called the American party), which received powerful support from urban Protestant workers. The Know-Nothings started as a secret order, and in the first half of the 1850s, grew into a third national party, whose members answered all questions the same way: “I know nothing”. They voted for native-born Americans in all elections, tried to get the naturalization period extended to 21 years and fought against the Catholic Church. The Nativists even put up their

own candidate for president in 1856, Millard Fillmore, but they split over the question of slavery and fell apart.

The Nativist sentiment was at first quite strong within the Republican Party as well, which first declared itself in the presidential elections of 1856. For example, when Abraham Lincoln, the future U.S. president, ran for Senator from Illinois in 1858, the slogan of the local Republicans became the fight against two despotisms – Catholicism and slavery.

Despite of the rise of Nativism in the first half of the 19th century, it had no effect on either immigration laws or its scale. The time had not yet come for that. Between 1845 and 1860 alone, more than 4 million people immigrated to the U.S.; a lot of them were Catholics from Ireland and southern Germany. By 1850, there were 1,6 million Catholics in the U.S., which forced the government to lift the restrictions on hiring Catholics for government jobs (the last one was repealed in 1877).

Regulation of Immigration through Selective Limitations

In 1862, during the Civil War (1861–1865), a new period in the history of immigration policy began. It was called “regulation through selective limitations”. It would remain in force until 1917. This policy was supposed to limit the flow of “undesirable immigrants”, leaving the doors open for those who could become American most quickly.

The first among the “undesirable immigrants” were the Chinese, who were moving to California during the “Gold Rush” in large numbers. This, in turn, led to inter-ethnic tensions. The anti-Chinese pogroms broke out in California, and local political and civil activists, representatives of workers’ unions, clergymen, and journalists started speculating about “yellow peril”. In 1882, a law banning the entry of Chinese immigrants for 10 years (Chinese Exclusion Act, 1882) was adopted. This ban later became permanent and lasted until 1943, when Congress approved the Chinese Exclusion Repeal Act.

Beginning in 1875, all immigration issues were taken away from the states’ jurisdictions and transferred to the federal government. In 1891, the post of Superintendent of Immigration was created, and a corresponding service appeared inside the Treasury. In 1906, the Department of Commerce and Labor took over the control over immigration matters. These changes were caused by an unprecedented surge of immigrants, who at the time found it cheaper and easier to cross the ocean. In addition, the makeup of the immigration flow changed as

more people were coming from eastern and southern Europe. Unlike Western Europeans, the new immigrants were poor. They preferred to settle in the large cities on the East Coast and create ethnic neighborhoods, rather than spread out all over the country. During those decades, from 1890 to 1910, 12.5 million immigrants entered the U.S.

New restrictions were implemented to regulate this massive immigration flow. Entry was forbidden to criminals, contract workers, single young women (as, according to the officials, they might become prostitutes), and anarchists. This is what turned Ellis Island – where the new immigration station opened in 1892 – into the “island of tears,” since some potential immigrants (an average of 2–3%) had to say goodbye to their American Dream and return to their home countries. In 1903, the U.S. Congress approved the deportation of people who, after living in the U.S. for two years, were unable to support themselves and allegedly became a burden on the society.

The constant broadening and tightening of the restrictions was caused by the Nativists, who defended the Anglo-Saxon theory of the formation of the American nation. They became active in the U.S. at the end of the 19th century, and this time, they were able to exert a direct influence on immigration law. Why could they do so? It might have been because at the time, the American society was undergoing a tumultuous period of industrialization, urbanization, social and racial conflict, segregation, and political corruption. Some had become destitute while others had become rich. The owners of small enterprises were unable to compete with large corporations, farmers suffered from low prices on agricultural produce and land speculation in the West, crime was spreading in the cities, along with prostitution and infectious diseases. This was a difficult period of change and a re-examination of values. For the first time in the history of the United States, socialist parties arose, the workers’ union movement was formed, and liberals redesigned their platform to represent the concerns of the lower classes and representatives of “the left”. In such troubled times people always want a simple and clear answer to the question: “Who is to blame?” The Nativists were ready to give the obvious answer. The waves of “new immigrants”, so unlike the WASPs who had created the U.S. and formed the American nation, were the ones at fault. It was essential to save “real Americans” from the invasion of Italians, Greeks, Slavs, East European Jews, and Poles who could transform America into “a cesspool of Europe”.

The Nativist program was actively promoted by the Immigration Restriction League. It was formed in Boston in 1894 by a group of Harvard graduates. Among its members were lawyers Charles Warren and Prescott F. Hall, writer and first climate scientist Robert DeCourcy

Ward, historian and leader of the Republican Party Henry Cabot Lodge. The League saw as its goal the tightening of immigration law, part of which was the introduction of a literacy test for immigrants. Leaders of workers' organizations, social reformers, charity representatives, immigration officials, and prominent intellectuals also demanded further restrictions on immigration. Congressmen, especially the ones from the Republican Party expressed similar sentiments. The intellectual aristocracy of New England provided the ideological underpinnings of the movement, frightening American society with the threat of "racial suicide" as a result of mixing with immigrants; trade unions opposed the actions of the industrialists, who were trying to import cheap labor from other countries; ordinary Americans from the South and the Far West felt that they were living in a "mental" frontier, defending white Anglo-Saxon culture from outside attack.

Immigrants were blamed for a reduction in wages and deteriorating living standards among workers, and high unemployment rates. They were accused of a rise in crime, poverty, prostitution, infectious diseases, and a collapse of morals; they were blamed for overpopulation in cities, for tenements, for the decrease in educational levels in society, for not knowing how to live in freedom and democracy. In 1907, under the influence of Nativists, Congress created The United States Immigration Commission, headed by Vermont Senator William P. Dillingham. It completed its work in 1911 and concluded that the "new immigration" posed a threat to American society, its traditions and culture.

The "new immigrants" who came to America at the end of the 19th and early 20th centuries, unconsciously contributed to the cause. They were poor, uneducated, and lived in isolation from the rest of the society. In addition, they came from countries with undemocratic political regimes and some of them were proponents of radical ideas. For example, one of the leaders of the anarchists in the U.S. was Emma Goldman, who immigrated from the Russian Empire—Another example was Leon Frank Czolgosz, a son of Polish immigrants, who assassinated President William McKinley in 1901. This, however, did not make the "new immigrants" responsible for all the social and political problems that American society was experiencing.

In turn, the supporters of the "open door" immigration policy expressed their belief in its power to help immigrants assimilate and the unending mechanism of the "melting pot of everyday life" that transformed immigrants into Americans. Advocates of the "new immigration" emphasized the contribution the settlers had made to the country's economic prosperity on the pages of newspapers and in the halls of Congress. They reminded people that new blood would help the nation in its path to progressive development, and that the United

States, which did not, in fact, suffer from overpopulation or food shortages, was able to provide work and a crust of bread for anyone who wanted to come. In the 1890s, the “Immigrants’ Protective League” was formed.

The League set about destroying false ideas about immigrants: It asserted that the immigrants had nothing to do with the U.S. soaring unemployment, as they took the jobs that Americans did not want; Its representatives claimed that risks threatening the U.S. political traditions were coming not from allegedly illiterate immigrants but corrupt politicians, who were, in fact, educated. Furthermore, usually, it was the first-generation immigrants who had challenges assimilating; their children, however, had no problem fitting into American society. In fact, they received school education from an early age, went to church, read newspapers and magazines, and were exposed to American culture in a variety of other ways. The League also helped deconstruct the argument that the Italians, the Hungarians, Russian Jews, and other ethnicities were somehow inferior to Americans, pointing to their countless achievements both in the U.S. and abroad.

The critics of the Nativists and exclusionists reminded others that the nation had been formed as a result of European peoples and cultures blending together and forming a new, more advanced society. Therefore, “real Americans” were not white Anglo-Saxon protestants but people of mixed heritage, which made it possible for immigrants to contribute to the formation of national traditions through their integration into the American society. Thus, all they had to do was help the immigrants integrate. This was possible by creating community aid centers in poor neighborhoods, where immigrants could come to receive medical care, listen to lectures, and participate in various events. Modernizing of the overcrowded slums through opening new schools, with both day and evening schools, and unveiling social programs. Many American women from the upper-middle class took part in these programs to help residents of city tenements, most of whom were immigrants. Among them the most famous were Jane Addams – Saint Jane, as the immigrants called her – who created Hull House, the first social center in Chicago; and Lillian D. Wald, an American nurse who healed the hearts and souls of New York’s urban poor in the House on Henry Street.

The defense of the “new immigration” approached heavily relied on the “melting pot” theory, which contradicted the theory of Anglo-Conformity; with its idea that the white Anglo-Saxon Protestants were the “real Americans”. The term “melting pot” owes its origin to the title of a play by Israel Zangwill, a British Jewish journalist and playwright, who came to the U.S. to visit New York’s ethnic neigh-

borhoods, primarily the Jewish quarters. The protagonist of the play is a young immigrant from Russia (Zangwill himself was the son of emigrants from the Kingdom of Poland in the Russian Empire) who saw the ships with immigrants approaching New York and exclaimed:

America is God's Crucible, the great Melting Pot where all the races of Europe are melting and reforming! Germans and Frenchmen, Irishmen and Englishmen, Jews and Russians – into the Crucible with you all! God is making the American!¹⁶

“The Melting Pot” was produced at the Columbia Theater in Washington in 1908 and was a success in various U.S. cities. In 1914, it was staged in London. The play reflects the idea that, while the Greeks and the Slavs, as well as the Teutons and the Russians had their moments of greatness, the Americans are the greatest nation of them all as they encapsulate all the positive qualities.

However, in 1845, long before Zangwill's play, the prominent American writer and philosopher Ralph Waldo Emerson broadened the racial and ethnic component of the American “melting pot” to include Africans and Polynesians. But from the 1890s up until the 1920s, Anglo-Conformity remained the main model of ethnic development in the U.S. It, in turn, led to a period of restrictionism, or limitations on immigration (1917–1965).

An “Almost Closed-Door” Immigration Policy

Restrictionists were able to override President Woodrow Wilson's veto and get the Immigration Act of 1917 passed at the end of World War I. This law expanded the list of “undesirable immigrants” and introduced the “Asiatic Barred Zone”. As a result, entry to the U.S. was prohibited for people from Afghanistan, Arabia, the countries of South and Southeast Asia, in addition to the existing ban on Chinese immigrants. In addition, every person above the age of 16 was supposed to take a literacy test. where they had to read 30–40 words in their native language. This law was in effect until 1952.

During the First World War, there was a movement in the U.S. to “Americanize” immigrants through a program of English language, naturalization, introduction to American culture and the military draft. This was supposed to make immigrants reject their own tradi-

¹⁶ *Zangwill I. The Melting-Pot: Drama in Four Acts.* New York, 1916. P. 33.

tions and identity and completely assimilate into American society. President Woodrow Wilson, while speaking out against the literacy test, nevertheless preferred to have a “united nation” at his back, not a society made up of groups of various ethnicities. He was the one who introduced the term “Irish-Americans”. Wilson, who had Irish roots, tried to emphasize the difference between Irish Protestants, who had immigrated at the beginning of the 19th century and had managed to assimilate (like his own family, for example), and the poor Irish Catholic crowds that swept in during the 1840s and 1850s, and needed to be Americanized.

Immigrants were suspected of being unreliable. This applied primarily to German immigrants since Germany was fighting the Entente (England, France, Russia, and Italy). The U.S. supported the Entente both before and after it entered the war, in April 1917. In 1915, The National Americanization Committee was formed. It focused on implementing the so-called forced assimilation of immigrants. In addition to English language courses and citizenship, the Committee distributed immigrants among various fields of industry. At that time, to be 100% American meant to be Anglo-American.

Anti-immigrant sentiments were spread by the Ku Klux Klan, which was reborn in 1915 based on racism, anti-Semitism, and the glorification of white Anglo-Saxon Protestants as “real Americans”. The preacher William Simmons reconstructed the Ku Klux Klan in 1915, under the influence of the film “The Birth of a Nation”, by D.W. Griffith. It was no accident that he did this on Thanksgiving Day – a holiday that traced its origins back to the earliest history of the country, to the “Pilgrim fathers”, the first settlers from England. They were certainly white Anglo-Saxon Protestants, if anybody was. During World War I, 5 million people joined the KKK. Its activities declined only during the Great Depression (1929–1933).

As a result of the sentiments and activities mentioned above, in 1921 and 1924, the U.S. adopted immigration quotas. According to the first of these laws, the number of immigrants from any country allowed into the country each year could not exceed 3% of the number of people from that country living in the U.S. in 1910. As of the second law, the annual ethnic quota was reduced to 2% of those living in the country in 1890, and it confirmed the visa system that had been introduced during the War. By 1929, the quota system was fully implemented.

In the 1920s, the quota system – i.e. the establishment of numerical limits on people arriving from certain countries and regions – became one of the main principles of regulating immigration. There was a principle of immigration outside of the quotas for qualified spe-

cialists, as well as a system of preferences for family members. World War I, the quota system and the Great Depression, which began in 1929, radically reduced the number of immigrants.

At the same time, the Immigration Act of 1918 was adopted, as a reaction to the “Red Scare” of 1917–1920, which was caused by the Bolsheviks’ rise to power in Russia and the growth of anarchism in Europe and within the United States itself. This law was an add-on to the Anarchist Exclusion Act of 1903 and banned entry to immigrants “who disbelieve in or are opposed to all organized government.”¹⁷ It also provided for their deportation. That same year Woodrow Wilson signed the Sedition Act of 1918, which also called for the deportation of immigrants who insulted the U.S. government or the army. Many states banned red flags and adopted their own “Sedition Acts”, and agents of U.S. Attorney General A. Mitchell Palmer infiltrated radical organizations to expose plots against the American government and people. This was a continuation of the 1798 Alien and Sedition Acts under new conditions.

Nevertheless, despite the efforts of the Americanizers, it proved almost impossible for the immigrants to fully assimilate. By the end of the 1920s, the Anglo-Conformity theory of ethnic development had shown itself to be untenable, since it did not take into account the persistence of ethnic traditions and culture, and the rights of immigrants to make their own contribution to the formation of the American identity.

The “Americanizers” were harshly criticized by American scholars, writers and publicists at the time: philosopher Horace M. Kallen, for example, who was of Polish heritage; young writer and literary critic Randolph Bourne; philosopher and reformer John Dewey. They underscored the fact that the American nation was made up of Irish-American, Jewish-American, Italian-American and African-American. The typical, “real” American was hyphenated. This is how ethnic pluralism was born, yet American society had yet to get to that point. At the time, the “melting pot” theory of ethnic development was more prominent. Although the period between in 1917 and 1965 was known as the era of restrictive immigration policies Anglo-conformity had discredited itself during the Americanization crisis. Even though it enabled immigrants to adapt to American life by way of educational programs, it denied their contributions to U.S. cultural traditions and national characteristics which forged a new

¹⁷ American Immigration. An Encyclopedia of Political, Social, and Cultural Change / Ed. by J. Ciment, J. Radzilowski Vol. 4. London; New York, 2015. P. 924–925.

type of “nation of nations”. The “melting pot” theorists rejected both the dominance of white Anglo-Saxon Protestants and the right of immigrants to a hyphenated identity.

Frederick Turner, who at the beginning of the 20th century was a prominent historian, transposed the “melting pot” of the American nation to the frontier, i.e. the border of the white population, which was inexorably moving West during the exploration of the continent. In his opinion, immigrants were going through Americanization here, in the rough democracy of the border. On the other hand, Robert E. Park, a sociologist from the University of Chicago, openly discussed the “urban melting pot”, and it was representatives of the Chicago school of sociology who established the tradition of liberal assimilation.

In America, this meant a gradual merging of various nations into one whole. The leading role in assimilation processes was given to the educational system. At schools, students learned the foundations of American citizenship and political culture and got familiarized with U.S. historical and cultural traditions. That is what should unite people who had come from different countries and were not tied by a common history, blood, or faith. They did not have a common past, but they did have a common future – an American one. The second major mechanism of assimilation, according to the “melting pot” theorists, was mixed marriages. There were, however, varying attitudes toward inter-ethnic and, especially, inter-racial marriage. We should not forget that shortly before World War II, inter-racial marriage was prohibited in 31 states. The number of inter-ethnic marriages in the U.S. began to increase sharply after World War II, although inter-racial marriages remained a rare phenomenon.

In general, the “melting pot” was a fairly effective mechanism for integrating white Americans from various countries into American society. There were fewer and fewer ethnic organizations helping immigrants adapt in their first years, and the organizations themselves were changing. They helped immigrants retain their cultural autonomy while bringing them closer to American society at the same time. English started to crowd out national languages, which could be seen not only in the reduction of ethnic language publications by the end of the 1950s, but in the rejection of national languages during church services. The development of English-language communications contributed to the shift toward linguistic unity. The system of ethnic quotas, which held back the tide of immigration, made it possible for those who had arrived earlier to gradually and fairly successfully assimilate into American society.

African-Americans and Native Americans remained outside the melting pot, due to the policy of segregation that was in force until

the mid-1960s. The process of assimilation was weaker among Latin Americans and Asian immigrants due to their cultural differences.

World War II and the Cold War that followed had a major influence on immigration processes and policies.

On one hand, the quotas and restrictions remained in place, affirmed by the Immigration and Nationality Act of 1952. It ensured that the high British quota could not be used for residents of British colonies, by establishing yearly quotas for immigrants of each nationality and race. President Harry Truman vetoed the law, saying:

The idea behind this discriminatory policy was, to put it baldly, that Americans with English or Irish names were better people and better citizens than Americans with Italian or Greek or Polish names... Such a concept is utterly unworthy of our traditions and our ideals¹⁸.

The presidential veto was overcome, however.

In giving preference to highly qualified specialists and relatives of American citizens, as well as banning immigration of all members of Communist and socialist parties, the 1952 law established criteria for obtaining American citizenship that are still in force today: one must be at least 18 years of age; have a permanent address for at least five years before applying for citizenship; have at least six months legal residence in the state where the citizenship petition is filed; be of good moral character; be “attached to the principles of the Constitution, well disposed to the good order and happiness of the United States”; be able to read, write and speak English; have a basic knowledge and understanding of the history and form of government of the United States¹⁹.

On the other hand, there was further development of the concept of America as a refuge for the persecuted and dispossessed, as had been stated numerous times since George Washington:

The bosom of America is open to receive not only the Opulent and respected Stranger, but the oppressed and persecuted of all Nations and Religions; whom we shall welcome to a participation of all our rights and privileges...²⁰

¹⁸ Public Papers of the Presidents of the United States: Harry S. Truman (1952–1953). US Government Printing Office: Washington, 1966. P. 182.

¹⁹ *Ciment J., Radzilowski J.* Op. cit. P. 940–941.

²⁰ The Writings of George Washington. Vol. 27. Washington, 1938. P. 253–254.

A clear example of the adherence to this principle was the policy towards refugees fleeing political, religious, racial, or ethnic persecution, as well as wars and civil conflict. From the end of the 1940s to the beginning of the 1960s, a whole series of laws were adopted that allowed refugees entry to the U.S. outside the quota system: the “Displaced Persons Act” (1948); the “Refugee Relief Act” (1953); the “Migration and Refugee Assistance Act” (1962). They allowed one million refugees from various countries to find asylum in the U.S. These were just half-measures, however, and did not fundamentally change the discriminatory model of immigration law that existed until 1965.

A heated socio-political discussion preceded the radical modification of U.S. immigration policy. One of the most famous episodes was the 1958 publication of the book “A Nation of Immigrants”, written by a young senator from Massachusetts, John F. Kennedy. Addressing his fellow countrymen, he quoted President Franklin Delano Roosevelt:

Remember, remember always, that all of us, you and I especially, are descended from immigrants and revolutionists²¹.

The senator criticized the law and called for its radical revision. He argued that

...immigration policy should be generous; it should be fair; it should be flexible. With such a policy we can turn to the world, and to our own past, with clean hands and a clear conscience. Such a policy would be but a reaffirmation of old principles²².

After becoming president, Kennedy retained his devotion to the ideas he promoted in his book, and of which he himself was the embodiment: the descendant of Irish immigrants, the first Catholic president, supporting civil rights and proposing radical reform of the country’s immigration policies.

The work on the reform continued after the gunshot ended Kennedy’s life in 1963. Its basic principles were developed during his presidency and did not change. It was Kennedy who initiated the replacement of ethnic quotas with a system of preferences for qualified workers to benefit the U.S. economy, and a program of family reunification.

²¹ *Kennedy J.F.* A Nation of Immigrants. New York, 2017. P. 20.

²² *Ibid.* P. 98.

A New Era in U.S. Immigration Policy

The Immigration and Nationality Act of 1965 signaled the beginning of a new era not only in this history of immigration policy, but in the American concept of future national development.

The law revoked the existing quota system based on country of origin, and nationality ceased to be a basic criterion for admission to the U.S. The 1965 law set the general volume of immigration at 290,000 annually – around 40% of this number was reserved for the Western Hemisphere without being broken down by country; the rest was for the Eastern Hemisphere. In the case of the East, no country could have more than 20,000 visas²³. The system of preferences for family members of U.S. citizens was preserved, as well as immigration outside the quotas for persons with special skills and the right of entry for refugees.

On October 3, 1965, President Lyndon B. Johnson signed the new law in a solemn ceremony held at the base of the Statue of Liberty, which symbolized that the U.S. was returning to the source and traditions of its immigration policy. In 1978, Congress repealed the quotas by hemisphere, retaining the yearly limit of 290,000. The further development of immigration law raised the overall limits (in 1990, it reached 700,000), refugee quotas (50,000 in 1980), and preferences for highly skilled workers.

The 1965 law opened the way for an influx of immigrants from Asia, Africa, Oceania, Latin America, who earlier had been deprived of such a possibility. The flow of immigrants increased from 2,5 million in the 1950s to 4,5 million in the 1970s. Immigration from Europe decreased from 1,5 million to 800,000, while immigration from Asia rose from 130,000 to 1,5 million; from Latin America – from 900,000 to 2 million. This trend continued. In the 1980s, 7 million immigrants entered the country, in the 1990s – 10,6 million; from 2000–2010 – 13,9 million.

These new waves of immigrants were in no hurry to submerge themselves in the American “melting pot”; they preserved their ethnic and cultural identity, lived in ethnic or racial enclaves and spoke their national languages. The assimilation theories that seemed so incontrovertible in the 1920s and 1930s proved to be totally irrelevant and were replaced by the theory of ethnic pluralism.

The changes were tied to the massive civil rights movement in the U.S. in the 1960s. It was at that time that those who had remained

²³ *Ciment J., Radziłowski J.* Op. cit. P. 950–952.

outside the “melting pot” came to the forefront: African Americans and Native Americans. The struggle against all forms of discrimination, including discrimination against immigrants, was accompanied by criticism of the assimilation theory, whether Anglo-Conformity or the “melting pot”.

As a counterweight to these rejected theories, activists proposed a new interpretation of “E Pluribus Unum”, the motto engraved on the U.S. seal. It was now explained as the harmonious coexistence of various ethnicities, cultures, and traditions in one society, based on equality, mutual respect and enrichment. A dual identification was now seen as a virtue rather than a shortcoming, and hyphenated Americanism became the norm.

The metaphor for ethnic pluralism became “the salad bowl”, where each ingredient retains its own flavor, but together they form one dish with one dressing. The “salad dressing” here is national policy based on the recognition and defense of equal rights and opportunities for each and every American regardless of ethnic origin, skin color, religion, or culture. The author of this metaphor was Shirley Chisholm, the first African-American woman to become a member of Congress, an equal rights activist who campaigned against all forms of discrimination, and campaigned as a Democratic presidential candidate in 1972.

One problem that remained unresolved was illegal immigration. Estimates of the number of illegal immigrants in the country range from 3 to 12 million. After many years of debate, the Immigration Reform and Control Act was adopted in 1986. It introduced sanctions ranging from administrative fines to criminal penalties for hiring illegal immigrants or anyone without an official permission to work in the U.S. and required employers to verify the documents of anyone applying for a job. There was one section of the law that outlined the process for legalization of immigrants who came to the U.S. before December 31, 1981. Those who had not committed a crime and were willing to pay a fine and take a test on the English language and U.S. history could be given temporary resident status.

After two years of steady employment, if they paid their taxes and did not break the law, they could become permanent residents and apply for citizenship²⁴. As a result of this law, three million immigrants legalized their status, of whom 70% were Mexicans, 68% were male, and 59% were under 30. The principle of family reunification allowed relatives of those who had obtained legal status to come to the country, which tripled the number of immigrants. The 1986 law introduced am-

²⁴ *Ciment J., Radziłowski J. Op. cit. P. 978–981.*

nesty for illegal immigrants. It has been used many times since, but it has not been able to solve the problem of illegal immigration.

According to data from the Immigration and Naturalization Service, by October 1996, there were more than 5 million illegal immigrants in the U.S., and their number was increasing by 275,000 a year. A significant proportion had crossed into the U.S. from Mexico illegally and were living in the border states. This data demonstrated the ineffectiveness of the measures to counter illegal immigration. In 1996, the Illegal Immigration Reform and Immigrants Responsibility Act was adopted, which provided measures against illegal entry into the U.S.: strengthening control at the borders and ports of entry, harsher criminal penalties for those who smuggled immigrants into the country and provided false documents, longer prison sentences for these infractions, a streamlining of deportation procedures (without a court hearing and without right of appeal).

The law made it much more difficult to receive refugee status and broadened the criteria for denial of entry to the U.S. Penalties for overstaying visa periods were also increased, and anyone who was deported was banned from entering the U.S. for 10 years²⁵. Nevertheless, despite the overall tightening of immigration policy, there was no return to restrictionism. The measures that were adopted were not directed at any one particular ethnic or social group, and the scale of immigration did not diminish.

President Bill Clinton, who signed the bill, made it clear that the law was not designed to prohibit immigration:

More than any other nation on Earth, America has constantly drawn strength and spirit from wave after wave of immigrants. In each generation, they have proved to be the most restless, the most adventurous, the most innovative, the most industrious of people. Bearing different memories, honoring different heritages, they have strengthened our economy, enriched our culture, renewed our promise of freedom and opportunity for all...²⁶

At the end of the 20th century, a multi-cultural society became a reality in the U.S. Those who advocate ethnic pluralism insist that it is advantageous for the U.S. when racial and ethnic groups retain their traditions, religion, and language since it reinforces the country's image as the world leader of freedom and democracy.

²⁵ Ibid. P. 1019–1023.

²⁶ Public Papers of the President of the United States: W.J. Clinton. Vol. 1. Washington, 1998. P. 956.

The American nation throughout its history has constantly been in the process of transformation. Every new wave of immigration has contributed to its ethnic composition and culture. The modern cultural mosaic is gradually turning the U.S. into a nation of minorities, in which no single group or culture will dominate. This process does not change America's chief characteristic, which the great American poet Walt Whitman described in 1855: "*Here is not merely a nation but a teeming Nation of nations*"²⁷.

Further Reading

- Alba R., Nee V.* Remaking the American Mainstream. Assimilation and Contemporary Immigration. Cambridge, 2003.
- Chertina Z.S.* The Melting Pot: Paradigms of U.S. Ethnic Development. Moscow, 2000. (In Russ.)
- Crèvecoeur J.H. St. J.* Letters from an American Farmer. New York, 2007.
- Handlin O.* The Uprooted. Little, Brown & Company, 1973.
- Higham J.* Strangers in the Land. Patterns of American Nativism, 1860–1925. New Brunswick, 2002.
- Kennedy J.F.* A Nation of Immigrants. New York, 2008.
- LeMay M.* Illegal Immigration: A Reference Handbook. New York, 2007.
- Nikolskaya G.K.* U.S. National Immigration Policy. Moscow, 2015. (In Russ.)
- Orchowski M.S.* The Law that Changed the Face of America: The Immigration and Nationality Act of 1965. Rowman & Littlefield, 2015.
- Ten V.A.* The U.S. Immigration Policy in the 17th–20th Centuries: A Short Historical Sketch. Moscow, 1998. (In Russ.)
- Zangwill I.* The Melting Pot. New York, 1916.

Electronic Resources

See the videos at: <https://edu.amc.ru/courses>

John F. Kennedy ADL Address, "We Are A Nation of Immigrants" [Electronic resource]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=ewk_9wQVVz4 (accessed 18.02.2021).

Tom Gjelten, "A Nation of Nations: A Great American Immigration Story" [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=y7CSE9vxGKU> (accessed 18.02.2021).

We Are a Nation of Nations [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=hTFCI9h4CkU> (accessed 18.02.2021).

²⁷ Walt Whitman's Leaves of Grass: The First (1855) Edition. Penguin Books, 2005. P. 5.

Lecture 4. The American Dream and Reality: Immigrants in the U.S.

Throughout its history, the U.S. has been seen by immigrants as a country of open horizons, where they can realize their plans, have a richer, fuller life than the one they had in their old homeland; where they will not be persecuted for their religious or political convictions, and they and their children can have a secure future. The immigrants who constantly arrived on U.S. shores reinforced Americans' conviction in their own exceptionalism: for them, America was the place where everyone wanted to live. This conviction has been shored up by many centuries of history, reinforcing the belief that since the number of immigrants does not seem to decrease, then America must be the best place on Earth.

The reality has been quite a bit more mundane, at times disappointing. At certain periods, the numbers of those forced to return home has increased, either because potential immigrants did not meet the requirements of the U.S. immigration law, or because they could not adapt to the new surroundings, or perhaps did not even try to do so being too busy earning one's living. The overwhelming majority of immigrants did stay, however, and were able to build their lives in unfamiliar circumstances as their numbers continue to grow.

The adaptation of the various waves of immigrants to conditions in the U.S. has been affected by U.S. immigration policy and by society's attitudes towards immigrants, as well as by the initial motivation of the immigrants themselves. This has been discussed in previous lectures. Now we will look at how immigrants were able to get settled in their new home, how the mass migration of various ethnic groups led to the formation of a diaspora, how these immigrants integrated into American society, and how they contributed to the socio-cultural development of the United States of America.

The "Old" European Immigration

Beginning with the colonial period, there was a constant influx of settlers from Western Europe, which continued to grow after the War of Independence (1775–1783), reaching its peak by

the mid-19th century. In 1803, the U.S. bought the Louisiana Territory from France. This was a vast piece of land that included the western part of the Mississippi River from its source to its mouth, and it opened up new lands for settlement. The Industrial Revolution was picking up speed in the Northeast, accompanied by the construction of railroads and canals. Americans began to settle the Ohio River Valley – the New West. The country needed workers, and Europe – overcrowded, undergoing a demographic boom as well as socio-economic crises, wars, and revolutions – was pushing people out as the U.S. was gratefully taking them in. The development of the transatlantic sea route made ocean travel cheaper and easier, which contributed to a rise in the number of passengers, and the discovery of gold in California was an additional argument in favor of immigration.

This was the “old” European immigration, among which the most numerous ethnic groups were Irish, German, English, and Scandinavians. By the beginning of the new wave of immigration in the 1880s, these early settlers had integrated into American society fairly successfully, although the anti-Irish sentiment remained throughout the following decades, which was reflected not only in political caricatures, but in the fight against the spread of Catholicism, primarily in the Mid-Western states. The English, who together with the Scots and the Welsh made up the third-largest group (after the Irish and the Germans), shared the values of the dominant Anglo-American culture. Among these immigrants were people of various professions: from farmers, skilled workers, tradesmen, technicians, and engineers to store owners, bankers, and clergymen. All of them were looking for work, good wages, and opportunities to use their talents. Both rich and poor Englishmen, Scots, and Welsh found it pretty easy to integrate into the familiar surroundings and were almost entirely assimilated. Other ethnic groups, however, had a harder time transforming themselves into Americans, retaining a hyphenated identity Irish-Americans, German-Americans, Swedish-Americans.

As soon as new settlers stepped onto American soil, they turned from being emigrants to immigrants. Those who arrived in New York in the first half of the 19th century, came into various harbors in Lower Manhattan, the East River, or the Hudson River. In response to the growing wave of immigration, the Castle Garden immigration station was opened in 1855. On the shore, the emigrants, exhausted by their long trip, were greeted by friends and relatives, as well as representatives of various ethnic immigration associations. They helped the newcomers find temporary housing and gave advice on looking for work. Germans began creating such associations in the 18th century, the Irish – at the beginning of the 19th. One had to be watch out for

all sorts of agents in the port who wanted to profit from the new immigrants' lack of experience by selling them train and steamship tickets at three times the normal price. There were also employment agents who recruited construction workers for railroads and canals, transporting them to the work site, where they no longer had any choice.

The majority of the immigrants did not stay in New York or other ports of entry, but traveled to the West, where land was available, railroads were being built, and cities were rising like mushrooms after a warm spring rain. This was aided by the opening of New York's Erie Canal in 1825, built by English, Irish and German immigrants, and linking the Great Lakes to the Atlantic Ocean through the Hudson River. Thanks to this, cities such as Cleveland, Chicago, Detroit and Milwaukee became centers for settlers from Western Europe.

Immigrants also entered the country through Philadelphia (Germans, Scots, Irish), Baltimore (Germans), and Boston (English, Irish). These cities were building transportation systems going further inside the city limits, although they could not compete with New York as the main immigration hub of the United States. In the 1840s and 1850s, the Germans and the Irish were actively entering the U.S. through New Orleans, Louisiana, to travel along the Mississippi River to the Ohio River Valley and settle in cities like Cincinnati (Ohio), St. Louis (Missouri), Louisville (Kentucky), and Pittsburgh (Pennsylvania), contributing to the creation and prosperity of these places. After the railroads connecting the East Coast with the Mississippi River Valley were built in the 1850s, New Orleans lost its significance as a gateway for European immigrants.

The largest ethnic group in the "old" European immigration were *the Irish*. The immigration from Ireland reached its peak in the 19th century, when more than 4 million people arrived, fleeing famine, shortages of land, high taxes, and the oppression of British landlords. By the beginning of the 1830s, Catholics predominated in this flow (before this, including the colonial period, it was mainly Protestants from Northern Ireland). Up until the mid-1840s, immigrants were mostly representatives from middle class who could pay for their trips by themselves. After the famine hit Ireland in 1845, the Irish poor constituted the majority of immigrants coming to the U.S. These Catholic peasants barely had money to go to the large cities of the East Coast, settle there in ethnic neighborhoods, and get a job in road and canal construction after they arrived.

The Irish became one of the most prominent ethnic minorities thanks to their enchanting music culture. Even the stereotype of the Irish is linked to music – a man dancing a jig, with a bottle of whiskey or a beer mug in his hand and a clay pipe in his mouth. Irish immigrants

literally sang the story of their lives in Ireland and their forced flight to America in the face of British persecution, poverty and famine, and their dreams of a free Ireland, where they would one day return. Read the words to the ballad “Thousands Are Sailing to America”, and it will become clear what we are talking about. Emotional and melodic Irish songs and ballads quickly became Irish-American music, gaining popularity in the U.S. They performed them in the city streets and sold the lyrics for a penny throughout the country.

The Irish came with a dream of America. But once they came, they had to face a harsh reality. The Nativists considered the Irish immigrants an alien element in the Anglo-American Protestant culture and organized anti-Irish riots in New York and Philadelphia. The Irish faced discrimination in the labor market as reflected in the ballad “No Irish Need Apply”. They had 12–14 hours a day of back-breaking work (80% of the Irish immigrants were unskilled workers). Nevertheless, they had more freedom than in their homeland, and they could earn real money.

In the U.S., Irish peasants became urban dwellers. After the construction of railroads and canals was finished, they settled in new cities in the West. The majority of the low-income immigrants, however, were concentrated in Irish ethnic neighborhoods (“Little Irelands”) in New York, Boston, Philadelphia and Chicago. At that time, one out of every 12 Irish immigrants lived in New York and soon the Irish made up 28% of its population. “Little Irelands” were located on the banks of the East River and the Hudson River in Lower Manhattan. These were city slums, where, starting in the 1850s, four-story tenements were built, notorious for their lack of space, poor hygiene, tiny windowless rooms, and dark, foul-smelling stairways. This was the first refuge on American soil for tens of thousands of poor immigrants from Europe in this wave and the one that followed.

The Irish quarter lived its own life. There were places to pray to Catholic saints, and places to eat simple Irish food. In taverns and saloons men could drink beer and whiskey, get news from home, talk to their friends, find a new job and discuss politics. They could also gamble, fight, and cause a ruckus. Many Irish politicians began their lives in the U.S. as tavern owners. In Little Ireland, there was always music, which helped its dwellers overcome homesickness and preserve their identity. Prize fighting was the favorite sport: It’s no accident that Irish-Americans dominated American boxing both before and after World War I. The names John L. Sullivan, Paddy Ryan, James Corbett, Jack Dempsey, and Gene Tunney are eloquent testimony to this fact.

Even after settling in the U.S., the Irish continued to dream of a free Ireland, and were ready to support this fight. Irish nationalism

was strong in this community, but it now had to compete with American patriotism.

The Germans were the second largest ethnic group among the “old” European immigration. In the 1880s, there were 1,9 million Germans in the U.S. German immigrants were divided by religion: Protestants (Calvinists and Lutherans) from northern Germany and Catholics from the South, – by geographical origin, and by social status. They were mainly prosperous farmers, urban middle class, and skilled workers. These immigrants had the means to begin their new lives, working the land or opening their own businesses in cities. After the revolution of 1848–1849, there was a significant intellectual component to German immigration. Lawyers and professors, journalists and scholars fled the reactionary forces, and actively participated in U.S. political life.

German immigrants made an important contribution to the settlement of the West, buying land or temporarily hiring themselves out to their fellow Germans in order to buy land in the future. They established successful, high-yielding farms, and German communities in growing states such as Ohio, Indiana, Illinois, Wisconsin, and Missouri, along the transportation lines; after the Civil War (1861–1865) they migrated to the Great Plains, following the railroads and establishing communities within cities and suburbs in the Far West. Middle-class German immigrants, among whom were a significant percentage of Jews, preferred to settle in the Western cities, where they opened their jewelry stores, shoe or clothing factories, and trade offices. Single women worked as housekeepers in the houses of prosperous German immigrants.

German immigrants also settled in cities on the Atlantic seaboard; Baltimore, which served as port of entry primarily for Germans, became the country’s most “German city”. In New York “Little Germany” was located east of the Bowery in Lower Manhattan. Here there were mostly those seeking work in factories and on the docks. Poor German immigrants also worked on construction of roads and canals.

Germans were interested in politics, and dozens of newspapers in German helped them to stay up-to-date. They liked to create ethnic organizations and participate in their activities. Beer taverns and beer gardens were another important part of immigrant social life. On Sundays families came to dance, listen to music, and talk. They did not discuss politics only drank beer and had a good time. The presence of women and children at such beer fests shocked Americans, but their reactions did not change the Germans’ habits.

Among *the Scandinavians*, who lagged far behind Irish and Germans in number and did not begin actively immigrating until the

mid-1850s, farmers predominated. A large proportion of Swedish immigrants went to the Midwest and Upper Midwest, which was open for settlement in the years leading up to the Civil War. The Norwegians established communities in Illinois, Wisconsin, and Minnesota, while the Danes went to the territory of what would become the state of Utah, attracted by American Mormon missionaries, who had made Denmark the first target of their missionary activity. In Wisconsin, Minnesota, Iowa, and Dakota, there were many Scandinavian cities and towns. Protestant churches (Lutheran and Calvinist) used to be the centers of cultural and political life.

The process of assimilation for European immigrants was gradual and varied. It was more rapid in cities and towns, slower in rural areas. Ethnic social organizations and charities, churches, cultural institutions, and political clubs were not just a means of holding on to the old ethnic identity, but a way of finding a new one, especially when immigrants did not speak English. Studying the language at courses for adults, or in schools for immigrant children, allowed the newcomers to integrate into American life. The most important mechanism for this was participation in elections once the immigrants had attained citizenship, as well as otherwise taking part in politics on the local and national levels, and celebrating Independence Day on the Fourth of July.

The Civil War was a difficult time for the “new” Americans. It divided them the same way it did the “old-timers”, and there were ethnic regiments in the armies of both the North and the South, although the majority of immigrants fought alongside American soldiers on the Union side. In general, there were 500,000 immigrants in the Union Army, which was one-quarter of its forces, and among ethnic generals the Germans were predominant. In the Southern Army, foreigners made up 5–10% of the soldiers. The widest regional divide was among Irish immigrants. Those in both armies distinguished themselves by their heroism; they immortalized their exploits in ballads and compared the war to Ireland’s fight for independence. This was true of the valiant “New York’s Fighting 69th” regiment, which fought for the North, or Louisiana’s “Irish Tigers”, who fought for the South. The favorite marching song of the South, “The Bonnie Blue Flag”, was written by an Irish entertainer, Harry McCarthy, using a well-known Irish melody.

The Civil War contributed to the final formation of the American nation and the integration of the immigrants who had suffered through the division and reunion as part of a single national community. In the post-war period, the second generation of immigrants faced a new reality, when former ethnic divisions were dissolving. In 1870, there were

5,5 million who had been born outside of the U.S. Immigrants made up 14,4% of the population, and their communities were most prominent in Chicago (48,4%), New York (44,5%), San Francisco (49,3%), and Buffalo (39,5%). In the new Western states, the percentage of immigrants among the population was between 35% and 50%.

Representatives of the “old” European immigration achieved real success in politics. During the Civil War period, the Irish were already playing a significant role in the political life of large cities, and were being elected to the state legislatures. After the war this process became even more widespread. In 1886, Irishman Hugh O’Brien became the first Catholic mayor of Boston. Many mayors of Irish extraction followed him, among whom was John Fitzgerald, grandfather of the future president of the U.S., John Fitzgerald Kennedy. JFK’s other grandfather, Patrick Kennedy, was elected to the House of Representatives and the Senate of the Massachusetts legislature. Beginning in 1895, Chicago had two Irish mayors in a row: Michael Kenna and John Coughlin. The Germans were successful in national politics. For example, Carl Schurz, who came to the U.S. after the Revolutions of 1848–1849 were suppressed in Germany, became a prominent figure in Abraham Lincoln’s Republican Party.

Gradually, elements of ethnic cultures were integrated into the dominant Anglo-American Protestant culture. Thanks to the mass immigration of Catholics from Ireland and Southern Germany, Catholicism spread throughout America, and the New York archdiocese was created. At the end of the 1850s, the construction of the New York’s gothic St. Patrick’s Cathedral.

German immigrants gave Americans the joy of the Christmas season, while the Irish taught them to celebrate St. Patrick’s Day, in honor of Ireland’s patron saint, who brought Christianity to this formerly pagan land. This holiday is celebrated with parades, banquets and church services, with New York, Boston, Philadelphia, Chicago, and Atlanta – cities with the largest Irish populations – arranging particularly lavish festivities. Americans themselves are quite happy to dress all in green on March 17 and stop by an Irish pub to toast the Saint’s health with a good glass of beer. The Irish gave Americans a taste for beautiful ballads, and also made a real contribution to sport – not only boxing, but baseball, America’s beloved national sport. Charles Comiskey, the famous baseball player, founder and owner of the Chicago White Sox, was born in a family of Irish immigrants. German and Scandinavian settlers contributed to the creation and development of bread-making, and the emergence of all sorts of pastries in American cities. Americans learned to love German beer, which edged out English ale, and they bought meat, hamburger and sausages from

German butchers. German “frankfurters”, which were sold by street vendors, were the antecedents of American “hot dogs”. The ketchup to put on them came from a representative of second-generation German immigrants, Henry John Heinz.

Settlers from Western Europe, representatives of the waves of “Teutonic” immigrants and their children, became Americans by integrating into American society and contributing elements of their own cultures, whether it be music, religion, sports or food.

The “New” European Immigration

At the end of the 19th century, the “new immigrants” began arriving in the U.S. from Eastern and Southern Europe, and soon outnumbered their Western European predecessors. The largest ethnic groups among them were Italians, Slavs, and Eastern European Jews, followed by Greeks, Poles, Hungarians, and Romanians. They all had to contend with the growth of anti-immigrant sentiments in American society since they did not fit into the concept of white Anglo-Saxon Protestantism. The majority of the “new immigrants” came in through New York, where a new immigration station on Ellis Island opened in 1892; other common ports of entry were Boston, Baltimore, San Francisco, and New Orleans.

These immigrants were mostly poor and unskilled and ended up working in factories and mines, as well as on all types of construction projects, from building cities and digging subway tunnels to laying railroads out West and building bridges. They were mostly men aged 18 to 45, with a significant number of “birds of passage” (immigrants who came to the U.S. for a short time, to make some money and go home) among them. For example, from 1908 to 1923, 89% of Bulgarian immigrants returned to Europe, 69% of Serbs and Montenegrins, 69% of Romanians and Hungarians, 60% of southern Italians and more than 50% of Greeks. This is why the role of ethnic “bosses” (as with the Italians) or “padrone” (as with the Greeks) was so important. Already established in the U.S., and speaking fluent English, they helped the newcomers find housing in the overcrowded ethnic neighborhoods and assisted them in finding jobs. These temporary immigrants earned money through back-breaking, unskilled labor.

The majority of the “new” immigrants, however, remained in the U.S. They wanted to live near their own kind, swelling the ranks of the poor residents of city slums in New York, Chicago, Baltimore, and Boston. Poles from the Russian Empire and Austria-Hungary fled political and religious oppression and socio-economic discrimi-

nation and established numerous communities in Buffalo, where by 1900, there were 70,000 Polish immigrants; Chicago, which was called “the American Warsaw”; and in industrial centers such as Pittsburgh, Cleveland, and Toledo.

New York became the immigrant Babylon. The largest ethnic neighborhoods of “new” European immigrants were here – “Little Italy”, “Jewtown”, and “Little Greece”. In this sense they followed the path set by Irish immigrants, who were their neighbors in Lower Manhattan, often quarreling with them or even getting into street fights. They lived in the same kind of tenements, had a hardscrabble existence, got sick and worked long hours in sweatshops, where they were paid, not by the hour, but by the piece. Nevertheless, they continued to hope for a better life, if not for themselves, then for their children.

“Little Italy”

From 1880 to 1920, more than 4 million Italian immigrants entered the U.S., more than any other ethnic group. Waves of poor, illiterate people from Southern Italy crossed the ocean, among whom 40% were “birds of passage”. They brought their labor and took the money they earned in the U.S. back home. There was no question of integration into American society. Italian immigrant “bosses”, working illegally, recruited agents among those who were going home, so they would in turn recruit new immigrants. The “boss” paid for their passage, helped them find housing and work, and kept a percentage of their wages. This is how Italians came to be associated with the rise in crime in the U.S.

Another reason for this was the fact that, along with immigration from Sicily, an Italian-American criminal group was formed in New York, called the “mafia”, analogous to the Sicilian organization. Mafia groups sprang up in other U.S. cities as well, where Italian immigrants resided, and the mafia organization expanded beyond the borders of “Little Italy” and soon became international. Its heyday came in the 1920s, during Prohibition, when mafia groups divided American cities into spheres of influence. That was when Al Capone’s star began to rise. He was a Chicago gangster from an Italian immigrant family that came to the U.S. in 1894. He was involved in gambling, bootlegging, and prostitution business. He gave some of his money to charity during the Great Depression (1929–1933), which helped open soup kitchens for the unemployed. Disagreements among various mafia groups led to full-scale “gangster wars”.

In spite of the high percentage of “birds of passage”, the majority of Italian immigrants came not just to work, but to live. The largest

Italian neighborhood was in New York, on the Lower East Side, near Mulberry Street, where, on the cusp of the 20th century, the Italians lived side by side with the Irish and the East European Jews. The 1920 census showed that 85% of Italian immigrants were concentrated in cities of the Northeast, and the majority – 700,000 – were in New York. The residents of “Little Italy” spoke Italian and solemnly adhered to their traditions, organizing pizza and pasta feasts. Italian families loved to visit theaters and puppet shows. Sunday Mass drew crowds of Italian Catholics, and Christmas and Easter were celebrated with special flair, as were the holidays on the calendar of saints. Italian immigrants gradually settled into their new homes, and either brought their large, noisy families over to America or started new ones. They worked hard and saved their money. The parents tried to keep to the traditions, while the children, who went to American schools and spoke English, were drawn to the new American world. This often led to conflict between the two.

When circumstances permitted, Italian immigrants moved to the more prosperous neighborhoods in New York, Boston, and Chicago, or they went to coal-mining cities in the Midwest, where wages were higher. Italian fishermen established communities in San Francisco and Galveston, and many farming communities of Italians sprang up in California and began making wine.

Italian immigrants, just like the representatives of the previous waves of immigration, at first accepted American culture only partially, forming a hyphenated identity. They established various ethnic aid organizations on the local and national levels, created social clubs and sports teams, took part in union movements and learned to advocate for their interests. Furthermore, they actively participated in U.S. politics. In 1886, Francis Spinola became the first Italian-American elected to the U.S. Congress. In the pre-war years, a few Italian immigrants were elected mayors and governors. After World War I, Fiorello La Guardia, scion of an Italian immigrant family, became mayor of New York, becoming renowned for his fight against the mafia and his efforts to establish social programs for poor urban families. Italian immigrants contributed to the development of American society, making it multi-cultural. Amadeo Giannini, born in 1870 in an Italian immigrant family in California, opened the Banca d'Italia in San Francisco in 1904. Later, it merged with the smaller Bank of America, which is presently a top bank in the country. Stars of American stage and screen also came from Italian immigrant communities – Rudolph Valentino, Jimmy Durante, Frank Sinatra.

Thanks to mass Italian immigration, all sorts of pasta and pizza appeared in U.S. stores and on American menus. First Italian pizze-

ria was opened in New York in 1905. Italians also brought parmesan, ricotta and mozzarella kinds of cheese, as well as salami and special types of ham. The Italian immigration brought many skilled barbers to America (the majority of hairdressers before World War I were Italian), as well as tailors. From Northern Italy came stonemasons, whose work was in high demand, for example, in New England. In 1887, an Italian boy named Amedeo Obici an Italian immigrant based in Pennsylvania, established his own chocolate-nut company, allowing Americans to buy packaged roasted peanuts. He was the one who dreamed up one of the most successful images in American advertising – Mr. Peanut – which became the symbol of the company. You can still come across this image on nuts packages in U.S. stores.

At the end of the 19th – beginning of the 20th centuries, many *Slavic immigrants* from the Russian Empire came to the U.S. (in 1913, Russians, Belorussians, and Ukrainians made up 13% of the population), as well as from Austria-Hungary and the Ottoman Empire. At the beginning of the 20th century, several thousand Russian and Ukrainian peasant Shtundists emigrated to the U.S., where they settled in the western part of North Dakota. Soon Russian farmers appeared in South Dakota, Nebraska, New Jersey, Kansas, California, Oregon, and other states. Gradually they got settled, learned the American farming system, bought agricultural machinery, and some even bought land.

The largest group of emigrants from the Russian Empire, however, were not Russians, but Jews.

“Jewtown”

Eastern European Jews – Russians, Poles, Galicians, Romanians, Lithuanians – were another large ethnic group that defined the face of the “new” European immigration. Between 1881 and 1914, the Jewish population of the U.S. rose from 250,000 to 3 million. Among Jewish immigrants, the largest group came from the Russian Empire, fleeing pogroms and discrimination, poor socio-economic conditions and the Pale of Settlement, as well as the overall uncertainty about their future. Unlike other ethnic groups, there was a very small percentage of re-immigrants among the Jewish immigrants (5%). They came to the U.S. to become Americans.

Jewish immigrants from Eastern Europe debunked the stereotype common in American society of Jews as part of the prosperous urban middle-class, previously formed by German Jews. They were mostly poor and Orthodox people who came from small villages and

towns. Representatives of the “old” Jewish communities in the U.S., who helped the newcomers through aid organizations, sounded the alarm. They were afraid that this massive influx of noisy, poor Jewish immigrants could raise the “Jewish question” on American soil. These fears were not unfounded since by that time, anti-Semitism had become an important component of anti-immigration sentiment in the U.S.

As a result of the mass resettlement of Eastern European Jews, by 1913, New York had the world’s largest Jewish population – 1,6 million. New York’s “Jewtown” welcomed its newcomers with a buzz of voices and signs in Yiddish, stores selling Kosher foods, street vendors, and a lot of synagogues. Jewish neighborhoods, fairly closed but not isolated from the outside world, also grew in Philadelphia, Chicago, Baltimore, Boston, Detroit, and Cleveland. Eastern European Jews had a difficult life in the U.S.; they worked hard, putting away every cent to buy tickets for their relatives, pay for their daughters’ weddings, send their sons to school, or in order to afford their own education. They dreamed of opening their own business. Many of the inhabitants of these Jewish quarters attained their goal and managed to climb the social ladder.

Among the most common professions in Jewish neighborhoods, in addition to tailors and street peddlers, were watchmakers, clerks, laundry workers, cigarette merchants, hatmakers, painters, plumbers, and tinsmiths. The healthy and strong went to work in factories, creating the large Jewish working class. These immigrants, many of whom began as strike-breakers, went on to take part in strikes and protests themselves, they joined unions and became supporters of socialist philosophy. In the evenings, the residents of the Jewish quarter went to evening classes, where one could find 14-year-olds sitting side by side with grey-haired Jewish patriarchs, studiously repeating English words after a hard day in a sweatshop.

The Jewish quarter had a fairly intense intellectual rhythm. Yiddish was the common language and was used widely on the street and at home; various literary genres grew using Yiddish, it was the language of instruction in Jewish schools. Newspapers in Yiddish reported on the important events in American life and on the problems of the Jewish community, there were Jewish theaters and concert halls, there were public libraries sponsored by wealthy Russian Jews. Small cafés were a particular form of intellectual life: People played chess and discussed everything under the sun, from the burning issues in the Jewish quarter to questions of philosophy, literature, art, and the fate of Judaism. Synagogues also remained centers of social life.

The Jewish immigration was not homogenous in its social make-up. The immigrant community had its middle class and the economic elite, formed by wealthy immigrants and thanks to a high degree of social mobility. In New York, they lived in Brooklyn or the Bronx, gradually squeezing the American Jews who had come from Germany out of municipal government, monopolizing the clothing industry, as well as the sale of cigars and cigarettes. Many of them significantly elevated their social status from the poorest classes, while others got a head start as they brought some money with them. Now, anyone can see countless signs on the buildings of Jewish businesses, theaters, and banks and appreciate their success while walking down Broadway. The Eastern European Jews embraced the mass consumer culture and accepted the values of the American middle class. They gave America Hollywood and such composers as George Gershwin and Irving Berlin, who occupied a unique place in U.S. musical culture and became inseparable from it.

World War I brought serious difficulties not only to the “new”, but also to the “old” European immigrants. The Irish, the Italians and the Jews went off to fight in Europe, once the U.S. entered the war in 1917 on the side of the Entente, fighting against Germany, Austria-Hungary, and the Ottoman Empire. Some immigrants went back (e.g. 70,000 Italians) to fight for their homeland with a gun in their hands. They contributed to sustaining the arguments of the “Americanizers”. During World War I, everything German was banned in the U.S.: works by Beethoven and Bach were not performed, the German language was not taught in schools, the names of German towns and merchandise were changed, and statues of German national heroes were taken down. Newspapers in German were closed, and the ones that remained began publishing in English.

It was dangerous to be German in the U.S. at that time since German immigrants were seen as internal enemies, a target of persecution and accusations of espionage and sabotage on behalf of Germany. The Japanese would meet an even worse fate during World War II.

Asian Immigration to the U.S.

The Japanese were one of the ethnic groups representing Asian immigration. Asians started coming to the U.S. in the mid-19th century, at the height of the California gold rush, when the Chinese migration movement began. They were fleeing hunger, poverty, civil war, and government policies. They came to the U.S. searching for work and in the hopes of making some money and then going home to their

families and loved ones. The majority of Chinese immigrants, however, found a new homeland in America, although not always hospitable to the overly exotic newcomers.

“Chinatown”

By 1854, around 25,000 Chinese had come to California, drawn by rumors that it was a place to make a quick fortune by mining for gold. Some of them settled in San Francisco, where they all lived together in one neighborhood. They were too different from the rest of the city residents in a quite a few respects: their clothing (wooden sandals, wide-brimmed hats, blue cotton blouses, loose trousers), hair-styles (shaven foreheads and long braids on the men), their way of life and customs. Most of them did not speak English, so it was easier for them to live with their fellow countrymen. This part of town came to be called “Little China”, or “Little Canton”, or the Chinese quarter. Later, it became known as “Chinatown”, a term used all over the world, needing no translation.

The Chinese who lived there, found their niche very quickly, serving the city’s residents as well as the gold miners. Chinese grocery stores sold typically Chinese goods which quickly gained popularity with the residents of San Francisco: tea, beef jerky, fish, poultry, and fresh vegetables. Merchants imported porcelain and silk from China. Chinese fishermen supplied the population with fresh fish caught in the Bay. As the Chinese population grew, Chinese restaurants began to open, which prepared traditional food, helping immigrants deal with being so far away from home. Rumors of the exotic dishes available in Chinatown spread quickly throughout the city, whetting curiosity and appetites. Chinese restaurants became popular, and gradually transformed from small basement establishments primarily for hungry gold miners to luxurious establishments serving a wealthy clientele.

Chinese immigrants adapted their dishes to American tastes. This is how chop suey, a very popular and well-known dish in America, was invented. According to legend it owes its origins to the gold rush era. A group of drunk gold miners, having heard of the wonders of Chinese cooking, came to one of the restaurants after closing and demanded supper. The owner, not want to risk angering these dangerous customers, asked the cook to come up with something from the leftover ingredients. The cook took some meat and vegetables, sautéed them in a thick sweet-and-sour sauce and served the dish. It was a success, and when asked what it was called, the owner said, “chop suey”,

which in Chinese means “odds and ends”. Customers began asking for chop suey in all of San Francisco’s restaurants.

Laundries were another area where Chinese immigrants were active. At that time, washing and ironing were considered women’s work. There was no one to do it the gold miners’ camps, where there were mostly men. The enterprising Chinese, who did not have these prejudices, began opening laundries, which turned out to be quite a lucrative business. By 1900, every fourth Chinese person in California worked in a laundry. In China, there were no public laundries at the time. The most common leisure activities among Chinese immigrants after a long working day were gambling and national music.

Chinese associations played an important role in the life of Chinatown. They were created by successful Chinese merchants and helped the newly arrived to find housing and work, also providing medical assistance and loans, even organizing funerals. One of the association’s activities involved supporting traditions and national culture among the immigrants. Shrines to Chinese deities were built in Chinatown, and the celebration of Chinese New Year became a colorful ceremony that drew in the entire community. Chinese national theater was very popular, putting on weekly performances that could last several hours. In 1900, the first American newspaper in Chinese was published.

The six most influential associations in San Francisco joined to form the Chinese Consolidated Benevolent Association, which practically ran Chinatown. They resolved disputes, regulated conflict, defended their members, and maintained order in the Chinese community. When new immigrants arrived in port, they were met by representatives of the Association and brought to Chinatown, where they were in familiar surroundings. One Chinese immigrant described his first impressions of life in the United States:

Our people were all in their native costume, with queues down their backs, and they kept their stores just as they would do in China, with the entire street front open and groceries and vegetables overflowing on the sidewalks²⁸.

Another type of Chinese immigrant organization was the Brotherhoods, known as Tong. Those who did not want to accept the Association’s control joined the Tong, which were tied to criminal activity – smuggling, selling drugs, running opium dens, and prostitution. Organized on the principle of the Chinese triads, they quickly spread

²⁸ Cit. on: *Teitelbaum M. Op. cit. P. 31.*

through the Chinese communities in many U.S. cities, forming another branch of ethnic criminal activity along with the Italian mafia. By the 1880s, there were more than 3,000 Brotherhoods, which fought among themselves for control of lucrative businesses. The Brotherhood's bloody wars shook San Francisco right up until the terrible earthquake of 1906, which killed 3,000 people. When a significant portion of the city was destroyed, including Chinatown, the Brotherhood's members moved from San Francisco to Chicago, New York, Seattle, Portland, and Los Angeles. As a result, New York became the center of Chinese criminal groups, where gangster wars in Chinatown were especially fierce, and continued until 1924.

California's Gold Rush did not last long, and, when it was over, Chinese workers were in demand in San Francisco businesses (cigar, textile, and shoe factories), as well as on the construction of the transcontinental railroad. They were valued for their extreme endurance and high efficiency, as well as their willingness to work for low pay and modest, undemanding attitude. The governor of California, Leland Stanford, described the contribution of 12,000 Chinese workers to the making of the transcontinental railroad:

Without them [the Chinese] it would be impossible to complete the Western portion of this great national enterprise²⁹.

By 1880, there were more than 100,000 Chinese immigrants in the U.S. Most of them concentrated along the Pacific coast. Their arrival coincided with economic crisis and unemployment, making them the ideal scapegoat for public dissatisfaction. For example, they were often accused of taking jobs from Americans. In California, anti-Chinese riots with the "The Chinese must go!" slogan soon began. The Workingman's Party of California took an especially active role, demanding that the Chinese be chased out of the country. Because of these events, some Chinese immigrants had to move to Chicago, Boston, and New York.

The concerns of California's residents were shared by Americans in other parts of the country, who were upset by this influx of representatives of a non-Anglo-Saxon culture. The California Senate adopted the "Address to the People of the United States upon the Evils of Chinese Immigration", in which they asserted that the Chinese were not capable of assimilation, and that their very presence in the country threatened Christian values. This signal was heard at the highest levels. In 1879, President Rutherford Hayes announced:

²⁹ Cit. on: *Ibid.* P. 37.

“The present Chinese invasion... [is] pernicious and should be discouraged”³⁰.

As a result, the Chinese Exclusion Act prohibiting Chinese immigration to the U.S. was adopted in 1882. Only teachers, students, merchants, and diplomats were allowed entry. For the first time in history, U.S. immigration law targeted a specific ethnic group. The law remained in force until 1943 and was repealed when the U.S. and China became allies during World War II.

Japanese Immigration to the U.S.

The Japanese started immigrating to America after the Chinese, transiting through the Hawaiian Islands. The first wave of Japanese immigration came at the beginning of the 20th century, when more than 40,000 people entered the country. They settled fairly quickly in their new home; some went to work in factories and on construction projects, while others became farmers. The Japanese created a positive impression as they were industrious, unassuming, and willing to work more for less money. They were extremely successful in agriculture. By 1919, Japanese farms in California were producing more than \$67 million worth of agricultural produce a year (\$700 million in today's prices). Using experience gained over centuries, the Japanese achieved a high yield even on unfertile land. For example, in the semi-arid, sandy soil of Florin, California, they began to grow grapes and strawberries, which they planted between the grape vines. As a result, during the first decades of the 20th century, Japanese farmers became the leading producers of this type of crop, and Florin became known as the “strawberry capital” of America.

George Shima was one of the most successful Japanese immigrants from that period. His real name was Kinji Usima, and he was born in 1863 in Japan, coming to America in 1889 with just a few dollars in his pocket. Finding work on a farm in northern California, he worked hard, saved his money, and was able to buy his own farm. At the beginning of the 1890s, he became the first person to grow potatoes in California, and by 1910, he controlled 20,000 acres, becoming the state's “potato king”. When he died in 1926, Shima was among California's richest people. There were many such success stories.

The qualities that allowed the Japanese to become one of the most successful immigrant groups provoked a negative reaction among

³⁰ Cit. on: *Williams L.F. The Constraint of Race: Legacies of White Skin Privilege in America.* Pennsylvania State University Press, 2003. P. 71.

American workers, who could not compete with them in the labor market. In the Western states, anti-Japanese sentiment began to spread; there were anti-Japanese riots in San Francisco, and the main demand of the participants was an end to Japanese immigration. History repeated itself. This time, the Japanese were labeled as internal “aliens”, just like the Chinese had been before. Unlike China, however, Japan was an important U.S. partner in the Far East. Therefore, the question was resolved through negotiations between the two countries, and in 1907, the “Gentlemen’s Agreement” was signed, which stopped Japanese immigration to the U.S. Those who were already in the U.S., however, were allowed to bring over their parents, wives, and children.

This agreement helped to solve the problem of the almost total absence of women in the Japanese community. According to the 1900 census, there were 24,326 Japanese in the U.S., out of whom only 410 were women. The situation began to change after 1907. By 1920, the ratio of men to women among American Japanese was two to one. Some of the new arrivals were wives coming to join their husbands. Most of them, however, were “picture brides”, i.e., women coming to the U.S. in the hopes of finding wedded bliss and wealth with a man they had seen only in photographs. Not all of these dreams came true. In all, between 1910 and 1920, around 19,000 of these brides came to the U.S. They met their future husbands for the first time on Angel Island, where an immigration station opened in 1910 to serve as the gateway for immigrants on the West Coast.

Another problem that the first generation of Japanese immigrants (Issei) had to contend with was the fact they were barred from receiving U.S. citizenship. In 1922, Takao Ozawa, a Japanese immigrant, tried to fight this in court. As a result of the hearings, the U.S. Supreme Court ruled that the Constitution gave the right of American citizenship only to “free white persons” and “those of African descent”. Japanese were neither, so they did not have that right, unlike their children (Nisei), who were born in the United States.

Japanese neighborhoods were formed only in Californian cities; Japanese immigration was concentrated in this state. These areas became centers of Japanese business activity, which exceeded all expectations. According to the U.S. Immigration Commission, by 1909, there were 97 laundries, 365 stores, 187 hairdressers, 337 hotels, and 381 restaurants in Japanese neighborhoods. Just as in Chinatown, there were associations (*kenjinkai*) to help the newcomers acclimate, and to perform the functions of self-government. The largest Japanese neighborhood, called “Little Tokyo”, was in Los Angeles. By 1941, there were more than 30,000 people living there.

The growth of the Japanese community was cut short in 1924, by a law prohibiting immigration from Asia. After Japan attacked Pearl Harbor and the U.S. entered World War II in December 1941, Japanese were seen as internal enemies. President Franklin Delano Roosevelt issued an Executive Order on February 19, 1942, authorizing that all Japanese residents be interned in camps located in seven states, usually in remote desert locations. Around 120,000 persons were interned in total, out of which two-thirds were American citizens. Even so, many Japanese Americans fought in the U.S. armed forces, for example, military pilot Ben Kuroki, or Daniel Inouye, who later became the first Japanese-American senator. It was not until 1983 that the Commission on Wartime Relocation and Internment of Civilians acknowledged that the internment was illegal, dictated not by military necessity but by racism. In 1988, President Ronald Reagan signed an order authorizing compensation in the amount of \$20,000 for all Japanese Americans who were held under guard during the war.

Asian immigrations also included Filipinos, Koreans (mostly after the Korean War – 1950–1953), Vietnamese (after the war in Vietnam), shaping the U.S. cultural mosaic in unique ways and contributing to the formation of modern American society.

Immigrants from various corners of the globe not only came to the land of their dreams, they created it, overcoming obstacles and using the new opportunities the country presented. James Truslow Adams, an American writer and historian, the son of immigrants from Venezuela, wrote in 1931:

The American dream, that has lured tens of millions of all nations to our shores in the past century, has not been a dream of merely material plenty, though that has doubtlessly counted heavily. It has been much more than that. It has been a dream of being able to grow to fullest development as man and woman, unhampered by the barriers which had slowly been erected in the older civilizations, unrepressed by social orders which had developed for the benefit of classes rather than for the simple human being of any and every class³¹.

The history of the U.S. as the history of its immigrants is based on this combination of dreams and possibilities.

³¹ *Adams J.T.* The Epic of America. Boston, 1931. P. 374–375.

Further Reading

- Alba R., Nee V.* Remaking the American Mainstream. Assimilation and Contemporary Immigration. Cambridge, 2003.
- American Immigration. An Encyclopedia of Political, Social, and Cultural Changes / Ed. by J. Ciment, J. Radzilowski Vol. 1–4. New York, 2015.
- Avakian M.* Atlas of Asian-American History. New York, 2002.
- Bergquist J.M.* Immigrant America: 1820–1870. Westport, Connecticut, 2008.
- Greene V.* A Singing Ambivalence. American Immigrants between Old World and New: 1830–1930. The Kent State University Press, 2004.
- Immigration to the United States. 11 Books. New York, 2004.
- Riis J.* How the Other Half Lives. New York, 1890.

Electronic Resources

See the videos at: <https://edu.amc.ru/courses>

- Chinatown: Immigrants in America [Electronic resource]. URL: https://www.snagfilms.com/films/title/chinatown_immigrants_in_america (accessed 18.02.2021).
- Chinatown guarded as rival Tongs hold annual convention in New York [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=e9p2bTUH1Q8> (accessed 18.02.2021).
- Chinese Identity in America-Chinatown Documentary [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=jtGVDOoUaRs> (accessed 18.02.2021).
- Japanese Picture Brides [Electronic resource]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=Djl3-HkyQ_U (accessed 18.02.2021).
- Little Italy Mott Street Historical Exploration – Then and Now [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=zqTKOPLol0U> (accessed 18.02.2021).
- Little Italy – New York [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=6MZyJlJZBrU> (accessed 18.02.2021).
- Little Tokyo [Electronic resource]. URL: <https://vimeo.com/177600197> (accessed 18.02.2021).
- Trenton Jewish Project – First Look [Electronic resource]. URL: <https://vimeo.com/33300676> (accessed 18.02.2021).

Lecture 5. Immigrants' Contribution to U.S. Development – A Story of Individual Destinies

The contribution of immigrants can be seen in every aspect of our national life. We see it in religion, in politics, in business, in the arts, in education, even in athletics and in entertainment. There is no part of our nation that has not been touched by our immigrant background³².

These are the words of John F. Kennedy, 35th president of the United States, in his book “A Nation of Immigrants”. Kennedy was the first Catholic president; his ancestors had come from Ireland.

It is true: No matter which aspect of U.S. life we examine, individual and collective contributions of immigrants stand out vividly. Immigrants represented various nationalities and all kinds of backgrounds. They came at various times and not all of them were greeted cordially. The stories of these individuals' personal success and achievements make up the success story of the American nation as a whole. Their labors and talents helped America grow, develop, and flourish, opening new horizons for the next wave of immigrants.

Let us take a look at this mosaic of fates, which formed and continues to form the face of the American nation, by turning to the experience of the first generation of immigrants, i.e., those who were not born in the U.S., but came either on their own or with their families.

How Immigrants Made Politics and Renewed Society

Throughout the U.S. history, immigrants began to take part in elections once they received citizenship. They also ran for office, on the local or federal level; this was one of the most important mechanisms for integration into the society of the “old timers”. Those who reached the heights of the U.S. political Olympus confirmed two national myths simultaneously: first, that America was the land of opportunity for anyone who, for reasons beyond their control, were unable to make it in their old homeland, and second, the “log cabin” myth, i.e.,

³² *Kennedy J.F.* Op. cit. P. 69.

that any American could become president or vice-president, or attain other high positions, if he had the talent and skills.

Let us begin with the Revolutionary period, when the United States of America was born. This did not happen by an act of God or a sovereign's mercy, but through a rebellion against Great Britain's tyranny. It was *Thomas Paine* (1737–1809), born in England to a poor tradesman, who provided the foundation for the rebellious colonists to leave their Alma Mater. Paine was a self-made man who had a variety of professions throughout his life. At a certain point, he was introduced to Benjamin Franklin, and in 1774, he arrived in North America with Franklin's letter of introduction in his pocket. After becoming the editor of the *Pennsylvania Magazine* and an associate of John Adams and Benjamin Rush, Paine joined the radical wing of the patriot movement.

In January 1776, when the War of Independence was already underway, but the illusion that the colonies could reconcile with England still remained, Paine published an anonymous pamphlet titled "Common Sense," which was distributed in 500,000 copies. The English immigrant was able to convince the rebels that only the creation of an independent republic, where the people would be the supreme judges, could guarantee freedom. These ideas had a direct influence on the content of the Declaration of Independence, which was adopted at the Second Continental Congress on July 4, 1776. Throughout the entire War of Independence, Paine continued his moral support of the soldiers of the Continental Army with his essays published in "The American Crisis", discussing the human significance of the American struggle for freedom.

After the American Revolution, Paine went to Europe and joined the French Revolution, which began in 1789. In his pamphlet "Rights of Man", Paine defended the principles of republican government, this time in France, for which he was awarded a position of respect among the Girondists. After their fall, however, he was stripped of French citizenship and jailed as an English spy. He spent a year in prison and was released on the request of the American envoy. Paine returned to the United States in 1802 but soon came under persecution for writing "The Age of Reason" which was later labeled "the atheist bible" and for his criticism of George Washington's presidency as insufficiently democratic. Up until his death, Paine remained true to his ideals, which brought him neither glory nor money, yet immortalized him in the pantheon of those who created the history of the United States of America. Americans realized, perhaps a bit too late, that no other immigrant had a more powerful influence on the creation of the U.S. as an independent republic than Thomas Paine.

The Early National period of the U.S. history started in 1789 after the Constitution had been ratified and George Washington had been inaugurated as president. At that time, the U.S. government and foreign policy institutions started to form, the outlines of the political party system took shape, the industrial revolution gained speed, the mass settlement of the West started, and liberalism transformed from being merely a theory into political and economic practice. Among the contributors to the U.S. political and economic life at the time was the Swiss immigrant *Albert Gallatin* (1761–1849), who had a direct policy influence in the U.S. for sixty years. His beliefs centered around the ideas of Enlightenment and the principles of Calvinist faith.

Gallatin was born in a wealthy aristocratic family in Geneva. He joined the Continental Army in 1780. Beginning in 1782, he taught French at Harvard College, then moved West, to lands that later became part of Pennsylvania. It was there that Gallatin began his political career supporting the Jeffersonian Republicans who demanded expanding democratic principles. From 1795 to 1801, when the Hamilton Federalists were in power, he became part of the republican faction in the U.S. House of Representatives, and when the republicans won, he became Secretary of the Treasury.

From 1801 to 1814, Gallatin was in the thick of American financial-economic life where he tried to reconcile arguments made by Jefferson and Hamilton. He disagreed with Jefferson on the advantages of developing the country as an agrarian state, but stood with him in his faith in the people and his distrust toward expanding executive power; he supported Hamilton in the creation of a centralized financial system and the priorities of trade and industrial development, but he did not approve of his desire to elevate the presidency. Gallatin made an important contribution to the intense debates over the choice of path for national development that were happening in the country at that time.

In 1814, he came to Europe to take part in peace negotiations to end the War of 1812 between the U.S. and Great Britain (1812–1814), where he also helped to draft the Treaty of Ghent. Thus began Gallatin's diplomatic career. During the period when the foreign policy course of the country was being developed, he occupied key posts as envoy to Paris (1816–1823) and London (1826–1827). After his retirement, Gallatin began to write about the indigenous peoples of North America – known as “Indians” – and earned a place in history as “the father of American ethnology”. He founded the American Ethnological Society at a time when the Native Americans were being resettled on a large scale, and reservations were being created. His last publication in 1846 was a public protest against the war with Mexico and the annexation of Texas.

Continental expansion and the inclusion of new states in the USA constantly exacerbated the question of slavery. It moved to the forefront in the 1850s; in 1856 the Republican Party was formed, which included moderate and radical members of the anti-slavery movement, but advocated not the prompt abolition of slavery but the “free soil” program – demanding that slavery be prohibited in the new territories. Abraham Lincoln won the presidential election in 1860 as a candidate of the Republican Party. Mobilizing the voices of immigrants, which contributed to Lincoln’s election, was the work of a German immigrant, *Carl Schurz* (1829–1906). He was born in Prussia, studied at the University of Bonn, and took part in the revolution of 1848–1849 in Germany on the side of the republicans. After the uprising was suppressed, he fled to Switzerland, and in 1852, moved to the U.S., and settled in Philadelphia. He then made his way to Wisconsin, where he blended into the large German immigrant society. His wife opened the first kindergarten in the country, thereby introducing Americans to a German phenomenon.

Schurz supported the newly created Republican Party, and as leader of the Wisconsin delegation he helped nominate Lincoln for president at the party’s convention in 1860. After Lincoln’s victory Schurz was named envoy to Spain, but he returned to the U.S. in 1862 after the outbreak of the Civil War (1861–1865). He took part in key battles with the Confederates as a Major General in the Union Army. In 1865, Schurz started his career in journalism, while serving as a senator from the state of Missouri. He spoke out against corruption in the Republican administration of Ulysses S. Grant, and assisted in the creation of the first Civil Service Commission. From 1877 to 1881, as Secretary of the Interior, he introduced a system of qualifying exams, adopted measures designed to stop corruption in the Bureau of Indian Affairs, and contributed to the overall liberalization of U.S. policy toward Native Americans. He also proposed a program for forest conservation, anticipating the actions of President Theodore Roosevelt in this sphere, and was instrumental in the creation of the U.S. Geological Survey.

After his retirement, Schurz returned to journalism and became deeply involved in literary activity, which did not keep him from taking a prominent position in public affairs. He spoke out against the Spanish-American War and U.S. colonial policies and campaigned for a major reform in the civil service.

Carl Schurz’s reform efforts were a part of a bigger movement for progressive reforms that seized American society on the cusp of the 20th century. These reforms were designed to combat corruption in the government, fight monopolies, introduce a fair tax system, broaden

the principles of direct democracy, and harmonize social interaction, when tensions were increasing between the rich and the poor, between immigrants and “old timers”. The press, which had transformed into the “Fourth Estate” in the U.S. and was in its heyday after a revolution in journalism in the late 19th century, was at the forefront of this movement. Journalists uncovered serious problems within American society and published exposés of corrupt politicians and “captains of industry”, for which Theodore Roosevelt dubbed them “muckrakers”.

Among the progressive journalists of the day, Danish immigrant *Jacob Riis* (1849–1914) occupied a special place. No one contributed more to the study and improvement of the lives of the poor in city slums, among whom immigrants predominated. He was born in Denmark in a poor family with many children. In 1870, after receiving his training in carpentry, he immigrated to the U.S. For three years, he traveled around the eastern part of the country, taking odd jobs, sometimes going hungry and unable to pay for a roof over his head. Later, he decided to try his luck as a reporter, and started sending out articles to New York newspapers. His colorful, realistic pieces gained him a job as a police reporter for the *New York Tribune* (1887–1888) and the *New York Evening Sun* (1888–1889), which allowed him to find his vocation. Riis’ office was on Mulberry Street, on New York’s Lower East Side, in the heart of the ethnic immigrant neighborhoods, and his talent as a reporter made him an excellent investigative journalist and a pioneer of photojournalism.

For two decades, Riis was writing articles and books while also giving lectures to representatives of the American middle class. He argued that life in city slums contradicted the ideas of progress, prosperity, and justice. He took photographs using a “flash gun”, to show the horrible conditions of the overcrowded slums in “Little Italy”, “Little Ireland”, and “Jewtown”. His first book, published in 1890, was called “How the Other Half Lives”, and made him famous across the country. This book was followed by other illustrated works.

Riis also became friends with Theodore Roosevelt, the future president of the U.S., who in the 1890s, was New York police commissioner, and from 1899–1900 was the state governor. Roosevelt offered Riis various positions, but he declined, preferring his pen and his camera in the fight to improve the lives of the “other half” of society, the communities that needed his help. His work motivated the decision to renovate city slums. Soon, old tenements were torn down and replaced by new buildings with a better design, and parks, playgrounds, and schools were opened. Riis received citizenship in 1895, although he maintained ties to his old homeland throughout his life. He remembered his Danish roots, which did not stop him from being thought

of as an “ideal American”. In 1914, the year Riis died, the U.S. press wrote that he was “the finest immigrant that we have ever known”.

World War I (1914–1918) was an important milestone in the life of Americans, and a prologue to the “American Century”. The U.S. would emerge from the war as a creditor-nation and the industrial leader of the world; in the 1920s, it would enter a period of prosperity which, however, would be destroyed in an instant by the Great Depression (1929–1933). One hero of those years was *Felix Frankfurter* (1882–1965), born in Vienna to a Jewish family that immigrated to New York when Felix was 12. After graduating from City College of New York, he entered Harvard Law School and became one of its best graduates. Frankfurter’s brilliant legal career began in 1906, when he became assistant to the U.S. Attorney for the Southern District of New York, Henry L. Stimson, who would soon become the Secretary of War and take Frankfurter to work with him.

Frankfurter was an active supporter of Theodore Roosevelt, who created the Progressive Party out of the reformist wing the Republicans, and who ran for president of the U.S. In 1912, Roosevelt lost the election to Democrat Woodrow Wilson, and Frankfurter, bitterly disappointed, immersed himself in teaching at Harvard University. In 1917, when the U.S. entered World War I, he became special legal assistant to Secretary of War Newton D. Baker. While studying the workers’ strikes that were threatening war production, Frankfurter grew sympathetic toward the socialists who were advocating to satisfy the workers’ demands and was branded a radical. After the war, he remained true to his socialist leanings, and in 1920, he was among those who called for a re-examination of the unfair death sentence given to two Italian immigrants, anarchists Nicola Sacco and Bartolomeo Vanzetti, which became a symbol of disregard of the law and abuse of power. All of this separated Frankfurter from his Harvard colleagues and made him a target for persecution during the Red Scare of 1917–1920. J. Edgar Hoover, future director of the Federal Bureau of Investigation, called him “the most dangerous man in the United States”, and a “disseminator of Bolshevik propaganda”.

Felix Frankfurter’s star began to rise during Franklin Delano Roosevelt’s “New Deal”, and in 1933, he became a presidential advisor. On Frankfurter’s recommendation, the president brought a group of brilliant young lawyers into the administration, which contributed to productivity. They became known as “Felix’s Happy Hot Dogs”. In 1938, Roosevelt nominated his friend and associate to be a Supreme Court Justice, a post that Frankfurter held until 1962, becoming the most famous proponent of judicial restraint in the activity of the Supreme Court as an organ of Constitutional oversight.

After World War II, the U.S. entered the Cold War period and became a superpower with global responsibility. First-generation immigrants made an important contribution to the formation of foreign policy principles and strategies amid confrontation with the USSR and the socialist camp. The following segment of the lecture is going to focus on two of the most well-known individuals: Henry Kissinger and Zbigniew Brzezinski.

Henry Alfred Kissinger was born in the Bavarian city of Fürth in 1923; in a religious Jewish family, which fled Nazi persecution in 1938 and moved to the U.S. He worked in a factory while studying at the City College of New York, and in 1943 had to drop out of college to go to the Army amid the raging war. Kissinger received his citizenship that year and was soon transferred to military intelligence, where he conducted important and dangerous operations.

After the war, he graduated Harvard University *summa cum laude*, and, while still a student, organized the Harvard International Seminar in 1951 to bring young leaders from all over the world together in the fight against communism. Kissinger was the head of the Seminar for 20 years. In 1958, when the Center for International Affairs was created at Harvard, he became an assistant to the director and played an important role in establishing contacts between the academic and political worlds in the U.S. By the end of the 1960s, Kissinger was considered one of the most highly respected world experts in the field of international security. By that time, he had published several books on international relations in the spirit of *realpolitik* and had worked as a consultant at the National Security Council, State Department and U.S. think tanks.

Kissinger's political career was a continuation of his research activities. From 1969 to 1975, he was national security advisor, first to President Richard Nixon, then, after Nixon's resignation in August, 1974, to President Gerald Ford. From 1973 to 1977, he was U.S. Secretary of State. During that period, Kissinger played a major role in foreign policy. He was the key negotiator in talks to end the war in Vietnam, for which he received the Nobel Peace Prize, conducted "shuttle diplomacy" in the negotiations between Israel and the Arab countries, enabled the re-establishment of diplomatic relations between the U.S. and the People's Republic of China. As the ideological architect of *détente*, he played an active role in the U.S.-Soviet arms control and disarmament talks.

After his retirement, he became one of the Republican Party's most prominent foreign policy experts, and one of the most active proponents of a tough political course vis à vis the Soviet Union. At the end of the 20th century, when materials from the Nixon and

Ford administrations were declassified, Kissinger came under criticism from both the left (the liberals and the pacifists) and the Cold War “hawks”. He gradually developed a more pragmatic position towards post-Soviet Russia. He argued that the U.S. could not change Russia, and since the latter remained a great nuclear power with powerful geopolitical positions, it was necessary to cooperate where it was possible.

The Democratic Party also had its renowned foreign policy expert – *Zbigniew Brzezinski*, a professor, a well-known political scientist, and one of the leading national security analysts during the Cold War period. He was born in Warsaw in the family of a prominent diplomat, who was appointed Consul to Montreal in 1938, and who, after the Communists came to power in Poland in 1945, resigned and settled with his wife and son in Canada. Brzezinski defended his dissertation at Harvard University, and began his teaching career there. He received citizenship in 1958. In 1961, he became a professor at Columbia University, where from 1969 to 1977, he headed the Research Institute on Communist Affairs.

By the mid-1960s, Brzezinski had become known among the Democratic party members as an established expert in the issues of the Soviet bloc. Brzezinski argued that the Soviet Union was destined to collapse from within. He also advocated for a special approach toward countries in Eastern Europe. In 1966–1968, he tried to implement this concept, working in the State Department’s Policy Planning Council. Brzezinski’s areas of interest also included the problems of the Asia-Pacific region, and between 1973 and 1976, he served as a director of the Trilateral Commission which he had helped to establish. The Trilateral Commission united the internationalist elite of the U.S., Western Europe, and Japan.

That was when he got to know the future president, Democrat Jimmy Carter. In 1977, he became his national security advisor. In this position, which he occupied until 1981, Brzezinski became the initiator of the human rights campaign in U.S. foreign policy, an advocate of normalization of relations with China as a counterweight to the Soviet Union, and tougher policies toward the USSR as a response to its invasion of Afghanistan. It was his position, and not that of the more moderate Secretary of State, that became dominant in the Carter administration’s foreign policy, for which he received the Presidential Medal of Freedom, one of the two highest awards given to civilians in the U.S. In 1981, Brzezinski became an advisor at the Center for Strategic and International Studies and began teaching at Johns Hopkins University. After the end of the Cold War, being one of the most famous and influential veterans of U.S. foreign policy, he continued

to publish numerous books, among which was the “The Grand Chessboard”, and to campaign for NATO expansion to the East.

Brzezinski did not lose touch with Americans of Polish descent, serving as vice-president of the Polish Institute of Arts and Sciences and occasionally appearing at the Polish-American Congress. He was the one who, in 1978, invited a Czech immigrant, *Madeleine Korbelt Albright*, to the National Security Council. She was born in 1937 in the family of a Czech diplomat. Her parents were forced to emigrate, fleeing first the Nazi occupation, then the Communist government. The family came to the United States, where they received political asylum. Madeleine’s father, Josef Korbelt, taught at the University of Denver. One of his students was Condoleezza Rice, who would become the first black woman to serve as a National Security Advisor, then Secretary of State.

After completing her education, Madeleine Albright began her political career as an activist for the Democratic Party. Her broad worldview and brilliant analytical skills led to her rapid rise up the career ladder. In 1978, she was named a member of the National Security Council under President Jimmy Carter, where she was Congressional liaison. At the same time, she was achieving academic success: from 1982 to 1993, Albright was a professor at Georgetown University, where she taught a seminar on the politics of the USSR and Eastern Europe, and served as the Director of the “Women in Global Politics” university program.

Politics remained Albright’s major interest. She became part of Bill Clinton’s campaign team; and after his victory, Clinton offered her the post of permanent representative to the United Nations. The peak of her political and diplomatic career was her appointment as U.S. Secretary of State in 1997. In 2012, President Barack Obama awarded Madeleine Albright the Presidential Medal of Freedom for her service to the country that had once given her family protection, and which had offered her the chance to reach the summit of the political Olympus, despite her non-American origins.

How Immigrants Contributed to the Economic Prosperity of America

Throughout its history, the U.S. has attracted the most ambitious and creative people, who strive to create something new, something that has never been seen before. America is the place where they are able to realize their dreams and plans.

During the industrial revolution at the end of the 18th – first half of the 19th centuries, the U.S. economy provided amazing opportuni-

ties to implement the boldest projects. Energetic young people from all over Europe tried to take advantage of these opportunities. Among those who helped create America's trade and industry was the Frenchman *Eleuthère Irénée du Pont de Nemours* (1771–1834), a student of the great scientist Antoine Lavoisier and founder of one of the largest and most successful American corporations. *John Jacob Astor* (1763–1848), who emigrated from Germany, was the first multimillionaire in the U.S., who made his fortune in the fur industry as well as real estate. Another German immigrant, *Henry E. Steinway* (1797–1871) founded the world-famous musical instrument company. Scots-Irish immigrant *Alexander Turney Stewart* (1803–1876) created a trade empire and went down in history as “the father of the department store” and a prince of trade.

But one of the most prominent figures in the history of the industrial revolution is, indisputably, *Samuel Slater* (1768–1835). He was born in England, one of many children in the family of a farmer. He started working in a cotton mill when he was only 10 years old. This allowed him to learn textile manufacturing from the ground up since Great Britain was the first country to undergo a revolution in the textile industry. Slater understood that without capital he would never be successful in England. At 21, he set out to try his luck in the New World. Trying to protect itself from competition, Great Britain had prohibited the export of industrial blueprints, but the young textile maker had a phenomenal memory. In 1789, he arrived in New York and offered his services to an entrepreneur from Rhode Island, Moses Brown, who had bought equipment for a textile factory, but did not know how to use it. This was a historic moment where capital and technology coalesced. It proved to be fateful not only for Slater, but for all American industry.

At that time, Samuel made an oath to his companion, stating:

If I do not make as good yarn, as they do in England, I will have nothing for my services, but will throw the whole of what I have attempted over the bridge³³.

Such optimism and willingness to take a risk was typical of all those who contributed to the American economy. As a result, he managed to secure a contract, and in 1793, the first mechanized American textile factory began operating in Pawtucket, Rhode Island. Slater reproduced the blueprints from memory and personally

³³ Memoir of Samuel Slater, the father of American Manufactures. Philadelphia, 1836. P. 74.

oversaw the production of all the necessary components, making improvements in the English originals. The business was successful he did not have to throw anything into the river. Five years later, Slater opened his own company and expanded his business building factories in various states. In addition, Slater's company began making equipment for textile manufacture, opening its own metallurgical plant. Samuel Slater developed his own management style, preferring to hire whole families of workers, including the children. At that time child labor – starting as young as 8–10 years old – was the norm. Slater's company was different in that it did not use physical punishment (which was also the norm, in England, for example). Perhaps remembering his own childhood work experiences in his homeland, he preferred to encourage good work through a bonus system. He also built houses and stores for his workers. Slater financed Sunday schools, in which specially hired students taught the child-workers to read and write.

Samuel Slater became one of the largest entrepreneurs in the U.S. at the beginning of the 19th century, enjoying tremendous respect in the country. Among his friends were politicians, senators, and governors. Slater died in 1835 in Webster, a city he founded and named after his friend, the famous Senator Daniel Webster. By that time, he owned 13 factories, and was worth about 1,3 million dollars (35 million in today's prices). Not long before his death President Andrew Jackson visited him. He acknowledged his achievements and called Slater "the Father of the American Industrial Revolution"³⁴.

The Industrial Revolution transformed the U.S. into one of the most dynamic economies in the world and laid the groundwork for its future industrialization. This process was interrupted by the Civil War (1861–1865), but picked up speed again after the war was over. The rapid settlement of new territories the West, the formation of the transcontinental transportation system, the rise of cities and the new wave of mass immigration created unique conditions for an industrial leap forward. The new generation of immigrants who were chasing their American dream, played a major role in this process.

Among them were Scotsman *Andrew Carnegie* (1835–1919), who was destined to become America's Steel King, the richest man in the world and a major philanthropist; *German Max Kade* (1882–1967), one of the founders of the American pharmaceutical industry; and Swede *Oscar Hedstrom* (1871–1960), who was the first to launch motorcycle production in the U.S.

³⁴ *Hillstrom K., Hillstrom L.C. Industrial Revolution in America. New York, 2006. P. 172.*

The new wave of immigrants also made an important contribution to the automobile industry, which became the symbol of the American lifestyle. Together with *Henry Ford*, *Walter Chrysler*, *Ransom Olds*, and *William Durant* there were many others who created America's car culture. Among these were the Swiss immigrant *Louis-Joseph Chevrolet* (1878–1941); Scotsman *David Dunbar Buick* (1854–1929); German *Frederic Samuel Duesenberg* (1876–1932); and Dane *William Signius Knudsen* (1879–1948).

Louis Chevrolet arrived in New York in 1901 at the age of 24, having lived in France and Canada for several years before that. He did not find success there, but acquired technical skills that allowed him to find work as a mechanic. Soon, he got interested in automobiles and started his career as a race car driver. In this role, he soon met the founder of General Motors, *William Durant*. Together they came up with a design of a new car model and started a Chevrolet Motor Car Company that manufactured it. There are two theories of how the logo for the new car was developed. One of them has it that the prototype was a modified cross from the Swiss flag (Switzerland was Chevrolet's homeland); the other is that it was a sketch on the wallpaper of a French hotel where he once stayed. In any case, this logo became one of the most recognized in the world. Chevrolet's company did not last long; he was a much less talented businessman than he was an engineer and race car driver. By 1916, General Motors acquired Chevrolet while Louis Chevrolet and his brothers concentrated on making race cars. Chevrolet participated in races fairly successfully. In spite of the fact that Chevrolet never went very far as an entrepreneur, he is prominent in the history of the American automobile industry, and gave his name to one of the most popular car manufacturers in America and all over the world.

Something similar happened with *David Dunbar Buick*. He was born in Scotland in 1854; two years later his parents moved to Detroit (the capital of the U.S. automobile industry) in search of a better life. Buick's father died when David was just five years old. Life was difficult for the family, and at the age of fifteen, David was forced to quit school and go to work for a company that made plumbing goods. While working, Buick proved to be a talented inventor who introduced a whole series of improvements that allowed the company to increase its revenue. He became interested in the new technologies that were developing rapidly at that time. After he had sold his stake in the plumbing company, he invested in the development of the internal combustion engine.

The short history of the Buick company began in 1899, which nevertheless became an important chapter in the history of the auto-

mobile industry Buick's improved engine was more powerful than his competitors'. The principles upon which it was based are still in use today – i.e., the modern car engine is produced from the Buick prototype. This allowed David to begin producing his own car and to find the Buick Motor Company, which later formed the basis of General Motors. In spite of the fact that he left the business in 1906, and his later business career was unsuccessful, David Dunbar Buick is an essential part of the history of automobile transport. The car that bears his name is one of the most popular in the U.S. By 2000, more than 35 million Buicks had been sold. One journalist, summing up Buick's life and career, wrote: "Fame beckoned to David Buick. He sipped from the cup of greatness, and then spilled what it held"³⁵.

John Kennedy, in his book "A Nation of Immigrants," cites a very eloquent statistic that illustrates the role of first-generation immigrants in the development of the U.S.: In the 18th and 19th centuries, 20% of businessmen, 20% of scientists, 23% of artists, 24% of engineers, 28% of architects, 29% of clergymen, 46% of musicians and 61% of actors were born outside America³⁶. This trend continued throughout the 20th century.

How Immigrants Developed Science and Technology in the U.S.

The industrialization of America would have been impossible without developments in science and education. Right up until the second half of the 19th century, the U.S. lagged behind the leading European countries in these areas. It was immigrants that helped America catch up. They brought their knowledge and experience gained through centuries of science development in Europe with them. The history of the immigration of scientists into the U.S. began at the end of the 18th century. *Joseph Priestley*, a prominent British naturalist, chemist, philosopher, and social activist was the first among them.

Priestley, who was educated in theology, had truly encyclopedic knowledge for his time, and knew nine languages. He studied electricity (under Ben Franklin's influence), but his main achievement was the discovery of oxygen. Priestley is one of the founding fathers of modern chemistry. His religious and philosophical views, however, made him a

³⁵ *Hambleton R.* The Branding of America: From Levi Strauss to Chrysler, from Westinghouse to Gillette, the Forgotten Fathers of America's Best-known Brand Names. Dublin, 1987. P. 164.

³⁶ *Kennedy J.F.* Op. cit. P. 70.

target of persecution from the authorities, so in 1794, Joseph Priestley was forced to emigrate to the U.S., where he was able to express his views freely and live according to his convictions.

The immigration of European scientists and scholars increased dramatically in the last third of the 19th century, when the country was entering an industrial boom after the Civil War followed by growing investment in science and education.

In 1872, *Alexander Graham Bell*, a scientist, inventor and businessman from Scotland arrived in the U.S. In America he achieved commercial success, invented the telephone, and founded the American Telephone and Telegraph Company (AT&T), which set the course for the development of the entire field of telecommunications in the U.S. Bell's American career began as a teacher at Boston University. He was the embodiment of the selflessness and solidarity typical of prominent scientists. For him, financial success was merely the means of conducting his research and helping young scientists. He founded the Volta Laboratory in Washington, D.C., where he was involved in numerous projects in various fields from aviation to sheep farming. Among those who received financial assistance from Bell were the well-known American physicist and future Nobel laureate Albert Abraham Michelson and one of the pioneers of American aviation Glenn Hammond Curtiss. In addition, Bell paid a lot of attention to the problems of people with hearing or vision loss. He supported an experimental school in Washington that was studying the best methods of teaching deaf children. At his insistence, the American Association for the Deaf and Hard of Hearing was founded to teach deaf children oral speech. After receiving the Volta Prize for the invention of the telephone, Bell used the prize money to create a bureau that distributed information on the problems of the deaf.

In 1884, *Nikola Tesla* (1856–1943) immigrated from Serbia. He was a brilliant scientist and inventor, who in large measure determined the development of modern electric energy. In 1889, *Charles Proteus Steinmetz* (1865–1923) came from Germany and started a new chapter of his life in the United States. Steinmetz became a prominent physicist and engineer who played a major role in the development of electrotechnology, and received more than 200 patents for his inventions.

Another immigrant from that period was *David Abramovich Sarnoff* (1891–1971), a pioneer in radio and television. He was born in what is now Belarus, in a Jewish family that emigrated to the U.S. in 1900. America at that time was probably the only place on earth where a boy from a Jewish settlement had the chance to succeed. In 1906, he began working at the Marconi Wireless Telegraph Company; on April 14, 1912, it was Sarnoff who took the telegram about the sinking of the

“Titanic,” and who for three days straight maintained contact with the rescuers. In 1919, he founded a corporation to manufacture radio electronics where he worked as a director until in 1926, he founded the National Broadcasting Company (NBC). In 1939, David Sarnoff initiated regularly scheduled television broadcasting in the U.S. and contributed to the distribution of color television (1949). He also worked on the development of the video tape recorder (1956), space exploration and the computerization of the United States. In 1956, The Institute of Electrical and Electronics Engineers established an award in Sarnoff’s name for achievements in electronics. Beginning in the 1920s, Sarnoff served as an advisor to 10 U.S. presidents.

It was not only the exact and natural sciences that were a common area of interest among the immigrants to the U.S. It would be impossible to imagine American philosophy without *George Santayana* (1863–1952). He was born in Madrid and came to the U.S. at the age of eight. In spite of living a significant portion of his life in the U.S., and receiving his education there, Santayana retained his Spanish citizenship. He was a representative of the “Golden Age” of the philosophy department at Harvard University, along with William James and Josiah Royce. Among his students were poets Thomas Stearns (T.S.) Eliot and Robert Frost, writer Gertrude Stein, writer and journalist Walter Lippmann, African-American social activist, sociologist, historian, and writer W.E.B. Du Bois, Felix Frankfurter, and many other prominent Americans. Certainly not everyone who utters the famous phrase “Those who cannot remember the past are condemned to repeat it” knows that it belongs to George Santayana.

The 20th century, with its world wars, revolutions, civil conflicts, and totalitarian regimes multiplied the waves of those who tried to receive refuge and work in the U.S. Among the refugees were world-famous scientists *Albert Einstein* and *Sigmund Freud*. Immigrants played a major role in transforming the U.S. into a world center for the development of nuclear physics; among them were Italian *Enrico Fermi* (1901–1954), Hungarians *Leó Szilárd* (1898–1964) and *Edward Teller* (1908–2003); and Russian *George Gamow* (1904–1968). All of them participated in work that led to the creation of the atom and hydrogen bombs in the U.S., as did Ukrainian *George Kistiakowsky* (1900–1982), whose biography could serve as the basis for an entertaining television series.

A special place in the history of American science and technology belongs to thousands of Russian immigrants who fled Russia after 1917. Among them were prominent aviation pioneers *Igor Sikorsky* (1889–1972) and *Alexander de Seversky* (1894–1974). Naval engineer *Vladimir Yourkevich* (1885–1964), who designed major ocean liners

and was also a professor at the Massachusetts Institute of Technology, played a major role in the development of American shipbuilding. *Vladimir Zworykin* (1888–1982), the “father of television”, invented the electron microscope and night-vision devices.

Russian immigrant scientists made contributions just as important to the social and humanitarian sciences. *Pitirim Sorokin* (1898–1968) founded the sociology department at Harvard University and served as its chairman for more than 10 years. Among his students were future U.S. President John F. Kennedy and Secretary of State Dean Rusk. Linguist *Roman Jacobson* (1896–1982) and economist and Nobel laureate *Wassily Leontief* (1905–1999) were world-renowned experts in their fields.

This list could go on indefinitely; as George Znamensky (1890–1975), a professor at MIT, put it:

There is no field of human endeavor in America today where Russian genius and Russian talent have not played a prominent role³⁷.

These words, uttered almost 100 years ago, are still relevant today. One example of this is Silicon Valley, where thousands of programmers who emigrated from the former Soviet republics work successfully. The names of Google founder *Sergey Brin* or the PayPal creator *Max Levchin* speak for themselves. According to research data, around 17% of American companies today were founded by first-generation immigrants. A large portion of them are in high tech. It is impossible to overstate the contribution of immigrants to the development of American science and technology. One indicator of this is the fact that 50 American Nobel laureates were born outside the United States.

How Immigrants Created American Culture and Art

Immigrants have not only contributed to scientific knowledge and traditional ways of thinking thus enriching American intellectual life, but have brought the unique colors of their national cultural traditions and styles into the U.S. cultural palette.

Music is one cultural sphere in which this synthesis has been most clearly demonstrated. The country’s musical culture was formed from the interaction of musical traditions from European settlers (mainly from Great Britain, Ireland, Spain, Germany, and France), the

³⁷ Cit. on: *Nitoburg E.L.* Op. cit. P. 363.

Spanish-speaking population of Mexico and Central America, African-Americans, and Native Americans. Every wave of immigrants has brought new elements to the musical “melting pot”, where they later formed a variety of styles.

The classical music tradition came to America from Europe along with the musicians and composers who immigrated to the U.S. In the 19th century, symphony orchestras were created in the large cities and opera houses were opened. The first was New York Metropolitan Opera in 1883, after which opera houses opened in Chicago, Boston, and New Orleans. Tours by famous European musicians and singers helped to popularize classical music in the U.S. *Enrico Caruso* was the most successful of these artists; he spent a major part of his career (1902–1921) as a soloist of the Metropolitan Opera and was the first singer to make acoustic recordings. The tumultuous events of the 20th century forced many prominent composers and musicians to seek refuge and opportunity in America. Among them were the Russians *Sergei Rachmaninoff* (1873–1943) and *Igor Stravinsky* (1882–1971); Hungarian *Béla Bartók* (1881–1945); and Austrian *Fritz Kreisler* (1875–1962).

The area of American culture to which immigrants made the largest contribution was cinematography. Immigrants from many countries participated in the creation of the American film industry. The rise of Hollywood coincided with a massive wave of immigration, and this new and fast-developing sphere attracted enterprising and talented people. The largest film studios in the country were created by Hungarian *Adolph Zukor*, German *Carl Laemmle*, and German Jew *Wilhelm Fuchs*, who changed his name to William Fox when he came to the U.S. The most famous film producers came to the U.S. from the Russian Empire, for example *Louis Mayer*, *Samuel Goldwyn* and the *Warner Brothers*. Among the actors who created American cinema were Englishman Charles Spencer “*Charlie*” *Chaplin*; Canadian *Mary Pickford*; Italian *Rudolpho Valentino*; Swede *Greta Garbo*; German Marie Magdalene “*Marlene*” *Dietrich*.

The American school of acting was also created with the direct involvement of immigrants. A major role in this process belonged to *Lee Strasberg* (1901–1982), whose family emigrated from Austria-Hungary in 1908. Strasberg created a famous acting school in New York based on the Stanislavsky method, which influenced such stars of American cinema as James Dean, Paul Newman, Al Pacino, Jane Fonda, Dustin Hoffman, and Robert De Niro. Russian *Michael Chekhov* (1891–1955), nephew of the writer, who immigrated to the U.S. in 1939, also developed a method for training actors. Stars such as Marilyn Monroe, Clint Eastwood, Anthony Quinn, Yul Brynner, and others went through his school.

Georgian *George Balanchine* (born Georgy Balanchivadze) (1904–1983) played a major role in the creation of American ballet. He immigrated to the U.S. in 1933, and later opened a ballet school in New York, laying the foundation for American ballet and modern ballet in general.

Throughout the U.S. history, immigrants have been a vital resource for the development of all aspects of American life – from politics, economics, and culture to sports and cooking. Each wave of immigration has left its mark on the history of the U.S. and has made its contribution to the formation of the nation’s prosperity, its cultural traditions and way of life. The personal histories of people from all corners of the globe have become part of the history of the nation that gave them the opportunity to develop their talents and abilities.

In 1965, President Lyndon B. Johnson delivered a speech at the signing of Immigration Bill ceremony at the Statue of Liberty where he stated:

The land flourished because it was fed from so many sources – because it was nourished by so many cultures and traditions and peoples³⁸.

Further Reading

Andrianopolous G. Kissinger and Brzezinski: The NSC and the Struggle for Control of U.S. National Security Policy. New York, 1991.

Doing Business in America: A Jewish History. Purdue University Press, 2018.

Herman R.T., Smith R.L. Immigrant, Inc. Why Immigrant Entrepreneurs Are Driving the New Economy (and how they will save the American worker). New York, 2010.

Making It in America. A Sourcebook on Eminent Ethnic Americans / Ed. by E.R. Barkan. Santa Barbara, California, Denver, Colorado, Oxford, England, 2001.

Nitoburg E.L. Russians in the USA: History and Destinies: 1870–1970. Moscow, 2005. (In Russ.)

Puffer Sh. M., McCarthy D.J., Satinsky D.M. Hammer & Silicon: The Soviet Diaspora in the U.S. Innovation Economy. Immigration, Innovation, Institutions, Imprinting, and Identity. Cambridge University Press, 2018.

³⁸ Public Papers of the Presidents of the United States: Lyndon B. Johnson. 1965. Book 2. Washington, 1966. P. 546.

Sigida S.Yu. Musical Culture of the USA from the Late 18th–Early 20th Centuries. Moscow, 2012. (In Russ.)

Tucker B.M., Tucker, Jr. K.H. Industrializing Antebellum America. The Rise of Manufacturing Entrepreneurs in the Early Republic. Palgrave Macmillan, 2008.

Electronic Resources

See the videos at: <https://edu.amc.ru/courses>

Andrew Carnegie and His Early Rise from Poverty [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=f5ayVoY2qcY> (accessed 18.02.2021).

Immigrants Fuel Silicon Valley Startups [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=fGa-zTyX8Jg> (accessed 18.02.2021).

Legend of Buick – Part 1 (1998) [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=rj3zqqAS5tw> (accessed 18.02.2021).

The Life of Andrew Carnegie [Electronic resource]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=-_GQuhOK_lc (Accessed 18.02.2021).

Louis Chevrolet [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Lv6kHSjimH8> (accessed 18.02.2021).

Samuel Slater: The Father of the American Industrial Revolution [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=FGqKXVoqsd8> (accessed 18.02.2021).

Lecture 6. Native Americans during Colonization and Continental Expansion: The Clash of Cultures

Introduction to the Aboriginal World of North America

The larger part of what has been distinctive and valuable in America's contribution to the history of the human spirit has been due to this nation's peculiar experience in extending its type of frontier into new regions; and in creating peaceful societies with new ideals in the successive vast and differing geographic provinces which together make up the United States. ...This experience has been fundamental in the economic, political and social characteristics of the American people and in their conceptions of their destiny³⁹.

These are the words that prominent American historian Frederick Jackson Turner uses to introduce his essay "The significance of the frontier in U.S. history". According to Turner's theory, the frontier is a place where wilderness meets civilization. It is a region at the border, the area of free lands in the interior of the North American continent where white men had settled up until the end of the 19th century. They were constantly moving toward the West and eventually reached the Pacific Ocean. It was here, in this border region, according to the historian, that the unique features of the American character were formed, and where the process of Americanization happened most rapidly. The frontier, however, is also a space for the interaction of aboriginal culture with that of the settlers, an ambiguous and often tragic place in its effects on Native Americans.

Native Americans came to North America from Asia 20,000–15,000 years B.C.E., along a neck of land extending along the Bering Strait. By the time that Europeans appeared in North America, there were more than 600 Native American tribes, speaking at least 300 languages. Due to the lack of accurate statistical data, estimates of their number vary greatly: from 1 million to 18 million. These tribes were not evenly distributed throughout the North American territory,

³⁹ *Turner F.J.* The Frontier in American History. New York, 1996. P. II.

and concentrated around the Great Lakes and New England, as well as on the Southeastern coast on the Atlantic and in the surrounding regions. West of the Mississippi the density of the Native American population was low. Even there, however, there were two population centers: the Colorado River Valley and the coastal territories of what is now Oregon and Washington State.

Common misconceptions of the backward culture and primitive lifestyle of the Native American tribes are far from reality. Native Americans living in the Little Colorado River Basin and the Rio Grande (what is now Arizona and Mexico) reached the highest levels in managing available resources. The Pueblo and Pima tribes developed a unique culture heavily influenced by their irrigation farming practices. Even today there are traces of their grandiose irrigation system with two- and three-story adobe houses.

The second center of highly developed Native American culture was located in the large territory stretching from the Mississippi River to the Atlantic Ocean. At the beginning of the English colonization, tribes of the Algonquin language family – semi-nomadic, fairly skilled farmers, hunters and fishermen, inhabited the coast. They occupied the territory from Newfoundland to the Rocky Mountains. These were the Pequots, Powhatans, Arapahos, Ojibwas, Wampanoags, Narragansetts, Mohicans, Delaware, and the Shawnee. The English and the French came into contact mainly with the Algonquin tribes as they settled North America, as well the Iroquois and Muscogee language families. When people say “Algonquin”, “Iroquois”, or “Muscogee” they usually do not refer to individual tribes, but a conglomeration of various tribes speaking in related languages and with similar religious and cultural traditions.

The Iroquois settlements were spread out throughout the territory that would become New York State, up to the St. Lawrence River. The most consolidated Iroquois tribes were united in a Confederacy, which began around 1575–1600 on the initiative of Hiawatha. In the mid-19th century, the famous American poet Henry Wadsworth Longfellow wrote an epic poem, *The Song of Hiawatha*, based on Native American legends, celebrating a Native American chief, which became a classic of American literature. The Iroquois were engaged in slash-and-burn farming, planting thousands of hectares with corn, and also growing beans and pumpkins. Farming was primarily a female occupation. The men hunted, bringing in fur and meat, and fished.

In the 16th century, warlike tribes from the Creek confederation (the Muscogee language family) were living in what is now Georgia and Alabama. They did farming and hunting, and lived in clans in separate villages, each led by a chief. The Creek were considered the

strongest of the Southern tribes, and could send up to 3500 warriors to battle, choosing a military leader for the war. The first Europeans they met were merchants from the English colony of Virginia.

Finally, the aboriginal population of the Great Plains was unique – they had huge prairielands, extending from North to South, from the taiga in what is now Canada to the Red River; and from East to West from the Great Lakes to the foothills of the Rocky Mountains. This was where the Dakota, Iowa, Omaha, Blackfoot, Cheyenne, and Comanches lived. They borrowed horses and fire-arms from the Europeans and hunted bison, which enabled them to live. The population of California mostly did not know how to farm or breed animals, and was nomadic. In the coastal zone the tribes fished, hunted sea creatures and gathered mussels.

Native American tribes had various cultural traditions, especially mythology, ideas about how the world functioned, their own sacred sites and rituals, numerous holidays with their own way of celebrating them. As a rule, these differences were determined by the conditions under which the tribe lived, and their basic lifestyle. The main ritual of the farming tribes was the Corn Dance; for the hunters it was the Sun Dance along with the Bison Dance. Dance marked all important events in the lives of Native Americans. Many rituals were quite cruel from the viewpoint of Christian morality, and some required sacrifices.

Native Americans lived in harmony with Nature, appealing to the spirits and forces that personified it. It is not surprising that in their art, Native Americans tried to express personal feelings and sensations tied to the world around them as well as the ones hidden in the depths of their souls. Native American art was aimed at conveying the mystical meaning of the outside world rather than attempting to reflect it objectively. Even images on clothing and household objects were meant to protect, heal, maintain the connection to the sacred spirit-protector, and promise success and prosperity.

The encroachment of settlers from far-away Europe into this varied and complex world, who had a different system of values, a different concept of good and evil, and a different understanding of the goals and meaning of life, led to tragic consequences. This was no intercultural dialogue among equals, since the Native Americans, who were much weaker technologically, could not even dream of equal partnership. They had to retreat under pressure from white civilization, ceding their land, their wealth, and their knowledge to the newcomers. The European settlers, who established communities in what is now the United States, destroyed the system of links between the aboriginal cultures and made clear distinctions between representatives of various races.

Thus began the formation of the American nation as frontier communities where whites people distanced themselves from the “redskins” as well as from the “blacks”.

Native Americans and European Settlers: The Colonial Period (17th–18th Centuries)

Constant contact between the Europeans and the Native Americans began in the first half of the 16th century. In 1534, a French expedition headed by Jacques Cartier was exploring the area around the St. Lawrence River; in 1539, Hernando de Soto claimed Florida for the Spanish crown. After that, the scale of the European expansion increased significantly. The first English colonial settlement was founded in 1585 on the Roanoke River, in what is now North Carolina. The colony was soon abandoned, though, and the fate of the first English colonists in America is unknown. Drawings which the colony’s governor, John White, made of the Native Americans, their housing and scenes from their lives, are some of the earliest visual documents dedicated to the Native Americans of the New World. Today, they are preserved in the British Museum and are available online.

The first permanent English colony was Jamestown (Virginia), founded in 1607 and named in honor of King James I. The small number of colonists established friendly relations with the Powhatan Confederacy that surrounded them, which comprised up to 30 east-Algonquin tribes (around 8,000 Native Americans). The chief of the Confederacy was Powhatan, as he was called by the Virginians. In 1608, he was named a vassal of the British Crown by order of King James I. Captain John Smith, one of the founders of Jamestown, counted 160 Powhatan settlements, surrounded by a triple palisade, in what is now Maryland and Virginia.

It was in Jamestown that the most famous and most romantic story of the first contacts between different cultures occurred, becoming part of the historical mythology in U.S. popular lore. It is the tale of the Indian princess Pocahontas, and her relations with John Smith and another colonist, John Rolfe, which became the basis for many literary works, including a Walt Disney animated film and a feature film by Oscar winner Terence Malick, *The New World*.

According to John Smith’s story, the young Pocahontas saved his life when he, in search of food for the colonists, was taken prisoner by the Indians. As a result, Smith established a relationship of trust with Pocahontas’ father, the chief Powhatan, thanks to which the colonists received help from the Native Americans and were able to survive. John

Smith himself played an important role in the history of Virginia, publishing the first historical account of the colony, as well as a map of New England. It was due to him that this territory was given such a name.

Several years later, when John Smith was no longer with the colonists, Pocahontas was taken prisoner by the English, learned English and converted to Christianity, taking the name Rebecca. A year later, she became the wife of settler John Rolfe, whom she loved greatly, and helped guarantee the peaceful co-existence of the Powhatan Confederacy and the colonists by her marriage. In 1616, Pocahontas went to England, together with her husband, her son Thomas, and her brother, where she became a celebrity and was received by King James I and the Archbishop of London. The story, alas, has a sad ending. Pocahontas got smallpox in 1617 and died at the age of 22. Thomas Rolfe, son of John Rolfe and Pocahontas, was the first child born from the marriage of a white man and a Native American woman in North America. There are many famous people among his descendants: Edith Bolling Galt Wilson, wife of the 28th U.S. President, Woodrow Wilson; Nancy Davis Reagan, wife of the 40th U.S. President, Ronald Reagan; prominent astronomer and mathematician Percival Lowell, and others.

This, however, was more of an exception rather than the rule; only two similar marriages happened in Virginia, and in 1691, they were forbidden by law. By that time, the relations between the settlers and the Native Americans had undergone a significant transformation. John Rolfe directly influenced these changes, albeit unconsciously. He was one of the founders of tobacco farming, which became a major export of the colony and its major source of income. The expansion of tobacco plantations was accompanied by rapid population growth, requiring new territories, which impinged on the interests of the Native American tribes living in them, leading to conflict between the tribes and the colonists.

After the death of Powhatan in 1622, the Native Americans rebelled in the first war in North America's history, attacking Jamestown at the order of the new chief, Opechankano, killing 345 people (a quarter of the population). In the words of one of the colonists, they did this because of "The daily fear that... in time we by our growing continually upon them would dispossess them of this country"⁴⁰.

The Jamestown massacre of 1622 was the beginning of the first Indian War, which lasted for 14 years and was accompanied by bloody excesses on both sides. After several years of truce, Opechankano or-

⁴⁰ *Williams Jr. R.A.* The American Indian in Western Legal Thought: The Discourses of Conquest. New York, 1992. P. 217.

ganized an attack on the city in 1642, in which around 500 English were killed. In the end, the Indians were defeated, however; their aged chief (he was around 100 years old) was taken captive and killed. Dozens of people found refuge with their western neighbors. According to the treaty, the Indians (around 2,000 persons) were forced to move to a reservation. They were forbidden from independently crossing the border of the colony, and their land was seized by the settlers. The first Indian reservations were established in Virginia, and America began to implement the same practice used by the British in Ireland. Some of the reservations created in the 17th century still exist today.

Relations between the aboriginal culture and the settlers in New England unfolded in a similar way. In 1620, the Puritans, who had arrived on the Mayflower, established Plymouth Colony near Cape Cod, in what is now the state of Massachusetts. The settlement grew on the site of a Native American village, abandoned by the inhabitants because of an epidemic. The colonists did not have enough food, and, as a result, half of them did not survive the winter. The rest were also facing a tragic fate, but help arrived from an unexpected quarter: Squanto, a Native American who spoke English. This miracle is easily explained: Squanto, along with a group of his fellow tribesmen, was taken prisoner by the English Captain Thomas Hunt, to be sold into slavery in Spain. He managed to escape, get to England, where he learned English, and then returned to his homeland on an English ship. Squanto helped the Puritans establish contact with the local tribes, acting as translator; he taught the colonists to grow corn, and showed them places to hunt and fish.

The most important result of his mediation was a union treaty signed with the Native American chief Massasoit. The Governor and chronicler of the colony, William Bradford, included the content in his *History of Plymouth Plantation*:

1. That neither he nor any of his should injure or do hurt to any of their people.
2. That if any of his did hurt to any of theirs, he should send the offender, that they might punish him.
3. That if anything were taken away from any of theirs, he should cause it to be restored; and they should do the like to his.
4. If any did unjustly war against him, they would aid him; if any did war against them, he should aid them.
5. He should send to his neighbors confederates to certify them of this, that they might not wrong them, but might be likewise comprised in the conditions of peace.
6. That when their men came to them, they should leave their bows and arrows behind them⁴¹.

⁴¹ Bradford W.J.A. *Of Plymouth Plantation: 1626–1647*. New York, 2002. P. 80–81.

This improvement in friendly relations between the Plymouth Colony and the Native Americans led to the joint celebration of Thanksgiving in the fall of 1621, to which the chief and 90 other Indians were invited. After that, it became a tradition to celebrate the harvest with a joint feast. After the United States of America was formed, President George Washington declared November 26, 1789 the first national Thanksgiving holiday in America, “a day of public thanksgiving and prayer, to be observed by acknowledging with grateful hearts the many and signal favors of Almighty God”⁴². Since 1941, Thanksgiving has been celebrated on the fourth Thursday of November, according to federal law, and, together with Christmas is Americans’ favorite family holiday. On that day, they eat the same food that their ancestors ate with the Indians in 1621: stuffed turkey, cranberry sauce, sweet pumpkin pie and, of course, corn.

This idyllic phase in the relations between the white settlers of New England and the Native Americans did not last long, however. In 1636, the Pequot War broke out and lasted until 1638, marking the establishment of the New England colony of Connecticut. The immediate cause was the murder of the fur trader John Oldem by Indians, which provoked an armed confrontation between the colonists and the Pequots, as a result of which they ceased to exist as a separate tribe. These events led to the creation of the New England Confederation for joint protection against the threat from Native American tribes 1643. All the New England colonies except Rhode Island became members.

The governor of that colony, Roger Williams, a Protestant minister who supported the separation of Church and State, advocated for a partner relationship with the Native Americans of New England. He was chased out of the New Plymouth Colony for his sermons on freedom of conscience and the struggle against theocracy, and in 1636, he founded the Providence settlement on land given him by the Narragansetts, which became the capital of the new Rhode Island Colony. In 1640, its first settlers signed an agreement on the government principles which prohibited occupying land that had not been purchased from the Native Americans. This marked the first instance of peaceful conflict resolution between the colonists and Native Americans that. It was not, however, able to change the situation in the New England region as a whole.

In 1675–1676, the New England Confederation waged the bloody King Philip’s War. “King Philip” was the name the English gave to the Wampanoag chief Metacomet, who formed an alliance with

⁴² *Hillstrom L.C.* The Thanksgiving Book. New York, 2008. P. 95.

other Algonquin tribes. The speed with which the English were settling the territory of what is now New England provoked anger and resistance from the Native Americans and their chiefs, who saw the newcomers as a direct threat to their land, freedom, and traditional culture. The Puritans' attempts to conduct missionary activity among the Native Americans caused particular resentment. The military campaign lasted more than a year, ending only after the death of King Philip and other chiefs. This war stood out for the savagery on both sides. As a result, more than 600 colonists died (every fifth male settler fit for military service) and 3,500 Native Americans. These tragic events are described by James Fenimore Cooper in his novel *The Wept of Wish-Ton-Wish*. After the war, only two tribes remained in New England – the Niantic and the Mohicans, allies of the colonists.

These conflicts were local in nature, and for a century after the white man arrived in North America, Native American tribes, who were scattered over a large territory, did not see an immediate threat from the European settlers. Both sides were trading with each other, which was mutually beneficial. In exchange for food, fur, and other goods the Native Americans received metal goods (hoes, sickles, traps, fishing tackle, hooks, needles, knives), weapons, and fabric, which significantly improved their lives. Even the infamous glass beads and mirrors (symbol of unequal trade) found a use in the religious rituals and everyday lives of Native Americans.

At the same time, the white settlers learned hunting and fishing techniques from the natives, as well as how to use canoes. Furthermore, they became familiar with the new land; they learned to grow tobacco and corn, pumpkins, beans, squash. The Native Americans shared their knowledge of local medicinal herbs and plants. Cocaine, quinine, buckthorn, and arnica are used in pharmacology today.

In a similar vein, trade brought the settlers into contact with the local tribes – the Creek, Choctaw and Chickasaw, who belonged to the Muskogee language family, or the Cherokee, from the Iroquois language family in the Southeast. The English did not want to risk ruining relations with the major Native American confederations and developed trade that gradually grew in scale. Deerskin and slaves were the major objects of trade for a long time. Even before the Europeans came, deerskin occupied an important place in the natives' value system. Therefore, the transition to industrial deer hunting was fairly quick. From 1699 to 1715, South Carolina exported an average of 54,000 deer skins a year to the Mother Country. The colonists traded weapons, metal items, cheap jewelry, and alcohol for them.

The relations between the colonists and the Native Americans were formalized in treaties. Because the Native Americans lacked a

writing system, they used wampum – cylindrical shells strung on a cord. These were used for many purposes: they decorated clothes as they were used as money, and as a way of conveying information. One treaty recorded in this way has been preserved; it was between the English Quaker William Penn, who founded the Pennsylvania Colony, and the Delaware tribe, which ceded a fairly large portion of their territory. On this wampum an Indian and a white man are depicted. They are symbolically shaking hands. Thanks to the Quakers, treaty relations with the Native Americans were further developed in the British colonies.

Thus, was formed frontier society, with its characteristic inter-civilizational cooperation, cultural exchange and, at the same time, a desire to resolve any disputes with Native Americans through the use of force. The fiercest enemy of the Native American population in the 17th and 18th centuries, however, were not the colonists, but the infectious diseases they brought with them, which wiped out a large portion of the native population of North America. Epidemics of smallpox, measles, and influenza cut down the natives by the thousands.

The slave trade that the Europeans conducted led to conflicts between the tribes. The Creek and the Chickasaw, who were armed by the English, were the main purveyors of Indian slaves, who cost only half as much as black slaves, since they were not fit for hard agrarian labor and adapted poorly to captivity. Nevertheless, in 1708, among the 9,580 inhabitants of South Carolina there were 1400 Native American slaves. It took two major Native American rebellions at the beginning of the 18th century for the colonists to cease trying to make slaves of the Native American population. With the growing numbers of slaves being imported from Africa, who provided the plantation owners with workers, the colonists changed tactics, fomenting intertribal conflicts to control the world of the native population.

The Iroquois, who traded beaver skins in large quantities, began to seize hunting grounds from neighboring tribes. This is how the Beaver Wars began, waged intermittently from 1630 to 1700, during which the Mohicans, Hurons, and other tribes were either wiped out or forced to leave their lands. European countries played an active role in these wars: England and the Netherlands supported and armed the Iroquois, while France and Sweden armed their enemies.

The Native Americans were forced to follow in the wake of European politics, mainly the English and the French, who were fighting among themselves in Europe and in the colonies. The Europeans offered generous support. The tribes received part of the military plun-

der, tribal chiefs were given military ranks and awards. They were also entitled to pensions and were invited to London and Paris, where they were introduced to royalty.

The largest military conflict of the 18th century in which England and France used allied Indian tribes, was the French and Indian War (1754–1763), a part of the Seven Years' War (1757–1763) that engulfed all of Europe. One participant was a young major of the British Army, George Washington, the future first President of the United States. The Iroquois fought on the side of England, while the Huron, the Delaware, and other tribes fought for France. Their knowledge of the terrain and hunting skills made the Indians wonderful organizers of partisan warfare, unsurpassed guides, trackers, and scouts. It is during these events that the action of the famous novel by James Fenimore Cooper *The Last of the Mohicans* takes place. England finally won. According to the Treaty of Paris, France lost Canada, Nova Scotia, the islands in the St. Lawrence Bay, and ceded the Ohio River Valley and all the territory on the eastern bank of the Mississippi, except for New Orleans.

The Native Americans, in turn, rose up in one of the most successful revolts against the English, the Pontiac Rebellion (1763–1766). It was provoked by the actions of British General Jeffery Amherst, who prohibited the sale of firearms and ammunition to the Native Americans, and stopped giving them gifts (knives, clothing, tobacco, whiskey). This was perceived as a violation of the alliance. Pontiac, chief of the Ottawa tribe was able to unite more than 10 tribes living in the Great Lakes region and the territory of what is now Illinois and Ohio, which gave him a numerical advantage over the English.

Speaking at a council of chieftains, he announced:

It is important for us, my brothers, that we exterminate from our lands this nation which seeks only to destroy us. You see as well as I that we can no longer supply our needs, as we have done from our brothers, the French...Therefore, my brothers, we must all swear their destruction and wait no longer. Nothing prevents us; they are few in numbers, and we can accomplish it⁴³.

The Indians won several victories during the rebellion. They burned eight English forts and inflicted grave losses on the English troops and colonists (around 2500 people). In 1766, a peace treaty

⁴³ Cit. on: *Dixon D. Never Come to Peace Again: Pontiac's Uprising and the Fate of the British Empire in North America*. University of Oklahoma Press, 2005. P. 109.

was concluded, according to which Pontiac accepted the rule of the English crown, but he subsequently died under mysterious circumstances. Pontiac is considered one of the most outstanding Native American chiefs in the entire history of the conflict between the Native Americans and the colonists in North America. Cities have been named in his honor in Michigan, Illinois, Indiana, and also in Quebec, Canada. A famous car model produced by General Motors from 1926 to 2010, owed its name to this leader.

The major result of Pontiac's uprising itself was the suspension of British colonial expansion into the interior of the American continent. The Royal Proclamation of 1763, issued by King George III at the height of the uprising, which has gone down in history as the "Indian Bill of Rights", banned the inhabitants of the colonies from settling or buying land between the Appalachians and the Mississippi, including the fertile Ohio River Valley. The Proclamation guaranteed Indian rights and forced the American colonists to abandon Indian land in the specified territory.

This did not suit the colonists, exacerbating relations with the Motherland, on the one hand, and with the Native Americans, on the other. This is why many Native American tribes supported Great Britain during the War of Independence (1775–1783). The Iroquois attacked American settlements on the frontier from Carolina to New York, while the Cherokee raided Southern forts.

The Native American troops were headed by prominent chief Joseph Brant. He received an officer's rank in recognition of his military accomplishments, and under his command British officers fought alongside Native Americans and loyal militias. Brant remained loyal to the British crown even after the war. He visited England twice, met with King George III, made a diplomatic trip to Paris, and conducted negotiations with President George Washington, while remaining an enemy of the United States. This legendary chief spent the rest of his life in Canada, where he died in 1807, on the estate granted to him for his services to the British crown. In the Canadian province of Ontario, the county and city of Brantford have been named after him, and a monument was erected. There is a town named after him in New York State as well.

The legacy of British colonial policies toward the aboriginal population was further developed in the new state – the United States of America.

Native Americans and Americans:
Join in the Benefits of White Civilization,
Move, or Resist?

One of the first decisions of the Continental Congress, which gathered in 1775 at the start of the War of Independence, was the creation of three Departments of Indian Affairs: north, central, and south. Their task was to negotiate with Native American tribes, to guarantee their neutrality during the war; among the directors were Benjamin Franklin and Patrick Henry. In March 1824, Secretary of War John C. Calhoun organized the Bureau of Indian Affairs within his department, headed by Thomas L. McKeeney. This became the basis for a government organ that coordinated all national policies regarding Native Americans.

In the first decades after the War of Independence, the traditional policies of Great Britain and other colonial powers toward the Native American tribes were being re-examined. Until then the native populations were recognized as subjects of European monarchies. In 1787, the first Secretary of War, Henry Knox, suggested that the Native American tribes should be viewed as sovereign nations with the right to own and administer the land they lived on, being subject only to federal law. This point of view was reflected in the Northwest Ordinance of 1787 and in the U.S. Constitution, which proclaimed the independent status of Native Americans. They retained sovereignty and could not receive American citizenship, being recognized as “foreign nations” living on U.S. territory.

The main form of regulating the relations between the Native American tribes and the state were treaties. In total, there were 374 treaties concluded with individual tribes and groups of tribes from 1778 to 1868, regulating land ownership, borders, and payments. The first treaty was signed on September 7, 1778, with the Delaware; the last one in 1868, with the Nez Perce tribe. The treaties entered into force after ratification by the Senate.

A program of acculturation was developed, i.e., the cultural assimilation of the Native Americans. This primarily affected the so-called “civilized tribes” of Southeastern United States: first the Cherokee, Creek, Choctaw, and Chickasaw, who lived in Georgia and what is now Tennessee (1796), Alabama (1819), Mississippi (1817), and, after Florida was incorporated in 1821, the Seminole as well. Since these Native American enclaves were located in territories that were being actively settled by Americans, the question of how to organize relations with the aboriginal population that had retained land and tribal

self-government soon arose. In this situation, cultural assimilation was an alternative to resettlement for the Native American population.

One proponent of this policy was the first U.S. President, George Washington. He considered Indians to have the same rights as the white population, but a more primitive social structure. Therefore, as soon as Native Americans learned about private property, how to build houses and farm, tasted the fruits of education and adopted Christianity, they would blend harmoniously into American society, which was composed of various peoples. This policy had six major areas: impartial justice toward Native Americans; regulations in buying Native American lands; promotion of commerce; promotion of experiments to civilize or improve Native American society; presidential authority to give presents; punishing those who violated Native American rights.

To implement this program, Congress adopted a resolution allocating \$20,000 a year to procure animals, agricultural implements, and materials for Native Americans. In 1819, it approved additional financing. The government appointed special agents, who were supposed to live among the Indians and help them adapt to the benefits of white society. The Cherokee had the most impressive successes in this program. On the cusp of the 18th–19th centuries, they adopted Christianity, abandoned their nomadic lifestyle, and became farmers, cattle breeders, and craftsmen. At the tribal council in 1825–1826, Cherokee chief Sequoyah approved a syllabic Cherokee alphabet, made up of 85 characters. Created in 1821, it is still used today to record the Cherokee language. As a result, by 1830, 90% of the members of this tribe were literate. Rich Cherokees led an aristocratic lifestyle, acquiring plantations and black slaves.

In 1827, the Cherokee Convention adopted a written Constitution, proclaiming the Cherokee a sovereign and independent Christian nation, with full jurisdiction over their territory. Election of the chief was enshrined in law, and a Tribal Council was created. It was designed after Congress and made up of two chambers. The Constitution was published in 1828 in the first issue of the Cherokee Phoenix, which was published in two languages thanks to the efforts of Elias Boudinot, a student of Sequoyah and missionaries, the only Cherokee journalist. It turned out that the Cherokee were able to form an independent and viable state within the American federation, with a Native American autonomous government.

The famous chief of the Shawnee tribe, Tecumseh, chose a different path in the struggle for self-determination. A born warrior, he fought on the side of the British when he was only 14 years old, during the War of Independence. He refused to accept treaties on

the sale of Native American lands and tried to create a unified independent Native American buffer state between Canada in the north and the United States in the south. Tecumseh conducted a series of negotiations with the U.S. and Canada, and from 1808 to 1811, was able to gain the support of the Ottawa, Delaware, Creek, and other tribes. But the Native American union he created was defeated. After that, Tecumseh and his supporters joined the British forces during the Anglo-American War of 1812–1814. He was given the rank of brigadier general and played a major role in the British conquest of Detroit, dying in battle in 1813.

Before the battle Tecumseh announced:

Our lives are in the hands of the Great Spirit. We are determined to defend our lands, and if it be his will, we wish to leave our bones upon them⁴⁴.

For his last battle, Tecumseh chose to wear a traditional Indian warrior outfit with a deerskin shirt instead of the British uniform. This man, with his unbreakable will and his astounding spiritual force is considered one of the most talented and famous Native American leaders in history. Prominent generals of the American army have been named in his honor: participants in the Civil War (1861–1865) William Tecumseh Sherman and Napoleon Jackson Tecumseh Dana; there are cities named after him in Kansas, Michigan, Missouri, Nebraska, and Oklahoma; dozens of schools bear his name in various U.S. cities. As time goes by, Americans are beginning to think differently about the people who had lived on U.S. territory before they arrived, and who became the victims of settlers' desire to acquire new lands and use natural resources.

In the first half of the 19th century, however, serious study of the aboriginal populations of North America began. The historian Francis Parkman, who lived for a time among the Sioux, described his adventures in his book *The Oregon Trail*. The prominent American anthropologist Lewis Henry Morgan dedicated works to the League of the Iroquois, as well as to the tribes of the West and North-West. Thanks to their research, and even more so to the novels of Fenimore Cooper and other writers, the image of the Indian as a “noble savage” began to form in American social consciousness, a bearer of a rich and unique culture who followed a strict code of honor. All he needed was the benevolent influence of civilization.

⁴⁴ Waters F. *Brave Are My People: Indian Heroes Not Forgotten*. Ohio University Press, 1998. P. 67.

In 1837, the artist George Catlin organized an exhibit of his paintings in the Eastern states, dedicated to the life and customs of Native Americans. There were more than 500 works presented at the exhibit. Among them, there were many portraits drawn from live models during his travels and sojourn among the Native American tribes. For many Americans the exhibit proved to be an introduction to an unknown world. Catlin was an active promoter of Native American culture, trying to introduce the idea that Native Americans are not primitive savages.

The good intentions and efforts of individual representatives of the U.S. intellectual elite, however, were not able to outweigh the desire to use natural resources under the control of Native Americans to benefit the rapidly developing economy. As early as Thomas Jefferson's presidency (1801–1809), the American government's position boiled down to a decision to allow Native American tribes to remain on their lands east of the Mississippi only if they agreed to become "civilized". However, with the Louisiana Purchase, which acquired an enormous territory of approximately 530 million hectares from France for \$15 million in 1803, Jefferson himself began to lean toward the idea that the consolidation of Native American tribes on the Great Plains west of the Mississippi would protect them from destructive contact with European civilization.

Thus began the history of the Indian Territory, which originally was significantly larger than the future state of Oklahoma, established in 1907. This territory served as a platform to exercise the basic model of relations between the white population and the Native Americans. The period from 1803 (the Louisiana Purchase) to 1828 might be considered the prologue, after which, during the "Jackson Era" (1829–1841), a massive resettlement of Southeastern Native American populations to the west of the Mississippi began, and the Indian territory with its characteristic ethnic makeup became a reality.

Before this it was necessary to force the Osage tribes, who lived in Oklahoma, draft land exchange treaties, get them ratified in the Senate, and resettle the Osage to reservations in southern Kansas. This was completed by 1824, through trickery and force, as well as the support of the U.S. Army. In the first half of the 1820s, the U.S. government was able to conclude a series of treaties with the Cherokee, Choctaw, and Creek, who exchanged a portion of their lands for territories in Arkansas, southern Oklahoma and eastern New Mexico. The means used included bribing chiefs, military and financial pressure, creating conditions to bring the tribes into the educational system, for example, by creating the Choctaw Academy. By the end of the 1820s, however, the seizure of lands from the Southeastern tribes

began to slow down. The tribes united to resist the resettlement policies of the federal government, unwilling to cede their lands and move to the western bank of the Mississippi.

Meanwhile, white Americans had crossed the Allegheny Mountains, the border that had long protected Indian Country, and began to settle the New West, pushing the frontier ever forward.

The “Trail of Tears”: Mass Resettlement of Native American Tribes

Andrew Jackson, who became President of the U.S. in 1829, advocated, along with his supporters, for the resettlement of Native Americans from the rich Southeastern U.S. to the wild lands of the Great Plains. In December 1829, the Georgia legislature repealed Cherokee law, making the tribe subject to state law and dividing tribal jurisdiction into regions, declaring gold and silver deposits on Indian Territory to be the property of the state. The Cherokee’s appeal to the Supreme Court with a complaint against the government (*Cherokee Nation v. Georgia*) ended with Supreme Court Justice John Marshall returning the case to state court. This created a precedent stripping the Cherokee of their status as a “foreign nation”, meaning that they lost sovereignty.

In his First Annual Message to Congress, Jackson emphasized:

I informed the Indians inhabiting parts of Georgia and Alabama that their attempt to establish an independent government would not be countenanced by the executive of the United States, and advised them to emigrate beyond the Mississippi or submit to the laws of those states⁴⁵.

The result was the Indian Removal Act, adopted in 1830. Formally, it was only the Native Americans who insisted on maintaining tribal self-rule who were subject to deportation. Those willing to accept American citizenship could stay. The President was given the exclusive right to sign treaties with Native Americans for land exchange and to use military force for their resettlement. The new treaties differed significantly from earlier ones. First of all, the conditions for the Indians to give up their land were made harsher. The government began to demand that Native Americans left their lands forever, not just that they gave up a portion of their land. Resettlement to remote regions of the U.S., where a special Indian Territory, or Indian

⁴⁵ Cit. on: *Kittrie N.N., Wedlock E.D.* The Tree of Liberty: A Documentary History of Rebellion and Crime in America. Vol. 1. Baltimore, 1998. P. 115.

County, had been established. Congress allocated \$500,000 for these purposes. As a result, more than 100,000 Native Americans were sent West along the “Trail of Tears”. The main targets of this mass resettlement were the five “civilized” tribes. Many Native Americans did not have money for food or transportation and had to go on foot. Because of the unsanitary conditions, and malnutrition, as well as the harsh winter, many of them got sick and died.

Along with the Native Americans, there were many free Black people and slaves (either with their Native American masters or as runaways who by some means had joined the Native American tribes). After their arrival in the Indian Territory the Chickasaw established large farms, on which they used black slave labor. The Chickasaw Nation did not abolish slavery until 1866, while former slaves from the Choctaw Nation received the status of Choctaw Freedmen. Around 6,000 remained in Mississippi; they were the first Native Americans to receive American citizenship.

After the deportation, the Cherokee and other “civilized” tribes created the first network of free schools in the U.S. On “Cherokee Territory” by the mid-19th century, there were more than 30 free schools, where Cherokee teachers taught children; out of 22,000 people, only 4,000 male citizens had the right to vote. Women, white Americans (around 1,000 persons) and Black slaves could not vote.

By the mid-1830s, the Jackson administration had achieved a formal agreement on resettlement with the five “civilized” tribes. However, it was necessary to remove the Native Americans by force since most did not intend to leave their homes, in spite of the treaties. For example, an Army corps several thousand strong was needed to forcibly move the Creek and the Cherokee. In two wars with the Seminoles 3,000 American soldiers were killed, and more than \$40 million spent.

One peculiarity of the Second Seminole War (1835–1842) was the participation of so-called “Black Seminoles”. These were runaway slaves, the free descendants of Africans, mulattos and those of mixed Native American-black blood, who had moved to Florida and lived among the Native Americans. The Black Seminoles had something to fight for. An American officer in 1826 described what he had seen in Florida as follows:

We found these negroes in possession of large fields of the finest land, producing large crops of corn, beans, melons, pumpkins, and other esculent vegetables. ... while the houses were larger and more comfortable than those of the Native Americans themselves⁴⁶.

⁴⁶ Cit. on: *Mulroy K.* The Seminole Freedmen: A History. Oklahoma, 2016. P. 28.

The Seminoles' struggle was headed by a young Native American chief, Osceola, who went down in history as one of the most implacable freedom fighters. For two years he successfully resisted the superior forces of his enemy, but in 1837, he was betrayed and captured during peace talks, and died in prison. After his death, the resistance continued until 1842. Even after the war, a small group of Seminoles hid in the swamps of southern Florida and continued partisan activities. Their descendants did not sign agreements with the U.S. government until 1936, and even then, no treaty was signed by the entire tribe. For this reason, Seminoles today are proud of the fact that they are the only Native American tribe in America that does not have a peace treaty with the U.S. government. Many towns and regions in Florida, Iowa, and Michigan have been named in honor of Osceola himself, and a romanticized image of Osceola has been reproduced in many works of art, including a novel by the English author Thomas Mayne Reid, *Osceola the Seminole*.

By the beginning of the 1840s, the mass resettlement of Native Americans to the west of the Mississippi had been largely completed. They lost around 100 million acres of land, and received 32 million acres and \$68 million in compensation. The ethnic makeup of the Indian Territory was formed by the five "civilized" tribes plus the Iroquois, Ohio, Delaware, Shawnee, and Kickapoo from Texas. In the East fewer than 9,000 Native Americans lived on tiny reservations.

The Battle on the Great Plains and the disappearance of the Indian Territory

Guarantees that the Indian Territory would remain untouched were observed only until white Americans, who were constantly pushing back the frontier to the south and west along the Great Plains, approached its borders. This was the land of the Cheyenne, Sioux, Arapaho, Comanche, Kiowa, Shoshone, and Navajo, who lived on the prairie and steppe. They were skilled horsemen and hunters; they were quite adept with firearms. Since these tribes represented a serious force, the U.S. government signed an agreement with them, delineating the borders of their jurisdiction and receiving permission to build roads, forts, and trading posts on their territory in return for appropriate compensation.

It was not possible, however, to avert armed conflicts between the government troops and the Great Plains tribes. The first clash occurred in 1854, after which armed battles continued in various areas with short interruptions, the Native Americans attacking the settlers,

the government troops conducting raids in return. It is no accident that during the Civil War (1861–1865), the Native Americans cooperated with the Southerners. There were 7,860 Native Americans in the Confederate Army (mostly representatives of the five “civilized” tribes). By 1865, the majority of the western Indians were on the “warpath”, which was also a result of the actions of frontiersmen who attacked defenseless Native American settlements. In November 1864, the Sand Creek Massacre was the result of one such raid, in which 105 Native American women and children and 28 old people were killed. In response, there was an uprising of the Plains Indians against the Americans.

After the end of the Civil War, the U.S. Congress made serious attempts to regulate relations with the Great Plains Indians based on the treaties. In return for having the reservations supplied with all the necessities, the Native Americans promised not to leave their borders and not to attack the settlers. The peace was constantly being violated, however. Military action by the Native Americans was provoked mainly by hunger and the cruelty of the American army. The insufficient provisioning of the reservations, the refusal to distribute weapons and gunpowder for bison hunting, and the mass extermination of the bison by the white Americans, when it was the bison that gave the Native Americans everything they needed, attacks on Native American settlements, and, finally, the inability of the U.S. government to offer any real peaceful alternative to the violence and arbitrariness that reigned on the Great Plains led to mass uprisings by Native Americans.

The Indian Wars of this period were full of tragic episodes, bloody battles, heroes and villains. In 1876, the united Sioux and Cheyenne forces, led by the legendary chief Sitting Bull, destroyed the cavalry of Lieutenant Colonel George Custer at Little Big Horn; Custer died along with 267 soldiers. This was one of the most significant Native American victories in the history of the United States.

The most famous Native American warrior and the symbol of their struggle for freedom, is rightfully considered to be the Apache chief Geronimo, who for 25 years led the fight against the U.S. Army’s encroachment on his tribe’s territory. He was famous for his strength of spirit, implacable will, courage, and elusiveness, which he constantly demonstrated from 1858 to 1886. By the end, he had only a tiny band of 38 men, women and children left. It still took 5,000 soldiers of the U.S. Army (one-fourth of its strength at the time) plus several armed Mexican brigades a whole year to run him to ground; on September 4, 1886, the Native Americans ceased their resistance, when Geronimo was forced to surrender to American General Nelson Miles in Arizona.

Geronimo's story did not end there, however. Famous all over the country, he appeared at exhibitions, including the 1904 World's Fair in St. Louis, Missouri, where he sold souvenirs and photographs of himself. In 1905, Geronimo took part in a parade for Theodore Roosevelt's inauguration as President. In 1906, his autobiography was published, which instantly became a bestseller. Several films have been made about his life; his legendary courage and his military success made him a national hero, even though he spent his whole life fighting against the U.S. government. American paratroopers use his name as a battle cry.

The final episode of the Indian Wars, which had lasted more than 250 years, was the Wounded Knee Massacre in South Dakota on December 29, 1890. After the armed resistance of the Native American tribes had been suppressed, they could only hope for a miracle to free them and return their lost lands. The Sioux believed that massive ritual performance of the Ghost Dance would hasten the coming of the Messiah, who would save all Native Americans. The white man would disappear, the exterminated bison would be reborn, and the spirits of the ancestors would return to Earth and live in peace. The Sioux believed that performing the dance would protect them from bullets in future battles.

The existence of such beliefs made the U.S. government nervous. It feared that mass ritual dances would grow into armed attacks. It was during that time that the most popular Sioux chief, Sitting Bull, was killed, which led to the escape of a large group of Native Americans from the reservation. Troops were sent after them and caught up to and surrounded them at Wounded Knee Creek. During the attempts to disarm the warriors and arrest their chief, they began the Ghost Dance. An accidental shot provoked indiscriminate firing, as a result of which around 300 Native Americans were killed, along with 25 soldiers, most of whom were victims of the chaotic shooting.

Thus ended the era of Indian Wars in U.S. history. According to rough estimates, between 1775 and 1890, the wars claimed the lives of 45,000 Native Americans and 19,000 whites. The end of armed conflict with Native Americans coincided with the closing of the frontier as the movable border of white settlements, since all U.S. territory from the Atlantic to the Pacific became a unified economic and political space.

The Indian Territory was living out its last years. In the 1870s, the railroads crossed Oklahoma in all directions, and station towns turned into busy trading centers. In the Western Great Plains cattle breeding was developing rapidly. Gearing themselves toward the profitable eastern markets, Texas cowboys herded their cattle to cities on the banks of the Missouri River and to Kansas railroad stations, crossing the land of the Cherokee, Chickasaw, and Creek. The plains

of western Oklahoma were used for permanent grazing grounds on the basis of rental agreements with the tribes. The 1880s were the “golden age” of the cowboys, who lived on Indian Territory and were romanticized in American Westerns. They soon had to retreat, however, under the pressure from farmer-settlers.

In 1889, President Grover Cleveland signed a law stipulating payment to the tribes living in Indian Territory of compensation in the amount of \$1,25 per acre in exchange for their acceptance of Oklahoma as national territory. The land of the five “civilized” tribes was auctioned off, in 1906, they lost the right of self-rule, and in 1907 Oklahoma was incorporated as a U.S. state.

Native Americans lost their land and their sovereignty, but did not receive civil rights in return. They ended up living in reservations, and segregationist policies reinforced racial borders within society. In the coming 20th century, Native Americans and African Americans would have to travel a difficult path to fight for equality and to regain their identity, a process accompanied not only by conflict, but cultural integration, which would enrich the heritage of this American nation of nations.

Further Reading

Bragdon K.J. The Columbia Guide to American Indians of the Northeast. New York, 2001.

Brown Dee. Bury My Heart at Wounded Knee: An Indian History of the American West. New York, 1970.

Fowler L. The Columbia Guide to American Indians of the Great Plains. New York, 2003.

Griffin-Pierce T. The Columbia Guide to American Indians of the Southwest. New York, 2010.

Perdue Th., Green M.D. The Columbia Guide to American Indians of the Southeast. New York, 2001.

Treaties with American Indians: An Encyclopedia of Rights, Conflicts, and Sovereignty / Ed. by D. Fixico. Vol. 3. New York, 2008.

White J.M. Everyday Life of the North American Indian. New York, 2003.

Electronic Resources

See the videos at: <https://edu.amc.ru/courses>

Cherokee History As You’ve Never Heard It [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=k3xYAI4kYN4> (accessed 18.02.2021).

- Great Native American Warriors [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=-OXXqxcEfzI> (accessed 18.02.2021).
- History of the Indian wars [Electronic resource]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=qO_IkNfT3Iw (accessed 18.02.2021).
- King Philip's War [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=qE3gmIehl3U> (accessed 18.02.2021).
- Native Americans History and Culture [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=XS8DEjd2QBg> (accessed 18.02.2021).
- Oldest Native American footage ever [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=-stkMRVkJCIU> (accessed 18.02.2021).
- 10 Greatest Native American Chiefs and Leaders [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=lpbe-36r46Q> (accessed 18.02.2021).

Lecture 7. Native Americans in Search of Identity and Civil Rights

“The Red Nation shall rise again and it shall be a blessing for a sick world; a world filled with broken promises, selfishness and separations; a world longing for light again”⁴⁷. These words were uttered by Crazy Horse, a Native American chief from the Lakota-Sioux tribe, in conversation with Sitting Bull in 1877. A few days later, he was killed during an attempted arrest. In 1890, Sitting Bull met the same fate. The idea of national rebirth of Native Americans as a community of tribes living according to their traditions and occupying a worthy place in American society, however, did not die with them. In fact, it became the course of action for the Native American movement for civil rights throughout the 20th century.

Life on the Reservation

According to the 1900 U.S. Census, there were approximately 240,000 Native Americans on U.S. territory, out of which 90% were living on 162 reservations, located primarily in the states of Oklahoma, Arizona, New Mexico, South Dakota, California, Washington, Montana, and Wisconsin. Reservations were zones where Native American tribes lived together under tribal jurisdiction. The borders of the reservations were fixed by law or by treaties between the tribes and the U.S. government, but they could be changed multiple times as a result of various factors: the evolution of government policy, land sales, court decisions, etc. One example of this is the largest reservation in the U.S., which belongs to the Navajo people, whose territory has been changed 14 times since it was formed in 1868.

The term “reservation” arose within the framework of a concept that designated Native American tribes “sovereign nations” living on United States territory, which was reflected in the Northwest Ordi-

⁴⁷ Cit. on: *Indigenous Ways of Knowing in Counseling: Theory, Research, and Practice* / Ed. by L. Grayshield, Ramón del Castillo. Cham, Switzerland, 2020. P. 12.

nance of 1787 and in the U.S. Constitution. Therefore, the treaties according to which the tribes gave part of their lands to the government specified the territories reserved as tribal property. They were called “reservations,” and the name was kept even after the federal government began to forcibly resettle tribes on lands west of the Mississippi, with which they had no historical ties.

In 1871, U.S. Congress adopted a law that stripped Native Americans of sovereignty. Henceforth they were under Congressional oversight. This meant that the reservation fell under dual jurisdiction: federal law (as well as a series of states laws), and tribal law. As a result, the practice of concluding treaties requiring Senate ratification was abolished, and the federal government acquired the right to interfere in reservation matters.

Agents from the Bureau of Indian Affairs, which was part of the U.S. Department of the Interior, were sent to all the reservations, where they had real administrative power. There were people among the Bureau’s employees who sincerely tried to help improve the position of Native Americans. For example, in 1868–1871, the Bureau was headed by Ely S. Parker, from the Seneca tribe. During the U.S. Civil War (1861–1865), he served as an adjutant and secretary to the famous Northern General Ulysses S. Grant, who became U.S. President in 1869. The majority of the agents, however, used their position for personal gain, and were not interested in Indian affairs and did not understand their cultural traditions. One example of such incompetence was the case of Agent Daniel F. Royer nicknamed “the Young Man Afraid of Indians”⁴⁸. It was largely this incompetence that provoked the Wounded Knee Massacre in 1890.

Limits on Native American self-rule were imposed gradually. In 1887, The Dawes Act, also known as The General Allotment Act, was adopted, which was supposed to liquidate Indian property by giving land allotments to individual Native American families as long as they agreed to farm. The allotments were for 160 acres, as determined by the Homestead Act, which allowed the granting of unoccupied land in the West to individual U.S. citizens. All Indian territory greater than these allotments was subject to sale to white farmers⁴⁹. The law was supposed to promote the integration of Native Americans into the “civilized” economic system. According to the bill’s author, Senator Henry Laurence Dawes, being civilized meant to

⁴⁸ *Iverson P., Davis W.* “We Are Still Here”: American Indians since 1890. New York, 2015. P. 12.

⁴⁹ *Ruppel K.T.* Unearthing Indian Land: Living with the Legacies of Allotment. Tucson, 2008. P. 26–27.

wear civilized clothes... cultivate the ground, live in houses, ride in Studebaker wagons, send children to school, drink whiskey, and own property⁵⁰.

As a result, Native Americans lost about 2/3 of their lands by 1934, when the Dawes Act was repealed.

In addition to this, traditional religious rituals and cultural practices were banned on the reservations, including ritual dances and holidays. Violating this ban could end up in prison sentences and losing federal benefits. The policy of cultural assimilation specifically focused on the issues of parenting and education. Boarding schools were created off the reservation, and, according to the law of compulsory attendance issued in 1891, federal employees had the right to take children from their families by force and send them to these schools. In 1902, there were 25 of these boarding schools in 15 states and territories, financed through the federal budget, in which more than 6,000 students were studying. Without their families, they were deprived of everything that tied them to their traditional culture: they were schooled in Christianity, wore uniforms, and had to get their hair cut (which in many tribes this was considered a disgrace). Their Indian names were changed to English ones, and they were forbidden to speak their native languages.

Thus did the U.S. government try to solve the Indian question within a general policy of Americanization, through the rapid inclusion of Native Americans in the economic and political life of society, so that in future they could become an integral part of that society, not as American Indians, but as Americans of Indian origin. Here, the federal government relied on the support of social organizations, such as the National Indian Association, which was established in 1879, and at its peak had 98 chapters in 28 states, and 56 missions on various reservations. Another one was the Indian Rights Association, established in 1882 in Philadelphia. It comprised white social workers who did a lot of work to improve the position of Native Americans, and to attract public attention to their problems. One of the most famous and influential figures in this assimilation movement was the journalist and religious figure Jonathan Baxter Harrison, who wrote extensively about conditions on the reservations and the necessity for Native Americans to have access to education. He, like other activists, was also a fan of the kulturträger approach to the

⁵⁰ Cit. on: *Dziebel G.V. Playing and Nothing: European Appropriations of Native American Cultures in the Late XX Century.* Stanford University Press, 2005. P. 354.

resolution of the Indian problem, which was popular in American society, and which advocated for converting them to Christianity and absorbing them into American society.

The leaders and ideologues of the Indian movement saw such policies as a threat to Native American identity, and did not willingly work with these organizations, preferring to create their own. As a result, at the beginning of the 20th century, the warrior chiefs were replaced by new heroes, in the struggle for Native Americans' right to keep their identity, their traditions, and beliefs. Their weapons were not bows and arrows, or Winchesters. They fought through educating and enlightening the public while carefully preserving Native American folklore and the use of American legal mechanisms.

The Beginning of the Native Americans Civil Rights Movement: New Heroes for a New Era

In 1911, the Society of American Indians was established, the first national association created by Native Americans, who also headed it. Among the founders were representatives of a new generation of leaders of the Indian movement for self-determination, who embodied the synthesis of two cultures: Arthur Parker, Charles Eastman, and Carlos Montezuma.

Arthur Caswell Parker (1881–1955), archeologist, historian, folklorist, was born on a Seneca reservation. He was the great-nephew of Ely Parker (the first Native American to head the Bureau of Indian Affairs), and the author of his biography. Parker did a lot of work to preserve Native Americans' heritage, including folklore. He collected and published myths and legends of the Seneca, as well as materials on the history of the Iroquois. As a sign of appreciation for his services to American science, Parker was elected the first president of the Society for American Archeology in 1935.

Charles Alexander Eastman (1858–1939) was a Dakota-Sioux, a medical doctor, graduate of Boston University, writer, social activist, and reformer. Eastman was successful in both medicine and literature. He was the first Native American writer to receive wide recognition, and his books were translated into German, French, Czech and other languages. Furthermore, he was a tireless social and political activist. He represented American Indians at the Universal Races Congress in London in 1911, lobbying the interests of Native Americans on the level of international politics; he worked with the administrations of President Theodore Roosevelt and Calvin Coolidge, participated in

designing the reform of the U.S. government's Indian policy. Among his most significant works are *The Soul of the Indian: an Interpretation* (1911); *The Indian Today: the Past and the Future of the Red Americans* (1915); *Indian Heroes and Great Chieftains* (1918). In these pieces, Eastman presents American history from the perspective of Native Americans for the first time.

Carlos Montezuma (1866–1923), an Apache, was abducted as a child and sold for \$30 to the Italian photographer Carlo Gentile, who adopted him and gave him his name (his Indian name was Wassaja). Montezuma became the first Native American student at the University of Illinois, and the second Native American to receive a medical degree (the first was Susan La Flesche Picotte from the Omaha tribe). His political views were shaped by his work experience on reservations. He was convinced that the entire policy toward Native Americans had to be reformed. Starting in 1905, he became an active critic of the Bureau of Indian Affairs on the pages of the “*Wassaja*” magazine, where he promoted the idea of disseminating education among the Native Americans and granting them civil rights.

The Society of American Indians, which included representatives of various tribes, promoted the idea of Pan-Indianism (now called Pan-Indigenism), i.e., the union of Native Americans regardless of their tribal affiliation. The Society's work was geared towards giving all Native Americans U.S. citizenship and the right to present their property claims to the federal government to receive compensation for seizing of tribal lands. In addition, it tried to preserve Native American culture, facilitating research into Native American history and anthropology. The Society published the quarterly “*American Indian Magazine*”, with Arthur Parker as its editor.

One of the organization's activities was the fight for “*American Indian Day*” in the U.S., to recognize the contribution of Native Americans to the creation and development of the United States. A massive campaign was unleashed to promote this effort. As a result, 24 states supported the initiative, and a member of the Society, Red Fox James, from the Blackfoot tribe, brought the petition to the White House. They were unsuccessful, however, in getting the holiday recognized on the national level. Nevertheless, in 1916, the governor of New York announced that the second Saturday in May would be the official “*American Indian Day*” in his state. In 1919, Illinois followed his example, and after that, a number of other states did the same. Granting American citizenship to all Native Americans born in U.S. territory did not happen until after the First World War, which had a major influence on changing the attitude of American society towards Indians.

Native Americans in the Military (1914–1918)

In the 2008 Congressional resolution announcing the fourth Friday in November as Native American Heritage Day, one reason given was the fact that they

...have volunteered to serve in the United States Armed Forces and have served with valor in all of the Nation's military actions from the Revolutionary War through the present day, and in most of those actions, more Native Americans per capita served in the Armed Forces than any other group of Americans⁵¹.

However, right up until the First World War (1914–1918), the attitude toward Native Americans serving in the armed forces was negative. Representatives of the military often questioned their loyalty to a government that had not given them full civil rights. The fact that Native American volunteers had fought bravely in the Spanish-American War (1898–1899) did not change the situation in any real way.

All of these doubts dissipated as soon as the U.S. entered World War I. Native Americans joined the Army and Navy in drives, while tribal chiefs and councils announced their support for the federal government's military efforts. The Onondaga tribe, which had retained its status as an independent nation, declared war on Germany. The Iroquois Confederation did the same. In total, by the end of the war, there were around 12,000 Native Americans in the U.S. Armed Forces, which represented one-third of the male Native American population of draft age. They served as scouts, snipers, cryptographers. During World War I, six Native American languages were used to transmit secret orders for the first time.

The Chocktaw and Comanche distinguished themselves during the Meuse-Argonne Offensive in the fall of 1918, guaranteeing the secrecy of the operation, for which they were awarded the French Croix de Guerre. Some Native Americans received top-level individual awards: 15 received the Distinguished Service Cross; 32 received the Purple Heart; 7 received the Silver Star. The commander of the American Expeditionary Forces in Europe, General John Pershing, wrote:

⁵¹ Journal of the House of Representatives of the United States. One Hundred Tenth Congress. Second Session. Part 2. US Washington, 2018. P. 2516.

The North American Indian took his place beside every other American in offering his life in the great cause, where as a splendid soldier, he fought with the courage and valor of his ancestor⁵².

The Indian Citizenship Act of 1924, and the “Indian New Deal”

The loyalty and heroism displayed by Native Americans on the battlefields of World War I led to a change in the perception of this group in white society. The Indian Wars seemed to have retreated into the distant past, and Native Americans were no longer seen as a threat. The image of the bloodthirsty redskin on the warpath, brandishing a tomahawk, now exclusively belonged to adventure novels and Westerns. In the light of these events, the question of granting U.S. citizenship to those who had fought for their country became more relevant than ever.

As a result, in the 1920s–1930s, the government started rethinking its entire policy toward Native Americans. The starting point was the Indian Citizenship Act, adopted in 1924 on the initiative of Homer P. Snyder, who headed the Senate Committee on Indian Affairs. The law finally gave full citizenship rights to Native Americans, without limitations or conditions. This was the end of the story of Native Americans acquiring recognition as full-fledged members of the U.S. national community. Now, a new one was beginning, the one concerning their position within American society.

The Executive Branch also got involved in rethinking Indian policy. In 1923, a special deliberative body was created to develop recommendations for modernizing the policy, given the name “Committee of One Hundred”, for the number of its members. The Committee included prominent political and social activists, as well activists from Native American organizations. The American Indian Defense Association, headed by John Collier, a proponent of cultural pluralism and an advocate of abolishing religious restrictions on Native Americans, played a major role in lobbying for reform. The result of the work of the Committee of One Hundred was a major investigation into the actual situation of the Native American population inside the United States.

In 1928, after two years of work, an 847-page report was presented to the U.S. Secretary of the Interior, called “The Problem

⁵² Cit. on: *Britten Th.A.* American Indians in World War I: At Home and at War. Albuquerque, 1999. P. 183.

of Indian Administration”, or the Meriam Report, named after the head of the research group. It was the first comprehensive analysis of the living conditions of Native Americans in 100 years. The Report showed the failure of federal Indian policy, which had attained none of its goals. The main conclusion was:

Any policy for Indians based on the notion that they can or should be kept permanently isolated from other Americans is bound to fail⁵³.

The document contained detailed recommendations on reforming all aspects of federal Indian policy, and its direct effect was an increase in government funding for education and health for Native Americans.

It was the Report that served as the prologue for the Indian New Deal, conducted by President Franklin Delano Roosevelt in the 1930s. John Collier, who headed the Bureau of Indian Affairs from 1933–1945, was a key figure in carrying out the policy, and the most important result of its activities was the adoption of the Indian Reorganization Act. This act repealed the privatization of tribal lands that had been going on for the previous 50 years, and re-established tribal self-rule, permitted tribes to adopt their own constitutions, re-established their right to control their property (primarily lands and mineral resources), thereby improving the economic conditions for developing the reservations. In addition, adopting the law meant the end to the policy of cultural assimilation, and a new stimulus to the development of traditional Native American culture⁵⁴.

In 1935, the Indian Arts and Crafts Board was created. Its main task was to

...promote the economic development of American Indians and Alaska Natives through the expansion of the Indian arts and crafts market⁵⁵.

The Board’s activities led to increased interest in the cultural traditions of Native Americans in society and guaranteed support to Native American artists and craftsmen. In general, the Indian New Deal significantly diminished the impact of the Great Depression on the socioeconomic and cultural life of Native Americans.

⁵³ *The Problem of Indian Administration*. Johns Hopkins Press, 1928. P. 415.

⁵⁴ *Documents of United States Indian Policy* / Ed. by F.P. Prucha. Lincoln and London, 2000. P. 223–225.

⁵⁵ *Ibid.* P. 229.

Native Americans on the Frontlines of World War II

The United States entered World War II after a surprise attack on Pearl Harbor by the Japanese in December 1941, becoming allies in the Anti-Hitler coalition, alongside Great Britain and the USSR. Thus began America's history of the war in the Pacific, and later in Europe.

The role of Native Americans in the country's life had never been greater. There were 44,000 Native Americans in the U.S. Armed Forces, and another 50,000 worked in military industries. This was at a time when, according to the 1940 census, the total number of Native Americans was just 350,000. Many of them were leaving the reservation for the first time, and would never return after moving to the cities and acquiring new professions.

Native Americans welcomed the war with unprecedented enthusiasm. According to eyewitnesses, they literally stormed the recruitment centers. The Iroquois Confederation declared war on Germany, Italy, and Japan; the Navajo, Apache, Hopi, and others stopped using the swastika in their craft designs. Many tribes proclaimed President Franklin Roosevelt, General Douglas MacArthur, and even Joseph Stalin to be tribal chiefs as a symbolic expression of loyalty. Native Americans bought \$50 million in war bonds and made large donations to the Red Cross and other organizations.

Native Americans took part in all major U.S. military operations from the first day of the war until the last. More than 200 of them were given military honors and medals, and seven received the country's highest military award – the Medal of Honor, which is given “for conspicuous gallantry and intrepidity at the risk of life, above and beyond the call of duty, in actual combat against an armed enemy force”⁵⁶. The first major battle of World War II with Native American participation was in the Philippines in 1941. More than 300 Native Americans fought, including a descendant of the famous Apache chief, Geronimo.

Edward E. McClish, a Choctaw from Oklahoma, who served in the Philippines and was wounded at the beginning of military operations against Japanese troops, escaped from captivity and began organizing a partisan movement. He was able to gather more than three units. As a result of this partisan activity the Japanese lost 4,000 soldiers in three years. Later, McClish's partisan detachments joined the

⁵⁶ Medal of Honor Recipients: 1863–1978. Washington, 1979. P. III.

U.S. Army advance. McClish was made a Lieutenant Colonel for his heroism. In the Battle of Midway, one of the decisive battles of the Pacific theater, Major General Clarence L. Tinker, of the Osage tribe, was killed. He had commanded an aviation corps stationed on Hawaii, and took part in military actions, becoming the first American general to die in World War II, and the first Native American to reach such an exalted rank. Ira Hayes, of the Pima tribe, became a national hero after he, along with five of his fellow soldiers, raised the American flag on the island of Iwo Jima. The famous photograph that recorded this event is one of the most important visual documents of the war and of the U.S. victory. Admiral Joseph James “Jocko” Clark, a Cherokee, and a participant in the previous world war, became the first Native American to graduate from the United States Naval Academy in Annapolis. During the war in the Pacific he commanded aircraft carrier formations and ended his military career as a commander of the U.S. Seventh Fleet in the Pacific.

The list of Native American heroes of the Second World War could be continued further, but certainly the most famous of them would be the Navajo code talkers (cryptographers). The idea of using the Navajo language was suggested by a WWI veteran, Philip Johnston, the son of a missionary who had worked with that tribe. As a result, the successful experience of the previous war was repeated on a much larger scale. In total, there were 400 Navajo radio operators who took part in all the major U.S. naval operations in the Pacific from 1942 to 1945. They developed a complex system of encoding and decoding messages based on the Navajo language, which was used by almost no one outside the tribe, and which did not exist as a written language. This allowed for total secrecy of radio communication. Right up until the end of the war, neither the Japanese nor the Germans were able to break the codes invented by the Native Americans. This feat by the Navajo radio operators-code talkers was given its proper recognition many years after the war’s end: in 1982, August 14 was proclaimed Navajo Code Talkers Day, and has been celebrated ever since. In 2000, the Navajo were awarded the Congressional Gold Medal. The American historical film *Windtalkers* in 2002 (the Navajo refer to themselves as “windtalkers”) made this story known to a wide audience throughout the world.

It would only be fair to state that the Navajo were just one group (and the most famous) of the radio operators/code talkers during World War II. Other tribal languages were also used in various military operations, including Comanche (during the Normandy invasion); Meskwaki (in Northern Africa); Seminole, Creek, Tlingit, and others.

World War II ended the long period of virtual isolation of Native Americans in American society. Native Americans left the reservation, never to return. In 1940, just 5% of Native Americans lived off the reservation; by 1950, it was more than 20%. In subsequent years these numbers continued to increase. In addition, the war made it possible to overcome inter-tribal conflicts, it led to changes in Native Americans' perceptions of themselves, seeing themselves more and more as one people. Veterans who returned home from the front became a real force in the struggle for full civil rights for Native Americans. In the words of Helen Peterson, an activist in the movement for Native American civil rights, "World War Two revived the Indians' capacity to act on their own behalf"⁵⁷.

Native Americans in the Fight for Civil Rights: From Peaceful Protests to Radical Action

In 1944, the National Congress of American Indians (NCAI) was created to resist attempts by the U.S. government to limit Native American sovereignty and forcibly curtail the activity of tribal councils. Among its other tasks was to shape a positive opinion in society towards traditional Native American culture. The organization's first president was Napoleon Bonaparte Johnson, a Cherokee judge from Oklahoma. The Congress' program included the following points: enforcement of all rights under the Constitution and laws in the United States for Native Americans; expanding and improving educational opportunities provided for them; improving methods for finding productive employment and developing tribal and individual resources; increasing the number and quality of health facilities; settling claims filed by Native Americans in a fair way; and preserving their cultural values.

This program expressed the consolidated demands of the entire Native American movement, since more than 300 tribes were represented in the Congress. The organization's peak came in the 1954, when NCAI won the fight against legislation giving states civil and criminal jurisdiction over Native Americans. This was the Native American response to the U.S. government's policy of "termination", i.e. the liquidation of tribal self-rule, the end of state support for tribes, the extension of state law to Native Americans, and the prospect of a complete liquidation of their special status. This policy of "termi-

⁵⁷ *Bernstein A.R. American Indians and World War II: Toward a New Era in Indian Affairs.* Norman, 1991. P. 158.

nation” was extended to 109 Native American tribes, which meant a return to the policy of assimilation.

NCAI moved away from organizing mass protests, promoting the motto “Indians don’t demonstrate”⁵⁸. The organization tried to reach its goals through the courts, lobbying, and agreements with the government. However, such forms of struggle did not suit the new generation of Native American activists. Agreeing in general with the movement’s program, they advocated using more active methods to achieve the goals that were set. As a result, in the 1960s two radical organizations were created, the National Youth Indian Council and the American Indian Movement. Their activity was an important part of the national campaign for civil rights alongside the African American movement and massive student unrest.

The struggle of Native Americans for equal rights had its specific goals, geared toward defending their right to self-government and the preservation of their traditional culture, including the freedom of traditional pursuits such as hunting and fishing. The main tactic was the organization of mass non-violent actions such as the sit-ins used by African American young people in their fight against segregation, occupying places in cafés for whites. The National Youth Indian Council began to organize “fish-ins” to defend the age-old right of Native Americans to fish. As a sign of protest, Native Americans would openly fish in forbidden areas without a license. The first major action of this kind was conducted in 1964 in Washington State. It attracted a lot of public attention because of the participation of the famous actor, Marlon Brando, who was arrested along with other organizers. This type of protest was carried out all throughout the 1960s, accompanied by massive demonstrations to defend Native American rights.

However, the Native American movement was not limited exclusively to non-violent action. As the protest grew, Native Americans’ acts became more radical. Similarly to the “Black Power” slogan of African American radicals, Native Americans proclaimed “Red Power”. On November 20, 1969, 89 Native Americans seized the island of Alcatraz in San Francisco Bay, where a famous prison had been located until 1963. They stayed there for 19 months. The protesters, headed by Richard Oakes, proclaimed as their goal “to better the lives of all Indian people,” trying to make “known to the world that we have a right to use our land for our own benefit”⁵⁹.

⁵⁸ *Shreve B.G.* Red Power Rising: The National Indian Youth Council and the Origins of Native Activism. Norman, 2011. P. 126.

⁵⁹ *Johansen B.E.* Encyclopedia of the American Indian Movement. New York, 2013. P. 312.

This act resonated with thousands of people both inside the U.S. and abroad, which forced the federal government to start negotiations with the Native Americans and reject the use of force. The protest ended in June 1971, when the police removed the remaining 15 activists from the island. One direct effect of the occupation of Alcatraz was an end to the policy of “termination,” and the acknowledgement of the right of Native Americans to self-rule in 1970, during the presidency of Richard M. Nixon.

Inspired by this success, Native American organizations conducted several more mass actions. One of these was the “Trail of Broken Treaties” in 1972. In order to attract attention to their issues, Native Americans marched from the Pacific Coast to the U.S. Capital. The protesters seized the building of the Bureau for Indian Affairs and held it for a week, presenting the government with their demands aimed at strengthening tribal sovereignty.

The most dramatic events accompanied the protest in Wounded Knee in 1973. Around 200 armed members of the Sioux tribe seized the town and held it for 71 days. The place had a symbolic significance for the Native American movements since it was site of the infamous 1890 massacre. The activists were criticizing U.S. policy, accusing the government of violating treaties with the Indians and demanding that they begin drafting a new one. They declared that they were establishing traditional tribal rule in the town, proclaiming it an independent Indian state and a “paleface-free” territory. Wounded Knee was cordoned off by the FBI and the police. An extended standoff was accompanied by exchanges of fire, as a result of which two Native Americans were killed, 13 activists and two police officers were wounded. The protest, which had received quite a lot of attention within society, was halted after negotiations began.

Many social organizations, famous political and social figures, journalists, and celebrities expressed support for the Native Americans. One very important result of the Native American movement in the 1960s was the adoption of the Indian Civil Rights Act in 1968, which extended the Bill of Rights to the Native American population⁶⁰. In the following years, Congress adopted a series of legislative acts in conjunction with the program to develop tribal self-rule and to defend Native American rights. For Native Americans, the American Indian Religious Freedom Act, adopted in 1978, was of major significance. This act proclaimed defense of the traditional religions of American Indians, Eskimos, Aleuts and Native Hawaiians, inclu-

⁶⁰ Documents of United States Indian Policy... P. 250–253.

ding access to sites, use and possession of sacred objects, and freedom to worship through ceremonials and traditional rites⁶¹.

In part, this law ended the extended fight over the use of the North American peyote cactus, which has hallucinogenic properties, in Native American ritual ceremonies. President Jimmy Carter declared:

In the past, Government agencies and departments have on occasion denied Native Americans access to particular sites and interfered with religious practices and customs where such use conflicted with Federal regulations. In many instances, the Federal officials responsible for the enforcement of these regulations were unaware of the nature of traditional native religious practices and, consequently, of the degree to which their agencies interfered with such practices. This legislation seeks to remedy this situation⁶².

The law on religious freedom allowed Native Americans to begin their fight for the return to the tribes of sacred objects housed in the country's museums and research centers. This right was reinforced in 1990 by the Native American Graves Protection and Repatriation Act. As a result, all federal institutions began to return Native American remains and cultural artifacts to the respective tribes⁶³. The only museum exempt from this law was the National Museum of the American Indian, established in 1989 as part of the Smithsonian Institution.

Another important direction in the fight for restoring justice for Native Americans is the movement to return lost land, or to receive compensation. As early as 1946 the Indian Claims Commission was created⁶⁴. In the 32 years of its existence it examined 546 complaints and paid more than \$818 million in compensation to Native Americans. The Sioux received the largest payments, demanding the return of the Black Hills in South Dakota, a sacred site which had been taken in 1877.

This is where, in 1927–1941, an 18-meter bas-relief was cut into the granite face of Mount Rushmore, with the images of four U.S. Presidents: George Washington, Thomas Jefferson, Abraham Lincoln and Theodore Roosevelt. It is symbolic that it is here that, for the past 70 years, an even more grandiose memorial is being erected, primarily with private donations. According to the design, the finished monument will be 195 meters wide and 172 meters high and will depict the famous Indian Chief Crazy Horse. The project began in 1948, an ini-

⁶¹ *Ibid.* P. 289.

⁶² Public Papers of the Presidents of the United States: Jimmy Carter. 1978. Book 2. Washington, 1979. P. 1418.

⁶³ Documents of United States Indian Policy... P. 332–334.

⁶⁴ *Ibid.* P. 231–233.

tiative by the Sioux tribe as a tribute to their chief. As time went on, however, this monument being constructed next to Mount Rushmore has turned into a symbol of the gradual integration of Native Americans into the social, political, and cultural life of the country. They have become an integral part of the Nation of Nations and taken their unique place in the American mosaic of cultures. Their leaders have entered the pantheon of national heroes.

Further Reading

- Bernstein A.R.* American Indians and World War II: Toward a New Era in Indian Affairs. Norman, 1991.
- Johnson T.* Red Power: The Native American Civil Rights Movement. New York, 2007.
- Holm T.* Code Talkers and Warriors: Native Americans and World War II. New York, 2007.
- Iverson P., Davies W.* “We Are Still Here”: American Indians since 1890. New York, 2015.
- Krouse S.A.* North American Indians in the Great War. University of Nebraska Press, 2007.
- White J.M.* Everyday Life of the North American Indians, Dover Publications, 2003.
- Wilkins D.E.* American Indian Politics and the American Political System. Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2007.

Electronic Resources

See the videos at: <https://edu.amc.ru/courses>

- Carlos Montezuma, “A Boy Named Beckoning” [Electronic resource]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=SrT5lI_RH4s (accessed 18.02.2021).
- Crazy Horse Memorial Documentary [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=5T9zWoNBnWE> (accessed 18.02.2021).
- Ghost Dance Wounded Knee [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=7PQj-NHp83A> (accessed 18.02.2021).
- National Navajo Code Talkers Day [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=yFLu73qKA8k> (accessed 18.02.2021).
- Occupation of Alcatraz 1969 [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=UbWxeQNYPVg> (accessed 18.02.2021).
- The Patton of the Pacific: Admiral Jocko Clark [Electronic resource]. URL: https://www.youtube.com/watch?reload=9&v=IAAOI0cae_o (accessed 18.02.2021).

Richard Oakes delivering the Alcatraz Proclamation (1969) [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=7QNfUE7hBUc> (accessed 18.02.2021).

20th November 1969: Native Americans begin their occupation of Alcatraz Island [Electronic resource]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=Mej6i_NhJ00 (accessed 18.02.2021).

True Whisper: The Story of the Navajo Code Talkers [Electronic resource]. URL: <https://vimeo.com/188198031> (accessed 18.02.2021).

WWI Choctaw Code Talkers [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=7V63dl9Puso> (accessed 18.02.2021).

Wounded Knee 1973 [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=TBZ6PgrIIjc> (accessed 18.02.2021).

*Lecture 8. “A House Divided”:
Slavery and the Problem
of National Unity in the U.S.*

The history of how African slaves became African Americans, how dark-skinned residents of the U.S. fought for their rights and freedom with and without the help of white people, how African American culture became a part of the American cultural heritage, while retaining its originality, is also a tale of the United States of America as a nation of nations and a mosaic of cultures.

It is a story of the rise from the depths of captivity to freedom and equality, a story full of pain and tears. This is the path that any visitor to the National Museum of African American History and Culture can follow. The museum opened in Washington, D.C. in September 2016. If you are ever in the U.S. capital, make sure you visit that museum, to catch a glimpse of the country’s history through the eyes of those for whom that country was, for a long time nothing but a cruel stepmother.

The South relied on the institution of slavery in its economic development, which, in turn, influenced all facets of life in Southern society. At the beginning of the 19th century, it began turning into the *Other* America. Slave labor on Southern cotton plantations was an important part of the national economy; since it enabled the development of the textile industry in the North East, where, despite the abolition of slavery, there was no equality between black and white Americans.

White society created racial barriers, artificially separating “white” and “black” cultures, preventing their synthesis, which nevertheless began to happen in the everyday culture of food and music, and which first occurred on massive scale during the Harlem Renaissance in the 1920s. Before then, however, Black Americans had to survive, as they had to survive until slavery was abolished during the Civil War (1861–1865) and until the adoption of the 14th and 15th Amendments to the U.S. Constitution, proclaiming their equality with whites. Only then it was possible to speak of a united American nation. After all, as President Abraham Lincoln said, on the eve of the Civil War, “A house divided against itself cannot stand”.

African Americans during Slavery

Africans who were brought to the territory of the future USA in Colonial times did not come of their own free will but were forcibly transported from the western coast of Africa and sold into slavery. They spoke various languages and held different traditions. Up until 1808, 8% of all slaves brought to the New World came to North America. By 1725, there were 75,000 slaves in the British colonies of North America; by 1790, after independence had been proclaimed, there were 700,000; by 1820 – 1,5 million; by 1850 – 3 million; by 1860 – 4 million, as a consequence of the slave trade, the annexation of French, Spanish, and Mexican territories in North America, and the natural growth of the black population.

After the American revolution, by 1804, slavery was abolished in most of the Northern states, but in some of them, such as New Jersey, this did not happen right away. In the South, it remained a special institution for a long time, in spite of the fact that many slaves fought on the side of the American colonists during the War of Independence (1775–1783), hoping to gain their freedom in a new, democratic state. The industrial revolution, which began in the U.S. at the end of the 18th century, and the cotton gin, invented in 1793 by Eli Whitney, a resident of Connecticut, breathed new life into the institution of slavery, since cotton was the basic raw material for textile mills in the Northeast and in Europe. By the mid-19th century, the South, which, thanks to slave labor had become the “empire of cotton”, supplied three-quarters of the world’s production.

In 1807, the U.S. stopped participating in the international slave trade, and according to the U.S. Constitution, importing slaves into the country was banned in 1808. However, slavery was still spreading in the South and West as new slave-owning states joined the union. Thousands of slaves had been brought from Africa and the Caribbean islands to satisfy the need for labor on Southern plantations. After the ban, the illegal importation of African slaves to the U.S. amounted to between 10,000 and 20,000 people per year. The South added to its work force through the internal slave trade as well. Slaves were sold and resold in slave markets, in ports and marketplaces all through the Upper and Deep South. Families were quite frequently torn apart, since the feelings of the black slaves did not concern their white masters. It did sometimes happen that a former owner would make it a condition of sale that a family not be separated, but this was the exception rather than the rule.

For the slaves originally brought from the coast of Africa, the horror of the journey in the bowels of an overcrowded ship gave way to the

suffering of a slave's existence in British colonial America, where they did not understand the language that the people around them spoke, and those people could hardly understand them; where the buyers and sellers treated them like beings of a lower sort. Those slaves who were born in the U.S. (who, over time became the overwhelming majority) were in a more familiar environment. The family gave them some protection from hunger, cold and isolation, but did not save them from the cruelty and omnipotence of the whites who considered them their property. For this reason, it makes little sense to discuss whether the institution of slavery in North America was more compassionate than its Latin American variant, although, as researchers point out, slavery in Portuguese Brazil was particularly cruel, and cannot be compared to what was happening in the North American regions.

Ninety-five percent of slaves lived in rural areas and were used in growing sugar, cotton, rice, and tobacco on plantations or worked on slave-owning farms. In the 1850s, 400,000 Southern slave owners held 10 or fewer slaves. They were the farmer-slave owners. More typical was the life of slaves on plantations, where they were with 20 or more other slaves. The owners of large plantations were a minority among Southern slave owners, but they held the highest numbers of slaves, who, along with the land, constituted the main assets of Southerners.

On the small slave-owning farms, where the owner had one or two slaves, they had to do all the housework as well as work in the fields. The larger the farm or the plantation was, the more specialized the slaves' labor had to be. On plantations, there was a clear delineation between house slaves and field slaves. House slaves – the wet nurses, the mammies, the cooks, the drivers, the maids – held a more privileged position. They often lived in the owner's house and had access to better food, and dressed and looked better. One can come across a romanticized image of a house slave in Southern literature.

The overwhelming majority of slaves, however, worked in the fields from dawn to dusk, which was not conducive to efficient and productive work. Climate conditions in the Deep South (South Carolina, Georgia, Alabama, Mississippi, and Louisiana) were more difficult thus farming was even more labor-intensive than in the Upper South. In many states, slave owners employed a task labor system. Every day, the slave received an assignment, and after completing it he/she could go and rest, which was supposed to stimulate him/her to work faster. Sources testify that overseers employed the harshest punishments, especially when the owners did not live on the plantation full-time, and entrusted it to the managers. White overseers had assistants from among the slaves, who were supposed to supervise the work in various

parts of the field, and who were responsible for their area. Children began working at the ages of 10 to 12; before that, starting from the age of 6, they gathered firewood or looked after the young ones. Nursing mothers and women in the last months of pregnancy had lighter duties since owners were invested in increasing their slave population without having to pay for it.

The owner could let his slaves go to work in the city or "rent them out" to other people, if he did not need them for a time. The slave had to take care of himself/herself and give part of the money he/she earned to the owner, keeping some for him- or herself. Rich plantation owners often sent slaves to learn a trade, so that in the future, slaves who learned carpentry, smithcraft, cooperage, and shoemaking, could bring in additional revenue. Those, who managed their owners' ships, turned into experienced captains. Female slaves could become skilled seamstresses, hairdressers, midwives, and cooks. The slaves' labor made it possible for the plantations to provide themselves with all their everyday needs.

City slaves, who were at most 6% of the slave population, lived in much better conditions than those on plantations, enjoying privileges and freedoms that plantation slaves could only dream about. Men were hired on wharves, in cotton presses, for brickmaking or as loaders. Slave labor was actively used in plants and factories, for laying railway lines or digging canals, mainly in the Upper South. Female slaves became house servants, laundresses, or wet nurses. The majority of city slaves had the status of being "hired out", meaning temporarily released by their owners on plantations and farms. Some even managed to open their own businesses. Southern newspapers and magazines frequently wrote about the harmful influence of city life on the slaves' mentality. According to them, slaves in the cities grew to become more open-minded and freedom-loving people. The system, however, was too economically advantageous for the South to give slavery up.

The white South lived and developed at the expense of slave labor, reaching its peak of economic prosperity in the 1840s, on the wave of the "cotton boom". Southerners were the majority in the Supreme Court and in Congress and occupied top positions in the government.

The owner provided slaves with food, clothing, and shelter, thus the slaves' standard of living depended on the income of the slave owner, his generosity and the ways he perceived his economic interests. The slaves' diet was limited (rice, fatback, corn, eggs, corned beef), which, combined with hard labor and poor living conditions in dirty huts (usually two families in each) led to various illnesses, from fevers and rheumatism to tuberculosis and pneumonia, and sharply curtailed the lifespan of the slaves. Owners preferred not to call doctors for their

ailing slaves, all the more so since doctors were not inclined to treat slaves. Slaves were treated with common household remedies, and when epidemics of cholera or yellow fever broke out, they were isolated and given over to the care of elderly black healers. As they aged, slaves lost value for their owners. Those who were too old to sell, but knew a trade, were released to other people for hire, so that they brought in an income. Those who could not do this simply lived out their days, relying on the kindness of their dark-skinned brothers and sisters.

Slaves were regularly subjected to physical punishment, both for various faults and as an intimidation technique. The system of punishments (from whipping to the cruelest torture) was a means of control by the “white” South over the “black”, especially since in the Deep South, the black population significantly outnumbered the white one. This, along with the desire to protect themselves from slave uprisings, stimulated the implementation of harsh laws, forbidding the teaching of literacy to slaves, depriving them of freedom of movement and the rights to testify against whites in court, to buy and sell goods without permission of their owners, to go to church or be baptized, and carry weapons (with the exception made for slaves who lived in border areas).

Slaves could not legally marry, but they could marry before God. Of course, there was no guarantee that the marriage would last until “death do us part” since the owner could part them at any moment. Baptist preachers who blessed these unions were aware of the situation and did not pronounce the traditional words during ceremonies. The owner, the foreman tasked with looking after the plantation, and the overseer could marry or separate couples as they wished, as well as force female slaves to have sex with them, including those who were already married. In spite of the fact that interracial sexual relations were condemned by the state and the church, they were very common, especially the ones between white men and black female slaves.

Many slave owners approved of allowing slaves to adopt Christianity, thinking that it would make them easier to control. The slaves, however, had their own interpretations of faith and the concept of the divine. African priests and healers became African American preachers. A black American church which arose in the new land, was influenced by African religion and relied on the principles of wizardry and magic in its cults (voodoo and Obeah worship). Throughout the 17th–18th centuries this religion changed under the influence of the white culture and the work of Christian missionaries, converting into a Calvinist Christian denomination, which spread from plantation to plantation. The African roots of this religion were reflected not only in the theology but in the rituals that involved singing and dancing.

Slaves secretly prayed in their huts, putting pots over their heads to muffle the sound, or else they arranged their services in the forest.

An integral part of life in the "black" South before the Civil War was choir singing of church hymns, accompanied by hand clapping and foot stomping. To Southerners' ears, this seemed just as normal as the sound of the collective singing of slaves on the plantations. African American spirituals in the South formed a separate genre at the end of the 19th century (called "Jubilees" at the time), and later served as the basis for jazz. African Americans remained superstitious, and followed various magical rituals, in which they fully believed. The vestiges of these African beliefs in the form of appeals to spirits and black magic, in turn, became part of white Christianity. Another source of comfort for slaves was folklore, allegorical stories about how slaves managed to outsmart their owners, transmitted in various forms from one person to another.

The hard labor sapped the slaves' strength, but they had occasional days off. As a rule, masters allowed the slaves to rest on Sundays, and some allowed to take Saturdays off as well. This depended on the slaveowner, however. There were those who deprived their slaves of any days off and forced them to work 12–14 hours a day. On days off, slaves could hunt or go fishing, collect berries, or garden. They could arrange sports competitions (running, wrestling), play the banjo, sing and dance, tell tall tales, or gamble. They sometimes had the chance to visit friends and loved ones who lived close by, if, of course, their master allowed it. The happiest time of year was the days before the harvest and before Christmas. Sometimes the owner would let them rest, eat, and drink whiskey for a few days. Those were the small pleasures of slaves' existence, which, however, did not change much in their lives.

This is why slaves sometimes demonstrated overt disobedience or rose up in rebellions. The overwhelming majority of slave owners interpreted such behavior as a result of Northern Yankees' and abolitionists' activist efforts, rather than being a response to slaves' living conditions. They also blamed Quakers' and Methodists' preachings about all people being equal before God and the activities of missionaries and philanthropists.

The anti-slavery movement received new impetus in 1831, when the Boston abolitionist William Lloyd Garrison began publishing the "Liberator" newspaper and advocating for non-violent measures to end slavery and guarantee equality for African Americans. In 1833, together with Arthur Tappan, he created the American Anti-Slavery Society in Philadelphia, which quickly began to expand. By 1838, it had 1,350 local offices, and 250,000 members. White and black abolitionists, however, very rarely called on the slaves to rebel or rise up. As

a rule, collective actions by slaves were spontaneous, dictated by the conditions of their existence and with no hope of success.

For example, in 1739, twenty slaves rebelled in South Carolina. They seized weapons and ammunition, looted a food shop, killing the owner, and moved toward a Spanish fort in Florida, freeing slaves along the way. In spite of the fact that the number of rebels grew exponentially, they were defeated by white plantation owners 10 miles away from Stono. In 1831, the largest uprising in U.S. history took place in Virginia, when a group of slaves organized by Nat Turner, a preacher and a plantation worker who saw himself as a prophet, seized weapons and killed plantation owners and overseers known for their cruelty. The uprising was crushed by the state's militia, and Turner was hanged, along with 20 of his associates.

One consequence of Nat Turner's uprising was the elimination of abolitionism in the Upper South. All the discussions surrounding abolitionism were stopped. The last of them occurred in the Virginia legislature in 1832, demonstrating commitment to presenting the North with a to give a unified answer to the North. The abolitionists moved from the idea of resettling former slaves in Liberia, which had been a project of the American Colonization Society, created in 1816, to the struggle for the abolition of slavery (like William Lloyd Garrison and his supporters) or keeping it from spreading to new territories, as the "freesoilers" were attempting to do.

Slave uprisings and rebellions were suppressed with invariable cruelty and led to the tightening of the laws. None of this, however, did away with the slave's yearning for freedom. Was there any hope at all of attaining it?

The first way was to buy one's freedom, by saving up money. By law slaves were not allowed to own property, but in practice plantation owners often allowed them to create small enterprises, doing handwork and selling their baskets, brooms, and other trinkets at the market. Slaves sold moonshine and stolen goods on the shadow economy. In addition, owners sometimes let their slaves go to the city to earn money, as described above. The slave could buy his freedom with the money he earned, although there was always a risk that the agreed-upon conditions would be changed. Among the freed African Americans were those who used their money and energy to free slaves by buying them from their owners.

In addition, a slave owner could voluntarily free slaves, either because of political convictions, religious teachings, for good service, or because they were his own children, born of slave women (a slave's status was determined through the maternal line). Freed slaves were met by an extremely hostile white world, which did not recognize their

rights. This is why there were so many slaves in the South who had a quasi-free status, i.e., their owners let them live completely independently, but kept their slave status to give them some sort of legal protection. In 1860, when the number of slaves in the U.S. reached 4 million, 3,000 were manumitted slaves. In general, on the eve of the Civil War there were 261,918 free blacks living in the slave-owning states, mainly in the Upper South.

The third way of gaining freedom was to run away to the North, where slavery had been abolished in various states from 1789 to 1804. Information about the routes was transmitted through word of mouth; the runaway slaves were assisted by white abolitionists and free blacks, as well as others who helped for humanitarian reasons. In the 1830s there was already a national network of the "underground railroad", which led from the South to the free states. There were specific addresses where a slave could receive food, clothing, and shelter on the way to freedom. Feeing was extremely complicated, however; as a rule, a slave did not manage to get away on the first try.

It was good when slaves had money earned from work on the side. That is how Frederick Douglass saved himself from slavery. Douglass was a well-known black writer, educator and abolitionist, who was born as a slave to a slave woman from a white father. After earning money on the wharves, he escaped in 1838 and ran away to Massachusetts. In 1845 he published his autobiography, "Narrative of the Life of Frederick Douglass, an American Slave", which is still one of the most important documents of the era. He also founded the newspaper "Northern Star", for slaves. Douglass became one of the most important figures in the anti-slavery movement, giving lectures in support of equality, not only for African Americans, but for women.

Another runaway was Harriet Tubman, the one whose portrait will soon replace the image of the seventh U.S. president and slaveowner Andrew Jackson on the twenty-dollar bill. Born as a slave in Maryland, she ran away to Philadelphia in 1849, and a year later began to assist in transporting slaves to free territory. The first were her sister and her sister's children. Before the Civil War this woman made 19 secret raids to Maryland, sending 300 slaves to the North, not one of whom was caught and sent back into slavery. Sometimes she worked alone, sometimes she linked up with activists on the Underground Railroad. The fantastic sum of \$40,000 was placed on her head, but no one gave her up. During the Civil War she worked as a spy, fighting on the side of the North and gaining important information about the Confederate forces.

If runaway slaves were caught, a harsh punishment awaited them, sometimes even death. Specially trained dogs were sent after

them who could tear them to pieces once they caught them. “Negro Hunters” prowled the streets of the North as well as the South, but this did not keep more and more slaves from seeking freedom. No one can say exactly how many slaves managed to escape. Researchers name figures from 30,000 to 100,000. When Southerners managed to get the Fugitive Slave Law through Congress in 1850, which extended to the free states, mandating that their authorities arrest and return runaway slaves to their rightful owners, many runaway slaves went to Canada.

Shortly before the outbreak of the Civil War, the journalist James Redpath wrote:

In the Canadian provinces there are thousands of fugitive slaves; they are the picked men of the Southern states, many of them are intelligent and rich and all of them are deadly enemies of the South; five hundred of them at least annually visit the slave states, passing from Florida to Harper’s Ferry... They have carried the Underground Railroad and the Underground Telegraph into nearly every Southern state⁶⁵.

More and more white Americans started supporting this movement, having come to the conclusion that they must help the runaways since as the Preamble to the Declaration of Independence has it: “all men are created equal”. In 1852, Harriet Beecher Stowe’s novel “Uncle Tom’s Cabin” came out, and in 1853, she published documents that had served as her sources and testified to the horrors of slavery. Although it has been criticized for its simplistic portrayal of slavery and religion as well as crude generalizations, the book had a unique social impact and became the abolitionists’ manifesto. It sold hundreds of thousands of copies and had a major influence on public opinion in the North.

Southern writers answered the publication of Stowe’s novel with a whole series of works countering “Uncle Tom”. For the decade before the war literature in the South was subjected to the idealization of the society, the celebration of the patriarchal unity of white masters and black slaves, the harmonious social relations in Southern society based on honor and nobility, the creation of romanticized images of chivalrous Southern men and educated, refined Southern women, who stood in contrast to the unprincipled Yankees of the North. It was novels like this that created the “Southern myth” in children as well as adults, which was firmly entrenched in Southern consciousness and which lasted after slavery was abolished. The American writer Margaret

⁶⁵ Cit. on: *Schneider D., Schneider C.J.* Slavery in America. New York, 2007. P. 140.

Mitchell grew up on these novels, and in 1936 she published her novel "Gone with the Wind", which became a bestseller. She did not remember the South before the Civil War, but she had read about it in novels, and in the works of Southern historians, published in the 1920s. Thus, on the basis of the old "Southern myth" a new one would form.

In the 1850s, the North and the South were on their way to the Civil War. That war, however, did not begin in the name of abolishing slavery, but in the name of preserving the union.

The Problem of Slavery and the War between the North and the South (1861–1865)

The conflict between the North and the South was not only one of a socio-economic nature, but the one over culture and values. The development of the South had a dualistic character. On the one hand, Southerners were Americans and were subject to the same socio-economic (industrial and transportation revolutions) and political (liberal reforms) processes. On the other, the Southerners had built their regional identity on the institution of slavery, and the particular economic and socio-cultural features that went with it. It was the Southern component that finally took precedence, which de-facto led to the creation of an independent entity, the Confederate States of America, or the Confederacy, which went to war with the United States of America, or the Union.

This duality was reflected in the ideology of the South. John Calhoun, a leading politician and ideologue appealed to the traditions of Thomas Jefferson, defending states' rights. Appealing to the doctrine of states' sovereignty, he tried to protect Southerners from the abolition of slavery by federal law. Calhoun proposed a new interpretation of the Constitution, leaving the states the right to reject decisions of the federal government and to secede from the Union. In turn, George Fitzhugh, who became the ideological leader of the South in the 1850s after Calhoun's death, celebrated the South's institution of slavery as a major path to human development that traced back to slave-owning Ancient Greece and other ancient civilizations, writing about the moral and cultural superiority of slave owners over capitalists. In his critique of capitalism, using the works of European social utopians, he declared the Southern slave-owning plantation to be a ready-made cell of socialist society, where all workers (owners, overseers, slaves) received "according to their merits" and lived according to the laws of justice.

Defenders of slavery were not primitive racists, although racist arguments found many supporters in the ranks of religious and social activists, medical workers, and economists in the 1840s–1850s. Southerners thought that slaves in the U.S. lived better than free people in Africa and needed the protection and instruction of white people. The main thing, though, was that the entire world of the South as an economic and socio-cultural entity was founded on the institution of slavery. It therefore made no sense to talk of abolishing it.

Throughout the first half of the 19th century, the argument between the North and the South over the question of slavery grew ever more vicious during the process of continental expansion leading to the creation of new states. In 1820, the Missouri Compromise was achieved, with the condition that Missouri be included in the U.S. as a slave-owning state, while Maine was included as a free state, and the conditional border between the North and the South was set at the 36° 30' parallel. The inclusion of new states had to be in pairs (one free, north of the border, and one slave-owning, south of the border), to keep the balance.

This compromise stabilized the situation until the end of the 1840s, when, following the Mexican-American War (1846–1848) the U.S. annexed a huge territory, which today contains the states of California, New Mexico, Arizona, Nevada, Utah, Colorado, and part of Wyoming (Texas, which had been annexed earlier, became the 28th state in 1845, and was a slave state). Gold was discovered in California, and large numbers of settlers rushed there. As a result, the question arose of incorporating California into the U.S. as a new state. The North and the South needed another political compromise, which they finally reached in 1850. California became part of the U.S. as a free state, slavery was prohibited in the federal District of Columbia, where the capital, Washington, was located, but Utah and New Mexico residents received the right to solve the question of slavery for themselves. Besides this, the law on runaway slaves was extended to cover the entire U.S. territory.

This agreement only lasted until 1854, however, when Kansas and Nebraska needed to be included in the U.S. Both were north of the Missouri Compromise line. Democratic Senator Stephen Douglas suggested that the question be resolved on the California model. According to the Kansas-Nebraska Act (1854) the question of slavery in the new states was given over to the residents to decide for themselves. In Nebraska slavery was prohibited from the start, while in Kansas a civil war broke out between those who supported it and those who were opposed, ending in the victory of the opposition and serving as the prototype for the future Civil War.

The South greeted the Kansas-Nebraska Act with fireworks and torchlight parades, while the North rang bells of mourning and created the Republican Party. The Party announced its founding principle to be Free Soil, but it united participants in the antislavery movement with various views. Anti-Catholic sentiment also played a role, since Catholicism and slavery were seen as the two main despotisms threatening American society. The Republican Party had an energetic and radical wing aimed at immediately abolishing slavery by federal law and giving Black people the same rights as whites. Formed in 1854, the Party first declared itself in 1856, nominating John C. Fremont as a candidate for President. The Republicans lost, but won in 1860, thanks to their new leader, the tall, thin lawyer Abraham Lincoln, who was not in favor of radical abolitionism.

Lincoln was born in Kentucky, in a carpenter's family, and in 1830, he moved with his parents to southern Illinois, where he worked in New Salem as a clerk in a store and then for a merchant, was an assistant land surveyor and a postmaster. After studying the law, Lincoln started his law practice in 1836, and between 1834– and 1842 he ran for the Illinois legislature from the Whig Party (at that time there was a two-party system consisting of the Whigs and the Democrats, which was replaced in the mid-1850s by the Republicans and the Democrats). In 1847–1849, Lincoln was in the House of Representatives of the U.S. Congress. In 1849, Lincoln left politics, and until 1858 practiced law, acting as a legal consultant for the Illinois Central Railroad. He became one of the leading attorneys in the state of Illinois, and during the 23 years of his legal career he took part in thousands of cases, appearing with his partners before the state Supreme Court more than 400 times. Lincoln joined the Republican Party in 1854, furious at the Kansas-Nebraska Act. In his career, Lincoln confirmed the “myth of the log cabin” – i.e., that even the most humble American can become president of the United States.

In 1858 the famous Lincoln-Douglas debates were held, pitting Abraham Lincoln, a candidate from the Republican Party, against Stephen Douglas, from the Democratic Party, both running for the Senate from the state of Illinois. The debates took place in seven districts; they were organized around the problem of slavery and demonstrated the different interpretations of what makes the American nation and the nation-state.

Stephen Douglas declared: “This Government was made by our fathers on the white basis. It was made by white men for the benefit of white men and their posterity forever⁶⁶.”

⁶⁶ Debates of Lincoln and Douglas. Columbus, 1860. P. 176.

Abraham Lincoln replied:

I believe the entire records of the world, from the date of the Declaration of Independence up to within three years ago, may be searched in vain for one single affirmation, from one single man, that the negro was not included in the Declaration of Independence. I think I may defy Judge Douglas to show that he ever said so, that Washington ever said so, that any President ever said so, that any member of Congress ever said so, or that any living man upon the whole earth ever said so, until the necessities of the present policy of the Democratic party, in regard to slavery, had to invent that affirmation⁶⁷.

Douglas won the election, but thanks to the debates Lincoln had become a national figure, and his “House Divided” speech, delivered on June 16, 1858 in Springfield, was prophetic. At that time, he said:

A house divided against itself cannot stand. I believe this government cannot endure, permanently half slave and half free. I do not expect the Union to be dissolved – I do not expect the house to fall – but I do expect it will cease to be divided⁶⁸.

The Northerners accused the Southerners of sectionalism and lacking national patriotism. The Southerners, however, were also national patriots, they simply were building Americanism on the basis of ethnicity – only for whites.

Three events were key in leading to the Civil War (1861–1865): first, the Dred Scott case. Dred Scott was a slave from Missouri who, having lived with his owner for four years in free territories, filed a case with the Supreme Court in to receive the status of free man; in 1857, however, he was ruled to be 100% slave. At the same time the Missouri and California Compromises were declared to be unconstitutional (in the U.S., the Supreme Court is the organ of Constitutional oversight). All of this demonstrated the desire by the Southerners to extend slavery to all of the territories in the country. Second was John Brown’s Raid, one of the boldest armed protests by abolitionists, undertaken with the goal of provoking a mass uprising of slaves in the South and destroying slavery. On October 16, 1859, a band of men led by John Brown seized the arsenal in Harper’s Ferry, Virginia. The uprising was suppressed by a company of Marines under the command of Colonel Robert E. Lee, the famous future leader of the Southern Army. Brown

⁶⁷ Ibid. P. 178.

⁶⁸ Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 4. Ann Arbor, 2001. P. 147.

and six of his associates were captured and hanged. Before his death, Brown wrote a letter in which he foretold the coming fratricidal war. The signal to the South for the war to begin was the election of Abraham Lincoln as President of the United States from the Republican Party in 1860. That was the third thing.

In December South Carolina seceded from the Union, and right after it six more states of the Deep South. In February 1861 in Montgomery, Alabama, the creation of the Confederacy was proclaimed, and on April 12 the Southern artillery fired on Fort Sumter, South Carolina, where the Union forces were. Lincoln declared the seven states to be in rebellion; soon they were joined by four more. The Civil War had begun, called by Southerners a "war of independence" and by Lincoln a war to reunite the Union, with or without slavery. It lasted for four years and left an indelible mark on Americans' collective memory.

The Southerners created their state, adopted a Constitution, and elected Jefferson Davis president. They had their own flag and their own anthem. Alexander Stephens, the vice-president of the Confederacy, in contrasting it with the Union, declared in 1861:

Our new government is founded upon exactly the opposite ideas; its foundations are laid, its cornerstone rests, upon the great truth that the negro is not equal to the white man; that slavery, subordination to the superior race, is his natural and moral condition⁶⁹.

The Civil War had been going for almost two years, before the Emancipation Proclamation was issued on January 1, 1863. Before then, in May 1862, the Homestead Act was adopted, which was the implementation of the policies of the Freesoilers, since any citizen of the U.S. who had reached the age of 21 or was head of a family could be given a parcel of land in the West amounting to 160 acres (65 hectares) as his own property, providing he lived there for at least five years and could pay the registration fee of between 24 and 36 dollars. Finally, in 1863, slavery was abolished in the rebel states with no right of recompense. These provisions did not extend, however, to the slave-owning border states loyal to the Union, and there was no talk of equal rights for former slaves. Nevertheless, both documents led to a fundamental change in the course of the Civil War.

When the War began, free blacks tried to fight on the Union side, and even to create Negro regiments. These efforts, however, were

⁶⁹ Fifty Basic Civil War Documents / Ed. by H.S. Commager. Malabar, FL, 1982. P. 16.

not supported, since racial prejudice existed not only in the South, but among white Northerners as well. Until December 1861 federal troops had to return runaway slaves to their owners. On July 17, 1862 Lincoln issued a decree that all slaves who joined the army on the side of the Union became free, and their owners were paid compensation if they remained loyal to the Union.

Thousands of slaves, men, women, and children, risking their lives, ran through the front lines either by themselves or with the aid of abolitionist soldiers from the federal army. Bands of runaway slaves appeared in Union territory, called “contrabands” in the North. They lived in destroyed homes, in fields, in abandoned military camps, without clothing or means of survival. Many were in worse conditions than they had been in the South and were forced to reject their naïve faith that freedom came with money and an easy life. The Union Army had to give aid to these former slaves. Northern volunteers helped as well. They created more than 50 various organizations that supplied the black southerners with clothing and money, helped them adapt to their new living conditions, taught them to read and write. By the end of the war 120 federal schools had been created for them, attended by 13,000 students. In the summer of 1864, Secretary of the Treasury William Fessenden appointed agents who were responsible for the freed slaves, and for creating Freedman’s Home Colonies for them, where they were given housing, work animals and tools and all the necessities. The settlers received between 10 and 25 dollars per month for their labor.

Runaway slaves, who became free on January 1, 1863, were ready to work and make their contribution to the victory of the North. Their labor was used to build fortifications, in kitchens, in hospitals. They worked as navigators, blacksmiths, and carpenters. They began to work the land and collect harvests when the federal army seized land in the Southern states. Hundreds of runaway slaves fulfilled the role of spies and intelligence officers, collecting important information for the federal army. Instead of a fight to preserve the Union, the war became a struggle to abolish slavery, whether white Americans wanted that or not.

Black Americans definitely wanted that and demonstrated their ability to provide for themselves if there was work; they were ready to learn to read and write and to live as free people. They were willing to fight for that freedom with weapons in their hands and join the Union Army if it came close to them. This is what happened, for example, when General William Sherman’s army finished its famous “March to the Sea” through Georgia in November-December 1864.

In January 1865, Sherman issued his Special Field Orders No. 15, promising each former slave "40 acres and a mule".

Given the deficit of human resources many Northern army commanders, without waiting for an order from President Lincoln, began recruiting black soldiers and using runaway slaves to perform military tasks. A full-scale draft of African Americans into the Northern Army began in 1863 after slavery was abolished. The draft was largely the reason for emancipation, as well as the activities of radical Republicans, who were becoming more numerous and more influential within the Party.

On January 1, 1863 the Union Secretary of War authorized the states' governors to begin to create military units made up of black soldiers. In May 1863 the War Department established a special Bureau for Colored Troops to control the recruitment and training of African Americans. By the end of the war 178,975 African Americans were fighting in the federal army, making up 1/8 of the total. Black regiments, who were usually more poorly equipped and supplied and who received poorer medical attention, were commanded by white officers. In this sense dark-skinned sailors were better off; 29,000 African Americans served in the Union Navy, making up 1/4 of all sailors. By the end of the war 25 African Americans who fought on the Union side were awarded Congressional Medals of Honor.

In those areas that were controlled by the Confederacy, slaves were running away in large numbers, or were unwilling to work under former conditions, all the more so since only women were left in the houses. They couldn't sell cotton, since the North had imposed a naval blockade on the South; they were unused to hard physical labor, which they now had to perform, and they were afraid of violence from the slaves. The situation was so tense that in November 1864 the President of the Confederacy, Jefferson Davis, suggested that Congress examine the question of freeing the slaves.

It must also be kept in mind that there were slaves fighting on the side of the Confederacy as well, albeit involuntarily; their labor was used for construction, and many accompanied their masters as servants in the war. The actual number of slaves in the Confederate Army is a matter of some debate among historians, however. The Confederate Congress did not adopt the Negro Soldier Law until March, 1865, when the War was already lost to the North.

In January 1865, the 13th Amendment to the U.S. Constitution was adopted, abolishing slavery throughout the United States, definitively and with no compensation. In April of that same year the War ended.

The Achievements and Failures of Reconstruction (1865–1877)

The period from 1865 through 1877 is known in U.S. history as Reconstruction. It was characterized by two tendencies: on the one hand, former slaves tried to build their new lives and fought for the right to become U.S. citizens, and on the other, the majority of white Southerners tried to reassert their dominance.

The South lay in ruins, its industrial and transportation networks were destroyed, fields were abandoned, the former slaves did not understand how they were supposed to live. The main task facing the administration of President Lincoln, who was elected to a second term in 1864, was to put the Union back together, give land to poor people in the South, both black and white, and guarantee rights to former slaves. Lincoln did not get the chance to carry out Reconstruction; he was fatally wounded by an actor and supporter of the Confederacy, John Wilkes Booth, on April 14, 1865, during a play at Ford's Theater in Washington, D.C.

Andrew Johnson was the one to take up Reconstruction. He entered into open conflict with the radical Republicans, who were in the majority in Congress and who wanted to weaken the old Southern elite as much as possible as well as to give the former slaves land and equal rights. Johnson, on the other hand, was facilitating the transfer of power to the old Southern elite and giving the former plantation owners their lands back; he was also giving full amnesty to the Confederates, except for a few key figures. This conflict almost led to the president's removal from office: he was impeached by the House, but the Senate could not gather the requisite number of votes to convict him.

Various racist organizations took hold in the South, such as the "White Brotherhood", the "Knights of the White Camellia", and the "Red Shirts". The most famous one was the secret organization the Ku Klux Klan, created in December 1865 in Pulaski, Tennessee and bringing together the Southern veterans of the Civil War. Ku Klux Klan members, who wore white robes and pointed hoods with eye slits, were exacting revenge for the lost world of the South and tried through widespread terror to intimidate African Americans, organizing crusades to restore "the supremacy of the white race". By 1867, when the number of Klansmen reached 550,000, the "Invisible Empire" arose, which practiced intimidation and cruel murders of former slaves and the white Republicans who helped them.

In response, in March 1867 Congress approved and introduced a plan for Radical Reconstruction, dividing the South into five mili-

tary districts, with all power vested in major generals in each of them. The Reconstruction governments in these districts were made up of Northerners; the condition for restoring civilian rule in the Southern states was not just ratification of the 13th Amendment, as had been the case earlier, but the election of new governments and the adoption of the 14th Amendment, which made former slaves citizens of the U.S., and then the 15th Amendment, which gave Americans the right to vote without regard to "race, color or previous condition of servitude".

In 1866, Congress, after overcoming a presidential veto, extended the Freedmen's Bureau, which had been created in March 1865 under the War Department and was supposed to help the four million former slaves. The Bureau was headed by Major General Oliver Howard, an abolitionist and a humanist, known as "the Christian general". The Bureau lasted until 1872 and accomplished an amazing amount of work, spending \$17 million. Its agents, with no special training, and often working in hostile environments, tried to feed the hungry, give shelter to the homeless, provide legal support and organize a system for teaching literacy. The Bureau distributed 800,000 acres of confiscated or abandoned land in 40-acre plots. It would have given out more if President Johnson had not begun returning land to its Confederate owners. The Bureau found employment for 50,000 people and provided transportation for freed slaves to their new places of residence. It paid \$6 million to 5,000 black veterans of the Union Army, gave medical help to 1 million former slaves in 60 specially constructed hospitals.

With the help of philanthropic organizations, the Bureau organized and supplied 4,300 schools for children and adolescents. In total, \$5 million was spent on developing education for black Americans, including various types of schools, colleges and universities. It was then that Atlanta University in Georgia (1865), Fisk University in Tennessee (1866), and Howard University in Washington D.C. (1867) were opened. The Bureau's most notable successes were in the field of education on various levels for black Americans. White and black members of the American Missionary Association opened for African Americans the Hampton Normal and Agricultural Institute in Virginia in 1868.

William Allen, an abolitionist-scholar from Massachusetts, published the first collection of Negro spirituals in 1867, titled "The Slave Songs of the United States". Four years later a musical ensemble was created by the black students of Fisk University, called "The Fisk Jubilee Singers", which performed spirituals; it exists to this day. The music of the former slaves was thus integrated into American culture,

astounding listeners with its depth and its sincere religiosity, and laying the groundwork for jazz.

As a result of the Radical Reconstruction program the Southern elite was largely, but not completely, destroyed, Constitutional Amendments were adopted, Congress passed acts to defend African Americans from terror, and the Ku Klux Klan was dissolved (it ceased to exist in 1871). In 1867, black Americans were able to take part in elections for the first time in the history of the U.S., although the majority could not yet read or write. Leaders arose among former slaves in the South, some of them free African Americans who came from the North, others veterans of the Civil War. Six hundred former slaves were elected to the state legislatures, as mayors, sheriffs, and members of city councils. The largest religious denomination of black Americans was the African Methodist Episcopal Church, and some African American Baptist Churches were opened locally. Former captives, who had lived through centuries of slavery, learned to be U.S. citizens, creating their own organizations, schools and churches.

By 1877, all of the Southern states had returned to the Union. Once again it became united. Slavery was abolished, but the freed blacks were not able to attain equal rights. They were not able to adequately defend their lives and property. The Civil Rights Act of 1875 did not become the law of the land and was later repealed by the Supreme Court as unconstitutional. In 1874 the Freedmen's Bank was closed, having robbed its depositors and swallowing 40% of their small savings. There was not enough land to give most the promised 40 acres and a mule. The government reforms of Reconstruction were accompanied by corruption, political and financial scams. Reconstruction was short-lived and incomplete, the fault of both the North and the South, in equal measure.

The North had beaten the South on the field of battle, but the South did not relinquish its regional identity, basing it now on the myth of "the Lost Cause", and "the myth of the Old South". The "white" North was busy solving its own problems, linked to the Industrial Revolution and the growing "new immigration", and Southerners were allowed to immortalize the memory of the Confederacy in monuments, songs, social events, in the activities of organizations and societies. In the social consciousness of "white" America the myth took hold that the war was not about slavery, it was a war of the states versus the central government.

Southerners did not stop discriminating against black Americans, and with the mass migration of blacks to the North, which began before World War I, this ceased being a strictly Southern problem. A period of racial segregation lay ahead for African Americans. Dis-

crimination extended to all non-whites in the United States, whether African Americans, Asians or Latino Americans. In 1869, in connection with debates over the adoption of the 15th Amendment to the Constitution and discussion of the problem of Chinese immigration, Frederick Douglass uttered the following historic words in his speech "The Composite Nation":

I want a home here not only for the negro, the mulatto and the Latin races; but I want the Asiatic to find a home here in the United States, and feel at home here, both for his sake and for ours... Indian and Celt; negro and Saxon; Latin and Teuton; Mongolian and Caucasian; Jew and Gentile; all shall here bow to the same law, speak the same language, support the same Government, enjoy the same liberty, vibrate with the same national enthusiasm, and seek the same national ends⁷⁰.

Thus, the former slave sketched out the contours of the New Americanism, which was born in the U.S. as a result of the Civil War and Reconstruction, and which to this day remains a dream that has not been completely achieved. African Americans still had a long way to go in the fight for their identity and civil rights before Barack Obama would become the first black president of the United States.

Further Reading

- Douglass F.* Narrative of the Life of Frederick Douglass, an American Slave. Boston, 1845.
- Foner E.* The Fiery Trial: Abraham Lincoln and American Slavery. New York, 2010.
- Goldfield D.* America Aflame: How the Civil War Created a Nation. Bloomsbury Publishing, 2011.
- Kuropyatnik G.P.* The Civil War in North America. 1861–1865. Moscow, 2009. (In Russ.)
- Nitoburg E.L.* The African American Church in the USA. Moscow, 1995. (In Russ.)
- Suponitskaya I.M.* Antinomy of the American South: Freedom and Slavery. Moscow, 1998. (in Russ.)
- Schneider D., Schneider C.J.* Slavery in America. New York, 2007.
- Zinn G.* A People's History of the USA: from 1492 to the Present. New York, 2013.

Electronic Resources

See the videos at: <https://edu.amc.ru/courses>

Black Slave Owner and Breeder in South Carolina [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Ab93DYcqrP8> (accessed 18.02.2021).

Black Slaves, Red Masters [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=-a11blNxxXc> (accessed 18.02.2021).

Ex Slaves talk about Slavery in the USA [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=fZfcc21c6Uo> (accessed 18.02.2021).

Hear Former Slaves Speak [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=3VTFkyDrH3M> (accessed 18.02.2021).

Historical photos 1800s African American Slave Families [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=q4TIQdNOoB0> (accessed 18.02.2021).

The History of Slavery In America [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=pDukq8npXBk> (accessed 18.02.2021).

Life of a Colonial Slave [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ji5zk2HIVXM> (accessed 18.02.2021).

Plantation Life [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=UYqllZ3kdrc> (accessed 18.02.2021).

Lecture 9. African Americans in Search of Identity and Civil Rights

I still have a dream. It is a dream deeply rooted in the American dream. I have a dream that one day this nation will rise up and live out the true meaning of its creed: “We hold these truths to be self-evident, that all men are created equal”. I have a dream that one day on the red hills of Georgia, the sons of former slaves and the sons of former slave owners will be able to sit down together at the table of brotherhood. I have a dream that one day even the state of Mississippi, a state sweltering with the heat of injustice, sweltering with the heat of oppression, will be transformed into an oasis of freedom and justice. I have a dream that my four little children will one day live in a nation where they will not be judged by the color of their skin but by the content of their character...⁷¹

These are the words of Martin Luther King, Jr., a black Baptist preacher, on August 28, 1963, addressing a crowd of thousands from the steps of the Lincoln Memorial in Washington, D.C. at a critical moment in the civil rights movement (1955–1968). The result of the movement would be the transformation of African Americans into equal citizens of the USA, although even now, at the beginning of the 21st century, this process is far from complete.

The Civil War (1861–1865) destroyed the institution of slavery in the U.S., but, in spite of the adoption of the 13th, 14th and 15th Amendments to the Constitution, black Americans were unable to attain equality with whites, since the South had legalized a system of racial segregation with the silent agreement of the North. A long period of struggle began, when African Americans fought for their identity and their civil rights under these new conditions. It reached its peak in the 1960s, and was accompanied, not only by a confrontation between black and white America, but by a significant synthesis of their social and cultural attributes, which enriched America’s cultural heritage

⁷¹ Words That Make America Great. Ed. by G. Agel. New York, 2000. P. 166.

and contributed to the formation of the U.S. as a real nation of nations and mosaic of cultures. It was only then that the term “African American” appeared in the national socio-political dictionary.

“Separate but Equal”

In 1877 the period of Reconstruction ended. The rebellious Southern states returned to the USA, but the former slaves faced a period of segregation, “Jim Crow laws”. “Jim Crow” was the collective image of the poor, illiterate black borrowed from black-face minstrel shows, which were common in the U.S. in the 1830s–1840s, and not only in the South. In these performances white actors darkened their faces with burnt cork, creating a gallery of stereotypical images: “Jim Crow,” the “uppity n****r” Zip Coon, mammies and sexy mulattoes, known as “high yellow (yeller – dialect) gals”. Starting the 1880s these minstrel shows began to actively employ a derogatory image of the African American.

Racial segregation was practiced all over the South, except on the streets and in stores. Schools, cafes and restaurants, transportation, drinking fountains and toilets, entrances to buildings and waiting rooms were divided into “white” and “black” (or “colored”). Black Americans were forbidden to try on clothing and footwear in stores, and in some Southern cities they had to get off the sidewalk if a white person was coming towards them. Interracial marriage was prohibited. The first law on racial segregation was adopted in Tennessee in 1881, and in 1896 the U.S. Supreme Court affirmed the principle “separate but equal” as not violating the Constitution in the case of “Plessy v. Ferguson”. Homer Plessy, who was one-eighth African American, took a seat in a railroad car for whites and was arrested under the laws of Louisiana. He filed a case against the state authorities, which was rejected by the U.S. Supreme Court, thereby legally affirming racial segregation. By 1907 it had spread to all the Southern states.

It was not just African Americans who were subjected to segregation; Chinese immigrants, Hispanics, and Native Americans were also affected. In this manner “white” America walled itself off from “colored” America, creating a so-called “color line” within society.

The white South was taking its revenge, bringing a wholesale revision to the achievements of Reconstruction, making African Americans the main object of their vengeance. For many years it was racism that Southern politicians used as a mechanism to mobilize the white

electorate. Gradually the Democratic Party brought the Southern authorities under its control, changing the borders of electoral districts to prevent black Americans from voting or from being elected. All the Southern states adopted laws limiting African Americans' right to vote, despite the 15th Amendment. This was done by introducing a poll tax, tests for literacy and for understanding the state Constitution. In addition, six states introduced so-called "grandfather clauses" which extended the right to vote to all whose grandfathers had voted before the Civil War. These clauses were in effect until 1915, when they were declared unconstitutional by the Supreme Court. All of these limitations significantly curtailed the number of black voters in the South. By 1940 they were just 3% of voters. This was not done without the North's approval. In 1891 the Senate rejected a proposal to introduce a federal law that would defend the rights of African Americans in the South. In turn, the governments in the Southern states sharply curtailed funds for the black public school system, as well as for hospitals and shelters.

In the South executions of African Americans by mobs, or lynchings, became common. From 1877, i.e. the end of Reconstruction, until the beginning of World War II there were officially 3,500 cases of white mobs killing blacks without investigation or trial. The leaders in the number of lynchings from 1889 onwards were Georgia, Mississippi, Texas, Louisiana, Alabama, and Arkansas. "Lynch law" was a purely American phenomenon, unknown in other countries.

African Americans periodically became victims of race riots, and not only in the South. In 1906 in Atlanta, Georgia there was a riot lasting several days in response to the publication of a story in a local newspaper about black men attacking white women (the most common reason for execution without investigation or trial). The same explanation was used in Springfield, Illinois, the land of Lincoln, when whites went on a rampage in black neighborhoods.

The situation of African Americans was made worse by the fact that the economy of the South, which had been destroyed by the war, was stagnating. In the Upper South things were better. There was work to be found in mines, steel plants, tobacco factories, or on farms. In the agrarian Deep South, however, where most of the plantations had been destroyed by the war and sold off in pieces, blacks were living in dire poverty.

In Southern cities there was a network of institutions created after the Civil War – schools and colleges, churches and clubs, philanthropic and professional organizations. This is where the African American professional middle class began to form, consisting of teachers

and doctors, small entrepreneurs and store owners. The labor market was strictly segregated, however. Black men could not find high-paying work, become managers in enterprises, or clerks, and women were mainly restricted to working as maids.

At the same time, the final decades of the 19th century and the beginning of the 20th century were a time of a search for identity, and the creation of the first national organizations fighting for equal rights. For ambitious and talented blacks it was not politics that opened up possibilities of realizing their potential and serving black America; it was business, law, the church, or journalism. In the meantime, there was no unity in the intellectual elite over how African Americans should integrate into white society.

The first approach was embodied by Booker T. Washington, a social activist, orator and educator. He was born in 1856 on a plantation in Virginia to a slave woman and a white man, and after slavery was abolished in 1863, he moved with his mother to the city, where he taught himself to read and write, and then graduated from a church school for black children. At 17 Washington enrolled in the Hampton Normal and Agricultural Institute, taking the name of the first president of the U.S.. He continued his education in the capital, and, after receiving a teacher's diploma, began teaching at his alma mater. Washington called for racial and class peace, and close cooperation between the white and colored populations of the U.S., demanding equality in hiring and in business. In 1881, by decision of the Alabama legislature, he became director of the Tuskegee Institute, which allowed African Americans to acquire a mid-level professional-technical education. It was this, rather than higher education, along with the acquisition of property, that was supposed to facilitate the integration of blacks into American society, in Washington's opinion.

The institute gave its name to the "Tuskegee movement", and Washington's ideas were supported by white America in big business, state authorities and the federal government headed by President Theodore Roosevelt. This is what allowed Washington, by his death in 1915, to turn the Tuskegee Institute into a prosperous, high-quality educational institution with 1600 students. This is also what brought him into conflict with black leaders, who demanded social and civic equality and free access to the country's institutes of higher learning.

The banner of civic activism was seized by African American women. In 1892 a former slave, journalist and suffragist, Ida Wells-Barnett, began an anti-lynching campaign on the pages of her newspaper, the Memphis Free Press. She documented cases of executions of black Southerners by white mobs, later publishing two books about

lynching, attracting the attention of Americans to this hideous practice. In 1896 the National Association of Colored Women was established to fight for equality regardless of gender and race, through the written and spoken word.

Booker T. Washington's main opponent, however, was the historian and one of the theoreticians of the future Harlem Renaissance William (W. E. B.) Du Bois. He was born in Massachusetts as a free man in 1868, graduated from Fisk University, and in 1895, received a doctorate in history from Harvard, becoming the first African American to reach such heights. Du Bois thought that the most reliable way of attaining racial equality was the creation of intellectual elite made up of the "talented tenth" of black Americans. It was this group, in his opinion, that would head black America's fight against segregation.

In 1903, Du Bois published his famous work called "The Souls of Black Folk", which became a classic of African American literature. In this book, he advanced his idea of the "double consciousness" of the African American:

Two souls, two thoughts, two unreconciled strivings; two warring ideals in one dark body, whose dogged strength alone keeps it from being torn asunder... He does not wish to Africanize America, for America has too much to teach the world and Africa. He wouldn't bleach his Negro blood in a flood of white Americanism, for he knows that Negro blood has a message for the world. He simply wishes to make it possible for a man to be both a Negro and an American without being cursed and spit upon by his fellows, without having the doors of opportunity closed roughly in his face⁷².

In 1905, Du Bois and William Trotter, a civic activist, businessman, and newspaper editor, founded the "Niagara Movement", owing its name to a fact that the constituent conference took place on the Canadian side of Niagara Falls. In New York in 1909, Du Bois and other activists founded the National Association for the Advancement of Colored People (NAACP), which still exists today, as a response to the anti-Negro riot in Springfield. In 1910, when the organization began publishing its journal, "The Crisis", Du Bois became one of its chief editors, remaining so for many years.

He became the undisputed leader of the Pan-African movement and by the time he died in Ghana in 1963, he had published many

⁷² *Du Bois W.E.B.* The Souls of Black Folk. New Haven-London: Yale University Press, 2015. P. 5.

books, including three autobiographies. Du Bois saw with his own eyes how his prophecy had come to pass:

...the problem of the twentieth century is the problem of the color line – the relation of the darker to the lighter races of men in Asia and Africa, in America and the islands of the sea⁷³.

Black Americans tried to destroy this “color line”, in part, by embracing the collective memory of the Civil War. White Southerners, however, built their view of the past on the myths of the Lost Cause and the Old South. They organized annual Confederate marches, created various organizations, conducted a revision of the history of the Civil War on the pages of school textbooks. It was presented as a war for self-rule, not for the preservation of slavery, and the new generation was told stories of happy slaves in the Old South and the horrors of Reconstruction.

On the streets of Southern cities and in central squares monuments were erected to the heroes of the South – from political activists and famous generals to soldiers and sailors. In 1890 in Richmond, the former capital of the Confederacy, a monument to General Robert E. Lee was erected, forming the head of Monument Avenue, where in 1907 Southerners erected a monument to Jefferson Davis, the president of the Confederacy, and to the celebrated Southern General Thomas Jackson, known as “Stonewall” Jackson.

In the 1880s–1890s, the North and the South began to smooth over their differences. During joint meetings of veterans from the North and the South and other public events, as well as later in popular culture, people started to look at the Civil War as a tragic fight of white Americans (“brother against brother”), in which both sides fought for their truths: the South – for states’ rights, and the North – for the Union. The problem of slavery was pushed to the background, and Reconstruction was characterized as a period of “Negro rule”, which could not be tolerated any longer. This is how the South justified racial segregation and discrimination, ending its role as the “Other” America within the U.S. Now that place was given to Black America.

⁷³ Ibid. P. 12.

The Influence of World War I on the Condition of African Americans

World War I, which America entered in April 1917, opened new possibilities for black Americans. The freedom-loving rhetoric of President Woodrow Wilson about the participation of the U.S. in the “crusade” to “make the world safe for democracy” gave hope for radical changes in interracial relations within the country. Du Bois and other leaders called on African Americans to close ranks and join the army. There were those, however, like William Trotter, who accused the U.S. government of hypocrisy. He argued that instead of saving the world from German barbarism, it should try to democratize the South first. In all, 400,000 black soldiers served in a segregated army, mainly in supply units. Black people could not serve in the Navy. The Wilson administration did not allow African American soldiers to take part in the victory parade in Paris, at a time when African soldiers from French and British colonial forces marched in victory alongside their white comrades-in-arms.

Nevertheless, the war had a direct influence on the lives of Black Americans as well as the prospects for their fight for equality. The ramp-up in production in the U.S., which became a supplier for the Entente, as well as the sharp drop in immigration from Europe, opened thousands of jobs to Black people for the first time in U.S. history. Shortly before the war, 90% of Black people lived in the South. In 1915, the Great Migration began: by 1920, almost 500,000 African Americans had moved to the North and the West, doubling the Black population of Chicago and small industrial cities and increasing it by 66% in New York. In the 1920s, another million people left the South.

This “exodus”, as the migrants themselves called it, referring back to the Bible, was motivated by a desire to find higher wages in city plants and factories, to broaden the possibilities for education, to avoid the threat of lynching and to get back the right to vote. Even though they faced disappointment and racial discrimination in the North as well, the Great Migration had an important influence on the formation of African American identity and the development of African American culture.

At the same time, the growth of the African American population in the cities of the North and West led to the outbreak of race riots all over the country. They reached their peak during the “Red Summer” of 1919, when 76 people became victims of lynching in the South, including several veterans of the First World War. The biggest

anti-Negro riot, however, occurred in Tulsa, Oklahoma in 1921, when more than 300 blacks were killed, and 10,000 were left without shelter. It started after a group of veterans tried to save a young African American from lynching.

In 1915, the Ku Klux Klan was reborn in the South, spurred by D.W. Griffith's film "The Birth of a Nation", based on the works "The Clansman" and "The Leopard's Spots" by Thomas Dixon, Jr. The recreated organization, which unlike its predecessor soon spread throughout the nation, numbered hundreds of thousands of members. Its new "father" was William Simmons, a brilliant orator and a participant in the Spanish-American War of 1898. In the 1920s, when the Ku Klux Klan was flourishing, their racist ideology was mixed with anti-Semitism and anti-immigration sentiments. In August of 1925 and September of 1926, thousands of Ku Klux Klansmen marched down Pennsylvania Avenue to the White House. The largest chapter of the KKK was in Indiana, in the Midwest.

World War I and the post-war resurgence of racism led to a consolidation of the militant spirit of African Americans and the spread of Black Nationalism. Marcus Garvey, a recent immigrant from Jamaica at the time, gave voice to its ideas, while the Universal Negro Improvement Association was the means of spreading them. For Garvey, freedom meant national self-determination for blacks, the return of their self-confidence and the creation of possibilities for them to fully realize their potential. All of this, in his opinion, was impossible anywhere but on the African continent. Garvey, therefore, issued the challenge "Back to Africa". At the base of his contradictory and ambiguous ideology was the idea of racial solidarity, which was heard by the illiterate and disenfranchised residents in black ghettos in Northern cities, and also in the American South.

Du Bois and other African American leaders considered Garvey a dangerous demagogue, a distraction from the struggle for racial equality inside the country. Even they, however, had to acknowledge his undisputed leadership abilities and his role in awakening racial self-consciousness and racial pride among black Americans. This was fully demonstrated during the Harlem Renaissance.

The Harlem Renaissance as an American Socio-Cultural Phenomenon

The Great Migration of African Americans from the South to the North led to the transformation of New York's Harlem into a type of capital for the Black America. The overwhelming majority of its residents were extremely poor. They were grouped by the policies of racial segregation in one huge ghetto neighborhood and forced to pay high prices for housing. The businesses in Harlem belonged mostly to white people.

It was not just Southern blacks who came to Harlem; immigrants from the West Indies – i.e., from the Caribbean Sea, were also arriving. Between 1900 and 1930, 150,000 persons came from the Caribbean. Unlike the rural Southerners, the overwhelming majority were highly educated professionals and white-collar workers. In addition, in the 1920s black intellectuals, writers and poets moved to New York, which contributed to the flowering of African American culture that is known in U.S. history as the Harlem Renaissance. These were the peak years, although this phenomenon had a prologue and epilogue in American national culture, and it extended far beyond the borders of Harlem. However, in Harlem this phenomenon was most prominent and visible.

There were African American journals in New York that became a mouthpiece for the movement: “Crisis”, “Opportunity: A Journal of Negro Life”, “Messenger”. Many poets and writers, editors and educators, such as Countee Cullen, Jessie Fauset, Langston Hughes, Helene Johnson, and Dorothy West moved to Harlem, to be in the thick of social and cultural life. There were others, however, like Zora Neale Hurston, writer, folklorist, and anthropologist, or Anne Spencer, poet, teacher, librarian, and civil rights activist, who lived and worked in other places, publishing their works in African American journals and maintaining close contact with Harlem.

This phenomenon was called a “renaissance” because it was linked to the rebirth of African American culture in its various dimensions, and it appealed to the pride of Black Americans in their heritage, with their rehabilitation as individuals in whom everything was beautiful – their bodies and their spirits. This found reflection in poetry, literature, painting, music, and photography. Many key figures of the Harlem Renaissance were multifaceted individuals who combined careers in education, politics, and medicine with literature and social commentary, which gave the whole movement a socio-political as well as artistic significance.

The ideological father of the Harlem Renaissance was Alain LeRoy Locke, an African American writer, philosopher, and educator. He was born in Philadelphia, and in 1907, he graduated from Harvard with a degree in English literature and philosophy. Soon after, he went off to Europe. When he returned, Locke taught at Howard University in Washington. In 1925, he published his most famous work – an anthology of African American writers and poets which gave its name to a cultural movement, “The New Negro”.

As Locke wrote,

The New Negro is keenly responsive as an augury of a new democracy in American culture. He is contributing his share to the new social understanding. But the desire to be understood would never in itself have been sufficient to have opened so completely the protectively closed portals of the thinking Negro’s mind⁷⁴.

In politics the “New Negro” movement is associated with Pan-Africanism and the name of Marcus Garvey, and in art it signified the advancement of the idea of the inevitable equality of the races, the development of racial self-consciousness, and an appeal to the origins of black heritage – African and Southern folklore.

An example of the new interpretation of this heritage by white America was the beginning of the “blues era” in the U.S. By 1920, classic blues, which had been born in the Mississippi delta, was already an independent genre. The blues tradition adopted the rhythmic work songs of Southern field slaves, the ring shout of African religious cults, Negro spirituals and ballads. In 1920, Mamie Smith released her “Crazy Blues” record, which instantly made her and the blues genre famous. Recording agents rushed to the South to look for African American singers, making all of them into blues singers. The indisputable stars of that time were Ma Rainey, who is called “the Mother of the Blues”, and Bessie Smith, one of the most famous and influential blues singers of the 1920s–1930s.

During Prohibition in the U.S., Harlem, with its booming night life and numerous “speakeasies”, became a place of pilgrimage for white Americans. During the period of standardization and industrialization, people yearned for something, original and exotic at the same time. The culture of African Americans with its African roots was a wonderful answer to this need. Harlem beckoned, not only with its dance halls, famous for their passion and freedom of movement, but also for its jazz clubs. The most famous meeting place

⁷⁴ Locke A. *The New Negro. An Interpretation*. New York, 2021. P. 9–10.

for sophisticated New York society was the Cotton Club, opened in 1920 as the Club Deluxe and renamed in 1923, which admitted only white customers.

Black musicians and dancers performed on stage, and jazz could be heard. Thanks to the Harlem Renaissance in general and this club in particular, jazz stopped being “black” music. In the 1920s, Fletcher Henderson’s jazz band played here, featuring performances by a young Louis Armstrong, who later became a legend of American jazz; the Missourians gave concerts, and from 1927 through 1931, Duke Ellington and his musicians held sway. Thanks to radio, jazz found its fans not only all over the country, but beyond its borders.

The Broadway musicals “Dixie to Broadway” and “Blackbirds” featured the brilliant Florence Mills, a singer and dancer who captivated audiences regardless of their skin color, Ethel Waters, a leading jazz singer and actress, who first appeared in the Plantation Revue in 1924, and Bill “Bojangles” Robinson, a tap dancer who became famous all over the country. Theater, which was flourishing in Harlem, freed black actors from the dictates of white producers, and allowed them to experiment with style and genre. For the first time in U.S. history, African American actors were allowed to play serious dramatic roles.

Du Bois’ idea of the “double consciousness” of the African American became central to the poets, writers, and social activists of the Harlem Renaissance. He himself, as a socio-cultural phenomenon, demonstrated what black America had to teach white America, at the same time adopting the best achievements of the latter group. For the first time in U.S. history black America was not borrowing white identity but was trying to forge its own.

Close contact and friendly relations between many representatives of the Harlem Renaissance and white intellectuals in New York laid the foundation for broadening the scale of African American cultural influence. Countee Cullen, Langston Hughes, and Claude McKay (a classic of West-Indies literature), were sponsored by white intellectuals and published in the white press.

More and more writers from the North and South were creating images of Black Americans and writing about their life and culture using new colors and artistical devices. The white audience popularized African American poets and writers, jazz and blues performers. In the 1920s–1930s, blues and jazz became an American national phenomenon. The name of Charles Sidney Gilpin, one of the most respected stage actors of the 1920s, was well-known to theatergoers regardless of their skin color. Painters and graphic artists like Aaron Douglas and Hale Woodruff, or sculptors like Richmond Barthé experimented with

style, color and form, and transmitted this taste for innovation to their white colleagues.

James Van Der Zee, a leading photographer of the Harlem Renaissance, captured it in his photographs, in faces and personalities of his models, creating a photo archive of the Renaissance, which contributed to it becoming a true cultural phenomenon. The Harlem Renaissance gave African Americans a voice that all the country could hear. It became a critical stage in the synthesis of cultures and a milestone in the search for identity and the struggle for equality. In the latter process the Second World War played a special role.

World War II (1939–1945): African Americans in the Battle and on the Home Front

On January 6, 1941, U.S. President Franklin Delano Roosevelt, in his yearly address to Congress, known as the “Four Freedoms Speech”, announced:

In the future days, which we seek to make secure, we look forward to a world founded upon four essential human freedoms. The first is freedom of speech and expression – everywhere in the world. The second is freedom of every person to worship God in his own way – everywhere in the world. The third is freedom from want – which, translated into world terms, means economic understandings which will secure to every nation a healthy peacetime life for its inhabitants – everywhere in the world. The fourth is freedom from fear – which, translated into world terms, means a world-wide reduction of armaments to such a point and in such a thorough fashion that no nation will be in a position to commit an act of physical aggression against any neighbor – anywhere in the world⁷⁵.

The rhetoric of freedom was prevalent in the U.S. during wartime, which once again gave hope that the situation of African Americans would change for the better. The U.S. entered World War II in December 1941 after the Japanese had attacked Pearl Harbor. Even before this, however, as the Lend-Lease program got under way, the country’s economy finally came out of crisis and began to pick up speed.

⁷⁵ The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. 1940 Volume. War – and Aid to Democracies. New York, 1941. P. 672.

Around 700,000 African Americans hopped on the “liberty train” from the South to the industrialized heart of the North, to help the country render assistance to the free nations of Europe. Tens of thousands were ready to take up arms to fight for the U.S.

This could not, however, end segregation, race riots, and lynchings overnight. One million African Americans served in the armed forces in segregated units. They were barred from aviation, and in the navy, they could only work as cooks and servers. When black draftees went to training camps in the South, they were discriminated against in movie theaters, clubs, and on military bases. When they returned home, local authorities could deprive them of veterans’ benefits for healthcare and education, or obtaining credit for opening a business or buying land.

At the same time, the war economy created new jobs for African Americans and contributed to their consolidation. The membership of the NAACP increased from 50,000 to 500,000, and the attitude toward the war was reflected in the idea of the “Double V” – victory over Germany and Japan, on the one hand, and over segregation in the U.S., on the other. As a piece in the “Crisis” journal argued: “a segregated army cannot fight for a free world”.

In July 1941, Philip Randolph, a leader of the African American workers’ movement, called for thousands to march on Washington, declaring racial discrimination “undemocratic, un-American, and pro-Hitler”. President Roosevelt, not wishing to aggravate the situation, issued the Executive Order 8802, which banned racial discrimination in military industry and established the first federal agency since Reconstruction to ensure fair hiring practices – the Fair Employment Practices Commission. These actions constituted an important turning point in federal policy and led to 1 million African Americans, including 300,000 women, receiving jobs in the industrial sector. In 1944, the Supreme Court ruled that all-white primaries, the means by which Southern states had deprived African Americans of their political rights, were unconstitutional. At the end of the war, the first integrated units appeared in the U.S. Army.

In response, the white South, which did not want to see segregation destroyed, consolidated its efforts to defend the “color line.” This delayed the civil rights revolution for another 10 years.

“I have a dream”: The Civil Rights Movement and its Forms

President Harry Truman, a Democrat, who took over the White House after the death of Roosevelt, created the Civil Rights Commission in 1947, and in February 1948, presented Congress with an ambitious program in this sphere. It was not approved, which did not keep the president, as commander in chief, from issuing an order for the complete desegregation of the armed forces. The Korean War (1950–1953) was the first international conflict since the War of Independence (1775–1783) in which black and white citizens fought alongside each other as equals.

During the 1948 presidential election campaign of civil rights issues became part of the campaign platforms of both parties. After Harry Truman had won, it became apparent that foreign policy considerations played an important role in his racial policies. During the Cold War with the USSR, racial discrimination in the U.S. became one of the main arguments of Soviet propaganda in the ideological struggle for hearts and minds all over the world.

By 1947, the number of African Americans in the South who took part in elections grew by 12%, and by the mid-1950s, by 20%. This occurred mainly in the cities, since as a result of the intra-regional migration of the 1930s–1940s around 750,000 people had moved to urban areas. They began to vote for representatives of the new political elite from the ranks of the Democratic Party, who were trying to ease access to education and health care for all Americans, regardless of skin color. However, the economic boom at the end of the 1940s and the beginning of the 1950s clearly showed that, just as before, only whites were benefiting from the social and economic prosperity in the country, while black Americans continued to lead a miserable existence in the agrarian regions of the South or in Northern ghettos. Between 1950 and 1970, 7 million white Americans moved from the inner cities to the suburbs, assisted by government housing programs, while 3 million blacks moved from the South to the North, enlarging existing ghettos and creating new ones. The “color line” now divided the city from the suburbs.

In the South segregation was in full force. In the North and West there were no “Jim Crow” laws, but even here there was segregation in colleges, hotels, restaurants, and in suburban housing. Lena Horne, for example, an American jazz vocalist and one of the first stars of movie musicals, or Louis Armstrong, a jazz trumpeter and singer known all over the country, could perform in Nevada’s hotel-casinos, but could not stay in them as guests. It was like that everywhere. If you haven’t

watched Peter Farrelly's wonderful film "Green Book", which won an Oscar in 2018, go see it. It will help you understand how segregation worked in the U.S.

The African American civil rights movement was motivated by a whole set of reasons, both internal and external: the destabilization of the racist system during World War II, the mass migration of African Americans from the South to the North, the transformation of black voters into an influential part of the Democratic Party's electorate, the ideological confrontation of the Cold War with the USSR, and the beginning of decolonization in Asia and Africa.

The first real sign of the growing mass protest was the case of Oliver Brown, a resident of Topeka, Kansas. The administration of the nearest school would not take his daughter as a student on the grounds that she was black, so Brown decided to seek justice through the courts. In 1954 the Supreme Court, in the case "Oliver Brown et al. v. Board of Education of Topeka", which brought together five similar incidents, ruled that segregation in public schools was unconstitutional, citing the 14th Amendment. The decision the Court handed down stated "We conclude... that separate educational facilities are inherently unequal". That was only the beginning.

On December 1, 1955, Rosa Parks, a modest seamstress from the city of Montgomery, Alabama, refused to give up her seat to a white passenger when the driver demanded it, for which she was arrested. This small act of civic bravery stirred up hundreds of African Americans, who gathered in the Dexter Avenue Baptist Church and decided to boycott public transport.

Despite intimidation and pressure, the boycott lasted 381 days, during which black residents and the whites who joined them either walked to work or used the free services of cabbies and drivers who were supporting them. Bus companies sustained huge losses. The events in Montgomery received wide national attention, and in November 1956 the U.S. Supreme Court declared that segregation on public transport was unconstitutional.

It was at this time that a young African American Baptist minister, Martin Luther King, Jr., appeared on the political scene. On December 5, 1955, addressing the black residents of Montgomery, he said:

We are not wrong in what we are doing. If we are wrong, then the Supreme Court of this nation is wrong. If we are wrong, the Constitution of the United States is wrong. If we are wrong, God Almighty is wrong. If we are wrong, justice is a lie⁷⁶.

⁷⁶ "We Want Our Freedom": Rhetorics of the Civil Rights Movement / Ed. by W.S. Towns. Westport, 2002. P. 91.

King was born in 1929 in Atlanta, Georgia, in the family of a pastor. After finishing college, the young man entered a theological seminary in Chester, Pennsylvania, deciding that he could serve social progress with his preaching. At the age of 25 he became pastor of a Baptist church in Montgomery, thinking that here he could finish his doctoral dissertation in peace and quiet. King built his philosophy of non-violent protest on the ideas of peaceful civil disobedience of Henry David Thoreau, the American writer and philosopher, and the theory of nonviolent resistance of Mahatma Gandhi, philosopher and ideologist of India's independence movement. Like Frederick Douglass, King appealed to white America, citing its past protests and human values, like W.E.B. Du Bois he linked the fight against the "color line" in America with the struggles of colored people all over the world. This man was a brilliant orator, able to light a fire in people's hearts with his words, inspiring them for the fight.

The white South had no intention of putting up with desegregation, which was undermining its centuries-old supremacy. In 1956, 82 out of 106 congressmen and all the Senators representing the South except for three, among whom was future President Lyndon Johnson, signed the "Southern manifesto". They accused the Supreme Court of "clear abuse of judicial power". One after the other, the Southern states began to adopt laws that impeded the desegregation of schools; white students held protest marches to preserve racial discrimination, and transportation companies were in no hurry to abandon segregation. The slogan of the Southern opposition was "Massive Resistance".

The 1960 presidential election was won by a 43-year-old veteran of the Second World War, John F. Kennedy, with his Irish roots and his Catholic faith. He was not only the youngest president in the country's history, he also opened a new chapter in the civil rights movement.

Decisive action by the federal government, which would come during the presidency of Lyndon B. Johnson, who took over the White House after Kennedy's assassination in 1963, was preceded by a powerful protest movement by black Americans. Its driving force were students, and youth in general, and one form of non-violent protest were sit-ins, when they went to cafes or beaches that were all-white.

In 1961 all over the Deep South the Freedom Riders were monitoring whether buses, trains and stations were observing the Supreme Court's ruling on the desegregation of transport. Participants in the raids, black and white, were victims of numerous attacks from enraged mobs and Ku Klux Klansmen, often aided by the police. The white South was resisting, but the struggle continued.

In September 1962, on the basis of a court ruling, the University of Mississippi was forced to accept its first African American student,

James Meredith. The state police held back the crowd, which, encouraged by Governor Ross Barnett, was rampaging through the streets of Oxford that lay close to the University. President Kennedy, following his decision to back desegregation fully, sent troops to the city. Under the protection of troops and police, black students participated in the struggle for racial equality, by performing acts of civic courage. Desegregation of the South was possible only with the support of the federal government.

The peak of the African American protest movement came in 1963. In the spring mass demonstrations against segregation began all over the South. The breaking point was the civil rights movement in Birmingham, Alabama, led by Martin Luther King, Jr. In May black students from colleges and schools came out onto the streets at his call. Television shots of how children were being beaten with clubs, crushed by horses or set upon by dogs were broadcast throughout the world and caused an uproar in the country. White Americans were faced with a choice: support their fellow citizens in their fight for their legal rights or support openly racist Southerners.

America made its choice without regard to skin color. This became obvious when, on August 28, 1963, 250,000 people took part in a peaceful protest in the center of the capital, in what is known in American history as the "March on Washington." The march was organized by a coalition of civil rights organizations, workers' groups, and churches. It was then, on the steps of the Lincoln Memorial, in front of people holding signs with the words "Seek the freedom in 1963 promised in 1863" that Martin Luther King, Jr. delivered his famous "I have a dream" speech. Find the full text on the Internet, so that you, along with thousands of black and white Americans, can experience the inspirational words of this charismatic man, awarded the Nobel Peace Prize for his struggle against racial inequality.

In June 1963, during a television address, John Kennedy announced that the time had come to end disgraceful racial discrimination in all its forms. He, however, did not live to see it, since on November 22, 1963, on a visit to Dallas, Texas, the president was fatally wounded by Lee Harvey Oswald. It was Lyndon Johnson who was destined to become the second Lincoln.

In 1964 Congress adopted the Civil Rights Act, which prohibited all forms of discrimination on the basis of race and gender. Lyndon Johnson, who signed the law, understood perfectly well that from now white Southerners would become part of the Republican Party's electorate.

In January 1965, Martin Luther King Jr. began a campaign for voting rights in Selma, Alabama, a citadel of segregation. Participants

in the protest were attacked by the state police, who used tear gas, clubs and sticks while tens of thousands watched on television as the police once again used unjustified violence against peaceful demonstrators.

The federal government reacted very quickly. In March 1965, in his eloquent address to Congress, President Johnson, commenting on the events in Selma, emphasized: "There is no Negro problem. There is no Southern problem. There is no Northern problem. There is only an American problem...Their cause must be our cause too. Because it is not just Negroes, but really it is all of us, who must overcome the crippling legacy of bigotry and injustice". August Congress adopted, and Johnson signed, the Voting Rights Act of 1965. This, finally, protected the rights of African Americans to vote and to run for office. The first phase of the civil rights movement was over, but not the movement itself. Now it was necessary to break the system of discrimination in hiring and credit once and for all as well as within government social programs. Not only in the South, but in the North as well.

At this point the concept of Black Power was spreading among young African Americans, as a reaction to the inability of the government and social activists to solve the economic problems of the black ghetto. Black Power meant freedom for blacks, including from white dictatorship, the increase of black representation in various government organs inside the U.S. and the right to self-determination of colonized people all over the world. These ideas were incorporated into the process of decolonization that was beginning on the African continent.

The concept of Black Power also meant "Black is Beautiful", and should be a source of pride, whether it be cultural heritage, clothing or hairdo. From this came the demand to do away once and for all with the term "Negro", replacing it with "African American". For the first time there was a feeling of racial pride, not on the elite level, as during the Harlem Renaissance, but among the masses of African Americans.

The inspiration for these tendencies in African American circles was Malcolm X. His real name was Malcolm Little. He was born in 1925 and grew up in a foster home, since his father was killed by racists and his mother was sent to a psychiatric clinic. At the age of 20 he was put in prison for breaking and entering. There Malcolm joined the nationalist religious organization "Nation of Islam", – the "Black Muslims" – which preached black racism and the struggle with "white evil". He became one of its leaders after he was released from prison. Malcolm rejected his "slave name" in favor of the letter X, since he did not know his true African name. He began to preach black racism, criticizing and mocking Martin Luther King, Jr. for his non-violent methods and his appeals to American national values.

After making the Hajj to Mecca, in Saudi Arabia, the spiritual center of Islam, Malcolm X turned to ideas of interracial harmony in Islam and disavowed the Nation of Islam and its teachings. Upon his return to the U.S., he established the Organization of Afro-American Unity," retaining his commitment to Pan-Africanism, but calling for interracial cooperation. White Americans, who considered Malcolm X an apostle of racial violence, were pleased with the news of his assassination by members of the Nation of Islam in 1965. However, Malcolm X's calls for self-determination and self-defense found a response in the hearts of thousands of those living in black urban ghettos and young civic activists.

Among the new organizations the most significant was the radical left Black Panther Party, in large part thanks to its symbols on clothing. The Black Panthers arose in 1966, in Oakland, California, and called for armed self-defense in response to violence from whites. The members of the party demanded that black prisoners be freed; they patrolled black neighborhoods, they sponsored schools and hospitals, distributed free breakfasts to black children from poor families. The Black Panthers made the authorities uneasy with their militarized appearance and their militant rhetoric, which was the reason for their systematic persecution, using FBI agents. This happened at a time when American society was split and was undergoing an identity crisis.

The movement against the Vietnam War, the demands for civic equality by African Americans and Native Americans as well as by women and gender minorities, and the challenges of youth subcultures created the climate of the "roaring sixties". The culmination came in 1968, when ordinary Americans and members of the establishment, watching events in Vietnam live on their television screens, demanded that the government withdraw the American troops.

At the same time, Martin Luther King Jr. was consolidating the movement of Americans to broaden social justice. He planned to organize a Poor People's March on Washington, but on April 4, 1968 he was killed by a white assassin in Memphis, a few months shy of his 40th birthday. In response the largest wave of riots and rebellion in the history of the U.S. swept through the black urban ghettos. This was rage mixed with grief.

Seven days after King's assassination, Congress finally adopted the Civil Rights Act of 1968, the last major law on civil rights. Titles II through VII were dedicated to the rights of Native Americans: Title VIII banned racial discrimination in housing, a tribute to King's memory. His birthday has been celebrated as a national holiday in much of the U.S. since 1986.

Conclusion: African Americans on the Road to the 21st Century

The most important distinction in the situation of African Americans on the cusp of the 21st century compared to the beginning or middle of the last century is civic equality. Thanks to the end of racial discrimination and government affirmative action programs, black Americans work in the leadership of corporations, in offices and plants, they can receive a college or university education. No one is shocked by mixed marriages or romantic relations on the screen between racially mixed couples. Between 1970 and 2000 the number of black police rose from 24,000 to 65,000, and during the economic boom of the 1990s the incomes of black families rose more quickly than those of whites.

However, African Americans are, in general, are a lot worse off than the white population (especially considering the massive influx of African immigrants); they periodically fall victim to unjustified police violence or hidden discrimination, and are often housed in poor neighborhoods that are separated from the prosperous white areas. This means that the race problem is not yet completely solved in the U.S. However, blacks are not ashamed of the color of their skin, and are proud of their cultural heritage, which has become part of the American cultural mosaic.

We could take a tour of their achievements in various spheres, along with the authors of the encyclopedia of biographies of famous African Americans. We could remember, for example, the “Queen of Jazz”, Ella Fitzgerald, who was awarded the Presidential Medal of Freedom in 1992, or how African American actors have on numerous occasions received Oscars for their roles, and athletes have won medals as part of the U.S. teams at the summer and winter Olympics. Finally, we can look at the U.S. Congress or the government in Washington, not to mention state governments and municipal organs, to better appreciate the success of those whose ancestors once were slaves.

All of this became possible thanks to the struggle of tens of thousands of black and white Americans, and also thanks to the actions of people like Martin Luther King, Jr. In 2011 a memorial to King was opened on the National Mall. You can't miss it, turning right from the Lincoln memorial towards the Jefferson Memorial and the Memorial to Franklin Delano Roosevelt. This is how the citizens of the United States paid tribute to an African American, including him in the pantheon of national heroes who made the country great. The White House at the time was occupied by Barack Obama, the first black president of the United States of America.

Further Reading

- Black American Biographies. The Journey of Achievement / Ed. by J. Wallenfeldt. New York, 2011.
- Brown L.* Encyclopedia of the Harlem Literary Renaissance. New York, 2006.
- Encyclopedia of African American Popular Culture. In 4 Vols. / Ed. by J.C. Smith. Greenwood, 2011.
- Goldfield D.* Black, White, and Southern. Race Relations and Southern Culture 1940 to the Present. Baton Rouge, 1990.
- Goldfield D.* Still Fighting the Civil War. The American South and Southern History. Baton Rouge, 2002.
- Jim Crow America. A Documentary History / Ed. by C.M. Lewis, J.R. Lewis. Fayetteville, 2009.
- Martinez M.J.* A Long Dark Night. Race in America from Jim Crow to World War II. Lanham, 2016.
- Nitoburg E.L.* Afro-Americans in the USA in the 20th Century: An Ethno-Historical Sketch. Moscow, 2009. (In Russ.)
- Voices from the Harlem Renaissance / Ed. by N.I. Huggins. New York, 1995.

Electronic Resources

See the videos at: <https://edu.amc.ru/courses>

- The Harlem Renaissance [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=m0YgKfIIn4E> (accessed 18.02.2021).
- Martin Luther King – I Have A Dream Speech – August 28, 1963 [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=smEqnklfYs> (accessed 18.02.2021).
- Martin Luther King, Jr. – Minister & Civil Rights Activist | Mini Bio | BIO [Electronic resource]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=3ank52Zi_S0 (accessed 18.02.2021).
- Martin Luther King Memorial ~ Washington DC [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=m5BqLwb0TBs> (accessed 18.02.2021).
- Segregation and Jim Crow [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=2yJA7LdJNwU> (accessed 18.02.2021).
- WEB Du Bois Mini Biography [Electronic resource]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=j_bW2LNg0-s (accessed 18.02.2021).

Lecture 10. The U.S. as a Nation of Nations
and Mosaic of Cultures
from the 20th to the 21st Century

Our patchwork heritage is a strength, not a weakness. We are a nation of Christians and Muslims, Jews and Hindus, and nonbelievers. We are shaped by every language and culture, drawn from every end of this Earth⁷⁷.

These words, uttered by the 44th President Barack Hussein Obama at his inauguration ceremony on January 20, 2009, demonstrate the commitment that the modern United States is making to viewing immigration as an extremely important source for the formation and development of the American nation.

The Search for a Solution to Immigration Problems

At the beginning of the 21st century, American society was engulfed in serious discussions about an immigration policy that could meet new challenges and problems. In the new millennium, it became clear that the current U.S. immigration policy, formulated in the second half of the previous century, was out of date and needed revamping. The discussion of the directions and methods of this reform, however, exposed radically different approaches. On the one hand, these were dictated by the ambiguous results of immigration trends on the cusp of the 20th–21st centuries. On the other, they based on the concept of multiculturalism, which emphasizes preserving and developing cultural differences, rather than melding them all into one (the “melting pot” theory).

The main issue was the unprecedented growth in the number of immigrants. According to 2018 figures, there were 44,5 million first-generation immigrants in the country. This means that approximately every seventh American (13,7%) was born outside the U.S.

⁷⁷ Public Papers of the Presidents of the United States: Barack Obama. 2009 (In Two Books). Book 1. Washington, 2010. P. 2–3.

The majority of these immigrants came from Latin America and Asia (57%). Approximately one-quarter of all immigrants living in the U.S. came from Mexico, followed by Indians and Chinese. Another new trend was the growth of African immigration. As of 2017, approximately 48% of immigrants either did not know English or knew it poorly (Limited English proficiency, LEP). In addition, the unequal distribution of the immigrant population in the country might create social tensions in the Western and Southern states, which have a common border with Mexico, or located relatively close to it. One example of this dynamic could be the events of August 4, 2019, when 22 people died in El Paso, Texas, in a shooting motivated by xenophobia and anti-immigrant sentiment. Another important distinction of immigration in recent years has been the fact that it has significantly increased the burden on American social infrastructure. Just a small percentage of new arrivals have a contract in hand with an American company; the majority enters the country as refugees or on grounds of family reunification. The most pressing problem, which has been the focus of the American public debate, is illegal immigration, which continues to grow. According to the Pew Research Center and Migration Policy Institute, as of 2016, there are approximately 11 million undocumented immigrants in the U.S. Every year between 300,000 and 400,000 people enter the country illegally, primarily from Latin America. The main entry route for these immigrants lies along the U.S. – Mexico border. These new realities have made the question of reforming the immigration system and solving current problems extremely important for Americans as a nation of nations.

The Republican administration of President George W. Bush was the first to announce reforms aimed at legalizing the status of undocumented immigrants. However, after the terrorist attacks on September 11, 2001, amid the global war on terror, the administration chose to focus on tightening border controls and rules for entry into the U.S. This had a certain effect, as the number of those illegally crossing the border gradually began to decline. According to U.S. Customs and Border protection data, more than 1,7 million people were detained attempting to cross the border illegally in 2005, after which the number of illegal immigrants in the U.S. stabilized at 11 million. In 2018, approximately 400,000 were detained at the border (about the same number as enter the country illegally every year). Border control has its limitations since it does not address the problem of illegal immigrants who already live in the country.

The Obama administration made immigration reform a priority. The Border Security, Economic Opportunity, and Immigration Mo-

dernization Bill was adopted by the Senate on June 27, 2013, but was never put up for discussion in the House of Representatives. Obama therefore decided to implement the reform through a series of executive orders designed to “create an immigration system that is fair, that is just, that is true to our traditions as a nation of laws and a nation of immigrants”⁷⁸. This goal required taking the following actions: intensifying the fight against illegal immigration, tightening border control, increasing the federal government’s responsibility for border security; improving the system of data collection on immigrants and asylum; preventing the immigration of persons posing a threat to the nation’s security; attracting qualified specialists; protecting the internal labor market; preventing segregation along ethnic, religious, cultural, or language lines.

The reform provoked a heated debate, mainly regarding the status of undocumented immigrants. It allowed legalization of 5 million of them, on the condition that they pay taxes; and penalties for any unpaid ones and undergo a check of their law-abiding status. In addition, deportations of illegal immigrants were suspended, with the exception of criminals and terrorists, as determined by a court of law. This decision triggered especially harsh criticism. The authorities of 27 states filed a collective lawsuit in the Texas federal court, demanding that Deferred Action for Childhood Arrivals (DACA) and Deferred Action for Parents of Americans and Lawful Permanent Residents” (DAPA) be declared unconstitutional.

Another important element of the reform was the increase in highly qualified specialists coming into the country. The groups of immigrants enjoying preference included scientists and scholars, artists and cultural figures, athletes, managers, computer specialists, engineers and technicians, and medical personnel. These steps undertaken by the Obama administration were the result of research showing a strong correlation between the number of visas issued to qualified specialists and the number of patent applications filed in the U.S. At the beginning of the 21st century, Indian and Chinese engineers headed one-quarter of all projects in Silicon Valley, responsible for sales totaling \$17,8 billion. According to 2005 figures, over the past decade immigrants have helped launch a quarter of all new projects in the technical sphere. Immigrants or children of immigrants founded 40% of the companies on the Fortune 500 list in 2010, published in *Fortune* magazine.

⁷⁸ Public Papers of the Presidents of the United States: Barack Obama. 2014 (In Two Books). Book 2. Washington, 2019. P. 1509.

Salsa v. Ketchup: Multiculturalism as a Way of Life

At the beginning of the 21st century, four American states (California, Texas, Hawaii and New Mexico, as well as the District of Columbia) became regions where the non-white population was in the majority – “minority-majority” states. This means that no racial or ethnic group has more than 50% of the population. Demographers project that by 2050, non-Spanish speaking white Americans will make up just over half the population, with 25% of the population represented by immigrants from Latin America; African Americans, whose diaspora is actively increasing through immigration from Africa and the Caribbean, as well as through Latin Americans and European with African roots, will make up 14%, and Asian Americans – 8%.

But statistics alone cannot explain the growing influence of immigrants and their descendants on modern American culture and everyday life. The long lists of bestsellers written by Asian American and Latin American authors arguable serve as a more vivid reflection of this cultural influence. Among the nominees and laureates of the prestigious Pulitzer Prize for Literature over the past two decades are the names of a Chinese American author (Ha Jin), and Indian American (Jhumpa Lahiri Vourvoulias), a Dominican (Juno Diaz), a Vietnamese (Viet Thanh Ngueyen) a Moroccan (Laila Lalami), and others.

Latin American pop stars and hip hop groups that represent various ethnic groups (among which are Cypress Hill and Black Eyed Peas) have been leading in hit parades across the country. Immigrants occupy an even more prominent place in the world of American classical music. Nearly all the best orchestras and opera theaters in the U.S. are headed by artists from other countries.

This trend is just as apparent in modern American cinema. Directors Robert Anthony Rodriguez, Mira Nair, Gregg Araki, Alfonso Cuarón Orozco, Alejandro González Iñárritu, Guillermo del Toro Gómez and many others continue to contribute to the image of Hollywood as the world center of filmmaking. The problems that immigrants face have become a common theme in significant films of various genres. The drama *A Better Life* (2011), which depicts the life of an illegal immigrant from Mexico who tries his best to give his son a normal life, received numerous awards, including an Oscar nomination. The adventures of two Asian Americans, *Harold & Kumar* (2004–2011), filmed as a pop-culture youth comedy, had a phenomenal box office success.

In 2009, the actor playing one of the main roles, Kal Penn, became the Associate Director of the White House Office of Public Engagement in the administration of Barack Obama.

The growing scale and distribution of immigrant communities in suburbs and states that had not previously encountered large groups of immigrants has led to closer contact between them and Americans, primarily with younger generation. American food has become one of the products of this cultural synthesis. American cuisine as we know it today would not exist without immigrants. All signature American dishes – from hamburgers and pizza to tacos – are the result of merging various culinary traditions brought by immigrants with American products and flavors. The Italian-American entrepreneur Luigino “Jeno” Francesco Paulucci, who founded a business selling prepared Italian and Chinese dishes under the brands “Jeno’s” and “Chun King” in Minnesota, once said:

Only in America would it be possible...
for the son of poor Italian immigrants,
to get rich selling Chinese food in a Scandinavian region⁷⁹.

A sign of this deepening cultural synthesis is the growing popularity of fusion cuisine, such as Korean-Mexican cuisine in Los Angeles or Chinese-Latin American restaurants in New York. A real triumph of multiculturalism in everyday life is the victory of salsa over ketchup in the fight for the title of America’s No. 1 sauce. We should not forget, however, that ketchup itself, as a typical representative of American cuisine, was brought to the U.S. by German immigrants in the 19th century (i.e. Heinz Ketchup).

The growth in the number of immigrant communities and their active integration into various spheres of life while retaining their own unique character makes it possible to assume that multiculturalism will continue to grow in American society over the next decades. This means that the fears of traditional white America will also continue to grow contributing to the rise of white nationalism.

According to the results of a 2016 Gallup poll (the American Institute of Public Opinion, The Gallup Organization), 60% of Americans named immigration problems as central in America’s modern development. Analysts say that this is because immigration touches upon all aspects of community life in American society – from politics to education, from labor market to national security, from health care to national solidarity.

⁷⁹ Cit. on: *Ciment J., Radziłowski J.* Op. cit. P. 365.

Any attempt to evaluate the consequences of immigration in the U.S. faces the inevitable conflict between two opposite approaches: the liberal one, which originates in a concept of the U.S. as an open, multi-cultural society, which benefits from a constant inflow of immigrants; and the conservative one, based on the strict regulation of immigration and applying restrictive measures toward certain ethnic and religious groups. In fact, in the age of globalization under new historical conditions, American society is raising questions that had seemed to be resolved long ago: whether immigration is a threat to American institutions or the opportunity to develop and improve them in the future; whether the American nation is a multi-colored mosaic of cultures or there is a dominant racial or cultural component at its base; whether the existence of a true nation of nations united by common principles, goals, and mutual respect yet composed of different cultural, religious, ethnic, and racial communities is possible.

The position of Native Americans in modern American society remains one aspect of this discussion about multiculturalism and national identity in the U.S.A. and an important component of the disputes that are directly tied to the country's past history.

Native Americans in the 21st Century

At present, there are approximately 5 million Native Americans living in the U.S., which is 1,6% of the population. Over the past 40 years, the number of Native Americans has more than tripled. This growth can be explained by existing laws stipulating that a person can be considered Native American if one of his/her grandparents was Native American whose tribe lived on the territory of what is now the United States. If in earlier times the descendants of Native Americans tried to hide their origins in order to speed up the process of assimilation, now, influenced by the civil rights movement and the possibility of receiving various benefits and compensations, more and more Americans are remembering their Native roots. It has become common to announce one's Native American origins publicly, as Johnny Depp, Chuck Norris, Tommy Lee Jones, Cameron Diaz, and Quentin Tarantino have chosen to do.

The largest communities of Native Americans live in California (with Los Angeles being the city with the largest Native American population in the U.S.), Oklahoma, and Arizona. There are now 565 tribes officially recognized by the federal government. This gives them the right to their own territory (the reservation), the right to form a government, to develop laws (state laws do not apply to the reserva-

tion), the right to impose taxes, and the right to license and regulate almost all types of activity on their territory. On most reservations, tribal courts and law enforcement bodies are fully functional. Legally Native American reservations have about the same rights as U.S. states. In addition, tribes that can prove that their ancestors' property had been requisitioned, receive federal grants and subsidies.

About a third of the Native American population lives on reservations, which make up about 2% of the U.S. territory. The Navajo people own the largest one of them with the size roughly equivalent to the area of West Virginia and approximately 300,000 people (out of whom 108,000 live permanently on the reservation) living in the tribe. The main sources of income for the Navajo are mining, taxes, and tourism, which bring in \$96 million annually. The average monthly household income amounts to over \$3200.

In the 1980s, the federal government began to curtail subsidies to the Native American tribes. Trying to make up for the loss of income, some of them began to hold lotteries with prizes higher than the ones offered at a state lottery. After the authorities tried to shut them down, the Native American tribes filed lawsuits, arguing that Native Americans had been gambling for hundreds of years. The tribes won a few of the lawsuits, and in 1987 the U.S. Supreme Court ruled that state governments could not regulate gaming on the reservations if gambling was allowed by the law of the state. In 1988, President Ronald Reagan signed the Indian Gaming Regulatory Act, which exempted gambling revenue from taxes, provided it was used exclusively for social and philanthropic activity.

According to the Indian Gaming Commission, as of 2018, there were 494 casinos operating in several states, belonging to 242 tribes. Their combined annual income was \$33,7 billion. The Seminoles turned out to be the most up-and-coming in this area, and managed to create a real business empire in Florida, where they own a chain of hotels and casinos. In 2019, the next complex of this Native American business empire would be completed. It was the Seminole Hard Rock Hotel & Casino Hollywood, which cost \$1,5 billion. The complex now includes the "Hard Rock Live" concert hall, which has 7000 seats, and more than 20 new restaurants and night clubs. The casino is around 3,000 square meters, with 200 gaming tables and 3100 slot machines. At present, there are 1275 rooms available in the three hotels within the complex. Given the facts that there are only 4100 registered members of the tribe in Florida and it controls six small reservations, the scale of Seminole entrepreneurial activity defies the imagination. In addition, Indian reservations derive significant income from duty-free alcohol and tobacco sales.

This, however, does not mean that all of the problems of Native Americans have been solved, or that their position in society does not differ from that of other ethnic and racial groups. Just as before, a significant number of Native Americans (around 23%) live in poverty; only 16% of Native Americans receive higher education, in spite of the preference given in admission, and free tuition; unemployment and alcoholism among them is higher than the country's average.

One way of solving these problems is the educational development program for the country's native populations. Government-supported schools and colleges have been opened on almost all the reservations, and the tribes play an active role in their development. In 1972, the presidents of the country's first six tribal colleges established the American Indian Higher Education Consortium, to fully promote the work of Native American educational institutions. Today, it has 36 colleges in the U.S. and one in Canada under its purview. The Consortium has four main goals: to support generally accepted quality standards in the education of Native Americans; to assist in the creation of new colleges controlled by the tribes; to enable the development of a legislative base for the higher education of Native Americans; to stimulate their inclusion in educational policy. In addition, the programs have been developed under the Bureau of Indian Affairs aimed at raising Native Americans' educational level and adopting individual approaches to education depending on the tribe, on ability and each individual's level of development. Implementing this program would allow Native Americans to receive a quality education, which is necessary for further professional growth.

Another important vector in modern Native American policy is the preservation of the tribes' cultural heritage, primarily by supporting Native American languages. At present, there are 139 Native American languages in the U.S. However, more than half of them are in danger of disappearing. According to 2008 figures, 72% of American Indians do not speak any language other than English, and only 21% of them speak a language other than English at home. At the end of the 20th century, a whole series of linguistic programs appeared in the U.S.: special language courses for tribes, language camps, the teaching of languages in universities and colleges. Some higher education establishments even teach certain subjects in indigenous languages. In 1978, the American Indian Language Development Institute was formed to preserve native languages and support linguistic and cultural diversity. On October 30, 1990, Congress adopted the Native American Languages Act. It reflects the necessity to preserve traditional languages as an important part of Native Americans' cultural

heritage, without which it would be impossible to understand their history, religion, values, and worldviews.

Along with teaching indigenous languages and including those in university programs, other steps are also being taken. For example, in spring 2005, the Modern Language Association of America decided to launch a linguistic study of Native American languages. It also started the project to compile dictionaries, grammar textbooks, and other study materials that would further help in teaching. Parallel to the development of Native American education in university programs, courses on Native American issues started to appear. In 1972, a law on the study of the country's historical heritage was adopted. Ten years later, students at U.S. higher education institutions could attend more than 250 specialized courses on the history and culture of ethnic minorities, including Native American culture. As time went on, the subject matter of these courses became deeper and more focused, embracing the diversity of Native American culture, the past and future of Native Americans in the U.S., as well as their prospects of living in a multiethnic society.

The Native American Renaissance

The Native American Renaissance, which began at the end of the 1960s, had a major influence on changing attitudes toward the problems of Native Americans. The Renaissance is traditionally linked to a flourishing period in Native American literature, which began with the novel by Navarre Scott Momaday, of the Kiowa tribe, titled "House Made of Dawn", published in 1968, and awarded the Pulitzer Prize. It was then that the Native American literary tradition attracted the attention of the wider public, which acknowledged that Native Americans can and should speak for themselves. According to researchers, the Native American Renaissance had three main elements: reclamation of heritage through literary expression; discovery and reevaluation of early texts by Native American authors; renewed interest in customary tribal artistic expression (mythology, ceremonialism, ritual, and the oral tradition of narrative transmission).

Once started, this literary process spilled over to other spheres and turned into a rebirth of the ethnic identity of Native Americans and tribal cultures. One manifestation of this was a return to traditional pursuits and lifestyles, the regular celebration of Native American holidays (the pow-wow), rites, ceremonies, study of native languages, and Native American history. Moreover, other ethnic groups began to take part in these rites and ceremonies, trying to join in the

cultural heritage of Native Americans. Modern pow-wows, which can last from a day to a week, are a mass activity at which Americans and Native Americans gather to dance, sing, talk, and discuss the influence of cultures on one another. Dance competitions, often with cash prizes, are also held.

Native American contemporary art is also closely linked to the Native American Renaissance. One of its most brilliant representatives is Jimmie Durham, a Cherokee, who was an active participant in the Native American civil rights movement in the 1970s. His sculptures combine traditional motifs with modern trends and forms. In 2019, he was awarded a Golden Lion for Lifetime Achievement at the Venice Biennale for his contribution to art.

The popularity of Native American culture found an unexpected outlet in the fashion industry. Beginning in the 1980s, fashion houses began using Native American themes in their collections one after the other. This had extremely contradictory consequences. On the one hand, interest in everything Native American increased, while on the other, Native Americans accused the fashion industry of cultural appropriation, leading to a series of scandals and court cases initiated by the tribes. One particularly prominent scandal surrounded the 2014 Chanel collection, due to the use of ethnic symbols and the frivolous use of feathered headgear. The Navajo, in turn, filed a court case against Urban Outfitters, a popular chain of ready-to-wear clothing stores, because of a series of lingerie decorated with so-called “Navajo” designs, as well as flasks for alcohol called “Navajo flasks”.

Native Americans have made and continue to make a contribution to the development of various aspects of American life. Among them is astronaut John Bennett Herrington, a Chickasaw, who in 2002 made a 13-day mission to the International Space Station on board the Endeavour space ship. Herrington took the Chickasaw flag with him as a tribute to his people. William Mervin Mills, of the Oglala tribe, became an Olympic champion in athletics. Elizabeth Marie “Betty” Tallchief, from the Osage tribe, a prima ballerina in George Balanchine’s troupe, was the first American dancer to appear on stage at Moscow’s Bolshoi Theater. Fred Begay, a Navajo, became a prominent physicist, and had a major influence on the development of atomic energy in America.

The U.S. House of Representatives now has four members of various Native American tribes (Sioux, Cherokee, Pueblo, Chickasaw). In 2021, for the first time in the country’s history, Native American Deborah Holland took over as Home Secretary in the administration of President Joseph Biden. This list of achievements could be extended indefinitely; they only became possible thanks to the recognition of the

simple fact that Native Americans are an integral part of the American nation of nations.

An important contribution to the preservation and study of Native Americans' cultural heritage was the 2004 opening of the National Museum of the American Indian in the center of the U.S. capital. An entire group of specialists representing various Indian tribes worked on its design and construction. It was the first museum in the country devoted entirely to Native Americans. In 2009, on the suggestion of the U.S. Congress, an official apology was included in the law on defense spending "on behalf of the people of the United States to all Native peoples for the many instances of violence, maltreatment, and neglect inflicted on Native peoples by citizens of the United States"⁸⁰. These words, like the government's policy as a whole, symbolized the integration of Native Americans into the American cultural mosaic.

"Black" and "White" America: The Heritage of the Past and the Challenges of Multiculturalism

In the 21st century, African Americans in the U.S. achieved real success in various spheres. Many of them joined the ranks of American middle class. They received access to positions in private corporations and government jobs that they previously could only dream about. They are widely represented in U.S. social and civic life, as well as in politics on the federal and local level, compared to earlier periods of the U.S. history. Finally, Barack Obama was able to rise to the peak of the political Olympus.

African Americans have become major figures in the media. Who doesn't know the American television host, producer and civic activist Oprah Gail Winfrey, who was named the most influential person in show business by Forbes magazine in 2009, and in 2010 and 2013 was named the most influential celebrity in the U.S. In cinema there is an entire pantheon of black actors who have received recognition by the public, not only within the country, but far beyond its borders. Among them are Denzel Washington (Denzel Hayes Washington, Jr.), Morgan Freeman, Will Smith, Danny Glover (Danny Lebern Glover), Samuel L. Jackson, and Wesley Snipes. African American actress Whoopi Goldberg is famous all over the world; she has won the Oscar for Best Supporting Actress, as well as a Grammy, an Emmy and a Tony. Halle Berry won the Oscar for Best Actress in a leading role for

⁸⁰ Department of Defense Appropriations Act, 2010. January 2010. P. 46.

her portrayal of Dorothy Dandridge, the first black actress to be nominated for this award. The list of African Americans who have attained fame in the music industry would take up more than one page. We can mention at least Whitney Houston, the American pop, soul, and rhythm-and-blues singer. According to the Recording Industry Association of America, she is fourth on the list of the most commercially successful performers in the U.S. In addition, by 2005, 65% of players in the National Football League and 80% of the players in the National Basketball Association were African American.

All of the above is a testimony to the impressive achievements of African Americans even though their social-economic status is generally lower than the one of not only white Americans, but Hispanic and Asian immigrants as well. In some instances, their civil rights can be violated. Experts point to the fact that immigrants from Latin America and Asia, and especially their children, are more interested in raising their social and cultural status than immigrants from Africa, and even than some members of the African American community. This, however, does not change the fact that the question of race is still high on the list of current social issues in the U.S.

The issue of racial equality still occupies top positions on the list of pressing social issues in the U.S. The heated debate surrounding interracial relations spiraled in connection with the deaths of unarmed African Americans during their detention by white police officers. Among these, the most significant were the shooting of 18-year-old African American Michael Brown on August 9, 2014, in Ferguson, a suburb of St. Louis, Missouri; on July 17 of the same year, 43-year-old African American Eric Garner, father of six children, came into conflict with a group of police in Tompkinsville (an area of north-east Staten Island, New York). An hour after the altercation Garner, who suffered from asthma and heart disease died as a result of a prohibited chokehold. On November 22, 2014, in Cleveland, two white policemen shot a 12-year-old black teenager, Tamir Rice, in a park. The boy was holding a pneumatic air pistol in his hand, and the police mistook it for a loaded gun. In all three cases the police, who were investigated, were fired from the police, but later exonerated, and their actions were classified as self-defense.

These tragic cases and the resulting exonerations blew American society apart. People of all nationalities, but primarily African Americans, came out onto the streets to condemn the actions of the police, accusing the officers of racism. Journalists from various media outlets began investigations. Barack Obama addressed Americans on numerous occasions, expressing condolences to the families of those killed, calling on participants in the protests to remain calm and respect the

decision of the court, while calling on the police not to exceed their mandate.

In Ferguson, where African Americans constituted the majority of the population, mass protests raged for several days, with the police using rubber bullets and tear gas against the demonstrators. Peace was restored only after a state of emergency was declared and the National Guard called in. In New York, demonstrations were held with the slogan “I can’t breathe,” (these were the words that Eric Garner screamed when the policeman was choking him.) The same words were uttered by another African American, George Floyd before his death on May 25, 2020, when a police officer knelt on his neck, which caused Floyd’s death by asphyxiation and cardiopulmonary arrest. His tragic death at the hands of police officers provoked massive protests against police violence in various countries. In the United States, protests took place in all 50 states, and more than 400 cities. In many cases they were accompanied by clashes and riots. In those cases the effect was amplified because the arrests had been caught on video, which clearly showed the unjustified cruelty of the police.

The “Black Lives Matter” movement played a significant role in organizing the protests. The movement had been established in 2013 to fight racist actions by white police officers; and the violations of African American civil rights by the courts. The trigger for the movement the George Zimmerman case. Zimmerman was a Neighborhood Watch volunteer in a high-crime neighborhood in Florida, who fatally shot, 17-year-old Trayvon Martin, who was unarmed. Zimmerman was acquitted of all charges. After the case, Black activists launched the hashtag #BlackLivesMatter on social media, which gave the movement its start. In response to the deaths of Brown and Garner, radical African American activists took revenge by killing white police officers who had no link to the incidents. As a result, the hashtag #BlueLivesMatter appeared on social media (blue is the color of police uniforms), and defenders of police actions became actively involved.

According to American media monitoring in 2014, cases of violence by white police against unarmed blacks led the media agenda. As a result, heated discussions about the reasons for the growing racial conflict began. They, in turn, contributed to the polarization of society and an increase in radicalism on both the left and the right.

The research drew the attention of politicians and society to the problems of race relations. First, white police were in the majority, even in places where, like Ferguson, the residents were mostly black, which could be one reason for such civil rights violations on the basis of race. Second, police used unjustified force when arresting African Americans, as demonstrated not only by the case of Eric Garner, but by the

case of Freddie Gray in Baltimore, Maryland, on April 12, 2015. As a result of injuries to his neck, the 25-year-old African American fell into a coma and died. This tragic event caused another wave of mass protests and the callup of the National Guard. Third, in the cities that have become a symbol of the rising tension in race relations, racial, and ethnic isolation remain. This voluntary segregation is between 50% and 70%, and remains a characteristic of many urban communities, directly linked to the legacy of past housing policies, which did not allow African Americans to live in certain neighborhoods. These areas are still quite rough, with a high concentration of the urban poor, a significant portion of whom are black. Their ranks are swelled by poor immigrants from Africa and Latin America, including illegal aliens. Finally, the statistics cited on the pages of newspapers not only confirm that 2,5 times fewer whites than blacks die at the hands of police, they also demonstrate the existence of criminal tendencies within the black community: the overwhelming majority of murders of black Americans are committed by members of their own racial and ethnic group.

As discussions raged about police violations of African Americans' civil rights, a guilty verdict was handed down in the case of Michael Thomas Slager. He killed a 50-year-old, unarmed black man, Walter Scott, on April 4, 2015 in North Charleston, South Carolina. A video made by a passer-by confirmed that the policeman simply shot a black man who was running away from him, whose car he had stopped because of a broken taillight. Slager was indicted for murder and was sentenced to 20 years in prison.

Among those who assisted in the justified investigation into his actions was Clementa Carlos "Clem" Pinckney, an American politician and pastor, a Democratic senator from South Carolina from 2000 to 2015 (and before that a member of the House of Representatives from South Carolina 1997–2000). He was among nine persons killed two and a half months later during a shooting at the Emanuel African Methodist Episcopal Church in the historic center of Charleston. This church, created more than two centuries earlier, played an important role in the fight for racial equality and in the Black Lives Matter movement. On the evening of June 17, 2015, a young man, Dylan Roof, entered the church and an hour later opened fire with the words, "I have to do it. You rape our women and you're taking over our country. And you have to go"⁸¹.

Many American observers drew an analogy between the shooting in Charleston and the bombing of the African American 16th Street

⁸¹ Cit. on: *Florini S.* Beyond Hashtags: Racial Politics and Black Digital Networks. New York, 2019. P. 10.

Baptist Church in Birmingham, Alabama, in September, 1963. Four little black girls died in that explosion. The investigation showed that Roof was a drug user and also advocated racial segregation. He had posted a racist manifesto on his website, and posed with wax figures of slaves and the Confederate flag. Ultimately Roof was sentenced to death and is now on death row.

The tragic events in Charleston testify to the resurgence of racism among white Americans and led to a campaign against the use of the Confederate flag and other Confederate symbols in public places. President Barack Obama, a Democrat, supported this decision, as did his political opponents from the Republican Party, Mitt Romney and Jeb Bush. The online petition MoveOn.org gathered more than 270,000 signatures. As a result, the South Carolina State Senate, after a 13-hour debate, adopted a decision to remove the Confederate flag from the South Carolina State House. It was transferred to a museum. In June 2015, the major retailers Wal-Mart, Amazon.com, Sears Holding Corporation and eBay announced that they were halting all sales of goods with the image of the Confederate flag. Other companies followed their example. At the same time, many cities witnessed a movement to rename schools, colleges and streets named after leaders of the Confederacy.

A sociological survey conducted in 2015 showed that 57% of Americans see the Confederate flag as a symbol of Southern pride (remember the “Myth of the Lost Cause” and the view of the Civil War as a conflict between white Americans). In the South this view is held by 75% of whites, while for 75% of blacks the Confederate flag remains a symbol of racism. Blacks remembered the Civil War as a war to end slavery, which, in fact, it did.

The rise of racial tensions in the U.S. thus led to the beginning of the battle for history in American society, and a genuine reexamination of the past, in view of modern challenges. The movement to take down the monuments to heroes of the Confederacy that adorned squares and parks throughout the South reminded Americans about their history. The past had never disappeared from the collective memory, just as its different interpretations. Political and social activists, journalists, and professional historians got involved in the debate over the symbolic meaning of the monuments to Confederate heroes, as did ordinary Americans in various states, whose opinions were published by various media outlets.

This debate flared up when Donald Trump waged his presidential campaign that exploited nationalist populism rhetoric and called for dismantling taboos connected to political correctness. Trump won the majorities of rural white residents, Rust Belt workers (region of the

Midwestern and Northeastern United States, including parts of New York State, Pennsylvania, Ohio, Indiana, Michigan, and Illinois, up to the western bank of the Mississippi River, where industrial production has declined since the 1980s). The socio-economic status of population in these states had not improved during Obama's presidency. The economic decline has fostered racist and anti-immigrant sentiments which offered simple and familiar answers to complex questions. This, however, does not mean that all white voters who cast their ballots for Trump were racist. In fact, in the past, 10% of them had voted for Barack Obama. This means that in times of crisis, when socio-economic conditions are deteriorating, people fall back on the old trope of the "aliens" within, which was validated by the populist slogans of the presidential candidate.

The socio-political discussion over the symbols of the Confederacy (flags and monuments) entered a new phase after the events in Charlottesville, Virginia, where on August 11–12, 2017, the "Unite the Right" rally took place as a protest against the removal of a monument to the famous Southern general, Robert E. Lee. White nationalists and white supremacists, neo-Confederates, neo-Nazis, and members of the Alt-Right took part. They shouted racist and anti-Semitic slogans such as "Blood and Soil", "They Will Not Replace Us", and "White Lives Matter", carrying Confederate flags, swastikas, and Islamophobic posters. A counter-demonstration was held by leftists of various views – anti-fascists, representatives of interfaith organizations, as well as town residents, indignant at such an open manifestation of racism. A representative of the ultra-right organization "Vanguard America", James Fields, drove his car into the crowd, killing Heather Heyer and injuring 19 others.

The far-right demonstrators in Charlottesville used Confederate symbols to express their idea of the superiority of white America. Many of them were not originally from the South. They were brimming with anger and hatred towards immigrants, Muslims, African Americans – against anyone who, in their opinion, challenged the dominance of white people, who felt that they were a minority in a multi-cultural society ruled by political correctness.

Conclusion

Does the persistence of racism and the surge in anti-immigration sentiment mean that the U.S. experiment as a nation of nations and a mosaic of cultures has failed? Absolutely not. It is a sign that the new Americanism that Stephen Douglas dreamed about at the end of the

19th century has not yet fully become a reality, and the problem of race relations is still on the agenda in American society. Americans are now having an identity crisis spurred by socio-economic and demographic conditions, a new wave of immigration and the consequences of the policies of multiculturalism. Americans must find a way out of this crisis, using existing politico-legal mechanisms and improving on them. This has happened more than once in the past. It will happen again in the not-too-distant future.

In 2018 the whole country learned the name of Stacey Abrams, a politician, lawyer, member of the Georgia House of Representatives. She was nominated by the Democratic Party to run for governor of her state, becoming the first African American woman in history to compete for that office. She lost the election, but in February 2019 was given the special honor of delivering the Democratic response to President Donald Trump's State of the Union address to Congress. This was also a first.

At that time Stacey Abrams uttered these historic words:

Our power and strength as Americans lives in our hard work and our belief in more. My family understood firsthand that while success is not guaranteed, we live in a nation where opportunity is possible. But we do not succeed alone. In these United States, when times are tough, we can persevere because our friends and neighbors will come for us. Our first responders will come for us. It is this mantra, this uncommon grace of community that has driven me to become an attorney, a small-business owner, a writer, and most recently the Democratic nominee for governor of Georgia. My reason for running was simple. I love our country and its promise of opportunity for all. And I stand here tonight because I hold fast to my father's credo. Together, we are coming for America. For a better America⁸².

The results of the 2018 mid-term elections in the U.S. were a clear sign of the achievements Americans have made in national and gender policy. Racial and ethnic minorities made up 22% of the members of both houses of Congress; 116 lawmakers were not part of the white majority – they were black, Hispanic, Asian-Pacific islanders, Native Americans. In the House of Representatives, the percentage of African Americans and Native Americans was roughly equivalent to their overall percentage in the society: 12% and 1%, respectively, while representation of Asian and Hispanic Americans was still only half of that. Muslim women entered Congress for the first time – Michigan's

⁸² New York Times. 2019. February 5.

Rashida Tlaib and Minnesota's Ilhan Omar – as well as two Native American women – Debra Haaland from New Mexico and Sharice Davids from Kansas. In New York State, a 29-year-old Latin American woman, Alexandria Ocasio-Cortez won a seat. In general women made up 25% of the Lower House of Congress. Overall, 90% of the 116th Congress who represent racial and ethnic minorities were Democrats, and 10% were Republicans. It was the most pluralist Congress in U.S. history, which gives hope that the politics of ethnic pluralism will continue to develop.

The continuation and confirmation of this trend is the political career of Kamala Devi Harris, whose origin personifies the triumph of multiculturalism in American society. Born to immigrants from India and Jamaica, she became the first African American and the first female politician of Asian descent to be elected in 2020 as Vice President of the United States.

In the 21st century, all levels of government, the press and the courts, as well as Americans themselves, use their civil rights and freedoms to work tirelessly to implement the basic principles enshrined in the Declaration of Independence in 1776. In his second Inaugural Address, on January 21, 2013, Barack Obama put it this way:

We recall that what binds this nation together is not the colors of our skin or the tenets of our faith or the origins of our names. What makes us exceptional, what makes us America is our allegiance to an idea articulated in a declaration made more than two centuries ago. We hold these truths to be self-evident, that all men are created equal. That they are endowed by their creator with certain unalienable rights, and among these are life, liberty, and the pursuit of happiness. Today we continue a never-ending journey to bridge the meaning of those words with the realities of our time. For history tells us that while these truths may be self-evident, they've never been self-executing. For we have always understood that when times change, so must we, that fidelity to our founding principles requires new responses to new challenges, that preserving our individual freedoms ultimately requires collective action... We must act knowing that our work will be imperfect. We must act knowing that today's victories will be only partial, and that it will be up to those who stand here in four years and 40 years and 400 years hence to advance the timeless spirit once conferred to us in a spare Philadelphia hall⁸³.

⁸³ Public Papers of the Presidents of the United States: Barack Obama. 2013. Book 1. Washington, 2018. P. 45–47.

America's first Black President was speaking of the ongoing American experiment to implement the principle of equality, whether it be the equality of men and women, rich and poor, people of different nationalities and different races, various gender or religious identification, those born in the country and those who came in search of happiness. Without this, the motto "E Pluribus Unum" would just be empty words, and the United States could not exist as a nation of nations and a mosaic of cultures.

Further Reading

- American Immigration. An Encyclopedia of Political, Social, and Cultural Changes. Vol. 1–4 / Ed. by J. Ciment, J. Radzilowski. New York, 2015.
- Black American Biographies. The Journey of Achievement / Ed. by J. Wallenfeldt. N.Y., 2011.
- Encyclopedia of African American Popular Culture. In 4 Vols. / Ed. by J.C. Smith. Greenwood, 2011.
- Iverson P., Davies W.* "We Are Still Here". American Indians since 1890. New York, 2015.
- Johansen B.* Encyclopedia of the American Indian Movement. New York, 2013.

Electronic Resources

See the videos at: <https://edu.amc.ru/courses>

- Пау-вау – фестиваль коренных американцев в Вирджинии [Electronic resource]. URL: <https://www.golos-ameriki.ru/a/pow-wow-native-americans/3918192.html> (accessed 18.02.2021).
- America's Biggest Issues: Immigration [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=tZHuZUQ0atA> (accessed 18.02.2021).
- Between Borders: American Migrant Crisis. Times Documentaries // The New York Times [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=rxF0t-SMEXA> (accessed 18.02.2021).
- Black Lives Matter [Electronic resource]. URL: <https://blacklivesmatter.com/> (accessed 18.02.2021).
- The Dancing Rabbit Gallery // American Indian Art [Electronic resource]. URL: https://www.thedancingrabbitgallery.com/?gclid=CjwKCAjwq4fsBRBnEiwANTahcBZ59OofL1mgf_T6rq84-iCZg64wI6vpsfFf36firGBH7f8NW88CRoC5LkQAvD_BwE (accessed 18.02.2021).

- Grand Entry – 2019 Gathering of Nations Pow Wow [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=mGAThB2D2T0> (accessed 18.02.2021).
- The Heat: U.S. Immigration Crisis [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=IfcMnNzsLGI> (accessed 18.02.2021).
- Inside life on the Lakota Sioux reservation // Hidden America: Children of the Plains [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=IJapHc7B8Xs> (accessed 18.02.2021).
- The Modern American – America's Immigration History | Part 6 [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=fxl8qb0klyY> (accessed 18.02.2021).
- Pow-wow dancing styles and meanings [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=MONgmqIpaW8> (accessed 18.02.2021).
- Remarks by President Trump on Modernizing Our Immigration System for a Stronger America [Electronic resource]. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-modernizing-immigration-system-stronger-america/> (accessed 18.02.2021).
- Songs of Black Lives Matter: 22 New Protest Anthems [Electronic resource]. URL: <https://www.rollingstone.com/music/music-lists/songs-of-black-lives-matter-22-new-protest-anthems-15256/beyonce-feat-kendrick-lamar-freedom-33813/> (accessed 18.02.2021).
- Talks to help you understand racism in America [Electronic resource]. URL: https://www.ted.com/playlists/250/talks_to_help_you_understand_r (accessed 18.02.2021).

Course 2

Man–Society–Power in the U.S.

I.A. Tsvetkov
N.A. Tsvetkova

The course discusses the following questions: how the political culture of the United States has been shaped, why the United States was able to develop a system of checks and balances, why the U.S. Congress or the President cannot gain more authority than they have been granted, how civil society works, and elections are arranged. The authors demonstrate the interaction between citizens and political power, religion and the media, and the Congress and the President. The critical review on the American Revolution and the Bill of Rights opens the unique features of the U.S. political system focusing on how American democracy was developed during the times of the civil rights movement. The discussion on the executive, legislative, and judicial branches is focused on their impact on lives of ordinary Americans, who vote during numerous local, state, and federal elections. Mass-media is viewed in terms of its communicating functions among various interest groups and ordinary citizens. Finally, religions are reviewed in terms of their diversity in American society.

Contents

1. The Legacy of the American Revolution, or What the Founding Fathers Willed to the American People	735
2. The Bill of Rights: Ten Amendments that Protect Americans	747
3. Present-Day Civic Activism	762
4. Why Americans Need Political Parties	775
5. Elections in the U.S. as a Socio-Cultural Phenomenon	788
6. The President and the First Lady	803
7. Civic Society in the United States: From Groups at Grassroots to U.S. Congress	817
8. How the Rule of Law Works in the U.S.	832
9. American Mass Media as the Fourth Power How the Rule of Law Works in the U.S.	846
10. Religion and Americans	860

Lecture 1. The Legacy of the American Revolution, or What the Founding Fathers Willed to the American People

Many modern states, at some stage of their historical development, have gone through revolutions: popular uprisings leading to a change in government and a deep transformation of social institutions. Revolutions developed in various ways, depending on local conditions (although the general progression of the revolutionary process was often similar) and had an enormous influence on the further development of England, France, Russia, China and other countries. In most cases, revolutions were cruel, with many victims; they ruined people's lives and left deep scars in the national historical memory.

One of the most successful revolutions, not too cruel and having a positive influence on later events, was the American Revolution. It began in 1775 as an uprising of the British colonies in North America against the motherland, and ended at the end of the 1780s with the adoption of the Constitution and the formation of the government institutions of a new, independent country – the United States of America.

In What Way Was the American Revolution Unique?

The American Revolution was not only successful (many other revolutions also ended with the victory of the rebels), it led to the creation of enduring political institutions based on a completely new system of liberal and democratic values. These institutions and values have been preserved in the U.S. up to the present day, two and a half centuries after the signing of the Declaration of Independence – the founding document in which the American patriots formulated their complaints against the mainland in 1776, justifying their refusal to submit to a government that had violated their natural rights. July 4, the day the Declaration was signed, is still the main national holiday, sincerely beloved by many Americans. The Preamble to this document contains the phrase:

All men are created equal... they are endowed by their Creator with certain unalienable rights, that among these are Life, Liberty and the Pursuit of Happiness¹.

This short sentence, written by Thomas Jefferson, can be considered one of the most comprehensive, life-affirming political manifestos in history.

If we look at the place that revolutions have in the historical memory of other peoples, we will see a completely different picture in most cases. In countries that have had several revolutions, they are remembered most often as days for “honoring the victims” or “of national unity”, emphasizing the idea that such tragic events must never be repeated. Sometimes the most recent revolution completely blocks out the previous one in national memory. It also happens that even the most recent revolution is not considered an unmitigated blessing.

In 250 years the American Revolution has not been pushed to the back burner by any historical cataclysms, and it does not provoke any particularly tragic emotions among modern Americans (the only real internal shock from later periods was the Civil War, 1861–1865, which is often called “the Second American Revolution”, but it did not lead to a change in the basic state structure of the United States).

The War of Independence from Great Britain, which lasted from 1775 to 1783, cost the lives of 25,000 Americans, which was around 1% of the population of the British colonies. By contrast, the Civil War took 650,000 lives (2,1% of the population), and in the Second World War, 400,000 died (0,39% of the population). Besides, the American Revolution’s distance in time has helped to eliminate any sense of tragedy from the collective memory. Of course, for modern Americans, the losses of the war in Vietnam (58,000), Afghanistan (2,216), and Iraq (4,497) give rise to more negative emotions than the blood spilled by soldiers of the Continental Army headed by George Washington.

The American Revolution, unlike many similar events in other countries, did not become a mournful and tragic episode in the national history for yet another reason: it did not entail a vicious, bloody struggle between various factions of revolutionaries. The American Revolution did not “eat its own children”, as did the French and Russian Revolutions; the radicals among the Founding Fathers of the American state, those like Thomas Jefferson, after receiving the highest offices, did not start persecuting and physically eliminating their opponents.

¹ U.S. Declaration of Independence [Electronic Resource]. URL: <https://ushistory.ru/istochniki/teksty-k-seminaram/779-declaration-of-independence-na-anglijskom-i-na-russkom-jazykah> (accessed 20.02.2021).

Why Has the Memory of the American Revolution Lasted up Until Today?

Of course, the mere stability of the political institutions that arose in the 18th century, or the political moderation of the leaders of the American Revolution, would not be enough to keep it alive for so long in the minds of Americans as a key event in national history. The image of the American Revolution in the eyes of successive generations has been influenced chiefly by the amazing effectiveness of the governance model created by the Founding Fathers. Although the development of the United States was not free of crises, in comparison with other nations America has often seemed a bastion of political stability, and the government has, for most of the country's history, been able to provide a stable rise in the population's prosperity. The income of U.S. residents became a matter of envy for the rest of the world in the second half of the 19th century and remains so today. It is no surprise that the American Revolution, which 250 years ago spawned this extraordinarily successful national economic project, continues to attract such attention today.

In addition to supporting the material well-being of its citizens, the United States of America has been able to attain amazing success in the international arena. A Superpower arose out of the 13 British colonies, in many ways exceeding the national might of the mother country, Great Britain. It all began during the American Revolution, when the first generation of American diplomats, despite their complete lack of experience, managed to convince the European states that they were serious, and created an international coalition. This coalition in the end became a decisive factor in the U.S. victory in the War of Independence.

The effectiveness of the American Revolution can also be seen in the longstanding, positive influence of the social reforms undertaken at that time. While attaining independence and creating new political institutions might seem to be the most important achievement of the American patriots, other decisions taken during the revolutionary period were no less significant, and in some ways even more so: the beginning of freeing the slaves, the separation of Church and State, the complete liquidation of feudal vestiges in land ownership, etc. Of course, not everything was accomplished during the revolutionary years, but the ideology born of the revolution, of casting off the past, is still relevant today, and not only for Americans, but for residents of other countries as well.

The success of the American Revolution immediately became an inspiration for freedom fighters all over the world. Without the American Revolution the great French Revolution most likely would not have happened, there would not have been uprisings in the Spanish colonies of South and Central America, and all other revolutionary movements right up until our own day would have developed quite differently. The American Declaration of Independence in 1776 is still relevant and is still a sort of political Bible for those promoting the idea of national self-determination.

What Determined the Success of the American Revolution?

The multi-faceted but largely positive influence that the American Revolution has had on the development of the U.S. and the rest of the world forces historians to ask the question: why was it this revolution that was so successful, what kept other revolutions from playing a truly positive role in the history of their countries? Perhaps the reason is not in the revolution per se, but in the series of favorable conditions that allowed the United States to become a world economic leader in a fairly short period of time, later acquiring enormous international political influence. Rich natural resources, an energetic population, isolation from the endless conflicts between the Old-World countries thanks to favorable geographic location – perhaps the U.S. success can be better explained by these factors, not by the genius of the Founding Fathers and the heroism of the ordinary participants in the revolutionary events.

Such an approach to explaining the extraordinary achievements of the U.S. as a nation is, on the whole, more convincing. The Founding Fathers really were not demi-gods, endowed with superhuman powers or some sacred knowledge of the ideal state structure. Moreover, in political theory they actually followed their prominent European contemporaries, rather than inventing something new. As commanders, American generals beginning with George Washington did not demonstrate any unique abilities lacking in their European colleagues. In the decisive battles of the War of Independence the key role was played by the organizational and material support given by France, Spain and other European allies, who were doing it to spite their old enemy, Great Britain.

The American Constitution of 1787, which, along with the Declaration of Independence has by now become practically a sa-

cred text, is of course a matter of special pride for Americans. This Constitution was dictated by the logic of revolutionary events, becoming the culmination of the efforts by the American patriots to affirm national independence. Today the American Constitution has the status of the oldest foundational document in the world, to which there have only been 27 amendments throughout its entire history.

Nevertheless, it turns out that even this product of the American Revolution cannot be viewed in isolation, without reference to the later history of the U.S. If the American Constitution was a completely perfect and universal document, if it contained the recipe for the solution to the political problems of all countries and all peoples, then it would, of course, have had a more glorious history. But as events have proved, in many countries that simply tried to copy the American Constitution and adopt the very same political institutions as the U.S., acting on the same principles and according to the same rules – nothing good came of it. It turned out that the American Constitution is just a text, simply a collection of rules of the political game, which helped the U.S. transform into a powerful, prosperous state, but which was not capable to giving the same result under other historical conditions and in other countries.

Even so, in spite of all the doubts about the universal significance of the American revolutionary experience for other countries, it must be acknowledged that the events of the 1770s–1780s in the U.S. did give an awful lot to the world. The American experience cannot be adopted directly, as a set of ready-made recipes for prosperity and success. Its significance lies in the fact that it demonstrated the possibility of the practical application of various ideas, which before the American Revolution existed only in the minds of political philosophers. A similar set of ideas led to completely different and much less inspiring results during the French Revolution, and Marxism, which largely contradicted American values, turned out to be a real road to hell for many revolutionaries of the 20th century. The Founding Fathers of the U.S. not only showed how a revolution could succeed in resolving the basic question of power, they also were able to avoid many of the traps that the leaders of other country fell into during revolutionary transformations.

One of the most important and successful political decisions adopted during the revolutionary era was George Washington's refusal of any political post immediately following the victory of the Continental Army he commanded over the English in 1783. In December of that year Washington addressed the Congressmen who had entrusted him with the command:

Having now finished the work assigned me, I retire from the great theatre of Action; and bidding an Affectionate farewell to this August body under whose orders I have so long acted, I here offer my Commission, and take my leave of all the employments of public life².

It is possible that as he pronounced these words the American Revolution entered a special phase that distinguished it from revolutions in other countries: its leader did not want to take the place of the tyrant who had been overthrown, and by this he saved the newly formed republican tradition from certain death under the heel of authoritarianism. When, five years later, Washington finally agreed to run for president, there was already a Constitution in the country, with a system of checks and balances, which was supposed to prevent the appearance of any form of personalized power in the U.S. But even this system existed only on paper for quite a while, and, given the desire, the Constitutional restrictions were easy enough to get around. At that point Washington once again demonstrated that he had no desire to become a monarch, refusing to run for a third term in 1796 (even though there were no formal obstacles, such as a Constitutional prohibition, in place at the time).

It is important that Washington's successor as President, John Adams, did not try to hold onto his seat in 1800–1801, using the resources at his disposal to keep power from passing to his political rival, the representative of the Democratic-Republican party, Thomas Jefferson, who triumphed at the polls. Jefferson himself also refused to persecute the leaders of the defeated party, the Federalists, thereby showing that the principle of peaceful transfer of power was one of the most important tenets of the new state, necessary for its future successful development. In his inauguration speech he announced:

Every difference of opinion is not a difference of principle.
We are all Republicans, we are all Federalists³.

² Washington's Address to Congress Resigning his Commission. 23 December 1783 [Electronic resource]. URL: <https://founders.archives.gov/documents/Jefferson/01-06-02-0319-0004> (accessed 20.02.2021).

³ Thomas Jefferson's First Inaugural Address. 1801 [Electronic resource]. URL: <https://firstamendmentwatch.org/thomas-jeffersons-first-inaugural-address/> (accessed 20.02.2021).

The Role of Republican Ideology

It is difficult to say what motivated the Founding Fathers to act against the strong instinct towards power, which almost invariably forced the leaders of other revolutions to try and destroy their rivals and establish absolute rule. It is possible that it was a fortunate set of circumstances, and the first U.S. presidents were simply decent people. Moreover, if we look at the wider circle of American Revolutionary leaders, it is possible to identify some who were not at all opposed to assuming the mantle of a lifetime presidency or even the role of Emperor. For example, the first U.S. Minister of Finance, Alexander Hamilton, who, by the way, had the special patronage of George Washington, made plans at the end of the 1790s to create an American Empire by annexing the French and Spanish colonies – naturally, with himself as the military and political leader.

Nevertheless, the responsible behavior of Washington, Adams, Jefferson and other U.S. leaders was most likely dictated not so much by their own characters as by republican ideology, which was extremely popular during the Revolution. It was only a streamlined rational system with the force of religious belief that could make the Founding Fathers act against human nature and bow to rules, many of which were not even written down.

The American Founding Fathers themselves were starting from an assumption of the innate fallibility of human nature. They thought that a drive towards power was a basic instinct, which no system of moral values, no matter how powerful, could combat. They thought the only way to neutralize this instinct was to set several competing branches of power against each other. Each one of them would try to suppress the other, which in the final analysis would lead to a stable balance of powers.

The representatives of the first generation of American leaders still thought of themselves as special people. The system of checks and balances they created, the three branches of power: executive, legislative and judiciary, had not yet begun to work the way it does today. The real political balance was not established through the competition of institutions, but thanks to the ability of the Founding Fathers to overcome this notorious “power instinct” and arrive at a compromise for the sake of the Republic. The fact that the leaders of revolutions in other countries often became tyrants and autocrats was not just a result of an unfortunate selection of “human material”. It happened because in these countries, unlike the U.S., there was no powerful and accepted ideology of the “common good”, as there was in the American Republic at the end of the 18th century.

The question of why the republican philosophy achieved a prominence not seen since Ancient Rome has no simple answer. There are many factors: the education of several generations of colonial elite in neoclassical traditions (the home libraries of the Southern plantation owners had excellent collections of Ancient Greek and Roman authors), the distance of North America from the motherland (which developed the spirit of independence long before independence was formally attained), the absence of a harsh social class system (which enabled Americans to unite in the face of a common threat), etc. In any case, during European revolutions there had never been a nation as united as the U.S. after 1776. The American Republic of the revolutionary period was indeed a republic for all the inhabitants of the country (with the exception of the black slaves and the Native Americans), not for separate social classes, as was usually the case in Europe. The idea of independence was, predictably, more universal and unifying than the idea of class struggle.

All of this allowed the American Revolution to become a unique event of its type, combining the deep idealism and self-sacrifice of its participants with a completely rational, hard-headed pragmatism. The Founding Fathers were not political geniuses, but they were swept up by a powerful ideological wave that elevated them, changed their nature and forced them to do things that a normal person in normal circumstances would scarcely be capable of. It is also important that this amazing experience has not faded into history, as have many similar episodes. The success of the U.S. as a state supports our interest in the American Revolution, and studying it once again reminds us that human nature is not, after all, so irreparably flawed.

Modern Debates Over the Significance of the American Revolution

Lately a theory has taken hold that states that the American Revolution was really not that important or progressive an event. Many researchers point to the fact that the result of the uprising in the British colonies and the formation of the U.S., in addition to everything else, greatly increased the pressure on Native Americans, and reinforced the institution of slavery. The Libertarian Brian Caplan asks:

Can anyone tell me why American independence was worth fighting for? When you ask about specific libertarian policy changes that came about because of the Revolution, it's hard to get a decent answer⁴.

At first glance, this is true. When France lost its colonial possessions in North America following the British victory in the Seven Years' War, the lands of the Midwest, previously almost empty and controlled only by local tribes, were engulfed by a wave of settlers from the British colonies. The relationship between the colonists and the Native Americans worsened considerably. In 1763 the British parliament was forced to issue a ban on moving beyond the Appalachian Mountains, so as not to provoke conflict. The government in London simply did not want to waste resources, which were scarce after the war, to ensure the security of a large territory that had previously belonged to France. It was not out of some great love for Native Americans, but out of self-interest, that the British authorities acted for the benefit of the local tribes and tried to rein in the expansionist urges of the colonists.

Some think that this measure, which was extremely unpopular in the colonies, was one of the first reasons for American indignation at London's policies, which later led to the Revolution and the War of Independence. After the creation of the U.S. there was, of course, no talk of banning settlements beyond the Appalachians, and for the next 50 years almost all the lands belonging to Native Americans in the Midwest were seized, and they themselves were sent to reservations along the "Trail of Tears".

The issue of slavery was not resolved as a result of the Revolution, either. Despite the attempts by some of its opponents to introduce a statute banning slavery into the Constitution and other founding documents, the question was left to the judgment of later generations. Many of the Founding Fathers were themselves slave owners, and no one wanted to introduce a split in the ranks of the new ruling elite by forcing one decision or the other. Many of the participants in revolutionary events thought that slavery would soon die out naturally, due to lack of economic viability.

However, the cotton gin was invented shortly after this; the entire South was covered in cotton plantations, and slavery got a second wind. The British Parliament officially banned slavery in the English colonies in 1833, but in the U.S., politicians were afraid even to raise

⁴ *Caplan B.* Independence Day: Any Reason to Celebrate? [Electronic resource]. URL: https://www.econlib.org/archives/2007/07/independence_da.html (accessed 20.02.2021).

the issue in official sessions. In 1836 Congress voted for a gag resolution that banned the discussion of slavery. It was not until 1865, after the bloody Civil War, that a ban on slavery finally became part of the U.S. Constitution, in the Thirteenth Amendment.

It turns out that, even with all its emphasis on the “common good”, the American Revolution just delayed the extension of natural rights to a significant portion of the residents of North America. If the colonies had remained part of the British Empire, freedom would have spread through the land much more quickly, and without a large number of unnecessary victims. The proponents of this theory often cite Canada as an example, which today is no worse than the U.S. when it comes to civil rights, and in some respects is even better. Canada did not declare its independence in 1776, instead remaining within the British Empire!

Despite this fairly convincing reasoning in favor of the ambiguous consequences of the American Revolution, it can be countered by equally weighty arguments. The assumption that the Native Americans would have had an easier time under the British Crown and Parliament does not stand up to criticism, since it rests on just one fact: the 1763 decision to ban settlements on Indian lands in the Midwest. There are, however, many other rulings by the English authorities that violated the rights of Native Americans, and the Irish, and the residents of India and other British colonies. If the British government ever defended any local populations, it was solely out of self-interest. There is no reason to think that after the financial crisis of the mid-1760s had been overcome, the British Parliament would have continued to artificially keep the North American colonists from expanding West, especially if they could earn good money from this expansion. The fate of the Native Americans was going to be unenviable in any case, no matter how the American Revolution had turned out.

It was a similar situation with slavery. It's a well-known fact that the English Parliament's decision to free the slaves in 1833 was adopted after prolonged and rather heated debates with slave owners on the islands of the West Indies that belonged to Great Britain; their business faced total collapse as a result of this decision. Now let's imagine that these negotiations were being conducted, not with a few dozen, but with a few thousand representatives of the British colonial slave-owning elite – if the cotton plantations of the American South had still been part of the British Empire. Would slavery have been banned in 1833, or not? Probably not, especially if we remember that by that time cotton from the U.S. slave-holding plantations was being actively used by the British textile industry,

and the owners of the British factories suffered no pangs of conscience on that count.

Of course, any debates about history have to be conducted in the subjunctive – it is a thankless task. However, asking such questions helps us to see yet again how much influence the American Revolution had on historical development. Even the former mother country, Great Britain, was forced to take occasional demonstrative measures in its policies so as not to look inferior to the U.S. For example, there are serious reasons to assume that turning Canada from a colony into a fully-fledged independent state, the extension of political freedom to Australia and New Zealand as well as other former British colonies, was at least stimulated by the success of the United States. The white English-speaking population of these countries were experiencing feelings towards the mother country similar to those of the English colonists in the 18th century, and London decided not to make the same mistake twice, and not to let things get to a point where they would have a Canadian, Australian or New Zealand Revolution. The argument about the prosperity of former possessions of the British Empire who did not go through the crucible of popular uprisings for independence, therefore also turns out to be a very weak one for proving the senselessness of the American Revolution.

The amazing thing about the American Revolution is the fact that the state that was formed in its crucible has almost never provoked deep aversion or rejection in the American public. The inevitable conflicts that have arisen in American society did not cause people to doubt the basic state institutions, the Constitution, the electoral system, the Bill of Rights. Representatives of various parties fought over slavery, over immigration, over how to manage the budget, but there has not been a single influential political movement in the history of the United States that called for a wholesale re-examination of the system of government. This is something that scholars of “consensus history” noted in the mid-20th century, and since then there have been many new demonstrations of this mode of interaction between society and the state, which is not characteristic of many countries.

For example, the so-called “anti-establishment” fighters in America today are speaking out only against an existing political class, or against the “Big State” that has formed in the second half of the 20th century as a result of historical circumstances, but not against the American system of government. They want to elect new politicians to state institutions, but not to reconstitute those institutions. It does not occur to them, for example, to put an emperor in place of the President, or a council of elders in place of Congress. Moreover, in many cases the ideals of the American Revolution are a source of inspiration for them,

they advocate returning to their original purity, just as the English Puritans advocated returning to the purity of the Scriptures.

Even if the U.S. Constitution of 1787 seems to many modern libertarians to be too conservative, they turn to other revolutionary texts, such as the Articles of Confederation of 1777 (the so-called “first American constitution”) or to the Declaration of Independence, to which we have referred several times. The level of democracy and the urge to political freedom that are reflected in these documents even in the 21st century remain a real example of the strength of the human spirit, and a ideal to strive for. The American Revolution lives on in hearts and minds, and the U.S. remains one of the few major states in the modern world with a “code of revolutionary culture”.

Further Reading

American Revolution, 01 Rise of the Patriots [Electronic resource]. URL: <https://youtu.be/NXjbxFaND48> (accessed 20.02.2021). (In Russ.)

American Revolution, 02 The Empire Fights Back. [Electronic resource]. URL: <https://youtu.be/heQI6zJKk3Q> (accessed 20.02.2021). (In Russ.)

American Revolution, 03 Return of the Rebels [Electronic resource]. URL: <https://youtu.be/-RE-uO2i-zE> (accessed 20.02.2021). (In Russ.)

Breen T.H. The Will of the People: The Revolutionary Birth of America. New York, 2019.

Constitution of the United States. [Electronic resource]. URL: <https://www.archives.gov/founding-docs/constitution-transcript> (accessed 20.02.2021).

Declaration of Independence (in English and in Russian). [Electronic resource]. URL: <https://ushistory.ru/istochniki/teksty-k-seminaram/779-declaration-of-independence-na-anglijskom-i-na-russkom-jazykah> (accessed 20.02.2021).

Hamilton A., Madison J., Jay J. The Federalist Papers. New York, 2003 (originally published in 1788).

Hartz L. The Liberal Tradition in America: An Appraisal // Comparative Studies in Society and History. 1963. Vol. 5. No. 3. P. 261–268.

Hummel J. Benefits of the American Revolution: An Exploration of Positive Externalities. The Library of Economics and Liberty [Electronic resource]. URL: <https://www.econlib.org/library/Columns/y2018/HummelAmericanrevolution.html> (accessed 20.02.2021).

Kerber L. Women of the Republic: Intellect and Ideology in Revolutionary America. New York, 1980.

McCullough D. 1776. New York, 2005.

Schlesinger A. The Cycles of American History. New York, 1986.

Lecture 2. The Bill of Rights: Ten Amendments that Protect Americans

“The Bill of Rights” is the name given to the first ten amendments to the U.S. Constitution. These amendments deal with individual rights and freedoms. The reason for putting these rights and freedoms down on paper was to delineate the limits of the state’s powers, to determine which spheres of life the government could not interfere in under any circumstances, since these were natural rights, i.e., given to man from birth.

Up until independence, the inhabitants of the North American colonies were formally under the protection of the English Bill of Rights, adopted in 1689. Throughout the first half of the 18th century the relations between the colonies and the mother country were, on the whole, normal; the Americans had no major issues with London’s policies. However, a serious conflict arose in the 1760s, finally leading to the Revolution and the creation of an independent United States in 1776. Great Britain’s constant infringement of the rights and liberties of Americans were one of the main reasons for what happened.

The first Bill of Rights in North America was written before the proclamation of independence, and its author was one of the wealthiest Virginia plantation owners, George Mason. The “Virginia Declaration of Rights” was adopted on June 12, 1776, and consisted of 16 sections, including a broad list of all kinds of limitations on the government. Some of them seem pretty exotic today: for example, Section 13 says that a standing army is a threat to freedom and should be dissolved in peacetime.

The most important idea was formulated in Section 2:

That all power is vested in, and consequently derived from, the people; that magistrates are their trustees and servants and at all times amenable to them⁵.

© Tsvetkov I.A., 2023

⁵ Virginia Declaration of Rights [Electronic resource]. URL: <https://constitutioncenter.org/learn/educational-resources/historical-documents/the-virginia-declaration-of-rights> (accessed 20.02 2021).

During the War of Independence (1775–1783), each of the 13 states developed its own constitution. Ten of them had sections dedicated to individual rights and liberties. The Articles of Confederation, however, which was adopted in 1777 and ratified in 1781, did not address rights and liberties in particular.

Several years after the end of the War of Independence it was obvious that the country's Constitutional system needed to be reformed. The Articles of Confederation had been written under different historical conditions, when the main problem was the monopoly on despotic power wielded by a strong government. Now, according to the Articles of Confederation and the sections developed by its authors, the central government had almost no power, which led to growing conflict between the states, popular unrest and other problems that no one could resolve. In 1787 at the Constitutional Convention in Philadelphia, 55 delegates from various states immediately decided not to try and reform the Articles of Confederation, but to write a completely new Constitution from the beginning.

The participants in the Constitutional Convention directed the bulk of their energies towards the most complex task: how to create institutions of the federal government that could solve the country's internal problems but would not have so much power that it could lead to despotic control over people's lives. The result was the system of checks and balances: three independent branches of power – legislative, executive, and judicial – would provide a counterweight to each other and would receive the tools necessary to prevent abuse of power. The model of government proposed by the Founding Fathers was extraordinarily successful; the Constitution adopted in 1787 is still in effect, and no tyrant or despot has been able to rewrite or abolish it.

However, the draft Constitution that was discussed at the Convention in 1787 did not contain anything about individual rights and freedoms. When the Constitution was sent to the states for ratification, this was noticed immediately, and a broad “anti-federalist” movement began all over the country to block the adoption of the law. It is interesting to note that one of the participants in the Convention soon joined the anti-federalists – James Madison, author of many of the basic articles of the Constitution. It was Madison who, in June 1789, at the first session of Congress, designed the first amendments to the Constitution, containing articles protecting key individual rights and liberties. In 1791 the first ten amendments were ratified by the states and became law. The new Bill of Rights thus appeared, destined to play a very significant role in history.

Ten amendments: rights and liberties in the U.S.A.

Let's take a look at what the first ten amendments to the Constitution have to say, and how these amendments influenced, and continue to influence, the lives of people in the U.S.

The First Amendment

Congress shall make no law respecting an establishment of religion, or prohibiting the free exercise thereof; or abridging the freedom of speech, or of the press; or the right of the people peaceably to assemble, and to petition the Government for a redress of grievances⁶.

In one short paragraph of the First Amendment, James Madison was able to instill five basic liberties at once: freedom of speech, freedom of the press, freedom of religion, freedom of assembly and freedom to petition the government. Sometimes all of these five freedoms are together termed “freedom of expression”.

The First Amendment is widely used in judicial practice, especially beginning in the 20th century, and it is still actively used today. In particular, without the First Amendment the Civil Rights Movement would have been unthinkable – between 1920 and 1973 dozens of legal rulings that broadened freedom of expression for various groups in the U.S. population were adopted on the basis of this section of the Constitution.

Freedom of speech and of the press

It might seem that the First Amendment has been so completely understood by numerous generations of Americans that freedom of speech or freedom of the press would require no special effort today, and that it would simply not occur to anyone to try and introduce any strange limitations or bans. However, reality is often quite the opposite. For example, in 2003 a school in Arkansas decided to forbid the students to read Harry Potter. The school administration felt that the books promoted disobedience, disrespect towards elders, and also that they contained too much mysticism and the occult. The students and their parents were so upset that they appealed to a local court, which

⁶ U.S. Constitution [Electronic resource]. URL: <https://www.archives.gov/founding-docs/constitution-transcript> (accessed 20.02 2021).

quickly repealed the decision, reminding the school's leadership about the First Amendment and the principle of free speech. The Arkansan haters of J.K. Rowling had to bow to the inevitable.

Quite recently a discussion arose in the U.S. touching on the intriguing subject of the rights of bots in social networks. Does the administration of a social network have the right to block such bots? Doesn't this violate the principle of freedom of speech and freedom of the press? It's not only that each bot has a "master" who uses it to carry out his own projects (for example, in politics or marketing); there is also artificial intelligence that helps the bots to demonstrate some independence of behavior. The activity of Internet-bots in the virtual world influences real life, and this influence cannot be unambiguously categorized as positive or negative. Therefore, operating on the principle of free speech, bots cannot be banned – their function can only be regulated.

One of the first attempts at regulation was in California. In summer 2019, a law came into effect in that state that bots had to first identify themselves as bots, and only afterwards give Internet users any kind of information. In the opinion of the majority of legal experts, such a measure would successfully resolve a whole set of problems linked to the functions of bots without violating the First Amendment.

In addition to the rights of bots, discussions around the First Amendment today touch on questions such as the rights of corporations (do they have the same rights to freedom of speech as individuals), the right to lie, the right to speak and retain anonymity, the right not to say what people try and force you to say, etc. James Madison could hardly have foreseen that the principles he formulated would be so relevant more than 200 years later!

The principle of freedom of the press provides for the publication of any news, opinion or analysis, but the law does establish certain limits. For one thing, libel is not protected under the First Amendment.

Throughout history American courts have developed a tradition of applying or not applying the First Amendment to various typical situations linked to the exercise of free speech. For example, threats and obscenity are not normally protected under the Amendment, but if they are included as part of political expression, they are considered acceptable under the principle of free speech.

The first court case linked to an attempt by the state to censor speech came during the colonial period, in 1734. The British Governor William Cosby sued the publisher of the *New York Weekly Journal*, John Peter Zenger, accusing him of libel against the government. The New York court, however, rejected the suit, ruling that the data that

had been circulated was truthful and affirming Zenger's right to publish critical materials.

One of the most famous episodes in American history linked to freedom of the press was in 1971, when a U.S. Defense Department employee, Daniel Ellsberg, gave The New York Times a series of secret documents linked to the War in Vietnam. These documents began to be published under the heading "The Pentagon Papers". Information that the U.S. government had for decades been hiding the truth about the scale of human and financial losses in the war became to know to the wider public for the first time.

The government took The New York Times to court, demanding that any further publication be stopped, because it could harm national security. The case made it to the Supreme Court, which in the case of *The New York Times Co. v. United States* ruled that the publications could continue.

This decision was an important stage in the fight for freedom of the press in the U.S., but it did not mean automatic permission to publish any secret government documents. The case of Edward Snowden, who tried to repeat Daniel Ellsberg's act in 2013, is still far from a positive outcome.

Freedom of religion

The principle of freedom of religion contained in the First Amendment prohibits the government from establishing any state religion or extending privileges to any one denomination.

Such a legal separation of Church and State does not mean that religion is excluded from social and political life. On the contrary: throughout U.S. history, religion has been a powerful factor in political contests. Freedom of religion as guaranteed by the First Amendment has also not always been observed as it should be.

In the 19th century, Mormons, Catholics, those who practiced traditional Native American rituals and members of some Protestant denominations suffered religious persecution. For many years there was a religious qualification in some states in order to hold government office. For example, in Maryland, up until 1961 candidates for office had to give a verbal or written attestation of their faith in God.

Even in the 21st century the situation with freedom of religion in the U.S. is far from ideal. In 2005 the Supreme Court heard two cases. Both involved public demonstrations of religious texts, in part the Ten Commandments from the Old Testament. In one of the cases (*Van Orden v. Perry*), the ruling was that a two-meter monument with the Ten

Commandments on the grounds of the Texas legislature did not violate the Constitution and could remain. In the other case, of a bas-relief with the Ten Commandments in the building of the Kentucky court (*McCreary County v. ACLU*), the decision was the opposite – the Supreme Court decided that their location in a government institution violated the First Amendment.

In 2017 the ban on entry into the U.S. from several Muslim countries, introduced by the administration of Donald Trump, was also repealed by the courts as a violation of the First Amendment.

Freedom of assembly and the right to petition

Two more basic rights of Americans – the right to peaceful assembly and the right to petition the government (including the right to sue the government) have led to court cases on numerous occasions.

In 1958 the state government of Alabama tried to ban the activity of the National Association for the Advancement of Colored people (NAACP), a leading organization fighting for the rights of black Americans. Moreover, they demanded that the NAACP present a list of all members of the local chapter of the organization – clearly with the goal of future police harassment. The case went to the Supreme Court, which repealed the ban under the First Amendment, and also emphasized that any form of pressure on the right of citizens to “peaceably assemble” was unacceptable.

The Second Amendment

A well regulated Militia, being necessary to the security of a free State, the right of the people to keep and bear Arms, shall not be infringed⁷.

The Second Amendment protects Americans’ right to own guns. This right is not so straightforward as freedom of speech. Contemporary American society is divided on this issue. The grim statistics on mass shootings in schools and other public places force people to think long and hard about whether this right is so important to ensure the security of people in the 21st century.

In the era of the Founding Fathers the right to bear arms had a completely different sense than it does today. Even the wording of the Second Amendment points to this. The right to keep and to bear arms is not formulated as a right in and of itself but is linked to the necessity for a well-regulated militia. At the end of the 18th century there was

⁷ U.S. Constitution [Electronic resource]...

no standing army in the U.S., and for this reason the Second Amendment in essence guaranteed the right of the population to defend itself from external threat. Today the possession of a firearm is seen as a means of ensuring personal security, and instead of a militia there are the professional armed forces. The question of what exactly the Second Amendment guarantees is still under discussion.

It is interesting that proponents of a broad interpretation of the Second Amendment use grammar as part of their argument: in the English text there is a comma in the phrase about the militia and owning weapons: “A well regulated Militia, being necessary to the security of a free State, the right of the people to keep and bear Arms, shall not be infringed”. This means that one is not tied to the other, they are two separate, independent rights – the right to have a militia and the right to have weapons. Even if a militia today is not so important, the right to own guns is still relevant. It’s too bad that James Madison did not foresee such a course of events, and did not express his idea more clearly, with fewer commas!

In the 21st century, after a 70-year hiatus, several Supreme Court decisions were taken on the basis of the Second Amendment. In 2008, in a 5–4 decision, the Supreme Court ruled that citizens of the United States have the right to keep loaded weapons in their homes. This decision has enshrined a broad interpretation of the Second Amendment, which has badly discouraged those who were counting on its repeal due to “natural obsolescence”.

The Third Amendment

No Soldier shall, in time of peace be quartered in any house, without the consent of the Owner, nor in time of war, but in a manner to be prescribed by law⁸.

With this amendment the Founding Fathers were clearly trying too hard. The fact that it was adopted in 1791, eight years after the end of the War of Independence, testifies to the deep indignation Americans felt at such practices by the British colonial authorities. The Quartering Act of 1765 obligated the colonists to house soldiers. Of course, after the Revolution there was no possibility of such a thing.

It is hardly surprising that in its entire history the Third Amendment has never been used as a basis for a Supreme Court decision.

⁸ Ibid.

The Fourth Amendment

The right of the people to be secure in their persons, houses, papers, and effects, against unreasonable searches and seizures, shall not be violated, and no Warrants shall issue, but upon probable cause, supported by Oath or affirmation, and particularly describing the place to be searched, and the persons or things to be seized⁹.

As with many other amendments in the Bill of Rights, the right to the inviolability of home or person was first formulated in England. In 1603 Sir Edward Coke made his famous pronouncement:

The house of every one is to him as his castle and fortress, as well as for his defense against injury and violence as for his repose¹⁰.

Such statements by members of Parliament did not keep the British authorities in the 18th century from openly violating the rights of the American colonists. In particular, the practice of issuing search warrants on the vaguest of bases was quite widespread; often it was a case of search and seizure of contraband, but the warrants were used as an instrument of pressure on activists among American patriots.

All of this motivated the Founding Fathers to enshrine in the Constitution a special right to the inviolability of persons, homes, papers and property. However, the Fourth Amendment did not become truly effective until the 20th century, in part after the Supreme Court decision in *Weeks v. United States* (1914). According to this decision any evidence gained in the course of a criminal investigation by violating the procedures stipulated under the law cannot be used in court, even if they clearly implicate the criminal (the decision went down in history as “the Weeks rule”, and evidence collected improperly began to be called “fruit of the poisonous tree”).

At first the Weeks rule operated only on the federal level, but in the 1920s it began to be actively introduced in some states. This was to a great extent a result of Prohibition – the ban on the production, transport and sale of alcohol. Society was quite indulgent towards the violators of this law, which was reflected in the courts. In order to hand over bootleggers to the courts the police had to observe all the laws of

⁹ U.S. Constitution...

¹⁰ Sir Edward Coke declares that your house is your “Castle and Fortress” (1604) [Electronic resource]. URL: <https://oll.libertyfund.org/quote/sir-edward-coke-declares-that-your-house-is-your-castle-and-fortress-1604> (accessed 20.02 2021).

evidence. In 1933 Prohibition was repealed, but the “fruit of the poisonous tree” rule has remained to this day, and guarantees a high level of inviolability of the person in the U.S.

Along with this, many court decisions have led to a relaxation of the Fourth Amendment. A search warrant is no longer needed in the U.S. if a person agrees to the search; to search a car; in situations where a crime was committed in the open; at the border; in special circumstances and in some other cases.

The Fifth Amendment

No person shall be held to answer for a capital, or otherwise infamous crime, unless on a presentment or indictment of a Grand Jury, except in cases arising in the land or naval forces, or in the Militia, when in actual service in time of War or public danger; nor shall any person be subject for the same offence to be twice put in jeopardy of life or limb; nor shall be compelled in any criminal case to be a witness against himself, nor be deprived of life, liberty, or property, without due process of law; nor shall private property be taken for public use, without just compensation¹¹.

The Fifth Amendment, like the First, includes five separate clauses: the right to trial by jury; the right not to be tried twice for the same crime; the right not to give evidence against oneself; the right to due process in deprivation of life, liberty or property; the right to just compensation for the appropriation of private property.

The right not to be forced to give evidence against oneself seems to stem from the practice of the British courts in the 15th–17th centuries. These courts used torture to get testimony, and the testimony obtained was considered sufficient to judge people guilty. Only after the revolution of the 1640s–1650s was the old British court system liquidated, and more weighty arguments were used to establish guilt.

In the U.S. the Fifth Amendment is most often associated with the right not to testify against oneself. In many American movies the heroes refuse to answer investigators’ questions, saying “I plead the Fifth”. Another example of the Fifth Amendment that is widely known because of films is the “Miranda rule”. In 1966 as a result of the case *Miranda v. Arizona*, the Supreme Court ruled that before any interrogation the accused had to have his rights explained to him, including the right not to testify against himself. Any testimony obtained without observing this rule cannot be used as evidence in court.

¹¹ U.S. Constitution [Electronic resource]. URL: <https://www.archives.gov/founding-docs/constitution-transcript> (accessed 20.02 2021).

The Sixth Amendment

In all criminal prosecutions, the accused shall enjoy the right to a speedy and public trial, by an impartial jury of the State and district wherein the crime shall have been committed, which district shall have been previously ascertained by law, and to be informed of the nature and cause of the accusation; to be confronted with the witnesses against him; to have compulsory process for obtaining witnesses in his favor, and to have the Assistance of Counsel for his defense¹².

Among the several clauses of the Sixth Amendment on the protection of the rights of the accused during a criminal trial, the point about the right to a lawyer has received the most attention throughout history. At the beginning of the 20th century, several decisions by the Supreme Court guaranteed that a lawyer would be provided to the accused free of charge in case of serious crime. In less serious cases, however, everything was left to the local courts.

At the beginning of the 1960s, Clarence Gideon was sentenced to five years' imprisonment for breaking and entering; the defendant was a poor, unknown person, whose guilt was decided by the jury on the basis of a single witness. Gideon could not pay for a lawyer; he asked the court to give him one, but the judge did not think that the case was important enough.

Gideon went to prison, started visiting the prison library, and after two years of studying legal literature was able to write to the Supreme Court with a request for a re-examination of his case. In 1963 the Supreme Court heard Gideon's case and unanimously ruled that the rights guaranteed him by the Sixth Amendment had been violated. Gideon was freed, and soon a new trial was held, this time with a public defender appointed by the court. The lawyer was able to call several new witnesses, who easily convinced the jury of Gideon's innocence.

This Hollywood-type story could not, of course, go unnoticed by cinematographers. In 1980 the television movie *Gideon's Trumpet* was made, with Henry Ford in the lead. The right to a lawyer free of charge, guaranteed by the Sixth Amendment, has, since that time, extended to all of those accused of a crime, regardless of the level of seriousness.

¹² U.S. Constitution...

The Seventh Amendment

In Suits at common law, where the value in controversy shall exceed twenty dollars, the right of trial by jury shall be preserved, and no fact tried by a jury, shall be otherwise re-examined in any Court of the United States, than according to the rules of the common law¹³.

Trial by jury is one of the most stable and traditional American institutions, operating from the very first years of the English colonies. In England itself it has existed at least since the 12th century. The mention of trial by jury in the Bill of Rights can be explained by the harsh practice of the British government, which created special courts without juries on the eve of the Revolution to persecute American patriots. This fact was specially noted by Thomas Jefferson in the Declaration of Independence among other reasons that prompted the Americans to break with the mother country.

Jury trials in the colonies were so unpopular with the British because they almost always decided in favor of the colonists. This turned them into an important instrument in the fight against the tyrannical policies of the mother country in North America. The mention of jury trials in the Bill of Rights was an acknowledgement of their significance as a way of resisting the government's attempts to infringe the rights of individual citizens. This was not simply a matter of how to organize criminal proceedings; it was a much more fundamental political question.

Trial by jury in criminal cases was guaranteed to the accused in the basic text of the Constitution in 1787; in the Seventh Amendment this guarantee was extended to civil cases where the amount in question was greater than 20 dollars. In practice this meant that plaintiffs and defendants in commercial disputes could also come before a jury. There was a risk that a jury could decide these civil cases, not on the basis of law, but on emotion – their sympathy or antipathy towards the parties in the trial. In part this meant that foreign investors faced an unenviable fate: they could lose their investment simply because their opponent in the case was a well-known American, respected by the jury. In order to avoid such abuses, the Seventh Amendment contained a provision that a jury's verdict could be re-examined by the courts on the basis of common law. In this way, the right to a jury trial was guaranteed by the Seventh Amendment, but this trial was not placed above the law.

¹³ Ibid.

The Eighth Amendment

Excessive bail shall not be required, nor excessive fines imposed, nor cruel and unusual punishments inflicted¹⁴

The Eighth Amendment comes almost verbatim from the English Bill of Rights of 1689. That, in turn, came from the Magna Carta of 1215, when the English king was for the first time constrained in his right to punish his subjects (after 1215 the punishment had to fit the crime).

The U.S. Supreme Court did not begin a detailed interpretation of the Eighth Amendment until the end of the 19th century. In 1878 an exact list of punishments considered cruel and unusual was outlined (it included well-known forms of punishment from the Middle Ages, including drawing and quartering, being burned alive, etc.).

In 1910 hard labor was declared illegal, as was being chained throughout the period of incarceration and deprivation of civil rights. In later years, the Eighth Amendment prohibited stripping someone of citizenship (1958), or capital punishment for anyone who committed a crime under the age of 18 (2005).

At various times the courts have refused to rule that death by injection, by the electric chair, firing squad or hanging was cruel and unusual. In so doing they were acting in accordance with public sentiment. According to surveys, the majority of Americans still oppose doing away with the death penalty.

Heated discussions about whether capital punishment is cruel and unusual all by itself have become the subject of numerous court cases. At the present time capital punishment is used in 30 states out of 50. In addition, capital punishment is provided for a number of federal crimes.

Limits on the use of capital punishment began after the Supreme Court decision in *Furman v. Georgia* (1972), where it was noted that capital punishment could not be applied “in an arbitrary or capricious manner”. States that wished to retain the death penalty had to develop new laws with detailed explanations of the conditions for applying this punishment.

In *Coker v. Georgia*, (1977) the Supreme Court ruled that rape was not sufficient grounds for capital punishment (as a basis, they stated that deprivation of life could only be carried out on someone who had himself deprived someone of life). Since then the death penalty has only been imposed in the U.S. for murder.

¹⁴ U.S. Constitution...

Another decision by the Supreme Court, issued on the basis of the Eighth Amendment in 2002, prohibited imposing the death penalty on the mentally retarded. This category includes people who score less than 70 on the IQ test.

At present the death penalty in the U.S. is most often carried out by lethal injection. In 2010 there were also executions by electric chair and firing squad. The last hanging, by court ruling, was carried out in 1996.

Throughout U.S. history, the Supreme Court has very rarely issued rulings on excessive fines or bail. The first time a fine was determined to be excessive was in 1998, when Hosep Bajakajian was sentenced to pay a fine of \$357,000 for an attempt to take more than \$10,000 out of the U.S. without a declaration. The fine was set aside.

The Ninth Amendment

The enumeration in the Constitution, of certain rights, shall not be construed to deny or disparage others retained by the people¹⁵.

Although some American legal scholars are inclined to look at the Ninth Amendment as a legal curiosity, having no practical application in the present day, this amendment has been used as a basis for numerous legal decisions, including by the Supreme Court. For example, in 1965 the Supreme Court ruled that a Connecticut law prohibiting the use of birth control was unconstitutional. The Court's decision stipulated that the First, Third, Fourth and Ninth Amendments, taken as a whole, create the right to privacy in marital relations.

The authors of the Bill of Rights clearly could not have foreseen all possible situations in which people would need protection from state pressure. The right to freedom of movement, the presumption of innocence, the right to privacy in sexual relations, etc. – all of this is not clearly spelled out but is protected by the Ninth Amendment.

Tenth Amendment

The powers not delegated to the United States by the Constitution, nor prohibited by it to the States, are reserved to the States respectively, or to the people¹⁶.

During the struggle for the ratification of the Constitution on the cusp of the 1790s, the Tenth Amendment seemed a very important

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Ibid.

addition to the text, guaranteeing that the states would retain all powers not delegated directly to the federal government. For the states, which were used to feeling like sovereign and independent entities, this was one of the most important issues.

However, over time, after a series of crises and the Civil War, which began over the unwillingness of states to submit to the federal government, the immediacy of the problem seemed to wane. In 1931 the U.S. Supreme Court declared the Tenth Amendment a truism and said that it added nothing significant to the basic text of the Constitution.

In recent decades, however, the Tenth Amendment is once again being actively used as a basis for legal rulings. For example, in 1992 the federal government's demand that the states assume the expenses for storing nuclear waste was declared unconstitutional. In 1997 another federal directive to the states – that they conduct background checks on those buying guns – was declared to be in violation of the Tenth Amendment. In many other cases as well, when disputes arise between federal and state authorities, critics of the imposition of political decisions on the states have cited the Tenth Amendment as a powerful legal argument.

Throughout the first decades of American history the Bill of Rights was understood as a system of federal norms, not directly applicable to the states. This interpretation was based on the first sentence of the First Amendment, “Congress shall make no law...”. This refers to the federal Congress, not the state legislatures.

In 1833, when John Barron from Maryland attempted to use the Fifth Amendment to sue his state for compensation for the destruction of his wharf, the Supreme Court rejected his claim, explaining that Barron had suffered from the actions of local, rather than federal authorities, and should defend his rights using local laws.

After the Civil War the Fourteenth Amendment was adopted, in which, among other things, it was stated that “No State shall... deprive any person of life, liberty, or property, without due process of law”. It is considered that, with this legal formulation, the Bill of Rights was “incorporated” into the states’ legal system and began to protect Americans not only at the federal, but at the local level.

Further rulings by the Supreme Court clarified the application of the 14th Amendment, as a result of which it turned out that not all of the Bill of Rights had been “incorporated,” just some of its provisions. In particular, freedom of speech, religion, of the press, the prohibition on unreasonable searches and seizures, the right not to testify against oneself, the right to a defense in court and the right to a speedy and open trial by jury are guaranteed at all levels in the U.S.

As we have seen, the Bill of Rights is not simply a monument to legal thought; it is a completely relevant instrument for resolving disputes and defending individual rights in present-day America. In the sentences formulated long ago by James Madison, every word was important, and at times even punctuation marks. Of course, the Bill of Rights would be meaningless on its own, without the whole system of state institutions and political tradition that has taken root in the U.S. Nevertheless, the American historical experience of defending human rights against a state that is constantly infringing these rights is extremely important, and worthy of closer study.

Further Reading

- Berkin C.* The Bill of Rights: The Fight to Secure America's Liberties. New York, 2015.
- Labunski R.* James Madison and the Struggle for the Bill of Rights. New York, 2006.
- Lewis A.* Freedom for the Thought That We Hate: A Biography of the First Amendment. New York, 2008.
- Bill of Rights [Electronic resource]. URL: <https://www.history.com/topics/united-states-constitution/bill-of-rights> (accessed 20.02.2021).
- Constitution of the United States: Primary Documents in American History [Electronic resource]. URL: <https://guides.loc.gov/constitution/introduction> (accessed 20.02.2021).
- English Bill of Rights. 1689 [Electronic resource]. URL: http://drevlit.ru/docs/england/XVII/1680-1700/Akty_parlament/bill_o_pravach_16894397.php (accessed 20.02.2021).
- Palant B.* Bill of Rights. Moscow, 2019 [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Q4Jldd418OQ> (accessed 20.02.2021). (In Russ.)
- U.S. Bill of Rights: The People v. the Government, the States v. the Center [Electronic resource]. URL: <https://regnum.ru/news/2357456.html> (accessed 20.02.2021).
- Virginia Declaration of Rights [Electronic resource]. URL: <https://www.archives.gov/founding-docs/virginia-declaration-of-rights> (accessed 20.02.2021).

Lecture 3. Present-Day Civic Activism

The civil rights movement in the U.S. has many different tracks. Today it is not just a struggle for racial equality or women's rights. It is also environmental protection, rights of the disabled and much more. The unique aspect of the American movement for greater rights is that it has not stopped even for a minute for many years; it is not some fleeting revolution that has already passed into history. On the contrary, new generations bring new tasks that lead to change in the political culture of the U.S., and society becomes more and more inclusive, i.e. it brings representatives of various groups into the civil rights arena, and it takes care of the environment.

In order to understand the scale and special features of how the U.S. defends the rights of various groups and protects the environment, we'll concentrate on the following four modern aspects of this movement. The first is the defense of the rights of the disabled, who up until quite recently were called "invalids". Second, the expansion of women's rights and the nature of modern feminism in the U.S. Third, the movement for gender equality. Fourth, defense of the rights of animals, including domestic pets and wildlife.

Defending the Rights of the Disabled

Today it is no surprise to anyone that, alongside the Olympic games, we now have the Paralympics, organized for people with physical handicaps. There are separate Olympic Games for people with mental handicaps, i.e., for those with Down Syndrome or autism. Exactly 50 years ago, when these "Special Olympics" were first conducted, they shook not only America, but the whole world. In 1968, just six weeks after her brother, Robert Kennedy, was assassinated, and several years after her other brother, President John F. Kennedy, was also assassinated, Eunice Kennedy Shriver opened the first Special Olympic Games in Chicago for people with intellectual handicaps. At the time Eunice suggested that in the future such games would draw in

at least a million participants. She was wrong. A few years later, more than *five* million people with limited mental capacity from 170 countries were engaged in this new Olympic movement.

Why did Eunice Kennedy, scion of one of the richest and most influential families in the U.S., decide to become a founder of such games, which at the beginning were met with such surprise and lack of understanding in both the U.S. and the world? Her main motivation for bringing the attention of society to the problem of the rights of the disabled was the fate of her older sister Rosemary, who, after she underwent a lobotomy at the age of 24, spent most of her life in a hospital ward. This tragedy and her constant contact with her sister made Eunice realize that neither her sister nor millions of U.S. citizens with similar fates could receive an education, get a job or take advantage of all the benefits of modern life. Such people were being discriminated against, even though they were not dangerous to society. Eunice, along with several other representatives of the American political elite, began to lobby for the adoption of laws that expanded access to education for people with handicaps, as well as to sports, various professions, and, finally, simple access to public buildings. For many years Eunice discussed the question inside her own family, sought funding and, as soon as her brother became President, the question of conducting special Olympic Games began to be discussed in the White House. At the same time Eunice, together with her husband, opened a summer camp for children with mental handicaps at her own summer home. This allowed Eunice to attract the public's attention to the everyday problems of the handicapped. The first Games in 1968 were the historic turning point in changing society's attitude towards the handicapped.

Over the next decade, Eunice's legacy led to a real shift in society and in the U.S. legal system towards people who used to be considered flawed, or "retarded". Many Americans were now going to court when school administrations refused to accept their children in an educational institution, or when employers refused to hire the handicapped. Members of the Judiciary noted that Americans with special physical or mental abilities were a leading group of the population that were being discriminated against on a daily basis. In fact, many other population groups, such as women, or various ethnic minorities, had been able to expand their civil rights significantly. But people with handicaps had not yet received the right to be protected against discrimination, violence, etc. There were real problems, for example, for handicapped children, who were not able to go to American public schools. According to statistics from the beginning of the 1970s, around one million school children with various degrees of developmental handicaps were completely excluded from the public school system, and another three

million went to U.S. schools, but did not receive the knowledge and skills they needed because there were no special programs for them. Moreover, the public transportation system, as well as various government buildings, did not have special facilities for handicapped access. In the 1970s, ramped entrances were more the exception than the rule.

The efforts of activists led to the creation in 1984 of a new federal agency called the National Council on Disability. This council handled the review of federal laws and programs that touched on the interests of people with disabilities. They determined the scale of discrimination against Americans of all ages and social status, who were not accepted in schools, colleges or in employment. Experts at the agency recommended that a comprehensive law be adopted banning discrimination on the basis of disability.

Over the next six years a discussion raged in the U.S. To be more exact, a wave of support developed in favor of the law. At that time the American public had progressed significantly towards the formation of an inclusive society, in which people with handicaps could move along the streets, use public transport, freely visit museums and concert halls, restaurants and shopping centers. The historic Americans with Disabilities Act of 1990 was signed by President George H.W. Bush. The interesting thing was that in that year a Republican President was up against a Democratic Congress. While all the other initiatives were reconciled between the branches of power only with great difficulty, during the discussion and adoption of this law representatives of both parties in Congress showed rare unanimity.

The fame of the law quickly spread beyond the U.S. borders. Many countries followed the Americans' example. The law became an important milestone in the civil rights movement. It is estimated that it protects the rights of one-fifth of the U.S. population. People with handicaps received the right to education, employment, access to all the benefits of modern society. The law changed the rules of access to public buildings. Ramps, platforms and curb cuts appeared on all streets and in all buildings in the U.S. Special parking slots reserved for the handicapped became the standard in America. These initial improvements led to people with physical disabilities being able to lead an active lifestyle, leaving the house with the aid of electric or mechanical wheelchairs, special crutches, special white canes for the blind, or service animals. The law also developed detailed instructions for public transport with a list of necessary equipment. In short order the entire U.S. transportation system, from commuter trains to Boeings, was equipped with various infrastructure for the handicapped.

Telecommunications companies created a national system of relay services that allowed the hearing impaired, or those with poor

eyesight, to use the telephone. An important innovation introduced by the law was the ban on discrimination against the handicapped in employment in government or private jobs. It was now almost impossible not to hire a handicapped person. The law banned questions about handicaps during the interview, and even encouraged the creation of jobs for the handicapped, which is now a universal practice in the U.S.

The appearance of such a historically significant law was the result of a long struggle by Americans for their rights, on the streets and in the courts. All following presidential administrations worked on a further expansion of rights for the handicapped. Former President Bill Clinton and his wife Hillary Clinton made a major contribution: it was in the 1990s, when the Clintons were in the White House, that the Americans with Disabilities Act was fully implemented. Hillary Clinton constantly reiterated that this category of people should receive more rights and financial support. It was she who, as First Lady, participated in the development of a draft law on medical insurance (it was impossible to get it passed, at the time). The draft law provided for a significant expansion of financial support by the state for various categories of handicapped citizens. Many years later, during her election campaign in 2016, Clinton made a special appeal to Americans with disabilities, and her supporters made a special site on which the famous sign for the disabled was displayed alongside Hillary Clinton's campaign slogans.

Defending Women's Rights

The problem of women's rights attracts enormous amounts of attention these days. In the United States today the problem is multi-faceted – it is a movement for equal pay, a feminist movement, an anti-racism movement, a movement against sexual violence and a movement for the rights of the LGBT community and others. The women's rights movement, which was born in the U.S. in the 19th century, has turned into a broad, multicolored, multi-genre and often multi-directional movement for the rights of the most diverse groups of the U.S. population, who feel discriminated against by the government and society.

There is a widely accepted myth that American women did not receive the right to vote until 1920, when the 19th Amendment to the Constitution was adopted, and that before then women could not vote at all. It is, however, a known fact that even in the 18th century the Constitutions of several states contained articles on the voting rights of women, and in Utah women actively took part in elections in the

1870s. On the state level women obtained political rights long before the 19th Amendment. Nevertheless, it was the 19th Amendment to the Constitution that gave general access to the voting booth, and this was a serious victory for the Suffragette movement.

The initial phase in women's struggle for their rights contained several separate movements and groups, which were divided by geography, race and social status. It took women a long time to agree amongst themselves about which rights they were defending. For example, the prominent feminist Elizabeth Cady Stanton, who fought for equal rights for men and women in the 19th century, rejected equal rights for African American women. At the beginning of the 20th century, when the American Equal Rights Association was created, women's rights were being promoted under a new slogan: "irrespective of race, color or sex". Even this slogan, though, was not universally supported, and sometimes the irreconcilable opponents of African American women having the same rights as white women, demanded that African American women be placed at the back of the column during protests.

It was perhaps not until the 1960s that the women's rights movement took concrete shape. Betty Friedan's book *The Feminine Mystique* and the creation of the most famous women's association – the National Organization for Women – formed the thinking of the feminist movement. Betty Friedan interviewed dozens of women and showed their true nature, not just as housewives, but as businesswomen and politicians. The National Organization for Women formulated the famous slogan about true equality for all women, and the movement got a famous hymn in the form of a hit song, or, more exactly, the refrain to the song "Respect". It was sung by Aretha Franklin, the daughter of a close friend of Martin Luther King, Jr. Aretha sang a song that called on men to respect women's rights. The melody and drama of the refrain made the song a hit, and gave Aretha a Grammy. The singer made an important contribution to the civil rights movement in the U.S., going on tour with MLK all over the country, and when he was killed in 1968, she sang at his funeral.

One characteristic of the women's rights movement in the U.S. is that at every new turning point in history the women's movement came up against various challenges, which changed the nature of the movement again and again. In the 1960s they managed to come to an agreement on racial issues and the movement included the struggle for the rights of the black population; in the 1970s the problem of "sexual minorities" arose. And again, as in the late 19th – early 20th centuries, the leaders of the movement did not want to work with representatives of minorities who, in their opinion, could lead the movement into a

dead end. However, in later years the struggle to expand the rights of minorities became part of feminism.

The movement became truly national and broad-based when in 1974 Joan Little, a black American woman who was in prison, was accused of killing an officer. In court she said that she was defending herself against his sexual attacks. The civil rights movement defended the accused; they found lawyers among supporters of the movement, and she was acquitted in court. From that moment on the leaders of the women's movement realized that the path to expanding rights was not through street demonstrations, but through the U.S. judicial system. Case law helped with this, since lawyers based their decisions on previous cases, where leaders of the civil rights movement had been victorious. Courts were protecting the rights of black women more and more often when it came to questions of discrimination and violence. As a result, there was a new attitude in society towards defending the rights of segments of the population that had been discriminated against.

The agenda for women's rights was significantly expanded in the 1980s and 1990s. Besides the right to employment and equal pay, women demanded and received the right to abortion. These days no one is surprised that a woman can be a governor or the U.S. Ambassador to the U.N., like Nikki Haley, or National Security Advisor to the President, like Condoleezza Rice or Susan Rice, Secretary of State like Hillary Clinton or Madeleine Albright, or the director of a large corporation like Margaret Whitman.

However, there is still no unity in American society on the questions of the role and place of women. There is even a noticeable trend towards conservative views. For example, while in 1994 just 42% of young people were convinced that a woman should take care of the home while a man should be the main breadwinner in the family, in 2004 58% thought that this way of organizing family life and women's status was correct. Today the women's rights movement or feminism has an enormous number of quite diverse directions, which only partially touch on the status of women in society. There are several waves of feminism. As a rule, three waves have been identified. However, today there are supporters of a so-called fourth wave of feminism.

The first wave was the classic struggle of women at the end of the 19th – first half of the 20th century for voting rights, for access to education and for equal economic rights, like the right to inherit property. The second wave was the period from the 1960s to the 1980s, when women fought for equal pay, access to positions in politics and big business. The third wave of feminism was the 1990s, when public discussions replaced pragmatic goals, having a significant influence on societal attitudes towards men and women, as well as on the definitions

of concepts like “gender” and “sex”, or masculinity and femininity. The boundaries between men and women were becoming blurred, and it was considered bad taste to raise the idea of common interests of women and individual interests of men, their opposition, as well as the idea of differences in their concept of the world.

It was more popular and accepted to talk about the individual characteristics of each person in society, and the right of each individual to determine their gender attribution. Supporters of this idea began to say that many differences in the behavior of men and women are acquired during their upbringing. Separate toys, clothing, etc. form the conduct matrix for men and women, and it is an obstacle. It is this that gave rise to the wave of discussion about Transgender, and about same-sex marriage in the U.S., which we’ll talk about later. Finally, there is the fourth and most radical wave of feminism, whose supporters insist that women make up 50 percent of the population in the world, which means that their thoughts, feelings, and approach to problem-solving must be taken into account. Moreover, feminists from the fourth wave feel that femininity is biologically superior to masculinity, and women, motherhood women’s freedom and other role attributes should be fully protected by the state. Finally, feminist supporters began to campaign for the rejection of forced models of feminine behavior. The cult of women’s beauty, of the figure, the bust, etc., are, in the opinion of radical feminists, artificially created and forced on women by the consumer society and by men and need to be radically changed.

As a result, feminism as a societal concept or as a scientific discipline had a significant influence on the idea of civil rights in the U.S. Feminism entails protecting the rights of all groups in society who were ever excluded from decisions made by the political elite. These groups are usually called “marginalized”, or located outside the center of social development. For this reason, feminism is a struggle for the interests of all those whose rights are for whatever reason being violated today.

Take a look, for example, at the women’s marches that took place in the U.S. in 2017 and 2018. It was not only women who came out onto the streets to protest sexual harassment and sexual violence, it was various ethnic groups, sexual minorities, immigrants, people of various generations, including adolescents, as well as representatives of various professions whose salaries are not what they should be. All of these groups are included in the broad concept of the civil rights movement in the U.S.

The civil rights movement in the U.S., unlike the societies of other countries, does not rely on radicalism or the fleeting nature of

brief demonstrations, and it does not stop with a generational shift or the achievement of some interim goals. The movement is constantly changing, taking on more and more causes, such as, for example, the legalization of same-sex marriage.

The Movement Against Sexual Violence and for the Rights of the LGBT Community

In the 2000s the problems of the LGBT community and the legalization of same-sex marriage came to be included in the broad social agenda. To a large extent, the legalization of same-sex marriage in the U.S. had to do with regulating the transfer private property through inheritance, as well as discrimination against the LGBT community in the workplace. In 1989 the Supreme Court ruled that discrimination in the workplace on the basis of sex was unconstitutional. However, sexual minorities continued to be discriminated against for a long time. Just think back to the problem of gays in the military. There was a policy called “don’t ask don’t tell” which made it possible to avoid the question of sexual orientation when signing up. However, there are problems to this day.

In 2012 the number of states that had legalized same-sex marriage increased. At that time the number was 11, but in 2015 the Supreme Court ruled that prohibiting same-sex marriage violated the Constitution. American society was divided on the question, however, and U.S. citizens have very polarized opinions about whether or not same-sex marriage should be legalized.

According to statistics, around 46% of the population supports same-sex marriage, while 46% are categorically opposed. However, this statistic is not the only one, and all kinds of statistics show various trends in various time periods. For example, according to a Pew Center survey, in 2004 61% of respondents were against same-sex marriage, but by 2018 the situation had completely reversed: 61% supported same-sex marriage¹⁷. In the U.S., like in many countries, statements by homophobes or by the segment of the public that opposes greater rights for the LGBT community have increased significantly. Churches play a huge role in this, and evangelists and Mormons are the leaders in spreading negative attitudes about the LGBT community.

More important, however, is the problem of sexual violence, psychological pressure and harassment with regard to the LGBT com-

¹⁷ Attitudes on Same-Sex Marriage [Electronic resource]. URL: <https://www.pewforum.org/fact-sheet/changing-attitudes-on-gay-marriage/> (accessed 20.02.2021).

munity, as well as with the ordinary population and, especially, with schoolchildren and university students. The presidency of Barack Obama is considered the peak of the civil rights movement in this area. In this period minors began to be regarded as a separate category of persons. An important but little-known achievement in this area is the protection of the rights of schoolchildren and students against violence or harassment in educational institutions. The defense of civil rights began to tend towards the defense of young people against sexual violence. The statistics regarding harassment and violence alarmed the experts and the U.S. government. One out of every five women has been sexually harassed in college. Moreover, 6,1% of men have also been victims of sexual harassment during their studies.

According to official data from 2009, colleges reported 3,300 cases of sexual harassment, while schools reported 3,800. This figure was the reason for the creation of a system to defend against violence in schools and colleges. In 2011 a famous letter was written by the Department of Education, in which harassment, psychological pressure, etc. were equated with discrimination. Students and schoolchildren who were victims of various forms of pressure and violence received the right to sue educational establishments for discrimination. This letter produced a quiet revolution in the U.S educational system, since various forms of open or hidden attacks, threats, pressure, etc. also began to be considered sexual violence and discrimination.

In the letter the Obama administration said:

Education has long been recognized as the great equalizer in America. The U.S. Department of Education and its Office for Civil Rights (OCR) believe that providing all students with an educational environment free from discrimination is extremely important. The sexual harassment of students, including sexual violence, interferes with students' right to receive an education free from discrimination and, in the case of sexual violence, is a crime¹⁸.

Until that moment sexual harassment was not considered discrimination and was handled under other statutes. Now all forms of pressure, including of a sexual nature, could come under discrimination statutes and all kinds of violations that previously were not mentioned in the law and were not punishable, could now be handled by the courts. From the point of view of jurisprudence, the Obama admin-

¹⁸ U.S. Department of Education [Electronic resource]. URL: <https://www2.ed.gov/about/offices/list/ocr/letters/colleague-201104.html> (accessed 20.02.2021).

istration introduced significant changes in education and the formation of corporate culture. The interpretation of the concept “protection of human rights in U.S. schools and colleges” was broadened considerably, as was the concept of “protection of the rights of the disabled”¹⁹. Now many such cases were looked at as discrimination in education and public institutions. At the present time around 200 cases of this type are in courts of various levels, and only 21 have been settled.

On the wave of various cases in educational institutions, the transgender community also became part of the public debate. The question arose of whether people who have switched genders could use bathrooms belonging to their new gender identity. The case made it to the Supreme Court, which in 2016 ruled that yes, they could. Conservatives, and those who hold traditional views think that this rule violates the rights of students and destroys traditional social values. More liberal participants in the debate say that the rule protects the rights of people who have made a choice to switch genders. However, this dispute is still a long way from settled.

Protecting Animal Rights

The problem of animal rights stems from the traditional problem of climate change and man’s influence on the natural world. The macro problems of the environment create micro problems linked to the protection of wild animals from extinction, while the interaction of people and their household pets as well as man’s interaction with animals who appear in various shows and attractions form yet another unique trend in civic activism: protecting animals from human violence.

Many U.S. presidents kept pets in the White House. Modern American politicians try in various ways to demonstrate that they love animals and that they adhere to the principles of environmental protection, to maintain their positive image. For example, Joe Biden, former Vice-President, who is a possible Democratic nominee for President along with rivals Bernie Sanders, Elizabeth Warren and many others often talk about animal rights in their speeches and in their campaign literature. Their slogans mention, for example, creating additional medical facilities in shelters for dogs and cats, and introducing criminal penalties for cruelty to animals.

Today it is considered a good thing to show one’s pets to the voters. Many American politicians put their photos on social media, and the pictures are extremely popular. Just think back to the photo of Elizabeth Warren, possible Democratic nominee for President,

¹⁹ Ibid.

with her retriever. The photo of Joe Biden with his adorable German shepherd got more than 220,000 “likes” and around 4,000 comments. The photo was the most popular selfie of an American politician with his pet.

In the U.S., the Democratic Party and its voters are active supporters of the environment and of the relatively new public movement for animal rights. Many politicians come out in favor of laws that would cut down on man’s cruelty to household pets and wild animals. It should be noted that the United States has made great progress in this area, more than any other country in the world. Public opinion polls in 2015 showed that around a third of Americans say that animals should have the same rights as people, although in 2008 only 25% of respondents felt this way. Moreover, 62% of respondents said that animals need protection from violence or destruction in the wild²⁰.

Public concern has led to various shifts in policies towards animal rights. Just in the past few years many companies have stopped sponsoring shows with animals. The famous Ringling Brothers circus announced that it would stop using elephants in its show. The Armani brand has renounced the use of natural fur in its collections. Other brands followed suit, such as Michael Kors, Versace and Furla, and San Francisco – the historical center of the fur trade ever since the Gold Rush – stopped holding fur auctions in 2018. After the documentary film *Blackfish* was released, the shares of SeaWorld, the famous marine animal show, fell significantly, and many Congressmen and public figures began to say that it was time to ban the use of orcas and dolphins in various shows.

What made America citizens take such an active role in protecting the animal world? First, the broad agenda of the civil rights movement included protection of the environment, which was a main area of concentration for the Clinton administration in the 1990s. Global warming, lack of water, the pollution of the oceans and excess garbage created a new political culture in the U.S. In this culture, along with the macro or global problems there were also micro problems, which involved homeless pets, caring for them and protecting them from violence. American society, armed with significant experience in promoting the rights of various groups and having achieved success, turned to a new problem – protecting the right to life of members of the animal world. In other words, the global environmental agenda got a clear local focus that appealed to millions of citizens.

²⁰ In U.S., More Say Animals Should Have Same Rights as People [Electronic resource]. URL: <https://news.gallup.com/poll/183275/say-animals-rights-people.aspx> (accessed 20.02.2021).

Second, at the end of the 1960s, human rights defenders and ecologists began to discuss the disappearance of some types of wild animals that in the U.S. were associated with American history. By the beginning of the 1970s it turned out that the famous bald eagle, symbol of the American revolution, was in danger of extinction, while the grizzly bear and the grey wolf, sources of American epics and horror movies, numbered fewer than 2,000. This caused a serious public outcry, leading to the adoption of a series of laws about animal rights, and made ordinary Americans aware of the concept of eco-life, in which household pets began to be acknowledged as full-fledged members of the family, and Nature as a part of society, needing protection.

As a result, the famous Endangered Species Act was adopted in 1973, creating a system of oversight and expanding the populations of individual species. The law banned hunting animals like the bald eagle, the humpback whale and the grizzly bear, and appropriated funds to create new sanctuaries. However, ever since the day it was passed the law has been under attack from lobbyists of construction companies, farmers and hunters, who say that it is just a ploy to gain control of land. President Trump, for example, wants to weaken the law, saying that it is necessary to reduce federal government spending on such projects. It must be acknowledged that the current U.S. President has a dual position on animal welfare. In 1993, as a businessman, Donald Trump followed the trend towards environmentalism and banned horse racing in Atlantic City. However, once he became President, he began to say that the rights of hunters should be expanded, thereby supporting the position of the majority of his voter base.

If wild animals have received some measure of protection, household pets and homeless animals have not been at the center of public attention. Up until the beginning of the 21st century, it was just small regional organizations that defended the interests of pets who had fallen into the hands of cruel owners. The 2000s saw a new stage in this fight, when, as a result of a broad social movement, a new political agenda was formed around the rights of defenseless animals. More than 30 states passed laws against cruelty to animals in shelters and at home. Many shows with dogs, crocodiles and horses were banned. At the federal level, special policies were adopted to curb the population of homeless animals. They were carefully caught, treated, neutered, and, if owners could not be found, they were housed in shelters and in some cases returned to their natural habitat. This allowed animal rights defenders to save the lives of these foundlings, not letting them freeze to death or die of starvation on the streets.

The most significant victory that animal rights defenders achieved was the adoption of the Preventing Animal Cruelty and Tor-

ture act (PACT). The law was passed in 2019 and introduced federal criminal penalties for cruelty to animals. There was an increase in funding for shelters that served household pets who had fallen into the hands of cruel owners. Various shows with animals were banned, including dog fights. It must be said that this is not the final stage of the animal rights movement. New laws are now being discussed, for example, the Welfare of Our Friends Act of 2019, which bans transporting pets in the baggage compartments of planes and trains, and strengthens control over workers in zoos.

American society is in a constant struggle for their rights, and for the protection and improvement of the environment. Civic activism is a real perpetual motion machine, and in the U.S. there is no lack of activists, public organizations and parties that speak out for those who are under threat, or whose legal rights are being violated. This ongoing civil rights movement is one of the most characteristic features of modern American civilization.

Further Reading

Carmon I., Knizhnik S. Notorious RBG: The Life and Times of Ruth Bader Ginsburg. Dey Street Books, 2015.

Fleischer D. The Disability Rights Movement, 2001

Giardina C. The Making of a Modern Feminist Vanguard, 1964–1973: Southern Women Whose Leadership Shaped the Movement and the Nation – A Synthetic Analysis // *Journal of Southern History*. Vol. 85. No. 3, 2019. P. 611–65.

Hayden M. The Self-Advocacy Movement: The Unacknowledged Civil Rights Movement. Wash., 2004.

Lewis T. Mapping Social Movements and Leveraging the U.S. West: The Rhetoric of the Woman Suffrage Map // *Women's Studies in Communication*. Vol. 42. No. 4, 2019. P. 490–510.

BLM [Electronic resource]. URL: <https://blacklivesmatter.com> (accessed 20.02.2021).

Museum of disABILITY History [Electronic resource]. URL: <https://www.museumofdisability.org> (accessed 20.02.2021).

National Association for the Advancement of Colored People [Electronic resource]. URL: <https://naacp.org> (accessed 20.02.2021).

Special Olympics [Electronic resource]. URL: <https://www.specialolympics.org/our-work/world-games> (accessed 20.02.2021).

Lecture 4. Why Americans Need Political Parties

It would be difficult to picture the modern U.S. without political parties. The country has a two-party system, with the Republicans and Democrats opposing each other on literally everything, from vital questions about development strategy to the choice between Coke and Pepsi. The preference for one type of cold drink over another might seem a long way from a political problem, but Americans see politics in everything. Sociologists have spent decades conducting public opinion polls to try and ascertain which soda is dearer to the hearts of voters from various parties. Coca-Cola leads among Republicans, while Democrats prefer Pepsi. However, many well-known politicians have run counter to these preferences. Republican President Richard Nixon (1969–1974), was an advisor to the Pepsi-Cola company (and helped to get it into the USSR), and Democratic President Jimmy Carter (1977–1981) promoted Coca-Cola in various ways and even installed Coke machines in the White House.

It's much easier to identify the differences between the Republicans and the Democrats in serious political questions than in the soda dispute. The modern Republican Party gathers under its aegis those who espouse conservative values, a market approach to the economy, strict promotion of national interests in foreign policy. The Democratic Party attracts people with more liberal views, convinced that the American government needs to take a broader role in solving domestic and global problems.

Parties are considered necessary in the American political system for the efficient functioning of democratic institutions. Parties make it easier to find and promote candidates for political office; they participate actively in the organization of political campaigns; they develop political strategies and implement them if they win the election.

Throughout U.S. history there have often been situations where there were serious doubts about the ability of political parties to fulfill all of the functions outlined above. Such crises usually end

with new parties emerging, or else the old ones reorganizing. In the second half of the 20th century it became very popular to completely renounce party affiliation; the number of voters calling themselves “independent” rose at times to 40%. However, all the talk about the end of the party system and its replacement by something completely different has led nowhere. Even the spread of the Internet and the beginning of the digital age were unable to significantly damage the centuries-old tradition of American party politics.

The History of the Two-Party System in the U.S.

The Federalists and the Democratic Republicans

Political parties were not mentioned in any of the founding documents from the American Revolutionary period. Many of the Founding Fathers, including the first U.S. President, George Washington, thought that parties (or “factions” as they were called at the time), were a temporary and not very welcome phenomenon. In his Farewell Address (1796), Washington called on Americans to preserve their unity, their fidelity to the principles of the republic and to avoid the “baneful effects of the spirit of party”. However, in practice it was impossible to avoid a split along ideological lines. The ink had barely dried on the American Constitution in 1787 before a dispute broke out between the Federalists and the Anti-Federalists – proponents and opponents of the ratification of the new law. The leaders of these two movements, Alexander Hamilton and Thomas Jefferson, later became the leaders of the first two parties: the Federalist Party and the Democratic-Republican Party (or the “Jeffersonian Republicans”).

The views of Hamilton and Jefferson formed the basis for the first two party ideologies. Hamilton was a proponent of a strong central government, based mainly on the country’s most successful and prosperous residents. He thought that the government should have significant financial resources, obtained from taxes and tariffs, to determine the strategy for the development of the national economy and industry. In foreign affairs, according to Hamilton and the Federalists, it was necessary to prioritize rebuilding relations with Great Britain, as the richest and most powerful nation of the Old World.

Jefferson and his fellow party members saw a major threat in a strong central government, fearing a growing authoritarianism and

the rebirth of a monarchy (which is why the party had “Republican” in its title). Instead of relying on the rich and successful, the Jeffersonians proposed to prioritize ordinary farmers, who at the time made up the overwhelming majority of the U.S. population (which is why the party emphasized its “democratic” character). In this “republic of farmers” the government should have only the most basic functions of providing security; there could be no talk of high taxes or tariffs, nor of any government regulation of the economy. In foreign affairs the Jeffersonian Republicans prioritized relations with France – the bearer of liberal and even revolutionary ideas.

The present-day Republican and Democratic Parties can consider themselves the ideological heirs of the Federalists and the Democratic Republicans, since their party platforms contain a surprising mix of Hamilton’s and Jefferson’s ideas. Therefore, the Democrats, who often cite Thomas Jefferson as their main inspiration, at the same time defend the completely Hamiltonian ideology of the strong central government, which actively intervenes in the economy and resolves social problems. The Republicans, who trace their pedigree back only to 1854, and call themselves the “party of Lincoln”, support the Jeffersonian idea of the threat of the “big state”. The Democrats remain faithful to Jeffersonian-style classic liberalism, while the Republicans are quite Hamiltonian in their emphasis on the rich and wealthy.

Even during Washington’s lifetime his dream of an America without parties crumbled into dust. In the 1796 elections it was Federalist John Adams who came in first, while Thomas Jefferson, leader of the Democratic-Republicans, was second. According to the rules in place at the time, Jefferson had to assume the post of Vice President in the new administration, and in 1801 he beat Adams and became the first member of the opposition to win an election from a sitting president.

The first two-party system in the U.S. ended in 1814, after the “Second War of Independence” (1812–1814) between the U.S. and Britain, when the Federalists, with their pro-British position, were completely discredited in the eyes of the public. There was no organized party structure, so when the Federalist Party leaders stopped working, the Party ceased to exist.

In the U.S. the “Era of Good Feelings” began, lasting a decade until 1824. During that time the Democratic-Republicans did not have any serious opposition, either in presidential or congressional elections. Most of this period came during the two-term presidency of James Monroe (1817–1825), whose name is associated with the famous foreign affairs doctrine of the United States.

The Democrats and the Whigs

The next split in society along party lines came in the mid-1820s. Historians link it to changes in the balance of political power due to the annexation of new territory and the creation of many new states in the Midwest. In the new states almost the entire male population was able to vote in the elections: the property requirement that operated in the East Coast states did not exist. The interests of the residents of the “old” and the “new” America diverged more and more often. The 1824 elections were the last one-party elections in the history of the U.S., but even then, there were five candidates representing the Democratic-Republican Party. John Quincy Adams became president, but only thanks to a “corrupt bargain” with the Speaker of the House of representatives, Henry Clay, which deprived General Andrew Jackson, who received a plurality of the popular vote, of the victory he deserved.

Popular outrage over the results of the presidential elections led to the consolidation of an enormous number of supporters around Jackson, and to the formation of a new, Democratic Party. Four years later Jackson won the next presidential elections and the “democratic era” began in the U.S., which lasted until the mid-1850s. The Democratic Party, or, as it was called, “the party of the common man”, opposed the National Republican Party, which in 1833 was renamed the Whig Party. This name was borrowed from Great Britain: the liberal opposition to the Stuart dynasty in the 17th century were called Whigs. American Whigs thought that President Jackson, in using his enormous popularity with the people, wanted to usurp power and become “King Andrew”. In social terms, the Whigs relied mainly on the wealthy and educated residents of the Northeast, as well as all those who were dissatisfied with the new “democratic” order.

The party of the “common man” dominated American politics for more than two decades: during that time the Whigs only managed to win the presidency twice, and that only at the price of nominating popular generals instead of real party leaders. The Democrats attracted a huge mass of people to their banner, who liked the party leadership’s desire to satisfy their every whim, even if these whims ran counter to logic and common sense. For example, President Jackson’s decision to liquidate the U.S. National Bank was met with general approval: the people thought that financial magnates were in charge there, who only wanted to deprive people of cheap credit, or even seize power. As a result, the country was without a vital instrument of financial regulation for many decades.

Another popular Democratic innovation was the system of “divvying up the spoils”. Now, after every election won by the Democratic Party, political posts at all levels were reapportioned among Party activists and sponsors, with no regard for their professionalism or management ability.

The idea of “Manifest Destiny”, actively promoted by the Democratic Party, caused a furor: this meant that all of North America, from the Atlantic to the Pacific should be settled and developed by residents of the United States. It was their fate, dictated by God. The fact that much of the territory, in fact, belonged to Mexico or Native Americans did not bother proponents of Manifest Destiny in the least. The support of a new wave of westward immigration beginning in the 1840s helped the Democratic Party to restore its reputation, which had suffered a bit after the 1837 financial crisis (and which had been caused, in large part, by the liquidation of the National Bank).

Legend has it that, when the Whigs tried to ridicule the simple manners of Democratic supporters and began to picture them as donkeys in caricatures, the Democrats, rather than being insulted, took the donkey as their Party symbol. They did not understand what could be insulting about comparison with a donkey – a hard-working and patient animal.

The Republicans and the Democrats

It is possible that populism would have allowed the Democrats to remain at the center of American politics for a long time, vanquishing the Whigs and all other opponents, but as a result of rapid territorial expansion disputes surrounding the problem of slavery intensified sharply. It was the inability to reach a stable compromise over this question that cost the Democrats their political influence. Initially rejecting any attempts to limit or abolish slavery, the Democratic Party over time ended up in a losing position. The rapidly developing industrial North did not need slave labor, and during westward expansion tried to ban slavery in the new territories. This was considered right from the point of view of morality, but mainly it was supposed to prevent the Southern slaveowners from acquiring too much political power.

Even before the Civil War the North had won the economic and demographic competition with the Southern states. Industry was a more reliable source of income than cotton plantations. Immigrants from Europe tried to get to the rapidly growing cities and territories of the North, which did not allow slavery. The all-American Party, unable to break with its slave-owning

As a result of their traditional elitism, the Whigs were also unable to achieve success in American politics, which was based on a struggle to win the sympathies of the democratic majority. In the 1850s the new Republican Party was able to gain these sympathies, combining it its program the Whig slogans on the development of industry with the idea of homesteads (Western land given out for a very low price), and the prohibition of slavery in the new territories. Abraham Lincoln, candidate of the Republican Party, won the 1860 elections, which led to the secession of the Southern slave-owning states and the Civil War. The Democratic Party survived, but was extremely weak, divided among several factions. After the North's victory in the War, the Democrats were associated with the South for a very long time and were derisively called "the party of former slaveowners" by their political opponents.

The "Party Machine" Era

Immigration became a major issue beginning in the late 1840s as Irish immigrants escaping the famine and Germany immigrants escaping the failed revolutions in the German states came to our shores. They brought with them religions that diverged from the prevailing Protestant faith: the Irish were overwhelmingly Roman Catholic, and many of the Germans were Roman Catholic and Jewish; the customs, particularly concerning the sanctity of the Sabbath which neither Irish nor German Catholics abided by, jarred Protestant Americans; and Catholic and Jewish immigrants vigorously opposed traditions such as the daily reading of the King James Version of the Bible in public schools. There was also a sense that these newcomers took jobs from Protestant workingmen because the immigrants were willing to work for lower wages, and that the Catholic immigrants in particular owed their allegiance to the Pope in Rome and not to the United States. Therefore, they were potentially a subversive element in the population.

The American Party, or Know-Nothings as they were more popularly called, galvanized the opposition to immigration and espoused a series of restrictive immigration laws and curtailment of immigrants' civil rights. Although the party received some success in northern urban centers, they ultimately failed to achieve a national following and many of its members merged with a new party, the Republican Party in 1854. The Republican Party marched forward as the anti-slavery and anti-Catholic party. In fact, when Abraham Lincoln ran for the U.S. Senate from Illinois as a Republican in 1858, the party's slogan that year was "Vanquish the Twin Despotisms: Roman Catholicism and Slavery".

The Democrats meanwhile did not espouse religious bigotry, particularly in the South, but they did support slavery or at least the right of southern slaveowners to take their property into the new territories. Differences over slavery and religious factionalism created huge splits in the American electorate.

After the Civil War, many in the North perceived the Democrats as the party of rebellion, but gradually, most white northerners adopted or were indifferent to the white supremacist views white southerners. Republican voters, located primarily in the North after Reconstruction, sympathized with southern Democrats and their “Negro problem”, because northerners felt similarly burdened – by immigrants, particularly Catholic immigrants.

The persistent anti-immigrant stance of the Republican Party ensured that the great wave of immigrants to America between 1880 and 1920 would ultimately vote for Democrats. The Democratic Party that emerged in the early 20th century was a rather strange organization: white supremacists in the South, and Catholic and Jewish immigrants in the teeming cities of the North.

In the meantime, the industrial revolution was transforming the Republican Party as well to include a very progressive Midwestern faction that favored strong government intervention to protect workers, and a much more conservative, business-oriented faction that favored only limited government and very little government constraints on the national economy.

So, by the early 20th century, what we had was a four-party political system. The Democrats and Republicans each consisted of two parties. When Franklin D. Roosevelt proposed his New Deal, for example, he could count on one faction from each party to coalesce around his policies. In fact, he suggested in 1944, that it was time for a party realignment – move all the segregationists over to the Republicans and invite the progressive Republicans into the Democratic Party.

This four-party system began to collapse in the late 1940s. Just as slavery upended the party system of the 1840s and 1850s, southern white supremacy eroded the four-party system a century later. In 1948, several Deep South states seceded from the Democratic Party to form the Dixiecrats, a party dedicated to preserving white supremacy, and a direct response to the strong civil rights plank Democrats had put together for Harry S. Truman’s election campaign that year.

With civil rights legislation in the 1950s and 1960s, the two parties transformed. Southern white Democrats became southern white Republicans. What remained of progressive Republicans began a slow and steady exodus out of the party and to the Democrats. And, as historically has been the case, the new immigrants, particularly those

from Latin America and Asia, tended to support the Democrats. This is the party system we have today: the Democrats as the party of immigrants, women, young people, African Americans, and highly educated workers in the major metropolitan areas, as well as a high proportion of Jewish and Muslim voters; and the Republicans, dominant in rural and small-town America, and supported also by southern whites and the white working class in many cities across the nation, but especially in the so-called “Rust Belt” stretching from Upstate New York through the Midwest, and including above all, the heirs of the Lincoln coalition, the evangelical Protestants.

Why Did a Two-Party System Take Root in America? The Role of Third Parties

The existence of just two main parties in America is not a nod to tradition or the consequence of a natural division of Americans into two large ideological-political camps. There are many more ideological and political trends in the U.S., and many of them are very popular and have little in common with party platforms of the Democrats or the Republicans. However, those who decide to run for office as an independent candidate or who are nominated by small parties do not have much chance of winning, due to the peculiar characteristics of the American electoral system.

First, all levels of elections in the United States hold to the principle that victory in voting districts goes to the candidate who gets the most votes. There cannot be multiple winners. This means that politicians from independent or non-traditional parties must expend extraordinary effort to gain a seat in the legislature.

Second, on the state level there are many rules that complicate the registration procedure for candidates who are not supported by the two leading parties. Independents and small-party candidates, as a rule, have to collect signatures that are then carefully scrutinized by election commissions. The candidates must undergo this exhausting and expensive process before each new election.

Third, the system of electing the president, in which voters in the various states cast their ballot, not for the party candidates, but for electors selected by the parties, *de facto* deprives anyone who does not represent one of the leading parties of any chance to be elected. Most states have a “winner take all” policy, which means all of the electors from the state vote as a bloc for the candidate who won in that state, even if the victory was with a margin of just one percent. The

most popular third-party candidate in all of U.S. history, Theodore Roosevelt, who represented the Progressive Party that he had created, was only able to get 88 electoral votes out of 531 in 1912, even though 28% of the voters cast their ballots for him.

In addition to the difficulties in gaining electoral votes, presidential candidates who do not belong to either of the two main parties face other obstacles. For example, they are not usually able to take part in pre-election debates, since access requires a rating of at least 15%. They also do not receive money from the budget that is given to candidates from parties that received at least 5% of the vote in the previous elections.

Despite the lack of serious chances of success, independent candidates and representatives of small parties take a fairly active part in elections campaigns on all levels. Over the past 30 years several states in the U.S. have elected independent governors (Angus King in Maine in 1994 and 1998; Lincoln Chafee in Rhode Island in 2010; Bill Walker in Alaska in 2014). In 1998 Minnesota elected Jesse Ventura, a Reform Party candidate, as governor.

It was the participation of popular third-party candidates that decided the outcome of the past several presidential election campaigns in the U.S. Independent candidate Ross Perot got 19% of the vote in 1992, taking votes away from George H.W. Bush, and helping Bill Clinton to win. Green Party candidate Ralph Nader got just 2,7% of the vote in 2000, but even that was enough to deprive Democratic candidate Al Gore of victory.

The spread of the Internet and social networks has created a new information space, in which independent candidates and representatives of small parties have more opportunities to bring their ideas to the voters. This, however, has not led to any serious progress. The 2016 presidential ballot had several names in addition to the candidates from the two leading parties, in particular, the Liberal Party candidate Gary Johnson and Green Party candidate Jill Stein. They received 3.3% and 1% of the vote, respectively. Despite these insignificant numbers, Johnson and Stein's results can be viewed as major personal successes: in 2012 they received just 0,99% and 0,36% of the vote.

Third parties initially arose in the U.S. as a reaction to some social problems that the leading parties either did not notice or were consciously ignoring. In the 19th century there were several rather exotic parties, for example, the Anti-Masonic Party or the "Know-Nothing" Party. The first, as is evident from their name, saw a major threat to the U.S. emerging from Masonic Lodges. They thought that the secretive Masonic Lodges were forming a "shadow government" that did

not answer to ordinary people. In the early 1830s under the banner of opposition to the “secret power” of the Masons, the party managed to elect several governors.

The “Know-Nothing” Party was formed in the mid-1850s, and was officially called the American Party, gathering under its aegis all those who were opposed to the growing numbers of immigrants, primarily the Irish Catholics. The party acquired its unofficial nickname due to the secret nature of the first meetings of its supporters, who were ordered to answer questions from the curious by saying “I know nothing”. The Party was able to get several candidates into the House of Representatives and the Senate, but then it quickly fell apart.

More successful and influential third parties in the U.S. were the populists, the socialists and the progressives. However, none of them was ever able to get close to the political effectiveness of the two leading parties. As the results of the last election campaigns show, there is a similar situation in the 21st century. If you want a successful political career in the U.S., you still have to become either a Democrat or a Republican.

The Organizational Structure of Modern American Parties

In order to win elections, any party in the U.S. has to have an extensive structure on all levels of government. There are around 200,000 electoral districts in the country, and the Democrats and Republicans have party organizations in each one. In some places the smaller parties also have grassroot structures. Special party units exist on all the intermediate levels: in cities, counties, states. The national committees are at the top of the pyramid.

Naturally, all of this requires significant managerial resources. The Democratic and Republican Parties together provide work for at least 500,000 party bureaucrats. During election campaigns they are joined by large numbers of volunteers.

Modern party organizations in the U.S. are primarily engaged in providing technical support for election campaigns. In the mid-20th century it was thought that an active candidate with enough financial resources could organize his campaign alone, conduct meetings with voters, send out election materials by mail, and give interviews to journalists. Modern election campaigns are more like a huge political show, where there needs to be, in addition to a director, a multitude of professional organizers and technical consultants. Fundraising is especially important. During the 2016 presidential campaign, the headquarters of the two leading candidates received and spent \$2,35 billion altogether.

Of course, neither the candidates themselves nor the local “party machines” have all the necessary resources and capacity. The inability to give candidates the necessary technical and organizational support is another factor that weakens small parties in the modern American political system.

One of the most important functions of national party committees is organizing the party conventions, where the party’s candidate for president is selected and the party platform is adopted. In recent decades the national conventions of the Democratic and Republican Parties have been conducted with great fanfare, organized as a political show and attracting a large audience.

Ordinary Americans’ party affiliation does not require payment of dues, going to party events or any other special obligations. In some states it is possible to register with a specific party to vote in the primaries, but in other states anyone who wants to can vote in the primaries without party registration. An American is considered a Democrat, a Republican, a Libertarian or anything else simply on the basis of voting preference, and nothing stops him from changing party affiliation any number of times (or taking part in events of both parties at once).

Stricter rules apply when a U.S. resident decides to run for office. In this case he must get the support of the party organization, which will guarantee his inclusion on the ballot (or he must participate in the election as an independent candidate). It is interesting to note that this does not require loyalty to the party’s ideological principles – it is enough to convince the participants in the party primaries, or those who sign your support petitions, that you are the one with the best chance of beating all the other candidates.

It is not unusual for politicians to change party affiliation in the U.S., but such a step does not usually meet with voter approval. However, such inconstancy might not be a barrier to a successful political career: it is a well-known fact, for example, that President Donald Trump changed his party affiliation several times, and in 2001–2009 he voted for Democrats.

The Participation of Political Parties in Governance

The influence of political parties in governance can be seen in the U.S. particularly in the legislative organs. In Congress the party that gets the majority in the House of Representatives or the Senate has the chairmanships of all the committees in their chamber. The head of the caucuses can demand that the Senators and Congressmen observe party discipline, by voting along party lines. Of course, no one can prevent

a legislator from violating that rule, if there is a good enough reason. This does not usually entail any automatic sanctions or punishment, much less exclusion from the party.

Party organizers do a lot of work selecting candidates for office in various departments of the Executive Branch. Of course, the President has a great deal of latitude in appointments, but candidates for the main positions have to be confirmed by the Senate, and this requires agreement both from members of his own party and from the opposition. This is especially relevant when there is a “divided government”, i.e., when the President is a member of one party, and the majority of one or both houses of Congress is controlled by the other. In the judiciary there is technically no party division, but the process of appointing new judges also involves a struggle between candidates supported informally by different parties.

The success of any administration in the U.S. depends on the degree to which the president is able to get the key points of his campaign program through Congress and enacted into law. Without a majority in at least one house of Congress (better, of course if he has both), it can be very difficult to do this. When he does have a majority, however, more than 80 percent of presidential initiatives become law.

Parties are an extremely important instrument in the political struggle, and they are the means by which the main mechanisms of governance function. While there is a lot of criticism leveled at the leading political parties, which are often called obsolete institutions that can no longer handle new challenges, modern American democracy is unthinkable without them. The “spirit of party” that George Washington feared today permeates all levels of the American government, but it does not divide Americans so much as it helps them to support a stable balance within the political system.

Further Reading

Blake A. Why are there only Two Political Parties in American Politics? // Washington Post. 2016. Apr. 27.

Goldfield D. America Aflame: How the Civil War Created a Nation. New York, 2011.

Kesler Ch. History and Principles of the Republican Party [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ANrmCKXoiHc> (accessed 20.02.2021).

Maisel L. American Political Parties and Elections. A Very Short Introduction, Oxford University Press, 2007. [Electronic resource]. URL: <https://www.amazon.com/American-Political-Parties-Elections-Introductions/dp/1536664987> (accessed 20.02.2021).

Molchanov S. Political Parties in the U.S. in Recent Times: Ideology, Roles, Similarities and Differences [Electronic resource]. URL: http://samlib.ru/m/molchanow_s_m/uspoliticalpartiesatpresent.shtml (accessed 20.02.2021). (In Russ.)

Pechatnov V.O. Hamilton and Jefferson. Moscow, 1984. (In Russ.)

Pierson P. The Transformation of American Politics: Activist Government and the Rise of Conservatism. New York, 1994.

Sogrin V.V. A Political History of the U.S. Moscow, 2001. (In Russ.)

Rogulev Yu. Why Was George Washington so Opposed to Political Parties? [Electronic resource]. URL: <https://postnauka.ru/video/59199> (accessed 20.02.2021). (In Russ.)

Salomatin A. The Formation of the Two-Party System in the U.S. in the 19th Century. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-dvuhpartiynoy-sistemy-ssha-v-xix-v-sravnitelnyy-analiz-partiynyh-peregruppirovok> (accessed 20.02.2021). (In Russ.)

Lecture 5. Elections in the U.S. as a Socio-Cultural Phenomenon

Elections of politicians on all levels – from president to city council members – is an important component of political life in the U.S. Elections form new political elites, and all kinds of social groups have a chance to promote their agenda and advance their interests. The American electoral system is the most decentralized in the world, i.e., the federal government in Washington controls only a small portion of elections. At the same time, though, the U.S. has the most complex system of elections, election campaigns and campaign financing.

Everyone knows that once every four years Americans elect their president and vice president, that once every two years they elect 435 members of Congress and one-third of the 100 Senators. These are the so-called federal elections. But there are also an enormous number of elections on the state and local levels, which are conducted at various times and can coincide with elections to the White House or Congress. On average, every four years – the period of one election cycle – U.S. citizens elect people to 85,000 various positions from a pool of 500,000 candidates. Therefore, when ordinary Americans arrive at their polling station, they see a long list of names of candidates for federal and local positions on a paper or electronic ballot. The list of candidates for president is the smallest part of the list.

In order to explain U.S. elections, we have to answer two big questions: how the U.S. election process is unique, and what are the political technologies used during elections.

Elections: from a Complex Election Ballot to Election Campaign Finance

The U.S. ballot:
what information does it contain?

Unlike many other countries, there is no national standard for ballot papers. Local election commissions develop the form independently, and they do everything possible to make sure the content is understandable to the voters, who may speak various languages. Therefore, the information on the ballot may be written in Spanish, French, Russian and many other languages, depending on the voting district and the population living in it.

The most interesting thing that distinguishes the U.S. from other countries is the volume of information contained in the printed or electronic ballot. At various times and in various states, the ballot was a fairly wide sheet of paper with a long list of various candidates. For example, during the 2008 elections in Chicago, Illinois, in one of the voting districts the ballot held more than 240 names of candidates for president, candidates for Congress, for local legislatures, for attorney general of Chicago, for local judges and other posts (official general election ballot, Chicago, Il.)

In order to select their candidates, citizens of the U.S. must not only understand the political life of the country, and not get mixed up with all the various candidacies, they must have a lot of patience, to stand in a long line on election day. Unlike many other countries, Election Day in the U.S. is not a holiday. U.S. citizens have to vote either before or after work. Recently, more and more states allow no-excuse absentee balloting online or by mail given the pandemic which would make gathering at polling places a potentially dangerous activity.

Another interesting feature of the American election ballot is the presence of blank spaces, where voters can write in the names of completely different candidates, not nominated by parties. A voter can even write in his own name. This approach paves the way for all citizens to exercise their voting rights and enables even those who are dissatisfied with the local authorities to be able to actively participate in civic life.

Finally, U.S. elections are not just a choice of candidates for specific political positions, they are also a type of referendum on the policies of local government. Quite often there are questions on the ballot where the voter can indicate “for” or “against”. For example, a question on raising local taxes to resolve transportation problems, or on philan-

thropy. Such questions, which appear on the ballot thanks to the efforts of local civic groups, have a significant influence on the municipal budget and local government policies.

Is there a Central Election Commission in America?

The organization we know as the Central Election Commission is called the Federal Election Commission in the U.S. Unlike in Russia and many other countries, it only controls campaign financing. Questions of registering candidates and conducting elections are resolved by local election commissions. Hundreds of thousands of administrative workers all over the country independently decide the date of the elections, give the candidates the right to be on the ballot, register voters, draw up the lists, select the voting equipment, design the ballot paper, count the votes, etc.

The most important part of the election commissions' work is voter registration. Each state has its own system for registering all the citizens who come to the polling station. Local election commissions have to guarantee that each citizen who has the right to vote is included in the list, and that no one who does not have the right to vote will be on it. However, Americans' mobility has led to a situation where people often come to polling stations who are not registered as voters of that state, and they are given provisional ballots.

Local commissions also have to equip the polling stations with vote-counting machines, which can be either mechanical or electronic. Moreover, only local authorities are responsible for storing and servicing them, which was one of the problems after the 2016 elections, when many critics said that the machines were not protected against possible attacks from hackers. The last elections showed that 48% of all the vote-counting machines used were obsolete, since only rich states could afford to buy expensive devices, and quite often many states use residual finances to buy such machines. In order to introduce uniformity and raise the level of protection of information when using voting machines, there is a new civic initiative to demand increased federal financing for states to buy modern vote-counting equipment.

In addition to these specific issues there is another, more significant problem for election commissions: what to do with the digitalization phenomenon, which encompasses all aspects of American life and which demands the introduction of electronic voting and Internet voting.

Mechanical voting, electronic voting or Internet voting?

Mechanical voting means using mechanical machines for voting, while electronic voting is the use of electronic terminals, which can process the paper ballots or give the voter an electronic ballot on a screen. Internet voting or online voting means remote voting using various devices. This last type of voting attracts the attention of experts by its democratic nature, giving the possibility of voting to the elderly, people with special needs or limited capacity, etc. This type of voting reduces expenses for the election commissions and makes voting the most ecologically sound means of political action. Moreover, online voting can motivate lazy voters to take part in elections. American voters are among the least mobile in the world, despite the unceasing political process, the loud political show and the massive advertising campaigns. For example, in 2016 only 55,7% of registered voters went to the polls to cast their vote for president. Around 30% of Americans are so-called “uncommitted” voters and do not have a fixed opinion about voting for candidates of one party over another. In many ways, all election campaigns in the U.S. are a struggle to attract to one’s side those Americans who rarely get up off the couch. They are the ones who often determine the outcome of elections.

In the U.S. more than 94% of Americans have access to the Internet, and American could have introduced online voting a long time ago, giving an example of “e-democracy”. Young people actively campaign for online voting. Opinion polls show that 56% of young people aged 18 to 34 said that they would vote more often if there was online voting. However, the negative experience of some other countries (India, Canada, Estonia and others), who used Internet voting for national elections keeps the U.S. and other countries from this technological advance. Possible hacker attacks, problems guaranteeing the security of election results, lack of trust that voting would be anonymous – these are the main factors that prevent the introduction of this new type of voting for national elections. Online voting is still a risky undertaking.

How Is the President Elected?

Every four years, on the Tuesday following the first Monday in November, U.S. citizens elect their president. It’s simple, but not completely so. It was not until 1951 that the 22nd Amendment banned a U.S. president from serving more than two terms of four years each. In other words, for many years after the creation of the U.S., Americans

could have elected a president for several terms. For example, Democrat Franklin Roosevelt was elected four times that gave the impetus for Republicans to introduce the Amendment.

Where do presidents come from? According to statistics, up until the 1970s it was Congressmen who most often became president. One exception was President Dwight Eisenhower, who before the White House held a series of top posts in the U.S. armed forces. In the 1970s–1980s former or present governors became president. President Jimmy Carter is one example of how a former governor who was not well-known nationally became president, and he started a new era in U.S. election campaigns. It is very rare that businessmen become president, or Americans who were never involved in politics. One example is Donald Trump, businessman and showman, who is either the exception that proves the rule, or the start of a new era. President Ronald Reagan was also a showman and a businessman, but he was governor of California for many years and had held various posts in the Republican Party. Therefore, the current president, Donald Trump, is a truly unusual phenomenon in the history of presidential election campaigns in the U.S.

Before the general election day, the states conduct primary elections and party conventions. The primaries are held to select the candidate from a party for the presidential elections. Each state has its own rules for the primaries. The primary elections differ in who can participate in the voting: in closed primaries only party members can vote; in open primaries all voters can participate, regardless of their party registration. There are also “modified” primaries, where voters who are registered with a party vote in their party primaries, while independent voters can take part in the elections of any party. Finally, another type of primary is the caucus, which is both a closed gathering of local party leaders where a candidate is chosen and an open forum to all registered voters of that particular party who typically form the majority of caucus-goers. In addition, independent candidates can take part in elections, whose candidacy comes, not from a party, but from a petition with a specific number of signatures in support of the candidate. In the period between the end of the primaries and the general presidential election there is another significant event – the national party conventions.

The national party convention is an important part of the nomination of a presidential candidate from the Democratic or Republican Party. This is not only a forum for nominating candidates, it is a chance for new political leaders to share the spotlight and climb the federal political Olympus. For example, future President Barack Obama opened the Democratic National Convention in 2004, which nominated John Kerry. Obama’s speech inspired many delegates to support the young

and still unknown politician. A few years later he became president of the U.S. Up until recently, the national convention was a largely predictable and well-rehearsed show, which always attracted a huge television audience. However, the Republican National Convention in 2016, which nominated Donald Trump for president, introduced a new twist in the U.S. election process. Delegates began to come onto the stage to speak out against Trump's candidacy. Nevertheless, the convention in a general vote supported the future U.S. president. Delegates to the convention can conduct an open roll-call vote for or against the candidate, which ensures that the opinions of grassroots party organizations are taken into account, whose decision dictates the fate of the Party's candidate.

In addition, the convention is the place where the candidate's platform is adopted. Sometimes the delegates introduce changes into some points of the program that their candidate is promoting in the elections. For example, at the Republican Convention in 1980 the delegates did not support the Equal Rights Amendment, which reduced the number of party supporters and led to losses by the Party in the 1990s. Earlier, in 1968 at the Democratic National Convention, delegates established new quotas for women, blacks, minorities and youth who were supposed to be present at the convention. This action sharply increased the popularity of the Democratic Party among the population.

The component of the U.S. election system that is the most difficult to understand in the Electoral College. A U.S. citizen who comes to the polling station and receives a ballot, actually casts his vote, not for the president and vice president, but for some electors who represent one of the presidential candidates. The number of electors in each state corresponds to the number of representatives the state has in Congress plus the number of senators (two). In order to become president, it is necessary to get a majority of the votes of these electors, who represent all 50 states. Therefore, victory on Election Day does not mean that the candidate will become president. It is not until a few weeks later, when the Electoral College gathers in the capital and votes for a candidate, that the winner really becomes president. It sometimes happens that the candidate did not get the majority of the popular vote but received the majority of the votes in the Electoral College in December and became president. That is what happened during the election of George W. Bush in 2000, or President Donald Trump in 2016.

Because of the existence of the Electoral College, the main goal of candidates is not to win the most popular votes, but to win in key states that have a lot of Electoral College votes. Today elections are largely de-

cided by seven or eight swing states, which verify each presidential elections. The candidate who wins some of them would become president.

As a rule, the electors fulfill their pledge to vote for one or the other candidate. However, several times in U.S. history there have been cases of so-called “faithless electors.” There is no law in the U.S. that obligates the elector to vote for his party’s nominee; this is just a tradition. Ten times in U.S. history the electors violated the tradition and voted for other candidates.

How are Congressmen elected and why do Congressmen stay in office for so long?

Unlike the president, Congressmen, i.e. members of the lower chamber (the House of Representatives) and the upper chamber (the Senate) (Congressmen are usually referred to as members of the lower house, and Senators of the upper house, although formally they are all members of Congress) can be elected an unlimited number of times. The main thing is to win the election. Competition is fierce; candidates use all kinds of political ploys to gain victory, and there are lots of surprises during elections for Senator and Congressman. Members of the House of Representatives, who are elected every two years, are tightly bound to their districts and their constituents, and unlike Senators they go back to their states quite often, to have a chance of getting elected for the next two years. This fact forces Congressmen to initiate bills on local issues quite often, and even during hearings on questions that have nothing to do with their states, they ask questions only about problems that are of interest to their state or district. Each state has different numbers of residents, so you will find just one Congressman from sparsely populated Alaska, while California, which is thickly settled, will have more than 50. Members of the Senate represent the entire state, which gives a senator from Alaska the same influence over political processes as a senator from California. Moreover, each state sends two senators to Congress, and they are elected for a fairly long period – six years, although a third of the Senators is elected every two years. This means that Senators change much less frequently, and many of them are in Washington for very long periods of time.

Campaign Finance

For U.S. citizens during election campaigns, the main question remains the transparency of campaign financing. The transparency of donations and control over expenses are unquestionably achievements of civil society in the U.S.

Laws today set clear rules for candidates to federal office to collect campaign donations. Candidates collect enormous resources – hundreds of thousands, or at times hundreds of millions of dollars, which demands special oversight by the voters. Presidential candidates are able to receive funds from special organizations, Political Action Committees, which raise money and register with the Federal Election Commission. This commission is exclusively engaged in monitoring compliance with campaign finance laws, which distinguishes the U.S. from other countries in significant ways. Voter registration, conducting elections and counting the votes, as we noted earlier, are carried out by local election commissions. Political Action Committees conduct all forms of fundraising, from creating websites to sell products related to the candidate to inviting extremely rich Americans to various events.

But the important thing is this: reports about the sums collected and how they are spent are submitted quarterly or even monthly to the Federal Election Commission. The reports are made public, and the voters know who is financing a certain candidate and what organizations are backing him. Since 1976, presidential candidates have the right to use government financing. Up until the early 21st century almost all candidates took this support in return for a promise not to spend more than they received from the government. However, it later became clear that election campaigns were much more expensive than the support provided, and a period of almost total refusal of government support began in the U.S. Instead, candidates receive private donations, which are hundreds of times higher than the established limits.

This tendency has led to another phenomenon, which is often discussed in the U.S. – “527-organizations”. Various organizations began to arise in the U.S. operating under the corresponding article in the U.S. Tax Code, which collect funds for candidates and are not subject to the Federal Election Commission, so therefore donation limits do not apply. They can collect multi-million-dollar donations and influence the selection, nomination and election of a candidate for government office. Critics of such organizations maintain that enormous expenditures during campaigns, combined with the candidate’s dependence on private sources of financing broaden the influence of rich donors over public policy. Defenders, on the other hand, say that elections, donations and their amounts are the price democracy pays for campaign competition, and that large and small donations from various interest groups are an illustration of American pluralism. Many wealthy candidates finance their campaigns themselves, which is allowed by law. Sometimes this leads to victory, as, for example, in the

election of businessman Donald Trump, or, on the other hand, defeat, as with the election campaign of Mitt Romney, Barack Obama's rival in 2012.

The political advocacy and advertising by corporations, labor unions and other organization were expanded in 2010, after the famous decision by the Supreme Court in the case known as *Citizens United vs Federal Elections Commission*. The conservative organization made some ads and films against candidates from the democratic party applying the First Amendment about free speech but cracking previous laws about the restrictions of profit and non-profit organization to invest money in political campaigns. So, the Citizens United received the support from local courts and the Supreme Court that has expand the participation of independent entities in supporting of one or other candidates in the time of elections.

Election and Political Technologies

No treatment of U.S. elections would be complete without a discussion of political or election technologies. The U.S., which has the richest history of all kinds of elections, is the founder of various techniques that are used during election campaigns, and which serve as instruments to gain that longed-for victory in the elections. Such election techniques include public opinion polls, debates, political ads, etc.

Polls and elections

Public opinion polls have become a key component of the election process. Candidates for political posts hire polling specialists and regularly sound out public opinion. Many critics say that polls have become a means of manipulating the voters by imposing certain information on them. For example, polls show how much money a candidate has brought into his campaign and where he ranks among the other candidates. In October 2019, The Washington Post published a list of 19 candidates from the Democratic Party who were vying for the nomination in the 2020 presidential elections, their income from fundraising and their popularity among Americans. Statistics show that the more money a campaign attracts, the more popular the candidate. Undoubtedly, this creates the impression that money can raise the positive image of a candidate, and, consequently, opinion polls can work for him. However, there is a wide variety of political polls, and many different companies – from sociological agencies to major news channels – get their own independent results, which, in the end, leads to a more or less objective assessment of the candidate.

The most famous polls, which are usually conducted by television companies as voters leave the polling stations (so-called exit polls) did not become a part of U.S. elections until the 1970s. It was then that television became an effective instrument in campaign technology. However, the objectivity of exit polls is far from certain, and can lead to public scandals and political crises. For example, many exit polls by television companies in Florida pointed to victory for the Democratic candidate, Al Gore, in the 2000 presidential elections, but the exit polls by the parties themselves showed a different picture. Disputes led to a vote recount, and to the victory of George W. Bush, confronting the public with yet another instance of manipulation of both voters and information. Moreover, no public opinion polls, no matter how expensive, can answer the most necessary question for any U.S. election campaign – which voters will actually go to the polling stations, and which ones will remain passively at home.

Political debates

Political debates or televised debates are a dialogue-format communication among the candidates, with the goal of determining the positions, programs and values of the candidates. Political debates are known to help candidates show who they are, display their strengths and, if the debate goes well, expose their opponents' weaknesses.

Political technology today is developing in such a way that emotions, witty comments, and the right appeal to the audience gain the candidate more points than his knowledge, skills and experience. Let's recall the last debates between Hillary Clinton and Donald Trump in 2016. The future president completely lost the debates on content, but he dealt his opponent a crushing blow when it came to the form of the discussion: simple sentences, no complicated numbers, many jokes, etc., attracted more attention than Clinton's monologues about economic development.

Televised debates help to brush up one's image and gain new popularity, while the talk-show format gives the candidates a chance to show off their skills and to criticize their opponent. For example, in the 2004 debates Democratic candidate John Kerry cast doubt on George Bush's image as a national leader. It would seem that the military campaign in Iraq would have helped him in this regard. Kerry repeated the same phrase over and over again, saying that the president had tricked the nation: "he misled us, misled us...and he chose the wrong way". Kerry used an enormous amount of data, which, it would seem, completely discredited George W. Bush's policies. But the incumbent president skillfully countered his opponent's attacks, using a direct appeal to the

voters. He practically ignored his opponent, addressing the nation directly, using skillful gestures, facial expressions and words: with a tear in his eye the president told his emotional tale of visiting the mother of a soldier who had fallen in Iraq, demonstrating his sincere empathy for Americans. In the end, Kerry's well-planned rhetoric was no match for George W. Bush's convincing facial expressions.

The strategy of discrediting the image of one's opponent is becoming popular, but it does not guarantee success. One example is the 2008 television debates between Barack Obama and John McCain. McCain chose an attack strategy. He called Obama "naïve" and "dangerous" several times, and repeatedly said that Obama did not understand anything. But despite the harsh expressions, the debates led to the victory of Obama, who was able to convince the viewers that McCain was not thinking about Americans, and, as Obama would later put it in one of his campaign ads, John McCain "had a lot to say about me, but he had nothing to say about you. He did not even say the words 'middle class' – not once".

In the modern U.S. electoral system, the politician who wins is not the one with the most information, but the one who looks the most convincing. Image, facial expressions and gestures are extremely important in televised debates. From the very first televised debates between John F. Kennedy and Richard Nixon in 1960, political technologists have realized that a candidate's image is one of the most important components of victory. As many said at the time, the young Kennedy radiated health beside the pale Nixon. Americans who watched the debate on TV preferred John Kennedy, while those who listened on the radio thought that Nixon had been more convincing. One American politician recalled that

"I was listening to it on the radio.., and I thought Nixon was doing a great job... Then I saw the TV clips the next morning, and he ...didn't look well. Kennedy was young and articulate and... wiped him out²¹.

Political advertising

Political advertising is material paid for by a candidate and designed to motivate voters. Political advertising videos, campaign slogans, films, shows, etc. are all a part of political advertising. However, the most important part of political advertising are ad videos created

²¹ 50th Anniversary: Kennedy/Nixon Debates [Electronic resource]. <https://www.jfklibrary.org/events-and-awards/forums/past-forums/transcripts/50th-anniversary-kennedynixon-debates> (accessed 20.02.2021).

for TV or social networks. It is thought that voters get most of their information about a candidate and his program from watching thematic ads.

Political advertising in campaigns has changed along with technology: radio since 1921, television since 1952, home computers since 1980, cable television since 1984, videocassettes since 1988, computer networks and the Internet since 1992 – these are dates that radically changed the political form and content of candidates' political advertising. Advertising went from long speeches by candidates to short videos, more often negative than positive in content, aimed at various political groups rather than at the nation as a whole.

Franklin Roosevelt was more successful than most in terms of political advertising. His speeches were brilliant, he addressed Americans as friends. One of his contemporaries recalled that his campaign speeches were particularly effective, where he talked about his family and his personal life. President Dwight Eisenhower is also remembered as a President with a unique approach to political advertising. He was the first to hire an advertising firm to develop his political advertising. They created for him a series of programs called "Eisenhower Answers America". These videos showed clear answers to questions from ordinary Americans. Now such videos seem extremely simplistic, but at the time they were very effective, since they appealed to the entire nation and to each individual American. Despite the long history of television as a means of political advertising in the U.S., the first television presidential candidate was Ross Perot, an independent candidate who has already been forgotten by many. In 1992 Ross Perot announced his candidacy for the presidency. He did not participate in the primaries and did almost no campaigning in the various states, he just had well-targeted appearances on television and was able to gain a large number of votes.

In addition to all of this, emotions and symbols play a significant role in communicating a candidate's political position. Emotions such as fear often become an engine propelling the candidate forward. For example, in 1984 Ronald Reagan used fear in his ads as a way of mobilizing voters around his candidacy. His campaign ad video had a voiceover warning viewers that "there's a bear in the woods". The bear is the symbol of Communism. Viewers got the impression that they couldn't find a better defense against Communism than Ronald Reagan. Hillary Clinton tried to undermine Obama's image as a politician who could resolve crises. In her 2008 ad video a possible foreign policy crisis is shown that descends on the White House and the President at 3:00 a.m. The video asks, "Who do you want answering the phone?"

implying that Barack Obama did not have the experience and judgment to react correctly.

Political advertising can be positive or negative. As a rule, negative advertising is directed at one's opponent, and is shown more often on TV screens than positive advertising. For example, John McCain, in one of his 2008 campaign ads against candidate Barack Obama, cast doubt on Obama's leadership qualities. In the video there is a crowd shouting "Obama, Obama!" while a voice asks the difficult question: "He is the biggest celebrity in the world. But is he ready to lead?" Barack Obama was forced to answer this with his own negative ad, in which McCain's position on social issues in the Iraq war was criticized.

In addition to ad videos, the campaign slogan is an important part of attracting voters. As experts have ascertained, slogans really do influence voters in the final stage of the campaign. The slogan takes into account the mood of the country, the political agenda and idea of the leader, who is worthy of the voters' trust. Franklin Roosevelt called for his "New Deal," Harry Truman for his "Fair Deal", John F. Kennedy for his "New Frontiers," Ronald Reagan for his "New Beginning," George W. Bush for "leadership in times of change." Barack Obama for "Hope and Change", and Donald Trump called to "Make America Great Again".

But these slogans, ads, and the candidates' facial expressions, gestures and speeches are, of course, not created by presidents and their opponents. They are developed by specialists, whose names are not always recorded by history, and we know them only by the general name of their profession: political consultants or political technologists.

Political technology or political consulting in the U.S.

We can trace the origins of political consulting to the 18th century. The first political consultant was, perhaps, the man who in 1758 advised one of the candidates to the legislative assembly of Virginia to give his voters cold drinks. The candidate took the consultant's advice, the voters were happy, and the candidate won the election. The candidate's name was George Washington, who would later become the first President of the United States. But we will never know the name of his political consultant. The history of modern U.S. elections contains quite a few political consultants, whose work has made a contribution to successful election campaigns.

Joseph Napolitan brought John F. Kennedy to power by developing the first detailed election campaign strategy, based on dividing

the voters by social and professional status, and by implementing a strategy of taking votes away from one's rival (get-out-the-vote), which means using the rival's ideas to make voters switch to the other side. He is considered the father of political technology and he has penned books that are used as reference works for conducting election campaigns in various countries.

Dick Morris worked for Bill Clinton for many years, bringing the young attorney general of the state of Arkansas to victory in the gubernatorial elections, and then to the White House. He is known as the one who started using polls to prepare candidate speeches and ads. Every target audience had its own ads and every one of Bill Clinton's speeches was geared to a specific audience.

David Axelrod was Barack Obama's political technologist, and brought him first to the Illinois state senate, then to the White House, actively using social media.

Finally, Steve Bannon, Donald Trump's political technologist, built the election campaign on the dissemination of sensationalist and "alternative" information, as well as highlighting the positions of fringe social groups. Many political technologists used various means to obtain victory for their clients in elections. But they became famous and enriched the culture of political consulting by bringing their candidates to victory using unorthodox approaches, unusual content for their ads, and catchy campaign slogans.

U.S. elections are a complex but transparent political process. Elections help to bring attention to the most pressing social development issues on various political levels. Competition and the political struggle force candidates to travel around to the states, learn about local problems and help solve them. Elections also help to develop civil society, motivating the most active Americans to fight for their rights, promote the interests of their group, their district or their small village right up to the federal level.

Further reading

Crockett D. Running Against the Grain: How Opposition Presidents Win the White House. New York, 2008.

Evans C.L. Leadership in Committee: A Comparative Analysis of Leadership Behavior in the U.S. Senate. New York, 2001.

Foley E. Ballot Battles: The History of Disputed Elections in the United States. New York, 2016.

Gareth D. America at the Ballot Box: Elections and Political History. PA, 2015.

Jamieson K. Packing the Presidency. A History and Criticism of Presidential Campaign Advertising. New York, 1992.

Jamieson K. Presidential Debates. N. Y., 1988.

Kathleen H. Packaging the Presidency: A History and Criticism of Presidential Campaign Advertising. New York, 1996.

Maisel L. American Political Parties and Elections: A Very Short Introduction. New York, 2007.

Napolitani J. The Election Game and How to Win It, Doubleday, 1972.

Schroeder A. Presidential Debates: Risky Business on the Campaign Trail. New York, 2016.

Lecture 6. The President and the First Lady

The U.S. President is one of the most important political figures in the world. His decisions dictate the political situation, financial situation and even the quality of life in many countries. The President's powers and responsibilities are set by the Constitution. The President has many powers: he is the head of the Executive Branch, the head of state, the Commander-in-Chief, the leader of his Party, the country's chief diplomat and its main public figure. It is no accident that the U.S. is a presidential republic, not a parliamentary one. Any natural born citizen of the United States who is at least 35 years old and has lived in the country for at least 14 years can become President.

Let's take a look at some facts tied to the institution of the U.S. presidency that can shed light on some peculiarities of American social development and the institutions of power. To whom does the President report? What strengthens or weakens his power? How do presidents make political decisions? And finally, what is the role of the First Lady and the White House in the life of the U.S. President?

More About the Formal Functions of the U.S. Presidency

In all of U.S. history a few dozen Presidents and Vice Presidents have been elected (or in a few cases appointed to the post). Today the 45th President of the U.S. (Donald Trump) is in office, along with the 48th Vice President (Mike Pence). The difference in the number of Presidents and Vice Presidents is because several Vice Presidents became President of the U.S. after the unexpected death of their running mate.

The President's responsibilities are laid out in Article 2 of the U.S. Constitution. However, the provisions regarding the President's duties continue to be interpreted in various ways. The Constitution states that "The executive Power shall be vested in a President of the

United States of America”. Other articles of the Constitution give another couple of phrases about presidential powers: the President commands the armed forces, he can appoint government officials to various posts, he can sign agreements, meet foreign ambassadors and convene the U.S. Congress in special session. These quite expansive constitutional powers are subject to various interpretations, which became especially relevant in times of crisis between the President and Congress. As a rule, the U.S. Congress tries to limit the President’s power, to force the President to confer more often with Congressmen and Senators. In the U.S., more than anywhere else, there is a constant standoff between the Capitol (this is how Congress is referred to, using the name of the building in which it works) and the U.S. President. This confrontation often gets in the way of political decisions, but it does allow society to be sure that no branch of the government can gain too much power over the others or establish authoritarian rule in the country. As a rule, a key balancer is a political party that control both the White House and the Capitol. When one party controls both Congress and the White House, as happened in the 1930s, when Congress allowed President Roosevelt to assume extraordinary powers to battle the depression and then a world war; when we have a divided government, there is more of a constant tug-of-war between the branches of government.

In 1947 the Presidential Succession Act was adopted, which outlines the transfer of presidential power if the White House head should become incapacitated. If anything happens to the President, his power goes to one of 18 officials, along the chain of command (which has been adjusted as new departments have been created): the Vice President, the speaker of the House, president pro tempore of the Senate, the Secretary of State, Secretary of the Treasury, Secretary of Defense, Attorney General, Secretary of the Interior, Secretary of Agriculture, Secretary of Commerce, Secretary of Labor, Secretary of Health and Human Services, Secretary of Housing and Urban development, Secretary of Transportation, Secretary of Energy, Secretary of Education, Secretary of Veterans’ Affairs, and, finally, Secretary of Homeland Security.

The President reports to Congress and the American people each year in his State of the Union Address. This event usually occurs at the end of January and is significant in the political life of the country. Presidents give their vision of domestic and foreign policy, and often articulate new strategies and initiatives.

The President, of course, has a deputy – the Vice President, who fulfils the functions of President if the President should die, resign or become incapacitated, and also if the Vice President and a majority of

the Cabinet decide that the President is no longer able to carry out his duties. However, the criteria for this incapacity is not specified in any official documents.

The First Lady of the U.S. is the President's spouse or relative. The First Lady is the White House hostess, which demands that she expend serious effort and taste in renovating and repairing the White House. She is also the President's chief advisor, especially on questions of social policy in the U.S. Throughout history the functions and responsibilities of the First Lady have been constantly changing, and, due to the increased role of women in American society, have expanded significantly. Everything, however, depends on the First Lady herself. Some of them have taken a very active political position, while others remained in their spouse's shadow. For example, Bill Clinton's spouse, Hillary Clinton, was well-known for her active work with Congress and for the adoption of various legislation in the 1990s. The spouse of the current President, Melania Trump, does not participate so actively in political life.

Who Strengthened or Weakened Presidential Power?

Many Presidents have been very active and have displayed clear leadership abilities, which has allowed them to significantly strengthen presidential power, as well as the influence of the President on American society and policy. Such periods in U.S. political history have been called "presidential". President George Washington was the first party president, since he was elected from a party, while, for example, President Abraham Lincoln was the first "crisis" President, since America was in the midst of the Civil War. Without delving too deeply into history, we'll say a few words about other Presidents, who were also able to raise the prestige of the position significantly. For example, President Theodore Roosevelt (1901–1909) introduced the practice of issuing so-called executive orders. These were presidential decisions that were mandatory without legislative approval. Such arbitrary action on the part of the President immediately provoked a serious backlash. The Supreme Court ruled that executive orders have the force of law only if they do not contradict the Constitution and are approved by Congress. However, in reality there have been situations where executive orders have the force of law even without the approval of the legislature – until someone is able to challenge them in court.

Quite often Presidents use such executive orders to display their intentions to the American people, as well as to give departments and agencies a signal about their decisions. Moreover, Theodore Roosevelt

invented a system of so-called executive agreements. These were international agreements with various states or heads of governments, which acted as alternatives to treaties. International treaties had to be approved by the Senate, while executive agreements did not have to be ratified. This allowed Roosevelt to get around Congress and conduct an active foreign policy. Nevertheless, for several decades executive agreements were not accepted as being equal to treaties, until the Supreme Court ruled in 1942 that they were equivalent as long as the agreement did not contradict existing U.S. legislation. This led to a situation where the President's abilities to implement his vision in the international arena were significantly broadened, and Presidents began to be called kings of foreign policy, since more and more often they did not coordinate their actions with Congress.

Franklin D. Roosevelt (President from 1933–1945), strengthened presidential power still further. The Great Depression and World War II enabled the President to occupy the White House for three terms, around 12 years (Roosevelt died shortly after his fourth inauguration). This allowed him to strengthen the system of presidential power, increasing the number of departments and appointments, and also cementing the popularity of the Democratic Party. Congress was extremely unhappy with this turn of affairs. They insisted that the U.S. was moving towards authoritarianism. That is why they were able to adopt an amendment to the Constitution that prohibited a President from being elected to more than two terms. This occurred in 1951, when the Republicans came to power in Congress.

There were presidents in U.S. history whose actions, on the contrary, enabled Congress to limit the President's power. For example, the Vietnam War, which coincided with the presidencies of Lyndon Johnson and Richard Nixon, was the reason for the adoption of laws limiting the President's power in military intervention and the financing of foreign policy. First Congress adopted the Budget and Impoundment Control Act, which did not allow the President to spend money on foreign policy projects without Congressional approval. A bit later, in 1973, they established a rule according to which the President had to report to Congress about the beginning of any foreign intervention. The President-Commander-in-Chief had no more than 60 days to conduct any actions without Congressional approval. This law is called the War Powers Act.

The end of the Cold War weakened presidential power in the U.S. still further. It became clear that the President and the Executive Branch in general no longer needed additional powers to react quickly in possible foreign policy crises. This understanding, however, changed after the terrorist act in 2001, when George W. Bush began a long war

against terrorism in Afghanistan and Iraq. Executive organs and the President were given additional powers to conduct secret operations in other countries and inside the U.S.

How the President Can Lose His Position: Impeachment

The lower house of the U.S. Congress can act as investigator into the actions of a President and begin the process of removing him from office, while the Senate acts as judge, and through its vote can force the President out of the White House. The Constitution calls this process “the impeachment of the president”. It was included to support the balance of political forces, of interest groups and poles of power, which, represented by the White House, Congress, the media, lobbyists, business, the judiciary and political parties could monitor each other and not allow anyone to grow too strong and set themselves above society.

As with any institutional construction, it has its strengths and weaknesses. The weakness of this system of checks and balances is the human dimension, or, more precisely, those politicians who investigate, defend, or vote in the impeachment process. Institutions are filled with people, and their behavior is difficult to predict, despite communication, money, political affiliation, etc.

It has never happened in the history of the U.S. that any president has been removed from office by the impeachment process. Three times an unfriendly Congress, with a majority of representatives from the opposing party, has tried to chase the President out of the Oval office. The first time this happened was during Reconstruction (1865–1877). This was one of the most significant crises of the system of checks and balances in U.S. history. After Lincoln’s assassination and the end of the bloody war between the North and the South, Andrew Johnson became President. America at the time was at a point where extraordinary effort was needed to reunite the country, exhausted by years of the cruel Civil War. Johnson advocated a “soft” approach to bringing the South back into the Union; he wanted a policy of forgiveness for Southerners, and he wanted the Southern elites to retain their power. However, Congress was full of Radical Republicans, who demanded that the disobedient Southerners be punished: they wanted arrests and repression. Moreover, the Secretary of War in the Johnson administration demanded the same thing. When the President decided to fire the War Secretary, Congress rebelled, opened the Constitution, found the article on impeachment and decided to put the President in his place. After the mid-term elections in 1866 the Radical Republicans received a

qualified majority in both houses, which gave them the opportunity to adopt almost any decisions without taking the White House into account.

The House of Representatives very quickly conducted an investigation into whether a Cabinet Secretary could be dismissed without Congressional approval, and they accused the President of infringing the power of Congress and abuse of power. However, when the case reached its logical conclusion, and by all accounts the Republican Senate should have voted to convict, the human factor intervened: two Radical Republicans went over to the President's side, and the vote failed. Johnson remained in power. The main thing that the politicians and lawyers took from this situation was that Congress was not able to gain absolute power, and the system of checks and balances showed its effectiveness. If Johnson had been removed, then perhaps today we would see a formal President in Washington, whose name no one would know, and the country would be ruled by the leader of the majority party in the House of Representatives or the Senate.

It is often said that Richard Nixon left his post in the early 1970s after impeachment. No, Republican President Nixon left on his own: he resigned, not waiting for the vote in Congress. Since the Democrats had a majority in Congress, Nixon knew that the Congressmen could vote against him. But during his administration, as stated above, the legislators were able to limit the President's power significantly in foreign policy and military intervention.

Another impeachment that is probably better known to readers was initiated against President Bill Clinton in the mid-1990s. The President was accused of lying under oath. They tried to impeach him because of the lie, not for his sexual relationship with a White House intern, Monica Lewinsky. But the case never went beyond the vote for impeachment in the House. Thanks to a majority of his supporters in the Senate, Clinton was able to hold on to power.

Up until now American Presidents who, as we know, are commanders-in-chief and can send troops or begin military operations anywhere in the world, are forced to go to Capitol Hill after a certain period of time and report to Congress. Members of Congress can force the President to cease the operation, or they can begin an investigation into the president's actions, as happened with George W. Bush after the start of military operations in Iraq in 2003. This is a significant limitation on the White House's ability to conduct foreign policy, and no loyal Congress will ever repeal that law, since it means power over the President, even if he is the legislators' best friend.

Nevertheless, Presidents are still winning in this harsh confrontation between two branches of power in the U.S. However, a

President as extravagant as Donald Trump has opened new possibilities for Congress to strengthen the position of the legislative branch of power. The Trump impeachment of 2019 was the third and unsuccessful attempt by the House of representatives and mostly by the members of the democratic Party to remove the sitting president from office.

How Presidents Make Decisions

Every President has his own governing style, and, as specialists in the field of political decision-making call it, his own “operational code”. The “code” dictates how the President makes decisions, and what kinds of decisions he will make. For example, two Presidents, Dwight Eisenhower and Lyndon Johnson, came up against the necessity of making a decision on Vietnam – to send troops or not? In 1954 Vietnam was still a French colony, but the country’s residents were fighting for their liberation. There was a war going on between the French and the Vietnamese, and the French were losing. Paris begged President Eisenhower for help; they wanted him to send a limited contingent of troops to the country. The President, who had formerly occupied high positions in the U.S. armed forces, was ready to do it. But he did not rush, despite the crisis situation. He asked his advisors to present various possibilities, and he asked Congress to think about the issue. When his advisors and Congress spoke against a military operation, the President did not send troops to Vietnam, which today is considered a far-sighted, correct decision. When it came his turn, President Johnson acted differently. By 1964 Vietnam had been divided into two parts, the French had left, but Johnson and his advisors were extremely concerned about the U.S.’ role in the world, and about the influence of Communism. In addition, it was necessary for Johnson to demonstrate that he was a decisive leader so that he could win the election. The desire of the U.S. to keep Vietnam as an ally was an important factor in starting the war. Unlike President Eisenhower, President Johnson made his decision very quickly. His advisors did not present various foreign policy scenarios. Everyone agreed: intervention was necessary, and no one calculated the possible consequences of waging war in the jungle.

A President’s choice of advisors has a significant influence on the decisions he makes. For example, Democratic President Jimmy Carter had Cyrus Vance as his Secretary of State, who advocated widening cooperation with the Soviet Union, while his National Security Advisor, Zbigniew Brzezinski, took the opposite position. Brzezinski was able to get the President’s “ear”, cutting Vance off from consultations

with Carter. This led to a situation where the President made some of the harshest decisions vis à vis Moscow.

Quite often the President's former life and experience influences him, or even historical analogy. For example, Republican President George H.W. Bush, when he was making the decision to intervene in Iraq in 1991, constantly compared Iraq's seizure of Kuwait to the events that precipitated World War II. At that time, as we recall, Germany, with Hitler at its head, annexed the Sudetenland, a region of Czechoslovakia; later he seized the territories of other European countries by force. France and Great Britain did not want war, and conducted a policy of appeasement, calculating that this would satisfy Hitler's expansionist ambitions. The elder President Bush said that if the world did not stop Saddam Hussein, and closed its eyes to his seizure of Kuwait, it would lead to a new world war, as had happened in the 1930s and 1940s. The experience of the Second World War, which he had lived through, the memory of victims and tragedies, and also the European powers' policy of appeasement towards Hitler were the main motivations for deciding to embark on the first war in Iraq. In other words, the President's thought processes, his experience and his advisors were the main factors in his decision.

There is one unique President who demonstrated a special way of making decisions. Usually a President tries to widen his circle of experts and advisors to make sure his decision is balanced. George W. Bush, however, chose a different path. He surrounded himself with advisors who were all in agreement about Iraq. Vice President Dick Cheney, Secretary of Defense Donald Rumsfeld, National Security Advisor Condoleezza Rice and others were prominent politicians, with a lot of experience in foreign affairs, and they were good friends of the President. Confronted with a new challenge after the 2001 terrorist attacks, they closed ranks around the President, in a special group of close advisors, cancelling out any expertise on how to make decisions. Using their knowledge and experience, the President's advisors completely lost sight of any other possible decisions on Iraq. With a unified view of the U.S. role in global policy and adhering to the principle that the U.S. was the world leader, the group was absolutely convinced that the 2003 intervention in Iraq was necessary. Today such an approach, creating a closed group of advisors who do not ask for outside expertise is called "Groupthink". This model of decision-making is considered the weakest, since it often leads to major political errors.

Unlike George W. Bush, Presidents such as John F. Kennedy, Bill Clinton or Franklin Roosevelt gathered an enormous number of advisors around themselves. There could be more than 30 advisors at one time in a meeting. This is another extreme, which also often leads

to weak decisions. For example, in 1961 President John F. Kennedy wanted to undertake an operation against Fidel Castro. A large number of advisors took part in discussing this decision, who, relying on other advisors, did not conduct a thorough analysis. This led to a poorly planned operation that, in the end, failed.

President Richard Nixon also had his own approach to political decision-making. He did not like meetings with large numbers of advisors, but he also did not have a tendency to surround himself with his five or six closest advisors. He created a system of “adhocracy” – making decisions as things came up – and usually dealt with only one advisor, Henry Kissinger, with whom he discussed all key issues. This system, which was quite effective, failed during the presidential election campaign, when Nixon agreed to wiretap his Democratic rivals. If he had been surrounded by more advisors, perhaps there might have been people who could have pointed out to the President the possible negative consequences of such actions.

President Ronald Reagan, and to certain extent President Donald Trump, have a mind and a temperament that allowed them to create apparent competition, bargaining and conflict among their advisors. Such Presidents change advisors quite often, selecting them according to the problem to be solved. For example, President Ronald Reagan had six National Security Advisors in his two terms in office. This a record for changing advisors. Donald Trump had three National Security Advisors between 2017 and 2019. Stimulating conflict and even chaos leads to a situation where advisors have to compete among themselves for access to the President, which means they have to prepare substantive analytical papers and propose a selection of widely varying options for political decisions. However, not every President is capable of supporting such a competitive model of political decision-making. It depends on the President’s character, his experience and leadership qualities. From the point of view of foreign policy decisions, Donald Trump’s actions towards his circle of advisors are not rash: he can choose advisors for a specific problem and create competition among them, thus getting a wide variety of possible solutions.

There are also Presidents who are considered formalists in their approach to decision-making. They adhere strictly to a formal hierarchy and procedure; they conduct numerous meetings and thoroughly consider their decision. They do not allow any conflict among their circle of advisors. Such Presidents, as a rule, adopt the best decisions. Among such Presidents were Harry Truman and Barack Obama. President Truman, who, many say, had no experience in foreign policy, nevertheless created the modern mechanism of making decisions, including the National Security Council, the Central Intelligence Agency,

the Department of Defense, etc. There was a serious struggle around Truman regarding the creation of this mechanism. The President was able to overcome serious conflict and disagreement by creating formal channels for discussion and decision-making.

Barack Obama did the same thing, when in 2009 he decided to send additional troops to Afghanistan. He meticulously weighed every alternative, constantly widened his circle of advisors, and created a system of moving expert opinions and memoranda up the chain of command. However, he was not able to keep this system in place when he was making decisions about Libya. His team of advisors was curtailed, he did not receive a wide variety of expertise; the few advisors who discussed the question of military intervention in Libya in 2013 were all in favor of intervention and did not present the President with other options. The President could not summon the necessary will and resources to make a well-thought-out decision, to get additional expert opinion and new advisors.

History retains the names of presidential advisors who were instrumental in adopting good and bad decisions. It is without question that advisors like Madeleine Albright, Henry Kissinger, Condoleezza Rice, Hillary Clinton, Anthony Lake and others were extremely important co-authors of historic decisions made by U.S. Presidents.

The White House – Where Presidents Live and Work

The White House is the President's apparatus, his closest advisors and staff. It is run by the chief of staff who, as a rule, is chosen by the President from among his campaign team. This apparatus is a relatively recent phenomenon. The main outlines were established by President Franklin Roosevelt in 1939. Three positions in the apparatus must be confirmed by the Senate, and all three are tied to finance: the head of the Office of Management and Budget, the oldest office in the White House, which oversees the financial side of presidential initiatives, the U.S. Trade Representative and the Chairman of the Council of Economic Advisors. All other presidential advisors, and those on the National Security Council, are appointed by the President and do not undergo confirmation by Congress.

The White House is not just a place for official meetings or political decisions; it is where the President lives. Every President changes the color of the walls, the selection of paintings and even the selection of books and statues in the Oval Office. The White House has undergone renovation many times, forcing the President and his family, as well as staff, to live in neighboring hotels. For example, President Har-

ry Truman lived and conducted meetings in a nearby building during a renovation at the end of the 1940s.

Each President has his own preferences regarding the premises he occupies in the West Wing of the White House. For example, a special role in foreign policy belong to a room on the top floor that is called the Solarium. It gets a lot of sunlight; one can relax and rest. Many Presidents used this room to discuss important political decisions. It was first used by President Dwight Eisenhower to develop a new strategy towards the USSR. In 1953 the President gathered his advisors in that room and proposed a new idea: the necessity of moving away from the strategy of containment of the USSR to negotiations and closer cooperation. The President's advisors spent an enormous number of hours in that room. The sun helped them relax after hours of deliberation and, most likely, enabled the development of a new diplomacy towards the USSR. The result was a National Security Council document called the "Solarium Project" (NSC-162/2), and the room went down in history as the place that gave birth to the idea of cooperation with the Eastern Bloc by means of new economic, trade, and cultural ties. In the future, the room was renovated many times and changed its outward appearance. Many Presidents conducted National Security Council meetings there, working on political issues. There was, however one President in history who decided to change the Solarium's purpose and use this bright and sunny place for children's parties. President Barack Obama, known for his love of children, used the Solarium to meet little Americans, eating pizza together and playing games.

The Influence of the First Lady

Many First Ladies have taken an active political position, becoming assistants to the President. One of the most prominent among them was Eleanor Roosevelt, spouse of President Franklin Roosevelt. She took an active role in the life of the country, met with foreign leaders and promoted the women's movement. Hillary Clinton, First Lady during the Clinton administration (1992–2000), was famous for promoting a bill on mandatory health insurance.

It is not only spouses who become close advisors to Presidents. Many family members – children, nephews, etc. can also function as presidential advisors. For example, Woodrow Wilson's daughter ran the White House; Franklin Roosevelt's daughter was a kind of gatekeeper, and all important documents had to go through her; Dwight Eisenhower's son was his closest advisor, and Robert Kennedy, the President's brother, played the devils' advocate and became a special advisor who criticized the options proposed by other participants in a discussion, to

determine the best, most appropriate decision. Finally, Donald Trump's daughter, Ivanka Trump and her husband Jared Kushner occupy special positions in the White House and influence decisions.

Despite all the vicissitudes of political life, Hillary Clinton remains one of the popular First Ladies in terms of her political activities. Eleanor Roosevelt, Laura Bush, and others are also to be popular. After them come First Ladies such as Michelle Obama, Jacqueline Kennedy and Barbara Bush, wife of President George H.W. Bush and mother of President George W. Bush and Florida Governor Jeb Bush. She is considered the matriarch of the Bush political dynasty.

Barbara Bush is the most surprising First Lady. She met George when they were still in school – she was 16 and he was 17. They married very quickly, and Barbara left college to take care of her family, becoming a witness to several historical eras in the development of presidential power in the U.S. Alongside her husband, a future U.S. president, she lived through the Second World War, since George H.W. Bush fought at the front. She saw from the inside the politics of the 1960s, 1970s and 1980s, when her husband was elected to the Senate, then UN ambassador, then U.S. Vice President to Ronald Reagan. Barbara became First Lady in the early 1990s, and witnessed the end of the Cold War. She saw the dawn of a new era in global politics, when her son became U.S. President in the 2000s. Barbara Bush was often called old-fashioned; spiteful people criticized her clothing as too conservative, when the world had significantly changed in the 1990s and dresses were replaced by business suits. She paid no attention to these attacks, always saying that she dressed the way her husband liked.

Laura Bush, wife of the younger President Bush, is seldom mentioned among famous First Ladies. However, she played a significant role in her husband's career. Laura Bush was a librarian, which did not keep George, who came from a rich family, from offering her his heart and hand. Her care and influence helped the future President stop abusing alcohol. Michelle Obama brought life to the White House. She was constantly organizing all sorts of parties and there, and also was quick to sing and dance in public. We can recall, for example, Michelle Obama's dancing with Jimmy Fallon in April 2015. That video attracted millions of views on YouTube. Many critics condemned Michelle, but as she said at the time,

What I've never been afraid of is to be a little silly, and you can engage people that way... You get them to laugh, then you get them to listen"²².

²² How Michelle Obama Became the First Lady of Pop Culture [Electronic resource]. URL: <https://www.harpersbazaar.com/celebrity/latest/news/a17308/michelle-obama-interview-pop-culture/> (accessed 20.02.2021).

Each First Lady left her mark in the politics and life of American society. For example, Woodrow Wilson's first wife planted the rose garden around the White House. It was she who, with the White House chief gardener, developed the landscape design with paths, bushes and small hills. She did not, however, live to see the garden completed. She died in childbirth, in 1914. Up to this day the Rose Garden is used by Presidents for announcements to the press or the American public.

Not all Presidents who lived in the White House had a family. Some of them were bachelors. The most famous bachelors were President James Buchanan, President Grover Cleveland (who married after becoming President), and Woodrow Wilson, who was married, became a widower and then married a second time. The only real bachelor, who never married, was Buchanan.

There are four living former Presidents in the U.S. today: Jimmy Carter, Bill Clinton, George W. Bush, and Barack Obama. They often make announcements if they see that, in their opinion, the political actions of the current president are destroying the basic tenets of American life or foreign policy. Americans as a whole respect the institution: there is the Presidents' Day holiday, and every event tied to former heads of the White House is marked in society and by the media. After a President's term is up, as a rule, presidential libraries are created. They collect the archive documents linked to the President, and also organize impressive museum exhibits. Quite often the Presidents return to private life, they write memoirs and give lectures. Some of them establish philanthropic organizations. Presidents, however, cannot leave the political arena completely. The party, fundraising issues and also the support of party leaders during election campaigns demand the participation of former Presidents. The American public often expects former Presidents to give their reaction to current events, and in those cases the Presidents act as patriarchs of political life in the country, and a guide for Americans.

Further Reading

- Brower K.* First Women: The Grace and Power of America's Modern First Ladies. Harper Paperbacks, 2017.
- Clinton H.* Hard Choices. New York, 2014.
- Cummings K.* Partner to Power: The Secret World of Presidents and their Most Trusted Advisers. Prometheus, 2018.
- Gates R.* Duty. New York, 2013.
- George A.* Presidential decision-making in foreign policy: the effective use of information and advice. Boulder, 1980.
- Woodward B.* Obama's Wars. New York, 2010.

Electronic Resources

- First Ladies of the U.S. (a virtual tour) [Electronic resource]. URL: <https://ameLcanhistory.si.edu/firstladies-interactive/> (accessed 20.02.2021).
- Historical U.S. Presidential Elections 1789–2016 [Electronic resource]. URL: https://vk.com/away.php?to=https%3A%2F%2Fwww.270towin.com%2Fhistorical-presidential-elections%2F&post=-161694151_494&el=snippet (accessed 20.02.2021).
- Presidency of the United States of America [Electronic resource]. URL: <https://www.britannica.com/topic/presidency-of-the-United-States-of-America/Changes-in-the-20th-century> (accessed 20.02.2021).
- Presidential Libraries (a virtual tour on each President) [Electronic resource]. URL: <https://www.archives.gov/presidential-libraries> (accessed 20.02.2021).

Lecture 7. Civic Society in the United States: From Groups at Grassroots to U.S. Congress

The U.S. Congress is one of the most influential government institutions. It allows various interest groups to resolve their issues at the highest level. The U.S. Congress is able to exert influence over presidents, their domestic and foreign policies, as well as force the Executive Branch to implement laws that have been passed. Congress holds in its hands several extremely important levers of power. First, it has the responsibility for adopting financial legislation, which means an increase or decrease in financing for projects that are being implemented by the Executive Branch. Second, it has the ability to delay the adoption of draft bills advanced by the President. If the legislators do not like the President's proposal, the draft bill can be "tabled", meaning frozen for an indefinite period of time. Third, the Congress can conduct an audit or an investigation of the actions of the President as well as any other government official, which allows it to exert a significant influence over the executive branch.

The work of a department like Congress is fairly difficult to understand. However, if we look at the activities of Congressmen (this is how members of the House of Representatives are referred to) and Senators, we can figure out this complex mechanism and understand the logic of their statements and actions, which are often much tougher than the president's announcements.

The Most Important Functions of the U.S. Congress

Article 1 of the U.S. Constitution states that "All legislative Powers herein granted shall be vested in a Congress of the United States, which shall consist of a Senate and House of Representatives". The Senate is composed of 100 members, two Senators from every state in the union. The term of office for Senators is six years, with one-third of the members running in every election cycle (i.e., every two years). Of course, there are deaths and retirements that occur before a sena-

tor's term is up; in that case the governor of the state where the given senator was elected announces special elections. This creates conditions where the balance of power in Congress can change. It is quite frequent that in special elections the opposing party's candidate wins. For example, after the death of Senator John McCain, a Republican representing Arizona, in 2018, the governor could have announced a special election, which might have changed the balance of power in the Senate. In this case, the governor appointed a republican to fill out McCain's term; the seat is now held by Senator Martha McSally, a Republican.

The House of Representatives is composed of 435 members, elected every two years from all 50 states, proportional to the population of each state. The powers of each class of Congress extend for two years, beginning the January following the election of its members. Every class of Congress has two sessions and is given a specific number. In all of U.S. history, Congress has convened 116 times. The number of the Congress is listed on all documents, laws, legislative acts and Congressional hearings. For laws it looks like this: Public Law 116-43, i.e., the law was adopted during a session of the 116th Congress, with the number 43.

Congress as stated above, exerts significant influence over presidential power. The House of Representatives can start impeachment proceedings against the President. It is the House of Representatives that proposes charges against the President. The Senate acts as a judge and either convicts or acquits the president.

In addition, it is the House of Representatives that holds the session to count the votes of the electors after presidential elections. If none of the candidates received a majority of votes, the House of Representatives chooses the president from among the top three candidates, while the Senate chooses the vice-president.

After Congressional elections, the party that received the most seats proposes its leader, the leader of the victorious party, who becomes the Speaker of the House and the Senate Majority Leader (the permanent president of the Senate is the U.S. vice-president). The politician who heads the majority party is a key figure. It is s/he who determines whether draft bills proposed by the President or other member of the Executive Branch will advance or not. It is extremely important for the President that his party be in the majority in at least one of the chambers of Congress. For example, during President Barack Obama's first term, the Democratic Party had the majority in the House of Representatives, and the Speaker – Nancy Pelosi – helped the president to get the historic Affordable Care Act, which provided for mandatory health insurance, through Congress. It often happens, however, that

either the entire Congress or one of its chambers falls into the hands of the party that opposes the current President. This is “divided government”, which has a major influence on the ability of the executive branch to get laws passed, as well as on the president’s domestic and foreign policies. In that case, the U.S. Congress becomes an extremely important instrument of control over the President’s policies, correcting or rejecting laws proposed by the President and changing the scale of financing. The President, for his part, also influences Congressional initiatives. If the President is not satisfied with a draft bill proposed by Congress, he can veto it. Congress, however, can override a presidential veto with a 2/3 vote in each Chamber. In that case the draft bill becomes law, which must be followed by all, including the president.

Moreover, during debates over various draft bills, Congressmen promote the interests of their states and enter into a system of deals and negotiations. The famous series *House of Cards* gives a critical, but nevertheless fairly accurate portrayal of the processes linked to the development of several variants of draft bills, about the negotiations and swaps between Congressmen, gaining additional votes, etc. Let’s recall that at the beginning of the film (Episode 1, Season 1) when the protagonist, Congressman Frank Underwood, is working on a draft bill on education, he hires a team to create a new version of the law in a few days and gathers votes from their colleagues. Something similar happens in the U.S. Congress, as well as in the Parliaments of all other countries.

Why and How do Congressmen Propose Laws?

Most laws are proposed by Congress. Let’s recall, for example, the law on sanctions against Russia, which was signed by President Donald Trump in August 2017. This law was initiated by Congressmen and very quickly advanced through all the required stages, despite Congress’ summer holidays. Quite often the Congressmen, in evaluating the domestic or foreign policy of the incumbent President, offer him obligatory innovations. This is how Radio Free Asia was established in 1994, or how the new development programs for the Middle East were adopted at the beginning of the 2000s.

Usually Congressmen and Senators promise the voters in their state that if they are elected, they will propose laws on a certain topic. As a rule, these topics are connected to the wants and needs of the residents of a specific electoral district. Besides this, the voters them-

selves form groups or associations, professional unions and other civil society organizations; they submit petitions or send proposals to their representative in Congress.

U.S. citizens are an important source of legislative initiatives, and they have the opportunity to directly influence what will happen to draft bills. If s/he is in agreement with the interest group's proposal, a Congressman will introduce a bill, go through hearings in one of the House or Senate committees, then there will be a vote in both chambers, and, if there is a positive outcome, the President signs the bill into law. In the U.S. there is a huge, almost innumerable number of interest groups that propose various draft bills that could transform both domestic and foreign policy. Women's organizations, business associations, organizations for or against carrying guns, etc. All of them engage in lobbying – promoting certain measures or laws. We hear a lot about the “Israel lobby” that promotes U.S. assistance to Israel, or the “Armenian lobby” that is working to promote laws or resolutions about the Armenian genocide and has already had significant success; finally, there are the “China lobby”, the “gun lobby” and many others.

Lobbyists include both large and small organizations; they publish articles and build relationships with Congressmen, and campaign financing for their chosen candidates becomes a factor in the loyalty of a Congressman to the interests of a specific interest group. Lobbyism, it would seem, is right on the line between corruption and legality. There are very strict laws in the U.S. regarding lobbying, dating from the 1870s. In 1876 the famous law on the registration of lobbyists was adopted. Their finances are monitored, which makes it possible to follow the flow of money from lobbyists to Congressmen. In 1995 a very strict law was adopted – the Lobbying Disclosure Act, which demanded that lobbyists publish their expenses and their names. This is justified, since the political system, the policies and workings of the Congress have a high percentage of capitalization, i.e., money invested brings a good return. There is around \$2,6 billion circulating in the lobbying system, and more than 11,400 registered lobbying organizations as of 2019. Lobbyists have a major influence on whether certain laws are adopted in the U.S. For example, it was only thanks to pressure from academic groups that the decrease in spending for the Fulbright Program was halted in 2017–2018, and the arms industry lobbyists have made it impossible for Congress to pass any laws limiting the right to carry guns.

In addition, there are a number of financial and other laws that must be passed every year. For example, the annual law on the finan-

cing of foreign affairs agencies or the law on financing grant programs for students, support for veterans, etc. are passed at every session of Congress. Moreover, it sometimes happens that crisis situations demand additional financing, or an expansion of the federal budget. In that case, Congressmen adopt additional resolutions or, more often, new laws on financing for the additional project. For example, Russia's active information activities prompted a reevaluation of the budget for international broadcasting in the U.S., and in the summer of 2017, Congress looked at the budget for foreign affairs agencies and increased it by several percent.

In many cases it is very difficult to figure out which laws must be re-examined to learn, say, the final amount of financing for international assistance or support to veterans. It's often necessary to find several consistent laws to get the whole picture.

What documents are reviewed by Congress?

Draft bills, simple, concurrent and joint resolutions

The U.S. Congress reviews various types of legislative acts. Draft bills are proposals from the Executive or Legislative branch of power to adopt a new law. There are two types of draft bill – public and private. A public draft bill touches on the interests of the entire society; a private law affects separate persons or separate projects. Every draft bill introduced into the House of representatives is designated “HR” for “House of Representatives.” After the letters comes the registration number, which is preserved throughout all stages of the draft bill's advancement through Congress. Every draft bill that begins in the Senate is designated with the letter “S” as well as a registration number.

In addition to draft bills, there are several types of resolutions. As a rule, resolutions are tied to important or controversial issues that require a vote. Simple resolutions involve questions that are reviewed in one of the chambers of Congress. If the members of the House of Representatives decide to attract the attention of society and the President to a burning issue, the resolution will be designated “H. Res”, plus a registration number. If it is the Senate that has decided to initiate discussion of an important question, the resolution will be labeled “S. Res”, and it will also have a specific number. Many resolutions are adopted on a wide variety of political, economic or health issues. For example, in the summer of 2019 the Senate adopted a resolution stating that September 2019 would become the month of the school bus in the U.S. Events were held celebrating the 30th anniversary of school

busses, which, as of 2019, transport 26 million children and travel 5 billion miles every year, providing for the health and safety of school children in the U.S. (S. Res 285 – A resolution designating September 2019 as “School Bus Safety Month”)²³.

After approval, the resolution is certified by the clerk of the House of Representatives or the secretary of the Senate and is published in the Congressional Records. This journal is a true legend of Congress. The protocols of all sessions of the House of Representatives and the Senate are published in it. Publication of the journal began during the first session of the first Congress in 1789, and for some time bore names such as “Annals of Congress” or “Register of Debates” and “Congressional Globe”. Today the journal exists in its traditional printed form as well as in digital format; it helps to follow the progress of each law and witness the reaction of Congressmen and Senators, as well as the speeches of representatives of the Executive Branch regarding the draft bills.

In addition to draft bills and simple resolutions, Congressmen introduce so-called joint resolutions, which are adopted in both the House and the Senate. They have a separate letter designation, H.R.J. Res or S.J. Res. Joint resolutions are adopted quickly in the chambers of Congress, and have the same force of law as draft bills if they are approved. In adopting a joint resolution, the U.S. Congress tries to express its opinion about current issues in society.

Finally, there are concurrent resolutions. They are adopted regarding issues that affect the work of both chambers at once. Today these resolutions are not legally binding, they record the opinion of both chambers. A concurrent resolution is not equivalent to a draft bill, it is just the opinion of Congress. Such resolutions also bear a special letter designation – H.R.Con.Res or S.Con.Res. After the adoption of concurrent resolutions by both chambers they are signed by the clerk of the House or the secretary of the Senate and published in a special section of the United States Statutes at Large, dedicated to a particular session of Congress. Such resolutions are not presented to the President for signature.

²³ S.Res.285 – A resolution designating September 2019 [Electronic resource]. <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-resolution/285/text?q=%7B%22search%22%3A%5B%22sres%22%5D%7D&r=95&s=3>> (accessed 20.02.2021).

How are laws passed in the U.S.? The path of a draft bill through committees, hearings and experts

Each member of Congress can introduce a draft bill at any time at any session. As a rule, it is sufficient to drop the proposal in a special urn set up by the clerk's desk in the House Chamber. The clerk of a committee or the House periodically announces the list of bills to be discussed during any given session of Congress. All proposed bills are transferred to a select committee, where the most interesting part begins. Reviewing the draft bill, listening to the opinions of experts and discussing all the various problems associated with it happens during the so-called "hearings".

The public has a right to participate in this discussion. At this stage the members of the House and Senate have to do an enormous amount of work, trying to listen to all sides, as well as identify independent experts who can give a basis for adopting or rejecting the bill. During the hearings (and they can last for hours), Congressmen ask questions of the invited experts. The experts can be independent, i.e. represent analytical or academic centers, or they can be members of the Executive Branch. Citizens of other countries also have the right to participate in the hearings. The experts prepare written testimony, give an introductory speech, and then answer the questions of all the members of the specialized committee. As a rule, heated discussions around the proposed bills are conducted in the committees, and frequently many questions go beyond the scope of the draft bill. However, all these discussions help to arrive at the best decision. Most Congressional committee hearings are broadcast on the committee's site, as well as on the Internet.

Committees often hold hearings, not on draft bills, but to investigate or study various problems. An example of this are the hearings in the Foreign Affairs Committees of the House and Senate in October 2017 on the role of social networks in the political life of society. The Congressmen were not intending to adopt a draft bill, but the hearings enabled a discussion of the question of freedom to publish politically significant posts on social networks. The members of the House and the Senators invited representatives from Facebook, Google, Twitter and YouTube to the hearings and asked them questions about control over political advertising and about the influence of foreign states on the political position of Americans. Such discussions can become the basis for the creation of new draft bills, or simply allow Congressmen to increase their knowledge, which is indispensable for making decisions.

There are 36 standing committees in Congress, which have a stable roster of members. There are also various ad hoc committees and joint committees that include various members of other committees. As a result, the U.S. Congress is a constant hive of activity, even in the recesses between sessions. This is the real U.S. Congress at work.

The committees are made up of members of the two leading political parties, and the ratio of party representatives on the committees is determined by elections. The only exception to this is the Ethics Committee, where half of the seats are reserved for the majority party, and half for the minority. This ratio allows Congressmen to make decisions about investigations into the conduct of officials, including the U.S. President. As a rule, all committees are headed by a member of the majority party. These are very influential people: it is they who initiate the majority of bills, and during discussions of the bills they set the direction and even the tone for the interpretation of various problems.

Almost all bills are tied in one way or another to questions of finance, and for this reason each of them goes through the central financial control department, which issues a report on the advisability of adopting the bill. In many cases several committees hold hearings on the bill. For example, the bill on financing U.S. foreign policy is reviewed in the Foreign Relations Committee, the Armed Services Committee, and even in the Appropriations Committee.

There are open and closed committee hearings. As a rule, closed hearings are held when it is a sensitive topic affecting foreign policy, national security or intelligence. For example, the investigation of Donald Trump was held in closed sessions by three House committees. Information about the hearings is published on the Congressional website. The most important social questions are reviewed in open hearings, which are attended by various representatives of civil society. They try to change Congress' mind, accelerate or stop the passage of a bill. For example, the bill on the so-called "Dreamers", proposed by President Barack Obama, and which sought to broaden the rights and opportunities of children of migrants, was not approved by the specialized committees of Congress in 2012. During the discussions of the bill there were street demonstrations supporting it, and at the public hearings, defenders of the bill and of immigrants' rights, representing a wide variety of civic groups, gave speeches. The bill was passed by the House, but not the Senate. President Obama later issued an Executive Order, Deferred Action for Childhood Arrivals (DACA), which had the force of law, but which has been disputed in the courts.

Any committee has the right to propose amendments to a bill after hearings. Amendments can be accepted or rejected by the House or

the Senate. The members of the committee vote to determine whether the committee should support the bill or not. If not, the bill might face the fate of many other bills that have been “tabled” until the end of the Congressional session. That means that the sponsor of the bill, if s/he still wants to get it passed, will have to go through the whole process again after the next elections and the start of the next session. That is why there are so many bills that have identical names, but different registration numbers. Only one of them can become law.

Moreover, the most important bills, the ones that provoke heated debate in society, go through a roll-call vote. This is one of the most significant achievements of American democracy. Congressmen vote in various ways, from just saying “yes” or “no” (when conducting this type of vote, the chairman usually says “All those in favor, say aye. All those opposed, say “no”) to pressing a button for electronic voting, or, in special circumstances, throwing a ballot into a box.

One case when a roll-call vote was used was at the beginning of 2017, when President Donald Trump introduced a proposal to repeal the law on mandatory health insurance signed by his predecessor, Barack Obama. The law makes health insurance mandatory for all and allows the poorest strata of society to buy inexpensive insurance and receive free medical care. American society was divided on the new president’s initiative: many Americans approved of the law, while others argued that it was an unacceptable interference in their private lives. There were serious discussions in the Senate, and the question of repeal was put up for a roll-call vote. The Republicans, who wanted to repeal the law, needed just one more vote from a Senator to cancel the decision made by the previous Democratic administration. The Democrats also needed just one vote, and hoped that someone from the Republican Party would vote against the repeal. The fate of the law was in the hands of Republican Senator John McCain, who at the time was absent from Congress due to illness. McCain had always spoken out against Obama’s initiative, and ran against him in 2008. The Senator, however, received an enormous number of positive reviews of the law from the voters in his state. As a result, McCain, despite his serious disease, came to the Senate on the day of the vote and openly voted against his Party. His vote was the decisive one, and the Trump administration was unable to repeal the law on mandatory medical insurance. Such behavior by McCain and by many other Senators and Congressmen shows that legislators often “betray” the narrow interests of their party, but defend the interests of all Americans. Members of Congress in such a situation are in a very difficult position – should they be loyal to the Party or to their voters? As a rule, only the most popular senators can afford to

go against the will of their Party. Senator John McCain belonged to this group.

After the bill goes through committee, it is introduced at a plenary session of the chambers of Congress. One of the members of the committee delivers a report on the results of the discussion and the proposed amendments. The Committee's report is usually published, with the opinions of the Congressmen as well as the committee's conclusions and recommendations. The report pays special attention to the budget, which they propose to increase or decrease. As a rule, the basic problem in passing most bills is with the financing: the Executive Branch demands that the budget be increased, while the Legislative Branch wants to decrease it. However, this rule has been violated during the administration of Donald Trump. For the first time in the history of the United States the Executive branch began demanding that Congress cut the budget for several projects, including foreign policy and financing the State Department. The famous appearance of Trump's first Secretary of State, Rex Tillerson, at Congressional hearings in 2017, when he proposed to cut the State Department's budget, was a shock to many. In the end, Congress not only refused to cut the budget for foreign policy, they actually increased it.

After a bill is passed in one of the chambers, it goes to the other one, where the secretary gives it to the appropriate committee. The very same procedure is followed here. As a rule, the Senate has the same committees as the House, however there are differences in how bills are reviewed. The Senate is built on the necessity for unanimous support for decisions adopted. For example, during the presentation of the bill the speaker might ask his colleagues to support a demand to review the bill immediately. If the bill is not controversial, the Senate might adopt the bill very quickly, after a short discussion or even without discussion. This is what happened in July with the bill on sanctions on Russia. The members of the Senate had no doubts about the bill, and even those who were on vacation and were out of Washington voted absentee without any discussion.

After the bill passes through the second chamber, it goes back, together with the amendments, to the place it started from. If the amendments are not significant and there are no disputed points, the bill's sponsor asks that all of the amendments be approved. As soon as the chamber gives its agreement, the bill is declared "enrolled" and is registered to be sent to the President. If the members of the chamber do not approve the amendments, they are immediately discussed. In the most urgent cases a reconciliation commission is set up between the House and the Senate. When the amendments are controversial, the members of both chambers convene to try and resolve their diffe-

rences. The reconciliation commission or committee is often called “the third house of Congress”.

The Senate, like the House of Representatives, has the right to propose various bills (besides those involving tax collection and some other financial questions). This process goes in reverse. After the bill passes the Senate, it is sent to the House for discussion. The House gives it to one of its committees for review. If the bill is approved by the committee and adopted by the House without amendments, it sent to the President for signature.

The President and Bills Proposed by Congress

After a bill is approved, it is prepared for presidential review. The final preparation of the bill is extremely painstaking and responsible work, since all amendments must be considered. The final version of the bill is printed on parchment paper. The President has the right to sign or not sign the bill presented to him. Article 1, Section 7 of the Constitution states that “Every Bill which shall have passed the House of Representatives and the Senate, shall, before it becomes a Law, be presented to the President of the United States”.

In practice, this is what happens: the clerk of the House Management Committee (or the Senate spokesman) gives the original of the final version of the bill to a White House official and receives a receipt from him. The date on the receipt is considered to be the date that the bill is presented to the President, and the start of a ten-day period given for the President to make a decision on the bill. The White House sends copies of the bill to various departments, to receive consultations.

If the President does not sign the law within ten days and does not return it to Congress with his objections, it becomes law, just as if it had been signed by the President. The President has the right of veto – the right to return the bill to Congress with a memorandum of disapproval. Congress, however, has the right to override a presidential veto if it gets 2/3 of its members to vote for it. Usually presidents sign bills if they understand that Congress can get the necessary votes to demonstrate its power to the president. If the President decides not to sign the bill, he returns it, together with his objections, to the chamber of Congress that initiated the bill. That is where the vote on overriding a presidential veto takes place.

A broad interpretation of the Constitution has made it possible to find a loophole for presidents that allows them to prevent bills they do not want from becoming law. If a Congressional recess begins, there

is no one to whom the President can return the unsigned bill, and it does not become law. This called the “pocket veto”. Quite often Congressmen try to present a large number of bills for the President’s signature right before recess, which gives the president the opportunity to use the pocket veto.

Congress as an Oversight Organization

The U.S. Congress not only enacts laws that set forth various rules and determine the funding for departments of the Executive Branch, it also controls and analyzes how these laws are implemented on an ongoing basis. Moreover, Congressmen evaluate the effectiveness of the laws by conducting audits of the policies and actions of the Executive Branch. The Government Accountability Office (GAO) and the Inspector General conduct a wide variety of evaluations of Executive Branch projects for which funds have been issued.

These checks are quite diverse in nature. For example, Congress could evaluate U.S. activities in various countries by sending their auditors, or by ordering an independent evaluation of the activity of the Executive Branch involving any law. Congressmen themselves have the right to participate in evaluations of the Executive Branch, visiting departments as well as countries where the U.S. government is conducting programs. For example, Congressmen visited Afghanistan and Syria many times, to see how laws that had been enacted were being implemented. Quite often the Congressmen evaluate the situation negatively, which affects future funding for various projects. Audits like these force the Executive Branch to work effectively, bringing in qualified experts and the necessary resources. Every department knows that a Congressional audit can result in cancellation of a project, and, finally, in the dissolution of a department, section or position.

Well-known Congressmen

Many members of Congress have left a clear mark on U.S. history. They wrote or sponsored bills that changed U.S. domestic or foreign policy. That is why the bills bear their names. The Fulbright Act, the Jackson-Vanik Amendment, the Taft-Hartley Act and many others changed U.S. domestic and foreign policy in significant ways. Senator William Fulbright invented an academic exchange program and for a very long time was the head of the Fo-

reign Affairs Committee. Senators Henry M. “Scoop” Jackson and Charles A. Vanik proposed an amendment to U.S. trade law that introduced a ban on trade with the USSR unless Moscow allowed the emigration of the Jewish population. Senator Robert A. Taft and Congressman Fred A. Hartley introduced restrictions on trade unions in a wave of anti-Communist sentiment after World War II, requiring trade unions leaders to sign affidavits that they were not members of the Communist Party. As we can see, these bills and laws can be quite diverse and they provoke very different emotions, but until the laws are repealed, U.S. society lives under these laws, amendments and resolutions.

One well-known Congressman, a former head of the Foreign Affairs Committee, Edward Royce, introduced a bill in 1994 to create the Radio Free Asia station. This U.S.-government-funded, non-profit international broadcasting corporation is one of the main mechanisms for disseminating information about the United States in the Asia-Pacific region. Senator Richard Lugar not only participated in negotiations between the U.S. and Russia on reducing the nuclear threat but is also known as a philanthropist and the author of various initiatives on social protections for families with many children and for handicapped children.

Many American legislators became U.S. presidents. For example, John F. Kennedy, before he was elected to the White House, was the youngest member of the House of Representatives (1947–1953) and a Senator (1953–1960). His position as a member of the Senate Select Committee on Improper Activities in the Labor and Management Field allowed Kennedy to become widely known, which helped him become President.

It was only relatively recently that American women were able to engage in legislative activities. The Constitutional Amendment of 1920 gave women the right to vote, and, also gave them the right to run for Congress. However, things developed very slowly. In reality, it was not until the 1970s that the number of women among federal legislators rose from single digits to dozens. Since 1977, around 225 women have been elected to Congress, which is more than 70% of all congresswomen since 1920, and 1992 was named “the Year of the Woman”, since 27 women were elected to both houses of Congress that year. There have also been Congressional women who have engaged in a policy of active confrontation with the Executive Branch. The current Speaker of the House, Nancy Pelosi, quite clearly falls into this category. She is the first woman to attain this post in U.S. history. It was Pelosi who announced the start of impeachment proceedings against President Donald Trump. In spite of her age – she

is almost 80 – she has taken an active position, although she has promised to give her post to younger Democrats. Pelosi is the daughter of a former mayor of Baltimore, and the oldest member of the Democratic Party. She made her political career in California, in a district where Republicans had not had a majority for over 30 years. This allowed her to advance successfully, and she became the first woman to become, first the House Minority Leader during the administration of George W. Bush, then the Majority Leader, and finally the Speaker of the House.

There are many young and promising politicians in the U.S. Congress today. Among them are Alexandria Ocasio-Cortez, who has already become a star, and Marco Rubio, who has already managed to run in the presidential primaries in 2016. These people represent a new generation in American politics, their decisions will influence the lives of ordinary Americans for decades to come.

Congress occupies an enormous place in the American model of democracy. This organ is capable of curbing the President's power and allowing various groups to lobby for their interests; it is an agile and active system, despite the fact that the same faces reappear over and over again in the Senate. Congress control finances, and adopts laws on funding, ratifies international treaties and introduces tough resolutions on specific issues. Congressmen are always at the center of attention of the American public, they are accessible for the rest of American society, since elections are the means by which a Congressman's constituency expresses its trust.

Further Reading

- Barron D.* Waging War: The Clash between Presidents and Congress, 1776 to ISIS. New York, 2016.
- Sogrin V.V.* Democracy in the U.S.A.: From the Colonial Era to the 21st Century, Moscow, 2011. (In Russ.)

Electronic Resources

- Congress. Gov. [Electronic resource]. URL: <https://www.congress.gov/> (accessed 20.02.2021).
- Congressional Record [Electronic resource]. URL: <https://www.congress.gov/congressional-record>(accessed 20.02.2021).
- House of Representatives: History and Facts [Electronic resource]. URL: <https://history.house.gov> (accessed date: 20.02.2021).

- Most Famous Senators [Electronic resource]. URL: <https://www.senate.gov/senators/featured-biographies.htm> (accessed 20.02.2021).
- U.S. Congress: History and Modern processes, Committees and Bills. [Electronic resource]. URL: <https://www.congress.gov> (accessed 20.02.2021).
- U.S. Congressional Documents and Debates [Electronic resource]. URL: <http://lcweb2.loc.gov/ammem/amlaw/> (accessed 20.02.2021).
- United States Senate, Powers & Procedures. [Electronic resource]. URL: <https://www.senate.gov/history/powers.htm> (accessed 20.02.2021)
- Zhuraveva V.Yu.* Tug of War of Power: Interaction between the President and the U.S. Congress. M., 2011 [Electronic resource]. URL: <https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2011/11017.pdf> (accessed 20.02.2021). (In Russ.)

Lecture 8. How the Rule of Law Works in the U.S.

The U.S. has an effective system for protecting the rights of its citizens. Private property is inviolable, favorable conditions exist for starting a business, and the government is just one of the participants in the legal process, subject to the court and social control just like anyone else. How was it possible to achieve all this? The shortest and simplest answer would sound like this: the country has a system of independent courts that have been able to uphold the principle of the supremacy of the law and guarantee protection for the rights of American citizens, even when they face the government and other influential forces seeking to infringe upon these rights.

However, in order to get a fuller idea of the rule of law in the U.S., one sentence is clearly not enough. We must study the structure of the legal system, including the Supreme Court, as well as how trial by jury works, and the system of punishments linked to the guarantee of civil rights.

The Unique Nature of the U.S. Legal System

One unique feature of the U.S. legal system is the ability of citizens to sue the government, thanks to the way the political system is constructed. The roots of the American legal system can be found in English history (habeas corpus and the Petition of Right). The U.S. federal organs formed after the adoption of the Constitution in 1787 were just one of the players in a complex political mechanism in which U.S. citizens played a major role. The American people were seen as the true source of power, creating the government institutions as part of a social contract. Besides this, the fact that the individual states retained significant sovereignty led to the creation of independent local courts, which defended and continue to defend the interests of the po-

pulation and of individual citizens, as well as the interests of the state itself, against possible arbitrary behavior by the U.S. federal government, big business, etc.

Every district in a state also has its own legal system and the right to sue the federal government. Citizens of the U.S. can file suits against the authorities in all areas of public life, including international affairs, trade and domestic politics, if the actions of the government violate their interests. When President Donald Trump issued an Executive Order limiting legal immigration into the U.S. in January 2017, many Americans and various non-governmental organizations dealing with the defense of immigrants' rights began filing suits with courts at various levels. As a result, the Ninth Circuit Court of Appeals in New York issued a ruling that the Executive Order was unconstitutional, allowing many immigrants to cross the border in the city's airport. It is almost impossible to imagine such actions in other countries.

Here is an example from history: during the Korean War (1950–1953), steel factories in the U.S. shut down because of a strike. Weapons manufacture was cut, as was production of equipment that the Army needed. President Harry Truman decided to nationalize the steel factories. He was unable to do this, however, because the courts of various states ruled that the President's decision was unconstitutional.

A typical case that shows the special relationship Americans have to private property, and which affirms the thesis that the law is the same for all, occurred with Senator Rand Paul, a prominent Republican, a member of the Committee on Foreign Relations and an ideological libertarian. The senator was beaten by his neighbor, who thought that Paul was dumping leaves on his property. A verbal argument escalated into a fight, in which the Senator suffered broken ribs. The court sentenced the neighbor to a month's detention and a fine of \$10,000, although usually in cases involving attacks on Congressmen the punishment is 27 months' imprisonment. The court, however, considered the circumstances of the attack, i.e. the encroachment on private property by the Senator. This was the state court of Kentucky, not a federal court or the Supreme Court.

Above it was noted that federalism was the basis for the development of the U.S. legal system. How are these things connected?

What Is Federalism Within the U.S. Legal System?

The U.S. has an extremely complex system of separate courts. Federalism – the delineation of authority between the federal government and the state governments – is the strong basis for the legal system and the modern federal court system. Despite all the historical ups and downs, the states have retained the right to administer justice independently. There are federal courts, state courts, district courts, and also courts on various levels for bankruptcy, appeals, trade, etc. (U.S. Courts of Appeals, U.S. Court of Appeals for the Federal Circuit, U.S. District Courts–Civil, U.S. District Courts–Criminal, U.S. Bankruptcy Courts, U.S. District Courts–Combined Civil and Criminal, U.S. Federal Courts).

The basis for the independence of the American judicial system is that federal courts are not superior to state courts. Federal courts hear cases of the government against citizens or the state governments, or cases of citizens and local authorities against the federal government. All magistrates and district courts are part of the federal system, and over them there are 12 courts of appeals and a special court that examines cases on patents and international trade.

Among the positions in the federal courts there is one called the United States Solicitor General, who reviews investigations and verdicts in all courts of appeal on behalf of the government. When one of the parties is the federal government, the Solicitor General argues the case. Quite often Americans file court cases or appeals against their own government: someone questions the constitutionality of a law adopted by Congress; another might ask for proof that the decision of the Executive Branch is legal; a third asks for the justification of a sentence given in a criminal case.

If the U.S. government is not the defendant, the court can invite the Solicitor General as an expert or an “amicus curiae”, a “friend of the court”. The Solicitor General furnishes the court with information about the possible effect of a criminal case on the interests of the U.S. In other words, the Solicitor General is the government’s lawyer. If the court decides against the government, the Solicitor General determines whether the government will appeal. It is the Solicitor General who formulates the opinion of the U.S. government that will be given and defended in court.

The Supreme Court: Protecting the Constitution Is More important than Politics

The U.S. Supreme Court presides over the entire judicial system. Throughout its history it has made very important decisions that changed society and its traditions. Questions of segregation, capital punishment and same-sex marriage were given broad social resonance through the decisions taken by the nine justices of the Supreme Court.

In 1803 the Supreme Court was given the right to issue rulings on violations of the Constitution. At this historic moment the chief justice of the Supreme Court, John Marshall, in deciding the case of *Marbury v. Madison*, which touched on how judges were to be appointed and who could strike down laws passed by Congress, advanced three principles that not only became the basis of American Constitutional law, but also affected the legal systems of almost all the countries in the world.

It was then that it was determined that, first, the Constitution had more force than laws adopted by Congress and signed by the President. Second, it was decided that the Supreme Court would become an organ of judicial review, i.e. it had the right to interpret the Constitution. Finally, third, it was demonstrated in practice that the Supreme Court had the right to strike down laws that violated the Constitution. In other words, nine judges appointed for life could repeal all laws – federal, state and district. Time has shown that such a simple system is very effective. The lifetime judges find it easier to guarantee that the Constitution will be respected since they are outside of politics, and they are also not under the influence of the President or congressmen, who are elected for a certain term by citizens of the U.S. Judges outlive many presidents, and even despite the fact that they are nominated by a specific president who is hoping for a loyal voice, and the Senate confirms them, at the end of the President's term these judges remain on the Court and make informed decisions.

According to the Constitution the Supreme Court plays the role of an independent judicial organ; its decisions are insulated from public opinion and the decisions of other branches of government. The Supreme Court implements the principle of adherence to the laws of the U.S., which means that the Court decides disputes regardless of the parties involved. It must be acknowledged that the independence of the Supreme Court and the entire judicial system of the U.S. have earned respect among Americans. Public opinion polls in 2019 show

that more than 57% of those surveyed were positive towards the Supreme Court and the entire judiciary. To compare: only 22% and 21% of those surveyed gave a positive evaluation of the work of Congress and the President, respectively.

The Supreme Court building is located in the U.S. capital, Washington D.C. The Court did not get a separate building until 1935; before that it was located in the same building as the U.S. Congress. The judges' move to the new building came at a time when the administration of Franklin Delano Roosevelt was trying to reform the Supreme Court. The President suggested increasing the number of justices, thinking that it would be more difficult in that case for the Court to strike down laws related to his "New Deal". The majority of the justices were against Roosevelt's reforms, and were conservatives. Roosevelt wanted to increase the number of justices to 15, and have them be supporters of the Democratic Party, but he did not succeed. As a result, the Court to this day is made up of nine justices, which avoids ambiguity in decisions (it is impossible to have an equal number of pros and cons). It must be noted that there is no law regulating the number of justices on the Supreme Court. When the U.S. was taking shape, during the administrations of George Washington and Abraham Lincoln, the number of judges varied from six to ten.

All nine justices get on the Court by being nominated by the President. They are confirmed by the Senate for a lifetime appointment. Among the justices on the Court today are those appointed by Presidents Ronald Reagan, Bill Clinton, Barack Obama and, of course, Donald Trump. There is no rule that the justice should represent the interests of the President or a Party. But, as a rule, the current president, if he has the chance to appoint a new judge, tries to find a person who is close to him, and is loyal, and will take a predictably liberal or conservative position when making decisions on the burning issues facing the U.S. For example, President Barack Obama appointed Justice Elena Kagan. Born in New York, and having lived most of her life there, Elena Kagan worked as a clerk in the Supreme Court, was part of the administration of Bill Clinton in the 1990s, and taught law at Harvard. It took a long time for the Senate to confirm her; the hearings were continually being dragged out, since the Republican Senate did not want to confirm Kagan, because of her ties to the liberal political establishment. The vote took place, however, and the Supreme Court got a new justice, which among other things allowed it to issue its 2015 ruling on the legality of same-sex marriage.

All cases heard by the Supreme Court come from the local courts to the federal, finally reaching the highest level. In order for a case to be heard by the Supreme Court, it must first be lost. As a rule, the Court

hears appeals only from persons who have lost their case in a lower court. However, unlike in many countries, the U.S. Supreme Court and the federal courts hear only cases that involve a lively dispute, not advisory opinions. Moreover, the case must involve a significant issue. As a rule, the basis for reviewing a case is a difference of opinion in the appeals courts regarding federal law. If the same law is interpreted differently in various states, it does not necessarily mean that the case will be heard in the Supreme Court. In order to begin a case, it is necessary for at least four of the nine justices to vote in favor of hearing it. A final decision in the case requires the votes of five of the nine.

Almost every year the Court issues rulings on cases that are tied to conflicts between federal law and the laws of the states. Many U.S. citizens use this gap in the law and file cases in the state courts against federal organs. For example, in 2009 a woman in Vermont filed a case against a pharmaceutical company. She won the case, but the lawyers for the company were able to file an appeal, in which they showed that the use of the medicine that had harmed the plaintiff had been sanctioned by the U.S. Food and Drug Administration, a federal agency. The company hoped that this would protect the firm from being sued. The victim of the drug filed a countersuit with the Supreme Court, which agreed with her arguments and ruled that the approval of medicine on the federal level does not negate state consumer protection laws. As a result, the pharmaceutical company paid the victim \$7 million.

The members of the Supreme Court are lawyers whose political preferences may be extremely varied. Since the justice is appointed for life or until his or her voluntary retirement, vacancies on the Court occur quite unpredictably, and the appointment of a new justice depends on the political situation in the country, the president's preferences and the balance of power in the Senate. However, this political variation among the justices and their sporadic appointment guarantees that no one political group will gain the upper hand.

If we take a look at all the justices who have sat on the Supreme Court, we can conclude that they had various philosophical approaches to the interpretation of the Constitution, and that they also differed in how they felt about the necessity of the state courts being independent. Some of the justices maintained, and continue to maintain, that the Constitution should be interpreted literally, without any changes over time. Other justices feel that the sense of the Constitution changes with the times, and that new amendments are necessary. Many justices are extremely reluctant to repeal laws that were adopted in the states, while others say that the independence of the local courts should be limited. Quite often one or more justices

have changed their views along with shifts within American society. For example, a judge who held conservative views and was appointed by a conservative president suddenly began to issue liberal decisions. President Dwight D. Eisenhower, for instance, appointed two justices – Earl Warren and William Brennan. They turned out to be the most liberal justices of the 20th century, supporting civil rights decisions. This is a special facet of a lifetime appointment: a justice may be appointed in one political context, but issues important rulings under completely different conditions.

In 1981 President Ronald Reagan nominated the first woman to serve on the Supreme Court, justly assuming that his protégée, Sandra Day O'Connor, would promote conservative values and would rule against abortion. That is how things started out; over time, however, after Reagan had long since left the White House, the justice he appointed continued to serve on the Supreme Court. In 1992 fidelity to Reagan's conservative ideas did not keep her from giving the deciding vote on a woman's right to an abortion. The latest research shows that that justices change their views two or three times during their time on the Court, and their average tenure is 18 years.

As a result, serving on the Court has a stronger influence on its members than the members have on the principles of this institution, i.e., the political views of a new judge undergo transformation by the institution. The nomination of judges and their Senate confirmation hearings are socially significant events and attract the public's attention. The Senate hearings involving the candidacy of Justice Brett Kavanaugh, for example, who was nominated by President Donald Trump, turned into a fierce debate that split American society. One part of the public assumed that the appearance of Kavanaugh's "victims" was a fabrication by Trump's enemies. The other section of the public called for these victims to be heard, and wanted to stop the nomination, which was undermining trust in the authorities. After an investigation, discussions in the press and social media, the Republican-controlled Senate voted for Kavanaugh anyway, but even now, more and more victims claiming that they were sexually harassed by Kavanaugh are coming forward, which is even giving rise to talk of impeachment. This is possible in the U.S. by decision of Congress. There has only been one case in history, long ago in the 19th century.

There is one thing that works in favor of the stability of the Court: the justices support the integrity and the steadfastness of the Constitution, which ensures rule of law. It is no secret that the Supreme Court resolves and decides political questions and is under pressure from the executive branch of government. The Court, however, uses the exact same legal instruments in every case, whether it involves an ordinary

U.S. citizen or a powerful corporation. The use of the same legal instruments guarantees equality under the law, and ensures a high level of public trust in the Supreme Court and all other U.S. courts, which is reflected in the statistics on approval of the courts cited above.

The most popular judge on the present Supreme Court is probably Ruth Bader Ginsburg. She is the true dean of American jurisprudence, nominated to her position by President Bill Clinton in 1993. As a liberal, Ginsburg enabled the adoption of the most liberal decisions during the Democratic administrations of Bill Clinton and Barack Obama, on questions such as the policy of affirmative action, which broadened career opportunities for various groups in society, or the recognition of the legality of same-sex marriage. In the 1970s she became famous as a lawyer in cases involving discrimination against women. Ruth Ginsburg is a living legend, an outstanding intellect and one of the best lawyers in the country. She has made an historic contribution to establishing new precedents in the U.S. judicial system involving women's rights. The attention that is trained on her today is tied to her possible exit from the Court because of her age, which could shift the balance of power towards the conservative and affect the decisions that are adopted.

The most prominent decisions the Supreme Court has rendered in the past decades have been the ban on capital punishment for minors convicted of murder, the legalization of same-sex marriage, as well as a series of decisions on abortion – when it is allowed and when it is not. Today the Supreme Court is hearing yet another case involving a ban on abortion, and society is engulfed in a new debate on the topic. Proponents of abortion maintain that a woman has a right to an abortion, and a ban on abortion is a violation of women's rights. Opponents use religious arguments for a ban on abortion in the U.S. The possible voluntary retirement of elderly judges and the appointment of new ones is creating a new political intrigue.

According to statistics, the Supreme Court receives around 10,000 petitions every year; around 100 are chosen by the Court to be heard, and in 80–90 cases a verdict is rendered. The number of petitions cited above – 10,000 – are not examined by the nine justices; they are given to law clerks and secretaries. The law clerks are extremely influential people, and many of them become prominent judges in various states following their work on the Court. In order to process all of these petitions effectively, a “cert pool” is established, which consists of clerks of each justice. They distribute the petitions among themselves, and analyze the contents of each petition in detail, to enter the essence of the case briefly in a memo to the justices. The clerk evaluates how the given petition relates to the authority of the

Supreme Court. It is the clerk who recommends to the justice or all the justices whether to accept the case. Often the judge entrusts his clerk with doing additional research on the material. In order for the Court to accept a case, four of the nine justices must vote for it. After accepting a petition, the Court establishes a time limit within which all sides must present their arguments in written form. They also set the date when the parties to the case must appear before the Court for oral arguments.

After this, the clerks prepare explanatory notes for a Court session at which the justices discuss the case and vote on it. In addition to these petitions the Court can take petitions out of turn. These, as a rule, are petitions of prisoners to commute their death sentences. According to statistics, there are one or two such petitions every week, sometimes coming just hours before the sentence is to be carried out. This demands active and responsible action by all the justices and their assistants and does not allow the Supreme Court to rest on its laurels. Any case can become socially significant and attract journalists, which means that each case has to have a clear-cut legal basis.

The decision in the case is made when five or more justices vote in favor. If the Chief Justice is part of the majority, he assigns the writing of the opinion either to himself or to one of the justices. The legal ruling of the Court is a decision with explanations of the basis on which the Court arrived at the given verdict. Unlike many countries, court decisions in the American legal system become part of the law as binding precedents. A judge will consult these precedents when examining a case, if the new case is similar to a previous one.

Case Law: Strengthening the Rule of Law Tradition

In the U.S. there is a strict system of social control and transparency in legal decisions. American judges cannot manipulate the law as they wish, since their careers, well-being and reputation depend on the quality and persuasiveness of the verdicts they render. Before arriving at a decision, a justice examines the case materials, listens to the lawyers, discusses and consults with the other justices. After the initial vote the judges exchange their draft decisions. Unlike in many countries, an American judge is involved in a prolonged deliberation process with all sides, which allows him to be open to persuasion. It often happens that a judge will change his mind about a case. Since all parties represent a broad spectrum of views, the judge must focus on the legal basis laid down by previous, similar cases.

Case law is applicable in the U.S. This means that the Court, as a rule, renders a decision using the example of precedents which have been previously considered. Even if a judge is not in agreement with the decision in an earlier precedent, he or she cannot render a different verdict. Of course, a judge can change his approach to the doctrine, but the starting point will still be the earlier precedent. This is yet another feature of the U.S. legal system: the legal and judicial system in the U.S. is based on the idea of strong tradition, and gradual change. This means that decisions with a strong legal basis are rarely reversed. The stability of doctrine and concepts in legal discourse creates stability and predictability, and also strengthens the bases of the rule of law, and the public's confidence that decisions are fair.

The U.S. legal system rests on yet another legal instrument that raises the likelihood of a fair decision – trial by jury.

Trial by Jury

This is one more characteristic of the U.S. judicial system. The practice of forming and using trial by jury came to the U.S. from Great Britain, and is enshrined in the Sixth Amendment to the Constitution, which states that “In all criminal prosecutions, the accused shall enjoy the right to a speedy and public trial, by an impartial jury of the State and district wherein the crime shall have been committed”. Any U.S. citizen, if he denies guilt, has the right to ask for a jury trial, which will consist of between six and 23 people, specially chosen by the judge, the prosecutor and the lawyers.

Someone accused of a crime can also reject a jury trial by means of a “plea bargain”. This involves the accused admitting guilt without a trial in return for a lighter sentence. Statistics show that over the past 20 years plea bargains are more prevalent than jury trials: more than 60% of all cases that come before federal courts end in plea bargains instead of jury trials.

Does this happen because Americans do not believe in the fairness of jury trials? They do believe, but the results of verdicts rendered by juries are much harsher than those that come from plea bargains. More than 83% of all verdicts given by juries are “guilty”. The varied makeup of juries, social condemnation and the Protestant ethic are the basic factors that explain the harsh approach that juries take to punishment. As a rule, juries are drawn from various social strata, they have various professional status and education. The majority do not have any great understanding of legal documents or the rules of evidence. This is why juries render verdicts with their hearts, rather than

on the basis of complex systems of evidence. After the jury's verdict ("guilty" or "not guilty"), the court imposes the sentence, which we will speak about in the next section.

The System of Punishments in the U.S.

It is a legitimate question to ask why, in such a developed judicial system, where every citizen has the right to file a case against the government or large corporations, where citizens' rights are protected, an archaic form of punishment like the death penalty still exists. The U.S. is one of a number of countries where capital punishment is enshrined in the law and carried out, using various methods. Besides the U.S. countries like India, China, many countries in the Middle east and Africa also have this type of punishment; they are called retentionists (countries that resist changing the law in this regard). Of all the countries in the world, 56 have not abolished the death penalty, while 106 have done away with it as a form of punishment. There is little sense in discussing the pros and cons of capital punishment. American society itself cannot come to any agreement about whether the death penalty is necessary or not, the problem of incorrect verdicts, etc. Each new president presents new arguments in this discussion. While President Bill Clinton enabled many states to do away with capital punishment, the administration of Donald Trump has called for the sentences that were put on hold to be carried out. Today the scales between abolition of the death penalty and its preservation are weighted towards the latter. Out of 50 states, 29 continue to carry out the death penalty, while 21 have abolished it. Each state's traditions influence whether it keeps or abolishes capital punishment, and finally resolving this problem is a task for future generations of U.S. legal scholars. It is worth citing the most common arguments "for" and "against".

But besides the death penalty, the U.S. penal code provides for a broad selection of means for correcting the behavior of convicts (or for retribution), as Americans say. The U.S. remains a world leader in the number of incarcerated citizens. According to statistics, America jails 698 people out of 100,000 (in Russia, for example, the ratio is 413 out of 100,000).

Within the correctional system the principle of federalism is retained. The majority of prisons are filled by decisions of state courts, not federal ones: approximately 90% of citizens are imprisoned by decisions of state courts, while only 10% are incarcerated by decision of the federal courts.

There are federal prisons and state prisons. Unlike many countries, there are also private prisons in the U.S. Permission to privatize prisons was given in the 1980s. Many critics feel that the number of people incarcerated rose after the privatization of prisons; since the company receives a solid, guaranteed payment from the federal budget for each prisoner. The penal code provides for corrective labor institutions as well as prisons (prison workshops, diagnostic centers and rehabilitation centers). Each has a different security system, and different forms of imprisonment. If a citizen is sentenced to a term up to one year, he or she can serve time in a local prison or correctional institution. It is interesting to note that first-time offenders who are physically able and mentally fit can choose between a restitution center and a prison. In restitution centers they undergo socialization courses and receive education, as well as carrying out community service on a volunteer basis.

There are also auxiliary correctional institutions – these are alternatives to prisons. Harsher rules apply in correctional camps: the convicts are involved in hard labor (for example, road construction). But the sentence for such camps is usually much shorter than for prisons. All inmates in any type of correctional institution have to work. The prison industry in the U.S. produces an enormous quantity of small equipment for the military (helmets, belts, flak jacks, shirts, pants, tents, etc.). Finally, the use of electronic monitors is an innovation introduced in the U.S.; the state pays for the monitor (usually an ankle cuff) and for the link to the satellite that pinpoints the location of the inmate. The prisoner can live in his own home but cannot go more than 50 meters away from it. The prisoner, however, has the right to go to work, and must register with the local police station.

The Legal Profession

The U.S. legal system could not function without an enormous army of legal practitioners: judges, attorneys, prosecutors, etc. Legal education in the U.S. has gone through a long, difficult and complicated path of development. In the 19th century, law colleges and universities were established to train professional lawyers. It was then that the law departments were formed at the famous College of William and Mary, Harvard and Columbia. The course was just one or two years, and lectures predominated over practical work. Soon, however, the peculiar characteristics of the case law system made it necessary to train future legal practitioners rather than legal theoreticians. Many general subjects were reduced to the minimum, while narrow legal spe-

cializations were significantly expanded. The demand for highly qualified legal specialists (lawyers) led to the introduction of strict requirements for a legal education. In 1878 the American Bar Association was created, which introduced new educational standards. These standards made it obligatory to receive a legal education in a college or university. Harvard was the example to be followed: it was at Harvard Law School that a legal education was expanded to three years, and students began to take exams. The first law textbooks appeared, and instead of lectures there were various practical courses. The analysis of concrete examples of court trials became a part of a legal education. This approach became known as the Harvard model of training lawyers.

In the 20th century the theory of legal specialization began to spread, i.e. that a student lawyer should study various types of law and specialize in something specific (labor law, tax law, environmental law). Legal education in the U.S. reacted quickly to the demands of civil society: in the 1960s law departments began, for example, to teach subjects such as women's rights or African American rights. Today American legal education is narrowly specialized. Around 200 educational institutions train lawyers, and most of the program are at the Master's level, with a three-year course of study. An undergraduate degree (a Bachelor of Arts) is necessary to enter law school. Almost all the classes are tied to examining precedents, and the teachers are practicing lawyers. Continuity is the basic rule of a legal education in the U.S.

As of 2019 there are more than 1,350,000 lawyers working in the U.S. The number of lawyers grows every year. For example, over the past decade the number of specialists in the legal sphere rose by 14,5%, which underscores the importance of this profession in the life of American society. Finally, globalization has had a serious influence on U.S. courts. More and more often in the examination of cases evidence is required that is overseas, and often an American court cites foreign laws or international treaties. For this reason, judges in the U.S. come into contact with world legal practices; they accept foreign lawyers or turn to them for help. According to statistics, more than 2,000 lawyers and judges come to the U.S. every year from foreign countries.

The rule of law in the U.S. rests on simple, understandable traditions. Federalism, an independent judiciary, the unity of the law, respect for the courts, the penal code and trial by jury mean that there is faith in the fairness of verdicts. Americans have been able to create a unique defense system, in which the government, the authorities, business and citizens are all on the same wavelength, and each party knows its rights and obligations. They are aided in acquiring this knowledge by lawyers.

Further Reading

- Collins P.M.* Friends of the Supreme Court: Interest Groups and Judicial Decision Making. New York, 2008.
- Collins P.* Supreme Court Confirmation Hearings and Constitutional Change. New York, 2013.
- Greenberg F.* The Supreme Court: Justice Kennedy, Judge Kavanaugh and the Nomination Process. Government Procedures and Operations. New York, 2018.
- Greenhouse L.* The U.S. Supreme Court: A Very Short Introduction. New York, 2012.
- Hall K.* The Pursuit of Justice: Supreme Court Decisions That Shaped America. New York, 2006.
- Hartmann T.* The Hidden History of the Supreme Court and the Betrayal of America. New York, 2018.
- Kirk A.* Checking the Courts: Law, Ideology, and Contingent Discretion. New York, 2014.

Electronic Resources

- Landmark Cases of the Supreme Court [Electronic resource]. URL: <http://www.landmarkcases.org/> (accessed 20.02.2021).
- Legal Profession Statistics [Electronic resource]. URL: https://www.americanbar.org/about_the_aba/profession_statistics/ (accessed 20.02.2021).
- U.S. Supreme Court [Electronic resource]. URL: <http://www.supremecourtus.gov/> (accessed 20.02.2021).

Lecture 9. American Mass Media as the Fourth Power

All throughout American history the struggle to strengthen democratic institutions went hand-in-hand with the development of the press and other forms of mass communication, although it was far from the leading factor in media development. Much more frequently it was technological progress and the financial interests of publishers that led to the increase in the number of publications, the growth in circulations and the invention of new formats.

However, even if they were conceived as business projects, the newspapers, television and radio companies and Internet service providers gradually began to be used as a base for the free dissemination of information, becoming a powerful instrument in the fight for political rights. From the very first editions of colonial newspapers, right up to the present, the question of what can and cannot be published in the media has been hotly debated. The American experience of resisting political censorship can be considered one of the most successful in the world. Along the road there have been many prominent victories and bitter defeats. In general, American journalists have been able to defend their right to freedom of the press, which undoubtedly has been the main competitive advantage the U.S. has had both in its domestic development and in the global arena.

The First American Newspapers

The first multi-page newspaper in the English colonies was published in Boston on September 25, 1690 – almost 100 years after the first European settlers arrived in North America. *Publick Occurrences Both Forreign and Domestick* came out with an empty Page 4: it was assumed that readers, before passing the newspaper on to the next curious person, would write down any news they had. The newspaper thus became, in addition to everything else, a prototype for modern social networks. However, the history of the newspaper ended with its

first edition, since the governor of the Massachusetts colony felt that the content was not sufficiently politically correct.

The Boston News-Letter, which was published from 1704 to 1776, was more famous. Up until 1715 it was the only permanent newspaper in North America. The circulation was around 300 copies and was considered a luxury: even old editions were given as gifts. The content of *The Boston News-Letter* was made up of articles taken from English newspapers. So European news made it to Americans with a delay of several months.

The first opposition newspaper, *The New-England Courant*, was published in Boston from 1721 to 1726 by Benjamin Franklin's older brother, James. Benjamin himself worked at the newspaper as a printer's apprentice. The oppositional nature of *The New-England Courant* was a type of marketing ploy: critical texts sold better. But the publisher had a difficult time: in 1723 he spent a month in jail, accused of "violating public peace and tranquility".

The first successful instance of fighting political censorship in North America is usually considered to be a case that occurred in 1735, in New York. The publisher of the newspaper *The New York Weekly Journal*, John Peter Zenger, was accused of publishing libelous material that put the governor of the colony in a bad light. Zenger was jailed and spent 10 months behind bars. However, thanks to the effort of his lawyers, Andrew Hamilton and William Smith, Sr., the case was reopened. The court acknowledged that the information that Zenger had published had been true. Zenger returned to his position as publisher of *The New York Weekly Journal*, and several years later became the official printer of the New York colony. The "Zenger Case" is considered an important milestone in the history of the fight for freedom of the press in the U.S.

From the dawn of the newspaper industry in the U.S., publishers were using every possible means of attracting the attention of readers. Even Benjamin Franklin, who in 1729 became the owner of *The Pennsylvania Gazette*, did not deny that he often gave preference to topics that excited basic emotions, and when there was not enough news to fill an edition he sometimes made things up (which, in his words, gave him a lot of satisfaction).

By the beginning of the War of Independence (1775–1783) there were around 50 newspapers being published in North America, but some colonies did not yet have their own media. Residents of Delaware, South Carolina, Georgia and New Jersey were only able to read the text of the Declaration of Independence in 1776 when newspapers from the more "advanced" colonies were brought to them. In the edition of *The New York Weekly Journal* that contained the Declaration

there was also a call to readers asking them to post the newspaper on the outer wall of their house to get the information out to the widest possible audience.

Half a century after Independence, there were newspapers everywhere in the U.S. There was literally not a single village without its own newspaper. Government departments, far from being able to control what journalists were writing, were to a degree dependent on the “Fourth Estate”, which in a very real sense formed public opinion.

Advertising made newspapers financially independent, and at times occupied up to 50% of the space. By the mid-19th century the largest dailies had a circulation of 50,000, and after the Civil War that number increased to over 100,000.

The Media and Political Power in U.S. History

Relations between politicians and newspapermen were often difficult. The first U.S. President, George Washington, during his second term became one of the favorite targets of the newly formed opposition press. Among the reasons for his refusal to run for a third term Washington cited in his personal correspondence the attacks in the press from “a set of infamous scribblers”, although in his public declarations he always defended the principle of freedom of the press. After retiring to his estate at Mount Vernon, Washington immediately stopped subscribing to all newspapers.

Political parties tried from their very first days of existence to establish their own newspapers. The first American party, the Federalists cooperated closely with the New York publisher John Fenno, who put out the *Gazette of the United States*. It is interesting to note that the Federalists’ opponents, the Jeffersonian Republicans, promoted their agenda through the *National Gazette*, published by a man with a similar surname – Philip Freneau. Pieces in the papers of Fenno and Freneau were distinguished by sharp attacks on opponents and were the first “newspaper war” in American history. It was primarily “that rascal Freneau” that Washington had in mind when he expressed his dislike for the press.

Freedom of the press fairly quickly came under serious threat: in 1798, during a crisis in relations between the U.S. and France, the U.S. Congress adopted the Alien and Sedition Acts, which allowed fines of up to \$2,000 (an enormous sum for the times) or even prison for publication of materials critical of the U.S. government. That law put 24 editors of opposition papers behind bars.

The third U.S. President, Thomas Jefferson (1801–1809), at the beginning of his first term repealed the Alien and Sedition Acts and announced that he would rather have newspapers without a government than a government without newspapers. Nevertheless, when newspapers began to publicize some negative details about his private life, Jefferson, like his predecessors, adjusted his ideas about a free press. In particular, he initiated court cases against the most active newspapermen. Like Washington, after he left the presidency Jefferson, in his own words, had given up newspapers, in exchange for Tacitus and Thucydides.

In the struggle for readers' attention, American journalists gradually mastered new genres. There is a curious story associated with one of the first presidential interviews published in American newspapers. President John Quincy Adams (1825–1829) was in the habit of swimming naked in the mornings on a deserted beach of the Potomac River, close to the White House. During one of these dips he was ambushed by journalist Anne Royall, who had previously tried long and unsuccessfully to ascertain the President's position on a series of burning political problems. On that occasion Adams had to answer all her questions – without that Anne refused to give the President his clothing, which he had carelessly left on the riverbank unattended.

The first President to begin actively distributing political posts to journalists in return for a positive review of his policies was Andrew Jackson (1829–1837). This led to a significant increase in the political influence of the leading newspapers and their publishers. The journalists Amos Kendall and Francis Preston Blair, publishers of the *Washington Globe*, were de facto ministers in the Jackson Administration, members of the President's so-called "Kitchen Cabinet" (meaning an informal advisory council). It was rumored that it was Kendall who was the real ruler of the United States, and the successive presidents merely carried out his will.

However, as in George Washington's day, there were talented journalists and publishers in the oppositionist camp, able to give Kendall and Blair a run for their money. The major Whig (later Republican) newspaper in the mid-19th century was the *New York Daily Tribune*, established in 1841 by Horace Greeley. By 1852 it had a record circulation of 200,000. In 1872 Greeley became the first professional journalist to take part in presidential elections, as a candidate from the liberal wing of the Republican Party.

At the same time (1835) the *New York Herald* was established, which is considered one of the first publications in the history of the U.S. with no clear party affiliation. Its owner and editor, James Gordon Bennett Sr., emphasized his independence, and made the *New York*

Herald self-sustaining by selling ads. He soon became one of the most influential journalists in the country. U.S. Presidents from van Buren to Lincoln tried to get on his good side. Not everyone managed it. In particular, the *New York Herald* took an extremely critical position towards President Franklin Pierce (1853–1857), and Bennett began to give Abraham Lincoln (1861–1865) high marks only after his tragic assassination.

New Media Technology in the 19th Century

The growth in newspaper circulation in the mid-19th century was linked, not only to the population growth and the rise in interest in politics on the eve of the Civil War, but also to technological innovations. Beginning in the 1830s, the railroad networks in the U.S. grew rapidly, which allowed publishers to gradually dispense with the services of the unreliable and slow pony express. In 1844 the first telegraph line was tested successfully; this invention produced a real revolution in the newspaper business. Finally, the press began to publish real news, not rehashed events from a week or even a month ago.

The appearance of the telegraph forced American journalists to look for new ways to get information: in 1848 the publishers of six New York newspapers agreed with their colleagues in Boston to telegraph them the latest news from Europe at the rate of \$100 for 3,000 words. This union, which exists even today, was called the Associated Press.

At the same time, the spread of the telegraph gave rise to a wave of false information – what today is called “fake news”. President James Buchanan (1857–1861) complained that “the public mind throughout the interior is kept in a constant state of excitement by what are called ‘telegrams,’ ...many of them are sheer falsehoods”. If we recall that at the end of Buchanan’s presidency the country was on the verge of the Civil War, his fears seem well-founded. Fake news, or simply unfounded rumors (for example, that President Lincoln intended to abolish slavery immediately after his inauguration), were undoubtedly a factor in the conflict.

Since telegrams, especially at the beginning, were fairly expensive, correspondents tried to convey information as briefly and as accurately as possible. This had a major influence on the style of news items in the papers. Over time that style became the accepted standard, with echoes clearly observable today in the reports by news

agencies, even though the transmission of texts of any size has not been a problem for a very long time.

In addition to the telegraph, a new version of the rotary printing press, invented by Richard March Hoe in 1847, had an enormous influence on the media. Newspaper circulations increased from tens of thousands to hundreds of thousands of copies. After the invention of the linotype machine in 1884, circulations of a million became possible for daily newspapers (the linotype made it possible to assemble whole lines of the text at once – before this the text of an article had to be assembled letter by letter by the typesetters.)

It was the mid-19th century as well when the first illustrations appeared in newspapers; in particular, James Bennett in his *New York Herald* used xylograph technology (printing with woodblock carved matrices). In 1880 the first halftone photograph was published in the *New York Daily Graphic*. However, up until the 20th century the staff of artists (including caricaturists, who had become very popular) was significantly larger than the staff of photographers.

Among other newspapers founded in the mid-19th century, we should highlight the *New York Times*, whose first edition came out in 1851. Since then the newspaper has never ceased publication, and is considered one of the most authoritative in the U.S., or in the world, for that matter. Today, for a nominal fee, with just a few clicks anyone can gain access to all of the articles ever printed in the *New York Times*, beginning in 1851 right up until today.

In 1860 the Government Printing Office was created in the U.S. – a government publishing house. It was given the task of publishing and disseminating all official documents. For newspapers and journalists who were close to presidential administrations, this was a serious blow. Their significance as a source of official information was sharply curtailed.

Newspaper Magnates and the “Yellow Press” Phenomenon

After the Civil War (1861–1865) the U.S. entered the era of large corporations – they dominated many economic spheres, actively meddled in the political process and, of course tried to establish control over the press. In the publishing business as well, large associations gradually came to the fore, gathering under their wing many newspapers and magazines. The end of the 19th century was memorable for the competition between two newspaper magnates: William Hearst and Joseph Pulitzer. It is usually con-

sidered to be the case that the desire to gain the largest possible circulation of the newspapers belonging to them was responsible for the phenomenon known as “the yellow press” – cheap mass-circulation newspapers that became popular among readers for their sensationalist reporting and their unhealthy focus on the intimate details of celebrities’ lives. In 1898 Hearst’s and Pulitzer’s newspapers actively promoted anti-Spanish sentiments, which was an important factor in the start of the Spanish-American War and the U.S. transition to an active foreign policy in place of its traditional isolationism.

Besides this, the contribution of newspaper magnates, especially Joseph Pulitzer, to the development of American media was not limited to the creation of the Yellow Press. Along with the desire for financial success, Pulitzer was moved by a clear idealism. In the first edition of *The New York World*, which he acquired in 1883, the publisher’s manifesto was printed, which promised readers that the paper would always “fight for progress and reform, never tolerate injustice or corruption, always fight demagogues of all parties, always oppose privileged classes”. *The New York World* quickly became the largest American newspaper (by 1887 it had a circulation of 374,000) and the techniques used by the publisher (colored illustrations, caricatures, involving readers in campaigns to collect resources, criticism of corporations, on-the-spot reporting, etc.) became the basis for the so-called “new journalism”.

Pulitzer’s name is quite well-known today thanks to the famous prizes that were instituted in 1917 for achievements in literature and journalism. Pulitzer died in 1911 and left his \$2-million estate to Columbia University, which to this day administers the Pulitzer Foundation.

Newspapers that exceeded the one-million daily circulation mark during the Spanish-American War needed a modern distribution system. However, as in previous times, publishers relied mainly on paper boys. In 1899, when the public’s interest in the press decreased after the war ended, Hearst and Pulitzer decided to raise the wholesale price of their newspapers. But instead of an increase in profit, the newspaper magnates were confronted with a strike by the delivery boys, which went down in history as the “Newsboys Strike.” For two weeks Hearst and Pulitzer went without any income, and Americans went without news. Then the previous price was re-established, the boys returned to the streets, and years later a film was made of this event (1992) and a Broadway musical was staged (*Newsies*, 2012).

American Journalism in the Progressive Age

A new direction in American journalism, which quickly became popular on the cusp of the 20th century, was investigative reporting, with the goal of exposing corruption and abuses by monopolies, attracting attention to the horrific living conditions in urban slums, to the unsanitary conditions in plants making food products, etc. Investigative reporters were dubbed “muckrakers” by President Theodore Roosevelt. Their articles attracted an enormous amount of attention. Magazines such as *McClure's*, *Munsey's* and *Cosmopolitan* (which continues to exist today, albeit in a completely different format) were considered the leading “muckraking” publications. The circulation of the monthly *McClure's* reached 500,000 in 1907. Daily newspapers, where muckrakers also often published their materials, exploded in number: there were at that time around 2,500 dailies in the country, a five-fold increase since 1870.

One of the most famous muckraker-journalists was Ida Tarbell. In 1902 *McClure's* began publishing her series of exposés about corruption in the bowels of the most powerful American monopoly – Standard Oil Co., which belonged to John D. Rockefeller. Many readers tried to get the next edition of the magazine just to find out what happened next in this real-life mystery story. Tarbell became not only the most popular, but the most highly paid American journalist (she was paid \$4,000 per article, an enormous sum for the time). Despite all his power, Rockefeller could not find a way to silence Ida Tarbell. A few years later Standard Oil was broken up by the courts.

Another milestone in the muckraker movement was the 1906 publication of Upton Sinclair's novel *The Jungle*. In spite of its literary format, the novel was perceived by the public as a well-documented exposé of the abuses in meat-packing plants in Chicago, from violating the rights of workers to a complete disregard for sanitation in food production. After *The Jungle* came out, consumption of sausage and other meat products decreased sharply, and the government had to react immediately to the situation (in particular, for the first time in American history a federal law was passed that controlled the purity of food and medicine – the Pure Food and Drug Act of 1906).

The Beginning of the Radio and Television Age

America had not had time to cope with the effects of one information revolution, linked to the explosive growth in the number of newspapers and magazines, when a new technology came onto the scene – radio. On November 2, 1920 the first commercial radio station began broadcasting. This was a project of the Westinghouse Corporation, which manufactured radios and was looking to make them into a product of mass consumption. Another industrial giant, General Electric, created the National Broadcasting Company (NBC) in 1926; it still exists today. The next year another future media giant appeared: the Columbia Broadcasting System (CBS), which specialized in news programs.

The enormous potential of radio programs to affect public opinion became evident in the 1930s. During the Great Depression, President Franklin Roosevelt was able to instill confidence in ordinary Americans with his famous “fireside chats”. Sensational events were experienced in real time, thanks to radio transmissions (for example, the famous Hindenburg disaster in 1937). When CBS began broadcasting a radio performance of H.G. Wells’ *War of the Worlds* in 1938, many naïve listeners thought that there was a real alien invasion and began fleeing their homes in panic.

By that time television was already on the way. The first regular transmissions were organized by NBC in New York in 1940. In December 1941 the few New York television viewers were forced to interrupt their viewing of a film because of the first-ever live television news transmission: they were announcing the Japanese attack on the American military base at Pearl Harbor.

World War II and the American Media

World War II was a very important stage in the development of American journalism. Many correspondents, analysts, illustrators and photographers who would later become famous had a chance to show their talents for the first time. New unwritten quality standards were formed for gathering and verifying published information. One of the most famous U.S. war correspondents from that time was Ernie Pyle. He sent his reports directly from the scene of events, and visited all the main theaters of military operation where American forces were fighting. In 1944 he was awarded the Pulitzer

Prize, but in 1945 his life was taken by a bullet from a Japanese sniper near Okinawa.

For many Americans World War II is remembered through the comics drawn by Bill Mauldin. Bill began making his drawings when he was fighting as part of American units in Sicily, but he gradually shifted to journalism full-time. The main heroes of his comics were the soldiers Willie and Joe, who were always getting into difficult situations. Mauldin was able to convey the true horror of the war to ordinary Americans, at the same time showing its reality and the “banality of evil”. In 1945 Mauldin was awarded the Pulitzer Prize.

The dropping of the atom bomb on Hiroshima on August 6, 1945, which at first seemed to many Americans just another one of the many tragic episodes of the war, took on the character of one of the biggest catastrophes in the history of mankind after the famous report by John Hersey, published in *The New Yorker* magazine on August 3, 1946. The report took up the entire magazine, and through it Americans learned for the first time the true scale of the tragedy and the suffering of the civilian population in the wake of the nuclear attack.

Television as a Factor in American Politics

After World War II, television in the U.S. gradually became not just the main source of news and a means of entertainment, but an extremely important instrument in the political struggle. The first detailed television reports from party conventions were organized by CBS journalists Edward R. Murrow, Quincy Howe and Douglas Edwards in 1948. The notorious McCarthyism of the early 1950s (a campaign to root out foreign Communist influence, begun by Senator Joseph McCarthy that quickly became a form of hysteria) was criticized and stopped largely thanks to the position of popular television hosts, such as Edward R. Murrow. In March 1954 Murrow, despite opposition from the CBS management, devoted his entire show “See it Now” to an exposé of McCarthy, which led to a radical shift in Americans’ attitude to their recent idol.

The first televised debates of presidential candidates were conducted in 1960. Popular opinion has it that the victory of the charismatic and hugely telegenic John Kennedy over the dour Richard Nixon, who did not look good on television, was ensured thanks to the impression produced on the voters by the televised debates. Kennedy, once he became President, actively used the possibilities of this new medium, in particular, on January 25, 1961 he held the first pre-

sidential press conference, broadcast live on television and radio. By a quirk of fate, the first global television sensation was his assassination in 1963 – half of all Americans followed the events of that tragic day through television broadcasts.

In deciding to escalate America's participation in the Vietnam War in 1964–1965, President Lyndon Johnson clearly did not take into account the new information reality. This war was the first “television” war, it entered the homes of ordinary Americans through the TV screen, and long before its ignominious end had become a genuine catastrophe for the reputation of U.S. foreign policy. The first sobering report from the conflict zone was a CBS News piece on August 5, 1965, when journalist Morley Safer recorded a Marine Corps raid on the Vietnamese village of Can Ne. The village was burned to the ground, and its residents left to their own devices. President Johnson publicly announced his dissatisfaction – not with the actions of the soldiers, but with the fact that the CBS journalists portrayed the American army in a negative light. This story split American society in half and once again demonstrated the enormous influence of television on people's hearts and minds.

In 1968 the hugely popular CBS television anchor Walter Cronkite went to Vietnam. His judgment of the senselessness and hopelessness of the war, seen on millions of television screens, left American politicians almost no alternative but to immediately seek ways of exiting the prolonged conflict.

Investigative Journalism in the 1970s

The 1970s is important in the history of American journalism thanks to a series of controversial publications and investigations that had enormous influence on American society, and that had important political consequences. Perhaps it was this decade that most clearly confirmed the thesis that the media can be a real “Fourth Estate” in a democratic society. The first such story was the 1971 publication of the “Pentagon Papers”. These previously secret documents, which contained a number of unpleasant facts about the process of the U.S. becoming involved in the Vietnam War ended up in the hands of journalists from the *New York Times* and the *Washington Post* thanks to the efforts of a member of the staff of the Massachusetts Institute of technology, Daniel Ellsberg. Government attempts to stop their publication were unsuccessful. The U.S. Supreme Court issued a ruling in favor of the journalists, which became an important milestone in defense of freedom of the press. Congress' introduction of the War

Powers Resolution of 1973, limiting the president's military authority, can be considered political result of the Pentagon Papers.

The Watergate scandal began in 1972 – the case of the break-in at the Democratic Party headquarters on the eve of the election. President Richard Nixon's involvement in this story led to his resignation in 1974. Journalists Bob Woodward and Carl Bernstein became famous thanks to their active involvement in the investigation, and for many years they were major opinion-makers in the U.S. By 1976 a film was already being made about the Watergate scandal: *All the President's Men*, with Dustin Hoffman as Bernstein and Robert Redford as Woodward. Both journalists took part in writing the screenplay.

American Media on the Cusp of the 21st Century: The Start of the Internet Age

In the consciousness of Americans, the major political events of the final decades of the 20th century were tied more than ever to the popular journalists who took part in covering them, and to the new media formats that arose during that time. For example, in 1977 the beginning of the long-awaited peace talks between Israel and Egypt were de facto announced on live television by the popular CBS News anchor Walter Cronkite, who was able to get an exclusive interview with Egyptian President Anwar Sadat. The crisis of the American hostages in Iran in 1979–1980 was resolved not only in the secrecy of government offices, but on live television on “Nightline”, Ted Koppel's regular program, specially devoted to this theme and broadcast by ABC News.

The 24-hour news channel CNN, established in 1980, became world famous after the Persian Gulf War in 1991. Huge audiences, not only in the U.S., but all over the world, including political leaders on all levels, watched the unfolding events through the lenses of American TV journalists.

Along with the development of television, the American newspaper industry continued to grow rapidly throughout the 20th century. The peak of daily newspaper circulation was in 1984 – at that time 63,3 million copies of newspapers were being circulated every day. In 1982 the first all-American newspaper was founded – *USA Today* (previously all newspapers were formally tied to cities or states). Beginning in the 1990s, both newspapers and television were faced with a powerful new competitor – the Internet. At present there are predictions of the total absorption of both television and newspapers

by various new media. However, while the paper press has lost significant ground, around 30 million copies of newspapers are still published in the U.S. every day.

The Internet became a part of Americans' daily life in the early 1990s, several years before it happened in other countries. In the 21st century the first social networks appeared: LinkedIn (2003), Facebook (2004), Twitter (2006) were invented and implemented using the wiki principle: the creation of Internet pages that could be edited by all users. As soon as smartphones were introduced (2007), the Internet audience began to grow rapidly. At the beginning of the 20th century only 6% of the world's population had access to the Internet; in 2018 this indicator had risen to 53%

The U.S.' lead in creating and developing Internet technologies has allowed American companies to seize a leading position in the global market. Corporations like Apple, Google, Facebook and Microsoft have become the most prominent actors.

In the political sense, the United States has tried to present Internet technology as a form of freedom in its modern, hi-tech expression. However, this interpretation runs into serious obstacles, and not just from authoritarian states, but from liberal democracies allied with the U.S.

A serious blow to the idea of the Internet as a free space not linked to any government were the revelations of Edward Snowden, a former employee of the U.S. National Security Agency, who in 2013 exposed the system of total surveillance of Internet users organized by the U.S government. This was an excuse to speed up the process that has been called the "balkanization" of the Internet – the creation of national networks that are to some degree separate from the global network infrastructure.

Once again, the development of new technology not only opens up new possibilities for U.S. civil society, it brings to the fore the question of political censorship. In the autumn of 2017, the U.S. Congress conducted hearings to which they invited the owners of the largest social media. They were discussing measures necessary to prevent the use of the information potential of Internet communications to advance the interests of America's international rivals. The conclusion that the participants in the discussion reached was that absolute freedom of expression is not possible given the current state of affairs. Even in a free society like the U.S., it is, unfortunately, not possible to dispense with certain rules and restrictions. In the U.S. today there is a major discussion in society about the nature and scale of such restrictions.

In addition, the problem of the interaction of the media and political structures remains. In this sphere little has changed since the

time of George Washington: American politicians still complain that the press is biased, and journalists use every means at their disposal to criticize the actions of the government. Relations between the Executive Branch and the press have become especially difficult during the presidency of Donald Trump, who accuses journalists of a liberal slant, and claims they are producing fake news to discredit the current administration. It is not yet clear how this standoff will end, but it is safe to say that the media in the present-day U.S. is playing the role of an important political balancer, the “Fourth Estate”, an integral part of the constitutional system of checks and balances.

Further Reading

- Hallin D.* The Uncensored War: The Media and Vietnam. New York, 1989.
- Ivanyan E.A.* From George Washington to George Bush: The White House and the Press. M., 1991. (In Russ.)
- Kluger R.* Indelible Ink: The Trials of John Peter Zenger and the Birth of America’s Free Press New York, 2016.
- Koshkin P.G.* American Journalism and Post-Truth. M., 2019.
- Lidsky L.* Freedom of the Press: A Reference Guide to the United States Constitution. New York, 2004.
- Mikhailov S.* Journalism in the United States of America St. Petersburg, 2015.
- Nasaw D.* The Chief: The Life of William Randolph Hearst (Mariner, 2001).
- Spencer D.* The Yellow Journalism: The Press and America’s Emergence as a World Power New York, 2007.

Electronic Resources

- Brief History of the American Press. New York, 1992 [Electronic resource].
URL: <https://youtu.be/khuGAl8ntDQ> (accessed 20.02.2021).
- Murrow E.* A Report on Senator Joseph R. McCarthy [Electronic resource].
URL: <https://youtu.be/-YOIueFbG4g> (accessed 20.02.2021).

Lecture 10. Religion and Americans

The U.S. – One of the Most Religious Nations

The Founding Fathers conceived the United States of America as a secular state. The First Amendment to the U.S. Constitution stated that Congress shall make no law respecting an establishment of religion, or prohibiting the free exercise thereof. However, in practice this has led to some pretty unexpected results: today the U.S. is the most religious nation among the developed countries. Nine out of ten Americans answer in the affirmative to the question “Is religion important in your life?”

One should not be too quick to draw conclusions from this sociological data, however. It is true that various external signs of religious affiliation can be seen at every turn in the U.S. The large number of churches is quite striking, and along the roads there are various advertisements exhorting people to come to church services, while newspapers are full of announcements with long quotations from the Bible. It is easy to find channels dedicated to religious themes on television and the Internet, and many “media” preachers have millions of followers.

However, American religiosity differs significantly from that of other countries. This is mainly tied to the fact that religion in the U.S. is not a state institution, but a social one. Church life is not managed from a single center, is not supported by budget appropriations, and the numerous churches exist in a *de facto* competitive market. In order to attract as many parishioners as possible to one’s ranks (and to be successful not only from a spiritual, but from an economic point of view), churches use many methods from the arsenal of commercial organizations: advertising campaigns, mass entertainment events, lotteries, sports events, providing various services, etc.

As a result, church activity is quite noticeable, and even Americans who are not religious acknowledge the influence of religion in their everyday lives. It is considered completely normal and natural to

identify with a religious tradition. However, when it comes to more specific exhibitions of religiosity, Americans are not that different from everyone else. About 50% pray regularly. About 23% discuss religious issues with friends and colleagues. Only 18% periodically read the Bible. But close to a third (32%) at least once a month take part in various volunteer projects organized by churches. The percentage of those who attend church services at least once a week is also pretty high (29%).

In all there are 250–350 different churches in the U.S. according to various estimates. The total number of churchgoers at the beginning of the 21st century was 168 million. In 2008, at the height of an extremely severe economic crisis, Americans donated more than \$100 billion to religious organizations. Most of this money went for charity. In particular, the annual budget of the Catholic Church in the U.S. that goes for social programs is \$3.4 billion. Only the federal government spends more.

What Religions Do Americans Practice?

The huge number of religious organizations in the U.S. makes classifying them a fairly difficult task. First of all, it is important to note that there is no church in the U.S. today (or, to put it another way, no “religious denomination”) that encompasses more than 40% of the entire church-going population. Therefore, every single American can consider himself a member of a religious minority.

The correlation among the main religious traditions in the U.S. in 2008 was as follows: 30% – Evangelical-Protestants; 20% – Catholics; 18% – mainstream Protestants; 10% – black Protestants; 1% – Jews; 0,8% – Muslims; 21% – undetermined, agnostics and atheists (out of these a quarter consider religion an important element in their lives). If you put all the Protestants together, it comes to 58% – not so very many for a “Protestant” nation.

It is important to understand that affiliation with one or another Protestant denomination (Baptists, Methodists, Congregationalists, Presbyterians, etc.) does not mean that a person belongs to that same church. There are more than 40 different Baptist churches in the U.S., and the other denominations are similarly fragmented. In addition, beginning in the 1960s, “independent” or “non-denominational” churches have played a more active role. In recent days the so-called “new religiosity” has made it fashionable to profess “religious individualism”, to have a direct relationship to God, without any intermediaries in the form of traditional churches.

Two Main Movements in Modern American Protestantism

Another very important distinction in understanding the situation with religion in the U.S. is the difference between Evangelical Protestants and “mainstream” Protestants. The religious world view of these two directions in Protestantism is often projected onto politics. For the past few decades, Evangelists have espoused conservative approaches in politics, and they vote for the Republican Party. Mainstream Protestants are much more liberal, and they more often support Democrats.

On religious questions Evangelists differ from mainstream Protestants in their views on three basic issues: 1) how to interpret the Bible; 2) what conduct must be considered righteous and pleasing to God; 3) what is the road to salvation.

For Evangelists the Bible is the indisputable authority; every comma of the text is sacred, dictated by God and carrying deep meaning. Besides this, everything in the Bible should be understood literally – including the Old Testament story about the creation of the world and of man. Mainstream Protestants view the Bible as an ancient text with a complex history, with many additions and possible distortions. In their opinion, there is undoubtedly sacred truth hidden within the Bible, but it can only be understood with deep and critical analysis.

Evangelists think that the main component of Christian life is belief in Jesus Christ. The very fact of this belief leads a person to salvation, deliverance from sin and towards the Kingdom of Heaven. Therefore, a good Christian should first and foremost spread the gospel (or Evangelical) truth (this is where the term “Evangelist” comes from). For mainstream Protestants it is not faith itself that is important, it is mercy, helping neighbors, rejecting selfishness, and good behavior.

Such differences in understanding the meaning of a Christian life leads to differing attitudes towards salvation. For Evangelists, everything that happens in earthly life pales in comparison to the Kingdom of Heaven. This is why they are mainly concerned with not violating God’s rules, not falling into sin. This is why Evangelicals are so conservative on questions of the family, relations between the sexes, abortion, capital punishment, etc.

Mainstream Protestants are more inclined to view Christ not just as God, but as a moral teacher, a reformer, who wanted to make the lives of people here on Earth better, not wait for the Kingdom of Heaven. It is not surprising that representatives of this religious movement often advocate for social reformation and various types of progressive reforms, hold liberal views and vote for the Democratic Party.

Most Evangelists can be found among Baptists, Southern Methodists and Presbyterians. Mainstream Protestants are Congregationalists, Northern Methodists and Presbyterians, and also Lutherans and Episcopalians. This division, however, cannot be considered absolute; we are talking about tendencies towards various positions among the various denominations.

Native American Religions

Until Europeans began actively settling in North America, the local religions, despite their variety, had several traits in common. Almost all the tribes had a developed cosmology in the form of creation myths (myths of how the tribe came into being), orally passed down from generation to generation.

In most Native American religious traditions, along with worshipping a host of small deities, there is the image of the “Chief God”, the “Creator”, the “Supreme Spirit”. There is one almost constant participant in all religious systems – the “Evil God”, creator of disaster and misfortune. Quite often, along with their gods, Native Americans honored mythical ancestor-heroes, examples to be followed in everyday life.

Immortal souls and life after death can also be considered a commonplace of all traditional belief systems in North America. In general, life after death was seen as something good, full of all the pleasures so rarely experienced on Earth.

A key difference between the local religions and Christianity was the unity of material and spiritual principles. The material and spiritual worlds were tied together. According to a myth common to many tribes, the Creator first put many people on earth, and later some of them turned into animals. Only dogs were created as dogs (it is known the dogs were the only domesticated animals in North America before the Europeans).

Some Native American religious rituals have acquired a new life in the modern era. The famous Sweet Lodge ritual, for example, belongs in this category. The Sweet Lodge ritual involves constructing a tent of animal skins, bringing stones heated on the campfire inside and pouring water on them to make steam. Up to a dozen persons can take this steam bath at once. For Native Americans this process did not have a hygienic meaning; it was mystical, accompanied by prayers, songs, conforming to strict regulations. Today a Sweet Lodge is often organized by American schoolchildren during collective nature trips, which provokes extreme negative reactions in mem-

bers of some tribes, who consider it a profanation of ancient, sacred traditions.

Another widespread Indian ritual is Vision Quest. Its original meaning was as an initiation for members of the tribe who were entering adulthood. A young man who was undergoing Vision Quest separated himself from the tribe for several days and, alone in Nature, awaited “enlightenment”, which was supposed to point out the path for the rest of his life. In modern America, Vision Quest has been transformed into a widespread means of getting away from daily cares, practiced by people of all ages.

The tribes of the Southwest have rituals dating from antiquity, based on the use of the hallucinogenic peyote. In 1918 the Native American Church (NAC) was founded, whose followers intended to combine Christianity with the Peyote Religion. Traditional Christian denominations tried to block the NAC, but they did not have much success. Today the NAC has about 250,000 adherents, and the use of peyote is allowed “for ritual purposes”.

The religious ideas of Native Americans are thought to have a deeper influence on modern social life in the United States than a few isolated rituals. In particular, specialists in traditional religions see a link between the ideas about man and nature that existed in North America and the attention that modern Americans give to ecological issues and environmental protection.

The Puritan Tradition

The world view of the Puritans, religious dissidents who immigrated to North America in the 17th century, is often called the ideological foundation of modern U.S. political culture. Several basic Puritan ideas about the essence of the relationship between God and man gradually acquired not only religious, but political, social and economic dimensions. They began to be understood in the broader sense, as universal rules for organizing society.

This means, first and foremost, the idea of a covenant between God and man, the idea of Original Sin and the corrupt nature of man, and the concept of the “Chosen People”. These three ideas are considered to have largely determined the domestic and foreign policy of the American state (and continue to do so in the 21st century).

According to the idea of a “covenant,” relations between God and man were always based on a kind of “bargain”, in which both God and man had certain responsibilities towards each other. For example, there was just such a bargain between God and the first man –

Adam – who was given the chance to live in Paradise in return for his abstention from eating the fruit of the Tree of the Knowledge of Good and Evil. Violating this bargain entailed extremely unpleasant consequences for Adam and his descendants. However, God continued to strike various bargains with people, and even violated some of the conditions Himself in certain cases, giving prophets and whole nations mentioned in the Bible the chance to renege on their responsibilities to God.

Such an interpretation of Biblical events inevitably led to the perception of any social relationship as primarily contractual. The idea of a “social contract” between rulers and ruled lay at the basis of American political democracy. Monarchs’ violations of the fundamental “natural rights” of their subjects gave those subjects the right to refuse to bow to the will of a despot, and to overthrow a government that had lost its legitimacy. This was the basis for the American Revolution of the 18th century, which led to the formation of the United States.

The idea of Original Sin and the corrupt nature of man was necessary for the Puritans to demonstrate God’s endless mercy, in that, despite people’s depravity, He nevertheless chooses some of them for Salvation, for the Kingdom of Heaven. The Puritans maintained that every person was worthy of damnation. This fairly depressing thought, strangely enough, was extremely fruitful. When the Founding Fathers of the American state were thinking about the structure of its political institutions, they started from the fact of inevitable conflict between those who aspired to high political positions. They thought that this conflict was part of man’s corrupt nature, which pushed people to fight for power and influence over others. In order to prevent the most cunning and treacherous participant in this struggle from winning and establishing despotic control over the government, the Founding Fathers proposed a system of checks and balances, in which no matter who wins the competition there will still be three centers, three branches of political power (executive legislative, and judicial) that would balance each other. As the future development of the American state demonstrated, such a concept of the nature of political struggle was perfectly fitting, and the system of checks and balances was extremely effective in preventing any attempts to usurp power.

The Puritans’ concept of their religious community as a Chosen People, to whom God himself had entrusted a special role in the Salvation of mankind and the attainment of the Kingdom of Heaven, was also easily transformed into a political ideology. The concept of “chosen” gradually broadened, and began to include not only the Puritans, but the entire American people. The United States was constan-

tly being equated with the “city on a hill” – an example to be followed, which should serve as a standard for all mankind in various spheres of life. Even in the 21st century, foreign policy discussions in the U.S. often boil down to a choice between strategies for spreading American democracy: whether this should be done through an active foreign policy with military intervention, or whether it was enough to perfect the social institutions within the U.S., setting an example to other nations and relying on the natural spread of American ideas and lifestyle.

How Religions Changed America

Many key episodes in American history are tied to religion. The second permanent English colony in North America, New Plymouth, was established in 1620 by members of the religious community of “separatists” who crossed the ocean on the Mayflower. Over the next several decades the active settlement of the Northeast part of the English crown colonies (New England) was due to the mass immigration of Puritans, who were fleeing religious persecution in their homeland. The Puritans tried to establish strict order in their Massachusetts Bay Colony, based on Calvinist religious dogma (it was then that the word “Puritan acquired its negative meaning); however, not all members of the community agreed with this. The first dissident to challenge the Puritan orthodoxy was Roger Williams, outraged by the fact that the secular community was subjected to the religious power of “God’s chosen” Calvinist preachers. A born rebel, he announced that he intended to create an independent Baptist church in the Massachusetts Bay Colony (the Baptists, unlike other Protestants, advocated adult baptism, thinking that adopting the Christian faith should be a conscious decision by every person. Besides this, Williams accused the Colony leadership of illegal seizure of Indian lands. In his opinion, this was a direct violation of the Biblical commandments.

As a result of the conflict, Williams was exiled from the community; however, in America at the time this was not a punishment so much as a chance to fulfil a dream. Williams founded his own colony, Providence (later called Rhode Island), in advance signing a treaty with the Indians on acquiring their lands. In 1636 the principle of religious freedom (for Christians) was enshrined in law in Rhode Island, as well as separation of Church and State (which was a historic precedent for North America). In 1638 Williams created the first Baptist congregation in America.

The rise of yet another English colony, Maryland, is also tightly linked to religion. Its founder, Cecil Calvert, 2nd Baron Baltimore, was

Catholic – a representative of a church that had also been subjected to repression in officially Protestant England in the early 17th century. Throughout the first decades of its existence, Maryland was considered to be a place where Catholics could feel safe. However, because of the active immigration of Protestants, Catholics ended up in the minority here as well, which was the reason for the adoption of a law on religious tolerance in 1649. After that all the residents of the colony who believed in the Holy Trinity could be sure that they would not be oppressed by the government.

The Pennsylvania Colony, founded by William Penn (son of an admiral who was given land in America by the Crown to settle a debt) in 1681, became a refuge for members of the Quaker community (the Society of Friends) – one of the most unusual religious groups in colonial America. The Quakers (to which Penn himself belonged) believed that God lives within each person and this “internal light” makes all people equal and serves as the basis for “brotherly love”. A complete rejection of any hierarchy; pacifism; the refusal to take an oath on the Bible, and conducting church services in the form of collective meditation were often taken as a challenge by members of traditional denominations, and the Quakers faced serious repression even in the colonies that espoused tolerance, not to mention the others. The most difficult time for the Quakers was usually a period of military conflict, in which they refused to participate. In particular, the American Revolution was a serious blow to Quaker communities: the Quakers did not support either side in the conflict, and as a result were pariahs in the new independent state, the United States. Nevertheless, the Society of Friends was able to survive, and in the 20th century became a completely respectable religious group. Two U.S. Presidents were Quakers – Herbert Hoover (1928–1933) and Richard Nixon (1969–1974).

Several times in the history of the U.S. there was a “Great Awakening” in the country, when Americans who were already quite actively interested in religion suddenly began seeing it as the main reason for their existence. The first religious awakening is usually dated 1730–1750. By that time the border of the colonial settlements had moved far to the West, traditional denominations had not yet had time to develop parishes, and residents of the frontier were on their own, faced with the challenges of frontier life, without the religious rituals they had known since childhood and the psychological protection that a church community provided. In the old Atlantic colonies, the Calvinist theocratic ideology also began to decline, and church leaders were no longer viewed as indisputable authorities, either on political or religious issues.

It is no surprise that when several talented preachers (George Whitefield, John Wesley, and Jonathan Edwards) arrived from England for a tour of the American colonies, they caused a real furor, and thousands of people began coming to their speeches from even the remotest corners of the country. The most famous among them was the “great wanderer”, George Whitefield. He had such a powerful voice that without any microphone, in the open air, he could preach to a crowd of 20,000. Whitefield sang, he shouted, he danced, which sent the audience into indescribable delight. He insisted that in Heaven everyone was equal – Anglicans, Presbyterians, Baptists. In order to attain Salvation and avoid the tortures of Hell (which he described in the most vivid detail), all that was necessary was a belief in Christ. Every person could understand whether he was chosen by God for the Kingdom of Heaven: the evidence was the great joy and emotional uplift that he experienced when he thought of Christ. It is no surprise that many listeners experienced their chosen status right in the middle of Whitefield’s sermons, and returned home different people. After attending one of these sermons, Benjamin Franklin, who was known for his skeptical attitude towards religion, acknowledged in his autobiography that he was unable to stop himself on that day from donating all the money he had with him to charity.

Great religious awakenings usually lasted for several decades and led to important socio-political and cultural changes. The first Great Awakening led to the uniting of the colonies and the formation of an American national consciousness, which in the 1770s was a deciding factor in the struggle for independence. In addition, it led to the spread of literacy, the opening of colleges that later became famous American universities (in particular, the College of New Jersey, the future Princeton University, was established in 1746 to educate “New Light” Presbyterian preachers.

The second religious awakening in the U.S. came in the first decades of the 19th century. It was a kind of emotional reaction to the decades of religious skepticism and rationalism during the American and French revolutions. Wandering preachers once again became popular, mainly Baptists and Methodists. The most famous among them, Peter Cartwright, according to eyewitnesses, was able to force sinners to repent not only by his convincing sermons, but by his strong fist. The basic thesis of the Second Awakening was the idea that “faith manifests itself in good works”. In the 1820s–1830s in New York state, and then in other Northern states, a Presbyterian pastor, Charles Grandison Finney, became extremely popular. That was when the first antislavery communities arose, as well as temperance societies and civil

rights campaigns, and American women became active participants in the fight to resolve various social problems.

Religious awakenings engulfed American society several times in the 20th century. At the very start of the century, during a period of progressive reforms, many churches were drawn into this social movement and began actively promoting the idea that Christ was primarily a social reformer. Churches also began to participate in justifying foreign policy expansion, forming the concept that the Americanization of the world is the “Protestantization” of the world. Followers of liberal Judaism held similar ideas, and during this period began actively contrasting themselves to the conservative wing of the church. It is interesting to note that another religious awakening in the 20th century, in the 1970s–1980s, on the contrary, led to a sharp increase in conservative religious groups and a widening influence of Evangelical Protestants on U.S. domestic and foreign policy

The Unique Religious Landscape of the U.S.

The development of religions in the United States led not only to a rethinking of the European religious experience, but also to the creation of completely new churches and faiths. The most typical example of this is the Mormons (the Church of Jesus Christ of Latter-Day Saints), which was founded by the farmer Joseph Smith in 1830 in New York state. Mormonism can be considered the most American of all Christian faiths, since, according to Mormon teachings, Jesus Christ came to Earth twice – the second time specially to bring the good news of the expiation of sins to the residents of North America. Some other specific traits of Mormon religious teachings, particularly the acceptance of polygamy, were met with outrage by Joseph Smith’s contemporaries, and the Mormons were persecuted. Fleeing this repression, the Mormons moved further and further West, and after Joseph Smith’s murder in 1844, the church’s new leadership, headed by Brigham Young, decided to move to unsettled lands in the territory of Utah. There, on the shores of the Great Salt Lake, the Mormons built their own city, Salt Lake City, and up to this day make up the religious majority in the state of Utah (the state was not accepted into the Union until 1896, after the leaders of the Mormon Church officially rejected polygamy).

Soon after Joseph Smith founded the Mormon Church, another New York farmer, William Miller, also managed to gather many followers around himself, proposing his own original interpretation of the Holy Writ. By means of complex calculations, Miller determined that

the end of the world and the Second Coming would happen in 1843. On the eve of the day that Miller had predicted, the members of Miller's community sold all their property, sewed themselves white garments and moved to a high hill in anticipation of the Last Judgment. One of the members of the community sold everything except a wagon, which he also painted white. It was assumed that Christ would ride on that wagon when he once again descended to Earth.

The Millerites, however, did not see Christ, either in 1843 or the next year, 1844. Despite the Great Disappointment, Miller was able to convince some of his most faithful adherents that the Second Coming had happened, it was just invisible. After Miller's death in 1849, his successor, Ellen White, found an explanation for the error in the calculation of the date for the end of the world; the reason was that the Christian Church had violated the ancient rule of the Sabbath, by some misunderstanding having turned Sunday into the day of rest. To correct this fatal error the Church of the Seventh Day Adventists was created in 1860, which today has more than 20 million followers throughout the world.

Another popular religious movement that arose in the U.S. in the 1870s was "Christian Science", invented by Mary Baker Eddy. This very charismatic woman published a book in 1875 called *Science and Health with Key to the Scriptures*, in which she proposed the idea that Jesus Christ was, primarily a hypnotist, who taught people to control their bodies with their minds. Mary Eddy maintained that a definite, "Christian" sequence of thoughts leads to a cure for any illness. To develop this Christian science, Eddy established a college of metaphysics in Boston, Massachusetts, in 1879, and it soon became famous and popular all over the world. Scientist churches were built all over, and the followers of the teaching even had their own national newspaper – the Christian Science Monitor. The peak of popularity for Christian Science came in the 1930s, when the church had more than 250,000 followers in the U.S. alone. The most famous Soviet follower of the teachings of Mary Eddy is composer Sergei Prokofiev. At the present time there are only about 50,000 members of the Christian Science Church in the U.S., but there are about 2,000 "Christian Science reading rooms" around the world, whose visitors are trying to determine the correct sequence of thoughts with the aid of the Holy Scriptures and the works of Mary Eddy and other Church authorities.

The Christian Science Church is often confused with "Scientology", – another religious movement, founded in 1952 by American L. Ron Hubbard. Scientology can be considered a typical product of the American spirit of individualism, which gives the chance to create any religious system without reference to tradition or commonly

accepted standards. Hubbard borrowed the basic idea of Scientology – reincarnation – from Eastern religions, but he placed it in the unique context of the scientific-technical revolution of the mid-20th century. Hubbard called immortal souls “thetans”, which had at one time existed all by themselves, but later acquired constantly changing physical bodies. The meaning of life, according to Hubbard, is, first, to acknowledge one’s thetan, and, second, rid oneself of the material body – the prison of the spirit, and acquire one’s lost freedom. The minimum that Scientology promises is the organism’s return to health, rid of all the “toxins” that prevent the thetan from developing spiritually.

While Scientology organizations exist today in most countries of the world, adherents of traditional religions usually have an extremely negative attitude towards them. Scientology is often described as a destructive totalitarian sect. However, within the U.S., Hubbard’s teachings, viewed against the backdrop of other much more exotic cults, seems quite respectable. Americans’ religious tolerance is surprisingly compatible with the religious fundamentalism of individual denominations. This tolerance for the opinions of others did not arise immediately in the U.S.; it was the fruit of long development, during which the tradition was formed for relations between religious communities, the state and society.

The State and Religions in the U.S.

The separation of church and state enshrined in the First Amendment certainly does not mean that they are ineradicably, mutually hostile. God is mentioned on the American Seal, in the national anthem, on the national currency, and in the oath that is taken in American courts. At the present time, U.S. Presidents take the official oath of office at their inauguration by placing their hand on a copy of the Bible that once belonged to Abraham Lincoln. In the U.S. Congress, sessions begin with a common prayer. Most of these formal violations of the First Amendment have been tested in court but were judged to be compatible with the Constitution.

Many other examples of the overlap between religion and politics, however, have been liquidated throughout American history. By the 1830s, for example, the practice of appropriating funds from the budget to support one or several traditional religious denominations was cancelled in all the states (usually it was the Episcopalian and Presbyterian Churches who fulfilled this role). In addition, requirements that a person attend church or believe in the Holy Trinity as a condition of employment in a government post were gradually removed.

As a result, churches in the U.S. became private organizations, which received government support mainly in the form of tax exemptions, and which were protected against any form of interference by the state in their affairs. In the words of Thomas Jefferson, one of the Founding Fathers, restrictions on religious freedom are necessary only when religious practices are harmful to others:

It does me no injury for my neighbor to say there are twenty Gods, or no God. It neither picks my pocket nor breaks my leg.

Life constantly brought adjustments to the abstract idea of the separation of church and state. In the 20th–21st centuries, the U.S. Supreme Court has actively taken up the legal interpretation of various disputes. From the 1930s to the 1970s, judicial verdicts are thought to have most often followed the principle of separatism – the greatest possible separation of state and church interests. This created favorable conditions for the development of new cults and churches, which one after the other won cases against local authorities involving various types of repression or interference in their activities. For example, in 1938 the Jehovah's Witnesses were allowed to sell their brochures door-to-door without obtaining special permission from the municipality, based on the principle of freedom of the press. However, public demonstrations of religiosity in government departments during the separatist era were strictly prohibited. It is interesting to note, however, that more than 60% of American still advocated for prayer in state schools during this time. In practice prayers continued even after the introduction of judicial bans, especially in the South, “at the teacher’s discretion”.

Beginning in the 1980s a different, “accommodationist” tendency was noted in Supreme Court rulings, and decisions were more and more often made on the basis of compromise between traditional religions and the state. It was now much more difficult for new radical religious movements to get full freedom of action, and questions of state funds being appropriated for private religious schools, or of religious symbols being displayed on the walls of state institutions, or the use of premises belonging to the government by religious organizations, etc., were often decided in favor of the religious organizations. Discussions during judicial deliberations were often quite unusual: for example, the country’s best legal minds were deciding whether it was permissible to display an image of Santa Claus or Baby Jesus in the manger in government institutions before Christmas. The justices joked that now they could earn their living doing interior design.

The gradual evolution of judicial practice in the U.S on religious issues, from separatism to accommodation at the end of the 20th – beginning of the 21st century, was a reflection of the objective strengthening of the political position of Evangelical Protestants. This turn to the right in social and religious consciousness in the 1980s brought Ronald Reagan to the presidency, placing emphasis on religious morality in domestic and foreign policy, and in 2000 it contributed to the victory of George W. Bush in the elections (who had a reputation as someone who had “found Christ” in adulthood). In the 21st century as well, conservative Protestant churches continue to play a major role in American politics, out of proportion to the numerical advantage that Evangelical Protestants have over more moderate religious movements. The Evangelicals’ more active position in life, their readiness to work with people on a personal level, their skillful appeal to emotions and moral categories embedded in Americans’ consciousness from early childhood, can all be felt.

To sum up, we should note that the idea of separation of church and state that has been practiced in the U.S. has become the basis for a real flowering of church life and religious consciousness in North America. The U.S. experience shows that the absence of government privileges does not impede, but, rather, enables the success of church communities, since they are perceived by people as religious organizations, primarily concerned with saving souls, not material wealth. As the insightful researcher of American democracy, Alexis de Tocqueville, noted in the 1830s: “religion cannot share the material might of those who govern without incurring some of the hatred they inspire.” In the United States the level of trust in church organizations has always been higher than the level of trust in the government. This is the main principle of American religiosity that has provoked such surprise in outside observers.

Further Reading

- Lacome D.* Religion in America: A Political History. New York, 2011.
Nitoburg E. African-American Church in the USA. M., 1995 (In Russ.)
Noll M. America’s God: From Jonathan Edwards to Abraham Lincoln. New York, 2007.
Noll M. Religion and American Politics: From the Colonial Period to the Present. New York, 2007.
Pinn A. Varieties of African American Religious Experience. New York, 1998.

Pokrovskiy N. Early American Philosophy [Electronic resource]. URL: <https://ushistory.ru/issledovaniya/869-pokrovskij-ne-rannjaja-amerikanskaja-filosofija-puritanizm> (accessed 20.02.2021). (In Russ.)

Ragosta J. Religious Freedom: Jefferson's Legacy, America's Creed. New York, 2013.

Religion in America: A Very Short Introduction [Electronic resource]. URL: https://read.amazon.com/kp/embed?asin=B00JN66MLS&preview=newtab&linkCode=kpe&ref_=cm_sw_r_kb_dp_zXeWDbRAGKXAK (accessed 20.02.2021).

Wald K. Religion and Politics in the United States [Electronic resource]. URL: https://www.amazon.com/dp/1538105136/ref=cm_sw_em_r_mt_dp_U_cReWDb261MM2C (accessed 20.02.2021).

Wellman J. High on God: How Megachurches Won the Heart of America. New York, 2020.

Course 3

Business and Technology in the U.S.

A.S. Panov
I.A. Tsvetkov

Today, the United States of America is the leader in global technological progress. But this was not always the case. How did a nation of expatriates achieve such incredible success? Why have so many inventions been invented in the United States, and how did many of them become commercially successful? How have new technologies changed the daily lives of ordinary Americans? Answers to these and many other questions can be found in the course “Business and technology in the U.S.”.

The reader will travel through three centuries of experimentation, trial and error, sudden insights, and incredible triumphs of the human mind. The first part of the course focuses on the industrial revolution of the 19th century and the birth of capitalism in the United States. The second half – the challenges of technology in the last century, as well as industry trends at the dawn of the new millennium. Through the stories of lone inventors and creators of industrial empires, dreamers and pragmatists, scientists, and ordinary enthusiasts, you will get an answer to the question of why the United States is a country of innovation.

Contents

1. A History of U.S. Success in Technology	877
2. Managing Space and Time with Technology: How America Solved the Problem of Great Distances	887
3. America’s 19 th Century Invention Boom: The Creation of the Modern World of Everyday Objects	900
4. How Big Business Transformed the United States into an Industrial Power	911
5. How Electricity and Oil Transformed Americans’ Lives	925
6. The “American Century”: Technology Working for Man and against Him	940
7. America Conquers Space	959
8. The Computer Revolution	973
9. The Birth of Silicon Valley and the Culture of Start-ups	991

Lecture 1. A History of U.S. Success in Technology

We live in an age when success in technology is considered a necessary condition for the success of a nation. All countries – from major powers to tiny states – try to increase their levels of high-tech exports. They open universities, create scientific research centers, or, at the very least, allocate significant amounts of money to acquiring foreign technology. But, even in this highly competitive environment, the U.S. reputation as a technology leader is unrivaled.

The bulk of surprising technological innovations still emerge from laboratories funded by American corporations and small start-ups; specialists and ordinary people alike on various continents eagerly await news of the latest creations of American scientists and engineers, while millions of students dream of getting an education in American universities.

At the same time, in the United States itself there are heated discussions about whether the American era of technological superiority has come to an end. China is nipping at the heels of the U.S. when it comes to high-tech development. The average yearly increase in outlays for science and technology in China between 2000 and 2018 was 18%, while in the U.S. it was just 4%. The US share of global production of high-tech goods in 2018 was 31%, while China's was 24%, and over the past decade, the American share has dipped somewhat, while China's has more than doubled!

However, in addition to sheer numbers – investment in science and technology, numbers of scientists, patents, and publications in American academic journals – other indicators testify to the continued domination of the U.S. in high-tech.

First of all, there is the attraction of the U.S. education system. U.S. universities are at the top of almost all global ratings. They are the leaders in preparing young scientists. Approximately 40,000 advanced degrees in the natural and technical sciences are awarded each year in the United States. In contrast to all other countries, more than half (57%) of the graduates in high-tech in the U.S. are foreign, and they do not hurry home after completing their degrees.

More than 70% of newly-hatched PhDs from other countries stay in the United States after defending their dissertations, working now as American scientists.

Another interesting fact: Between 2010 and 2015 the number of Chinese students in American high schools rose by 290%, and the influx of Chinese students to U.S. universities shows no sign of decreasing. Is this not the most important criterion for comparing two models of technological development?

Even if some countries, by dint of massive investment, manage to shrink the U.S. lead in technological development, America is still seen as the best place to acquire an education, conduct scientific research, or launch new businesses. Technology and innovation are integral parts of American life.

One need not rely on intuition to justify the indissoluble link between the concepts “American” and “innovation” and “American” and “outstanding in the technology field” – instead, one can look at several historical facts.

At one time, when there were European colonies in North America, and during the American War of Independence at the end of the 18th century, Europe saw America quite differently: The New World was an outpost of civilization, and the customs of the Americans were seen as quite primitive, far from the exacting standards of Europeans.

As the French Abbé Raynal staunchly maintained in 1774:

America has not yet produced a good poet, an able mathematician, one man of genius in a single art or a single science¹.

In the sphere of technology as well, the Americans had little to boast of: When the Industrial Revolution was in full swing in England, there was no domestic production on the other side of the Atlantic. Even in the most developed colonies, local craftsmen made only the simplest of items, and anything in the least bit advanced had to come by sea from the mother country.

The plantation owners in the Southern colonies were so backwards technologically that they could not even make their clothing. It was common to send back to London shirts that had been bought there years before, so that they could be dyed and sent back to America for continued use.

It was also largely thanks to arms shipments from Europe, particularly the friendly countries of France and Spain, that allowed the

¹ *Kornfeld E.* *Creating American Culture: 1775–1800. A Brief History with Documents.* New York, 2001. P. 235.

Americans to win the war and gain their independence. There was certainly no sign of a “military-industrial complex” in the U.S. at the time.

The Russian Empress Catherine II viewed with interest – and some *schadenfreude* – how the «uncivilized» Americans successfully waged war against powerful Britain, but she was also a bit worried. Was it possible that an independent America would grow into a rival for supplying lumber, iron, and other raw materials? Catherine could never have thought that America might furnish Europe with anything high-tech, or anything more complex than timber.

But just half a century later, reports from European travelers to America began to contain surprised and delighted commentary on the universal enthusiasm Americans displayed for technological innovation at home, for the strange contraptions that one could see at every turn in America. As Alexis de Tocqueville remarked in his famous work *Democracy in America* (1835):

There is no other people on the face of the earth that could have achieved such swift progress in trade and industry as the Americans².

As time went on, these impressions were substantiated by the delivery of American equipment to the European market, and during the second half of the 19th century, the U.S. reputation as a leading industrial and innovating power was confirmed and cemented once and for all. The telephone, the phonograph, electric lighting, the typewriter, not to mention skyscrapers made of glass and cement – all of this symbolized America’s technological domination.

Since then, for at least the past 150 years, the U.S. has been considered the “foremost innovator” and the leader in technological development. German and Japanese engineers, Soviet scientists often produced things that were just as amazing, but only America was and continues to be, perceived as a “nation of innovators”, as a unique *technical civilization*.

To what does America owe its reputation as the center of technology and innovation? What are the factors that enabled the rapid transformation of this “wild backwoods” of European civilization into a leader of progress in the field of technology? It is apparent that it was not due to any state programs or government efforts: at the beginning of the 19th century, when this mysterious transformation from “wildness” into “civilization” was taking place in the bowels of American

² *Tocqueville A. Democracy in America* / Edited and translated by Harvey C. Mansfield and Delba Winthrop. New York, 2000. P. 567.

society, U.S. state institutions were very weak, and the federal budget was quite limited.

Paradoxically, it was the extreme technical backwardness and lack of development in the British colonies of North America that enabled the initial technological breakthrough of the United States. For many decades, the mother country purposely held back the development of colonial trade and domestic industry, fearing competition. This had the effect of a coiled spring: as soon as the colonies obtained their independence, all the heretofore prohibited forms of activity became extremely popular and in demand. The Americans set about closing the gap in the technology sphere.

Some peculiarities of American society at that time gave residents of the U.S. an unequivocal advantage over Europeans. For example, there were no trade guilds in the U.S., there was no harsh control or regulation over the production of industrial goods. Technology was not considered to be the realm of specific groups or social classes. This was a case where freedom, the absence of limitations and traditions that depressed initiative, clearly enabled success and the rise in prosperity. Instead of the choice that stood before many peoples: “freedom or prosperity” Americans received prosperity as a bonus along with their freedom. In the popular consciousness, a concept began to take shape that with time became the calling card of the United States: *freedom is not an abstract principle, it is the key to universal success.*

Another consequence of the technical backwardness of America in the 18th century, along with the lack of industrial goods, was the widespread distribution of common technical skills. In contrast to the American Indians, who had been living for centuries according to their own traditions, not seeking anything else, white Americans brought with them from Europe, if not the latest technical innovations, at least the knowledge that such things existed, and could be used in everyday life. European technical civilization came to North America not so much in the holds of ships as in the heads of the passengers.

In the new social and economic conditions that arose after independence, this knowledge made it possible not only to recreate European models on American soil, but to unleash a process of technical creation among the broadest swaths of the population. The wives of American farmers in the most remote corners of the country amazed European travelers with their technical prowess: they were no less skilled than British or French professional craftsmen at weaving, making soap, or sewing clothing. Farmers themselves improvised extremely complex agricultural implements and devices, simply because there was no other way of doing it in the American backwoods.

But if Americans had limited themselves to a return to a natural economy, their technical successes would have remained nothing more than local exotica for the amusement of foreigners against the backdrop of the European industrial revolution. But the scale of innovative activity in the U.S. at the end of the 18th century was much more significant. The intense work of the Constitutional Convention in Philadelphia in 1787 was suspended for a day for a reconnaissance trip by its members to the Delaware River, where a new form of technology was being tested: the steamboat, invented by John Fitch.

Perhaps it was this episode that prompted the Founding Fathers to include a statute in the Constitution on support for technological innovation. According to Section 8, Paragraph 8 of Article I of the Constitution, the American Congress, in addition to everything else, should “promote the Progress of Science and useful Arts, by securing for limited Times to Authors and Inventors the exclusive Right to their respective Writings and Discoveries”.

Soon thereafter a *Patent Office* was established, and in the 19th century, a “patent boom” began in the country, with rises and falls that continue to this day.

In terms of the involvement of ordinary people – not professional scientists or inventors, but simple farmers, workers, and city folk – in patents, there was no place even close to the United States in the 19th century. Like many other state institutions created in the U.S. after independence, the *Patent Office* was not burdened with complicated bureaucracy; and had a simple and transparent process of filing patent applications. Any American who wrote down a new idea for churning butter or sewing shirts could receive legal protection from the State for his invention and would receive royalties from the sale of goods made using his know-how for the next 17 years. An effective court system made this idea a reality.

In this manner, inventing and receiving patents quickly turned into a very profitable business, accessible to anyone with an ounce of technical ability. Many Americans seized the opportunity.

President Lincoln, who began his career as a lawyer and had been involved in patent disputes in that capacity, thought that the patent system was the key factor in the technological growth of the United States. In his opinion, “The Patent System added the fuel of interest to the fire of genius”.

Gaining new impetus after the end of the Civil War in 1865, “patent fever” reached its peak during industrialization at the end of the 19th and beginning of the 20th century. The record year was 1916, when 410 patents were granted per million residents. There were also

impressive results attained in 1885, 1915, and 1932. During the second half of the 20th century, the numbers began to fall; since many people perceived getting patents as a pursuit for professionals. In the 21st century, however, the passion for patents unexpectedly burst forth anew: in 2011, 387 patents were granted per million Americans.

Of course, the patent system had drawbacks as well. Many swindlers and profiteers sought to make money on it. The term “patent medicine” has a distinctly negative connotation to this day. Endless lawsuits over patent rights gave birth to a whole army of lawyers, who often made more money on the suits than the inventors made on the patents. It was not uncommon for industrial monopolies to use patent mechanisms to close off access to new technology to their competitors. But all in all, it would be difficult to overstate the contribution of the *Patent Office* to the formation of the U.S. reputation as the country with the most inventors per capita. Abraham Lincoln was undoubtedly correct.

The technological vacuum of the first decades of the United States, and the creation of a State patent system, gave rise to a mechanism for producing innovation.

However, just as important to this success were several characteristics of American political culture and social psychology. First, there was freedom of speech, guaranteed in the First Amendment to the Constitution: “Congress shall make no law... abridging the freedom of speech, or of the press”³. What relation does this have to the development of technology? Quite a close one, as it turns out. In societies more inclined to control over ideas, life is often difficult for eccentric technological geniuses. Many of them turned up in the United States in search of a more comfortable environment for life and creativity. But beyond the boundaries of political discussion, the free expression of even the most paradoxical ideas, flying in the face of established tradition, is a necessary condition for producing innovation.

There is another characteristic of the American world view that leaps to the eye of foreigners arriving in the U.S.: the attitude towards high-risk enterprise (including the risk of failure and bankruptcy) as something normal, rather than an anomaly. The biographies of famous Americans almost always carry tales of beginning something new, failing, moving to a different part of the country, a new beginning, a new failure, and so on, until the moment when the next business finally brings success and general recognition.

³ First Amendment // Library of Congress [Electronic Resource]. URL: <https://constitution.congress.gov/browse/amendment-1/> (accessed 25.05.2021).

The road to success for most famous Europeans is usually much more direct. Failure in Europe in the 19th century was almost always a life sentence; in the U.S., thanks to the very gentle procedure for filing bankruptcy mandated by law, it was simply the end of one stage of life and the beginning of another. Such a system created favorable conditions for entrepreneurs, who put resources into new and untried technology. The modern start-up culture so celebrated in the U.S., especially in California's Silicon Valley, grew out of this tradition of "soft bankruptcies". This tradition, by the way, just as the patent system, came out of the American Constitution, which mandated the creation of "uniform laws on the subject of Bankruptcies throughout the United States".

This willingness to take on risk is tied to yet another characteristic of many Americans' world view, namely individualism, perceiving an individual as a valued social unit, responsible to the collective, but free to exercise choice in key existential issues. The Japanese have a saying: "The nail that sticks up gets hammered down". The Americans are taught exactly the opposite, right from kindergarten: "Stand out from the crowd, and you will be successful".

It is easiest to do this in business, but scientific endeavor, invention – this is also a way to demonstrate one's uniqueness and creativity. In addition, business and technical creativity have always been inextricably linked in America. They often demand enormous commitment and determination.

Thomas Edison, who by the end of his life had authored thousands of patents, took a very long road to one of his most famous inventions, the light bulb. In his laboratory, he conducted many experiments to find a suitable material for the filament, but nothing worked. Edison, however, was not discouraged: "I have not failed. I've just found 10,000 ways that won't work", he was reported to have said⁴.

As a result, the necessary material was found, and several improvements were introduced, which in 1879, made the incandescent light bulb (which was known before Edison) into a practical, convenient electric instrument. Edison also supplied the lightbulb with a screw-in socket and invested significant resources into electric stations, without which his invention would have had no practical application. This demonstrated yet another characteristic of American inventiveness: almost all American technical geniuses were at the same time successful businessmen. America has little patience for scientists sitting in ivory

⁴ Who said it // U.S. Department of Energy [Electronic Resource]. URL: https://www.energy.gov/sites/prod/files/2013/11/f5/WhoSaidIt_TeslaVsEdison.pdf (accessed 25.05.2021).

towers and generating amazing discoveries. Material gain as an important or even the main impetus for technical creativity – this is the formula that has always determined American innovation.

Material comfort, along with political freedom, have been and continue to be the main factors driving flows of immigrants to the United States. Immigrants have added new blood to the already high technological potential in America, they have added new perspective, bringing knowledge and skills acquired in other countries. Both the extensive list of outstanding names and statistical evidence confirm the significance of immigrants' contributions to the U.S. technological progress: the most "innovative" states in modern America also have the highest percentages of the population born outside the United States.

Numerous studies have established a direct link between patent activity and economic development: the greater the number of inventors in any one state, the richer the state. Naturally, immigrants gravitate towards richer states, raising both their innovative potential and indicators of economic growth. This contributes to a virtuous cycle, which gradually creates a noticeable gap between the levels of technological and economic development of various states. It is for this reason that the United States lags behind other countries in some modern ratings, giving rise to statements about the end of the American age of technological superiority. For example, in the number of patents per capita in the second decade of the 21st century, the U.S. ranks tenth, behind Sweden, Finland, Israel, and other countries. But individual states such as California or New York are the unquestioned global leaders in that area.

In the United States today, the main driver of technological growth is the education system, primarily American universities, which are famous all over the world. The era of talented individual inventors, "patent hunters", came to an end on the cusp of the 20th century. Since that time, the university laboratory has become the flagship of fundamental scientific research, while experimental and applied science is being actively developed in centers created by large and medium-sized industrial corporations. Their success is guaranteed not only by generous funding from government and private sources, but also by cultural characteristics formed a couple of centuries ago: freedom of speech, willingness to break with tradition, lack of fear of failure, openness to ideas from all over the world. All of this contributes to an environment that gives birth to innovation not as a result of orders from the top, a government contract, but because development, innovation, and moving forward, is seen in the United States as something natural, and even, in some ways, inevitable.

This model for development, based on constant innovation, arose in the U.S. in the 19th century, when national priorities in other countries were being formed quite differently. The interest in new technology in Europe and other regions in the 19th and 20th centuries was often tied to the desire for military superiority. The state was usually the initiator, and supplied the lion's share of the funding for such military-technical projects. These projects were often successful but when the governments that had initiated them fell into crisis, the science that had been financed by the government followed suit.

The American model of innovation reacted to crisis completely differently: at the most desperate times the activity of inventors, rather than decreasing, actually increased. As previously stated, one of the richest years for patents was 1932, the height of the Great Depression in the United States. Finding themselves in difficult circumstances, ordinary Americans, entrepreneurs, and business people, tried to get themselves out, relying on their ability to use their heads. Social institutions created by previous generations, such as the patent system or the culture of private enterprise, gave people the ability to act even when the state had lost control of the situation.

In the global "science race" that has unfolded in the 21st century, the United States sometimes appears too confident of its position as leader, even though the gap between it and its closest competitors is shrinking steadily. However, the arguments presented above allow us, in our view, to question this thesis. The U.S.' position as a technological leader up to the present day is determined not so much by quantitative as by qualitative parameters. It is difficult to argue with this leadership position if we look at, not only the number of scientific publications, but the quality of the environment in which these publications are produced, or if we consider not only the volume of production of goods requiring scientific innovation; but the ability to attract the most talented scientists and inventors to U.S. laboratories.

The ability to generate innovation remains the essence of American civilization.

Further Reading

2018 Patent Rankings and Trends [Electronic Resource]. URL: <https://www.ificlaims.com/rankings.htm> (accessed 25.05.2021).

A Brief History of the Patent Law of the United States // Ladas & Parry. May 07, 2014. [Electronic Resource]. URL: <https://ladas.com/education-center/a-brief-history-of-the-patent-law-of-the-united-states-2/> (accessed 25.05.2021).

- Cross G., Szostak R.* Technology and American Society: A History. New York, 2004.
- Florida R.* Innovation and the Wealth of Cities // Citylab. Feb 1, 2013 [Electronic Resource]. URL: <https://www.citylab.com/life/2013/02/innovation-and-wealth-cities/4554/> (accessed 25.05.2021).
- Haking S.* Tesla protiv Edisona. Bitva velikih izobretatelei (Tesla versus Edison: a battle of great inventors). Moscow, 2015. (In Russ.)
- Hughes Th.* American Genesis: A Century of Invention and Technological Enthusiasm. New York, 1990.
- Jones J., Berndsen R.* From 1 to 10,000,000 – A History of Patents // IPWatchdog. June 27, 2018 [Electronic Resource]. URL: <https://www.ipwatchdog.com/2018/06/27/from-1-to-10000000-history-of-patents/id=98649/> (accessed 25.05.2021).
- National Science Board | Science & Engineering Indicators 2018 [Electronic Resource]. URL: <https://www.nsf.gov/statistics/2018/nsb20181/assets/nsb20181.pdf> (accessed 25.05.2021).
- Shpotov B.M.* Promyshlennyi perevorot v SshA (Industrial revolution in the U.S.) Ch. 1, 2. Moscow, 1991. (In Russ.)
- Smith M., Clancey G.* Major Problems in the History of American Technology. Boston, 1997.
- Wilson M.* Amerikanskije uchenye i izobretateli. Moscow, 1975. (In Russ.)

Lecture 2. Managing Space and Time with Technology: How America Solved the Problem of Great Distances

The estate of Thomas Jefferson, author of the *Declaration of Independence*, first Secretary of State, and third President of the United States, was in the colony (and later the state) of Virginia, in the foothills of the Appalachian Mountains, a place of rolling hills and picturesque vistas. That was an ideal setting for the scientific endeavor, a place to unite intellectual pursuits and agriculture.

But the restless nature of its owner, along with his inclination towards active participation in politics, made the location more than a bit inconvenient. It was extremely difficult to get from Monticello to such centers of political life as Philadelphia, New York, or Boston.

Even in later periods, when the capital, Washington, D.C., had been already built on the banks of the Potomac River, it took at least 10 days to get there from Monticello. In 1801, President Jefferson complained: “Of eight rivers between here [Monticello, Virginia] and Washington, five have neither bridges nor boats”⁵.

The territory of the United States, acquired in the *War of Independence*, spread for more than two thousand kilometers from north to south, and more than a thousand from east to west. The western part was separated from the east by the Appalachian Mountains – not extremely high, but still, a significant barrier to cross.

Until the appearance of the first transport routes in the 1820s, which linked the East and West, most of the U.S. population lived in direct proximity to the Atlantic Ocean. No matter how rich the land beyond the Appalachians was, few dared to venture into the continent’s heartland, given the complete absence of roads or any other transportation means between East and West.

The only way to get transport goods in the West was the Mississippi River, which flowed sluggishly south to New Orleans. But the long and roundabout route (it took at least six weeks to get from the Ohio River Valley, through the Mississippi and the Gulf of Mexico to the cities of the Atlantic coast) placed Western farmers at a dis-

© Tsvetkov I.A., 2023

⁵ History of the United States of America During the Administrations of Thomas Jefferson. New York, 1986. P. 14.

tinct disadvantage compared to their competitors. It was easier and cheaper to sell their produce in the Caribbean, trading with the Spanish or French colonies rather than Americans. Shipping goods north through the Great Lakes was, first of all, difficult, since one had to go against the current, and secondly, it made no sense; since there was no waterway to link the Great Lakes with the Atlantic coast of the U.S.

To avoid product loss, farmers of the Midwest learned to make whiskey from grain: alcohol cost more and was simpler to ship to the consumer. But the American government decided in the 1790s that they would levy a special tax on whisky manufacturers. This led to the “Whiskey Rebellion”, which the government promptly suppressed, leaving western farmers in a very sorry situation.

Thus, the transportation problem turned into a socio-political one. The United States had barely formed when it began to fall apart due to its natural geographical conditions. New England residents found it more advantageous to trade with Great Britain, while farmers in the Midwest traded with Spain and France. To combat this separatism, a way had to be found to link the various parts of the country.

There were few solutions to this problem in the late 18th-early 19th century. Horses were still the main form of transportation.

A critical fact in the world of 1801 was that nothing moved faster than the speed of a horse. No human being, no manufactured item, no bushel of wheat, no side of beef (or any beef on the hoof, for that matter), no letter, no information, no idea, order, or instruction of any kind moved faster⁶,

wrote Stephen E. Ambrose, a noted historian.

But even horses could not muster the necessary speed to transport goods in the absence of roads. Dirt roads had, of course, been constructed since the very early days of the colonies, and the few rivers that flowed into the Atlantic made it possible to ship goods by sea along the coast, linking the colonies that way. But the development of the newly independent state would be impossible without a major advancement in the transportation system. Travelers who dared to go from one city to another in the off-season risked getting stuck in the mud, drowning in overflowing streams, breaking their wagon wheels, etc.

The construction of the first new and “improved” roads in the Atlantic states in the 1790s. In just a few decades, they connected all

⁶ *Ambrose S. Undaunted Courage: Meriwether Lewis, Thomas Jefferson, and the Opening of the American West.* New York, 1997. P. 118.

the major cities, which was a major feat for that generation of Americans, given the constant deficit of labor and the complete absence of technology.

In 1808, the construction of the first *Trans-Appalachian road* started. The road would stretch from Maryland to the West. By 1817, the builders had reached the Ohio River, but got stuck. Trying to construct a cobblestone embankment 25-meters wide through mountains and impenetrable thickets was an expensive and labor-intensive endeavor. This project, which was dubbed “The National Road”, was finally completed in 1852; it extended to the town of Vandalia, Illinois. But by this time, the economic expediency of “improved roads” was already being called into question.

The wave of western migration had reached the Pacific Ocean. Americans had made their way across the Great Plains and the Rockies to Oregon and California, and participants in the “gold rush” had no time to wait for better roads. By the time they had settled in their new places; and began to think about how to maintain contact with each other and with the Atlantic states, technological advances presented them with a new and very attractive option.

Two new technologies transformed the transportation system in the USA in just a few decades after 1820. First, there were the canals. Then came the railroads.

Canal construction was already in full swing in Great Britain in the second half of the 18th century, but this technological fad reached the United States only after Independence. As in many other fields, Americans’ desire to benefit from the «fruits of progress» ran up against a complete absence of specialists.

No one knew how to build a canal, which had to do much more than just link a few waterways. It had to be resistant to collapse, have a system of floodgates and special mechanisms for transferring shipments, specialized transport, etc. But rather than wait for qualified engineers (for example, by establishing specialized educational institutes or professional exchanges with other countries), the enterprising Americans chose trial and error.

One of the first canals was begun in 1793 in Massachusetts – the *Middlesex Canal* – and immediately ran into enormous difficulties. Due to calculation errors, the water level in the canal, which was dug by local farmers, was 12 meters lower than what was needed. Construction was halted, and they began to plan and build all over again.

It was not until 1808 that the first boats, dragged by horses, made their way through the canal from the Charles River to the Merrimack. But even this was a great success; and gave rise to similar projects. Treasury Secretary Albert Gallatin presented a 10-year plan to

Congress for government investment in roads and canals, costing \$20 million (\$600 million in today's money). Congress was not ready for such massive expenditures, but it was not long before individual states began to realize the economic advantages of new transportation arteries, and started to compete.

Perhaps the most famous example was the rivalry between New York and Pennsylvania for the role of chief U.S. seaport. The winner would be the first to connect the Trans-Appalachian territory with an Atlantic port through a waterways system. Pennsylvania was by tradition the main link between the two sides of the Appalachian Mountains by virtue of its geographical position. But during the era of canal construction, New York gained an advantage: it was possible to link the Hudson River with the Great Lakes by digging a canal that was fairly long (approximately 600 kilometers) but that extended through relatively smooth territory (maximum height above sea level – 174 meters).

New York Mayor DeWitt Clinton managed to obtain the necessary funds, and in 1817, one of the most grandiose construction projects in the history of the United States was begun. The *Erie Canal* was built mostly by Irish immigrants. At first, it seemed that the \$7 million investment would be simply thrown away. Its opponents were delighted, and mockingly called the project “DeWitt’s Ditch”. But as construction progressed, the critical voices began to quiet down.

The canal’s dimensions were modest: It was a mere 12 meters wide on the surface, 8,5 meters at the bottom, and 1,2 meters deep. Even so, when it opened in 1825, it was the longest canal in the world (584 km) after China’s *Grand Canal*. Thanks to the *Erie Canal*, the cost of transporting goods from the Ohio River Valley to the Atlantic Coast was reduced by 95%. Finally, the rich farming regions of the Midwest were economically linked to the major cities of the USA.

The *Erie Canal* transformed New York into the major transportation hub on the East Coast and determined its fate as the center of American financial and business activity.

Pennsylvanians understood that they were losing economic ground, and in 1826, they began accelerated construction of their own canal network, linking the two slopes of the Appalachian Mountains. By 1834, it was possible to get from Philadelphia to Pittsburgh by water, through a system of locks, but this did not return Pennsylvania to its former glory. The brief era of canals was almost over. In their place, as a modern, fast and effective means of communication came the railroads.

It was the steam engine that served as a bridge technology, uniting the canal era with the age of railroads; specifically, it was the

steamship, the first type of transport to use these engines. Three men were the main contributors to the creation and refinement of steamships in the USA: John Fitch, Oliver Evans, and Robert Fulton.

Fitch had made the first experimental models at the end of the 18th century but failed to organize their successful commercial exploitation on American rivers.

Evans, a well-known inventor, worked for many years after his first patent (1790) to perfect his creation. In 1805, he built a new type of high-pressure steam engine, more efficient and compact than the more widespread, low-pressure models of Watt and Bolton.

Evans' engine was nine meters long and 3,7 meters wide, and could turn the wheels of a steamboat or carriage through a system of small gears. This machine is considered the first mechanism made in the USA that could move over a hard surface without human or equine power. Its advantages on water were undeniable. Thanks to Evans' engine, American steamboats soon began to set world records for speed, and the phenomenon of «steamboat races» arose in American culture.

Robert Fulton was the first to establish a stable commercial steamship link on the Hudson River, between New York and Albany. In addition to his entrepreneurial success, Fulton is known as a tireless inventor, the author of a slew of patents. Among other things, he designed the world's first submarine, in France, in 1800, and in 1813, the Russian Emperor Alexander I granted him a monopoly on steamship transportation between St. Petersburg and Kronstadt. However, in contrast to his steamship lines on the Hudson and the Mississippi, Fulton's collaboration with France and Russia were not particularly successful.

In addition to the undisputed advantage in speed and the ability to move upstream, the high-pressure steam engines invented by Evans were extremely dangerous. The desire to make as many trips as possible at the lowest price led to a complete disregard for safety on the part of the owners of the steamship lines. The stokers were ordered to raise the pressure to the maximum, and even a weak (by today's standards) 10-horse-power steam engine could propel a boiler hundreds of meters into the air. An explosion on an overcrowded ship could have catastrophic consequences.

One of the worst tragedies occurred in 1838, when an explosion on the *Oronoko* caused a wave of scorching steam to sweep more than 100 passengers from the deck, killing them instantly. Smaller disasters occurred regularly: It was the need for safety in steamship transport that necessitated the first state regulatory measures in the USA.

When, by the mid-19th century, the number of victims of steamship explosions topped 400 persons annually, the U.S. Congress crea-

ted the *Joint Regulatory Agency of the Federal Government*. By 1860, this sad statistics was cut by a third, thanks to inspections, fines, and other measures that encouraged the owners of steamship companies to take the safety of their clients more seriously.

Although the first locomotives were imported into the U.S. from Great Britain, railroads were the first type of transport technology where the Americans quickly became the trendsetters. “Technical tourists” began to arrive in the U.S., drawn by tales of amazing success in railroad construction on the other side of the Atlantic. Locomotives and railroad equipment were the first types of high-tech exports from the U.S. to Europe.

The first attempts to use rail to transport people and goods date from the colonial period, but the first railroad line in the U.S. (the Baltimore and Ohio Railroad) was inaugurated in Baltimore, Maryland in 1830, just five years after the start of the railroad era in Great Britain, which was at the time the most technologically advanced country in the world. The motive for Marylanders to engage in experimentation was the same as that of New Yorkers and Pennsylvanians – the desire to beat out their neighbors in establishing a transportation link with the Midwest. But the Baltimore builders made one error: they decided to use horses, or even sails, as a propulsion mechanism, rather than steam engines, which at that time were still quite rare.

As a result, Maryland was soon overtaken by its Southern neighbors. The first steam-powered railroad with regular service was the *Charleston & Hamburg Railroad*, which opened in South Carolina in 1831. It was there that, right from the start, an American-made locomotive was used: the *Best Friend of Charleston*, made in the West Point Foundry, New York.

The wide-open and flat expanses stretching west from the Appalachians gave the U.S. an objective advantage over thickly settled Europe when it came to railroad construction. Only Russia could compete with the U.S. in terms of suitability for railroad networks, but the number of entrepreneurs there was nowhere close to the United States, and the government was much less ready to create financial stimuli for private railroad companies.

Ten years after its first railroad line was inaugurated, the U.S. had more territory covered by railroads than all of Europe together (5300 km v. 3200 km). And that was just the beginning.

This rapid expansion of the railroads in the United States was made possible by a system of land grants, which made up for a lack of working capital. The system was surprisingly simple and effective: Since the huge land mass of the U.S. in the 19th century had not been settled, and belonged either to the federal government or the admin-

istration of the individual states, it was decided to use it to finance railroad construction.

A private company that took responsibility for building a branch of the railroad was given a swath of land several miles wide along the proposed path of the railroad. By selling some of the land, or by putting it up as collateral, the company could secure the funding necessary for construction. Since the value of the land increased precipitously after the railroad was built, these plots of land, which had previously been unsuitable for agriculture and were not in demand, became an extremely lucrative investment.

The government was able to develop infrastructure; and bring new territory into economic use without spending a cent. This system of investment on the state level had been used since the 1830s; the first federal land grants were given in the 1850s, and from 1860 there was a railroad construction boom. Four of the five transcontinental railroad lines were built at least in part thanks to federal land grants.

Many historians and economists agree that, in addition to solving communication problems, it was the railroads that made possible the rapid economic growth that in several decades would transform the United States into the world's economic leader. It would be difficult to find a better example in history of the effective use of state land to generate investment capital, which would then stimulate industrial development and agriculture. Countries with large territories should take a closer look at this American experience.

In addition to its positive influence on the development of the USA, the railroad boom had some very negative consequences. It was in part due to a quarrel over the route of the first transcontinental railroad line that relations between the slave-owning South and the free North ripened into conflict in the 1850s. The crisis over Kansas and Nebraska in 1854 was caused by the desire of politicians in Illinois (Stephen Douglas, among others) to settle the new western lands as quickly as possible and receive grants for railroad construction.

That was, of course, just a pretext, and not the real reason for the conflict that led to the Civil War (1861–1865), but without the acceleration of economic development and the transportation revolution, the chances of a peaceful resolution of the problems between North and South would have been much greater.

The development of the railroads also led to a rapid transformation of American society. The dream of the Founding Fathers for a nation of “small, independent farmers” dissipated once and for all. America stepped onto the path of rapid industrialization and urbanization.

The first decades of this socio-economic revolution were extremely painful; the era of the “robber barons” left deep scars in the

American psyche. Social conflicts in this period were, to a large extent, connected to the railroads: inflation due to the monopolies over the railroad lines, corruption in road construction, the outsized profits of the “railroad kings”, rapid social stratification, etc.

On the cusp of the 19th and 20th centuries, it became clear that the United States was on the threshold of yet another transportation revolution: Railroads began to feel the competition posed by a new means of conveyance – the automobile.

It is an interesting fact that the prologue to the automobile revolution in the United States was a universal passion for the bicycle. At the end of the 19th century, millions of cyclists hit the roads – only to find that those roads were in a dismal state. The “bicycle lobby” was credited with forcing the U.S. Congress to create the *Office of Road Inquiry* in 1893, attached to the Department of Agriculture. Right up until the creation of a separate *Department of Transportation* in 1967, this office had responsibility for all road construction in the United States.

In addition to satisfying the demands of cyclists, a key reason for allocating budgetary funds to improving roads was the development of rural America, including the organization of stable mail delivery to the most isolated farmsteads.

But when the roads were being built, it was not immediately clear who was going to use them. Despite a well-known propensity for invention, Americans at the end of the 19th century lagged significantly behind Europeans when it came to designing and producing automobiles. In the 1890s, the Germans Daimler and Benz were already offering clients cars that were eminently suitable for everyday use, while in the U.S. they were just beginning to design their own models, which were often quite exotic and impractical.

The internal combustion engine, running on gasoline, at first seemed too unusual, complicated, and unreliable. The first passenger cars to sport a “made in the USA” label ran on steam and electricity. (So it turns out that the modern fad for bicycle paths and electric cars is nothing more than a return to good old American traditions. In designing his *Tesla*, Elon Musk, it appears, studied the history of the USA quite closely.)

A real automobile boom took hold in America in 1895. The reason for it was a very famous auto race from Paris to Bordeaux and back: France at the time had the best highway network in the world, and was considered “the automobile capital”.

Inspired by the French example, Americans began to organize their own auto races, and the *Patent Office* was inundated with applications for various types of inventions for cars and car accessories.

Bicycle manufacturers quickly shifted to the production of “horseless carriages”, which had three or four wheels and were usually powered by electric motors. It was in 1895 that the future automobile king, Henry Ford, put his first car on the market.

By the second decade of the 20th century, the railroad producers were beginning to complain about competition from automobiles. By the mid-1920s many railroad companies were on the verge of bankruptcy: It had become cheaper and more convenient to transport goods and passengers by car. However, the poor quality and insufficient quantity of highways remained a barrier to the further development of automobile transportation.

The man who made the biggest contribution to solving this problem is known to few. His name was Thomas MacDonald, and from 1919 to 1953, he headed the *Bureau of Public Roads* under the Department of Agriculture. During his tenure, the U.S. changed presidents six times!

MacDonald’s greatest achievement was the formation of a cadre of highly-skilled engineers, who gradually took control over the design of the national highway system and the creation of quality standards for road construction. Many things that modern Americans take for granted, such as lane markings, signs, reflective markers, the system of highway exits, etc., were proposed by the engineers from MacDonald’s Bureau.

Beginning in the 1920s, technology became a major factor in road construction in the U.S.: bulldozers, excavators, graders, and pavers, many of which were designed by American engineers and produced in American factories. The *Caterpillar Tractor Company* soon became the leader in this field, with a brand that is still famous all over the world.

As with the railroads, the rapid introduction of the automobile into American life in the 1920s had several indirect consequences. For example, defenders of traditional morality immediately began to charge auto manufacturers with destroying centuries-old traditions within families, between the sexes, between parents and children, etc. The personal auto gave more than freedom of movement: It provoked lifestyle changes in social groups whose prospects had been quite limited by circumstance before.

Young Americans were the most affected: The automobile made it possible for them to leave their homes to spend time with their friends, without the usual parental supervision. American women also experienced greater freedom with the coming of the automobile.

The highway system soon gave rise to a special infrastructure that had not been necessary for canals or railroads. Campgrounds,

fast-food restaurants, shopping centers, and motels were built along the highways; the word “motel” itself was coined in America in 1925. The automobile industry became a driver of the American economy; the way railroads had at the end of the 19th century. This time around, however, it was not metallurgy or mining equipment that was accelerated; rather, it was fields such as chemistry. Cars needed fuel, rubber tires, and various synthetic materials for motors and car interiors.

It is a well-known fact that during the Great Depression, many unemployed workers were hired to build roads. But the U.S. government, including President Franklin Delano Roosevelt, considered the use of federal funds for road construction to be an exceptional and temporary measure. When the U.S. entered World War II in 1941, it still lagged far behind Europe in the quality of its highway system.

Once the war ended, the problem of poor roads once again took precedence. In the 1950s, the automobile became the defining symbol of America. The American cars produced during that period – huge, consuming massive amounts of fuel – reflected the prosperity of the Eisenhower era. These monsters with low ground clearance needed wide, smooth roads.

The government needed funds for the construction of a new, national transportation system. There had been experiments with toll roads, starting at the end of the 1930s, but they did not bring in the amounts needed for investment. In addition, these tolls were extremely unpopular. In 1956, after years of discussion, the U.S. Congress passed a funding bill that suited everyone: They decided to use all the indirect taxes collected from the sale of gasoline, tires, and other automobile accessories to build and repair the roads. As a result, 90% of the cost of the interstate highway system built between the 1950s and the 1990s (about \$800 billion in 2019 dollars) was covered by the federal budget.

Another type of transport arose in the U.S. in the 20th century, causing yet another revolution in man’s attempts to conquer time and space. This time it was aviation. The pioneers in the creation and testing of powered, heavier-than-air aircraft were the Wright brothers – Orville and Wilbur. On December 17, 1903, Orville Wright managed to launch a plane off the level ground in Kitty Hawk, North Carolina. It flew 40 meters in 12 seconds. On the same day, Wilbur managed to make a longer, 60-second flight. It is interesting to note that, before they became obsessed with aviation, the Wright brothers had produced and sold bicycles. It would not be an exaggeration to say that the bicycle was the basis for all American transport innovations of the 20th century!

Despite its leading role in the construction of the first airplane, the United States lagged behind its European competitors for decades after the Wright brothers' flights. The First World War played a large role in this, as Europe created new types of airplanes and dirigibles for military purposes. After the United States entered the war on the side of the Entente in 1917, thousands of American pilots were sent overseas, but they fought in British, French, and Italian planes.

It was during World War I that the *National Advisory Committee for Aeronautics* was created in the U.S. (1915), which played a key role in the development of aviation technology in subsequent years. A research center built in Langley, Virginia, included an enormous wind tunnel for aerodynamic experiments, constructed with the help of German specialists.

In the 1930s, the U.S. aviation industry became the world leader, thanks to private as well as government efforts. The most famous planes came from the *Douglas Aircraft Company* (DC-2, DC-3) and *Boeing* (B-274). In the 1930s and 1940s, Douglas planes were a more attractive option: They could seat more passengers (the DC-3 could take 21) and could fly longer distances without stopping (up to 2,400 km). By 1938, the DC-3 accounted for 95% of all air transport in the U.S., and was being actively sold abroad. In 1939, 90% of all transport planes in the world came off Douglas conveyor belts.

During the Second World War America consolidated its position as the leader of transport aviation, which laid the groundwork for the global expansion of the U.S. aviation industry after the war.

Inside the United States, almost all the airlines currently in operation, such as *United*, *American*, *Delta*, and others, got their start in the 1920s, when the U.S. switched to contract airmail, using commercial flights instead of government planes. It was during this period, on May 20–21, 1927, that the American pilot Charles Lindbergh made his famous flight from New York to Paris. The sensation caused by this event in American society was comparable to the euphoria that gripped citizens of the USSR when Yuri Gagarin became the first man in space in 1961.

There had been transatlantic flights before Lindbergh, but he was the first to do it solo; and non-stop.

The single-engine monoplane in which Lindbergh crossed the Atlantic in 33,5 hours was manufactured in San Diego, California. The pilot and his plane thus both came to symbolize America's technical genius. At Paris' Le Bourget airport, Lindbergh was greeted by a crowd of 150,000. At just 25 years old, Charles Lindbergh became the most famous American in the world.

The year usually cited as the turning point, when ordinary Americans ceased to view long flights as dangerous and exotic, is 1940. This is when the market value of insurance for airline passengers equaled the cost of insurance for railroad passengers.

The war caused a slowdown in the development of the commercial passenger market, but in the post-war period, air transportation began to expand rapidly. That was yet another powerful blow to U.S. railroads. By 1957, airplanes were transporting more Americans than buses and railroads combined, and air has held the leading role in the U.S. transportation system ever since.

Boeing displaced *Douglas* in the post-war period, grabbing the leading role in both domestic and global production. This was due to new models of airplanes with jet engines: first the B-707, then, in 1969, the B-747. The overall design of the 747, both exterior and interior, is still the basis for world aviation, including airplanes built outside the United States.

As trans-oceanic transport became stable, safe, and affordable in the 1950s, largely due to American technical designs and business models, humans underwent a shift in how they perceive themselves. The world began to shrink; travel between continents was exponentially easier than Thomas Jefferson's trip from his Virginia estate to Washington, D.C. at the end of the 18th century. In just 200 years the United States had undergone four transportation revolutions: from building canals and railroads to making cars and air transportation readily available. The new technologies did not replace the old; they simply expanded Americans' horizons, giving them a new system of space-time coordinates.

Should we expect new technology to further compress distance in the near future? And will the United States be the leader in this hypothetical technology?

We do not yet have answers to these questions. Countries that compete with the U.S. in the technology field are mainly concerned with perfecting already established transportation systems, rather than developing something radically new. But the high-speed trains, (including magnetic levitation trains) that China is so proud of today, are quite different from railroad components known in the West. The U.S. has almost no transport of this type, and a tourist arriving in America from East Asia could, like Europeans visiting the American colonies in the 18th century, complain about American backwardness. For Americans, however, an outstanding air transportation system more than makes up for the lack of high-speed rail transport.

The American experience in transportation shows: New and revolutionary transportation technology always brings in its wake,

not simply a faster spatial link between two points, but major, often fundamental changes in politics, economics, and sociology, and in everyday life. Throughout their history, Americans have demonstrated a surprising penchant for change: This is one of the main characteristics of the national psyche. The tireless struggle for control over time and space has made an enormous contribution to the formation of America's identity as a civilization.

Further Reading

- Ambrose S.* Undaunted Courage: Meriwether Lewis, Thomas Jefferson, and the Opening of the American West. New York, 1997.
- Bilstein R.* Airplanes // A Companion to American Technology / Ed. by Carroll Pursell. Malden, 2008. P. 255–275.
- History of the United States of America During the Administrations of Thomas Jefferson. New York, 1986.
- Seely B.* The Automotive Transportation System: Cars and Highways in Twentieth-Century America // A Companion to American Technology / Ed. by Carroll Pursell. Malden, 2008. P. 233–255.
- Shpotov B.M.* Genri Ford: zhizn' i biznes (Henry Ford: life and business). M., 2003. (In Russ.)
- Williams J.* The American Industrial Revolution // A Companion to American Technology / Ed. by Carroll Pursell. Malden, 2008. P. 31–55.

Electronic Resources

- History of U.S. Railroads [Electronic Resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=5Fgkme0M5ek> (accessed 25.05.2021).
- The Erie Canal [Electronic Resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=XEpRB8D5wo4> (accessed 25.05.2021).
- The Cars that Created America. Episode 1. Part 1 [Electronic Resource]. URL: <http://dokonlin.ru/video/mashiny-kotorye-sozdali-ameriku-1-serija.html> (accessed 25.05.2021).
- The Cars that Created America. Episode 1. Part 2 [Electronic Resource]. URL: <http://dokonlin.ru/video/mashiny-kotorye-sozdali-ameriku-1-serija-14-31.html> (accessed 25.05.2021).
- Embracing the World: Civil Aviation after 1945 [Electronic Resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=RTN9pDiOr6A> (accessed 25.05.2021).

Lecture 3. America's 19th Century Invention Boom: the Creation of the Modern World of Everyday Objects

Throughout the 19th century, following the dictates of the Founding Fathers, the United States did not take an active role in Europe's political affairs, getting involved rarely, and only in response to the most severe crises.

America had a dual, contradictory reputation in 19th-century Europe. On the one hand, Europeans acknowledged the unique nature of the U.S. political system, and gave America's entrepreneurial spirit its due; but on the other, they did not consider the United States to be a first-tier nation, able to influence the course of Western civilization in any real way.

It was taken as a given that any real change or reform, new ideas, or a new wave in the arts could come only from the Old World. The only thing the Americans could do was use these European ideas to make money, to attain material prosperity.

However, looking at the situation from our modern viewpoint, we must acknowledge that the enterprising Americans of the 19th century were doing a lot more than accumulating fortunes and selling their souls to the devil for gold.

Even if money was, in many cases, their main motivator, one side effect of such energetic endeavors was the creation of the world of objects, instruments, machines, and materials that even today form the basis of our everyday lives.

If we pay close attention to the material world that surrounds us, we will notice that; in addition to the things we normally take as symbols of America – jeans, *Coca-Cola*, chewing gum – there are many other everyday objects that were invented and put into wide use in 19th-century America.

Thanks to the well-regulated U.S. patent system, we can document in minute detail the origin of ordinary things, things that seem to have been around forever, with no need for invention. Almost anything that came into the heads of the enterprising Yankees has been kept in the archives of the U.S. *Patent Office*, and is now easily accessible online to anyone who wishes to study it.

The 19th century witnessed a real boom in patents. But many of the everyday objects that surround us were invented in America even earlier, beginning in the middle of the 18th century. You can see that without getting up from your chair. Literally – without getting up from your swivel chair, which is widely used in the 21st century.

It is, perhaps, symbolic that this indispensable feature of the Internet age was invented the same year that the Declaration of Independence was signed (1776), and not by just anybody, but by the document's chief author, Thomas Jefferson! According to some accounts, it was just such a chair that Jefferson sat in while he was composing drafts of the future historic document.

Oh, and by the way, if the Founding Father had written his document 100 years later, he would have found it much easier to organize all those important pages.

In 1867, Samuel B. Fay patented his paper clip, which at the beginning did not look much like the article we see today in office supply stores, but it performed the same function. Three years later, a British company began to manufacture paper clips with the design that has lasted up to our own day, but the invention belongs to the U.S.

It would have been much easier for Jefferson to write and correct his work with an invention from 1858 – a pencil tipped with a rubber eraser. Don't think that this was a mere trifle: Hymen Lipman, who held the patent for the eraser pencil, sold his rights in 1862 (in the middle of the Civil War!) for \$100,000.

Jefferson, however, did not normally write with a pencil; he used a quill pen, an item that would be difficult to find among our present-day office supplies. But a modern desk would almost certainly contain one or more ballpoint pens. The patent for a rod with ink and a ball at the tip was given to American John J. Loud in 1888. Initially, the new instrument was intended for marking rough surfaces, such as wood, leather, or fabric. Loud, unlike Lipman, did not get rich from his invention: His working models were too clumsy for writing on paper. It wasn't until 1938, after a formula was created for special, thicker ink; that the modern ballpoint pen first appeared. It was patented in Great Britain by the Hungarian journalist László Bíró.

Before we leave our desks and continue our tour of American material civilization, we should take a look at our computer keyboard. What about this indispensable feature of the modern age owes its origin to 19th-century America?

The arrangement of the Latin letters, of course.

The typewriter itself cannot be considered an American invention, but the first commercially successful model, the Remington No. 1, was put into production in the U.S. in 1874, and the upper row

of its keyboard began with QWERTY. This ordering of the letters cut down the number of times the keys would stick, since combinations of letters often used together were located on different sides of the keyboard.

Like every other innovation in America, this combination of keys was patented (1873). The name of the man to whom we owe “QWERTY” is Christopher Sholes. As a young man, he was a well-known politician in the state of Wisconsin, and had a seat in the State Senate. After the Civil War, he became the owner of a local newspaper. The idea of improving the typewriter came to him after a strike by the typesetters at the printing press, which almost ruined his publishing business.

After our desks, it is our kitchens that contain the greatest concentration of artifacts from America’s material civilization. Let’s start from the most basic item – the bags we use to carry our food from the store to our house (incidentally, if it is a self-service store, where the customer takes the item off the shelf by himself and pays at the cash register, this is also an American invention, although the patent for this idea was not registered until 1916, a bit later than the 19th century, which is what we are now interested in).

Today, due to environmental concerns there is a worldwide campaign against plastic bags, and a preference for the more ecology-friendly paper ones.

If you think the paper bag was invented along with the paper itself, you are deeply mistaken. It was not until 1868 that Margaret E. Knight, who is often called the most famous female inventor in 19th-century America, invented the machine to manufacture modern paper bags. In 1871, after several years of court battles with Charles Annan, who tried to get the rights to Knight’s machine for himself, she managed to register her patent (US109224).

This was the first patent in the history of the United States granted to a woman. Her income from the sale of paper bags allowed Margaret Knight to devote the remainder of her life to her beloved pursuit of technological innovation and invention.

After 1868 it took the enterprising Americans another ten years or so to take the next step, which nowadays seems so simple and natural: creating a machine that puts together cardboard boxes instead of paper bags. The modern cardboard box, manufactured with a special press, appeared in 1879, in the New York borough of Brooklyn, in a factory belonging to Robert Gair.

As with many inventions, the idea for the “box machine” came to Gair due to an accident: A worker had incorrectly set a machine so that instead of creasing paper bags, it began to cut them. Before this

incident, which ruined 20,000 bags, cardboard boxes were cut by hand in Gair's factories, using dozens of female workers. Now they were all fired, and Gair was the proud owner of a very lucrative patent.

It was not just the shape of the bags that interested American inventors in the 18th–19th centuries; they did a lot of work on what went into them, as well.

Crackers were invented way back in 1792 by John Pearson, from Massachusetts, who was the first to sell dry biscuits. This product was immediately popular among sailors, because it kept well during long sea voyages. A more modern type of cracker appeared in 1829, when Presbyterian minister Sylvester Graham, who was looking for a way to vary the Lenten menu, began to bake "Graham bread" at home. These were small square sheets with a lot of holes.

African American chef George Crum was the first to offer customers potato chips in his restaurant in Saratoga, New York. The fame of "Saratoga chips" spread all across America, and Crum became what today we would call a "media sensation".

Condensed milk is another product that was invented in America.

In 1856, Gail Borden obtained a patent for a machine that made it possible to preserve and store milk, which led to a real revolution in agriculture at the time. According to Borden's biographer, the idea for condensed milk came to him on board a boat, when he was returning from a trip to Europe. Right in the middle of the Atlantic Ocean, an epidemic struck the cows that it was customary to bring on such trips, to provide passengers with fresh milk products. Borden, who had previously tried to make money from dried beef, suddenly realized that people needed condensed milk a whole lot more.

This technological innovation came just at the right time, and during the Civil War, the Northern armies bought a huge quantity of condensed milk from Borden's factories, making him a very rich man.

We could easily continue this list of American culinary inventions, but let's take a look at kitchen implements and technology instead. The American invention boom has left its imprint here as well.

We can start with the most prosaic items, such as salt and pepper shakers. Yes indeed, these small containers with screw-on lids are also patented: In 1858, John Landis Mason became the proud holder of the license. His "Mason jars" differed from other containers because of the glass threading and metal tops (the rubber seal was added later, with a separate patent in 1870).

Salt and pepper shakers were just one example of how such a universal design could be used; it also led to a surge in the making of household preserves at the end of the 1870s. But this was not possible until Mason's 17-year patent ran out: The inventor was not all that en-

terprising, and instead of mass-producing his jars, he spent those years in court, closely guarding his know-how from unscrupulous competitors. As a result, he failed to profit; and spent his life as a simple accountant.

Another simple item, the drinking straw, is another patented product. Even though archeologists maintain that the ancient Sumerians liked to drink beer through a straw, it was not until the boom in American invention that straws were mass-produced in factories. In order for this to happen, all that was needed was a way to prevent paper straws from getting soggy when they were put into drinks (plastic had not yet been invented). In 1888, the owner of a cigarette factory, Marvin Stone, got a patent for a tube made of waxed paper. Within two years Stone was receiving the bulk of his income, not from cigarettes, but from the sale of his “Stone’s straws”.

The same thing happened with the cookie cutter (1875), the bottle cap (1892), the rotary can opener (1870), the “spork” fork-and-spoon hybrid (1874), the “pie fork” (1891) – for use at buffets when one’s hand was busy holding the plate, paper towels and toilet paper on a roll (1857), and even the ice cream scoop (1897).

This desire to refashion simple things and give them a new function, making everyday tasks simpler and more efficient, came from Americans’ realization that it was possible to quickly transform a simple idea into a product of mass consumption, capable of making the inventor rich and famous.

America’s 19th-century invention boom stemmed from the unique atmosphere of unlimited possibility that distinguished the United States from all other countries.

Of course, the introduction of electricity into everyday life in the 1870s–1880s, gave a huge boost to American inventiveness; we will devote a separate lecture to this theme.

Now, as we leave the kitchen to continue our excursion, we will note just two electric appliances that were invented in the U.S. in the 19th century and which transformed the lives of American housewives: the dishwasher and the electric stove.

The first dishwasher was made of wood, with a hand crank, and was patented by Joel Houghton of New York in 1850. But this new technology was not taken seriously until 1886, when Josephine Cochrane was awarded a patent.

Josephine was a wealthy woman with a large collection of expensive china, and she wanted to cut down on the damage to her precious cups and plates at the hands of careless servants. With the help of a mechanic, George Butters, she designed a unit powered by an electric motor, which received the top prize at the World’s Fair in Chicago, in 1893.

It was not until much later, in the 1970s, that the dishwasher became a common appliance in ordinary American homes.

American entrepreneur George B. Simpson managed to patent the electric stove several decades before electricity became accessible to the average consumer. In 1859 he proposed using electricity to “warm rooms, boil water, cook victuals...”

Simpson's idea was to heat a large metal sheet using a platinum-wire coil powered by batteries (the only source of electric energy at the time). Naturally, such a patent had no practical application, and the real inventor of the electric stove is Canadian Thomas Ahearn, 1892. Nevertheless, Simpson is still remembered for his invention, and his primacy is secured by a U.S. *Patent Office* seal.

We have already found an incredible number of items invented by Americans on our desks and in our kitchens, and we have not even looked at the rest of the house.

Let's not waste time on obvious things like the electric iron or fan (both patented in the U.S. in 1882), or central heating (1877); instead, let's look at something that does not appear to be the product of sophisticated scientific thought.

For example, the ironing board.

The patent was awarded in 1858 to two esteemed citizens of New York: William Vandenburg and James Harvey. History has not preserved any testimony as to the circumstances surrounding this amazing invention: apparently, nobody made any real money from the sale of ironing boards.

But the inventor of the fly swatter, Robert R. Montgomery was quickly able to find a buyer for his patent, registered in 1900: The new device drew the attention of John Bennett, industrialist and inventor. Bennett's “better fly swatter” was so popular that it was mentioned in his obituary in 1966 (along with his invention of the beer can).

American inventors in the 19th century showed a special interest in the problem of rodents. Judging by the number of patents issued for various types of mousetraps, these small pests caused significant damage. The classic mousetrap, used right up until today, was invented and patented in 1894 by William C. Hooker, of Illinois. Five years later, Englishman James Henry Atkinson made a slight improvement to the principle of the mousetrap (the trap was now sprung by tugging on the bait, rather than by stepping on a lever), which gave rise to a longstanding, heated debate between Americans and the English over who first invented the mousetrap.

By the 21st century passions had abated somewhat, and no one now seriously threatens Hooker's reputation as the trailblazer in the fight against rodents.

Another basic item, the spring clothespin, was patented by a Vermont resident, David M. Smith, in 1853. In the inventor's rather mundane life, his biographers have noted one touching detail. As he meditated on the shortcomings of the everyday world around him, Smith loved to take up his violin, playing various simple melodies. During one of these sessions, apparently against a backdrop of drying laundry, Smith had an epiphany. But, as in the case of the mousetrap, the design of the clothespin underwent years of modification and perfecting, until 1887, when Solon E. Moore produced an item like the one found in modern hardware stores.

Even in cases where there did not seem to be much to add to what had already been invented, 19th-century Americans continued to think long and hard about new creations, never failing to register the results of their musings with the *Patent Office*.

In 1858, a big year for patents, one stands out: Patent #20811 – the dustpan. The name of the inventor is enshrined in the paperwork: Thomas E. McNeill, of Philadelphia. His know-how involved a special kind of dust pan, which prevented the dirt from spilling out as the brush went back and forth. A few decades later, in 1897, an African-American inventor named Lloyd Ray added another important feature to the dustpan: a long handle. It was now possible to sweep up dirt without bending down.

But now it is time to leave the house and go out onto the street. Taking our jacket off its hanger (U.S. patent, 1869), zipping it up (U.S. patent 1893) – we could also put on jeans (1873) and a cowboy hat (1865) – we go for a walk. There is no getting around that classic of American invention, Benjamin Franklin's lightning rod (1749), also the fire hydrant (1801).

It is an interesting fact that neither of these devices has left a trace in the *Patent Office*: Franklin categorically refused to register his inventions, considering them to be the property of all mankind, and the patent belonging to the inventor of the fire hydrant, Frederick Graff, was destroyed... by fire, in 1836, along with thousands of other early American patents.

Since we're talking about fire and other dangers, we should note that security has always been a central theme for American inventors. Every possible type of alarm – fire alarms, burglar alarms, right up to various smoke monitors and leak detectors, automatic sprinklers – was patented in the U.S. in the 19th century.

Even the gas mask, which became a hated symbol of World War I following the notorious mustard gas attacks, was invented long before that era, in 1847–1849, by American Lewis Haslett, for the completely peaceful purpose of cleaning dust from inhaled air. A major difference

between the gas mask and the respirator, which had been invented in France in the 18th century, was the addition of two valves, one for inhaled air, one for exhaled air (outside air was filtered).

It is, of course, in the mechanic's workshop that we find the highest concentration of discoveries, testifying to the all-pervasive nature of American material civilization.

The workshop, like the kitchen, is a real center of 19th-century American artifacts. Here are just a few of the tools invented in the U.S.: the circular saw (1813); the milling machine; (1816); the jackhammer (1849); the pipe wrench (1869); the ratchet wrench (1863); the sandblaster (1870); the airbrush (1876); twist drill bits (1861); the tape measure (1868).

The sewing machine (1833) is a special case: It played a unique role in the development of America, and of the whole world, for that matter. In addition, from the moment it was invented, the sewing machine, like the typewriter, had a very distinct gender association: It was meant for women, not for men. However, among the numerous U.S. patents connected to modifications and improvements to the sewing machine, we could not find the name of a single woman.

Taken together, the range of technical innovations patented in the U.S. during the 19th century would fill a good-sized hardware store. It is even a bit strange that no one has thought of that as a marketing ploy: opening a store that stocks only goods invented in the USA. Perhaps the reason is that the customer would leave the store without a hammer, nails or screwdriver: these useful tools were invented before the start of the American invention boom.

Continuing our excursion through the world of American technical artifacts, we come out onto the road, where we will certainly soon come upon a bridge – one of the oldest artificial constructions known to man. American inventors registered several patents for various types of bridges in the 19th century, including truss bridges. One of these patents was granted to engineer and architect William Howe, in 1840; his design was used in Russia, among other places, in the railroad construction between Moscow and Saint Petersburg, which opened in 1851. These bridges are used up to the present day to link the shores of the Obvodny Canal in Saint Petersburg; they are even called *American bridges*.

Since the United States was the world leader in railroad construction in the 19th century, many technical solutions designed in the U.S. are still in use today. For one, the Pullman sleeping car (1867) was the first mass-produced railroad car allowing passengers to travel in comfort.

The refrigerator car, initially meant to haul large blocks of ice, was invented in Chicago in 1877, which definitively transformed Chi-

cago into the meatpacking capital of the United States. Huge herds of cattle grazed and grew fat on the Great Plains, and were then transported to Chicago and its infamous slaughter-houses, from where cuts of meat were shipped to every corner of the country in refrigerated cars.

Other important American railroad inventions were the George Westinghouse railway air brake (1872), and the Eli Janney knuckle coupler (1873). Both are still widely used in railroad transport.

Among iconic inventions in other areas of transportation, we should mention the gas pump, patented in 1885 by Sylvanus F. Bowser, of Indiana. It is interesting to note that filling stations selling gasoline and kerosene began to appear in the U.S. 10–15 years before the automobile started to be widely used. There was no shortage of customers, however: kerosene and other petroleum products were still used for lighting, since Edison's light bulb (1879) had just begun its triumphal march across the globe.

Among the numerous American inventions in the agricultural sector, we will mention only two: the combine harvester (1834) and the tractor. Hiram Moore is considered to be the inventor of the combine; he was, in any case, the first person to patent the idea. But the name on the pages of most textbooks is Cyrus McCormick, who patented a horse-drawn mechanized threshing machine, also in 1834.

It was McCormick who managed to establish a company known all over the world for agricultural machinery: *McCormick Harvesting Machine Company*, which in 1902 became part of the even more famous *International Harvester*.

As for tractors, the first unit with an internal-combustion engine that ran on gasoline was invented in 1892 in the state of Iowa, by the German-American John Froelich.

As we move from the country to the city, we immediately find that classic of 19th-century American architecture, the skyscraper. The first skyscraper – a 10-story insurance company – was built in Chicago in 1884. The construction of buildings with metal frames was made possible by advances in the steel industry. But skyscrapers needed more than just walls made of new materials; many other technical innovations were necessary to make skyscrapers practical.

For one thing, they needed safe and rapid elevators. A lift with an electric motor was invented in Germany in 1880 by Werner von Siemens, but it was the American Frank J. Sprague who improved it and made it convenient to use at the beginning of the 1890s.

The elevator safety brake had been invented much earlier, in 1852, by American Elisha Otis, who founded the company that is still making first-class elevators today. One interesting fact about

Otis: His first job was organizing carnival attractions. He would hoist thrill-seekers up onto a special platform, equipped with the braking mechanism he had designed, and then send them into a terrifying but perfectly safe free-fall.

Leisure and hobbies were a special focus for Americans. In fact, this is where the history of American invention started: In 1717, 11-year-old Benjamin Franklin, future Founding Father, amazed his friends by appearing on the beach in swim fins he had designed himself. No one had ever seen anything like it.

In the 19th century, the U.S. *Patent Office* registered such innovations as the *Ferris Wheel* (1891), the barbeque gridiron (1836), the *Flexible Flyer sled* (1889), the slot machine (1887), the *Kinetoscope* (1888), and the *Phantoscope* (1890s), mass-produced photographic plate, (1879), and, last but not least, the *Kodak camera* with flexible roll film (1888). After taking 100 shots, the *Kodak camera* could be sent to a studio, where the film was developed and the photos sent back, along with the re-loaded camera.

Americans in the 19th century contributed a great deal to the development of new types of material, such as vulcanized rubber, barbed wire, and Scotch tape, as well as medical technology (ether for anesthesia, disposable rubber gloves, the dissolvable pill, the electric drill). These innovations were not the fruit of extended scientific experiments; they did not require complicated theory or mathematical calculations. The most common form of experimentation for Americans was trial and error.

For example, it is a well-known fact that the inventor of vulcanized rubber, Charles Goodyear, spent years trying to find a substance that, when combined with rubber, would not melt in the heat or become brittle in the cold. But his discovery, which led to his patent in 1844, occurred when a piece of rubber mixed with sulfur accidentally fell onto a hot stove.

It was not formulas and theory; but common sense and luck that were the lodestars of American inventors in the 19th century.

The examples cited here should be sufficient to convince us that America's 19th-century material civilization contributed quite a lot to modern life. Scientific discoveries and high-tech innovations in the 20th and 21st centuries, to which Americans have also contributed a great deal, have overshadowed the world of everyday items. No one today would think of listing the fly swatter or the can opener among original technological solutions requiring creativity and inventiveness. But this is only possible because the United States in the 19th century first paved the way for the rest of the world.

The image of the Yankee inventor that took shape in Europe beginning in the 1820s, after the construction of the *Erie Canal*, was constantly fed by news of simple but amazing items that Americans had thought up, overtaking the more conservative Europeans (or at least beating the Europeans to the *Patent Office* to register their inventions).

It is clear that the explanation for this phenomenon does not lie in any particular qualities of the American inventor. Most of them were first- or second-generation immigrants, meaning they were those very same Europeans. Rather, it was the socio-political and socio-economic environment in which they made their amazing discoveries.

In the 19th century, a New World was rising, in many ways different from any previous model, and this New World desperately needed new material surroundings, made up of tools, instruments, mechanisms, etc. American inventors, motivated by an insatiable thirst for fame and fortune, created those surroundings. That environment still serves its purpose, although our lives are gradually changing, and we may soon need a fundamental transformation to our everyday material culture.

Some things, like the typewriter or the “Jefferson plow”, have already been consigned to museums, while others have undergone radical modernization, and are only distantly reminiscent of their early American prototypes (the dishwasher or the vacuum cleaner, for example). Sooner or later, mankind will enter yet another period of rapid change in material culture, but for now, in a certain sense, we are all still living in 19th-century America.

Further Reading

- Benson A.K.* *Inventors & Inventions (Great Lives from History)*. Hackensack, 2009.
- Bryson B.* *Made in America: An Informal History of the English Language in the United States*. Cambridge, 1998.
- Bunch B., Hellemans A.* *The History of Science and Technology. A Browser's Guide to the Great Discoveries, Inventions, and the People Who Made Them from the Dawn of Time to Today*. Boston, New York, 2004.
- Technology in America: a History of Individuals and Ideas / Ed. by Carol W. Pursell, Jr.* Cambridge, London, 1990.

Electronic Resources

- Famous Inventions that Changed the World
[Electronic Resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=v0NAiddXYh0>
(accessed 25.05.2021).
- Google Patents [Electronic Resource]. URL: <https://patents.google.com>
(accessed 25.05.2021).

Lecture 4. How Big Business Transformed the United States into an Industrial Power

America's industrialization is a tale full of drama, great achievement and tragedy, victory, and defeat. It is a tale of the rise of one of the main symbols of American society – Big Business. It is a tale with heroes and villains, who figure in Americans' historical memory as captains of industry or “robber barons”, depending on how one views their achievements and their consequences.

In medieval Europe, the “robber barons” were landowners who blocked the roads and rivers belonging to them, demanding payment for the right to pass by vehicle or even on foot. This term was brought back from obscurity in 1859 by a journalist for *The New York Times*; when the term “robber baron” was applied to shipping magnate Cornelius Vanderbilt. He would let his competitors use the routes he controlled only after they paid him a hefty sum. America had never had a medieval period before, but it came nonetheless, even if it was during the industrial era.

In the final third of the 19th century, amidst the period of intensive economic growth and industrialization in the U.S., the biggest abuses and most corrupt practices were connected to the construction and exploitation of new transportation arteries. It was not just the enormous capital that was circulating in this sphere; roads became the bloodlines of the new American economy. The centralization of control was felt by everyone, from owners of major companies; to simple farmers who had to get their harvest to consumers, to city dwellers who experienced a sharp increase in the price of everyday goods.

The U.S. legal system was completely unprepared for these new challenges. It was impossible to hold Vanderbilt accountable since he was not violating any laws. When reading the biographies of the “robber barons”, one cannot help but be surprised at the various and cunning means they invented to enrich themselves. Under their pressure, the government system devised by the Founding Fathers began to unravel. But it is just as surprising that these robber barons, despite their greed, their lack of morals, and even, at times, their cruelty, did not

manage to put America's entire national wealth in their pockets, or take control of the government.

Moreover, some of them, in their old age, became active philanthropists, giving a significant portion of their accumulated millions to charity, museums, universities, and libraries. On the whole, American society gained more than it lost as a result of this tumultuous period from the 1870s to the 1890s, which Mark Twain dubbed "the Gilded Age".

The story of how these future American multimillionaires earned their money is rife with examples of determination and hard work. Take, for example, Andrew Carnegie. In 1848, his family moved from Scotland to western Pennsylvania to escape dire poverty, when America's future "steel king" was not even 13 years old. Andrew had to take a job at a local weaving plant, working six days a week, 12 hours a day, loading spools of thread into the machines, making less than five dollars a month.

Sometime later, Carnegie was able to get work as a telegraph operator by using his connections. That was when he began to show his amazing abilities: he remembered the names of all the clients, and, unlike his colleagues, he could translate Morse code into text as he heard it, without writing it down on paper first.

His career took off, and at age 24, Carnegie had already become the head of one branch of the Pennsylvania railroad. Gradually, thanks to wise investments and his connections in the state's business circles, Carnegie accumulated enough capital to open his own steel mill.

But Carnegie's biography can hardly be considered the most typical rags-to-riches example in America's Gilded Age. There are other tales where fortunes were amassed by other means. One of the best-known men of this type is Daniel Drew. His father died when he was young, and during the War of 1812 with the British he earned his first \$100 by joining the army in place of a wealthy neighbor. Later, Daniel would earn money by working with a traveling circus, then switched to selling livestock, where he engaged in his first serious business endeavor. He bought a small herd on credit, then contracted to sell the cows. But the night before the sale he fed the cows salt, and as a result, the cows drank so much water that each of them had gained a couple of dozen kilos.

When Drew became a well-known stock trader many years later, he often used similar methods: He would release unsecured shares to companies he owned. When his competitors tried to gain a controlling interest in his firms they would suffer serious losses, chasing after endlessly multiplying "securities," and in the end, be forced to relinquish their plans.

This type of stock market manipulation was called “stock watering” – believed to come from Drew’s old practice of giving his cows water to drink before taking them to market. So the skills he learned from cowboys and New York butchers helped Drew in this new phase of his biography, allowing him to become one of the leading financial magnates of his time. Like almost all the robber barons, at the height of his career, Drew controlled several major railroad branches, including the extremely profitable *Erie Railroad*, which traveled along the famous canal of the same name.

Two of Drew’s colleagues on the *Erie Railroad Board of Directors*, Jay Gould and Jim Fisk, earned their place in history thanks to a major stock scheme they organized in 1869. By bribing people close to President Ulysses S. Grant, Fisk and Gould first arranged to suspend regular sales of gold from the *U.S. Treasury*, then started buying up the precious metal, driving its price up by 60%.

The amounts these speculators were dealing in were so high that a one-dollar rise in the value of an ounce of gold yielded a profit of \$300,000 (in 2019 prices). In just one day Gould and Fisk earned several million dollars each, while ordinary Americans, forced to pay their bills with rapidly devaluating “greenbacks” could only look on in horror. Finally, President Grant caught on to what was happening and ordered the Treasury to sell a significant portion of the nation’s gold reserve. The price of gold plunged by 30% in just one day (“Black Friday”, September 24, 1869), Gould and Fisk lost some of their millions, many stock traders went bankrupt, and the country entered a recession that lasted several months.

When Gould and Fisk were brought to account for what they did, it turned out that the judges of New York, who were controlled by another robber baron, William Tweed, were not inclined to hear the case impartially, all the more so since the swindlers were being defended by the best lawyers in the country. As a result, Gould and Fisk escaped criminal charges, although Gould was forced to leave New York, where he was almost lynched on the street. He later became the owner of several railroad branches out West. Fisk also continued his career in business, although he was killed in 1872.

The power and influence of the robber barons in the 1870s–1890s grew to such an extent that they began to exercise real influence on the foreign and domestic policies of the United States. The U.S. Senate was under the de facto control of financial magnates: At that time senators were not elected by popular vote; but were selected by the legislative bodies of the separate states. The robber barons, with their millions, were easily able to bribe local legislatures, and they made sure that

“reliable” people were selected for the Senate. Sometimes they took Senate seat for themselves.

The U.S. Congress was at the height of its power: after the assassination of President Abraham Lincoln in 1865, the White House passed to a string of weak presidents, with little political talent. The system of checks and balances that the Founding Fathers had built into the Constitution did not work, which allowed the growing class of American multimillionaires to pass laws that were beneficial to themselves without having to worry about public opinion.

The huge amount of capital circulating in the rapidly growing U.S. economy provided rich grounds for corruption. It was difficult for government workers to resist the temptation of personal wealth when the robber barons insisted on offering them opportunities for mutually beneficial projects. The administration of President Ulysses S. Grant, mentioned above, found itself once again at the center of a corruption scandal in 1872: Grant’s Vice-President, Schuyler Colfax, was accused of acquiring, for cut-rate prices, shares in a fictitious construction company, *Crédit Mobilier*, which had been created by the owners of the *Union Pacific transcontinental railroad* to further their interests.

In addition to Colfax, several other high-ranking politicians were tempted by the cheap, profitable shares: Speaker of the U.S. House of Representatives James Blaine, 1872 Vice President candidate Henry Wilson, congressman James Garfield, and many others. It’s worth mentioning that, despite exposés published in the *New York Sun* and furious discussion among the citizenry, almost all participants in the scandal came out with their reputations intact. Their political careers continued uninterrupted, and James Garfield was even elected President of the United States in 1880.

Neither people living at that time; nor Americans living in the 21st century; would seemingly have trouble deciding what kind of people Drew, Gould and Fisk were. They were crooks, of course, who used any possibility open to them for personal gain. They also posed a threat to the prosperity of millions of people, and caused significant harm to the reputation of the U.S. both at home and abroad. European newspapers covered the American corruption scandals in detail, which just reinforced the already widespread opinion in the Old World that the U.S. political class was completely subservient to the interests of the robber barons. It created the impression that the American experiment, which rested on the noble ideals of the Founding Fathers about service to society and the priority of shared values, had failed, and a new state was rising across the ocean that was based on the ideology of social Darwinism.

Representatives of this ideology (of which the clearest example is the Englishman Herbert Spencer), maintained that human society is ruled by the same principle of natural selection; or survival of the fittest, that Charles Darwin used to explain evolution in the animal world. The conduct of the robber barons, and of those politicians they bought, could be easily explained by such a theory.

But in spite of the moral degradation that was apparent to many observers, American society continued to grow and develop. Corruption caused a huge public outcry and brought a lot of negative consequences in its wake, but it did not halt the construction of new railroads, roads, mines, and factories. Odious figures like Drew, Gould, and Fisk attracted attention, but they were not the true creators of industrial America.

There were a lot of complicated characters among the robber barons, such as Andrew Carnegie, whom we have already met. They, of course, were no stranger to various shady schemes, and they did not consider it morally unacceptable to bribe government officials, but they did not earn their money solely through primitive financial speculation. In the economic conditions that were forming in the U.S. at the time, it was often easier to earn millions, not by playing the stock market, but by developing new fields of industry, which at that time was experiencing an historic boom.

Among the most brilliant robber barons in this category, who certainly took care of enriching themselves, but also made enormous contributions to the development of the nation, one man stands out: John D. Rockefeller, creator of the U.S. oil industry.

The name Rockefeller has become synonymous with immense, incomparable wealth. Rockefeller does, indeed, head all possible lists of the richest people in U.S. history. At the peak of his career in 1913, Rockefeller had assets amounting to 2% of the entire U.S. economy (\$400 billion in today's prices). The *Standard Oil Company* he created in 1891 controlled 70% of the world oil trade.

On the one hand, one could say that Rockefeller was simply lucky: he began to drill and refine oil in the 1860s, at the dawn of the new petroleum era. Rockefeller founded the Standard Oil Company with five partners in 1870 when kerosene started to be used for lighting, and was enjoying tremendous demand all across America. In the 1890s Edison's electric light bulb edged out kerosene lamps a bit, but numerous new consumers of petroleum products appeared: owners of cars with gas engines.

Undoubtedly, Rockefeller's unique qualities – mainly his harsh character, sometimes bordering on cruelty, largely made it possible for *Standard Oil* to win 90% of the American market for petroleum pro-

ducts just five years after its creation. In 1880 Rockefeller's company was already being characterized in the American press as "the most cruel, impudent, pitiless, and grasping monopoly that ever fastened upon a country".

The dubious methods that Rockefeller employed to engulf smaller competitors and create his own oil empire became widely known after the publication in 1904 of a series of exposés that turned into a famous book by Ida Tarbell, *The History of the Standard Oil Company*.

Tarbell's research created a distinctive standard for this type of work. After this exposé of Rockefeller's abuses, many other publications appeared, casting light on how the business empires of America's leading industrialists and financial magnates had been built.

Journalists working on such themes began to be called "muck-rakers", a term devised by President Theodore Roosevelt. Thanks in large measure to Tarbell's exposés, the U.S. Supreme Court in 1911 decided that the *Standard Oil Company* was to be liquidated for violating anti-trust legislation, and broken up into dozens of smaller companies. These new companies later became *Chevron*, *Mobil*, *ExxonMobil*, and other famous brands that still exist today.

We should note that Rockefeller, the richest man in the country, who had vanquished all competitors, subordinating them to himself, could not stop Ida Tarbell from publishing compromising materials in her articles and books. He had to hide from journalists, answering every question with just one line: "Not one word about this misguided woman."⁷ Rockefeller even lost all his hair from the stress.

Of course, the breakup of *Standard Oil* did not make Rockefeller any poorer: the market value of the 34 companies that arose from its ashes was worth more in total than the original company, and Rockefeller was the main shareholder.

Even Ida Tarbell could not deny that Rockefeller had made an enormous contribution to the industrial development of the U.S., and that it was in large part thanks to his efforts that America had outpaced its competitors on the cusp of the 20th century, assuming a leading position in the world economy.

Rockefeller, despite all the cynicism and cruelty of the business world in which he had to function, was quite religious throughout his long life (he died in 1937 at the age of 97). He regularly attended prayer meetings and was an active philanthropist.

⁷ *Tarbell I.* American Experience // PSB [Electronic Resource]. URL: <https://www.pbs.org/wgbh/americanexperience/features/rockefellers-tarbell/> (accessed 25.05.2021).

Rockefeller's mother often brought her son to the local Baptist church in a small town in New York. That is where little John heard the preacher utter the phrase that, according to his own recollections, dictated the life creed of the future multimillionaire and philanthropist:

I believe it is a religious duty to get all the money you can, fairly and honestly; to keep all you can; and to give away all you can⁸.

As a philanthropist, Rockefeller gave special consideration to church groups, universities, and medical facilities. In his youth, Rockefeller had been an abolitionist – an active opponent of slavery. As such, a significant portion of his charity donations from *Standard Oil* was allocated to the education and medical care of former slaves.

In 1902, Rockefeller donated \$180 million to create the *General Education Board*, a philanthropic organization giving grants to various universities and medical schools right up until the 1960s. In 1913, soon after the breakup of Standard Oil, he established the Rockefeller Foundation, whose mission included nothing less than “promoting the well-being of humanity throughout the world”. Altogether, Rockefeller donated almost \$550 million to charity throughout his life, which would equal close to \$50 billion in today's money.

Rockefeller's example – becoming a major philanthropist in the second half of his life – was more the rule than the exception for many of America's industrial magnates of that era.

Andrew Carnegie, the “Steel King”, donated around \$350 million to charity, and bequeathed to his heirs the following life strategy: spend the first third getting an education, the second third making money, and the final third spending that money to benefit society.

One of the most odious robber barons, John Pierpont (J.P.) Morgan, is known not only as the founder of a financial empire and the owner of many banks, factories, railroads, and the *U.S. Steel Corporation* (to whom even the U.S. federal government sometimes had to turn for help); but also as a patron of the arts, who gave significant support to museums and universities.

After Morgan's sudden death in 1913 at the age of 75, it turned out that his personal fortune was a mere \$118 million, of which \$50 million was invested in his art collection. Learning of this, Rockefeller noted: “and to think, he wasn't even a rich man”⁹.

⁸ J.D. Rockefeller Quotes // Citatis [Electronic Resource]. URL: <https://citatis.com/a8790/0788e/> (accessed 25.05.2021).

⁹ Quoted in: *New York Times*. 1970. April 14. P. 45.

Another instructive tale from that time is the history of the Guggenheim family. The patriarch of the family, Meyer Guggenheim, moved to the U.S. from Switzerland in 1847, and profitably invested money in mining in Colorado, where “silver fever” was just taking hold.

Meyer’s aim was not just to earn his American million, but to make each of his seven sons a millionaire. By the end of the 1880s he had reached his goal: each of the Guggenheim brothers was a director of part of his father’s business empire, composed of numerous mines and metallurgy plants, scattered all over the world. But the Guggenheim family is rarely listed among America’s robber barons: there is almost no evidence that any of them engaged in shady practices. The envious could only mutter: “what one Guggenheim missed another was sure to think of”¹⁰.

As a philanthropist Solomon Guggenheim was the most prominent of Meyer’s sons: in 1937, he created a charity foundation and transferred to it a rich collection of paintings and other objects, which formed the core collection of New York’s *Guggenheim Museum*.

The debate is still raging in American historical literature about whether these captains of industry were unprincipled, cynical robber barons, governed only by their mercenary interest, or leaders of the nation, who carried out the industrialization of the American economy.

It is obvious that the world of “savage capitalism” described in the works of social Darwinists, if left to its own devices, could never have grown to value public service and social responsibility. The law of profit maximization forced the robber barons to pay as little as possible to the workers in their factories, and not to invest resources in worker safety or improving their workers’ living conditions. Millions of European immigrants, drawn to the U.S. by stories of amazing economic opportunity and political freedom, were prepared to work for almost nothing by American standards, since the situation in their home countries was even worse.

There was no talk of worker solidarity, of a willingness to stand up against capitalist exploitation. Although trade unions, such as the *Knights of Labor* and the *American Federation of Labor*, appeared in the United States in the last quarter of the 19th century, bringing together thousands of people, generally the labor movement posed no threat to big business. When there were occasional strikes, even the likes of churchgoing John Rockefeller, or Andrew Carnegie, who loved to discourse on the common good, displayed iron will and decisiveness, giving the order to use force against workers attempting to defend their rights.

¹⁰ Davis J. *The Guggenheims. An American Epic*. New York, 1994. P. 75.

In 1892, several people were killed and hundreds injured when a workers' demonstration was disrupted at the *Carnegie Steel Company* in Homestead, Pennsylvania. In 1914, a real war, involving units of the *National Guard*, broke out in Colorado, where miners at Rockefeller's coal mines went on strike.

Rapid economic growth brought unprecedented wealth to some Americans. In 1870 there were just 100 or so millionaires in the country; in 1892, according to *The New York Tribune*, the number increased up to 4,047. By 1916, the number of millionaires was over 40,000, and at least two of them (John D. Rockefeller and Henry Ford) were billionaires. For many of them, money and luxury were not ends in themselves, but were a means of creation; Rockefeller and Ford led fairly modest lives: they did not use tobacco or alcohol; they worked hard, and demanded the same from their employees.

In 1914, Henry Ford introduced the highest minimum wage in the United States – five dollars a day (approximately \$120 in today's money). He also gave his workers a share in the company's profits, and built a model workers' village, with kindergartens and comfortable homes.

In 1914, his factories began operating around the clock – three shifts of eight hours each, instead of two 9-hour shifts, which allowed him to employ several thousand more people. The higher salary of five dollars a day was not guaranteed: the worker had to spend his wages wisely, supporting his family; they could be fired for drunkenness or gambling. Of course, Ford did not do this out of purely altruistic motives. He was acting primarily out of pragmatism: staff turnover was almost zero, and Ford could attract the most qualified workers to his factories (and poach them from his competitors). In addition, by raising workers' standard of living he turned them into model consumers – they could even buy Ford cars.

Thus welfare capitalism was born; after Ford other entrepreneurs were forced to raise wages and cut hours, and later these changes were fixed in the law.

Many factors were involved in the transformation of "savage" capitalism into something more orderly and socially responsible. One of them was a social movement that spread throughout the country, and came to be called the "progressive" movement.

We have already mentioned episodes like the investigation of the *Crédit Mobilier* scandal by journalists from *The New York Sun*, or the exposé of Rockefeller written by Ida Tarbell. There are a large number of such examples in American history from the end of the 19th to the beginning of the 20th century: the discovery of "Boss" Tweed's corrupt schemes by New York City journalists; Upton Sinclair's novel "The

Jungle”, detailing the appalling conditions at Chicago meat-packing plants; and articles by Lincoln Steffens later collected in a book under the title *The Shame of the Cities*.

These and other publications created an atmosphere of constant attention and control around the robber barons, depriving them of the certainty that they would not be punished for their shady dealings.

It is interesting to note that the principle of free speech, guaranteed by the First Amendment to the U.S. Constitution, was an important factor, but certainly not the key one, in the boom of investigative journalism in the U.S. at the end of the 19th century. While it is true that the government did not prosecute journalists for their political views, nothing prevented Rockefeller or Boss Tweed from simply buying a newspaper publishing unflattering articles and changing its editorial policy to a more desirable one. No Constitutional amendment could have stopped that.

Unfortunately for the robber barons, though, their ascension to the heights of wealth and glory coincided with the technological revolution in printing: the improvement of printing presses made it possible to print enormous numbers of newspapers and magazines quickly and cheaply. New publications sprang up like mushrooms after a downpour. It would have been as difficult to take control of all of them as it would be today to establish total control over information published on the Internet. In addition, even monopolists like Rockefeller always had a certain number of rivals, who might not have the resources to compete with *Standard Oil* in the petroleum industry, but who could finance the work of several muckraking journalists.

Another key factor in restraining the capitalist predators of the Gilded Age was the U.S. judicial system. It may not have been totally free of corruption, but it was independent of the other branches of power. The American public, having read their fill of the muckrakers' material, demanded trials and verdicts – and in many cases, this thirst for justice was satisfied, to a greater or lesser extent.

Election campaigns on all levels, which occurred regularly in the U.S. during the Gilded Age, were heavily influenced by the robber barons, who used the enormous resources under their control to promote the candidates they wanted. But even here, constant criticism from representatives of the progressive movement took effect: first, the principle of the secret ballot was introduced, then party primaries to nominate candidates, and in 1913 the 17th Amendment to the Constitution was ratified, which introduced the direct election of senators.

After all this, history continues to witness loopholes where the owners of business empires affected the outcomes of election campaigns, but there was no longer the all-embracing control of

government institutions by the business elite that had existed in the 19th century.

The culmination of the progressive period, a time when the attention of Americans began to shift from corruption and monopolies to other subjects, coincided with the presidency of Theodore Roosevelt (1901–1909).

Roosevelt was the first strong, decisive president in many years, and he was intent on reform. The American government under his leadership tried to issue an open challenge to the all-powerful robber barons, although Roosevelt had no plan to subordinate the capitalist class to government bureaucrats.

The president only wanted to get rid of the worst abuses, and to enforce laws that had been on the books for a long time, but were not working, like the *Sherman Antitrust Act* of 1890, which was supposed to rein in the monopolies after the first wave of exposés were published.

Private business, strong and independent, was, in the president's mind, an important engine for the U.S. economy, the source of its phenomenal growth. For this reason, when devising measures against the monopolies, Roosevelt tried hard not to harm the "good" businessmen, who had earned their millions honestly.

Roosevelt initiated more than 40 court cases against the monopolies; several of these ended in the liquidation of the most odious of the companies, and the president was nicknamed "The Trustbuster".

This led to the regulation of business, a strengthening of the government's role in regulating the economic development of the country, development of labor legislation, and limits on the worst forms of exploitation. Even this modest encroachment on the power of capital caused a real furor in American society. Abuses by the legislative branch seen in previous decades began to disappear, and the Constitutional system of checks and balances once more began to work in full force. Upset at such a turn of events, Speaker of the House Joseph Cannon declared: "That fellow at the other end of the avenue wants everything from the birth of Christ to the death of the devil"¹¹.

It is true that Roosevelt wanted to change American life in significant ways, and over time he became an icon of the progressive movement. After leaving the White House, Roosevelt, breaking with the Republicans completely, formed his own *Progressive Party*, and ran for president in 1912 as a Progressive. But in the American two-party

¹¹ *Leuchtenburg W.* The American President. From Teddy Roosevelt to Bill Clinton. New York, 2015. P. 48.

system, a candidate from a third party, even one as charismatic as Roosevelt, was doomed.

Roosevelt lost the election. But another progressive politician won: Woodrow Wilson, a Democrat, who continued Roosevelt's policy of using government regulatory measures to make the robber barons behave more responsibly. Laws were adopted mandating an eight-hour workday for employees of private railroads (the first time in history that the U.S. government had established workday limits for private companies), a ban on child labor, and an easing of restrictions on labor unions.

The *Department of Labor*, which had been established by Wilson's immediate predecessor, William Taft, began to work as a mediator in disputes between workers and owners. At the same time, the 16th Amendment to the Constitution was adopted, which gave Congress the right to establish a federal income tax.

During the First World War, the process of harmonization of relations between society, the government, and big business picked up the pace. During the American period of neutrality, the U.S. economy received additional stimulus through foreign investment – orders of military equipment from the countries of the Entente.

After the U.S. entered the war in April, 1917, the government was the major investor in the economy, simultaneously strengthening control over the socio-economic life of the country: a de facto emergency war administration was created, which adopted unprecedented measures to regulate the economy. Prices on raw materials and basic goods were fixed, the government assumed control of entire sectors (primarily transportation and communications), and raised taxes on the most profitable companies.

During the First World War, the U.S. became a highly industrialized power, one of the most powerful countries in the world economy, whose national wealth rose by 40%, where half of the world's gold reserves were held, and where the value of industrial output rose from 23,9 to 62 billion dollars. Industrial and banking systems became more concentrated. The volume of foreign trade doubled, the value of exports tripled (from 2,4 to 7,9 billion dollars). The international financial status of the U.S. changed: The country liquidated almost half of its debt and became a creditor to many countries, with a total sum of 15 billion dollars.

As a result, the U.S., with 6% of the world's population, produced more than half of the world's industrial output, half of its coal, two-thirds of its oil, three-fifths of its steel and iron, and 85% of its cars.

By this time, it was clear that the era of the robber barons had come to an end. American society had coped with the challenges of

“savage capitalism”, was able to weather social Darwinism, and could retreat from the extreme cynicism and egoism of the Gilded Age. Americans were able to deal with all these misfortunes thanks to long-standing social and political institutions, such as a free press, an independent judiciary, and the electoral system, among others.

Religious traditions, especially the Protestant view that material wealth was pleasing to God, and also a special attitude towards philanthropy, doubtless played a role. Even one of the worst of the robber barons, Daniel Drew, left \$250,000 to create a Methodist seminary (although it must be said that, shortly before his death, Drew went completely bankrupt, and the money never got to the intended beneficiaries. Drew maintained his special style to the end).

In just a few decades the U.S. transformed itself from a provincial backwater, with an economy that was not well integrated with the rest of the world, engulfed in internal problems, and conducting a policy of isolationism, into the world’s economic leader, the most advanced technological power, and the trend-setter in organizing production and management.

Big business played a major role in this miraculous transformation, completely changing American society with its harsh, sometimes cruel methods. Among the names of those who created modern America – politicians, scientists, and leaders in culture and the arts – we must give a prominent place to the captains of big business.

Further Reading

- Carnegie A.* The Autobiography of Andrew Carnegie. Sydney, 2016.
- Davis J.H.* The Guggenheims, 1848–1988: An American Epic. New York, 1988.
- Geisst Ch.R.* Wall Street: a History. 4th ed. Oxford, 2018.
- Jashun’skij G.* Milliardery: istoriya krupnejshih finansovyh dinastij. Moscow, 2016.
- Morris Ch.R.* The Tycoons: How Andrew Carnegie, John D. Rockefeller, Jay Gould, and J.P. Morgan Invented the American Supereconomy. New York, 2006.
- Nevins A.* Study in Power: John D. Rockefeller, Industrialist and Philanthropist. 2 vols. New York, 1953.
- Rockefeller J.* Random Reminiscences of Men and Events. Forest Grove, 2003.
- Sogrin V.V.* Politicheskaya istoriya SShA (Political History of the U.S.A.). Moscow, 2001. (In Russ.)
- Strouse J.* Morgan: American Financier. New York, 2012.

Electronic Resources

Famous Inventions That Changed The World [Electronic Resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=v0NAiddXYh0> (accessed 25.05.2021).

Google Patents [Electronic Resource]. URL: <https://patents.google.com/> (accessed 25.05.2021).

Ida Tarbell. American Experience // PSB [Electronic Resource] URL: <https://www.pbs.org/wgbh/americanexperience/features/rockefellers-tarbell/> (accessed 25.05.2021).

J.D. Rockefeller Quotes // Citatis [Electronic Resource]. URL: <https://citatis.com/a8790/0788e/> (accessed 25.05.2021).

Lecture 5. How Electricity and Oil Transformed Americans' Lives

The modern history of electricity begins with the famous “War of the Currents” – direct and alternating – in the last third of the 19th century.

Thomas Alva Edison had developed direct current – electricity produced by the rotation of a commutator in a magnetic field. In the 19th century, direct current generators produced a low voltage, from 120 to 240 volts, but these standards did not come cheap by the scale of the early 20th century. Edison’s customers in the 1880s had to pay \$0,28/kWh. Even with this, the businessman and inventor were successful. Edison built his first power plant in 1882; five years later, he had 120 of them¹².

But the problem with the direct current was its limited capacity due to the low voltage. Electricity dispersed as it traveled along the wire, lowering the voltage, and limiting the use of direct current to a radius of one mile from the power station. An alternative to direct current was alternating current, produced by the rotation of a coil of wire in a magnetic field. The alternating current was capable of generating higher voltage than direct current.

In order to be able to maintain the high voltage at greater distances, in 1885, engineer William Stanley invented the transformer: one would step up the voltage to compensate for losses during transmission, the other would step it back down again for use in household appliances.

It soon became clear that the “War of the Currents” was being won by alternating current, or AC. In 1885, Nikola Tesla, a young engineer from Serbia who was working for Edison, quarreled with the inventor over the prospects for direct current (DC), and left the company. A few years later, after successful experiments and presentations of the effectiveness of AC, Tesla’s work attracted the attention of the millionaire George Westinghouse, who had made his fortune through the invention of the air brake for railroad cars. In 1888 Westinghouse

© Panov A.S., 2023

¹² *Cumo C.M.* Science and Technology in 20th-Century American Life. Westport. 2007. P. 70.

bought Tesla's patents for approximately \$200,000, and invited him to collaborate, devising a work schedule that would be convenient for the eccentric Serbian genius.

Five years later, Westinghouse and Tesla won the contract to supply electricity for the World's Fair in Chicago. The 8,000 arc lamps and 130,000 incandescent light bulbs that illuminated the Fair were a clear signal that the United States had entered the age of electricity¹³.

In 1895, the power station in Niagara Falls began supplying electricity to homes and businesses in Buffalo, New York, which was 20 miles (a bit more than 32 km) away, demonstrating the ability of AC to overcome distances. By 1900, AC had almost completely edged DC out of the business of supplying electricity to homes¹⁴.

Even so, in the beginning, the expense outweighed the convenience of using electricity, and the first truly mass consumer of electricity was the American city. Streets and plazas were lit up with electric lights.

The use of electricity for public lighting began in 1865, when a student in a Cleveland high school, Charles F. Brush, was able to demonstrate the use of a coal-powered arc lamp at home. Eleven years later he invented the dynamo, which worked with high-voltage DC and was able to power arc lamps. After showing his results at the Franklin Institute in Philadelphia, the American Institute in New York, and the Mechanics Fair in Boston, Brush attracted the attention of investors. He sold his lighting system to department stores, promising the owners that they would get twice as much light as from gas lamps, at a much lower cost¹⁵.

For all their advantages over other lighting systems, arc lamps had one serious flaw: they were too bright, which made them unsuitable for household use. As Brush himself reminisced, in the fall of 1876 he demonstrated his lamp in Cleveland's main square:

The occasion was one of a parade of horsemen and foot soldiers, and all that sort of thing-and the light was thrown in their faces as they came up the street. I remember how the eyes of the horses looked like green balls of light. I do not know how well the horses liked it. They did not seem to care for it very much. After a while a big policeman came up and said, "Put out that damn light!" and we put it out¹⁶.

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Pursell C.W. *The Machine in America: a Social History of Technology*. 2nd ed. Baltimore, 2007. P. 133.

¹⁶ Brush C.F. *Development of Electric Street Lighting // Journal of the Cleveland Engineering Society*. 1916. Vol. 6. P. 55.

It is surprising that Brush developed and installed his lighting system with no help from anyone. He did not have a big corporation like *General Electric* or *Westinghouse* paying for his labor. As the engineer put it,

I had no assistant; indeed, no assistant was available. I made all the working drawings for the dynamos, lamps, and special shop appliances needed. Wrote all the patent specifications. Tested and adjusted all dynamos and lamps¹⁷.

After street lights came the electrification of public transport in cities. In 1884 engineer Frank J. Sprague, who had been working for Edison at the beginning of the 1880s, founded *Sprague Electric Railway & Motor Company*. Four years later he built a tramway line in Richmond, Virginia, and 20 years after that, observing the expansion of transportation networks in cities, Sprague proudly proclaimed, "Lincoln Set the Negroes Free! Sprague Has Set the Mule Free!"¹⁸

Sprague had reason to be proud: Between 1890 and 1902 the interurban rail transport in U.S. cities grew from 5,783 miles (approx. 9,300 km) to 22,577 miles (approx. 36,335 km), and the number of trips grew from 111 to 181 a year per city dweller. Five years later there were 34,404 miles of rails (approx. 55,358 km) in the U.S., and the average resident used the tram 250 times per year¹⁹. All of this allowed cities to grow rapidly, by giving residents living on the outskirts the ability to quickly reach the centers, which were given over almost totally to office buildings, banks, and department stores.

Metro lines, both above and below ground, tackled the transportation problem. When New York opened an underground metro in 1904, it was not seen as something surprising. Looking at this new type of transport, which appeared thanks to electricity, one contemporary predicted, "...in a few years the subway will doubtless be as crowded as the elevated roads are now"²⁰. His prediction came true: In its first year alone the New York subway carried 106 million passengers²¹.

It soon became clear that traveling by underground or elevated metropolitan trains was not just a convenient way of getting to work and back. The metro contributed to the democratization of American cities, turning into a place where people gathered, a way of seeing the

¹⁷ Quoted in: *Pursell C.W.* Op. cit. P. 134.

¹⁸ *Sprague F.J.* The Electric Railway // Century. 1905. Vol. 70. P. 520.

¹⁹ *Tarr J.A.* The City and Technology // A Companion to American Technology / Ed. by Carroll Pursell. Malden, 2008. P. 102.

²⁰ *Pursell C.W.* Op. cit. P. 137.

²¹ *Cumo C.M.* Op. cit. P. 57.

sights, or even a concert venue for musicians. It was easiest to get to movie theaters or amusement parks by metro. In the 1920s more than 1 million residents of New York City traveled yearly to Coney Island to ride the rollercoaster²². This was another wonder created by Americans using electricity.

The use of electricity meant that it was easier to organize sports events, both in enclosed stadiums and large open arenas. New lighting technology helped promote basketball and volleyball, which were developed in 1892 and 1895, respectively. But the sport that received the biggest boost from the use of electricity was baseball, which became the No. 1 most popular sport in the U.S. The new lighting systems turned night into day at such New York arenas as Yankee Stadium, Ebbets Field, and the Polo Grounds, which lay along the metro lines, bringing spectators and players alike to the games – even stars like Pee Wee Reese, a two-time World Series champion²³.

The development of mass transit was accompanied by a boom in the construction of skyscrapers, which began in New York and Chicago with such “small” buildings as the 10-storey Western Union Building and the Home Insurance Building. People got up to the highest floors, first by hydraulic elevators, then electric ones, which were first built in 1903, and which removed limitations on the height that buildings could reach. In 1913 the Woolworth building was constructed, 792 feet high (approx. 241 meters), and in 1931, the Empire State Building, 1,250 feet tall (381 meters). Skyscrapers transformed large cities, creating the modern image of a “downtown” – a business district made up of tall buildings. Megalopolises would now grow, not only out, but also up²⁴.

But despite the undisputable advantages of public transportation in American cities, it did entail a loss of privacy. A trip on the subway or elevated train was often associated with dirt, crowding, heat, and the loud and annoying hawking of commercial travelers. In addition to all that, travelers also had to worry about pickpockets or violent offenders. The means of transportation that did away with these problems, and also provided the necessary degree of comfort, was the automobile.

Although automobile transportation was more prevalent in rural areas, cars soon flooded the cities as well. Between 1910 and 1930, the number of registered automobiles grew from 458,377 to 22,972,745.

²² Ibid.

²³ Ibid.

²⁴ *Tarr, J.A.* The City and Technology // A Companion to American Technology. P. 103.

In this same period, the population of the U.S. grew from 91,972,266 to 122,775,046. In other words, if at the end of the first decade of the 20th century there was one car for every 201 American, twenty years later, every fifth American had his own automobile²⁵.

What was the reason for such a rapid rise? First of all, availability was a factor. Before 1907, when Henry Ford's factories started making the "Tin Lizzie" (Model T), cars were not mass-produced, and were not intended for everyday needs; they were a means of demonstrating one's wealth and status. The reliable and affordable Model T, made from standard parts on the famous Ford conveyor belt for maximum efficiency, was the first truly popular car among all strata of American society – from gangsters to farmers²⁶.

Secondly, it was cheap fuel and a wide network of filling stations, the first of which appeared in 1905. The rise in the number of automobiles over the next decade prompted the management of *Standard Oil* to begin opening filling stations all over the U.S. In the 1920s, rich oil deposits were discovered in Louisiana, Oklahoma, and Texas, which made it possible to keep the price of gasoline low. Right up until the 1970s, Americans enjoyed cheap gas and powerful cars, until the economic crisis forced them to think about fuel economy²⁷.

Thirdly, Americans had nothing against identical cars; they were not aiming for uniqueness; and were happy to buy the same kind of car as everyone else. The Model T was a clear reflection of the American national character. On the one hand having a car emphasized their independence and individualism, while on the other hand, it served as an example of the country's unity, negating limitations of space and class.

That was especially important in that the successful expansion of automobile transport necessitated thousands of miles of roadways. Up until the automobile revolution, local authorities bore the responsibility for maintaining most of the roads, and were not overly responsive to demands for their improvement. The appearance of the automobile, and also the increasing popularity of bicycles at the beginning of the 20th century, raised the question of creating roads that were even, clear, and would not wash out in rain or snow. A solution was found in asphalt – a mixture of gravel, sand, and bitumen, a petroleum product. Beginning in mid-19th century, many European and American cities experimented with building asphalt roads, but they did not become a widespread phenomenon until the beginning of the automobile era.

²⁵ Ibid. P. 105.

²⁶ *Cumo C.M.* Op. cit. P. 22–23.

²⁷ Ibid. P. 25.

When the federal Bureau of Public Roads released its first official report in 1915, it emerged that only 1/12 of all the country's roads were paved. In 1916, after the adoption of the Federal Aid Road Act, the responsibility for highways was transferred to the federal government, which began to appropriate real money to repair old highways and build new ones. In 1925 alone more than a billion dollars was spent on this goal.

Despite the increase in control over the construction of roads, up to the middle of the 20th century, their condition in the country was generally unsatisfactory. Only with the advent of Dwight Eisenhower to the White House in 1953 did the federal government launch a complex program for the construction of highways crossing the country from east to west²⁸.

The growth in the number of paved roads, in turn, quickly gave rise to the development of tourism infrastructure in places far from civilization, such as the banks of lakes and rivers; or the seashore. Affordable automobiles and good roads made it possible for Americans to go off for a picnic after church on Sunday without too much bother.

Another effect of the growing car culture was the liberalization of youth. Young people arranged dates on wheels, which often served as a cause of arguments with their parents, and which inspired advertisers to create the image of the "sexy" car.

Cars were not Henry Ford's only success. In 1925, he bought the *Stout Metal Airplane Company*, which manufactured airplanes. By the middle of the 1920s, civil aviation was just beginning to catch on; and had great potential. The first passenger plane had begun flying between Tampa and St. Petersburg, Florida, in 1914. There were soon flights linking Key West, also in Florida, with Havana, Cuba. The most popular airline company at the beginning of the 1920s, *Aeromarine West Indies Airways*, flew nearly three-quarters of a million passengers annually.

Nevertheless, air transport was not very popular, due to the high prices and the unreliability of the technology. The airplane engines used most widely at the beginning of the 1930s had to be serviced every 250 hours.

But neither Americans nor the airlines were bothered by these difficulties. Passengers were ready to sacrifice not just money, but comfort to get places more quickly. The passenger cabins were so noisy that people had to pass notes to communicate. The temperature sometimes dropped to just 10 degrees Celsius (50 degrees Fahrenheit), and

²⁸ Ibid. P. 26.

the shaking was so bad that every seat came equipped with a set of paper bags, in case anyone got sick.

In 1933, the Boeing 247 came off the assembly line – the first truly comfortable passenger plane. It accommodated 10 passengers, it had a toilet, the cabin was not so noisy and the seats were leather, with armrests. There were also stewardesses who could see to the passengers' comfort. Airplanes got bigger and more comfortable as time went on. Passengers were offered snacks and beverages, soft drinks as well as alcohol, and there was even an assortment of cigarettes for smokers. Starting in 1929, airlines began offering films on board some flights²⁹.

Civil aviation, like the automobile, transformed the way Americans spent their leisure time. By the beginning of the Second World War, some families could afford to fly to Europe for a week. This was, of course, expensive, but the airplane allowed them to save time, which was very important for busy Americans who wanted to try something new.

The development of mass transit and the automobile revolution led to the slow demise of “walking cities” in the U.S.; urban infrastructure was rebuilt for the convenience of transport and for the development of industry.

By the 1930s, the city itself came to resemble a factory. The automatization of production, the introduction of assembly lines, the standardization, and division of labor, first at Ford's factories, then everywhere, led to cities being seen as dehumanized machines that devoured their inhabitants. In the famous film “Modern Times” (1936), Charlie Chaplin, the protagonist, tries to survive in an industrial megalopolis, which drives him insane. In this picture, people are portrayed as mere cogs in a giant machine, who do nothing but repeat monotonous actions to keep the conveyor moving³⁰. The film's characters escape at the end to start a new life.

Just like Chaplin's character, many Americans ran away from the noise of the big cities, the hustle and bustle of downtown, and industrial discomfort. They began to move to the suburbs, and to small, private one-and two-story homes.

Owning a home has always been a symbol of success in American society. Right up until the beginning of the 20th century, homeownership meant that the owner had a stable income, since building and maintaining a home required serious investment, if not to build a home

²⁹ Ibid. P. 29–30.

³⁰ Charlie Chaplin – Factory Scene – Modern Times (1936) // YouTube [Electronic Resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=6n9ESFJTnHs> (accessed 21.05.2021).

from scratch, then at least to equip it with modern conveniences, like indoor plumbing.

In 1922, 80% of houses did not have electricity or any kind of lighting. Laying power lines required significant investment, and often meant rebuilding the house itself. First of all, houses were not outfitted with electric cables, and secondly, the electrical grid was not adapted for all the appliances that were connected to it, such as stoves, washing machines, water heaters, vacuum cleaners, as well as refrigerators and air conditioners, which were just beginning to become popular.

The first refrigerator that enjoyed wide use was the Monitor-top, produced by *General Electric* in 1927. The first home appliances had to be ordered through catalogs, broke down often and were quite expensive: In 1929, the average price of a refrigerator was \$268, a stove cost \$111, and a washing machine \$116. The three appliances together cost the same as a car³¹.

But despite the technical difficulties and high prices, Americans began to install electricity buy the newly popular appliances for their homes and apartments. In 1927, more than 17 million houses already had lights, which changed their interiors and transformed everyday life³². Instead of dark and crowded rooms barely illuminated by kerosene lanterns, houses had large living rooms, which could be easily lit with a few chandeliers. It was easy and convenient to organize formal dinner parties or spontaneous gatherings. And the telephone made it possible to get friends and acquaintances together at a moment's notice.

Alexander Graham Bell's invention was quickly adopted by Americans all over the country. By 1900, almost all telephone networks in the U.S. were under the monopoly of the *American Telephone and Telegraph Company* – AT&T. Just as with the automobile, telephones at first were only for the wealthy. Even though the price of telephones gradually decreased, by 1946 only half of all Americans had a phone connection, and more than three-quarters of those were in the cities. Nevertheless, rural inhabitants also joined the “hi-tech” age, going to the Post Office to call in orders for clothing and household goods from catalogs³³.

Another early 20th-century invention – the radio – caught on much more quickly. Commercial broadcasts in the U.S. began in 1920,

³¹ *Cooper G.* House and Home // A Companion to American Technology. P. 87–88.

³² *Cumo C.M.* Op. cit. P. 71.

³³ *Ibid.* P. 95.

and in just five years there were more than 10 producers of radio sets. In 1925, American families spent almost as much on radio as they did for the electricity on all the rest of their appliances. In 1929, Americans bought 4,438,000 radio receivers.

The secret of radio's success was simple: it enabled ordinary Americans to learn the news, listen to entertainment programs and music, all without leaving the house. In addition, at a time when recreational activities were strictly separated by gender (sewing circles for women, sports clubs for men) radio, with its comedy sketches or political programs, attracted people of both genders, all ages, and income levels. Thus radio became one of the key components in the development of popular culture³⁴.

In addition to its entertainment function, the radio made it possible for major political figures to maintain contact with the society. The one to use this most productively was Franklin D. Roosevelt, who began his "fireside chats" when he was still the governor of New York. In 1930, during one of his broadcasts, he said these words:

We all know that the great magic of electricity was originally used for lighting purposes only. It then spread to the factory for industrial uses. Now, however, the time has come when electricity should be carried right into our very homes so as to lighten the drudgery of housekeeping³⁵.

In future years these fireside chats became a powerful ideological instrument that allowed Roosevelt, now president, to gain the approval of wide swaths of the population during the difficult years of the 1930s. People living through the Great Depression (1929–1933) found some comfort in these radio programs. On the one hand, they gave hope that the administration had a plan to ease the economic crisis, and on the other, they provided a distraction from everyday problems.

Movies fulfilled the same function. As with radio programs, movies also helped to democratize popular culture. The same films could be seen by city dwellers in the East and West, rural inhabitants in the South and Midwest, rich and poor, recent immigrants, and descendants of the first New England settlers. Movie stars were icons of style for the viewers, sometimes in the most unexpected ways. For example, during Prohibition the characters in films were often portrayed

³⁴ Ibid. P. 86–87.

³⁵ *Tobey R.C. Technology as Freedom: the New Deal and the Electrical Modernization of the American Home.* Berkeley, 1996. P. 61.

drinking alcohol, the heroes even more often than the villains. This gave Americans a model of conduct that neutralized the government's anti-alcohol campaign.

The first films, such as “L'Arrivée d'un train en gare de la Ciotat” (“Train Pulling into a Station”) by the brothers Lumière, pioneers in the film industry, were simple, lasted 50 seconds; and portrayed scenes of ordinary life.

Many films from the early 20th century were shown in “nickelodeons” – cheap movie theaters that sold tickets for 5 cents (a “nickel”). However, within 30 years, the movie industry had become a high-budget art, producing technically complex films such as “The Birth of a Nation” (1915), directed by D.W. Griffith, or Buster Keaton's “The General” (1926), which was originally shot without a script. The screening of the first feature-length film with synchronized sound was “The Jazz Singer” in 1927, which ushered in a new era in the history of American film.

In 1931, there were 21,739 movie theaters in the U.S., and the total number of seats was 11 million³⁶. During the Great Depression, such Hollywood legends as Frank Capra, Walt Disney, and tiny Shirley Temple performed an important therapeutic mission, making light, life-affirming movies with a “happy ending”.

Electricity and oil changed the face of cities on the cusp of the 20th century, and also the everyday lives of their citizens. But at the same time, the technological revolution directly affected rural America as well.

The first modest attempts to use electricity in U.S. agricultural areas came at the end of the 19th century. Farmers were much more conservative than their city counterparts, and right up until the 1920s, they were using traditional methods of working the earth. It was difficult for rural dwellers to understand how electricity could help them save time, money, and energy on their farms.

All throughout the 19th century, innovators on both sides of the Atlantic tried to use electricity for machines with belt drives, for plowing implements, for lighting or even to stimulate crop growth. As a result, by the 1880s, electric plows were being used in England and Western Europe. By the end of the Second World War, in Germany alone there were more than 1600 machines³⁷. But in the U.S., despite the fact that electric plows were presented at the California State Fair in 1890, they just didn't catch on.

³⁶ *Crafton D.* The Talkies: American Cinema's Transition to Sound, 1926–1931 // *History of the American Cinema*. Vol. 4. New York, 1997. P. 155–156.

³⁷ *Pursell C.W.* Op. cit. P. 121.

It was a different story with electric conveyor belts, generators and lighting in the fields. In 1892, an electric motor for machine belts was developed at the Alabama Polytechnic Institute, with an output of 10 horsepower. It was proposed for use in threshing machines, feed-cutters, cotton gins, and cotton-seed crushers. That was also the first year that electricity was used at the Crystal Hill dairy farm in Pennsylvania³⁸.

The leader in introducing electricity into the everyday work lives of farmers was California. Agriculture in that state needed about 147 megawatts of energy, which was more than all the other states put together. Nevertheless, new technology was slow to catch on, not least because of its limited applications and the high cost of equipment. In 1892, a 25-hp motor, along with a generator, wires and tools to service it would cost the customer \$7,800, which was enough to buy a whole farm³⁹.

A turning point in the history of new technology in the American countryside was the introduction of tractors in the 1920s. Running on gasoline, these compact, versatile machines became indispensable on most farms. In 1939, there were 1.6 million tractors in the U.S., almost twice the number of just a decade earlier. Tractors were most common in the so-called "corn belt", i.e. the Midwest, where corn was the main crop. Before the Great Depression, around 10,000 tractors were sold annually in that region for harvesting corn. Even though that number decreased at the beginning of the economic crisis, by 1937, annual sales had reached 14,000. In Iowa in 1938, 35% of the corn was harvested by machine, and in Illinois, this figure reached 43%⁴⁰. Tractor production was so successful that Americans began exporting them to Europe. The first tractors in Soviet Russia, which was rapidly industrializing at the time, were American.

Despite the obvious advantages of using tractors in farming, the new technology had some negative consequences. In many states, the introduction of mechanized labor led to the loss of work for sharecroppers on large farms. Deprived of the means of survival, these involuntary victims of progress were forced to leave their homes and take on temporary jobs. For these people technology brought nothing but poverty and disappointment. By the 1930s the industrialized city, seen by many Americans as an inhuman machine that drove people crazy and deprived them of their freedom, had come

³⁸ Ibid. P. 121–122.

³⁹ Ibid.

⁴⁰ Pursell C.W. Op. cit. P. 259–260.

to the countryside in the image of the snarling, roaring tractor. This was the way that John Steinbeck described the machines in his famous novel “The Grapes of Wrath” (1939):

The tractors came over the roads and into the fields, great crawlers moving like insects, having the incredible strength of insects. They crawled over the ground, laying the track and rolling on it and picking it up. Diesel tractors, puttering while they stood idle; they thundered when they moved, and then settled down to a droning roar. <...> The man sitting in the iron seat did not look like a man; gloved, goggled, rubber dust mask over nose and mouth, he was a part of the monster, a robot in the seat. <...> The driver could not control it – straight across country it went, cutting through a dozen farms and straight back. A twitch at the controls could swerve the cat', but the driver's hands could not twitch because the monster that built the tractors, the monster that sent the tractor out, had somehow got into the driver's hands, into his brain and muscle, had goggled him and muzzled him – goggled his mind, muzzled his speech, goggled his perception, muzzled his protest⁴¹.

The use of tractors for farming brought another disaster as well. Extensive farming and the degradation of the soil in the American Midwest led to the Dust Bowl of 1930–36 – a series of catastrophic dust storms, which forced a mass migration from the region. The 1936 documentary film “The Plow That Broke the Plains”, made by director Pare Lorentz on a commission from the U.S. government, drew a direct parallel between the mechanization of farm labor and the rise of the dust storms. This documentary called for a more measured, “scientific” approach to the introduction of new technology⁴².

One example of a government initiative that illustrates this new approach is the construction of the Hoover Dam (also known as the Boulder Dam). The construction fulfilled two goals: on one hand, a structure of this scale (221 meters high and 379 meters long) was supposed to become a symbol of America's technological preeminence. On the other hand, the dam was designed to perform a variety of functions: from controlling the water level in the Colorado River to supplying water to the arid regions of Arizona and Nevada, as well as pro-

⁴¹ Steinbeck J. *The Grapes of Wrath*. New York, 1939. P. 52–53.

⁴² *The Plow That Broke the Plains* (1936) // YouTube [Electronic Resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=hzaV5FdZMUQ> (accessed 21.05.2021).

ducing hydroelectric power. The first hydroelectric generator came on line in 1936, and within three years was producing a total of 704,800 kilowatts, making the Hoover Dam the most powerful hydroelectric station in the world at that time⁴³.

The creation of such a powerful hydroelectric station on the Colorado River, the construction of a sequence of electricity-generating dams along the Tennessee River, and also the policy adopted by the administration of president Franklin Roosevelt for more centralized modernization of strategically vital sectors of production and the economy led to the creation of the Rural Electrification Administration (REA) in 1935. In 1935, fewer than 10% of American farms were connected to the electrical grid, which was almost pitifully small compared to other nations at the time (Japan – 90%; France – 95%; Netherlands – almost 100%). Another small part of American rural households had their own generators, which used gasoline or diesel. The goal of the REA was to bring electricity to remote agrarian regions by creating farmers' cooperatives, which could receive government loans to build power lines⁴⁴.

The directors of the REA, fearing that this government initiative would not get the needed response from farmers, prepared a whole advertising campaign. This was directed at explaining how collective effort for the common good was completely in line with the independent American spirit, and was not at all similar to Communism, which was then advancing so rapidly in the Soviet Union.

As a result, by the beginning of the 1940s, farmers were using more electricity per head than city dwellers. Almost half of the electricity went to irrigation, another third for domestic use, and the rest for technology. In all, electric power lines were built to 29% of the country's farms; but the electrification of agricultural lands was uneven: on the Pacific coast, almost 80% of households had electricity, while in the southwest that figure was just 10%⁴⁵.

In the almost 50 years between the beginning of electrification and the outbreak of World War II, American society underwent a real revolution, which touched on all facets of life.

Bringing light to city streets made them safer and more comfortable. The ensuing breakthrough in transportation allowed city residents to move to the suburbs, while still being able to reach work or entertainment quickly and easily. At the beginning of the 20th century, the automobile satisfied the desire of Americans to retain their indi-

⁴³ Pursell C.W. Op. cit. P. 262–263.

⁴⁴ Ibid. P. 265–267.

⁴⁵ Ibid.

viduality in a world where new discoveries and technologies, like the radio, movies, and household appliances, seemed to seek to amalgamate them. Breakthroughs in the petroleum industry allowed them to build clean, smooth paved roads in even the most remote corners of the country. The automobile and the improved road system gave Americans the ability to spend their leisure time and vacations with their families away from the bustle of the cities, in nature, and stay at resort towns and hotels.

In agricultural regions, far from city lights, new technology made people's lives easier. Tractors and conveyor belts helped farmers save time and resources that they had earlier expended on planting and harvesting, and the construction of previously unimaginable hydroelectric stations made it possible to build automated irrigation systems.

The revolution in technology had negative consequences as well. The introduction of assembly lines made many people feel that they were just mindless cogs in the huge machine of state. The mechanization of agriculture led to the dust storms of the 1930s and to a rise in unemployment, forcing low-skilled labor in the countryside to move to the cities in search of jobs, even the most menial.

At the same time, thanks to technology society was sophisticated. Many people who had not have the means to access high culture were able to discover classical music by listening to it on the radio. Others, after seeing the movies, tried to imitate the looks and behavior of the stars they saw on the screen. Still, others, finding themselves in a diverse crowd of people gathered to watch baseball, experienced a moment of true national unity.

Further Reading

A Companion to American Technology / Ed. by Carroll Pursell. Malden, 2008.

Cowan R.S. A Social History of American Technology. New York, 1997.

Crafton D. The Talkies: American Cinema's Transition to Sound: 1926–1931 // History of the American Cinema. Vol. 4. New York, 1997.

Cumo C.M. Science and Technology in 20th-Century American Life. Westport, 2007.

Matonin E.V. Nikola Tesla. Moscow, 2014. (In Russ.)

Pursell C.W. The Machine in America: a Social History of Technology. 2nd ed. Baltimore, 2007.

Shpotov B.M. Henry Ford: Life and Business. Moscow, 2003. 2nd ed., 2005. (In Russ.)

Skorenko T. *Invented in Russia: A History of Russian Inventive Thought from Peter the Great to Nicholas II.* Moscow, 2017. (In Russ.)

Tobey R.C. *Technology as Freedom: the New Deal and the Electrical Modernization of the American Home.* Berkeley, 1996.

Electronic Resources

The Plow That Broke the Plains (1936) // YouTube [Electronic Resource].
URL: <https://www.youtube.com/watch?v=hzaV5FdZMUQ>
(accessed 21.05.2021).

Charlie Chaplin – Factory Scene – Modern Times (1936) // YouTube [Electronic Resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=6n9ESFJTnHs>
(accessed 21.05.2021).

Lecture 6. The “American Century”:
Technology Working for Man
and against Him

Introduction to the “American Century”

In 1941, at the height of the Second World War, the publisher Henry Robinson Luce, founder of *Time* and *Life* magazines, predicted that

...the world of the 20th Century, if it is to come to life in any nobility of health and vigor, must be to a significant degree an American Century. <...> Engineers, scientists, doctors, movie men, makers of entertainment, developers of airplanes, builders of roads, teachers, educators. Throughout the world, these skills, this training, this leadership is needed and will be eagerly welcomed, if only we have the imagination to see it and the sincerity and good will to create the world of the 20th Century⁴⁶.

The world of the second half of the last century really did turn out to be American. This involved both technological progress and ideology.

Compared with the Old World, America was almost untouched by the War and was able to get back on its feet quite quickly, becoming a world leader in technology. It was Americans who set the innovation trends of the 1950s–1990s in many areas. However, new technologies not only made people’s everyday lives easier by raising their prosperity and enabling the development of civil society but also gave rise to fear of the possible consequences.

In 1964, a group of scientists and journalists published the manifesto “Triple Revolution”, where they linked three social and technical trends of the second half of the 20th century: the use of nuclear energy, the mechanization of production, and the fight for human rights. The initiator of the manifesto’s publication was the influential Center for

© Panov A.S., 2023

⁴⁶ Luce H.R. *The American Century*. New York, 1941. P. 30, 37.

the Study of Democratic Institutions, and 34 persons signed the document, including Linus Pauling, founder of quantum chemistry, Robert Theobald, the futurist, and the future Nobel laureate in economics Gunnar Myrdal⁴⁷.

The authors of the manifesto expressed their concern over rapid and uncontrolled technological progress, and, while acknowledging the value of achievements in technology, warned that applying technology without thinking of the consequences could run counter to the interests of humanity and lead to catastrophic consequences for all mankind.

The innovations of the second half of the 20th century, as well as the discussion surrounding them, constitute the theme of this lecture.

Vannevar Bush’s “Endless Frontier” of Science

The man who helped make the “American Century” a reality was the great engineer, inventor, and scientific administrator Vannevar Bush.

A graduate of Tufts College, Vannevar Bush from the very beginning of his scientific career proved to be an extraordinary scientist who looked for practical applications for his designs. During World War I, Bush was engaged in hunting for German submarines, which was a matter of national importance. He was worried about the administrative confusion and the lack of a smoothly functioning organization that interfered with the engineers’ work. In his opinion, the low level of effectiveness of the research being conducted was due to a lack of access to influential power centers in Washington. Scientists and politicians did not have the slightest idea of each other’s goals and methods.

After the war, Bush got a job as a professor of electrical power transmission at the Massachusetts Institute of Technology (MIT), where he had earlier earned a doctoral degree. His career took off. By the mid-1930s he was vice president of MIT; and got close to its head, Karl Taylor Compton. After he was elected to the National Academy of Sciences in 1934 and appointed to the Scientific Advisory Board (of which Compton was the director), Bush established important working relationships with many of the leading scientists and scientific administrators in the U.S.

⁴⁷ The Ad Hoc Committee for the Triple Revolution. *The Triple Revolution*. Santa Barbara, 1964. P. 5.

After moving to Washington in 1939 and his appointment to the post of president of the leading private research organization in the country, the Carnegie Institution, Vannevar Bush became an influential lobbyist for applied science; and drew close to government circles. Soon he also became chairman of the National Advisory Committee on Aeronautics (NACA), the precursor to NASA. That was when the “American Century” in technology began.

Bush really was an outstanding futurologist, as well as an engineer/inventor and a scientific administrator. On the one hand, he understood that the future of mankind would be closely linked to the development of digital technology. In the 1930s, he was already directing the development of a differential analyzer, an analog computer, the precursor of digital computers. In 1945, in his work “As We May Think” he wrote about the enormous possibilities that the computer age would open: “The Encyclopedia Britannica could be reduced to the volume of a matchbox. A library of a million volumes could be compressed into one end of a desk”⁴⁸.

On the other hand, Vannevar Bush recognized that U.S. technological success in the second half of the 20th century could not come without a good working relationship between university scientists, the government, and private investment. In an age when progress moved so quickly, it was necessary to reduce as much as possible the time between initiating the design of new technology and its practical launch. This knowledge was even more timely since, in the late 1930s, more and more scientific minds were troubled by the threat of the approaching world war.

In Bush’s mind, America was not technologically prepared to stand against Germany. In 1940, he proposed creating an organization whose goal would be to centralize the efforts of American inventors and engineers in the use of new technologies for the good of the country. President Franklin D. Roosevelt agreed, and in that very year, the National Defense Research Committee (NDRC) was created. The NDRC was an excellent example of cooperation between the government, public organizations, and private individuals for the good of the country.

In addition to Bush, the members of the committee included figures such as Frank B. Jewett, president of the National Academy of Sciences and vice-president of communications giant AT&T; James B.

⁴⁸ *Bush V.* As We May Think // The Atlantic Monthly. 1945 July [Electronic Resource]. URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/1945/07/as-we-may-think/303881/> (Accessed 21.05.2021).

Conant, president of Harvard University; and Karl T. Compton, president of MIT. All these men had connections with the most influential figures of the American establishment, which meant that the NDRC had great potential.

In 1941, the NDRC became part of the Office of Scientific Research and Development (OSRD), of which Vannevar Bush became head. Both organizations spent millions of dollars buying the rights to cutting-edge technology for military use from the most respected American research centers. In 1944 alone, OSRD spent \$337 million. Among the universities, the major grants were given to MIT, the California Institute of Technology, Harvard, and Columbia. *Western Electric* (the manufacturing arm of AT&T), *General Electric*, the *Radio Corporation of America* (RCA), and *Westinghouse* were the corporations to receive the most money⁴⁹.

When distributing resources, OSRD placed the greatest emphasis on innovative technology. Their efforts quickly bore fruit. During World War II, OSRD helped develop the latest precision radars used to detect submarines, radio fuses, amphibious vehicles, rockets, and computers. The labs that OSRD supported also introduced the universal use of antibiotics, which helped save a lot of lives at the front.

Recognition of Vannevar Bush’s role in the fight against Nazism came from *Collier’s* magazine in 1942, when he was called “the man who may win the war”, and in 1944 *Time* magazine put him on its cover, calling him “the General of Physics”⁵⁰.

After World War II, Bush created a roadmap of America’s future development in his report “Science, the Endless Frontier,” in which he spoke of the necessity for long-term federal financing of scientific research by creating agencies devoted to specific areas. The guarantee of success would be the effective use of resources on promising projects, capable of improving life in practical ways. Bush’s plan became a reality in the 1950s, when the National Science Foundation and the National Institutes of Health were established during Eisenhower’s presidency. As Jerome B. Wiesner, former president of MIT, later said, “No American has had greater influence in the growth of science and technology than Vannevar Bush”⁵¹. This, it must be acknowledged, is the absolute truth.

⁴⁹ Pursell C.W. Op. cit. P. 273.

⁵⁰ Dizikes P. The General of Physics // MIT Technology Review. April 19, 2011 [Electronic Resource]. URL: <https://www.technologyreview.com/2011/04/19/195631/the-general-of-physics/> (accessed 21.05.2021).

⁵¹ Ibid.

Nuclear Energy: The War and Peace Atom

The most important design developed under OSRD was the atomic bomb. In the 1940s its invention was considered a matter of the highest priority because of World War II, which continued to rage. It was thought that possessing an atomic bomb would alter the balance of power and be the decisive factor in victory over Germany and its allies, as well as influence the post-war world order.

Work on this new weapon, unique in its destructive capacity, had been carried out by the Uranium Committee of the OSRD, also called the S-1 Committee, which in 1942 became the Manhattan Project. Two men were responsible for leading the efforts to create an atomic bomb: Robert Oppenheimer and General Leslie Groves.

Oppenheimer was one of the most famous American theoretical physicists, and he was entrusted with the scientific side of the project. Groves, who had earlier distinguished himself during the construction of the Pentagon, was responsible for the overall organization of the work, as well as construction and supply. By 1945, they had built two plutonium bombs and one uranium one, having spent approximately \$3 billion from the federal budget⁵². The results surpassed all expectations. In July 1945, they conducted tests in New Mexico, which were ultimately successful⁵³.

Not all the scientists involved in the Manhattan Project wanted the destructive weapon they had developed to be used – far from it. Oppenheimer himself was tortured by doubts. However, in July 1945 Harry Truman, despite the warnings of nuclear physicists, made the decision to drop two bombs on Japan⁵⁴.

There were three main reasons that motivated the President to take this step. First, he was trying to get Japan to capitulate, thereby saving the lives of thousands of American soldiers. The battle for Okinawa, which lasted 82 days (from April 1 to June 23, 1945), and which was the bloodiest battle the U.S. fought in the Pacific theater of military operations, showed that the Japanese would fight to the last soldier. Second, Japan was an enemy that had treacherously attacked the U.S., and it deserved vengeance for Pearl Harbor. Since the U.S. soon had the atomic bomb in hand, which was perceived as the most power-

⁵² *Pursell C.W.* Op. cit. P. 274.

⁵³ *Silverman M.J.* Nuclear Technology // A Companion to American Technology. P. 307.

⁵⁴ *Mal'kov V.L.* "Manhattan Project". Intelligence & Diplomacy. Moscow, 1995. P. 116–129. (In Russ.)

ful weapon in terms of destructive capability, but still a conventional weapon, its use against an enemy seemed justified. Third, Truman, now president of a nuclear power, wanted to demonstrate the full might of the United States to the Soviet Union, with whom relations had worsened as questions of the post-war world order took center stage.

On August 6 and 9, the U.S. Air Force dropped the bombs “Little Boy” and “Fat Man” on the Japanese cities of Hiroshima and Nagasaki, where at least 200,000 people were killed by the explosion or by radiation poisoning. The resulting humanitarian catastrophe forced humanity to recognize the full extent of the danger presented by the atom bomb⁵⁵.

Hiroshima and Nagasaki brought the link between technology and weaponry to a new level. Science in the first half of the 20th century, in large part backed by governments and making wars more and more destructive, could now precipitate a nuclear apocalypse. Technology, rather than saving and improving lives, was now deadly. After the Soviet Union tested its atomic bomb in 1949, and the nuclear standoff between the U.S. and the USSR became a reality, many experts and scientists expressed fears that the next war could go nuclear and could wipe much of humanity off the face of the earth.

All of this brought to a head the question of whether atomic energy could be used for peaceful purposes.

In 1946, the U.S. Congress established the Atomic Energy Commission (AEC) to support the development of the country’s nuclear potential. Although the military influence on the AEC was always great, it was still a civilian agency, which had a significant influence on the development of peaceful applications for nuclear energy. For example, the AEC paid a great deal of attention to the study and dissemination of nuclear medical techniques, especially the use of radioactive isotopes for diagnosis and treatment.

Isotopes are various configurations of a chemical element, containing an identical number of protons and electrons, but different numbers of neutrons. Many isotopes are unstable and therefore give off energy as they decay. Isotopes of an element have the same chemical properties, so bodies and machines cannot tell the difference. A doctor or researcher can use a radioactive isotope as an indicator, measuring the energy given off by the isotope. The doctor can introduce a radioactive isotope of oxygen into a patient to evaluate how his lungs or heart are functioning.

Other isotopes are used in the treatment of disease. For example, radioactive iodine is necessary to treat hyperthyroidism, a condition

⁵⁵ *Silverman M.J.* Op. cit. P. 307–308.

caused by an overactive thyroid. In this case, the radiation is used to destroy tumors or other unwanted tissue. In large part thanks to the support from government agencies, nuclear medicine is now firmly a part of clinical medicine in developed countries, and in the United States alone more than 10 million radionuclide procedures are performed every year⁵⁶.

Another ambitious initiative was Project Sherwood, which began in 1951 and directed towards increasing the capacity of thermonuclear fusion. “If the present efforts are successful”, wrote one of the heads of the AEC,

...man will have found the ultimate solution to one of his most pressing problems. He will have developed a new and practical source of energy which will meet his needs, not for just the next hundreds or thousands of years, but for as far into the future as he can see⁵⁷.

In 1957 the AEC launched Project Plowshare, dedicated to finding ways to use atomic energy for industrial purposes above and below ground, such as creating excavation pits for construction.

Nuclear medicine got a boost after the launch of the “Atoms for Peace” program. In his speech at the UN General Assembly in December 1953, President Dwight D. Eisenhower said that the United States was ready and willing to find ways to use atomic energy for the good of all mankind. The “Atoms for Peace” program involved significant research and development and was accompanied by a major promotional campaign.

The “Atoms for Peace” program enabled the international dissemination of nuclear technology, providing large amounts of fissile materials and isotopes for medical and research purposes. Researchers from all over the world participated in the program, which then made it possible to use nuclear medical techniques, and later build atomic power stations, in dozens of countries⁵⁸.

Electricity-generating atomic power stations are perhaps the best-known application of nuclear technology. Thermal power plants produce electricity, using an energy source to boil water and make steam. The steam is used to turn the turbines that produce electricity. Unlike traditional thermal power plants, which burn fossil fuels

⁵⁶ Ibid. P. 308–310.

⁵⁷ *Bishop A.S.* Project Sherwood: The U.S. Program in Controlled Fusion. Reading, 1958. vii.

⁵⁸ *Silverman M.J.* Op. cit. P. 309–310.

such as coal, atomic power stations produce heat by maintaining a controlled fission reaction in the nuclear reactor.

Atomic power stations have many advantages compared to other forms of producing electricity. Mainly these are due to the fact that uranium is a more efficient source of energy than coal, oil, or natural gas. A typical uranium rod used in a modern nuclear reactor can produce as much energy as several tons of coal. The fission reaction is superior to burning fossil fuels because the reactor does not emit greenhouse gases. From the environmental point of view, a nuclear reactor is cleaner than a coal-powered energy plant.

Scientists have long dreamed that nuclear energy would bring benefits to mankind: it is an almost limitless source of energy. Appearing before a group of science journalists in 1954, AEC chairman Lewis Strauss famously said that electricity from nuclear reactors would be “too cheap to meter”. As with many things that sound too good to be true, nuclear energy has not quite lived up to expectations

While the AEC at its launch publicly took on the obligation of producing electricity through nuclear fission, the agency came up against technical as well as economic obstacles in developing a safe, reliable, and economically efficient reactor. It was not until 1953, after several years of tests and experiments, that the safety of using atomic energy to produce electricity was proven. In 1954, construction began on a new atomic power station in Shippingport, Pennsylvania, which came online four years later.

Encouraged by federal subsidies, American energy companies began to invest in atomic power stations at the beginning of the 1960s. On the whole, the sector underwent a boom after Arab countries introduced an oil embargo in 1973. By the end of the 1970s, there were around 100 atomic power stations either under construction or operating in the U.S. As of 2000, there were 104 atomic power stations operating in America, more than any other country. Altogether they produce around 20 percent of the country’s energy⁵⁹.

Globalization and Automation

After World War II, the world was divided into two blocs reflecting the confrontation between the U.S. and the USSR. The U.S. had to take on the responsibility for rebuilding Western Europe after the war. According to President Harry Truman, assistance was to be broken down into two categories:

⁵⁹ Ibid. P. 311–313.

The aid that is needed falls roughly into two categories. The first is the technical, scientific, and managerial knowledge necessary to economic development. This category includes not only medical and educational knowledge, and assistance and advice in such basic fields as sanitation, communications, road building, and government services, but also, and perhaps most important, assistance in the survey of resources and in planning for long-range economic development. The second category is production goods – machinery and equipment – and financial assistance in the creation of productive enterprises. The underdeveloped areas need capital for port and harbor development, roads and communications, irrigation and drainage projects, as well as for public utilities and the whole range of extractive processing, and manufacturing industries⁶⁰.

Truman's words found their practical application in the Marshall Plan, which began in 1948 and entailed major economic assistance to Western Europe to rebuild after the war. It must be noted that one condition for participation in this program was the prohibition of political activities by communist parties. Another condition was that countries would build market economies.

Victory in the Second World War, economic, technological, and military superiority, as well as the Marshall Plan, contributed to the U.S. attaining Superpower status and signaled the beginning of the "American Century" in international relations. The result was that in the second half of the 20th century the export of American technology as well as social, economic, and political institutions and practices, created a globalized world in America's image.

In broadening their international influence in the post-war years, the Americans did not neglect the modernization of their own country, which was to be the display window for the free and democratic world, as a counterweight to the socialist camp with its planned economies.

The technological revolution and the development of transportation, which occurred during the first half of the 20th century, as well as the universal introduction of assembly-line production, changed the face of American cities and the American way of life. All the preconditions were present for the second component of the "Triple Revolution" – automation, or "the cybernation revolution".

By the end of the 1960s, it had become clear that a significant portion of the U.S. population preferred to work in cities but live in the

⁶⁰ *Truman H.S. Special Message to the Congress Recommending Point 4 Legislation. June 24, 1949 // The American Presidency Project [Electronic Resource]. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/special-message-the-congress-recommending-point-4-legislation> (accessed 21.05.2021).*

suburbs. The 1970 census showed that most people live in the suburbs. While the process of movement from the congested center to the comfortable outskirts began in the 1920s, it reached its peak in the 1950s. The mass construction of standard one- and two-story houses in the suburbs after the Second World War became the symbol of the American lifestyle, with a family consisting of husband, a wife, and two kids, living a carefree life where everyone has a place: the father works, the mother takes care of the house and raises the kids, and the children do well at school⁶¹. Life in the suburbs was not as depressing as it is often portrayed: families went together to theaters, the movies; and took Sunday drives in the family car. Cars just got more and more popular: by 1963, annual production reached 7,5 million. At the beginning of the 1970s, the U.S. had more than 112 million registered means of conveyance, and at least one out of seven American workers was employed at an automobile factory⁶².

In the second half of the 20th century (for the second time since Ford factories had introduced assembly lines), the production process at the factories made a qualitative leap forward. In 1946, at the opening of one of the new factories, the word “automation” was used. The next year it appeared in the press, in the pages of the *American Machinist*, and soon after it spread throughout the United States. At first, the word “automation” just meant the linking of machine tools with transfer machines at all stages of production, but soon it gained a different meaning: the creation of factories that did not need human workers.

The main thing preventing automation from becoming truly universal was computer control, which in the 1940s was not yet common. The first automated control panels were acquired by the U.S. Census Bureau in 1952; and five years later many private enterprises followed its example. The first computer-controlled assembly line was introduced at the *Western Electric* factory in North Carolina. In 1966, there were between 15,000 and 20,000 computers being used in the industry. Of course, these computers did not look at all like our modern ones: they were usually enormous machines that made it possible to automate the production process, which now could continue without human intervention. Introducing these computers made it possible to speed up production at factories, making it more efficient than ever before⁶³.

Nevertheless, the idea of machines replacing humans was sure to worry workers at plants and factories at the beginning of the

⁶¹ Pursell C.W. Op. cit. P. 282.

⁶² Ibid. P. 282–283.

⁶³ Ibid. P. 287–288.

1950s. In 1954, the United Auto Workers began a strike to slow the uncontrolled spread of automation, rightly seeing it as a threat to their employment.

Futurologists and science fiction writers also advised caution. In 1948, Norbert Wiener published his book “Cybernetics: Or Control and Communication in the Animal and the Machine”, in which he posed the possibility of uniting the human nervous system with mechanized regulating systems. His next book, “The Human Use of Human Beings”, predicted the rapid spread of automation, and warned of the possible social consequences of this process, including, among others, mass unemployment.

In 1952, Kurt Vonnegut, in his debut novel “Player Piano”, painted a vivid picture of the near future, where human labor had been replaced by machines, and humanity was divided into two classes: the wealthy technical elite and the unskilled lower class, living in poverty, trying to eke out a living by doing odd jobs. Other excellent examples of this public concern over automation were Sloan Wilson’s “The Man in the Gray Flannel Suit” and William H. Whyte’s “The Organization Man.” Both works became bestsellers, with print runs in the millions.

Public Concern and Television

After the “Triple Revolution” manifesto appeared in 1964, many people found that their worry over the uncontrolled development of technology could be offset by liberalization and humanization in social relations.

Martin Luther King Jr., speaking shortly before his assassination in 1968, referred directly to the manifesto:

There can be no gainsaying of the fact that a great revolution is taking place in the world today. In a sense it is a triple revolution: that is, a technological revolution, with the impact of automation and cybernation; then there is a revolution in weaponry, with the emergence of atomic and nuclear weapons of warfare; then there is a human rights revolution, with the freedom explosion that is taking place all over the world. Yes, we do live in a period where changes are taking place⁶⁴.

⁶⁴ Martin Luther King Jr. Saw Three Evils in the World // The Atlantic. Feb 2018 [Electronic Resource]. URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2018/02/martin-luther-king-hungry-club-forum/552533/> (accessed 21.05.2021).

The successes of activists in the fight for African American civil rights depended directly on new technology. The protest march in 1965 from Selma to Montgomery, headed by Martin Luther King Jr., to a large extent happened because of social pressure on the U.S. federal government. Television viewers were shocked by scenes of the unarmed crowd being harshly dispersed by soldiers and police in Alabama.

Television, unlike older media, could be much more objective and unbiased. Unlike radio or newspapers, television newsreels offered the viewer empirical evidence, which, at first glance, would be difficult to manipulate. This dictated the popularity of TV in the second half of the 20th century and made it an essential symbol of the “American Century”.

The first prototypes of modern television coverage appeared in the U.S. before the Second World War. In 1939, the *Radio Corporation of America* (RCA); broadcast President Roosevelt’s speech at the World’s Fair. By 1948, there were 48 TV stations in 23 cities⁶⁵.

The boom in TV popularity came during the post-war years, when it quickly became a rival to the movie industry. In 1948 there were around 250,000 television sets in America; just four years later there were more than 17 million. During those years, three major TV companies appeared that still exist today: the *American Broadcasting Company* (ABC), the *Columbia Broadcasting System* (CBS), and the *National Broadcasting Company* (NBC). They began as radio broadcasters. Another sign of the stunning success of TV came when movie corporations that had previously refused to work with television started making content especially for it. In 1954, for example, *Walt Disney* presented his “Disneyland” program on TV, and later – “The Mickey Mouse Club”⁶⁶.

By the middle of the 1970s, half of the American homes had at least two television sets, which also affected home life. Furniture was grouped around the TV set in living rooms and bedrooms, making it a central element of interior decorating. Television determined the daily schedule: people adjusted their activities so as not to miss their favorite show. The family, which used to meet around the dinner table, now sat around the television to watch the Superbowl or soap operas. The expansion of television’s repertoire and the growing number of channels could cause major arguments between family members who wanted to watch different programs that were on at the same time. Until recording devices were introduced, this

⁶⁵ *Cumo C.M.* Op. cit. P. 88.

⁶⁶ *Ibid.*

problem could only be resolved by buying a second (or even a third) TV set.

It would be difficult to overestimate the role of television in shaping modern society.

First, like the movies, TV and its stars established new standards of behavior, determined social roles, and challenged accepted ideas. For example, in the popular TV series from the 1950s “I Love Lucy”, the heroine, Lucille Ball, is a typical housewife, scatterbrained and not too bright. Her husband, on the screen and in real life, Desi Arnaz, has a steady job in the series, capable of maintaining a good standard of living. The Ball and Arnaz characters had a happy family life, they never thought about cheating or, worse, divorce. But these characters on “I Love Lucy” were not as boring and conventional as it might seem. Arnaz was Cuban, and it was not common to portray “mixed” marriages on American TV in the 1950s. Besides, the head of the family was not some insignificant corporate clerk, but the leader of a band. This prompted one television producer to express the fear that Arnaz would not appeal to the sensitive white audience that the TV channel was trying to capture.

The show’s success, however, was astounding: 10,6 million families watched “I Love Lucy” in 1952, and almost 50 million in 1954.

These viewers could see with their own eyes how Lucille Ball challenged the accepted norms of television, which usually refused to film pregnant women and even forbade the word “pregnancy” in dialogue. Ball, nevertheless, continued to film all during her pregnancy, and when her child was born in January 1953, in real life and on-screen, 44 million viewers watched the show – twice as many as watched the inauguration of President Dwight D. Eisenhower the next day⁶⁷.

Secondly, from the very first days of its existence, television proved to be an independent and authoritative source of information. When a wave of anti-communist hysteria swept the U.S. in the 1950s, stirred by Senator Joseph McCarthy, it was television correspondents like Edward R. Murrow who swept the senator off his pedestal and forced the Senate to begin an investigation into McCarthy’s activities.

The McCarthy affair vividly demonstrated the influence that television now had not only on Americans’ leisure time; but on the political path the country took. The broadcast of the presidential debates between John F. Kennedy and Richard M. Nixon, which were seen by 65 million Americans, only proved that to be true. That presidential race ended in a narrow victory for the young, confident, and good-looking candidate of the Democratic Party.

⁶⁷ Ibid. P. 89.

Many people at that time blamed Nixon’s loss on the large beads of sweat that the Republican candidate wiped from his brow during the debates, as well as his five o’clock shadow, which contrasted sharply with the polished appearance of the young Kennedy⁶⁸.

Another example of television’s influence is the War in Vietnam. Starting in 1965, when the U.S. began full-scale military intervention, Vietnam was a central theme on TV screens. This is not surprising: during the war, 2,7 million Americans took part in military campaigns in the country, and 58,000 were killed⁶⁹. In the absence of any real censorship, journalists were able to show the war in all its horror. It was this televised war in Vietnam that sparked the broad anti-war movement, which spread across the U.S. at the end of the 1960s and the beginning of the 1970s, and which finally forced the American government to withdraw its forces. Television became the “Fourth Estate”, actively influencing political decisions.

On the other hand, television drew a lot of criticism. The more conservative portion of the population felt that TV was showing too many things that it should not, especially after 9:00 p.m., when the kids went off to bed and TV could air more “adult” content. More liberal citizens, on the contrary, accused TV corporate bosses and even the government of censorship. They tried to accuse the government of using TV to build a certain set of values that all true Americans should share.

The appearance of cable TV at the end of the 1970s solved this problem to a certain extent. The expansion of niche channels, targeted at a narrow audience, gave the possibility of choice: While the older generation continued to watch ABC or CBS, the kids were watching MTV.

The Environmental Challenge

In spite of the long-running Cold War, the second half of the 20th century was one of the most prosperous periods in U.S. history. The rise in life expectancy, the expansion of human rights and freedoms, the rise in income, and the variety of leisure pursuits were all, to a large extent, the result of the country’s technological progress.

However, every revolution has its dark side. After the Cuban Missile Crisis in 1962, paranoia about a nuclear apocalypse began to

⁶⁸ Ibid. P. 89–90.

⁶⁹ Vietnam War U.S. Military Fatal Casualty Statistics // National Archive. [Electronic Resource]. URL: <https://www.archives.gov/research/military/vietnam-war/casualty-statistics#hostile> (accessed 21.05.2021).

spread. In 1964, director Sidney Lumet released his film “Fail Safe”, in which a chain of computer errors leads to a nuclear war. That same year Stanley Kubrick made “Dr. Strangelove or: How I Learned to Stop Worrying and Love the Bomb,” in which the beginning of the nuclear apocalypse is shown in grotesque, absurd images. Many Americans, observing the positive changes in their everyday lives, asked themselves: will uncontrolled automation and mechanization lead to ecological collapse?

There were more than enough grounds for pessimism. In the century and a half since the Industrial Revolution, humanity’s attempts to dominate Nature had led to the so-called greenhouse effect. The burning of coal and other fuels had released so much carbon dioxide into Earth’s atmosphere that it had begun to heat up. In the 1970s, scientists discovered that the concentration of greenhouse gases in the air was rising so quickly that it could lead to the death of mankind and bring irreversible harm to the planet⁷⁰.

Another problem was the depletion of Earth’s ozone layer. In 1973, F. Sherwood Rowland and Mario Molina, from the University of California, reported that Freon, the gas used in refrigeration, was damaging the ozone layer. In the atmosphere, ultraviolet radiation breaks down Freon, releasing chlorine. Chlorine, in turn, reacts with ozone, destroying it. According to the researchers, over time Freon had led to a depletion of Earth’s ozone layer. Freon, the scientists explained, could remain in the atmosphere for 150 years. Ozone depletion in the atmosphere leads to an increase in ultraviolet light and harmful solar radiation, which could have a destructive effect on people and other living organisms on Earth⁷¹.

Public concern over the environment led to the first Earth Day in 1970, during which 20 million Americans took to the streets, urging the government and citizens to take more responsibility for the pollution of our planet. One of the results of this mass action was the announcement of the establishment of the Environmental Protection Agency by the administration of Richard Nixon that same year.

Control over nuclear technology continues to be a global challenge. While in the 1970s there was a breakthrough in control over nuclear weapons with the beginning of “détente” between the U.S. and the USSR, there was a crisis in the peacetime use of atomic energy. In 1979, there was a partial meltdown at the Three Mile Island Nuclear Generating Station in Pennsylvania, caused by a coolant

⁷⁰ *Cumo C.M.* Op. cit. P. 149.

⁷¹ *Ibid.* P. 80–81.

leak, and resulting in the largest accident in the history of commercial power plants in the U.S.

The accident could have had terrible consequences, but fortunately, there was minimal harm to people and the environment. Nevertheless, the accident at Three Mile Island stimulated protests against the use of atomic energy among the American population, to which the country's leadership reacted by reorganizing the controlling bodies and strengthening supervision and inspections at other nuclear power stations⁷².

As a result of the above, the U.S. government, as well as private corporations, began to change their attitude towards technological progress, accepting great responsibility for the future of humanity. Refrigerator producers replaced the harmful Freon with other gases that did not contain chlorine. In turn, the National Academy of Sciences (NAS) took on the responsibility for testing new technologies and informing society about possible risks associated with their use.

In 1969, in a special report, the NAS expressed the opinion that in the modern world:

The choice is between technological advance that proceeds without adequate consideration of its consequences and technological change that is influenced by a deeper concern for the interaction between man's tools and the human environment in which they do their work⁷³.

In connection with this important technological trend, the search began in the 1970s for an ecologically safe fuel; and a transition from the use of fossil fuels to solar energy. In 1974, the U.S. Congress appropriated \$133 million for research into possible uses of solar energy. Three years later, additional resources were given to the recently formed Solar Energy Research Institute in Golden, Colorado, which was under the Department of Energy (DoE). Despite the clear interest to safe fuels; coming from the American society research into solar energy's potential proceeded slowly and inefficiently.

Part of the blame for this lies with the DoE, which was prioritizing nuclear energy and considering solar energy as a distant prospect. The Department's grantees were also partially responsible since they were proposing unrealistic projects. The *Boeing Company*, for example, proposed the creation of a low Earth orbit satellite with

⁷² *Silverman M.J.* Op. cit. P. 314.

⁷³ National Academy of Sciences. *Technology: Processes of Assessment and Choice*. Washington, D.C., 1969. P. 3.

a mirrored surface of 40,000 square meters, which could reflect the sun's rays to specially configured stations on Earth, processing them into electricity⁷⁴.

By 1990, the DoE was spending \$12 billion a year, but a very small portion of this money went towards researching the uses of solar energy. Despite the accident at Three Mile Island and the growing concern among the public regarding the safety of other nuclear power stations, \$8,8 billion went for the development of nuclear energy⁷⁵.

According to experts, one problem for projects proposed in the 1980s was that they were aimed at countrywide use. With the emphasis being placed on utility, any initiatives for the use of solar energy became a federal issue. In 1977, the *Science* journal commented that

Solar energy is democratic. It falls on everyone and can be put to use by individuals and small groups of people. ...[At the same time,] the massive engineering projects designed by aerospace companies which dominate much of the program seem to have in mind the existing utility industry – rather than individuals or communities – as the ultimate consumer of solar energy equipment⁷⁶.

One solution could be to downgrade the government's role, and to reorient the makers of solar energy systems from large associations to the local and individual level.

The situation has now changed significantly. The introduction and rapid spread of inexpensive solar panels for everyday use at the beginning of the 2000s has made the question of using the sun as an energy source relevant once again. According to 2018 data, 11% of electricity in the U.S. is now made from renewable sources, and in some states that figure is even higher. In California, 19% of energy is produced by solar power⁷⁷. Photovoltaic systems are placed on the roofs of homes, cars and airplanes. The largest American company specializing in solar energy services is *SolarCity*, a subsidiary of *Tesla, Inc.* *Tesla*, of course, belongs to Elon Musk, who makes electric cars. His idea was to get Americans to switch from internal combustion engines to cars that used electricity.

⁷⁴ Pursell C.W. Op. cit. P. 305–307.

⁷⁵ Ibid. P. 307.

⁷⁶ Hammond A.L., Metz W.D. Solar Energy Research: Making Solar After the Nuclear Model? // *Science*. July 15, 1977. Vol. 197. P. 241.

⁷⁷ Renewable Energy // Center for Climate and Energy Solutions. [Electronic Resource]. URL: <https://www.c2es.org/content/renewable-energy/> (accessed 21.05.2021).

The “Supercharger” network would take care of energy needs. Musk’s idea was that electric cars could be charged for free, and they could “fill up” at the Supercharger stations in just the time needed to drink a cup of coffee (it takes 20 minutes to charge the car to 50%) or have a bite to eat (it takes 40 minutes to charge the car to 80%)⁷⁸.

The Supercharger network is now being rolled out across America along main transportation arteries, in most European countries, in Australia and in China. By the Q1 of 2021 more than 21,500 “Supercharger” stations had been established all over the world⁷⁹.

Conclusion

The American Century that began after World War II signaled U.S. preeminence, not only in international relations; but in technological progress. Inventions and innovations in the second half of the 20th century doubtless led to an improvement in people’s lives.

The union of the government, commercial structures, and private individuals – scientists and researchers – demonstrated its effectiveness in implementing complex and large-scale projects in the second half of the century. Placing nuclear energy at the service of man in medicine and energy production and conquering space would not have been possible without this partnership.

However, the acceleration of technological progress could not help but worry the public. The invention of the atom bomb, wholesale automation, and much else demanded greater control and caused enormous stress.

Fortunately, these fears turned out to have been exaggerated, thanks in large part to the increase in information being made available to the public. Thanks to the development of such communications technology as radio and television, in the 1960s and 1970s, the American public could follow the work of civil initiatives, as well as the work of various committees and agencies. Because of this, the place and role of man in a changing world have been successfully re-interpreted.

In addition, as a result of the complex and potentially dangerous technology being introduced, the ecological situation of the planet is

⁷⁸ Supercharging // Tesla [Electronic Resource]. URL: <https://www.tesla.com/support/supercharging?redirect=no> (accessed 21.05.2021).

⁷⁹ Q1 2021 Update [Electronic Resource]. URL: https://tesla-cdn.thron.com/static/R3GJMT_TSLA_Q1_2021_Update_5KJWZA.pdf (accessed 21.05.2021).

also a cause for concern. However, thanks to public oversight, it is possible to say with confidence that an important balance has been found between uncontrolled progress and excess caution. Today America is an example of a country where public oversight and technological innovation go hand in hand.

Further Reading

- Bishop A.S.* Project Sherwood: The U.S. Program in Controlled Fusion. Reading, 1958.
- Cumo C.M.* Science and Technology in 20th-Century American Life. Westport, 2007.
- Jones B.* Forcing the Factory of the Future: Cybernation and Societal Institutions. Cambridge, 1997.
- Luce H.R.* The American Century. New York, 1941.
- Mal'kov V.L.* "Manhattan Project". Intelligence & Diplomacy. Moscow, 1995. (In Russ.)
- National Academy of Sciences. Technology: Processes of Assessment and Choice. Washington, D.C., 1969.
- Noble D.F.* Forces of Production: A Social History of Industrial Automation. New Brunswick (USA), London (UK), 2011.
- Pursell C.W.* The Machine in America: a Social History of Technology. 2nd ed. Baltimore, 2007.
- The Ad Hoc Committee for the Triple Revolution. The Triple Revolution. Santa Barbara, 1964.
- Zachary G.P.* Endless Frontier: Vannevar Bush, Engineer of the American Century. New York, 1997.

Electronic Resources

What Does a Nuclear Bomb Explosion Feel Like? [Electronic Resource]. URL: <https://youtu.be/CLOmxg4249w> (accessed 07.09.2022).

Lecture 7. America Conquers Space

On a sunny September morning in 1962, Rice University was buzzing with excitement. Students, professors, and the simply curious were awaiting the arrival of the president, who was scheduled to deliver a speech at the stadium. More than 40,000 people came to hear what the young, handsome, confident John F. Kennedy had to say.

At the beginning of his speech, the president asked his audience to imagine that all of human history could be condensed into just half a century. Man only came out of his cave in the last decade, Christianity appeared just two years ago, cars and planes came into general use last week, and nuclear power was developed yesterday. On space, the new frontier, the president added: "...if America's new spacecraft succeeds in reaching Venus, we will have literally reached the stars before midnight tonight".

Americans have always yearned for adventure, said the president; this is one of the traits that set the country apart. The settlers strove to explore new horizons and fought to acquire new knowledge:

Those who came before us made certain that this country rode the first waves of the industrial revolutions, the first waves of modern invention, and the first wave of nuclear power, and this generation does not intend to founder in the backwash of the coming age of space. We mean to be a part of it – we mean to lead it. For the eyes of the world now look into space, to the moon and to the planets beyond, and we have vowed that we shall not see it governed by a hostile flag of conquest, but by a banner of freedom and peace. We have vowed that we shall not see space filled with weapons of mass destruction, but with instruments of knowledge and understanding.

Yet the vows of this Nation can only be fulfilled if we in this Nation are first, and, therefore, we intend to be first. In short, our leadership in science and in industry, our hopes for peace and security, our obligations to ourselves as well as others, all require us to make this effort, to solve these mysteries, to solve them for the good of all men, and to become the world's leading space-faring nation. <...>

We choose to go to the Moon. We choose to go to the Moon in this decade and do the other things, not because they are easy, but because they are hard, because that goal will serve to organize and measure the best of our energies and skills, because that challenge is one that we are willing to accept, one we are unwilling to postpone, and one which we intend to win, and the others, too⁸⁰.

The crowd went wild! Going to the moon – now there was a goal worthy of real heroes. According to Kennedy, the budget for the space program would reach \$5,400 million per year, “a staggering sum” as he put it, part of which Americans would have to pay out of their own pockets. But the increase in the tax burden was justified, he insisted, because the U.S. would be able to call itself the winner of the space race. This was a race that, in 1962, the Americans were losing to the USSR.

On October 4, 1957, the Soviet Union launched Sputnik-1 into an Earth orbit, which signaled the beginning of the space age. For the U.S., the Russians’ launch of the first artificial satellite was an unexpected defeat, a catastrophe that no one could have foreseen and which could not be countered quickly.

Influential economist Bernard Baruch, alarmed by the event, wrote an open letter that was published in the *New York Herald Tribune*:

While we devote our industrial and technological power to producing new model automobiles and more gadgets, the Soviet Union is conquering space. While America grumbles over taxes and cuts the cloak of its defense to the cloth of its budget, Russia is launching intercontinental missiles. Suddenly, rudely, we are awakened to the fact that the Russians have outdistanced us in a race which we thought we were winning. It is Russia, not the United States, who has had the imagination to hitch its wagon to the stars and the skill to reach for the moon and all but grasp it. America is worried. It should be⁸¹.

America had enough skill and imagination, however. At that time, Americans had been dreaming of space flights for nearly a century and had been trying to create machines that would allow a man to

⁸⁰ *Kennedy J.F.* Moon Speech – Rice Stadium, September 12, 1962 // NASA [Electronic Resource]. URL: <https://er.jsc.nasa.gov/seh/ricetalk.htm> (accessed 22.05.2021).

⁸¹ *The Challenge of the Sputniks, in the Words of President Eisenhower and Others* / Ed. by R.L. Witkin. Garden City, 1958. P. 19.

fly to the stars. One of these dreamers was Robert Goddard, of Massachusetts. After reading H.G. Wells' "War of the Worlds," he decided to devote his life to building rockets. By his own admission, Goddard got preoccupied by space on October 19, 1899, at the age of 17:

On this day I climbed a tall cherry tree at the back of the barn... and as I looked toward the fields at the east, I imagined how wonderful it would be to make some device that had even the possibility of ascending to Mars, and how it would look upon a small scale, if sent up from the meadow at my feet... It seemed to me then that a weight whirling around a horizontal shaft, moving more rapidly above than below, could furnish lift by virtue of the greater centrifugal force at the top of the path. I was a different boy when I descended the tree from when I ascended. Existence at last seemed very purposive⁸².

Many years later, Goddard started to create rockets as a hobby. By day, he taught physics at Clark University, where he had received his doctorate, and in his spare time, he dreamed of going to Mars. When Goddard published a monograph of his research, "A Method of Reaching Extreme Altitudes" in 1919, with support from the Smithsonian, it was widely criticized. The reviewers criticized his work, calling it a product of his wild fantasies, which had nothing to do with reality. Goddard was upset, but he did not forsake his hobby; he intended to prove to his critics that his ideas could become a reality.

Ten years later, Goddard met Charles Lindbergh, the famous American pilot, the first to fly non-stop from New York to Paris in 1927. This was a significant meeting for both men. Lindbergh, like Goddard, was obsessed with flight and dreamed of a man traveling into space. This pair quickly found a common language. Using Lindbergh's connections, Goddard obtained support from the wealthy Guggenheim family, which had made its fortune in mining. He received the necessary financing and moved to New Mexico, where a laboratory had been outfitted especially for him.

In the ensuing years, Goddard built and tested dozens of rocket prototypes. One of them reached an altitude of 2,6 kilometers, and a speed of 885 kilometers per hour. While not all his launches were successful, he was able to show his critics that space flight was no fantasy, but a very real possibility⁸³.

⁸² *Lehman M.* This High Man: The Life of Robert H. Goddard. New York, 1963. P. 26.

⁸³ *Launius R.D.* Technology in Space // A Companion to American Technology. P. 275–276.

One man who appreciated Goddard's talent was the German engineer Wernher von Braun, who during World War II created the V-2, the first rocket in history to achieve suborbital flight. Von Braun based much of his work on Goddard's, designs, so, when Goddard saw the V-2 in 1945, he decided that the German had simply stolen his ideas. But Goddard was not being fair: The German rocket was much more technically advanced than even the most successful prototypes Goddard had created.

After the war, von Braun was brought to the United States as part of the secret "Operation Paperclip", along with thousands of other German specialists.

With von Braun's help, the United States was able to build a whole series of ballistic missiles in the 1950s, such as the "Atlas", the "Titan", and the "Delta". Their key technological solutions were used in the construction of military rockets as well as launch vehicles for carrying payloads into Earth orbit and beyond.

In 1950, American physicist Lloyd Berkner proposed the International Geophysical Year, which was to be conducted from July 1, 1957, through December 31, 1958. The IGY would allow researchers from all over the world to coordinate their efforts in studying Earth. This initiative soon gained popularity, and 67 countries signed up to participate, including the U.S. and the USSR.

It was within the framework of the IGY that the Soviet Union and the U.S. were supposed to launch the first artificial Earth satellites, but in the U.S., work on the Vanguard project was proceeding very slowly. First, the Americans thought that the Soviets were far behind in their space program, and, secondly, the U.S. was devoting most of its attention to creating intercontinental ballistic missiles.

The Soviet launch of Sputnik-1 on October 4, 1957, was an unpleasant surprise. The U.S. hastily launched a rocket with the Vanguard TV3 satellite, but the rocket was unable to gain altitude and exploded seconds after the start. This failure led to the wholesale mobilization of the space program in the U.S.

President Dwight D. Eisenhower adopted a series of measures to deal with the general panic caused by the "Sputnik crisis", designed to stabilize the situation and give a powerful boost to the development of the space program. In 1958, a special government department was created with broad powers to coordinate the actions of various teams working on the design of flight vehicles and to research space. This department grew into the National Aeronautics and Space Administration (NASA).

At the beginning of its existence, NASA had just 8,000 employees, with a budget of \$100 million. Soon several laboratories and agencies came under its jurisdiction, including the one that Wernher von

Braun was heading. In 1958, he launched the first American artificial satellite, "Explorer-1"⁸⁴.

NASA's main short-term goal was the development of a manned space ship for low Earth orbit. In October 1958, NASA began selecting candidates for the astronaut program. The selection criteria were quite strict: Candidates had to be graduates of test-pilot schools, with higher education, more than 1,500 hours of flight time, be under 40 years old and under 180 centimeters, or 5'11" tall.

The selection process took six months, and finally, on April 9, 1959, NASA presented its ideal astronauts to the press. There were seven: John Glenn, Virgil Grissom, Scott Carpenter, Gordon Cooper, Donald Slayton, Alan Shepard, and Walter Shirra. All of them were experienced and fearless pilots. The journalists portrayed them as ideal Americans, embodying the best qualities of the nation. When the seven were asked at the press conference whether they wanted to go into space, they all immediately raised their right hands. Walter Shirra and John Glenn raised both hands⁸⁵.

The astronauts prepared for their first flight at the NASA base in Florida, far from the constant attention of the media. Life was difficult for the astronauts nonetheless: It was a great responsibility, and too much money had been spent on the space program. The fact that the USSR was still winning the space race was an added source of tension. When Yuri Gagarin became the first man in space on April 12, 1961, Americans could only respond with a suborbital flight by Alan Shepard, on May 5, 1961. Born in New Hampshire, Shepard was the son of a military officer, and was considered a workaholic and a perfectionist. Remembering his flight aboard the Freedom-7, Shepard wrote:

I had some idea of the huge variety of color and land masses and cloud cover which I would see from 100 miles up there. But no one could be briefed well enough to be completely prepared for the astonishing view that I got. My exclamation back to Deke [Slayton] about the beautiful site was completely spontaneous. It was breathtaking. To the south I could see where the cloud cover stopped at about Fort Lauderdale, and that the weather was clear all the way down past the Florida Keys. To the north I could see up the coast of the Carolinas to where the clouds just obscured Cape Hatteras. Across Florida to the west I could spot Lake Okeechobee, Tampa Bay and even Pensacola... It was really stunning⁸⁶.

⁸⁴ *Crompton S.W.* Sputnik/Explorer I: The Race to Conquer Space. New York, 2007. P. 23–26.

⁸⁵ *Ibid.* P. 27–29.

⁸⁶ *Kranz G.* Failure Is Not an Option. New York, 2000. P. 53.

Shepard spent 15 minutes in space and was even able to conduct a successful maneuver.

Ten months after Shepard's flight, on February 20, 1962, NASA managed to conduct its first orbital flight, piloted by John Glenn, a former military pilot, who had fought in World War II and the Korean War. The oldest of the Mercury-7 astronauts, Glenn was 37 when he made his famous flight.

The mission had several unexpected and dangerous moments. At first, Glenn lost contact with Ground Control at Cape Canaveral. Although he was prepared for such incidents, this was extremely dangerous. Glenn was finally able to establish contact using an additional control bridge deployed in Nigeria.

The plan was for Glenn to complete three orbits around the Earth. When the astronaut was approaching his second pass, a light flashed on the panel at Ground Control indicating a malfunction of the heat shield and the landing gear. This was immensely worrying, since, if the heat shield malfunctioned Glenn could literally burn up upon re-entry into the Earth's atmosphere. Ground Control asked the astronaut whether everything was going fine in the capsule. Glenn did not understand the question and began to worry. At that moment, the temperature in his flight suit began to rise rapidly, and Glenn had to do three things at the same time: retain control of the ship, carry out the necessary measurements, and regulate the temperature.

When the astronaut was in his third orbit he asked Alan Shepard, who was observing the flight from Ground Control, whether he would be able to get back. By that time Glenn knew that something was wrong with the ship. The only hope left was that there was a fault in the sensor. Since he could not stay in orbit, the astronaut decided to tempt fate and try to land. Fortunately, the heat shield held. Glenn landed in the Pacific Ocean without any serious problems⁸⁷.

After Glenn's successful mission Americans became obsessed with space. Glenn was a national hero, was awarded the presidential medal, and became a real star, beginning his political career. The administration was convinced that the moment had arrived to put NASA's mission into high gear. But for that, they needed money and an appropriate goal.

"We choose to go to the moon", said Kennedy in his Rice Stadium speech, and the nation believed that mankind's new frontier was now in space. In his address, the president emphasized that putting a man on the moon would demand significant financial resources, a tax

⁸⁷ *Crompton S.W.* Op. cit. P. 36–39.

increase. This was a worthy goal, however, and Americans displayed a willingness to shoulder the burden.

October 1962 was the start of America's moon mission. The first stage was to be the design of space maneuvers, a method of linking space capsules, and spacewalks. The program was called "Gemini", and nine astronauts were chosen to take part. This time the selection criteria were slightly different: the second generation of spaceship pilots had to know more about the construction of their aircraft, and be ready for engineering tasks.

Preparations for the moon mission were complicated by three factors.

First, the public felt that the Soviets were winning the space race. On October 11, 1964, the USSR launched a completely new type of ship into space: the Voskhod, which held three cosmonauts, while America's Gemini could only take two. Besides this, the Americans had been late getting their astronauts out into open space. On March 18, 1965, Aleksei Leonov became the first person to perform a spacewalk. It was another two months before Edward White, pilot on Gemini-4, repeated this feat. On June 3, 1965, he spent 20 minutes outside the space ship. Even though this was a tremendous accomplishment, the leadership at NASA understood that in the eyes of the world they were once again No. 2⁸⁸. The pressure from the media and the administration made life difficult for the astronauts and the engineers.

Second, NASA was under constant criticism over funding. At a time when the country was facing a serious budget crisis, huge amounts of money were being spent on space exploration. The Vietnam War was eating up government resources. By the end of the 1960s, the war seemed senseless and endless, and a powerful antiwar movement was taking shape within the United States. At the same time, the civil rights movement was becoming radicalized. Its spiritual leader, Martin Luther King, Jr., was assassinated on April 5, 1968, which united all the social movements that were demanding changes in the political system and in the law.

All of this has its effect: President Lyndon B. Johnson refused to run for a second term, which made Robert F. Kennedy, JFK's younger brother, the favorite in the 1968 election. But on June 6, 1968, he was assassinated, like his brother before him. In November, Richard M. Nixon was elected president. No one doubted that his victory was due in part to the protests over voting in general. Many young Americans did not go to the polls, not seeing any candidate that measured up to their expectations.

⁸⁸ Ibid. P. 49–52.

The social and political tensions within the U.S. affected NASA directly, since the space program depended on Congress for its funding. With so many young people protesting the enormous amounts of money being spent on lunar exploration, Congressmen hesitated to sign the appropriations bills. They wanted American astronauts to always be first, to overtake the USSR. Political factors affected NASA's work almost as much as scientific ones.

Third, the problems intensified every time there were breakdowns or accidents at NASA. Two incidents stand out. The first occurred in 1966, during the Gemini-8 mission, which was supposed to dock manually with the Agena target vehicle in Earth orbit. This went more or less as expected, but then the Agena began to execute a turn command that had been stored in its memory, which caused the Gemini-8 and the target vehicle to begin an uncontrolled roll that reached 1 revolution per second.

The Gemini-8 team – Neil Armstrong and David Scott – experienced an overload of 3.5 gs, but they were able to retain control of the situation. When they disengaged from the target vehicle, Armstrong deactivated the Orbit Altitude Maneuver Systems (OAMS) and stabilized the ship. But the mission was a failure. During the investigation into the causes, it was discovered that the uncontrolled rolling had been caused by a short circuit. Armstrong acted according to instructions, and it was only thanks to the crew's courage that they survived.

Another serious incident which did, unfortunately, end in tragedy was the accident during the last trial of the new Apollo-1 spaceship, in 1967. The Apollo mission was to open the lunar program. While the spacecraft was still on Earth a short-circuit failure caused a flash-fire in the cabin where the astronauts were. All three crew members died – Virgil I. Grissom, Edward H. White, and Roger B. Chaffee. An investigation showed that the fire and the ensuing events were caused by several problems: The cabin was full of oxygen under high pressure, which accelerated the spread of the fire; part of the astronauts' space suits was flammable; and the hatch was not designed to enable it to be opened quickly from inside the cabin. The commission established that the astronauts never had a chance. They died, suffocated by the fumes, within 14 seconds after the fire's outbreak⁸⁹.

The Apollo-1 tragedy set the whole space program back eighteen months. The next piloted flight did not occur until October 1968. The crew commander was Walter Shirra, for whom this was already the third space flight. He was the last remaining astronaut from the first group of seven selected for the Mercury program. Fortunately, Shirra

⁸⁹ Ibid. P. 58–60.

and his crew were able to complete all of their mission assignments, which gave the green light for a flight directly to the moon.

On July 16, 1969, the Apollo-11 mission launched from Cape Canaveral to the moon, powered by the powerful Saturn rocket designed by Wernher von Braun. It carried a three-man crew: The captain, Neil Armstrong, was well-known as one of the most unflappable and knowledgeable astronauts in the entire program. His deputy was Edwin E. Aldrin, known as “Buzz”, famous for his difficult personality and his tendency to talk too much. He worked well with Armstrong, however, each completing the other. The pilot of the ship was Michael Collins, who had the hardest task of all: waiting in solitude while his teammates were in lunar orbit. All three astronauts on board the Apollo-11 were experienced pilots, and the lunar mission was not their first space flight. Armstrong had been the captain of the Gemini-8 mission, Aldrin held the record for the longest Extra-Vehicular Activity (time spent in open space), and Collins had flown on the Gemini-10, as well as having experience in extra-vehicular activity⁹⁰.

During the lunar mission, which lasted three days, the astronauts were constantly in contact with Ground Control, and also had several teleconferences which were transmitted live to Earth. More than 11 million people followed the flight of Apollo-11.

The rocket reached the moon on Day 4. Armstrong and Aldrin transferred to the Lunar Landing Module, called the “Eagle”, and descended to the surface of the moon. Collins had to wait for them in the command module, in orbit. The first words spoken by a man on the moon were Armstrong’s: “Houston, Tranquility Base here. The Eagle has landed”⁹¹.

Before the astronauts stepped onto the surface of the moon, they spent three hours making preparations and carrying out their final checks. Armstrong was supposed to be the first to land, but he was further from the exit than Aldrin. In an impossibly tight space, he had to squeeze past his assistant to get out of the spacecraft. When he finally stepped on the Moon, he uttered the now-famous phrase: “That’s one small step for [a] man, one giant leap for mankind”.

The eyes of millions of people on Earth were trained on the astronauts. The landing was broadcast live on all continents, and in the U.S. the commentary was given by the chief anchor of CBS News Walter Cronkite, and astronaut Walter Shirra. The scene amazed the

⁹⁰ Ibid. P. 76.

⁹¹ *Hansen J.R.* First Man: The Life of Neil A. Armstrong. New York, 2005. P. 458.

world, and demonstrated not only the technological superiority of the U.S., but also the fact that there was no limit to man's abilities.

After Armstrong and Aldrin had completed all their assigned tasks, they climbed back into the Eagle and returned to lunar orbit, where Collins was waiting. The rest was a matter of technology. On July 24, the astronauts returned to Earth, where they were met by President Richard Nixon on board the aircraft carrier USS Hornet.

The moon landing had an enormous influence on world culture. For several hours people all over the world were watching Armstrong and Aldrin amazed by technology and the strength of the human spirit.

Inspired by the space flights in general and by Apollo-11 in particular, people were now able to dream of even further goals and bigger missions. Television serials and movies made at the end of the 1960s helped with this. "Lost in Space", told about a family of space colonists. "Star Trek" was devoted to the scientific research mission of the USS Enterprise headed by Captain James T. Kirk and his assistant Mr. Spock. But the most influential space film was "2001: A Space Odyssey", which came out in 1968. In his chef-d'oeuvre, director Stanley Kubrick pondered progress, evolution, and the clash of innovative technology with primitive human emotion.

Space exploration not only influenced the culture but also changed people's lives in a significant way. Some technology and equipment that were originally designed for NASA became popular in everyday life. We will look at just a few of them.

Memory foam was first developed by NASA in 1966. The task was to create custom seating for the astronauts that would soften the impact of overload during takeoff and landing. Engineers soon realized that the difference in astronauts' body types could complicate the job. In addition, they had already noticed that people's bodies change, not only under G-force but during normal physical stress.

It became necessary to create an individual seat for each astronaut, which was expensive and not very practical. The engineers began to look for other solutions. They wanted to develop a material that could adapt to the form of the person sitting on it, but which would then revert to its original form. That's where the name comes from – foam with a "memory".

This material was put into mass production in the 1980s, but it was too expensive for general consumption. Over time, as the price fell, it was used in everything from mattresses to shoes to linings in sports helmets, etc. Today there are many different types of memory foam. In general, it is made of polyurethane with several additives, which vary according to the application. Some manufacturers prefer to keep their formulas secret, saying that they are better than their competitors'.

There is another NASA design that has had a direct effect on modern baby food. Looking into the possibility of using algae for food, scientists working in the space program discovered that it contained many valuable nutrients. The oil that they later developed using alga as a base is now a widely used food additive called “Formulaid”. It is considered to be very good for a child’s mental development, as well as eyesight; since it has two substances necessary for the human organism: docosahexaenoic acid and arachidonic acid. Both of these fatty acids are in mother’s milk, but they were not used in baby formula until “Formulaid” was developed.

Among NASA’s well-known designs were complementary metal-oxide semiconductor (CMOS)-sensors, the “camera-on-a-chip” used in smartphones, and the GoPro camera. At the beginning of the 1990s, engineer Eric Fossum, who was working in NASA’s jet propulsion lab, discovered that CMOS-sensors were energy-efficient, resistant to radiation, and convenient for use in microcircuits.

They also took better pictures than the charge-coupled device (CCD) that had been used up until then. All of this together led to the widespread use of CMOS-sensors.

In addition to the products listed above, NASA engineers had a hand in the creation of the “Dustbuster” hand-held vacuum cleaners, the space blanket, water-repellant creams, pampers, hearing implants, aural infrared thermometers, invisible braces, water pistols, and Speedo swimsuits. This list could go on forever⁹².

It is also clear that without NASA there would be no GPS or other navigational systems, as well as embedded web technology, which is used today in the creation of programs for digital devices.

To a large extent, today’s information world is a direct result of space exploration in the second half of the 20th century.

As for man’s conquest of worlds outside his own, after Armstrong’s and Aldrin’s landing on the moon, NASA did not get as much attention as it had in the 1960s. On one hand, this was a result of the successful completion of the mission – overtaking the USSR in the space race. On the other hand, Americans were focused on other problems, such as the Vietnam War, the Watergate scandal, and the environmental protection movement.

The lowering of political tensions also allowed NASA to turn to more academic and pragmatic pursuits. Another factor that changed

⁹² For these and other technologies that were discovered thanks to the space program, see.: NASA spinoff technologies // Wikipedia [Electronic Resource]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/NASA_spinoff_technologies (accessed 22.05.2021).

NASA's policies was the global economic crisis that began in 1973 and caused a significant increase in fuel prices. As a result, the U.S. government cut funding for the space program.

NASA completed another six successful missions to the Moon, then closed down the lunar program because the scientific results were not commensurate with the expense. Much of NASA's research in later years involved a search for a less expensive way to travel into space. In 1973, America launched Skylab into low earth orbit. This allowed astronauts to remain in orbit for extended periods, carry out more intensive research in biology and astrophysics, and also study the effects of zero gravity on the human body.

Skylab hosted three missions, with the last one spending 84 days on the space station. In 1979, the station was no longer usable, and was destroyed.

By that time NASA was working on another project, called the Space Shuttle. This was supposed to cut expenses significantly since the shuttle would be used multiple times. NASA was counting on using the Space Shuttle to send loads back and forth to orbiting space stations.

NASA promised that the Shuttle could make 24 trips a year, but the reality was much less rosy. From the time the project began in 1981 until it was shut down in 2011, there were just 135 launches. Unfortunately, there were also tragedies: In 1986, after 73 seconds of flight, the Space Shuttle Challenger broke apart, killing seven astronauts on board⁹³.

With the end of the Cold War, space exploration entered a new phase: cooperation is replacing the space race. Since 1998 the International Space Station has been in orbit; as of 2018 it had 15 modules. There are 14 countries taking part in the project, including Russia, the U.S., Canada, Japan, and several nations that are part of the European Space Agency.

Aeronautics in the U.S. today is being developed by private agencies. SpaceX, founded by Elon Musk in 2002, has developed a series of Falcon rockets capable of landing back on Earth after delivering a spacecraft into orbit, which makes it possible to reuse them. As a result, in 2020, the Dragon V2 ship, also intended for repeated use, successfully completed its flight with two passengers on board.

In the century that began with Robert Goddard's brochure on the possibility of sending a man into space, humankind has taken an enormous step into space exploration, and the U.S. has made a signifi-

⁹³ *Launius R.D.* Op. cit. P. 288–290.

cant contribution to this effort. The American space program, begun at the end of the 1940s, was successful despite political and social pressures and the difficulty of the tasks it set itself. The key milestones were the launch of the first Explorer-1 satellite, the creation of NASA, the Mercury space program, Gemini, and, finally, Apollo. The space race with the USSR, which began at the end of the 1950s, ended when Neil Armstrong and Buzz Aldrin stepped onto the moon in 1969. This really was a giant leap for mankind, just like the first space flight of Soviet cosmonaut Yuri Gagarin.

Man's desire to look at the Earth from space led to changes in our everyday lives. Today we use many technologies and items that were first designed by engineers at NASA. Even though the euphoria generated by the 1960s' successes in space is long past, humankind continues to dream about distant cosmic worlds and forms of life different from our own. Space is still an important part of modern pop-culture, with films, books, and music having space as the main theme.

Perhaps, in the next decade, humans will fly to Mars, which has always tempted professional researchers and ambitious dreamers like Elon Musk. The conquest of space has just begun.

Further Reading

- A Companion to American Technology / ed. by Carroll Pursell. Malden, 2008.
- Chertok B.E.* Rockets and people (in 4 volumes). Moscow, 1999. (In Russ.)
- Crompton S.W.* Sputnik/Explorer I: The Race to Conquer Space. New York, 2007.
- Golovanov Ya.* The Truth About the Apollo Program. Moscow, 2000. (In Russ.)
- Hansen J.R.* First Man: The Life of Neil A. Armstrong. New York, 2005.
- Karash Yu.Yu.* Secrets of the Moon Race. USSR and USA: Cooperation in Space. Moscow, 2005. (In Russ.)
- Kluger J.* Apollo 8. The Thrilling Story of the First Mission to the Moon. New York, 2017.
- Kranz G.* Failure Is Not an Option. New York, 2000.
- Lehman M.* This High Man: The Life of Robert H. Goddard. New York, 1963.
- Wolfe T.* The Right Stuff. New York, 1979.

Electronic Resources

Restored Apollo 11 Moonwalk – Original NASA EVA Mission Video-Walking on the Moon [Electronic Resource]. URL: <https://youtu.be/S9HdPi9Ikhk> (accessed 07.09.2022).

John F. Kennedy Moon Speech – Rice Stadium.

Text [Electronic Resource]. URL: <https://er.jsc.nasa.gov/seh/ricetalk.htm> (accessed 22.05.2021).

Video [Electronic Resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=WZyRbnpGyzQ> (accessed 22.05.2021).

NASA spinoff technologies // Wikipedia [Electronic Resource]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/NASA_spinoff_technologies (accessed 22.05.2021).

Lecture 8. The Computer Revolution

The First Computers

In 1888, the United States was preparing for its regular national census. This was an extremely labor-intensive job: during the previous census, in 1880, it took 1,495 people to sort out and count the questionnaires, and the results were not finalized for seven years.

This time the census organizers wanted to change the way the questionnaires were counted, and try to do it with the help of a machine. They announced a competition among inventors; the winner was a young American engineer, Herman Hollerith, who designed an electronic tabulation system. This machine could automatically process data written on perforated cards, which made it much quicker to tabulate the results. The complete results were published just two and a half years after the census began. In all, Hollerith's machine processed 26,408 pages of data. The effect of using the tabulation machine was astonishing: Americans saw that a machine could perform complex tasks without human intervention. It was also economically advantageous: Even though the census cost the organizers a total of \$11.5 million, using Hollerith's invention saved around \$5 million⁹⁴.

Hollerith himself also came out a winner. The invention of the tabulating machine brought him money and fame, and gave his business career a major push. The automatic tabulating machine was used in the 1890 and 1900 censuses as well, in Russia, Austria, England, and many other countries. In 1896, Hollerith founded *The Tabulating Machine Company*, which produced the perforated cards as well as the machines. Almost 30 years later, in 1924, Hollerith's company, after going through several mergers and changes in direction, was renamed *International Business Machines*, or simply IBM⁹⁵.

© Panov A.S., 2023

⁹⁴ *Campbell-Kelly M., Aspray W., Ensmenger N., Yost J.R.* Computer: A History of the Information Machine, 3. Boulder, CO, 2014. P. 15–16.

⁹⁵ *Makarskii D., Nikonorov A.* History of the Computer Age. Moscow, 2016. P. 38–39. (In Russ.)

Thirty years later, IBM became a leader in computer technology. During World War II, the company's engineers designed the Mark I electro-mechanical machine, which was used by the military to compute ballistic trajectories. After 1948, IBM presented the SSEC (Selective Sequence Electronic Calculator), which not only made calculations, but saved programs in its memory.

IBM's main customers were government agencies and scientific laboratories, which needed serious calculating capacity. Computers were too big (the Mark I weighed 35 tons, was 17 meters long and 2,5 meters wide) and too expensive (the SSEC cost almost a million dollars)⁹⁶. At the end of the 1940s, few could imagine that private business would ever need computers, let alone ordinary people.

All of that changed in 1950, when IBM's competitors, engineers John Eckert and John Mauchly (who previously assembled the first truly electronic computing device, ENIAC), presented UNIVAC, the first American commercial computer. Over the next eight years, they made 46 units, which is nothing by today's standards⁹⁷. All of them were sold to different corporations, universities, and government agencies, however. The UNIVAC had its moment of fame during the U.S. presidential elections in 1952, when CBS television used the computer to predict the results. On voting day UNIVAC, working with polling data from just 1% of the population, accurately predicted Dwight Eisenhower's decisive victory⁹⁸.

The success of Eckert and Mauchly's computer determined the future course of computer technology: computers would be used in economics, politics, and science.

By the beginning of the 1960s, the competition between IBM, UNIVAC, and other companies had spurred the rapid development of the computer sector. In spite of all its efforts and resources, IBM could not monopolize the market, although it did dominate it. The reason for this was the fact that the program code had to be written individually for each computer model that was sold, and then IBM had to provide tech support. With seven computer models in production, and the number of programs increasing every month, adapting each of them to individual needs ate up money and time⁹⁹.

In 1961, the deputy head of IBM, T. Vincent Learson, ordered the formation of a special commission to formulate the corporation's future strategy. The result was a report that recommended scrapping

⁹⁶ Ibid. P. 48–49.

⁹⁷ Ibid. P. 71.

⁹⁸ *Campbell-Kelly M., et al.* Op. cit. P. 111–112.

⁹⁹ Ibid. P. 125–126.

the computer design then in use and designing something completely new. It went without saying that the software also had to be redesigned and standardized. The expense was enormous. Learson described the reaction of the IBM managers to the report:

The problem was, they thought it was too grandiose... The job just looked too big to the marketing people, the financial people, and the engineers. Everyone recognized it was a gigantic task that would mean all our resources were tied up in one project – and we knew that for a long time we wouldn't be getting anything out of it¹⁰⁰.

Nevertheless, the decision was made to redesign production. The expenses were beyond anything they could have imagined: In total IBM spent around \$5 billion to produce their new computer design. This was the most expensive research project in the U.S. after the Apollo space program. The IBM managers put their entire company on the line.

The result of the engineers' work was presented in April, 1964 at a series of press conferences, which were held in 63 cities within the U.S. and in 14 other countries, all on the same day. IBM presented the new generation of computer: System/360, consisting of six models and 44 peripheral devices.

Since IBM's development projects were always shrouded in secrecy, no one knew what to expect. The presentation had the effect of an atomic bomb: As Tom Wise, a journalist from *Fortune* magazine recalled:

The new System/360 was intended to obsolete virtually all other existing computers... It was roughly as though *General Motors* had decided to scrap its existing makes and models and offer in their place one new line of cars, covering the entire spectrum of demand, with a radically redesigned engine and an exotic fuel.

There were three main reasons for the resounding success of the System/360: First, IBM introduced the standardization of program commands and models that differed in speed and price. This allowed the customer to upgrade his computer as his needs grew, without having to reprogram the application software. Second, the System/360 was much more compact than earlier computers. Vacuum tubes were replaced by transistors and diodes in integrated microcircuits. This made it possible to reduce the size of the device significantly, while increasing its speed and reliability. Third, IBM introduced new stan-

¹⁰⁰ Ibid. P. 130.

dards for the entire industry: For example, the System/360 used 8-bit bytes, hexadecimal floating-point format, and 9-track magnetic tape to store information¹⁰¹.

The managers and engineers at IBM had cause to be proud of their achievement. As Frank Cary, future head of the corporation, said in 1964: “We don’t sell a product... we sell solutions to problems”¹⁰². Right after the presentation, IBM received thousands of orders for the System/360. Over the next two years, they sold 4,500 units. The computer created by IBM set the course for computer technology for decades to come.

In spite of serious shortcomings in the software and the actions of competitors, who openly copied parts of the System/360, by the beginning of the 1970s, IBM completely dominated the computer market. It sold three-quarters of all computers bought, while no other competitor had more than a 5% share¹⁰³. It seemed that the company’s future was secure. Except for one thing.

The First Personal Computer

At the beginning of 1975, *Popular Mechanics* magazine put a new computer on its cover – the *Altair 8800*. It sold for \$397 (\$1900 today), and it could be ordered by mail, disassembled, which made it accessible for almost everyone who wanted to get in on the new technology. In addition, the computer was pretty small, which was its major advantage. It was slow, used a simple binary code, and had only 256 bytes of memory. Nevertheless, in a very short time, *Altair* attained cult status. Inside its unattractive body was a real pearl – the *Intel 8080* microprocessor¹⁰⁴.

Founded in 1968 by Robert Noyce and Gordon Moore, the *Intel* company designed processors. Noyce was the general manager, and Moore was the innovator. In 1965, they proclaimed “Moore’s Law”, which stated that the number of transistors on a microchip would double every year. Nine years later, they would correct the law: the number of transistors would double every two years¹⁰⁵. According to this logic, *Intel* was creating microchips whose speed would grow exponentially

¹⁰¹ *Makarskii D., Nikonorov A.* Op. cit. P. 96.

¹⁰² *Campbell-Kelly M., et al.* Op. cit. P. 138.

¹⁰³ *Ibid.* P. 132.

¹⁰⁴ World’s First Minicomputer Kit to Rival Commercial Models... “Altair 8800” // *Popular Electronics*. Jan 1975.

¹⁰⁵ *Makarskij D., Nikonorov A.* Op. cit. P. 105–106.

every year. Five years after it was founded, *Intel* was worth \$66 million, and had more than 2,500 employees.

The growth in the number of compact processors led to the expansion of potential uses for them, and a constant lowering of their cost. In 1971, the first pocket calculators were being sold for \$100. Five years later, they cost \$5¹⁰⁶.

When *Atari* was founded in 1971, almost no one had heard of video games. In 1972, the company released its first game, *Pong*, which was installed in coin-operated game machines that sold for \$1200. Within three years, a home version of *Pong* was available for \$350, and could be installed on a TV. In another couple of years, the game cost \$50. At the same time the value of *Atari* itself soared to \$40 million, and it was producing dozens of games every year¹⁰⁷.

Considering that more and more types of processors were being produced every year, and the price was falling, it was not just multi-billion dollar corporations who were making computers any more: Student-engineers also got into the act. Using microchip technology, the “mini computers” of 1970 were just as powerful as the huge machines of 1965 at one-tenth the cost. It was just a matter of time before the personal computer appeared on the market¹⁰⁸.

The *Altair 8800* was the beginning of a new phase in the computer revolution. On the one hand, the original set of devices produced by its manufacturer, *Micro Instrumentation Telemetry System* (MITS) was pretty meager, but it was possible to hook up many other components to it (such as a cassette recorder, which could be used to increase the memory), and also to change the internal components, upgrading the entire computer. On the other, the *Altair 8800*, like many computers at that time, suffered from a lack of programs. So MITS was interested in hiring several programmers who could create accessories for their brainchild.

In the winter of 1975, the issue of *Popular Electronics* with the *Altair* on the cover fell into the hands of a nerdy 20-year-old Harvard student, Bill Gates. Together with his friend, Paul Allen, he got interested in programming, and even achieved some success. Learning that MITS needed help, the two applied to the company as *Microsoft*, offering to create software in the easy-to-use BASIC programming language. Their proposal was accepted. Gates and Allen began to work for MITS, which forced them to leave the university, becoming heroes to hundreds of computer geeks just like them¹⁰⁹.

¹⁰⁶ *Campbell-Kelly M., et al.* Op. cit. P. 222.

¹⁰⁷ *Ibid.* P. 223.

¹⁰⁸ *Ibid.* P. 224.

¹⁰⁹ *Ibid.* P. 236–237.

After the *Altair 8800*, the American market was flooded with similar devices, created at home by young engineers. Almost none of the companies that made them had offices; they created their computers in their garages and dreamed of success. Many of these companies disappeared as fast as they arose, but one of them – *Apple* – not only established itself in the market, but even today dictates the major world trends in digital technology.

Apple was created by two young computer fanatics, Stephen Wozniak and Steve Jobs. Wozniak, or “Woz”, as his friends called him, was born in Cupertino, California, which was the center of the developing digital industry on the West Coast of the U.S. Like many local kids, he lived and breathed electronics. Woz began to put his own machines together at a young age, and by the beginning of the 1970s had become an excellent engineer. Despite his talent, Wozniak was not interested in an academic career: He dreamed of starting a revolution in computer design.

Sometime around 1971, Woz and his friends created their own mini-computer from spare parts that had been rejected by local companies in Cupertino. At about the same time he met Jobs, who was five years younger. Unlike Wozniak, Jobs was not a talented engineer, but he inspired his friends to want to change the world. There are many stories about Jobs’ self-confidence, which at the same time repelled, enchanted, insulted and charmed people. Here is one.

When Jobs was 13 years old, he needed some electronic components for a school project. He just decided to phone William Hewlett, a multi-millionaire and the co-founder of the *Hewlett-Packard* company. Astonished by the call, Hewlett not only gave him the parts he needed, but offered him the chance to work for him.

Like many other computer geniuses of his generation, Jobs was not interested in academics. He kept enrolling and then dropping out of college at the beginning of the 1970s, until he finally found a good job at Atari. Creating games, however, was not part of his plan. Jobs took up Indian philosophy, like his idols *The Beatles* he became a vegetarian and spent time meditating¹¹⁰.

Wozniak and Jobs were not at all alike. The first would become the embodiment of a computer genius-geek; the latter would become an icon for dreamers and futurologists. But together, they managed to change the world.

Apple’s success story began in 1975, the same year *Altair* was on the magazine cover. Wozniak and Jobs were members of the Homebrew Computer Club, where local student-engineers demonstrated the

¹¹⁰ Ibid. P. 238–239.

devices they made in their garages. It was there that the two friends presented their first model, which was called *Apple*. At first, it was a computer that Wozniak made for his own use, but seeing how the other geeks reacted, Jobs suggested that they begin to sell it. As a result, they sold around 200 computers, all of which they made by hand in Jobs' parents' garage.

The relative success of *Apple* showed Jobs that there was a huge market that was completely open. It was made up of young people who did not want to get involved with big companies, partly out of a sense of revolt, partly because of the high prices. In addition, people wanted to buy a computer all put together, in a plastic shell that also contained the keyboard, the screen, and the memory. Finally, the computer should have an easy-to-use operating system.

That is how the next computer, the *Apple II*, was born. It was presented in 1977, and *Apple* continued to release modifications of it for the next 15 years, which testifies to its unbelievable success.

The spread of *Apple II* sparked a flood of clones, some of which were at least partly compatible with the original. The big companies, too, including the heads of IBM, had to think long and hard about the reasons for Jobs' success. The main one was the fact that *Apple* brought computers into people's houses. Not computer fanatics, scientists, businessmen, or bureaucrats, but ordinary Americans, who knew nothing about how to build a digital device, did not know how to program or how to put together the necessary components. The *Apple II* worked right out of the box, with a simple interface. That, it seemed, was enough¹¹¹.

Looking at the growing popularity of personal computers, IBM could not help but be concerned. In 1980, one of the senior managers, William C. Lowe, suggested to the leadership that they not only begin mass production of personal computers; but also try and restructure the entire corporation. In Lowe's words, IBM's structure was not nimble enough; it took three years for products to reach the market after the first prototypes. IBM also was not ready for sales to a mass consumer base. Lowe suggested that IBM stop using only its own stores, and begin selling through ordinary retail outlets. Finally, he suggested that IBM outsource the production of computer accessories and software.

Oddly enough, the leadership of IBM, which up until that moment had considered that their main clients were corporations, research centers, government, and military agencies, agreed to Lowe's suggestions. It seemed to them that such an experienced and rich

¹¹¹ Ibid. P. 240–241.

company should have no trouble creating a computer in a short period of time that could edge out its younger competitors. But it was not that easy.

As far as the hardware – electronic components and peripheral devices – was concerned, IBM really did not have any problems. Lower followed his plan; and bought almost all the internal components of the future IBM-PC from outside manufacturers. It was possible to buy the best that existed on the market; and avoid problems with delivery. But the programming software left a lot to be desired¹¹².

IBM's attempts to develop stable and convenient software for its first mass-produced personal computer were unsuccessful. In the summer of 1980, the corporation's managers had to start searching for outside programmers. This brought them to *Microsoft*.

By that time, Gates and Allen had finished their work with the *Altair 8800*. The company was going through some tough times. Gates had been worried for years about computer geeks who built their own computers and used other people's programs without permission. This was, in essence, intellectual property theft. He shared his concerns with the Homebrew Computer Club, which provoked the ire of the locals. His observations, however, were justified. *Microsoft* and other relatively successful companies had to find a way to protect their rights.

It is quite possible that it was Gates' approach to business that made IBM choose *Microsoft* for its software. Both Gates and Allen, unlike many other amateur programmers, wore suits, studied at Harvard (even though they did not graduate), and came from wealthy families. IBM saw no risk to its reputation in signing an agreement with *Microsoft*, even though Gates and Allen did not have a ready-made product at the time.

In 1980, *Microsoft*, which was working out of rented office space in Seattle, had just 38 employees. Gates and Allen bought a computer program from local programmers for \$30,000 and adapted it, presenting it as MS-DOS. IBM installed the program in every computer it sold, and paid *Microsoft* a percentage of the profit, somewhere between \$10 and \$50. History would show that MS-DOS was the most popular, convenient, and versatile operating system on the market until the mid-1990s¹¹³.

The end product, the *IBM Personal Computer*, or simply the IBM-PC, caused a revolution in the computer industry. What were the reasons for its success?

¹¹² Ibid. P. 245–246.

¹¹³ Ibid. P. 246–247.

First, IBM's conservative corporate clients remained loyal to their tried-and-true brand; they were convinced that the IBM-PC was more convenient. They found *Apple* a bit suspicious, designed by those "hippies", Jobs and Wozniak, in some garage.

Second, their normal users found that all the internal components of the IBM-PC were mutually interchangeable, which meant that they could buy a cheaper model and then reconfigure it until they had what they needed.

Third, the convenience and stability of MS-DOS, along with the support of IBM, made it possible to design a lot of programs in a very short time that would work with computers of various configurations. All of this allowed users to transfer data from one device to another without fear of losing anything, and also to exchange programs (including games), without worrying that they would not work.

All of this led to dozens of companies around the world producing clones of the IBM-PC at a lower price and with more powerful components, but with the same MS-DOS and Intel microchips inside. That was how *Dell* got its start, for example.

The personal computer revolution did not go unnoticed. At the beginning of 1983, *Time* magazine, instead of choosing its traditional Person of the Year, chose a Machine of the Year. It was the personal computer¹¹⁴.

The Graphical User Interface

By the middle of the 1980s, the computers on the market looked pretty much like the ones we use now. There was, however, one major difference: the IBM-PC and the *Apple-II* did not have a graphical user interface.

Legend has it that Steve Jobs got the idea of hooking up a mouse to a computer and the principle of the modern work desk from *Xerox* in 1979. Their design, the *Alto* computer, had a graphical user interface, but the management did not appreciate what its engineers had invented.

Coming back from *Xerox*, excited by the idea, Jobs persuaded his colleagues and employees to create a computer like the *Alto*. It took *Apple* three years, and in 1983, they presented the *Lisa*. The first model was a failure: the new device was too expensive, too slow,

¹¹⁴ The Computer, Machine of the Year // *Time*. Jan 3, 1983. Vol. 121 No. 1 [Electronic Resource]. URL: <http://content.time.com/time/covers/0,16641,19830103,00.html> (accessed 22.05.2021).

and too complicated for software programmers. *Apple* spent too much money on developing the *Lisa*, and they made almost no profit. The future of the company was in jeopardy. Jobs decided to try one more time.

On January 22, 1984, 77 million viewers turned on their televisions to watch the *Super Bowl* between the *Washington Redskins* and the *Los Angeles Raiders*. The game was pretty dull from the start: While *Washington* was the absolute favorite, the team from the “City of Angels” drew ahead in the first quarter and never lost the lead. By the second half, the *Raiders* were ahead 21-3. The viewers were bored. In the middle of the third, quarter one of the teams called a timeout, during which they aired advertisements.

...The screen darkens. Exhausted workers with shaved heads, dressed in prison garb, stare at a huge screen, on which Big Brother sternly lectures about the triumph of digital authoritarianism. Suddenly a beautiful young woman in bright red athletic shorts runs into the room and throws a sledgehammer at the screen. Then a voice announces: “On January 24, *Apple Computer* will introduce *Macintosh*. And you’ll see why 1984 will not be like ‘1984’”¹¹⁵.

It was the beginning of a new era. The ad not only caused a sensation, but it also piqued everyone’s curiosity, since the product itself was never shown. It ran on TV dozens of times, which increased the suspense. The ad referred to George Orwell’s dystopian novel “1984,” and the “Big Brother” in the computer market was IBM.

When *Macintosh* finally appeared on store shelves, it cost \$2500 (\$6,100 based on today’s prices), which was 85% cheaper than the *Lisa*¹¹⁶. The first sales, however, were disappointing. While the new computer was obviously innovative, it was not clear who the audience was for such a machine. Ordinary users did not want to have to pay top dollar for a pretty graphical user interface. Office workers preferred their IBM-PCs, which they were used to. The geeks were not happy with the closed architecture, which did not allow them to root around inside the computer. *Macintosh* could be a wonderful computer for schools and universities, given its attractive and simple interface, but that clearly was not the market that *Apple*’s management was aiming for. After the relative failure of the device Jobs was forced out of the company that he himself had founded.

¹¹⁵ 1984 Apple’s Macintosh Commercial // YouTube [Electronic Resource]. URL: <https://youtu.be/VtvjbmoDx-I> (accessed 22.05.2021).

¹¹⁶ *Campbell-Kelly M., et al.* Op. cit. P. 263.

Microsoft had had a hand in designing the software for the *Macintosh*; after the release of MS-DOS, it was one of the leading software companies on the market. In reality, however, by 1984, Gates' company had not been able to come up with a single competitive product after the IBM-PC operating system.

Working on the *Macintosh* showed Gates how to move forward. He had to combine the convenience of the graphical user interface with the low cost of the IBM-PC.

The operating system he designed, *Windows*, was introduced in October 1985, and almost completely copied the *Macintosh* interface. The price of the new *Microsoft* product was just \$99. It was installed in almost every IBM personal computer and in the clones made by other companies like *Dell* and *Compaq*. This gave immediate results: By 1987, computers using *Windows* occupied more than 50% of the market¹¹⁷.

Right up until that moment *Apple* thought that Gates was no competition. Only in 1988, after *Windows 2.0* was released, did the *Macintosh*'s creators realize that "Big Brother" was not IBM, it was *Microsoft*. But it was already too late.

Apple's lawyers went to court, and the case dragged on for years as they tried to prove theft of intellectual property. While the case was being fought, Gates became the youngest billionaire in history. By the beginning of 1989, around 2 million copies of *Windows* had been sold, and the operating system had crowded out all competitors, including IBM, with whom Gates no longer wanted to work. In 1990, *Windows* was installed in 84% of all new computers!¹¹⁸

At the beginning of the 1990s, *Windows 3.0* followed *Windows 2.0*; later came the revolutionary *Windows 95*, which introduced the same interface we use today. By that time, IBM had long since ceased to be a leader in sales of personal computers, and *Apple* lost its case in the mid-1990s. The 20th century ended with the complete dominance of *Microsoft* and *Windows*.

The computer of the mid-1990s was almost identical to the one we use today, 25 years later. Of course, the size was different, and it was slower, but all of the main functions had already been implemented. The PC right out of the box had a whole package of office programs, you could watch movies on it, listen to music, and play games. The main thing, of course, was that 10 million users had access to the Internet.

¹¹⁷ Ibid. P. 265.

¹¹⁸ Ibid. P. 266–267.

The Internet Revolution

The first Internet prototype was a network set up in 1969 between four research institutes: the University of California at Los Angeles, the University of California at Santa Barbara, the University of Utah, and the Stanford Research Institute. It was called *Arpanet*, and operated within the university system. Some features of the system, however, had a broad influence on the development of the Internet.

One of these was the prototype of a news aggregator, which appeared on *Usenet*, a network that split off from *Arpanet* in 1979. At first, this service was intended to facilitate news exchange between two students, one of whom was studying at Duke University and the other at the University of North Carolina. It grew to such an extent, however, that by 1991, millions of subscribers were using it.

Another service that got its start on *Arpanet* was electronic mail, which started in 1971 and quickly gained popularity. Four years later, more than 1,000 electronic post boxes had been registered. In spite of the local successes, however, the networks grew slowly. In 1980, fewer than 200 devices were connected to the Internet, and in 1984, around 1,000. The real break did not come until the beginning of the 1990s, when the *World Wide Web* was created.

By that time, it had become necessary to systematize all the data that was on the Internet, and also to give users free access. Various projects attempted to resolve the problem, creating online catalogs of documents, but they were not very convenient to use.

The solution was the hypertext system that allowed users to switch from one document to another without returning to the main catalog. A similar principle had been used in encyclopedias published on diskettes, but now it had to be applied to the Internet. This was the work of Tim Berners-Lee.

While working at the Conseil Européen pour la Recherche Nucléaire (CERN), Berners-Lee, with his colleague Robert Cailliau began working on a new protocol in 1989. He was able to link all documents in a network (later these documents were called web-pages) using citations, which made it easier to search for them. The system of pages linked by hypertext, which could be opened using a special program called a browser, was called the *World Wide Web* (www).

When Berners-Lee and Cailliau tried to present their work at a conference on hypertext in San Antonio, Texas, in 1991 (the *Hypertext '91* conference), the organizers refused to give them time for the report. According to Berners-Lee, their report that year was the only one devoted to the Internet. When he returned to the conference in

1993, “every project on display would have something to do with the Web”, he recalled.

A lot had happened in those two years. Right from the beginning of his work Berbers-Lee had been keeping a record of “hits”. In 1991, around 100 users connected to the web every day. Within a year, that number had increased to 1,000, and in 1993, it was 10,000. In 1994, there were several hundred servers connected to the network around the world, and their number continued to grow¹¹⁹.

The new network had its admirers, and they needed browsers. The first generation only contained text documents, without pictures. In the future, browsers would support video and audio files as well as images.

The first mass browser was *Mosaic*, which appeared in the first half of the 1990s. It was designed by Marc Andreessen, a student at the University of Illinois at Urbana-Champaign. *Mosaic* was distributed free of charge. It was popular because it was simple, and it had versions that could be used with *Windows* and *Macintosh*, as well as with more specialized operating systems. *Mosaic* was also the first browser that supported images inside text documents. After its release in 1993, the browser attracted hundreds of thousands of users; Andreessen continued working on browsers within the *Netscape* project.

Major corporations were watching the growth of the *World Wide Web* with great interest. *Microsoft* soon decided to develop its own browser, which was designed using the *Mosaic* programming code and was called *Internet Explorer*. This was the browser installed with the *Windows* operating system, beginning in 1995. Although *Internet Explorer* almost immediately became an object of ridicule because of its slowness, it had one very useful characteristic: It provided access to the *World Wide Web* as well as to older Internet protocols which were supported by companies like AOL and MSN. Users in the mid-1990s were able to use the new decentralized network, which was not yet very well developed, as well as other protocols that had a lot of content, but depended on a provider and were relatively difficult to use.

Nevertheless, right up until 1998, *Netscape Navigator*, which at one time had more than 70% of all users, was winning the “war of the browsers”. But the accessibility of *Internet Explorer* finally won out: Any user of a new computer that had *Windows* installed had to first *open Internet Explorer* to then reach *Netscape*. For many, this was one step too far, and they stayed with *Internet Explorer*, which began to dominate the browser market at the cusp of the new century¹²⁰.

¹¹⁹ Ibid. P. 287–289.

¹²⁰ Ibid. P. 289–291.

The development of the Internet also affected digital business. From the mid-1990s, companies popped up that were developing products to assist in navigating the Internet or taking advantage of its possibilities. Sometimes success arrived quite unexpectedly.

The *Yahoo!* search engine is a typical example. Its creators, Stanford University students David Filo and Jerry Yang, began by publishing a list of websites that could be found on the Internet. On the *Yahoo!* page at the end of 1993 there were around 200 addresses, which at that time was a significant part of the Internet. When there was an explosion in the number of sites the following year, Filo and Yang indexed them extensively and added them to the database. This is what dictated the project's success: By the beginning of 1995, users were accessing *Yahoo!* a million times a day; in other words, there were about 100,000 users. In the spring of that year, Filo and Yang found investors, moved to Silicon Valley, and hired programmers to continue the work¹²¹.

The main challenge for *Yahoo!* and other similar services in the 1990s was the fact that they could not charge money for searches. This forced them to think up other ways of generating income, for example, selling ad space.

Another pair of students chose quite a different path; by coincidence, they were also from Stanford – Larry Page and Sergei Brin. They developed a back-link model of ranking web-pages: their algorithm evaluated how many times others linked back to the original page. Using those results, the system ranked sites by popularity. The site's position in the ranking determined which web pages would appear when a user conducted a key-word search. This was a major difference from the search algorithm that had existed up until then, where the relevant parameter was the number of times the keyword appeared on a given web page.

Page and Brin called their creation *Google*, first releasing a site with that name on the Stanford domain in 1997, and moving to Palo Alto the next year intending to build a business around the algorithm. Their idea was to keep the search engine page free of advertising. This was not typical of their competitors' websites, including *Yahoo!*, which were full of ads from top to bottom, slowing down the browser. The *Google* page was empty, it loaded quickly and its purity and whiteness were pleasing to the eye. Page and Brin's business model involved selling sites a specific place on the search results page. In addition, if a user clicked on those sites, *Google* would receive a small amount of money. This approach was hugely successful: Users were happy not to

¹²¹ Ibid. P. 293–294.

have to see ads, and the companies that sponsored *Google* were convinced of the effectiveness of the model¹²².

Another typical success story from the late 1990s is that of Jeff Bezos, who, after graduating from Princeton, decided to start a business selling books online. In 1995, he founded the website *Amazon.com*, which not only quickly became a leader in the book business; but transformed into a major retail platform where you could purchase anything in the world.

The development of digital technology at the end of the 20th century had a significant effect on culture. The explosion in computers and their uses, along with the appearance of the Internet, could not fail to cause concern. The film industry, for example, popularized the image of the programmer able to hack computers or create a virtual reality. One of the first examples of this was the movie “Tron”, in 1982, in which the hero, a video game designer, is transported into one of his creations and has to fight for survival. Another popular film was “Hackers”, in 1995, which introduced the image of the digital pirate, hacking into security systems for the fun of it and stealing money from corporations. The most influential film, which served both as a hymn to cybernetics and a warning about its dangers, was “The Matrix”, in 1999. Its protagonist, an ordinary programmer, Thomas Anderson, learns that the reality in which he is living is just a simulation, implanted in people’s heads by machines. Mr. Anderson goes on to “hack” this cyber-reality in an attempt to free people from the yoke of artificial intelligence.

Today, more than 25 years after the *World Wide Web* burst onto the scene, many Internet pioneers have already disappeared, while others have diversified. Now *Google* is not only a search engine, but a huge corporation, developing mobile operating systems and creating an entire digital ecosystem that unites dozens of different products. *Amazon* is not just selling goods, but providing various online services. Its owner, Jeff Bezos, was the richest man on Earth in 2018, with a fortune estimated at \$135,6 billion.

An important trend over the last 20 years has been the miniaturization of digital devices. In the 1990s, Apple began to produce pocket personal computers (known as personal digital assistants, or PDAs) called *Newton*. Although *Newton* never became very popular, the corporation never gave up on the idea of developing miniature digital devices, able to fit into any pocket.

After Jobs’ second coming, the first product *Apple* released was a miniature music player, the *iPod*, which won over customers with its

¹²² Ibid. P. 294–295.

design. There were already mp3 players on the market, but the *iPod* changed the rules of the game: Simultaneously with the launch of the new device Jobs opened an online music store, *iTunes*, where you could buy music tracks. The key to its success was the understanding that the market for actual records would soon collapse due to competition from online music services, some of which, like *Napster*, often dealt in pirated tracks.

The next revolutionary product was the *iPhone*, in 2007. This was the first mass hand-held computer that also functioned as a telephone. It must be noted that there already were similar products on the market (like the *Palm* PDAs) but the demand for them was limited since they were marketed as business devices. The *iPhone* offered the customer a large touch screen, as well as access to *iTunes*, where one could find every possible app. When the *iPhone* was released, the experts predicted that, if it didn't fail outright, it would have just moderate appeal due to its high price and low speed. In reality, the *iPhone* set a trend that destroyed the market for traditional PDAs and led to the almost complete disappearance of the former mobile phone leader, *Nokia*¹²³.

Another important phenomenon in the modern world, now enveloped on the Internet, was the appearance of social networks at the beginning of the 21st century. The first were *Friendster* and *MySpace*, but the one that ended up being the most popular was the brainchild of Mark Zuckerberg – *Facebook*. Legend has it that it began as an online service within the university, allowing students to vote on how attractive women were by rating their photographs. This program had success locally among Harvard students, causing a scandal along the way. That gave Zuckerberg the idea of creating a platform where students could get acquainted, where they could register their profile, filling it with information about themselves as well as photographs. On February 4, 2004, *thefacebook.com* was launched. In the first three weeks, 6,000 users registered on the new service, the majority of whom were Harvard students. Then the social network began to spread to other Ivy League universities, and by the end of the spring, semester there were more than 100,000 people on it.

In 2005, *Facebook* got rid of the “the” in the name and gradually gained popularity throughout the country. The initial success of the social network was predicated on the fact that it guaranteed that there would be no fake accounts like on other services, which sent out spam. In order to register for *Facebook*, you had to have a legitimate email account affiliated with a university, i.e. ending in .edu. Later, school

¹²³ Ibid. P. 297–299.

kids were also able to register for *Facebook*, and after that anybody who wanted to. By 2008, there were 145 million users on *Facebook*, out of whom only 30% lived in the USA¹²⁴.

The success of Zuckerberg's invention spawned a multitude of social networks. Soon *Twitter*, *Instagram*, *Snapchat*, and a host of other similar services appeared.

Today, social networks are not just a means of making new friends or staying in touch with old ones; they are a powerful instrument to promote a business or wield political influence over people. Considering that wireless networks have spread all over the world since the beginning of the 2010s, providing access to the Internet from just about anywhere, social networks have started to be used to mobilize protests (as with *Occupy Wall Street* in 2011, for example) and to organize political campaigns. A vivid example of this is the *Twitter*-diplomacy practiced by U.S. presidents Barack Obama and Donald Trump.

Unfortunately, the Internet revolution has a downside as well. The expanding role of the *World Wide Web* in people's lives greatly jeopardizes their privacy. In a world embraced by social networks, it is difficult to keep information away from prying eyes. The "leaks" of intimate photos and videos, cyberstalking, and online bullying are only the most obvious examples of the negative effects that the digital world inside our computers has brought. Another result of the cybernation of society, according to some researchers, was that humanity began to rely too much on electronic devices in everyday life. What can happen if the Internet shuts down? Possibly the collapse of technological civilization awaits us, as was shown in the movie "Transcendence" (2014)?

The computerization of the past 70 years has significantly changed people's lives. The first "smart" devices appeared in the mid-20th century, used by government and military structures to carry out complex calculations. These enormous computers were only partly digital. A large portion of their components was mechanical.

By the 1960s, financial and commercial organizations had become interested in using computers. The major provider of digital devices was the IBM corporation, which had earned a name for itself during World War II.

With the development of semiconductors, the appearance of integrated microcircuits, and microprocessors, computers could become smaller without losing functionality, and they also got cheaper. This led to the development of the personal computer in the 1970s. The main competitors for this market were *Apple* and IBM-PC.

¹²⁴ Ibid. P. 302.

The next stage of the computer revolution was the creation of the graphical user interface and the appearance of the miniature manipulator, the mouse, in the 1980s. From that moment right up until today the PC is associated with the *Windows* operating system, developed by *Microsoft*. Despite competition from *Apple* and other types of operating systems, Bill Gates' brainchild is still the most popular operating system in the world.

The next logical step is connected to the *World Wide Web*, which reliably links computers all over the world. At the beginning of the 21st century, there are not just PCs connected to the Web but all sorts of miniature digital devices – players, smartphones, and even game apps – all of which form a full-fledged cyber world, which lives by its own logic. The Internet of things that surround us from all sides gives us the ability to automate and control everything through the network, from filling our refrigerators to checking on the status of a package being delivered. Maybe the next chapter of technological development will look like “The Matrix”.

Further Reading

- Aspray W.* John von Neumann and the Origins of Modern Computing. Cambridge, 1990.
- Campbell-Kelly M., Aspray W., Ensmenger N., Yost J.R.* Computer: A History of the Information Machine, Edition 3. Boulder, 2014.
- Chandler Jr. A.D.* Inventing the Electronic Century: the Epic Story of the Consumer Electronics and Computer Industries: with a New Preface. Cambridge, 2005.
- Gertner J.* The Idea Factory: Bell Labs and the Great Age of American Innovation. New York, 2012.
- Isaacson W.* Steve Jobs: The Exclusive Biography. New York, 2011.
- Isaacson W.* The Innovators: How a Group of Hackers, Geniuses, and Geeks Created the Digital Revolution. New York, 2014.
- Jackson T.* Inside Intel. London, 1997.
- Makarskii D., Nikonorov A.* History of the Computer Age. Moscow, 2016. (In Russ.)

Electronic Resources

- 1984 Apple's Macintosh Commercial // YouTube [Electronic Resource].
URL: <https://youtu.be/VtvjbmoDx-I> (accessed 22.05.2021).

Lecture 9. The Birth of Silicon Valley and the Culture of Start-ups

On February 14, 1956, in the hall of the *St. Francis Hotel* in San Francisco, guests gathered for a dinner party hosted by the prominent entrepreneur and philanthropist Arnold Beckman. He had organized the event in honor of his friend, scientist William Shockley, who had established a semiconductor laboratory. Among those present were journalists, engineers, and teachers from local universities. Everyone was excited and intrigued: Why had the legendary Dr. Shockley, one of the heads of *Bell Labs*, decided to give up his prestigious job on the East Coast for a backwater in the San Francisco Bay area?

While opening the festivities, Beckman announced:

Headed by Dr. William Shockley, inventor of the junction transistor, the nucleus of the rapidly expanding research team consists of ... experts in the field of semiconductors, the basic material of transistors which are revolutionizing the electronics field...¹²⁵

Beckman was not exaggerating. The technology that Shockley was working on did indeed have unbelievable potential.

Semiconductors are substances that do not impede an electrical current but do not conduct it as easily as copper. Because of this, semiconductors have all the qualities needed for the manufacture of electrical systems. Transistors help control electrical current just like a water faucet: When the transistor is closed, the current cannot pass. When it is open, on the other hand, electricity gets through. The discovery of the transistor made it possible to manufacture electronic goods much more cheaply, and also to get rid of mechanical elements in computers; since commands could be conveyed via the transistor. In short, William Shockley's invention promised to turn everything we knew about technology on its head.

© Panov A.S., 2023

¹²⁵ *Laws D.* Beckman, Shockley and the 60th Anniversary of the Birth of Silicon Valley // CHM Blog. February 10, 2016 [Electronic Resource]. URL: <https://computerhistory.org/blog/beckman-shockley-and-the-60th-anniversary-of-the-birth-of-silicon-valley/> (accessed 22.05.2021).

The *Shockley Semiconductor* laboratory that Beckman spoke about was located in Palo Alto. Today it is the center of Silicon Valley, the area of the U.S. most closely associated with digital technology and innovation. In 1956, however, it was a sleepy little town on the banks of San Francisco Bay, where there wasn't even a long-distance telephone exchange. There are many reasons why Shockley decided to create his lab in that particular place. First, it was close to Stanford University, one of the leading technology institutes in the U.S. Second, the enterprise's sponsor, Beckman, lived nearby. And third, for good measure, Shockley's mother lived in Palo Alto.

At first, the company did not do so well. Top engineers from *Bell Labs* and other research centers did not want to move to the California boondocks. In the 1950s, cutting-edge technology research was carried out mainly on the East Coast, at places like the Massachusetts Institute of Technology (MIT) or IBM. No one wanted to jeopardize their career and reputation by getting involved with Shockley's risky project.

The company had to take a chance on ambitious young people, who wanted to make a name for themselves working under Shockley, a 1956 Nobel laureate in physics. Right from the beginning, though, things started to go awry. It turned out that William Shockley was a terrible boss and mentor. Some of the staff he chose were incompetent, which slowed down production. Shockley was a short-tempered manager, who at times exploded with unmotivated aggression, at others disappeared with bouts of paranoia. Finally, Shockley announced that the laboratory had to stop producing transistors and switch to other tasks that everyone thought were less important, and having no relationship to the business.

The staff had had enough. In September, 1957, a group of engineers told Shockley they were quitting, saying they could no longer work with such a boss, and that they wanted to start their own company to produce semiconductors. Legend has it that in answer, Shockley spat out: "Traitors!" – and the name stuck. The "Traitorous Eight" had been born¹²⁶. The laboratory they founded after they left was called *Fairchild Semiconductor*, and in its bowels were formed almost all the companies that would make up Silicon Valley and create the start-up culture.

Over the next several years, *Fairchild Semiconductor* would become the leading semiconductor manufacturer in the U.S. Even NASA would work with it, ordering transistors for the "Minuteman" rockets. Fairchild's main legacy, however, would be the firms that

¹²⁶Jackson T. Inside Intel. London, 1997. P. 20–21.

split off from it. Today, around 70% of the companies that work in Silicon Valley can trace their history to *Fairchild* in one form or another. Here are several examples.

In 1962, two of the “Traitorous Eight”, Jay Last and Jean Hoerni, left the company as a result of an internal conflict, and created *Amelco*, which would develop the first analog-to-digital converter. Today, after a series of mergers and acquisitions, the *Amelco* core forms part of the *Microchip Technology* corporation, which has a yearly turnover of more than \$2 billion.

Other employees of *Fairchild*, Robert Widlar and David Talbert, created *National Semiconductor* in 1965; it became famous as the largest producer of data conversion solutions, amplifiers, and power management integrated circuits. In 2011, it became part of the *Texas Instruments* megacorporation.

Another member of the “Eight”, Eugene Kleiner, created a venture capital firm, Kleiner Perkins, which would help *Amazon*, *Electronic Arts*, *Google*, *Sun Microsystems*, and many other corporations to get on their feet.

Fairchild's most famous spin-off was, of course, *Integrated Electronics*, or simply *Intel*. The history of this company seems to encompass the entire history of Silicon Valley, and it also became an example for start-ups at the end of the 20th – beginning of the 21st century.

The founders of *Intel* – Gordon E. Moore and Robert Noyce – were also members of the “Traitorous Eight”. It would be difficult to find two people less alike.

Noyce was a wonderful inventor. It was his idea to create integrated microcircuits, which united several transistors on one small silicon chip. Personally, Noyce was charming, gregarious, and charismatic. He was considered the leader of the “Eight”. Moore, on the other hand, was calm and quiet. He did not like big parties, preferring to spend his free time fishing. Among Moore’s many excellent qualities as an engineer was his ability to solve complicated problems that whole teams had been unable to resolve, and to do it in a short period of time. Together, Noyce and Moore made a wonderful team, able to achieve great things.

By 1968, the majority of the *Fairchild* founders had left to start their own projects. Noyce and Moore understood that it was time to move on. Together they decided to create a new company based on their own vision of what made a successful business. All they needed was financing. Noyce called Arthur Rock for the money. At one time, when he was still a young banker from New York, Rock had helped the “Traitorous Eight” find investors. At that time, no one wanted to invest in a group of kids who had left Shockley, the Nobel laureate.

They did not have enough weight in scientific and commercial circles to obtain financing without a ready-made product. The whole business seemed too risky, too rash, but it promised huge returns, which is where that type of investment got its name. They started calling themselves “venture capitalists”. At that time, Rock found just one banker who was ready to provide seed money – Sherman Fairchild, and the company was later named after him.

This time, things were different. By 1968, Arthur Rock had become rich, and he realized that he could handle the role of a chief investor by himself. He knew Noyce and Moore well, so he did not even ask what they wanted to do after leaving Fairchild.

“Bob just called me on the phone”, Rock would remember later. “We’d been friends for a long time... Documents? There was practically nothing. Noyce’s reputation was good enough. We put out a page-and-a-half little circular, but I’d raised the money even before people saw it”¹²⁷.

Rock not only invested his own money, but also offered other people the chance to participate in the deal. He made about 15 phone calls, and in a few hours, he had \$2,5 million. He even got investments from some of Noyce and Moore’s former “Traitorous Eight” colleagues who had gone to *National Semiconductor*, even though they were now competitors. Everyone was certain that they would be successful. Venture capitalism in Silicon Valley was up and running!

Arthur Rock was a pioneer in the field of venture capital. Today in Silicon Valley, in addition to the start-ups themselves, numerous funds are willing to invest in the very early stages, expecting big rewards later on.

Ten years later, Rock would help another firm that changed our concept of tech – *Apple*. He met Steve Jobs and Steve Wozniak through another financier, Mike Markkula, who would also fall under the spell of the future creator of *Macintosh* and would stay in the company with him. Arthur Rock invested \$57,000 in *Apple* at the beginning of *Apple*’s history. It was a risky but extremely successful deal. Three years later, Rock’s share of Jobs’ company was already worth \$14 million¹²⁸.

¹²⁷ Ibid. P. 22.

¹²⁸ Arthur Rock: Silicon Valley’s Unmoved Mover // The Generalist. March 28, 2021 [Electronic Resource]. URL: <https://www.readthegeneralist.com/briefing/arthur-rock> (accessed 22.05.2021).

The examples of *Intel* and *Apple* illustrate the first main characteristic of the start-up culture – individualism. *It's not a good idea to develop your idea in an already existing company.* Start your own!

As soon as Noyce and Moore received the money to create their company, they were faced with a staffing problem. When selecting a team, they had not relied on head-hunters, since they thought that they knew best whom they needed. Besides that, the founders of *Intel* would not approve the hiring of any candidate who had not gone through a personal interview either at Noyce's home or in some restaurant. In a relaxed atmosphere, Noyce and Moore would talk to the candidate, evaluating not only his or her professional achievements but also personal qualities. The creators of *Intel* did not promise their future colleagues a higher salary or a more senior position than what they already had. Instead, they radiated confidence that those who joined their company right at the start would not lose in the long run.

The man considered to be Noyce and Moore's best hire was named Andrew Grove, and almost until he died in 2016, he ran *Intel* with an iron hand. Grove's real name was András Gróf. He was born in 1936 in a Jewish family in Hungary, survived the Holocaust and the Second World War, and escaped the "Iron Curtain" in 1956, going to the USA to begin his career as an engineer. He was a stern, pedantic man, but no one could accuse him of lacking a sense of humor. It seemed a bit peculiar to those around him, just like his light Hungarian accent.

In appointing Grove director of production, Noyce and Moore hit the bull's eye. Grove's most important quality was that he always knew what he wanted. Unlike the founders of *Intel*, who constantly generated ideas and liked to experiment, Grove kept his eye on the goal, moving towards it with bullish determination. In addition, he loved order and discipline, and was often bothered by Noyce and Moore's management style. They were men who avoided conflict; and did not like to reprimand. The three of them divided up the management roles: Employees went to Noyce for motivation, and to Moore for technical explanations. They were afraid to go to Grove; he usually appeared on his own and caused a scene when deadlines were missed¹²⁹.

Discipline and understanding one's goals and weaknesses – that is what distinguishes successful start-ups from failures. For example, the success of *Microsoft* was to a large extent built on the fact that its founders – Bill Gates and Tom Allen – had understood since childhood

¹²⁹ Jackson T. Op. cit. P. 10, 31–34.

that they were not all that good at building computers, but they were programming prodigies. It was this understanding that they somehow needed to protect the talents that led them to sign non-exclusive contracts with *Micro Instrumentation Telemetry Systems* (MITS), and later with IBM. This would allow *Microsoft's* programs to become a constant in the world of digital technology, where machines change every few years.

That combination of human qualities became the guarantee of a quick rise at *Intel*. Noyce and Moore believed that it was not ideas or technology that brought success in business – it was people. This became another important characteristic of Silicon Valley: It did not matter how brilliant the idea or the technology was. If the wrong people were involved in implementing it, it would most likely fail.

That leads to the next conclusion: The best work comes from a balance of discipline and the right atmosphere.

Sometime at the end of 1968, an employee came into Noyce's office, rubbing his head in puzzlement. He could not understand how the structure and hierarchy in the company worked. Various people came to him, asking for one thing or another, and he had no idea who he was supposed to listen to. Noyce turned to the board, took a piece of chalk wrote the letter 'X'. Then he drew a big circle around it, drawing several crosses along it, connecting them with lines to the center. Then he turned to the bewildered employee and said that he was 'X' – and the crosses were the people who worked at the company.

Intel's organizing principle was that everyone could talk to everyone else. Any employee could ask anyone he could find for advice or help, not just his immediate supervisor. Within the walls of the company, everyone was equal. The management, even though they had offices, did not feel that they were in a privileged position. Noyce, Moore, and other founders of *Intel* did not even have reserved parking spaces. Moore and Noyce thought that such a democratic approach would allow people to feel free, and would stimulate creativity¹³⁰.

This confused newcomers, since it fundamentally differed from what was usual in corporate culture on the Eastern seaboard. In companies like IBM or *Bell Labs* in the 1960s, the structure was very conservative. Everyone had to wear a jacket and tie, and climb the corporate ladder. At *Intel*, everything was different. Tom Wolfe, Jr., a famous journalist and writer, would later say "This wasn't a corporation... it was a congregation". He was right: *Intel's* organization was more like a religious community of like-minded people. Noyce was the spiritual

¹³⁰ Ibid. P. 36–37.

leader, who did not tell people what to do, but inspired everyone to achieve¹³¹.

Ann Bowers, *Intel's* personnel director, later remembered:

There were no privileges anywhere. We started a form of a company culture that was completely different than anything had been before¹³².

Bowers would later marry Noyce, and for reasons of ethics was forced to go to another start-up – *Apple*. She would bring the democratic corporate culture with her, and Steve Jobs would adopt it for his own. Implementing it at *Apple*, he would later radicalize it at *NeXT*, which he founded in 1985.

Jobs proclaimed that there were no longer any differences between bosses and employees. There was just a “community” of people who loved their work. At *NeXT* for some time there was no difference between the salary of the management and regular employees. All of them received either \$75,000 or \$60,000 depending on what year they joined the company. The office had an open floor plan. The only office that had doors was Jobs'. While *NeXT* was never very successful, it is impossible not to recognize the influence of ideas that Noyce, Moore, and Grove piloted at *Intel* in the 1960s.

The cultural revolution in the U.S., which also took place during that decade, had a deep influence on Silicon Valley. In 1968, the same year that *Intel* was founded, many events occurred that changed people's world view. The war in Viet Nam caused mass protests in the United States, Martin Luther King, Jr., and Robert Kennedy were assassinated, “Apollo-8” circled the moon for the first time in history, Soviet forces invaded Prague and in France, students with Molotov cocktails in their hands were demanding that the government resign.

The next year was just as turbulent. To the strains of the Woodstock rock music festival, which became a symbol of the cultural revolution in the 1960s, Neil Armstrong and Buzz Aldrin stepped onto the lunar surface, and the new president, Richard Nixon, announced that he was ready to withdraw troops from Viet Nam. In San Francisco, the entire Bay area was full of hippies, political activists, and young radio enthusiasts, dreaming of creating a successful start-up. They are the ones who would have a key influence on the culture of Silicon Valley in the future.

¹³¹ Wolfe T. Robert Noyce and His Congregation // Forbes. 25 Aug, 1997 [Electronic Resource]. URL: <https://www.forbes.com/asap/1997/0825/102.html> (accessed 22.05.2021).

¹³² Isaacson W. The Innovators: How a Group of Hackers, Geniuses, and Geeks Created the Digital Revolution. New York, 2014. P. 192–193.

Although *Intel* did have a fairly democratic structure within the office, this did not mean that the company's leadership supported the views of radical young people, who were protesting everything on earth. Some of the engineers, who had been hired, however, were very similar to a stereotypical political radical. They wore bell-bottoms, had long hair, and sometimes even went to anti-war demonstrations.

In the second half of the 1960s, many young people in California, under the influence of the New Left, were also caught up in the development of digital technology. They combined activism with computer literacy, speaking out for the freedom to publish and exchange of information, which often led to protests against IBM, the embodiment of "Big Brother".

One of these techno-hippies, Stewart Brand, a graduate of Stanford, published the "Whole Earth Catalog". Brand, who was influenced both by the New Left and by the futurological ideas of Norbert Wiener, laid out in Wiener's book "Cybernetics", called for the creation of a new, just society, where computers would not be used solely by government agencies and big business, but by all people. In 1966, Brand got NASA to take the first photograph of Earth from Space, which symbolized the unity of all people and became a powerful symbol for the anti-war movement.

Many years later, Steve Jobs would acknowledge:

The Whole Earth Catalog... was one the bibles of my generation... It was a sort of *Google* in paperback form, 35 years before *Google* came along: it was idealistic and overflowing with neat tools and great notions¹³³.

Jeff Bezos, the head of *Amazon*, also fell under Brand's influence. As a sign of his gratitude, he donated \$42 million to the *Long Now Foundation*, which Brand established in 1996. One of its main projects was the 10,000 Year Clock¹³⁴.

Another influential techno-hippie was Lee Felsenstein, a pacifist and one of the first hackers. Unlike many of his friends and Brand, he was not interested in acid trips, but was more technically grounded, with a degree in electrical engineering, and more politically savvy, insisting that the success of civil protest depended on how effectively people could communicate with each other. Felsenstein called for a means of exchanging information that could cut out the middle

¹³³ Campbell-Kelly M., et al. Op. cit. P. 234.

¹³⁴ About Long Now // The Long Now Foundation [Electronic Resource]. URL: <https://longnow.org/about/> (accessed 22.05.2021).

man (meaning telecommunications companies.) In 1973, he and some friends created something akin to the Internet called “Community Memory”, which was a networked message board. Access to it was through a terminal installed in a music store in Berkeley¹³⁵.

Today Brand’s and Felsenstein’s ideals are reflected in projects like *Wikipedia* – an online encyclopedia, where everyone not only can write an article; but correct others’ mistakes. Created for free, it is an example of a non-commercial project that exists for one purpose – distributing information and educating people.

Another good example is the *GNU/Linux* operating system, which is also a non-profit project. It was created by Linus Torvalds, who wrote its kernel on his home computer at the beginning of the 1990s, then put it on the Internet, never thinking that his brainchild would become a symbol of the fight against the dominance of corporations. *Linux* today is a free, open-source operating system that has numerous versions (called distributions, or distros). In addition, it is used in server systems and supercomputers. Almost every digital user on the planet knows *Linux*: The Android smartphones are built on its kernel¹³⁶.

Faith in *free distribution of information* – this is what prompted young radio enthusiasts and engineers to conduct experiments and make progress. Contacting each other, borrowing and improving on ideas, computer geeks on the cusp of the 1960s–1970s created a new culture in the San Francisco Bay area. Its main characteristic was an *elusive fusion of competition and cooperation*.

An example of this was the structure of the Intel company. All employees were divided into three teams. They designed memory devices, but each team had a different task. Moore called the decision to conduct research in different directions the Goldilocks strategy. On the one hand, Intel made sure that one of the teams would have a breakthrough and come up with an innovative product. On the other hand – the groups were spurred on by the competition, which motivated them to experiment more. Of course, this sometimes led to confrontation not only between the teams; but internally. That was expected: It was up to Moore, Noyce, and Grove to smooth any ruffled feathers and keep up a good atmosphere in the office. The democratic structure within the company led to cooperation: one team’s designs

¹³⁵ *Doub B.* Community Memory: Precedents in Social Media and Movements // CHM Blog. Feb 23, 2016 [Electronic Resource]. URL: <https://computerhistory.org/blog/community-memory-precedents-in-social-media-and-movements/> (accessed 22.05.2021).

¹³⁶ *Campbell-Kelly M., et al.* Op. cit. P. 215, 298–399.

were often useful to another team. Everyone understood that they were all working for the same goal.

If competition and cooperation were just part of the production process at *Intel*, they were part of the ideology to the radio enthusiasts and techno-hippies of Silicon Valley.

Lee Felsenstein showed this by his own example. When the first *Intel* microchips began to appear in the mid-1970s, it became apparent that it would soon be possible to make working computers at home, or in your parents' garage. Following his life philosophy, he came up with the idea of creating a community of young engineers, who, by exchanging their experience in assembling home-made computers, could speed up the development of a real computer, capable of giving IBM a run for its money. That was how the Homebrew Computer Club was formed.

The people who came to the meetings of the club were quite varied – from acid revolutionaries and hippies to eyeglass-wearing geeks and radio enthusiasts. They demonstrated their models for microcircuits, their calculators, some even brought machines that almost worked. But in general, this motley crew argued about the future of the computer industry and the newest publications in *Popular Mechanics* magazine, which for the Homebrew Computer Club was something like *Rolling Stone* for rock-music fans. Felsenstein brought a new wonder-device to the first meeting which was the quintessence of his philosophy – the *Altair 8800*¹³⁷.

This computer was the starting point in the history of the two most influential digital corporations in modern times – *Microsoft* and *Apple*, whose development is inextricably intertwined. For a long time, they worked together quite productively. Later, their relation turned to one of harsh competition, stimulated by the differences in their business models.

Which is better: to make a personal computer with interchangeable parts and upgrades, or should you supply a ready-made product, whose configuration cannot be changed? In other words, which type of computer architecture is preferable – closed or open?

This problem is actually deeper than it might seem. First, it is tied to the start-up ideology. Lee Felsenstein recalled at the beginning of the 1970s, referring to his friend, programmer Efrem Lipkin: “Efrem said if people get their hands on, it they will break it”¹³⁸. Felsenstein himself thought that computer manufacturers should indulge their customers' wishes and let them root around inside the machine. Free-

¹³⁷ Ibid. P. 237–340.

¹³⁸ Isaacson W. Op. cit. P. 302.

dom of information distribution affected technology, too. The activists of Silicon Valley were convinced that the workings of a computer should not be secret. Access should be guaranteed; otherwise, the digital revolution lost all meaning.

When the personal computer era began, it was Steve Jobs who embodied the first approach – closed architecture. Jobs had created all *Apple II* devices so that you couldn't even open them without a special tool. This approach had its own logic: In Jobs' view, an ordinary customer should have no interest in what was inside the computer, as long as it worked quickly and without errors. In addition, he insisted that the *Macintosh* should produce the same esthetic effect as a *Porsche*. In other words, *Apple* was trying to sell people a certain lifestyle.

At IBM, they had a very different philosophy. The launch of their personal computer in 1981 heralded the triumph of open architecture. The IBM-PC could be opened, taken apart, cleaned and upgraded almost without effort. The *Windows* operating system, which has been standard in computers since 1985, while not giving the same esthetic pleasure as the *Macintosh*, was more versatile. It turned out that people liked puzzles and erector sets. Steve Jobs was fired from his own company, and in the second half of the 1980s, *Apple* plunged ever deeper into crisis.

This did not mean the end of Jobs' career. After being fired he founded the *NeXT* company, helped create the animation film studio *Pixar*, and then returned to *Apple* in triumph. An important characteristic of the start-up culture is the limitless, unstoppable, *all-encompassing enthusiasm and the ability to overcome all obstacles* on the road to success.

In this sense, one of the most outstanding start-uppers, who could not be deterred by any failure, would be Ed Roberts. He was not a great engineer, but he was a constant fountain of ideas. It was people like this who would determine the development trajectory of the IT-industry in the Bay area. Roberts was born in 1941, and up until his firm, MITS; launched the *Altair 8800*, he had started and shut down numerous start-ups. By the age of 35, he had managed to create a couple of firms; as well as to supply the electronics for Christmas store window displays. One of his companies sold "Do-It-Yourself" kits to make tracking systems for model rockets. Another company made calculators for geeks – they came disassembled for those who liked to mess around with electronics. Finally, the *Altair 8800* was the success of his lifetime. In 1977, he sold the company for \$5 million, at the height of his fame, and became a small-town doctor¹³⁹.

¹³⁹ Altair 8800 – Complete History of the MITS Altair 8800 // The History of Computing [Electronic Resource]. URL: <https://history-computer.com/altair-8800-complete-history-of-the-mits-altair-8800/> (accessed 22.05.2021).

Some start-uppers were satisfied with one success, while others found a special pleasure in overcoming difficulties, returning again and again to the game.

By the beginning of the 1980s, *Intel* had become a world leader in the manufacture of memory microchips. Its rivals were not asleep at the switch. Competition came not just from American producers, but from the Japanese, who had been able to make the microchips much more cheaply, and were strangling Intel by dumping its products. *Intel* had to sell its product at a loss, just to keep the factories running, and wait until the Japanese gave up. Unfortunately, things got worse. By the beginning of 1985, Noyce, Moore and Grove were thinking about leaving the company, because they saw no way out. In the middle of the year, however, they had a conversation that turned everything around 180 degrees. Grove recalls:

We [with Gordon Moore] were discussing our quandary. Our mood was downbeat. I looked out the window at the Ferris wheel.., then I turned back to Gordon and I asked, ‘If we got kicked out, and the board brought in a new CEO, what do you think he would do?’ Gordon answered without hesitation, ‘He would get us out of memories’. I stared at him, numb, then said, ‘Why shouldn’t you and I walk out the door, come back and do it ourselves?’¹⁴⁰

This episode became standard in all business textbooks. The moment when a company comes up against a changing context and has to make a decision that affects its existence, Grove called “the Strategic Inflection Point”. If the correct decision is made, the business will begin a new round of success and it will prosper; if not – it will fail¹⁴¹.

In the summer of 1985, Grove and Moore made the right decision: They simply stopped making memory microchips, switching to processors. Their decision led to a massive reduction in their workforce and a flood of criticism, but their previous experience showed that was the only possible way to keep the corporation afloat.

Unfortunately, not all successful start-ups make the right decision at that “Strategic Inflection Point.” Some examples of this are *MySpace*, which could not stand up to the competition from *Facebook*, and the video service *Vine*, whose functions were taken over by *Insta-*

¹⁴⁰ Belludi N. Intel’s Andy Grove on Looking at Problems from an Outsider’s Perspective // Right Attitudes. March 28, 2017 [Electronic Resource]. URL: <https://www.rightattitudes.com/2017/03/28/outsider-perspective/> (accessed 22.05.2021).

¹⁴¹ Jackson T. Op. cit. P. 253–254.

gram and *Twitter*. Most projects developed in Silicon Valley have an unenviable fate. Only a few reach success, and even fewer can keep and develop it.

Today, Silicon Valley includes thousands of companies. There are huge corporations like *Intel*, *Google*, and *Apple*, as well as small firms that, just as in the era of the first personal computers, are housed in small houses and garages.

It was William Shockley who kicked off the start-up ecosystem in the San Francisco Bay area, when he opened his semiconductor lab in Palo Alto in 1956. The proximity to Stanford, one of the foremost technical institutes in the U.S., the free-wheeling culture of San Francisco and the climate were all conducive to the growth of enterprises. The company that served as “mother” to all the start-ups in Silicon Valley was *Fairchild Semiconductor*, founded by a group of engineers from Shockley’s team. They were called “the Traitorous Eight”.

Fairchild’s employees in one way or another were responsible for the establishment of the overwhelming majority of corporations that are in Silicon Valley today. The most famous and influential of them in the present day is *Intel*, whose microprocessors are the heart of today’s computers, smartphones, and other digital gadgets.

It was *Intel* that laid the foundation for today’s start-up culture. Its creators used the private investment to set up the company, without promising quick success. This gave rise to venture capital funds, without which it would be impossible to imagine Silicon Valley today. They invest money in promising start-ups at various stages of their development, expecting that they will make money if the project “takes off”.

The success of an enterprise depends, largely, on how well the managers understand their task. Defining goals and being disciplined in attaining them are the necessary elements of success.

On the other hand, the creators of *Intel* – Robert Noyce, Gordon Moore, and Andrew Grove – set great store by human capital. They thought that you had to hire the best specialists, but you also had to pay attention to personal qualities. The democratic atmosphere inside the company allows employees to feel free, and they can achieve more. This approach differs greatly from the old model, common on the East Coast, where relationships inside the company were very conservative and hierarchical. In the future, *Intel*’s principles would be adopted by all the companies of Silicon Valley. Internal democracy combined with discipline became the standard of the new corporate culture.

The birth of Silicon Valley coincided with the “turbulent sixties”, which could not help but be reflected in the internal spirit of

the start-ups. Three components were combined in their ideology: the radicalism of the hippies, the love of freedom of the political activists, and the eccentricity of the radio enthusiasts and novice programmers.

The residents of the San Francisco Bay area who had taken part in the digital revolution wanted to free themselves of the strictures that society imposed on them. They demanded freedom of information distribution, they dreamed of a future where computers would make all people equal, but they did not give up their individuality.

This mixture of ideas would become the foundation for another characteristic of start-up culture: competition and cooperation. Freedom of information and the desire to achieve success led to an ecosystem where novice programmers and engineers borrowed ideas from one another, improving and adapting according to their needs. On the one hand, this led to more rapid digital progress overall. On the other hand, not all start-ups were successful, and more established companies were able to stand the test of time. Statistics show that approximately 75% of projects fail.

Nevertheless, Silicon Valley continues to attract young people from all over the world. It is, today, the quintessence of “the American Dream”. It is a place where the most ambitious projects can become a reality.

As in the 19th century, America in the 21st century stirs hearts and minds. People dream of America, they argue about it, they keep talking about it. What is the secret of America’s success? Perhaps it is that Americans know the value of truly great ideas and are not afraid to bring them to life. Business and enterprise in America have always gone hand in hand with inventions and discoveries.

Just about 150 years ago, lone innovators are fueling technical progress in the U.S. Everyone knows the names Elon Musk, Jeff Bezos, Sergei Brin, and Larry Page. Like the entrepreneurs of the 19th century, their success depends on their enthusiasm and their desire to overcome all difficulties. Such an approach cannot fail to win.

Today there are more than 6,000 start-ups in the Bay area. Every week, 50 new companies are created. Maybe yours will be next?

Further Reading

Berlin L. Troublemakers. Silicon Valley’s Coming of Age. New York, 2017.
Campbell-Kelly M., Aspray W., Ensmenger N., Yost J.R. Computer: A History of the Information Machine. 3rd ed. Boulder, 2014.

Carreyrou J. Bad Blood: Secrets and Lies in a Silicon Valley Startup. New York, 2018.

Fisher A. Valley of Genius: The Uncensored History of Silicon Valley (As Told by the Hackers, Founders, and Freaks Who Made It Boom). New York, 2018.

Isaacson W. The Innovators: How a Group of Hackers, Geniuses, and Geeks Created the Digital Revolution. New York, 2014.

Jackson T. Inside Intel. London, 1997.

Livingstone J. Founders at Work: Stories of Startups' Early Days. New York, 2017.

Об авторах

Журавлева Виктория Ивановна, доктор исторических наук, профессор, завкафедрой американских исследований факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия.

Морозова Ирина Васильевна, доктор филологических наук, профессор кафедры сравнительной истории литератур, Институт филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия.

Окунь Александр Борисович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П. Королева, Самара, Россия.

Панов Антон Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры американских исследований факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия.

Прокопенков Георгий Юрьевич, кандидат исторических наук, выпускник историко-филологического факультета РГГУ по программе американистики (специалист по истории, культуре и литературе США), в настоящее время сценарист и продюсер теле- и интернет-проектов, Москва, Россия.

Цветков Иван Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры американских исследований факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

Цветкова Наталья Александровна, доктор исторических наук, Ph.D. (Social Sciences), профессор, завкафедрой американских исследований факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

About the authors

Zhuravleva Victoria I., Dr. of Sci. (History), Professor, Chair of the Department of American Studies, Faculty of International Relations, Political Sciences, and Area Studies, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

Morozova Irina V., Dr. of Sci. (Philology), Professor at the Department of Comparative Studies of Literature, Institute for Philology and History, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

Okun Aleksandr B., Cand. of Sci. (History), Associate Professor at the Department of World History and International Relations, Faculty of History, Samara National Research University, Samara, Russia.

Panov Anton S., Cand. of Sci. (History), Associate Professor at the Department of American Studies, Faculty of International Relations, Political Sciences, and Area Studies, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

Prokopenkov Georgy Yu., Cand. of Sci. (History), graduated American Studies Program at the Faculty of History and Philology of the Russian State University for the Humanities, at present is a screenwriter and a producer for TV and Internet shows, Moscow, Russia.

Tsvetkov Ivan A., Cand. of Sci. (History), Associate Professor at the Department of American Studies, Faculty of International Relations, St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.

Tsvetkova Nataliya A., Dr. of Sci. (History), Ph.D. in Social Sciences, Professor, Chair of the Department of American Studies, Faculty of International Relations, St. Petersburg State University, St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.

Discover the United States of America: Lecture Courses: In two books. Book 1 / Zhuravleva V.I., Morozova I.V., Okun A.B., Panov A.S., Prokopenkov G.Yu., Tsvetkov I.A., Tsvetkova N.A.; Ed. by V.I. Zhuravleva. Moscow: RGGU/RSUH, 2023. 1 PDF file: 1009 p. Text: electronic.

ISBN 978-5-7281-3096-3

ISBN 978-5-7281-3097-0 (Book 1)

These lectures both in Russian and English languages have been prepared by American Studies specialists from the Russian University for the Humanities, St. Petersburg State University, and Samara University. Instead of a dichotomic picture of the U.S. past and present, the authors offer their readers a frank conversation about America's journey along the path of self-improvement that is still far from being complete; they also discuss the merits and faults of the American development model in its various dimensions from inter-racial and inter-ethnic relations to relations between people, society, and authorities, to history of technologies and business, to its fiction, literature, and consumer culture with their distinct flair. The advantage of these lectures is that, instead of being structured chronologically, they adopt a cross-cutting subject-based temporal approach, which helps readers form an integral view of the main trends in the development of America, a country with many faces. The material is presented in an easily accessible form and supplemented with a bibliography, videos, and podcasts, making these courses appealing not only for regional studies and international relations students, but also for a broad readership interested in developing an objective understanding of what Americans are and what the United States of America is.

Открой Соединенные Штаты Америки: Курсы лекций: В 2 кн.
О-83 Книга 1 / Журавлева В.И., Морозова И.В., Окунь А.Б., Панов А.С., Прокопенков Г.Ю., Цветков И.А., Цветкова Н.А.; Под ред. В.И. Журавлевой. М.: РГГУ, 2023. 1 файл PDF: 1009 с. Текст: электронный.

ISBN 978-5-7281-3096-3

ISBN 978-5-7281-3097-0 (Кн. 1)

Лекции на русском и английском языках подготовлены профессиональными американистами РГГУ, СПбГУ и Самарского университета. Авторы предлагают вниманию читателя не дихотомическую картину прошлого и настоящего США, а честный разговор о том, как эта страна двигалась по пути самосовершенствования, который далек от своего завершения, о достоинствах и недостатках американской модели развития в ее различных составляющих, начиная с межрасовых и межэтнических отношений, взаимодействия между человеком, обществом и властью, историей технологии и бизнеса и заканчивая своеобразием литературы, массовой популярной и потребительской культуры. Бесспорное достоинство курсов состоит в том, что они опираются не на хронологический, а на сквозной проблемный принцип, способствуя формированию у читателя целостного представления об основных трендах развития многоликой страны.

Изложенный в популярной форме материал, который сопровождается списком литературы для дальнейшего изучения, видеороликам и подкастами, будет интересен не только студентам-регионоведам и международникам, но и всем тем, кто стремится составить объективное представление о том, кто такие американцы и что такое Соединенные Штаты Америки.

УДК 94(73)(075)
ББК 63.3(7Сое)я73

Электронное издание

Открой
Соединенные Штаты Америки

Курсы лекций

В двух книгах

Книга 1

Оформление обложки *А.А. Кравченко*

Редактор *Т.А. Плиева*

Корректор *А.А. Леонтьева*

Компьютерная верстка *Е.Б. Рагузина*

Подписано к использованию 26.12.2022

Уч. изд. л. 58,0.

Заказ № 1637

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rsuh.ru

DISCOVER THE UNITED STATES OF AMERICA **I**